В.В.ТРЕПАВЛОВ

История Ногайской Орды

GOA
DAMASCUS
IERUS ALEM
ASIA
with the Islands adioyning described, the atire of the people, & Townes of importance, all of them newly augmented by I: S: Ano. Dom: 1626
PART
OF
THE TARTA
EUROPA
Nova Zembla
SAMOIEDA
TARTARIA
The Euxine Sea
The Caspian Sea
NATOLIA
Astracan
Cazan
Colmak
Cavona
Tumen
Kithai lake
Karkithay
Zagathay
Balburt
Part Cyprus
The Iland Tartata stiab Pleneties but as yet un knowne

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В.В.ТРЕПАВЛОВ

История Ногайской Орды

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2002

УДК 94(100)"05/..."
ББК 63.3(2)44
Т66

Данное издание выпущено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия

Ответственный редактор
М.А. Усманов

Редактор издательства
Л.С. Ефимова

Трепавлов В.В.
Т66 История Ногайской Орды. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. — 752 с.
ISBN 5-02-018193-5

Книга посвящена истории крупного средневекового государства, располагавшегося на территории современных России и Казахстана, — Ногайской Орды, которая возникла в ходе распада Золотой Орды в XV в. и прекратила существование в первой трети XVII в. Подробное исследование политической истории ногайской державы сопровождается очерками по отдельным проблемам: территория, население, экономика, культура и т.д.

Рассматриваются связи Ногайской Орды с соседними государствами и народами, в том числе с татарскими и среднеазиатскими ханствами, Казахским ханством, Турцией, Кавказом. Специальный очерк отведен характеристике ногайско-русских отношений. В приложении даются генеалогические схемы мангытской знати — правящего клана ногаев.

Исследование выполнено на основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также восточных и западноевропейских источников, русских летописей и других документов.

ББК 63.3(2)44

Научное издание

***Трепавлов** Вадим Винцерович*
ИСТОРИЯ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Художник *Э.Л.Эрман*. Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *Е.И.Крошкина*. Компьютерная верстка *Е.В.Катышева*

ЛР № 020297 от 23.06.97
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 47,0. Усл. кр.-отт. 47,0
Уч.-изд. л. 51,4. Доп. тираж. Изд. № 7928. Зак. № 4818

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018193-5

Посвящаю
светлой памяти моего учителя
Сергея Григорьевича Агаджанова (1928–1997)

О сильна, древняя держава,
О матерь нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!..
Твои народы расточенны,
Как вихрем возмятенный прах...
И.Дмитриев. «Ермак» (1794)

Предисловие

Ногайская Орда, располагавшаяся на территории левобережья нижней Волги, Южного Урала, Западного и Центрального Казахстана, в конце XV – XVI в. была одной из ведущих политических сил Евразии. Апогей ее могущества пришелся на вторую четверть XVI столетия, после чего происходит постепенное ослабление ее и в конце концов распад.

Многочисленное население, огромное конное ополчение, дипломатическое искусство правителей, контроль над торговыми путями — эти и другие факторы превращали заволжскую Орду в важнейший фактор международных отношений позднего средневековья. С мнением ее правителей-биев и наиболее влиятельных аристократов-мирз считались в Москве и Бахчисарае, перед ними заискивали татарские правители Казани, Астрахани и Сибири. Казахское ханство долгое время находилось в зависимости от ногаев.

Цель нашей книги — осветить все важнейшие аспекты истории Ногайской Орды. Для этого после обзоров источников и литературы подробно рассмотрено ее политическое развитие, а затем дана серия очерков, отражающих различные стороны жизни средневековых ногаев, — историческую географию, этнический состав и численность населения Орды, экономику, государственность, культуру, отношения с Россией. Для исследования были привлечены хроники и акты, написанные в разных странах и на разных языках, но главной источниковой базой послужили фонды Российского государственного архива древних актов, где хранится обширная ногайско-русская дипломатическая переписка.

Ногаи — жители Ногайской Орды — известны под этим именем в большинстве источников, в частности русских. Мы тоже будем называть их так, а их потомков, расселившихся от Эмбы до Дуная, в том числе современный народ на Северном Кавказе, — ногайцами. Самые ранние упоминания ногаев и Ногайской Орды («Нагаев» в территориальном значении) встречаются в русских источниках — летописях и посольских книгах — под 1479, 1481 и 1486 гг., в западноевропейских — на карте Мартина Вальдзеемюллера 1516 г. и в письме польского короля Сигизмунда I крымскому хану Менгли-Гирею 1514 г., в восточных — в грамотах крымских ханов и сановников государям Польши и Руси 1500, 1510 и 1516 гг.[1].

В передаче тюркских имен мы следуем написанию, которое является наиболее устоявшимся в российской исторической науке: Мухаммед (а не Мухаммад, Мехмед), Ахмед (а не Ахмад, Ахмет) и т.д. Сокращенные или искаженные диалектные варианты имен, как правило, развертываются до полной формы и передаются в первоначальном написании: Шейх-Мухаммед вместо Шихима, Хаджи-Мухаммед вместо Кошума, Хаджи-Ахмед вместо Хаджике, Касим вместо Касая и т.п. Исключение сделано лишь для имени «Мамай» (стяженное «Мухаммед») — из-за того, что, во-первых, к XVI в. оно уже функционировало самостоятельно, во-вторых, в Ногайской Орде одновременно действовали братья-мирзы Шейх-Мухаммед и Шейх-Мамай, и восстановление второго из имен внесло бы путаницу в повествование. Для облегчения стиля изложения иногда применяются также русские отеческие и родовые обозначения для ногайских кланов: потомки Шейх-Мамая — Шихмамаевы, Шихмамаевичи, потомки Ураз-Мухаммеда — Урмаметевы, Юсуфа — Юсуповы, Юсуфовичи; тем более что данные языковые формы повсеместно фигурируют в русских средневековых текстах.

При отсутствии в источнике указаний на месяц, когда произошло описываемое событие, мы употребляем двойное обозначение годов, связанное с датировкой по хиджре (934/1527-28) или с допетровским началом года с 1 сентября (7085 (1576/77).

При работе с различными документами и материалами по ногайской истории большую помощь советами и консультациями оказали С.Г.Агаджанов, О.Ф.Акимушкин, М.И.Ахметзянов, Н.Е.Бекмаханова, Ю.Э.Брегель, И.Вашари, В.М.Викторин, А.В.Виноградов, Л.Л.Галкин, А.А.Горский, В.Я.Гросул, Д.Девиз, Р.У.Джуманов, А.Ю.Жуков, И.В.Зайцев, И.Л.Измайлов, Д.М.Исхаков, Б.А.Кельдасов, Р.Х.Керей-

[1] Утвердившийся в литературе тезис М.Г.Сафаргалиева, будто первое упоминание ногаев в мусульманских источниках относится к концу XVI в. и содержится в хронике Дженнаби (Сафаргалиев 1960, с. 226), таким образом, должен быть пересмотрен. Параллельно с термином «ногай» в этих памятниках использовался синонимичный термин «мангыт».

тов, В.А.Кореняко, Н.Н.Крадин, Р.Г.Кузеев, В.А.Кучкин, А.В.Малов, Н.М.Мириханов, Ш.Ф.Мухамедьяров, А.М.Некрасов, В.В.Плахов, Д.Прайор, Н.М.Рогожин, Г.А.Санин, В.П.Терехов, Ю.А.Тихонов, М.А.Усманов, Е.Б.Французова, М.К.Юрасов, А.А.Ялбулганов, А.А.Ярлыкапов. Постоянное внимание и поддержку оказывала Администрация Ногайского района Республики Дагестан (А.М.Аджиев, З.А.Кош-такова, Р.Т.Мурзагишиев, К.Э.Янбулатов). Всем им выражаю искреннюю благодарность и надеюсь, что наше сотрудничество завершилось достойным результатом — первой в науке «Историей Ногайской Орды».

Май 1999 г.

Историография ногаев

Научный интерес к истории ногайцев возник в конце XVIII в., когда они, эти бывшие крымские и османские подданные, вошли в состав Российской империи. Своеобразная их организация (деление на Орды), поиск способов управления множеством кочевых улусов[1] вызвали необходимость изучения исторических корней ногайцев, обстоятельств их появления в Причерноморье и на Северном Кавказе. Этому способствовала и любознательность императрицы Екатерины II, желавшей иметь полное представление о новоприсоединенных народах. Ни у кого не возникало сомнений, что ногайцы XVIII в. являются потомками жителей Ногайской Орды — восточной соседки России в прошлом. Об этом государстве знали российские ученые, которые к тому времени уже начали осваивать огромный корпус источников по русской истории.

Литература XVIII–XIX вв. Накопление материала. Впервые ногайские сюжеты в истории России и российской внешней политике отметил М.М.Щербатов. В своей «Истории российской от древнейших времен» (издавалась в 1770–1791 гг.) при изложении международных связей Москвы в конце XV – XVI в. он привлек документы Ногайских дел из тогдашнего архива МИД (в приложениях приведены обширные выписки из посольских книг по связям с Ногайской Ордой).

Цельная же картина ногайско-русских отношений стала вырисовываться с выходом двенадцатитомной «Истории государства Российского» (1816–1829) Н.М.Карамзина. Автор отвел много места контактам Руси с ногаями. Превосходный знаток источников, он определил время начала активного взаимодействия — 1481 г., когда сибирско-ногайское войско разгромило ордынского хана Ахмеда, недавно вернувшегося с бесславного «стояния на Угре» (Карамзин 1989, т. 6,

[1] Улус — многозначный термин. В настоящей работе обычно употребляется в значении «кочевая община», а также «удел, данный в управление»; обособившиеся улусные уделы представляли собой самостоятельные политические образования (Улус Джучи, Казыев улус и т.п.). См. также очерк 4 нашей книги.

с. 100). Ногайская Орда рассматривалась в труде Н.М.Карамзина как полноправный участник международных отношений позднего средневековья. Историк установил факт распада этой державы во второй половине XVI в. на Большую Ногайскую, Малую Ногайскую и Алтыульскую Орды, подкрепил своим авторитетом уже бытовавшую в литературе версию о происхождении этнонима «ногай» от имени монгольского военачальника Ногая[2]. Впервые была названа правящая иерархия Орды — бий («князь»), нурадин, кековат, тайбуга (Карамзин 1989, т. 11, с. 49, 50). Вместе с тем сопредельные с Россией тюркские владения (за исключением, может быть, Золотой Орды) выступали в карамзинском сочинении лишь как фон для описания собственно русской истории. Татарские и ногайские Орды и Юрты[3] исследователь считал враждебной силой, объектом борьбы православной монархии и ведомого ею народа. Изучение мусульманских государственных образований на территории будущей Российской империи не входило в его задачи, отчего в изображении их устройства и политики не удалось избежать ошибок, например отождествления Орд Синей, Большой и Ногайской (Карамзин 1989, т. 5, с. 196, 199).

Очередной вехой в познании истории России и в какой-то степени вошедших в нее народов стала «История России с древнейших времен» (1851–1879) С.М.Соловьева. Ему принадлежит приоритет в анализе внутреннего состояния Ногайской Орды, особенно в середине – второй половине XVI в., ее кризиса и распада в начале XVII в. С.М.Соловьев внимательно изучил и описал нюансы московской политики по отношению к заволжским кочевникам, которых он, впрочем, тоже рассматривал скорее как фон, неизбежное и неприятное препятствие на пути Российской державы к славе и величию. Соответственно и отношение его к этому фактору русской истории складывалось пренебрежительное. «Нам не нужно следить в подробности за сношениями московского правительства с ногайскими князьями по однообразию этих сношений», — писал С.М.Соловьев, подразумевая постоянное якобы выклянчивание у царей подарков биями и лояльность последних только в зависимости от суммы жалованья (Соловьев 1989а, с. 466). И тем не менее сочинение С.М.Соловьева остается крупнейшей и наиболее информативной сводной работой по российскому средневековью.

На ногаев обращали внимание авторы первых обобщающих работ по истории Сибири, что было связано с местной татарской и — вслед за ней — историографической традицией, которая приписывала ногаям решающее значение в основании Сибирского ханства. Г.Ф.Миллер

---

[2] До сих пор данная версия широко распространена в науке, однако она не имеет никакого подтверждения ни в средневековых текстах, ни в фольклоре.

[3] Юрт — 1) территория кочевания; 2) политическое образование, возглавляемое ханом или беком (в таком же значении иногда употребляется термин «улус»).

(«Описание Сибирского царства», 1750) и И.Э.Фишер («Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием», 1774) приводили различные фольклорные сюжеты по этому поводу, а свои повествования об участии ногайских мирз в борьбе хана Кучума и Кучумовичей с русскими воеводами в конце XVI — начале XVII в. снабжали ссылками на архивохранилища. Г.Ф.Миллер обнаружил множество царских грамот и воеводских отписок с упоминаниями многочисленных сибирско-татарских и ногайских аристократов. Но поскольку у него было довольно поверхностное представление об истории Дешт-и Кипчака, то эти персонажи в его изложении действовали вне связи с общей политической ситуацией, сложившейся между Волгой и Иртышом. И.Э.Фишер имел полное основание констатировать, что «о ногаях не имеем мы порядочной истории» (Фишер 1774, с. 90).

Это высказывание на протяжении многих десятилетий оставалось истинным. Средневековым ногаям не довелось стать главным объектом исследования ни у одного историка XVIII–XIX вв. Но все равно благодаря региональным штудиям в изучении Ногайской Орды наметился своеобразный перелом. Рассматривая прошлое территорий, некогда связанных с нею исторически, ученые поневоле должны были обращаться к соответствующим проблемам. Тем более что после появления книг Н.М.Карамзина и С.М.Соловьева стало ясно, насколько принципиальными для российского правительства были отношения с ногаями во время присоединения Поволжья.

В 1877 г. вышла монография Г.И.Перетятковича «Поволжье в XV и XVI вв.», через пять лет — ее продолжение: «Поволжье в XVII и начале XVIII в.» (Перетяткович 1877; Перетяткович 1882). Международные и межэтнические отношения в регионе средней и нижней Волги впервые получили детальное освещение. Автор попытался разобраться в улусной системе Орды, взаимоотношениях различных группировок мирз, их ориентации на Москву или Бахчисарай со Стамбулом; много места уделено смуте 1550-х годов и кровавой карьере бия Исмаила — союзника Ивана IV в экспансии против Казани и Астрахани. Гораздо меньше говорится у Г.И.Перетятковича о внутриполитической истории Ногайской Орды и о ее распаде. В первой из названных книг имело место настоящее открытие: автор обнаружил и документально подтвердил факт основания Самары, Саратова и Царицына на главных ногайских переправах через Волгу (для предотвращения набегов на русские «украйны», а также по просьбе правителя Орды Исмаила — во избежание оттока подданных) (Перетяткович 1877, с. 282–288, 310–321).

Другому региону, теснейшим образом связанному с Ногайской Ордой, — Крыму, посвятил ряд исследований В.Д.Смирнов. Для нашей темы имеет значение «Крымское ханство под верховенством

Оттоманской Порты до начала XVIII века» (Смирнов В. 1887). В.Д.Смирнов почти не использовал материалы русских архивов, но привлек много восточных рукописей — османских и крымских, в том числе ввел в научный оборот хронику Реммал-Ходжи «Тарих-и Сахиб-Гирей-хан». Поэтому до сих пор его работа незаменима для историков, не имеющих возможности читать мусульманские манускрипты в подлиннике. Отношения Крымского ханства с ногаями складывались непростые, часто враждебные, но В.Д.Смирнов не стал их подробно описывать. Основной упор в том, что касается ногаев, он сделал на их крымских «соплеменниках» — роде Мангытов — Мансур-улы, одном из ведущих аристократических кланов Крымского юрта, а также на тех, которые переселились из-за Волги во владения Гиреев. Хотя ссылки на историю тюркских Юртов, соседних с Крымом, весьма скудны, данный труд показал перспективность восточных источников для их изучения[4].

Параллельно с профессиональными научными трудами в последней четверти XIX — начале XX в. появляются сочинения национальных просветителей, историков-самоучек, представителей нарождавшейся тюркской (прежде всего татарской) интеллигенции. Хади Атласи, Шигабутдин Марджани, Гайнутдин Ахмаров, Газиз Губайдуллин, Шакарим Кудайберды-улы и другие описывали историю казанских и сибирских татар, волжских булгар, башкир и казахов, опираясь главным образом на труды русских историков, русские летописи, тюркский фольклор и немногие доступные им арабописьменные исторические документы (в особенности см.: Марджани 1884; Марджани 1989), а также на народные генеалогии-шеджере. В настоящее время эти работы научной ценности почти не имеют и служат свидетельствами определенного (начального) этапа становления национальных историографий Поволжья и Казахстана.

Лишь единичные представители тюркских народов смогли попасть в среду научной элиты империи. Среди таких ученых был казахский аристократ Чокан Валиханов. Изучая эпические сказания казахов и киргизов, он обнаружил в них, во-первых, многочисленные воспоминания о времени пребывания предков этих народов в стране Ногайлы как о героической эпохе, «золотом веке»; во-вторых, удивительную общность сюжетов и персонажей так называемого ногайского эпического цикла у разных народов, особенно в дастане об Эдиге[5]. В многочисленных статьях Ч.Валиханов делился своими наблюдениями по

---

[4] Ту же функцию выполнили публикации В.В.Вельяминова-Зернова и В.Г.Тизенгаузена (Вельяминов-Зернов 1863; Вельяминов-Зернов 1864; Материалы 1864б; СМИЗО, т. 1).

[5] Эдиге — ногайское произношение имени. В русских письменных источниках оно передаётся как Едигей, в мусульманских — как Эдигу, Эдюгю, Идигу, Идику, в памятниках фольклора — Идыге, Идике, Идигей и т.п.

этому поводу и высказал догадку о тесных связях, когда-то существовавших между казахами и ногаями. В поисках этих связей он обратился к произведению Кадыр Али-бека Джалаира «Джами ат-таварих» (начало XVII в.), разобрал и перевел его заключительную, оригинальную часть (Валиханов 1904а; Валиханов 1904б; Валиханов 1961а; Валиханов 1961в; Валиханов 1961г; Валиханов 1961д; Валиханов 1964; Валиханов 1968). Очевидно, у казахского исследователя зарождался замысел специальной работы о ногаях (Кочекаев 1975, с. 116), но ранняя смерть прервала его блестящую научную карьеру.

Ногаеведение в 1920–1930-х годах. М.Г.Сафаргалиев. Изучение истории тюркских народов в центральных научных учреждениях страны в 1920–1930-х годах продолжалось усилиями В.В.Бартольда, А.Н.Самойловича, их учеников. Однако ногаеведению «не везло» и тогда. Интересы маститых и начинающих тюркологов находились в стороне от степного Заволжья XIV–XVII вв. Историки же русисты занялись главным образом проблемами собственно русской истории, приводя ее в соответствие с утверждающейся концепцией исторического материализма. Состояние ногаеведения в тот период отражено в небольшой статье 1925 г. Е.И.Чернышева в «Вестнике научного общества татароведения» (Казань). По его заключению, наука оставляет совершенно незатронутыми такие вопросы, как «хозяйственный быт» Ногайской Орды; социальная структура ее; внутренние факторы политического развития, в частности распри и междоусобицы; ногайская внешняя политика и методы ногайской дипломатии. Е.И.Чернышев предлагал коллегам разобраться в иерархии мангытской знати, используя для этого наглядный критерий — степень «чести», оказываемой данному мирзе или его представителям (послам) в Москве. В связи с этим вставала насущная задача изучения русского дипломатического протокола именно касательно ногаев (Чернышев 1925). Таким образом, ни одна важная сфера ногаеведения (за исключением ногайско-русских связей середины XVI в.) не подверглась к тому времени подробному монографическому анализу. Рекомендации Е.И.Чернышева показали, что вывод И.Э.Фишера об отсутствии «порядочной истории» ногайской державы и через полтора столетия сохранял актуальность.

Первой научной работой, напрямую посвященной данному кругу вопросов, стала кандидатская диссертация М.Г.Сафаргалиева «Ногайская Орда в середине XVI века» (Сафаргалиев 1938), защищенная в Московском университете в 1938 г. Магомеду Гарифовичу Сафаргалиеву (1906–1970) принадлежит мировой приоритет в монографическом изучении кочевой империи ногаев[6]. К сожалению, диссертация

[6] Понятие «кочевая империя» по отношению к Ногайской Орде я применяю не фигурально, как эмоциональное определение, а в качестве полноценного научного терми-

осталась неопубликованной, и печатный «выход» ее выразился в единственной статье, изданной через одиннадцать лет после защиты (Сафаргалиев 1949а). Впоследствии ученый, проработавший с 1939 г. до конца жизни в Мордовском педагогическом институте (Саранск), занялся проблемами Золотой Орды, Большой Орды и Астраханского ханства, средневековой истории мордвы.

Место ногайской истории в общем корпусе знаний о прошлом народов России превосходно показано М.Г.Сафаргалиевым во введении к его работе: «Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с „татарским игом", историю крымских и поволжских татар, башкиров, узбеков, казахов и каракалпаков — мы всегда будем сталкиваться с историей Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны» (Сафаргалиев 1938, с. 8). Основное внимание автор уделил внутреннему положению Орды, построив диссертацию в виде проблемных очерков: Образование Ногайской Орды (глава 1), Социально-экономический строй Ногайской Орды (глава 2), Государственный и политический строй Ногайской Орды (глава 3), Сношения ногайцев с соседями (глава 4), Распад Ногайской Орды (глава 5). К исследованию приложена родословная биев и мирз.

Историю Орды автор начинает с мангытского беклербека[7] Эдиге, который якобы положил начало самостоятельному существованию Мангытского юрта (Сафаргалиев 1938, с. 35). М.Г.Сафаргалиевым впервые выделен период второй четверти — конца XV в. как принципиальный этап в истории ногаев, когда они находились в системе элей и улусов[8] распадающейся Кок-Орды. Показана лидирующая роль мангытского эля не только в собственном Юрте на Яике, но и в позднезолотоордынских татарских ханствах (Сафаргалиев 1938, с. 81, 82). Намечены хронология правлений ногайских биев, династические про-

---

на. Если следовать классификации подобных социально-политических образований, разработанной Н.Н.Крадиным (Крадин 1992, с. 166–178; Крадин 2000, с. 314–316), то Ногайскую Орду можно было бы причислить по одним признакам к типичным кочевым империям, по другим — к данническим. Однако история, как обычно, богаче любых схем, и в случае с ногайской державой мы имеем дело скорее со «вторичной» империей, унаследовавшей черты «типичности», «данничества» и т.п. от Монгольской империи и Улуса Джучи. Подробнее см. очерк 4.

[7] Беклербек (правильнее: беклербеги; синонимы: улуг бек, амир ал-умара) — глава правого крыла, верховный военачальник, глава сословия кочевой знати (нойонов, эмиров, беков), иногда фактический соправитель хана. Об этом титуле см.: Егоров 1985, с. 169–172; Трепавлов 1993а, с. 87–89. В территориально-административном отношении Улус Джучи (Золотая Орда) делился на две автономные половины — так называемые крылья. Правое крыло, или Ак (Белая) Орда, занимало земли к западу от реки Яик (Урал); левое крыло, или Кок (Синяя) Орда, — к востоку от нее.

[8] Понятие *эль* (*иль*), как и *улус*, имело несколько значений. В нашей работе под элем подразумевается племенная община — объединение родов определенного кипчакского племени.

тиворечия между различными группировками ногайской знати, приводившие к раздорам. Наконец, была поставлена задача изучения вторичных политических образований, которые выделились из Ногайской Орды, — Казыева и Алтыульского улусов и начато описание их (Сафаргалиев 1938, с. 159, 163).

Общественный строй ногаев М.Г.Сафаргалиев оценивал в полном соответствии с воцарившимся в науке марксизмом, в частности с теорией «кочевого феодализма» Б.Я.Владимирцова: «Ногайская Орда... выступает как общество феодальное, основанное на кочевом феодализме», практически аналогичное древнемонгольскому социуму XII в. (Сафаргалиев 1938, с. 62, 63). Характеристику мирз, улусных людей, рабов он давал в русле этого господствовавшего идейного направления и «классового подхода». В соответствии с постулатами «кочевого феодализма» и общественный строй ногаев изображался как низкоразвитый и примитивный (соответствующий скотоводческому базису). При этом отмечалось, что даже малодейственные, с точки зрения автора, общеордынские органы управления все более утрачивали общенародное значение и уступали место аналогичным структурам в отдельных улусах, которые выходили из подчинения верховному бию (Сафаргалиев 1938, с. 99, 100).

Не со всеми выводами автора можно согласиться. Вызывают возражения отдельные датировки и объяснения событий, генеалогические выкладки и пр. Помимо вынужденной идеологической заданности, вообще присущей работам гуманитарного профиля конца 1930-х годов, причина неточностей кроется в крайней скудости источниковой базы исследования. Список использованных материалов включает 104 наименования — немногие книги и статьи по теме, выпуски «Продолжения древней российской вивлиофики», а из неопубликованных документов — отдельные столбцы 1577–1587, 1601–1608, 1613, 1630 гг. (ссылки на них в тексте единичны) и несколько восточных рукописей. В своей диссертации М.Г.Сафаргалиев поставил ряд важнейших проблем ногаеведения, но историю ногайской державы он так и не отобразил. Очерковая композиция сочинения не позволила ему связно и последовательно изложить ход политического развития Ногайской Орды. Некоторые из ценных выводов, а также, к сожалению, большинство методологических штампов были перенесены им в статью 1949 г. о ногаях второй половины XVI в. и в книгу «Распад Золотой Орды» (Сафаргалиев 1949а; Сафаргалиев 1960).

Ногайская тематика в исследованиях 1940–1960-х годов. А.А.Новосельский. В 1940 г. вышла фундаментальная работа Н.А.Баскакова «Ногайский язык и его диалекты». К исследованию сугубо лингвистического плана прилагались результаты полевых и источниковедческих изысканий автора о структуре ногайского этноса, по большей части XIX–XX вв. (Баскаков 1940). Десятки названий

племенных и родовых групп в составе ногайцев ярко показали сложность этнического состава народа, а следовательно, и постепенность его формирования — и, стало быть, сложность и длительность его истории. Большое научное значение имела и профессиональная научная систематизация Н.А.Баскаковым лексического фонда и грамматики современного ногайского языка. Это позволило определить его место среди прочих языков кипчакской группы, дало возможность приступить к познанию межъязыковых и, значит, межэтнических взаимодействий.

В трудах же по русской истории, созданных в 1940–1960-х годах, Ногайская Орда по-прежнему выступала в качестве объекта московской внешней политики XVI — начала XVII в., одного из тех тюркских послезолотоордынских образований, что якобы плели заговоры против Руси и не упускали случая пограбить ее пограничье. В целом ногаи представали в работах тех лет как враждебная сила, с которой русское правительство иногда вынужденно вступало в тактические соглашения для борьбы с другими Юртами. При этом внутриполитическая ситуация в Ногайской Орде ученых интересовала в последнюю очередь. Подобный подход характерен для книг и статей К.В.Базилевича, Г.Д.Бурдея, И.И.Смирнова, С.О.Шмидта. Оформилась и была подхвачена идея о периодических интригах Стамбула в Восточной Европе, о сколачиваемых им антимосковских коалициях с Крымом и ногаями (Базилевич 1952; Бурдей 1953; Бурдей 1956; Бурдей 1962; Смирнов И. 1948; Шмидт 1954; Шмидт 1961а; Шмидт 1964; Шмидт 1977). Названные подходы утверждались на фоне «борьбы с космополитизмом», сталинских репрессий против целых народов, в том числе и тюркских, разработки теории «наименьшего зла» (по которой вхождение в состав России для населения южных и восточных территорий являлось меньшим злом по сравнению с присоединением к Османской империи или Ирану). В этот непростой для исторической науки период вышла в свет монография А.А.Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (1948 г.).

Профессор Алексей Андреевич Новосельский (1891–1967) работал в московском Институте истории АН СССР и к тому времени уже считался признанным авторитетом в области социальных отношений, сельского хозяйства, организации экономики России XVI–XVII вв. В военные годы он вплотную занялся проблемами русской внешней политики. Результатом изысканий и стала работа «Борьба Московского государства...», защищенная А.А.Новосельским в 1946 г. как докторская диссертация.

Читатели получили наконец подробное изложение истории Ногайской Орды второй половины XVI — первой трети XVII в. Доскональное знание архивных документов (и не только ногайских и крымских

дел) позволили автору передать сложнейшую картину международных отношений и стратегию степной политики Москвы той эпохи. Сплошному изучению подверглись посольские книги и столбцы по связям с Крымом, ногаями, Турцией и др. От внимания ученого не ускользнул практически ни один принципиальный факт контакта России с кочевыми соседями при последних монархах-Рюриковичах, в период Смуты и при первых Романовых. Все заключения в максимальной степени базируются на свидетельствах источников. Несмотря на то что в книге больше места отведено Крымскому ханству, многие вопросы, связанные с Ногайской Ордой, тоже удостоились детального рассмотрения. А.А.Новосельский впервые поставил и решил вопрос о характере подчинения Большой Ногайской Орды Московскому царству. Анализ текстов шертей[9], перипетий посольских миссий, политических мероприятий биев и царей привел его к выводу о временном русском подданстве Орды в середине 1550-х – 1570-х годах, о выходе из подданства в 1580-х и возвращении в него в начале XVII в. (Новосельский 1948а, с. 12–15, 27, 33–40, 57, 60, 65, 94).

Знакомясь с текстами дипломатической переписки, автор уяснил, что верно понять внутренние процессы в ногайских улусах, равно как и их внешние связи, возможно только с учетом разнообразия политической ориентации различных группировок ногайских мирз. Поэтому он разобрал истоки, причины и ход междоусобных распрей в Орде, отобразил состав и интересы противостоящих лагерей знати, а в Приложении поместил составленную им генеалогическую таблицу, чтобы читатели не запутались в калейдоскопе тюркских имен и родовых ответвлений. А.А.Новосельский первым сделал акцент на истории Малой Ногайской Орды (Казыева улуса), которая в конце XVI – XVII в. стала заметным фактором международных отношений. Тщательное следование источникам (на некоторых страницах книги автор просто пересказывает столбцы) привело к заключениям менее глобальным, но тоже принципиальным для ногайской истории — например, о влиянии «Казанского взятия» 1552 г. на усиление борьбы между мирзами (Новосельский 1948а, с. 13); об участии ногаев в антироссийской борьбе поволжских народов в последней четверти XVI в. (Новосельский 1948а, с. 432); втягивании Большой Ногайской Орды в крымско-турецко-иранский узел противоречий (Новосельский 1948а, с. 31); нюансах ногайско-крымских отношений (Новосельский 1948а, с. 28, 100, 101, 186, 187, 248, 249, 283); расселении ногайских мигрантов под Астраханью (Новосельский 1948а, с. 56, 142); борьбе ногаев с калмыками и вытеснении последними основной массы ногаев на левобережье Волги в первой половине 1630-х годов (Новосельский 1948а,

[9] Шерть (*шарт-наме*, от араб. *шарт* — условие, договор) — договор, соглашение, как правило, между государями.

с. 222, 227); отношениях кочевников с астраханскими властями (Новосельский 1948а, с. 44, 45, 138) и многом другом.

При этом, однако, вовсе не жители заволжского Дешта находились в фокусе интересов автора. Он исследовал внешнюю политику России по отношению к тюркским Юртам («борьбу с татарами»), а собственная жизнь Ногайской Орды и Крымского ханства интересовала его лишь в той степени, в какой она влияла на интенсивность набегов. Так ставилась главная цель исследования, и, конечно, некорректно было бы предъявлять А.А.Новосельскому претензии в пренебрежении к изучению связей ногаев с их восточными соседями, экономики Орды и ее общественной структуры, как это делала Е.Н.Кушева (Кушева 1949, с. 84, 85). Огромный объем новых материалов о Ногайской Орде, введенных в научный оборот, не позволяет также согласиться с мнениями К.В.Базилевича и И.П.Петрушевского, будто она изучена А.А.Новосельским как бы походя, только в связи с крымцами (Базилевич 1950; Петрушевский 1952). Но одного замечания данный труд, пожалуй, заслуживает: он целиком построен на источниках из Архива древних актов, без использования не только восточных хроник (они и в самом деле были не очень нужны для той темы), но и большинства публикаций по теме. Единичны ссылки на сочинения европейских путешественников и дипломатов, на разработки историков — предшественников А.А.Новосельского.

Несмотря на неполноту источниковой базы, «Борьба Московского государства...» до сих пор остается своего рода энциклопедией российской внешней политики, международных отношений, истории тюркских Юртов второй половины XVI — первой половины XVII в. Сам автор вполне сознавал значение своей книги в историографии. По воспоминаниям коллег, он был убежден, что она «не заржавеет», имея в виду долговечность исследования, покоящегося на надежном фундаменте архивных документов (Павленко 1975, с. 12). А.А.Новосельский не собирался прекращать работу и готовил продолжение — монографию о «борьбе с татарами» во второй половине XVII в., но завершить ее не успел. В 1994 г. Л.Г.Дубинская и А.К.Панфилова подготовили к печати и опубликовали черновые материалы к этому несостоявшемуся произведению (Новосельский 1994).

Изучение ногайской истории в 1970-х годах. В.М.Жирмунский. Е.А.Поноженко. В 1974 г. ногаеведение получило мощное подкрепление с неожиданной стороны: вышла в свет посмертная работа академика В.М.Жирмунского «Тюркский героический эпос», в которой вопросы истории Ногайской Орды являлись одним из главных исследовательских сюжетов. Ученый дореволюционной школы, основоположник советской германистики Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) бóльшую часть своих многочисленных трудов посвятил истории западной и русской литературы, поэтике, стиховедению,

лингвистике. В 1960-х годах в сферу его научных интересов вошел героический эпос, в том числе тюркский. Среди прочих эпических памятников В.М.Жирмунский обратил внимание на ногайский цикл сказаний о сорока богатырях. Поразительные соответствия имен их персонажей именам исторических деятелей кочевого средневековья побудили его заняться дотоле далекой от него областью знания — изучением документов и сведений о Ногайской Орде, чтобы выявить исторические и фольклорные компоненты эпоса, отделить одни от других. С этой целью В.М.Жирмунский написал несколько работ, главной из которых стала монография «Эпические сказания о ногайских богатырях в свете исторических источников». Конечный вывод автора сводился к тому, что фольклорная интерпретация героев и событий в ногайском цикле крайне мало соответствует реальным историческим прототипам. Но чтобы прийти к такому заключению, ему потребовалось разобраться в деталях взаимоотношений этих самых прототипов.

В.М.Жирмунскому пришлось углубиться в наиболее загадочный период ногайской истории — XV и первую половину XVI в. (т.е. приблизительно до того момента, с которого начал свое исследование А.А.Новосельский). Исходя из своих задач, выдающийся филолог не собирался последовательно излагать историю степной державы. Ему важно было понять, кем в действительности доводились друг другу лица, упоминаемые в сказаниях, происходили ли когда-нибудь в действительности их богатырские походы и битвы, отображенные в эпосе. Отсюда и целью работы объявлялось изучение «фактов династической и военно-политической истории Ногайской Орды» (Жирмунский 1974, с. 434). В анализе лабиринта кланов, клановых ветвей у ногаев и их взаимоотношений состоит дополнительная ценность книги.

В.М.Жирмунский сопоставил десятки вариантов и версий дастана об Эдиге с тем, что было известно об этом деятеле по хроникам. Впервые яркая фигура мангытского беклербека, праотца ногайской знати, получила полное аналитическое биографическое описание. Автор пришел к убеждению, что еще при жизни Эдиге его личность и жизненный путь стали обрастать всяческими легендами и сверхъестественными подробностями (Жирмунский 1974, с. 377, 378). Вместе с тем В.М.Жирмунский не склонен был связывать образование Ногайской Орды с персоной Эдиге и датировать ее образование 1391 г., когда тот уехал от Тимура на Яик. «Самостоятельный союз племен и государственное образование» ногаев, по мнению В.М.Жирмунского, сформировались в начале XV в., одновременно с такими же образованиями кочевых узбеков и казахов.

Большую ценность представляют генеалогические штудии — определение состава и численности ближайшего потомства Эдиге и, глав-

ное, потомства его правнука Мусы (Жирмунский 1974, с. 400, 431), поскольку именно сыновья Мусы возглавляли Орду и боролись между собой на протяжении всей первой половины XVI в. Кстати, определение первого этапа этого противоборства — между Алчагиром и Шейх-Мухаммедом — тоже принадлежит В.М.Жирмунскому (Жирмунский 1974, с. 491) (в нашей работе та коллизия названа первой Смутой). Попутно сделаны тонкие наблюдения над особенностями ногайско-крымских, ногайско-казанских, ногайско-астраханских, ногайско-казахских отношений, иерархии различных ветвей рода Эдиге–Мусы. Одним из главных объектов интереса автора стал мирза Исмаил — в силу однозначно негативного отношения к нему во всех произведениях ногайского эпического цикла. В.М.Жирмунский попытался детально разобраться в причинах усобицы 1550-х годов (второй Смуты).

Хотя отсутствие соответствующей квалификации при работе с чисто историческим материалом и сказалось на качестве работы (были использованы только опубликованные источники; есть ряд фактических ошибок — например, отождествление Мамая б.[10] Мусы с его братом Шейх-Мамаем), огромная эрудиция и интуиция позволили В.М.Жирмунскому создать труд, открывший неизвестную страницу в истории Дешт-и Кипчака.

Таким образом, к середине 1970-х годов имелось несколько фундаментальных работ, на основании которых уже можно было получить представление о формировании, развитии, упадке и распаде ногайской державы — и идти дальше, ставить более узкие и глубокие проблемы.

В 1977 г. в Московском университете состоялась защита кандидатской диссертации Е.А.Поноженко «Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV — середине XVII в.». Она не издана, но основное содержание ее передано автором в автореферате и нескольких статьях (Поноженко 1976; Поноженко 1977а; Поноженко 1977б; Поноженко 1987). В отличие от большинства предшественников Е.А.Поноженко удалось абстрагироваться от обычного восприятия ногаев как лишь одного из объектов российской внешней политики. Подобный подход не только препятствовал изучению Ногайской Орды как самостоятельного субъекта исторического процесса, но и «отбрасывал тень» на события, происходившие внутри ее. Создавалось впечатление, будто внутреннее состояние Орды (как «примитивной» скотоводческой структуры) зависело от конъюнктуры торговли с Россией, внешних вторжений — казахских и калмыцких, иноземных интриг и т.п. Е.А.Поноженко пришел к принципиальному выводу: распад

[10] Б. — в русскоязычной литературе обычное для мусульманского ономастикона сокращение арабского *ибн* (сын): Мамай б. Муса б. Ваккас — Мамай сын Мусы сына Ваккаса.

Ногайской Орды был вызван вовсе не московской политикой или калмыцким нашествием; главная причина — «внутренние факторы развития ногайского феодального общества». Новые социальные силы (имеются в виду прежде всего «улусные черные люди») вызревали постепенно, но не успели окрепнуть и заступить на смену старой, прежней элите — мирзам; этот процесс был прерван вторжением калмыков (Поноженко 1977а, с. 22–24). Показ общественной функции и перспективы развития «улусных черных людей» стал важным методологическим и фактологическим открытием автора. Хотя Е.А.Поноженко рассматривал общество ногаев сквозь призму «кочевого феодализма», что было едва ли не обязательным в 1970-х годах, ряд его социологических наблюдений имеет важное значение, несмотря на эту идеологизированную схему. Интересна, например, попытка градации «класса феодалов», выделение помимо мирз служилой знати (Поноженко 1977а, с. 12, 13; Поноженко 1977б, с. 94), хотя эта попытка и вызывает возражения как по существу феномена, так и в силу явной аналогии с российскими порядками того же периода. Впервые в науке подробно охарактеризован социальный статус мирз, расписаны функции и компетенция высших должностных лиц Орды — бия[11], нурадина, кековата и тайбуги.

В настоящее время основополагающие дефиниции, предложенные Е.А.Поноженко (Ногайская Орда как «раннефеодальное государство», ногайское общество как феодальное и т.п.), очевидно, должны быть пересмотрены. Но разбор социальной структуры Орды произведен в работах данного автора с надлежащей полнотой (правда, в основном на основе опубликованных источников), и теперь, вероятно, ни один исследователь — не только ногаевед, но и номадист вообще — не сможет обойтись без наблюдений и выводов Е.А.Поноженко.

Ногаеведение в российских автономиях и союзных республиках. Ногайская Орда охватывала обширную территорию между Волгой, Иртышом и Сырдарьей. Все народы, которые соседствовали с этим регионом в XV–XVI вв., жили в нем в то время или позднее, так или иначе сталкивались с ногаями. «Ногайский период» фигурирует в историографии башкир, казахов и каракалпаков, однако в его истории еще очень много неясного. Этнические, политические и культурные связи кипчакоязычных кочевников позднесредневекового восточного Дешта с соседями до сих пор изучены недостаточно. Соответствующие сюжеты в исследованиях историков российских автономий и союзных республик 1920–1980-х годов рассматривались

[11] Бий — восточнокипчакский вариант общетюркского титула бек, принятый, в частности, у ногаев. По отношению к главе Мангытского юрта (Ногайской Орды) мы употребляем термин «бий», по отношению к аристократии Золотой Орды и наследовавших ей ханств — «бек».

лишь как побочная тема, только в связи с изучением своих народов и регионов.

Например, в Татарстане на протяжении этих десятилетий вышла в свет лишь одна монография, в которой участие ногаев в политических событиях, связанных с Казанским ханством, проанализировано профессионально, объективно и на достаточной источниковой базе, — «Очерки по истории Казанского ханства» М.Г.Худякова (1923 г.) (переиздание см.: Худяков 1991). Впрочем, татарстанских авторов и этой, и множества других книг, статей и диссертаций, посвященных той эпохе (XV–XVI вв.), ногаи интересовали почти исключительно как соплеменники казанской ханши Сююмбике, как участники взятия Казани ханами Мамуком и Сафа-Гиреем, как альтернативный (помимо Москвы и Бахчисарая) источник посажения ханов. За долгие годы накопилось много штампов и заблуждений, кочующих из одной работы в другую. Это ни в коей мере не является следствием низкой квалификации ученых или влияния национализма. Историческая наука тюркских республик подверглась сокрушительным ударам со стороны политического руководства — сначала произошел разгром краеведения в 1929–1931 гг. под лозунгом борьбы с пантюркизмом, а в 1944 г. Татарский обком ВКП(б) был раскритикован за «ошибки» в идеологической работе, в том числе за «идеализацию» Золотой Орды и эпоса «Идегей». Тогда же случилась депортация крымскотатарского народа, несправедливо обвиненного в поголовном сотрудничестве с фашистскими оккупантами, и стали вынашиваться планы о такой же акции в отношении казанских татар. Эти жестокие кампании некомпетентных чиновников надолго отбили у уцелевших татарских (и не только) ученых охоту к изучению тюркского средневековья. Лишь в 1980–1990-х годах наметился явный «прорыв» в методологии и источниковедении (работы М.И.Ахметзянова, Д.М.Исхакова, М.А.Усманова), позволяющий надеяться на подробное изучение предков нынешних поволжских татар и их связей с ногаями.

Более плодотворными оказались изыскания в Башкирии. Ее территория некогда входила непосредственно в Ногайскую Орду, и от той эпохи в составе башкирского этноса сохранились группы под названием «ногай» с соответствующими языковыми и этнографическими особенностями. Автору научной концепции этногенеза башкир Р.Г.Кузееву удалось детально проследить процесс инфильтрации ногайского компонента в среду собственно башкир. Свои этнологические наблюдения Р.Г.Кузеев (кстати, он и ведущий публикатор местных народных генеалогий-шеджере) сопровождает историческими экскурсами (Кузеев 1957б; Кузеев 1974; Кузеев 1978; Кузеев 1992; Кузеев, Юлдашбаев 1957). Принципиальное влияние ногаев на этногенез башкирского народа и значительная их роль в его истории признавались исследователями давно, шеджере с повествованиями о ногайских

временах издавались и анализировались еще в XVIII–XIX вв. Легенды и предания и по сей день составляют главный источник для тех ученых, которые пытаются разобраться в ногайском периоде истории Башкортостана (История 1991; История 1996; Мажитов, Султанова 1994; Трепавлов 1997в; Усманов А. 1982; Чулошников 1956).

Историческая наука автономных республик Северного Кавказа, где в настоящее время проживает основная масса ногайцев, уделяла этому народу, конечно, больше внимания. Отметим работы Е.П.Алексеевой и В.Б.Виноградова, а также его учеников (Алексеева 1957; Алексеева 1971; Виноградов 1980; Виноградов, Нарожный 1991; Нарожный 1988). Усилиями В.Б.Виноградова и историков его школы начала разрабатываться проблема появления предков ногайцев на Северном Кавказе еще до образования Ногайской Орды. Стала вырисовываться интересная и перспективная идея о том, что они обосновались в степях региона в золотоордынскую эпоху и что массовая миграция туда заволжских ногаев в XVII в. оказалась возвращением на «прародину» (или, добавим, одну из прародин).

Связь ногаев со Средней Азией изучалась с двух точек зрения: их участия в этногенезе каракалпаков и проживания в ханстве кочевых узбеков Абу-л-Хайра. Первая из этих тем стала исследоваться П.П.Ивановым и была подхвачена Т.А.Жданко, Л.С.Толстовой, А.Утемисовым (Иванов 1935; Жданко 1950; Толстова 1977; Толстова, Утемисов 1963а; Толстова, Утемисов 1963б). Держава Абу-л-Хайра впервые монографически изучена Б.А.Ахмедовым (Ахмедов 1965). На основе мусульманских хроник он реконструировал сложные отношения узбекского двора с мангытскими лидерами, сыновьями и внуками Эдиге, проследил участие последних во внутренней политике и внешних мероприятиях хана.

И Юрт кочевых узбеков, и Мангытский юрт располагались на территории современного Казахстана. Поэтому именно от казахстанских ученых следовало бы ожидать приоритетных работ по истории этих политических образований. Однако вся казахская историография — это, в сущности, изучение развития казахского народа. Ногайский компонент этого развития практически игнорировался. Разумеется, очевидный факт нахождения Ногайской Орды в Западном Казахстане, на землях будущего Младшего жуза, не мог абсолютно не замечаться. Но, как и в других регионах, он оставался на периферии внимания исследователей. Ногайская тематика затрагивалась походя, в связи с историей основного коренного этноса республики или с изучением кочевых узбеков (восточных кипчаков), родственных казахам и ногаям. Тем не менее переплетенность судеб народов не позволяла полностью уйти от ногайских (мангытских) сюжетов. Так, великолепный свод переводов из тюркских и персидских хроник, осуществленный под руководством С.К.Ибрагимова в 1969 г. (МИКХ), дал

уникальный материал для изучения не только казахских ханств в XV–XVIII вв. (такова была цель публикации), но и раннего, наименее известного нам периода в истории Ногайской Орды. Ценные сведения и авторские наблюдения о мангытах в Дешт-и Кипчаке приводятся в трудах Т.И.Султанова (Кляшторный, Султанов 1992; Кляшторный, Султанов 2000; Султанов 1982).

Нам известны работы единственного казахстанского историка, для которого ногайско-казахские отношения стали главным объектом исследования. Это кандидатская диссертация А.И.Исина «Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой в XVI в.» (Исин 1988) и серия его статей. Ученый основательно подошел к теме, привлекая и архивные материалы (посольские книги и столбцы Ногайских дел РГАДА), и сочинения мусульманских средневековых писателей, и разнообразные публикации. А.И.Исину удалось воссоздать противоречивую динамику контактов между наследниками Эдиге и правителями Казахского ханства после того, как те и другие поделили «узбекское наследство» — пастбища и оазисы Восточного Дешта. Предложена соответствующая периодизация, проанализированы предпосылки и причины союзов и конфликтов в этой части степной Евразии в XVI в. Не все возможные источники использованы, не все выводы бесспорны, но в целом разработки А.И.Исина заполнили существенный пробел в ногаеведении: несколько прояснилось восточное направление внешней политики Ногайской Орды, которое обошли молчанием А.А.Новосельский и М.Г.Сафаргалиев, а В.М.Жирмунский исследовал в основном по фольклору.

Ногаеведы-ногайцы. Б.-А.Б.Кочекаев. А.И.-М.Сикалиев. В 1970-х годах в науку пришла плеяда ученых-ногайцев. Историки и филологи, как представители этого народа, имели, конечно, все основания заняться его изучением. За последние три десятилетия их труды стали заметным явлением в советской и российской историографии. В монографиях, статьях и докладах Р.Х.Керейтова, А.Х.Курмансеитовой, А.И.-М.Сикалиева, А.А.Ялбулганова и других отразились разные стороны жизни Ногайской Орды и ногайцев позднейшего времени. Показателем уровня зрелости «ногайского» ногаеведения начала 1980-х годов стала коллективная монография И.Х.Калмыкова, Р.Х.Керейтова и А.И.-М.Сикалиева «Ногайцы. Историко-этнографический очерк» (Калмыков и др. 1983).

Наиболее существенный вклад в ногайскую историографию внес Б.-А.Б.Кочекаев, работающий в Казахстане. Сначала он изучал ногайское общество XIX — начала XX в. (Кочекаев 1969б; Кочекаев 1973), а в 1988 г. выпустил монографию о более раннем времени. «Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.» (Кочекаев 1988) стали самой заметной ногаеведческой работой 1980-х годов. Книга включает три раздела, первый из которых посвящен периоду Ногайской Орды, а два

других — отношениям ногайских улусов с Россией, Крымом и Турцией в XVIII в. Мы коснемся лишь первого. Автор охарактеризовал общественный и политический строй ногайской державы, описал ее связи со Средней Азией, казахами и калмыками, показал развитие отношений с Россией. Б.-А.Б.Кочекаев высказал ряд новых, интересных суждений. Он впервые аргументирует некорректность возведения этнонима «ногай» к беклербеку Ногаю (Кочекаев 1988, с. 22). Важным вкладом в историографию является определение степени зависимости Орды от Московского царства. В данной работе Б.-А.Б.Кочекаев приходит к выводу, что между ними установились отношения сеньората-вассалитета, а не подданства, как это зачастую трактуется в литературе (Кочекаев 1988, с. 10, 97–100). Наиболее адекватно описывает зависимость Орды предлагаемая им формула: «российское покровительство с элементами вассалитета» (Кочекаев 1988, с. 100)[12].

В 1994 г. в Черкесске вышла книга А.И.-М.Сикалиева «Ногайский героический эпос». В ней рассмотрен и разобран ногайский эпический фольклор, проанализированы упоминаемые в нем реалии. А.И.-М.Сикалиев вводит в научный оборот тексты сказаний и, главное, сочинения ногайско-кипчакских средневековых поэтов Асан-Кайгы, Шал-Кийиза, Каз-Тугана. После дипломатической переписки биев и мирз это вторая и не менее важная группа источников, созданных самими ногаями. Пожалуй, с изданием этого труда А.И.-М.Сикалиева ногаеведы получили последнее звено сохранившегося фонда источников — собственно ногайскую устную литературу. Теперь стало возможным написание сводной работы по истории Ногайской Орды.

Состояние изученности основных проблем и кадровую оснащенность ногаеведения выявила научная конференция «Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды», проведенная в 1991 г. в селе Терекли-Мектеб, административном центре Ногайского района Дагестана. По результатам этой встречи через два года в Махачкале вышел одноименный сборник статей (ИГАРНО). Как доклады на конференции, так и статьи в сборнике продемонстрировали определенный застой в ногаеведческих штудиях. О нем свидетельствовал и тот факт, что в заключительных рекомендациях конференции даже на перспективу не ставилась задача создания обобщающего труда по истории Ногайской Орды (ИГАРНО, с. 150).

Некоторое отношение к ногаеведению имеют современные генеалогические изыскания, посвященные княжеским родам ногайского происхождения (см., например: Блюмин 1995; Нарбут 1994; Урусов 1993). Как правило, большинство таких сочинений основано на некритиче-

---

[12] Критическая оценка книги дана в рецензии профессора Чикагского университета Р.Хелли (Hellie 1990).

ском воспроизведении дворянских родословных, занесенных в официальные реестры знати Российской империи. Научную ценность представляют те разработки, которые основаны на семейных преданиях и архивных документах, например книги Н.Б.Юсупова (Юсупов 1866; Юсупов 1867) и Б.Ишболдина (см. ниже).

Зарубежная историография. Долгое время европейские и американские исследователи кочевых народов обделяли вниманием Ногайскую Орду. Связанные с ней сюжеты появлялись обычно в компилятивных работах, где пересказывались книги, статьи и публикации источников в переводах на западные языки. Крупнейшей из таких компиляций была четырехтомная «История монголов» Х.Ховорса, впервые изданная в 1876–1927 гг. (Howorth 1965a; Howorth 1965b). Не зная восточных языков, автор скомпоновал в соответствующем разделе все доступные ему сведения из Н.М.Карамзина, Й.Хаммер-Пургшталя, других историков, европейских переводов и пересказов мусульманских сочинений и изложил историю ногаев, которую представлял себе весьма смутно [достаточно сказать, что он возводил их непосредственно к печенегам (Howorth 1965b, p. 347)]. Однако еще долго книга Х.Ховорса являлась для европейских читателей одним из основных пособий по истории Дешт-и Кипчака.

В то же время на Западе шла работа над переводами и публикациями восточных источников, имеющих отношение к нашей теме. Отметим работы польских историков по крымским письменным памятникам (Зайончковский 1969; Pułaski 1881; Zajączkowsky 1966). Большое значение для изучения тюркских Юртов XV–XVI вв. имели многолетние разыскания в турецких архивах, предпринятые А.Беннигсеном, его учениками и коллегами (см. ниже, раздел об источниках). Серия их публикаций помогла тем исследователям, которые не имеют доступа к документам султанской канцелярии или не читают на турецком языке. Эта группа французских историков на убедительных материалах сумела опровергнуть утвердившееся в советской историографии пристрастное убеждение в настойчивом желании Порты плести заговоры против России в XVI в., сколотить татаро-ногайскую антимосковскую коалицию. В опубликованных османских документах наглядно проступила тактика Стамбула на отстраненность от степных дел, перекладывание их на плечи Гиреев.

Государственным образованиям в Дешт-и Кипчаке посвятили свои труды Я.Пеленский и М.Ходарковский (США). Первый написал книгу о российско-казанских отношениях, второй — о калмыках XVI–XVII вв. (Pelensky 1974; Khodarkovsky 1992). Естественно, оба сюжета теснейшим образом связаны с ногаями, и авторы не упустили ногайский фактор из поля зрения, приведя немало верных выводов и тонких наблюдений. Оригинальным и хорошо фундированным подходом отличаются также сочинения американского востоковеда Ю.Шамильоглу

о поздней Золотой Орде и ее наследных ханствах (Shamiloglu 1984; Shamiloglu 1986).

Из общей массы литературы выделяется «Очерк татарской истории» Б.Ишболдина (Ischboldin 1973). Принадлежа к потомственной татарско-ногайской аристократии, он использовал (правда, без справочного аппарата) не только данные доступной ему литературы, но и фамильные предания, которые в условиях дефицита источников имеют первостепенное значение. Отдельную главу Б.Ишболдин посвятил ногайскому компоненту своей родословной и соответственно ногайской истории.

Наиболее заметным исследованием самых последних лет стала монография Д.Девиза «Исламизация и исконная религия в Золотой Орде. Баба-Тюклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции» (DeWeese 1994). В ней проанализирован весь корпус источников по обращению империи Джучидов в мусульманство. А поскольку одним из первых адептов ислама там был святой проповедник Баба-Туклес, то ему посвящена львиная доля книги. Баба-Туклес считался предком Эдиге и, стало быть, всей ногайской знати. В связи с этим Д.Девиз изучил генеалогические предания ногайских мирз, попытался определить степень соответствия их исторической действительности. В его тексте много ценных замечаний о статусе ногайской столицы Сарайчука (Сарайчика), который представлен в этой работе как сакральный джучидский мемориал; о религиозно-идеологической ситуации в Ногайской Орде и пр.

Особенностям русско-ногайских отношений в контексте общей истории связей Руси и Степи посвящена интересная статья немецкого историка А.Каппелера (Kappeler 1992), к которой мы тоже будем неоднократно обращаться в нашей работе.

Что касается турецкой историографии, то она привлекает рядом разработок, связанных с османской политикой на юге Восточной Европы, в Северном Причерноморье. Назовем исследование А.Н.Курата о крымско-турецком походе на Астрахань в 1569 г. (Kurat 1961), статьи Х.Иналджыка по разным вопросам (İnalcık 1948; İnalcık 1952; İnalcık 1979; İnalcık 1980a; İnalcık 1980b), а также книгу О.Гёкбильгина о Крымском ханстве 1530–1570-х годов (Gökbilgin 1973). Все эти работы лишь косвенно связаны с Ногайской Ордой. Сочинения турецких историков, непосредственно посвященные ей, нам неизвестны.

Подводя итоги историографического очерка, отметим следующее. Благодаря усилиям нескольких поколений ученых скопился обширный материал для анализа и исследований по истории Ногайской Орды. При этом лишь в единичных монографических трудах ногаи выступали как центральный объект изучения. У большинства авторов они являлись лишь фоном для основной темы — истории России,

Казанского или Крымского ханства, Турции. А немногие книги, повествующие о собственно ногаях (ногайцах), часто основываются, к сожалению, на устаревших концепциях и весьма скудной источниковой базе. В целом историографическую ситуацию можно охарактеризовать таким образом: *история Ногайской Орды в общих чертах известна, но пока не написана.* Попыткой заполнить этот пробел служит наша книга.

Источники о ногаях и Ногайской Орде

Кочевники-ногаи не оставили исторических сочинений. Сохранились отрывочные сведения о бытовании каких-то ногайских хроник в XIX и начале XX в. — «Тарихи ногай» и «Таварихи ногай», т.е. «Ногайская история» и «Ногайские летописи» (Корнис 1836, с. 4; Сафаргалиев 1938, с. 13; Сикалиев 1994, с. 46). Однако, насколько нам известно, никто из исследователей никогда их не видел. При неграмотности большинства народа, кочевом образе жизни, отсутствии стационарных культурных центров история передавалась изустно, в виде преданий и эпических сказаний, а также народных генеалогий-*шеджере*. События жизни степняков отображались ногайскими поэтами, которые проживали при дворах тюркских ханов. Кроме того, из ногайской среды исходила дипломатическая переписка с московским, крымским и османским дворами, отложившаяся в архивах. Она служит ныне основным источником для изучения державы ногаев. Русские и мусульманские соседи пристально наблюдали за ее внутренним состоянием и отражали это состояние в сочинениях, созданных на Руси и в Средней Азии. Перипетии своей миграции к Волге и бои с ногаями на ее берегах отразили в своих хрониках калмыки. Иногда ногаи попадали в поле зрения западноевропейских путешественников — купцов и дипломатов, которые знакомили читателей своих донесений и мемуаров с кочевниками Заволжья. Из этих различных элементов складывается источниковая база изучения Ногайской Орды.

Героический эпос тюркских народов. Шеджере. У тюркских народов Поволжья, Западной Сибири, Казахстана и Северного Кавказа существует так называемый ногайский эпический цикл — свод сказаний (*дастанов*) о богатырях. Их герои объединяются общим наименованием «сорок богатырей», следовательно, этих сказаний некогда насчитывалось, очевидно, несколько десятков, но к настоящему времени их известно гораздо меньше. Ногайский цикл исследован В.М.Жирмунским и А.И.-М.Сикалиевым (Жирмунский 1974; Сикалиев 1994). Его исходным звеном, несомненно, являлся дастан об Эдиге — родоначальнике ногайской аристократии. Сам Эдиге жил во второй половине XIV — начале XV в., т.е. в эпоху Золотой Орды, когда еще не было ни самих ногаев, ни их кочевой империи. Дастан повествует о рождении,

детстве и юности героя, его борьбе с золотоордынским ханом Тохтамышем. Здесь же действует сын Эдиге, Нур ад-Дин (Нурадиль, Мурадым и т.п.), который не удостоился «персонального» дастана.

Неизвестно также, чтобы ногайцы, казахи и прочие обитатели евразийских степей слагали предания о следующем поколении потомков Эдиге — Ваккасе б. Нур ад-Дине, Тимуре б. Мансуре и др. Сохранились записи эпических повествований о Мусе б. Ваккасе, внуках Мусы — Мамае и Ураке, бие Ураз-Мухаммеде и некоторых других. Отдельные дастаны посвящены незнатным богатырям. Все эти фольклорные произведения содержат вперемешку реальные и легендарные подробности биографий персонажей. Поэтому доверять им весьма рискованно, и при исследовании ногайской истории возможно использовать их скорее в качестве иллюстраций или косвенных аргументов, дополняющих информацию письменных источников. Лишь излагая самую раннюю историю ногаев, о которой почти не сохранилось сведений в хрониках, мы будем вынуждены оперировать эпическими данными[1]. В некоторых деталях дастаны перекликаются с ногайскими шеджере. Правда, нам известны лишь единичные произведения подобного рода, предположительно происходящие именно из ногайской среды. Это, в частности, рукописная родословная, обнаруженная М.И.Ахметзяновым в Казани и опубликованная им в 1991 г. (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Таких источников было когда-то огромное количество, потому что свою историю знала и передавала из поколения в поколение каждая ногайская семья. Однако записи семейных хроник, возводящих происхождение ногайских фамилий к XIV–XV вв., видимо, не сохранились. Исключение — генеалогия княжеской семьи Юсуповых, чьи предки в середине XVI в. выехали в Россию из Ногайской Орды (см.: Юсупов 1867[2]).

Отдельные отголоски контактов с ногаями содержат шеджере башкир и поволжских татар[3], а также фольклор татар сибирских и астраханских, некоторых народов Средней Азии[4].

---

[1] Ногайские дастаны известны в записях XIX–XX вв. В нашем исследовании использованы их публикации в изданиях: Ананьев 1900; Ананьев 1909а; Беляев 1917; Валиханов 1904а; Валиханов 1904б; Диваев 1896; Идегей 1990; Маргулан 1940; Ногайдынъ 1991; Османов 1883; Потанин 1897; Семенов Н. 1885; Семенов Н. 1890; Семенов Н. 1895; Сикалиев 1994.

[2] Здесь и далее при ссылках на многотомные издания приводятся выходные данные, как правило, только на используемые в нашей книге тома и выпуски.

[3] Основная заслуга в изучении башкирских шеджере принадлежит Р.Г.Кузееву, татарских — М.И.Ахметзянову. Мы привлекли к исследованию их основные публикации, а также некоторые другие издания шеджере: Ахметзянов М. 1991б; Башкирские 1960; Башкирское 1987; Кузеев 1957а; Игнатьев 1883; Юматов 1961а. Уникальные сведения о судьбе ногайского рода Гирает-бия содержит рукописная фамильная генеалогия его потомков. Ныне она хранится (в арабописьменном и кириллическом вариантах) в семье Н.М.Мириханова, который любезно позволил автору воспользоваться содержащейся там информацией и которому я выражаю искреннюю благодарность.

[4] Очевидно, более других обитателей Средней Азии память о «стране Ногайлы» сохранили в своих преданиях каракалпаки (см.: Давкараев 1959; Жданко 1950; Сагитов

Русские источники. Россия — единственная из соседствовавших с Ногайской Ордой стран, где сохранилась обширная дипломатическая переписка с ногаями. Послания от биев и мирз в Москву и ответы им из Москвы, донесения астраханских, терских и прочих воевод по ногайским делам в Посольский приказ и царские распоряжения к воеводам, описания пребывания на Руси ногайских послов и переговоров с ними, наказы (инструкции) русским послам и гонцам за Волгу и их статейные списки (отчеты) составили фонд так называемых Ногайских дел, который служит основным источником при изучении истории ногаев (и для нашего исследования в частности).

Материалы дипломатической переписки и приказного делопроизводства объединялись в хронологическом порядке в посольские книги. Доскональная характеристика и описание этого источника предприняты Н.М.Рогожиным (Обзор 1990; Рогожин 1994). Ныне в фонде «Сношения России с ногайскими татарами» Российского государственного архива древних актов хранятся десять посольских книг по связям России с Ногайской Ордой[5]. Они содержат документы соответственно 1489–1508, 1533–1538, 1548–1549, 1551–1556, 1557–1561, 1561–1564, 1564–1566, 1577–1579, 1579–1581, 1581–1582 гг. Кроме того, в фонде «Боярские и городовые книги» находится еще одна посольская книга без начала и конца за 1576–1577 гг. (БГК, д. 137)[6]. Нетрудно заметить, что образовались значительные лакуны: не уцелели собрания документов за 1509–1532, 1539–1547, 1550, 1567–1575 гг. и после 1582 г.[7]. Периоды 1583–1585 и 1600–1640 гг. (до конца существования Ногайской Орды) восполняются черновыми документами — столбцами, которые служили подготовительным материалом для посольских книг. Столбцы ценны помимо прочего тем, что в них сохранились оригинальные, не отредактированные в Посольском приказе послания и — главное — несколько десятков арабописьменных подлинников ногайских грамот.

1962; Толстова 1977; Толстова, Утемисов 1963а). Кроме того, различные аспекты интересующей нас проблематики иллюстрируются фольклором узбеков, киргизов, сибирских и астраханских татар (см.: Дониеров 1968; Катанов 1896; Кулешова 1995; Кыдырбаева 1980; Небольсин 1852; Нестеров 1900; Фишер 1774).

[5] Одиннадцатая и двенадцатая книги хотя и фигурируют в архивных описях и исследованиях как посольские, на самом деле не являются таковыми. Это списки мирз и улусников за 1642 и 1659 гг., не имеющие прямого отношения к «посольским» делам.

[6] Насколько нам известно, эта посольская книга до сих пор не привлекала внимания историков и в настоящей монографии вводится в научный оборот впервые.

[7] В описях царского архива XVII в. значились не сохранившиеся сейчас посольские книги за 1523–1534, 1571–1576 и 1583–1585 гг. (Рогожин 1994, с. 65).

Некоторые ногайские посольские книги издавались неоднократно. Первые восемь из них увидели свет в «Продолжении древней российской вивлиофики» (1791–1801) Н.И.Новикова. Публикатор опустил непринципиальные, с его точки зрения, фрагменты текста, заменив их пересказом. Такое пренебрежение объемной и важной информацией существенно снизило ценность данного издания. К тому же оно содержит многочисленные опечатки, описки, неверные прочтения тюркских и русских имен и терминов и даже целых фраз (этим недочетам посвящена специальная работа: Веселовский 1910б).

Тем не менее на протяжении почти двухсот лет, до недавнего времени, публикация Новикова, несмотря на малый тираж, служила для исследователей основным источником по ногайской истории. Первая посольская книга была еще раз издана в 1884 г. в «Сборнике Русского исторического общества» под редакцией Г.Ф.Карпова (ПДК, т. 1). Ровно через столетие этот же источник издали М.П.Лукичев и Н.М.Рогожин (Посольская 1984). В 1995 г. в Махачкале вышли три первые книги, подготовленные к печати Н.М.Рогожиным (Посольские 1995). Две последние из перечисленных публикаций отличаются полной и точной передачей текста и наличием справочного аппарата, что существенно облегчает работу с ними. Некоторые столбцы и грамоты из Ногайских дел за 1603–1606 гг. выпущены в свет Н.В.Рождественским в 1918 г., за 1606–1610 гг. — А.М.Гневушевым в 1914 г., за 1610–1613 гг. — С.К.Богоявленским и И.С.Рябининым в 1915 г. (Акты 1914; Акты 1915; Акты 1918)[8].

Хронологические пропуски в ногайских книгах иногда удается в некоторой степени восполнить материалами книг крымских, которые начинаются с 1474 г. (КК). Период существования Ногайской Орды отражают документы, содержащиеся в первых двадцати четырех из них. Отношения с Крымом Посольский приказ фиксировал гораздо тщательнее, чем контакты с ногаями[9]. А поскольку история Крымского ханства была довольно тесно связана с Ногайской Ордой, то источники из фонда «Сношения России с Крымом» являются необходимыми для нашей темы. До сих пор полностью опубликованы только пять книг; они охватывают отрезок 1474–1519 гг. (ПДК). Изданы и отдельные более поздние документы фонда — главным

[8] Отдельные документы, относящиеся к ранней истории ногаев и тематически затрагивающие «сношения России с ногайскими татарами», имеются и в других фондах РГАДА; например, ф. 149 «Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия I» (переписка Лжедмитрия с ногайским бием Иштереком); ф. 181 «Рукописное собрание библиотеки Московского городского архива МИД» (*шерть бия Исмаила*) и пр.

[9] Н.М.Рогожин справедливо замечает, что в Посольском приказе документы по связям России с Ногайской Ордой оформлялись по сравнению с другими странами «наиболее кратко и обобщенно» (Рогожин 1994, с. 148). Столь же верно наблюдение Р.Кроски: формы русско-ногайской официальной переписки были более простыми и менее устоявшимися, чем русско-крымской (Croskey 1987, p. 59).

образом статейные списки из других крымских посольских книг; они тоже весьма полезны для изучения ногайской истории.

Ценную, хотя и в меньшем объеме информацию предоставляют турецкие посольские книги (ТД). Уникальны данные самой первой из них (1512–1564) об одном из «темных» периодов истории Ногайской Орды — династической смуте 1510–1520-х годов. Тем более что эта эпоха не отражена в ногайских книгах и очень фрагментарно представлена в крымских. Большие фрагменты первой посольской книги по связям с Турцией издавались Г.Ф.Карповым, Д.Ф.Кобеко и Г.Ф.Штендманом в «Сборнике Русского исторического общества» и Б.И.Дунаевым в качестве приложения к его монографии о Максиме Греке (Дунаев 1916; ПДК, т. 2). Были опубликованы также статейные списки из других турецких книг.

С конца первой четверти XVII в. в ногайской истории все более проявляется калмыцкий фактор. Под ударами калмыков ногаи отступали на запад, и в конце концов основная их масса перебралась на правобережье Волги. Смена степных гегемонов проявилась, в частности, в «переквалификации» воеводских отписок (донесений). Если во второй половине XVI — первой трети XVII в. рапорты астраханских наместников подшивались в «ногайские столбцы» и затем переписывались в ногайские же посольские книги, то с середины 1630-х годов они стали числиться уже в Калмыцких делах (КД). Правда, сохранившиеся посольские книги по связям с Калмыцким ханством начинаются с 1672 г., но материалы за предыдущие десятилетия отложились в столбцах.

События, связанные с ногаями XVII в. (т.е. при распаде и после распада их Орды), отражены в фондах РГАДА: ф. 111 «Донские дела»; ф. 112 «Дела едисанских, емблуцких, едичкульских и буджацких татар»; ф. 121 «Кумыцкие и тарковские дела»; ф. 131 «Татарские дела». Судьбе ногайских переселенцев в России посвящен обширный массив документов в фондах: 27 «Приказ тайных дел», 141 «Приказные дела старых лет», 210 «Разрядный приказ», 1290 «Юсуповы»[10].

Разнообразная информация о состоянии ногайского общества XVIII–XIX вв. (в котором уцелели средневековые черты), а также первые попытки описания истории ногайцев — на страницах канцелярских

[10] В фонде князей Юсуповых хранится ценная версия генеалогии этого клана. Княжеских родов ногайского происхождения в России XVII в. насчитывалось более десятка (Трепавлов 1997в). С середины XVII в. в Московском государстве усилился интерес к составлению родословных и выяснению корней аристократических фамилий, не исключая «выезжих» из Ногайской Орды. Особенно насущной эта проблема стала в конце столетия, когда было отменено местничество и правительство собирало сведения для составления официального реестра княжеских семей. Фамильные росписи в Палату родословных дел и Разрядный приказ подали Юсуповы (вместе с Байтерековыми), Кутумовы, Урусовы и Шейдяковы (Антонов 1994, с. 103, 106; Антонов 1996, с. 66, 69; Родословная 1787, с. 414).

отчетов и справок — находятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива: ф. 1 «Канцелярия Военного министерства»; ф. 20 «Воинская экспедиция Военной коллегии»; ф. 52 «Г.А.Потемкин-Таврический»; ф. 400 «Главный штаб»; ф. 405 «Департамент военных поселений»; ф. 414 «Статистические сведения о Российской империи»; ф. 482 «Кавказские войны»; ф. 846 «Каталог Военно-учетного архива и описи фондов» и др.

Ногайская тематика эпизодически возникала при дипломатических контактах России с зарубежными странами, особенно восточными — Ираном (РГАДА, ф. 77 «Сношения России с Персией»), Бухарским ханством (ф. 109 «Сношения России с Бухарой»), Хивинским ханством (ф. 134 «Сношения России с Хивой»), казахами (ф. 122 «Киргиз-кайсацкие дела»). Опубликованы основные документы XVI–XVII вв., касающиеся связей России с Ираном, а также с Литвой и Польшей (ПДП; ПДПЛ). Изданы некоторые наказы и статейные списки послов в эти государства (данные по интересующим нас сюжетам мы обнаружили в следующих: Записки 1988; Наказ 1851; Наказ 1897; Посольство 1887; Посольство 1928; Путешествия 1954; Савелов 1906; Сергеев А. 1913; Статейный 1891; Статейный 1892; Статейный 1896; Статейный 1970; Статейный 1995).

Важные сведения об участии заволжских кочевников во внешнеполитических и военных акциях русского правительства XVI в. и о вхождении их в среду русской знати в XVII в. дают Разряды — записи о военной и придворной службе, назначениях, наградах и взысканиях. Некоторая часть Разрядных книг издана и использована в настоящей монографии (Дополнения 1882; Дополнения 1883; Разрядная 1966; Разрядная 1975; Разрядная 1978; Разрядная 1982), большинство же пока остаются неопубликованными.

К числу основных русских источников по Ногайской Орде относятся летописи. Данные о ногаях и их державе удалось обнаружить в трех с половиной десятках хроник. Зачастую там изложена официальная точка зрения на внешнюю политику и вместе с тем имеются важные сведения о сопредельных владениях[11].

Вопросы русско-ногайских отношений, противостояния ногайским набегам, обороны юго-восточных рубежей Московского государства и в целом расселения и истории ногаев могут быть освещены только с учетом всего огромного комплекса источников, созданных в России на протяжении XVI–XVII вв. Нам едва ли удалось охватить хотя бы малую часть таких памятников, тем более что в большинстве из них упоминания о ногаях эпизодичны и случайны. Но мы попытались

---

[11] В летописи XVI в. заносились важнейшие факты из посольских книг, в частности даты приема и отправления иностранных посольств, что служит (помимо столбцов) еще одним средством восполнения недостающей информации в случае отсутствия посольской книги за соответствующий период (Рогожин 1994, с. 53).

привлечь максимум более или менее значительных для нашей темы материалов (см. список источников и литературы в конце книги).

Старые связи славянского и тюркского населения Евразии отображены в фольклоре донских и яицких казаков, которые издавна общались с кочевыми соседями. Казачьи легенды и предания являются яркой иллюстрацией к отдельным событиям ногайской истории, известным по письменным источникам.

Мусульманские источники. Этнополитическая общность ногаев сформировалась во второй половине XV в. в окружении исламизирующихся тюркских народов Дешт-и Кипчака, по соседству с мусульманскими владениями Средней Азии и Поволжья и иногда в борьбе с ними. Держава ногаев вступала в активные отношения с узбекскими ханствами Хорезма и Мавераннахра (междуречья Амударьи и Сырдарьи), с казахами, Крымом, Казанью, Турцией. Источники, которые создавались на территории этих стран, отразили многочисленные аспекты как внутренней истории ногаев, так и их внешней политики. Ногайская Орда образовалась на развалинах Золотой Орды и представляла собой один из ее «осколков». Поэтому восточные источники, отразившие события последнего столетия существования империи Джучидов, могут помочь при выяснении обстоятельств появления в заволжских степях ногаев и их правящего эля — мангытов, биографии родоначальника ногайской знати Эдиге.

Традиционно одним из высших достижений мусульманской средневековой историографии считается «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) иранского государственного деятеля и писателя Рашид ад-Дина Фазлаллаха ибн Абу-л-Хайра Хамадани (1247–1318). Этот труд, написанный по поручению монгольского ильхана Газана, был закончен в 1310-11 г. В первом томе «Сборника» — «Тарих-и Газани» (История Газана) содержатся данные о монгольских и тюркских племенах, описание жизни Чингисхана, царствования его преемников в улусах, в том числе в Дешт-и Кипчаке. Автор использовал устные рассказы монголов, официальную хронику Монгольской империи «Алтан дэбтэр», сочинения хронистов-предшественников, в частности Ала ад-Дина Джувейни. «История Газана» давно введена в научный оборот и много раз издавалась, в том числе и на русском языке. Она рассказывает о событиях до 1303-04 г. Поэтому понятно, что о ногаях там ничего не сказано. Однако Рашид ад-Дин немало места отвел монголам-мангутам, которые дали имя мангытскому элю, показал их отношения с Чингисханом, их место в генеалогии монгольских племен, в иерархической структуре империи (Рашид ад-Дин 1952а; Рашид ад-Дин 1952б).

Предыстория и история собственно ногаев отображена в письменных памятниках, созданных не ранее последней четверти XV в. Из арабских хронистов подробнее прочих рассказал о жизненном пути и

обстоятельствах кончины Эдиге Шихаб ад-Дин Ахмед б. Мухаммед б. Арабшах (1388–1450), обычно именуемый Ибн Арабшахом. Его сочинение «Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур» (Чудеса предопределения в сведениях о Тимуре), как явствует из названия, посвящено прежде всего жизнеописанию знаменитого чагатайского[12] эмира. Поскольку Тимур в 1370-х годах приютил при своем дворе Эдиге, то арабский историк счел уместным поведать об отношениях последнего с золотоордынским ханом Тохтамышем, его бегстве в Мавераннахр, возвращении в Дешт-и Кипчак, обретении верховной власти в Золотой Орде и утрате ее. Это произведение Ибн Арабшаха публиковалось в оригинале четырежды — в Лейдене, Лейвардене, Калькутте и Каире (на каирское издание мы опирались в нашей работе: Ибн Арабшах 1887) — и несколько раз в переводах: в Лейвардене (латинский), Стамбуле (турецкий), Лондоне и Лахоре (английский). В 1884 г. В.Г.Тизенгаузен перевел на русский язык фрагменты «Аджаиб ал-макдур», касающиеся Золотой Орды (СМИЗО, с. 456–474).

Некоторые подробности биографии мангытского беклербека содержатся также в трудах арабских — по большей части египетских — хронистов: Бадр ад-Дина Махмуда б. Ахмеда ал-Айни (1361–1451) «Акд ал-джаман» (Связки жемчуга), Шихаб ад-Дина Абу-л-Фазла Ахмеда б. Али б. Хаджара ал-Аскалани (1372–1449) «Китаб анба ал-гамр биабна ал-амр» (Извещение неразумных о детях века), Абу Мухаммеда Мустафы б. Хасана ал-Дженнаби (ум. в 1590-91 г.) «Тухфат ал-ариб ва хадийат ал-адиб» (Подарок умного и приношение образованного), Абу-л-Аббаса Ахмеда Таки ад-Дина ал-Макризи (1364-65–1441-42) «Китаб ас-сулук ли-марифат дувал ал-мулук» (Книга путей для познания царских династий), Шамс ад-Дина Сахави, продолжавшего многотомную «Тарих дувал ал-ислам» (История мусульманских государств) Шамс ад-Дина Димашки. Все они выборочно изданы в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В.Г.Тизенгаузена.

Особняком от этой группы придворных историографов стоит марокканский путешественник Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммед б. Баттута (1304–1377). Во время своих странствий в 1332–1333 гг. он побывал в Золотой Орде и оставил первое из известных в средневековой литературе упоминаний города Сарайчука на Яике — будущей ногайской столицы, а также описание торгового пути из Сарайчука через дештские степи в Хорезм. Воспоминания Ибн Баттуты о путевых впечатлениях были записаны в 1355 г. и озаглавлены литературным обработчиком «Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар» (Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах

---

[12] Чагатаи — название тюркского населения Мавераннахра XIV–XVI вв. (от имени Чагатая, сына Чингисхана, первого монгольского государя этой области).

путешествий). Из множества изданий этого сочинения мы предпочли четырехтомное петербургское — с арабским текстом и французским переводом (Ibn Batoutah 1874).

Арабский мир находился на периферии интересующих нас событий. Более полно они отражались в среднеазиатской исторической литературе. В 1401-02 г. престарелый Тимур поручил хронисту Низам ад-Дину Абд ал-Васи Шами (ум. в 1431 г.) изложить историю своего правления. На основании официальных хроник и, вероятно, рассказов очевидцев вскоре была составлена на фарси «Зафар-наме» (Книга побед). Это было первое полное описание всей деятельности грозного завоевателя. Среди прочих сюжетов Шами затронул отношения Тимура с Эдиге, а также отношения последнего с джучидскими правителями. Полный текст книги опубликован на языке оригинала в Праге и привлечен нами для выяснения ранней истории мангытского эля (Šami 1937).

На сочинение Шами во многом опирался Шараф ад-Дин Али Йазди, состоявший на службе у правителя области Фарс Ибрагима б. Шахруха б. Тимура. Свой труд он тоже назвал «Зафар-наме». Йазди привел уникальные данные о карьере членов семьи Эдиге при ханах Улуса Джучи, в частности о беклербекстве его брата Исы, об обретении мангытами приоритетного положения при сарайском дворе во времена Тохтамыша. Персидский текст издан в Ташкенте А.Урунбаевым (Йазди 1972). Таким же придворным историком (но у других государей — Шахруха б. Тимура и правнука Тимура, Абу Саида) и также использовавшим книгу Шами и его последователей был Камал ад-Дин Абд ар-Раззак б. Джамал ад-Дин Исхак Самарканди (1413–1482). В «Матла-и садайн ва маджма-и бахрайн» (Место восхода двух счастливых созвездий и слияния двух морей) он привел интересные данные об отце Эдиге, о борьбе Эдиге с Шахрухом за Хорезм и о последующих мирных отношениях между ними. Эта книга опубликована в узбекском переводе А.Урунбаева (Самарканди 1969).

На службе у Тимуридов, затем у Сефевидов и Великих Моголов состоял историк Гияс ад-Дин б. Хумам ад-Дин ал-Хусейни Хондемир (1475 — ок. 1536), внук и ученик знаменитого персидского историка Мирхонда. В отличие от предыдущих авторов, он в «Хабиб ас-сийар» (Друг жизнеописаний) отобразил события второй половины XV в., в том числе политические контакты между узбекским царевичем Мухаммедом Шейбани, будущим завоевателем Мавераннахра, и правнуком Эдиге, могущественным главой мангытов Мусой. «Хабиб ас-сийар» многократно печатался на родине Хондемира, в Иране, и мы взяли для работы седьмое, четырехтомное издание (Хондемир 1954).

Правителю Фарса Искандеру б. Омар-Шейху б. Тимуру посвятил «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» (Муиновское сокращение историй) персидский автор второй половины XIV — первой половины XV в.

Муин ад-Дин Натанзи. Это сочинение известно в двух редакциях. Одна из них изложена в рукописи, хранящейся в Парижской национальной библиотеке. Ее опубликовал в Тегеране в 1957 Ж.Обен (Натанзи 1957). Натанзи рассказывает о мангытах в восточном Дешт-и Кипчаке, о героической гибели Едигеева отца, о владычестве Эдиге при марионеточных ханах Золотой Орды.

Сочинения Шами, Йазди, Самарканди и Натанзи относятся к так называемому тимуридскому кругу источников. Косвенно связана с этим кругом ранняя историография государства Великих Моголов, основанного Тимуридом Захир ад-Дином Мухаммедом Бабуром (1483–1530). Сам создатель Могольской империи обладал литературным дарованием, одним из проявлений которого стала книга «Бабур-наме» (Записки Бабура), написанная на староузбекском языке (чагатайском тюрки́). Там приводится характеристика Казахского ханства времен царствования Касима (начало XVI в.), который временно захватил все ногайские кочевья к востоку от Волги; есть упоминание о мангытах в составе узбекской армии Мухаммеда Шейбани, вытеснившего Бабура из Мавераннахра. «Бабур-наме» в русском переводе М.А.Салье издавалось в Ташкенте в 1958 и 1993 гг. (Бабур 1993).

В государстве Великих Моголов (а до этого в Кашгаре) жил администратор и военачальник Мухаммед-Хайдар б. Мухаммед-Хусейн-гурган Дуглат (1499-1500–1551). В 1540-х годах он закончил «Тарих-и Рашиди» (Историю Рашида, т.е. Абд ар-Рашида б. Султан-Саида — правителя, которому посвящалось сочинение) на фарси. Мухаммед-Хайдар привел данные о казахско-ногайских отношениях в 1520-х годах, о войне 1522 г. между казахами и ногаями, о сокрушительном разгроме казахов, об откочевке их на юго-восток. Историки обычно используют квалифицированный, хотя и несколько сокращенный английский перевод Н.Элайаса (Haidar 1895).

К северу от державы Тимуридов в XV в. располагались кочевья Синей Орды Улуса Джучи, объединенные ханом Абу-л-Хайром в так называемое государство кочевых узбеков. Его историография представлена хроникой «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (История Абу-л-Хайр-хана), написанной в 1540-х годах секретарем сына и внука Абу-л-Хайра, Масудом б. Османом Кухистани. Бо́льшая часть книги является компиляцией из трудов других авторов, но заключение оригинально и включает в себя известия о правлении Гази б. Эдиге в Мангытском юрте, о союзе между внуком Эдиге, Ваккасом, и Абу-л-Хайром. Данный источник изучался С.К.Ибрагимовым, который и перевел наиболее ценные фрагменты из него (Кухистани 1969). Сведения Кухистани о конфликте Гази с Джумадук-ханом во многом повторяет Кипчакхан Ходжамкули-бек (род. в 1107/1695-96 г.) в своей «Тарих-и Кипчаки» (История Кипчака), написанной на фарси в 1722 г. (МИКХ, с. 389–397).

Внук Абу-л-Хайра Мухаммед Шейбани вытеснил Тимуридов из Средней Азии и в начале XVI в. завоевал Мавераннахр. Там воцарились узбекские ханы и начала создаваться литература, которая постепенно составила шейбанидский круг источников. Главным ее произведением считается анонимный труд «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (Избранные истории из Книги побед), иногда приписываемый самому Шейбани-хану (1451–1510). Известно, что этот государь был не чужд сочинительства, и нет ничего невероятного в том, что он сам взялся за собственное жизнеописание. Сочинение «Таварих-и гузида» послужило образцом для шейбанидской историографии как по содержанию, так и по композиции. Его неназванный автор показывает воцарение Абу-л-Хайра и участие в этом предводителя мангытов Ваккаса; сотрудничество и разрыв между ними; борьбу мангытских лидеров против потомков Абу-л-Хайра и казахов; намечавшийся, но несостоявшийся союз Мусы б. Ваккаса с молодым Мухаммедом Шейбани. Сокращенная версия источника была опубликована на тюрки́ Н.И.Березиным в 1849 г., факсимиле — А.М.Акрамовым в 1967 г., фрагменты переведены В.П.Юдиным (Березин 1849; МИКХ, с. 16–43; Таварих 1967).

Те же сюжеты отражены в трудах Камал ад-Дина Шир-Али Бинаи (1453–1512) «Фатухат-наме» (Книга о победах) и «Шейбани-наме» (Книга о Шейбани), стихотворном трактате Моллы Шади (годы рождения и смерти неизвестны) «Фатх-наме» (Книга победы) (Бинаи 1969; Шади 1969). Более поздние события начала XVI в., связанные с ногаями, упоминаются в «Зубдат ал-асар» (Сливки летописей) Абдаллаха б. Мухаммеда б. Али Насраллахи (первая половина XVI в.) (Бартольд 1973; Насраллахи 1969).

Богослов и путешественник Фазлаллах б. Рузбихан Исфахани (1457 — ок. 1530) в 1509 г. создал на фарси «Михман-наме-йи Бухара» (Записки бухарского гостя). Там он затронул тему статуса эля мангытов в Дешт-и Кипчаке XV в., а также порядка кочеваний от Волги к Сырдарье, летовок и зимовок в восточном Деште. Перевод сочинения издан В.П.Джалиловой (Исфахани 1976).

Отголоски древних преданий и не дошедших до нас хроник звучат в сочинении придворного шейбанидского историка XVI в. Утемиш-Хаджи б. Мауланы Мухаммеда Дости «Тарих-и Дост-султан» (История Дост-султана) 1550 г. Оно было переведено В.П.Юдиным и посмертно опубликовано в Алма-Ате под названием «Чингиз-наме» (такое заглавие значится в его дефектной ташкентской рукописи) вместе с факсимиле и транскрипцией чагатайского текста (Утемиш-Хаджи 1992). Единственная полная рукопись находилась в личной библиотеке турецкого историка А.З.В.Тогана (Firdaws 1999, p. XIII). Утемиш-Хаджи приводит данные, позволяющие судить о существовании города Сарайчука уже в середине XIII в., о репутации Эдиге в Дешт-и Кипчаке

как святого и мудреца, о формировании культа Баба-Туклеса — одного из легендарных предков Эдиге.

В середине 1580-х — начале 1590-х годов Хафиз-и Таныш б. Мир-Мухаммед Бухари составил обширную «Шараф-наме-йи шахи» (Книга шахской славы), посвященную бухарскому хану Абдулле и описывающую его жизнь подробнейшим образом — по годам, месяцам и дням. Нас интересуют в ней данные о косвенном участии ногаев (мангытов) в среднеазиатских междоусобных войнах последней четверти XVI в. «Книга шахской славы» переведена и частично опубликована М.А.Салахетдиновой. Вышли два тома. Издание не закончено (Хафиз-и Таныш 1989).

К династии Шейбанидов[13] принадлежал хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадур б. Араб-Мухаммед (1603–1664). Известны два его крупных сочинения — «Шаджара-йи тюрк» (Родословная тюрок) и «Шаджара-йи таракима» (Родословная туркмен), написанные в 1659–1664 гг. Первое рассказывает, в частности, о мангутах в Монголии, во многом повторяя Рашид ад-Дина; приводится информация о происхождении Эдиге, его службе у золотоордынских ханов — Тохтамыша и Тимур-Кутлуга; уникальными являются известия о борьбе Мусы б. Ваккаса за власть в Дешт-и Кипчаке в середине XV в. и о набегах ногаев (мангытов) на Мангышлак в конце XVI в. Второе включает краткие сведения о родо-племенной принадлежности Эдиге, о формировании этнической карты Дешт-и Кипчака после монгольского завоевания, о переходе владычества там поочередно к Джучидам, ногаям, калмыкам. «Шаджара-йи тюрк» опубликована на тюрки́ и во французском переводе П.И.Демезоном (мы опирались на это издание: Aboul Ghazi 1871), в русском переводе — Г.С.Саблуковым (Абу-л-Гази 1906), «Шаджара-йи таракима» — в русском переводе А.Н.Кононовым (Кононов 1958).

Наряду с трудами Абу-л-Гази Бахадур-хана к так называемым хивинским хроникам относится «Фирдаус ал-икбал» (Райский сад счастья), составленный тоже на тюркском языке Шир-Мухаммедом б. Аваз-бий-мирабом Мунисом (ум. в 1829 г.) и законченный его племянником Мухаммед-Риза-мирабом б. Эр-Нияз-беком Агахи (1809–1874). Мы можем почерпнуть отсюда сведения об участии Мусы-бия в борьбе за власть в Дешт-и Кипчаке и о связях ногаев с Хивой во время тамошних междоусобиц XVII в. (Мунис 1969; Firdaws 1999).

Бухарская династия Аштарханидов, сменившая в конце XVI в. Шейбанидов, тут же обзавелась собственной историографией. Из источников аштарханидского круга привлекает внимание книга «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (Море тайн относительно доблестей

[13] Шейбаниды — потомки Мухаммеда Шейбани. Часто в литературе так же обозначается потомство Шибана (Сыбана, Шейбана), сына Джучи, внука Чингисхана. В нашей книге оно названо Шибанидами.

благородных) путешественника и писателя Махмуда б. Эмир-Вали (ум. в середине XVII в.), созданная в 1634–1640 гг. по поручению одного из ханов. Во многом следуя шейбанидским хроникам, автор рассказывает об участии мангытов в усобицах после смерти Абу-л-Хайра и раскрывает роль в этих коллизиях бия Мусы б. Ваккаса (перевод фрагментов см.: Бартольд 1964в, с. 390–399; Махмуд ибн Вали 1969).

В разное время в разных областях Средней Азии жили и творили историки, не принадлежавшие ни к одной из названных выше школ. Одним из таковых был Сайф ад-Дин Шах-Аббас Ахсикенти, живший в первой половине XVI в. в Фергане. Перу его и его сына Нур(Науруз)-Мухаммеда принадлежит тюркоязычное жизнеописание ферганских шейхов «Маджму ат-таварих» (Собрание историй). Оно включает много легендарных сюжетов, поэтому пользоваться этим сочинением следует с предельной осторожностью. Подобной баснословностью страдают сведения Ахсикенти о коалиции ордынского хана Фулада, мирз Ямгурчи и Кейкобада против богатыря Манаса (эти лица жили в разное время, а Манас, очевидно, вообще не исторический персонаж). Тем не менее источник интересен упоминанием некоторых деталей, в том числе таинственного Кейкобада — сына Эдиге, послужившего позднее эпонимом титула военачальника левого крыла в Ногайской Орде. Факсимиле «Маджму ат-таварих» опубликовано А.Т.Тагирджановым (Ахсикенти 1960).

Средневековая историография татарских ханств Поволжья и Сибири почти не сохранилась. К ней может быть отнесено лишь несколько произведений, наиболее значительное из которых — «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) Кадыр Али-бека б. Хошум-бека Джалаира. Сначала он состоял на службе у сибирского хана Кучума, затем был взят в плен русскими и в конце концов обосновался в Касимовском царстве. При дворе касимовского хана Ураз-Мухаммеда в 1602 г. Кадыр Али-бек и написал свою книгу. «Джами ат-таварих» состоит из сокращенного пересказа одноименного труда Рашид ад-Дина и оригинальной части, включающей несколько глав («дастанов»). Хроника ценна тем, что доносит местную, татарско-ногайскую версию относительно недавних событий в Дешт-и Кипчаке XV–XVI вв. В частности, автор приводит хронологию правлений ногайских биев до Исмаила; описывает отношения Эдиге, его сына Мансура и внука Ваккаса с ханами; передает обстоятельства гибели Эдиге. Сочинение подробно изучено и проанализировано М.А.Усмановым (Усманов М. 1972). Татарский текст издан И.Н.Березиным (Кадыр Али-бек 1854).

Из-под пера татарского анонима вышла недатированная рукопись «Хасса айн» (Источник знатных лиц), обнаруженная Н.Ф.Катановым в Тобольском губернском музее (Катанов 1903). Там говорится, помимо прочего, о проживании ногаев в XV в. на Иртыше и об обращении их в ислам.

На другом краю Дешт-и Кипчака располагался Крымский юрт. Его правители-Гиреи имели сложные, часто враждебные отношения с Ногайской Ордой. Формально она не граничила с их государством, но порой вступала в военные конфликты или же, напротив, пыталась наладить сотрудничество. Писатели, работавшие в Бахчисарае, конечно, обращали внимание на восточных кочевников, но, как правило, только в связи с историей своей страны. Исторических сочинений, созданных в Крымском ханстве, известно не много. Важнейшее из них — «Тарих-и Сахиб-Гирей-хан» (История Сахиб-Гирей-хана). Оно составлено в 1550-х годах придворным историком этого монарха Мухаммедом Нидаи Кайсуни-заде по прозвищу Реммал-Ходжа. К ногаям имеет касательство описание борьбы мангытского Баки-бека с Гиреями, статуса и расселения мангытов в крымских владениях в первой половине XVI в., разгрома Сахиб-Гиреем ногайской конницы у Перекопа. В нашей работе использована публикация О.Гёкбильгина, содержащая текст на тюркском языке и французский перевод (Tarih 1973).

В середине XVII в. Абдулла Челеби Ризван Паша-заде написал «Таварих-и Дешт-и Кипчак» (Летописи Дешт-и Кипчака), представляющие собой краткую хронику правления крымских ханов до 1637 г. Для истории Ногайской Орды здесь интересны упоминания о войне Мухаммед-Гирея I с нею 1523 г., о ногаях на Северном Кавказе в 1630-х годах. «Таварих-и Дешт-и Кипчак» изучались А.Зайончковским и были изданы им в Варшаве с французским переводом (Зайончковский 1969; Zajączkowsky 1966).

Приблизительно в середине XVIII в. крымский историк Саид-Мухаммед Риза создал «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» (Семь планет в известиях о татарских царях) — описание царствования семи ханов с 1445 по 1745 г. Здесь также рассказывается о проблемах, которые более всего волновали знать полуострова в связи с ногаями (расселение и статус мангытов в Юрте, события 1523 г., убийство хана Ислам-Гирея I Баки-беком, политика Сахиб-Гирея по седентаризации кочевников, пришедших в его владения из-за Волги) (Риза 1832; Précis 1833).

Крымская дипломатическая переписка с Москвой сохранилась, как и ногайская, в значительном объеме. Помимо огромного числа уцелевших грамот, хранящихся ныне в фонде «Сношения России с Крымом» РГАДА, несколько десятков подобных документов были изданы на тюрки́ В.В.Вельяминовым-Зерновым (Материалы 1864б).

Из произведений османской средневековой историографии отметим «Сеяхат-наме» (Книгу путешествия) Эвлии Челеби б. Дервиша Мухаммеда Зилли (1611–1679 или 1683), который в течение 1640–1666 гг. семь раз посещал территории Молдавии, Украины, Крыма, Северного Кавказа и Поволжья. Он описывает буджакских и кубанских ногаев, расселение их среди горских народов, образ жизни и

отношения с соседними владетелями, в том числе с калмыцкими. Записки Эвлии Челеби изданы на языке оригинала в Стамбуле в 1897–1938 гг. В русском переводе они частично опубликованы под редакцией А.Д.Желтякова (Эвлия 1961; Эвлия 1979).

Середина XVII в., когда странствовал Эвлия Челеби, — это время непосредственного контакта ногайских улусов с османскими властями, поэтому они и привлекли внимание любознательного турка. Но до той поры Порту почти не интересовал заволжский Дешт. Одно из немногих упоминаний о событиях ногайской истории — рассказ о борьбе Эдиге с сыном Тохтамыша, Кадыр-Берди, помещенный в анонимной компиляции конца XVIII в. «Девлет-и алиййе иле Русйа девлети, Кырым хаккында баз малумат мюхимме ве тахрират ресмийени хави маджмуа» (Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма), изданной В.Д.Смирновым (Девлет-и алиййе 1881). Слабая заинтересованность османского правительства в ногайских делах заметна и в материалах султанской канцелярии, хранящихся в собрании дипломатических документов «Мюхимме дефтерлери» стамбульского архива Башвекалет. В целом ногайский вопрос был передоверен Портой Бахчисараю. Турки же вспоминали о ногаях лишь изредка — в связи с организацией двух походов на Астрахань во второй половине XVI в., крымскими событиями и переселением кочевников на запад, в Буджак. Большинство этих документов введено в научный оборот А.Н.Куратом (Kurat 1940), а также А.Беннигсеном, его сотрудниками и учениками (Bennigsen 1967; Bennigsen, Berindei 1980; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1972; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1973; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976; Bennigsen, Veinstein 1980; Berindei 1972; Carrere d'Encausse 1970; Le khanate 1978; Lemercier-Quelquejay 1969; Lemercier-Quelquejay 1971)[14].

Монгольские и калмыцкие источники. Монгольские хроники — анонимная «Монгол-ун нигуча тобчиан» (Тайная история монголов, ок. 1240 г.) и «Эртэню хадун ундюсюлегсен тёрю-есуну жокиял тобчилан хуриягсан алтан тобчи кэмэкю орошибай» (Сочинение под названием Золотой свод, содержащее краткую историю правления, основанного древними ханами), или просто «Алтан тобчи» (Золотой свод, середина XVII в.), Лубсан Данзана — для нашей темы имеют скорее косвенное, иллюстративное значение (Сокровенное 1990;

---

[14] Может быть, единственным мусульманским источником, где истории мангытов посвящен специальный раздел, является «Тарих-и салатин-и мангитийа, узбекийа ва аштарханийа» (История мангытских, узбекских и аштарханидских правителей), приписываемая бухарскому принцу из династии Мангытов Мир-Хусейну б. Эмир-Хайдару (первая четверть XIX в.). Первая часть этого сочинения повествует о мангытах периода от Эдиге до 1612 г. Единственный список без начала и конца хранится в Собрании рукописей Института востоковедения Академии наук Узбекистана (№ 112/1) и, к сожалению, нам недоступен. Информацию о нем см.: Ахмедов 1985, с. 136.

Erten-ü 1937). Мы можем почерпнуть из них легендарные версии происхождения монголов-мангутов и сведения об участии их в политических событиях конца XII — начала XIII в. на территории Монголии.

Гораздо большую ценность имеют источники, созданные калмыками — подразделением западных монголов-ойратов, переселившимся в Поволжье в первой половине XVII в. Хроники, сочиненные в ставках ханов и нойонов, описывали, в частности, занятие калмыками степей Волго-Яицкого междуречья, вытеснение оттуда и частичное подчинение ногаев — прежних властителей этой территории. Исходным моментом пребывания калмыков на их новой родине историки считали выход на Волгу и разгром на ее берегах ногаев в 1628 г. Примерно в одинаковом ключе и даже в сходных выражениях показаны эти события в таких произведениях, как «Ойрад улус эртэ болуксан хагучид-ун тобчи тэгюкэ» (Краткая история ханов о том, как в прошлом образовалось ойратское государство) Габан Шараба 1739 г., «Хошууд нойон Батур Убаши Тюмэни тююрбиксэн дербен ойридийн тююкэ» (Сказание о дурбэн-ойратах, составленное хошутским нойоном Батур-Убуши-Тюменем) 1819 г. и анонимное «Халимак хаадийн туужиги хураажи бичиксэн тобчи орушибай» (Сокращенное изложение истории калмыцких ханов), очевидно, XVIII в. (Батур-Убуши-Тюмен 1969; Габан-Шараб 1969; История 1969).

Западноевропейские источники. Средневековые наблюдатели из европейских стран тоже не посвятили ногаям ни одного специального сочинения. Этот народ и его кочевая империя оставались на периферии внимания западных современников. Они вспоминали и писали о ногаях главным образом в связи с Россией или же по ходу описания маршрута путешествия, если случалось проезжать через степи. По достоверности и полноте информации источники, вышедшие из-под пера европейцев, делятся на путевые записки и воспоминания людей, лично посетивших татарские ханства; мемуары тех, кто побывал в России в составе посольств или торговых миссий; сочинения иностранцев на русской службе; наконец, работы авторов, никогда не ездивших ни в Россию, ни в Дешт и получавших информацию из вторых рук.

В 1394 г. в турецкий плен попал баварский солдат Иоганн Шильтбергер (1380 — не ранее 1438). В течение последующих тридцати трех лет он вместе со своими хозяевами побывал во многих странах, в том числе в Золотой Орде, а в 1427 г. бежал на родину, где описал свои странствия. Этническая общность ногаев в ту пору еще не сформировалась, но Шильтбергер оставил ценные данные (переданные с чужих слов) о статусе Эдиге в державе Джучидов первых десятилетий XV в., о его походе в Сибирь и поставлении там марионеточного хана Чекре (Шильтбергер 1984).

О карьере и могуществе Эдиге слышал и другой европеец — Руи Гонсалес де Клавихо (ум. в 1412 г.), посол кастильского короля Генриха III к Тимуру в 1403–1406 гг. Находясь в Самарканде, он узнал о союзе мангытского вельможи с владыкой Мавераннахра и их позднейшем разрыве. Клавихо дает краткую, но яркую характеристику военной мощи Золотой Орды под началом Эдиге и не оставляет сомнений в ведущей роли последнего в царстве Джучидов того времени (Клавихо 1990)[15].

Поколение сыновей Эдиге застал венецианский дипломат Иосафат Барбаро (1413–1494), который в 1436 г. посетил город Тану на Дону и в 1473–1479 гг. — Персию. В конце 1480-х — начале 1490-х годов он изложил подробности своих странствий в книге «Quivi comenciano le cose vedulte et aldite per mi, Iosapath Barbaro, citadin de Venetia, in do viazi che io hoffatti — uno ala Tana et uno in Persia», обычно сокращенно называемой «Путешествие в Тану и Персию». Барбаро лично встречался с Наурузом б. Эдиге — беклербеком золотоордынского хана Кучук-Мухаммеда, а также слышал бытовавшие в степях воспоминания об Эдиге как о могущественном соправителе государей и инициаторе массовой исламизации кочевников (Барбаро 1971). Другой венецианский посланник в Персию (1474–1477), Амброджо Контарини (ум. в 1499 г.), в своем труде «Questo e el Viazo di misier Ambrosio Contarin, ambassador de la Illustrissima Signoria de Venesia al signa Usuncassam, re de Persia» (сокращается обычно до «Путешествия в Персию») уделил заволжским кочевникам гораздо меньше места. Для нашей темы важны его указания на «диких татар», что живут к востоку от Волги, и на характер их отношений с Астраханью (Контарини 1971).

Следующим достойным упоминания западным эмиссаром был Мартин Броневский (ум. в начале XVII в.), направленный в 1578 г. польским королем Стефаном Баторием в Крым к хану Мухаммед-Гирею II. Броневский прожил в Крымском юрте более девяти месяцев и по возвращении описал свои впечатления о тамошних делах («Tartariae Descriptio», Описание Татарии). В частности, он показал роль ногаев в крымских династических распрях XVI в. и характер отношений Бахчисарая с Ногайской Ордой (Броневский 1867).

Монах-доминиканец Жан де Люк (Джованни Лукка)[16] в середине 1620-х годов объехал крымское Причерноморье, Северный Кавказ и Закавказье. В повествовании о своем путешествии (оригинальное

---

[15] Рукописи сочинений Шильтбергера и Клавихо сохранились без заголовков. Названия им давались издателями: «Путешествие по Европе, Азии и Африке», «История великого Тамерлана», «Дневник путешествия в Самарканд», «Дневник путешествия ко двору Тимура» и т.п.

[16] Время жизни де Люка, а также Виженера, д'Асколи, Крузе, Освецима, Таубе, Фоскарино и Хуана Персидского (о них см. ниже) нам выяснить не удалось.

название неизвестно, подлинник утерян) он показал расселение, занятия и образ жизни ногаев, подчинявшихся Гиреям, а также буджакцев (Люк 1879). Коллега де Люка по ордену Эмиддио Дортелли д'Асколи в тот же период наблюдал жизнь Крыма изнутри, так как более чем на десятилетие осел там. По возращении в Италию, на основании личных наблюдений и расспросов, в 1634 г. он составил «Descriptione del Mar Negro e della Tartaria» (Описание Черного моря и Татарии), где поделился сведениями о мятеже мангытского лидера Хантимура против бахчисарайских монархов и вообще о политической роли ногаев в ханстве, отобразил их этнографические особенности.

Приблизительно в то время, когда д'Асколи покинул Причерноморье, туда явился французский инженер Гильом де Боплан (ок. 1600–1673), нанятый польским правительством для возведения крепостей на Южной Украине. Он занимался делами фортификации восемнадцать лет (1630–1648) по поручению своего патрона, короля Сигизмунда III, вернулся во Францию и приступил к «Description d'Ukraine» (Описание Украины). Во время жизни в степях Боплан сталкивался в основном с ногаями Буджака и отвел им немало страниц в своем труде. «Описание Украины» является одним из основных источников для изучения занятий, экономики, общественных отношений у этой части большого ногайского мира; кроме того, автор высказал наблюдения о статусе ногайской знати в Крымском ханстве (Боплан 1896).

С конца XV столетия Россия, только что освободившаяся от ордынского ига, стала остро интересовать своих западных соседей. Уважения и внимания (не всегда дружелюбного) к ней добавила череда победоносных войн Ивана III с Великим княжеством Литовским. В Москву потянулись посланцы из европейских столиц, в том числе из столицы Священной Римской империи — Вены. В 1517 и 1526 гг. великокняжеский двор посетил немецкий барон Сигизмунд Герберштейн (1486–1566). Он не только выполнял дипломатические поручения императора Максимилиана I и эрцгерцога Фердинанда, но и старался собрать для них предельно точные, объективные и полные сведения о загадочной Московии. Высокое качество добытой информации, наблюдательность и эрудиция Герберштейна превратили его «Rerum Moscoviticarum» (Записки о московитских делах) в один из основных источников как по России того периода, так и по сопредельным с ней народам. Именно Герберштейну, в частности, принадлежит детальное описание внутренней структуры Ногайской Орды, ее деления на крылья и улусы, что очень сложно определить по материалам дипломатической переписки. Имперский дипломат подробно описал «астраханскую катастрофу» 1523 г. — конфликт ногаев с крымским ханом Мухаммед-Гиреем I. Сам барон за Волгой не бывал, но использовал все возможности, чтобы расспросить о тех землях своих

русских собеседников и, возможно, обретавшихся на Москве татар (Герберштейн 1988).

Задачи, сходные с поставленными перед Герберштейном, были поручены посланцу Максимиалиана I Франческо да Колло. В 1518 г. он явился в русскую столицу с формальной целью примирения многолетних противников — Василия III и польско-литовского короля Сигизмунда I. Прожив полгода в Москве, да Колло отбыл в Европу и вскоре представил своему сюзерену «Relatione sulla Moscovia» (Донесение о Московии) — сводку собранных им во время миссии сведений о России и ее соседях. Ногаям там посвящены лаконичные пассажи об их многочисленности и воинственности, о выплате им дани окрестными правителями во избежание ногайских набегов (Колло 1996).

В середине XVI в. начались активные дипломатические и торговые контакты Московской Руси с Англией. После первого британского визитера — капитана Ричарда Ченслера (середина 1550-х годов) — в течение нескольких десятилетий Московию посетила целая плеяда смелых, любознательных и целеустремленных англичан, разведывавших возможности русского рынка и маршруты в Персию и Индию[17]. Выделим среди них Энтони Дженкинсона (ум. ок. 1611 г.), который четырежды приезжал в Россию, а в 1558–1559 и 1562–1564 гг. проделал путь от Москвы до Мавераннахра и Персии, отразив его в своем «Voyage» (Путешествие). Следуя по Волге мимо ногайских кочевий, он живо интересовался состоянием тамошнего населения. От местных собеседников он смог узнать, что Орда несколько лет назад была охвачена страшным голодом и смутой и что победил в этой смуте бий Исмаил. Дженкинсон отразил некоторые подробности этнографии кочевников, их торговли с русскими (Дженкинсон 1937).

Другой англичанин, придворный богослов королевы Елизаветы, Джайлс Флетчер (ок. 1549–1611), был ее послом в русской столице в 1588–1589 гг. В книге «Of the Russe Common Wealth» (О Русском государстве) он показал расселение ногаев и использование их царями на европейском театре военных действий, отметив высокую репутацию ногайской конницы в глазах воевод (Флетчер 1905).

От самого конца XVI в. остались бесхитростные путевые записки перса Урух(Урудж)-бека, принявшего католичество и превратившегося на службе у испанского короля Филиппа III в дона Хуана Персидского. Будучи в составе посольства шаха Аббаса I в Европу 1599–1600 гг., он составил на основе дорожных впечатлений «Relaciones» (Донесения), изложив сведения, в том числе о местах кочевий ногаев

[17] Самого Ченслера, который чудом спасся во время кораблекрушения и оказался в Московском царстве случайно, ногаи совершенно не интересовали. Разве что приводимое им число русских ратников, выставляемых для охраны юго-восточной степной границы, имеет какое-то отношение к русско-ногайским отношениям и, следовательно, к истории Ногайской Орды (Ченслер 1937, с. 59).

и об особенно запомнившемся ему способе переправы их через реки (Хуан 1899).

Статус ногаев по отношению к России, их политическая независимость во второй половине XVI в. ярко предстают в труде шведского дипломата и историка Петра Петрея де Ерлезунды (1570–1622). Он неоднократно посещал Москву начиная с 1601 г. Для цельности своего рассказа о Московии он попытался описать народы, с нею соседствующие (но большую часть этой информации заимствовал у Герберштейна) (Петрей 1867).

В течение девяти лет жил на Руси молодой голландский коммерсант Исаак Масса (1587 — ок. 1635), которого родители отправили туда набираться опыта в торговых делах. По приезде домой, в 1610 г. для правителя Нидерландов Вильгельма Оранского он написал «Een cort verhael van begin en oorsprongk deser tegenwoordige oorloogen en troeklen in Moscovia totten jare 1610» (Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года). Масса хорошо показал подчинение Большой Ногайской Орды царю Борису Годунову в начале XVII в. и в то же время рассказал о неудачной попытке окольничего С.С.Годунова привести мирз к присяге (Масса 1937).

«Iter Persium» (Путешествие в Персию) австрийских послов Стефана Какаша (ум. в 1613 г.) и Георга Тектандера (ум. в 1614 г.) к шаху Аббасу представляет собой дорожные заметки, сделанные во время следования через Восточную Европу на юг в 1602–1604 гг. В мае–июне 1603 г. они посетили Астрахань и занесли на страницы дневника свои впечатления. Какаш и Тектандер описали жилища, семейный уклад местного населения, организацию его торговли, кочевых передвижений и др. Хотя в данном источнике это население постоянно именуется ногаями, на самом деле австрийцы не различали жителей собственно Большой Ногайской Орды и астраханских татар (Какаш, Тектандер 1896).

В разгар Смуты жил на Руси Станислав Немоевский (ок. 1560–1620), придворный Марины Мнишек. После свержения Лжедмитрия I он был выслан царем Василием Шуйским в Белоозеро, а в 1609 г., по условиям перемирия, возвращен в Польшу. «Pamietnik» (Записки) Немоевского содержат краткое, но очень яркое описание встречи с мирзой Элем б. Юсуфом в его романовском уделе на Волге, а также данные о расселении ногаев на Дону (Немоевский 1907). Еще один очевидец Смуты — Конрад Буссов (ум. в 1617 г.), который обретался в России на протяжении 1601–1611 гг. В 1612 г., переехав в Ригу, он составил хронику «Verwirrten Zustand des Russischen Reichs» (Смутное состояние Русского государства), где подробно изложил события от апреля 1584 (воцарение Федора Ивановича) до сентября 1611 г. В этом временнóм промежутке оказалось и убийство Лжедмитрия II

князем Петром Урусовым (он же ногайский мирза Урак б. Джан-Арслан б. Урус) в 1610 г., детально описанное Буссовым (Буссов 1961).

Последние годы существования Большой Ногайской Орды застал немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий (Эльшлегер, 1603–1671), посетивший Россию в составе шлезвиг-гольштейнского посольства в Москву в 1633–1634 гг. и в Персию в 1635–1639 гг. Его «Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung (Описание путешествия в Московию и Персию) снабжено многочисленными ссылками на Герберштейна и Петрея, но в целом основывается на собственных наблюдениях. Олеарий останавливался в Астрахани и разузнал, как и чем живут окрестные кочевники, как они ладят с воеводами и с калмыками; однако, подобно Какашу с Тектандером, путал ногаев с астраханскими татарами (Олеарий 1906).

Чуть ли не весь мир объездил голландский корабельщик Ян Янсен Стрейс (1630–1694), а в 1668–1673 гг. странствовал по России, повторяя маршрут Олеария. Хотя он и сам неплохо владел пером, в ногайских сюжетах его «Drie aanmerkellijke en seer rampspoedige Reisen» (Три достопамятных и исполненных превратностей путешествия) целиком основываются на труде Олеария (Стрейс 1935).

Те иноземцы, что подвизались на царской службе, были, конечно, более осведомлены о степных делах. Однако в их сочинениях основной упор делался на внутрироссийские проблемы, и данных о ногаях по сравнению с отчетами и воспоминаниями заезжих послов и купцов там очень немного. В 1564 г. в русский плен попали лифляндцы Иоганн Таубе и Элерт Крузе. Иван IV определил их на дипломатическое поприще. Они честно служили в Посольском приказе несколько лет, пока в 1571 г. не сбежали в Польшу. Для короля Сигизмунда II Таубе и Крузе сочинили донесение о своем пребывании в плену. Среди прочих сведений о России и окрестных народах они несколько раз упоминают о ногаях, рисуя их образ жизни, занятия, быт. Знали соавторы и о жестокой распре в Орде (хотя думали, что она разразилась после смерти бия Исмаила, а не при его «вокняжении»). Похожим образом сложилась судьба вестфальского авантюриста Генриха фон Штадена (род. в 1542 г.); впрочем, он явился на Русь добровольно. Царь взял его в опричники и привлекал к участию в карательных экспедициях второй половины 1560-х годов. В 1576 г. Штаден уехал в Германию и принялся за разработку различных проектов и трактатов на основе своего русского опыта. Наиболее значительным по объему оказалось «Moscoviter Land und Regierung Beschriben» (Описание страны и правления московитов). Там упоминаются, в частности, ногайская торговля лошадьми в России, сотрудничество Крыма с заволжской Ордой в войнах с Московией (Штаден 1925).

Долгие годы обретался на Руси Жан Маржерет (1550-е — не ранее 1618). Сперва он возглавлял военный отряд при Борисе Годунове,

затем стал начальником телохранителей Лжедмитрия I, позднее начал служить второму «Вору» в Тушине и в конце концов уехал в родную Францию. Там в 1607 г. он издал «Estat de l'Empir de Russie et Grand Duché de Moscovie» (Состояние Российской державы и Великого княжества Московского). Трудно было бы ожидать от человека с его кругозором интереса к подробностям и деталям внешней политики. Ногаи интересовали французского служаку лишь в связи с превосходными качествами их скакунов, импортируемых в Московию (Маржерет 1982).

За внутренним состоянием Московского государства наблюдали европейские политики, чувствовавшие, что на востоке Европы появляется новая мощная держава. Первоначально они с трудом отличали Русь, недавнюю ордынскую данницу, от татарских ханств. Следы такого восприятия сохранились — и сказались на качестве информации — в «Tractatus de duabus Sarmatis Asiana et Europiana et de contentis in eis» (Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них) польского государственного деятеля, медика и историка Матвея Меховского (1457–1523). Впервые трактат был издан в 1517 г. Автор обнаруживает удивительную осведомленность о событиях одного из самых темных периодов ногайской истории — пребывании Мангытского юрта в составе ханства кочевых узбеков Абу-л-Хайра и разрыве правителей Юрта с Абу-л-Хайром. Именно приведенная Матвеем Меховским относительная дата последнего события («лет за семьдесят до нынешнего 1517 года») для многих исследователей служит основанием отсчитывать образование самостоятельной Ногайской Орды с 1447 г. (Меховский 1936)[18].

Итальянский историк Павел Иовий Новокомский (1483–1552) жил еще дальше от России и знания о ней почерпнул от толмача русского посольства к папе Клименту VII Дмитрия Герасимова (1525 г.). В том же году вышла в свет книга Иовия «De legatione Basilii magni principis Moscoviae ad Clementem VII pontificem maximum liber» (Книга о посольстве великого князя Московского Василия к папе VII). Герасимов вкратце поведал собеседнику о расселении ногайских улусов и порядке управления в них (Иовий 1908).

На труды Иовия, Герберштейна, Матвея Меховского, Барбаро и Контарини опирался Франческо Тьеполо (1509–1580), автор «Discorso» (Рассуждения) о Московии, около 1560 г. Данные о населенности Сибири ногаями, расположении Ногайской Орды относительно Астраханской и Казанской «областей» целиком заимствованы от предшественников. Новым является сообщение о набеге ногаев на Россию в 1560-х годах (Тьеполо 1940). Книга Иовия послужила основным

[18] Сочинение Матвея Меховского было, очевидно, первым источником, познакомившим широкий круг европейских читателей с ногаями. Хотя в польско-крымской дипломатической переписке они фигурировали гораздо раньше.

первоисточником и для «Narratio historica de Moscovitico Imperio» (Историческое сказание о Московском государстве) венецианского посла в Москву в 1557 г. Марко Фоскарино. В отличие от большинства дипломатов этот итальянец почему-то не стал полагаться на собственные впечатления, а решил заимствовать текст из знаменитого трактата 1525 г. Это относится и к его известиям о ногаях (Фоскарино 1913).

В 1573 г. Блез де Виженер составил «La description du Royaume de Pologne et pays adjancens» (Описание Польского королевства и окрестных стран) для только что избранного на польский трон Генриха Валуа, герцога Анжуйского, чтобы познакомить нового монарха с его страной. В основе ногайских сюжетов книги лежит произведение Матвея Меховского (Виженер 1890).

Секретарь литовской великокняжеской канцелярии Михалон Литвин (Венцеслав Миколаевич, ок. 1490 — ок. 1560) в 1550 г. преподнес королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу собственный трактат «De moribus tartartorum, litvanorum et moschorum» (О нравах татар, литовцев и москвитян). Наряду с другими темами он поведал своему государю о ногаях, их месте среди прочих Орд и об организации ногайско-русской торговли (Михалон 1994).

Соотечественник Михалона Станислав Освецим был придворным чиновником у украинско-польских магнатов Конецпольских и Любомирских. В своем дневнике, охватывающем 1643–1651 гг., он затронул позицию ногаев в военных действиях на Украине между Польшей, с одной стороны, и Крымом и украинцами — с другой, в 1640-х годах (Освецим 1882).

Итак, источниковая база по истории ногаев и Ногайской Орды довольно обширна и разнообразна. Материалы, происходящие из разных стран и написанные на разных языках в течение XV–XVIII вв., позволяют осветить все стороны жизни этой кочевой империи. Регулярное, повседневное общение происходило у ногаев с Русским государством, поэтому именно московские архивные документы послужат в нашем исследовании главным кладезем информации. Что касается тюркских, арабских и персидских источников, то мы старались использовать их издания на языках оригинала; там же, где это не получалось, привлекались русские и европейские переводы. Калмыцкие и западноевропейские сочинения использованы в переводах на русский язык.

Раздел I

Образование и распад ногайской державы

Глава 1

Мангуты и кипчаки

Один из главных и самых запутанных вопросов в ногайской истории — проблема исторической связи между монголами-мангутами и позднейшими тюрками-мангытами. Слово «мангыт» (тюркизированное «мангут») часто использовалось на Востоке в XV–XVII вв. как синоним ногаев, поскольку правящий клан Ногайской Орды происходил из племени мангытов. Посмотрим, какие сведения можно извлечь из средневековых источников для того, чтобы узнать, каким образом изначально монгольский этноним «мангут» проник в Дешт-и Кипчак, а также определить, почему он был там заимствован местными кочевниками.

В XII в. монгольское племя мангутов расселялось между борджигинами, кочевавшими по Онону, и тунгусскими племенами среднего Амура, близко соседствовало с забайкальскими монголами-баргутами (Викторова 1980, с. 162; Рашид ад-Дин 1952а, с. 184), т.е. занимало территорию, приблизительно соответствующую нынешней китайской провинции Хэйлунцзян. По «Тайной истории монголов», мангуты происходили от Начин-бахадура — потомка монгольской праматери Алан-гоа в пятом поколении (Сокровенное 1990, с. 18; History 1990, p. 9); по хронике «Алтан тобчи» Лубсан Данзана — от Мангхудая из шестого колена потомства Алан-гоа (Лубсан 1973, с. 60; Erten-ü 1937, p. 18); Рашид ад-Дин называл предком мангутов Джаксу (Яхши), седьмого потомка Алан-гоа (Рашид ад-Дин 1952а, с. 184; Рашид ад-Дин 1952б, с. 29). Мангуты состояли в той же фратрии нирун, что и Чингисиды-борджигины (Рашид ад-Дин 1952а, с. 78, 79), следовательно, находились в довольно близком генеалогическом родстве с ними.

Это племя входило в улус Бартан-бахадура и Есугэй-бахадура, деда и отца Чингисхана. По смерти Есугэя половина их оставила семью своего покойного правителя и откочевала. Оставшихся мангутов возглавил нойон Куилдар. Во время борьбы Чингисхана за всемонгольский трон они верно служили ему. Куилдар не раз проявлял героизм в сражениях, хан очень ценил его и даже побратался с ним. Глава мангутов просил Чингисхана, чтобы тот позаботился о его детях в случае

его гибели. Когда нойон действительно погиб, Чингисхан выполнил просьбу побратима и назначил особый «сиротский налог» в пользу потомков Куилдара (Лубсан 1973, с. 104, 143, 150, 154; Рашид ад-Дин 1952а, с. 184, 185; Рашид ад-Дин 1952б, с. 125; 272; Erten-ü 1937, p. 76, 130, 139, 146). Впоследствии сын Куилдара возглавил «тысячу» мангутов во время войны в Северном Китае (Рашид ад-Дин 1952б, с. 179, 272).

Другой мангут, Дохолху, занял при Чингисхане и позднее при Угэдэе придворный пост чэрби и командовал тысячей гвардейцев-тургаутов (Лубсан 1973, с. 159; Erten-ü 1937, p 153). Мангута Джэдай-нойона Чингисхан числил среди своих самых верных сподвижников, «слуг усердных, даровитых, ловких стрелков, заводных коней, ловчих птиц на руке и охотничьих псов, привороченных к седлу». После смерти основателя Монгольской империи Джэдай постоянно находился в Монголии, при ставке младшего сына Чингиса — Толуя (Рашид ад-Дин 1952а, с. 185; Рашид ад-Дин 1952б, с. 264, 278).

Отколовшиеся же мангуты были разгромлены Чингисханом, а оставшиеся отданы в подчинение роду Джэдая.

Первые мангыты в Дешт-и Кипчаке. Названные выше официальные хроники не отразили переселения мангутов в Дешт-и Кипчак, где позднее сформировался Мангытский юрт. В перечнях племен, выделенных Чингисханом в удел (улус) старшим сыновьям — Джучи и Чагатаю, а также тех, что позднее распределялись между уделами Джучидов и Чагатаидов, мангуты не упоминались (см., например: Кляшторный, Султанов 2000, с. 207, 208; Рашид ад-Дин 1952б, с. 274, 275). Поэтому рискованно утверждать, подобно Л.Н.Гумилеву и В.Л.Егорову, будто они изначально были включены в Улус Джучи (Гумилев 1989, с. 535, 586; Егоров 1993, с. 535). Равным образом не вызывают доверия и догадки о переселении Чингисханом этого племени как своих «наследственных подданных», да еще за поддержку враждебных ханов, то ли к Каспию, то ли в Мавераннахр (Вамбери 1873, с. 116; Поноженко 1987, с. 33, 34; Фишер 1774, с. 192). Топонимы, связанные с мангытами, действительно встречаются в Средней Азии (см.: Мурзаев 1996, с. 184), но это скорее можно объяснить участием тюрок-мангытов в узбекских миграциях рубежа XV–XVI вв. Однако мангыты — это не монголы-мангуты, хотя какая-то связь между ними в общем просматривается: в позднем средневековье монгольские народы называли ногаев мангутами (Батур-Убуши-Тюмен 1969, с. 37; Габан-Шараб 1969, с. 57; Златкин 1983, с. 229).

Основная масса мангутов оставалась в Монголии или воевала в Китае. Мангуты относились к левому крылу империи и не имели формального основания двигаться в Дешт-и Кипчак. Вместе с тем наличие этнонима «мангыт» в среде тюркоязычного населения Джучиева улуса говорит о том, что отдельные группы монгольского племени

мангутов все-таки перекочевали из Монголии, Забайкалья и Маньчжурии на запад. Именно в XIII–XV вв. население Казахстана приобретает монголоидный облик, характерный для «монголоидно-европеоидной расы», с признаками южносибирского антропологического типа (Исмагулов 1970, с. 88, 89).

Повальная тюркизация завоевателей в Золотой Орде (Улусе Джучи) и Чагатайском улусе[1] давно установлена историками. Не стала исключением и горстка мангутов. Они восприняли язык и культуру восточных кипчаков и растворились среди них. Те кипчакские кочевые общины, что расселились на территории, отведенной в юрт (пространство для кочевания) мангутам, приняли по степному обычаю (История 1974, с. 93) их этническое имя. Так, судя по всему, в течение первой половины XIV в. и появились тюрки-мангыты. Подобная же трансформация произошла с кипчаками, оказавшимися в юрте монголов-хонкиратов: «получились» тюрки-кунграты; то же с кереями (от монголов-кереитов), найманами и т.п.[2].

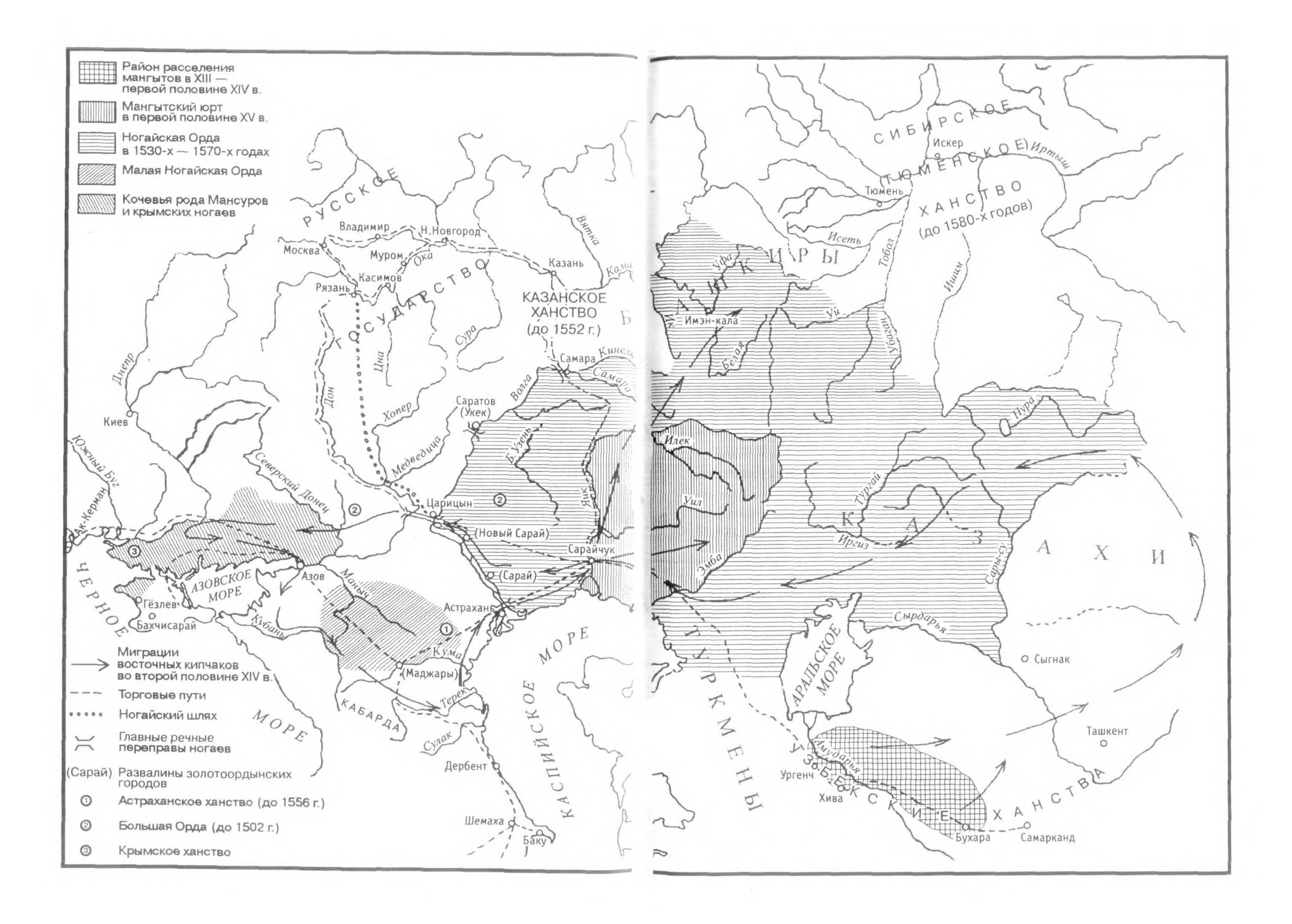
В различных источниках разбросаны свидетельства о первоначальном местопребывании предков ногаев, т.е. до их появления на Яике, в будущей Ногайской Орде. Сами ногаи представляли свою древнейшую историю следующим образом. Караногайское (северодагестанское) предание, опубликованное в 1863 г. А.О.Рудановским, гласит, будто их «народ кочевал несколько лет возле городов Бухары, Хивы и Оркаи (вероятно, Ургенч. — *В.Т.*) под предводительством Чингисхана». Затем ими стали управлять два калмыцких хана, Бодролтой и Бурголтей, которые принялись притеснять подданных. По этой причине ногаи, дескать, перекочевали в урочище «Алатавлы-Киргз» под начало Узбек-хана. Оттуда они вскоре переместились со всеми стадами и кибитками «к озеру Ака-Оку под покровительство тамошнего бия Мусы» (Рудановский 1863, № 48, с. 301).

Как видим, данная версия, во-первых, позволяет судить о времени миграции — период от Чингисхана (первая четверть XIII в.) до Мусы

---

[1] Удел, выделенный Чингисханом Чагатаю, включал Мавераннахр, Семиречье и Кашгар. Насколько мне известно, полной и подробной истории этого государства пока не написано. О чагатайских элях см.: Manz 1989, p. 154–165.

[2] А.Ю.Якубовский, напротив, считал, что мангуты (как и хонкираты) сохранили свою племенную идентичность, не утратили единства и впоследствии превратились в значительные народности. Правда, при этом «не удержали своего монгольского языка и отюречились» (Греков, Якубовский 1950, с. 298). Я не вижу признаков сохранения монгольской племенной структуры в западных Улусах Монгольской империи. Мангыты, кунграты и множество им подобных являлись все же скорее кипчакскими элями, разверстанными по юртам (или монг. *нутагам*) соответствующих монгольских племен — численно мизерных по сравнению с местными тюрками. Хотя в Улусах Джучи и Чагатая проживало несколько тюркских народов (огузы, карлуки, алтайцы, киргизы и др.), главным «инструментом» тюркизации монголов в степях выступили все-таки кипчаки как самый многочисленный народ. Принадлежность ногайского языка именно к кипчакской группе тоже приводит к такому заключению.

Район расселения мангытов в XIII — первой половине XIV в.
Мангытский юрт в первой половине XV в.
Ногайская Орда в 1530-х — 1570-х годах
Малая Ногайская Орда
Кочевья рода Мансуров и крымских ногаев
Миграции восточных кипчаков во второй половине XIV в.
Торговые пути
Ногайский шлях
Главные речные переправы ногаев
(Сарай) Развалины золотоордынских городов
① Астраханское ханство (до 1556 г.)
② Большая Орда (до 1502 г.)
③ Крымское ханство
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
Владимир
Н.Новгород
Москва
Муром
Ока
Касимов
Рязань
Казань
Вятка
Кама
КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО (до 1552 г.)
Сура
Цна
Дон
Хопер
Днепр
Киев
Самара
Кинель
Волга
Саратов (Укек)
Медведица
Б. Узень
Яик
Южный Буг
Северский Донец
Царицын
(Новый Сарай)
Сарайчук
(Сарай)
Ак-Керман
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Азов
Маныч
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Гёзлев
Бахчисарай
Кубань
Астрахань
Кума
(Маджары)
КАБАРДА
Терек
Сулак
Дербент
Шемаха
Баку
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
СИБИРСКОЕ (ТЮМЕНСКОЕ) ХАНСТВО (до 1580-х годов)
Искер
Иртыш
Тюмень
Исеть
Тобол
Ишим
БАШКИРЫ
Уфа
Имэн-кала
Белая
Уй
Убаган
Илек
Уил
Эмба
Нура
Тургай
Иргиз
КАЗАХИ
Сары-су
Сырдарья
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ТУРКМЕНЫ
Сыгнак
Ташкент
Амударья
УЗБЕКСКИЕ ХАНСТВА
Ургенч
Хива
Бухара
Самарканд

(вторая половина XV в.); во-вторых, она очерчивает ее маршрут: Мавераннахр и Хорезм — горы Алатау (Юго-Восточный Казахстан и Кыргызстан) — озеро Ак-Куль[3]. Отголосок пребывания мангытов в Средней Азии можно усматривать также в киргизском эпосе «Манас», где «ногоям» отводится значительная роль. И вообще древность, «золотой век» в киргизских преданиях иногда обозначается как «ногайские времена» (Валиханов 1961а, с. 388). Кроме того, указанная Муин ад-Дином Натанзи область правления потомков Ногая — Улуг-Таг, Сенгир-Ягач, Каратал, Дженд, Барчкент[4] (Натанзи 1957, с. 81) — соответствует примерно тому же региону.

Более спрямленный путь переселения отображен в ногайском предании, зафиксированном в «Описании Калауско-Саблинского и Бештово-Кумского народов» 1837 г.: «Предки ногайцев обитали прежде в Бухарии и были тогда идолопоклонниками». Приняв ислам от «султана Бабатукла», они «перешли из Бухарии на реку Волгу, в нынешнюю Астраханскую губернию» (РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 30, 30 об.). Здесь миграция изображена уже как переход из Мавераннахра непосредственно к Волге, хотя и без уточнения периода. Впрочем, ясно, что произошло это после миссии проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса, который жил в Улусе Джучи во времена хана Узбека (правил в 1312–1342 гг.) (Утемиш-Хаджи 1992, с. 106, 107). Передвижение предков под влиянием миссионера твердо держалось в памяти народа. В 1907 г. ногайский старик сообщил русскому исследователю,

---

[3] Затрудняюсь определить местоположение этого озера. Его название весьма распространено в Дешт-и Кипчаке. По Утемиш-Хаджи, на Ак-Куле располагался родовой улус Хызра б. Мангутая (по Натанзи — Хызра б. Сасы-Буги), который занимал золотоордынский трон в 1360–1361 гг. (Утемиш-Хаджи 1992, с. 109, 113). Маловероятна идентификация с тем Ак-Кулем, что находится в Ташаузской области Туркменистана (см.: Утемиш-Хаджи 1992, с. 156 — примеч. М.Х.Абусеитовой). Озеро с искаженным названием («Анколь») фиксируется в «Книге Большому чертежу» как место «кочевья Казацкия орды» в районе «города Сунака» (Книга 1950, с. 95; см. также: Маргулан 1950, с. 84, 85), т.е. Сыгнака, в окрестностях современного поселка Тюмень-Арык Кзыл-Ординской области Казахстана. Показательно, что именно свержение Хызра в Сарае вызвало дальнейшую миграцию мангытов от Волги на запад (см. ниже); получается, что они концентрировались вокруг этого хана и, возможно, служили ему опорой; следовательно, мангыты действительно когда-то пересекли ак-кульские кочевья и вместе с тамошними кипчаками и с Хызром (а частично, возможно, и с Мамаем) мигрировали в правое крыло.

[4] Улуг-Таг — это горы Улутау в Центральном Казахстане, на западе Карагандинской области. Дженд и Барчкент — города на нижней Сырдарье. Каратал — название нескольких рек в Центральной Азии; здесь речь идет, может быть, о пересыхающей реке у восточного края пустыни Бетпак-Дала в Джамбульской области Казахстана. В XIII–XIV вв. там находилась юго-восточная окраина Улуса Джучи. Сенгир(Секиз)-Ягач — местность, очевидно, где-то в западном Семиречье. Направляясь в нее, армия Тимура во время войн с моголистанскими эмирами в 1375 г. прошла через города Сайрам (на Арыси, притоке Сырдарьи) и Талас (на одноименной реке), а через два года — через тянь-шаньские города Узгенд и Атбаш (см.: Материалы 1973, с. 130, 153, 154).

что ногайцы в прошлом «вышли из Индии. Некоторое время жили с монголами, но появившийся святой (имя не называется. — *В.Т.*) велел им уйти от неверных» (Пашин 1912, с. 39) — здесь уже не от калмыков, как в публикации А.О.Рудановского, а от монголов. Думается, эти разновременные записи, называющие после Монголии или «Индии» местом первого поселения «Бухарию», достоверно отразили один из этапов передвижений мангытов по Евразии.

Абу-л-Гази Бахадур-хан в «Шаджара-йи таракима» рассказывает, что после того как Джучи обосновался в Дешт-и Кипчаке, «он переселил сюда свою семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в Кипчакский юрт... Потом этот юрт достался мангытам» (Кононов 1958, с. 20, 21, 44). Хотя автор и не приводит названий элей (илей), резонно предположить, что среди них оказались и мангыты. Во-первых, они тоже проживали в Улусе Джучи, поскольку тот в конце концов «достался» им. Во-вторых, мангыты могли относиться не к племенам, выделенным Чингисханом сыну, а к тем «уругам узбеков», что переселились в «Кипчакский юрт» после того[5].

Кроме того, если учесть фольклорные сведения о среднеазиатской «прародине» ногаев, то получается, что первоначально их предки жили в Чагатайском улусе, а не в Золотой Орде. Поэтому искать их среди изначальных джучидских подданных XIII — первой половины XIV в. бессмысленно. Однако, придя из Мавераннахра в казахстанские степи, кипчаки-мангыты оказались на землях, принадлежащих Джучидам — тем их династическим ветвям, которые происходили от сыновей Джучи-хана, Орду-Ичена и Шибана.

В ногайском, казахском и башкирском фольклоре есть упоминания об Азиз-Джанибеке, возглавившем ногаев при переходе их из «Великой Татарии» или «Бухарии» на Волгу (Корнис 1836, с. 5; Нестеров 1900, с. 103; Филоненко 1915, с. 12). Монеты с именем этого правителя чеканились в золотоордынском городе Гюлистане в 767/1365–66 г.[6]. Можно предположить, что заметное переселение целого мангытского массива с юго-востока произошло в 1350–1360-х годах. До того времени какие-либо крупные перемещения населения в Золотой Орде неизвестны, да и едва ли были возможны. В первой половине XIV в. она находилась в зените могущества, и ордынское правитель-

---

[5] В приведенном выше «Описании» 1837 г. говорится, будто «многочисленные их (ногаев. — *В.Т.*) роды некогда составляли один народ, известный под названием узбеков» (РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 30). Здесь можно, пожалуй, видеть воспоминание о ханстве кочевых узбеков XV в., но никак не об эпохе Чингисхана и Джучи.

[6] Обычно считается, что «Азиз Джанибек» на монетах — композиция имен двух ханов, из которых второй — это Джанибек II (см.: Григорьев В. 1850, с. 42–51; Савельев П. 1858, с. 290–293). А.П.Григорьев предположил, что *азиз* (араб. «дорогой, великий») здесь — эпитет покойного к тому времени Джанибека б. Узбека (Григорьев А. 1983, с. 40).

ство не допускало перехода племен (элей) из одного крыла или улуса в другой, чтобы не нарушать стройного деления населения и территории, не запутывать системы налогообложения и мобилизации ополчения. А вот в ходе смут, начавшихся после смерти хана Джанибека б. Узбека (1357 г.), в Дешт-и Кипчаке в самом деле начались масштабные миграции.

Причина их может быть определена только гипотетически. О внутренней истории левого крыла известно очень мало. Во всяком случае, нет никаких оснований считать массовые передвижения населения бегством от каких-то соперников или врагов. Резонно допустить вслед за В.Л.Егоровым, что кок-ордынская аристократия решила воспользоваться династическими распрями вокруг Сарая и захватить главный престол Улуса (Егоров 1980, с. 183). Однако должен был найтись весомый стимул для фактической узурпации ею власти над Золотой Ордой. Можно предположить, что таким стимулом для восточноджучидских царевичей послужило массовое переселение кипчакских племен (в том числе мангытов) из ослабевшего и распадавшегося Чагатайского улуса. Приток кочевников поставил местную знать перед необходимостью не только подыскать им место для проживания, но и увлечь энергию этой буйной стихии на внешние предприятия, за пределы Кок-Орды. Вот почему племена левого крыла двинулись к Волге в 1360-х годах.

Пришедший из восточных степей Хызр, царствуя в Сарае, возглавлял ханство правого крыла в Улусе Джучи, что располагалось к западу от Яика. Одновременно с ним в левом крыле, т.е. к востоку от Яика, ханствовал его брат (?) Кара-Ногай, имевший резиденцию на Сырдарье[7] (Утемиш-Хаджи 1992, с. 112). Ни того ни другого правителя не связывают в хрониках с мангытами. Но именно данный период обозначен в некоторых источниках как время переселения их к Волге. И.Л.Щеглов в начале XX в. слышал версию основания Ногайской Орды, по которой Эдиге собрал «заяицкие орды» в ходе смуты, разразившейся после ханов Амурата и Озиза (Щеглов 1910, с. 66). Последний персонаж — это, конечно, упоминавшийся выше Азиз-Джанибек; Амурат — скорее всего противник Мамая, Мюрид, сарайский хан в 1361–1364 гг., брат или сын Хызра (Григорьев А. 1983, с. 32, 54)[8].

Утемиш-Хаджи в своем «Тарих-и Дост-султан» передает, что во время разгоравшейся междоусобицы «кыйят Мамай забрал правое

---

[7] Это, однако, не дает оснований приписывать Кара-Ногаю лидерство при рассматриваемой перекочевке народа на запад (см.: Поляков 1980, с. 146), если только не допустить, что «Ногай» было прозвищем Мамая. Родословная Кара-Ногая: Кара-Ногай б. Мангутай б. Тула-Буга б. Кадак б. Шибан б. Джучи (Рашид ад-Дин 1960, с. 74; Утемиш-Хаджи 1992, с. 150 (примеч. М.Х.Абусеитовой)).

[8] Имя этого хана в форме «Амурат» присутствует также в русских летописях (Патриаршая 1885, с. 233; Симеоновская 1913, с. 101; Софийская 1851, с. 229).

крыло и ушел с племенами в Крым». После убийства хана Хызра и разорения его противниками стольного Сарая бóльшая часть Хызрова эля тоже подалась в Крымский вилайет к Мамаю (Утемиш-Хаджи 1992, с. 108, 113; об обстоятельствах переворота см.: Григорьев А. 1983, с. 28, 29). Данная информация полностью соответствует сообщению Симеоновской летописи об убийстве Мамаем хана Тимур-Ходжи, сына и преемника Хызра, переправе Мамая через Волгу и его откочевке в Крым. Летопись датирует эти события 1361 г. (Симеоновская 1913, с. 101).

Крымский вилайет включал не только сам полуостров, но и степи от нижнего Днепра до нижнего Дона. Есть некоторые фольклорные данные об участии в этой миграции мангытов. В одном из башкирских сказаний Крым предстает как прародина ногаев (Рычков 1896, с. 69). В Крыму действуют и многие богатыри-герои ногайского эпического цикла (хотя последнее может быть связано и с расселением ногаев в крымских владениях в XVII–XVIII вв.). Подобные передвижения отражены в казахском эпосе «Эр-Таргыл», где главный персонаж является выходцем из киргизов, бежавшим к народу «кырк сан крым» (Молдобаев 1995, с. 60) (ср. легендарный маршрут из ногайских сказаний: Мавераннахр — Киргизский Алатау, а также информацию Утемиш-Хаджи об уходе народа с территории Казахстана в Крым).

Таким образом, кажется вероятным форсирование Волги значительной частью эля мангытов в числе прочих племен в середине XIV в. Но Крым тоже находится довольно далеко от Яика, будущего центра Ногайской Орды! Следует продолжить поиски следов мангытских передвижений.

Разгром ханом Тохтамышем Мамая в 1380 г. привел к рассеянию его, Мамаевых, элей. Те мангыты, которые когда-то явились в Крым с Мамаем, вынуждены были искать пристанище в дальних краях. Смутные воспоминания об этом расселении сохранились в различных регионах Восточной Европы. Предание, сообщенное башкирским старшиной П.И.Рычкову в XVIII в., гласит, будто «ногайский хан Басман», спасаясь от «морового поветрия», с семнадцатью тысячами кибиток перебрался из «Малой Татарии», что находилась «близ Крыма», к Яику и к устью Сакмары, где основал свою ставку Актюба (Рычков 1896, с. 69).

Из некоторых источников явствует, что первая и временная остановка после исхода из Крыма имела место на берегах Кубани. В частности, в мордовском фольклоре слово *губан* (кубанец) обозначает ногайца (см.: Устно-поэтическое 1982, с. 87, 104); башкирские народные генеалогии свидетельствуют, что после русского завоевания Казани в середине XVI в. большинство ногаев, живших в Башкирии, откочевали на Кубань — прежнее место жительства их отцов, откуда те

некогда бежали «от жару» (Башкирские 1960, с. 32: Соколов 1898, с. 51)[9].

К этим сюжетам примыкает донская казачья легенда о начальнике Донского войска Адиге или Атике, который из города Черкассы, называвшегося тогда Орн, «перешел на восточную сторону Азовского моря и между двумя рукавами Кубани построил замок своего имени Ада» (Попов А. 1814, с. 116). Черкассы с середины XVII в. действительно были административным центром Донского войска и в этом повествовании являются анахронизмом. Но район Черкасс (степное нижнее Поднепровье) в начале XVI в. служил кочевьем тех мангытов, которые предпочли остаться в Крымском вилайете на территории Большой Орды и позднее закрепились в Крымском ханстве (ПДК, т. 1, с. 119; Сыроечковский 1940, с. 44; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1972, p. 330). Еще в 1546 г. ногайские мирзы заявляли крымскому хану: «Буди тебе ведомо: Днепр деи нашь коч, твои татаровы по Непру не кочевали» (КК, д. 9, л. 53). Адиг/Атик напоминает имя родоначальника мангыто-ногайских биев Эдиге, хотя он погиб в 1419 г., а во время предполагаемого переселения мангытов из Крымского улуса на Кубань (1380-е годы) находился при дворах Тохтамыша и затем Тимура. Тем не менее какие-то отголоски мангытской миграции могли проявиться в этом фольклорном рассказе, и события реконструируются таким образом, что некоторая часть мангытов осталась в Северном Причерноморье, а другая часть переместилась к востоку, на Кубань.

Следующим пунктом миграции оказалась долина Терека. В марте 1524 г. участник русского посольства в Турцию М.Тверитинов доложил в Москву, что «пошел Мамаи мырза от Асторохани кочевать на ***старое ногаиское кочевище на Терк реку*** под Тюмень, подалось к Хвалынскому (Каспийскому. — *В.Т.*) морю» (ТД, д. 1, л. 269 об.; здесь и далее в цитатах выделено мною. — *В.Т.*). Расселение ногаев на этой реке за столетие до цитированного донесения отразилось в ногайском эпосе. После перемирия хана Кадыр-Берди б. Тохтамыша с Нурадилем (Нур ад-Дином) б. Эдиге последний признал в первом «единственного хана Золотой Орды и навсегда отказался от своей независимости». За это хан передал ему «в полную собственность степь, орошаемую Тереком и Сулаком» (Семенов Н. 1895, с. 454). В 1880-х годах у чеченцев сохранялось предание о столкновении их предков с ногаями в «Малой Чечне» около пятисот лет назад, т.е. в конце XIV в.; в бою на реке Аргун ногаи были разбиты (Семенов Н. 1895, с. 394).

---

[9] Историческим курьезом выглядит казахское предание о происхождении Старшего, Среднего и Младшего жузов от трех братьев, которые в старину «вышли от турков из Кубанской степи... за поиском лошадей и, заблудясь, размножились» (Андреев 1998, с. 32).

Свидетельством пребывания предков ногаев на Тереке служит и легенда крымских ногайцев, приведенная В.Д.Смирновым. У предка ногайцев Байраса, сына Улуса, от трех жен было шестнадцать сыновей, которых называли общим именем Татар-Тоб. Уже сам публикатор связал это наименование с местностью Татар-Топа на Тереке (Смирнов В. 1887, с. 77, 78). Действительно, на левом берегу Терека, напротив осетинского селения Эльхотово, располагалась средневековая крепость Татартуп («Стоянка татар»). От нее уцелел знаменитый минарет XIV в., рухнувший в 1981 г. Жителями этой крепости, по мнению М.М.Базоркина, были крымцы, которых Мамай переселил на Кавказ (Базоркин 1961, с. 138). В XIX в. в эту местность съезжались на празднование по случаю мусульманского Нового года пятигорские ногайцы. Правда, Татартуп, видимо, не считался святыней именно ногайцев, и почитание его объясняли заимствованием от соседей-кабардинцев (Волкова 1974, с. 94).

С переселениями ногаев Е.И.Нарожный и Л.П.Семенов связывают оседание в этих местах таинственных борганов и основание ими мавзолея Борга-Каш в ингушском селе Плиево (Нарожный 1988, с. 129, 130; Семенов Л. 1928, с. 217 и сл.; описание мавзолея см.: Месхидзе 1998). Вопрос о времени и об этнической принадлежности строителей мавзолея, как и об идентичности ногаев с борганами, очень сложен. Самое раннее известие о борганах (боргунцах) датируется 1598 г. (Эпиграфические 1966, с. 201). Их происхождение и этноплеменные связи неизвестны. Однако, кажется, нет никаких документальных оснований связывать их с мангытами или в целом с ногаями. Уподобление борганов тем ногаям, которых эпический Мамай якобы переселил из Крыма «к подошве Кавказских гор» (Нарожный 1988, с. 129, 130), не основано на данных надежных источников[10]. Ингушская легенда о том, что в Борга-Каше погребен золотоордынский государь Татартупа Борга-хан, глава ногаев, которые, дескать, при Мамае перекочевали в Чечню (Виноградов 1980, с. 11), может служить иллюстрацией народной памяти о давних миграциях, но тоже не позволяет считать борганов ногаями. Да и народные сказания в этом отношении не единодушны. Л.П.Семенов собрал множество историй о мавзолее, и в итоге оказалось, что его сооружение приписывалось по меньшей мере десятку различных народов (Семенов Л. 1928, с. 217 и сл.).

Слабым доводом в пользу сближения ногаев с борганами могут служить еще разве что традиционные связи монголов-мангутов и монголов-буркутов (ср.: борганы) в период их обитания по соседству друг с другом в Северной Монголии в XII в. В то время между ними практиковался брачный обмен (Рашид ад-Дин 1952а, с. 185). Но это еще

---

[10] В недавней работе Е.И.Нарожный высказал осторожное предположение о тождестве борганов с «черными клобуками», которые, возможно, состояли в войске беклербека Ногая во второй половине XIII в. (Нарожный 2000, с. 146).

более далекие и опосредованные данные, к тому же прямой этнической связи между теми мангутами и дештикипчакскими мангытами, как уже говорилось, в общем не заметно.

Присутствие в Предкавказье на рубеже XIV–XV вв. будущих основателей Мангытского юрта доказывается аналогиями в кочевнических погребальных комплексах этого региона и Заволжья и Приуралья (Виноградов, Нарожный 1991, с. 18).

Как бы там ни было, в письменных источниках почти нет определенной информации о проживании предков ногаев на Северном Кавказе в XV — первой половине XVI в.[11]. Тем не менее память об их кочевании на Кубани и Тереке, как и сохранение там каких-то групп кочевников-кипчаков, могла стать одним из стимулов активной откочевки жителей Ногайской Орды на эти земли во второй половине XVI и в XVII в.[12]. Ареалу кавказского расселения мангытского эля в эпоху поздней Золотой Орды приблизительно соответствовала впоследствии Малая Ногайская Орда (Казыев улус), которая сложилась на Северо-Западном Кавказе к 1560-м годам.

Конец XIV в. в истории Улуса Джучи отмечен нашествиями Тимура. В походе 1391 г. он прошел через Центральный и Западный Казахстан, пересек Яик и разорил левобережье Волги. В 1395 г. его армия из Азербайджана вторглась на Северный Кавказ. В битве на берегах Терека ордынский хан Тохтамыш потерпел полное поражение. После этого Тимур опустошил Волго-Донское междуречье и Нижнее Поволжье. В промежутке между этими двумя кампаниями произошли события, которые многими историками трактуются как основание Ногайской Орды. Связаны они с предводителем мангытов Эдиге.

Начало карьеры Эдиге. Переселение мангытов на Яик. Подробности происхождения этого исторического персонажа окутаны

[11] Остается неясной этническая принадлежность населения Тюменского улуса в устье Терека. Некоторые исследователи склонны считать его ногайским (см., например: История 1967, с. 248; Мутенин 1948, с. 130), но никаких документальных данных в пользу такого утверждения не приводят. Кажется маловероятным привязывание тюменцев к ногаям, поскольку в событиях ногайской истории XV–XVI вв. терская Тюмень, насколько мне известно, почти не фигурирует. Данный улус мог быть кипчакским (но при этом не ногайским!) анклавом, территориально и этнически близким скорее к кумыкам.

[12] Эта гипотеза уже высказывалась В.Б.Виноградовым (Виноградов 1980, с. 11). В целом же я разделяю осторожный подход к определению времени финального прихода ногайцев в степи Северного Кавказа (см., например: Магомедов 1990, с. 52, 53). Крупные массивы ногайского населения появились здесь не ранее конца XVI в. Во множестве исследований в качестве доказательства присутствия ногаев на Северном Кавказе еще в конце XV в. приводятся фразы из русских посольских донесений того периода: «Орда... перекочевала к Пятма горам под Черкасы» и «Орда пашню пахала на Куме» (ПДК, т. 1, с. 167). Это очевидное недоразумение, так как в обоих случаях речь велась не о Ногайской, а о Большой Орде (Улуг улус). Ногаи же в то время обитали далеко на востоке, изредка приближаясь к Волге (см. ниже, главу 3), и не имели ни интереса, ни возможностей кочевать и тем более «пашню пахать» на Северном Кавказе.

тайной. Даже его имя [в «каноническом» варианте тюркú — «Эдюгю» (Радлов 1888, с. 4)] не имеет бесспорной этимологии. Народные предания (дастан «Эдиге») возводят его к слову «сапог» (*идуг*, *итук*): в сапоге якобы приемный отец принес младенца, будущего беклербека, домой (Диваев 1896, с. 12; Потанин 1897, с. 315). А.Х.Маргулан считал, что имя Эдиге произошло от словосочетания *етек-бий* — мудрец из черни, как будто бы звали эмира в народе (Маргулан 1940, с. 93); А.Н.Самойлович полагал, что имя восходит к восточнотюркскому (караханидско-кашгарскому) *эдгю, идгю* (добрый, хороший) (Самойлович 1973, с. 188).

Источники по-разному трактуют и племенную принадлежность Эдиге. Ибн Арабшах, автор одного из подробных изложений его биографии, писал, что «его племя именовалось кунграт» (Ибн Арабшах 1887, с. 54). Дженнаби утверждал, будто Эдиге был «по происхождению узбек» (Прошлое 1935, с. 86), что может объясняться расширительным толкованием понятия «узбеки» в Дешт-и Кипчаке XV в. Наиболее твердой и общепринятой ныне версией считается мангытское происхождение Эдиге. О нем сообщают и ногайские родословные (см., например: РС, оп. 1, д. 84, л. 52; Родословная 1851, с. 130), и средневековые восточные хроники (Йазди 1972, с. 335; Кононов 1958, с. 44; Šami 1937, p. 75), и дастан «Эдиге». В его татарском варианте хан Тохтамыш говорит Идегею: «Гай, татарин ты! От мангыта рожденный на свет нечистый нагульный татарин» (Идегей 1990, с. 15). Абу-л-Гази уточняет в «Шаджара-йи тюрк»: бек происходил из племени (*кабиле*) ак-мангыт (Aboul-Ghazi 1871, p. 162). Хотя среди подразделений ногайского эля мангыт не отмечена группа «ак» (см. ниже, очерк «Население»), сообщение хивинского историка соответствует признанной точке зрения на племенную принадлежность Эдиге.

Вопрос о происхождении Эдиге чрезвычайно сложен. В 1927 г. В.В.Бартольд посвятил анализу сведений по этой проблеме специальную статью (Бартольд 1963б). С тех пор новых источников и трактовок практически не прибавилось, и вывод В.В.Бартольда о том, что среди различных версий наиболее вероятной следует считать отцовство Балтычака, не вызывает возражений. По персидским источникам XV в., Балтычак (Балынчак, Балынмак) состоял беклербеком (*амир-ал умара*) при хане левого крыла Тимур-Мелике б. Урусе. Последний был разбит Тохтамышем в 1378 г. (Бартольд 1963б, с. 799). Хан-победитель предложил Балтычаку перейти к нему на службу, но встретил гордый отказ и казнил главного бека (Натанзи 1957, с. 95; Самарканди 1969, с. 25; СМИЗО, т. 2, с. 191, 251). Натанзи прямо называет Эдиге сыном Балтычака. Османский историк XVII в. Мунаджжимбаши передает имя отца Эдиге как Аланджак или Алдыжак (Сафаргалиев 1938, с. 31), что является очевидной трансформацией одного из вариантов имени «Балтычак».

Эпическая традиция и следовавшие ей Абу-л-Гази, Йазди и Кадыр Али-бек рисуют происхождение Эдиге совсем по-другому. Его родословная через отца, некоего Кутлу(г)-Кыя, возводилась к святому мусульманскому проповеднику Баба-Туклесу по линии его сына Терме. Баба-Туклес же, в свою очередь, происходил якобы от праведного халифа Абу Бекра, тестя Пророка.

Легенды о Баба-Туклесе, в том числе в ногайской среде, проанализированы в обстоятельной монографии Д.Девиза. В бытовании этих легенд выделяются три стадии: повествование о выдающейся роли проповедника в обращении золотоордынского хана Узбека в ислам; «татарская историографическая традиция» — придание исторического облика полумифической фигуре Баба-Туклеса; устная традиция, содержащая генеалогию Эдиге (DeWeese 1994, p. 13, 14). Американский исследователь сопоставил практически все версии подобных сказаний в фольклорных и документальных вариантах [DeWeese 1994, p. 386–387 (table 5.1)]. Все они единодушны в причислении Эдиге через Баба-Туклеса к потомству первого халифа. Причем отдельные хронисты шли еще дальше и доводили это родословие через Абу Бекра до праотца рода человеческого Ибрагима, сына Адама (Нурулла Хорезми) (DeWeese 1994, p. 381), что лишь подчеркивает искусственность данной генеалогической конструкции.

Помимо подобных легендарных построений, нет никаких данных для причисления Эдиге к аристократическому сословию. Отсутствие же рядом с его именем каких бы то ни было династических титулов во всех источниках, пожалуй, может свидетельствовать о его незнатном происхождении (см. также: Жирмунский 1974, с. 376; Измайлов 1992, с. 55). Башкирское предание прямо утверждает, будто он «был выходцем из простого (черного) люда» (Башкирские 1985, с. 112)[13].

Впервые Эдиге упоминается в источниках под 1376 г., когда Тохтамыш в борьбе за власть над Золотой Ордой призвал к себе на помощь Тимура (Бартольд 1963б, с. 800). До того времени Эдиге находился при дворе хана левого крыла (Кок-Орды) Уруса, а от него переметнулся к Тохтамышу. Нет сведений о каких-либо подробностях его тогдашней жизни в восточных степях. Но можно предположить, что между ним и ханом произошел какой-то серьезный конфликт. Во всяком случае, ногаи через двести лет вспоминали: «С Урусом царем наш прадед Идигии князь... в недружбе великои были» (НКС, д. 8, л. 231 об.). При подобном конфликте силы были явно неравны, и Эдиге был вынужден оставить сюзерена. Он явился к Тохтамышу, который обретался тогда у Тимура в Бухаре, и поведал о зловещих военных планах Уруса (Йазди 1972, с. 335; Aboul-Ghazi 1871, p. 142; Šami 1937, p. 75).

[13] Предположение Х.Ховорса о происхождении Эдиге от восточноджучидского хана «Зенкире Ногая» (Howorth 1965b, p. 1021) лишено всяких оснований.

Хотя хронисты и молчат об участии Эдиге в последующих сражениях войск Тохтамыша и Тимура с детьми Уруса (сам Урус умер в 1376 г.), ясно, что Тохтамыш проникся доверием и симпатией к новому подданному. Тот получил высокий пост «одного из главных эмиров левого крыла», «одного из главарей над начальниками левого фланга и министров, а также советника, способного в делах управления» (Ибн Арабшах 1887, с. 54; Прошлое 1935, с. 86). Очевидно, хан доверил ак-мангыту должность беклербека — главы сословия знати (эмиров) и верховного военачальника. Новые полномочия Эдиге позднее подтвердились и беспрекословным выполнением его приказа о переселении в глубь степей племенами левого крыла (Ибн Арабшах 1887, с. 59, 60; подробнее об этом см. ниже). Следует согласиться с Г.А.Федоровым-Давыдовым, считавшим этого вельможу в тот период фактическим главой всей кок-ордынской аристократии (Федоров-Давыдов 1973, с. 149).

В конце 1380-х годов наблюдается рост влияния в правом крыле — при золотоордынском сарайском дворе мангытских *талба* — смутьянов (в переводе М.Г.Сафаргалиева) или безумцев (в переводе Д.Девиза). Они сумели оттеснить от престола баринских и кунгратских беков во главе с Али-беком и якобы настроили хана Тохтамыша против Тимура (Йазди 1972, с. 386; Šami 1937, р. 78). Таким образом, мангытская знать активно проявила себя еще и в ханстве правого крыла Улуса Джучи, что, очевидно, объясняется в первую очередь происхождением Тохтамыша из восточных степей, откуда вышли и сами мангыты.

Рядом с Эдиге подле Тохтамышева трона находился его брат Иса[14]. Вполне резонно предположение М.Г.Сафаргалиева, что эти братья-мангыты и есть те «мангытские смутьяны», что перехватили влияние у баринско-кунгратской группировки (Сафаргалиев 1960, с. 145). Во всяком случае, Иса оставался с Тохтамышем в самые драматичные времена противостояния хана с грозным мавераннахрским завоевателем на протяжении 1387–1395 гг. (см.: Йазди 1972, с. 376, 402, 403, 455, 560, 569). А вот Эдиге решил в очередной раз сменить патрона. В 1389 г.[15] он объявился в Мавераннахре уже как противник Тохтамыша. Причины такого шага не совсем ясны. Поскольку мангыты заняли господствующее положение в ханской ставке, у них пока не было оснований быть недовольными ханом. Абу-л-Гази объясняет измену замыслом Эдиге возвести на трон внука Уруса, Тимур-Кутлуга (Aboul-Ghazi 1871, р. 162). Однако последний был всего лишь одним из мно-

---

[14] Старшим братом Эдиге он назван у Шараф ад-Дина Йазди (СМИЗО, т. 2, с. 168). В ногайском варианте дастана «Эдиге» Эсебий — молочный брат отца Эдиге и аталык (воспитатель) последнего (Семенов Н. 1895, с. 419, 430).

[15] Так датирует В.М.Жирмунский, исходя из того, что в письме Тохтамыша к Ягайле 1393 г. отъезд Эдиге преподносится как событие трехлетней давности (Жирмунский 1974, с. 366; см. также: Радлов 1888, с. 6).

жества Джучидов и не выделялся среди сонма прочих династов; едва ли интриги вокруг его фигуры могли подвигнуть беклербека на отъезд за пределы Улуса. Другое дело, что Тимур-Кутлуг, оказывается, тоже сбежал тогда к Тимуру, и именно там, в Мавераннахре, и родилась у Эдиге идея посадить молодого оглана[16] на джучидский престол.

Таким образом, Абу-л-Гази скорее всего умозрительно связал позднейшее воцарение Тимур-Кутлуга (1399 г.) с их совместным пребыванием в Мавераннахре. Ибн Арабшах объясняет размолвку охлаждением хана к своему бывшему любимцу, отчего тот стал опасаться за свою жизнь и счел за лучшее, не дожидаясь казни, уехать в Среднюю Азию [Ибн Арабшах 1887, с. 54; то же см.: Прошлое 1935, с. 86 (Дженнаби); Усманов М. 1972, с. 78 (Кадыр Али-бек)]. Сам Тохтамыш в письме к королю и великому князю Ягайле называл причину этого события заговором, который плели за его спиной «некоторые огланы и беки». Они-то, дескать, и снарядили Эдиге к Тимуру, «чтобы призвать его тайным образом» (Радлов 1888, с. 6). То, что хан представлял себя жертвой интриги, понятно, ведь это было оправданием разгрома Золотой Орды Тимуром в 1391 г. Но роль Эдиге в той ситуации объяснима, вероятно, только каким-то личным конфликтом между ним и Тохтамышем. В противном случае непонятно, почему его брат Иса оставался во дворце и никто из мангытов не последовал за Эдиге на юг.

Мангытский «смутьян» сопровождал своего нового покровителя в походе 1391 г. По одним сведениям, он был лишь проводником армии, по другим — активным участником военных действий против ордынцев (Ибн Арабшах 1887, с. 55–59; Йазди 1972, с. 436). Во время войны у него созрела очередная политическая комбинация. Когда Тимур возвращался из похода, Эдиге тайком послал гонца к своим родичам и соседям, равно как и ко всем племенам левого крыла, с приказанием, чтобы они, «оставив свою страну и покинув родину, отошли в такие места, добираться до которых тяжело и опасно, и при этом не задерживались бы на стоянках по два дня. В противном случае Тимур сможет догнать и разгромить их». Эли подчинились и откочевали в степную глушь. Дождавшись этого, Эдиге под благовидным предлогом уехал из ставки гурагана[17] в Дешт (Ибн Арабшах 1887, с. 59). Вместе с ним скрылся в степях и Тимур-Кутлуг, сказавшись одержимым идеей собирания наследственного удела, захваченного некогда Тохтамышем. Он сговорился с Эдиге и тоже решил не возвращаться к Тимуру, а поселиться подальше от него (Aboul-Ghazi 1871, p. 163, 164; краткие упоминания об этих событиях см. также: Йазди 1972, с. 462; Šami 1937, p. 14).

[16] Оглан — царевич-Чингисид.

[17] Гураган (ханский зять) — один из титулов Тимура.

Думаю, не нужно однозначно воспринимать оставление мангытским беком Тимура как измену. В таком случае владыка Мавераннахра наверняка отобрал бы у сыновей Эдиге иранский город и округ Керман, врученный тому в качестве наместничества «с правом передачи наместничества по наследству». Напротив, Тадж ад-Дин ас-Салмани рассказывает, что сыновья Эдиге еще в 1408 г. (т.е. уже после смерти Тимура в 1405 г.) управляли Керманом и даже убили интриговавшего против них внука Тимура, мирзу Абу Бекра б. Миран-шаха. Имен этих наместников Салмани не называет (Салмани 1997, с. 90, 91, 98). Может быть, Эдиге не бежал из Мавераннахра, а привел, подобно Тимур-Кутлугу, какую-то уважительную причину и пообещал вернуться.

Авторы XV–XVI вв. застают эль мангытов, племя Эдиге, как и прочих будущих ногаев, между Яиком и Эмбой. Очевидно, это междуречье и оказалось теми самыми местами, «добираться до которых тяжело и опасно». Предосторожности Эдиге понятны: он опасался карательного похода за обман государя, но верно рассчитал, что Тимур не станет посылать рать на северо-запад, по маршруту похода 1391 г., где джучидские владения были уже разорены им и все мыслимые трофеи захвачены. Повторная экспедиция в опустошенный край казалась невероятной. Так и произошло. Гураган довольно спокойно перенес неожиданное исчезновение соратника, к тому же он был занят подготовкой к завоеванию Ирака. Эдиге, обретавшийся при дворе, наверняка был в курсе дальнейших воинственных планов Тимура и знал, что восточный Дешт в них более не фигурировал. Очутившись среди соплеменников, вне досягаемости армий Мавераннахра, Эдиге смог укрепиться в западноказахстанских степях и положить начало долговечному владению — Мангытскому юрту[18].

Скорее всего его послание было направлено в место компактного проживания мангытов — в северокавказские степи, которым предстояло стать одним из следующих объектов нападения среднеазиатского завоевателя, и Эдиге тоже мог знать об этом. Мангыты откочевали вовремя: в ходе нашествия в октябре 1395 г. ставка Тимура расположилась в низовьях Кубани, а зимовал гураган севернее Терека, на равнинах, прилегающих к Куме (Криштопа 1979, с. 138, 139), т.е. как раз в землях, только что оставленных мангытами. Повинуясь совету своего хитроумного предводителя, его соплеменникам пришлось переправиться через Волгу и уйти на восток (на западе и севере кочевали улусы Тохтамыша и его воинственных сыновей).

В таком случае становятся понятными обвинения отца Идегея, Кутлу-Кыя, адресованные хану Тохтамышу в татарском дастане

[18] Легенды уральских казаков также связывают заселение берегов Яика (правда, не мангытами-ногаями, а «татарами» и донцами) с нашествием «Темир-Аксака» на Золотую Орду (см.: Коротин 1999, с. 89, 90).

«Идегей»: «Мой народ убавил ты, Дважды переходить Идиль (Волгу. — *В.Т.*) Мой народ заставил ты... В бестравные солончаки, В бурые глинистые пески Мой народ отправил ты» (Идегей 1990, с. 14). Действительно, если вспомнить обрисованные нами выше миграции восточных кипчаков, то их элям пришлось форсировать Волгу два раза — при переходе из Средней Азии через Казахстан в Крымский вилайет и оттуда через Северный Кавказ в Западный Казахстан. При этом Тохтамыш в самом деле заслуживал упреков, поскольку был и активным участником династических смут среди Джучидов, из-за которых происходили передвижения народа в степях, и инициатором войны с Тимуром. Второе переселение, из Крыма через Кавказ на Яик, отразилось в фольклоре каракалпаков, выделившихся из Ногайской Орды в конце XVI — начале XVII в. В 1945 г. Т.А.Жданко записала родословие каракалпакских родов бес-сары и бексиык, где говорится, будто предки их кочевали еще в Крыму, затем перешли Волгу, Яик, а еще позже обосновались в Туркестане (Жданко 1950, с. 128). Истоки некоторых каракалпакских племен, по их преданиям, прослеживаются и на Северном Кавказе, откуда их предки ушли-де на Яик (Толстова, Утемисов 1963а, с. 46–50; Толстова, Утемисов 1963б, с. 59–65).

В степях Западного Казахстана эли, подчинявшиеся Эдиге и Тимур-Кутлугу, остались в стороне от второго страшного нашествия чагатаев на Золотую Орду 1395–1396 гг. С 1391 г. и до тех пор о них ничего не было слышно. Около 1396 г.[19] Тимур направил мангытскому предводителю примирительное письмо, но тот отверг возможность возобновления сотрудничества (Клавихо 1990, с. 144).

В последние годы XIV в. на территории Улуса Джучи сформировались по крайней мере четыре автономных владения: в Сарае сидел ставленник Тимура Куйручак; в низовьях Волги, в Хаджи-Тархане, закрепился Тимур-Кутлуг; разгромленный Тохтамыш засел в Крыму; наконец, за Яиком обосновался Эдиге со своими мангытами (Сафаргалиев 1960, с. 174–176).

Мангыты за пределами Мангытского юрта. Намеченный нами путь движения мангытов по Дешт-и Кипчаку не следует представлять в виде поголовного и единодушного предприятия. Части эля могли откалываться от основного массива и селиться самостоятельно или присоединяться к другим владениям. Выше приводились некоторые фольклорные отголоски о миграциях будущих ногаев на северную окраину степей — в Среднее Поволжье, Прикамье, Башкирию. Можно

[19] Датировка М.Г.Сафаргалиева. В ответе Эдиге на это письмо заявлено, что он прожил у Тимура более двадцати лет; а поскольку известно, что он появился при дворе Тимура в 1376 г., то, отсчитав двадцатилетие, получаем 1396 г. (Сафаргалиев 1960, с. 175, 176).

добавить, что, по местным сказаниям, одно из мест расселения рода Эдиге находилось на берегах реки Вятки. В тех местах рассказывают о сыне Эдиге, Габделькотдусе[20], и о Сююмбике — дочери Юсуфа, праправнука Эдиге (Ахметзянов М. 1995, с. 51). Несомненной представляется перекочевка кипчакских элей в земли башкир, хотя установление там мангыто-ногайской гегемонии произошло через столетие — в последней четверти XV в. (Трепавлов 1996, с. 3; Трепавлов 1997в, с. 12, 16, 17). Заметим при этом, что и до массового притока мигрантов из Заволжья отдельные подразделения племени, очевидно, кочевали по Волге. По Мунису, мангыт Сонкор-мирза, проживавший как раз на Волге, в конце XIII в. помогал хану Тохте в разгроме беклербека Ногая (Bregel 1982, p. 368).

Какая-то часть мангытов, и, видимо, значительная, оставалась в восточном Деште. Есть основания для догадки, что в XIV в. они обитали в междуречье верхнего Тургая и Ишима (История 1993, с. 133). Наверное, это была закрепившаяся в Центральном Казахстане группа переселенцев с юга, из «Бухарии».

Передвижение многочисленных и воинственных кочевников в глубь кипчакских степей должно было вызвать изменения не только в карте расселения тамошних элей, но и в статусе пришельцев в политической структуре левого крыла Джучиева улуса. Некоторые следы поиска такого статуса содержатся в информации Натанзи о карьере Балтычака, отца Эдиге. Беклербек левого крыла Казанчи-бахадур перешел на сторону Тохтамыша, а его пост хан Тимур-Мелик б. Урус доверил Балтычаку (Натанзи 1957, с. 95). Ранг Казанчи-бахадура охарактеризован как «главная опора войска Урус-хана» (Натанзи 1957, с. 422). Такой же опорой стал и Балтычак. Представляется, что его могущество и влияние на новых кочевьях было бы невозможно, не окажись у него солидной поддержки соплеменников, с которой должен был считаться и на которую желал опереться Тимур-Мелик-хан[21]. Преобладание мангытов при дворе левого крыла началось, судя по всему, именно с Балтычака и не раньше, потому что его предшественник на беклербекстве Казанчи-бахадур не принадлежал к мангытам. Йазди описывает одновременное усиление мангытов во владениях Тохтамыша и при этом отделяет от них Казанчи: «***Мангытские смутьяны***, приближенные к Тохтамыш-хану, ***а также Казанчи***, который убил своего отца, добились расположения его (хана)» (Йазди

[20] Абд ал-Куддус? В известных мне источниках сын Эдиге с таким именем не значится.

[21] Таким образом, необязательно видеть в возвышении Балтычака следствие опоры Уруса на «незнатную часть войска... в своей политике централизации» (см.: Измайлов 1992, с. 56). Тем более что одновременно мангыты возвысились при Тохтамыше, противнике Уруса. Это подтверждает активный и мощный приток мангытов с юга в то время, в 1370–1380-е годы.

1972, с. 386). Скорее всего Эдиге и сам был родом из этой восточной, казахстанской группировки своего племени[22].

Мангыты были раздроблены не только территориально, но и политически. В 1375-76 г. их представитель Кебек входил в дружественное посольство хана Уруса к Тимуру, в то время как другой мангыт, Эдиге, был противником Уруса и скрывался у того же Тимура (Йазди 1972, с. 335; Натанзи 1957, с. 423; Šami 1937, p. 75). Мангыты входили в войско Мухаммеда Шейбани, воевавшего в Южном Казахстане и Мавераннахре в конце XV — начале XVI в. (Бабур 1993, с. 85; Бинаи 1969, с. 111–113).

Магистральной линией исторического развития и миграций предков ногаев в XIV в. являются, конечно, их передвижения по Дешт-и Кипчаку. Но есть отдельные следы и другого, сибирского направления движения. Киргизские предания рассказывают о прародителях народа, Ногое и Шигае, которые изначально обитали на Енисее, затем приняли ислам и вместе с найманами ушли в Среднюю Азию, где в Чуйской долине основали Ногойскую и Шигайскую орды (Кыдырбаева 1980, с. 169). В киргизском эпосе «Манас» Ногойский улус кочует в долинах Таласа и Чу (Валиханов 1961в, с. 369). Легендарный Ногой не имеет ничего общего ни с беклербеком Ногаем, сыном Татара, ни с Кара-Ногаем, так как родословная этого персонажа содержит имена отнюдь не Джучидов: Ногай, сын Когейкана, сына Тюбейкана, сына Бууракана, сына Бабыркана (Кыдырбаева 1980, с. 170) (впрочем, два последних имени сопоставимы с именами столь же сказочных предводителей ногаев периода их переселения из Крыма на Кавказ — Бора-хана и Батыр-хана (Нарожный 1988, с. 130). В киргизских фольклорных сюжетах, очевидно, отразился период появления предков мангытов в Деште (XIII в.) — может быть, какой-то части монголов-мангутов, еще не подвергшихся кипчакизации.

Все эти данные пока не могут быть подтверждены с помощью надежных источников. А вот присутствие мангытов-ногаев в Западной Сибири оказалось весьма заметным. «Хасса айн» называет в качестве

---

[22] Дополнительным аргументом в пользу этого утверждения (кроме карьеры Балтычака в левом крыле) может служить указание Абу-л-Гази на принадлежность Эдиге к ак-мангытам (Aboul-Ghazi 1871, p. 162). А.Н.Кононов предположил, что детерминатив *кара* (черный) при родовых названиях обозначал группу населения, оторвавшуюся от основного этнического массива (например, кара-китаи; от себя добавим: караногайцы) (Кононов 1976, с. 168). Тогда название *ак* (белый) должно обозначать, напротив, народ на изначальных землях. Следовательно, ак-мангыты — это те, что на протяжении XIV в. оставались восточнее Яика. Мигранты за Волгу обретали в таком случае ранг кара-мангытов. Но поскольку основная масса их в конце концов прикочевала обратно в восточный Дешт, то это название утратило смысл и перестало употребляться. Элемент *ак* мог служить и показателем знатности, что знакомо тюркским языкам (Кононов 1976, с. 170). Догадка о «белой» номинации Эдиге как символе аристократизма уже высказывалась А.Х.Курмансеитовой (Курмансеитова 1993, с. 96).

коренных жителей Прииртышья народы «хотан, ногай и кара-кипчак» (Катанов 1903, с. 136, 143, 150). У сибирских татар сохранились тугумы (кланово-патронимические объединения) с наименованиями «ногай» и «мангыт» (Валеев, Томилов 1996, с. 25, 30; Томилов 1995, с. 31, 32, 34). Кипчако-ногайские элементы весьма заметны в лексике тоболо-иртышских подразделений сибирско-татарского народа, а для некоторых из них (как и для части тюменских и тарских татар) этноним «нугай» служит самоназванием. Причем если носители этнического имени «ногай/нугай» могут быть причислены к потомкам позднесредневековых переселенцев, то обладатели этнонима «мангыт» представляют собой реликт гораздо более древних пришельцев. Архаические, домусульманские черты их культуры (см.: Селезнев 1994, с. 78–80) позволяют предположить их появление в Западной Сибири в раннем средневековье — возможно, до XIII в. К реликтам тех времен, может быть, относятся топонимы Мангут в Омской и Читинской областях (см.: Мурзаев 1996, с. 184).

В первой половине 1390-х годов, после дальних миграций, мангыты во главе с Эдиге закрепились в степях Западного Казахстана, в бассейнах Яика и Эмбы[23]*. Исторические обстоятельства сложились так, что именно там они смогли утвердиться настолько, что образовали собственное кочевое владение, Юрт. В условиях распада Золотой Орды главным гарантом существования нового Юрта был вождь мангытского эля Эдиге.*

---

[23] Р.Г.Кузеев, опираясь на этнографические и фольклорные материалы, относит ко второй половине XIII – XIV в. возвратное передвижение кипчаков и кипчакизированного населения из южнорусских степей, Причерноморья и Северного Кавказа в Волго-Яицкое междуречье (Кузеев 1992, с. 75). Представляется все же, что наиболее существенной кипчакской миграцией была обрисованная нами, т.е. в последней четверти XIV — начале XV в.

Глава 2

Эпоха Эдиге

Начало истории Юрта. Историческая память ногаев фиксирует начало истории Мангытского юрта (Ногайской Орды) от Эдиге. В Родословцах XVII в., составленных в Москве со слов ногайских информаторов, «Магнит Едигеи князь» трактуется как «начало Орде Нагаиской» (Родословная 1851, с. 130; РС, оп. 1, д. 84, л. 52). Бий Юсуф в середине XVI в. вспоминал эпоху Эдиге как «началные дни» (Посольские 1995, с. 306).

Средневековые историки тоже отсчитывали историю самостоятельного политического существования ногаев от эпохи Эдиге. Абу-л-Гази видел в образовании Мангытского юрта переход власти от дома Бату к мангытам (Кононов 1958, с. 44), а младшие современники Абу-л-Гази, составители родословной князей Юсуповых 1654 г., отразили те события следующим образом: «Взял Эдиги бек взятьем Джанбека царя юрт и учинился на ево месте государем» (Юс., оп. 1, д. 1, л. 1), т.е. почти через триста лет после рассматриваемых событий усиление Эдиге и его Юрта также выглядело как отнятие власти у дома Бату, у хана Джанибека. Думаю, что в последней фигуре могли смешаться отголоски воспоминаний о золотоордынских ханах Джанибеке б. Узбеке (правил в 1342–1357 гг.)[1] и упоминавшемся выше Азиз-Джанибеке (1365–1366). И.Л.Щеглов слышал народное повествование, сообщавшее, будто Эдиге собрал под свою власть «заяицкие орды», которые были охвачены смутой после ханов Озиза и Омурата (Щеглов 1910, с. 66).

Откочевка племен левого крыла по приказу Эдиге в конце XIV в. настолько укоренилась в историографической традиции, что приблизительная дата этого события (1391 г.) стала чуть ли не официальной. Осенью 1991 г. в Ногайском районе Дагестана торжественно отмечался «юбилей» Ногайской Орды (см., например: Акиев 1991). Мнение о

[1] Сам Эдиге вспоминал время правления Джанибека б. Узбека как образец государственной стабильности. В своем послании Василию Дмитриевичу московскому он призывает его возобновить вассальное подчинение Сараю, как было при «царе Жанибеке» (СГГД, ч. 2, с. 16).

том, будто Эдиге основал Ногайскую Орду, очень распространено и популярно среди современных ногайцев (см. об этом также: Кореняко 1996, с. 31). Немало исследователей придерживаются такой же точки зрения, считая, что после разрыва с Тимуром глава мангытов обособился от Золотой Орды и образовал самостоятельное владение (см., например: Гумилев 1989, с. 673; Кужелева 1960, с. 392; Сафаргалиев 1938, с. 35; Sokol 1981, p. 36)[2]. Другие авторы подходят осторожнее. Так, М.Г.Сафаргалиев, со временем разобравшись в вопросе, уже не утверждал, будто Эдиге в 1390-х годах основал Ногайскую Орду, а считал, что он лишь объявил себя князем Мангытского юрта, на базе которого позднее организовалась Ногайская Орда (Сафаргалиев 1960, с. 158; см. также: Федоров-Давыдов 1973, с. 165).

Я солидарен с мнением (см., например: Абилеев А., Абилеев Е. 1991, с. 9; Егоров 1993, с. 32), что первоначально яицко-эмбинский ареал обитания восточных кипчаков, в том числе мангытов, являлся составной частью Золотой Орды, автономным образованием внутри Улуса Джучи, а сам Эдиге был вовсе не основателем суверенной степной ногайской державы, а лишь родоначальником мангытского правящего дома. В самом деле, незаметно каких-либо признаков независимости мангытских кочевий в окружении джучидских улусов, но определенная автономия просматривается. Я.Пеленский, по-видимому, резонно предположил, что упоминаемая под 1399 г. в Никоновской летописи и Хронографе 1512 г. «Заяицкая Орда» могла обозначать Мангытский юрт — «политическую организацию ак-мангытов», — который действительно находился за Яиком и обрел большую самостоятельность как раз в то время (Pelensky 1974, p. 160).

П.П.Иванов правильно отметил, что хотя в информации Ибн Арабшаха приказ Эдиге об откочевке адресован ко всем племенам левого крыла, все-таки в первую очередь он должен был быть обращен к его родному элю, к мангытам (Иванов 1935, с. 25). Надо полагать, не только мангыты стремились отойти подальше от Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа, охваченных смутами. Поэтому можно предположить изначальное проживание в Мангытском юрте и других элей.

Но именно мангыты оказались костяком нового образования — как в силу авторитета своего бека, так и по причине многочисленности.

---

[2] При этом А.И.-М.Сикалиев считает, что Эдиге стал «первым ханом ногайского государства» еще до обретения господства над Золотой Ордой; Эдиге якобы боролся «за выход из Золотой Орды, за создание своего национального (?! — *В.Т.*) государства, независимого от ханов Золотой Орды» (Сикалиев 1994, с. 63, 103). Среди аргументов в пользу данного тезиса А.И.-М.Сикалиев приводит окончание действия дастана «Эдиге» победой его героя над Тохтамышем (Сикалиев 1994, с. 104), т.е. в то время Эдиге уже якобы стал независимым от Золотой Орды. Однако трудно совместить стремление беклербека к независимости от Джучидской империи с многолетним верховенством его в этой империи.

О последней говорят многие документы. К примеру, «Казанский летописец» (середина 1560-х годов) сообщает, будто из тридцати (по другим спискам, семидесяти) сыновей Эдиге только у одного младшего сына находилась под началом десятитысячная армия. «Того же ради, — заключает анонимный автор, — прозвашася мангиты силныя, тем и покорятися царю (т.е. хану. — *В.Т.*) не восхотеша и на Орду Болшую дерзнуша» (История 1903, с. 15, 203)[3]. Абсолютно аналогичная причина усиления Эдиге приводится в османской хронике, фрагменты которой перевел А.Ф.Негри: «Возвысился над ханами по причине многочисленности народа своего и поколения Идику, один из... могущественнейших членов поколения мангут» (Негри 1844, с. 383). Клавихо оценивал силы орды «Едигуя» в двести тысяч всадников (Клавихо 1990, с. 144). Вдали от грозного Тимура племена левого крыла под властью Эдиге смогли оправиться от последствий внутренних усобиц и вражеских нашествий и вскоре стали мощной опорой своему предводителю. О поддержке его племенами Ибн Арабшах пишет: Эдиге «возвел в столице хана, созвал к нему начальников левого крыла и предводителей его (крыла. — *В.Т.*) племен. Они повиновались и явились к нему, поскольку превосходили силой остальных и не опасались дурного от джагатаев» (т.е. от Тимура) (Ибн Арабшах 1887, с. 61).

Тем не менее в народной памяти твердо отложилось, что Эдиге первым провозгласил себя бием именно над ногаями (Небольсин 1852, с. 54). О конституировании Юрта уже в эпоху Эдиге говорит такая принципиальная деталь. Несмотря на наличие традиционных джучидских крыльев, подвластное Эдиге население тоже разделилось на два крыла, подчеркивая этим свое автономное существование. К такому выводу подводят слова из грамоты ногайского мирзы Динбая б. Исмаила, доставленной в Москву в августе 1578 г.: «А прадеда нашего Едигея князя карачеи (т.е. подданные. — *В.Т.*), а словут онсол (т.е. правое и левое крыло. — *В.Т.*), и многово улуса люди» (НКС, д. 8, л. 240). Сила и организованность нового Юрта были таковы, что он стал прибежищем для мангытов, рассеянных по всему Дешт-и Кипчаку.

Наиболее ярким показателем этого является присутствие там упомянутого выше Исы. Бывший беклербек хана Тохтамыша тоже переселился за Волгу и фактически подчинился своему младшему брату, Эдиге, сохраняя свой высочайший ранг при хане Пуладе (1409–1411), ставленнике Эдиге. В 1409-10 г. Пулад, Эдиге и Иса направили совместное посольство к Шахруху б. Тимуру в Герат. В повествовании Абд ар-Раззака Самарканди об этом посольстве оба, Эдиге и Иса, названы

---

[3] Определение «сильные» (*кючлюк?*), очевидно, стало устойчивым эпитетом мангытов. В родословных росписях Эдиге значится как «Магнит (так!) силныи Едигеи князь нагаискои» (Родословная 1851, с. 130).

«владыками Дешт-и Кипчака и страны узбеков» (Самарканди 1969, с. 139). Шахрух направил ответную миссию, а через год в столицу Хорасана прибыл уже сам Эдиге. Преемник Тимура отнесся к гостю с севера весьма благосклонно; к тому же тот заявил, что является «рабом и слугой государя (Шахруха. — *В.Т.*), готовым исполнить все, что ему заблагорассудится повелеть» (Самарканди 1969, с. 152, 157). Еще раньше, в 1398 и 1400 гг., предводитель мангытов присылал примирительные предложения к самому Тимуру (Гийас ад-Дин 1958, с. 69; Йазди 1972, с. 623, 935; Šami 1937, p. 171)[4]. Думаю, активизация отношений с Мавераннахром была вызвана стремлением обезопасить от будущих вторжений с юга не только Улус Джучи, но и непосредственно новый Мангытский юрт, границы которого постепенно приближались к владениям Тимура и Тимуридов.

Основная территория кочевания мангытов, т.е. собственно их Юрт, находилась к востоку от Яика. Расхожим летописным русским эпитетом «Едигея князя» был «заяицкий» (История 1903, с. 14, 212; Сказание 1959, с. 29; см. также: Лызлов 1787, с. 63). М.Г.Сафаргалиев произвел следующий предварительный расчет: в 1411 г. Эдиге, поссорившись с ханом Тимуром б. Тимур-Кутлугом, уехал сперва в Хорезм, а затем в свой улус, располагавшийся в десяти днях пути от Хорезма; англичанин Э.Дженкинсон отмечал, что от Хорезма до ногайской столицы Сарайчука расстояние в десять дней; стало быть, улус Эдиге находился в районе Яика, у города Сарайчука (Сафаргалиев 1960, с. 187). Привязка кочевой экономики к рекам позволяет наметить пределы Мангытского юрта в тот период междуречьем Яика и Эмбы. Резиденцией главы Юрта, естественно, должен был стать Сарайчук — единственный крупный ордынский город в тех местах (возможно, он даже не был разрушен Тимуром). Каракалпакский вариант дастана «Эдиге» передает слова Едигеева сына Нур ад-Дина: «Пропал у меня каурый жеребец... Он из-за Волги и Яика, С черных песков Нура, Из местности народа ногайского» (Беляев 1917, с. 28). Таким образом, предки ногаев считали своей «местностью» степи за Яиком.

Эдиге во главе левого крыла. Эдиге стал практиковать возведение марионеточных ханов и постоянно находился у них в должности беклербека. В нашу задачу не входит освещение его деятельности в этой должности, тем более что она подробно отражена во многих исследованиях. Нас интересует его влияние на дальнейшую судьбу будущих ногаев. Каракалпакский дастан рассказывает, что после ухода Тимура из разгромленной Золотой Орды восвояси Эдиге решил воспользоваться ослаблением разбитого Тохтамыша и продиктовал

---

[4] В первом из названных посольств состояли представители не только золотоордынского хана Тимур-Кутлуга и Эдиге, но еще и хана Моголистана (в Восточном Туркестане и Семиречье), Хызр-Ходжи, что может косвенно свидетельствовать об изначальных связях мангытов с этим регионом Центральной Азии (см. главу 1).

ему условия раздела сфер влияния: «Отказавшись от незаселенных земель по одной стороне Волги, ты отдай их в мое распоряжение; а кроме того, ты не требуй подати с лиц, ко мне приходящих, а равно и с нищих, вдов и сирот». Хан согласился и подписал договор, который забрал себе Эдиге. Узнав, что на левобережье Волги не нужно платить налогов, измученный войнами народ потянулся во владения беклербека, и вскоре число подданных Тохтамыша уменьшилось вшестеро (Беляев 1917, с. 37)[5]. Со всех сторон сходились туда ордынцы, и, если верить Ибн Арабшаху, юрт Эдиге наполнился «вереницами множеств людей» (Ибн Арабшах 1887, с. 61).

По-видимому, хан даровал Эдиге тархан (налоговый иммунитет) и фактически вывел из-под своей юрисдикции. Это произошло, очевидно, в 1396 или 1397 г. Именно тогда Эдиге сумел добиться для себя чрезвычайных льгот, а его власть распространилась на все восточные территории Улуса Джучи (отчего и возникла необходимость налаживания связей с Мавераннахром)[6]. Он был заинтересован в увеличении числа подданных и заселении подвластной ему территории. Этим стремлением скорее всего и объяснялся его знаменитый запрет на продажу детей в рабство на чужбину, что сразу было замечено на работорговых рынках Сирии и Египта (Макризи 1884, с. 474)[7]. Какой-то отголосок экономических мероприятий Эдиге в степях можно, наверное, видеть в татарском варианте эпоса о нем: «У Барака, что был знаменит, Я забрал таможенный мыт», — говорит главный персонаж сыну (Идегей 1990, с. 207). Барак б. Куйручак имел улус в восточном Дешт-и Кипчаке и очень усилился в 1420-х годах, а до тех пор смирно кочевал где-то за Яиком и, судя по цитированному дастану, вынужден

---

[5] М.И.Ахметзянов без ссылки на источник утверждает, будто еще в 1382–1383 гг. Тохтамыш переселил народ «Ногайского улуса» в междуречье Волги и Яика (Ахметзянов М., 1994, с. 33). В известных мне материалах таких сведений нет.

[6] З.Я.Бояршинова, не имея в распоряжении достаточной информации, тем не менее верно рассудила, что при Тохтамыше Эдиге стал «правителем всех заволжских территорий Золотой Орды» (Бояршинова 1960, с. 106). Трудно согласиться с утверждением Г.А.Федорова-Давыдова, будто во время своего беклербекства Эдиге не был непосредственно связан с кок-ордынской территорией (Федоров-Давыдов 1973, с. 164), ведь могущество мангытского вельможи основывалось на войсках и ресурсах именно восточных степей. Ю.Э.Брегель полагает, кроме того, что Эдиге претендовал в том числе и на Хорезм, чем объясняется его попытка захвата этой области (Bregel 1982, p. 386).

[7] Д.Девиз тоже допускает, что данное распоряжение принесло беку преданность ордынских племен и дополнительную военную мощь. Однако помимо этих более или менее очевидных факторов, данный автор считает запрещение детской работорговли средством, направленным на экономическое ослабление противников Эдиге — золотоордынских ханов и их социальной опоры — городского населения (DeWeese 1994, p. 339, 340). Это довольно уместная гипотеза, объясняющая слабость сарайских монархов, царствовавших после Тохтамыша. Правда, не стоит определять их как противников Эдиге; ханы стали скорее жертвами его политического таланта и изощренных интриг.

был пожертвовать своей хозяйственной автономией в пользу могущественного беклербека.

Через четыре года, повествует каракалпакский дастан, мангытская армия под предлогом наказания ханских подданных, похитивших лошадей, форсировала Волгу, напала на Тохтамыша и свергла его. Сын Эдиге, Нурадил (Нур ад-Дин), убил его (Беляев 1917, с. 38, 39)[8]. Это яркое событие позднее заслонило в памяти народа мирный договор о тарханстве, и ногаи XVII в. считали, будто Эдиге добыл себе Поволжье мечом: «Предки наши, праотец Идигии князь, с Токтамышем князем о Волге воину вели. И Волгу праотец наш Идигии князь у Тахтамыша князя взял воиною» (НКС, 1626, д. 2, л. 159[9] — грамота 1626 г. мирзы Кара Кель-Мухаммеда б. Ураз-Мухаммеда). Русские и восточные хроники не содержат упоминаний о данном соглашении, а Ибн Арабшах представляет отношения двух правителей как череду вооруженных конфликтов (Ибн Арабшах 1887, с. 61, 62). Но существование подобного разделения власти и территории косвенно подтверждается еще и территориальными претензиями ногайских мирз к России после завоевания ею Астраханского ханства. В 1562 г. бий Ногайской Орды Исмаил перечислял местности и острова на Волге и ее рукаве Бузане, которые некогда «досталися прародителям моим, великому князю (т.е. беклербеку Эдиге. — *В.Т.*) и Нурадыну мирзе» (НКС, д. 6, л. 56 об.–57, 81–81 об.).

Таким образом, в первые же годы самостоятельного правления Эдиге над мангытами границы их Юрта продвинулись к западу, вплотную к Волге. «А отца (т.е. предка. — *В.Т.*) моего юрт был по трем рекам: по Волге да по Яику, да по Емь (Эмбе. — *В.Т.*) реке», — писал Исмаил в 1560 г. (НКС, д. 5, л. 167–167 об.). Видимо, уже в то время наметилось и географическое разделение мангытских крыльев *онсол*: правое, западное крыло поступило под начало Нур ад-Дина б. Эдиге, левое располагалось в восточных кочевьях и находилось под формальным главенством самого беклербека. Позднее, когда Ногайская Орда полностью оформилась, как раз имя Нур ад-Дина стало нарицательным для обозначения правителя и военачальника ее правого крыла (Трепавлов 1993б, с. 49).

Распределение компетенции между отцом и сыном также зафиксировано в ногайско-русской переписке: «А Волга и Яик — обое то отца (предка. — *В.Т.*) моево юрт, потому что отец мои князь велики (Эдиге. — *В.Т.*) на Яике, а другои отец же мне, Нурадин мирза, — на

---

[8] Кадыр Али-бек тоже приписывает убийство Тохтамыша Нур ад-Дину (Кадыр Али-бек 1854, с. 157), что придает каракалпакскому эпическому рассказу достоверность. По другим источникам, хан погиб от рук самого Эдиге или хана Шадибека в 1406 г. (см.: Кляшторный, Султанов 1992, с. 202, 203).

[9] Указание года после номера архивного фонда означает, что ссылка дается на столбец, который подразделяется на дела.

Волге» (НКС, д. 5, л. 129). Интересно, что в отличие от обычно условных межгосударственных рубежей в кочевом мире ногаи помнили детальное расположение удела Нур ад-Дина в лабиринте проток и островов нижней Волги. В грамотах Исмаила 1562 г. неоднократно упоминаются «которые были места досталися прародителям моим, великому князю (Эдиге. — *В.Т.*) и Нурадыну мирзе: шестьдесят шесть шеломеней до по Бозану реке Караших до Кулеткайыр словет, да Синее море. Те места бывали прародителей моих юрты» (НКС, д. 5, л. 56 об.–57). Через два года новый бий, Дин-Ахмед б. Исмаил, просил Ивана IV передать ногаям «Бузан обе стороны, потому что юрт Нурадын мирзин» (НКС, д. 7, л. 41 об.–42). Похоже, какое-то соглашение хана с беклербеком со скрупулезным разграничением границ влияния по одному из волжских рукавов действительно имело место.

Эдиге во главе ордынской знати. Обширность подвластных кочевий и многолюдность Юрта обеспечили Эдиге высокое положение среди аристократии Джучиева улуса. Усиление мангытов в государстве и при дворе к тому времени уже давно заставило потесниться династическую знать и допустить в свои ряды верхушку мангытского эля. Одним из признаков этого стали брачные союзы семей Чингисидов с кипчакскими выходцами из-за Волги. Эдиге взял в жены дочь (или сестру) Тохтамыша — Джанике, от которой родился Нур ад-Дин (Валиханов 1904б, с. 269; Кадыр Али-бек 1854, с. 158)[10], и сам позднее выдал свою дочь за будущего хана Тимура б. Тимур-Кутлуга, «чтобы этим родством уменьшить недоброжелательные сплетни» (Натанзи 1957, с. 99).

В различных документах можно встретить разные обозначения официальной должности Эдиге: эмир, бек, темник (последнее см.: Самойлович 1918, с. 1112). Принято считать, что он состоял в ранге беклербека (варианты: бек, бий, улуг бек, улу бий), которым наделил его Тимур-Кутлуг, воцарившийся в 1391 г. Об этом говорит Кадыр Али-бек, отмечая, что Тимур-Кутлуг правил в Хаджи-Тархане вместе с Эдиге: «...один был ханом, другой беком» (Кадыр Али-бек 1854, с. 159). Натанзи также пишет, будто после разгрома Тохтамыша Тимуром «султанское достоинство получил Тимур-Кутлуг, а эмирское Идигу» (Натанзи 1957, с. 98). Должность беклербека сохранялась за мангытским сановником и при преемниках Тимур-Кутлуга. Во времена хана Шадибека б. Кутлуга (1400–1407) он титуловался *амир ал-умара* (это арабский эквивалент беклербека) (Самарканди 1969, с. 179). Правда, в эпосе сказано, что беклербекство было получено им гораздо раньше — из рук то ли Тохтамыша, то ли Тамерлана

---

[10] По фольклорным сведениям, матерью Нур ад-Дина была дочь Тимура или уроженка Булгара Айтулы, дочь некоего Ал-Гумера (Идегей 1990, с. 28, 30; Ногайдынъ 1991, с. 309). Абд ар-Раззак Самарканди сообщает, что сыном Эдиге от брака с дочерью Тохтамыша был Султан-Махмуд (Самарканди 1969, с. 180).

(Валиханов 1968, с. 492; Идегей 1990, с. 109; Мажитов, Султанова 1994, с. 314). Первая версия весьма вероятна, если вспомнить покладистость Тохтамыша при отарханивании заволжской территории; вторая сомнительна, поскольку Тимур не имел полномочий распределять посты внутри Золотой Орды, да и историки тимуридского круга ни словом не обмолвились о подобном назначении.

Впрочем, арабский историк Шамс ад-Дин ас-Сахави заметил, что Эдиге как глава левого крыла занимал второе место после руководителя правого фланга Текины (что, кстати, находилось в полном соответствии с традиционным кочевым раскладом компетенции правителей — см.: Трепавлов 1993а, с. 87–91), «но (на самом деле) известность и управление принадлежали Идики» (Сахави 1884, с. 553). Именно в левом, т.е. восточном, крыле, менее пострадавшем от вторжений Тимура, сохранялось больше ресурсов и сосредоточилось больше народа. Руководящие полномочия Эдиге на восточных землях выявились задолго до того времени. Мы видели, что уже из походной ставки Тимура в 1391 г. он послал свой приказ об откочевке ко всем элям левого крыла (что к тому же служит аргументом в пользу обретения им беклербекства еще до соправительства с Тимур-Кутлугом). Именно на них он опирался, когда прибирал к рукам управление Золотой Ордой. По Ибн Арабшаху, посадив на престол Тимур-Кутлуга, Эдиге созвал к нему беков левого крыла и предводителей тамошних племен, и те послушно явились (Ибн Арабшах 1887, с. 61).

Восточные авторы единодушны в оценке объема полномочий Эдиге. Он «самостоятельно распоряжался и управлял» в Джучиевом улусе, «занимая должность наместника» (*хюкумат*) (Salmani 1956, p. 83), являлся «истинным властелином страны Дешта, Сарая и Крыма» (Kurat 1940, p. 18), «владыкой Дешт-и Кипчака и страны узбеков[11]» (Самарканди 1969, с. 139). В источниках подчеркивается, что «дела подданных вершились в соответствии с приказаниями Идику. По своему усмотрению он вручал царствование и лишал его, и никто не смел противиться ему и переступать проведенной им черты» (Ибн Арабшах 1887, с. 62); «один из князей Эдига... обычно назначал и разжаловал царей» (Dlugosz 1876, p. 527); «Едигей князь... преболши всех князей ординских, иже все царство един держаше и по своеи воли царя поставляше» (Книга 1913, с. 450; Патриаршая 1897, с. 206; Симеоновская 1913, с. 156). Иоанн Шильтбергер, наслушавшись рассказов о нем, даже посчитал, что тот занимает особую должность «делателя королей» и в соответствии со своими полномочиями «назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят» (Шильтбергер 1984, с. 34). Неудивительно, что некоторые средневековые хронисты принимали этого беклербека за полновластного госу-

[11] Узбеками в конце XIV – XV в. называли кочевое население левого крыла Улуса Джучи.

даря. На это обратил внимание еще М.Г.Сафаргалиев, заметив, что арабские историки называли его царем (*малик*) (Сафаргалиев 1960, с. 227; см., например: Айни 1884, с. 531, 532).

Добавим, что в этом с ними были солидарны некоторые османские, армянские и литовские авторы: «Идику-хан», «царь по имени Идик», «Едиг царь» (Девлет-и алиййе 1881, с. 10; Тер-Мкртичян 1985, с. 82; Хроника 1975, с. 76, 80). Концентрированное изложение пределов власти нашего героя содержится у Сахави: «...великий эмир... Идики, распоряжавшийся управлением Сарая и Дешта; султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения. Вот почему некоторые летописцы полагали, что он назывался „государем Дешта"» (Сахави 1884, с. 553).

Русские летописи обычно передают титул верховного эмира как «великий князь» (см., например: История 1903, с. 14, 212; Патриаршая 1897, с. 173; Приселков 1950, с. 468; Софийская 1994, с. 140; Хронограф 1911, с. 425), что явно служит буквальным переводом словосочетания *улуг бек (улу бий)*. В таком случае Эдиге находился на равной иерархической позиции с московскими и литовскими государями того времени. «Великий князь» ордынский по средневековым понятиям должен был пребывать в отношениях «братства», т.е. статусного равноправия, с великими князьями московским и литовским. Действительно, потомки Эдиге и в конце XV, и в середине XVI в. напоминали российским адресатам о том, что «прадед наш Едигеи князь» с правителями Москвы пребывал «в дружбе и братстве» (Посольская 1984, с. 28; Посольские 1995, с. 306).

На самом же деле отношения эти были, очевидно, сложнее. Авторитет и могущество Эдиге за годы его беклербекства достигли такой степени, что он стал считаться патриархом ордынской кочевой знати. Относиться к христианским данникам как к ровне уже казалось ему недостойным и неприличным. В 1537 г. ногайские мирзы вспоминали в послании Ивану IV: «Отец (т.е. предок. — *В.Т.*) наш Идиги князь с твоим отцем, с великим князем Иваном, — один был как отец наш, а другой был как сын» (Посольские 1995, с. 203). Конечно, в данную фразу вкралась явная путаница (Иван III взошел на престол через сорок два года после гибели Эдиге), но норма отношений воссоздана верно. В начале XV в. Эдиге Василия I «любяше... и в сына его имаше себе»; «Едигей же иногда зовый отцем великому князю Василью Дмитриевичу» (Татищев 1965, с. 211, 212). Видимо, такой же подход предлагался беклербеком и литовскому Витовту на переговорах во время баталии на Воркле 1399 г., когда ордынский вельможа уговаривал господаря признать себя сыном Эдиге и выплачивать ежегодную дань (Патриаршая 1897, с. 173), причем Эдиге обосновывал свое предложение разницей в возрасте («яз есмь стар перед тобою, а ты млад передо мною»). Может быть, преклонные годы улуг бека сказы-

вались также и на характере его контактов с соседними государями. Во всяком случае, в русских источниках попадается его эпитет «Едегеи Старыи» (История 1903, с. 14, 212). Можно предположить, что как раз этим объясняется его обращение к великому князю московскому без всякого титула, «по-семейному» («от Едегея поклон ко Василью» — СГГД, ч. 2, с. 16), что было характерно только для ханских посланий, как верно указал А.П.Григорьев (Григорьев А. 1988, с. 66)[12].

Совсем другое отношение у Эдиге было к Тимуру и его потомкам, Абу Бекру б. Мираншаху и Шахруху. Мы уже видели выше, что он рекомендовался перед последним как его «раб и слуга», а позднее выдал дочь за сына Шахруха, Мухаммед-Джуки (Самарканди 1969, с. 157; Сафаргалиев 1960, с. 187).

Эдиге самостоятельно сносился с иностранными государями, но это служило скорее показателем его всевластия в Золотой Орде, чем аргументом в пользу автономии Мангытского юрта того времени. Ведь, несмотря на тарханные льготы и фактическую независимость от бессильных ханов, район обитания мангытов формально продолжал входить в Улус Джучи и причислялся к его левому крылу (Кок-Орде).

Беклербек не смог удержать власть. После ссоры с одним из своих ставленников, проживания в Хорезме и скитаний по восточным степям он в 1419 г. в районе Сарайчука подвергся нападению войска хана Кадыр-Берди б. Тохтамыша и погиб[13]. Но его прошлое могущество имело решающее значение для формирования особого статуса мангытов в татарских ханствах XV–XVI вв.

Память об Эдиге долго сохранялась у кочевников Дешт-и Кипчака. Гора Идигетау в хребте Улутау (Центральный Казахстан), где, по преданию, похоронен знаменитый правитель, была увенчана обо (каменной насыпью), там совершались моления и жертвоприношения в его честь (Валиханов 1961д, с. 121; Жирмунский 1974, с. 374; Маргулан 1940, с. 97; Потанин 1897, с. 314). Сначала он почитался как образец мудрости и благочестия, его изречения цитировались наравне с классическими стихами (см.: Утемиш-Хаджи 1992, с. 99). Затем этот образ оказался по-настоящему сакрализован, и Эдиге превратился в святого героя древности для казахов, а каракалпаки чтили его еще и как покровителя лошадей (Валиханов 1904а, с. 224; Валиханов 1968, с. 491,

---

[12] А.П.Григорьев считает эту особенность признаком «проявления непомерного честолюбия всесильного временщика» (Григорьев А. 1988, с. 66).

[13] О гибели Эдиге под Сарайчуком пишет Ибн Арабшах, правда отчего-то помещая этот город на Сейхуне — Сырдарье (Ибн Арабшах 1887, с. 63). Мнение И.Б.Грекова о том, что роковое для Эдиге сражение произошло в Крыму (Греков 1975, с. 269, 306), основано, очевидно, на недоразумении. По Кадыр Али-беку, Кадыр-Берди напал на беклербека с войском, приведенным из Крыма (Кадыр Али-бек 1854, с. 158). Год этого события, называемый арабскими авторами, — 822 по хиджре (Айни 1884, с. 532; Сахави 1884, с. 474) соответствует 28 января 1419 — 16 января 1420 г.

492; Камалов 1993, с. 132). Сами же ногаи характеризовали родоначальника своих биев следующим образом: «Сего света держава на великих местех, счастливои осподарь, умнои как Бюрека[14], ум ся о него родил, вере надежа, людем подпора, Богом возлюблен, а от людеи почтен, над судьями судья, а великие люди слову его были ради, иных осподарей вернее был и салтанов — Едигеи князь» (грамота Мусы-бия Ивану III — Посольская 1984, с. 39).

Эдиге и Нур ад-Дин. Занимая должность беклербека, Эдиге управлял всеми государственными делами Золотой Орды. Непосредственно Мангытский юрт он, судя по всему, доверил сыновьям, из которых ближайшим его соратником в разных источниках выступает Нур ад-Дин. В некоторых версиях дастана «Эдиге» говорится, что Нур ад-Дин («Нурадил») возглавил Юрт после смерти отца (Ананьев 1900, с. 16; Валиханов 1904б, с. 229; Диваев 1896, с. 32)[15]. То же утверждение встречается и в научной литературе, причем иногда даже называются, без всяких ссылок на источники, даты правления Нур ад-Дина: 1426–1440 гг. (История 1993, с. 182; Кочекаев 1988, с. 19; Очерки 1953, с. 465; Очерки 1967, с. 143; Сафаргалиев 1960, с. 228). Но сыновья Эдиге, которых средневековые авторы после его гибели в 1419 г. помещали во главе Юрта, — это Мансур и Гази (см. следующую главу). Значит, правление Нур ад-Дина с большей вероятностью следует отнести ко времени, когда был жив его отец. Именно на склоне лет Эдиге между ними разразился конфликт.

Об этом конфликте сохранились противоречивые и лаконичные сведения. В татарском варианте эпоса об Эдиге повествуется, будто когда Эдиге возвел на трон хана Шадибека (1400 г.), произошла его ссора с Нур ад-Дином. Беклербек разгневался и изгнал мирзу. Тот, превратившись в изгоя-«казака»[16], был вынужден скитаться по степям

[14] Полагаю, что здесь названо имя сподвижника и духовного наставника Тимура, Береке. Он был родом с Арабского Востока и принадлежал к обособленной привилегированной категории саидов (потомков Пророка), пользовался огромным почетом в державе Тимура. Именно он в 1370 г. вручил Тимуру символы государственной власти — знамя и барабан, и именно молитвами Береке перед сражениями хронисты объясняют победы мавераннахрских войск над Тохтамышем. Тимур дал Береке в удел город Андхой и, по некоторым сведениям, был похоронен в одном мавзолее с Береке, причем лицо правителя было обращено в сторону наставника (Бартольд 1964а, с. 448–450; Бартольд 1964б, с. 43). Возможно, во время своих приездов в Мавераннахр, начиная с 1376 г., Эдиге познакомился со знаменитым богословом и беседовал с ним на политические и религиозные темы (так можно трактовать фразу «ум ся о него родил»).

[15] В одном из вариантов казахского джира «Идыге» отец и сын умирают одновременно от горя, узнав о вступлении на джучидский ханский престол Кадыр-Берди б. Тохтамыша (Валиханов 1904а, с. 264).

[16] Изначально казаками назывались кочевники, утратившие связь со своими родами и общинами и ведущие бродячий образ жизни. Таких казаков мы обозначаем в кавычках, чтобы отличить их от общеизвестных позднейших казаков (без кавычек) — тюркских и славянских поселенцев на Волге, Дону, Яике и Тереке.

от Сыгнака до Хаджи-Тархана (Идегей 1990, с. 200, 201). Противоположная трактовка данной коллизии приводится в компиляции Л.Лянгле: Эдиге сместил хана Пулада (1410 г.) и возвел Тимура — вопреки совету сыновей, в том числе Нур ад-Дина, воцариться самому или же доверить престол Нур ад-Дину. Встретив отказ, последний начал войну с отцом. Чтобы не доводить дело до кровавой развязки, беклербек удалился в Хорезм. Тронутый такой терпимостью, Нур ад-Дин настоял на его возвращении (Langles 1802, p. 386, 387). Очевидно, какая-то историческая основа под этими известиями имеется. Русская летопись тоже связывает отъезд Эдиге из Орды с воцарением Тимура (Патриаршая 1897, с. 215).

Во всяком случае, ногайский фольклор сохранил память о периоде самостоятельного правления Нур ад-Дина, точнее, его соправительства с ханом Кадыр-Берди б. Тохтамышем (царствовал в 1412–1419 гг.). Ногайские сказания гласят, что после длительной вооруженной борьбы Кадыр-Берди и Нур ад-Дин помирились и заключили соглашение, о котором уже упоминалось выше: мирза признал в сыне Тохтамыша «единственного хана Золотой Орды и навсегда отказался от своей независимости, стал верным полководцем своего хана» (Семенов Н. 1895, с. 454).

Однако ногаи запомнили его сотрудничество и с другим монархом, Тимур-Кутлугом (1391–1399). Этот правитель доводился мирзе двоюродным братом по матери; именно в царствование Тимур-Кутлуга его дядя Эдиге и стал общеджучидским беклербеком. В апреле 1538 г. Ивану IV была доставлена грамота ногайского мирзы Хаджи-Мухаммеда б. Мусы: «А вспросишь своих старых старцев, Нурадын мирзины пошлины не ведают ли с Астархани, и ныне б ту пошлину мне дали» (Посольские 1995, с. 208).

В последующем ногаи уже не консультировались насчет финансовых полномочий Нур ад-Дина у русской стороны, а сами рассказывали о них, причем с каждым десятилетием все подробнее.

Август 1560 г., Урус б. Исмаил — Ивану IV: «В Асторохани есть пошлина взимок — караснап словет. Праотцу нашему Нурадын мирзе пожаловал Темир Кутлуев царев сын, в жалованье давывал, и яз о том бью челом» (НКС, д. 5, л. 198–198 об.). Здесь речь идет, видимо, о хане Тимуре б. Тимур-Кутлуге[17] (1410–1412), но позже в подобных документах снова фигурирует Тимур-Кутлуг.

---

[17] М.Г.Сафаргалиев полагал, что право собирать пошлины на Волге Нур ад-Дину пожаловал Пулад или Тимур. Но к последнему мирза не был лоялен (судя по Л.Лянгле), поэтому ближе к истине то, что пожалование осуществил хан Пулад (Сафаргалиев 1938, с. 90). М.Г.Сафаргалиев не обратил внимания на другие ногайские грамоты, где пожалования связываются с именем Тимур-Кутлуг-хана. Впоследствии М.Г.Сафаргалиев решил, что в данном контексте, подразумевается хан Кучук-Мухаммед, а не сыновья Тимур-Кутлуга (Сафаргалиев 1960, с. 228).

Сентябрь 1577 г., Урус — Ивану IV: «А дет наш Нурадын мирза у Темир Котуя (так. — *В.Т.*) царя имывал по сороку... тысяч алтын. А жаловал для того, что тем юртам многие от нас прибытки бывали» (НКС, д. 8, л. 51).

Весна 1587 г., Саид-Ахмед б. Мухаммед — царю Федору Ивановичу: «А при Темирь Котлуе царе бывало Нурадын мирзе жалованье сорок тысяч алтын» (НКС, 1587 г., д. 2, л. 26–27).

Таким образом, выстраивается следующая цепь событий. Эдиге вытребовал у Тохтамыша освобождение от налогов территории к востоку от Волги, где располагались также и владения мангытов. Земли между Яиком и Волгой были переданы в управление Нур ад-Дину. В пользу этого мирзы в годы ханствования Тимур-Кутлуга собиралась подать «караснап» на сумму сорок тысяч алтын. Нур ад-Дин сохранял свой ранг при последующих ханах даже после отъезда отца в Хорезм в 1410 г. Эпос «Эдиге» дагестанских ногайцев добавляет, что после замирения с Нур ад-Дином хан Кадыр-Берди передал ему «в полную собственность степь, орошаемую Тереком и Сулаком, и объявил первым полководцем своего ханства» (т.е. беклербеком, главным военачальником) (Семенов Н. 1895, с. 454). Но ни в одном документе Нур ад-Дин не назван беком или князем, он всегда «мирза». Видимо, при наличии хотя и отъехавшего, но живого беклербека Эдиге никто не признал этой инвеституры от Кадыр-Берди. О правлении мирзы в Поволжье и на Северо-Восточном Кавказе сохранилось краткое упоминание в цитированном выше послании Саид-Ахмеда 1587 г.: «Да которые были под ево властью, со всех людеи указано было (ханом. — *В.Т.*) со всякие избы по алтыну, а с ногаиских продажных лошадеи с лошади по алтыну, с коровы по три денги, с овцы по денге. То было ему (Нур ад-Дину. — *В.Т.*) жалованье» (НКС, 1587 г., д. 2, л. 27).

Кавказские владения недолго пребывали под сюзеренитетом Нур ад-Дина. Предание, записанное А.О.Рудановским, отмечает, что в годы его правления среди его подданных «начались разные беспокойства и смуты», кавказские ногаи «прогнали своих князей и мурз... не хотевших оставить покровительства Нурадила, и бежали все простолюдины во владение шамхала Тарковского» (Рудановский 1863, № 48, с. 301).

По данным Кадыр Али-бека, Нур ад-Дин умер еще при жизни отца от болезни живота (Усманов М. 1972, с. 83). Эпос приводит более подобающую богатырю причину смерти — от потери крови, когда у мирзы открылись старые раны при возвращении из очередного похода (Семенов Н. 1895, с. 454)[18]. Местом кончины названо «пространство между северным и средним рукавами Терека». Тело-де было захоронено на берегу Волги, а сердце — «на месте, где герой испустил дух.

[18] Впрочем, сказитель оговаривает, что по другим свидетельствам мирза скончался от оспы (Семенов Н. 1885).

На этом месте был насыпан высокий холм, который и поныне (во второй половине XIX в. — *В.Т.*) носит название „Могила Нурадила"» (Семенов Н. 1885). Наконец, Абд ал-Гаффар Кырыми сообщает, будто Нур ад-Дин скончался в Туре (т.е. в Юго-Западной Сибири?) и оттуда привезен в Сарайчук для погребения (DeWeese 1994, p. 194). Мы не находим оснований не доверять Кадыр Али-беку и считаем, что Нур ад-Дин умер еще до того, как Эдиге погиб в бою на Яике в 1419 г. Мнение Б.Ишболдина о смерти мирзы в 1422 г. (Ischboldin 1973, p. 159) не подтверждается ни одним из известных мне источников.

Статус мангытского эля. После смерти Эдиге его сыновья смогли удержать влияние мангытов в Улусе Джучи и монополизировать пост беклербека в татарских ханствах. Основная причина их удачной карьеры, как кажется, — это инерция их великого предшественника. Но авторитет мангытских лидеров был настолько непререкаемым среди других племен, что дело здесь, видимо, не только в конкретной политической ситуации и политическом наследии Эдиге. Среди сотни племен Дешт-и Кипчака именно мангыты сумели добиться приоритетного положения. Остановимся на особенностях их статуса.

В источниках нет единообразия относительно принадлежности мангытов к тому или иному крылу. Мангутские соратники Чингисхана занимали восточную (левую) сторону его кочевий, а в боях сражались на левом фланге вóйска; после образования империи они составили «тысячи» левого же крыла (Рашид-ад-Дин 1952б, с. 272, 273; Erten-ü 1937, p. 136). В Улусе Джучи, как мы выяснили выше, мангыты сначала кочевали в Юго-Восточном Казахстане, т.е. в левом крыле государства, Кок-Орде. Сам Эдиге был «одним из главных эмиров левого крыла у хана Тохтамыша» (Ибн Арабшах 1887, с. 54). И именно к племенам левого крыла был направлен его призыв откочевать подальше от Тимура. Вместе с тем в Бухарском и Касимовском ханствах XVII в. мангытская знать занимала места справа от трона (Бартольд 1964в, с. 391, 395; Кадыр Али-бек 1854, с. 168), что может объясняться трансформацией джучидской государственности в позднем средневековье: уже в Узбекском ханстве XV в. мангыты состояли в правом крыле бывшей Кок-Орды (Ахмедов 1985, с. 39).

Левое крыло традиционно считалось более почетным. Но само по себе вхождение в него не могло давать каких-либо привилегий. Никакими преимуществами перед другими элями не пользовались поначалу и мангыты. Боплан писал о крымских ногаях: «Это племя менее благородно, чем крымские татары» (Боплан 1896, с. 329). Недостаточность их генеалогического «благородства» фиксировалась и на другом краю Дешт-и Кипчака — так, в киргизском эпосе «Манас» говорится: «Став соседями с мангулами, род ногайский стал презренным» (Кыдырбаева 1980, с. 176). Саид-Мухаммед Риза, отмечая происхождение Эдиге из «плохого поколения» (кабиле), называет другую

причину негативного отношения к мангытам: «Из-за насильственных действий племени манкут имя Идику было причислено к числу подстрекателей смут и источников бедствий» (Риза 1832, с. 67–68).

Однако среди казахов потомки Эдиге слыли «белой костью» (*ак суяк*), т.е. аристократией. Знатность рода в то время определялась близостью к Чингисидской династии. Поскольку Едигеев клан не имел к ней никакого отношения, то и объяснение должно было быть другим. В последнем примере словосочетание *ак суяк* объяснялось буквально: предок Эдиге Баба-Туклес был рожден женщиной, которая забеременела, оттого что попробовала порошок, приготовленный из волшебного черепа (Валиханов 1904а, с. 232; Валиханов 1904б, с. 272–273).

Происхождение рода от святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса послужило обоснованием власти мангыто-ногайских биев (так называли беков и беклербеков в восточном Дешт-и Кипчаке). Традиция приписывает формулировку этой легитимности Нур ад-Дину. Когда он убил Тохтамыша и стал править его подданными, те принялись судачить: покойный хан доводился-де потомком Чингисхану, а Нур ад-Дин «не из этого племени». Новый властитель отозвался так: «Я от рождения верил и почитал единого Бога; сам Бог мне всюду покровительствовал; читал я много священных наших книг. А что я не из рода Чингиз-хана, то это меня ничуть не унижает, ибо я из племени славного турецкого богатыря Хочахмат Бабатукла». Народ, выслушав эту речь, успокоился (Ананьев 1900, с. 12)[19]. Баба-Туклес считался потомком халифа Абу Бекра, и в мусульманском обществе Золотой Орды XV в. такое обоснование правления, судя по всему, показалось достаточным. В Ногайской Орде данная концепция стала официальной, и мирзы считали свои родословные от эпохи Мухаммеда и первых халифов. «Роспись мурзам ногаиским, сколко в Малом Ногае мурз», составленная в августе 1638 г., гласит: «А роду нашему по нынешнои по [7]146-й (т.е. 1637/38 г. — *В.Т.*) год ровно тысеча сорок семь лет» (НГ, д. 32, л. 16). Стало быть, начало рода отсчитывалось с 591 г.

Едва ли следует безоговорочно доверять эпосу и приписывать разработку идеологической концепции воинственному интригану Нур ад-Дину, как это делал М.Г.Сафаргалиев (Сафаргалиев 1960, с. 228, 229)[20]. Гораздо более правомерно отнести это ко времени и даже

---

[19] См. также (Османов 1883, с. 43): «Нурадил» утверждает, что появился он на свет в священный день пятницы; первыми произнесенными им словами была *шахада* (формула символа веры); он свободно читает по-арабски и т.д. Сам эпический Эдиге объявил хану Тохтамышу о своей принадлежности к курейш — племени Пророка (Ногайдынъ 1991, с. 31).

[20] И.Вашари связывает появление данной идеологемы с правлением в Мангытском юрте в 1420–1440-х годах Ваккаса б. Нур ад-Дина для утверждения политического равенства последнего с узбекским ханом Абу-л-Хайром (Vasary 1995, p. 744). Однако, как мы увидим в главе 3, у Ваккаса не было ни оснований, ни полномочий уравнивать себя с Абу-л-Хайром.

персоне Эдиге, который столкнулся с необходимостью узаконивания своей власти в державе Джучидов, своего господства над Джучидами. Не принадлежа к династической аристократии, беклербек вынужден был искать доводы в пользу своих преимуществ перед ней, а доказывать происхождение от халифа тысячелетней давности легче, чем претендовать на родство с Чингисханом[21]. Однако объявить себя потомком первого халифа было недостаточно для всеобщего признания. Требовалось, во-первых, сделать фигуру Абу Бекра значимой для массы населения Золотой Орды; во-вторых, превратить генеалогическую легенду в орудие сплочения народа вокруг беклербека. Этим целям способствовала активная мусульманизация кипчакского населения, которую Эдиге развернул на подвластных землях[22].

Другим важным средством освящения гегемонии мангытского вождя стала эпизация его облика. Уже в первые десятилетия после смерти Эдиге его личность и биография стали обрастать легендарными подробностями (это заметно уже у Ибн Арабшаха — Жирмунский 1974, с. 377, 378). Эпический ореол основателя мангыто-ногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Начал формироваться знаменитый эпический цикл о сорока богатырях. По справедливому мнению Д.Девиза, он воплощал в себе «взгляд на единство, сплоченность и легитимность Ногайской Орды» (DeWeese 1994, p. 518–519).

Мы уже указывали, что мангыты пробились к золотоордынскому трону, оттеснив кунгратов во главе с беклербеком Али. Ибн Арабшах, очевидно слышавший о доминировании кунгратов при дворе, уже после этого переворота причислил Эдиге к ним (Ибн Арабшах 1887, с. 54). Оба племени оказались тесно связаны друг с другом в истории Джучидского государства. А.Вамбери писал о мангытах: «Наряду с кунгратами, они были самые знаменитые родом и храбрейшие между всеми тюркскими племенами, почему Шейбан Мухаммед-хан при своем появлении держал часть их у себя на жалованьи» (Вамбери 1873, с. 116).

Своеобразное партнерство мангытов и кунгратов отразилось в каракалпакском фольклоре. Знаменитый сказитель Бердах в сочинении

---

[21] При этом едва ли правомерно видеть в концептуальных поисках Эдиге стремление принизить или даже унизить ханский род (см., например: Усманов М. 1990, с. 252; Юдин 1992, с. 54). Авторитет Джучидов был освящен традицией, и ногаи всегда с почтением относились к династии, несмотря на жестокие конфликты с отдельными ее представителями. Кроме того, недостаточно объяснять успех карьеры Эдиге лишь его выдающимися личными качествами — мужеством, полководческим талантом, дарованиями дипломата и администратора (ср.: Жирмунский 1974, с. 376; Измайлов 1992, с. 70).

[22] Население западной части Улуса Джучи к тому времени было уже довольно сильно исламизировано. Мероприятия Эдиге были направлены в первую очередь на жителей восточных степей, которые составляли его опору. Подробнее см. очерк «Культура».

«Шежире» приводит следующую легенду. Юрт каракалпаков распался из-за усобиц. Для его спасения они решили пригласить Шынгыза (Чингисхана). Представители сорока племенных общин-элей разыскали его и собрались привезти в Каракалпакский юрт на арбе. При строительстве арбы «Хонграт нашел одну оглоблю, Мангыт нашел одну оглоблю. Все остальные деревянные части было поручено найти другим» элям (Жданко 1950, с. 80). Данный сюжет изложен в контексте рассказа информатора о том, что каракалпакский народ делится на два объединения-*арыса* (букв. «оглобли»).

Образ оглобли как скрепляющей конструкции государства-улуса давно знаком евразийским кочевникам. Известен разговор Чингисхана с его антагонистом Джамухой, когда того, разгромленного, привели к хану. Чингис предложил: «Давай помогать друг другу. Хочу тебя сделать второй оглоблей...» (Сокровенное 1990, с. 169; History 1990, p. 107). Джамухе предлагалось сотрудничество и, может быть, соправительство, и оглобля служила наиболее ярким символом неразрывной совместной деятельности. Такими же «оглоблями», в представлении каракалпаков, являлись в прошлом мангыты и кунграты Дешт-и Кипчака. И недаром хронист Кунгратской династии Хивы Мунис причислил к кунгратам некоторых несомненно мангытских предводителей, чтобы обосновать историческое величие рода своих государей (Bregel 1982).

Сестра Эдиге вышла замуж за хана левого крыла Тимур-Мелика б. Уруса, а хан Тимур-Кутлуг б. Тимур-Мелик, следовательно, доводился племянником беклербеку. Эта родственная связь сохранялась в памяти ногайских мирз до середины XVI в., когда сыновья Юсуфа б. Мусы, Юнус и Али, писали в Москву: «А изначала в братстве есмя с государи своими, с Темир Кутлуевыми царевыми детми» (НКС, д. 4, л. 44–44 об.). Данное утверждение высказано ими для обоснования их неприятия другой линии Джучидов — «Азигиреевых царевых детеи», т.е. крымских ханов-Гиреев (НКС, д. 4, л. 44). Казалось бы, преданность астраханской династии, потомкам Тимур-Кутлуга, логично выводится из прежнего соправительства Тимур-Кутлуга и Эдиге. Но мангытская знать испытывала подобные чувства не только к «Темир Кутлуевым царевым детям». В октябре 1490 г. марионеточный хан-Шибанид Аминек написал Ивану III: «Великого князя дети (т.е. потомки улуг бека Эдиге. — *В.Т.*) Апас князь, Муса, Ямгурчеи мырза и их дети и братиа царем мя себе держат. С мангыты из старины братья и товарищи есмя. Ямгурчеевы дети — мои дети стоят» (Посольская 1984, с. 33).

Тесный и постоянный контакт с монархами позволил мангытской аристократии узурпировать право выбора кандидатур на ханствование. Концентрированное выражение этой прерогативы содер-

жится в решении мангытского курултая (съезда знати) по поводу возможного возведения на престол Мухаммеда Шейбани в 1470-х годах: «С древних времен до настоящего времени каждый хан, которого провозглашали эмиры мангытов, предоставлял эмирам мангытов волю в государстве» (Бинаи 1969, с. 104).

Глава 3

Ногаи в ханствах Шибанидов

Сыновья Эдиге в распадающейся Орде. Русские и восточные источники исчисляют количество сыновей Эдиге десятками. Соловецкий список «Казанского летописца» упоминает «семьдесят сынов от тридцати жен»; список Румянцевского музея того же сочинения — «тридцать сынов от девяти жен» (История 1903, с. 15, 213; см. также: Лызлов 1787, с. 63). Ибн Арабшах пишет, будто у знаменитого беклербека «имелось около двадцати сыновей, и все они являлись могущественными государями» (Ибн Арабшах 1887, с. 63). Сам Эдиге в одноименном караногайском дастане говорит о восемнадцати «мирзах-сыновьях моих» (Ногайдынъ 1991, с. 46). Официальные московские родословцы XVII в. знают из них только «Мурадин мурзу да Мансыря князя» (см., например: РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278; Родословная 1851, с. 130), т.е. Нур ад-Дина и Мансура. Кадыр Али-бек кроме этих двоих («Нур ад-Дин-мирзы» и «Мансур-бека») называет Касим-мирзу, Саид-Али-мирзу, Киквата, Гази и Науруза (Усманов М. 1972, с. 83). Абд ар-Раззак Самарканди при изложении подробностей отъезда Эдиге в Хорезм после ссоры с ханом Тимуром в 1411 г. упоминает Султан-Махмуда, который находился при отце, и наместника Хорезма Мубарек-Шаха (Самарканди 1969, с. 180–182). В обнаруженной М.И.Ахметзяновым татарской рукописи Абдуллы Ушмави «Югары Ушмы авылы тарихи» сказано, будто на реке Нукрат некогда разразился бой между русскими войсками и Эдиге с его сыном Котышем (Ахметзянов М. 1993, с. 153). Последнее имя — явно татаризированный вариант какого-то тюркского или мусульманского имени (Кутлуг? Кутб ад-Дин?).

В предыдущих главах приводились лаконичные данные и о некоторых других Едигеевичах. В любом случае имен всех их по разным источникам набирается не больше десятка. Степень взаимного старшинства их неизвестна, но если довериться русским родословцам и Кадыр Али-беку, то получается, что первенцем был Нур ад-Дин. Это в целом подтверждается запечатленным в эпосе тесным сотрудничеством его с отцом.

Хотя славу и власть в Джучиевом улусе «делателю королей» принесла опора на мангытов и многоплеменный сонм прочих кипчаков, все же передать свои достижения он намеревался, надо полагать, прежде всего сыновьям. Создавалась почва для выделения потомства Эдиге из общей массы мангытского эля. Признаки этого проявились уже при жизни первых поколений Едигеевичей. При описании сражения Мухаммеда Шейбани с моголами в 1503 г. Мухаммед-Салих в перечне элей и полководцев называет «Эд(и)гу уругу мангыт», т.е. мангытов рода Эдиге, во главе с Хаджи-Гази (Салих 1908, с. 137). Сходное понятие есть в грамоте мирзы Ханбая б. Исмаила Ивану IV (1579 г.), где он обещает доносить на своих сородичей: «А которые Елдегеевы дети (в оригинале, вероятно, «Идигу улы». — *В.Т.*) учнут тебе на Яике какое лихо делати, и яз, сведав про то, тебе ведомо учиню» (НКС, д. 9, л. 97). Однако осознание единства по происхождению не препятствовало появлению градации различных ветвей огромного клана. В Мангытском юрте у власти утвердилось потомство Нур ад-Дина, в Большой Орде и позднее в Крыму закрепилась линия Мансура (вот чем объясняется учет только этих сыновей Эдиге в русских родословцах). Внуки и правнуки прочих сыновей прибивались к этим двум ветвям рода, и их принадлежность к общему корпусу «Эдигу уругу мангытов» не забывалась. В 1578 г. бий Ногайской Орды (т.е. Нурадинович) Урус просил у царя Ивана Васильевича: «Идигееве ж княжово роду Наурузов княжои сын (т.е. потомок. — *В.Т.*) Арыслан мырза, и его б еси пожаловал» (НКС, д. 8, л. 239)[1].

Вообще представление о родстве и старшинстве у средневековых кипчаков — в том числе у ногаев и у главенствовавших среди них мангытов — было абсолютно традиционным для этой части кочевого мира. Титул (в нашем случае — бекство, бийство) переходил, как правило, от умершего носителя его к следующему брату. Третий и более младшие братья уже не имели положения и прав двух первых (Сыроечковский 1940, с. 34, 35). Помимо общетюркского *кардаш* у ногаев практиковалось обращение младшего брата к старшему *ага*, *агашим*, *агав* и т.п., старшего к младшему — *ини* (что тоже имеет древнетюркские корни). Дядя по отцу также именовался *ага*. Дети братьев находились друг с другом в отношениях *ага–ини*. Родственники до третьего колена включительно и иногда дальше считались близкими — «братьями, разделившими котел» или «отпрысками, раз-

[1] Д.Девиз высказал предположение, что к началу XVI в. определенные группы ногаев сочли целесообразным выделить фигуру Ваккаса б. Нур ад-Дина и замолчать Эдиге — «по причинам неясным, но может быть, из стремления к единству одной линии потомков Эдигю перед другими, враждебными» (DeWeese 1994, p. 349). Известный мне источниковый материал не позволяет согласиться с подобной гипотезой. Ногаи помнили и почитали Эдиге, а его внук Ваккас в документах XV–XVII вв., исходящих из ногайской среды, почти не упоминается. В родословных сводах XVII в. он присутствует лишь как генеалогическое звено.

делившими котел» (*казан улескен кардашлар, казан улесип шыккан-лар*). Вот почему все множество ногайских мирз долгое время, до конца XVI в., считалось братьями, дядями и племянниками. Тесное родство распространялось до седьмого поколения, а браки между дальними родичами дозволялись начиная с восьмого, когда, как считалось, прямое родство по отцу уже потеряно (подробнее об этом см.: Гаджиева 1979, с. 17; Керейтов 1982, с. 195).

Ясно, что при такой системе родства дети и внуки Эдиге, куда бы ни забрасывала их судьба в эпоху распада Золотой Орды, ощущали себя единой семьей безотносительно к личным симпатиям или неприязни. В разных ханствах сформировались группы мангытской знати, мощные и влиятельные, окружавшие джучидские престолы по примеру своего великого предка. «Родовым гнездом», отечеством для всех них оставался Мангытский юрт. Но это не дает оснований считать, будто он состоял из нескольких «правящих племен», каждое из которых якобы было представлено в одном из ханств (Shamiloglu 1986, p. 67, 215). Все-таки племя (эль) было одно, и род (уруг) один. Но его члены, осиротевшие в 1419 г., действительно оказались вынуждены заботиться о Юрте и лавировать между джучидскими султанами и огланами.

О событиях, случившихся после смерти Эдиге, известно очень немного. Сохранились малодостоверные, глухие сведения о том, что его сыновья Гази, Науруз и Мансур нашли убежище на Руси, Нур ад-Дин и Кей-Кавад — в «Туране» (Howorth 1965b, p. 1022).

Ахсикенти сообщает об участии Кей-Кавада вместе с ханом Фуладом (т.е. Пуладом) б. Тимур-Меликом и Ямгурчи в борьбе против Тохтамыша и Манаса; причем Фулад будто бы был возведен на трон мангытами Кей-Кавадом и Ямгурчи (Ахсикенти 1960, с. 40б, 41б). На самом же деле Пулад не являлся даже близким родственником Тимур-Мелика б. Уруса и родословная его такова: Пулад б. Минг-Тимур б. Будакул б. Джучи-буга б. Бахадур б. Шибан б. Джучи (Aboul-Ghazi 1871, p. 183). Мангытский же мирза Ямгурчи б. Ваккас активно действовал во второй половине XV — начале XVI в., т.е. через столетие после Тохтамыша. Манас — не историческая фигура, а эпический герой, но какие-то отголоски участия Кей-Кавада в борьбе сторонников Эдиге с Тохтамышевичами здесь могли отразиться. По Ахсикенти, он утонул в Сырдарье (Ахсикенти 1960, с. 43а)[2], т.е. все-таки на территории «Турана».

Вероятно, где-то в восточном Дешт-и Кипчаке были и улусные кочевья Кей-Кавада, поскольку в XVI в. к востоку от Яика, в Центральном Казахстане, находилось левое крыло Ногайской Орды, военачальник которого носил титул *рековат* — явно в память о сыне Эдиге (Трепавлов 1991а).

[2] Ср. столь же малодостоверную информацию Ибн Арабшаха о гибели раненого Эдиге в водах Сырдарьи (Ибн Арабшах 1887, с. 63).

Об этом лице при перечислении потомства Эдиге упоминает и Кадыр Али-бек (Усманов 1972, с. 83). Казахский дастан рассказывает, что «Кейкюват» был «мальчиком от Тохтамышевой стряпки», уцелевшим после разгрома Тохтамыша Эдиге; выросши, «Кейкюват» убил «Нурилая» (Нур ад-Дина), за что сам был умерщвлен Эдиге (Потанин 1897, с. 313). Больше ни в одном из известных мне источников, кроме путаного сочинения Ахсикенти, не говорится об участии этого мирзы в политических событиях XV в. Наверное, он действительно погиб в каких-то степных баталиях, не оставив заметного следа.

Традиция влияния Эдиге была столь сильна, что после его гибели ранг беклербека остался в его семье[3]. Кадыр Али-бек описывает обстоятельства перехода должности таким образом.

Перед сражением с ханом Кадыр-Берди б. Тохтамышем Эдиге заключил на Илеке, притоке Яика, соглашение с огланом Хаджи-Мухаммедом, чей улус находился в Юго-Западной Сибири: «Если Бог поможет осуществить мое дело, то я тебя сделаю ханом». После того как мангытская армия была разгромлена на Яике, а ее предводитель погиб, сын Эдиге, Мансур, сдержал отцовское обещание и способствовал воцарению Хаджи-Мухаммеда, а тот возвел его в достоинство беклербека. «Бий Идику умер. После него его сын Мансур стал бием. Хаджи-Мухаммед-оглана бий Мансур провозгласил ханом. Один ханом, другой бием сделались... Место Идику занял Мансур» (Кадыр Али-бек 1854, с. 155–156). Произошло это не позднее 1421 г. (Сафаргалиев 1960, с. 203). Так власть в восточном Деште была вновь устроена по схеме, сформировавшейся при Эдиге: при зависимом хане-Джучиде состоял мангытский бий.

Реконструкция тех событий весьма осложнена тем, что отображены они в сочинениях, во-первых, поздних, во-вторых, использовавших легендарные сведения. Например, в казахском сказании-джире «Идиге», записанном Ч.Валихановым, советник Кадыр-Берди-хана Кен-Джанбай организовал переговоры между своим государем и Мансуром б. Эдиге; был заключен договор, по которому Мансур становился беклербеком при Кадыр-Берди (Валиханов 1904а, с. 272). А ногайская версия того дастана гласит, что точно такой же пакт этот хан заключил с другим сыном Эдиге — Нур ад-Дином (см. выше). По Абд ал-Гаффару Кырыми, среди приближенных Мансура в самом деле находился мудрый старец-советник Джан-Тимур (Кырыми 1924, с. 85),

---

[3] Практику возведения на трон подставных ханов мангытами расценили как традицию, идущую от Эдиге, также Н.Н.Мингулов и В.П.Юдин (История 1979, с. 183; Юдин 1992, с. 55). Формула *бири хан, бири би(к)* — «один (из них) хан, другой — бек» — была использована Кадыр Али-беком при характеристике соподчиненности Тимур-Кутлуга и Эдиге. Различными средневековыми авторами она применялась также по отношению к Хаджи-Мухаммед-хану и Мансуру б. Эдиге, Абу-л-Хайр-хану и Ваккасу б. Нур ад-Дину, Ядгар-хану и Мусе б. Ваккасу (см. ниже).

сопоставимый с Кен-Джанбаем. Но Кадыр-Берди ко времени бийства Мансура уже не было в живых. Кырыми рассказывает, будто после смерти отца Мансур скрылся в «Русском юрте». Затем вернулся на Волгу, где стал бием при хане Гияс ад-Дине б. Шадибеке. Через два года тот умер, и Мансур возвел на трон Кучук-Мухаммеда б. Тимура б. Тимур-Кутлуга. Однако вскоре охладел к своему малолетнему протеже и решил поддержать восточного хана Барака б. Куйручака б. Уруса, вопреки отговорам Джан-Тимура (Кырыми 1924, с. 84, 85).

Этот союз получил неожиданную иллюстрацию в виде башкирского предания, в котором действует «Барак-султан Мансур», живущий в Сарайчуке, мангытской «столице» (Башкирские 1960, с. 80). Скорее всего Мансур при Бараке стал беклербеком (бием), так как они вместе ходили воевать с очередным претендентом на престол правого крыла — Улуг-Мухаммедом. Из письма последнего турецкому султану от 14 марта 1428 г. известно, что в 1426 г. войско из восточных степей было разбито, «и мы обратили в бегство Барака и Мансура» (Султанов 1975, с. 54, 282; Kurat 1940, p. 8, 9, 14). Вскоре после этого разгрома между соратниками произошел разрыв. Кадыр Али-бек пишет об убийстве Мансура Бараком (Кадыр Али-бек 1854, с. 156) (видимо, в 1426 или 1427 г.[4]). Предание астраханских татар ногайского происхождения представляет конфликт таким образом: «В то время, когда в Ховарезме властвовал Барак-хан, Мансур-мурза сделал набег на Хиву, где и умер насильственной смертью, будучи ослеплен по повелению Барака» (Небольсин 1852, с. 54). Возможно, здесь отложились слухи о какой-то распре между разбитыми ханом и беклербеком.

Находившиеся при Бараке сыновья Эдиге, Гази и Науруз, тут же бежали на запад к Кучук-Мухаммеду. Вскоре (около 1428 г.[5]) они вернулись с его войском, разгромили и убили Барака, в чем получили помощь бывших подданных Мансура (Кырыми 1924, с. 89, 90; Langles 1802, p. 395). О гибели Барака в войне с «Казы-Новрузом» упоминает и Кадыр Али-бек (Усманов М. 1972, с. 75).

Как видим, мангытская аристократическая традиция не пресеклась: «Эдигу уругу мангыты» постоянно находили правителей, желающих видеть их подле себя в качестве беклербеков. Сразу после описанных событий Гази стал бием Кучук-Мухаммеда, а Науруз — бием царствовавшего одновременно Улуг-Мухаммеда (Shamiloglu 1986, p. 195). Деятельность двух последних продолжалась около десяти лет, пока не начались разногласия — настолько глубокие, что Науруз решил перейти в орду Кучук-Мухаммеда (Гази к тому времени уже не было в живых). Тот сразу же сделал мангытского вельможу своим беклер-

---

[4] Б.Ишболдин датирует смерть Мансура 1437 г., М.Г.Сафаргалиев — 1421 г. (Сафаргалиев 1938, с. 81, 82; Ischboldin 1973, p. 159). Не нахожу оснований относить это событие к столь раннему или столь позднему сроку.

[5] Датировка Т.И.Султанова (Кляшторный, Султанов 1992, с. 209).

беком, в каковой должности и застал его в 1438 г. Иосафат Барбаро. Вместе они напали на ставку Улуг-Мухаммеда и свергли его (Барбаро 1971, с. 140–142, 150, 151).

О пребывании Науруза в Поволжье его соплеменники помнили долго. В ногайских грамотах, присланных в Москву в 1562 и 1563 гг., среди местностей на Волге упоминаются «Новрузовское княжое место, Сараи словут», «Новрузов Сараи на берегу Бузана», сама протока Бузан, некогда принадлежавшая Наурузу «от верховья до устья», и др. (НКС, д. 6, л. 81, 213 об., 214). Дата смерти его неизвестна. Есть лишь небольшой повод для предположения. Русская летопись отметила, что осенью 1440 г. «хан Махмет Большия Орды убил большего своего князя Мансупа, и много татар тогда избиено бысть в Орде» (Патриаршая 1904, с. 30–31). Мансуп — это, конечно, Мансур. Но поскольку он был убит Бараком за тринадцать-четырнадцать лет до этого, то можно полагать, что до летописца дошли вести о казни брата Мансура, «большего князя» (улуг бека) Науруза, вступившего в конфликт с Кучук-Мухаммедом.

Теперь обратимся к территории непосредственно Мангытского юрта между Волгой и Эмбой. Едва ли можно согласиться с мнением М.Г.Сафаргалиева, что «после смерти Барака потомки Едигея окончательно закрепили за собой восточную окраину Золотой Орды» (Сафаргалиев 1938, с. 37). В начале XV в. яицкие степи находились под управлением золотоордынского хана-Шибанида, Пулада, мангытской креатуры. В 1411 г. он был изгнан из Сарая и убит сыном Тохтамыша, Джелал ад-Дином. «После смерти Фулада, — пишет Абу-л-Гази, — два его сына, Ибрахим и Араб-шах, разделив владения отца, жили совместно, кочевали и располагали ставки летом в верховьях Яика, зимой в устье Сыра» (Aboul-Ghazi 1871, p. 183–184). Значит, Шибаниды ежегодно пересекали земли мангытов и, может быть, летовали в них. Хан «Фулад» призывал мангытских мирз к себе на Яик (не в Сарайчук ли?) (Ахсикенти 1960, с. 42б). Следовательно, область Мангытского юрта все еще считалась составной частью ханства левого крыла, и Джучиды беспрепятственно включали ее в сферу своих сезонных передвижений. Сарайчук позднее рассматривался и как владение хана Кучук-Мухаммеда. В 1428 г. он и Гази б. Эдиге в награду за помощь в борьбе против Барака даровали пост даруги (наместника) Сарайчука некоему Айиасу (Кырыми 1924, с. 90, 94; Shamiloglu 1986, p. 195).

Получается, что западные владения Кок-Орды обладали уже как бы двойным сюзеренитетом — Чингисидским и мангытским. Почти все прочие улусы заволжского Дешта имели во главе потомков Чингисхана: Джумадук б. Суфи кочевал между реками Сары-су и Эмбой; Махмуд-Ходжа б. Каганбек (может быть, это упоминавшийся выше ставленник Мансура Хаджи-Мухаммед) — между Тоболом и

Ишимом; Мустафа б. Муса — по левому берегу Атбасара, правого притока Ишима; Девлет-Шейх б. Ибрагим — по левому берегу Иртыша до впадения в него Тобола. Все перечисленные лица принадлежали к дому Шибана б. Джучи. Кроме того, на северо-восточной окраине государства находилось владение эля баркут во главе с беками Адабом и Кебеком (данные Махмуда б. Эмир-Вали и Масуда Кухистани — см.: Ахмедов 1965, с. 42–44).

Население Мангытского юрта к концу первой четверти XV в. осталось почти не затронутым смутами и стычками между ханами. Единственное крупное потрясение, отраженное в источниках, — это неудачная попытка хана Барака переселить в глубь степей улусы его сподвижника, а затем противника Мансура б. Эдиге (Кырыми 1924, с. 87, 88). Уже говорилось, что одним из участников низвержения Барака был Гази б. Эдиге. Кадыр Али-бек слышал о нем как о главе мангытов после Эдиге и Мансура (Усманов М. 1972, с. 83).

Кухистани и Кипчакхан раскрывают некоторые обстоятельства его автономного правления. Гази, «по примеру своего отца, стал предводителем народа и племени и привел под десницу своего господства аймак и племена». Видимо, он проявил себя как достаточно самовластный правитель, что вызвало недовольство кочевой аристократии, уже отвыкшей от жесткой единоличной власти. Бий «удлинил руки притеснения», «протянул руку угнетения и насилия, ступил из круга справедливости и сошел с широкой дороги милосердия» (Кухистани 1969, с. 141; Кипчакхан 1969, с. 390). Думаю, в то время, т.е. в последние месяцы жизни, Гази состоял беклербеком у хана Джумадука, улус которого был ближайшим к Мангытскому юрту.

Долгое время мирза был неразлучен со своим братом Наурузом, и во многих источниках даже применяется совместное написание их имен «Гази-Науруз», т.е. поздние авторы принимали их за одного человека. Но Науруз закрепился при дворе Кучук-Мухаммеда, с которым Гази сначала тоже имел тесный контакт. Поэтому в 1428 г. Гази пришлось искать другого покровителя или скорее объект для покровительства. Во всяком случае, именно к Джумадуку апеллировали сановники, возмущенные самовластием Гази. Бий был убит мятежниками. По версии Кухистани, убийцы утвердились в ханской ставке «в ряду великих эмиров и слуг высокопоставленного хана» — надо полагать, заменив при дворе Гази. Джумадук боялся своих новых, агрессивных советников и не оказывал им должных знаков внимания. Обиженные беки оставили его и присоединились к царевичу-оглану Абу-л-Хайру б. Девлет-Шейху (Кухистани 1969, с. 141).

Кипчакхан излагает эту историю по-другому. Гази погиб в результате сговора кочевой знати с Абу-л-Хайром. Разгневанный убийством своего беклербека, Джумадук выступил в поход против Абу-л-Хайра, который тоже считался его подданным, но в сражении с ним погиб.

Абу-л-Хайр как «хан-победитель прибыл в основной юрт» (Кипчак-хан 1969, с. 390)[6].

Таким образом, во второй половине 1420-х годов Мангытский юрт стал превращаться в значительную, хотя пока и не самостоятельную силу. Так же как и в западных улусах, заволжские мангытские бии сумели сохранить за своей семьей ранг беклербека. После кончины Эдиге почти все известные нам его сыновья занимали эту должность при различных сюзеренах: Мансур — при Хаджи-Мухаммеде или же, по другой версии, Гияс ад-Дине, Кучук-Мухаммеде и Бараке; Науруз — при Улуг-Мухаммеде и Кучук-Мухаммеде; Кей-Кавад — при Пуладе; Гази — при Кучук-Мухаммеде и Джумадуке. Некоторые из перечисленных монархов являлись мангытскими ставленниками. Однако из-за формальной зависимости от ханов Кок-Орды Мангытский юрт не мог служить базой для всех этих беклербеков. На яицкие улусы имели возможность опираться только те сыновья Эдиге, которые обосновались к востоку от Волги.

Абу-л-Хайр и Ваккас. Абу-л-Хайр умел ладить с мангытами, за которыми стояло многолюдное и многоплеменное население их Юрта. В период его ханствования (1428–1468) они поначалу сохраняли верность суверену. Возможно, такая лояльность объяснялась временным ослаблением кочевников. В конце 1420-х годов «в землях Сарайских и Дештских и в степях Кипчацких была сильная засуха и чрезвычайно сильная моровая язва, от которой погибло множество народа» (Макризи 1884, с. 442). Первоначально одним из ближайших соратников Абу-л-Хайра оказался некий мангыт Сарыг-Шиман; о его происхождении и родственной связи с Эдиге ничего не известно. По Кухистани, во время решающего сражения мангытов с Джумадуком приближенный последнего, шестнадцатилетний Абу-л-Хайр, попал в плен к Сарыг-Шиману. Тот «проявил много старания в деле защиты его воспитания и служения». Спустя некоторое время Сарыг-Шиман дал молодому царевичу лошадей и отпустил домой (Кухистани 1969, с. 142, 143). По воцарении в 1428 г. Абу-л-Хайр вознаградил его «царскими милостями и дарами... так возвысил его в высоких и сановных степенях, что тот стал предметом зависти великих эмиров и собеседников султана» (Кухистани 1969, с. 145). Однако в дальнейшем этот персонаж ничем не выделялся; он участвовал в некоторых походах хана, но какой-то особый статус его среди прочих подданных

---

[6] М.Г.Сафаргалиев утверждал, будто убийство Гази вызвало временное ослабление Мангытского юрта и, как следствие, усиление орды Джумадука (Сафаргалиев 1960, с. 206). В.Л.Егоров связал с Гази попытку мангытов выйти из-под власти Шибанидов и создать собственное государство; однако Гази встретил-де отпор знати и погиб, а Джумадук стал единственным правителем восточного Дешт-и Кипчака (Егоров 1993, с. 32). Но повествования Кухистани и Кипчакхана не дают оснований увидеть какое-то противостояние Гази и Джумадука. Наоборот, в обоих источниках хан предстает как арбитр (или пытается выглядеть таковым) в конфликте между бием и знатью Юрта.

не просматривается. Из потомков же Эдиге в державе Абу-л-Хайра — так называемом ханстве кочевых узбеков — на первый план выдвинулся бий Ваккас б. Нур ад-Дин.

Впервые он упоминается в составе участников коронации Абу-л-Хайра 1428 г. в городе Чинги-Тура (Кухистани 1969, с. 143). Хронисты шейбанидского круга причисляют Ваккаса не к изначальным сподвижникам Абу-л-Хайра времен его «казачества», а к тем, которые встали рядом с ханом, «когда установилось уже его могущество», «которые пришли со всех сторон» лишь «после завоевания стран» Абу-л-Хайром (Березин 1849, с. 54, 59; Бинаи 1969, с. 96, 97; Таварих 1967, с. 262). Можно было бы объяснить присоединение Ваккаса к новому государю страхом перед участью прежнего главы Мангытского юрта Гази и перед воинственным соседним ханом Мустафой (см.: Ахмедов 1965, с. 46). Но гораздо более существенными резонами представляются, во-первых, ослабление Юрта в ходе смут и эпидемий; во-вторых, стремление отпрыска Нур ад-Дина заполучить при дворе Абу-л-Хайра пост беклербека, ставший уже традиционным для семьи Эдиге. И действительно, не загадочный Сарыг-Шиман, а именно Ваккас был удостоен этой степени.

В течение по крайней мере двух десятилетий между ним и ханом существовало тесное взаимодействие и сотрудничество. Кадыр Али-бек сообщает об их дружбе: «Они пили из одной чаши — один с одного края, другой с другого; одновременно были один ханом, другой беком» (Кадыр Али-бек 1854, с. 157). До Европы докатилась молва о репутации мангытского бия как «выдающегося слуги и воина великого хана» (Меховский 1936, с. 92, 171). Главной заслугой Ваккаса мусульманские хронисты считали то, что он для своего патрона «дважды завоевал трон Саин-хана», т.е. Бату, фактического основателя Улуса Джучи, после чего с именем Абу-л-Хайра начала читаться *хутба*, чеканиться монета и его персоной «украсился трон Саин-хана» (Бинаи 1969, с. 67; Кухистани 1969, с. 155). Видимо, имеется в виду участие Ваккаса в занятии Орду-базара, бывшей кочевой ставки Бату, и в разгроме соперников Абу-л-Хайра, ханов Ахмеда и Махмуда. Беклербек по должности возглавлял вооруженные силы ханства и участвовал во всех крупнейших кампаниях 1430-х — начала 1440-х годов. В награду за преданность в удел Ваккасу был пожалован город Узгенд на левом берегу Сырдарьи (Байпаков 1977, с. 202, 207, 208; Кухистани 1969, с. 159).

Сотрудничество это не омрачил даже неожиданный переход Ваккаса в лагерь Мустафы — последнего независимого от Абу-л-Хайра государя восточного Дешта (как мы уже видели, мангытские лидеры не гнушались уходить к другим сюзеренам, если их ставленники становились чересчур могущественными и не было возможности сменить их на марионеточных правителей). Мустафа был разгромлен

войсками Абу-л-Хайра, и уже в следующем походе на Сырдарью Ваккас снова находился в рядах его сподвижников (Кухистани 1969, с. 156–159). Эти события произошли, вероятно, в середине 1440-х годов, так как в новом конфликте узбеков с Тимуридами, конца 1440-х — начала 1550-х годов, Ваккас уже не участвовал[7]. Б.А.Ахмедов датирует разгром Мустафы и поход на сырдарьинские города 1446 годом (Ахмедов 1965, с. 56, 93, 162).

Мангыты принадлежали к правому крылу узбекской державы, наряду с найманами, уйгурами и др. (Ахмедов 1985, с. 39). Высокий ранг эля и благоволение к нему государя подтвердились и брачным союзом: мать двух сыновей Абу-л-Хайра принадлежала к этому племени (Султанов 1982, с. 16, 17). При этом Мангытский юрт не растворился среди подчиненных Абу-л-Хайру улусов. Перечисляя его правителей, Кадыр Али-бек указывает, что «после Гази правили сыновья Нурадина Афас и Укас» (Усманов М. 1972, с. 83), т.е. Ваккас и его преемник Аббас — в обратной тексту хроники очередности. Политическая самостоятельность мангытских владений эпохи Ваккаса проявилась, в частности, в противостоянии с Большой Ордой, в котором Абу-л-Хайр после победы над ее будущим ханом Ахмедом не принимал заметного участия.

Русский «Казанский летописец» середины 1560-х годов так характеризует ситуацию в землях Джучидов периода княжения в Москве Василия II (1425–1462): на большеордынских ханов с запада приходили крымцы, с севера — московитяне, «а з другую сторону, созади, мангаты силныя стужаху, их же беша улусы качевныя на великой реке на Яике» (История 1903, с. 14). Вражда ордынцев с Мангытским юртом отразилась и в сочинении поэта Шал-Кийиза Тиленши-улы, состоявшего при дворе Тимура б. Мансура б. Эдиге, беклербека Большой Орды во второй половине XV в.: «Когда смотрю на свою Десятиудельную ногайскую родину, Вижу ненавистного Окас(Ваккас. — *В.Т.*)-мирзу, Ненавистники-злодеи, Собравшись, что-то замышляют. И вижу, как этот несчастный мир Опрокинулся в омут» (цит. по: Сикалиев 1994, с. 51). Следовательно, Ваккас представлял существенную угрозу для сарайских ханов и, может быть, вступал в какие-то коалиционные связи с Крымом.

Ваккас умер насильственной смертью. Матвей Меховский записал, что «Оккас, выдающийся воин и слуга великого хана... был убит» (Меховский, 1936, с. 92–93, 171). Блез де Виженер, использовавший

---

[7] Б.-А.Б.Кочекаев полагает, что Абу-л-Хайр стал испытывать враждебность по отношению к Ваккасу и всему Мангытскому юрту (Кочекаев 1988, с. 50). Участие Ваккаса в войне с Тимуридами опровергает это. Думается, ближе к истине точка зрения К.А.Пищулиной: занятый среднеазиатскими проблемами, Абу-л-Хайр не вмешивался в дела своих западных подданных и не препятствовал самостоятельному существованию и постепенному усилению Юрта мангытов (История 1993, с. 113).

трактат Матвея Меховского, уточнил, что бий подвергся казни (Виженер 1890, с. 87). М.Г.Сафаргалиев почему-то решил, что тот погиб от рук лазутчиков Абу-л-Хайра (Сафаргалиев 1960, с. 229). Хотя метания главного военачальника (переход к хану Мустафе) действительно могли насторожить узбекского государя, все же нет ни малейшего намека на его причастность к смерти мангытского предводителя, который до конца дней сохранил репутацию его «выдающегося воина и слуги». Одна из казахских генеалогий называет убийцей Ваккаса мирзу Кожаса или Куджаша (т.е. Хаджи-Ахмеда) б. Гази, его двоюродного брата (Жирмунский 1974, с. 437). Это уже правдоподобнее: сын свергнутого и убитого соплеменниками Гази вполне мог питать мстительные чувства к удачливому дяде, сменившему во главе Юрта отца Куджаша (а может быть, и причастного к его гибели!). В таком случае становится понятен жестокий разгром Куджаша сыновьями Ваккаса впоследствии (см. ниже).

Вслед за упоминанием о смерти Ваккаса Матвей Меховский пишет, будто после этого «сыновья его отделились от главной заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно лет за семьдесят до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой» (Меховский 1936, с. 93, 171). Здесь ясно сказано, что отделение потомства Ваккаса от Узбекского ханства произошло после гибели бия. Примерная датировка этого события по «Трактату о двух Сарматиях» — 1447 г. «или немного меньше», как оговаривает автор. В самом деле, в походе на Сыгнак 1446 г. Ваккас был вместе с ханом и получил от него в управление Узгенд, а в конфликте с Тимуридом Абдуллой 1451 г. он уже не упоминается.

Разрыв мангытов с Абу-л-Хайром. Поиски нового государя. Отделение Мангытского юрта от Узбекского ханства связано с отказом сыновей Ваккаса подчиняться Абу-л-Хайру после смерти их отца в конце 1440-х годов. Это следует, во-первых, из «Трактата» Матвея Меховского, во-вторых, из возведения на трон «параллельного» государя мангытами еще при жизни Абу-л-Хайра. Видимо, намерение Ваккаса сменить политическую ориентацию на менее сильного по сравнению с Абу-л-Хайром Джучида передалось его наследникам и было воплощено ими. Источники, повествующие о событиях второй половины XV в., называют несколько имен мангытских биев, действовавших одновременно: 1) брат Ваккаса, Аббас. Он активен в 1470-х годах, затем исчезает из поля зрения хронистов и вновь появляется в 1490-х; 2) Хорезми б. Ваккас, известный лишь по единичному упоминанию Кадыр Али-беком и эпизоду сражения с казахами; 3) Муса б. Ваккас — истинный создатель независимого Мангытского юрта, т.е. Ногайской Орды.

Термин *бек* (*бий*) имел несколько значений, среди которых были «глава эля» (племенной общины), избираемый на совете племенной знати, и «беклербек» — главный военачальник и номинальный глава сословия беков, назначаемый ханом. Одновременное существование нескольких мангытских биев — при этом не противостоявших, а сотрудничавших друг с другом — приводит к мысли, что кто-то из них был племенным главой мангытов, а остальные состояли беклербеками при одновременно царствующих монархах. Представляется, что сразу по смерти Ваккаса, еще до разрыва с его сыновьями, Абу-л-Хайр по уже утвердившейся к тому времени традиции должен был назначить другого мангытского вельможу на вакантный пост верховного полководца. Если Аббас являлся младшим братом Ваккаса, то его кандидатура наилучшим образом подходила для этого, поскольку по обычным кочевым нормам дядя при наследовании статуса обладал преимуществом перед племянниками (в данном случае перед детьми Ваккаса). Кадыр Али-бек же пишет, что после Ваккаса «был Хорезми-бек» (Кадыр Али-бек 1854, с. 155). Скорее всего во главе мангытского эля встал именно Хорезми. Его брата Мусу ожидало другое поприще.

В эпическом фольклоре народов Дешт-и Кипчака фигура Мусы полностью заслонила и вытеснила образы его дяди Аббаса и брата Хорезми. Башкирская легенда называет преемником «Мурадыма» (Нур ад-Дина) «Мусу-хана»; астраханские татары рассказывали, что «у Оказа (Ваккаса. — *В.Т.*) преемником власти над ногаями сделался сын Муса-бий» (Башкирское 1987, с. 187; Небольсин 1852, с. 54). Именно Муса стал диктовать политику мангытов в восточных степях. Судя по его темпераменту и изобретательности, именно ему обязаны мангыты отделением от Абу-л-Хайра, очередной и окончательной концентрацией в районе Сарайчука («замка Сарай», по Матвею Меховскому). Занятый тяжелой борьбой с Тимуридами и «узбек-казаками» на юге, хан не стал расправляться с наследниками Ваккаса. Хотя повод для этого они создали быстро.

Сразу после рассказа о событиях 860/1455 г. Абу-л-Гази переходит к описанию конфликта между Мусой и Куджашем. Хронист не раскрывает его причин и даже не поясняет, кто такой Куджаш. Однако из сказанного выше ясно, что Куджаш — это тот самый сын Гази-бия, который убил Ваккаса, и схватка с ним Мусы объяснялась местью за отца. Муса потерпел полное поражение в битве. В поисках подмоги и союзников взор его обратился к некоему Шибаниду Буреке (или Берке), сыну Ядгара. Визит Мусы вызвал у того прилив радости, поскольку внимание высокородного мангытского аристократа открывало перспективу обретения ханского ранга. Сформировавшийся порядок диктовал обязательное условие: при хане должен быть беклербек из мангытов. То есть при ком из бесчисленных Джучидов мангытский лидер соглашался стать беклербеком, тот Джучид при поддержке

мангытов и становился ханом. «Очень рад, очень рад твоему приходу, — ликовал Буреке. — Пусть отец мой будет ханом, а ты при дворе его будешь великим бием». Заинтересованный в поддержке его многолюдным улусом, Муса согласился. Ядгара «посадили на белый войлок и подняли ханом» (Абу-л-Гази 1906, с. 167; Aboul-Ghazi 1871, p. 189).

Так неожиданно для себя ничем не выдающийся принц крови получил монаршее достоинство. Мусе, естественно, тут же было даровано звание беклербека (бия), и он занял точно такое же положение, что и покойный Ваккас при дворе; в памяти кочевников осталась поговорка, приведенная Абу-л-Гази: «(Каковы) Абу-л-Хайр-хан с Ваккас-бием, (таковы и) Ядгар-хан с Муса-бием» (Aboul-Ghazi 1871, p. 189)[8]. В совместном походе Буреке и Мусы Куджаш был разгромлен и убит, его семья и улус попали в руки победителей (Aboul-Ghazi 1871, p. 168).

Мунис датирует воцарение Ядгара «стараниями Буреке-султана и Муса-бия» 862/1457-58 годом (Мунис 1969, с. 436; Firdaws 1999, p. 26). Следовательно, данный автор солидарен с Абу-л-Гази в том, что провозглашение Ядгара ханом произошло еще при жизни Абу-л-Хайра (он умер в 1468 г.). Молла Шади называет Ядгара преемником Абу-л-Хайра (Шади 1969, с. 56), в то время как по всем другим источникам последнему сразу наследовал его сын Шейх-Хайдар. Очевидно, Ядгар скончался вскоре после Абу-л-Хайра. Во всяком случае, в числе противников Шейх-Хайдара фигурирует только Буреке, а его отец не назван ни разу[9]. Но Мусе он уже и не был нужен. В договоре Мусы

---

[8] В публикации П.И.Демезона первая часть фразы читается так: ابولخير خان وقاضى بى т.е. *Абу-л-Хайр хан ва Кази би*. Однако исходя из рассмотренных выше перипетий судьбы Гази б. Эдиге, мне представляется совершенно невероятным, чтобы он успел занять какое-то выдающееся место при Абу-л-Хайре настолько прочно, чтобы войти в народную пословицу. К тому же Абу-л-Хайр стал ханом уже после гибели Гази. Вместо имени Гази в тексте «Шаджара-йи тюрк» можно было бы ожидать имя Ваккаса. Именно он был многолетним и верным соратником узбекского хана, предводителем значительной части подвластных ему элей. Я рискнул в данном случае «подправить» Демезона, предположив, что диакритическая точка над *сад* поставлена ошибочно, и на самом деле в народном изречении назван именно Ваккас — в соответствующем написании: وقاص. Буква *вав* после имени хана едва ли служит соединительным союзом *ва*, поскольку во второй части фразы, стилистически аналогичной первой, такого союза нет (*Йадкар хан Муса би*). Поэтому я вижу в этом *вав* начало имени Ваккаса и в целом восстанавливаю пословицу как ابولخير خان وقاص بى يادكار خان موسى بى (*Абу-л-Хайр хан Ваккас би Йадкар хан Муса би*).

[9] В изложении Б.-А.Б.Кочекаева коллизии, связанные с воцарением Ядгара и его сотрудничеством с мангытами, предстают крайне искаженно. Он был якобы провозглашен ими ханом после смерти Абу-л-Хайра для противостояния казахам, которые стали теснить мангытов на запад; Куджаш-мирза овладел-де улусами Мусы, а Буреке («ставленник ногайцев Берке-султан») помог тому вернуть их (Кочекаев 1988, с. 51, 52). Из источников явствует, что мотивы и ход событий были совершенно иными. Казахский же фактор в провозглашении Ядгара ханом, по-видимому, вовсе не присутствовал.

с Ядгаром проявилась политическая линия, которая начала было просматриваться в неудачном союзе Ваккаса с ханом Мустафой: хан-Чингисид был необходим мангытам только для того, чтобы освятить их растущую гегемонию в Деште, а самодержавный Абу-л-Хайр явно не подходил для роли марионетки. Кроме того, получив однажды от покорного Чингисида пост беклербека (бия), мангытский мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, жив ли государь, даровавший эту инвеституру. (Правда, при этом пока сохранялось обязательное условие: беклербек все равно должен был «числиться» при каком-нибудь монархе.)

Личность и власть Абу-л-Хайра в течение сорока лет скрепляли узбекскую державу. Шейх-Хайдару б. Абу-л-Хайру не захотел подчиняться никто. Во имя свержения династии объединились лидеры с разных концов Дешт-и Кипчака: Ибак (т.е. Ибрагим) б. Махмудек из Тюменского юрта; давний антагонист Абу-л-Хайра, один из основателей Казахского ханства, Джанибек б. Барак; Буреке; мангыты *Аббас-бий и Муса-бий со своим неразлучным братом Ямгурчи* (Березин 1849, с. 61; Бинаи 1969, с. 99; Шади 1969, с. 56, 57). Шейх-Хайдар смог привлечь на помощь лишь хана Большой Орды Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда[10], но это не помогло ему, и вскоре он был убит Ибаком (Таварих 1967, с. 27, 268). Дешт-и Кипчак остался без государя. Однако беклербек (бий) мог находиться только при хане, и следовало ожидать от Мусы (а именно он теперь выдвигается на первый план, окончательно оттеснив Аббаса) партнерства еще с каким-нибудь правителем-Чингисидом.

По скудной информации можно полагать, что сначала таким правителем стал Джанибек б. Барак. Вместе со своим родственником (троюродным братом?) Гиреем он долгое время находился в жесткой оппозиции к Абу-л-Хайру и около 1459 г. вместе со своими улусами откочевал в Моголистан, за пределы досягаемости ханских войск.

---

[10] О коалиции Шейх-Хайдара с Ахмедом пишет Шади (Шади 1969, с. 57). М.Г.Сафаргалиев, напротив, причислил Ахмеда к участникам анти-шейххайдаровского союза и даже считал его инициатором этого союза (Сафаргалиев 1960, с. 269). Такой вывод можно было бы сделать из информации «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» о том, что после того, как Шейх-Хайдар «ослабил внимание, Ахмед-хан привел рать, а Ибак-хан убил Шейх-Хайдар-хана» (Таварих 1967, с. 267). Но отсюда неясно, пришла ли армия Ахмеда на помощь Шейх-Хайдару или выступила против него. Ни в одном источнике Ахмед не назван в числе участников борьбы с преемником Абу-л-Хайра. Другое дело, что позднее Ахмед решил уничтожить Мухаммеда Шейбани (внука Абу-л-Хайра) и вместе с сибирскими и мангытскими войсками осаждал Хаджи-Тархан. Это могло быть вызвано сменой ориентации хана, который не желал, чтобы в восточных степях вновь появился сильный государь, и рассчитывал на сосуществование мелких кочевых владетелей (Ибак, Джанибек, Аббас). Не исключено также, что, явившись в Заволжье на подмогу Шейх-Хайдару, ордынский правитель ознакомился с реальной обстановкой и решил обратить оружие против пригласившего его династа.

После смерти своего могущественного противника Джанибек и Гирей вернулись на север и в составе коалиции, о которой говорилось выше, свергли и убили Шейх-Хайдара. Высокое происхождение обоих султанов, сильное войско под их командованием, репутация заклятых врагов Абу-л-Хайра сплотили вокруг них тех, кто не желал, чтобы прежняя династия продолжала распоряжаться в Деште. В конце 1460-х — начале 1470-х годов Гирей стал главным ханом. Джанибек считался ханом-соправителем Гирея, но, видимо, не имел большой власти. По традиционной схеме младший соправитель получал в управление правое, т.е. западное, крыло (Трепавлов 1991б, с. 275; Трепавлов 1993а, с. 95, 96).

На западе бывшего Узбекского, а теперь Казахского ханства располагались кочевья мангытов с центром в Сарайчуке. Сарайчук стал одной из резиденций Джанибека (История 1979, с. 270)[11]. В этом факте можно видеть формальную подчиненность Мангытского юрта новому хану. Певец-жырау Асан-Кайгы, живший, по преданию, при Джанибеке, в одной из своих песен ратовал за тесный союз казахов — подданных Джанибека и Гирея — с мангытами. В той же песне содержится упрек Джанибеку за откочевку и увод народа из долин Эмбы и Уила (История 1979, с. 235, 236), т.е. с мангытских территорий. Значит, первоначально этот хан расселил там свои собственные улусы. Откочевка казахов произошла, вероятно, после смерти Гирея в 1470-х годах (точная дата неизвестна), когда его младший соправитель отправился на восток ханства, чтобы занять главный престол. В другой песне Асан-Кайгы адресовал «Азиз-Джанибеку» гневные строки: «Страну на две части разделил, Народ свой ты разорил, Врагам дал повод смеяться, Мой Ногайстан заставил обессилеть, Богатырей моих ты истребил, Себе же позволил жизнью наслаждаться» (Сикалиев 1994, с. 49). Не совсем ясны упреки по поводу разорения народа и истребления богатырей: возможно, здесь смешались образы ханов Джанибека б. Барака и того легендарного Азиз-Джанибека, что когда-то привел предков ногаев из Мавераннахра на Волгу.

Во всяком случае, близкие в прошлом отношения предков казахов и ногаев отразились в фольклоре каракалпаков, которые сохранили в сказаниях упоминания о Жаныбеке как общем хане казахов, ногайцев и каракалпаков (История 1974, с. 93, 94). Разделение же страны на две части (по Асан-Кайгы) может служить свидетельством введения казахскими ханами двухкрыльной структуры на всей территории бывшего царства Абу-л-Хайра.

---

[11] Характерно, что со стороны казахов среди участников коалиции против Шейх-Хайдара был только Джанибек, а Гирей не упоминается ни разу. Это обстоятельство представляется аргументом в пользу распространения компетенции Джанибека на западную часть бывшего Узбекского ханства.

Умер Джанибек не ранее 878/1473-74 г. (Султанов 1982, с. 112). Не желая усиления очередной династии, которая могла бы угрожать автономии Мангытского юрта, его предводители не выказали покорности следующей паре казахских ханов — Бурундуку б. Гирею и Касиму б. Джанибеку. Камал ад-Дин Бинаи в «Шейбани-наме» обозначает Мусу того периода как «властителя Кипчакской степи» (*хаким-и Дешт-и Кипчак*) (Бинаи 1969, с. 103), а Хондемир — как «главнейшего из эмиров» Дешта (*бозоргтарин-и умара*) (Хондемир 1954, с. 274).

Хотя Западный Казахстан номинально перешел под начало сына Джанибека, Касима, Муса и его сподвижники продолжали перебирать кандидатуры и присматриваться к царевичам.

Сразу после убийства Шейх-Хайдара мангытская верхушка планировала расправиться со всей семьей грозного Абу-л-Хайра и преследовала его потомков, в том числе и внука — Мухаммеда Шейбани (Березин 1849, с. 56, 61–62; Бинаи 1969, с. 100; Таварих 1967, с. 267, 268). Тот вынужден был метаться по Дешту, то и дело собирая вокруг себя отряды из таких же изгоев-«казаков». Первое время он жаждал отомстить участникам коалиции, отнявшим трон у его семьи. Уже через восемь дней после гибели его дяди, Шейх-Хайдара, Шейбани при внезапном набеге убил брата и сына сибирского правителя Ибака, затем ему удалось расквитаться с Буреке б. Ядгаром, весь улус которого после этого переселился к мангытам (Бинаи 1969, с. 102; Шади 1969, с. 62, 63). При этом главными его врагами все-таки оставались казахские ханы: к ним перешел ханский ранг. В начале 1470-х годов Шейбани при помощи Тимуридов отвоевал у них несколько крепостей на Сырдарье. А так как руководство Мангытского юрта начало подумывать о новом государе, наметилось сближение с царевичем-«казаком».

Сближение это облегчалось и тем, что еще при жизни Абу-л-Хайра юный Мухаммед Шейбани влюбился в дочь Мусы. Сведения об этой романтической детали приводятся только в стихотворном сочинении Шади «Фатх-наме» (Акимушкин 1969, с. 49). Шейбани обменивался с возлюбленной нежными письмами, а позднее осмелился даже совершать набеги на Мангытский юрт, чтобы вынудить Мусу выдать за него дочь[12].

Однажды в Сыгнак, где обретался Шейбани, прибыл посол с приглашением в ставку Мусы (Бинаи 1969, с. 103; Шади 1969, с. 71). Скорее всего это произошло после смерти Джанибека, т.е. около 1473 г. «Посланец просил от лица своего властелина, чтобы государь направился в Дешт, и обещал, что Муса встанет на его сторону,

---

[12] В ташкентской рукописи труда Шади помещены миниатюры гератской школы, изображающие вручение княжне посланий от узбекского принца. Одна из них, «Посещение Шейбани-ханом Луноликой, пленяющей сердца», опубликована (Пугаченкова 1996, с. 23).

вручит ему ханство и будет преданно и искренне служить ему» (Хондемир 1954, с. 274)[13]. Мухаммед отправился на север. Муса с почетом принял его и разместил в своих кочевьях (Махмуд ибн Вали 1969, с. 366). Наверное, уже началась подготовка к коронации, из степи съезжались мирзы для участия в церемонии. Но тут поступило известие о том, что с юго-востока приближается большое казахское войско.

Верховный хан Бурундук б. Гирей, разъяренный сепаратистскими интригами мангытов и перспективой провозглашения ими хана из ненавистной семьи Абу-л-Хайра, поднял пятидесятитысячную армию против Мусы. Произошло крупное сражение, в котором принял участие и Шейбани с тремястами собственных дружинников, приведенных из Сыгнака. Во время схватки пал от вражеской стрелы сын Ваккаса, Хорезми, формальный глава Мангытского юрта. В конце концов, не добившись перевеса, Бурундук отступил (Березин 1849, с. 58, 65; Бинаи 1969, с. 103, 104; Таварих 1967, с. 270, 271; Хондемир 1954, с. 274).

Оплакав Хорезми и отпраздновав победу, Муса должен был бы приступить к церемонии возведения Шейбани на престол. Но тут вмешались мангытские аристократы, съехавшиеся на курултай. На совещании Мусе было заявлено: «С древнейших времен до настоящего времени каждый хан, которого провозглашали эмиры мангытов, предоставлял эмирам мангытов волю в государстве. Если теперь (Мухаммед-Шейбани)-хан тоже поступит согласно нашему древнему обычаю, то прекрасно (т.е. мы его провозгласим ханом), а если нет, (тоже) хорошо (т.е. обойдемся без него)» (Бинаи 1969, с. 104). Надо полагать, воцарение честолюбивого и отважного «казака» пугало мангытов, привыкших к автономии. А.А.Семенов тоже видел причину этих колебаний во «властолюбивом и самостоятельном характере Мухаммеда Шейбани» (Семенов А. 1954, с. 44). Ожидание затягивалось. Тем временем пришли вести о нападении Бурундука на владения Шейбани на Сырдарье. Так и не дождавшись определенного решения (но, видимо, не встретив и прямого отказа Мусы), он спешно отбыл в Сыгнак для борьбы с казахами (Березин 1849, с. 58, 65; Бинаи 1969, с. 104, 105; Таварих 1967, с. 271; Хондемир 1954, с. 274). «Фатх-наме», единственная из всех источников, содержит знаменательную оговорку: Мухаммед Шейбани ушел к себе, «одержав победу над мангытами» (Шади 1969, с. 73). Может быть, перед отъездом между ним и пригласившей его стороной произошла какая-то стычка, но верить в его «победу» трудно, учитывая мизерность его отряда по сравнению с огромным ополчением Мангытского юрта.

---

[13] Бинаи, придворный историограф Мухаммеда Шейбани, излагает приглашение, направленное Мусой, в более подобострастных выражениях: «Приди к нам, будь ханом... Мы рабы тебе и прислужники» (Бинаи 1969, с. 71). Сомнительно, чтобы могущественный «хаким Дешт-и Кипчака» столь явно самоуничижался перед высокородным, но нищим и неудачливым (на тот момент) авантюристом.

Мангытский юрт при Мусе. После гибели Хорезми во главе собственно мангытских кочевий встал его и Мусы дядя, Аббас, в свое время получивший беклербекский ранг, очевидно, от Абу-л-Хайра. Но общепризнанным лидером мангытов и разноплеменного населения Юрта оставался Муса — беклербек по инвеституре от Ядгар-хана. В сотрудничестве с братом Ямгурчи он сумел расширить сферу своей гегемонии на значительную часть восточного Дешта, от Арала до Волги (Ибрагимов 1959, с. 194; Ибрагимов 1960в, с. 6). Однако сам Юрт мангытов по-прежнему занимал ограниченное пространство между Эмбой и Волгой[14], которая являлась его западной границей (по русским летописям, «Ногаи» в 1480-х годах располагались за Волгой — Вологодско-Пермская 1959, с. 274; Холмогорская 1977, с. 124). «Казанский летописец» относит активное заселение мангытами междуречья Яика и Волги ко времени княжения Ивана III, т.е. к 1460–1500-м годам: «При нем (Иване III. — *В.Т.*) от тех же мангит [Большая Орда] до конца запусте... И вселишася в Болшои Орде Наг(а)и Мангиты, из-за Яика пришедше, иже до ныне в тех улусех качюют...» (История 1903, с. 14).

Освоение ими левобережья Волги в тот период имеет подтверждение в ногайском эпосе «Мамай». В перечне мест рождения двенадцати сыновей Мусы фигурируют главным образом пункты этого региона: «местность Джидек, где разветвляется Эдиль (т.е. Волга. — *В.Т.*): один рукав впадает в море, а другой в Таш-Бурун»; протока Таш-Бурун; местность Тепки «в верхних частях, прилегавших к Эдилю»; «местность Сиблин, орошаемая рекою Эдиль» (Ананьев 1909а, с. 13).

Расположение основных мангытских кочевий обрисовано в двух грамотах, привезенных в Москву в конце 1492 г.: «Апаса князь на Урухе горе, а Мысу мырзу на Оре месте, а Ямгурчеи мырза на Емь, а Яге на Белеозере, а пять мырз на Карагале Илеке»; «Муса зимовал на Еме реце, Опас князь зимовали под Чегадаи» (Посольская 1984, с. 46). Таким образом, властители Мангытского юрта кочевали в Западном Казахстане — по рекам Ори, Эмбе, Илеку, иногда отходя в глубь степей к тимуридским рубежам, «под Чегадаи»[15].

---

[14] О первоначальной и основной территории Мангытского юрта рассказывает предание астраханских юртовских татар: «Когда Золотая Орда стала не то, что была когда-то прежде, и поколения, составлявшие ее, немногими только остатками рассыпались по степям низовьев Волги и по Каспийскому побережью, то ногаи, предки юртовских татар, стали кочевать в летнее время по реке Уралу... только изредка заходили на Эмбу» (Небольсин 1852, с. 55–56).

[15] Урук (современное название — Айрюк) — одна из Мугоджарских гор в Актюбинской области Казахстана; упоминается в «Книге Большому чертежу» (Книга 1950, с. 93, 94).

Орь и Илек — притоки Урала (Яика). Карагал Илек — может быть, правый приток Илека Кыргала. «Карагал Илик» (в прочтении А.Н.Кононова) упоминается Абу-л-Гази в «Шаджара-йи таракима» как северный предел расселения туркмен при золотоордынском хане Джанибеке, т.е. в середине XIV в. (Кононов 1958, с. 77).

Город Сарайчук на нижнем Яике уже давно превратился в естественный центр Мангытского юрта — за неимением других городов. На резиденцию Мусы в Сарайчуке указывает татаро-ногайское шеджере, найденное и опубликованное М.И.Ахметзяновым: «Муса-хан проживал в Малом Сарае» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Вместе с тем этот город продолжал считаться достоянием казахских ханов, но их притязания на низовья Яика могли быть теперь реализованы только военным путем: ведь еще при Джанибеке казахские подданные откочевали из этих мест (см. выше). Впоследствии владетели казахов втянулись в войны с Шейбани и ослабили внимание к западной окраине.

В 1489 г. Муса писал Ивану III, что их предки ссылались друг с другом, «а после того, при нас... юрт наш далече отшол», и поэтому ссылок с Москвой не было. «Нынеча, недруга своего одолев, отца своего юрт в свои руки есмя взяли», и отношения возобновляются (Посольская 1984, с. 18, 19). Та же тема звучит в грамоте сибирского хана Ибака 1494 г.: наш предок-де «Шыбал царь» был друг и брат твоим предкам, но «от тех мест межы нас Туатамыров да Номоганов юрт ся учинил, а мы ся учинили далече, а с тобою меж нас добрые съсылки не бывало» (Посольская 1984, с. 48).

Судя по обоим посланиям, между Московским великим княжеством и Мангытским юртом располагались юрты неких Туатамыра и Номогана, препятствовавшие ссылкам двух владений. Номоганский, или Номоганов, юрт дважды упоминается в письме крымского хана Менгли-Гирея казанскому хану Мухаммед-Амину 1491 г.: «С Намаганским юртом султан Баязыт султан меж их вступився, с (так. — *В.Т.*) суседстве жили бы есте, молвил... Сидяхмет, Шиг Ахмат и Азика в головах и сколко ясь Номоганова юрта пришод, домы наши потоптали» (ПДК, т. 1, с. 108). Из последнего предложения следует, что таинственный юрт — это то, что в историографии называется Большой Ордой. Видимо, обиходное ее обозначение в позднеордынской среде было связано как раз с именем Номогана, а Номоган в данном случае — это второе имя или прозвище хана Тимура б. Тимур-Кутлуга, а также его деда Тимур-Мелика (Нумукан, Нугма, Томган, Тумукан

Вопреки единодушию публикаторов четырехкратно издававшейся первой ногайской Посольской книги, полагаю, что никакого «Яге» не существовало. Очевидно, в цитируемой грамоте казанского хана Мухаммед-Амина было оставлено без перевода выражение *Йем аягы* — «устье, низовье (*аяк*) Эмбы» (ср.: а Ямгурчеи мырза на Емь аяге на Белеозере). В таком случае Белое озеро (Ак-Куль, Ак-Коль), у которого, получается, жил тогда Ямгурчи, — это одно из мелких проточных озер в эмбинских низовьях; такие водоемы носят нарицательное название *акколь*. Плесы и стоячие озерца, на которые река разбивается, не доходя до Каспийского моря 5 км, именуются «черными» (*караколь*) (о терминологии см.: Мурзаев 1996, с. 48, 49; о топографии Эмбы см.: Алексеев 1855). Если же трактовать *Йем аягы* как просто «ниже по Эмбе» (чем Аббас на Уруке), то Белое озеро может означать озеро Ак-Куль, действительно расположенное ниже по направлению течения реки, к юго-западу от Урука.

и т.п. — см.: МИКХ, с. 40; СМИЗО, т. 2, с. 106). Ведь в поздней Золотой Орде на сарайском престоле сидели потомки Тимур-Мелика: Тимур-Кутлуг, Тимур, Кучук-Мухаммед, Ахмед и дети Ахмеда, в том числе названные Менгли-Гиреем Саид-Махмуд и Шейх-Ахмед. Разгром Большой Орды в 1481 г. и ослабление ее позволили мангытам занять ее заволжские владения и вплотную приблизиться к Казанскому ханству, через которое стали осуществляться сношения с Москвой[16].

К тому времени Муса уже стал полностью самостоятельным правителем, хотя и номинально низшим по сравнению с окрестными ханами. Мирзы обращались к своему предводителю *бий хазрат* — «княжое величество» в средневековом русском переводе (НКС, 1626 г., д. 1, л. 60, 61). Вероятно, тот же оттенок звучал в обращении крымского хана Менгли-Гирея к Мусе в 1492 г.: «...величеству твоему счясливому» (ПДК, т. 1, с. 154). Но крымцы никогда не расценивали мангытских (ногайских) лидеров как равных себе государей. Ранг бия формально отводил последним место у подножия трона, а не рядом с ним. Бахчисарайская канцелярия многократно подчеркивала, что бий есть не более чем слуга (карачи) крымского хана, причем это распространялось и на тех биев, с которыми у Крыма складывались дружественные отношения (см., например: НКС, д. 9, л. 95 об.). В 1491 г. Менгли-Гирей советовал Ивану III держать своих постоянных представителей при Мусе и Ямгурчи, так как «они нам обема пригожи в слугах» (ПДК, т. 1, с. 121). Муса и Ямгурчи не возражали против такой трактовки, отмечая в посланиях свое более низкое положение: «Менли Гирееву величеству Муса мурза, в землю челом ударив, и поклон... От холопа царю челобитье и поклон»; «Ты пожаловал, наше холопство себе принял» (ПДК, т. 1, с. 207–208).

При начале официальных отношений с Россией в 1489 г. Муса ссылался на прежние «дружбу и братство» (т.е. равноправие) между предками его и Ивана III (Посольская 1984, с. 18). Но на подобной норме отношений не настаивал, хотя московский князь был равен ему в статусе, и в следующем году просил Ивана «учинить» его, Мусу,

---

[16] В идентификации Номоганова юрта я, видимо, солидаризируюсь с мнением Л.Коллинз, которая причислила хана Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда и его детей к «дому Номогана» (Collins 1991, p. 372–379). Номогана с Тимур-Меликом отождествил А.П.Григорьев (Л.Коллинз считает Номогана сыном Джучи, братом Туга-Тимура). А.П.Григорьеву принадлежит и наиболее резонное объяснение выражения «Туатамыров юрт» в письме Ибака: Туга-Темиров, по имени одного из сыновей Джучи. Потомки Туга-Тимура являлись удельными (улусными) правителями в заволжских степях в XIII–XV вв. Значит, речь у Ибака велась о том, что между Русью и Сибирью оказался Туга-Тимуров Номоганов юрт. А.П.Григорьев восстанавливает текст таким образом: «Между нашими владениями вклинились владения (рода) Туга-Тимура и (его потомка в третьем колене) Нумугана (отца Тимур-Кутлуга)» (Григорьев А. 1985, с. 177).

своим сыном или братом, на свое усмотрение («как пожалуешь») (Посольская 1984, с. 28). А.П.Григорьев заметил, что обычно бии признавали старшинство московских правителей, поэтому в своих письмах в Россию ставили их титулы и имена, как правило, на первое место. Этот порядок изменился с марта 1497 г., когда в Москву пришла грамота, начинавшаяся словами «от Мусы от князя к Ивану князю поклон»; объяснялось это, дескать, тем, что Муса в то время возглавил мангытов (Григорьев А. 1988, с. 66). На самом же деле, как мы убедились выше, Муса стал «хакимом Дешт-и Кипчака» задолго до 1490-х годов. Но положение и авторитет его действительно неуклонно возрастали.

Так же постепенно увеличивался престиж управляемых им владений. Если в документах третьей четверти XV в. «Ногаи» предстают как некое абстрактное пространство за Волгой, то в начале XVI в. Орда ногаев становится в один ряд с прочими тюркскими владениями. В тот период на Руси была создана «статья» (перечень) «Татарским землям имена», в которой «Ногаи» названы наравне с Большой Ордой, Казанским и Астраханским ханствами и Сибирским юртом («Шибаны») (Казакова 1979, с. 253).

Тем не менее номинальный ранг подвластных Мусе территорий был неизмеримо ниже даже самых слабых и ничтожных владений, во главе которых стояли Чингисиды. Летописи рассказывают, что в 1481 г. на Большую Орду двинулись Ибак, Муса и Ямгурчи, «а с ними силы пятьнадесять тысящ казаков» (Архангелогородский 1782, с. 158; Летописец 1819, с. 188; Львовская 1910, с. 346). Значит, жители Мангытского юрта (а именно из них состояла в основном та рать) расценивались как «казаки», т.е. изгои, оторвавшиеся от родных улусов, как объединение, не вписывавшееся в традиционную схему организации государственной власти.

Период «хакимства» Мусы в Деште отмечен установлением полной политической самостоятельности Мангытского юрта. Он начал превращаться в фактически полноправного и равноправного партнера международных отношений. Как раз в это время на страницах хроник появляются понятия «ногаи» (как народ) и «Ногаи» (как территория). Вот почему ряд исследователей склонны относить окончательное оформление Ногайской Орды к XV в. Разногласия касаются выбора решающей вехи — события, после которого можно говорить о существовании ногайской державы. Так, В.М.Жирмунский считал, что она сложилась уже в начале XV в. «как самостоятельный союз племен и государственное образование», одновременно с такими же союзами узбеков и казахов (Жирмунский 1974, с. 413). Очевидным аргументом в данном случае служит аналогия ногаев с узбеками и казахами (хотя последние образовали свое ханство на самом деле не ранее середины XV в.).

Важным этапом в обретении ногаями политической самостоятельности историки признают разрыв отношений сыновей Ваккаса или, как еще полагают, самого Ваккаса с Абу-л-Хайром. Отмечая, что к концу XIV в. Ногайская Орда выделилась из Золотой, Е.П.Алексеева и М.Г.Сафаргалиев датировали ее окончательное складывание серединой XV в. Приблизительную датировку Матвеем Меховским той мангытской миграции (1447 г.) они принимали за время объявления Ваккаса «князем Ногайской Орды» (Алексеева 1971, с. 201; Очерки 1967, с. 148; Сафаргалиев 1960, с. 227, 229). Однако текст «Трактата о двух Сарматиях» не дает оснований предполагать вокняжение кого-либо в Мангытском юрте, тем более что речь там ведется о разрыве с Абу-л-Хайром все-таки не Ваккаса, а его детей. Более взвешенно к оценке роли Ваккаса подходил П.П.Иванов, видевший в нем пока лишь «главу сильного племени мангытов, вокруг которого уже в этот период сформировался так называемый ногайский улус» (Иванов 1935, с. 25).

И все же первоначальная вассальная зависимость мангытских лидеров от узбекского хана не позволяет считать их независимыми государями в первой половине XV в. Поэтому Д.Девиз определяет самостоятельное существование Ногайской Орды временем после смерти Абу-л-Хайра (1468 г.) или же разгрома его ойратами-«калмаками» (1457 г.). К началу борьбы Мухаммеда Шейбани за возрождение Узбекского ханства (конец XV в.) Ногайская Орда предстает уже в виде отдельной, хотя и рыхлой конфедерации, с вождествами и племенными группами, свободно сносившимися с соседями (DeWeese 1994, p. 347).

Подобного же мнения придерживается В.Л.Егоров. Он совершенно прав, отмечая, что Ногайская Орда представляла собой один из осколков распавшейся Золотой Орды. Этот распад длился всю первую половину XV столетия; отсюда следует, что «независимая Ногайская Орда могла оформиться на протяжении второй половины XV в., но никак не раньше». Поворотный пункт в создании «независимого союза кочевых племен во главе с мангытами» этот автор видит в разгроме и убийстве Шейх-Хайдара б. Абу-л-Хайра; консолидация союза происходила в течение 1470-х годов и заняла около десяти лет со времени смерти Абу-л-Хайра (Егоров 1993, с. 30, 33). Для доказательства своих подсчетов В.Л.Егоров привлекает первое упоминание ногаев в русских источниках под 1481 г. и существование «царя Ивака Ногайского» как первое достоверное свидетельство о якобы «самостоятельном ногайском государстве» (Егоров 1993, с. 33). Однако как раз номинальная подчиненность ногаев сибирскому хану Ибаку служит показателем их *не*самостоятельности в тот период и поэтому не может служить доводом в пользу окончательного государственного оформления Ногайской Орды.

Наконец, следует отметить суждение В.А.Кореняко о начале существования «единой и независимой Ногайской Орды» после 1481 г. — после убийства хана Большой Орды Ахмеда (Кореняко 1996, с. 32).

В 1480-х — начале 1490-х годов ногаи продолжали подчиняться Ибаку, затем его брату Мамуку (см. ниже). То есть формально они входили в число подданных сибирских Шибанидов, и ни они сами, ни жители соседних стран пока не расценивали их как действительно самостоятельное образование. Чтобы уяснить, когда же появилась Ногайская Орда и на каком этапе она заменила собой прежний, полузависимый Мангытский юрт, нам нужно обратиться к истории мангытов конца XV в. Но сперва отметим, что с эпохи Мусы речь уже надо вести не просто о мангытах, а о всей совокупности населения Юрта, т.е. о ногаях.

В восточных источниках владения Мусы обозначались обычно как «омак мангытов», «эль и улус мангытов». Но под мангытами теперь понимались уже не только те кипчаки, что населяли в XIII в. кочевые пожалования монголов-мангутов, а потом оказались на Яике. Мы видели, что в годы коллапса Золотой Орды после нашествий Тимура Эдиге воспользовался кризисом ханской власти и сумел собрать у себя за Волгой огромные массы ордынского населения. Кипчакоязычные подданные сарайских монархов переселялись в земли, освобожденные от податей, и попадали в Мангытский юрт, так как первыми в том регионе утвердились мангытские переселенцы, а у власти там стояли мангытские лидеры — Эдиге и Нур ад-Дин.

Стабильная и безопасная жизнь в заволжских степях, надо полагать, привлекала кочевников с запада и позже, в конце XIV и первых десятилетиях XV в. Постепенно в кочевьях, подвластных мангытским биям Гази и Ваккасу, собрались семьи и целые общины из множества элей. Эти разноплеменные кочевники вместе боролись против Барака и детей Тохтамыша, ходили на Тимуридов с Абу-л-Хайром, воевали против Шейх-Хайдара и Бурундука. Крупные войны и стихийные бедствия почти не задевали Мангытский юрт. К концу XV в. в степях между Волгой и Эмбой обитало уже третье или четвертое поколение его жителей. Общие историческая судьба и политические интересы породили осознание принадлежности к единой социально-политической структуре.

Показателем такой принадлежности стал политоним (позднее — этноним) «ногай». Им стали называть всех подчинявшихся мангытскому бию кочевников, безотносительно к их племенному происхождению[17]: и мангытов, и найманов, и кереев, и десятки прочих элей.

---

[17] Довольно рано, уже в источниках XVI в., понятия «ногай» и «мангыт» стали смешиваться: мангытские мирзы Крыма в русских текстах иногда называются ногайскими, а жители Ногайской Орды в восточных хрониках обычно назывались мангытами — по имени правящего клана.

Во главе многих (если не всех) элей стояли свои бии, имелась собственная «природная» знать. Держать ее в единстве можно было, лишь обладая чрезвычайным умом и тактом. Судя по всему, такие данные были присущи Мусе б. Ваккасу. Умение договариваться с лидерами элей было особенно необходимо в обстановке жестокой борьбы за «узбекское наследство» в Дешт-и Кипчаке. Вся власть Мусы держалась на успешной внешней политике и на его ранге главного военачальника — беклербека (бия), — который он когда-то получил от марионеточного хана Ядгара. Вероятно, в тот период мангытские бии Аббас и Муса управляли ногаями посредством совещаний с племенной знатью и ближайшими родичами. Конгломерат своевольных вождей требовал единодушия по важнейшим вопросам, ведь любое разногласие грозило вылиться в переход части соратников Мусы в лагерь противников-казахов или к Мухаммеду Шейбани. И все же авторитет мангытских правителей был достаточно высок, чтобы сторонники-немангыты признавали их превосходство над собой. В этих условиях к 1480-м годам сформировался относительно устойчивый контингент мангытского и ассоциированных с ним элей, который «дозрел» до надплеменного определения «ногай».

Подданство сибирским Шибанидам. После неудачи с коронацией Шейбани перед Мусой, его родичами и сподвижниками встала задача дальнейших поисков удобного государя-Джучида. В течение двух последующих десятилетий источники определенно связывают с ногаями тюменца Ибака. Мы уже неоднократно упоминали о нем, особенно в связи с борьбой против наследников Абу-л-Хайра в конце 1460-х — начале 1470-х годов. Б.А.Ахмедов предположил, что уже в то время мангыты признали над собой верховную власть Ибака (Ахмедов 1965, с. 61), а Н.Н.Мингулов полагает, будто с усилением казахских ханов Гирея и Джанибека Ибак был вынужден примкнуть к ногаям и только благодаря их помощи сохранил власть в Западной Сибири (История 1979, с. 186, 187).

Похоже, что следующим после Шейбани и более удачливым кандидатом на кок-ордынский трон действительно стал хан Тюмени. Впрочем, последняя и до того времени входила в сферу ногайского влияния (Frank 1994, p. 22), поэтому Ибак вполне мог оказаться одной из мангытских креатур. В русских источниках он зовется «царем ногайским» (Летописный 1963б, с. 315; Патриаршая 1901, с. 20, 23; Посольская 1984, с. 25). Данный титул обозначал, конечно, не этническую или племенную принадлежность хана, а основной состав его войска и подданных. На самом деле Ибак мог распоряжаться по своему усмотрению лишь немногочисленным населением и небогатыми ресурсами собственного Сибирского юрта. Ногаи же входили в его ханство номинально, хотя и диктовали ему политическую стратегию. Сотрудничество правителей было скреплено женитьбой Ибака

на дочери Ваккаса: в летописях Муса и Ямгурчи фигурируют как его «шурья».

Оценки степени взаимозависимости сибирского хана и мангытских предводителей в историографии неодинаковы — от полной подчиненности последних первому (см., например: Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 205) до равноправного союза (см., например: Соловьев 1989а, с. 87)[18]. В практике Мусы уже были к тому времени удачная акция по возведению на престол Ядгара и неудачная — Шейбани. Отношения с Ибаком явно стоят в том же ряду. Поэтому кажется наиболее приемлемой точка зрения, высказанная А.Г.Нестеровым: ногаи «признавали лишь номинальное верховенство шибанидского хана», обладая фактической самостоятельностью (Нестеров 1988, с. 14).

После совместного разгрома Шейх-Хайдара б. Абу-л-Хайра союз Ибака с мангытами расстроился и был возобновлен около 1473 г., после неудачной попытки провозгласить ханом Шейбани. Первое общее мероприятие нового хана и его мангытских соратников было направлено против их общего врага Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда, хана Большой Орды. Как известно, осень и зиму 1480 г. Ахмед провел в бесплодном стоянии на берегу Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно поджидая союзное польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом восвояси и распущена по улусам. В этом ослабленном состоянии его и настигли пришельцы из-за Волги.

В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку Ахмеда, а самого хана убил Ямгурчи б. Ваккас (Иоасафовская 1957, с. 122; История 1903, с. 39; Московский 1949, с. 328; Патриаршая 1901, с. 20, 23; Симеоновская 1913, с. 268; Софийская 1853, с. 232; Софийская 1994, с. 268)[19]. Эта победа позволила ногаям окончательно

---

[18] В.М.Жирмунский попытался соединить эти два противоположных подхода: по его мнению, ногаи состояли в союзнических отношениях с «шибанскими татарами» Ибака, а может быть, и во временном подчинении шибанидским ханам (Жирмунский 1974, с. 416).

[19] В некоторых летописях сообщается, что Ахмеда убил Ибак (Вологодско-Пермская 1959, с. 274; Летописный 1963б, с. 315; Холмогорский 1977, с. 124). По мнению А.А.Горского, это разночтение может объясняться стремлением каждого из партнеров по коалиции в переписке с Москвой приписать убийство хана себе (Горский 2000, с. 177, 178). Из фразы «безбожнаго царя Ахмата уби шурин его нагаискии мурза Ямгурчеи» можно заключить, что Ямгурчи доводился шурином Ахмеду, а не Ибаку. Именно так понял летописное сообщение анонимный автор «Казанского летописца» (см.: История 1903, с. 8, 203). Однако «Летописец 6360–7106 гг.» при описании подготовки нападения сибиряков и ногаев на Большую Орду рассказывает, что Ибак, проходя через ногайские степи, «взем с собою шурью свою из Нагаи, Мусу мырзу да Ямгурьчеи мырзу» (Летописец 1819, с. 188). Кстати, этот же источник содержит и иные любопытные детали — численность сибирско-ногайской армии (16 тысяч), указание на убийство Ахмеда рано поутру.

закрепить за собой левобережье нижней Волги, на которое претендовала Большая Орда. Я.С.Лурье подверг сомнению дату нападения 6 января 1481 г. на основании того, что летописная версия рассказа о «стоянии на Угре» насыщена фантастическими подробностями явно устного происхождения (Лурье 1994, с. 186). Однако такой независимый от русских хронистов источник, как Литовская метрика, сохранил письмо крымского хана Менгли-Гирея польско-литовскому королю Казимиру IV, где те же события датированы тоже январем 1481 г., хотя и другим днем: «Генвара месеца у двадцат первы пришод цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришод, Ахматову орду подоптали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и улусы побрали, побравши, прочь пошли» (Сборник 1866, с. 29; Pułaski 1881, p. 209).

Фрагмент этот, кроме того, отражает иерархию отношений между мангытами и ханской администрацией. Сделав поправку на явные искажения при переводе с тюркй, выясняем, что на вершине властной пирамиды стоял Ибак (арабская транслитерация: *аиб.к* — ср.: «а Ибак солтан»), *названный в крымской грамоте султаном, а в русских летописях* — царем, т.е. ханом. «Макму» — это, разумеется, брат Ибака, Мамук, занимавший, оказывается, при хане пост беклербека («князя»). Мангытские предводители — глава Мангытского юрта Аббас, фактический лидер ногаев Муса и его брат Ямгурчи — при этом раскладе представлены как просто мирзы. Кажется, Ибаку удалось сохранить некоторую дистанцию между собой и всесильным Мусой, поскольку на высшей военной должности он держал не мангытского сановника, а собственного брата[20].

Нежелание хана вручить беклербекство в своем Юрте мангытам содержало несомненный конфликтный потенциал и могло побудить их в очередной раз сменить ставленника. В октябре 1490 г. в Москву прибыл посол от дотоле неведомого «Абелек Еменека царя», который в тексте грамоты рекомендовал себя как «Абделфатт царь». Его сопровождали послы Мусы и Ямгурчи. Новый хан писал, в частности, что «великого князя дети (т.е. потомки Эдиге. — *В.Т.*) Апас князь,

[20] Незнакомое тюркское имя Ибак литовские переводчики или скорее переписчики при копировании перевода набело приняли за имя некоего султана, состоящего при «шибанском царе». Местоимение «его» после слова «солтан» в литовском переводе грамоты домышлено ошибочно. Из единодушных известий русских летописей о сибирско-ногайском набеге на Большую Орду известно, что этим «царем» и был сам Ибак. Обычно он титулуется как «царь ногайский», однако есть упоминание его и как «царя Ивака Шибанского» (Летописец 1819, с. 187). Никакой другой шибанидский хан не участвовал в описываемых событиях начала 1481 г. Правильный текст предположительно должен был бы выглядеть так: «...пришод цар шибаньски Аибак солтан, а Макму князь, а Обат мурза...». Впрочем, возможна и другая интерпретация. Султаном, т.е. не царствующим членом ханского дома, в ряду перечисленных лиц являлся только Мамук. Тогда: «...пришод цар шибаньски Аибак, а солтан его Макму князь, а Обат мурза...».

Муса, Ямгурчеи мырза и их дети и братиа царем мя себе держат». И самодовольно добавлял: «С мангыты из старины братья и товарищи есмя» (Посольская 1984, с. 33). Московское правительство приняло к сведению эту информацию и на переговорах с послами официально титуловало хана «царем ногаиским» (Посольская 1984, с. 36) (напомним, что ранее так обозначался Ибак). Следовательно, ногайские бии Аббас и Муса все-таки сменили хана, хотя Ибак продолжал царствовать в Сибири: в привезенном вместе с посланием «царя» письме Мусы говорится о казанском князе Алгази, что бежал к ногаям и ныне «с Ыбреимом царем к Тюмени поехал... у Ибреима царя в Тюмени живет» (ПДК, т. 1, с. 168).

Идентификация «Абелек Еменека» проста и сложна одновременно. Здесь странным образом соединились имена двух сыновей того самого Ядгара, который в конце 1450-х годов был провозглашен Мусою ханом и даровал тому титул беклербека (бия). По Мунису, Абулек-хан и Аминек-хан правили последовательно после отца — первый в течение шестнадцати лет (из-за его мягкости среди узбеков начались смуты), второй — неизвестно сколько во времена окончательной откочевки Мухаммеда Шейбани в Мавераннахр (т.е. на рубеже XV–XVI вв.), куда ушло и большинство подданных Аминека (Мунис 1969, с. 436, 437). Жили эти ханы, видимо, где-то к северо-востоку от Хорезма, поскольку преемник Аминека Ильбарс б. Буреке в 1510-х или 1520-х годах овладел этой областью и поселился там[21]. Ядгар ушел из жизни почти сразу вслед за Абу-л-Хайром, умершим в 1468 г. Следовательно, шестнадцать лет ханствования Абулека приходятся приблизительно на 1469–1484 гг. В таком случае в 1490 г. на узбекском Шибанидском престоле в Казахстане должен был сидеть уже его брат и преемник Аминек. Скоре всего он и отправил разбираемую грамоту. Конечно, этот хан был чисто декоративной фигурой, поскольку одна часть Дешт-и Кипчака контролировалась Мусой, другая — казахами. Места для ханства отпрысков Ядгара уже не находилось. Но, как мы убедились из предыдущих событий, сильный государь и не был нужен мангытским «делателям королей».

Такой принципиальный шаг, как смена хана, мог произойти лишь по воле могущественного Мусы, и Аминек определенно являлся его выдвиженцем. Судя по некоторым отголоскам в русско-ногайской дипломатической переписке, между «хакимом Дешт-и Кипчака», с одной стороны, и его дядей Аббасом и братом Ямгурчи — с другой, в этот период возникли разногласия. Аминек в грамоте объявляет, будто его «держат царем себе» все трое из перечисленных персона-

---

[21] Более точное время установить пока не удается. Мунис датирует это событие 911/1505-06 г., что неверно, поскольку в том году Хорезм был завоеван Мухаммедом Шейбани (Firdaws 1999, p. 549, примеч. Ю.Э.Брегеля). Переселение туда узбеков Ильбарса могло произойти не ранее гибели Шейбани в 1510 г.

жей. Но летом 1492 г. в Москву поступило донесение о кочевании Мусы на Эмбе отдельно от Аббаса и Ямгурчи, «а Опас... да Ямгурчеи с Мусою не в миру» (Посольская 1984, с. 46). Думаю, причиной ссоры была как раз фигура «ногайского царя», поскольку дальше в грамоте сказано: «Опас да Ямгурчеи послали в Тюмень по Ивака царя, а зовут его к себе». При этом сами «ногаи кочюют под Тюмень противу Ивака. А Ивак... идет к ним по их речем, что по него посылали» (Посольская 1984, с. 46–47). Эти события вспоминал в 1497 г. и сам Муса: «На братью свою прогневавшися, в Туркмен ездил есмь, и здешние братья почали докучати, да и привели (т.е. упросили вернуться)» (Посольская 1984, с. 50). Об Аминеке с тех пор нет упоминаний[22].

В начале 1490-х годов в дипломатической переписке четко просматривается высокий статус Аббаса. Он всегда называется князем (бием), в то время как его племянники Муса и Ямгурчи — мирзами; при перечислениях его имя всегда ставится на первом месте. Следовательно, он продолжал официально оставаться главой Мангытского юрта, и его ранг бия имел именно «племенной» оттенок, в отличие от Мусы, который в свое время стал бием в качестве ханского беклербека. Кстати, может быть, этим и объяснялись настойчивые поиски Мусой царевичей: должность Мусы имела смысл только при правящем хане. Аббас ни разу не упоминается после 1491 г. Скорее всего около этого времени он умер, и исследователи недаром ограничивали период его «княжения» этим годом (Сафаргалиев 1938, с. 82). Аббас ушел из жизни в восьмидесятилетнем возрасте бездетным (Небольсин 1852, с. 54; Усманов М. 1972, с. 83).

Возможно, именно кончиной мангытского патриарха было вызвано возвращение Мусы от туркмен[23], а «докучали» ему на предмет воз-

[22] Политически ничтожная фигура Аминека мелькнула в эпизоде ногайско-русской переписки и исчезла. Этот хан явно выступал в качестве марионетки Мусы, и его поставление служило, может быть, компромиссом между Аббасом и Мусой. Напрасно А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже приписывают ему реальное правление, реальные полномочия, при которых Ногайская Орда сохраняла-де единство (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 205). Косвенное подтверждение разногласий между двумя биями обнаруживается в перечислении Шейх-Мамаем б. Мусой своих предшественников на посту бия: «При Окасе князе и при Мусе князе, и при Шигым князе, и при Кад (т.е. Саид. — *В.Т.*) Ахмеде князе... наши добрые люди хаживали (в Москву)» (Посольские 1995, с. 245). Аббас, как видим, проигнорирован. Но он являлся бием ногаев в течение нескольких десятилетий, забыть его не могли, и умолчание Шейх-Мамая выглядит умышленным.

[23] Среди прочих элей Ногайской Орды были и туркмены, их северо-западная группа, населявшая Устюрт и Мангышлак (Агаджанов 1993, с. 36). С XIII в. сырдарьинские туркмены были вовлечены в миграции на северо-запад, вызванные монгольским завоеванием. Туркменские переселенцы кипчакизировались, хотя и сохранили свой этноним. Часть их кочевала в Волго-Яицком междуречье (Кузеев 1974, с. 183, 184). Судя по контексту, Муса двинулся куда-то далеко от Яика — на Устюрт или Мангышлак.

вращения только братья, уже без дяди Аббаса. Явившись в родной Юрт, Муса застал отправлявшиеся в поход на Казань ногайские войска, снаряженные в его отсутствие Ямгурчи и ханом Ибаком, который вновь превратился в «ногайского царя». Инициаторами кампании выступили казанские князья, бежавшие «в Ногаи». Не желая ссориться с Иваном III, который осуществлял протекторат над поволжским ханством, Муса «царю [Ибаку] бил челом» и повернул войско назад (Посольская 1984, с. 50). Теперь его воле перечить никто не смел: после смерти дяди Муса стал старейшиной как старший сын Ваккаса, совместив наконец бийство над Юртом с бийством при хане (Ибак признал его своим «князем»-беклербеком — см.: Посольская 1984, с. 49). В письмах Муса начинает называть себя князем[24]. Система же отношений с тюменским государем оставалась прежней — ногаи признавали его номинальный сюзеренитет и предоставляли в его распоряжение свою бесчисленную конницу.

В начале 1493 г. Муса и Ямгурчи задумали повторить триумф 1481 г. и повели сибирско-ногайское войско с Ибаком и Мамуком к Астрахани с целью двух братьев-сибиряков «цари учинити» на Волге. Объектом нападения на этот раз оказались сыновья зарезанного двенадцать лет назад Ахмеда, ханы-соправители Большой Орды, Шейх-Ахмед и Саид-Махмуд. Однако по неясной причине (возможно, из-за того, что с запада не прибыло союзное ногаям крымское войско), не дойдя до цели, ногаи развернулись и «назад к Тюмени покочевали» (ПДК, т. 1, с. 168, 206). Неудача не смутила Ибака. В следующем году он напомнил Ивану III, имея в виду убийство Ахмеда в 1481 г., о занятии им, Ибаком, трона Бату и указал, в частности, что «великого князя детеи (потомков Эдиге. — *В.Т.*) на княженье учинив, на отцов юрт к Волзе пришед, стою» (Посольская 1984, с. 48–49). На самом же деле «на отцове юрте стоять» ему не пришлось. Муса и Ямгурчи предпочли менять большеордынских ханов без его помощи (Григорьев А. 1985, с. 178), а Ибак вернулся в Тюмень, где в 1495 г. был свергнут и убит местной знатью, Тайбугидами.

Престол «ногайского царя» освободился, и на него тут же был возведен Мамук. Поскольку после выступления Тайбугидов он лишился Тюменского юрта, требовалось найти для него ханство. Ямгурчи настоял на взятии Казани. «Многая сила нагаиская» в 1496 г. вошла в город; московский ставленник Мухаммед-Амин бежал в Россию

---

[24] Хотя первое такое титулование содержится в грамоте, привезенной в Москву в марте 1497 г., реально Муса возглавил ногаев сразу после смерти Аббаса, около 1491 г. Уже в январе 1492 г. русским гонцам, направляемым к ногаям, было велено выяснить, взял ли «к себе Муса из ординских цареи из Махмутовых и из Ахматовых детеи которого ни буди», а если «взял», то не брать с собою на Русь посланцев от этих «царей» (Посольская 1984, с. 41). То есть с Мусой общались уже напрямую, как с настоящим государем, не через голову или посредничество Аббаса либо Ибака.

(Марджани 1989, с. 167; Патриаршая 1901, с. 242, 243; Разрядная 1966, с. 26; Разрядная 1978, с. 50). Мамук в течение года занимал казанский трон, но рассорился с местной аристократией и вынужден был уехать за Волгу. Муса с самого начала принял всю эту затею очень холодно. Он симпатизировал Мухаммед-Амину и даже послал вслед за Мамуком в 1496 г. своего сына с двухтысячным войском (Посольская 1984, с. 50), но остановить авантюру не смог. После краха ханствования Мамук исчезает со страниц хроник: ногаи разочаровались в «царе»-неудачнике[25]. Похоже, Муса к тому времени уже склонился к идее об избавлении от фигуры вышестоящего государя в принципе. Полновластие в Мангытском юрте давало ему возможность управлять и без декоративного, подставного сюзерена. Авторитет старого «хакима Дешт-и Кипчака» и могущество созданного им Юрта позволяли обойтись собственными силами и действовать без маскировки под беклербекство при хане-Джучиде. Но жизнь бия подходила к концу.

В источниках не сохранилось указаний на время смерти Мусы. Историки определяют его как 1502 г. (Сафаргалиев 1938, с. 82; Ischboldin 1973, p. 162)[26]. Действительно, в Крымских делах он перестает фигурировать как живой приблизительно с начала 1502 г. Вместо него во главе ногаев оказывается Ямгурчи, который в переписке с Россией дотоле всегда был «мирзой» и лишь начиная с собственной его грамоты, привезенной в Москву в сентябре 1502 г., рекомендуется как князь (Посольская 1984, с. 52). Судя по давнему сотрудничеству его с Мусой, Ямгурчи был ненамного младше брата и в начале XVI в. пребывал уже в преклонном возрасте. В 7015/1506-07 г. послания российских великих князей адресовались уже бию Хасану б. Ваккасу, а о биях Мусе и Ямгурчи говорилось в прошедшем времени (Посольская 1984, с. 55, 56).

Мангыты в Большой Орде. Если в отношениях с Сибирским юртом ногаи, очевидно, ограничивались отношениями формального подданства, то связи их с другими послеордынскими ханствами были более гибкими и активными. Традиция беклербекства Эдиге по-разному трансформировалась в Казанском, Астраханском, Крымском юртах и в Большой Орде. В этих государствах (возможно, за исключением Казани) присутствовали аристократические мангытские роды, которые в разной степени влияли на политику местных Чингисидов и на управление их владениями. Кажется, наибольшим влиянием соплеменники Эдиге пользовались в Большой Орде, или Тахт эли

---

[25] «Мамуков царев сын» Ахмед прибился к ногаям летом 1502 г. и вместе с «нагаискими мырзиными людми» ограбил крымское посольство, возвращавшееся из Москвы (ПДК, т. 1, с. 472). Имя мирзы, которому принадлежал отряд, в источнике не названо.

[26] В.М.Жирмунский почему-то датировал 1507 годом (Жирмунский 1974, с. 491).

(«Престольной державе»), — домениальной части правого крыла Улуса Джучи.

Выше мы оставили мангытского беклербека Науруза б. Эдиге при ордынском хане Кучук-Мухаммеде. Последний умер в 1459 г., Науруз же погиб, как уже отмечалось, за девятнадцать лет до того. Неизвестно, какие мангытские аристократы пребывали при сарайском дворе в последние годы жизни Кучук-Мухаммеда, однако то, что данный эль играл значительную роль в Большой Орде, несомненно[27]. Мангыты жили там со времен Эдиге и пытались обосноваться по возможности в ставке каждого хана, которому доставался трон, — мы убедились в этом, когда рассматривали карьеры сыновей Эдиге[28]. Вновь его потомство появляется на ордынской политической арене в лице Тимура б. Мансура б. Эдиге[29].

Обстоятельства начала его карьеры неизвестны. Есть лишь глухие намеки на какой-то конфликт в Дешт-и Кипчаке. Внук Тимура, Дивей, в 1564 г. вспоминал, что «Темир князь был на своем юрте в Нагаех. А как... над дедом моим ссталась незгода, и он... поехал служить к астороханскому царю» (КК, д. 11, л. 230 об.). Источники, в данном случае шейбанидские хроники, действительно застают его в конце 1460-х годов в Астрахани. Туда, к тамошнему хану Касиму б. Махмуду б. Кучук-Мухаммеду, бежал после смерти своего деда Абу-л-Хайра пятнадцатилетний Мухаммед Шейбани. Можно предположить, что в конфликте между двумя сыновьями Кучук-Мухаммеда, Ахмедом и Махмудом (см.: Сафаргалиев 1960, с. 265), Тимур принял сторону Махмуда и последовал за ним в Хаджи-Тархан (и, значит, стоял у истоков истории Астраханского ханства). В новом нижневолжском Юрте Тимур занял уже обычную для Едигеевича должность беклербека (эмира эмиров, по Бинаи) и являлся «одним из наиболее великих и уважаемых» (по Махмуду б. Эмир-Вали).

Вот к этому-то главному сановнику Астраханского государства и направились Шейбани с братом и их наставник-аталык Карачин-бахадур после того, как коалиция дештских монархов и мангытских биев

---

[27] Ю.Шамильоглу считает, что мангыты являлись одним из «правящих племен» Большой Орды, наряду с киятами, сиджиутами и кунгратами, и добились влияния, оттеснив ширинов (Shamiloglu 1986, p. 196, 203).

[28] Дж.Мартин и М.Г.Сафаргалиев отсчитывали присутствие мангытов в Большой Орде с середины 1480-х годов, после предполагаемой ими ссоры между Мансуровичами и Нурадиновичами, за которой последовала долгая вражда между ними (Martin 1986, p. 83; Сафаргалиев 1938, с. 81, 82).

[29] В литературе существуют разные мнения о происхождении Тимура. Некоторые авторы считают его сыном Дин-Суфи (Тенсобуя) б. Мансура, что выводится из некоторых косвенных упоминаний в посольских книгах. По русским родословцам князей Юсуповых и Урусовых, несомненно исходящим из среды мангытов, Тимур и Дин-Суфи — братья, сыновья Мансура (см.: Долгоруков 1855, с. 26; РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278, 278 об.; Родословная 1851, с. 130); для такой трактовки в дипломатической переписке конца XV — начала XVI в. тоже находятся основания.

расправилась с Шейх-Хайдаром б. Абу-л-Хайром. Карачин-бахадур опекал царевичей по приказу покойного Абу-л-Хайра. Убив Шейх-Хайдара, Ибак и Аббас бросились в погоню за его племянниками. К погоне присоединился недавний союзник Шейх-Хайдара Ахмед б. Кучук-Мухаммед. Объединенные рати союзников осадили Хаджи-Тархан. Тимур, которому хан Касим поручил обоих хан-заде (царевичей), посоветовал им убраться из города подобру-поздорову, пока не поздно (Березин 1849, с. 61, 62; Бинаи 1969, с. 100; Махмуд б. Вали 1969, с. 362; Таварих 1967, с. 267, 268).

Через некоторое время Тимур решил сменить Юрт и, покинув Астрахань, обосновался при Ахмеде. Очевидно, правы были К.В.Базилевич и В.Е.Сыроечковский, приписывая ему особую роль в Большой Орде, исключительное положение и ранг «великого князя» (Базилевич 1952, с. 182; Сыроечковский 1940, с. 32, 37). Ю.Г.Алексеев видит в Тимуре ближайшего друга и советника хана, основываясь, очевидно, на упоминании его Вологодско-Пермской летописью как «царева рядца» (Алексеев Ю. 1989, с. 136; Вологодско-Пермская 1959, с. 265). В октябре 1478 г. крымский бек ширинского эля Аминек сообщил османскому султану, что Ахмед намерен возвеличить Тимура и в этом случае тот сделается опасным для Крыма, так как к нему, Тимуру, присоединятся крымские подданные (Le khanate 1978, p. 70, 71, 73).

Из этой информации можно было бы заключить, что Тимур объявился при дворе Ахмеда только в 1477 или 1478 г., однако есть сведения о его высоком статусе там задолго до письма Аминека. Наиболее наглядно эта значительность проявилась в отношениях беклербека с христианскими монархами. В 1470 г. польско-литовский король Казимир IV направил в Орду посольство с планом удара по Руси с двух сторон. Королевский посол, служилый татарин, «многие дары принесе к нему (хану Ахмеду. — *В.Т.*), тако же и ко князем его, к Темирю и к прочим, от короля» (Летописный 1963а, с. 121; Летописный 1963б, с. 291). Не случайно Тимур назван первым среди князей и единственным из них по имени. Именно он и стал убеждать хана согласиться с планом Казимира[30], «но Бог не позволил» осуществиться этой затее (Татищев 1966, с. 30). Тем не менее внимание могущественного католического монарха к беклербеку льстило мангытам и держалось у них в памяти. Через тридцать лет, уже после смерти Тимура, новый ордынский беклербек, его сын Таваккул б. Тимур, напоминал великому князю литовскому Александру Казимировичу: «Ваш отец король с нашим отцом Тимиром в приязни бывали, и послы своими особно зсылывали ся» (Pułaski 1881, p. 243).

---

[30] А.А.Горский резонно предположил, что антимосковский настрой Тимура в то время объяснялся конфликтом Ивана III с казанским ханом Ибрагимом, женой которого была дочь Тимура, Нур-Султан (Горский 2000, с. 157).

Поддерживал Тимур связи и с Москвой. Мы уже отмечали, что ордынский беклербек (улуг бек) и московские государи занимали приблизительно равное иерархическое положение. Резонно было бы ожидать появления категории «братства» в переписке между Иваном III и Тимуром. И в самом деле, летом 1490 г. Муса-бий напомнил в грамоте к Ивану: «...дядя мои Темир князь с тобою друг и брат был» (НГ, д. 2, л. 1). Бек крымских мангытов Баки б. Хасан б. Тимур в 1538 г. сообщал Ивану IV, будто «с покоиником со отцем (предком. — *В.Т.*) нашим с Темирем князем твои отец князь велики, любовь их меж себя и дружба опришно была... Еще старые у тобя карачи князи осталися, и ты их въспроси...» (Посольские 1995, с. 209). Но расспросы русских «старых карачей» могли и не подтвердить слов Баки-бека. Дело в том, что есть данные еще и об отношениях по схеме «отец–сын». В 1493 г. Джанкувват б. Дин-Суфи заявил в послании Ивану III, что «Темерь князь тебе был отець, а ты ему был сын, а мы тебе были братья» (ПДК, т. 1, с. 180).

Может быть, между московским государем и ордынским беклербеком было заключено какое-то соглашение, после которого унизительный для Москвы показатель вассалитета был заменен формулой равноправия? На подобный пакт указывает фраза из письма сына Тимура, мирзы Хасана, Василию III от 1516 г.: «Отца нашего Темиря князя твои отец Иван князь отцем себе называл, и ***роту и правду межи себя учинили, и другом и братом учинился***... И отец наш с твоим отцем сколко дружбы и братства чинивали и другу другом были, а недругу недругом» (ПДК, т. 1, с. 312, 313). Кроме того, сохранилась информация о доле дани-«выхода», которая причиталась с Руси беклербеку. В.Е.Сыроечковский привел сведения о том, что Тимур требовал от Москвы денежную сумму, равную выплате самому хану (Сыроечковский 1940, с. 37). В XVI в. ногаи утверждали, будто русские «Темирю князю сорок тысяч алтын денег давывали» (Посольские 1995, с. 156), причем, по уверению упомянутого выше Дивея, дань с Руси шла Тимуру еще в то время, когда тот обретался в Астрахани (КК, д. 11, л. 230 об.). Не вызывают особого доверия известия об «опришной дружбе» Тимура и Ивана III. Как мы видели, в 1471 г. беклербек настраивал хана на вторжение в российские земли, а через десять лет находился при Ахмеде во время «стояния на Угре» (РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278, 278 об.; Родословная 1851, с. 130).

Принимая во внимание события 1471 г., мы вправе предположить, что и в 1480 г. Тимур выступал сторонником или даже инициатором похода на Русь. Бесславный конец этого предприятия, как и неудача союза Орды с поляками, общеизвестны. Что происходило с Тимур-бием после отхода с Угры? Польский хронист М.Стрыйковский утверждает, что хан отступил от русской границы по совету своего беклербека; более того, Тимур же позднее и прикончил-де Ахмеда.

М.Г.Сафаргалиев справедливо усомнился в истинности этого повествования, поскольку оно разительно отличается от версии гибели хана в прочих источниках (Сафаргалиев 1960, с. 93)[31]. Как бы то ни было, Тимуру удалось уйти невредимым от сибирско-ногайского набега 1481 г. Прихватив с собой детей Ахмеда, он направился к хану Менгли-Гирею в Крым. Его не остановила принадлежность того к враждебному лагерю (крымцы приняли сторону Москвы против Орды и Польши). Крымский хан решился принять еще недавно могущественного беклербека и окружил его почетом. Уже в том же, 1481 г. Менгли-Гирей извещал Казимира IV, что «князь Тимир з Ахмата царевыми детми и з слугами к нам прибегли... Я пак Ахматовым детям, которые к нам пришли, и Темиру конеи и портищ (одежды. — *В.Т.*) много дали есмо; а ещо много есмо им одолжили ся» (Pułaski 1881, p. 209). Таким образом, ордынские беженцы нашли на Таврическом полуострове приют и достаток. Из Крыма Тимур писал в Польшу: «А мене самого как царя видь, река так: он есть гость (т.е. приехал в Крым. — *В.Т.*), *а им служил, а з прирожения царов слуга есть... великий* чоловек есть» (Сборник 1866, с. 36).

Но «Ахматовых детей» — хан-заде Муртазу и Саид-Махмуда — вовсе не прельщала участь почетных приживалов в Бахчисарае. Через некоторое время (вероятно, через два-три года) Саид-Махмуд вместе с Тимуром вернулся в Большую Орду. Там Тимур занял свой прежний высокий пост. Муртазу успел захватить в заложники Менгли-Гирей, разгадавший замыслы «гостей». В отместку беглецам отряд хана направился на север и последний «останок Орды розгонял». Собрав по степи большеордынское ополчение, новый хан, Саид-Махмуд, с главным беком решили идти выручать Муртазу. Первой задачей было узнать, стоят ли в Крыму турецкие войска. Когда выяснилось, что нет, кавалерия Большой Орды двинулась на Менгли-Гирея. Муртаза был освобожден, а сам хан тайком бежал от своей армии и срочно вызвал на подмогу османов. Не дожидаясь, пока подойдут воины султана, ордынцы спешно удалились восвояси (Воскресенская 1859, с. 216; Летописный 1963б, с. 318; Патриаршая 1901, с. 217; ПДК, т. 1, с. 53).

Тимуру, надо сказать, было куда возвращаться из Крыма. На территории Большой Орды у него имелись собственные юрт и улус (т.е. кочевое население юрта). Именно на «князев Темирев улус» Менгли-Гирей снова обрушился в 1485 г. Улус состоял из эля мангытов Большой Орды и кочевал на западе государства — в приднепровских степях (см.: ПДК, т. 1, с. 119). Как было показано в главе 1, кочевание по Днепру являлось традиционным для них с конца XIV в. Там же

---

[31] Отметим, впрочем, что ногайский бий Юсуф в 1549 г. также уверял адресата, Ивана IV, что «Ахмата царя брат наш (на самом деле дядя. — *В.Т.*), Темирь князь, убил братства для з белым князем» (Посольские 1995, с. 308).

находилась и ставка беклербека. Проживавший в этой ставке поэт-сказитель Шал-Кийиз Тиленши-улы отобразил те годы в одном из сочинений: «Был Темир нашим бием[32]. Подобен морю был наш народ» (Сикалиев 1994, с. 48). При своем общем подданстве ордынскому хану мангыты считались народом Тимура — так же, как некогда Мангытский юрт на Яике был закреплен за общеджучидским беклербеком Эдиге. В июле 1564 г. глава крымских мангытов Дивей заявил русскому послу в Крыму Афанасию Нагому, что согласен для пользы московского царя воевать с поляками, но за это потребовал себе поминки такие же, что посылались «к деду моему к Темирю князю, как... ***был дед мои на своем юрте в Нагаех***». Нагой отвечал, что «жалованье великое» в старину шло Тимуру, «потому что ***был на своем юрте сам государь***, а ты ныне служишь... у крымского царя». Но Дивей все твердил: «Дед мои Темир князь был на своем юрте в Нагаех» (КК, д. 11, л. 230, 230 об.)[33].

В конце жизни Тимур, видимо, вновь стал склоняться к союзу с Крымом: Менгли-Гирей взял в жены его дочь, овдовевшую казанскую ханшу Нур-Султан. Может быть, к очередной переориентации беклербека толкало разочарование в ничтожных наследниках Ахмеда — беспрерывно грызшихся между собой Муртазе, Саид-Махмуде и Шейх-Ахмеде. К.В.Базилевич даже предположил, что Тимур опять переехал в Крым (Базилевич 1952, с. 182): ведь он отныне становился тестем крымского государя и мог рассчитывать на спокойную, безбедную старость подле любимой дочери и зятя. Скончался Тимур между 1484 г. (его набег на Крым) и мартом 1486 г., когда Джанкувват б. Дин-Суфи сообщил московскому послу: «Как держал князь (т.е. как расценивал Иван III. — *В.Т.*) дядю нашего Темиря, а мы нынеча на том же юрте» (ПДК, т. 1, с. 74).

Следовательно, юрт мангытов в Большой Орде и должность беклербека при хане Саид-Махмуде перешли к этому племяннику Тимура. Джанкувват сразу решил выяснить взаимоотношения с Иваном III и предложил ему счесться возрастом: кто окажется старше, тот будет старшим братом (ПДК, т. 1, с. 74). Брат Джанкуввата, Хаджике (Хаджи-Ахмед), занимал тот же пост при большеордынском хане Шейх-Ахмеде, соправителе и брате Саид-Махмуда. Впрочем, с 1490 г. о Джанкуввате уже нет упоминаний, и на первое место в Орде выдвигается Хаджике[34]. В сентябре 1490 г. ордынское посольство от лица

[32] А.И.-М.Сикалиев переводит «нашим ханом», но оригинал гласит: *Темир эди бий имиз* (Сикалиев 1994, с. 48).

[33] В данном контексте под «Нагаями» подразумеваются большеордынские мангыты.

[34] В начале 1490-х годов Джанкувват жил не в Большой Орде, а в Крыму. Его сыновья Тениш и Хусейн женились на дочерях Менгли-Гирея, а сам мирза «царева Менли Гиреева царева добра смотрил» (ПДК, т. 1, с. 50, 173, 307, 352).

обоих государей и «мангыта Азики князя в головах, от всех карачеев и от добрых людеи» заключило мир с Менгли-Гиреем. Когда крымский хан, поверив в искренность намерений ордынцев, распустил татар-ополченцев «на пашни и на жито», ордынско-мангытская армия вторглась на полуостров и разграбила улусы барынского эля, одного из наиболее знатных там. После этого нападавшие отошли восвояси, зазимовав в устье Днепра (ПДК, т. 1, с. 108). Иван III, соблюдая партнерские отношения с Менгли-Гиреем, отверг предложение Хаджике о «братстве» с соправителями Большой Орды — на основании их вражды с Крымом (ПДК, т. 1, с. 160, 161).

В 1494 г. в Орде началась династическая распря. Шейх-Ахмед женился на дочери бия Мусы. Возмущенная знать свергла с престола новоявленного зятя ненавистного ногайского предводителя. На его место был посажен другой сын Ахмеда, Муртаза. Беклербеком продолжал оставаться Хаджике, и он, вероятно, был причастен к этому перевороту[35]. Детали этой интриги не совсем ясны. Через некоторое время Муртазу отрешили от власти и вернули на трон Шейх-Ахмеда. Муртаза предпочел уехать подальше от скандальных братьев Ахматовичей — на Терек. За ним последовал Хаджике (Малиновский 1863, с. 220; ПДК, т. 1, с. 211, 212, 358)[36]. Оба они безуспешно пытались добиться от Ивана III дозволения поселиться на Руси (ПДК, т. 1, с. 385).

Место Хаджике в Большой Орде занял Таваккул б. Тимур. В Скарбовой книге Великого княжества Литовского под 1502 г. он значится как «великий князь Тювикель» (Довнар-Запольский 1898, с. 19, 20). В разлагающемся государстве он старался объединить враждующих царевичей и их подданных, чтобы противостоять могучим соседям, прежде всего южным (Менгли-Гирея Таваккул считал врагом, хоть и женился когда-то на его сестре). В марте 1500 г. беклербек направил посла в Литву, предлагая великому князю Александру установить те же дружественные отношения, что были между их отцами, Казимиром и Тимуром, в 1470-х годах (Pułaski 1881, p. 243). Из грамоты Александра Казимировича в Ногайскую Орду известно, что виленский государь благосклонно отнесся к этой идее и объявил хана Шейх-Ахмеда и его главного бека своими «приятелями» (Pułaski 1881, p. 255).

Но какого-то реального коалиционного партнерства Большая Орда предложить уже не могла. В ходе смут и войн истощились ее табуны,

---

[35] А.П.Григорьев резонно полагает, что инициатором переворота являлся Хаджике, усмотревший в брачном союзе с ногаями угрозу для своего исключительного положения в Большой Орде (Григорьев А. 1985, с. 178).

[36] В 1501 г. посол И.Г.Мамонов доносил из Крыма, что «Муртоза ныне в Тюмени, а с Муртозою Азика князь; а Тюмень и Черкасы недрузи» (ПДК, т. 1, с. 358). Здесь явно речь не о Тюменском юрте в Сибири (очень отдаленном от «Черкас»), а о Тюменском владении в устье Терека. Такое же мнение см. (Сыроечковский 1940, с. 33).

расстроилась аграрная система. В Орде начался голод. Обо всем этом было известно в Бахчисарае: агентура Менгли-Гирея обосновалась в ставке Таваккула (ПДК, т. 1, с. 354). Попытки примирения Шейх-Ахмеда с Саид-Махмудом не привели к существенным изменениям. Орда на глазах превращалась в легкую добычу для крымцев, которых к тому же раздражали периодические кочевки ее улусов вдоль северных границ ханства. Осознав, что союз с Литвой, тратившей все силы на жестокие войны с Иваном III, не даст никакой выгоды, Шейх-Ахмед и Таваккул в конце 1501 или в начале 1502 г. вознамерились склонить к антикрымскому союзу Москву (при этом обещая «от литовского отстати»). Великий князь не пожелал ради этого сомнительного приобретения рвать устоявшиеся связи с Менгли-Гиреем и сообщил тому об ордынском посольстве (ПДК, т. 1, с. 384).

Предав Александра Казимировича и не добившись успеха в России, правители Большой Орды оказались в полной изоляции. Среди них вновь начались раздоры. Не желая связывать свои судьбы с ханами-неудачниками, их подданные начали откочевывать прочь. Наконец, рассорились и хан с беклербеком (ПДК, т. 1, с. 417, 419). Государство полностью деградировало. Поход Менгли-Гирея и разрушение им Сарая в июне 1502 г. поставили точку в истории Большой Орды. Мангытские беклербеки Хаджике и Таваккул, метавшиеся по степям, в итоге обосновались в Крыму. Те мангыты, что сохранили верность свергнутому хану Шейх-Ахмеду, вместе с ним выехали во владения Александра Казимировича и были расселены по литовским городам (АЗР, т. 2, с. 49).

Ногаи и Большая Орда. Разделение мангытов и ассоциированных с ними кипчакских элей между Юртами не ускользнуло от внимания исследователей. Э.Кинан усматривал в этом разделении образование двух «систем» — заволжской во главе с Аббасом и крымской во главе с Хаджике (Le khanate 1978, p. 74). А.И.-М.Сикалиев убежден, что в Большой Орде обосновались западные ногайцы (те, что некогда обитали в улусе Ногая в XIII в.), а за Волгой жили восточные ногайцы; последние якобы пытались в XV в. «включить в состав своего государства» земли западных соплеменников (Сикалиев 1980, с. 3; Сикалиев 1994, с. 33). А.П.Григорьев тоже приписывает ногайским лидерам стремление «оттеснить своих сородичей от руководства Престольным владением (Большой Ордой. — *В.Т.*) и занять их место» (Григорьев А. 1985, с. 178).

Противостояние Ногайской и Большой Орды в самом деле хорошо заметно по источникам. Однако нет оснований видеть в их борьбе поползновения заволжских мангытов на захват правобережных владений Ахматовичей. Правителей Большой Орды стремились свергнуть (и то не всех, в чем мы сейчас убедимся), но вовсе не превратить их в своих марионеток. Полное молчание хранят летописи и грамоты относи-

тельно каких-то агрессивных замыслов по отношению друг к другу у потомков Нур ад-Дина и Мансура. Хотя можно догадываться, что вражда государей (например, Абу-л-Хайра с Ахмедом и Махмудом, сыновьями Кучук-Мухаммеда) отражалась на отношениях между их беклербеками — двоюродными братьями Ваккасом и Тимуром. Современник и, может быть, сподвижник Тимура, Шал-Кийиз Тиленши-улы, писал в уже цитированном сочинении: «Когда смотрю на Десятиудельную ногайскую родину, Вижу ненавистного Окас-мирзу, Ненавистники-злодеи, Собравшись, что-то замышляют, И вижу я, как этот несчастный мир Опрокинулся в омут» (цит. по: Сикалиев 1994, с. 51).

Ваккаса, как можно понять, действительно не любили на западе, в том числе и большеордынские мангыты. Именно к времени Ваккаса относятся первые свидетельства о конфликтах между сарайскими ханами и Мангытским юртом. Напомним, что приблизительно серединой XV в. «Казанский летописец» датирует вытеснение Большой Орды из Волго-Яицкого междуречья «мангатами силными» (История 1903, с. 14). Разрыв их с Сараем пришелся на время княжения Василия II (1425–1462) и ханствования в Золотой Орде «Улуахмета» — Улуг-Мухаммеда (1425–1438), которому они «покорятися... не восхотеша» (История 1903, с. 14; Сказание 1959, с. 29). Наложение дат правлений двух государей на беклербекство Ваккаса при Абу-л-Хайре (1428 — конец 1440-х) дает период конца 1420-х — конца 1430-х годов. Видимо, тогда и начался многолетний конфликт. Примерно в начале 1430-х годов Ваккас вместе со своим узбекским патроном разгромил ханов-соправителей, Ахмеда и Махмуда, заставил их бежать из захваченной узбеками и мангытами ставки Икри-Туг, «бросив (всякое) притязание на верховную власть и государство» (Кухистани 1969, с. 153–155). Правда, ни тот ни другой таких «притязаний» не оставили и ханствовали еще продолжительное время — Ахмед в Сарае, Махмуд в Астрахани.

После смерти Абу-л-Хайра мангыты Аббаса и Мусы вновь оказались противниками Ахмеда, поддержавшего Шейх-Хайдара б. Абу-л-Хайра (об этом мы рассказали выше). Краткосрочное присоединение ордынского хана к мангытам в погоне за Мухаммедом Шейбани не привело к образованию сколько-нибудь прочного союза их. Напряжение нарастало и в итоге вылилось в знаменитый сибирско-ногайский поход 1481 г. и разгром орды Ахмеда. С наследниками Ахмеда отношения ногаев складывались тоже непросто.

Начальные годы ханствования Ахматовичей не освещены в известных мне источниках. Первое свидетельство об их вражде с ногаями содержится в наказе русскому послу в Крым Ш.Умачеву (июнь 1486 г.). По московским данным, большеордынские ханы Муртаза и Саид-Махмуд вместе с беклербеком Тимуром собирались в поход

на Менгли-Гирея; гонец должен был выяснить у крымского властителя, не посылал ли тот за помощью «в Нагаи», и если нет, то послал бы, поскольку «как ему недрузи те (ордынские. — *В.Т.*) цари, так им (ногаям. — *В.Т.*) недрузи же» (ПДК, т. 1, с. 53). Через четыре года, в августе 1490 г., Муса в своем послании Ивану III употребил загадочную для того фразу: «Кто тебе ратен будет, я рать пошлю, а хто мне ратен будет, и ты ко мне рать пришли». Великий князь направил дьяка к послу Мусы, чтобы уточнить, против кого могут понадобиться бию русские рати. Посол охотно объяснил: «недруги» в данном случае — это «Ахъматовы царевы дети Муртоза и Седехмат и их братья» — и прямо заявил, что Муса хотел бы просить войско у Ивана именно против них. Разобравшись, Иван Васильевич одобрил идею «быти заодин на Ахматовых детеи на царевых», своих старых противников (Посольская 1984, с. 28–30).

Экспансия ногаев в направлении Волги, интриги их в Москве и Бахчисарае сделали Мусу «злейшим врагом Ахматовых детей» (по выражению К.В.Базилевича, с которым я согласен, — Базилевич 1952, с. 218). Взаимное неприятие не единожды выливалось в вооруженные конфликты, причем каждый раз ногайская сторона оказывалась нападающей.

Муса мастерски использовал распри в Большой Орде и соперничество между татарскими Юртами. Изгнанный братьями Муртаза б. Ахмед обратился к нему за подмогой. Заручившись поддержкой Менгли-Гирея и одобрением Ивана III, ногаи осенью 1491 г. перешли Волгу. Армия большеордынских соправителей Саид-Махмуда и Шейх-Ахмеда в то время находилась на пути в Крым. И лишь случайный перехват посла Мусы в Бахчисарай заставил их повернуть конницу обратно, на выручку родных улусов. Узнав о возвращении войска в Орду, Муса и Ямгурчи ушли на восток (ПДК, т. 1, с. 113, 114, 118, 119, 123; Посольская 1984, с. 47).

Через два года предводители Мангытского юрта замыслили повторить поход. Помня триумфальную победу над Ахмедом 1481 г., на этот раз они вновь, как и тогда, повели с собой сибирские отряды во главе с Ибаком и Мамуком. О намерении воевать были извещены ханы в Крыму и Казани, а также московский великий князь. Менгли-Гирей проявил дипломатическую активность, убеждая Ивана III поддерживать дружественные связи с Мусой и Ямгурчи, так как «они нам обема пригожи в слугах» (ПДК, т. 1, с. 121). Хан обещал заволжским мирзам военную помощь, его гонцы просили их выступить «наперед зимы... спешно», а крымцы, мол, присоединятся к ногаям, «в коем месте учините срок» (ПДК, т. 1, с. 154).

Однако у Мусы ничего не получилось. На «Ордынской стороне» Волги он не обнаружил крымской армии и был вынужден отойти восвяси. Очевидно, в последний момент Менгли-Гирей раздумал пособ-

лять «хакиму Дешт-и Кипчака». Ведь на этот раз ногаи шли не просто пограбить Ахматовичей и погонять их по степи, но на их место «Ивака да Мамука цари учинити»! (ПДК, т. 1, с. 168). Перспектива появления в Большой Орде вместо слабых соправителей сибирских Шибанидов, опиравшихся на могучую ногайскую конницу, не устраивала крымского хана. Муса же не пожелал выяснять отношения с Бахчисараем и в письме туда дипломатично объяснил неудачу кампании объективными обстоятельствами («Бог нам пособново пути не створил») (ПДК, т. 1, с. 208).

А.П.Григорьев полагает, что летом следующего, 1494 г. Муса и Ямгурчи «согнали Муртазу с престола» Большой Орды и заодно Хаджике с беклербекства, а на их место посадили соответственно Шейх-Ахмеда с Таваккулом (Григорьев А. 1985, с. 178). Известно, что Шейх-Ахмед незадолго до этого (в 1493 г.) женился на дочери Мусы, и за это местные «князи его... с Орды сбили... а послали... по Муртозу по царя» (ПДК, т. 1, с. 180). То есть Шейх-Ахмед действительно завязал дружественные отношения с Мусой. Но в известных мне источниках нет сведений о ногайском набеге в 1494 г., а без военного вмешательства «сгон» хана и беклербека был бы для ногаев невозможен. Думаю, что если переворот и имел место, то без явного ногайского вмешательства, тем более что в конце 1490-х годов посол Шейх-Ахмеда жаловался османскому наместнику в Кафе на «многие с нами брани... от Нагаи» и советовался насчет откочевки подальше от беспокойных соседей — к Днепру (ПДК, т. 1, с. 321). Поэтому трудно видеть в Шейх-Ахмеде ногайскую креатуру.

А вот накануне падения Большой Орды в самом деле началось активное сотрудничество этого хана с Мусой, причем в письме к литовскому князю Александру 1500 г. он ясно говорит о прежней вражде с ногаями и лишь недавней перемене своего отношения к ним: «Из наперед сего з нагайским неприятелем были есмо, а ныне с ними в приятелство зашли есмо; кому мы приятели, и они с нами у месте тому приятели, а кому неприятели, и они с нами у месте неприятели» (Pułaski 1881, p. 243). В ответе Александра Казимировича содержится просьба склонить ногаев также и к «приязни» с Литвой — прежде всего на предмет заключения антимосковского союза: «Абы они с одное стороны потягнули на недруга нашого Московского, а ты бы, брат наш... з другое стороны на него пошол» (АЗР, т. 1, с. 213). Одновременно из Вильно отправился в Ногайскую Орду гонец с великокняжеской грамотой. В грамоте утверждалось, что, несмотря на брак Александра с дочерью Ивана III, отношения с русским государем у Литвы враждебные и конфликтные; это усугубляется набегами союзного Москве Менгли-Гирея. «Князем ногайским и всим мурзам» предлагалось присоединиться к коалиции против Москвы, к единому фронту Александра Казимировича, Шейх-Ахмеда, венгерского и

чешского короля Владислава и польского Яна Альбрехта (Pułaski 1881, p. 255, 256).

События между тем развивались так, что времени на долгие переговоры о коалиции не хватало. Летом 1501 г. Менгли-Гирей внезапно осадил Шейх-Ахмеда в новой крепостце, построенной ордынцами в устье Тихой Сосны, притока Дона. Но едва услышав, что на помощь осажденным мчится вызванная ими на подмогу ногайская конница во главе с сыном Мусы, Шейх-Мухаммедом, он отошел в Крым (ПДК, т. 1, с. 368, 369). Пережив внезапное нападение, Шейх-Ахмед счел за благо вместе с беклербеком Таваккулом перебраться поближе к союзникам — в Хаджи-Тархан, где царствовал его двоюродный брат Абд ал-Керим б. Махмуд. И хотя ему была обещана десятитысячная астраханская рать (ПДК, т. 1, с. 451, 452), от окончательного разгрома Большую Орду это не спасло. В роковой для нее момент ногайский предводитель Ямгурчи получил от Ивана III жесткое предупреждение не вмешиваться в ордынско-крымский конфликт (ПДК, т. 1, с. 456, 457, 503). Утрата расположения Москвы вовсе не входила в планы лидеров Мангытского юрта. Шейх-Ахмед и помирившийся было с ним соправитель Саид-Махмуд оказались один на один с Менгли-Гиреем.

После сожжения крымцами Сарая ордынцы уже не видели пользы в опоре на ногаев. Разочарованный и обиженный Шейх-Ахмед с семью младшими братьями сперва безуспешно пытался заручиться поддержкой османского султана, а затем отъехал в Киев, во владения Александра Казимировича, с которым начал было такую обнадеживающую переписку. Таваккул, бросив своего безвластного государя, отбыл в Крым (ПДК, т. 1, с. 471, 516; Соловьев 1989а, с. 79, 80).

После смерти Мусы ногайская знать не составляла монолитной группировки. В частности, некоторые мирзы склонялись к дальнейшей поддержке Шейх-Ахмеда, но натолкнулись на твердое противодействие Ямгурчи и оставили эту затею (ПДК, т. 1, с. 477, 478, 482). Тем не менее часть ордынцев перебралась в Ногайскую Орду. В 1505 г. в Вильно прибыло посольство из восьмидесяти человек от вдовы Саид-Махмуда и татарских мирз, обосновавшихся «в Нагаех». Ханша и мирзы пытались отыскать следы затерявшихся в Литве Ахматовичей, чтобы вместе с ними возобновить борьбу за свой разгромленный Менгли-Гиреем Юрт (Pułaski 1881, p. 91, 92, 279, 280).

Мангыты в Крыму. Контакты большеордынских мангытов с Гиреями отмечены с 1480-х годов, когда беклербек Тимур б. Мансур после разгрома ногаями Ахмеда нашел приют у Менгли-Гирея (в 1481–1483 гг.), а дочь Тимура, Нур-Султан, стала женой хана (в 1486 или 1487 г. — см.: Бережков 1897, с. 2, 3). Выше приводилась гипотеза К.В.Базилевича о том, что Тимур в конце жизни вновь явился в Бахчисарай, где и умер около 1486 г. (Базилевич 1952, с. 182). Несколько

лет пребывал в Крымском юрте племянник Тимура, Джанкувват. Лучше прослеживается по источникам крымский этап в биографиях беклербеков Хаджике и Таваккула.

После падения Большой Орды первый просился на службу и к Ивану III, и к Менгли-Гирею, но всюду встретил жесткий отказ. Деваться растерянному интригану, явившемуся в Крым, было уже некуда, и он заверял местных сановников, будто «не на княженье сюда приехал, хочю к Мяке (Мекке. — *В.Т.*) идти». Скрепя сердце хан в мае 1504 г. позволил Хаджике «наряжаться» в хаджж в течение двух месяцев, а позже вдруг узнал, что царевич Ахмед-Гирей б. Менгли-Гирей без ведома отца приютил ордынского беклербека у себя (ПДК, т. 1, с. 515, 520). Менгли-Гирей махнул на это рукой, и Хаджике остался в Крыму. Позднее он сумел вызвать доверие к себе и даже удостоился звания улуг бека, что было подтверждено и следующим ханом, Мухаммед-Гиреем б. Менгли-Гиреем (Сыроечковский 1940, с. 36).

При менее унизительных обстоятельствах и гораздо более успешно началась в Юрте карьера Таваккула. В начале 1503 г., после нескольких месяцев «казачества», он прибыл ко двору Менгли-Гирея[37]. Из дипломатической переписки выясняется, что на этот раз инициатором приезда был сам хан. Возможно, сказалось влияние мудрой и искушенной в политике Нур-Султан, сестры Таваккула. Во всяком случае, этот свой шаг Менгли-Гирей объяснял Василию III почтенной репутацией «доброи царевои матери (т.е. матери ханов. — *В.Т.*) да доброго отца (ее и Таваккула. — *В.Т.*) Темиря» (ПДК, т. 1, с. 518). Таваккул, «свою правду учинив, нас государем называючи», удостоился в Бахчисарае совсем другого приема, нежели позднее Хаджике. Он был утвержден «князем... себе (т.е. хану. — *В.Т.*)... братом и другом», в его распоряжение были отданы «отца его место и базар и волости» (ПДК, т. 1, с. 518). Судя по этим пожалованиям, Таваккул удостоился ранга беклербека. Согласимся с точкой зрения В.Е.Сыроечковского, который считал этого вельможу крымским «великим князем», входившим в тогдашнюю правящую триаду Юрта (хан, калга, бек) (Сыроечковский 1940, с. 36). Таваккул активно занимался внешней политикой, поддерживал отношения с Россией и Литвой. В Вильно его хорошо знали и просили, чтобы хан именно его поставил во главе своего очередного посольства (ПДК, т. 2, с. 20; Pułaski 1881, p. 266, 267).

Исходя из фразы ханской грамоты о Тимуровых «базаре и волости», что достались Таваккулу, можно было бы предположить — вслед за В.Е.Сыроечковским, — что уже в конце XV — начале XVI в. в Крыму имелись мангытские улусы (Сыроечковский 1940, с. 33). Но массовый приток мангытских переселенцев все же начался после

---

[37] Грамота Менгли-Гирея Ивану III о приходе в Крым «Тевекеля князя» датирована 4 февраля 1503 г. (ПДК, т. 1, с. 467).

1502 г., т.е. после уничтожения Большой Орды. Кроме того, мы видели, что владения Тимура находились вне первоначальных пределов Крымского юрта — на Днепре. А вот когда южнорусские степи оказались под властью Гиреев, то и кочевья большеордынских мангытов вошли в состав ханства. Только с той поры правомерно вести речь о мангытских улусах в крымском государстве. Относительная многочисленность и компактное проживание быстро превратили этих новых подданных в чрезвычайно влиятельный фактор внутренней политики. Основные кочевья мангытов остались на прежней территории — в степях между Перекопом и Днепром (Le khanate 1978, p. 12). И хотя Менгли-Гирей и позже его сын и преемник Мухаммед-Гирей довольно настороженно относились к этой массе кочевников (см.: Иналджык 1995, с. 86), те стали прочной базой и тылом нового аристократического клана Мангытов — Мансур-улы, отчасти потеснившего местную татарскую знать[38].

Ногаи и Крым. Выше мы отмечали, что правители Крыма не воспринимали ногайских биев как равных себе по положению. До последней четверти XV в. сведений о связях Мангытского и Крымского юртов нет. Наверное, лишь сибирско-ногайское нападение на Ахмеда в 1481 г. заставило крымцев увидеть в ногаях силу реальную и, главное, — враждебную Большой Орде, основному противнику Гиреев. При этом поддержка Мусой некоторых сыновей Ахмеда все же не мешала Крыму полагаться на ногаев в общей антиордынской стратегии. Мы уже выяснили, что в начале 1490-х годов предпринимались неоднократные попытки наладить военное сотрудничество на этой почве.

Отношения стали ухудшаться после 1502 г. Большая Орда исчезла, оснований для коалиции более не находилось. Да и отдельные ногайские мирзы солидаризировались с осевшим в Литве Шейх-Ахмедом — в том числе в его интригах против Бахчисарая. Менгли-Гирей пока не видел в Ногайской Орде врага, но и все переговоры о союзе с ней прекратил. И Бахчисарай, и Москва пытались прямо и окольным путем (через казанского хана) отговорить заволжских мирз от безнадежной авантюры — борьбы за восстановление Большой Орды. Летом 1502 г. ногайский отряд впервые напал на крымское посольство по пути из Москвы и ограбил его. Хотя бывший в его составе русский дипломат по прибытии в крымскую столицу заверял хана, что, по московским данным, главные иерархи Ногайской Орды на его владения «ратью не идут и Крымские стороны не воюют» (ПДК, т. 1, с. 472), отношения между Юртами стали неуклонно ухудшаться. Глава ногаев Ямгурчи пытался сдержать своих сородичей–сторонников Шейх-Ахмеда и докладывал об этом Менгли-Гирею. В конце концов ему удалось уговорить их оставить неудачника Ахматовича.

---

[38] О правовом статусе мангытской знати в Крыму XV в. см. также: Сыроечковский 1940, с. 67, 68; Trepavlov 2001, p. 23, 24.

В мае или июне 1503 г. в Крым прибыло большое посольство «из Нагаи». Возглавлял его мирза Султан-Ахмед б. Муса. Ногаи торжественно передали Менгли-Гирею от лица Ямгурчи обещание поддерживать «роту и шерть» с ним, как бывало при Мусе, признавали его «государем нашим... царем» и обещали Ахмедовых детей «не оставить (в покое. — *В.Т.*) — поискать и разогнать» (ПДК, т. 1, с. 474). Хан сообщил обо всем этом в Москву с удовлетворением, но тесного и долговечного союза все-таки не складывалось: слишком ничтожен был теперь общий враг. Тем не менее данное посольство имело, очевидно, принципиальное значение для дальнейших судеб ногаев. Они проторили дорогу в Крым, и это им очень пригодится в следующем десятилетии, когда многим мирзам придется бежать из-за Волги. До тех пор ни один из заволжских Едигеевичей не селился в Крымском юрте.

Поволжские дела. Во второй половине XV в. отношения Ногайской Орды с Казанским и Астраханским ханствами только зарождались. Это время было прелюдией к активной политике ногаев в первой половине следующего столетия в сопредельных западных Юртах. Первые сведения о контактах Мангытского юрта с Хаджи-Тарханом относятся, видимо, к концу 1460-х годов, когда войска Ибака, Аббаса и Ахмеда осадили город, требуя от тамошнего хана Касима б. Махмуда выдать укрывшихся у него внуков Абу-л-Хайра. До тех пор мангытских правителей Астрахань не интересовала. Трудно согласиться с утверждением, будто образование там ханства произошло «при активном участии ногайцев» (Садур 1983, с. 9), если только не подразумевать под последними большеордынских мангытов[39].

Ваккас, как глава Мангытского юрта, был убежденным врагом Махмуда, основателя Астраханского ханства. Можно видеть инерцию этой вражды в отношениях Касима б. Махмуда и Мусы б. Ваккаса. Вступивший на престол Хаджи-Тархана брат Касима, Абд ал-Керим, тоже поначалу не испытывал к восточным кочевникам никакой приязни и пытался проводить не зависимую ни от кого политику: грабил русских купцов, не пускал в свои владения беглых Ахматовичей Саид-Махмуда и Бахтияра (Сафаргалиев 1952, с. 39). Беклербеком при нем состоял некий Баба-Али из эля китаев, а вовсе не мангытов (Утемиш-Хаджи 1992, с. 114; об этом беке см. также: Бартольд 1973, с. 166).

---

[39] Существенна другая проблема — присутствие кипчакско-ногайского компонента на нижней Волге. Она выходит за рамки нашего исследования. Тем не менее можно полагать, что родственные ногаям эли обосновались в Астраханском юрте со второй половины или конца XIV в., когда предводительствуемая мангытами масса кочевников дважды пересекала Волгу. Татарская легенда гласит, что ногаи явились туда в период борьбы Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда (т.е. в 1420–1430-х годах). Якуб б. Улуг-Мухаммед после смерти отца якобы ушел из Казани и обосновался в Астрахани. Его спутники стали называться кара-ногаями (Булатов 1974, с. 189).

Кажется необоснованным суждение о том, что с конца XV в. Астраханское ханство якобы начало платить ногаям дань (Арсланов, Викторин 1995, с. 339). Трудно согласиться и с тем, будто правители Хаджи-Тархана в то время попали под влияние Ногайской Орды и «совместно с ней вели борьбу против Крыма» (Очерки 1953, с. 442)[40]. Как мы убедились, ногайско-крымские отношения были гораздо сложнее, чем просто «борьба». Однако распад соседней Большой Орды — и фактический крах номинально возглавляемого ею Улуса Джучи — заставил Абд ал-Керима заняться поисками партнеров и союзников.

Во внутриордынских раздорах он держал сторону Шейх-Ахмеда, что сделало его временным союзником (а не данником!) Мусы. После падения Сарая Шейх-Ахмед направился в Астрахань и был торжественно встречен у городских ворот (ПДК, т. 1, с. 445). Но вскоре деморализованный разгромом свергнутый хан стал избегать встреч с Абд ал-Керимом и устроил себе стан в отдалении от города. Шейх-Ахмед сидел там, тщетно ожидая ногайской военной помощи (ПДК, т. 1, с. 451, 452). Не дождавшись же, ушел в Литву. До русской столицы дошли сведения о какой-то стычке большеордынских беженцев с астраханскими войсками, «с Аблекеримом царем» в июле 1502 г. (ПДК, т. 1, с. 486, 490). Необходимость для ногаев союза с Абд ал-Керимом отпала. Уже осенью 1501 г. отряды пяти мирз в течение семи дней осаждали его столицу и разоряли окрестности (ПДК, т. 1, с. 380, 381).

М.Г.Сафаргалиев полагал, что после этого между ханом и ногаями было заключено соглашение, по которому первый получал гарантию помощи против Крыма, а вторые вытребовали права на беклербекство в Астрахани для одного из своих мирз и на сорок тысяч алтын ежегодных выплат (Сафаргалиев 1952, с. 39, 40). Насколько основательны эти утверждения, мы увидим из дальнейшего обзора астраханско-ногайских отношений в следующих главах. Вместе с тем нельзя отрицать, что ногайское влияние стало очень заметным в этом Юрте. Когда летом 1504 г. «люди азтороканци» ограбили русских рыбаков, Иван III требовал разбирательства и возврата имущества не от местного хана, а от ногайского правителя Ямгурчи (Посольская 1984, с. 54) — видимо, реального владыки тех мест.

Казань находилась в отдалении от бурных событий, связанных с коллапсом «Престольной державы» (Большой Орды), и контакты ногаев с нею в первое время были не очень значительны. В литературе можно встретить мнение о раннем, чуть ли не со времени основания ханства, влиянии и даже присутствии ногаев в Казани (см., например:

---

[40] В последнее время высказано мнение, будто Астраханское ханство в начале XVI в. угрожало самому существованию Ногайской Орды (Хорошкевич 2001, с. 177), которое я тоже не могу поддержать, исходя из известных мне источников.

Бурганова 1985, с. 16). Думается, предельно логично высказался по этому поводу М.Г.Сафаргалиев: «Когда ногайцы дали о себе знать своим западным соседям, формирование Казанского ханства было уже закончено. Отношения Улуг-Мухаммеда (первого из казанских ханов. — *В.Т.*) с детьми Едыгея после измены Новруза не могли быть дружественными. Новруз, будучи военачальником Улуг-Мухаммеда, изменил ему, перейдя на сторону Кичимухаммеда, в результате чего Улуг-Мухаммед был изгнан из своих владений и направился в Казань. Участие ногайцев в завоевании Казани Улуг-Мухаммедом при таком положении дел было исключено. При первых своих ханах Казанское ханство было еще достаточно сильным и не нуждалось в помощи соседей» (Сафаргалиев 1938, с. 126–127).

По источникам трудно судить, влияло ли как-то на ногайско-казанские связи родство ханской династии с большеордынскими мангытами (дочь беклербека Тимура б. Мансура, Нур-Султан, была женой хана Ибрагима б. Махмуда б. Улуг-Мухаммеда и матерью будущих ханов Мухаммед-Амина и Абд ал-Латифа). Во всяком случае, поддержка Мусой и Ямгурчи казанского государя Али б. Ибрагима едва ли объяснялась их неприязнью к потомству Тимура (как считает Дж.Мартин: Martin 1986, p. 83, 84), но скорее тем фактом, что Нур-Султан после смерти мужа уехала в Крым и вышла замуж за Менгли-Гирея; следовательно, Крымский юрт вместе с Московским великим княжеством оказывал покровительство детям Нур-Султан. В противовес этому ногаи взяли сторону Али.

Активизация отношений Ногайской Орды с Казанью заметна с начала 1480-х годов, т.е. сразу после убийства Ибаком и Ямгурчи Ахмеда и одновременно с выходом ногаев на политическую арену Восточной Европы. Данное оживление контактов Г.И.Перетяткович связал со смертью казанского хана Ибрагима в 1478 г., но, по-видимому, усиление казанского фактора в ногайской политике находилось в одном ряду с прочими событиями эпохи распада Большой Орды. Г.И.Перетяткович и М.И.Худяков правы, относя к тем временам окончательное оформление промосковской и проногайской группировок казанской знати. Первая поддерживала Мухаммед-Амина б. Ибрагима, вторая — его брата Али (Перетяткович 1877, с. 151, 152; Худяков 1991, с. 45; см. *также*: Жирмунский 1974, с. 439).

Политическим дебютом проногайской «партии» Казани можно считать участие Мусы и Ямгурчи в дворцовых переворотах 1480-х годов. Процарствовавший пять лет после смерти отца, Али в 1484 г. был смещен, и на казанском троне оказался его брат Мухаммед-Амин. Через год Али вернулся к власти, вновь был смещен, а в 1487 г. появился с ногайскими войсками и «согнал с Казани» брата (Разрядная 1966, с. 20; Разрядная 1978, с. 27; Худяков 1991, с. 46, 47). В июле этого же года русские воеводы взяли город и опять водворили

в ханском дворце Мухаммед-Амина — на сей раз надолго. Али с семьей был увезен на Русь и сослан в Белоозеро. Такое решительное поведение московского правительства в некоторой степени на время отрезвило ногаев и побудило их действовать на средней Волге более осторожно (Базилевич 1952, с. 206). От демаршей их удерживала и непреклонная жесткость русских властей: в ответ на неоднократные просьбы отпустить Али в Ногайскую Орду каждый раз следовал твердый отказ. Когда казанские князья, прибившиеся к Мусе, осмелились напасть на ханство, слуги Али в России были казнены, а посол Ямгурчи задержан как заложник (Посольская 1984, с. 20, 21, 49).

Пыл ногаев сдерживался и тем обстоятельством, что жена Али, «царица Каракушь», сидевшая в Белоозере, доводилась дочерью Ямгурчи. От последнего Иван III требовал умертвить предводителя беженцев из Казани в Ногайской Орде бека Алгази. Тот, узнав об этом и не желая рисковать, уехал к Ибаку в Тюмень (Посольская 1984, с. 34). Вообще гнездо оппозиции на востоке очень беспокоило Мухаммед-Амина и его русских покровителей. Не добившись расправы с казанскими беженцами, русские пытались уговорить Мусу, чтобы он убедил беков Алгази, Бегиша с сыном Утешем и саида (духовного иерарха) Касима переехать в Москву с гарантией щедрого жалованья. Те отказались и продолжали требовать освобождения Али (Посольская 1984, с. 39, 41, 42, 49).

Из двух братьев, стоявших во главе Ногайской Орды, Муса более рассчитывал на сотрудничество с Москвой; Ямгурчи же склонялся к военному решению казанского вопроса. Именно в такой обстановке Муса по смерти Аббаса возглавил ногаев и, вернувшись из «Туркмен», смог остановить большой поход на Казань, подготовленный ханом Ибаком и Ямгурчи (см. выше). Вдохновителями и этой авантюры были татарские беки. Тем не менее мелкие набеги и пограничные стычки ногаев с казанцами в конце 1480-х — начале 1490-х годов происходили «ежелет», о чем сетовал в обращении к Менгли-Гирею Мухаммед-Амин (см.: ПДК, т. 1, с. 146).

Временно отказавшись от попыток силовой поддержки проногайской группировки, Муса и Ямгурчи стали предпринимать усилия по мирному внедрению и расширению своего влияния в ханстве — в частности, путем династических браков. К.В.Базилевич приписывает инициативу породнения казанского дома с мангытами Мухаммед-Амину, который тем самым решил себя обезопасить от ногайских вторжений (Базилевич 1952, с. 207). На первый взгляд действительно именно Мухаммед-Амин в 1486 г. просил выдать за него, хана, дочь Мусы, Фатиму (Посольская 1984, с. 28). Но ведь подобные браки мангытских княжон в то время стали уже традиционными: дочь Ямгурчи, Каракуш, была женой хана Али; мать Мухаммед-Амина, Нур-Султан — это правнучка Эдиге; Шибаниды восточного Дешта, включая

Абу-л-Хайра, в XV в. тоже женились на мангытках. Так что едва ли правомерно представлять данную инициативу как некую хитроумную комбинацию казанского хана. Муса же размышлял и медлил несколько лет. Породниться с русским ставленником означало бы предать «ногайскую партию» Казанского юрта и ее знамя — свергнутого и сосланного Али-хана. К тому же в Москве породнение двух тюркских династов могли воспринять как закулисный сговор.

Только летом 1490 г. бий решил наконец посоветоваться с русским государем, ведь тот был для Мухаммед-Амина «и отец, и брат, и друг» (Посольская 1984, с. 29). Забрасывал Москву просьбами о разрешении на женитьбу и сам хан. Русское правительство имело свои интересы в данной династической комбинации, рассчитывая распространить свое влияние на Ногайскую Орду через Казань. Иван Васильевич дозволил своему подопечному сочетаться браком с ногайской княжной, «чтобы тебе Муса прямой слуга и друг был» (Посольская 1984, с. 32). Мусе тоже был отправлен благожелательный ответ: поскольку, дескать, мы желаем твоей дружбы с Мухаммед-Амином, то выдай за него дочь (Посольская 1984, с. 30). Узнав о договоренности, в Крыму радовалась и посылала поздравления сыну старая ханша Нур-Султан (Посольская 1984, с. 42). Однако дело тянулось еще долго. Муса оправдывал задержку конфликтом с Большой Ордой (ПДК, т. 1, с. 109). Лишь смерть Али в северном заточении позволила бию отбросить сомнения и отпустить Фатиму в Казань. По московской указке за Мухаммед-Амина тут же была выдана и вдова Али, дочь Ямгурчи, Каракуш (ПДК, т. 1, с. 461). Иван III пытался нащупать рычаги давления на ногаев через брачные союзы. В 1489 г. он запретил Мухаммед-Амину выдавать сестру за мирзу Алача б. Ямгурчи до тех пор, пока ногаи не компенсируют награбленное в недавнем набеге на казанцев (Посольская 1984, с. 26, 27).

Казанские беки, проживавшие у Ямгурчи и Ибака (затем у Мамука), не разделяли примирительных настроений Мусы. Попытка переломить ситуацию в Казани в пользу проногайской группировки вылилась в авантюристический захват города Мамуком в 1496 г. и бесславный отъезд его оттуда через год, о чем мы уже рассказывали. Муса, естественно, выступил против этой кампании и пытался противодействовать ей. Однако когда из России в Казань был привезен и посажен на ханский трон младший брат Мухаммед-Амина, Абд ал-Латиф, не выдержал и он: Москва слишком явно пренебрегала интересами ногаев, организовав новое воцарение без консультаций с ними и руководствуясь только своими соображениями. В 1500 г. ногайские отряды во второй раз (после 1496 г.) обступили столицу Юрта. На этот раз возглавлял поход сам Муса вместе с Ямгурчи, а претендентом на престол от них был очередной сибирский Шибанид — Агалак б. Махмудек, младший брат Ибака и Мамука. Казань

выдержала трехнедельную блокаду, молодой хан Абд ал-Латиф ежедневно совершал вылазки. Не добившись никакого успеха, Муса и Ямгурчи с сибирским царевичем ушли в степи (Вологодско-Пермская 1959, с. 294; Патриаршая 1901, с. 253; Разрядная 1978, с. 59; Худяков 1991, с. 57)[41].

Двукратный провал попыток возведения на трон своих креатур надолго отбил у предводителей Ногайской Орды охоту к военным действиям на средней Волге. Посрамленные сторонники войны затихли. Бий Муса и Ямгурчи-мирза через послов заключили с Иваном III договор о ненападении на Казань. В марте 1502 г. русскому послу, снаряжавшемуся в Крым, было велено известить хана Менгли-Гирея о том, что «ныне ногаи Казанскои земле мирны», а ногайские послы от лица своих государей обещали ей «не чинить лиха» (ПДК, т. 1, с. 386).

Степень проникновения ногаев на территорию Казанского ханства дискуссионна. Мы отмечали малую вероятность изначального присутствия их в Юрте во времена Улуг-Мухаммеда. Вместе с тем едва ли можно сомневаться в наличии ногайского компонента среди населения государства. Во-первых, об этом свидетельствует топонимика: Ногайские ворота в столичной крепости, Ногайская даруга — одна из пяти провинций Юрта и пр. (см., например: Гарипова 1980, с. 149; Гарипова 1982, с. 123–128; Заринский 1884, с. 74; История 1968, с. 84, 85). Во-вторых, приток переселенцев из Ногайской Орды фиксируется башкирскими и татарскими генеалогиями-шеджере (см.: Ахметзянов М. 1991б, с. 51, 150; Ахметзянов М. 1994, с. 39; Соколов 1898, с. 51; Шеджере Гирает-бия — личный архив Н.М.Мириханова). Но по фольклорным источникам затруднительно судить о том, насколько фигурирующие там ногаи соответствовали ногаям историческим, выходцам из Ногайской Орды. Ни большее по сравнению с окружающим населением количество кипчакских элементов в языке, ни совпадения в названиях родов (элей) еще не позволяют отождествлять пришлых кипчаков с ногаями, как это пытаются делать, например, М.И.Ахметзянов и Д.М.Исхаков (Ахметзянов М. 1985, с. 62; Исхаков 1993а, с. 137; Исхаков 1998, с. 23–25, 57 и др.). Кипчакские миграции продолжались сотни лет, а ногаи консолидировались в Ман-

---

[41] Позднее племянник Агалака, Аккурт, пытался оправдать отступление от Казани тем, что ногаи якобы узнали об отказе великого князя вручить им управление ханством («того есмя не услышели, что нам Казань даешь») (Посольская 1984, с. 78). Невероятным выглядит суждение Х.Ховорса о набеге Мусы и Ямгурчи с целью вернуть престол Мухаммед-Амину (Howorth 1965b, p. 1030). Ведь в их намерения входило не только свержение Абд ал-Латифа (см.: Pelensky 1974, p. 30, 31), но и реставрация сибирской династии, реванш за изгнание Мамука двухлетней давности. М.Г.Худяков и С.Х.Алишев придерживаются того же мнения, но инициативу набега приписывают только беглому казанскому беклербеку Ураку, игнорируя ногайское участие (Худяков 1991, с. 57; Алишев 1995б, с. 48).

гытском юрте лишь во второй половине XV в., и хотя тоже были кипчакоязычными, не могут «нести ответственность» за все передвижения кипчакоговорящих жителей Восточной Европы.

Другое дело, что время от времени ногайские войска прибывали на территорию ханства для решения политических задач и, случалось, надолго задерживались там. Например, известно, что при вторичном царствовании Мухаммед-Амина (1502–1518) в его владениях расположилась двадцатитысячная ногайская конница (Марджани 1884, с. 49, 57). С некоторыми оговорками и с учетом событий, которые мы разберем в следующих главах, можно согласиться с В.М.Жирмунским: ногаи служили ханам за дань и прочие денежные выплаты (Жирмунский 1974, с. 425). Но мы не располагаем никакими данными о земельных пожалованиях за службу (см.: Галлямов 1994, с. 175).

В целом уже на событиях XV и первых лет XVI в. можно убедиться, что ногайско-казанские отношения были весьма неровными: активная политика сменялась многолетним безразличием, военные авантюры — мирными заверениями и сотрудничеством. Наверное, имеет смысл вслед за С.Х.Алишевым учесть и сезонный характер кочеваний ногаев: «Они то углублялись в степи, то подходили к границам Казанского ханства в зависимости от состояния пастбищ, обусловленного ежегодными изменениями климатических условий» (Алишев 1995б, с. 30). К этому обязательно следует добавить фактор политической обстановки в послеордынской Восточной Европе: ногаи отвлекались от средневолжских дел не только из-за откочевок на южные зимовки, но и по причине внутренних распрей, походов на Большую Орду и позднее на Крым и Астрахань, миграций части населения в Сибирский юрт, Казахское и узбекские ханства.

В начале XVI в. Мангытский юрт стал абсолютно самостоятельным политическим образованием с собственными администрацией, войском и территорией. Со смертью Мусы закончилась ранняя история Юрта, когда он считался составной частью ханства левого крыла (Кок-Орды) Улуса Джучи. Своим младшим братьям и сыновьям бий Муса оставил уже не маленькое кочевое владение с зависимым статусом, а могущественную степную державу — Ногайскую Орду.

Глава 4

Наследники бия Мусы. Первая Смута

Ямгурчи-бий, Хасан-бий и их племянники. Десятки лет Ямгурчи находился в тени своего великого брата. Смерть Мусы выдвинула его на вершину иерархической пирамиды. Среди потомков Ваккаса (и, возможно, Нур ад-Дина) не осталось никого старше его. При этом он являлся единоутробным братом покойного бия (Валиханов 1961г, с. 145), отчего наследование воспринималось ногайской знатью естественно с точки зрения не только ближайшего родства, но и преемственности политики. За короткое время своего «княжения» (1502–1504)[1] старый Ямгурчи, видимо, действовал по инерции: связи и отношения с поволжскими ханствами, Крымом и разгромленными сыновьями Ахмеда протекали при нем в русле, определенном Мусой.

Статус Ногайской Орды как «казачьего» образования в первые годы XVI в. сохранялся. В 1501 г. Ямгурчи обращался к Ивану III «дядя» (Посольская 1984, с. 52), признавая свое неравенство с московским государем. В глазах крымского хана он, очевидно, не мог считаться бием, подобным Мусе, который, напомним, получил бийский (беклербекский) пост из рук хана Ядгара. Ямгурчи же провозгласила таковым мангыто-ногайская знать. Поэтому Менгли-Гирей продолжал титуловать его мирзой (см., например: ПДК, т. 1, с. 467, 474), в то время как Мусу прежде неизменно величал «князем» (бием). Тем не менее в тюркском фольклоре повсеместно Ямгурчи (Ямгырсы, Жамбыршы и т.п.) стоит в одном ряду с прочими ногайскими верховными правителями после Мусы.

Почему же окрестные правители не видели в нем полноценного властителя, а кочевники признавали его полномочия? При ответе на этот вопрос может помочь краткий перечень мангытских биев, приведенный Кадыр Али-беком: «Родились Муса и Ямгурчи. Затем был сын Ямгурчи Агиш-бек, он управлял улусом. Затем был Хасан-бек, а улусом управлял Алджагир-мирза. После Хасан-бека Шидак, сын

[1] Соглашаюсь с этой датировкой М.Г.Сафаргалиева (Сафаргалиев 1938, с. 82).

Мусы-бека, был беком. Затем Шейх-Мамай-мирза управлял улусом, но беком не стал. После этого беком был сын Мусы-бека Юсуф-бек» (Кадыр Али-бек 1854, с. 155). Как видим, четко различаются две категории административных иерархов — беки (бии) и правители улуса. Мы уже встречались с аналогичным разделением полномочий, когда рассматривали фактическое соправительство Мусы, его дяди Аббаса и брата Хорезми. Первый и второй являлись биями по ханскому назначению (соответственно от Ядгара и, вероятно, Абу-л-Хайра), последний тогда же «управлял улусом», т.е. непосредственно населением Мангытского юрта.

После кончины Аббаса Муса, судя по всему, не собирался ни с кем делить власть. Но почти постоянное присутствие рядом с ним преданного брата, Ямгурчи, позволяет предположить разграничение компетенции между ними. Когда же Ямгурчи оказался во главе ногаев, соседние монархи продолжали видеть в нем только «правителя улуса», а не полноценного бия, т.е. не беклербека при одном из ханов. Может быть, такой подход и коробил ногайского сюзерена, но объем его власти и унаследованный авторитет «хакима Дешт-и Кипчака» не позволяли ему проситься даже на номинальную службу к какому-нибудь Джучиду.

В последнее десятилетие жизни Мусы угадывается зарождение некой самостоятельной структуры под началом Ямгурчи. Его имя регулярно появляется в сопровождении сочетания «пять мирз». В 1503 г. хан Большой Орды Шейх-Ахмед направлял гонцов «к Емгурчею... мырзе и к пяти мырзам», чтобы договориться о совместном нападении на крымцев; Ямгурчи вместе с пятью мирзами просил Ивана III вернуть из России в Ногайскую Орду его дочь, сосланную казанскую «царицу» Каракуш; они же заключили совместную шерть с великим князем[2] (ПДК, т. 1, с. 456, 457, 460, 461). Об определенной автономии этой группировки даже по отношению к самому Ямгурчи говорит и его неуверенность в повиновении пятерых аристократов его воле: «Ино на Менли Гиреа царя никому ратью не хаживати, а и пять мырз похотят на него идти ратью (без спроса! — *В.Т.*), и яз их не пущу» (ПДК, т. 1, с. 503). Другое объединение мирз упоминается в цитированном выше послании хана Мухаммед-Амина Ивану III при описании ногайских кочевий: «Апаса князь на Илеке... а Едисан со князем Опасом вместе» (Посольская 1984, с. 46). Фигурирующий здесь Едисан[3] в русском переводе вновь появляется в грамоте Ивана III Менгли-Гирею: «Нагаи, Емгурчей мурза и ***семь родов*** перелезли на сю сторону Волги» (ПДК, т. 1, с. 513). «Семь родов» (будущая Орда Едисан

---

[2] В ногайских посольских книгах документов об этом посольстве не сохранилось; оно упоминается в Крымских делах.

[3] Понятие *едисан* (букв. «семь санов») имеет несколько толкований, в том числе «семь родов». Подробнее см. главу 10.

XVII–XVIII вв.), следовательно, в конце XV в. держались рядом с главой Юрта Аббасом. Когда таковым стал Ямгурчи, они примкнули к нему.

Полагаю, что определенная кристаллизация мощной группировки при брате и соправителе Мусы может служить показателем дальнейшего политического и государственного оформления Ногайской Орды. Когда ногаи избавились от формального подданства вышестоящим государям, им пришлось организовывать подвластные владения по образу и подобию независимых Юртов. Важнейшим признаком независимости была собственная крыльевая система. До того мангыты-ногаи занимали место в правом крыле Узбекского ханства Абу-л-Хайра, Казахского ханства и, вероятно, ханства сибирских Шибанидов. Учрежденная же Эдиге система крыльев Мангытского юрта, *онсол* (см. главу 2), до поры до времени распространялась лишь на этническое ядро ногаев — собственно мангытов и те кипчакские эли, что явились с мангытами на Яик в эпоху Эдиге. Теперь *онсол* стал включать всю массу кочевников, входящих в Ногайскую Орду при Мусе. Едисаны и пять мирз во главе с «правителем улуса» Ямгурчи представляли собой зародыш и аналог западного (правого) крыла. Все это логично укладывается в традиционную кочевую схему архаичного соправительства (см.: Трепавлов 1991б). Собственно, в этом и состоял смысл странного на первый взгляд разделения власти между бием и «правителем улуса», описанного у Кадыр Али-бека. Последний титул, не совсем уместный для начальника крыла, можно объяснить неразвитостью титулатуры в степном обществе.

В нашем распоряжении нет документа, в котором пять мирз перечислялись бы поименно. Однако по различным материалам можно гипотетически выстроить следующий ряд: младший брат Мусы и Ямгурчи — Хасан; сыновья Мусы — Султан-Ахмед, Шейх-Мухаммед (Шихим) и Алчагир; сын Ямгурчи — Агиш. За короткий период бийства Ямгурчи они в общем подчинялись ему и удерживали от неповиновения прочих мирз. Иван III в 1503 г. выражал уверенность в том, что главе ногаев удастся наказать виновников набега на русское пограничье, так как «все те мырзы у тебя в твоеи воле» (Посольская 1984, с. 54).

По Кадыр Али-беку, следующим после Ямгурчи беком стал Хасан, при котором «правил улусом» Алчагир б. Муса. Действительно, грамоты из Москвы 1506–1508 гг. адресованы «Асану князю» (Посольская 1984, с. 55, 64, 65). Вместе с Мусой и Ямгурчи он фигурирует в родословцах XVII в. среди детей Ваккаса (см., например: РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278; Родословная 1851, с. 130). О том, что «вокняжился» именно отпрыск Ваккаса, говорит и обозначение Василием III Мусы и Ямгурчи в грамоте от апреля 1508 г. как «братья твоя», т.е. Хасана (Посольская 1984, с. 64, 65). Правление его длилось около

четырех лет, приблизительно 1504–1508 гг. (Сафаргалиев 1938, с. 82)[4]. В истории ногаев он ничем особенным не отмечен. Известно лишь, что при нем окончательно испортились отношения с Польско-Литовским государством. Очевидно, после уничтожения Большой Орды союз с литовцами уже не привлекал большинство сарайчуковских политиков, и из Москвы им сразу поступило предложение об организации антилитовского союза (Посольская 1984, с. 65).

Влияние и положение этого бия не могли даже отдаленно сравниться с огромным авторитетом, которым в свое время обладали оба его брата, покойные бии Муса и Ямгурчи. Во-первых, в условиях зарождающейся смуты и борьбы за власть не все мирзы соглашались признавать первенство Хасана. Уже в 1505 г. проявились амбиции сына Мусы, Алчагира, на лидерство в Ногайской Орде. В Вильно послов его воспринимали как миссии от бия, «*князя* Чагир мурзы» (Довнар-Запольский 1898, с. 28)[5]. Отголоски этих разногласий угадывались через много лет. Могущественный «правитель улуса» середины XVI в. Шейх-Мамай перечислял предыдущих правителей так: «При наших прежних, при Окасе князе и при Мусе князе, и при Шигым князе, и при Кад (т.е. Саид. — *В.Т.*) Ахмеде князе» (Посольские 1995, с. 245), умолчав не только о Хасане, но и о Ямгурчи. Однако Хасан являлся полноценным бием в глазах другой группировки ногайской знати, что явствует из грамоты племянника Хасана, бия Исмаила, 1563 г.: «Нурадин мирзино и дядь наших Наврузово княжое и *Асаново княжое* было место Бозан от верховья до устья» (НКС, д. 6, л. 213–213 об.).

«Правитель улуса» при Хасане Алчагир тоже не желал подчиняться бию и не останавливался перед демонстративными и провокационными действиями. Летом 1507 г. он не пропустил московского гонца к Хасану и сыну Ямгурчи Алачу, отправив его вместе с грамотами обратно (Посольская 1984, с. 57). За Алчагиром стояли единоутробные воинственные братья с многолюдными улусами. У Хасана же какой-либо существенной поддержки не заметно.

В 1508 г. в Ногайской Орде разгорелся открытый конфликт. В августе от сибирского Шибанида, царевича Аккурта (сына Ибака

---

[4] Следовательно, неверно утверждение А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже, будто в середине XVI в. Ногайская Орда разделилась на три независимых юрта, один из которых — между нижней Волгой и Кумой — пребывал под властью Хасана б. Ваккаса (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 209).

[5] К тому же, 1505 г. относится единичное упоминание о притязаниях Султан-Ахмеда б. Мусы на бийство. В Литовской метрике при перечислении ногайских посольств назван «от Солтана Охмата *князя*... посол старшый на имя Окас». Также и подарки «от короля его милости» направлялись «нагайскому князю Охмату Солтану тры девять даров», в то время как остальные адресаты — Чагир (Алчагир), Шайдак (Саид-Ахмед б. Муса), Ян Магмет (Джан-Мухаммед), Ям Мамай (Джан-Мамай), Исак (Исхак), Шихгир (Шейх-Мухаммед) и сам Осан (Хасан) названы мирзами (Довнар-Запольский 1898, с. 32–34).

или Мамука), в Россию поступило известие, что «межи князя и мурз заворошня сталася» (Посольская 1984, с. 79). Это же его посольство привезло и косвенное свидетельство последней отчаянной попытки Хасана удержаться у власти. Аккурт называет своего дядю Агалака б. Махмудека царем (Посольская 1984, с. 79) (до того, в 1505–1506 гг., Агалак в ногайско-русской переписке значился как «салтан» — Посольская 1984, с. 58, 63). Сама личность Агалака исторически ничтожна и интересна лишь в генеалогическом плане: он прадед знаменитого казанского хана Шах-Али. Внезапное превращение в «ногайского царя» одного из бесчисленных царевичей-султанов можно объяснить стремлением Хасана обрести беклербекский ранг. На полстолетия раньше именно таким образом Муса через инвеституру от марионеточного хана смог обзавестись статусом, который никем не оспаривался. Избранный бием на совете кочевой знати, Хасан тщетно пытался продублировать свое бийство формальным служением подставному хану. Однако с тех пор ни о Хасане, ни об Агалаке в источниках сведений нет. Второму преемнику Мусы явно не удалось возвести над ногаями очередного хана. Мирзы не захотели подчиняться хану и бию. Оба они бежали или погибли. Место ногайского вождя освободилось; из сыновей Ваккаса в живых не осталось никого. В конце 1500-х годов началась жестокая борьба мирз за первенство.

В ней участвовали в основном сыновья Мусы и некоторые его племянники. Чтобы разобраться в нюансах этого сложного периода, следует выяснить состав семьи Мусы-бия. Разные источники называют различное количество его сыновей (дочери, как обычно, не учитывались). Саид-Ахмед б. Муса в 1508 г. заверял Василия III, что «от Мусиных семинатцати сынов лиха тобе не будет» (Посольская 1984, с. 82). При этом неясно, как справедливо отмечал В.М.Жирмунский, включал ли в это число Саид-Ахмед и себя (Жирмунский 1974, с. 400).

По преданию астраханских юртовских татар, «у Мусы-бия было тридцать сынов» (Небольсин 1852, с. 55). Караногайский вариант дастана «Мамай» поименно называет двенадцать сыновей от двух жен: от первой — Сак Мамай, Сагим, Али, Косым, Досым, Исмаил, Юсуп; от второй — Алшагир, Сидак, Джанбанбет, Явгашты, Мамай (Ананьев 1900, с. 17; Ананьев 1909а, с. 13). При этом даже в поздней редакции сказания (запись XIX в.) перечислены местности и урочища, где родились эти мирзы; следовательно, данный список претендует на бóльшую достоверность по сравнению с другими. Казахская версия того же эпоса отпрысками от первой жены (правда, не Мусы, а Аббаса) называет Орака, Мамая, Алшагыра и Сыйдака; кроме них упоминаются Смаил, Шамай, Каратал, Каплан, Саймагамбет, Аймагамбет, Копак и «Матрешка» (Жирмунский 1974, с. 400).

К фольклорным источникам относятся и народные генеалогии. Одно из татарских шеджере, обнаруженных М.И.Ахметзяновым, рас-

сказывает, что «от Мусы родились: Калау, Мамай хан, Хан Исмагиль хаилче, Альсагир хан, Айданле Урак хан, Султан Сайдак, Нартылы желтый Юсуп, Сары, Мамай шейх, Ямгырчи» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Подобные генеалогические перечни в XVII в. стали включаться в родословия российских княжеских родов ногайского происхождения. Они обретали официальность и считались надежным хранилищем сведений о предках. Так называемый Синодальный список Родословной книги (начало XVII в.) приводит лишь пять имен: «Мусин сын болшой Шегей князь... да Идяк князь, да Ших Мамай мурза, да Дороу мурза, да Исуп мурза»; ниже при перечислении потомства детей Мусы, после разделов, посвященных Шидяку и Ших Мамаю, появляются также «Кушумовы дети» и «Исмаилевы дети» (Родословная 1851, с. 130). Один из рукописных вариантов данного источника к названным именам добавляет Дакуш-мирзу (РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278).

Дипломатическая переписка тоже может помочь в определении состава интересующих нас лиц. Из многих документов явствует, что у Мусы выросли Султан-Ахмед, Алчагир, Мамай, Шихим, Шейдяк, Ян Магмет (он был младше Шейдяка — см.: Посольская 1984, с. 82), Кошум, Шейх-Мамай, Юсуф, Исмаил и некоторые другие. В исследовательской литературе имеются попытки обобщить всю эту разноречивую информацию. Последней по времени является, вероятно, реконструкция, предпринятая В.М.Жирмунским, а она, в свою очередь, базировалась в основном на генеалогической схеме Н.Б.Юсупова, составленной по данным семейных шедждере.

От первой жены Кандазы (дочери Ибака?) у Мусы были сыновья Шейх-Мухаммед (Шихим), Шейх-Мамай, Хаджи-Мухаммед (Кошум; он был младше Шейх-Мухаммеда — см.: Посольская 1984, с. 83), Дост-Мухаммед (Досум), Юсуф, Исмаил; от второй жены, дочери некоего Ходжи, — Алчагир, Саид-Ахмед (Шейдяк), Тутай, Султанай, Джавгосты, Мамай; от третьей жены — Исхак[6]; от четвертой — Искандер, Тимур; от пятой — Кутум, Кулуш, Кул-Ахмед, Джан-Ахмед (Жирмунский 1974, с. 430, 431; Юсупов 1867, приложение). Кроме того, в генеалогии князей Урусовых назван Ак б. Муса (Жирмунский 1974, с. 431), а в родословцах, как отмечено выше, Дороу б. Муса; в 1500-х годах активно действовал Султан-Ахмед б. Муса (см. выше), но затем он исчез из источников. Этот перечень Юсупова–Жирмунского мы и возьмем за основу при определении персонального состава и взаимного старшинства Мусаевичей, устранив попутно недоразумение с отождествлением В.М.Жирмунским Мамая с Шейх-Мамаем.

К одному поколению с ними принадлежали их двоюродные братья, дети биев Ямгурчи и Хасана. В дипломатической переписке сыновья-

---

[6] «Исак мурза» как брат Алчагира упоминается в Литовской метрике (Довнар-Запольский 1898, с. 29).

ми Ямгурчи названы Урак, Алач и Агиш, в родословцах — Ураз-Али (Уразлы), Агиш и Кугуш (или Кутуш), в эпосе — Тел-Агыс и Кюнеке (см., например: Жирмунский 1974, с. 400; ПДК, т. 2, с. 292; РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278; Родословная 1851, с. 130). Сыновья Хасана: старший Хайдар (Айдар — «Асановым княжим детям началнои»), Ак-Пулад, Каракесек, Джан, Али и, возможно, Ишим с Хаджи-Мухаммедом (Кошумом) (НКС, д. 4, л. 124; д. 6, л. 60, 215; Посольские 1995, с. 124)[7].

Начало первой Смуты. Период первой ногайской Смуты менее всего известен и исследован. Сами ногаи вспоминали о нем неохотно, а за пределами Дешт-и Кипчака о тех временах знали мало. Например, Кадыр Али-бек сразу после бия Хасана называет Саид-Ахмеда (Шидака) (Кадыр Али-бек 1854, с. 155), пропустив тем самым целую вереницу претендентов на бийство 1510–1520-х годов. Впрочем, различные группировки мирз признавали одних тогдашних биев и игнорировали других, в чем мы убедимся ниже. Основные участники противостояния выявились уже при Хасане. Это адресаты посланий Василия III, направленных из Москвы одновременно с грамотой Хасану: Алач, Агиш, Алчагир, Шейх-Мухаммед и Саид-Ахмед; последние двое занимали пока более низкое положение, так как тексты писем к ним в Посольской книге не приводятся, а просто указано, что к Шихиму и Шейдяку написано то же, что и к прочим трем мирзам (Посольская 1984, с. 66–73).

«Правитель улуса» при Ямгурчи, его сын Агиш, первое время после смерти Хасана пытался возглавить народ Ногайской Орды. Некоторые письменные и фольклорные источники причисляют его к правителям (Башкирское 1987, с. 187; Кадыр Али-бек 1854, с. 155). Самостоятельная карьера этого мирзы началась очень неудачно. В начале лета 1509 г. он решил стяжать себе славу победоносного полководца, повоевав Крым. Его намерения разделили Саид-Ахмед б. Муса и еще сорок мирз, а также астраханский хан Абд ал-Керим б. Махмуд. Некоторые подробности тех событий известны из писем Менгли-Гирея и главы крымского духовенства Баба-шейха в Москву. Владыка Крымского юрта после завоевания Большой Орды вправе был считать себя сильнейшим и старшим среди дештских государей и вознамерился проучить дерзких «казаков»-ногаев, как только узнал об их военных приготовлениях. Его подданные восприняли планы Агиша однозначно: «Агыш-мырза царя нашего ни за што поставил», т.е. отказал в почтении и повиновении.

На коней было посажено, видимо, все крымское ополчение. Наследник престола (*калга*) Мухаммед-Гирей б. Менгли-Гирей по

---

[7] Это данные в основном 1560-х годов, поэтому в нашем перечне могут оказаться и внуки Хасана, поскольку «дети» в средневековых русских переводах ногайских посланий часто обозначали потомков вообще (*улы*), не обязательно в первом поколении.

поручению отца возглавил эту огромную рать в двести пятьдесят тысяч всадников. Племенные ополчения вели главные беки Ширинов, Барынов и Мангытов (Хаджике). Тем временем половина ногайских улусов перебралась на летние пастбища на правом берегу Волги, отчего и мощь их Орды уменьшилась наполовину. Армия Менгли-Гирея внезапно обрушилась на стойбища Агиша и прочих мирз, которые не спеша снаряжались в поход. Неожиданность нападения моментально решила исход сражения. Ногаи, видимо, даже не сопротивлялись. Крымцы разграбили их стойбища и захватили весь скот — «улусы и куны, кони и верблюды, овцы и животину, ничего не оставив, взяв, привели». День за днем трофейные стада и табуны вели через Перекоп в Крым, а людского полона оказалось столько, что и в «двадцатью дни в Перекоп не могли их впровадити». Многие мирзы, а возможно и сам Агиш, тоже оказались в плену (ПДК, т. 2, с. 70, 71, 80).

Мирза Саид-Ахмед не случайно ввязался в это сомнительное предприятие, да еще в коалиции с Астраханью. Дело в том, что уже в то время некоторая часть ногайской знати видела в нем, одном из старших сыновей Мусы, своего предводителя. В августе 1508 г. великому князю Василию Ивановичу доставили грамоту Саид-Ахмеда, в которой явно просматривается, во-первых, его огромный вес в Ногайской Орде, во-вторых, видимость единства потомства Мусы. Саид-Ахмед писал: «А от Мусиных семинатцати сынов лиха тобе не будет», т.е. они пока ведут согласованную политику; если же, дескать, старшие братья адресанта осмелятся вредить Руси, то о них «мы... гораздо бьем челом» — заранее просим их простить; младших же братьев мирза обещает «унять» от подобных авантюр сам. Тут же приводится и пример: одного из младших сыновей Мусы, Джан-Мухаммеда, дотоле ежегодно совершавшего набеги на русские «украйны», пришлось так вот «унимать», и он сбежал, а у вожака этих набегов, некоего Токаша, мангытские предводители отняли все его богатство («куны») (Посольская 1984, с. 82). Таким образом, к концу 1500-х годов сложился союз мирз, действовавших солидарно, — Агиша б. Ямгурчи и Саид-Ахмеда б. Мусы.

Другая пара сдружилась было еще при Ямгурчи — Алчагир и Шейх-Мухаммед, дети Мусы от разных жен. В 1503 г. они вместе явились к большеордынскому хану Шейх-Ахмеду и уговорили его посетить ставку бия (ПДК, т. 1, с. 467). Но именно между этими двумя персонажами и развернулась наиболее ожесточенная схватка после кончины бия Хасана.

Русские посольские дьяки впоследствии считали Алчагира бием («князем»). Копии писем его детей Урака и Кель-Мухаммеда, относящихся к 1535 г., в Посольском приказе предварялись припиской «Алчагырова ***княжово*** сына»; хотя сами авторы-мирзы в текстах посланий ничего не сообщали о своем отце или его ранге (Посольские

1995, с. 135, 136). Но это не было просто безосновательным домыслом. Татарское шеджере ногайских мирз в публикации М.И.Ахметзянова тоже называет «Альсагира» «ханом», т.е. главой Ногайской Орды. При этом источник говорит, будто Альсагиру удалось захватить Саратов и Астрахань, обложить их данью. Сам он проживал-де в «Надынске» и «был... удивительно похож на Александра Македонского» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Значит, в какой-то период этот мирза в самом деле мог считаться предводителем Ногайской Орды. Впрочем, крымцы его таковым не признавали, и в документах, исходивших из Бахчисарая, он всегда титуловался не иначе как мирзой.

Уже летом 1508 г., параллельно с дипломатической миссией Саид-Ахмеда на Русь, Алчагир направил в Москву своего посла. В привезенной им грамоте говорилось, что мирза в принципе солидарен с Василием III в противостоянии полякам, но занят сейчас подготовкой войны с казахами, «что идут к нам ратию». При этом ставка («кочивще») Алчагира располагалась на Волге, куда он рассчитывал вернуться при благоприятном исходе сражений на востоке (Посольская 1984, с. 80).

Уже в этом, одном из самых ранних документов, написанных от имени данного мирзы, угадываются его амбиции. Он вспоминает порядок дипломатических сношений во времена предков: посольства между Россией и ногаями включали «большого посла» и гонца, и ногайские посланцы получали в Москве «пошлины». Теперь, мол, Алчагир прислал такое же посольство, как и прежние бии, и требует выплаты аналогичной «пошлины», размер которой он советует Василию Ивановичу узнать, «посмотрив в старые дефтери» (Посольская 1984, с. 80). Притязания Алчагира на лидерство подкреплялись, с одной стороны, рангом «правителя улуса» при Хасане, что формально должно было предоставить в его распоряжение все ногайское ополчение, а фактически, видимо, войска западной (поволжской) части Ногайской Орды. С другой стороны, вокруг него сплотился сильный лагерь мангытской аристократии, которая видела в нем авторитетного и энергичного вождя. В том же, 1508 г. один из его младших братьев, Шейх-Мамай, сообщил русскому государю: «З братом моим с Олчагыром мурзою в дружбе и в братстве ся еси учинил, а *мы у того мурзы и холопи и братия*» (Посольская 1984, с. 82). Наконец, Алчагиру подчинялась многолюдная и богатая Башкирия (Трепавлов 1997в, с. 17, 18) — надежная база материальных и людских ресурсов в борьбе за власть.

Первые сведения о начале открытых столкновений среди ногаев содержатся в грамоте 1510 г. их недавнего победителя, крымского калги Мухаммед-Гирея королю Сигизмунду I. Царевич объясняет долгую паузу с отправлением своих послов в Краков тем, что «от неприятелей наших од нагай весть пришла, штож они межи собою били ся,

и один одного за Волгу, и отец мой цар мене за многим войском там послал» (Pułaski 1881, p. 365)[8]. Итак, в Ногайской Орде схватились два противника, один из которых вытеснил другого за Волгу. Из дальнейших событий и сообщений других источников становится ясно, что эти двое — Алчагир и Шейх-Мухаммед.

В историографии принято объяснять междоусобицу 1510-х годов противоборством двух сыновей Мусы (Жирмунский 1974, с. 491; Исин 1985а, с. 42; Сафаргалиев 1938, с. 82, 83). При этом М.Г.Сафаргалиев считал, что после Хасана в 1508 г. бием был провозглашен Шейх-Мухаммед в обход Алчагира, отчего последний возмутился и поднял мятеж (Сафаргалиев 1938, с. 83). Однако личными обидами мирз причины вражды, конечно, не ограничивались. Муса в конце жизни, а за ним и Ямгурчи с Хасаном принимали главенство над ногаями по решению совещаний знати. Воля же вышестоящих государей, ранее назначавших беклербеков, теперь отсутствовала — и не стало официального арбитра при разрешении династических споров. Как только из жизни ушло поколение детей Ваккаса и на политическую арену вступили его внуки, сразу начались разногласия по вопросу о наследовании бийства. Старшие сыновья Мусы от двух жен не смогли договориться о разделении полномочий. Ни один из них не желал становиться «правителем улуса». И Алчагир, и Шейх-Мухаммед провозгласили себя биями.

Свидетельства о подобном шаге со стороны Алчагира приводились выше. Существуют такие же данные и в отношении его соперника. В ногайских грамотах 1570-х годов потомки Шейх-Мухаммеда обозначаются то как «Шигим ***мурзины*** дети», то как «Шигимовы ***княжие*** дети» (НКС, д. 8, л. 35, 234). Синодальный список Родословной книги сообщает, что «Мусин сын большой Шегей ***князь*** убит в Астрахани» (Родословная 1851, с. 130). В цитированном выше письме Шейх-Мамая 1549 г. при перечислении прежних биев после Ваккаса и Мусы и перед Саид-Ахмедом назван «Шигым ***князь***» (Посольские 1995, с. 245); характерно, что Алчагир пропущен.

Итак, открытые столкновения начались в 1510 г. Ни одна из сторон не желала усиления другой, и каждая с легкостью меняла коалиционных партнеров, чтобы разгромить зазевавшегося противника. За сварой мирз пристально следили крымский хан Менгли-Гирей и астраханский хан Джанибек б. Махмуд. Поначалу верх одержал, по-видимому, Алчагир. На несколько лет Шейх-Мухаммед был вытеснен на правобережье Волги. Вероятно, именно он подразумевался в депеше Менгли-Гирея королю Сигизмунду 1514 г.: «Нагайски на сей стороне Волги зимовили от неприятель своих, которыи за Волгою, а просто до нас кочуют» (Pułaski 1881, p. 434). У Шейх-Мухаммеда не было тех

[8] Из письма крымского духовного иерарха Баба-шейха Сигизмунду I известно, что калга и на сей раз «нагай повоевал» успешно (Pułaski 1881, p. 374).

ресурсов и возможностей, которыми располагал его могущественный соперник. Поэтому ему пришлось искать другие способы самоутверждения. Один из таких способов был традиционным в ногайской среде — найти послушного Чингисида и вытребовать у него беклербекский ранг. В этом случае никто из мангытских сановников, в том числе и ненавистный Алчагир, не осмелился бы оспорить его первенство. Взор Шейх-Мухаммеда обратился на Ахматовичей, рассеявшихся по разным странам после утраты ими своего Юрта.

Еще в 1501 г. этот мирза считался союзником одного из большеордынских ханов, Шейх-Ахмеда, и приводил к нему на помощь свои отряды (ПДК, т. 1, с. 368, 369). Впоследствии Шейх-Ахмед оказался то ли в гостях, то ли в заточении в литовском замке в Ковно, и антикрымски настроенные местные магнаты не раз советовали великому князю Александру Казимировичу и затем королю Сигизмунду отпустить его вместе с братом Хаджике (в ряде документов: Хамелек) к ногаям (АЗР, т. 2, с. 38, 39; Pułaski 1881, p. 341). Когда Шейх-Ахмед умер в Литве, Хаджике б. Ахмед оказался в центре этой интриги. В конце концов инициатору ее, местному князю Михаилу Глинскому, удалось уговорить короля отправить царевича в Ногайскую Орду. Хотя тот при жизни полоненного брата и считался его наследником-калгой (ПДК, т. 1, с. 323), в Дешт-и Кипчаке оставались на свободе другие сыновья Ахмеда — Муртаза и Музаффар (или Мустафа — источники передают как «Мустофар», «Мусофар»), которые тоже могли претендовать на престол несуществующего Тахт эли. К Музаффару и направился Хаджике в надежде обрести пристанище.

Сложные перипетии лета–осени 1514 г. изложены в донесении русского посла в Стамбул В.Г.Коробова, доставленном на родину в июле 1515 г. Со слов встреченных в степи татар-«казаков», он сообщил следующее. Астраханский хан Джанибек, замыслив до конца разгромить оказавшегося в опасном соседстве Шейх-Мухаммеда, и без того уже побитого братом, направил гонцов к Алчагиру и мирзам Саид-Ахмеду б. Мусе, Мамаю б. Мусе и Кель-Мухаммеду б. Алчагиру, «чтоб вместе пошли с ним воевати Шигим мурзу». Те с готовностью снарядились в поход и двинулись к нижневолжской столице.

То ли не рассчитывая на столь быструю их реакцию, то ли раздумав сотрудничать с ними, а может быть, и решив поживиться в стойбищах Шейх-Мухаммеда без дележа с союзниками, Джанибек выступил в одиночку. Примчавшись под Хаджи-Тархан, Алчагир с соратниками узнали, что хан в компании с Ахматовичами, Музаффаром и Хаджике, пошел воевать в степь. Вскоре поступили известия о полной его победе: Шейх-Мухаммед был наголову разбит, десять тысяч его улусников захвачены, а сам мирза «утек сам-двадцать». Едва дождавшись возвращения войска, Алчагир набросился на Джанибека с упреками: «Яз тебя для пошол на своего брата, и ты, нас не дожидая, брата нашего воевал, а с нами не делишься!» В качестве компенсации но-

гайский предводитель предложил астраханскому государю ограбить детей Ахмеда, их достояние отдать Алчагиру, а их самих «отбить от себя прочь». Хан отказался разорять сподвижников по удачному набегу. Так ничего и не добившись, мирзы вернулись на Яик.

Там же вскоре объявился с девятнадцатью спасшимися от разгрома спутниками Шейх-Мухаммед. Деморализованный поражением и всеобщим отторжением, к тому же лишенный всего имущества и скота, он решил смириться с судьбой и вверить себя воле Алчагира. «Ты наш болшои брат, — обратился он к мангытскому правителю. — А твоею опалою Зенебек царь меня побил, и ты пожалуй — дай мне у себя опочинуть». Алчагир, раздосадованный напрасным походом к Волге и вероломством Джанибека, не был склонен к сентиментальности. Шейх-Мухаммеда скрутили и посадили под стражу в Сарайчуке. До сих пор подобное обращение с ближними родичами не допускалось среди «Эдигу уругу мангытов». Заточение уважаемого и полноправного члена клана, к тому же явившегося с покаянием, шокировало мирз. Храбрый воин и тонкий дипломат Мамай, не устрашившись бийского гнева, приехал со свитой в пятьдесят человек в тюрьму, освободил брата и вывел его из города в степь.

Тем временем Ахматовичи, довольные победой, решили наконец насладиться независимостью. У них теперь был десятитысячный улус, отбитый у Шейх-Мухаммеда. Музаффар и Хаджике «пошли на поле кочевать» подальше от Джанибека. Тут-то их и разыскал счастливо спасшийся из тюрьмы Шейх-Мухаммед. Источник умалчивает о том, какими доводами сумел он убедить султанов дать ему кров. Возможно, он напомнил им о недавней солидарности в борьбе с крымцами; может быть, он развернул перед ними перспективу возрождения Большой Орды и при этом обещал верно служить двум государям в обычной для мангытов должности беклербека. Как бы то ни было, Шейх-Мухаммед, Музаффар и Хаджике уже вместе, «снявся, пошли в Тюмень». Речь, конечно, идет о Тюменском улусе на нижнем Тереке; невероятно, чтобы сравнительно немногочисленная группа кочевников пробилась через бескрайний Мангытский юрт на северо-восток в сибирскую Тюмень, где правили самостоятельные династы Тайбугиды, давние враги Чингисова рода (к которому принадлежали и потомки Ахмеда).

В Тюмени, в отдалении от могущественных врагов — Алчагира, Джанибека и Менгли-Гирея — произошла формальная реставрация Большой Орды. По старшинству трон предложили старшему Ахматовичу — Муртазе, но тот отказался, сославшись на то, «что он стар, держати ему царство не мочно»[9]. После этого Муртаза и местная знать

[9] Это предложение Муртазе и отказ его могли быть вызваны не только действительным одряхлением султана (впервые он фигурирует как один из ханов–соправителей Большой Орды еще в середине 1480-х годов), но и порядком коронационного ритуала, сформировавшегося еще у истоков империи Чингисидов. Монгольские правите-

(«тюменские салтаны») провозгласили Хаджике ханом, а Шейх-Мухаммеда — беклербеком. Оба решили тут же избавиться от родичей нового монарха, чтобы те не вмешивались в его дела, а заодно и забрать себе весь улус Шейх-Мухаммеда. Сыновья Музаффара были ограблены; одному из них удалось бежать в Астрахань, другого беклербек схватил и заковал в цепи. Видя, как оборачивается дело, сам Музаффар не стал дожидаться расправы над собой и спешно отбыл вслед за сыном к хану Джанибеку (ПДК, т. 2, с. 144, 145).

Так Шейх-Мухаммед обрел долгожданное бийство, дарованное ханом. Теперь он был недосягаем для любых притязаний Алчагира и прочих недоброжелателей. Под его началом находились тысячи всадников и Хаджике, обладавший неоспоримыми управленческими полномочиями как коронованный сюзерен.

От беженцев из Тюмени Джанибек узнал все эти важные новости и обеспокоился. Вновь обратился он к восточным соседям, предлагая совместный удар по Шейх-Мухаммеду и его креатуре на троне. Горел местью и Музаффар: лишь недавно он имел шанс обзавестись ханским званием, а ныне лишился всего из-за коварства своих родичей[10]. В феврале или марте («по синему леду» Волги) 1515 г. Алчагир с братьями вновь подошел к Хаджи-Тархану. Глава ногаев не возражал против совместного набега на Хаджике и Шейх-Мухаммеда, но требовал, чтобы сначала астраханский хан выгнал, ограбив, Ахматовичей, которым бий не доверял. Джанибек упорствовал, Алчагир стоял на своем. Наконец «(Ал)чагир мурза с братьею, со царем розбранив, да подступил под город, да стоял под городом день, да побився, да пошли прочь в свои места к Яику».

Могла ли фигура Хаджике б. Ахмеда в самом деле привлекать Шейх-Мухаммеда в борьбе за власть? Конечно, нет. В его глазах этот нищий изгнанник был призван лишь исполнить функцию наделения его беклербекским (бийским) достоинством, после чего требовалось искать государя, который мог бы уже реально помочь одержать верх над Алчагиром. Хаджике с тех пор не упоминается в источниках, а Шихим обнаруживается при астраханском дворе. 3 августа 1515 г. новый крымский хан, Мухаммед-Гирей б. Менгли-Гирей, известил московского коллегу о своем неудачном походе на Джанибека. Войско крымцев, достигнув Дона, узнало, что «астороханской царь ***и Шыгим мурза*** по ту сторону Волги перелезли» — и стали недосягаемыми. Понадеявшись на то, что для зимовья противники снова переберутся

ли при обряде воцарения тоже предлагали трон старшим родственникам, а те церемонно отказывались в пользу реального претендента (см.: Трепавлов 1993а, с. 103–106).

[10] В отписке Коробова говорится, что «Хозяк сам с ним захотел пойти к Тюмени Хозяка царя воевати» (ПДК, т. 2, с. 145). Здесь явная описка. Публикатор переправляет «Хозяка» в начале фразы на «Зенебека», но в действительности следует вставить имя Музаффара, который «с ним (Джанибеком. — *В.Т.*) захотел пойти к Тюмени».

на правый берег и тогда-то уж не уйдут от разгрома, военачальники повернули армию обратно (ПДК, т. 2, с. 150, 151).

Дальнейшие события восстанавливаются по совокупности нескольких документов — грамот и донесений из Крыма весны 1516, лета и осени 1517 г. Из послания крымского бека Аппака Василию III известно, что Алчагир и его мирзы-сторонники «с Шыгим мурзою бились». Где и когда это произошло, неясно. Однако подробно описаны последствия сражения, которые Мухаммед-Гирей I преподнес великому князю московскому как «тебе, любовному брату, радостныя вести», от которых у его сына и калги Бахадур-Гирея «сердце... на место стало». Алчагир потерпел поражение и прибыл в Крым. Его сопровождали десять мирз: братья Алчагира — Саид-Ахмед, Джан-Мухаммед, Шейх-Мамай, сын Алчагира — Урак, дети Саид-Ахмеда — Кель-Мухаммед и Джавгосты, «а оприче того их четыре молодые мурзы, а со всеми ними сто человек» (ПДК, т. 2, с. 291, 292, 297, 306). По словам Мухаммед-Гирея, Алчагир «к нам пришед, в ноги пал и холопом ся назвал, и, бив нам челом, слугами ся учинили» (ПДК, т. 2, с. 297). Растерянный бий выбрал для убежища Бахчисарай, поскольку потерял в борьбе свои улусы или был отрезан от них. «Нынеча есми в безвремянье, юрта своего о(т)стал», — передавал он русскому послу в Крыму через нарочного и просился к нему на аудиенцию, но встретил жесткий отказ («нам до тебя дела нет») (ПДК, т. 2, с. 292).

Однако главной целью приезда в Крым были, разумеется, не стенания перед ханскими придворными и заезжими дипломатами. Алчагир жаждал реванша. Мухаммед-Гирей получил от ногайского предводителя заверения в вечной преданности и «холопстве» и решил было помочь ему установить власть над всей Ногайской Ордой. На восток уже отправился с тридцатитысячной конницей калга Бахадур-Гирей, но с полпути вернулся, так как пойманные в степи языки сообщили вести (как потом выяснилось, ложные), будто ногаи, астраханцы и русские «содиначилися». Против кого — точно не сказали, но на всякий случай калга разорил южную Рязанщину и отошел обратно за Перекоп.

Основной же причиной неудачи миссии Алчагира в Бахчисарае было нагрянувшее туда посольство победителя, Шейх-Мухаммеда. Мухаммед-Гирею оно поведало следующее. Во-первых, между Шихимом и Алчагиром «смертного убоя не было, гнев межи нами был... а мы себе братья, до смерти межи нами бою не бывало». Тем самым Шейх-Мухаммед пытался приуменьшить масштабы поражения соперника, вопреки ужасным картинам, изображенным Алчагиром в Бахчисарае. «Сварбу и бой» он объяснял тем, что под зловредным воздействием Астрахани «в улусех наших людей не стало»; видимо, большинство ногайских подданных перебралось в места поспокойнее, в том числе в ханство Джанибека. Во-вторых, Шейх-Мухаммед тоже заявил

о своей преданности крымскому государю: «И старейшей наш брат (т.е. Алчагир. — *В.Т.*), и мы все твои холопи; и люди, и улусы наши все твои жь». В-третьих, как бы демонстрируя свою добрую волю, беклербек просил хана помирить его со «старейшим братом» и изъявлял готовность вернуть тому тридцать тысяч улусников (которых, оказывается, он отнял у Алчагира!). «А взмолвишь так, что-де те улусы Волгу и Днепр препровади, — смиренно соглашался Шейх-Мухаммед, — и яз те улусы Волгу и Днепр препроважу; похочешь брату нашему старейшему дати, и ты ему дай, а похочешь нам дати, и ты нам дай. Как учинишь, ты ведаешь». Но при этом добавлял, что те тридцать тысяч Алчагировых подданных — это потенциальная поддержка Алчагира, «и толко (он. — *В.Т.*) к нам поедет, и те все, нам изменив, у него будут».

Для материального подкрепления дружеских связей хану предлагалось совместно ударить по Хаджи-Тархану, дабы «заворотить с собою... недруга нашего азтороканские улусы». Кроме того, Шейх-Мухаммед подал мысль породниться — он выдал бы дочь за Алп-Гирея б. Мухаммед-Гирея, а тот взял бы за себя Шихимову сестру.

Хан, наверное, еще даже не успел обдумать всю эту сложную комбинацию из планов, уверений, обещаний и скрытых угроз, как у Алчагира не выдержали нервы. Испугавшись сговора за своей спиной, он тайно и быстро покинул Крымский юрт. «А Алчагыр... от меня побежал; того не ведаю, чего заблюлся», — недоумевал Мухаммед-Гирей в беседе с послом Д.И.Александровым в феврале 1517 г.[11] (ПДК, т. 2, с. 291, 297, 311).

Так в середине 1510-х годов Ногайская Орда оказалась на грани распада. Улусы ногаев разбредались в разные стороны, противоборствующие группировки мирз сражались, истребляли и грабили друг друга. Ослабевшие в усобицах противники пытались опереться на Астраханское и Крымское ханства, будучи готовыми в любой момент предать союзников[12]. Пока от всей этой «заворошни» (так названа первая ногайская Смута в Посольской книге) выигрывал Мухаммед-Гирей I. «Року 1516... — гласит „Острожский летописец“, украинское сочинение XVII в., — царь Перекопский нагайских татар по себе подбил»

---

[11] В ряде предыдущих работ я высказывал гипотезу, что в замыслы Алчагира в период его пребывания в Бахчисарае входило уговорить Мухаммед-Гирея I назначить его беклербеком для обретения ранга, равного статусу Шейх-Мухаммеда. Это было бы очень логичное намерение, но в документах нет ни единого намека на переговоры по этому поводу. К тому времени в Крымском ханстве уже был довольно сильный собственный мангытский клан, который вряд ли допустил бы появление высшего сановника из числа враждебных ему Нурадиновичей. Против такой затеи дружно выступила бы и знать ведущих татарских элей — Ширин, Барын, Аргын и Кипчак.

[12] Несмотря на раскол и смуту, ногаи в эти годы оставались многочисленными и боеспособными. У наблюдателей издалека создавалось ложное впечатление об их единении и истинное — об их воинственности (см.: Колло 1996, с. 67).

(Тихомиров 1951, с. 238). К 1517 г. верх начал одерживать Шейх-Мухаммед. Но до стабильности правителям Мангытского юрта было еще далеко: с востока на них надвигался новый враг.

Казахское нашествие. В известных мне источниках не сохранилось сведений об активных контактах Ногайской Орды с Казахским ханством в конце XV в. Последнее крупное событие, зафиксированное хронистами, — это безуспешное нападение в 1472 или 1473 г. хана Бурундука на Мангытский юрт с целью воспрепятствовать воцарению Мухаммеда Шейбани (см. главу 3). Есть глухие сведения об отводе ханских подданных с территории Западного Казахстана на юго-восток при Джанибеке б. Бараке. Создается впечатление, что две соседние державы практически прекратили отношения друг с другом, о чем и свидетельствует молчание документов. Однако формально высшими государями на бывшей территории левого крыла Улуса Джучи считались ханы из рода Чингиса. Ногаи делали ставку на Шибанидов и именно их (Ядгара, Ибака, Мамука) признавали кок-ордынскими государями. Но правители казахов как члены клана Чингисхана (по линии Джучиева сына Туга-Тимура через хана XIV в. Уруса) тоже имели основание претендовать на приоритет в восточном Деште. Да и Муса в свое время не противился традиционному, номинальному включению своих кочевий в правое (западное) крыло Казахского ханства: вспомним, что Сарайчук считался резиденцией казахских ханов Джанибека и затем Бурундука б. Гирея.

Основные силы казахов в конце XV — начале XVI в. были отвлечены сначала на походы в Мавераннахр, завоеванный Мухаммедом Шейбани, а потом на отражение узбекских вторжений из Мавераннахра. Шейбани объявил своим старым противникам газават и четырежды выводил на них войска. В этих условиях ногаи смогли игнорировать сюзеренитет казахских ханов. Тем временем на южной границе царства Шейбани появился «второй фронт» — Сефевидский Иран; в 1510 г. узбекский монарх был разгромлен и убит шахом Исмаилом Сефеви. Угроза его набегов на Казахстан исчезла, а Исмаил и не думал подчинять себе Дешт-и Кипчак. Вот тут-то правители казахов Бурундук и Касим б. Джанибек получили наконец возможность заняться проблемами своих западных рубежей.

Думаю, можно согласиться с С.К.Ибрагимовым, расценившим отношения Казахского ханства с ногаями в 1460–1530-х годах как борьбу (Ибрагимов 1961, с. 172): первое не желало лишаться своего правого крыла с многолюдным Мангытским юртом, вторые уже почувствовали вкус независимости и не собирались уступать ее Чингисидам, «Урусовым царевым детям». С конца 1500-х — начала 1510-х годов казахский фактор начинает проявляться во внешней политике Ногайской Орды. Он представлял собой в определенной степени сдерживающее начало, так как не позволял ногаям проявлять

слишком большую активность в отношениях с поволжскими ханствами, Крымом и Россией (Исин 1988, с. 1). Мирзы с крупными отрядами должны были постоянно охранять восточные границы Орды за Эмбой.

Увод Джанибеком б. Бараком своих подданных из Яицко-Эмбинского междуречья во второй половине XV в., а также активные торговые, политические контакты и войны с узбеками привели к тому, что подавляющая масса казахов расселилась далеко на востоке и юго-востоке, концентрируясь главным образом в районе Семиречья. Фазлаллах б. Рузбихан Исфахани, описывая ситуацию первого десятилетия XVI в., отмечал, что «казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи» (Исфахани 1976, с. 93, 144). Очевидно, ногаев и казахов разделяло обширное малонаселенное пространство.

Прекращение всяких официальных связей привело современников к стойкому убеждению, будто те и другие обладают самостоятельными политическими образованиями, не связанными между собой. Тот же хронист рисует такую этнополитическую картину восточного Дешт-и Кипчака начала XVI в.: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно (из них) — шибаниты[13]... Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты... Ханы этих трех племен находятся постоянно в распре друг с другом, и каждый (из них) посягает на другого. И когда побеждают, то продают друг друга в рабство и уводят в плен» (Исфахани 1976, с. 47–48, 62). Подобным же образом отделяет ногаев от казахов и Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях»: «Татарских орд четыре, и столько же их императоров. Это именно орда заволжских татар (т.е. не существовавшая во время написания „Трактата“ Большая Орда, анахронизм в тексте. — *В.Т.*), орда перекопских (Крымский юрт. — *В.Т.*), орда козанских, а четвертая орда ногацких. Добавляют еще и пятую, не имеющую императора, и называют ее казакской» (Меховский 1936, с. 63, 144). Тезис об отсутствии у казахов «императора» порожден, вероятно, значением слова *казак* — «изгой, человек вне Юрта», т.е. действительно не подчиненный «императору»-хану. На самом же деле у казахов в то время имелось целых два монарха-соправителя.

Эти соправители — Бурундук и Касим (прибравший к рукам реальную власть в ханстве) решили установить господство над ногаями. Кровавые раздоры между мирзами как нельзя лучше способствовали их планам[14]. Первым признаком обострения внимания казахских вла-

---

[13] Здесь имеются в виду узбеки Мухаммеда Шейбани-хана.

[14] А.И.Исин при исследовании казахско-ногайских отношений в XVI в., кажется, не вполне разобрался в сумме факторов, приведших к казахской экспансии за Эмбу. Он пишет, что «в условиях крымских вторжений в Поволжье ногайские мурзы были вынуждены пойти на уступки Казахскому ханству» (Исин 1985а, с. 41–42), т.е. Крым являлся враждебной по отношению к ногаям силой, ослаблявшей их. И вместе с тем

стителей к ногайским кочевьям был эпизод, зафиксированный в грамоте Алчагира Василию III (привезена в Москву в августе 1508 г.): «Сеие стороны нам ратны казаки. Сказали нам, что идут к нам ратию, и мы противу их покочевали и, Бог даст, оттоле поздорову воротимся» (Посольская 1984, с. 80). Как нам уже известно, Алчагиру удалось вернуться «поздорову» и активно включиться в борьбу с Шейх-Мухаммедом. Состоялась ли стычка с казахами — неизвестно. Но шли они, надо полагать, крупными силами, ведь восточные ногайские заставы не рискнули в одиночку отражать набег и вызвали («сказали нам») подкрепление с Волги. Столь же неясна и персона предводителя казахского войска. Дальнейшие события показывают, что инициатива войны с Ногайской Ордой принадлежала хану Касиму б. Джанибеку.

Он родился около 1445 г. (Кляшторный, Султанов 1992, с. 271). После смерти отца и дяди, Джанибека и Гирея, по иерархическому раскладу сначала подчинялся хану Бурундуку и под его началом участвовал в походе 1472 (1473?) г. против Мусы и Шейбани. «В то время, — пишет Мухаммед-Хайдар, — хотя Касим еще и не принял титула хана, его могущество стало настолько велико, что никто и не думал о Бурундук-хане. Но он (Касим) не хотел находиться поблизости от Бурундук-хана, потому что если быть вблизи и не соблюдать при этом должного уважения, то это означает возражать хану, а повиноваться ему душа не желала... Бурундук-хан находился в Сарайчуке; Касим-хан, отдалившись от него, подошел к границам Могулистана и избрал своим зимовьем Кара-Тал» (Haidar 1895, p. 274).

Влияние в ханстве, а вместе с ним и власть постепенно перетекали к Касиму. Бурундук не смог удержать господство и не позднее осени 1511 г. отбыл в Самарканд, где и умер (Султанов 1982, с. 115). К Касиму перешли все казахские эли и улусы, ханствовал он уже без соправителей. Соответственно потенциальными правами на Мангытский юрт и на Сарайчук обладал отныне тоже он. Ногаи избегали ссориться с Казахским ханством, которое теперь стало монолитным и могущественным. Махмуд б. Эмир-Вали, Мухаммед-Хайдар и Насраллахи сообщают, что мангыты вместе с казахами участвовали в походе Касима на Ташкент и Туркестан (Бартольд 1973, с. 143; Ибрагимов 1956, с. 112; Кляшторный, Султанов 1992, с. 272)[15]. Привлечение громадной ногайской кавалерии к военным предприятиям резко увеличило

тут же приводит свидетельства о попытках мирз найти поддержку именно у крымского хана (Исин 1985а, с. 42). Все же представляется, что политика Крымского юрта довольно слабо и косвенно учитывалась ханом Касимом; во всяком случае, мне не встречались документальные подтверждения на сей счет.

[15] В.В.Бартольд и С.К.Ибрагимов датируют этот поход 1513 годом, Т.И.Султанов — 1504 (Бартольд 1973, с. 143; Ибрагимов 1960а, с. 145; Кляшторный, Султанов 1992, с. 272). Следуя логике рассматриваемых событий, следует принять первую дату. В 1504 г. Мангытский юрт еще номинально входил во владения Бурундука, с которым живший у узбекских границ Касим предпочитал не общаться.

престиж хана в глазах соседей. «Говорят, что среди казахских ханов и султанов, — делился воспоминаниями Захир ад-Дин Бабур, — ни один не держал этот народ (казахов. — *В.Т.*) в таком [повиновении], как Касим-хан. В его войске насчитывали около трехсот тысяч человек» (Бабур 1993, с. 38).

Но редкое участие в войнах с узбеками вовсе не означало намерения ногайских предводителей отказаться от независимости, достигнутой ими после десятилетий интриг и сражений. В 1519 г. казахский хан решил окончательно и прочно утвердить свою власть над ногаями. Это было тем более актуально, что в том самом ташкентском походе он потерпел поражение, после которого «тотчас войско Касым-хана вернулось в степь, и Касым-хан больше не думал о завоеваниях» (Насраллахи, цит. по: Ибрагимов 1956, с. 112). Чтобы продолжать борьбу за туркестанские пастбища и города, требовалось собрать под свою руку всех подданных — ближних и дальних, настоящих и мнимых, как ногаи.

Ход последующих событий выясняется из посольских донесений. По пути в Турцию посол Б.Я.Голохвастов отписал из Кафы (письма привезли в Москву 9 июля и 5 ноября 1519 г.), что к крымскому хану приезжал гонец от Шейх-Мухаммеда «с тем, что им тесно от Казацкой Орды». Мухаммед-Гирей I на это ответил бию разрешением «перелезти на сю сторону Волги» (ПДК, т. 2, с. 668). Получив такое приглашение, ногаи приступили к массовой переправе. Но тут вмешался правитель Астрахани Джанибек. Он потребовал: «Коли хотите полезти на сю сторону Волги, и вы возмите с нами мир, да посла нам крымского дайте». Тем временем еще больше «нагаем пришла теснота от Казатцкой Орды», и Шейх-Мухаммед не имел возможности вести долгие переговоры, поэтому он принял все условия: «с азтороканским мир учинили и посла... крымского азтороканскому дали». Посла этого Джанибек заточил в тюрьму (ПДК, т. 2, с. 669).

Голохвастов прибыл в Кафу 3 июля, следовательно, казахское нашествие разразилось незадолго до этого — возможно, в июне 1519 г. Осенью того же года (примерно в ноябре) османский наместник Азова информировал Василия III, что к Азову «прибежали» двое ногайских мирз с известием: «Улусы поимал казатцкы Шигим мурзу» (ПДК, т. 2, с. 671). Видимо, подразумевались те улусники Шейх-Мухаммеда, которые не успели перебраться на правый берег.

Сам бий тоже не добрался до Крыма. По некоторым сведениям, ему довелось сразиться с казахами под стенами Хаджи-Тархана. Думаю, он прикрывал переправы, через которые уходили на запад его подданные. Представляется обоснованным предположение А.И.Исина, что именно о тех временах и событиях повествует Кадыр Али-бек, когда пишет о гибели племянника Касима, Пулада, в «ногайской битве» и об убийстве «Шигим-мирзою» некоего Джадик-хана с сыном

(Исин 1985а, с. 42)[16]. Пал в бою и сам Шейх-Мухаммед, но, полагаю, от рук не казахов, а астраханцев и астраханских большеордынцев. Различные редакции государева Родословца содержат одну и ту же фразу: «А Мусин сын болшои Шегеи князь убит в Астрахани» (РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278; Родословная 1851, с. 130). Азовские наместник и первосвященник передали Василию III «азстороканские вести»: «Шигим мурзу убили и орды его взяли» (ПДК, т. 2, с. 675). Кто убил, можно понять из последующих сведений. Брат Шейх-Мухаммеда, Саид-Ахмед, тут же напал в Астрахани на Ахматовичей и уничтожил семь «салтанов» во главе с Музаффаром. Почти вся местная большеордынская колония была истреблена: «не осталося ни одного (салтана) в Азторокани». А ногаи «*все свое взяли назад*, да и азстороканской улус поимали». Под властью хана Джанибека осталась лишь столица Юрта (ПДК, т. 2, с. 675).

Выделенная фраза, похоже, говорит о том, что астраханцы и большеордынцы наживались на ногайских беженцах — о грабежах или конфискациях имущества и скота в качестве огромных перевозных пошлин, притеснениях улусных людей и т.п. Гибель Шейх-Мухаммеда и выступление в отместку за нее Саид-Ахмеда относятся к весне 1519 г.[17].

Большая часть ногаев успела уйти на Крымскую сторону Волги и воспользоваться приглашением Мухаммед-Гирея I. Среди прочих беженцев в Бахчисарай прибыли Алчагир, Саид-Ахмед с детьми и Джан-Мухаммед б. Муса. Об этом донес посол М.Мамонов (Малиновский 1863, с. 206). Сам крымский хан уведомил великого князя о том, что эти мирзы признали себя его подданными (холопами) (Малиновский 1863, с. 207). В Москве тогда создалось впечатление, будто основная масса жителей Ногайской Орды сконцентрировалась под властью Мухаммед-Гирея, и одному из следующих посольств в Стамбул поручили выяснить по дороге, «нагаи все ли у него и прочь от него куда не идут ли» (ПДК, т. 2, с. 701).

Более об Алчагире мы не имеем сведений. Сомнительно, чтобы сыновья Мусы, недавние «хакимы Дешт-и Кипчака», смирились с поражением и безропотно (как пытался представить Мухаммед-Гирей) обратились в «крымских татар». Утрата родных кочевий звала их к реваншу. Есть основания полагать, что Алчагир сложил голову в каких-то стычках с казахами. В башкирских легендах утверждается, будто он погиб от руки Акназара (Рычков 1896, с. 69; см. также:

---

[16] Этот Джадик-хан сопоставим с Джаныш-султаном, который, по Фазлаллаху б. Рузбихану Исфахани, вместе с Касимом и Танышем являлся наиболее могущественным казахским удельным владетелем в период полновластия Бурундука (см.: Ибрагимов 1960а, с. 145), т.е. в 1470–1500-х годах.

[17] То же мнение см.: Исин 1985а, с. 43. В.М.Жирмунский датировал гибель Шейх-Мухаммеда концом 1520-го — началом 1521 г. (Жирмунский 1974, с. 440).

Трепавлов 1997в, с. 18), в котором легко угадывается будущий казахский хан Хакк-Назар б. Касим. Хотя в 1519 г. Хакк-Назар был еще ребенком, возможность причастности его соплеменников и родственников к гибели знаменитого ногайского предводителя вполне допустима[18].

Ногайские земли к востоку от Волги оказались под властью Касима б. Джанибека. Исследователи справедливо раздвигают границы Казахского ханства при нем на запад до Яика (История 1979, с. 270; Кляшторный, Султанов 1992, с. 275) — ядра мангытских кочевий — или даже до Волги (Ибрагимов 1960а, с. 144; Исин 1985б, с. 47), что вероятнее. Расположение межгосударственных границ в Восточной Европе в начале 1520-х годов запечатлел в своих «Записках» С.Герберштейн. Восточными соседями Казанского ханства он называет «татар, зовущихся шейбанскими и кайсацкими» (Герберштейн 1988, с. 170), т.е. татар бывшего Юрта сибирских Шибанидов и казахов. Значит, заволжские степи на время перестали служить или считаться обиталищем ногаев (если последние не подразумевались тогда в составе «татар кайсацких»)[19]. Эта же ситуация отражена в письме Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману Кануни весной 1521 г.: «На землях, которые населены народом ногаев и которые мы недавно подчинили, обосновалось многочисленное племя под названием „казак" во главе со своим ханом. Оно поселилось и утвердилось там и ныне пристально наблюдает за нами. Если мы предпримем поход в страну короля (т.е. в Польшу, о чем попросил Мухаммед-Гирея султан. — *В.Т.*), то оно объединится с ханом Хаджи-Тархана, который тоже является нашим давнишним врагом, и разорит нашу страну» (Le khanate 1978, p. 113–114)[20].

О политике Касима по отношению к новым подданным информации почти нет. Собственно, ногаев на левой стороне Волги оставалось, видимо, немало, но большинство мангытской знати перебралось

---

[18] Героический эпос казахов упоминает о гибели «хана Алшагыра» в бою с казахским витязем Кобланды на берегах Яика (Кобланды 1958, с. 169, 170).

[19] Впрочем, ниже С.Герберштейн пишет: «За казанскими татарами прежде всего встречаем татар, зовущихся ногаями» (Герберштейн 1988, с. 179). Это уже явная поправка на ситуацию до 1519 и после 1521 г., ведь период казахской экспансии на запад оказался очень коротким.

[20] В данном документе писалось не о донских казаках, как отчего-то считает Ш.Лемерсье-Келькеже (Lemercier-Quelquejay 1971, p. 488, 489), а о казахах. Во-первых, коалиция с астраханским ханом была бы странной для донцов; во-вторых, казачьи объединения возглавлялись атаманами, но отнюдь не ханами; в-третьих, время и место действия, равно как и антиногайская политика, ясно указывают на экспансию Касима, а вовсе не на первую самостоятельную акцию «вольных казаков» Дона (с точки зрения Ш.Лемерсье-Келькеже). Авторы, специально занимавшиеся историей казачества, определили, что в 1521 г. в Подонье еще не существовало ни одного казачьего поселения (см., например: Пронштейн 1967, с. 168). А.И.Исин тоже видит в *таифа-йи казак* ханского письма казахов, а не казаков (Исин 1988, с. 18).

на запад. Утратив власть над своим старинным Юртом, она оказалась деморализованной и окончательно раздробленной. В таком состоянии ей не оставалось ничего иного, как переживать лихолетье под покровительством Мухаммед-Гирея или же пытаться сблизиться с казахским монархом. Наверное, и Касим не стремился озлоблять разгромленных ногаев и старался держаться с ними дружелюбно. М.Х.Абусеитова полагает, что некоторые мирзы были оставлены им во главе ногайских улусов, не покинувших прежние кочевья (Абусеитова 1985, с. 49).

Предания рассказывают, будто хан выдал дочь за одного из самых высокородных мангытов — Шейх-Мамая б. Мусу (Абусеитова 1985, с. 66; Кляшторный, Султанов 1992, с. 276). Ставкой Касим-хана стала столица Ногайской Орды. Он занял Сарайчук, как бы переняв эстафету от своего покойного отца, Джанибека, и дяди, Бурундука, некогда проживавших там. В Сарайчуке же Касим скончался и был там погребен в усыпальнице (Кадыр Али-бек 1854, с. 163). Произошло это в 1521 г.[21].

Новым государем казахов стал племянник Касима, Тахир б. Адик. Едва он взошел на престол, как все достигнутое и завоеванное его великим дядей стало рушиться. Узнав о смерти могущественного хана, ногаи воспрянули духом. Дети Мусы — Мамай, Саид-Ахмед, Шейх-Мамай, Юсуф и прочие, а также сыновья Алчагира сумели собрать разбросанных по правобережным пастбищам кочевников и вдохновить их на реванш. Началась ногайская «реконкиста». Тахир показал себя абсолютно неспособным к сопротивлению. Пришлое казахское население под ударами ногаев начало быстро откатываться на юго-восток, а сам хан бежал в Моголистан. В начале 1524 г. он уже обретался в тамошнем городе Кочкаре (Кляшторный, Султанов 1992, с. 277; Султанов 1971, с. 6). Мухаммед-Хайдар ясно объясняет откочевку туда Тахира с двумястами тысячами (!) подданных: «В связи с восстанием мангытов узбек-казаки не могли более оставаться в Дешт-и Кипчаке» (Haidar 1895, p. 134–135).

Проживавшая в Мавераннахре вдова казахского султана Адика и — позднее — хана Касима, мачеха Тахира, посоветовала ему отдаться под покровительство могульских ханов, «поскольку... ты потерпел поражение от мангытов и не можешь выставить против них армию. Раньше она насчитывала десять лаков (т.е. один миллион. — *В.Т.*), а ныне только четыре лака (т.е. четыреста тысяч. — *В.Т.*), поэтому ты не способен сопротивляться им» (Haidar 1895, p. 228). Тахир последовал ее совету и встретил радушный прием у местного хана Султан-Саида, который женил своего сына на сестре Тахира (Кляшторный, Султанов 1992, с. 277).

---

[21] Дата определена А.И.Исиным (Исин 1985б, с. 49). В источниках время смерти Касима определяется по-разному — в интервале 1518–1524 гг.

Только что приведенные подсчеты ханши Султан-Нигар-ханым показывают, какой колоссальной силы лишился казахский правитель после выступления мангытов. Теперь эта сила поднялась против него. Окончательный разгром Тахира пришелся, очевидно, на 1523 г.: Мухаммед-Хайдар пишет, что хан прибыл к мачехе в середине зимы 930/1523-24 г.[22]. Теперь растерянность и раздробленность охватили уже казахов. Ногаи регулярно врывались в их кочевья и мстили за недавние поражения. В баталиях с ними полегло несколько казахских султанов (Кадыр Али-бек 1854, с. 164), сын Касима Хакк-Назар оказался (в качестве пленника?) в стойбище одного из мирз (Абусеитова 1985, с. 49). Отношения между Ногайской Ордой и остатками Казахского ханства обострились надолго.

После отступления Тахира б. Адика в Семиречье бескрайние пространства восточного Дешта оказались беззащитными перед ногайскими отрядами. Сыновья Мусы быстро восстанавливали свое господство над заволжскими и заяицкими степями. С этих пор из источников на долгое время, почти на столетие, практически исчезают упоминания о племенной знати у ногаев, помимо мангытской. Похоже, в ходе «реконкисты» иноплеменные кипчакские беки, поддерживавшие Касима, были изгнаны, или истреблены, или оттеснены от управления. Мангыты окончательно взяли в свои руки управление ногаями из всех элей (племен) своей возрожденной Орды.

Крымские и астраханские дела. Астраханская катастрофа 1523 г. Отношения Ногайской Орды с западными соседями в эти годы складывались тяжело. Ближайший сосед — Астраханский юрт — был слишком слаб и малолюден, чтобы противостоять кочевому напору. Однако неправильно было бы видеть в истории Хаджи-Тархана только ногайское влияние (см., например: Очерки 1953, с. 441). В астраханской политике того времени наблюдались как бы три центра, или источника, влияния: Ногайская Орда, Крым и в меньшей степени княжества Северного Кавказа. Международные связи нижневолжского ханства во многом диктовались лавированием между гегемонами, прежде всего Гиреями и ногаями. В первой половине XVI в. последним не раз случалось сажать на трон Хаджи-Тархана угодных им Джучидов. Это порождало в окрестных странах впечатление, будто и сами астраханские государи происходят из ногаев[23].

Стремление властей Мангытского юрта поставить под свой контроль волжские низовья объяснялось не только заинтересованностью

---

[22] Поэтому кажется слишком поздней датировка М.П.Вяткиным и А.И.Исиным победы ногаев над Тахиром 1525 годом (см.: Вяткин 1941б, с. 88; Исин 1985а, с. 47).

[23] Фазлаллах б. Рузбихан Исфахани при перечислении племен, «славнейших во владениях Чингиз-хана», называет «третье племя — мангыты, а (из) них цари астраханские» (Исфахани 1976, с. 62). Аналогичный тезис встречается и в литературе нового времени (см., например: Хлебников 1907, с. 6).

в земельных угодьях и промыслах (см.: Очерки 1953, с. 442), но и соперничеством с Крымом за влияние на этот Юрт. Исследователи разрабатывают различные геополитические схемы для объяснения данного соперничества. Одни видят в нем следствие русско-турецкого противостояния, и ногаи при таком раскладе выглядят как противовес Бахчисараю и стоявшей за ним Порте (Очерки 1953, с. 441, 442; Хлебников 1907, с. 6); другие трактуют его как результат постоянного давления ногаев на Крым, демонстративное непризнание ими какой-либо династической субординации, отказ их признавать чью-либо власть над собой (Berindei 1972, p. 340).

Стремление историков нащупать магистральную линию ногайско-крымских и ногайско-астраханских отношений понятно, но вряд ли продуктивно. Политическая ситуация в Восточной Европе XV–XVI вв. неоднократно менялась коренным образом, и каждый раз отношения между Юртами приобретали новые черты. Что же касается общей оценки, то астраханские связи Ногайской Орды колебались от враждебности до союзничества, и всегда с задачей подчинить ханство своему влиянию (но не завоевать!). Отношения же с Крымом, и здесь я согласен с М.Г.Сафаргалиевым (Сафаргалиев 1938, с. 133), в 1510–1540-х годах были в основном враждебные[24].

Выше подробно говорилось о контактах заволжских биев и мирз с Менгли-Гиреем и Мухаммед-Гиреем I. Вкратце напомним и сведем воедино сведения по этому вопросу. Уничтожение Менгли-Гиреем Большой Орды в 1502 г. сразу резко подняло его политический вес. Бий Ямгурчи пресек попытки мирз не то что помочь Ахматовичам, но даже приютить их. При этом он мотивировал свои жесткие действия именно высочайшим статусом крымского правителя: «Из старины наш прямой государь Менли Гирей царь стоит; а брат наш Муса князь с ним в шерти и в правде был, и мы того деля сь его недруги с Ахматовыми детьми не билися». Братья и племянники бия, которым адресована была эта тирада, соглашались: «Государь наш Менли Гирей царь стоит; а недруга его Шиг-Ахметя да Хозяка отшлем (от себя)». Для подтверждения своей преданности Ямгурчи обещал даже послать войско во главе с сыном Алачем охранять крымские рубежи от ордынцев со стороны Волги. Весной или в начале лета 1503 г. он заключил с Менгли-Гиреем шертный договор по стандартной формуле быть другу хана другом, а недругу — недругом. До конца жизни бий клялся не допустить объединения ногаев с Ахматовичами; к тому же от этого

[24] Вместе с тем я не вижу оснований приписывать политике Крымского ханства последней четверти XV — первой четверти XVI в. «задачу ликвидации Ногайских орд», да еще с привлечением для этого Руси и Порты (см.: Хорошкевич 2001, с. 316). Во-первых, ни одной из перечисленных держав это было не под силу; во-вторых, мы убедились в предыдущей главе и убедимся в этой, что ногайско-крымские отношения могли радикально меняться — от вооруженного противостояния до коалиционного партнерства.

его постоянно предостерегал и Иван III (ПДК, т. 1, с. 456, 457, 474, 503).

Как только умер Ямгурчи, ногайско-крымские отношения стали резко ухудшаться. Наследники Мусы не желали более признавать Менгли-Гирея старшим государем и разорвали шарт-наме. Вскоре ногаи повсеместно стали восприниматься как противники крымцев. Уже в августе 1504 г. в «памяти» послу в Бахчисарай И.И.Ощерину содержалось задание сообщить хану о приезде в Ногайскую Орду миссии от великого князя литовского Александра Казимировича с характерной оговоркой: «Ино ведь то, господине, знатно, чего для он послал, ведь ему с ними (ногаями. — *В.Т.*) нет никоторого дела, опричь того, что ***на вас*** (крымцев. — *В.Т.*) ***их наводити***» (ПДК, т. 1, с. 533). Но мирзы и без литовских подсказок и подарков начинали планировать удары по Крыму, тем более что Менгли-Гирей параллельно вел переговоры о союзе и с Москвой, и с Вильно, пытаясь убедить их в своей верности будущим коалиционным обязательствам.

Когда в 1507 г. началась очередная русско-литовская война, Крыму пришлось выбирать. Войско во главе с самим ханом, по договоренности с польско-литовским королем Сигизмундом I, двинулось было к российским рубежам... но не дошло. Узнав об уходе основных вооруженных сил Крымского юрта на север, ногаи впервые решились вторгнуться в его пределы. У Менгли-Гирея появилась уважительная причина не ввязываться в войну между «неверными». Он повелел калге Мухаммед-Гирею повернуть рать на ногаев, но по пути тот «з коня летел и featurnемогся». После единственной стычки с противником наследник привел отряды домой (АЗР, т. 2, с. 48; ПДПЛ, т. 1, с. 521; Pułaski 1881, p. 324). Историки справедливо видят в этой вылазке мангытской конницы плод усилий московской дипломатии, и прежде всего щедрых подарков, выданных авансом за будущий набег на Крым (Хорошкевич 1980, с. 120; Pułaski 1881, p. 118).

Заволжские мирзы и батыры получили отпор, не понеся, видимо, больших потерь. Через два года они задумали новый большой поход. Предводительствовали в нем Агиш б. Ямгурчи и Саид-Ахмед б. Муса, в союзники взяли астраханского хана Абд ал-Керима б. Махмуда. Двухсотпятидесятитысячная[25] кавалерия Мухаммед-Гирея наголову

---

[25] Г.Ф.Карпов усомнился в такой численности крымского войска и счел это хвастовством Менгли-Гирея перед Василием III, ведь русские послы обычно оценивали все население Крыма в несколько десятков тысяч человек (Карпов Г. 1865, с. 4). А.Л.Хорошкевич тоже считает указанное количество ополченцев многократно преувеличенным, особенно на фоне 260–280-тысячного общего населения ханства в 80-х годах XVIII в. (Хорошкевич 2001, с. 92). Однако следует учитывать, что после 1502 г. происходил постоянный приток бывшего населения Большой Орды в Крымское ханство (прежде всего за счет включения в его состав южнорусских степей). К тому же хан уверяет, что были мобилизованы все князья и воеводы с их ополчениями (ПДК, т. 2, с. 70). Другое дело, что, может быть, не вся эта масса кавалерии отправилась воевать

разгромила их на восточных границах Юрта. То же повторилось и в следующем году. В 1511 г. ногаи внезапно подошли к Перекопу, полонили много женщин и детей и спешно отошли назад. Войско ханства находилось в ту пору в Валахии (Pułaski 1881, p. 167). Возможно, об этих событиях рассказывает Саид-Мухаммед Риза: во время крымского нашествия (1509 г.?) мирза Саид-Ахмед отступил к Волге, спасая свою семью. Объединившись там с «Мумай беем» (Мамаем б. Мусой), он напал на крымцев и разбил их (Риза 1832, с. 87; Précis 1833, p. 354). В 1515 г. крымская армия ходила на восток, однако ногайские улусы заранее перебрались на левый берег Волги, недоступный для крымцев (Веселовский 1889, с. 184; ПДК, т. 2, с. 150, 151, 230; Сыроечковский 1940, с. 6; Pułaski 1881, p. 434–436). Да у ногаев уже и не было сил сопротивляться, не говоря уж о планах прорыва к Перекопу. В то время в их Орде в полную силу разгорелась Смута.

Распри середины 1510-х годов заставили сыновей Мусы на время забыть о неприязни к Гиреям. Вожди противоборствующих лагерей старались привлечь каждый на свою сторону таврического владыку как самого могущественного правителя на послезолотоордынском пространстве. И тот и другой клялись в своей преданности новому хану, Мухаммед-Гирею I. Как говорится в его грамоте, Алчагир с двенадцатью мирзами «в ноги пал и холопом ся назвал, и, бив нам челом, слугами ся учинили». Шейх-Мухаммед заверял хана: «Яз волному человеку (т.е. хану. — *В.Т.*) холоп тебе, а государь мне ты... а и старейшей наш брат (Алчагир. — *В.Т.*), и мы все — твои холопи, и люди, и улусы наши твои жь» (ПДК, т. 2, с. 297). Довольный Мухаммед-Гирей заявил, что отныне помимо знати Крымского юрта, «Ординского юрта (т.е. бывшей Большой Орды. — *В.Т.*) да и Нагайского уланы и князи, и мурзы, и добрые люди мои холопи и слуги» (ПДК, т. 2, с. 298). Тем не менее, как нам известно, Шейх-Мухаммед не предпринял реальных шагов для сближения с Крымом и подтверждения своего «холопства», а, напротив, сблизился с астраханским ханом Джанибеком. Алчагир же, узнав о тайной ссылке брата-врага с Мухаммед-Гиреем, в страхе бежал из Крыма. После этого из Бахчисарая внимательно наблюдали за делами на Волге и за Волгой, но ногаи, занятые междоусобицами, не давали повода для опасения. А в 1519 г. они хлынули на запад, спасаясь от казахов.

Итогом ногайско-крымских отношений был явный военный перевес Гиреев. По словам ширинского бека Девлет-Бахты (1515 г.), Менгли-Гирей «ординской базар взял (в 1502 г. — *В.Т.*), а нагаи трожды имал» (ПДК, т. 2, с. 173). А так как войска хана возглавлял его сын

против ногаев. В соответствующей грамоте Менгли-Гирея сказано, что «двесте тысячь и пятьдесят тысячь рати, ***переписав, наготовили*** и на тех своих недругов учали посылати» (ПДК, т. 2, с. 70). Таким образом, двести пятьдесят тысяч — это общий состав крымского ополчения, занесенного в мобилизационные списки.

и калга Мухаммед-Гирей, то и последний относил на свой счет троекратное одоление степняков: «Слава Богу, яз... трижды нагаи имал» (ПДК, т. 2, с. 520). Из предыдущего изложения ясно, что имелись в виду большие походы 1507, 1509 и 1510 гг. (в 1515 г. ногаи заблаговременно ушли за Волгу, и столкновения не произошло).

Оказавшись на правобережье под защитой Мухаммед-Гирея, мирзы были вынуждены демонстрировать ему максимальную лояльность. Одним из показателей этой лояльности стало участие ногаев в большом крымском нашествии на Русь летом 1521 г.: они перечисляются летописцами в составе «безбожного воиньства» наряду с литовцами и «черкасами»» (Вологодско-Пермская 1959, с. 311; Патриаршая 1904, с. 37). Видимо, присутствие массы беженцев из Мангытского юрта послужило одним из стимулов этой немыслимой дотоле для крымцев авантюры. Во-первых, ногайская конница многократно увеличивала силы ханства и придавала большую уверенность в успехе кампании; во-вторых, скопище бездомных, голодных, озлобленных и буйных ногаев, которых казахи лишили земель и скота, требовалось увлечь на любое внешнее предприятие, чтобы они в конце концов не обратили оружие и ярость против подданных Мухаммед-Гирея.

После победоносного возвращения из похода хан намеревался вскоре повторить его. И здесь вновь вмешался ногайский фактор, но с неожиданной стороны. Умер грозный Касим. Казахское ханство осталось без признанного лидера, и ногаи потянулись на родину, за Волгу. Расстроенная система власти Ногайской Орды начала быстро восстанавливаться. Место покойных Алчагира и Шейх-Мухаммеда во главе ее заняли Мамай б. Муса и Агиш б. Ямгурчи. Новые правители возрождающейся державы искали случай избавиться от тягостного сюзеренитета и покровительства Бахчисарая, от шертных договоров, заключенных их предшественниками с Гиреями. Такой случай представился в 1523 г.

В конце 1522 г. большое войско Мухаммед-Гирея I без боя вошло в Астрахань. Ногаи еще числились среди его союзников (а сам он, возможно, считал их уже своими подданными). Местный хан Хусейн б. Джанибек бежал, на его место был посажен крымский калга Бахадур-Гирей б. Мухаммед-Гирей. Через некоторое время в Хаджи-Тархане разгорелся жестокий конфликт, ногаи обратили клинки против крымцев, убили хана и калгу. Эти драматические события отражены во многих источниках и неоднократно анализировались в литературе. Разные факторы назывались в качестве причин астраханской катастрофы. Попытаемся выделить наиболее существенные.

1. *Агрессивная политика Мухаммед-Гирея I.* Самое подробное повествование о ногайско-крымском конфликте принадлежит С.Герберштейну. Из его изложения следует, что крымский хан, проведав об обострении противоречий между Россией и Литвой, возомнил себя

сильнейшим государем, и его охватило «страстное желание расширить свою державу». Он взял в союзники «ногайского князя Мамая», вместе с которым занял Хаджи-Тархан. Другой «ногайский князь», Агиш, двоюродный брат Мамая, стал упрекать того за опрометчивую помощь завоевателю, «ибо при его безумном нраве, может статься, он повернет оружие против него и брата, сгонит их с царства и либо убьет, либо обратит в рабство». Братья решили расправиться с ханом, пока он пребывал в упоении от легкой победы. Агиш начал подтягивать к городу заранее собранные отряды, а Мамай тем временем убедил Гирея переселиться самому и вывести воинов из крепости в степные стойбища — «чтобы они не развратились из-за отсутствия (войсковой) дисциплины». Как только крымская армия разместилась в степи, Мамай с Агишем напали на нее и рассеяли. Тут же зарубили и хана с калгой (Герберштейн 1988, с. 183, 184).

Абсолютно аналогичная трактовка изначальных причин данной коллизии приводится в некоторых русских летописях и близких к ним источниках. Астраханский поход был начат оттого, дескать, что «Магмед Гирей... згоресяя яростью на свою погибель... Азтарахань одоле и возгордеся зело» (Хронограф 1911, с. 519; см. также: Вологодско-Пермская 1959, с. 311, 312; Летописец 1853, с. 263). Герберштейн пользовался сведениями в первую очередь, конечно, от русских информаторов, которые в полной мере выражали свою ненависть к недавнему разорителю Руси. Но, и учитывая такую пристрастность, мы все равно не можем отрицать наличие захватнических планов у Мухаммед-Гирея — во-первых, из-за реального факта захвата Хаджи-Тархана; во-вторых, потому, что они просматриваются и в восточных материалах. По Саид-Мухаммеду Ризе, хан вознамерился подчинить всех татар, живших на Волге, а также ногаев. Его дети Баба-Гирей и Гази-Гирей после астраханского триумфа вели себя так разнузданно, что это было невыносимо для местного населения. Отец обещал наказать распоясавшихся отпрысков. Те обиделись на него и уехали домой в Крым. В это-то время на растерянного Мухаммед-Гирея и напали ногаи Мамай с Агишем (в тексте источника последний ошибочно назван Шихимом) (Риза 1832, с. 87; Précis 1833, p. 36).

2. *Антикрымский настрой ногаев.* Из «Записок» Герберштейна явствует, что Агиш уговорил Мамая выступить против хана на всякий случай, во избежание будущих неприятностей от крымцев. Вслед за имперским дипломатом ту же версию повторили А.А.Зимин и Г.И.Перетяткович, причем А.А.Зимин почему-то считал, что Мухаммед-Гирей обещал Агишу астраханский трон (Зимин 1972, с. 251; Перетяткович 1877, с. 161). Если какое-то совещание ногайских аристократов и состоялось, то все же главным инициатором истребления крымцев представляется Мамай. Некоторые русские источники указывают на интересную деталь: «А тот князь ***Мамаи у того же царя***

(Мухаммед-Гирея. — *В.Т.*) ***служил***, убил государя своего, а родом князь нагаискыи»; «и там восcташа на него («царя». — *В.Т.*) ***его же князи ногайские*** Мамай с племянники... и убиша его и с детьми» (Владимирский 1965, с. 146; Летописец 1853, с. 264). Агиш же «с нагаискою силою» «поспел» к брату только потом, уже после убийства хана (Владимирский 1965, с. 146).

Надо сказать, что ногаи не могли восприниматься Мухаммед-Гиреем только как внешняя сила, лишь как тактические союзники. Ведь совсем недавно они искали у него убежища от казахов; вместе с ногаями хан ходил на Москву; вождь Орды Алчагир закончил свою жизнь в Бахчисарае (во всяком случае, последние достоверные сведения об этом бие касаются его пребывания там). Поэтому неудивительно, что влиятельный и отважный Мамай пользовался расположением властителя Крыма. Окруженный степными воинами, тот вполне мог рассчитывать на формирование из них своеобразной преторианской гвардии, в противовес ополчениям четырех татарских элей, плотно окружавших престол. «Степенная книга» ясно говорит об этом: «Сам же (Мухаммед-Гирей. — *В.Т.*) кримьских татар не любити начат, но паче начат любити ногайских татар, их же бяше множество у него, и близь себя держаше их и яко доброхоты себе вменяя их» (Книга 1913, с. 603). И сами крымцы позднее оценивали гибель хана под Астраханью как результат вероломного мятежа облагодетельствованных им ногаев: «У царя... ***которые у него хлеб соль ели***, да те на него лихо смыслили» (КК, д. 6, л. 8). В интерпретации крымского посла в Москве (30 августа 1523 г.) дело обстояло так, что хан с калгой «пошли Юрта своего достовать Асторокани. Да шод и взял был Асторокань, а царя азтороканского розгонил. И ***люди его*** (Мухаммед-Гирея. — *В.Т.*), ***которых он кормил и жаловал***, учинили над ним лихое дело — его и сына его Багатыря убили и рать их побили» (КК, д. 6, л. 8, 10 об.).

Таким образом, исходя из подобной интерпретации, астраханская катастрофа предстает как мятеж возглавляемых Мамаем ногаев, решивших во время астраханской кампании прервать свою крымскую «службу» и обрести былую независимость (независимую от Крыма часть ногаев в тех обстоятельствах представлял Агиш).

Кроме того, существует эпическая трактовка. Ногайский дастан «Урак и Мамай» рассказывает, что, покорив Поволжье, Мамай не удовлетворился этим и задумал завоевать Крым. Он пригласил к себе тамошнего государя Пельван-султана, которого при встрече убил племянник Мамая, Урак, вопреки воле хозяина. Крым был ногаями покорен, и Мамай возвратился с богатой добычей, оставив на полуострове своего наместника (Ананьев 1900, с. 18, 19; Ананьев 1909а, с. 14).

Как обычно, в фольклорном сюжете есть несоответствия историческим реалиям (к примеру, Пельван-султана не существовало вообще,

но это имя может быть переосмыслением личности и переводом имени калги Бахадур-Гирея — «Богатырь-салтана» русских источников). Тем не менее не следует отбрасывать сохранение в народной памяти агрессивных замыслов Мамая в отношении Крыма. Получается, что ногаи стремились не просто к самостоятельности, но и к внешней экспансии, каковая, кстати, в то время успешно осуществлялась ими на востоке в ходе антиказахской «реконкисты». Однако если опираться на русские летописи, более приближенные по времени к событиям 1523 г., то следовало бы ожидать от ногаев, что они будут стремиться вырваться из-под крымского сюзеренитета и переселиться из Юрта Гиреев на родину, т.е. на самом деле перед ними стояла противоположная задача — миграция с запада на восток. Опираясь на информацию Ризы, В.Д.Смирнов решил, что раз Мухаммед-Гирей планировал переселить в Крым всех жителей Поволжья, то ногаи расправились с ханом, чтобы не допустить этого (Смирнов В. 1887, с. 392).

Неизбежно возникает вопрос: каким образом были связаны восставшие ногаи со своими соплеменниками-мангытами Крымского и Астраханского юртов? Относительно крымских мангытов есть одна оговорка, встреченная нами в донесении посла И.Колычева (август 1523 г.): «Магмед Кирея царя и Богатыря царевича ***его ж мангыты*** и нагаи убили» (КК, д. 6, л. 3). Как видим, «его мангыты» и ногаи различаются автором, и мы можем догадываться (но не более), что какая-то солидарность между ними существовала.

Что касается мангытов Хаджи-Тархана, то в отдельных источниках гибель хана подается так: «И согласившеся ***во Астракани сущии нагаи***, убиша царя и сына его проклятого» (Летописец 1853, с. 263; см. также: Вологодско-Пермская 1959, с. 312; Патриаршая 1904, с. 43). Жившие («сущие») в Астрахани ногаи — это, разумеется, не те, что явились с Мухаммед-Гиреем и Мамаем из Крыма; и не те, которых Агиш собрал по южнорусским степям; и не те, которые во главе с Саид-Ахмедом преследовали разбегавшихся казахов далеко на востоке. Речь идет скорее всего об их местных единоплеменниках. Некоторые крымские документы тоже приписывают расправу над ханом и калгой именно мангытам Хаджи-Тархана (İnalcık 1948, p. 357). А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже считают главой астраханского мангытского клана Тениш(Темеш)-мирзу — по некоторым данным, участника убийства Мухаммед-Гирея (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1972, p. 334). Мне не встречались указания на столь высокий статус Тениша б. Джанкуввата б. Дин-Суфи б. Мансура б. Эдиге. Но когда в 1524 г. он прибыл в Крым, татарская аристократия встретила его враждебно и требовала покарать — именно за гибель хана (Сыроечковский 1940, с. 58; İnalcık 1980a, p. 456). Значит, он действительно был причастен к астраханской катастрофе, а поскольку никаких родственных связей с заволжскими ногаями не имел, то должен

быть отнесен к группе астраханских мангытов, и предположение А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже выглядит весьма правдоподобным[26].

3. *Внешние воздействия.* Какую-то роль в стравливании ногаев с крымцами сыграли переселенцы из Большой Орды, обосновавшиеся в Хаджи-Тархане. В летописи они названы «старыми ординцами», которые действовали заодно с Мамаем (Летописец 1853, с. 264). Возглавлял их султан Шейх-Хайдар б. Шейх-Ахмед (КК, д. 6, л. 3). Но едва ли численность выходцев из Тахт эли была достаточно велика, чтобы оказать существенное влияние на исход столкновения с Мухаммед-Гиреем и тем более последующей войны. К тому же большинство их было истреблено Саид-Ахмедом в 1519 г. (см. выше). Гораздо сильнее историков занимает вопрос об интересах великих держав той эпохи в разбираемых событиях[27]. Однако в распоряжении исследователей нет никаких источников, позволяющих доказать вмешательство России или Османской империи в тогдашние конфликты между Юртами. «***Хотя до нас не дошли документы о русско-ногайских отношениях этого времени*** (1520-е годы. — *В.Т.*), — писал А.Б.Кузнецов, — можно высказать предположение о том, что дипломаты Василия III активно разжигали ногайско-крымские противоречия, доводя их до решительных столкновений между враждебными группировками. Особенно серьезным их успехом было то, что сумели вызвать непримиримую вражду в отношениях ногайского князя Агиша и Мухаммед-Гирея, добившись вооруженного столкновения между ними, которое закончилось разгромом крымцев и гибелью Мухаммед-Гирея и Богатыря» (Кузнецов 1986, с. 54). Нетрудно убедиться, что ни Герберштейн, ни русские летописи не дают ни малейших оснований подозревать в причастности «дипломатов Василия III» к кризису

---

[26] На роль главы астраханских мангытов может претендовать еще один персонаж. В погоне за разбитой крымской армией участвовал также «мангытский князь Удем», который действовал совместно с ногайским мирзой Хаджи-Мухаммедом б. Мусой (Малиновский 1863, с. 236). Удем не являлся ногаем, но был, во-первых, мангытом, во-вторых, князем (беком). В Крыму мангытских беков с таким именем не зафиксировано. Возможно, Удем и предводительствовал астраханскими потомками Эдиге. По Литовской метрике, это сын Тимура б. Мансура б. Эдиге (Довнар-Запольский 1898, с. 21).

[27] Источники единодушны в перечислении основных действующих сил астраханской катастрофы: крымцы, ногаи, астраханцы, астраханские мангыты и ордынцы. Особняком стоит известие Ризвана о том, что Мухаммед-Гирей сложил голову в войне с «черкасами и дадианами» (Zajączkowsky 1966, p. 35, 82). А.М.Некрасов предположил, что черкесы объединились с астраханским ханом против Крыма (Некрасов 1990, с. 93). Это весьма резонная гипотеза, поскольку в следующем десятилетии именно «черкесы», т.е. горцы Северного Кавказа, станут одной из основных внешних сил, влияющих на Астраханский юрт. Кто такие «дадианы» Ризвана, А.М.Некрасов (так же, как и я) объяснить не сумел. Вообще это обычное турецкое обозначение грузин, и появление его в данной хронике могло оказаться результатом какого-то недоразумения.

1523 г. Любопытно, что чуть ниже А.Б.Кузнецов опровергает точно такой же домысел И.Б.Грекова о якобы согласии и санкции турецкого султана ногаям на разгром крымцев — на том основании, что мнение И.Б.Грекова не подкреплено фактами (Кузнецов 1986, с. 55).

Турецкие владения (Азов) были территориально ближе к Ногайской Орде, чем Россия; Турция осуществляла верховный сюзеренитет над Крымом и являлась к тому же мусульманской державой. Эти обстоятельства позволяют искать османский фактор в ногайско-крымской вражде с большей уверенностью, чем российский. Но документальная информация о связях Ногайской Орды с Портой чрезвычайно лаконична. Видимо, первое свидетельство их — попытка султана сколотить коалицию против Ахматовичей, когда он направил свои войска на помощь Менгли-Гирею «и к ногаем послал, велел им Орду воевати» (Патриаршая 1901, с. 217).

Вообще Ногайская Орда находилась на дальней периферии османских геополитических интересов. В Стамбуле о ней вспоминали лишь по поводу борьбы с Большой Ордой и попыток ее возрождения; в частности, стремились не допустить отъезда к ногаям Ахматовичей, проживавших в Литве (Малиновский 1863, с. 240). В самом деле, трудно согласиться с придуманной И.Б.Грековым схемой всеохватного турецкого присутствия, повсеместного проникновения турецкой агентуры для создания опоры «на соседние с Крымом орды (сначала Большую Орду, потом Астраханское ханство и, наконец, Больших и Малых Ногаев)», для «распространения своей власти не только на Крым, но и на Поволжье» (Греков 1963, с. 234; Османская 1984, с. 158). Очень спорной и недоказуемой выглядит идея этого автора о санкционировании Портой ногайского выступления в Астрахани (Османская 1984, с. 158). Как показало изучение документации султанского внешнеполитического ведомства, до середины XVI в. османы почти не замечали ногаев, а северная политика империи если и имела какую-то местную опору, то лишь в лице Крымского юрта (см.: Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 213–218; İnalcık 1980a, p. 465).

Теперь вернемся к изложению событий той драматической весны 1523 г. Из всех источников, пожалуй, лишь одна Вологодско-Пермская летопись приводит численность войск, противостоявших в астраханской катастрофе: «сто тысяч и тритцать тысяч от дву тысяч нагаи побежден быть окааныи и гордыи мучитель» (Вологодско-Пермская 1959, с. 312). За неимением других сведений нам придется (как и А.А.Зимину — Зимин 1972, с. 251) принять эту цифру, хотя в столь убедительную победу Мамая и Агиша при шестидесятипятикратном превосходстве крымцев верится с трудом.

А победа действительно оказалась блестящей. Когда пришли вести о занятии ханом Астрахани, в Бахчисарае ликовали. Волжское ханст-

во, где окопались недобитые Ахматовичи, бескровно перешло в руки Гиреев. Ликование сменилось недоумением, а затем паникой и ужасом, когда донеслись первые слухи о ногайском мятеже. 15 марта в Крым примчались царевичи Баба-Гирей и Гази-Гирей с полусотней воинов свиты[28]. Они поведали соотечественникам о гибели хана и калги и о том, что ногаи идут на Крым. Тем временем крымская армия в беспорядке отступала от Волги на запад. Те воины, что уцелели от сабель и стрел конницы Мамая и Агиша, тонули при переправе через Дон. Гонцы-казаки, состоявшие в русском посольстве в Стамбул, оказались в ту пору поблизости и своими глазами видели, как «крымские татарове... бегли от нагаиских мырз и за Дон возились, и... на Дону топли» (Дунаев 1916, с. 56). Кочевые улусы Юрта спешно втягивались на Таврический полуостров, под защиту Перекопских укреплений. Старшая ханша-вдова с детьми заперлась в Старо-Крымской крепости (КК, д. 6, л. 2 об., 3).

Бекам Мемешу и Девлет-Бахты удалось собрать в степи двенадцать тысяч воинов рассеянной армии. Отчаянно сражаясь, отбив атаку мирзы Хаджи-Мухаммеда б. Мусы (которого ранили), они пытались заслонить собой Перекоп. Но опоздали. Пока они бились в чистом поле, через неохраняемые валы (стража в страхе разбежалась) основные силы вражеской конницы ворвались во внутренние владения ханства[29]. Одна часть ногаев и астраханских мангытов устремилась к Старому Крыму, другая — к Кырк-Еру. Захватить крепости они не сумели, но «что было улусов и стад в Крыму... лошадиных и всякой животины, то все выимли... Из гор и из лесов волочили жены и дети, и живот весь выгонили». Тем временем к Перекопу с севера подошли остатки ханского воинства, собранные Мемешем и Девлет-Бахты. Из-за крепостных укреплений на них обрушился союзник Мамая, ордынский царевич Шейх-Хайдар. Битва длилась три дня. Оба бека пали в бою, их отряды подверглись истреблению. Там же нападавшие убили одного и захватили в плен двоих сыновей Мухаммед-Гирея I (Дунаев 1916, с. 57; КК, д. 6, л. 3–5). Мамай, Агиш и Шейх-Хайдар опустошали Крым целый месяц. В апреле 1523 г. с огромным полоном и стадами они двинулись назад. Очередное русское посольство наблюдало массовое скопление победителей, захваченного скота и пленных крымцев на обоих берегах Дона (Дунаев 1916, с. 56).

---

[28] Ногайское нашествие на Крым, по донесениям русских послов, случилось на Страстной неделе (КК, д. 6, л. 2 об., 3), которая в 1523 г. приходилась на 17–23 марта. Царевичи-Гиреи объявились на родине в Лазареву субботу, т.е. 15 марта.

[29] С.Герберштейн пишет, что ногаи отступили от Перекопа, не сумев одолеть его укреплений (Герберштейн 1988, с. 184). Но русские и крымские источники единодушно свидетельствуют о разорении ими полуострова. Правда, при этом Мамай и его соратники действительно не смогли взять ни одного города. Возможно, эта деталь, которую Герберштейн наверняка узнал от русских информаторов, была понята им как неудача при осаде Перекопа.

Так ногаи расквитались с Крымом за походы Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея 1507–1515 гг. В определенном смысле (и, может быть, такова была «идеологическая» подоплека вторжения Мамая) они возвращали себе тех соплеменников и то имущество, что в огромном количестве были захвачены у них крымской армией в 1509 г. и перемещены во владения Гиреев (см. выше).

Крымская знать, понемногу приходя в себя, смогла заняться пустующим троном. Сперва на него был возведен Гази-Гирей, а Баба-Гирей назначен калгой. Затем беки главных татарских родов спохватились, что все церемонии были проведены без султанского фирмана, и послали в Стамбул запрос о кандидатуре нового государя (Смирнов В. 1887, с. 392, 393). Османский падишах пожелал видеть правителем в Бахчисарае Саадет-Гирея б. Менгли-Гирея, который тут же и был посажен беками на трон.

Первой задачей его было обезопасить Юрт от повторных ногайских нашествий. Он мобилизовал остатки ополчения и рассредоточил в караулах по степи: «Зиму всю стерегли крымцы... розставясь по дорогам, переменяясь по месяцам. А людем царь не велел разъезжаться» (Дунаев 1916, с. 61). Одновременно началось большое фортификационное строительство на Перекопе — татары возводили новые башни. Тем более что вскоре «ко царю весть пришла: мангиты (астраханские. — *В.Т.*) и нагаи с Агишем содиначились, а Саидет Кирею царю противу их стояти некем» (всей рати у него не набиралось и пятнадцати тысяч) (КК, д. 6, л. 5). Чувствуя себя беззащитным перед агрессивными кочевыми соседями, хан полагался на солидарность или покровительство иноземных монархов. Василию III он направил предложение о дружбе, «чтобы... с тобою меж себя недругов своих ногаев отгнати» (КК, д. 6, л. 13 об.).

Но главные надежды Саадет-Гирей возлагал на султана. Тот разрешил ему взыскать с врагов «кровь своего брата», для чего направил в Крым двадцать тысяч турецких воинов и пятьсот пищалей (Смирнов Н. 1958, с. 23). Из этих подкреплений Саадет-Гирей ничего не дал в Казань, несмотря на настойчивые просьбы тамошнего хана Сахиб-Гирея, готовившегося к войне с Россией (Малиновский 1863, с. 240). Турецкий наместник Азова тоже сообщал в Москву, что хан, «кровь взыскивая брата своего... надеятца на силу на отманског(о), и на то грозу пущают». Но при этом добавлял: «А нагайские мурзы... на те грозы и не смотрят» (Дунаев 1916, с. 57). Из отписок русских послов в Литве известно, что король направил посольство к ногаям, «а у короля два посла ногайские о царе о Ших-Охмате» (ПДПЛ, т. 1, с. 691). Султан послал распоряжение валашскому воеводе, чтобы тот воспрепятствовал возвращению поляками пленного большеордынского хана Шейх-Ахмеда в Ногайскую Орду (Малиновский 1863, с. 240).

Астраханский хан Хусейн б. Джанибек, бежавший в конце 1522 г. от наступавшего Мухаммед-Гирея I, едва дождался ухода ногаев и снова занял трон. Саадет-Гирей тут же снесся с ним, прося по возможности не пропускать ногаев через Дон (Дунаев 1916, с. 57, 58).

Помимо естественного страха перед злейшими врагами и военных приготовлений в грамотах, исходивших из бахчисарайской канцелярии, проскальзывает и другая политическая линия. «Салтан Сюлеимен шаг — таков у меня брат есть, — перечисляет хан в письме к Василию III. — Также нам азтороканскои Узсейн царь — то мне брат же. И в Казани Саип Гиреи царь, и то мне роднои брат. И с ыную сторону казатцкои царь — то мне брат же. ***А Агыш князь мои слуга.*** А сю сторону черкасы и Тюмень мои ж, а король — холоп мои, а волохи — то мои путники и стадники» (КК, д. 6, л. 8 об.–9). Часть этого списка — несомненное бахвальство. Но присутствие в нем ногаев не совсем безосновательно. Хотя и писал Саадет-Гирей: «На своего недруга на нагаев борзо хочю идти» (КК, д. 6, л. 8 об.), но ниже оговаривался об Агише как своем слуге. Дело в том, что в Ногайской Орде начинался очередной раскол. Ее правители на османские «грозы» не смотрели не только из-за уверенности в своих силах, но и потому, что были отвлечены внутренними делами. Недавние соратники Мамай и Агиш начали распрю друг с другом.

Мамай и Агиш. Какими бы бурными ни казались внутренние раздоры, именно в те годы держава ногаев начала приобретать авторитет и могущество, поставившие ее в один ряд с сильнейшими татарскими Юртами. Уже в 1525 г. Павел Иовий отметил, что ногаи «имеют ныне наивысшее значение по своему богатству и воинской славе» (Иовий 1908, с. 258). Период 1520-х — начала 1530-х годов опущен в перечнях биев, уже цитированных нами выше. Кадыр Али-бек отмечает, что «после Хасан-бека был Шидак-бек, сын Мусы-бека» (Кадыр Алибек 1854, с. 155). Шейх-Мамай в грамоте 1548 г. называет своими предшественниками Ваккаса, Мусу, Шейх-Мухаммеда и Саид-Ахмеда (Шейдяка) (Посольские 1995, с. 245). Последний «вокняжился» в начале 1530-х годов (см. главу 5 нашей книги), следовательно, события полутора предыдущих десятилетий, когда происходила первая Смута, фактически игнорировались ногайской аристократией. М.Г.Сафаргалиев усмотрел основное содержание той эпохи ногайской истории в восстании Мамая и прочих мирз против Агиша, который стал бием после смерти Шейх-Мухаммеда не по старшинству — значит, не по праву (Сафаргалиев 1938, с. 83). Но в русских посольских канцеляриях период 7031–7042 (1522/23–1532/33) гг. обозначали как время «при великом князе Василии Ивановиче, как был на Нагайскай Орде во княжое место Мамай мурза» (Описи 1960, с. 106). Стало быть, бий Агиш не учитывался вовсе. В сохранившихся Ногайских делах данный период также не отражен.

В отличие от официальных документов фольклорные произведения политически более нейтральны (хотя гораздо менее информативны) и поэтому запечатлели всех ярких деятелей, независимо от их принадлежности к противоборствующим лагерям. Башкирская легенда среди сорока ногайских батыров последовательно называет вслед за Эдиге (Идукаем), Нур ад-Дином (Мурадымом), Мусой и Ямгурчи (Ямгырсы) еще и Мамай-хана с Агиш-батыром. «Так и шло от поколения к поколению», — говорит сказитель (Башкирское 1987, с. 187), показывая тем самым, что речь идет об эстафете верховенства у ногаев. Таким образом, Мамай и Агиш оказываются все-таки «встроенными» в преемственный ряд биев (несмотря на различие в их эпических титулах: хан и батыр).

Мамаю посвящен целый дастан в ногайском цикле о сорока богатырях. Дастан рассказывает, что после пресечения рода Чингисхана именно к этому мирзе перешло управление Поволжьем: Мамай, дескать, покорил волжские народы и Крым (Ананьев 1900, с. 18; Ананьев 1909а, с. 13). Татарское шеджере тоже относит его к числу ногайских «ханов», утверждая при этом, будто он завоевал «множество русских крепостей и обложил налогом» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). По эпической версии, Мамай родился рано утром, когда загорелась заря, и потому «он был человек светлого ума и добродетельный» (Ананьев 1909а, с. 13)[30]. О данном правителе у народа осталась довольно благожелательная память, хотя его и не идеализировали, не уравнивали с героями-богатырями. Эпический Мамай покровительствует слабым, правит разумно, враги при нем не решаются нападать на ногаев (Сикалиев 1994, с. 71).

Первое время после астраханской катастрофы и разорения Крымского юрта Мамай стремился удержать плоды победы. Крым с новым ханом и османской поддержкой были ему теперь не по зубам. Но можно было попытаться возобновить господство над Хаджи-Тарханом, где вновь сидел изгнанный когда-то Мухаммед-Гиреем I хан Хусейн. В самом конце 1523 г.[31] Мамай осадил город и стоял под его стенами неделю. Взять столицу Юрта не удалось. Астраханцы предпринимали отважные вылазки, вместе с ними выходил на бой крымский царевич Чобан-Гирей б. Мухаммед-Гирей, покинувший родину

---

[30] В преданиях XIX в. аксаевских и костековских ногайцев (т.е. живущих по Тереку и северо-западному берегу Каспия) говорится, что Мамай принадлежал к «фамилии Алаш» (Семенов Н. 1895, с. 387). Но Мамай как потомок Эдиге был выходцем из мангытов, из их «фамилии» Эдигу уругу. В этом отношении любопытно, что воинским кличем-ураном у рода мангыт астраханских кундровских татар-карагашей ногайского происхождения был «Алаш!» (Небольсин 1852, с. 250). Этноним «алаш» фиксируется у казахов.

[31] Об этих событиях Саадет-Гирею рассказал мангытский мирза Тениш, приехавший в Крым за пять дней до Рождества 1524 г. (КК, д. 6, л. 49 об.). Большинство авторов датирует их началом 1524 г.

из нежелания подчиняться хану Саадет-Гирею (Смирнов И. 1948, с. 51).

Но главным препятствием для нападавших стали распри среди ногайской знати. Брат Мамая, Хаджи-Мухаммед, вообще отказался идти в этот поход, так как был «с Мамаем в розни», как и Агиш; другой брат, Юсуф, участвовал в осаде, но действовал отдельно, «опричненным полком» — его Чобан-Гирей и разбил в одиночку. Не добившись успеха, Мамай отступил на левый берег Волги, а затем ушел кочевать на Терек, «на старое ногаиское кочевище» (Дунаев 1916, с. 62). Уже в тот период в нем видели предводителя Орды. Тем не менее рискованно было бы утверждать, будто он обладал бийским рангом. Мы убеждаемся, что даже не все ближайшие родичи Мамая соглашались подчиняться ему. Вероятно, максимум, на что мог рассчитывать мирза, — это должность «правителя улуса». Не случайно в цитированной описи царского архива сказано, что Мамай не являлся «князем», а лишь находился «во княжое место», т.е. на месте бия, не будучи таковым.

Что же касается Агиша, то за ним бийский пост кажется закрепленным более основательно. В ногайско-русской переписке 1560–1570-х годов его потомки неукоснительно именуются «Агишевыми ***княжими*** детьми» (см., например: БГК, д. 137, л. 357; НКС, д. 5, л. 219; д. 7, л. 38). Османский правитель Азова в письме к Василию III от 24 июня 1524 г. титулует его Агыш-бием (Дунаев 1916, с. 58). Да и хан Саадет-Гирей, как мы видели, считал своим слугой «Агыша ***князя***».

Агиш не желал делить власть с Мамаем и решил обрести поддержку против него на стороне. Менее чем через год после астраханских событий государь Хаджи-Тархана Хусейн известил Саадет-Гирея, что Агыш-бий готов сразиться с Мамаем вместе с его, Хусейна, армией (Дунаев 1916, с. 58). Следовательно, с Астраханским юртом Агиш заключил мир. Примирительные шаги он предпринял и в отношении Крыма. Вскоре после ухода Мамая и прочих мирз с полуострова с полоном и добычей, сразу после воцарения Саадет-Гирея, Агиш прислал к новому хану гонца (КК, д. 6, л. 13 об.). Предмет переговоров неизвестен, но о них сообщено в грамоте крымского бека Абд ар-Рахмана вслед за предложением Василию III заключить антиногайский союз с Крымом. Поэтому можно полагать, что Агиш интриговал против Мамая и его сторонников и крымско-русская коалиция планировалась для удара по улусам именно Мамая, а не всех ногаев. В августе 1524 г. астраханский Хусейн убеждал Саадет-Гирея, чтобы тот выступил на Мамая, а поддержат его в этом войска Хаджи-Тархана и Агиш — он «поидет с нами на Мамая и на его братью заодин», причем к войне «Агиш бий готов... со своими людми» (Дунаев 1916, с. 58). Тогда же Саадет-Гирей просил Агиша не пропускать враждебных ему мирз

через Волгу (Дунаев 1916, с. 57), что находилось в общем ряду оборонительных мероприятий Бахчисарая.

Еще одним способом упрочить свою власть была попытка Агиша вызволить из литовского заточения последнего сюзерена Большой Орды — Шейх-Ахмеда. За спиной Саадет-Гирея Агиш договаривался с польским королем о совместном ударе по Крыму, «чтоб... нашего недруга да твоего, Крымскои Орды, меж нас не было» (Дунаев 1916, с. 70). При этом указывалось, что со стороны ногаев войну поведет освобожденный королем ордынский «царь». Польское правительство поддалось на уговоры и выдало Агишу Шейх-Ахмеда. Вероятно, в данном случае действовала уже обычная к тому времени для ногайской истории схема: бий стремился заполучить послушного монарха, вытребовать у того беклербекство и тем самым обессмыслить все притязания со стороны родичей.

Ногайско-польский союз не состоялся. Хотя весной 1524 г. королевские отряды разорили Очаков и вторглись в крымские пределы (Смирнов И. 1948, с. 50), Агишу было уже не до интриг против Гиреев (как и последние были вынуждены оставить активную дипломатию из-за очередного внутреннего кризиса — см.: Смирнов И. 1948, с. 49). Астраханский хан Хусейн постарался подключить к объединению против Мамая казанского хана Сахиб-Гирея. Но тот не разделял политических пристрастий астраханцев; к тому же вскоре он уступил трон своему племяннику Сафа-Гирею и направился якобы в Мекку, а на самом деле в Стамбул добывать себе престол Бахчисарая (Худяков 1991, с. 88, 89). По пути Сахиб-Гирей «нашибся на Агыш бия... и того потерял (разбил)» (Дунаев 1916, с. 58). Может быть, в этом сражении бий погиб, потому что позднее он уже не упоминается среди действующих лиц первой Смуты[32].

Вновь место избранного главы Ногайской Орды пустовало. Далеко не все мирзы согласились бы видеть на нем Мамая б. Мусу. Претенденты находились и среди его братьев. Есть сведения об активности Хаджи-Мухаммеда (Кошума). Он участвовал в разгроме Мухаммед-Гирея I, но пребывал «с Мамаем в розни» уже весной 1524 г. (Дунаев 1916, с. 62). Может быть, разрыв между ними объяснялся как раз нигде не упомянутой гибелью Агиша и планами Хаджи-Мухаммеда на собственное «вокняжение». Крымский хан не преминул воспользоваться этим для углубления раскола. Он предложил Хаджи-Мухаммеду выдать за него, хана, дочь. Целый год крымский посол жил в ставке потенциального ханского тестя, изучая обстановку. В январе 1525 г. он вернулся в Бахчисарай с ногайскими спутниками, требовавшими калым за невесту. Саадет-Гирей был согласен платить только после прибытия ее ко двору; вдобавок он попросил ногайскую кавалерию

[32] Поэтому не вижу оснований продлевать период «княжения» Агиша до 1532 г., как М.Г.Сафаргалиев (Сафаргалиев 1938, с. 82).

участвовать в запланированном (но не состоявшемся) походе на Русь (КК, д. 6, л. 84, 84 об.)[33].

Ситуация в Орде конца 1520-х — начала 1530-х годов, восстанавливаемая по письменным памятникам, серьезно расходится с эпической версией. По «своему» одноименному дастану, Мамай дал ложную клятву крымскому хану, за что был поражен неизлечимым недугом и умер. Перед кончиной он будто бы сожалел, что ему не удалось преодолеть смуту и построить города, в которые съезжались бы купцы из разных стран. Осуществление этих задач он возложил на своего племянника Урака (Сикалиев 1994, с. 71, 172). На самом же деле Мамай в середине — второй половине 1530-х годов кочевал по Волге, номинально подчиняясь бию Саид-Ахмеду, о чем мы подробно расскажем в следующей главе.

Сведения об Ураке происходят главным образом из фольклорных произведений, поэтому доверять им трудно. Урак б. Алчагир, будучи еще ребенком, якобы вызывал восхищение у своего дяди Мамая. Тот выпросил его у Алчагира на воспитание и вырастил богатырем (Ананьев 1909а, с. 14). Татарское шеджере, как и ногайский эпос, утверждает, что «Айданле Урак» стал ханом после Мамая (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Ни бием, ни тем более «ханом» Урак, конечно, не был. В самом начале 1520-х годов он сражался с отступающими казахами вместе с Саид-Ахмедом б. Мусой и в сражении убил одного из казахских правителей (Кадыр Али-бек 1854, с. 164); затем под командованием Мамая громил Мухаммед-Гирея (летописи и акты молчат об этом, но сохранились опоэтизированные отголоски в сказаниях — см.: Головинский 1878, с. 314).

В 1530-х годах районом кочевий Урака были волжские берега. Он сам писал в Москву, что его дяди, Саид-Ахмед и Шейх-Мамай, «придумали» ему «на Волге быти» (Посольские 1995, с. 203)[34]. В середине 1550-х годов сын Урака, Гази, переселился из Ногайской Орды на

---

[33] В мае 1531 г. султан Сулейман написал королю Сигизмунду I, что некий «ногайский хан Абугай» выдал дочь за Саадет-Гирея, в результате чего, естественно, оказался под покровительством Порты (Katalog 1959, p. 41). По логике предыдущих событий под этим «ханом» должен был бы подразумеваться Хаджи-Мухаммед — если бы не полное несоответствие имени (Абугай вообще не идентифицируется ни с одним из известных мне ногайских и крымско-мангытских мирз того времени). Как бы то ни было, впоследствии ни в Ногайской Орде, ни за ее пределами никто Хаджи-Мухаммеда не признавал и не называл «князем». О наличии нескольких биев, или скорее нескольких претендентов на это звание в тогдашней Ногайской Орде, может свидетельствовать характерная оговорка в «памяти» русскому послу в Литву в апреле 1525 г.: «Из Ногай у государя нашего от *князей* и от мырз люди были» (ПДПЛ, т. 1, с. 696).

[34] Косвенным доказательством пребывания его там служат легенды об «Уракове бугре» на правом берегу под Саратовом. Правда, тот Урак, в честь которого была названа местность, являлся, по преданиям, разбойником, предтечей Разина, у которого Стенька в молодости кашеварил. На этом бугре Урак, дескать, и похоронен (Волга 1937, с. 12). Подробнее о топонимике, связанной с именем Урака, см. очерк 1.

Северный Кавказ и основал собственный улус, будущую Малую Ногайскую Орду. Впоследствии народная молва связала это переселение с самим Ураком (см., например: Кужелева 1964, с. 196). Но какие-то связи у этого мирзы с кавказцами, возможно, действительно существовали. Дастан характеризует его следующим образом: «*Выйдя из Урупа, с черкесами танцевавший*, Перевалив через Урал, с башкирами кочевавший, Не ты ли это — Орак-богатырь?» (Сикалиев 1994, с. 85). Ногаи в тот период довольно тесно контактировали с горцами. В 1514 г. они кочевали в Пятигорье (Pułaski 1881, p. 436); на Терек, на старые ногайские кочевья, переселялся в 1524 г. Мамай. Кабардинцы соперничали с Ногайской Ордой в контроле над Астраханью и посадили там в 1532 г. хана Ак-Кобека (свергнутого уже через год — возможно, ногаями) (Некрасов 1990, с. 102). Время и обстоятельства смерти Урака неизвестны. Дастан гласит, что он был убит по наущению Исмаила б. Мусы в борьбе за власть (Ананьев 1900, с. 24).

Если об астраханских и крымских делах во времена Мамая и Агиша сохранилось достаточно сведений, то ногайско-казахские отношения не вполне ясны. Как уже говорилось, военные действия с ними вели (возглавляли?) Саид-Ахмед б. Муса и Урак. Тот период, когда за Яиком расположились улусы Саид-Ахмеда, запечатлен у С.Герберштейна: «На расстоянии двадцати дней от (государя) Шидака к востоку встречаем народы, которых московиты называют юргенцами» (Герберштейн 1988, с. 180), т.е. ургенчцами — хорезмскими узбеками. Стало быть, между Ногайской Ордой и Хорезмом располагалось безлюдное степное пространство. Казахи отхлынули далеко на юго-восток, а ногаи вновь заселяли и осваивали возвращенные в «реконкисте» земли. Эта их активность на дештских рубежах, по меткому наблюдению А.И.Исина, отражена в Крымских посольских книгах: в конце 1520-х — 1530-х годах Ногайская Орда практически не принимает участия в крымских событиях, поскольку масса ее населения устремилась за Волгу (Исин 1988, с. 19, 20).

Казанские и российские дела. В первой трети XVI в. наблюдалось активное участие ногаев во внутренних делах Казанского ханства. В среде его аристократии нашлось немало приверженцев идеи привлечь степную конницу для борьбы за власть и против московской гегемонии. Г.И.Перетяткович даже усматривал деятельность целой «ногайской партии» — правда, лишь на раннем этапе истории ханства, в XV в.; в 1530-х годах в Казани сформировались и боролись между собой уже крымская и московская «партии» (Перетяткович 1877, с. 129, 130). М.Г.Худяков возразил на это, что резоннее было бы говорить о промосковском и антимосковском лагерях знати, и последний просто периодически выбирал для своих целей внешнего союзника, наиболее сильного в данный момент (Худяков 1991, с. 227). Крымцы в первой половине XVI в. дали волжскому Юрту ханскую династию;

ногаи же, постоянно находясь рядом, теоретически имели возможность предоставлять войска. Однако этому часто препятствовали несколько обстоятельств.

Во-первых, в 1520–1530-х годах Ногайская Орда была охвачена Смутой, и лишь к концу десятилетия мирзы смогли вплотную заняться казанскими делами и участвовать в них. До этого их участие в жизни ханства оставалось эпизодическим. Во-вторых, как справедливо отмечал В.М.Жирмунский, они боялись чрезмерного усиления крымцев на средней Волге не меньше, чем укрепления русского влияния (Жирмунский 1974, с. 425). А поскольку любое участие в антироссийских акциях в Казани объективно усиливало там сторонников Гиреев, то мангытские иерархи очень осторожно и довольно редко решались на прямое вмешательство.

Вообще отношение властей Ногайской Орды к Казанскому юрту было, кажется, не слишком почтительным. Отсутствие постоянной династии, многолетний московский протекторат, относительно малочисленная армия, земледельческий образ жизни — все это порождало у ногаев, эталонных скотоводов и степных воинов, несколько саркастическое восприятие казанцев. Одним из показателей этого могут служить язвительные реплики в их адрес Шора-батыра, главного героя одноименного ногайского эпоса (см.: Сикалиев 1994, с. 67–69).

В первые годы XVI в. Муса и — менее охотно — Ямгурчи признавали гегемонию русских великих князей в соседнем ханстве. В 1503 г. Ямгурчи-бий клялся считать своими друзьями друзей Ивана III и казанского хана Мухаммед-Амина, а своими врагами — их врагов (ПДК, т. 1, с. 503). Но с нарастанием Смуты в Ногайской Орде мирзы раскололись, в том числе и по этому вопросу. Летом 1505 г. Мухаммед-Амин решил избавиться от доминирования «неверных» вооруженным путем и выступил против русских (об этих событиях см.: Перетяткович 1877, с. 51 и сл.; Худяков 1991, с. 60 и сл.). Оказавшиеся в ту пору в его столице российские купцы были ограблены, пленены и отправлены «в Нагаи» (Патриаршая 1901, с. 259). Последнее обстоятельство, а также то, что на подмогу хану прибыло из степи двадцатитысячное войско, свидетельствует если не об инициативе ногаев в перевороте, то об их заинтересованности в нем. Казанско-ногайская армия в течение трех дней безуспешно осаждала Нижний Новгород. Во время перестрелки нижегородцы убили «шурина царева — нагаиского мурзу, приведшего нагаиския вои своя ко царю в помощь» (История 1903, с. 25). Через два года, боясь карательного похода из Москвы, хан решил помириться с ней. Жертвы, понесенные ногаями в боях, оказались напрасными.

Отношения Ногайской Орды с Россией развивались в более спокойном русле. Между двумя державами лежали на юге пустынные степи, на севере Казанский юрт. Разделенные значительным расстоя-

нием, ногаи и русские вступали пока в дипломатические отношения в основном по поводу политических коалиций или обсуждая казанские дела. Равноправное и более или менее активное партнерство началось, пожалуй, с 1501 г., когда посол Ямгурчи привез Ивану III предложение о дружбе и ненападении (см.: Посольская 1984, с. 52, 53). Позднее этот бий объявил Ивана Васильевича своим отцом и дядей (Посольская 1984, с. 52), что означало признание более низкого иерархического статуса мангытского правителя. Ямгурчи в целом старался придерживаться дружелюбной политики касательно России. Весной 1502 г. он и пятеро неразлучных с ним мирз заключили перед русскими послами шарт-наме со стандартными взаимными обязательствами быть другу другом и недругу — недругом (ПДК, т. 1, с. 461). Эти обязательства, как уже говорилось, сопровождались аналогичными обещаниями в адрес казанского хана — московского ставленника.

Во время Смуты одни мирзы участвовали в антирусском мятеже Мухаммед-Амина, другие не одобрили этот его шаг. Один из наиболее влиятельных аристократов Дешт-и Кипчака, Саид-Ахмед, предлагал Василию III свое посредничество для примирения со взбунтовавшимся ханом (Посольская 1984, с. 82). Именно с началом распрей после смерти Ямгурчи-бия отмечены первые набеги разрозненных ногайских отрядов на русские «украйны». Может быть, здесь сказалась и ликвидация общего врага — Большой Орды, отчего стратегическое партнерство с Россией степняков уже не привлекало. Как известно, такая же трансформация отношений, но в гораздо более резкой форме имела место в русско-крымских отношениях. Данные о связях заволжской Орды с Москвой в 1520-х годах очень скудны, поскольку Крымских и Ногайских посольских книг за этот период не сохранилось. Из других источников, однако, выясняется, что между обеими странами шел обмен посольствами и торговыми караванами (есть информация за 1525, 1529, 1532 гг. — см.: ПДПЛ, т. 1, с. 696, 774, 865).

Весной 1524 г. на казанский престол сел Сафа-Гирей б. Фатх-Гирей б. Менгли-Гирей, второй хан крымской династии на Волге. Вместе с ним явился отряд крымцев, и резко усилилось влияние ногаев. Те и другие составили главную опору Сафа-Гирея. Возможно, при посредничестве ногаев (см.: Перетяткович 1877, с. 166) был заключен союз Казани с Астраханью. Молодой хан женился на дочери Мамая (Патриаршая 1904, с. 57) и потому мог рассчитывать на поддержку могущественного тестя. Эта поддержка вскоре понадобилась. На среднюю Волгу двинулся воевода И.Ф.Бельский с предписанием свержения «царя» и восстановления протектората. Казанское правительство спешно вызвало на помощь ногайскую и астраханскую конницу. С юго-востока прибыл старший сын Мамая с тридцатью (по

другим сведениям, десятью) тысячами всадников[35]. Видимо, из ханской казны им было обещано вознаграждение: «Казанский летописец» полагает, что пришельцы стремились обогатиться русским полоном и «***наимом царевым***» (История 1903, с. 37). Но 10 июля 1530 г. под стенами своей столицы хан был разбит, множество ногаев полегло на Арском поле. Местная знать заключила перемирие, а через год низложила и изгнала Сафа-Гирея. Вместе с женой он уехал в Ногайскую Орду (Книга 1850, с. 25; Патриаршая 1904, с. 57) — скорее всего к Мамаю.

Все описанные обстоятельства послужили одной из причин фактического разрыва ногайско-российских отношений. В сентябре 1535 г. на имя Ивана IV в Москву привезли грамоту Мамая, в которой тот противопоставлял время Василия III, когда «рота и правда... крепко держали», и первые годы княжения Ивана Васильевича, который «роту свою порушил», отчего Мамай на два-три года прекратил отправлять на Русь своих послов (Посольские 1995, с. 95, 96).

Мангыты в Крыму. Враждебные отношения Гиреев с Ногайской Ордой не могли не влиять на положение мангытского эля в Крымском юрте. Во-первых, потомки Мансура б. Эдиге доводились старшей родственной ветвью детям Мусы, правившим в восточном Деште, поэтому в ситуациях противостояния Гиреев с ногаями они могли восприниматься в Крыму как «пятая колонна». Во-вторых, у крымских мангытов теоретически имелся огромный ногайский тыл — в отличие от татарских аристократических кланов Ширин, Барын и др.[36]. В-третьих, мангытская знать была очень влиятельна в Большой Орде и Астраханском ханстве и в меньшей степени в Казани. Но при этом в источниках не отразились сколько-нибудь активные связи между соплеменниками в Крыму и Заволжье. По крайней мере в период, рассматриваемый в данной главе (1500–1520-е годы), мангыты Крымского юрта сохраняли полную лояльность правящей ханской династии. А традиционный престиж эля, унаследованный от Эдиге, и родство с «бесчисленными ногаями» в таких условиях придавали их бекам и мирзам дополнительный авторитет.

В литературе встречаются утверждения, что уже в то время мангыты (позднее — Мансур-улы) приблизились по рангу к Ширинам — роду главных карачи-беков (Сыроечковский 1940, с. 32; Manz 1978, p. 287). Но на самом деле настоящий взлет их влияния начался

---

[35] Имя сына Мамая известно из недатированного послания хана Сафа-Гирея Сигизмунду I: «Поднял есми нагаиского мурзы сына Мамаи мурзина Алеи мурзы, а с ним было людеи десять тисячеи» (Послание 1997, с. 34).

[36] Но эти доводы тем не менее не позволяют считать, будто ногаи находились в каком-то подчинении у потомства Мансура (см.: Howorth 1965b, p. 1023). Равно как нет оснований видеть в борьбе против потомков хана Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда «претензии Мангытов, часть которых осела в Крыму, на Ногайские степи» (см.: Хорошкевич 2001, с. 101).

в 1530-х годах и закончился во второй половине XVI в., когда мангытский бек вошел в тройку первых карачи. А до того происходило постепенное усиление позиций эля в Юрте.

Это иллюстрируется высокими постами мангытских вельмож и ответственными поручениями им от ханов, например командованием войсками во время походов или назначением аталыками (воспитателями) царевичей (упоминание аталычества см.: Дунаев 1916, с. 70).

Другой иллюстрацией служат браки крымских династов с мангытами. Почин этому положил Менгли-Гирей своей женитьбой на дочери Тимура б. Мансура, Нур-Султан. Своего сына Фатх-Гирея он женил на дочери Мусаке б. Хаджике по имени Джелал-Султан (Ждиим или Ядиим Салтана русских источников) (РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278 об., 279; Родословная 1851, с. 130); от этого брака родился казанский хан Сафа-Гирей. Вышла замуж за Мухаммед-Гирея б. Менгли-Гирея дочь мангытского мирзы Хасана б. Тимура, а дочь Менгли-Гирея взял за себя сам Хасан (ПДК, т. 2, с. 41; İnalcık 1980a, p. 457; Pułaski 1881, p. 291).

Третьим показателем роста престижа мангытов в Крыму были притязания на долю дани, исстари причитавшуюся ордынским беклербекам, а фактически — на увеличение размера даров (поминков) из Москвы. В 1516 г. Мухаммед-Гирей I просил у Василия III для Хасана б. Тимура как «мангытскому болшому мурзе» «два поминка» (т.е. вдвое против обычного), и «вперед к нему поболе того поминков своих посылай» (ПДК, т. 2, с. 300). В 1529 г. хан Саадет-Гирей настаивал, чтобы Василий Иванович направлял в его Юрт традиционную «мангитову княжую пошлину» (КК, д. 6, л. 204). Кроме мирзы Хасана б. Тимура в различных документах мелькают и другие высокородные мангыты: Джан-Саид б. Джанкувват, который возглавил войска Менгли-Гирея в одном из походов; его брат Шах-Махмуд, ханский посол в Москве в 1516 г.; другой их брат, упоминавшийся выше Тениш; его сын мирза Мердеш и многие другие.

Предводители крымских мангытов носили бекский (впоследствии карачи-бекский) титул, равнозначный восточнодештскому бию. По Посольским книгам можно приблизительно восстановить их последовательность, но невозможно определить период «княжения» каждого из-за отрывочности сведений[37]. В июле 1509 г. калга Мухаммед-Гирей

[37] В этой книге хронология и история крымских мангытов подробно не рассматривается, так как они лишь косвенно связаны с Ногайской Ордой. Возможно, этот эль имел более сложную систему иерархии, чем обычно представляется (ср. у ногаев одновременное существование мангытского бия и ханского беклербека в XV в., затем бия и «правителя улуса»). В связи с этим интересно предположение Б.Манц: лидерство в клане мангытов Крыма было распределено между беком — главой клана и одним или несколькими его ближайшими родичами: ср., например, одновременную активную политическую деятельность Хаджике и Таваккула. То же имело место в татарском роде Ширин (Manz 1978, p. 302).

был послан на ногаев. Вместе с ним Менгли-Гирей отправил «Мангыта Азику князя», ширинского и барынского беков (ПДК, т. 2, с. 70). При Саадет-Гирее эль возглавлял Шах-Аман, который не преминул известить Василия III о том, что «царь на Аидарове месте меня на княжом месте великим князем учинил» (КК, д. 6, л. 139 об.; см. также: Малиновский 1863, с. 413). При очередном обострении внутридинастической напряженности, когда трон у Саадет-Гирея стал оспаривать его брат Ислам-Гирей, последний привлек на свою сторону Баки б. Хасана б. Тимура и назначил его мангытским беком. После примирения братьев хан подтвердил это назначение и согласился, чтобы Баки возглавлял эль крымских мангытов (КК, д. 6, л. 204) (именно для Баки Саадет-Гирей и требовал из Москвы «мангитову княжую пошлину» в 1529 г.).

Эль пополнялся, случалось, знатными выходцами из разгромленной в 1502 г. Большой Орды и из Астраханского юрта (например, в 1516 г. в Крым явился Хасан б. Тимур, в 1524 г. — Тениш б. Джанкувват — см.: КК, д. 6, л. 49 об.; ПДК, т. 2, с. 300). Но основная часть мангытов влилась в Крымское ханство в ходе массовых переселений. Мы не располагаем сведениями о том, что в конце XV — первой четверти XVI в. рядовые кочевники добровольно переходили в государство Гиреев; скорее всего это происходило «автоматически», по мере распространения крымского сюзеренитета на бывшие кочевья Большой Орды. Но есть точные свидетельства о целенаправленном переводе населения в ханство.

Первые акции такого рода предпринимал Менгли-Гирей. В 1509 г., после страшного разгрома им ногаев на берегах Волги, тысячи их были отправлены на запад. Численность захваченного населения была такова, что через Перекопский перешеек оно шло более двадцати дней (ПДК, т. 2, с. 80). Хотя в источнике эти ногаи и названы полоном, они, конечно, не являлись военнопленными в собственном смысле слова. Хан планировал расселить их на своих землях, по большей части вне полуострова. Хронисты сообщают, что именно с этого времени «Перекопская Орда» чрезвычайно усилилась и расширилась, сделалась страшной для соседей. В Польско-Литовское государство дошли вести, будто Менгли-Гирей желает переселить ногаев за Днепр, «напротив волшской земли» (Pułaski 1881, p. 147). Преемник последнего уже имел основание заявлять, что его «холопами и слугами» состоят «Ординского юрта да и Нагайского уланы и князи, и мурзы, и добрые люди» (ПДК, т. 2, с. 298). В сопредельных странах усиление Крымского ханства тоже связывалось с притоком ногаев. В то время как «был в Крыму Мин Гиреи царь... — напоминали русские ногайским мирзам на переговорах в 1604 г., — Мин Гиреи царь в те поры пришед на ваши улусы, жон и детеи, и улусы ваши поимали. *С тех мест Крымскои юрт силен стал*» (КГ, д. 3, л. 130–131).

Ногайские миграции существенно повлияли на экономику ханства. Заселение причерноморских степей восточными кочевниками привело к формированию резких отличий двух его частей — земледельческо-садоводческой к югу от Перекопа и скотоводческой к северу. Такое разделение сохранялось потом в течение столетий, и еще в XIX в. крымца-садовода и хлебопашца называли татарином, а заперекопского чабана — ногаем (Сыроечковский 1940, с. 61).

В первые два десятилетия XVI в. Ногайская Орда испытала настоящее потрясение. Унаследовав от Мусы влиятельный и могущественный Мангытский юрт, его братья и сыновья едва не лишились подвластных земель и подданных. Распри между мирзами, схватки Алчагира с Шейх-Мухаммедом, появление сразу нескольких биев, выдвинутых боровшимися группировками знати, крымские и казахское нашествия — все это поставило кочевую державу на грань гибели. Однако исторические обстоятельства в конце концов стали складываться благоприятно для нее. На востоке ногаям удалось воспользоваться смятением в Казахском ханстве после смерти хана Касима, собраться с силами и развернуть наступление на восточный Дешт-и Кипчак. Вскоре казахи были отброшены к узбекским границам, а бывшие их территории стали переходить под управление ногайских мирз. На западе после нескольких вынужденных и унизительных признаний своей подчиненности Крыму предводители ногаев тоже сумели переломить ситуацию. Одновременно с антиказахской «реконкистой» ими был разгромлен Крымский юрт, существенно ослаблено и поставлено в зависимость Астраханское ханство. Ногайское политическое влияние все более ощущалось и в Казани. После Алчагира на первое место в Ногайской Орде выдвинулся его брат Мамай. Он не решился (или не сумел) организовать свое «вокняжение». Это был прежде всего военный деятель, полководец. Именно под его началом ногаи смогли одержать решающие победы 1520-х годов, которые позволили им в следующем десятилетии превратить свою державу в могучую и независимую кочевую империю.

Глава 5

Апогей могущества

Саид-Ахмед во главе Орды. Реформа управления. Один из надежных и основных наших источников — «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека — называет Саид-Ахмеда («Шидака») следующим после Хасана бием ногаев (Кадыр Али-бек 1854, с. 155). По эпической версии, Саид-Ахмед был вторым после Алчагира сыном Мусы от второй жены (Ананьев 1909а, с. 13). Период его правления в историографии датируется по-разному: 1521–1549, 1532–1549, 1542–1549 гг. (Сафаргалиев 1938, с. 82, 83, приложения), до начала 1540-х годов (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 206, 208). Третья Ногайская посольская книга начинается с прибытия в Москву «Шыидякова *княжого* гонца» в декабре 1533 г. (Посольские 1995, с. 86). Первая фиксация Саид-Ахмеда как «князя» в Крымских книгах тоже относится к декабрю 1533 г. (наказ послу в Крым И.И.Челищеву — КК, д. 8, л. 20 об.). Грамоты, привезенные тогда ногайским гонцом в российскую столицу, не содержат каких-либо сведений о занятии адресантом бийской должности. Саид-Ахмед рекомендуется там «князем», и посольские дьяки аттестуют его так же, без всяких комментариев; кроме того, в грамотах перечисляются события ногайско-русских отношений последних лет (посольства, набеги на «украйны»), происходившие, судя по контексту, уже в период правления Саид-Ахмеда, т.е. он обрел высший пост до 1533 г. Более точную дату установить пока невозможно. Вероятно, это произошло не ранее начала 1530-х годов, поскольку до тех пор в источниках в качестве первого лица Ногайской Орды предстает Мамай.

Саид-Ахмед явно был провозглашен бием на совещании знати, т.е. в глазах ортодоксальной мангытской верхушки не имел полноценного ранга главы ногаев, поскольку не получил назначения беклербеком от какого-нибудь хана. То и дело отпрыски прежних биев, общепризнанных и непризнанных, поднимали мятежи. В марте 1535 г. в Астрахань откочевали три десятка мирз (по позднейшим данным, девять человек) — сыновья Агиша б. Ямгурчи, а также Алач б. Ямгурчи с детьми. Случилось это в результате какого-то разрыва, ссоры с бием,

так как тот всю весну вынужден был «беречься» от них и принялся собирать мирз для похода на нижнюю Волгу, против Ямгурчеевичей (Посольские 1995, с. 146, 149, 150, 156). Опасения оказались не напрасными: те не собирались наслаждаться мирной жизнью в волжской дельте. Спустя уже несколько недель после откочевки сын и внуки Ямгурчи с двумя местными царевичами (значит, возможно, и с астраханским войском) двинулись на Сарайчук. Население его бросилось прочь из города на восток. Обнаружив столицу безлюдной, мятежники направились было в степь в поисках беженцев. Но тут поднял свои улусы на защиту Сарайчука правитель восточных кочевий Шейх-Мамай б. Муса. Обрадованный солидарностью сурового брата, Саид-Ахмед выслал ему на подмогу «ертоульную» рать — авангардную легкую конницу (Посольские 1995, с. 146). Не желая принимать бой со все увеличивающейся конной армадой, мирзы отошли обратно к Волге. К этому времени относится первая достоверно известная попытка собрать мангытских сановников на съезд. Предметом обсуждения объявлялась подготовка похода на Хаджи-Тархан, но фактически должно было состояться примирение мирз после Смуты. Начало съезда планировалось на 20 июня того же, 1535 г. Инициаторами выступили Саид-Ахмед и его братья Шейх-Мамай с Хаджи-Мухаммедом, которые держали совет по этому поводу 20 апреля, сразу после отступления мирз-мятежников.

В тот раз примирения не получилось. Слишком много обид накопилось за предыдущие годы, да и бий вел себя неподобающим образом. Когда к нему явился московский посол Д.Губин с царскими грамотами и дарами (поминками) для бия и высших мирз, глава Орды все поминки забрал себе, задержал посла в своей ставке и приставил к нему соглядатая (Посольские 1995, с. 147). Это вывело из себя и его родичей, кочевавших на западе во главе с Мамаем, и обитателей восточных кочевий под предводительством Шейх-Мамая. Но если первые просто «злобились», то вторые решили восстановить справедливость в отношении русских подарков. Шейх-Мамай с младшим братом, Исмаилом, своими табунами вытоптали («вытравили») ту территорию, которая «было кочевище кочевать княжой орде и княжому улусу» (Посольские 1995, с. 147, 151). Более того, от бия отъехали собственные его дети и ближайшие соратники («карачи силных улусов»). Ни один мирза в такой обстановке на курултай не явился (Посольские 1995, с. 147, 148, 151). Чтобы смягчить родичей, бий решил все-таки начать войну с Астраханским ханством. Он рассчитывал, что перспектива военной добычи или контрибуции смягчит разгневанных братьев (о том, чтобы раздать им присвоенные царские дары, он, видимо, и не помышлял). Действительно, в донесении Д.Губина говорится, что какие-то сыновья Мусы приехали к Саид-Ахмеду на реку Чаган в преддверии похода. Однако абсолютное

большинство мирз, «на князя злобясь», так и не явились к месту военного сбора.

В рассматриваемых событиях уже угадываются две территориально-политические группировки ногайской знати, восточная и западная. На востоке — в Западном и Центральном Казахстане, Башкирии и Юго-Западной Сибири — располагались кочевья, подчинявшиеся Шейх-Мамаю. Именно у него нашли прибежище те потомки Ямгурчи, которые не успели или не захотели бежать из Орды (см.: Посольские 1995, с. 155). Западная группировка располагалась на Волге, ее возглавлял Мамай; заметными фигурами там были также Хаджи-Мухаммед б. Муса и дети Алчагира, Кель-Мухаммед и Урак. Мирзы этого объединения держались довольно независимо и помимо воли бия посылали воинов в набеги на Мещеру (см.: Посольские 1995, с. 91). Иногда они перебирались на правый берег Волги, и тогда московское правительство старалось использовать их как заслон от все более опасных и частых крымских набегов (см.: Посольские 1995, с. 133). Впрочем, Урак не ощущал себя членом какой-то замкнутой корпорации и предпочитал полную самостоятельность. «Яз не в Нагаех живу, — писал он в июле 1536 г. Ивану IV. — Яз как бы в твоем дворе живу» и обещал передавать в Москву тайные замыслы Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая (Посольские 1995, с. 185). Мамай и Хаджи-Мухаммед тоже держались несколько особняком от племянников. Во всяком случае, русская сторона пыталась наладить особые отношения с этими «большими мирзами» (а также с Исмаилом б. Мусой и приехавшим из Крыма Баки, правнуком Мансура б. Эдиге) (см.: Посольские 1995, с. 140, 141, 143). Уже в середине 1530-х годов проявилось своеобразие внешней ориентации западных мирз. Они находились ближе к казанским и российским рубежам и поэтому теснее общались с Московским государством. Необъятный российский рынок давал им возможность сбыта лошадей. Мирзы ценили эту возможность и часто (но далеко не всегда) проявляли внешнеполитическую солидарность с великими князьями — порой вопреки желанию бия. Сказанное относится и к Мамаю — лидеру западной группировки в первой половине 1530-х годов, и к сменившему его Хаджи-Мухаммеду, и к перенявшему у последнего лидерство Исмаилу. При этом Исмаил, например, не боялся перечить воле могущественного восточного владыки Шейх-Мамая и его сыновей (см.: Посольские 1995, с. 237).

Один из создателей ногайской военной гегемонии, победитель крымцев, убийца Мухаммед-Гирея I, мирза Мамай б. Муса, кочевал вдоль Волги. Верховная власть над ногаями ему не досталась. В догосударственной структуре Ногайской Орды того периода он, судя по всему, вынужден был довольствоваться пиететом «младших мирз» поволжской группировки и третьим местом в иерархии мангытских аристократов, после Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая (см., например:

Посольские 1995, с. 103, 104, 109, 180). Мамай был окружен величайшим почетом, никто в Орде не осмеливался порицать его поступки или оспаривать его мнение. Автономия его проявлялась и во внешних делах. Около 1531 г. он направил на Русь посольство с торговым караваном. В мещерских пределах эти торговцы были ограблены касимовскими татарами, некоторые погибли. До конца жизни Василия III мирза горел жаждой отмщения касимовцам и русским властям — патронам Касимовского царства. То и дело он снаряжал военные отряды на Мещеру, и братьям, в том числе Саид-Ахмеду, стоило больших трудов отговорить Мамая от подобных шагов, от резкого ухудшения отношений с Москвой[1]. Лишь после смерти великого князя Василия Мамай возобновил сношения с русским правительством, в первом же послании потребовав компенсации за расхищенный караван (Посольские 1995, с. 94, 96). Бий не мог рассчитывать на постоянную лояльность и солидарность авторитетного и неуживчивого Мамая. В период неурядиц 1535 г. в посольских донесениях из Орды не раз подчеркивалось, что «Мамаи... и все мырзы со князем (т.е. против бия. — *В.Т.*) злобятца» (Посольские 1995, с. 147, 151).

Однако в целом мирзы считали, что междоусобная сумятица (первая Смута) к тому времени закончилась. Такое отношение отражено в послании Саид-Ахмеда 1534 г.: «Какими ни есть случаи, Юрт наш позыбалися бы[л] (т.е. поколебался. — *В.Т.*), и ныне мне милосердныи Бог счасток дал» (Посольские 1995, с. 94).

Тем не менее, похоже, назревал новый политический кризис, подобный распре Алчагира с Шейх-Мухаммедом двадцатилетней давности. А в распоряжении Саид-Ахмеда не было никаких средств, дабы смирить и привлечь к себе огромный клан Нур ад-Дина. Необходимо было разработать систему каких-то стимулов, призванных заинтересовать мирз как в прочной верховной власти бия, так и в стабильности на ногайских землях. Важнейшей задачей являлось удовлетворение амбиций ведущих аристократов, старейшин правящего рода — Мамая и Шейх-Мамая. Первым шагом должно было стать конструктивное обсуждение ситуации, а для этого следовало все же добиться общего собрания мирз.

К преодолению раздоров располагала и внешняя обстановка. Триумфальные победы в 1520-х годах над Крымским и Казахским ханствами вновь превратили ногаев, как и во времена Мусы, в «хакимов Дешт-и Кипчака». Саид-Ахмед, вероятно, не очень приукрасил положение, когда сообщил юному великому князю Ивану Васильевичу в мае 1535 г.: «Темир-Кутлуевы царевы дети (т.е. астраханские ханы. — *В.Т.*) нам повинилися; Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарыщи и слугами. Казатцкои царь Хозя Махмет

---

[1] Другим фактором охлаждения этих отношений было свержение с казанского трона зятя Мамая, Сафа-Гирея, в 1531 г. (см. главу 4).

царь с пятьюнатцатью сыньми у нас живет, триста тысяч моих казаков» (Посольские 1995, с. 131). Смертельный ужас перед заволжскими кочевниками испытывали ныне Гиреи, заискивала перед «бесчисленными ногаями» Казань. Повсеместное признание силы и влияния Ногайской Орды никак не означало дружелюбия к ней. Окрестные владетели по большей части боялись и ненавидели мангытских биев — фактических узурпаторов древних царственных прав рода Чингисхана. Поэтому абсолютно истинной выглядит констатация Данилы Губина той поры: «Со все... стороны недрузи нагаем» (Посольские 1995, с. 153). Такая обстановка требовала обязательного единения «Эдигу уругу мангытов» — как для поддержания военно-политического доминирования в степях, так и для обороны от возможных ударов разномастных «недрузей», в первую очередь казахов, которые понемногу стали оправляться от поражений.

Осознание этих задач, актуальных для всего правящего дома ногаев, побудило большинство самых влиятельных мирз погасить конфликты. Весной или летом 1537 г. наконец собрался съезд примирения. Упоминания о нем содержатся в грамотах, доставленных в Москву в сентябре 1537 г. «Сего году на отца[2] своего есмя юрт пришли и ***все есмя заодин ся учинили***» (Посольские 1995, с. 201), — писал Хаджи-Мухаммед. Русских решили посвятить в те решения съезда, которые касались их. Грамота Урака: «Ныне наши отцы и дяди, Сеид Ахмат князь да Ших Мамаи мирза, и все карачи и князи (беки немангытских элей. — *В.Т.*), подумав на сем совете, с тобою (Иваном IV. — *В.Т.*) в дружбе и в братстве хотят быти» (Посольские 1995, с. 203). Но анализ последующей ногайской истории показывает, что съезд не ограничился данной частной внешнеполитической проблемой. Основной задачей было сплочение различных группировок знати и их предводителей. С этой целью в Ногайской Орде произошла реформа управления.

Саид-Ахмед был признан равным по положению хану (но не ханом — это было невозможно для не-Чингисида). Его наследником, т.е. вторым лицом в пирамиде власти, наподобие татарского калги, объявлялся Шейх-Мамай. Место беклербека предоставили Хаджи-Мухаммеду. У него тоже был предусмотрен преемник в должности, как бы калга беклербека; данный пост предложили Мамаю, но тот, озлобленный крахом своей идеи рассчитаться с русскими, отказался участвовать в распределении власти. Тогда должность «калги беклербека» занял следующий по старшинству сын Мусы, Юсуф. Так почти все высшие мирзы оказались наделенными почетными функциями. Новая система иерархии вскоре была доведена до сведения великого князя

---

[2] «Отец» в данном контексте — предок. Имеется в виду Эдиге, поскольку выше в той же грамоте говорится: «Отец наш князь велики Идиги князь с твоим отцем... был как отец» (Посольские 1995, с. 203).

московского: «Ныне во царево место яз, — писал Саид-Ахмед, — а в калгино место Ших Мамаи, а во княжое место Кошум. И в калгино место Мамаи был, и ныне Мамаю на тобя гнев есть... И ныне в то место Юсуф мирза» (Посольские 1995, с. 200). Шейх-Мамай был полностью удовлетворен решениями съезда. Он согласился быть наследным иерархом Ногайской Орды и вторил бию: «Брат мои стареишеи князь — на царском жеребьи сидит, а мы на коложском жеребье сидим (в тексте: сидит. — *В.Т.*). Что князь молвит, яз ис того не выиду... А будет князю недруг, и мы таковы же» (т.е. недруги князя станут нашими недругами) (Посольские 1995, с. 201). Следовательно, отныне двое из трех самых авторитетных предводителей, Саид-Ахмед и Шейх-Мамай, стали действовать в унисон. Остальные мирзы присоединились к соглашению, несмотря на скепсис Мамая и игнорирование им новых порядков.

Посягательство на управленческую монополию Чингисидов выглядело рискованным. Ведь полноценным государем в послезолотоордынских Юртах мог считаться только потомок Джучи. Однако если вспомнить предыдущую историю мангытов и ногаев, то можно проследить тенденцию к постепенному преодолению этой стойкой традиции. В разное время и в разных владениях ханы часто становились мангытскими марионетками, и бии Мангытского юрта управляли самостоятельно, лишь маскируя свое полновластие декоративной фигурой ими же поставленного династа. Муса-бий в конце XV в. уже решил обойтись без подставного монарха — и закончил жизнь и правление на вершине славы и мощи; никто не решался оспорить его властные (фактически ханские) полномочия. Тот же порядок по инерции старались сохранить бии Ямгурчи и Хасан. Затем Смута и казахская экспансия прервали государственное оформление Орды, но после «реконкисты» и осознания необходимости единства прежняя тенденция вновь ожила. Саид-Ахмед не был Чингисидом, поэтому его претензии на ханскую титулатуру, как и притязания его братьев на монархические посты, сопровождаются характерными осторожными оговорками: не «царь», а «во царево место», не калга, а «на коложском жеребье».

Отсутствие генеалогической связи с Джучи оставалось единственным препятствием для превращения Ногайской Орды в ханство. Да и легитимность она обретала, только имея во главе чингисидского династа. Упоминание о нем промелькнуло лишь однажды. В том же сентябре 1537 г., отмеченном серией триумфальных реляций в Москву, бийская грамота содержала новость о поставлении нового государя: «Шурина своего Хан Булат салтана, царем его чиню. И ты, как на нашего посла смотришь, так бы еси на его посла смотрил. Также и самого („царя“. — *В.Т.*), как меня, смотри» (Посольские 1995, с. 205)[3].

[3] В тех же выражениях рекомендовал царю своего хана-марионетку бий Исмаил в 1555 г. (см. ниже, с. 292).

Царевич Хан-Булат неизвестен по другим источникам. Но можно определить, кто из султанов оказался достаточно близким к верхушке мангытов, чтобы те доверили ему престол. Это Хакк-Назар, чье имя — экзотичное для московских переводчиков — имело близкое арабское написание с «Хан-Булат». Кроме того, этот человек назван шурином, т.е. братом жены, бия. Старшая жена Саид-Ахмеда действительно обозначается в источниках как «Шиидякова ***царица*** болшая» (Посольские 1995, с. 162), следовательно, принадлежащая к ханскому роду[4]. По башкирским преданиям, сестра Хакк-Назара вышла замуж за Шейх-Мамая (Усманов А. 1982, с. 69), и именно с ним связано начало государственной карьеры казахского царевича. Ясно, что никакого участия в политике ногаев он не принимал[5], однако с полным основанием мог теперь титуловаться «хан казахов и ногаев» (см.: История 1993, с. 113).

Повышение фактического статуса ногайского бия сопровождалось и соответствующим словесным антуражем, официальной терминологией в переписке с соседями. Во второй половине 1530-х годов грамоты бия начинались «по-хански», с использованием формулы *сёзюм* (мое слово): «Силы находца Сидихметево княжое слово», «Победителя Сеид Ахматово княжое слово неправому верою Ивану ведомо б было», «Болшево в князех Сидахматово княжое слово» и т.п.[6] (Посольские 1995, с. 2, 130, 164). Соответственно ногаи попробовали также «подправить» и взаимное ранжирование государей. В цитированном письме Урака сказано о рекомендации съезда Ивану IV «в дружбе и братстве быти» с ногайской верхушкой. Правда, Саид-Ахмед поначалу не решился адресоваться к московскому монарху как к «брату», но об этом его намерении известил великого князя Шейх-Мамай (Посольские 1995, с. 97). А Мамай, не связанный итогами съезда, прямо называл его «братом моим князем Иваном» (Посольские 1995,

---

[4] Некоторые авторы датируют воцарение Хакк-Назара 1538 годом, хотя и без ссылок на источники (см., например: История 1957, с. 173; Кузембайулы, Абиль 2000, с. 139; МИКХ, с. 536). Считается, что впервые этот исторический персонаж появляется на страницах документов в 1549 г. (Абусеитова 1985, с. 49).

[5] Возможно, фигура подставного хана потребовалась Саид-Ахмеду и для получения от того титула беклербека, т.е. обретения дополнительного веса в глазах мирз.

[6] В своем превосходном исследовании о джучидских ярлыках М.А.Усманов убедительно показал, что *сёзюм* являлось прерогативой ханских посланий, в частности на Русь. Беки же и мирзы всегда «били челом», и единственный (как считает данный автор) случай употребления *сёзюм* Саид-Ахмедом является ошибкой писца или же результатом контаминации текста (Усманов М. 1972, с. 194). Но, во-первых, «мое слово» повторялось у Саид-Ахмеда из года в год, что, очевидно, исключает ошибку при переводе или переписывании. «Младшие» мирзы в то время действительно «били челом» великому князю (Усек б. Хасан, Кель-Мухаммед б. Алчагир, его сын Джанай и др.), «большие» же использовали выражение «много много поклон» (Шейх-Мамай, Мамай, Хаджи-Мухаммед). Во-вторых, на фоне монархических поползновений ногаев той поры ханское *сёзюм* в посланиях бия выглядит не единичным и ошибочным, а, напротив, логичным и естественным.

с. 97). Подобные намерения получили от Москвы быструю и жесткую отповедь; ссылки же на давнее отношение Эдиге к правителю Московии как отца к сыну были восприняты как «неподобные речи»: «Ты (Саид-Ахмед. — *В.Т.*) отцом меня не молвил и братом не зови». Тем более вызывающим выглядело последующее предложение бия назвать «себе меня ***государем*** и братом». Русская сторона веско указала: «И нам государь един Бог, а братья нам — тоурскои салтан и иные цари» (и не ниже!) (Посольские 1995, с. 94, 193, 194).

Таким образом, амбиции ногайского предводителя постепенно возрастали — от «брата и друга» к «государю». То же касалось и придворного церемониала. В своей ставке бий предлагал принимать русских послов с теми же официальными процедурами, с какими принимали ногайских в Москве: в частности, не обнажать головы при аудиенциях у великого князя, так как москвичи, присланные «в Нагаи», на приеме у бия остаются в шапках. Посольский приказ готовил своих эмиссаров к возможной встрече у ногаев с возрожденными золотоордынскими дворцовыми ритуалами и строго запрещал выполнять их (см., например: Посольские 1995, с. 111, 159 и др.). То, что было уместным в старину в Сарае или в XVI в. в Бахчисарае, казалось русским недопустимым и унизительным для себя в Сарайчуке. Между тем летнее кочевое стойбище и зимняя резиденция бия в самом деле стали понемногу приобретать черты ханского двора. Там появился придворный персонал — кара-дуван, теку-дуван, писцы и др.

Еще одним показателем нового ви́дения своего ранга ногайскими предводителями были попытки требования от Москвы ордынского «выхода» и тех выплат, что были обещаны Мухаммед-Гирею I и калге Бахадур-Гирею во время крымского нашествия на Москву 1521 г. На протяжении 1534–1537 гг. Саид-Ахмед неоднократно требовал себе таких же платежей, какие «всем царям казну даешь», причем в девятикратном, т.е. традиционно ордынском, исчислении. Образцы указывались ясно: сто тысяч алтын «взимка», которые Москва когда-то собирала в качестве ордынского выхода, а также шестьдесят тысяч алтын, якобы выплачивавшихся Василием III Мухаммед-Гирею I, который «тобя ежегод воевал» (Посольские 1995, с. 94, 127, 130, 164, 165).

Основанием для требований дани ногайская сторона считала свою победу над крымским ханом в 1523 г. и, стало быть, переход к ней его финансовых прерогатив: «От колких лет после царя которые куны давал еси ему, тех забыл еси. И Бог тот (Крымский. — *В.Т.*) Юрт нам дал» (Посольские 1995, с. 131). Для вящей убедительности приводились ссылки на московскую древность: «Дед твои Калита Иван двунадцати (золотоордынским. — *В.Т.*) чиновьникам ис калиты денги горьстью емлючю, посылал. И опосле того дяде нашему Темирю князю сорок тысяч алтын денег давывали. А нашим толды отцем еще Юрт ся

не достал. А ныне, слава Богу, тот Юрт у нас»[7] — выходит, нам и платите (Посольские 1995, с. 156).

Распределение дани тоже предлагалось по прецеденту: то, что шло «Магмет Кирею царю», предназначалось Саид-Ахмеду, а то, что полагалось крымским бекам, — ногайским «карачеям» (Посольские 1995, с 127). В соответствии с распределением компетенции мирз на примирительном съезде эта схема детально расписывалась: «Ты что царю давал, то мне (бию. — *В.Т.*) даи; а что Багатырь салтану (калге Бахадур-Гирею. — *В.Т.*) давал, то Ших Мамаю даи; а что князю (беклербеку. — *В.Т.*) давал, то Кошуму даи; а хоти к тобе посол Мамаев не пошел, и ты б ему Нурадинову пошлину таки послал; а Юсуфу в головах таки пошлину пошли» (Посольские 1995, с. 93, 200). Долю калги требовал в своих обращениях Шейх-Мамай (Посольские 1995, с. 201).

Реакция Москвы на эти претензии, неслыханные доселе от ногаев, колебалась от мягких увещеваний («Государь наш дружбы не выкупает, кто ему дружбу учинит, и он того своими поминки не оставит») до резкого отказа («Ни из начала такое дело не бывало — которое царю (крымскому хану. — *В.Т.*) посылаем, таковы бы нам к тебе поминки посылати, а иным мырзам калгины, а иным мырзам иных царевичев поминки... И тобе было так писать непригоже — чюжих поминков просити»). А иногда русские негодовали, отбросив политес: «И ты, князь, положи на своем разуме: пригоже ли так пишешь?!» (Посольские 1995, с. 168, 214). В Сарайчуке обижались, намекали на давний поход Эдиге к Москве, выговаривали русским послам («никто... мне так не смеетца, как государь твои») (Посольские 1995, с. 130, 148), но настаивать до конца не решались. Перспектива конфликта с сильной Россией не прельщала мирз.

Крымский хан Сахиб-Гирей, ненавидевший и боявшийся ногаев, тем более никогда не признал бы за ними статус ханства. Для Порты же все ногайские бии и мирзы были на одно лицо, и султану был безразличен конкретный ранг мангытского бия — одного из многих биев Дешт-и Кипчака. О реакции на решения курултая других правителей — казахских, казанских, среднеазиатских — ничего не известно.

Примирение мирз сопровождалось распределением не только иерархических степеней, но и, что более важно, реальной компетенции и уделов внутри Ногайской Орды. За Шейх-Мамаем было официально закреплено управление восточными, заяицкими кочевьями. Под его контролем находились степи Казахстана и Юго-Западной Сибири. Подвластные ему земли простирались от Яика до Сырдарьи и Иртыша. «Говорят, эта страна пустынна... а если где и обитаема, то

---

[7] В данной цитате под Юртом подразумевается Золотая Орда.

там правит татарами Ших-Мамай» (Герберштейн 1988, с. 164, 179)[8]. Западной группировке мирз были доверены поволжские степи. Урак передал это так: «А коли (т.е. когда. — *В.Т.*) Сеид Ахмет князь на Яике был, а Ших Мамаи мирза на Сыре (Сырдарье. — *В.Т.*) был, и оне нам, двем мырзам — Келмагметю да мне, Ураку, — придумали на Волге быти» (Посольские 1995, с. 203). Старшим на этой территории стал Хаджи-Мухаммед (Кошум) б. Муса. Он с удовольствием вступил в новую должность и подумывал о том, чтобы прочно обосноваться на волжском правобережье. У Ивана Васильевича он запросил «топорников и пищалников» с намерением поставить на Волге собственный город (шестилетний великий князь мастеров не дал, сославшись на свою занятость) (Посольские 1995, с. 227).

Итак, Ногайская Орда оказалась разделенной на три части: восточную во главе с Шейх-Мамаем, центральную во главе с Саид-Ахмедом и западную во главе с Хаджи-Мухаммедом. О существовании такой структуры в 1530-х годах свидетельствуют два независимых друг от друга источника. Вот свидетельство С.Герберштейна: «В наше время этими княжествами владели трое (братьев), разделивших области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком... и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, — всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра (Волгой. — *В.Т.*); третий (из братьев) Ших-Мамай обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» (Герберштейн 1988, с. 179). Мирза Ураз-Али б. Шейх-Мухаммед в письме Ивану IV в 1549 г. вспоминал: «При Сеид Ахмете князе Хошмагмедю мирзе досталося Волга, да при нем же Ших Мамаю мирзе досталося по Яику та сторона, что от встока реки Уюлдачъем» (вероятно, Уила и Эмбы) (Посольские 1995, с. 311). Очевидно, ту же структуру подразумевал посол Д.Губин, когда рассказывал о посещении его в ставке Саид-Ахмеда пошлинниками «от трех орд» (Посольские 1995, с. 126).

Данная структура представляла собой классическое кочевое (и не только) деление на крылья и центр. Введение ее требовало и изменений во властных эшелонах, необходимо было соответствующим образом обозначить глав крыльев. В ордынской политической традиции главой левого (восточного) крыла являлся хан, главой правого (западного) — беклербек. Но бийским, равным беклербекскому, рангом обладал Саид-Ахмед, ханом его никто не признавал, да и сам он чувствовал себя лишь «во царево место». Шейх-Мамай тоже отнюдь не был настоящим калгой, ведь этот титул предполагал наследование монаршего престола, а не «княжеской» должности мангытского бия.

---

[8] Информация Герберштейна относится к 1520-м годам, из чего следует, что еще задолго до формального выделения уделов влиятельные мирзы распространили свое влияние на различные части территории Орды.

Ногаям пришлось изобретать собственную титулатуру. Для номинации глав крыльев были использованы в нарицательном значении имена сыновей Эдиге — Нур ад-Дина и Кей-Кавада, которые некогда владели улусами на соответствующих территориях. Глава правого крыла получил название *нурадин*, левого — *кековат*. В соответствии с той же древней традицией лидер западного крыла занимал второе место в иерархии после верховного правителя. Поэтому естественно, что сначала пост нурадина был предложен непримиримому Мамаю (см. выше грамоту Саид-Ахмеда с описанием разверстки должностей). Но мирза и на этот раз, видимо, не стал связываться с нововведениями, и нурадинство досталось Хаджи-Мухаммеду, который в 1538 г. деловито осведомлялся у Ивана IV: «А вспросишь своих старых старцов: Нурадын мирзины пошлины не ведают ли с Астархани. И ныне бы ту пошлину мне дали» (Посольские 1995, с. 208). Впрочем, похоже, первое время Мамай и Хаджи-Мухаммед формально являлись нурадинами одновременно: первый — старшим нурадином, второй — нурадином-военачальником (подробнее см.: Трепавлов 1993б).

Восточным наместником-кековатом стал Шейх-Мамай. Не исключаю, что и этот ранг тоже предлагался Мамаю. Ураз-Али-мирза вспоминал: «При Юсуфе князе мне кехуватство досталось... И Ших Мамаи князь в том был, и ***Мамаи мирза в том же был***» (Посольские 1995, с. 311). Стремление успокоить и утолить амбиции «больших» мирз привели к необычному раскладу обязанностей. Оба нурадина должны были стоять в пирамиде власти сразу вслед за бием, а кековат — за нурадинами. Но в действительности второе место среди ногайской знати занимал кековат-«калга» Шейх-Мамай. Со временем эта немного путаная поначалу конструкция обрела надлежащую стройность, в чем мы убедимся ниже.

Вне системы крыльев осталась Башкирия, заселенная и «колонизованная» ногаями довольно поздно (см.: Трепавлов 1996; Трепавлов 1997в). Ее коренные жители не подверглись разверстке по крыльям, а вынуждены были платить ясак сразу всем «трем улусам» (Кузеев 1957а, с. 8), т.е. ведомствам бия, нурадина и кековата.

Крыльевая реформа сразу внесла четкость в обязанности и функции множества мангытских аристократов. Шейх-Мамай с братьями, приписанными к левому крылу, взял на себя задачу стоять «в заставе за Яиком на реке на Еме» (Эмбе), держа оборону от казахов. Западные мирзы Хаджи-Мухаммед, Мамай и Кель-Мухаммед с Ураком «стояли в заставе от Крыму» и иногда отправлялись в походы на Северный Кавказ (Посольские 1995, с. 128). Не санкционированные тремя высшими иерархами набеги теперь не допускались, и иерархов этих чрезвычайно устраивал новый порядок власти. «Что князь молвит, яз ис того не выиду», — повторим высказывание Шейх-Мамая того времени.

Единодушие «Эдигу уругу мангытов» настолько упрочилось, что мирзы правого крыла обещали брать на себя ответственность за внешнеполитические проступки своих коллег из левого крыла, и наоборот[9].

Административные преобразования периода правления Саид-Ахмеда обозначили качественный поворот в ногайской истории. Рыхлое объединение «казаков»-ногаев с неясным статусом на глазах обретало черты стабильного Юрта, кочевого владения-ханства. Пусть династическая титульная «номенклатура» и оказалась недоступной для сыновей Мусы, но они обошли это препятствие введением собственной оригинальной титулатуры. В Ногайской Орде сформировались территориальное деление и более или менее упорядоченная система власти. Поэтому окончательное оформление ногайской державы должно датироваться, очевидно, именно второй половиной 1530-х годов[10].

Переворот Шейх-Мамая. Сохранившиеся Ногайские посольские книги не содержат материалов за 1538–1547 гг., Крымские — за 1540–1544 гг. Поэтому обратимся к летописным данным. Летописи очень лаконично отражали зарубежную историю, и восстанавливать ее зачастую приходится по косвенной информации. 7 ноября 1541 г. на Москве объявилось посольство «от Шихмамая князя да от Кошум мурзы, да Исмаил мурзы и от иных мурз». «Князь» и мирзы в грамотах подтверждали свое дружелюбие к русскому государю. Как ни в чем не бывало, будто не было споров и претензий в предыдущем десятилетии, бояре от лица Ивана Васильевича направили «Шихмамаю князю и мурзам» благожелательные ответы (Александро-Невская 1965, с. 135, 136; Летописец 1965, с. 40, 41; Патриаршая 1904, с. 100, 101; Патриаршая 1906, с. 439).

Отсутствие Саид-Ахмеда на посту бия удивления не вызвало, хотя трудно ожидать эмоциональной реакции от источника подобного рода. Означало ли это, что Саид-Ахмеда сменил брат? Документальных свидетельств на этот счет не обнаружено. В декабре 1546 г. в Москву привезли послание от крымского хана Сахиб-Гирея, который извещал, что «нагаискые князи, Ших Мамаи князь в головах, и все мирзы нам послушны учинились. Кого мы велим им воевать, и им того воевать...

---

[9] Хаджи-Мухаммед — Ивану IV, 1535 г.: «Яз за Ших Мамаи мирзу и за Мамаи мирзу, и за Юсуф мирзу, и за Исмаил мирзу имус[ь], и всех братии своеи и детеи минять на собя возму. А и брат наш стареишеи князь и Ших Мамаи мырза в головах, всех своих братьи меншеи и детеи также минять возмут» (Посольские 1995, с. 157). *Минят* — ответственность (см.: Веселовский 1910а).

[10] Не случайно некоторые исследователи, даже не вникавшие в тонкости реформ Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая, относили превращение Ногайской Орды в самостоятельное государство к 1540-м годам (Кочекаев 1973, с. 21; Кузеев 1992, с. 103; Сафаргалиев 1960, с. 229). Правда, вопрос о том, в какой степени ее можно считать именно государством, остается довольно спорным. См. об этом очерк 4 настоящей монографии.

Так нам послушны и повинны учинились» (КК, д. 6, л. 57–57 об.). Саид-Ахмед опять не упоминается, и кажется, что Шейх-Мамай — во главе («в головах») Ногайской Орды. Наконец, в грамоте, привезенной в русскую столицу в ноябре 1548 г., сам Шейх-Мамай сообщал, будто он «ныне... на отца своего Юрте князем учинился» (Посольские 1995, с. 245). С тех пор и до июля 1549 г., когда посланцы следующего бия, Юсуфа, рассказали о кончине Шейх-Мамая (Посольские 1995, с. 292), составители царских грамот титуловали его не иначе как князем. Из этих отрывочных сведений выясняется, что бывший «калга» и рековат действительно в 1540-х годах возглавил ногаев.

Некоторые историки увязывают «вокняжение» Шейх-Мамая со смертью предыдущего бия в начале 1540-х годов или же с его изгнанием в 1548 г. (см.: Жирмунский 1974, с. 449; Сафаргалиев 1938, приложение; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 206). Из фрагментарных сведений можно определить, что произошло это все-таки не естественным путем — наследованием по смерти предшественника, а в результате свержения его. По причине каких-то драматических событий Саид-Ахмед оказался в Средней Азии. Вместе с ним туда отправились дети и ближайшие соратники-мирзы. Ранние источники называют местом их пребывания «Юргенч», т.е. Хорезм. Еще в 1551 г. Саид-Ахмед был жив, и руководители Орды на курултае совещались, «как им оборониться от Шиидяка князя и от его детеи, и от Мамаевых детеи. А Шиидяк... и дети ево и иные мурзы с ним в Юргенче» (НКС, д. 4, л. 38 об.–39). Сам бывший бий, похоже, не проявлял агрессивности (из-за старости?), но сыновья его то и дело совершали набеги на родину и угоняли скот (Посольские 1995, с. 305, 306). Более поздние памятники — Родословцы XVII в. указывают на другое место жительства: «А Шидяк в Бухарех» (РГБ, ф. 256, д. 349, л. 279 об.; Родословная 1851, с. 130). Возможно, он в самом деле перебрался в окрестности Бухары, на территорию юрта узбеков-мангытов в Шейбанидском государстве.

Сами ногаи в то время неохотно посвящали чужеземцев в детали внутренних распрей. В 1549 г. бий Юсуф излагал последовательность своих предшественников спокойно и без намеков на перевороты и заговоры: «Наперед нас княжил Сеид Ахмед князь, и он урок свои отжил. А после того Ших Мамед (так в тексте. — *В.Т.*) князь был, и тот свои урок отжил» (Посольские 1995, с. 307).

Тем не менее заговор и переворот, вероятно, все-таки имели место. Противостояли на этот раз лагеря Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая. К первому присоединился Мамай, который наконец решил вмешаться в реформаторскую деятельность братьев. Об участии этого мирзы в раздорах опосредованно свидетельствует упоминание детей Мамая в хорезмской эмиграции. Ко второму лагерю принадлежали остальные сыновья Мусы, Юсуф и Исмаил. О том, что они выступали сообща,

говорит их совместная с Шейх-Мамаем шерть Ивану IV в январе 1549 г. (НГ, д. 7, л. 1 и сл.; Посольские 1995, с. 264).

За отсутствием информации приходится лишь догадываться о причинах очередного конфликта. В.М.Жирмунский тоже пришел к заключению, что в 1540-х годах в Ногайской Орде произошла сумятица, и считал ее подоплекой династический фактор: дети от первой жены Мусы во главе с Шейх-Мамаем поднялись на детей от второй, или наоборот; В.М.Жирмунский при этом допускал, что соперники могли править одновременно (Жирмунский 1974, с. 444, 449, 491). М.Г.Сафаргалиев интерпретировал данные источников таким образом, что в 1536–1537 гг. Шейх-Мамай восстал против своего брата «Сейдяка», изгнал нурадина Мамая и объявил себя бием (Сафаргалиев 1938, с. 146).

Думается, факт происхождения от разных матерей не являлся определяющим. Полагаю, что через три-четыре года после разверстки крыльев на съезде примирения и раздачи новых титулов Шейх-Мамая перестал удовлетворять статус второго лица ногайской державы и он захотел стать первым. Надо сказать, определенные основания для этого у него имелись. Из всех ногайских иерархов он стал наиболее могущественным и влиятельным. Шейх-Мамаю как наместнику восточных кочевий достались функции управления башкирами, связей с казахами и Сибирским юртом. Он был женат на дочери бывшего завоевателя Ногайской Орды, казахского хана Касима б. Джанибека (Абусеитова 1985, с. 66; Кляшторный, Султанов 1992, с. 276)[11]. Башкирией он правил сурово и умело, ввел там налогообложение и полностью подчинил своей воле местную знать. При дворе мирзы воспитывались высокородные принцы — казахский царевич Хакк-Назар б. Касим и сибирские султаны Кучум и Ахмед-Гирей, внуки Ибака. Это давало возможность Шейх-Мамаю в будущем посадить в соседних ханствах зависимых от себя монархов (подробнее см. ниже). Для своих целей ногайский «калга» мог мобилизовать огромные массы кочевников, ведь в его распоряжении был весь восточный Дешт-и Кипчак. Подчиняться старшему брату, хотя и признанному верховным правителем в 1536 г., он в конце концов не пожелал. Соратниками его по этой интриге оказались его младшие братья, Юсуф и Исмаил. Поскольку о Саид-Ахмеде как о бие после 1541 г. мы не имеем абсолютно никакой информации, то его свержение попробуем датировать приблизительно рубежом 1530–1540-х годов.

Переворот Шейх-Мамая вызвал разноголосицу в характеристике его положения. Мы видели, что в Крыму и в России в 1540-х годах его

---

[11] Это фольклорные данные. В дипломатической переписке единственный раз упоминается старшая жена Шейх-Мамая, Булдур-ханым (Посольские 1995, с. 162). Возможно, она и была дочерью Касима, хотя обычно супруги биев из ханских семей в русскоязычных документах назывались царицами.

однозначно воспринимали как бия. Позднее, уже в 1550–1570-х годах, сами ногаи титуловали его не столь единодушно. «Князем» (бием) его неукоснительно называли собственные сыновья, что естественно и понятно, а также мирза Мухаммед б. Исмаил. Сам же бий Исмаил называл Шейх-Мамая мирзой и в то же время следующего за Шейх-Мамаем правителя, Юсуфа, — бием; мирзой остался Шейх-Мамай и в памяти внуков Исмаила. А в грамоте бия Дин-Ахмеда б. Исмаила 1577 г. речь ведется как о «Шихмамаи мирзиных», так и о «Шихмамаи княжих» детях (НКС, д. 4, л. 113, 307 об.; д. 5, л. 33; д. 7, л. 52 об.; д. 8, л. 38 об., 39, 55 об., 58; 1587 г., д. 2, л. 26).

Кадыр Али-бек отразил своеобразие статуса следующим образом: «После Хасан-бека был Шидак-бек, сын Мусы-бека. Затем ***правил улусом Шейх-Мамай, а сам беком не был***» (Кадыр Али-бек 1854, с. 155). В контексте данного сочинения, «Джами ат-таварих», «управление улусом» стоит в одном ряду с подобными парами Ямгурчи и Алача, Хасана и Алчагира. В самом деле, еще при бийстве Саид-Ахмеда Хаджи-Мухаммед б. Муса расценивал Шейх-Мамая как «мирзу в головах всех своих братьи меншеи и детеи» (Посольские 1995, с. 157), т.е. приписывал ему высочайшее место среди мангытской знати Орды. После изгнания бия Шейх-Мамай утвердился в Сарайчуке, видимо, без формального утверждения на съезде мирз. Крымцы и русские звали его «князем», но, во-первых, это было следствием терминологии самих ногаев: так титуловали своего патрона его послы; во-вторых, хану и царю было в общем безразлично, кто из сыновей Мусы оказался во главе державы: пусть, мол, сами разбираются, а называть любого из них бием — небольшой урон для ханского или царского престижа. Сам же Шейх-Мамай, похоже, ничуть не сомневался в своих правах и полномочиях. Но только осенью 1548 г. он четко обозначил свое место в Орде: «А ныне есми на отца своего Юрте князем учинился» (Посольские 1995, с. 245). Полагаю, что тогда он все же собрал съезд мирз и организовал церемонию возведения себя в ранг бия. Дополнительным аргументом в пользу этого служит и перезаключение шерти с Москвой, что делалось, как правило, при смене государя в одной из двух договаривающихся стран. В интитуляции той же грамоты он рекомендовался с невиданной дотоле для ногаев пышностью: «Высочаишаго порога государя и повелителя, от воина от благочестнаго Ших Мамая князя» (Посольские 1995, с. 245), использовав присущее мусульманским падишахам, в частности османскому султану, словосочетание *баб-и али* (великие врата, «высочайший порог»)[12].

Третья Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой хронологически захватила последний год правления Шейх-Мамая и

---

[12] Иногда «счастливым порогом» мирзы называли и московский двор (см.: Посольские 1995, с. 185).

отразила мало заметных событий, связанных с ним. В начале 1549 г. от имени его, а также Юсуфа и Исмаила был перезаключен шертный договор с Иваном IV. В этих условиях ногайские набеги могли бы расстроить переговоры, поэтому бий пытался унять своего воинственного сына Касима (Касая), рвавшегося поживиться на «украйнах». Когда тот все же не послушался и двинулся на северо-запад, Шейх-Мамай послал вслед за ним свою жену, мать Касима, и она уговорила мирзу вернуться. Посланное этим бием против крымцев войско мирзы Али б. Юсуфа потерпело сокрушительное поражение (см. ниже).

Когда Шейх-Мамай занял пост бия, в крыльевой структуре Ногайской Орды произошла обычная для кочевых империй трансформация. Центр и левое крыло объединились в одну провинцию, и держава оказалась разделенной на два равных крыла. Левое крыло теперь возглавлял сам Шейх-Мамай, совместив бийство с должностью кековата; пару нурадинов при нем составляли его сын Касим и Исмаил б. Муса (Трепавлов 1993б, с. 50, 56). Наместником Башкирии был назначен сибирский Шибанид Ахмед-Гирей (Трепавлов 1997в, с. 23, 24).

Отношения с восточными соседями. На востоке к Ногайской Орде примыкало Казахское ханство. Их отношения со второй четверти XVI в. уже не осложнялись принадлежностью Мангытского юрта к Джучидскому левому крылу: Кок-Орда окончательно отошла в прошлое. Стремительная и очень успешная «реконкиста» ногаев после смерти казахского хана Касима (1521 г.) надолго деморализовала и рассеяла казахов. Медленно собирались они с силами и лишь изредка осмеливались на военные предприятия в западном направлении. В основе противостояния двух самых многочисленных в ту эпоху народов Дешт-и Кипчака лежала борьба за пастбища, выгодные кочевые и торговые маршруты, политическое влияние на соседние регионы (см.: Исин 1988, с. 24), и здесь я согласен с А.И.Исиным. Но объяснение кратковременности войн между ними благотворным влиянием и чуть ли не солидарностью ногайского и казахского простонародья в пику воинственной и агрессивной правящей верхушке (см.: Исин 1988, с. 25) представляется неполным.

В 1520–1540-х годах Ногайская Орда столь явно и бесспорно доминировала в восточнодештских степях, что у ее противников в тех краях не находилось ни сил, ни решимости долго конфликтовать с ней. При этом если ногаи просто расширяли сферу своего господства, не имея для него каких-либо внятных идеологических объяснений, то со стороны казахов борьба с ними могла облекаться в форму восстановления своего полновластия на пространстве от Яика до Иртыша, т.е. ситуации времен Гирея, Джанибека, Бурундука и Касима (1470–1510-х годов). Другое дело, что этническая близость Казахского ханства и Ногайской Орды вызывала осознание культурного или даже

генетического родства[13], что, впрочем, не препятствовало политическому противоборству.

Заметим, что мангытские лидеры никогда не оспаривали исконные владельческие права казахских государей на восточные территории. В официальной терминологии документов, исходивших из Сарайчука, Казахское ханство именовалось довольно уважительно — по аналогии с Крымом («Тахтамышевым царевым юртом») и Астраханью («Темир-Кутлуевым царевым юртом») и по именам прародителей правящей там династии: «Бараков царев Казатцкой юрт»[14] и «Урусов царев юрт». Соответственно и местные сюзерены обозначались как «Бараковы (или Урусовы) царевы» сыновья, братья, род (см., например: НКС, д. 4, л. 142; 1586 г., д. 10, л. 97; Посольские 1995, с. 209–211).

В течение 1520-х годов ногаи вытеснили казахские улусы далеко на юго-восток. Преемники Касима — его сын Мамаш, Тахир б. Адик и Буйдаш б. Адик (см.: Султанов 1982, с. 116) управляли небольшим владением в районе Семиречья. В первой половине 1530-х годов у казахов было сразу несколько ханов. Один из них, видимо кочевавший западнее прочих и ближе к Ногайской Орде, чем другие, попал в полную зависимость от бия Саид-Ахмеда. Весной 1535 г. бий писал о нем: «Казатцкои царь Хозя Махмет царь с пятьюнатцатью сынами у нас живет» (Посольские 1995, с. 131). Данной архивной информации соответствуют сведения казахского фольклора и татарской средневековой историографии. Казахская родословная из сборника «Терме» гласит, что Сейтек (т.е. Саид-Ахмед) в 1535 г. взял в плен казахского хана Кожахмета с пятнадцатью сыновьями; этого Кожахмета убил Орак-батыр (Жирмунский 1974, с. 445). В.В.Вельяминов-Зернов и А.П.Чулошников сопоставили сообщение Саид-Ахмеда со сведениями Кадыр Али-бека, по которым «Акмат-хан погиб в войне с Шидаком от руки Урак-мирзы» (Вельяминов-Зернов 1864, с. 235, 275, 276; Кадыр Али-бек 1854, с. 164; Чулошников 1924, с. 132). Т.И.Султанов отождествляет упомянутого «казатцкого царя» с ханом Науруз-Ахмедом, который приблизительно в это время царствовал одновременно с Хакк-Назаром б. Касимом (Султанов 1982, с. 117); правда, Хакк-Назар б. Касим начал управлять, вероятно, немного позже, а в первой половине — середине 1530-х годов жил среди ногаев.

Таким образом, ногайская экспансия в восточном направлении остановилась, но ногаи продолжали расширять свою политическую

[13] По некоторым поздним казахским преданиям, казахи происходили от подразделения волжских ногаев, бежавшего от русских после завоевания теми Астрахани (Левшин 1832, ч. 2, с. 29).

[14] В публикации второй Ногайской посольской книги Н.И.Новикова выражение «на Баракове цареве на Казатцком юрте» помещено с опечаткой: «Казанском юрте» (Продолжение 1793а, с. 38). Это ошибочное написание, вызвавшее справедливое недоумение у В.В.Вельяминова-Зернова, было безоговорочно принято Г.А.Федоровым-Давыдовым (Вельяминов-Зернов 1864, с. 124; Федоров-Давыдов 1973, с. 165).

гегемонию. Ведущим воителем с казахами в 1520-х годах являлся Саид-Ахмед. По крыльевому же распределению 1530-х годов данный регион отошел еще и в ведение Шейх-Мамая. Эти два предводителя нанесли сокрушительный удар по остаткам Казахского ханства во второй половине 1530-х годов.

Не следует думать, будто казахи оказались бессловесной жертвой и легкой добычей — они были довольно многочисленны, а некоторые их предводители весьма воинственны. От соседства таких ханов и султанов более всего страдали узбекские монархи ханств Хорезма и Мавераннахра. В поисках подмоги против казахов, которые концентрировались на северных рубежах хорезмских и бухарских владений, взоры тамошних государей обратились к Ногайской Орде. Их сотрудничество стимулировалось и недавней политической историей: когда-то ногаи были мощной опорой северной ветви династии — сибирских Шибанидов.

В середине 1530-х годов начала складываться коалиция, направленная против казахских ханов. Бухарские и хорезмские правители не ладили между собой. Но против общего врага и ради союза с Саид-Ахмедом и Шейх-Мамаем они были готовы на время оставить распри. Поэтому не считаю верным тезис о том, будто ногаи не могли находиться одновременно в дружественных отношениях с обоими узбекскими государствами и, будучи союзниками одного, вынужденно становились противниками другого (см.: Кочекаев 1988, с. 52).

С хорезмским ханом мангытская знать в 1535 г. установила равноправные союзнические отношения («с Хоразминьским юртом ***братом*** ся есми учинили» — Посольские 1995, с. 97)[15], с бухарским ханом Убейдуллой б. Махмудом тоже пыталась наладить контакт. Правда, этот «царь Бебей» не направил на Яик ответного посла, да еще и не позволил ногайским купцам закупить в его городах луки, сабли и «всякое железо» (Посольские 1995, с. 146), но это едва ли может трактоваться как враждебность к ногаям из-за их сотрудничества с Хорезмом. Хотя и поступали известия, что «Бебеи царь и юргенские царевичи... ныне недрузи нагаем», мы не можем положиться на них, потому что тогда же посланец одного из вассалов Убейдуллы, Кистин-Кары б. Джанибека, явился к бию Саид-Ахмеду, чтобы сосватать дочь за своего сюзерена и предупредить: «Берегитись, быти вас казаком воевати!» (Посольские 1995, с. 146). Кажется, последнее обстоятельство объясняет осторожность бухарских властей: ответное посольство не было направлено, и оружие не было продано из опасения, чтобы то и другое не попало по пути через степи в руки врагов-казахов.

---

[15] В Ургенче тогда поочередно ханствовали потомки Буреке б. Ядгара: Султан-Хаджи б. Балбарс, Хасан-Кули б. Абулек, дети Аминека б. Ядгара — Суфиян, Буджуга и Аванеш (Аванак). Точная хронология их правлений неизвестна (см.: Бартольд 1965, с. 76, 77).

Тогда же Саид-Ахмед принял миссию ташкентского правителя Барака б. Сююнч-Ходжи с прямой просьбой напасть на казахов, так как «Тешкени... от казак... добре нужно (т.е. нужда, беспокойство. — *В.Т.*). Чают... на сем лете или на зиме ее („Тешкень". — *В.Т.*) возмут». Кампания против Ташкента являлась, по словам посла, единственной причиной, почему казахи, дескать, пока не двинулись на ногаев (Посольские 1995, с. 149). До Сарайчука дошли тревожные слухи, что к казахам присоединилась часть «калмаков» (ойратов). Тучи на востоке начали сгущаться. Похоже, разгромленные преемники Касима стали приходить в себя после жестокой «реконкисты». Шейх-Мамай, Юсуф и прочие мирзы, которым было определено кочевать в левом крыле, всю зиму простояли «в заставе за Яиком, на реке на Еме» (Эмбе) в ожидании нападения (Посольские 1995, с. 128). Очевидно, угроза вражеского набега послужила одной из причин созыва в апреле 1535 г. съезда знати Саид-Ахмедом и Шейх-Мамаем (он не состоялся из-за раздоров и был перенесен на июнь — см. выше).

Так в результате непродолжительных переговоров к лету 1536 г. оформился политический и военный союз Ногайской Орды, Бухарского ханства и Хорезма. С Убейдулла-ханом заключил антиказахское соглашение и правитель Моголистана Абд ар-Рашид (История 1984, с. 446). Ход войны проанализирован с максимальным привлечением источников А.И.Исиным. Казахи потерпели катастрофическое поражение. В жестокой сече пали их хан Тугум б. Джадик б. Джанибек и тридцать семь царевичей-султанов. По Мухаммед-Хайдару, решающие сражения разразились в 944/1537-38 г. В сентябре 1537 г. в Москве уже читали грамоту Юсуфа б. Мусы: «Казатцких людеи ходили есмя воевати и дошли есмя их» (Посольские 1995, с. 202), значит, разгром — Ногайская битва, по Кадыр Али-беку — произошел летом 1537 г. (Исин 1985а, с 48, 49; Исин 1988, с. 20). Еще долгое время после этого ногаи смаковали свою очередную победу, вспоминая ее к месту и не к месту: «Наперед того на Баракове цареве на Казатцком юрте ходили есмя. А ныне опять на свои Юрт пришли есмя», — делился воспоминаниями с великим князем Иваном Васильевичем мирза Хаджи-Мухаммед (Посольские 1995, с. 209). А Кель-Мухаммед б. Алчагир более чем через два года после войны писал так: «Урусов царев юрт был Бога забыл и нашего слова забыл, и шерть свою порушил. И Бог и того нам дал» (Посольские 1995, с. 211).

Вожди некоторых казахских элей вместе с подвластными родами перешли в подданство к победителям. Поскольку управление после «реконкисты» было монополизировано «Эдигу уругу мангытами», отыскать следы этого перехода непросто. Один пример удалось обнаружить А.И.Исину. В сентябре 1537 г. в русскую столицу прибыл посол мирзы Урака, убийцы казахского хана Ходжи Ахмеда, «князь китаи Байкобек» (Посольские 1995, с. 204), т.е. бий китайского эля.

В казахских народных генеалогиях действительно числится Байкобек из родового объединения кытай племени найманов, живший в XVI в. (Исин 1988, с. 14).

На внешнеполитической арене Ногайская Орда достигла апогея своей мощи. Наряду со сражениями в Казахстане, она вела войны с Астраханью и черкесами, активно вмешивалась в казанские дела. Успехи на востоке послужили одним из стимулов административных преобразований Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая.

Продолжилось партнерство с узбекскими государствами, что проявилось, в частности, в брачных союзах. В 1540-х годах Исмаил б. Муса женился на дочери мервского хана Дин-Мухаммеда б. Аванеша; за бухарского хана Абд ал-Азиза б. Убейдуллу и его родственника, упомянутого выше ташкентского Барака б. Суюнч-Ходжу, выдали дочерей Юсуф б. Муса и Касим б. Шейх-Мамай (Посольские 1995, с. 237, 308).

Одним из результатов Ногайской битвы стала для ногаев возможность распоряжаться казахским престолом. Именно тогда на него был посажен Хакк-Назар, ставший одновременно еще и формальным сюзереном Ногайской Орды, во всем покорным Шейх-Мамаю (см. выше).

Башкирский старшина Кадряс Муллакаев рассказал П.И.Рычкову во время Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг. о давней ногайской эпохе. Первого «ногайского хана» Башкирии, Алтакара (т.е. Алчагира. — *В.Т.* См.: Трепавлов 1997в, с. 17, 18), убил некий Акназар-султан, который «был от поколения тутошних старинных ханов», «владел не только одними... ногайцами и Башкириею», но также татарскими и среднеазиатскими ханствами; свою дочь он выдал за знатного ногайского мирзу Шейх-Мамая (Рычков 1896, с. 69). Другое башкирское предание, записанное Р.Г.Игнатьевым, гласит, что «первый хан, пришедший сюда (на Уфимское городище. — *В.Т.*) из Сибири, был Алкадар, и был царского рода. Он изнурял башкир, отбирал у них земли, скот, имущества... облагал тяжкой податью, так что за право переплыть реку Белую башкиры платили хану по лисице, бобру и кунице» (Игнатьев 1883, с. 336). Выделим значимые моменты: 1) ногайский правитель Акназар (Алкадар) принадлежал к ханскому роду (стало быть, не являлся мангыто-ногайским мирзой); 2) он был из рода м е с т н ы х правителей (что также не позволяет причислить его к ногаям, основная масса которых прикочевала на Южный Урал сравнительно поздно, приблизительно в последней четверти XV в. — см.: Трепавлов 1997в, с. 12, 15, 16); 3) он управлял всей Башкирией; 4) установил там налогообложение; 5) Акназар стал тестем Шейх-Мамая (по другим башкирским фольклорным данным, шурином); 6) граница его владений проходила по реке Белой; 7) ставка его находилась в Имэн-кале, будущей Уфе; 8) он пришел в Башкирию из

Сибири; 9) ко времени прихода туда носил титул султана (т.е. на тот момент не обладал ханским достоинством).

Отсутствие в текстах прямой этнической атрибуции привело Н.А.Мажитова и А.Н.Султанову к заключению, что Акназар был ногайским ханом, «одним из местных башкирских ханов, видимо, ногайского происхождения»; при этом слова о господстве его над Поволжьем и Средней Азией якобы доказывают факт объединения им «в пределах своего государства» всей или большей части территории Башкирии (Мажитов, Султанова 1994, с. 319, 321). А.П.Чулошников увидел в Акназаре «потомка ногайских мурз» и подошел к титулованию его осторожнее, обозначив его не как хана, а как «главного мирзу» (Чулошников 1956, с. 54). Почему-то эти авторы не стали рассматривать прозрачную аналогию с казахским Хакк-Назаром. А.Н.Усманов посчитал, например, что в народной памяти смешалась информация о Хакк-Назаре и о «ногайском хане» Акназаре, которые жили соответственно во второй и в первой половине XVI в. (Усманов А. 1982, с. 66–70). Из известных мне работ лишь у Р.Г.Кузеева однозначно утверждается, что в указанных преданиях речь идет именно о Хакк-Назаре (Кузеев 1992, с. 103, 104). Но эта констатация, естественно, не проясняет причин появления казахского царевича в Ногайской Башкирии. Попробуем разобраться.

Из казахского фольклора известно, что в молодости Хакк-Назар жил у одного из ногайских мирз (Абусеитова 1985, с. 49; Вяткин 1941б, с. 88). Среди ногаев, по мнению А.Миллера, юный царевич приобрел военные навыки, развив свой талант незаурядного полководца (Миллер А. 1942, с. 51). По башкирским сказаниям можно судить о том, с кем из мирз Хакк-Назар находился в наиболее тесных отношениях. Это муж его сестры, Шейх-Мамай, чьи кочевья и улусы после «реконкисты» находились в Западном и Центральном Казахстане. Хакк-Назар, без сомнения, принадлежал к ханскому роду[16], причем как раз к «поколению тутошних старинных ханов», по выражению К.Муллакаева. Но «тутошних» означает, конечно, не башкирских правителей, а Джучидов левого крыла, к которому относилась Башкирия в XIII–XIV вв. Ханское происхождение его было неоспоримо для ногайских сановников: свою позднейшую вражду с ним они обосновывали ее исконностью еще со времен «Акназарова царева отца» (т.е. предка), хана левого крыла Золотой Орды Уруса (НКС, д. 8, л. 231; д. 9. л. 28 об.).

Учитывая данные о воспитании его при дворе Шейх-Мамая, мы не считаем невероятным, чтобы тот решил породниться с казахским султаном. С персоной Шейх-Мамая связано и утверждение предания,

[16] Родословная Хакк-Назара, по одной из версий, такова: Хакк-Назар б. Касим б. Джанибек б. Барак б. Куйручак б. Урус б. Будакул б. Ходжа б. Уз-Тимур б. Туга-Тимур б. Джучи б. Чингисхан.

будто Акназар явился в Башкирию из Сибири. Уже приводились слова С.Герберштейна об улусно-крыльевом разделении Ногайской Орды, в соответствии с которым «частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» правил не кто иной, как «Ших Мамай». А поскольку Сибирь в XV — первой половине XVI в. понималась как регион главным образом бассейнов Тобола и Иртыша (и, видимо, до Яика[17]), то в башкирском источнике вполне можно рассматривать «Сибирь» как ногайский удел Шейх-Мамая. Так как оба башкирских сказания титулуют Хакк-Назара султаном, значит, Башкирия очутилась под управлением Хакк-Назара до вступления его на казахский трон в 1537 г. Думается, этим годом нужно ограничить срок его наместничества там.

Фантастические же сведения о владычестве его над Казанью, Астраханью, Бухарой, Хивой и пр. представляются отражением гегемонии этого хана в степях Казахстана после окончательного разрыва его с Ногайской Ордой во второй половине XVI в. или же какими-то реминисценциями образа Чингисхана.

Итак, Шейх-Мамай направил в Башкирию своего воспитанника и родственника Хакк-Назара. Очевидно, именно в период его наместничества окончательно сформировалась система ногайского господства над башкирами, столь эмоционально описанная Р.Г.Игнатьевым: налоговый гнет (это новшество было столь значительным, что сохранилось в народной памяти); иерархия мирз и местной туземной знати; возможно, в те же годы башкиры подверглись усиленной исламизации. В целом жесткие нововведения Шейх-Мамая и Хакк-Назара полностью находились в русле административных преобразований, предпринятых в Ногайской Орде в 1530-х годах. В 1537 г. бий Саид-Ахмед и «калга»-кековат Шейх-Мамай, только что разгромившие Казахское ханство, переместили своего ставленника из Башкирии и провозгласили ханом над ногаями и казахами. Первое время тот сохранял абсолютную лояльность к патронам и в 1548-49 г. участвовал в сражениях между среднеазиатскими государями на стороне мервского Дин-Мухаммед-хана (Исин 1988, с. 20, 21) — нового родственника мирзы Исмаила, который, видимо, и направил Хакк-Назара на войну.

Непросто выстраивались ногайско-сибирские отношения, хотя и не столь драматично, как с казахами. Выше отмечалось, что сибирский Шибанид хан Ибак (Ибрагим) б. Махмудек в 1495 г. был свергнут и

[17] «Область Сибиер... В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море» (Герберштейн 1988, с. 163–164). Косвенным подтверждением того, что Башкирия находилась с сфере компетенции Шейх-Мамая, является тот факт, что весной-летом 1535 г. его сын Хан совершил набег на новоприсоединенные российские земли в Вятке («Нократ»), переправившись через реку Белую («Белую Воложку» — Агидель), расположенную на всем своем протяжении в Ногайской Башкирии.

убит местной знатью. В Тюмени утвердилась нечингисидская династия Тайбугидов. Они, как нелегитимный клан, не осмелились занять ханский престол; тайбугидские правители являлись беками. В таком же точно положении уже почти сотню лет находились к тому времени потомки Эдиге. Иерархическое различие между государями Ногайской Орды и Сибирского юрта исчезло. Отношения между ними установились номинально равноправные, а практически — враждебные. Можно полагать, что свержение Шибанидов в Сибири послужило одним из факторов государственного оформления Ногайской Орды, избавившейся наконец от вышестоящего сюзерена. (Впрочем, у нее оставались еще сложные противоречия с ханами казахов, которые были разрешены только в 1520-х годах.)

Первое время ногаи не оставляли надежд посадить на сибирский трон своего ставленника, который освящал бы законность их гегемонии в Деште. Однако попытки возведения на престол таких ханов (Мамука б. Махмудека, Агалака б. Махмудека, возможно, Ахмеда б. Мамука) оказались неудачными из-за очевидной слабости и невысокого политического престижа кандидатур. Не могли исправить положения и вооруженные конфликты (в 1535 г. Шейх-Мамай воевал Сибирский юрт — см.: Посольские 1995, с. 155): политических проблем они не решали. На некоторое время, как нам уже известно, мангытская знать отказалась от практики возведения подставных ханов. Вместе с тем она не оставила и традиционную линию на поддержку Шибанидов, в частности внуков Ибака, Ахмед-Гирея и Кучума, второго и третьего сыновей султана Муртазы (Кадыр Али-бек 1854, с. 156). К этому располагали и дружеские связи ногаев с узбекской (среднеазиатской) ветвью этого клана[18].

По башкирскому преданию К.Муллакаева, после смерти Акназара в течение семи лет ногаями и башкирами правил хан Измаил (Рычков 1896, с. 69). Н.А.Мажитов и А.Н.Султанова отнесли это семилетие к рубежу 1530–1540-х годов, потому что легендарный преемник Измаила — такой же «башкирский хан ногайского происхождения» «Ахмет Гирей» б. Акназар — был современником падения Казани в 1552 г.; отсюда же эти авторы заключили, что Акназар находился в Башкирии в 1520–1530-х годах (Мажитов, Султанова 1994, с. 320). Несмотря на полную необоснованность посылки (авторы никак не вычисляют начало правления «Ахмет Гирея», чтобы датировать предыдущих правителей), мы должны согласиться с этой периодизацией — но на других основаниях. Во-первых, исторический Хакк-Назар погиб в 1580 г. Поэтому если прообразом башкирского Акназара являлся казахский султан, то в основе данного сюжета лежала не смерть его, а отъезд в 1537 г. для воцарения на родине, в Казахстане.

[18] По преданиям сибирских татар, Муртаза б. Ибрагим имел удел именно в южной части Шибанидской империи — в Мавераннахре (Миллер Г. 1937, с. 196).

Во-вторых, для второй четверти XVI в. известен только один Исмаил — ногайский мирза, сын Мусы. Он появился на исторической арене в 1530-х годах и в середине следующего десятилетия стал нурадином — правителем ногайских владений в Поволжье и командующим правым крылом ногайской армии. Если допустить, что Исмаил был наместником Башкирии после Хакк-Назара, то, прибавив к 1537 г. семь лет, получаем 1544 г. — приблизительный срок начала его пребывания на посту нурадина.

К.Муллакаев рассказал далее, что, когда скончался Исмаил, башкирами стал управлять «Ахмет Гирей», сын Акназара; тогда же, дескать, в Казани ханствовал Шах-Али. По взятии Иваном IV Казани он со множеством ногаев откочевал на Кубань (Рычков 1896, с. 69). А.П.Чулошников датировал «воцарение» «Ахмет Гирея» 1546 годом (Чулошников 1956, с. 54) — видимо, началом третьего ханствования Шах-Али в Казани. Однако и здесь много несоответствий. Исмаил умер в 1563 г.; правда, как и в случае с Акназаром (Хакк-Назаром), его откочевка из Башкирии могла трансформироваться на фольклорном уровне в смерть. Кроме того, среди ногайских мирз неизвестен Ахмед-Гирей, а «башкирских ханов ногайского происхождения», к каковым Н.А.Мажитов и А.Н.Султанова причислили «Ахмет Гирея», не существовало вообще. Из сыновей Хакк-Назара имена двоих не сохранились в источниках, а остальных звали Мунгатай, Дин-Мухаммед и Тиним (Султанов 1982, с. 118). Единственный исторический деятель — тезка героя башкирского сказания — это Ахмед-Гирей б. Муртаза.

Предание сибирских татар, зафиксированное Н.Ф.Катановым, гласит, что «Акмет Керей хан» был убит своим тестем и затем воцарился его брат Кучум, которому исполнилось в ту пору двенадцать лет. Пока Кучум рос, его народом управлял «султан Ногай» (Катанов 1896, с. 7, 8). У Г.Ф.Миллера названо имя тестя-убийцы: князь Шегей (Миллер Г. 1787, с. 57). В башкирских шеджере Ногай упоминается как собирательное обозначение ногайского правителя вообще (см.: Игнатьев 1868, с. 22; Трепавлов 1997в, с. 9, 23, 24). Вероятно, не стоит тратить усилия на поиски реальной исторической фигуры с таким именем, а надо присмотреться к бию Шегею. Именно таким образом иногда транскрибировали стяженное имя Шейх-Мухаммеда б. Мусы (см., например: РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278; Родословная 1851, с. 130). Но едва ли этот ногайский предводитель был в состоянии распространить свое влияние на Башкирию и приютить сибирских царевичей. Слишком непрочной и недолговечной оказалась его карьера. Мы видели, что в 1510-х годах он конфликтовал с братом Алчагиром, а в 1519 г. был убит в Астрахани во время казахского нашествия. К тому же если допустить, что Кучум воспитывался у Шейх-Мухаммеда до его гибели (это крайний срок, когда он мог бы попасть в двенадцатилетнем возрасте к «Шегею» после убийства последним

Ахмед-Гирея), то получается, что родился он около 1508 г. и ко времени рокового поражения от русских в августе 1598 г. ему было под девяносто лет. Но в тот период Кучум-хан вел весьма активную политическую деятельность, что было бы трудно ожидать от столь древнего старца.

Если же усматривать в «Шегее» другого ногайского лидера, Шейх-Мамая, то вырисовывается более правдоподобная картина. Во-первых, Шейх-Мамай скончался в 1549 г., и при аналогичном способе датировки получается, что Кучум родился приблизительно в 1537 г. (1549 – 12 = 1537), а потерпел поражение и был убит ногаями во вполне дееспособном шестидесятилетнем возрасте. Во-вторых, Шейх-Мамай имел отношение к Сибири: этот край, как говорилось, находился в его ведении, как и Башкирия; кроме того, он, судя по всему, осуществлял «протекторат» над Казахстаном. В-третьих, прослеживается аналогия судеб Хакк-Назара и Ахмед-Гирея с судьбой Кучума. Все они воспитывались в Ногайской Орде, из ногайской же среды выделялся регент малолетних султанов (вот он — «Ногай» башкирских легенд!). Сходной деталью является и породнение с ними Шейх-Мамая через браки.

Если допущение о регентстве Шейх-Мамая при сибирских Шибанидах верно, то роль Башкирии при данном толковании событий выглядит значительной и своеобразной. Едва ли можно считать совпадением, что и казахский, и сибирские хан-заде были направлены в качестве наместников в Имэн-калу. С учетом перспективы их царствования в соответствующих Юртах наместничество в Башкирии резонно трактуется как управленческая тренировка, приобретение административных навыков будущими ханами; Башкирия выступала в роли опытного полигона для них. Письменные источники умалчивают о жизненных перипетиях Хакк-Назара, Ахмед-Гирея и Кучума в тот период. Молодые царевичи еще не представляли собой самостоятельных фигур и всецело зависели от могущественного Шейх-Мамая.

«Ногайские доходы» и «мангытское место» в волжских Юртах. Один из самых запутанных вопросов ногайской и татарской средневековой истории — это денежные и натуральные отчисления в Ногайскую Орду из соседних Юртов, присутствие ее постоянных представителей в Казани и Астрахани, ранг этих представителей и отношения их с местными династами. Историки не сомневаются в подчиненном положении Астраханского ханства, столица которого в различных западных и восточных источниках предстает чуть ли не ногайским городом, а местные ханы — выходцами из мангытов. Долгие дипломатические и военные баталии ногаев с крымцами за влияние на это государство приводили то к усилению, то к ослаблению воздействия противоборствующих сторон. Но ногайский фактор присутствовал в Астрахани постоянно.

Сложнее вопрос с Казанью. Казанское ханство было не сравнимым с Астраханским ни по военно-политическому потенциалу, ни по территории и населенности, ни по своей привязанности к российской политике. Поэтому оно никак не могло быть марионеткой в руках ногаев или Гиреев. В.М.Жирмунский определил главные способы влияния ногаев на казанские дела как браки ханов с мангытскими «княжнами» и службу ногайских мирз с дружинами в Казани за дань (отчего они приобрели большой вес в ханстве) (Жирмунский 1974, с. 425, 426). Как очень сильное оценивал это влияние М.Г.Сафаргалиев, предполагая даже некоторую закономерность: ногаи оказывали Казанскому юрту военно-политическую поддержку и за это пользовались «преимуществами» в нем; как только эти права у них отнимали, они охладевали к северо-западным соседям, и казанцы были вынуждены восстанавливать привилегии ногаев, чтобы вернуть их расположение (Сафаргалиев 1938, с. 133). Гораздо менее тесными считал ногайско-казанские отношения А.Х.Халиков: ногайские войска, случалось, действительно вступали в город, участвуя в династийной борьбе, но «основное население Казанского ханства антагонистически относилось к пришельцам», которые, как правило, окружали ханов и беков и не вступали в контакт с основной массой народа; «к тому же в большинстве случаев пришельцы уходили вместе с ханами или истреблялись» (Халиков 1989, с. 161).

В самом деле, нет данных о каком-то особом, приоритетном отношении ногайских властей к Казанскому юрту. Он довольно рано попал в орбиту русской внешней политики и в первое столетие своего существования (до 1530-х годов) почти не интересовал «Эдигу уругу мангытов» как полноценный дипломатический партнер, ведь главные интересы их сосредоточивались тогда южнее, в Дешт-и Кипчаке. Незаметно и какого-то стремления ногаев к выяснению соответствия между своими биями и казанскими ханами; это оказывалось тоже неактуальным (чего нельзя сказать о связях с Крымом, Россией, Сибирью, казахами). В 1555 г. бий Исмаил в письме главе Посольского приказа И.М.Висковатову перечислил давние выплаты казанцев ногаям и оговорил: «А у ково то имал, и яз с тем не в отечестве, ни в сыновстве не зывалися есмя» (НКС, д. 4, л. 259 об.). (Показательно, что в то же самое время Исмаил настойчиво пытался определить свой статус по отношению к русскому царю.)

Активизация ногайско-казанских отношений происходит с 1530-х годов, когда внутренняя обстановка в Орде относительно стабилизировалась, враги ее на востоке и на западе были разгромлены или подавлены ногайскими победами прошлого десятилетия, и потомки Эдиге смогли вплотную заняться поволжскими делами.

Ф. да Колло еще в 1518 г., т.е. во времена борьбы Алчагира с Шейх-Мухаммедом, слышал в Москве, будто для умиротворения

воинственных ногаев «соседи платят им дань, чтобы иметь их на собственной службе, вместо того, чтобы быть принуждаемыми к такой дани» (Колло 1996, с. 67). Татарское шеджере приписывает обложение Астрахани «налогом» ногайскому «хану Альсагиру» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Сами ногаи этого никогда не утверждали, но хорошо помнили, что еще Нур ад-Дин-мирза брал «пошлину» с Хаджи-Тархана. Точной ее суммы они не представляли и надеялись, что сведения о ней отложились в московских архивах. Поэтому в 1537 г. Хаджи-Мухаммед, только что ставший нурадином и уже получивший с астраханцев сорок тысяч алтын, просил Ивана IV выяснить у «своих старых старцов: Нурадын мирзины пошлины не ведают ли с Астархани?» (Посольские 1995, с. 208). Речь шла именно о выплатах, направляемых «Темир Кутлуевыми царевыми детьми» в Ногайскую Орду. При этом астраханские ханы соблюдали пиетет перед ее посланцами, обеспечивая им полное содержание («по волу в день, опричь конского корму»), тогда как москвичи ограничивались выдачей небольших «суточных»: всего «по две денги на день» — обиженно указывал Хаджи-Мухаммед (Посольские 1995, с. 208). Поскольку ссылка делалась на Нур ад-Дина, т.е. на времена Золотой Орды, то ясно, что подразумевались регулярные отчисления, которые разными улусами государства (в том числе «Русским улусом») направлялись в ханскую казну на протяжении XIII–XIV вв.

В русской терминологии такие платежи назывались данью или выходом, что имеет мало общего с современным научным термином «дань» (tribute) как атрибутом данничества — системы эксплуатации завоевателями побежденных с отчуждением производимого последними продукта (Першиц 1986, с. 45). В Улусе Джучи XIV в. выход уже преобразовался в государственную повинность: ведь нельзя допустить, что данью были обложены золотоордынские города, включая Хаджи-Тархан, основанные монголами и не являвшиеся жертвами завоевания.

В посольском донесении из Крыма в ноябре 1537 г. сообщалось, что бий Саид-Ахмед со всеми силами подошел к Астрахани, «а просит у астороханцев *выходу* штидесяти тысяч алтын» (КК, д. 8, л. 413). Ту же цифру называли ногайские послы в Москве в январе 1536 г.: «Наперед того которая братья наша здесь кочевали, и они имали с Асторокани шестьдесят тысяч алтын, а с Московские земли сорок тысяч алтын» (Посольские 1995, с. 139). Правда, тогда стороны сошлись на сорока тысячах. Может быть, у них разгорелся спор из-за размера суммы, отчего и пришлось обращаться в Москву с запросом к «старым старцам»[19].

---

[19] Ничем не обосновано мнение П.П.Иванова, будто рассматриваемые платежи являлись «государственной пошлиной», собираемой ногаями «с провозимых по Волге товаров» независимо от Астраханского ханства (Иванов 1935, с. 27).

М.Г.Сафаргалиев полагал, что сорокатысячный выход ежегодно отвозился из Астрахани в Ногайскую Орду, начиная с 1502 г. и до падения ханства в 1556 г.; об этом якобы было заключено соглашение между мирзами, осаждавшими город в 1502 г., и ханом Абд ал-Керимом б. Махмудом; кроме этого, «хан обязался брать одного из ногайских мурз в качестве своего старшего эмира» (Сафаргалиев 1952, с. 39). Я не располагаю данными в подтверждение какого-либо из этих положений. По известным мне документам ногаи поставили вопрос о возобновлении ордынского выхода только в период своих административных реформ, полновластия Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая. Что же касается присутствия в Астрахани старшего эмира из ногаев, или «ногайского князя, в пользу которого шла определенная часть дохода» (чьего дохода?) (Кочекаев 1988, с. 60), то после 1523 г. сведений о таковом тоже нет. Когда в 1562 г. Исмаил требовал отдать ему некоторые участки волжской дельты как «наврузовское княжое место» (подразумевался Науруз б. Эдиге), то из Москвы отвечали, что «про те есмя места сыскати (сведений. — *В.Т.*) не могли. ***И то есмя не слыхали ж, чтоб нагаиские мурзы были в Азторохани***» (НКС, д. 6, л. 115)[20].

Сохранилась информация о регулярных выплатах ногаям из Казани. По воспоминаниям Уруса б. Исмаила, его отец в свое время у казанского хана Сафа-Гирея «для братства и любви, и дружбы имывал... жалованья по сороку тысяч алтын» (НКС, д. 8, л. 51). Сам Исмаил приводил другие системы расчетов: «Ис Казани нам годовое шло десеть кадеи меду да шестьдесят рублев денег»; «а коли в Казани царь был, и яз имал по сту рублев денег да по сту батман[21] меду»; «с Казани годовое (в тексте: городовое. — *В.Т.*) наше... дватцать сот рублев»; «нам из Казани шло годовое сто батманов меду да деветь шуб» (НКС, д. 4, л. 259 об., 361 об., 376; д. 5, л. 90). В русском переводе казанские отчисления обозначаются уже не как «выход» (так было с Астраханью), а как «жалованье» или «годовое» (что указывает на их периодичность); вместе с тем, подобно «Нурадиновой мирзиной пошлине», они назывались и «оброчными пошлинами» (Посольские 1995, с. 319). И так же как в Астраханском юрте, трудно расценивать их как собственно дань, да еще направляемую в Ногайскую Орду специальным «ногайским князем», сидевшим якобы в Казани «по установившемуся обычаю» (см.: Очерки 1953, с. 467).

Наличие особого поста «мангытского князя» выводится из документов последних лет существования Казанского ханства. На то, что

---

[20] В Астраханском ханстве проживали мангыты, возглавлявшиеся беком (о них есть данные от 1480-х и 1520-х годов — см. главы 3 и 4), но о присутствии там ногайской аристократии неизвестно.

[21] Батман («кадь» в русском переводе) — мера веса. В разное время и в разных странах величина батмана была неодинаковой (см.: Хинц, Давидович 1970, с. 25–32, 85–94, 123–125). Какая из них применялась ногаями, неизвестно.

такая должность существовала в 1540-х годах или ранее, есть единственный намек в обращении Ивана IV к мирзе Юнусу б. Юсуфу в июле 1552 г., где царь делится с адресатом своими несбывшимися планами в отношении того, в частности, что «хотели есмя тебя юртом устроити, по тому же ***как были прежде сего в Казани мангитцкие князи***» (НКС, д. 4, л. 119). Как видим, пост мангытского (не обязательно ногайского!) бека в ханстве присутствовал и при этом подкреплялся каким-то особым юртом. Историки порой проецируют аристократическую иерархию Крыма на Казань и пытаются отыскать в ней такую же структуру нескольких знатнейших родов, среди которых были мангыты во главе с карачи-беком (см., например: Вельяминов-Зернов 1864, с. 425, 428; Исхаков 1995, с. 102, 107; Исхаков 1998, с. 17, 18, 148; Сыроечковский 1940, с. 37). Доказательством служат отрывочные сведения об участии ногаев в борьбе казанских «партий» и в антирусском движении (после 1552 г.), а также только что процитированная фраза Ивана IV. Странным анахронизмом выглядит тезис о стационарном ногайском посольстве в Казани и о мангытском беке как постоянном после, надзиравшем за «доставкой причитающейся Ногайской Орде дани» (Калмыков и др. 1983, с. 23).

Гипотетичность выкладок исследователей объяснима, так как слишком фрагментарны наши знания по этому вопросу. Пожалуй, наиболее завершенная, логичная схема функционирования «мангытского места» принадлежит Д.М.Исхакову. В его интерпретации мангытский бек был связан с Ногайской даругой — одной из провинций Казанского государства. Эта-то Ногайская даруга, собственно, и являлась тем «мангытским юртом», о котором писал царь Иван Васильевич Юнусу, отдельным княжеством, находившимся в руках к а з а н с к и х   м а н г ы т о в, по мнению Д.М.Исхакова. Административным центром даруги служил город Чаллы, построенный, по преданию, одним из казанских монархов (Исхаков 1995, с. 101, 102; Исхаков 1998, с. 16 и сл.). Ногайская даруга была довольно густонаселенной, в ней насчитывалось полторы сотни татарских поселений (см.: Чернышев 1971, с. 278; по подсчету Д.М.Исхакова, 41 селение — Исхаков 1998, с. 14). Подход Д.М.Исхакова в целом приемлем, за исключением двух принципиальных моментов: недоказанности существования влиятельного аристократического мангытского эля в ханстве, а также постоянного и непрерывного присутствия там верховного бека из мангытов. Собственно, известно-то лишь два бека — Юнус б. Юсуф и Зейнеш (о последнем мы поговорим в следующей главе); Д.М.Исхаков предполагает, что таковым мог быть еще Хаджи (Гази?)-Гирей, он же Алгази — местный интриган, известный по событиям конца 1480-х годов (Исхаков 1995, с. 102). Что касается всего остального периода ногайско-казанских отношений, то мы не располагаем какой-либо информацией о том, что данный пост был кем-нибудь занят. Зато

есть сведения о близком соседстве с Казанским юртом мирзы Исмаила и получении им выплат в 1540-х годах.

Исмаил писал о получении «годового» из Казани при хане Сафа-Гирее, скорее всего во время второго и третьего царствований (1535–1546, 1546–1549). В эти годы Исмаил занимал сначала должность наместника Башкирии, а с середины 1540-х годов начал свое десятилетнее нурадинство (Трепавлов 1993б, с. 49, 50; Трепавлов 1997в, с. 22). Он являлся старшим нурадином, т.е. правителем правого крыла, и потому распоряжался маршрутами кочевий. Летом он приводил улусы в казанские пределы и ставил лагерь «на Каме 60 верст от Казани» (Посольские 1995, с. 238). Именно там и на таком расстоянии находился стольный городок Ногайской даруги, которая, таким образом, служила летовкой нурадину. Едва ли он обретал права на доходы с оседлых жителей ста сорока девяти местных деревень, но огромные ногайские стада заполняли даругу, и сопровождавшие их кочевники подчинялись, конечно, только Исмаилу. Этот своеобразный феномен, когда на территории абсолютно суверенного Казанского ханства располагались ногайские пастбища, был отмечен историками (см., например: Алишев 1995б, с. 30; Булатов 1974, с. 187). Самое логичное объяснение, к которому я полностью присоединяюсь, дал Д.М.Исхаков: Восточное Закамье находилось под двойным, казанским и ногайским, сюзеренитетом (Исхаков 1985, с. 45, 46). Оседлые жители тех мест подчинялись хану, а пространство между деревнями и близлежащими полями, садами, огородами летом находилось в распоряжении нурадиновых улусов.

Исмаил и Урус в грамотах писали о выплатах централизованных, шедших из ханской казны. Полагаю, что это и были те «мангытские доходы», которые отчислялись на долю «мангытского князя». Если такой бек изредка появлялся при дворе, то он имел право на них, но поскольку данный пост все же оставался в основном вакантным, то эти выплаты (и заодно функции соправителя Ногайской даруги) получал правитель правого крыла Ногайской Орды, которое примыкало к казанским границам. Что касается прочих оснований для платежей, то мне удалось встретить по одному упоминанию о «цареве найме» ногаев на военную поддержку хана (История 1903, с. 37) и о компенсации за товары из степи: «...шло (бию Исмаилу. — *В.Т.*) ... от казанского царя ***за шубы и за сукна и за мед*** по сороку тысяч алтын» (НКС, д. 8, л. 6 об.).

Восточные кочевники не участвовали в основании Казанского ханства, и объяснять появление там «мангытского места» присутствием ногаев в войске, сопровождавшем некогда Улуг-Мухаммеда, было бы некорректным (мы обращались к этому вопросу в главе 3). Столь же спорной выглядит и трактовка генезиса ногайских прерогатив как следствия страха казанцев перед степными соседями (см.: Перетяткович 1877, с. 240). Россия представляла для них более

серьезную угрозу, однако ни «русского князя», ни «Русской даруги» в ханстве не появилось. К сожалению, документы молчат о причинах формирования интересующего нас явления. Удалось обнаружить лишь единственный отдаленный намек.

В 1552 г. Исмаил успокаивал царя Ивана после того, как «вся земля Казанская» призвала к себе на трон Ядгар-Мухаммеда без санкции Москвы. Среди прочих доводов нурадин указывал, что вообще подобный шаг незаконен в принципе: казанцы не вправе распоряжаться престолом, так как «Юрт не их — Магмет Киреев царев юрт был, ***обеим нам поровну было***» (НКС, д. 4, л. 141). Здесь содержится явная реминисценция тех времен, когда в Казани водворилась крымская династия, а именно Сахиб-Гирей (1521–1524), Сафа-Гирей (1524–1532, 1535–1546, 1546–1549) и Утемиш-Гирей (1549–1551)[22]. Последний оказался ханом в малолетнем возрасте при ногайской протекции, но уже в то время, когда система «ногайских доходов» сложилась; в воцарении первого ногаи не принимали участия. А вот Сафа-Гирею Ногайская Орда действительно служила могучим и надежным тылом в борьбе за власть с русскими ставленниками. Впервые он стал ханом Казани тоже без заметного вмешательства восточных мирз, но его возвращение на престол в 1535 г. произошло с помощью Мамая б. Мусы, а в 1546 г. — с помощью мирзы Юсуфа и, видимо, нурадина Исмаила. В столицу вступала ногайская конница. Вот тогда-то и было принято решение о расплате Сафа-Гирея с союзниками (назначение ежегодных выплат в благодарность за прошлую поддержку и как аванс за будущую; введение поста мангытского бека — см. ниже), может быть, в тот период (1530–1540-е годы) произошло и учреждение Ногайской даруги как ближайшей к ногаям провинции, в которой те имели законное, дарованное ханом право летовать со своими стадами. Правомерно отнести данное соглашение ко второму воцарению (1535 г.), поскольку в следующем году Урак б. Алчагир уже использовал закамскую летовку: «Сами есмя ныне, по лету кочюючи, до Казани докочевали» (Посольские 1995, с. 186). Первый нурадин, Мамай, с братом Юсуфом тоже кочевали «близко Казани на летовище» (Посольские 1995, с. 150).

Казанские дела. Интересы России и (в меньшей степени) Крыма в Казанском ханстве создавали в регионе обстановку, неблагоприятную для широкого ногайского влияния. Знать Казани периодически делала выбор между двумя патронами, ногаев же патронами никогда не считала и, судя по всему, воспринимала их как тактических союз-

---

[22] Однако представляется ошибочным упоминание в переводе грамоты Исмаила имени хана Мухаммед-Гирея. Казань ни при каких обстоятельствах не могла считаться его юртом; Мухаммед-Гирей доводился братом Сахиб-Гирею и дядей Сафа-Гирею. Может быть, в ногайском оригинале стояло: «***Менгли Гирай ханнынг йурду***», что полностью соответствовало бы династической принадлежности Сахиб-Гирея б. Менгли-Гирея и Сафа-Гирея б. Фатх-Гирея б. Менгли-Гирея.

ников. По возможности с ними старались уживаться мирно, учитывая их многочисленность, воинственность и близкое соседство. Формы и степень активности ногайско-казанских отношений во многом зависели от успехов противоборствующих политических «партий» в ханстве. При этом периоды ханствования российских ставленников (Джан-Али, Шах-Али) были, как правило, временем интриг крымской «партии», ее тесных контактов с Ногайской Ордой и призыва на помощь ногайских войск. Ногаи же далеко не всегда решались подниматься на промосковских ханов и провоцировать конфликт с царем и великим князем. Обширные казанский и российский рынки стимулировали у значительной части мангытских мирз лояльное отношение к Казанскому юрту в принципе, вне зависимости от «партийной» принадлежности его очередного правителя.

В 1531 г. хан Сафа-Гирей был низложен беками и уехал к своему тестю Мамаю б. Мусе, часть его «советников крымцев и ногай» подверглась казни на родине, остальные последовали примеру хана (Воскресенская 1859, с. 276). Новым государем Казани летом 1532 г. стал привезенный из России Джан-Али б. Шейх-Аулиар. Через год в Москву явилась от него делегация к «отцу и брату» Василию Ивановичу с просьбой разрешить хану жениться на дочери мирзы Юсуфа б. Мусы — «того ради, чтобы земля Казанская в упокое была» (Патриаршая 1904, с. 69). Великий князь согласился, и в столицу Юрта прибыла «царица» Сююмбике. Советники Джан-Али мудро рассчитали средство для «упокоя» своего народа и государства. Пребывание свергнутого Сафа-Гирея у ногаев, которые ежелетне во множестве прикочевывали на близкую Каму, заставило искать способ заинтересовать ведущих степных мирз в мире с их западными соседями. К тому же у бывшего хана не опустились руки: он интриговал против Джан-Али, готовя его свержение, сносился с Краковом, представляя себя в переписке с королем убежденным воителем против «Московского» (Послание 1997, с. 31, 33, 34).

Почему для династического брака был выбран именно Юсуф, не совсем ясно: поволжская зона находилась в то время под контролем Мамая и Хаджи-Мухаммеда, Юсуф же обычно кочевал в Казахстане. Возможно, что только он имел дочь на выданье, а скорее всего он не был замешан в интригах Сафа-Гирея, приютившегося у Мамая. Мотивы легкого согласия Москвы на этот брак (ср. долгие переговоры в начале XVI в., когда Мухаммед-Амин решил жениться на дочери Мусы) объясняются стремлением обезопасить восточную границу Казанского ханства[23].

---

[23] Однако не стоит приписывать московским дипломатам хитроумную затею «через Казань... удерживать ногайцев в союзе против крымцев», а также распространить свое влияние «вообще в ногайских степях» (Алишев 1995б, с. 72). Совокупность ногайских улусов в начале 1530-х годов представляла собой пока слишком рыхлую структуру, чтобы посредством брака хана с дочерью одного из множества мирз (к тому же далеко не первостепенного тогда) рассчитывать на какое-то глобальное воздействие на всю Орду.

В отношениях между Юртами воцарился мир. По просьбе Юсуфа его брат, бий Саид-Ахмед, велел передать через своих послов казанскому правительству и бекам, что если они осмелятся поступить с новым монархом так же, как с Сафа-Гиреем, то ногаи ударят по ним в союзе с русскими (Посольские 1995, с. 128, 129)[24].

Брак Джан-Али и Сююмбике сложился неудачно. Детей у супругов не было, крепкой привязанности, видимо, тоже. Посол Данило Губин доносил «из Нагай», что Сююмбике жаловалась отцу, будто муж не любит ее. Юсуф тут же обратился к казанским бекам с просьбой сместить хана, а дочь вернуть на родину (Посольские 1995, с. 150). Это обращение Юсуфа, в довершение к вокняжению малолетнего Ивана IV после смерти Василия III (1533 г.) и крымским интригам, побудило местную знать к перевороту. В сентябре 1535 г. Джан-Али был убит. На трон вторично вступил Сафа-Гирей.

Ногаи не выполнили свою угрозу и не выступили против казанских мятежников. Союз с Россией стал для них невозможен, в частности из-за жадности и агрессивности касимовцев. В начале года то самое посольство, что везло в Казань ультиматум Саид-Ахмеда и Юсуфа, было ограблено на двести тысяч алтын разбойничьим отрядом «мещерских людей» (Посольские 1995, с. 130). Отношения с Москвой сразу испортились. Бий угрожал походом на Москву, а в письмах стал третировать юного Ивана Васильевича. Ногайские отряды все чаще нападали на «украйны»[25]. В контактах с Казанью перемена выразилась в поддержке обретавшегося дотоле при Мамае Сафа-Гирея. Сююмбике стала его пятой женой (первой была дочь Мамая)[26]. Вместе с ханшей в Казанском юрте водворились теперь ее соотечественники, среди которых она предпочитала жить — в привычной степной бытовой обстановке («с нею же вся улусы качевныя, в них же живяше» — Сказание 1959, с. 67). Возможность поселить на основной территории ханства массы ногаев стала, очевидно, одной из причин легкого согласия Юсуфа на второе замужество дочери[27].

---

[24] В феврале 1535 г. посол Саид-Ахмеда в Москве тоже говорил казначею Посольского приказа о готовности бия «быти заодин» с Россией против Казани (Посольские 1995, с. 167).

[25] Память об участившихся ногайских набегах осталась в свидетельствах о детских годах Ивана IV. Сам он вспоминал, что ему пришлось пережить «брани непримирительныя... от всех язык, Литаонска и поляков, и Перкопи, и Ад Читархана, ***и Нагаи***, и Казани». А.М.Курбский тоже писал о страданиях России в те годы «ово от царя Перекопского, ово ***от татар нагаиских, сиречь заволских***, а наипачи и горше всех от царя Казанского» (Курбский 1914, с. 57, 168).

[26] «Казанский летописец» (середина 1560-х годов) смешивает два изгнания Сафа-Гирея из Казани — 1531 и 1546 гг. и относит его брак с Сююмбике ко времени второго изгнания. Г.Н.Моисеева показала, что по дипломатической переписке женитьба хана датируется 1535 г. (Моисеева 1956, с. 175, 176).

[27] Скорее всего эти сопровождавшие Сююмбике ногаи имелись в виду в словах Юсуфа: «А ныне в Казани дочи моя, и племя мне тамо есть» (Посольские 1995, с. 319).

Далеко не все мирзы разделили гнев бия на беспомощного четырехлетнего русского монарха. Именно те из них, что кочевали вблизи казанских пределов, воздерживались от участия в набегах на Русь, к которым их призывало новое правительство Казани. О таких отказах известно во второй половине 1530-х годов со стороны Урака, Кель-Мухаммеда, башкирского наместника Исмаила (см.: Посольские 1995, с. 184, 186, 190–192). В те годы стала проявляться особая внешнеполитическая ориентация мирз поволжской группировки (правого крыла), отличная от таковой восточных ногаев, — на сотрудничество с Россией и признание русского приоритета в Казани. В середине 1540-х годов правое крыло возглавил убежденный сторонник такого подхода нурадин Исмаил.

В начале 1546 г. Сафа-Гирей вновь был вынужден бежать в Ногайскую Орду, на этот раз к другому тестю, Юсуфу (Мамай к тому времени умер). После неудачной попытки союза с Астраханским ханством и провала похода на Казань он вынужден был просить Юсуфа о подмоге. Колебания хана и поиски иных, кроме ногаев, союзников понятны: Юсуф выдвинул тяжелые условия. Он потребовал посадить его сына Юнуса на место мангытского бека в Казани и выплачивать ему «ногайские доходы». Сафа-Гирей был вынужден согласиться, пообещав еще и территориальные уступки. При этом, чтобы окончательно не рассорить ногаев с казанцами и русским великим князем, он клялся допустить во время похода убийство не более одного-двух человек с противной стороны. В залог обещаний он оставил в Сарайчуке свой гарем с детьми. В июле 1546 г., после восьмидневной осады, войско Сафа-Гирея и Юнуса вошло в город. Хан Шах-Али бежал в Москву. Укрепившись у власти, Сафа-Гирей выпросил у ногаев возвращения семьи. Сам Юсуф вряд ли вернул бы ему гарем, не дождавшись выполнения условий союза. Но он тогда находился в походе на Астрахань, и ханских домочадцев отвез в Казань мирза Юнус. Вскоре выяснилось, что ни во время борьбы за престол, ни тем более теперь, после возвращения заложников, хан не собирался делиться с ногаями властью и доходами. Юнус ни с чем вернулся домой, а его отец затаил злобу на вероломного Гирея (подробности этих событий см.: Перетяткович 1877, с. 183–185; Посольские 1995, с. 293, 318).

Астраханские дела. Трон Хаджи-Тархана в 1530–1540-х годах занимали: Касим б. Саид-Махмуд (1523–1532), Ак-Кобек б. Муртаза (1532–1533), Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим (1533–1537), Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар (1537–1539), снова Абд ар-Рахман (1539–1545), снова Ак-Кобек (1545–1547), Ямгурчи б. Бердибек (1547–1554)[28]. В борьбе за Астраханский юрт столкнулись три силы — Крым, Ногайская Орда и «черкесы», или «черкасы» (княжества Северного Кав-

[28] По некоторым сведениям, последнее царствование Абд ар-Рахмана продолжалось до 1551 г., когда его сместил Ямгурчи.

каза). Ногайская Орда использовала не только свое традиционное влияние и военную силу. Выходцы из нее время от времени пополняли население ханства. В 1535 г. несколько мирз, в том числе сын и внуки бия Ямгурчи, обосновались во владениях хана Ак-Кобека, о чем мы рассказывали в начале главы. Наплыв переселенцев не означал автоматического роста числа противников ногайских биев, хотя на откочевку решались, как правило, в первую очередь, конечно, противники. В массе ногаев-мигрантов существовали и приспешники Мангытского дома Эдиге, «ушники», которые информировали степных правителей о положении в Хаджи-Тархане (Посольские 1995, с. 138). Оказавшись в тесных пределах нижневолжского государства, пришлые кочевники уже не имели возможности длительных и дальних перекочевок, но были вынуждены, во-первых, сокращать маршруты своих сезонных передвижений, во-вторых, сочетать скотоводство с местными традиционными занятиями — рыболовством и отчасти земледелием. Такие полукочевые ногаи получили название «тумак». Ногайские бии продолжали считать их своими подданными, то же отношение было и у мирз, к чьим улусам когда-то, до ухода на нижнюю Волгу, принадлежали тумаки (подробнее см. главу 7 и очерк 3). После ликвидации Астраханского ханства ногайская знать распространила свои административные права непосредственно на тумаков дельты (например, в 1607 г. упоминаются тумаки из улуса Джан-Арслана б. Уруса — см.: Акты 1914, с. 174). Между ними и местными татарами подчас складывались сложные отношения из-за дележа рыболовецких угодий и пастбищ.

Влияние Ногайской Орды на астраханские дела прямо зависело от ее внутренней стабильности и солидарности ее правящего клана — это совершенно правильно отмечалось историками (см., например: Очерки 1953, с. 442). Однако едва ли правомерно искать в крымских и ногайских походах на Хаджи-Тархан непременно «руку Москвы» (см.: Очерки 1953, с. 441, 442). И ногаи, и крымцы стремились распространить свою гегемонию на этот регион, как только их державы обретали достаточное могущество и единство; интересы России в 30–40-х годах XVI в. учитывались здесь в последнюю очередь.

В 1532 г. царевич Ак-Кобек с помощью «черкас», у которых он пребывал, занял Астрахань (НКС, д. 4, л. 12, 90, 197 об.). Астраханская династия установила к тому времени довольно тесные отношения с Северным Кавказом; Ак-Кобек, в частности, находился с кем-то из горских владетелей «по женитве в своистве» (НКС, д. 4, л. 91). М.Г.Сафаргалиев, описывая эти события, утверждает, что приход «черкас» (кабардинцев, как уточняет А.М.Некрасов, — Некрасов 1990, с. 102) сопровождался изгнанием или вытеснением ногаев из столицы ханства (Сафаргалиев 1952, с. 41).

В 1533 г. Ак-Кобека сменил на престоле Абд ар-Рахман, и историки, вероятно, правы, усматривая в этом инициативу ногаев (см.:

Некрасов 1990, с. 102; Сафаргалиев 1952, с. 41). Столь же явно она заметна в 1535 г. Весной того же года все старшие поволжские мирзы (Мамай, Хаджи-Мухаммед, Исмаил и Урак) ходили «черкас воевати» (Посольские 1995, с. 128). Союзную Астрахань они, видимо, не тронули. Но уже в мае отношения между двумя Юртами изменились. Нашедшие приют у Абд ар-Рахмана сын и внуки Ямгурчи, улучив момент, когда западные мирзы стояли «в заставе от Крыму», а восточные — далеко за Эмбой «в заставе... от Казатцкои Орды», совершили набег на Сарайчук. Саид-Ахмед и Шейх-Мамай спешно стянули все силы и решили выяснить отношения с Абд ар-Рахманом. Если он хочет дружить с Ногайской Ордой, «как было преж сего», то пусть выдаст Ямгурчеевичей или же организует переговоры с ними; а если те не захотят мириться, то пусть выгонит их вон. В случае несогласия хана с этими требованиями бий угрожал большим нашествием «со всеми мырзами»: «Любо... тобя и с Астороханью возмем, а любо... и сами все под Астороханью помрем». Укрывшиеся в Астрахани Алач, Агиш и их спутники в той нервной обстановке поссорились с Абд ар-Рахманом, захватили в заложники двух его царевичей и стали лагерем в степи, да еще к тому же снарядили двух своих родственников в Крым, что приобретало особенно зловещий смысл на фоне слухов о намерениях крымского хана Ислам-Гирея воевать с ногаями. Дети Алчагира, Кель-Мухаммед и Урак, не дожидаясь приказа об общей мобилизации, уже принялись мастерить суда, чтобы перебраться на противоположный берег Волги и осадить Хаджи-Тархан. 1 июня на город двинулся сам бий Саид-Ахмед. Подробности войны неизвестны. Она длилась почти год. Столь долгая кампания объяснялась, наверное, тем, что основные силы Ногайской Орды были тогда вовлечены в конфликт с Казахским ханством. Осенью 1537 г. под стенами столицы нижневолжского Юрта собралось огромное ополчение во главе с бием, только что разгромившим казахов. Сначала Саид-Ахмед потребовал «выход» в шестьдесят тысяч алтын, а затем посадил на трон Дервиш-Али[29] (подробности см.: Вельяминов-Зернов 1864, с. 358, 359; КК, д. 8, л. 413, 413 об.; Летописец 1965, с. 31, 35, 37; Львовская 1914, с. 444, 451, 454, 457, 461; Патриаршая 1904, с. 120, 130, 134, 143; Посольские 1995, с. 128, 146, 147, 150, 153).

Через два года при неясных обстоятельствах Абд ар-Рахман вернулся к власти. Затем правил Ак-Кобек. В 1547 г. его племянник Ямгурчи при поддержке ногаев сверг этого союзника Крыма, бывшего «черкасского» ставленника[30]. Очередной переворот вызвал поход

---

[29] Взятие города обошлось без больших жертв. В 1547 г. ногайские мирзы упрекали крымского хана после разгрома им Астрахани: «Про што... Асторохань разорил? Мы... преж тебе Асторохань взяли, да не розорили» (КК, д. 8, л. 53).

[30] Ногайское участие в свержении Ак-Кобека выводится из грамот мирз: «Темир Кутлуев царев юрт был, и он Бога забыл, и слова нашего не попамятовал... Бог Аккубека царя ***нами прогнал***» (Посольские 1995, с. 210).

крымского Сахиб-Гирея на Астрахань и взятие ее штурмом. Город был разгромлен, его жители переселены в Крымский юрт.

Лишенный трона Дервиш-Али нашел приют в Москве. Из-за лакун в Посольских книгах и молчания летописей трудно объяснить обстоятельства его появления в России. В сентябре 1554 г. в «памяти» послу в Польшу Ф.В.Вокшерину содержалась следующая заготовка ответа на возможный вопрос о давности пребывания Дервиш-Али на Руси: «Дербыш царь жил в Нагаех, и нагаи были погрубили государю нашему, и государь наш посылал на нагаи рать тому лет с шесть (т.е. около 1548 г. — *В.Т.*), и государя нашего люди нагаиские улусы многие поимали, да тогды ж и Дербыша царя полонили» (ПДПЛ, т. 2, с. 450). В переписке времен бийства Шейх-Мамая (1548–1549) нет и намека на какое-то русское военное вторжение за Волгу. С ногайской стороны высказывались тогда лишь претензии из-за слишком долгой паузы с отправлением посольств Иваном IV, что расценивалось как неуважение (Посольские 1995, с. 245). Единственный заметный конфликт — это нападение на Рязанщину Касима б. Шейх-Мамая. Ногаи встретили отпор, многие были пленены, но никакого похода в степь Иван Васильевич не предпринимал. Если поверить «памяти» Вокшерину, то получается, что Дервиш-Али участвовал в набеге Касима, но это маловероятно.

Как бы то ни было, один из прежних монархов Хаджи-Тархана в 1548 г. содержался в русской столице. Жил он сытно, но скучно. В разговорах он осторожно сетовал на то, что государева жалованья ему платят много, «толко сижу во дворе в закуте. И государь бы пожаловал: ослободил поездити по полю погулять, чтобы как ветру позаняти». В таких случаях ему дозволяли проехаться по окрестностям в сопровождении стражи (Посольские 1995, с. 253). Дервиш-Али среди ногаев слыл преданным им династом, и поэтому они с каждым своим посольством просили царя отправить его обратно в степи. О Дервиш-Али заводили речь в грамотах и через послов бий Шейх-Мамай и нурадин Исмаил, причем Шейх-Мамай обещал в случае выполнения просьбы стать Ивану IV «до смерти другом» (Посольские 1995, с. 239, 244, 245)[31]. В конце концов, уверившись в отсутствии антирусских намерений у астраханского эмигранта и в лояльности его ходатаев, московское правительство постановило-таки отослать его в Ногайскую Орду.

Решение было принято в ноябре 1548 г. Дервиш-Али, ко всеобщему удивлению, стал отказываться и просил оставить его на царской службе. Все же пребывание его в Москве, несмотря на однообразие, оказалось безбедным и безопасным. Перспектива же оказаться в рас-

---

[31] Не имея документальных оснований, все же позволю себе высказать догадку, что Дервиш-Али был таким же воспитанником Шейх-Мамая, как казахский султан Хакк-Назар и сибирские Ахмед-Гирей с Кучумом.

поряжении хитрого и властного Шейх-Мамая сулила Дервиш-Али новые жизненные передряги. Казначей Ф.И.Сукин уговаривал его долго — убеждал поехать к бию, раз уж тот так добивается этого, повидаться с собственными матерью и женою (они, оказывается, оставались у ногаев), а потом, мол, он сможет вернуться на Русь и служить государю. Только последний довод убедил астраханца. В январе 1549 г. он отправился на восток вместе с возвращавшимся на родину посольством Шейх-Мамая. Последнего он в живых уже не застал и стал кочевать при ставке нового бия, Юсуфа.

Через астраханские владения проходили пути, связывавшие ногаев с Северным Кавказом. В первой половине XVI в. такие контакты случались довольно редко, и одним из поводом для них была борьба за Астрахань. Сохранилось упоминание о подчинении ногаями горцев зимой или весной 1549 г. В послании, доставленном в Москву в июне того года, Исмаил обронил фразу: «А Тюмень и черкасы кабартеиские нам здалися» (Посольские 1995, с. 287). Лаконичность информации позволяет лишь строить догадки о мотивах такого шага кабардинцев и Тюменского улуса на нижнем Тереке. А.М.Некрасов предположил, что подобная «здача» была рассчитана на защиту от крымских набегов (Некрасов 1990, с. 110). В самом деле, трудно усмотреть более вескую причину в условиях нараставшей экспансии Гиреев на Кавказ. Да и развитие ногайско-крымских отношений показывает, что со стороны Ногайской Орды можно было ожидать поиска союзников против крымских правителей.

Крымские дела. Мангыты в Крыму. В 1530–1540-х годах в Бахчисарае царствовали Ислам-Гирей I (1532) и Сахиб-Гирей I (1532–1551), сыновья Менгли-Гирея. Ислам-Гирей вел многолетнюю борьбу за трон сначала с Саадет-Гиреем, затем с Сахиб-Гиреем, и как раз обстоятельства этой борьбы обусловили многие особенности как ногайско-крымских отношений, так и положения мангытского эля в Крымском государстве.

Взаимоотношения двух Юртов были настороженными и зачастую враждебными. Победоносные крымские походы эпохи Менгли-Гирея были вытеснены из памяти народов астраханской катастрофой 1523 г. Долгие годы жители Ногайской Орды и Крыма вспоминали тогдашнее убийство Мухаммед-Гирея и последующее опустошение полуострова Мамаем и Агишем — первые как триумф, вторые как трагедию. Через пятнадцать лет после тех событий мирза Кель-Мухаммед б. Алчагир с удовольствием рассуждал: «Тактамышева царева юрта царь Бога забыл, и яз Богу на коленех сел. И он для нашие правды нам его (Юрт. — *В.Т.*) дал, тот же Бог» (Посольские 1995, с. 210–211). Коллизия 1523 г. служила для мирз надежной точкой временнóго отсчета: «Как Магмед Кирея царя убили — от тех мест и по ся места дружбе нашеи с тобою порывка не бывало. Тому полтретьяцать лет,

как мы собою в дружбе», — писал Юсуф Ивану IV в 1549 г. (Посольские 1995, с. 307).

Напряженность между Гиреями и «Эдигу уругу мангытами» сказывалась и на положении крымского эля мангытов. С одной стороны, Сахиб-Гирей постоянно опасался альянса единоплеменников (и, как мы увидим, небезосновательно), но с другой — степная конница мангытов могла служить грозным оружием в борьбе за власть и во внешней политике, поэтому, как ни парадоксально, именно в период правления этого хана произошел рост их влияния и могущества. Первые мангыты, что появились в ханстве еще в конце XV — начале XVI в., получили для поселения местность в окрестностях города Гёзлев (Лашков 1897, с. 72; Якобсон 1973, с. 137). Эта степная зона, примыкавшая к Перекопскому перешейку с юга, именовалась Манкыт эли, Страной мангытов (см.: Tarih 1973, p. 53, 192). Кроме того, пространство к северу от Перекопа, между Доном и Днепром, предоставлялось для кочевания позднейшим выходцам из Большой и Ногайской Орд. Немало собралось их в окрестностях турецкой крепости Азов (Азак) и в самом этом городе. Следует учитывать, что с ростом численности переселенцев из-за Волги как раз в эпоху Сахиб-Гирея крымские (а за ними и русские) власти стали различать крымских ногаев и собственно крымских мангытов Мансур-улы как аристократический род карачи-беков. В течение XVI в. те и другие находились в структуре мангытского эля и под верховным главенством одного карачи-бека. В дальнейшем Мансуры и ногаи управлялись каждые своими беками. В литературе высказано предположение, что верховный контроль над всеми ими входил в обязанности калги — наследника трона Гиреев (см.: Ivanics 1994, p. 27).

Ногаи все прибывали и прибывали с востока на протяжении столетия, и, конечно, их численность со временем превзошла количество местных мангытов. Но об этой численности мы не можем судить даже приблизительно, зная только, что к концу XVI в. конница ханства состояла в основном из ногаев. По замечанию М.Иванич, они являлись самой многочисленной, хотя и наименее боеспособной частью крымского войска (Ivanics 1994, p. 45). Что же касается Мансуров, то в середине XVI в. их ополчение насчитывало две тысячи человек; это больше, чем у Аргынов и Кипчаков (вместе тех набиралось три тысячи), но более чем вдвое меньше пятитысячного войска Ширинов — ведущего аристократического клана (Хорошкевич 2001, с. 96; İnalcık 1980a, p. 448).

Во главе эля мангытов при Сахиб-Гирее стояли дети Хасана б. Тимура б. Мансура б. Эдиге. В 1537 г. в Москву была послана «дефтерь» — список адресатов русских поминков. Предмету нашего интереса посвящалась следующая фраза: «А се мангитскые князи: Хозя Ахмет князь, Яныбек мырза, Якбебеи мырза, Бигазы мырза, Изюкиреи

мырза» (КК, д. 8, л. 542 об.–543). Старшим сыном Хасана был Баки. Видимо, он стал мангытским карачи-беком еще в 1520-х годах. Но в данном списке он отсутствует, так как в то время находился в Ногайской Орде. Хан даровал ранг карачи следующему по старшинству брату Баки, Ходжа-Ахмеду, который в «дефтери» назван Хозя Ахметом, а у Реммал-Ходжи — Ходжатаем (стяженный вариант того же имени) (Tarih 1973, р. 190). По возвращении в Крым в 1540 г. Баки вернул себе должность главного бека, а после его гибели в 1542 г. на первое место выдвигается другой его брат, также не поименованный в «дефтери», — Дивей б. Хасан.

В историографии встречаются различные оценки положения мангытов (Мансур-улы) при Сахиб-Гирее: от утверждений об особом расположении к ним хана за помощь против Ислам-Гирея и из-за боязни чрезмерного усиления четырех местных, татарских родов (Лашков 1897, с. 51, 52; Смирнов В. 1887, с. 413, 414) до приписывания хану установления полной гегемонии Ширинов в противовес опасным и вероломным Мансурам (İnalcık 1980a, р. 458). Иерархическое первенство ширинского клана никогда и никем в Крыму не ставилось под сомнение. Но его борьба за влияние на трон и внутреннюю политику ханства действительно происходила — и в первую очередь с мангытами. Последним споспешествовали не только наследственная традиция беклербекства и грозный призрак «сансыз ногаев» за плечами, но и давняя практика брачных союзов с царствующим домом. В частности, дочь Менгли-Гирея вышла замуж за Хасана б. Тимура и родила того самого Баки. Следовательно, Баки-бек приходился Сахиб-Гирею племянником. Кроме того, со второй четверти XVI в. мангыты оказались допущенными к церемонии коронации и получали прерогативы, присущие родам карачи. Европейские наблюдатели даже считали, что именно распри, раздутые мангытами во времена Сахиб-Гирея и Девлет-Гирея, привели к уменьшению роли четырех прежних кланов в вопросе престолонаследия и к установлению единодержавия Гиреев (Броневский 1867, с. 354; Russia 1630, р. 299, 300). В традиционном раскладе элей крымские мангыты считались принадлежащими к левому (старшему) крылу, тогда как Аргыны и Кипчаки относились к правому (см.: Tarih 1973, р. 213). Мы не имеем возможности подробно освещать карьеру потомков Мансура, потому что она является частью истории Крыма и увела бы слишком далеко от нашей темы. Крымские мангыты интересуют нас только в связи с историей Ногайской Орды. Ее противостояние с Крымом во многом было вызвано действиями бека Баки.

Очевидно, впервые он упоминается под именем «Асан мирзина сына Бак мирзы» в «Именном списке крымским царевичам, князьям, мирзам и всяким чиновным людем», шертовавшим вместе с ханом Саадет-Гиреем перед русским послом в 1524 г. (см.: Малиновский

1863, с. 413). В последующие несколько лет он никак не проявил себя и вновь возник на страницах документов в связи с очередным династическим кризисом в Крыму. Саадет-Гирей б. Менгли-Гирей, поставленный султаном на место погибшего Мухаммед-Гирея, до 1532 г. боролся с сыном последнего, своим племянником Ислам-Гиреем, который считал себя обойденным в наследовании престола. В 1532 г. государь османов отозвал Саадет-Гирея и направил в Бахчисарай внука Менгли-Гирея, Сахиб-Гирея, бывшего казанского хана. Ислам-Гирею власть опять не досталась, и он продолжил борьбу уже с новым монархом. Тот противостоял ему более успешно, опираясь на поддержку падишаха, выражавшуюся кроме прочего в присылке пушек и пищалей.

Правящий клан ногаев завязал родственные узы с Гиреями. Из современников описываемых событий, например, бий Саид-Ахмед был женат на дочери Сахиб-Гирея, а мирза Урак б. Алчагир являлся сыном сестры хана (Посольские 1995, с. 129, 204). Но эти связи отступали на второй план, когда начинался очередной виток схватки за гегемонию на юге Восточной Европы. Тем более что ко второй половине 1530-х годов ногаи оправились от смут и предстали перед соседями как мощная политическая сила. Высшие мирзы Ногайской Орды в начале 1530-х годов активно налаживали контакты с Россией и, зная об ее охлаждении к Крыму, пытались уверить Москву в своем антикрымском настрое. Осенью 1532 г. следом за посольством бия Саид-Ахмеда на Мещеру ворвался крымский отряд во главе с Баки-беком. Русские, не разобравшись, обвинили ногаев в сговоре с крымцами, но бий объяснил, что Баки увязался за его послами, «и яз его прогонил в Крым, к тобе правды своеи для» (Посольские 1995, с. 95). В декабре 1535 г. в русскую столицу явились посланцы поволжских мирз и вместе с ними представитель Баки, который в то время уже обретался в Ногайской Орде. На переговорах в Посольском приказе представители детей Алчагир-бия, Хасан-бия, Шейх-Мухаммед-бия, а также Исмаила б. Мусы и Баки обязались по шерти препятствовать крымским набегам на Русь. Убежденным противником Сахиб-Гирея объявил себя мирза Хаджи-Мухаммед б. Муса; Кель-Мухаммед б. Алчагир называл Крым свои недругом и действительно посылал к рубежам царства Гиреев свои отряды; Исмаил тоже считал себя «ратным» (т.е. находящимся в состоянии войны) с ними. Мирзы обещали информировать партнеров по шерти обо всех намерениях Бахчисарая, надеясь на своих информаторов — «ушников» (Посольские 1995, с. 133, 135–138, 140, 141). Вот в такой воинственной компании оказался глава крымских мангытов.

Отчего Баки поселился у ногаев, понять непросто. Сам хан Сахиб-Гирей в послании своему московскому коллеге (доставлено в ноябре 1537 г.) рассказывал о задуманной им интриге против Ислам-Гирея:

«Наперед сего брат мои Ислам салтан о Юрте со мною ловился и от нас страху имел, да и берегся добре. И яз того для Бакы мирзу в Нагаи посылал. А Ислам от нагаиские стороны не берегся. И яз ему (Баки. — *В.Т.*) наказал: там буди, посмотри. И наше дело зделали... И он время нашел: пришед с тысечею человек да орду его (Ислам-Гирея. — *В.Т.*) потоптал, а его убил» (КК, д. 8, л. 417). По версии же мирзы Кель-Мухаммеда, инициатива убийства Ислам-Гирея исходила от него; именно по его-де наущению («с моего слова») Баки вместе с братьями мирзы, Джанаем и Усеком, во главе тысячи всадников (цифра совпадает с приведенной в грамоте Сахиб-Гирея) напал на ставку царевича и «у твоего (Ивана IV. — *В.Т.*) и у нашего недруга голову ссекли — у Ислама» (Посольские 1995, с. 210). Учитывая взаимную подозрительность, граничившую с неприязнью, между ханом и Баки, едва ли можно предпочесть объяснение Сахиб-Гирея. Но едва ли и ногайские мирзы обладали достаточным авторитетом для мангытского вельможи, чтобы отправить его на убийство хан-заде. Авантюрный и самостоятельный нрав Баки позволяет допустить его собственную инициативу в нападении на Ислам-Гирея. К тому же при нем постоянно находились пятьсот-шестьсот собственных преданных дружинников (İnalcık 1980a, p. 458).

Разгром царевича произошел летом 1537 г. в степях к северу от Перекопа[32]. В плен попали его семья, а также бежавший из Литвы и прибившийся к нему князь С.Ф.Бельский. Улусных подданных Ислам-Гирея тоже угнали в Ногайскую Орду (КК, д. 8, л. 360, 360 об.; Летописец 1965, с. 30, 33; Патриаршая 1906, с. 119; Посольские 1995, с. 205, 206). Победа над принцем-неудачником не удовлетворила Баки. В поисках приключений он попробовал устроиться на службу в Иране, где к тому времени уже «прославился геройством» его младший брат, Дивей (Tarih 1973, p. 161). Поэтому на некоторое время он исчез из Ногайской Орды и из поля зрения источников.

Сахиб-Гирей не строил иллюзий насчет солидарности с ним ногаев даже после их участия в разгроме его злейшего врага. Набиравшая силу Орда, к тому же принявшая в свою среду коварного Баки, представлялась ему серьезной угрозой. На пространстве между Днепром и Перекопом круглый год стояли его военные заставы. А когда хан собрался в поход на Молдавию, то приказал срочно воздвигнуть новую крепость, Фарах-Керман, для противостояния возможному нашествию с востока.

Крепость не остановила ногаев, и нашествие все-таки состоялось. Еще в начале 1538 г. мирза Хаджи-Мухаммед, один из лидеров поволжских мирз, выражал Ивану IV готовность послать на Крым двадцатитысячное ногайское войско во главе с Али б. Хасаном и еще

---

[32] Посольство Ислам-Гирея, которое двинулось восвояси из Москвы 25 июля 1537 г., было ограблено Баки и ногаями уже после убийства царевича.

шестью мирзами, если на то будет желание великого князя. Великий князь отвечал: «Мы того добре хотели» (Посольские 1995, с. 227). И вот, когда Сахиб-Гирей направился в Молдавию, кочевая конница двинулась на Крым. Мирза Аксак Али б. Хасан внезапно напал на хана во время переправы того через Днепр. Однако крымцы сумели быстро развернуться и отразить атаку. Не добившись мгновенного успеха и не рискнув вторгаться за Перекоп (путь к перешейку преграждал Фарах-Керман), ногаи столь же стремительно отошли к Волге, а хан продолжил поход (İnalcık 1980a, p. 458). В это время в их Орде вновь появились братья Баки и Дивей, вернувшиеся из Ирана. Зимой 1539/40 г. они сразились с крымской армией, которая возвращалась из Молдавии. Удалось ограбить обоз с добычей, но Дивей попал в плен. Баки ускользнул с двумя-тремя сотнями воинов. Сперва хан заточил полоненного мирзу в своем дворце, вместе с его братом Ак-Биби б. Хасаном, а затем решил с их помощью выманить Баки из Ногайской Орды. Дивея он послал в Азов с заданием уговорить брата вернуться на родину, но тот не внял уговорам. Тогда следом, по поручению Сахиб-Гирея и вдохновленный посулами стать ханским зятем, в степь направился Ак-Биби. Он оказался более красноречив. Вояка и авантюрист Баки наконец предстал перед государем Крыма.

Хан был настроен милостиво и вернул ему пост мангытского карачи-бека, отняв его у брата Баки, Ходжа-Ахмеда (об этих событиях см.: İnalcık 1980a, p. 456, 458; Tarih 1973, p. 192, 193, 196). Х.Иналджык даже считал, будто Баки было обещано командование всеми племенными ополчениями Юрта (İnalcık 1980a, p. 458). Во всяком случае, прием мангытским лидерам действительно был оказан благожелательный. Сахиб-Гирей пытался создать видимость полного примирения. Баки с братьями возглавили левое крыло войска, а на дворцовых церемониях садились по почетную, левую сторону от трона (Tarih 1973, p. 61, 200). Саид-Мухаммед Риза отмечал, что настоящий рывок в усилении влияния мангытов (Мансуров) начался после убийства ими Ислам-Гирея, когда благодарный хан возвысил бека Баки (Риза 1832, с. 93). Тем не менее настороженность в отношениях оставалась, и новый карачи-бек, как оказалось, не зря оставил остатки своей личной дружины у ногаев (Tarih 1973, p. 193). Хану же требовалось направить энергию сильной аристократической группировки вовне, и удобным поводом представлялся большой поход на Русь.

Крымские мангыты тоже обращали взоры и замыслы к северной границе степей. В том же направлении их подталкивала польская агентура в лице князя С.Ф.Бельского (см.: АЗР, т. 2, с. 378). Вскоре после их утверждения в Юрте именно «подговором князей Аманъгитьских» один из царевичей совершил набег на «украйны» (Патриаршая 1904, с. 131). В мае 1541 г. на север выступил сам хан со всем

войском. Оно состояло из ополчений татарских элей, турецких отрядов Азова, Кафы, Ак-Кермана, а также астраханцев. Летописи и Разряды сообщают об участии в походе ногаев (Александро-Невская 1965, с. 135, 136; Книга 1850, с. 40, 41; Патриаршая 1904, с. 100–102; Патриаршая 1906, с. 434; Разрядная 1978, с. 295), но поскольку последние в данных текстах связываются с Баки, то, очевидно, подразумеваются крымские мангыты и те выходцы из Ногайской Орды, что расселились на территории их кочевий в Крымском ханстве. Тем более что Реммал-Ходжа упоминает о вооруженных конфликтах Сахиб-Гирея и с «ногайскими беями» накануне похода на Россию (Tarih 1973, p. 200, 201). Эти столкновения явно вызывались стремлением не допустить повторения ситуации трехлетней давности — вражеского удара из-за Волги в тыл или во фланг ханской армии.

Временно скрытая враждебность мангытов и подозрительность хана полностью проявились в ходе кампании и привели ее к бесславному концу. Сахиб-Гирею донесли, будто Баки намеревается прикончить его во время переправы на плоту через Оку. Хан повелел мангытам вместе с их карачи-беком форсировать реку раньше его. Бек стал отнекиваться, чем еще больше разжег подозрения в заговоре. Пока шла перепалка (гонцы пять-шесть раз скакали от ханского шатра к бекскому и обратно), наступила ночь. Крымцы остались на правобережье Оки, а наутро на противоположной стороне уже кишела московская рать, грохотали русские пушки. Переправа стала невозможной, и Сахиб-Гирей повернул назад. Единственное, что он смог сделать для сохранения репутации, — это послать великому князю Ивану Васильевичу ругательную грамоту с такими, в частности, словами: «Благодари же всевышнего Бога, что у тебя еще остался кусок хлеба. Этому причиною Бакы-бек, по вине которого не состоялась переправа через Оку. Воссылай за него молитвы! Теперь я сначала убью этого волка, замешавшегося среди моих овец, зарою его в навоз на задворках моего сада, а потом расправлюсь и с тобой» (Смирнов В. 1887, с. 416, 417; Tarih 1973, p. 62, 63, 66)[33].

Выместить злобу на карачи-беке сразу по возвращении хан не решился: слишком влиятелен и могуществен был тот. Баки продолжал занимать свой высокий пост[34], предпочитая держаться подальше от взбешенного Гирея. Мангытские ополченцы во главе со своим

[33] Мангытские интриги оказались не единственной причиной краха экспедиции 1541 г. Русские летописи объясняют его уроном, понесенным крымцами от пушечного обстрела; А.М.Некрасов полагает, что хан не сумел должным образом использовать свою турецкую артиллерию (Некрасов 1990, с. 105). В.В.Каргалов видит причину отступления Сахиб-Гирея в грамотной дислокации русских войск и оборонных мероприятиях русских властей и воевод (Каргалов 1974, с. 96, 100).

[34] В перечне польских подарков, розданных князем Семеном Бельским крымским сановникам в 1541–1542 гг., самые щедрые и богатые подношения предназначались «Бакыю князю» и двум его братьям (АЗР, т. 2, с. 381).

предводителем «прошли через Ор (Перекоп. — *В.Т.*), прибыли в Мангыт, страну его предков, и разместились там» под предлогом охоты (Tarih 1973, p. 205)[35]. В этой «стране предков» карачибека и настиг ханский гнев. Зимой 1542/43 г. его внезапно схватили, раздели и опустили в воду, где он и замерз (Смирнов В. 1887, с. 403).

Расправа с Баки как бы дала сигнал широкой реформе Сахиб-Гирея по усмирению кочевой стихии в подвластных землях. Хан не хотел, чтобы в будущем его подданные с такой же легкостью, как Баки, могли сняться с места и откочевать к ногаям или в османские владения на западе и в Приазовье. Жителям Крыма запрещалось вести кочевой образ жизни. Кибитки было велено разломать и жить отныне оседло в стационарных поселках. Развернулось строительство домов и целых аулов, началась раздача земельных наделов на всем пространстве Юрта — «от Фатх-Кермана на севере до Балаклавы на юге и от Кафы на востоке до Гёзлева на западе»; одновременно возводились мечети (Негри 1844, с. 384; Риза 1832, с. 92, 106; Смирнов В. 1887, с. 413; Précis 1833, p. 366, 367). Нововведения действительно способствовали насаждению оседло-земледельческого уклада на Таврическом полуострове. Но обширные степи к северу от него не были охвачены ими. Стада и улусы кочевников продолжали там обычные сезонные передвижения, отчего эти территории по-прежнему привлекали переселенцев из-за Волги.

В 1547 г. Сахиб-Гирей захватил Хаджи-Тархан, царствовавший там Ямгурчи бежал. Хан не удовлетворился изгнанием правителя, но предпринял массовый вывод населения в свой Юрт. «Людеи их и улусов их там не оставили, всех пригонили к себе», — писал он Ивану IV (КК, д. 9, л. 57). Вероятно, с этой насильственной миграцией связано сообщение «Гюльбюн-и ханан» о выделении Сахиб-Гиреем земли и выдаче документов на нее для обеспечения благополучной жизни обитателям берегов Эмбы, Яика, Волги, Кубани, Дона и Днепра, переселенным в Крым (см.: Марджани 1989, с. 170). Упоминание рек Эмбы и Яика, расположенных на территории Ногайской Орды, свидетельствует о том, что среди крымских новоселов были и ногаи, проживавшие в Астраханском ханстве.

Захват нижневолжской столицы и увод народа привел в ярость верхушку Ногайской Орды. Так же как когда-то после похода Менгли-Гирея 1509 г. и полонения им ногайских улусов, было решено идти на Крым — видимо, не для возмездия за разгром города, а ради возвращения астраханцев. Командовать двенадцатитысячным войском пору-

---

[35] Х.Иналджык понимает это сообщение как уход на Днепр, а не в евпаторийское владение «Манкыт эли», где облавная охота была бы затруднительной (İnalcık 1980a, p. 458). Но в таком случае непонятно, каким образом мангыты при возвращении из северного похода пересекли Перекоп.

чили мирзе Али б. Юсуфу (Précis 1833, p. 367)[36]. В бою с сорока тысячами крымцев у Перекопа ногаи не смогли выстоять против артиллерийских залпов. С небольшим отрядом мирза бежал, бросив раненых и убитых соратников на поле боя. Многие попали в плен и подверглись жестоким истязаниям. У въезда на Перекопские укрепления хан соорудил две башни из отрубленных голов (Gökbilgin 1973, p. 29; Tarih 1973, p. 240–246). Х.Иналджык полагает, что конфликт этот произошел в 1546 или 1547 г. (İnalcık 1980a, p. 458). А.М.Некрасов относит его к началу 1547 г. (Некрасов 1990, с. 109). Имеется информация Реммал-Ходжи о том, что смерть казанского хана Сафа-Гирея (случившаяся, по русским источникам, в марте 1549 г.) наступила в 956/1549-50 г. — третьем году после так называемой Ногайской бойни (*Ногай кыргыны*) (Tarih 1973, p. 109); следовательно, «бойня» пришлась на 953/1547-48 г. Материалы ногайско-русской переписки позволяют подкорректировать датировку. В октябре 15*48* г. вернулся служилый татарин Девлет-Ходжа Хусейнов, побывавший у Шейх-Мамая, и доложил, в частности, что бию стало известно, будто Сахиб-Гирей посылает в Астрахань пушки и пищали. Чтобы не допустить оснащения крепости крымско-турецким вооружением, Шейх-Мамай направил Али б. Юсуфа с десятитысячной ратью, приказав напасть «на крымские улусы к Перекопы (так. — *В.Т.*). И Али мирза... пошел под крымские улусы» (Посольские 1995, с. 240). О понесенном им там сокрушительном поражении поведал московскому царю сам мирза Али в грамотах, привезенных в августе («С сорокью темь билися есмя, а с нами было людеи одна тма») и в октябре 15*49* г. («Крым воевал есми и истомился есми добре») (Посольские 1995, с. 296, 311). Ивану Васильевичу от своих гонцов было к тому времени уже известно о Ногайской бойне и расправе Сахиб-Гирея с пленными: «И тех ваших людеи крымскои царь многих побил, а иных многих живых переимал и учинил над ними розные казни, как ни в которых людех нигде не ведетца: иных на колье сажал, а иных за ноги вешал, а у иных, головы отсекая, башни (в тексте: башты. — *В.Т.*) делал» (Посольские 1995, с. 298). Царь и великий князь заявлял о своей солидарности с ногаями, обещал послать против татар казаков и предлагал Али не опускать руки, а возобновить атаки на Крым; посланному за Волгу гонцу было приказано предложить мирзе, чтобы он, «***как сеи зимы***, на Крым однолично пошел» (Посольские 1995, с. 303).

---

[36] О.Гёкбильгин отождествил его с тем Аксак Али, который напал на Сахиб-Гирея в 1538 г. (Gökbilgin 1973, p. 29). Этот же автор, как и В.Д.Смирнов, считал его братом Баки (Смирнов В. 1887, с. 403; Gökbilgin 1973, p. 24). Здесь явное недоразумение: в 1538 г. военачальником являлся Али, сын бия Ногайской Орды Хасана б. Ваккаса, а не крымского мирзы Хасана б. Тимура, отца Баки; в 1548 г. набег на Крым произвел Али б. Юсуф, который позднее в переписке с Иваном IV объяснял свое поражение и делился планами реванша.

Грамоты и наказ гонцу составлялись в августе 1549 г.; стало быть, «сия зима» приходилась на конец 1548 — начало 1549 г. Получается, что именно тогда произошла Ногайская бойня, а датировка Реммал-Ходжи неточна.

Трактовку крымским ханом его отношений с ногаями трудно назвать адекватной. «Коли есмя Астрахань взяли, — писал он в Москву, — ино нагаиские князи, Ших Мамаи князь в головах, и все мирзы нам послушны учинились. Кого мы велим им воевать — и им того воевать, а на кого мы не велим им ходить — и на того не ходят. Так нам послушны и повинны учинились» (КК, д. 9, л. 57–57 об.). Эта оценка абсолютно расходилась с реальностью, что подметила еще Е.Н.Кушева, которая приписывала Шейх-Мамаю ряд мер, направленных против усиления крымского влияния и присутствия в Хаджи-Тархане: переговоры с Москвой о посажении там Дервиш-Али и о заключении шертного договора (Кушева 1950, с. 241–243; Кушева 1963, с. 187–189). Почему-то Е.Н.Кушева не обратила внимания на поход Али б. Юсуфа, который полностью опровергал высокомерные утверждения Сахиб-Гирея. Уже вскоре после взятия им Астрахани ногаи направили в Бахчисарай посла с резким заявлением, в котором, во-первых, обвиняли хана в напрасном разорении города, во-вторых, предъявляли свои права на днепровские степи («Буди тебе ведомо: Днепр... наш коч, твои татаровы по Непру не кочевали») (КК, д. 9, л. 53). Появление территориальных притязаний к Крымскому юрту со стороны заволжской Орды говорит о значительном уже в то время ногайском населении ханства; особенно увеличилось оно в результате переселения астраханских подданных в 1547 г. Еще более непримиримым стало отношение к Гирею после Ногайской бойни. На протяжении 1549 г. из степи шли вести, что «с крымским ногаи в великои недружбе», что мирзы возмущены жестокостью хана к пленным и намерены повторить поход, что старший сын Шейх-Мамая, Касим, принялся ловить на «украйнах» Руси мелкие крымские отряды и столь же зверски расправляться с ними (см., например: Посольские 1995, с. 291, 305). Ногайская Орда и Крымское ханство вновь стали смертельными врагами.

1530–1540-е годы — период апогея могущества и влияния Ногайской Орды. Разгромив или запугав соседей, потомки Нур ад-Дина и Мусы смогли наконец обезопасить свою державу от внешних посягательств. Несмотря на зыбкость единства правящего клана и свержение бия Саид-Ахмеда, перед соседними народами Ногайская Орда того времени выступала как грозная и относительно монолитная сила. Ногаи сумели включить в сферу своей гегемонии Казахское ханство, утвердить и упорядочить свое господство над Башкирией. Как равные они состязались в борьбе за влияние на Астрахань с Крымом

и на Казань (хотя и в неявной форме) с Россией. В этот период Орда обрела черты кочевой империи: мирзы и управляемые ими эли были разделены на крылья под верховенством наместников-военачальников, бий по своему положению и авторитету внутри (но не вне) державы приблизился к монарху-хану. Правление Шейх-Мамая было высшей точкой развития политической и социальной структуры ногаев.

Глава 6

Юсуф и Исмаил

Самые заметные деятели ногайской истории середины XVI в. — братья Юсуф и Исмаил. С их сотрудничеством, а затем соперничеством связаны драматические события, которые привели к началу раскола державы ногаев и которые мы характеризуем как вторую Смуту. К 1549 г., ко времени смерти Шейх-Мамая, оба мирзы оставались следующими по старшинству сыновьями Мусы. И только они имели право, по канонам кочевой иерархии, возглавлять эль мангытов и всю Ногайскую Орду (потомство бия Хасана б. Ваккаса в династических комбинациях не учитывалось). Братья происходили от одной матери — Хандазы, первой жены «хакима Дешт-и Кипчака» (Ананьев 1909а, с. 13; НКС, д. 10, л. 4). Старший, Юсуф, был провозглашен бием. Исмаил приблизительно с 1545 г. стал нурадином и возглавил мирз правого крыла, переместившись туда из башкирского наместничества (Трепавлов 1997в, с. 22).

В октябре 1548 г. на Москве объявилось большое посольство от бия Шейх-Мамая и высших мирз. После продолжительных переговоров оно заключило с царем и великим князем шертное соглашение о ненападении и помощи России против ее врагов от лица «государя своего, Ших Мамая князя, и за его братью — за Юсуф мирзу и за Исмаил мирзу — и за их дети, и за всех мирз нагаиских» (Посольские 1995, с. 264). 5 февраля 1549 г. послы были отпущены восвояси в сопровождении русского посла к Шейх-Мамаю, И.Б.Федцова. 28 июня в столицу примчался служилый татарин из федцовской свиты с донесением: «Ших Мамая князя в животе не стало, а на княженье учинился Юсуф мирза. Иван Борисов сын Федцова пришел к Ших Мамаю князю, а Ших Мамая князя уж не стало» (Посольские 1995, с. 292). Следовательно, смена бия относится к весне 1549 г.[1].

[1] Можно было бы предположить, что бий умер в то время, когда его посольство находилось в Москве, не подозревая о кончине своего государя, т.е. в конце 1548 г. Но в июне 1549 г. к Ивану IV привезли грамоты от четырех мирз, в том числе от Исмаила и Касима б. Шейх-Мамая. В этих посланиях ни слова не говорится о смене власти в Орде (Посольские 1995, с. 286 и сл.). Путь от Москвы до основных ногайских коче-

Юсуф-бий и мирзы. Персональной особенностью нового бия была его глубокая религиозность. Еще до «вокняжения» он рекомендовался как «благочестный мирза», «неповинный мирза» (Посольские 1995, с. 202, 247, 295). Пышная титулатура, едва намечавшаяся у его предшественника, предваряла теперь послания Юсуфа в Москву: «Государя государем над вселенскими государи и князем князя Юсуфово княжое слово»; «Вселенским государем государя князем князя Юсуфово княжое слово» и т.п. (Посольские 1995, с. 306, 309, 319). В грамотах то и дело приводились теперь ссылки на Коран, на авторитет «наших книжников», иногда адресант пускался в рассуждения о бренности земного бытия, неизбежности смерти. Очевидно, Юсуф был неплохо образован в религиозных вопросах или же находился в окружении умудренных богословов. Учитывая данные о тесной связи бия с Бухарой (см.: НКС, д. 4, л. 191), можно догадываться о мавераннахрском источнике просвещенности его или ученой свиты.

В первые же месяцы бийства Юсуфа в документах вновь мелькнула фигура декоративного хана-Чингисида. О нем сообщил Исмаил в письме, доставленном в июне 1549 г.: «Темирь Кутлуева царева сына царем себе учинили есмя. Один царем учинился, а другои князем» (Посольские 1995, с. 287). Вероятно, именно этот персонаж фигурирует в майском послании Юсуфа 1551 г.: «Царь у нас Янаи. Чтоб еси нас для его призывал» (НКС, д. 4, л. 11). Кто такой Янай (Джанай), неизвестно. Однако ясно, что, во-первых, он принадлежал к потомкам большеордынского хана Ахмеда, и скорее всего к Астраханскому дому — «Темир Кутлуевым царевым детям»; во-вторых, номинальная иерархия распределилась точно так же, как во времена Эдиге, Ваккаса и Мусы, — по схеме «один — хан, другой — бек».

Очевидно, неурядицы, связанные с бесславным финалом правления Саид-Ахмеда, и зыбкий статус Шейх-Мамая заставили мангытскую верхушку вспомнить о традиционных формах сосуществования хана и беклербека. Формальный сюзерен Ногайской Орды казахский

вий между Волгой и Яиком обычно занимал от одного до трех месяцев, поэтому данные письма были отправлены в марте–мае 1549 г., и Шейх-Мамай тогда был еще жив. В пределах этих же месяцев «в Ногаи» должен был добраться и Иван Федцов. М.Г.Сафаргалиев полагал, что следующим по старшинству в очереди на бийство был Урак б. Алчагир, а Юсуф стал бием, поскольку оказался сильней его (Сафаргалиев 1938, с. 83). Однако, во-первых, Урак при тех событиях нигде не упоминается, последние сведения о нем относятся к 1538 г. (см.: Посольские 1995, с. 215); во-вторых, победителями после первой Смуты оказались мирзы группировки Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая. Юсуф, как их приверженец и следующий сын Мусы, имел политические преимущества в наследовании высшего статуса перед своим племянником Ураком (М.Г.Сафаргалиев явно ошибся, приписав последнему династическое старшинство). Поволжские мирзы, к лагерю которых принадлежал Урак, после первой Смуты держались особняком и не претендовали на первенство в Орде. Встречающееся в популярной литературе утверждение, будто Юсуф встал во главе ногаев в 1530 или 1531 г. (Сабирзянов 1995, с. 90), не сообразуется ни с какими сведениями источников.

хан Хакк-Назар по каким-то причинам перестал удовлетворять мангытов. Кроме того, постоянная формула «князем князь» в посланиях Юсуфа есть не что иное, как буквальный перевод термина «беклербек». Таким образом, Юсуф подчеркивал именно этот, общеордынский оттенок своего ранга, отодвигая на второй план ранг бия как главы Мангытского юрта. Может быть, дополнительная опора в лице фиктивного государя понадобилась главе ногаев, чтобы упрочить свое положение в глазах множества сородичей-мирз.

Существенным стимулом обрести добавочную легитимность через поставление подставного монарха и получить от него беклербекство служили регулярные атаки из Хорезма изгнанного Шейх-Мамаем Саид-Ахмеда, к которому присоединились сыновья Мамая б. Мусы (см.: НКС, д. 4, л. 38 об., 39; Посольские 1995, с. 305, 306). Впрочем, я не склонен разделять точку зрения некоторых исследователей, будто Юсуф не пользовался никаким авторитетом, а его пространная титулатура являлась не более чем игрой в великодержавную политику, «тщеславным упоением своим мнимым могуществом» (Жирмунский 1974, с. 451; Перетяткович 1877, с. 215, 216; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 212). Все же отношение мирз к нему было весьма лояльным, по крайней мере в первые три-четыре года. Он созывал их на съезды, где обсуждались важнейшие дела, распределял кочевья и улусы, собирал громадное, трехсоттысячное ополчение (см.: НКС, д. 4, л. 75 об., 123 об., 124, 138, 151).

С середины 1540-х годов все больше места во внешней политике Ногайской Орды начинает занимать Россия. Московское царство росло и усиливалось; оно давно пыталось влиять на Казань и готово было распространить его на Астрахань. Угроза нарушения не в пользу ногаев баланса политических сил, сложившегося после падения Большой Орды в 1502 г., заставляла Юсуфа настороженно относиться к русским. К тому же у него нашлись и личные причины для пристального внимания к московским делам и замыслам: с 1549 г. в царских владениях находилась его дочь Сююмбике, вдова казанского хана Сафа-Гирея, с маленьким сыном. Настороженность степного владыки проявилась сразу же по «вокняжении», когда бий отказался утвердить шертный договор, заключенный ногайским посольством в Москве в начале 1549 г. от лица покойного Шейх-Мамая и мирз (в том числе и самого Юсуфа). Хотя он и подтвердил устно намерение находиться в дружбе с Иваном IV (Посольские 1995, с. 264, 305), но требовал от царя признания себя и своих посольств равными по рангу золотоордынским и крымским ханам и посольствам.

Отказ русской стороны выполнять эти непомерные и унизительные для нее притязания вызывал у бия ярость, выливался в оскорбления и грабеж московских посланцев в его владениях (см., например: Посольские 1995, с. 252–255, 278). Русские редко отвечали тем же, но

в июле 1551 г. были вынуждены заявить, что с Юсуфом отныне «в дружбе быть не хотим» (НКС, д. 4, л. 57). Несколько раз бий собирался в большой поход на Русь; именно в эти годы, на рубеже 1540–1550-х, отмечается потепление отношений ногаев с Крымом и активизация их контактов с Портой на основе противостояния с Россией (см. ниже). Ногайско-русские отношения при Юсуфе стали превращаться в существенный фактор уже внутриногайской ситуации, отношений в среде потомков Нур ад-Дина и Мусы.

Эти потомки к середине XVI в. были довольно многочисленными. Я не могу подтвердить или опровергнуть приведенную В.М.Жирмунским цифру — 150–180 человек (Жирмунский 1974, с. 433), так как не производил подобных подсчетов, но несомненно, что правящий ногайский род насчитывал десятки мирз, объединенных в несколько патронимий. Мы уже знаем, что из Ногайской Орды удалились в Среднюю Азию дети Саид-Ахмеда и Мамая (точнее, большинство их); не участвовали в событиях той поры и Ямгурчеевичи. В восточном Дешт-и Кипчаке остались отпрыски биев Хасана, Шейх-Мухаммеда, Шейх-Мамая, а также нурадина Хаджи-Мухаммеда (Кошума).

Кошумовичи и Хасановичи кочевали на западе державы. К 1550-м годам детей Хаджи-Мухаммеда по разным источникам насчитывается двенадцать (Хасанак, Белек-Пулад, Арслан, Дин-Али, Хаджи-Али, Досай, Аликей, Султан-Гази, Девлет-Гази, Дин-Ахмед, Урус, Торгай). Через десять лет отмечалось, что в Орде «мирз есть з десять и с пятнадцать Кошумовых детеи», т.е. потомков в целом (НКС, д. 6, л. 232 об.). Территория их кочевий располагалась в правом крыле Орды, по левому берегу Волги южнее казанских пределов. Эти места были закреплены за Кошумовичами решениями съездов знати и волей правящих биев (см.: НКС, д. 4, л. 123 об., 185 об.–186 об.; Посольские 1995, с. 315). При Юсуфе признанным лидером большой семьи Хаджи-Мухаммеда стал Белек-Пулад, но для соседей известнее был его брат, воинственный Арслан.

В декабре 1550 г. отряды нескольких мирз во главе с Арсланом совершили набег на Рязанщину и Мещеру. Это предприятие не было согласовано со старшими иерархами Орды и грозило им дополнительными осложнениями с Москвой. Белек-Пулад бросился было догонять младшего брата, но не успел: тот уже переправился через Волгу. Нападавших встретили воеводы из Рязани и Елатьмы и полностью их разбили. С полусотней бойцов Арслан ни с чем вернулся домой. Большинство его ратников погибло или попало в плен (Александро-Невская 1965, с. 158; НКС, д. 4, л. 3, 33, 34). Белек-Пуладу пришлось выслушивать горькие упреки от царя: «безлеб и писати», мол, что контролируешь «Волжскои улус», раз не мог воротить Арслана! Иван IV советовал мирзе разорвать отношения с агрессивным братом

и не давать тому приюта, «чтобы ево и твоим улусам лиха не было» (НКС, д. 4, л. 23 об., 24).

Тем не менее именно Белек-Пулад считался старейшиной своих единокровных родичей, и послы его возглавляли миссии от поволжских мирз в Россию в 1549–1553 гг. В 1551 г. он известил царя, что стал «на Ординском государстве государем» (т.е. наместником бывших владений Большой Орды в Заволжье), над которым в ногайской структуре власти стоят только два человека, «и те на реке на Яике» (НКС, д. 4, л. 13). Именно тогда он и похвалялся перед царем, будто «которои улус на Волге» находится в его полном подчинении. Объем полномочий и территория кочевания приводят к заключению, что этот мирза с 1549 г. обрел ранг нурадина «в сторожех», т.е. военачальника правого крыла (Трепавлов 1993б, с. 50, 56).

Главным нурадином и предводителем правого крыла стал Исмаил, второе лицо после бия Юсуфа. «Отец и дядя мне Исмаил мирза», — подчеркивал Арслан б. Хаджи-Мухаммед. «Здесь в верху реки (Волги. — *В.Т.*) живем, а дал нам (кочевья. — *В.Т.*) отец и дядя», — вторил Белек-Пулад (НКС, д. 4, л. 123 об., 126). И если авторитет старшего брата был для Арслана, видимо, невелик, то Исмаил уверенно «лаел» его за авантюрный набег на рязанские места (правда, Исмаил же и признавал, что не сумел «уняти» подчиненных) (НКС, д. 4, л. 22 об., 40 об.). В Москве знали о таком распределении компетенции и в ответ на расспросы Белек-Пулада о русских планах относительно Крыма отвечали, что известят его о них только после консультаций с Исмаилом (НКС, д. 4, л. 179). Кошумовичи дорожили своим статусом и отстаивали его перед другими претендентами на поволжский удел и «сторожевое» нурадинство. В 1553 г. Белек-Пулад выгнал из западных степей главу клана Шейх-Мухаммеда, Айсу, за то, что тот по приказу Юсуфа и Исмаила не пропустил через свои земли его купеческий караван (НКС, д. 4, л. 185 об., 186) (причина этого шага бия и нурадина неизвестна). Определенная самостоятельность потомков Хаджи-Мухаммеда чувствовалась и во внешних делах — в частности, в намерении извещать русское правительство, если «отец и дядя» (Юсуф или Исмаил) захотят развязать войну (НКС, д. 4, л. 170 об.).

По соседству с Кошумовичами расположили свои улусы отпрыски бия Хасана — десять мирз во главе с Хайдаром (вместе с детьми и внуками в середине столетия их насчитывалось до пяти-шести десятков) (см.: НКС, д. 4, л. 124 об.; д. 6, л. 60). Поволжские пастбища они заняли тоже по распоряжению «отца и дяди» (НКС, д. 4, л. 124).

В начале 1550-х годов на Волге разместились также Шихимовичи во главе сперва с Ураз-Али б. Шейх-Мухаммедом, затем с его сыном Айсой. Летовья им были определены вверх по Волге, зимовья — по Дону (см.: НКС, д. 4, л. 124 об.–125 об.). Братья Айсы, Тохтар, Тимур, Бабаджан и Пулад (Родословная 1851, с. 130), признавали старшим

над собой главу крыла Исмаила, и хотя конфликтовали с Кошумовичами, но направляли вместе с ними общие посольства в Россию и в целом соблюдали внутриордынскую субординацию и дисциплину.

На востоке Орды, в левом крыле, находились владения шестерых сыновей Шейх-Мамая: Касима (Касая), Хана, Бая, Бия, Бека и Ака (т.е. Ахмеда) (см., например: НКС, д. 4, л. 187 об.). Отношения Юсуфа с ними поначалу складывались сложно. Касим ограбил русского посла И.Б.Федцова, и бий никак не мог воздействовать на племянника, поскольку тот «о себе ходит, о себе государит» (НКС, д. 4, л. 148 об.). Трое братьев Касима ушли в Хорезм, очевидно не желая подчиняться Юсуфу, и угрожали оттуда набегами (НКС, д. 4, л. 191 об.). Без санкции высших мирз Шихмамаевичи отправлялись в походы на Русь, и Касим подчеркивал, что ему «до дядь своих дела нет» (НКС, д. 4, л. 93).

Но уже через два года бию удалось добиться лояльности воинственных племянников. Он ездил утешать вдову Шейх-Мамая, когда каким-то образом «згорел» мирза Хан б. Шейх-Мамай; Касим стал аккуратно посещать все совещания мирз в Сарайчуке, а в 1552 г. он заявлял: «Ныне отец и дядя нам Юсуф князь, а по нем Исмаил мирза, а потом яз, убогий. А все мы живем у княжих двереи — весь народ. Все есмя слово на одно переложили»; «Кто отцу и дядям нашим друг, тот и нам друг... Ныне коли дяди наши хотят доброво дела, ино и яз на добре стою» (НКС, д. 4, л. 16 об., 113, 150 об., 151, 152, 200, 200 об.).

Вместе с тем дети Шейх-Мамая сохраняли существенную автономию: собирались самостоятельно воевать Крым и в то же время отказывались участвовать в общеногайском походе на Русь, организованном Юсуфом в 1553 г. (правда, по уважительной причине — гибели одного из братьев, а также из-за взятия Казани Иваном IV, отчего «нам ево воевати нелзе». Впрочем, Юсуфу все-таки удалось уговорить Касима присоединиться к войску, но поход стараниями Исмаила провалился — НКС, д. 4, л. 144 об., 181 об., 182, 189 об.).

Нурадин Исмаил являлся подлинным соправителем бия. Он подчеркивал свой статус, в частности в контактах с Москвой именованием себя братом русского царя и вычурной титулатурой («Высочаишего государя, великую власть держащаго повелителя от Исмаил мирзы») (НКС, д. 4, л. 66, 167). Вместе с Юсуфом он в конце 1540-х — начале 1550-х годов в основном справлялся с сонмом сородичей и по праву считал себя одним из гарантов их сплоченности и послушания: «И братья наши меншие, и дети наши из брата нашего княжова слова и из моево слова не выступят, и воины не зат(е)вати» (НКС, д. 4, л. 53). Собственное полное подчинение воле Юсуфа он объявлял в 1551 г., когда к нему явился астраханский царевич Баки б. Ак-Кобек и нурадин предоставил решение его судьбы бию: «Брат мои князь

велит его учинити в убожестве, и яз учиню в убожестве, а велит от себя отослати, и яз от себя отошлю» (НКС, д. 4, л. 67 об.).

Кочевья нурадина, в соответствии с его рангом начальника правого крыла, располагались вдоль Волги. Выше мы видели, что время от времени он подкочевывал к Казани, а южным, зимним рубежом сезонных маршрутов были низовья реки (Айса б. Ураз-Али: «На усть Волги стареишего нашего Исмаилева изба» — НКС, д. 4, л. 187 об.). Весной 1551 г. русское посольство застало улус Исмаила «на Чеганех межу Волги и Яика» (НКС, д. 4, л. 37 об.) — видимо, во время передвижения на север, к Казани.

Как во внутренней, так и во внешней политике нурадин был вполне самостоятелен. Независимо от бия он ссылался с Крымом и Турцией, планировал карательные операции против мирзы Гази б. Урака, который перебрался на Крымскую сторону Волги и превратился в «казака». Исмаил весьма действенно контролировал подвластные улусы, каждый случай неповиновения (например, вылазка Арслана б. Хаджи-Мухаммеда на «украйны» в 1550 г.) считался чрезвычайным происшествием и вызывал тщательное разбирательство. Подобные полномочия были сформулированы самим нурадином в 1551 г.: «Братья мои меншие и дети передо мною правду учинили на том, что из моево слова не выступити. А которые люди по Волге кочюют, и тем с тобою (Иваном IV. — *В.Т.*) не завоеватца. Тот минят (т.е. ответственность за это. — *В.Т.*) яз на себя взял» (НКС, д. 4, л. 52). В то же время он реально оценивал свои властные возможности и понимал, что не обладает никакими средствами, кроме личного авторитета, чтобы, допустим, воспрепятствовать авантюрным попыткам мирз устроить самовольные набеги. «А братья мои меншие и дети хотят ити, а того не ведаю, куда поидут. И ты берегися», — писал он в 1551 г. Ивану IV (НКС, д. 4, л. 66 об.).

Правое крыло находилось ближе прочих ногайских владений к России, поэтому с его предводителем московское правительство общалось гораздо активнее, чем с вождем восточного крыла и даже с бием, понимая вес нурадина и его влияние на дела в Орде. Если для османского двора Исмаил был просто «мирзой, одним из ногайских беев», не заслуживающим персонального внимания «Блистающего Порога» (см.: Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 219), то для русских к началу 1550-х годов он стал основным дипломатическим партнером среди мирз и потенциальным союзником. С ним — отдельно от Юсуфа — велись переговоры о планах военных кампаний, к нему направлялись московские послы высокого ранга для заключения особого (фактически сепаратного) соглашения о дружбе. А когда отношения Юсуфа с царем стали приобретать характер откровенной неприязни, Иван Васильевич известил нурадина, что отныне с бием «в дружбе быть не хотим», но при этом он соблюдает «крепкую друж-

бу» с Исмаилом (НКС, д. 4, л. 57). Разница в отношении могущественного и богатого соседа к двум высшим правителям ногаев вносила дополнительный раскол между ними.

Их сотрудничество и без того осложнялось многими факторами, прежде всего внешнеполитическими. Получая щедрые подарки из Москвы, направляя туда табуны «продажных лошадей» и торговые караваны, нурадин желал как можно более прочных, частых и дружеских контактов с Россией. Юсуф, напротив, давно затаил злобу на царя за фактическое пленение его дочери Сююмбике с внуком Утемиш-Гиреем (к этому позже добавился и ее нелепый брак, по воле Ивана IV, с трусливым и уродливым Шах-Али — касимовским и бывшим казанским ханом). Обращения бия к царю становились все жестче, а отношение к России — все непримиримей. Последней каплей стали известия о подготовке царем большого похода на Казань в 1552 г. Бий объявил мобилизацию всего ногайского ополчения — и натолкнулся на противодействие Исмаила. Тот не стал собирать подведомственные войска правого крыла и не явился на съезд мирз, собиравшийся для обсуждения ведения войны, а брату объяснил, что хочет дождаться возвращения своего посла из Москвы для уяснения обстановки (НКС, д. 4, л. 138, 148, 151 об.).

Неудивительно, что между бием и нурадином возникла «великая нелюбка», по выражению гонца Ж.Ордазеева (НКС, д. 4, л. 101). Через год, уже после взятия русскими Казани, бий все-таки собрал огромную армию и двинулся на запад. Информаторы приводят три причины повторного отказа Исмаила от участия в походе. По словам одного, он заявил о своей лояльности к царю Ивану: «Мне... со царем и великим князем недружбы нет, я... с тобою не иду» (НКС, д. 4, л. 201). По словам другого, нурадин не присоединился к Юсуфу, сославшись на вести о приближении рати крымцев к ногайским владениям; а если, дескать, бий уведет все боеспособные силы на Русь, то одному «мне... против крымсково не ставити, а поиду... за Яик», оголив западную границу. Юсуф к этому будто бы прислушался и прекратил поход. Гонец, сообщивший эту версию, специально оговорил, что в данном случае нурадин дезинформировал своего государя: «А то он про крымсково вставил, дружечи царю и великому князю» (НКС, д. 4, л. 194). Третий гонец рассказал, будто Исмаил заявил Юсуфу: «Твои... люди ходят торговати в Бухару, а мои ходят к Москве. И толко мне завоеватца, и мне самому ходити нагу, а которые люди учнут мерети, и тем и саванов не будет» (НКС, д. 4, л. 191) (т.е. прекратится доступ тканей из России). Действительно, в то самое время, когда ногаи собирались во множестве обрушиться на Русь, в ее столицу направлялось мирное посольство Исмаила и других мирз правого крыла из четырехсот человек с трехтысячным табуном (НКС, д. 4, л. 192, 192 об.). Наконец, сам он просто объяснил Ивану Васильевичу, что

пришлось бить челом главе Ногайской Орды, отговаривать от войны, и тот прислушался к просьбам (НКС, д. 4, л. 198)[2]. Так или иначе, Юсуф в самом деле распустил ополченцев по домам, и побудили его к этому, вероятно, не только «челобитья» брата, но и возобновившиеся набеги мирз, которые укрывались в Хорезме (см.: НКС, д. 4, л. 191 об.).

Из приведенных выше объяснений «русофильства» Исмаила версия об экономической привязке к российскому импорту выглядит наиболее убедительной. Находясь в тесном экономическом взаимодействии с русскими, Исмаил предпочитал регулярные поставки необходимых товаров и сбыт лошадей — основного богатства кочевников — разовому и хлопотному обогащению в набегах. Эту политику разделяли и поддерживали его соратники и подчиненные — мирзы правого крыла. В 1553 г. старшие Кошумовичи явились к нурадину с вопросом, как им реагировать на объявленную Юсуфом повальную мобилизацию против Руси, отправляться ли им на войну. «Исмаил... им с Юсуфом ити не велел», и они послушались (НКС, д. 4, л. 194). В целом можно согласиться с трактовкой В.М.Жирмунским политической линии «партии Исмаила». Линия эта заключалась в дружбе с Москвой и привлечении московской помощи в астраханском вопросе[3].

Кто входил в «партию Юсуфа» — противников сближения с Россией, торговавших с Бухарой? Само географическое положение Бухары подсказывает, что это должны были быть мирзы восточного, левого крыла, т.е. прежде всего клан Шейх-Мамая. Действительно, старший Шихмамаевич, Касим, несмотря на свой необузданный и независимый нрав, то и дело присутствует подле бия — направляет своих послов вместе с Юсуфовыми, участвует вместе с ним в походах. Кроме того, на стороне бия были, конечно, его собственные дети, из которых в начале 1550-х годов чаще прочих упоминаются Юнус (старший) и Али. Судя по всему, семья Юсуфа и потомки его предшественника Шейх-Мамая численно проигрывали «ведомству» Исмаила. Если предположить, что у каждого из мирз находился под началом

---

[2] Впрочем, существует еще известие о том, что Исмаил все-таки переправился через Волгу для участия в нашествии и остановился, поджидая Юсуфа с основными силами. Иван IV спешно выехал в Коломну и произвел разнарядку воевод по полкам (Разрядная 1975, с. 30; Разрядная 1978, с. 455). Так что возможно объяснять провал кампании не столько противодействием Исмаила, сколько страхом ногаев перед неожиданной военной активностью царя, его быстрыми оборонительными мерами, исчезновением фактора внезапности — основного в ногайской военной стратегии.

[3] Сепаратные связи Москва практиковала не только с Исмаилом, но и с другими мирзами. Но если с представителями правого крыла такие связи почти всегда были доброжелательными и учитывали первенство Исмаила, то при контактах с ногаями восточных территорий русские адресанты не гнушались использованием разногласий и угрозами разрыва отношений для ослабления Юсуфа (см., например, письма Ивана IV Касиму б. Шейх-Мамаю и Юнусу б. Юсуфу — НКС, д. 4, л. 25 об., 230–232).

улус примерно одинаковой численности, то и количество подданных («улусных людей») было в то время на востоке державы гораздо меньшим, чем на западе.

Общая иерархия властей Ногайской Орды в 1549–1554 гг. выстраивается следующим образом: бий Юсуф; главный нурадин Исмаил; нурадин-военачальник Белек-Пулад; кековат Ураз-Али б. Шейх-Мухаммед, затем его сын Айса[4]; наместник Башкирии Ахмед-Гирей б. Муртаза, Шибанид сибирской ветви.

Казанские и османские дела. Одним из решающих факторов разногласий в среде мангытской знати стали отношения с Казанским юртом и вопрос о русском вмешательстве в его дела. До середины XVI в. ногаи довольно спокойно относились к попыткам Москвы господствовать в Среднем Поволжье: наверняка сказалось то обстоятельство, что, когда Ногайская Орда формировалась и ее правители еще только пытались самостоятельно выйти на политическую арену (конец XV — начало XVI в.), Казанское ханство уже давно и прочно пребывало под российским протекторатом. Однако ко времени правления Юсуфа дом Эдиге тесно связал себя с внутренними делами данного Юрта и приобрел там значительное влияние. Напряженность в ногайско-русских отношениях объяснялась перспективой полной утраты этого влияния ввиду угрозы окончательного русского завоевания Казани.

На казанском троне в рассматриваемый период перебывали Утемиш-Гирей б. Сафа-Гирей (1549–1551), Шах-Али (1551–1552), Ядгар-Мухаммед б. Касим (1552). В марте 1549 г. умер хан Сафа-Гирей. Новым государем был провозглашен его трехлетний сын Утемиш-Гирей, а регентшей — вдова, дочь бия Юсуфа, Сююмбике. Внутренняя и внешняя политика Юрта по-прежнему полностью оставалась в руках крымской свиты Гиреев и их местных сторонников.

Только что возглавивший ногаев Юсуф решил воспользоваться сменой власти у соседей, чтобы усилить там ногайское присутствие и политический вес ногаев. Если в период третьего ханствования Сафа-Гирея (1546–1549) казанско-ногайские отношения были прохладными, то теперь они приобрели характер вооруженного противостояния. Повод для этого у Юсуфа нашелся веский: Сафа-Гирей не выполнил обещаний, данных им ногаям за помощь в воцарении, — не предоставил Юнусу б. Юсуфу пост мангытского бека[5]. Бий не без оснований

---

[4] Ураз-Али, как правило, в политике был солидарен с Юсуфом; Айса, несмотря на лидерство в левом крыле, обычно становился на сторону Исмаила.

[5] Д.М.Исхаков считает, что Юнус все-таки какое-то время занимал эту должность, так как в письме Ивану IV вспоминал, как «владел есми Казанью» (Исхаков 1998, с. 16). Однако ногаи постоянно упрекали Сафа-Гирея в обмане по этому поводу, и «владение» в устах Юнуса, думаю, означало лишь кратковременное пребывание его со своими войсками в Казани непосредственно во время посажения хана на трон в 1546 г.

надеялся на солидарность с ним дочери, ханши Сююмбике (хотя и скованной в действиях придворными-крымцами), и ее ногайского окружения. Очевидно, решение о борьбе за Казань было принято на общеордынском съезде, поскольку все мирзы, как один, принялись бряцать оружием и заявлять о своей враждебности к ханству. Некоторые решились на самостоятельные набеги в казанские пределы и терпели там урон (в таком набеге потерял сына Хайдар б. Хасан) (Посольские 1995, с. 289, 310, 315).

В тот момент интересы Ивана IV и мирз сомкнулись. В Москве давно был готов проверенный кандидат на казанский престол — Шах-Али. В Сарайчуке решили использовать эту фигуру для разгрома крымской «партии». Русскому правительству предложили следующий план: Иван Васильевич собирает всех беженцев из Казани, обретающихся в его владениях, и во главе с Шах-Али, с вооруженной охраной, но без войска, направляет в Казань. По дороге им следует убеждать жителей ханства, будто это едет их государь. Необходимо выставить заслоны на Крымской дороге, так как казанцы уже вторично послали в Бахчисарай за новым, полноценным (взрослым) ханом. Юсуф не возражал, чтобы Шах-Али по прибытии на место взял в жены Сююмбике. Ногаи же одновременно пошлют с войском Юнуса — помочь в возведении на трон Шах-Али и занять обещанный полагающийся ему пост мангытского бека. Эта диспозиция была доведена до русских посольством Юсуфа в июле 1549 г. (НКС, д. 4, л. 46; Посольские 1995, с. 294).

Царь не отказался, но и не выразил восторга по поводу ногайского плана. В ответной грамоте бию он откровенно объяснил, что нынешней (1548/49 г.) зимою его войска уже «воевали Казанскую землю» и из-за распутицы оказались вынуждены повернуть назад. Впрочем, на степные дороги он все же выслал заставы, а Шах-Али получил поручение с небольшим отрядом двигаться к Казани, но это предприятие закончилось безуспешно (Посольские 1995, с. 327; о зимнем походе 1548/49 г. см.: Худяков 1991, с. 119).

Тогда ногаи решили действовать самостоятельно. Летом 1549 г. конница Юнуса обступила волжскую столицу. Мирза потребовал для себя беклербекского поста и принятия на ханствование Шах-Али, «чтобы Москве и Казани [и] мангитом заодин быти и Крым воевати!», на что получил ответ: «Нам... умерети, [а] от крымцов не отстати». Горожане не открыли крепостные ворота и дали пушечный залп со стен. В пальбе и вылазках прошло восемь дней. Ничего не добившись, Юнус ушел в степь (Посольские 1995, с. 304, 320, 321, 324, 325).

Вновь начались переговоры с Москвой насчет совместных действий. Г.И.Перетяткович предположил, что казанцы, напуганные угрозой вражеской коалиции, спешно замирились с Юсуфом (Перетяткович 1877, с. 189). В это верится с трудом, потому что главная причина разногласий — отказ в предоставлении мангытского бекства сыну

бия — не была устранена. Впрочем, может быть, главе Ногайской Орды в самом деле пообещали выполнить наконец это и другие обязательства, данные в 1546 г. Сафа-Гиреем. Осенью 1549 г. Юсуф убеждал царя: «Яз тебя с Казанью помирю и оброчные пошлины велю давати». Видимо, какие-то выплаты ему были гарантированы казанцами; но если это и так, то на их слово он не полагался и добавлял: «Не похотят с тобою миру, и на лето ты поди оттоле, а яз поиду отселе» (Посольские 1995, с. 319). Однако так и не «пошел отселе». В 1550 г. Иван IV вновь двинулся на Казань — и опять неудачно: половодье вынудило его отступить (см.: Худяков 1991, с. 119, 120).

Неудача двух кампаний заставила московское правительство пересмотреть стратегию по отношению к Казани. С весны 1551 г. началась планомерная экспансия. Присоединение поволжских земель, переманивание местной нетатарской знати, строительство крепостей сопровождались периодическими военными экспедициями к стольному городу.

Увидев, как основательно и активно Россия начала продвижение на восток, ногаи тоже оживились. Уже в мае 1551 г. Юнус сообщил царю о намерении снова направиться в поход за своими законными прерогативами и выпытывал у адресата срок русского выступления, чтобы ударить синхронно (НКС, д. 4, л. 17, 17 об.). Тогда же он вместе с братом Али предложил Ивану IV очередной план. Московский царь должен «блиско Казани городы поставити да в жнитву воевати»; когда русское войско дойдет до Камы, послать своего представителя и одного из казанских князей, живущих в России, к ногаям, чтобы те не откочевывали от Камы, своей обычной летовки, на юг в зимние кочевья; Юнус и Али пошлют свою рать, которую Иван Васильевич переправит на Лаишевом перевозе через Каму на заранее заготовленных им пятидесяти-шестидесяти судах; другая часть ногайской конницы самостоятельно форсирует реку выше, на Чаллыевом перевозе; в таком случае, писали мирзы, мы «поломаем и выжжем» Арскую даругу, а русские пусть сделают то же с даругами Окречской, Ногайской и Якийской (НКС, д. 4, л. 47–48).

Но мирзы не спешили реально помогать царю: слишком явным стало его намерение подчинить себе Юрт. Обеспокоенные широкими завоевательными приготовлениями царя и рейдами Шах-Али по казанским владениям, ногайские власти предпочли уговаривать Ивана IV смирить военный пыл. Юсуф вновь обратился к нему с предложением своего посредничества в замирении с Казанью — пусть, мол, там правит Шах-Али, а бий обеспечит исправные платежи казанцев России (НКС, д. 4, л. 75, 76, 76 об.).

В планы царя тоже входило водворение в ханском дворце касимовской марионетки, но теперь он мало обращал внимания на мнение ногайской верхушки. Его воеводы быстро и бесцеремонно утверж-

дались в Поволжье, и поначалу мирзы были вынуждены мириться с неожиданной ситуацией. «Хотя ты и возьмешь Казань, мне с тобою добро говорити... А се время хотенье твое то, что ближнево своево недруга Казань тебе одолети — чтоб милосердный Бог тебе дал», — писал в октябре 1551 г. Юнус, признавая приоритет царских интересов в Казани (НКС, д. 4, л. 77).

Как раз в это время с Иваном IV начинает активно ссылаться Исмаил. В противовес нейтральным и все более холодным отношениям его родичей с Москвой он заявил о своей твердой решимости воевать с татарами по царскому повеленью да еще просил одобрить брак его сына с племянницей Шах-Али, дочерью покойного казанского хана Джан-Али (это-де «Белому царю и Шигалею царю в дружбу и в братство пригодитца») (НКС, д. 4, л. 12, 37 об., 54 об., 58).

На перемены в межгосударственных отношениях в Поволжье воздействовали не только откровенно наступательная политика России, пугавшая ногаев, но и попытки вмешательства со стороны Порты. Выше указывалось, что в первой половине XVI в. османы почти не обращали внимания на ногаев, а вся политика в отношении татарских Юртов и Ногайской Орды была отдана на попечение Гиреев, что впервые было подмечено А.Беннигсеном и Ш.Лемерсье-Келькеже. Эти французские исследователи разыскали в архиве султанской канцелярии и опубликовали документ, который прямо свидетельствует в пользу их трактовки. Приблизительно в феврале 1552 г. султан Сулейман I известил хана Девлет-Гирея: «Учитывая, что по всем делам, относящимся к этим странам, вы имеете разнообразные и обширные сведения и познания в том, что касается Эдждерхана (Астрахани. — *В.Т.*), ногаев и Московии, мы доверяем правильности разрешения (вами. — *В.Т.*) всех вопросов, относящихся [к этим странам]» (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 213–218, 220–221).

Х.Иналджык усомнился в индифферентности султанов, но не привел контраргументов и в конце концов тоже пришел к заключению о самостоятельной политике крымских ханов в северных степях: «Северная политика Порты определялась в Крыму» (İnalcık 1980a, p. 465). Вероятно, именно крымцы, считал Х.Иналджык, стали втягивать Стамбул в поволжские дела. По недоразумению этот автор относит первое турецкое посольство к ногаям к 1551 г. (İnalcık 1980a, p. 465).

На самом же деле впервые эмиссар султана явился в Ногайскую Орду двумя годами ранее, и то был действительно первый подобный знак внимания падишаха. «От началных днеи со счастливым хандыкерем ссылка нам не бывала», — писал, вне себя от радости, Юсуф Ивану IV в августе 1549 г. (Посольские 1995, с. 307)[6]. Султан якобы

[6] Выше «начальными днями» в той же грамоте названо время «Идигея князя» (Посольские 1995, с. 306). *Хандыкерь* (т.е. *хюдавендигяр* — «монарх, государь») — обычное обозначение турецкого султана ногаями.

предложил бию дружбу и братство (т.е. равноправные отношения, что маловероятно), обещал быть другу Юсуфа другом, а недругу — недругом (обычная формула шертного договора в те времена, что тоже сомнительно). Юсуф в послании Сулеймана I титуловался князем князей, т.е. беклербеком, что абсолютно соответствовало формальному рангу главы Ногайской Орды. В свидетели бий призывал русского посла И.Б.Федцова (Посольские 1995, с. 307). Но тот лишь наблюдал приезд турка и не ведал о содержании письма падишаха. Вскоре Юсуф направил ответную делегацию «к счастливово хандыкеревым дверем».

Весной 1551 г. в Ногайскую Орду опять приехал посланец из Стамбула, некий Ахмед-чавуш. Он побывал у Юсуфа и Исмаила. На сей раз бий не счел нужным информировать московского царя о своих контактах с главой мусульманского мира[7], поэтому информация в Москву поступила от русского посла «в Нагаях» Петра Тургенева и от Исмаила.

Из этих сообщений явствует, что Ахмед-чавуш убеждал бия и высших мирз прекратить сотрудничество с русскими и, наоборот, объединиться против них с татарскими Юртами. «Русского царя Ивана лета пришли, его рука над бусурманы высока», — передавал Тургенев слова турка, обращенные к Исмаилу. Казаки, служащие царю, отняли-де у султана Дон, обложили податью турецкую крепость Азов, воевали Перекоп и Хаджи-Тархан, вытеснили ногаев с Волги; касимовцы нападают на ногаев, пленили бывшего астраханского хана Дервиш-Али; в это время Иван регулярно воюет Казань. «А ведь наша ж вера бусурманская, и мы... смолылись все бусурмане, и станем от нево (царя. — *В.Т.*) боронитца заодин». За помощь в отстаивании Азова султан обещал Исмаилу посадить его в этом городе ханом, а также просил его пособить Казани, куда Сулейман I тоже собирается прислать хана (НКС, д. 4, л. 33, 39–40 об.). Исмаил подтвердил, что как средство борьбы с растущей русской гегемонией предлагались совместные военные действия: «Хандыкерю и Крыму, и Казани, и Астарохани, и нашим бы нагаем всем соединачитися да твою землю воевати». Кстати, с Ахмед-чавушем явились крымский и астраханский послы (НКС, д. 4, л. 11 об., 41, 52 об., 53, 66 об.).

Реакция бия на эти предложения неизвестна. Юсуф в это время в самом деле вознамерился напасть на Россию, отчаявшись найти другой путь воспрепятствовать ее продвижению к средней Волге. И к этому его окончательно склонили доводы крымского хана Девлет-

[7] После завоевания Египта в 1517 г. османский владыка переместил в Стамбул престол халифа, провозгласил себя «Повелителем правоверных», наместником (халифом) Пророка и номинально оказался во главе мира ислама. Недаром Исмаил, будучи союзником России, называл султана Сулеймана Кануни все-таки «нашим (т.е. ногайским. — *В.Т.*) государем» (НКС, д. 4, л. 66 об.).

Гирея. Но о какой-либо коалиции с иноземными монархами, тем более с «хандыкерем», не могло быть и речи. Султан прямо заявлял (через посла) о неосуществимости своего вмешательства в дела к северу от Крыма; даже его собственное владение Азак (Азов) не могло рассчитывать на помощь своего государя: «А мне моему городу Озову пособить немочно — стоит от меня далече» (НКС, д. 4, л. 40 об.).

Русские публицисты в 1560-х годах домыслили содержание султанской грамоты и ответа на нее мирз, когда составляли «Сказание о царстве Казанском». Султан якобы обратился к «началным и болшим» мирзам: «О силныя нагаи многия, станите, мене послушав, соединитеся с казанцы во едино сердце в поможение на Казань на московскаго царя и великого князя, а паче же за веру нашу древнюю и великую, яко близ его живуща... Зело бо востает на веру нашу и хощет до конца потребити ю». Ногаи же будто бы отвечали, что московский царь снабжает Ногайскую Орду великой «потребою», и ссориться с ним мирзам невыгодно, и более того: «Не срам бо есть нам покоритися ему и служити» (Сказание 1959, с. 98, 99). Эта немыслимая в ту пору готовность к подчинению царю (притом что в Москве не знали о деталях переговоров) не позволяет признать версию ногайско-турецкой переписки в «Сказании» истинной. Ни дерзкий ответ султану, ни преклонение перед царем были невозможны в ногайской державе начала 1550-х годов.

Столь же сомнительной кажется идея коалиции. Многие историки видят в миссии Сулеймана I инициативу сколачивания единого антирусского фронта мусульманских государств (см., например: Бурдей 1953, с. 12; Османская 1984, с. 178; Очерки 1955а, с. 360; Шмидт 1964, с. 544, 545), причем В.М.Жирмунский безосновательно относит первую попытку создания коалиции еще к 1549 г., а Г.С.Сабирзянов приписывает эту инициативу Юсуфу (Жирмунский 1974, с. 458; Сабирзянов 1995, с. 94).

На самом же деле, во-первых, османское правительство весьма слабо представляло себе ситуацию в Диком поле, чтобы вести даже такую примитивную игру по сближению татарских Юртов и ногаев путем пропаганды их религиозной общности. В жестоких многолетних противоречиях между различными ветвями Джучидов и «Эдигу уругу мангытами» ислам никогда не занимал сколько-нибудь существенного места. К тому же ссылки на интересы веры, на борьбу против христиан были обычны для переписки султанского двора с мусульманскими правителями в XVI в. (Фодор 1996, с. 25, 26), служили своеобразным дипломатическим и идеологическим клише для обоснования всей внешней политики Стамбула и никакой специфической направленности против Руси не имели.

Во-вторых, Порта не склонна была рвать отношения с Россией, хотя и никогда не видела в ней потенциального союзника. Основными и

традиционными, вековыми противниками османов являлись: в Европе — папы и Габсбурги, в Азии — Сефевиды и португальцы. Поэтому вплоть до конца 1560-х годов стамбульское правительство стремилось поддерживать с Москвой мирные отношения (Мейер 1996, с. 85 и сл.), и антирусская коалиция с мирзами в середине столетия выглядит сомнительной.

В-третьих, Ахмед-чавуш вовсе не являлся дипломатическим орудием Порты, призванным выковать антирусский союз. Ногайские земли (сначала кочевья Исмаила, затем яицкий домен Юсуфа) просто лежали на его пути в Среднюю Азию. Ведь он был послан вовсе не специально в Ногайскую Орду, а дальше, в Хорезм, к тамошнему хану Науруз-Ахмеду (Бараку) (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 226, 227). Об этом же свидетельствует как обращение мирз с Ахмед-чавушем, так и его дальнейшая судьба. Сперва его задержал у себя Исмаил, но потом отпустил дальше на восток, а на обратном пути из Ургенча турка посадил «в крепи» буйный Касим б. Шейх-Мамай (НКС, д. 4, л. 66 об., 145). Только осенью 1552 г. многострадальный Ахмед-чавуш вернулся в Стамбул (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 227)[8]. Перед отбытием от «Блистающего Порога» его снабдили грамотой султана с просьбой о содействии его миссии, обращенной ко всем государям, владения которых он пересечет, в том числе «Ямгурчи-бею» и «одному из ногайских беев» — Юсуфу. Это показывает неосведомленность Порты в степных делах: Ямгурчи был не беем, а астраханским ханом, у ногаев же «беем» являлся только Юсуф.

Итак, можно ли видеть в ногайско-османских отношениях конца 1540-х — начала 1550-х годов коалицию? Мне представляется, что нельзя. Более того, нет также никаких оснований усматривать какое-то заметное сотрудничество между Портой и Сарайчуком в тот период, вести речь о «турецком влиянии», не говоря уже о русско-турецком «соперничестве» в Ногайской Орде (см., например: Бурдей 1953, с. 12; Бурдей 1956, с. 190; Кидырниязов 1991б, с. 126; Кушева 1950, с. 241; Кушева 1963, с. 186). Единственным существенным стимулом для контактов Османской империи с ногаями был поиск ею безопасных путей в союзный Мавераннахр, в обход враждебного

---

[8] В 1555 г. турецкий адмирал Саиди Али, которого обстоятельства некогда занесли в Хорезм, решил вернуться на родину. По дороге в Сарайчуке он повстречал трех турецких послов, тоже возвращавшихся из Средней Азии и пережидавших в ногайской столице очередную смуту в Орде. Они сообщили Саиди Али, что дальнейший путь опасен, над Астраханью нависла угроза русского нашествия и глава их посольства, Ахмед-чавуш, уже имел стычку с русскими, а теперь попал в плен к «Арслану-мирзе, который является одним из мангытских мирз» (речь, конечно, об Арслане б. Хаджи-Мухаммеде из правого крыла). Адмирал вернулся в Хорезм (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 234). Таким образом, Ахмед-чавуш через несколько лет вновь ездил через ногайскую территорию в Среднюю Азию.

Сефевидского Ирана (см.: Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 216)[9].

В августе 1551 г. Шах-Али с помощью русских полков в третий и последний раз занял казанский трон. Сююмбике с сыном Утемиш-Гиреем были увезены в Москву. Прочие вдовы Сафа-Гирея к тому времени уже давно вернулись к своим родителям (История 1903, с. 56). Юсуф не расставался с надеждой тоже когда-нибудь увидеть дочь в родных кочевьях. Теперь она вместе с его внуком оказалась в далекой православной столице. Раньше бий с сыновьями пробовали убедить Ивана IV, посадив Шах-Али в Казани, женить его на Сююмбике и тем самым примирить интересы России, Казани и Ногайской Орды. Теперь же главной заботой бия стало вытребовать «царицу» в степи. Из Москвы шли отказы. Сначала ее пленение объясняли «грубостью» ее покойного мужа по отношению к царю, затем — дружеским расположением к Юсуфу; что же до Шах-Али, то он, дескать, не желает на ней жениться. Главу ногаев пытались успокоить, заверяя, что «издоволили» ханшу одеждой и пищей и не препятствуют ее общению с маленьким Утемишем, а тот по возмужании получит-де от государя собственный юрт (НКС, д. 4, л. 81 об., 82, 117 об.).

В марте 1552 г. Шах-Али под напором татарской аристократии был вынужден оставить Казань и вернуться в Россию. В награду за верную службу он, назначенный теперь царем касимовским, попросил у государя руку Сююмбике. Ногайской верхушке эта свадьба с ханом-неудачником была теперь совсем не нужна, но русская сторона не собиралась советоваться с мирзами и только проинформировала их о своих намерениях, а после свадьбы сообщила о браке Шах-Али с Сююмбике. Брак этот сопровождался попыткой обоснования нормами обычаев: Шах-Али заявил, будто Сююмбике была за его братом Джан-Али, поэтому он имеет все основания жениться на ней (НКС, д. 4, л. 107 об.)[10]. «Царица» с новым мужем уехала в Касимов и окончательно пропала из поля зрения родственников. Крещеного Утемиш-Гирея, ныне «царя Александра Сафакиреевича», Иван IV оставил при дворе в Москве.

Как военное вмешательство русских в казанские дела, так и фактическое пленение дочери все больше выводили из себя Юсуфа. В его ставке был ограблен посол П.Тургенев — под предлогом того, что он

---

[9] Но другое предположение французских авторов — о возможной ногайской поддержке борьбы османов с Сефевидами на Северном Кавказе в тот период (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 216) — не подтверждается известными мне источниками.

[10] По шариату жена не рассматривается как наследство. Х.Атласи обратил на это внимание и предположил, что в данном случае действовали нормы не мусульманского права, а обычая (Атласи 1992, с. 168). О том, что подобный шаг не являлся чем-то вопиюще незаконным, говорит и то, что некоторые ногайские мирзы (например, Касим б. Шейх-Мамай) одобрили этот брак (см.: НКС, д. 4, л. 154).

не платит положенных «пошлин» бию (по золотоордынским дворцовым ритуалам!), а царь Иван воюет Казань — юрт Юсуфова внука Утемиш-Гирея. В ответ Иван Васильевич велел конфисковать все имущество у послов бия и посадить их под стражу в Замоскворечье; грамоты Юсуфа в Посольском приказе в тот раз даже не стали читать (НКС, д. 4, л. 51, 51 об.).

Между тем тексты этих грамот позже были переведены и вписаны в Посольскую книгу, отчего и известны нам сейчас. Бий упрекал царя в пренебрежении сотрудничеством с ногаями в казанских делах и намекал на мобилизацию огромного ногайского ополчения (НКС, д. 4, л. 75–76 об., 111 об., 112). Однако, как верно указывает С.О.Шмидт, в данном случае едва ли имела место реальная угроза. Главным опровержением воинственных намеков было письмо старшего сына Юсуфа — Юнуса, который изъявлял готовность поддержать Россию в борьбе за Казань (Шмидт 1964, с. 552).

Действительно, Юнус в цитированной выше грамоте (см. с. 246) показывал, что отступился от Казани, причем в пользу России, а не Крыма. Среди мирз постепенно распространялось убеждение, будто данный Юрт является достоянием московского государя («А про Казань в Нагаех говорят, что ныне Казань за [царем и] великим князем» — НКС, д. 4, л. 98 об.). Главным же препятствием для претворения враждебных планов Юсуфа по отношению к России оказался нурадин Исмаил. Он выполнил просьбу царя не вмешиваться, когда русские стали в очередной раз воевать Поволжье (см.: НКС, д. 4, л. 52 об.), и, конечно, тоже признавал за Иваном IV право на распоряжение тамошним престолом. («Казань твоя, и царь Шигалеи твои, и ты б... приказал ему с нами говорити» — НКС, д. 4, л. 103 об.)[11].

Одной из претензий Юсуфа было то, что Иван IV не предоставил Юнусу пост мангытского бека, на который, по убеждению ногайской стороны, тот давно имел право. Иван Васильевич объяснял, что при-

---

[11] Но при этом не следует представлять Исмаила как некую «пятую колонну» Москвы, как безоглядного приверженца России. Исмаил реально осознавал могущество царя, но не пресмыкался перед ним и вовсе не желал в то время вступать с русскими в сколько-нибудь тесное взаимодействие. А вот поиски им благосклонности султана прослеживаются по источникам. В феврале 1552 г. гонец Исмаила доставил в Стамбул письмо нурадина с просьбой пожаловать ему *санджак* (здесь: знамя — символ удельного правителя) и несколько пушкарей, а также с предложением ввести *хутбу* (ежепятничное провозглашение верховного государя страны во время молебна) с именем Сулеймана I. Как обычно, османское правительство переадресовало эти вопросы своим крымским вассалам. Собственно, данный случай и стал известен как раз из послания султанской канцелярии хану Девлет-Гирею («Поскольку страна ногаев находится в отдалении [от нашей Порты] и все дела, связанные с ней, известны вам [лучше], то поручаем вам все относящееся к ней. Примите надлежащие меры и действуйте в порядке, который сочтете наиболее уместным» — Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 219). Таким образом, с попыткой прямого контакта с Портой у Исмаила ничего не получилось.

глашал Юнуса к себе на службу на Русь и в таком случае готов был наделить его искомой должностью — «по тому ж, как были преж сего в Казани мангитцкие князи» (НКС, д. 4, л. 119). Разумеется, это было невыполнимое условие: Юнус не мог заплатить расставанием с отцом и родичами-мирзами за службу «неверному» владыке, польстясь на доходы от полунезависимого ханства, на которое надвигалось русское завоевание. Кроме того, царь писал, что быстрый отъезд Шах-Али из Казани не позволил сдержать обещание, данное ногаям: от русских там, дескать, будет «царь», а от ногаев — «князь» (НКС, д. 4, л. 46 об., 118–119).

Наиболее непримиримо к перспективе полного российского господства на Волге был настроен Али б. Юсуф, начавший набеги на Казанское ханство, как только там воцарился Шах-Али (НКС, д. 4, л. 101). Многие казанские беки искали на востоке поддержку против могущественного христианского соседа. К осени 1551 г. относятся сведения о поисках ими нового хана (Патриаршая 1904, с. 172). Посажение мангытами правителей в соседних Юртах было общеизвестным и привычным: в Казахском ханстве правил питомец Шейх-Мамая, Хакк-Назар, для Сибири ногаи воспитывали у себя сыновей Муртазы б. Ибрагима. И вот теперь аристократы Казани стали подыскивать в Ногайской Орде монарха для себя. Не желая искушать судьбу, Шах-Али в марте 1552 г. спешно выехал в Свияжск (Патриаршая 1904, с. 172; Худяков 1991, с. 140–142). Трон освободился. В Ногайской Орде на него быстро нашелся претендент.

Ядгар-Мухаммед б. Касим б. Саид-Махмуд б. Ахмед, несмотря на молодость, уже давно участвовал в политических событиях. В 1542 г., в царствование Абд ар-Рахмана, он уехал из родного Хаджи-Тархана в Россию, где прожил восемь лет; еще в начале 1550 г. он находился в составе русской армии при очередном ее казанском походе. После этого он уже не фигурирует в числе служилых царевичей, а пребывает среди ногаев (Вельяминов-Зернов 1863, с. 370, 371; Худяков 1991, с. 147).

В историографии вокруг этой фигуры есть немало заблуждений. Так, С.М.Соловьев почему-то считал, будто, посадив Ядгар-Мухаммеда в Казани, «ногаи исполнили султанову волю» (Соловьев 1989а, с. 448); Я.Пеленский аттестует его как «князя Ногайской Орды» (Pelensky 1974, p. 47), что никак не сообразуется ни с рангом, ни с происхождением данного персонажа[12].

О причинах выбора бием и мирзами именно этой кандидатуры ничего не известно, во всяком случае, нет никакой информации об османском участии. Немного больше мы знаем о том, что побудило

---

[12] Ниже Я.Пеленский называет его «астраханским князем из Ногайской Орды» (Pelensky 1974, p. 83), что ближе к истине, но тоже не совсем верно.

ногайскую верхушку вмешаться в дела престолонаследия. Обосновать этот шаг попытался нурадин Исмаил.

В грамоте, привезенной в Москву в сентябре 1552 г., он объяснял, что требовалось решить проблему вакантного ханского венца после стремительного отъезда Шах-Али, «ино от черных людеи царь не будет», т.е. во избежание самовольного выбора монарха казанским простонародьем. Ведь казанцы, рассуждал Исмаил, не вправе распоряжаться троном: «Юрт не их — Магмет Киреев царев юрт был, обеим нам (т.е. Крыму и ногаям. — *В.Т.*) поровну было». Ядгар-Мухаммед же будет дружить и с ногаями, и с Россией, отчего сотрудничество между двумя державами только укрепится; а если он чем-то не угодит мирзам или царю Ивану, то тут же будет отозван обратно в степи (НКС, д. 4, л. 141). В мае 1553 г., уже после падения Казани, Исмаил вновь оправдывал поставление хана, но на сей раз тем, что, во-первых, Казанская земля оставалась без правителя; во-вторых, превосходными личными качествами царевича, который «казак был молодец, ис Крыма пришел, и мы ему людеи приказали в службу»; в-третьих, он был направлен в Казань, дабы «Едигерь царь в ыную землю не попал» (НКС, д. 4, л. 167). Это послание, уже явно комплиментарное по отношению к плененному хану, жившему в Москве, служило, видимо, средством смягчения его участи в плену.

Служилые татары доносили из Ногайской Орды, что Юсуф отправил Ядгар-Мухаммеда править Юртом по присылке казанцев и для того, чтобы «тот бы Юрт пуст не стоял» (НКС, д. 4, л. 139, 139 об.), передавая тем самым «официальную» ногайскую версию. При этом в подобных донесениях приводится противоречивая информация: по одним сведениям, посланцы обратились к бию, чтобы «им на Казань дал царевича», и тот откликнулся на прошение; по другим — Юсуф, наоборот, отказал, потому что находился «в миру» с Россией и в присутствии царского посла отправил казанцев ни с чем, а Ядгар-Мухаммед поехал в Казань без его ведома (НКС, д. 4, л. 131 об., 132, 134, 134 об., 139, 139 об.). Разрешить это противоречие попытался Г.И.Перетяткович: «Князь и мирзы были в затруднительном положении: не помочь Казани означало отдать ее во власть России, помочь же означало действовать явно против царя, с которым мирно сносились»; но Юсуф был не особенно доволен Россией, где фактически в плену находились его дочь и внук, и вообще был не против посадить от себя хана в Казани, сделав ее зависимой от ногаев. Поэтому в присутствии русских посланников он «явно» отказал казанцам, а на деле все-таки направил туда Ядгар-Мухаммеда (Перетяткович 1877, с. 201). Рассуждения Г.И.Перетятковича резонны, но он, кажется, преувеличил степень лояльности Юсуфа к России. Весна 1552 г. — это период наиболее резкого обострения их отношений. Может быть, Юсуф в самом деле не хотел идти на открытый конфликт и вмешиваться в дела Казани,

отчего и отказал ее послам. Но позже поддался уговорам своего брата Исмаила и прочих родичей и решил посадить на трон по их подсказке именно астраханского царевича, много лет служившего Ивану IV. Таким образом, данная фигура служила отличным компромиссом между практикой посажения мангытами ханов и соблюдением интересов русского царя.

Казанцы просили бия дать его ставленнику в сопровождение «немногих людей», чтобы не раздражать и не пугать соотечественников видом многочисленной ногайской конницы. Юсуф выделил Ядгар-Мухаммеду небольшой отряд. В донесениях служилых татар приводится цифра в двести всадников, но в свою столицу новый хан вступил лишь с тремя десятками ногаев, а остальные только проводили его до казанских предместий (НКС, д. 4, л. 131 об.–132, 134 об.). Эти данные резко контрастируют с утверждением «Казанского летописца», будто тогда в Казань явилось из-за Камы десять тысяч «варвар качевных, самоволных, гуляющих в поле» (Сказание 1959, с. 97, 111). В том же источнике говорится, будто Ядгар-Мухаммеда вели тайно, «пустынями леса, непроходными пути» (Сказание 1959, с. 97). Летописи подтверждают: по всей Каме стояли русские заставы, и хан выслал на разведку ногайского Янгару-батыра, который попался в плен (Александро-Невская 1965, с. 173; Патриаршая 1904, с. 179; Патриаршая 1906, с. 478).

Возглавлял ногайскую свиту Ядгар-Мухаммеда мирза, который в разных источниках назван по-разному: Дзенешем, Зейнешем, Зениетом. Зянеш — явно татарская стяженная форма имени Джан-Ахмед или Джан-Мухаммед; и действительно, в рапорте служилого татарина И.Кельдишева (октябрь 1552 г.) он назван полностью: «Джанмагмет» (НКС, д. 4, л.151 об.). Этот персонаж титулуется то ногайским мирзой, то ногайским князем, что может свидетельствовать о договоренности Ядгар-Мухаммеда с Юсуфом о предоставлении по воцарении Джан-Мухаммеду поста мангытского бека в Казанском юрте. Одно из донесений более определенно пишет о посылке бием хана «и с ним князя» (не называя последнего по имени) (НКС, д. 4, л. 139).

Отождествление Джан-Мухаммеда непросто. Раз он мирза — стало быть, потомок Эдиге и едва ли может быть одним лицом с его тезкой, послом Юсуфа в Москву летом 1552 г. (см.: Перетяткович 1877, с. 201). Из известных мне мирз имя Джан-Мухаммед носили в то время лишь крымский мангыт — вероятно, сын Дин-Суфи б. Тимура[13], а также один из братьев Юсуфа. Джан-Мухаммед фигурирует в раз-

---

[13] В Родословной книге «Зимаметь» пропущен при перечислениях поколений, однако фраза: «А у Зимаметя сын Телеш мурза бездетен» — вставлена после списка сыновей Хаджике б. Дин-Суфи и перед списком сыновей Ибрагима б. Дин-Суфи (РГБ, ф. 256, д. 349, л. 278 об.; Родословная 1851, с. 130). Отсюда логично предположить, что Джан-Мухаммед также доводился сыном Дин-Суфи.

ных источниках как третий сын Мусы-бия от второй жены («Джанбанбет»), как один из братьев Алчагира б. Мусы («Ян Магмет»), как младший брат Саид-Ахмеда б. Мусы («Ян Махмет») (Ананьев 1909а, с. 13; Довнар-Запольский 1898, с. 29; Посольская 1984, с. 82). Думается, кандидатура собственного брата показалась Юсуфу самой подходящей для сопровождения нового монарха в Казань и утверждения там в ранге мангытского бека. Своего старшего сына, Юнуса, которому этот ранг был когда-то обещан и который неоднократно пробовал добиться его вооруженным путем, бий на этот раз предпочел оставить дома. Участие высокородного мирзы в интронизации Ядгар-Мухаммеда служит еще одним свидетельством непосредственной причастности Юсуфа к этому предприятию.

Не выглядит преувеличением и жесткая реакция русских военачальников на продвижение ногайских отрядов к Казани. Весной и летом 1552 г. Избранная рада уже детально разрабатывала планы окончательного завоевания ханства. Воцарение пришельца «из Нагай» еще более укрепило царя и бояр в идее подготовки решающего похода. Из Казани шли вести, что «в городе царь Едигерь-Магметь съветом злым с казанцы утвердилися, а государю бить челом не хотят; а единомышленников его Кулшериф молна и кады, да Зейнешь князь нагайской... всю землю на лихо наводять» (Патриаршая 1904, с. 202). Ногайская Орда в ту пору воспринималась русскими властями как в целом враждебная сила. При разработке диспозиции похода учитывалось, что при завоевании ханства, возможно, придется сражаться не только с казанцами, но и с крымцами и ногаями (Александро-Невская 1965, с. 172; Летописец 1965, с. 73; Соловьев 1989а, с. 448, 450).

С.О.Шмидт в разрозненных сообщениях источников сумел увидеть целую дипломатическую программу, направленную на предотвращение ногайского вмешательства. Во-первых, в 1551 г. в Орду был послан П.Тургенев, который привлекал на сторону русских Исмаила (обещанием посадить его ставленника в Астрахани) и настраивал его против Юсуфа; последнего же пытались прельстить посулами «казанского жалованья» его сыновьям и женитьбы его дочери на Шах-Али; Тургенев вошел в контакт с беглыми казанцами в ногайских улусах и получал от них информацию о степных делах. Во-вторых, бию и нурадину шли требования царя, подкрепленные прямыми угрозами, не вмешиваться в казанские проблемы без его воли. Наконец, были отданы распоряжения военного характера: развернулось строительство крепостей, засек, на границах сосредоточивались войска. «Все эти меры послужили препятствием для организации крымско-ногайско-астраханского похода против России», — пишет С.О.Шмидт (Османская 1984, с. 178, 179; Шмидт 1964, с. 49, 50). В другой работе он высказал мнение, что миссия Тургенева помешала «вступлению орды Исмаила в антирусскую коалицию» (Очерки 1955а, с. 360).

Не нахожу оснований возражать против подобных умозаключений. Действительно, весь комплекс мер, предпринятых русским правительством по отношению к ногаям, выглядит как целенаправленная программа для их нейтрализации. Но вот только все эти меры предпринимались за год до последнего похода Ивана Васильевича на Казань, и достигнутые Петром Тургеневым результаты уже успели во многом обесцениться. Весной 1552 г. Юсуф все-таки сделал недружественный по отношению к России шаг, направив в Казань хана без согласования с царем. Да и Исмаил уже задолго до приезда к нему Тургенева придерживался пророссийской политики, так что, наверное, не стоит приписывать московскому послу заслугу в переориентации нурадина. Другое дело, что его визит и беседы с нурадином оказались решающими в убеждении Исмаила начать сепаратные действия, не подчиняясь бию. В любом случае — и здесь я полностью согласен с С.О.Шмидтом — русская дипломатия заметно повлияла на предотвращение вооруженного выступления «стотысячной рати мангытской» на защиту Казани.

23 августа 1552 г. царь Иван Васильевич осадил Казань. Одним из активных участников обороны города был Джан-Мухаммед. Летопись сообщает, что он «со всеми нагаи и многыми казанцы» сделал вылазку на передние «туры» (осадные укрепления), но был разбит (Патриаршая 1904, с. 212; Патриаршая 1906, с. 508). Очевидно, мангытский бек функционально соответствовал беклербеку и формально (а во время войны и практически) командовал войском ханства[14]. «Казанский летописец» сообщает, что хан до последнего момента надеялся «на пошедших своих послов звати нагаискых срацын в поможение им», казанцам (История 1903, с. 97). Из дипломатической переписки известно, что Джан-Мухаммед еще только при вступлении русской армии в западные пределы Юрта отправил Юсуфу весть: «Х Казани идет сила великая, и они (ногаи. — *В.Т.*) б Казани пособь учинили» (НКС, д. 4, л. 151 об.). Князь А.М.Курбский позднее вспоминал, что глава Ногайской Орды откликнулся на этот призыв; в то время как хан Ядгар-Мухаммед с тридцатью тысячами воинов «затворился в городе» и столько же держал вне крепостных стен, «такоже и ***те людие, яже нагаискии улубии прислал на помощь ему***, а было их аки две тысящи и колько сот» (Курбский 1914, с. 183–184).

Однако есть документы с информацией противоположного толка. Даже авторы «Казанского летописца», которые, казалось бы, были заинтересованы в преувеличении численности вражеских ратей (чтобы подчеркнуть героизм русского воинства), пишут о неудаче посольства из обреченной Казани к Юсуфу. Согласно этому «Летописцу», послы преподнесли бию дары и умоляли поднять «люди своя, елико хотят»

[14] Может быть, этой прерогативой мангытского бека и объяснялась длительная незанятость данного поста в Казани. Местная знать не желала вручать всю военную силу Юрта в руки приезжих ногайских мангытов.

на подмогу. Ногаи с удовольствием забрали подарки, но в помощи отказали, якобы всячески расхвалив московского царя, а посетителей назвав лукавыми, безверными и клятвопреступными (здесь русский автор дал волю своей фантазии и риторике) (История 1903, с. 129; Сказание 1959, с. 142).

В октябре 1552 г. в Москву из Ногайской Орды вернулся гонец П.Шейдяков и рассказал, что к Юсуфу и Исмаилу в самом деле явились казанцы с просьбой помочь осаждаемой столице или же двинуться на Русь, отвлечь царя. Бий созвал совещание («думу»), на котором гонцы от Исмаила заявили, что сейчас при дворе Ивана Васильевича находится его посол и нужно дождаться его возвращения — «и что будет вестеи, яз (Исмаил. — *В.Т.*) деи тогды по тому учну и думати, как чему можно статися». Посол Юсуф-бия теперь тоже пребывает в Москве, говорил нурадин, поэтому бию нельзя сейчас нападать на Русь (НКС, д. 4, л. 148). Так на совете и не решились направить конницу к Казани[15]. Более того, на протяжении всего 1552 года, также и во время завоевания Казани, в Москву приезжали посольства от ногаев, даже в октябре, когда город был осажден. Не получилось и их нашествия на Россию. Все-таки «экономический интерес, испытываемый ими к Москве, преобладал над религиозной солидарностью с Казанью» (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 205).

2 октября Казань пала. Население ханства, едва оправившись от шока, начало партизанскую войну, которая часто и не вполне верно характеризуется как восстание. Уже весной 1553 г. во главе движения встал сотник Луговой стороны Мамыш-Берди. Его отрядам удалось разгромить и пленить воеводу Б.И.Салтыкова. Постепенно война охватывала Среднее Поволжье. Мамыш-Берди и его соратники решили закрепить успехи частичным восстановлением казанской государственности. В ближайший Юрт — Ногайскую Орду была послана делегация с просьбой выделить им мангытского бека (формально тот имел бы полномочия командовать всей армией бывшего ханства)[16].

---

[15] Две с лишним тысячи ногаев, что действовали в окрестностях осажденной Казани, таким образом, являлись не ногайским войском, мобилизованным Юсуфом, а скорее всего отрядом какого-нибудь мирзы, который подошел к Казани на свой страх и риск. В татарском фольклоре сохранились воспоминания о приходе как раз в сентябре 1552 г. и поселении на Арской стороне мирзы Кадрака б. Камая б. Исмаила вместе с «ногаями-билярами» (Ахметзянов М. 1993, с. 158). Но мирза Кадрак (Кадыр-Ахмед?) ни среди внуков Исмаила, ни среди прочих мангытов в письменных источниках не упоминается, равно как и Камай.

[16] Не совсем разобравшись в структуре власти Казанского ханства и Ногайской Орды, а также в особенностях позднеджучидских династических порядков, некоторые авторы (вслед за русскими летописями и сказаниями) полагают, что в то время казанцы приглашали к себе из ногайской среды х а н а (см., например: Алишев 1995б, с. 150; Худяков 1991, с. 157; Pelensky 1974, p. 42). С.Х.Алишев так прямо и пишет: «У ногайцев было сколько угодно князей, имевших право законно, по тогдашним обычаям, занять какой-нибудь престол как наследники царской династии». Именно потому-де и стал тогда казанским «ханом» Али б. Юсуф. Все обстояло как раз наоборот:

Сначала обратились к Исмаилу, чьи кочевья граничили с казанскими владениями. У нурадина посланцы Луговой стороны «просили на княженье сына его Магмет мирзы», а в качестве поминка вручили доспех, снятый с разгромленного Бориса Салтыкова. Исмаил отказал сразу: «Идет на меня недруг мои крымскои царь» — и выпроводил гонцов ни с чем (НКС, д. 4, л. 194) (на самом деле никакой крымской угрозы тогда не было). Но идея заполучить ногайского военачальника не угасла. В декабре 1553 г. в Москву поступили сведения, что казанский бек Кулай явился к бию Юсуфу и выпросил у того на «княженье» его сына Али (НКС, д. 4, л. 201). С этим деятелем мы уже не раз встречались на страницах нашей книги. При Шейх-Мамае Али неудачно воевал с крымцами, в начале 1550-х нападал на «украйны».

Летопись повествует, что взятый из Ногайской Орды «царь им не учинил никоторые помочи», и Мамыш-Берди «царя убил и всех нагаи побил», продолжив борьбу самостоятельно (Львовская 1914, с. 569). Андрей Курбский живописует расправу следующим образом: «Егда разсмотревши, иже мало им прибыли с того царя, убиша его и сущих с ним татар, аки триста, и главу ему отсекоша и на высокое дерево взоткнули, и глаголали: „Мало было взяти тебя того ради на царство, з двором твоим — да обороняеши нас, а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел; а ныне голова твоя да царствует на высоком коле“» (Курбский 1914, с. 226).

В литературе принято считать, что этим убитым «царем» был ногайский мирза Али. На несоответствия в источниках по этому поводу обратил внимание А.Г.Бахтин. Он прав, когда утверждает, что казненный не мог быть Али б. Юсуфом, так как последний был жив еще в 1556–1557 гг.[17] (Бахтин 1998, с. 150; об Али после 1556 г. см.: НКС, д. 4, л. 373). Я согласен с теми, кто отрицает активную роль мирзы Али в партизанской войне, и, более того, считаю, что он вообще не участвовал в ней. 15 декабря 1553 г. гонец Д.Баймаков докладывал в Посольском приказе, что в ответ на просьбу казанской делегации отпустить сына на княжение «Юсуф де был его (Али. — *В.Т.*) отпустил ***и опять велел воротить, а того не ведает*** (гонец. — *В.Т.*), ***зачем воротил***» (НКС, д. 4, л. 201)[18]. Нам сегодня тем более трудно судить,

---

мангытская знать не принадлежала ни к какой царствующей династии и «по тогдашним обычаям» не смела претендовать на какой-нибудь ханский трон.

[17] На это указал еще В.М.Жирмунский, отметив, что весть о гибели Али оказалась ложным слухом (Жирмунский 1974, с. 467). Но А.Г.Бахтин напрасно считает, будто позднее Али находился на русской службе в Москве и с 1578 г. его имя неоднократно упоминается в официальных документах (Бахтин 1998, с. 150). В Москву прибыл служить другой сын Юсуфа — Эль, родоначальник княжеского рода Юсуповых. Али в Россию никогда не приезжал (см.: Трепавлов 1997в, с. 56–58).

[18] Выделенная часть фразы опущена в опубликованном тексте четвертой Ногайской посольской книги (*см.: Продолжение 1793б, с. 115*). *Поэтому исследователи*, незнакомые с архивным подлинником документа, не подозревали о столь скором возвращении Али к отцу.

зачем. Очевидно, бий сперва поддался уговорам гостей, а затем передумал и не пожелал отправлять сына на верную смерть, впутывать его в безнадежную схватку с царскими войсками. Можно догадываться, что и в этом случае не обошлось без влияния Исмаила: предыдущие события показали, что как только Юсуф замышлял какую-нибудь антирусскую акцию, нурадин оказывался тут как тут и расстраивал ее. Тем более что Исмаил был в курсе поисков «князя» казанцами: ведь сначала они обратились с этой просьбой к нему.

Но если не Али, то кто же тогда стал мангытским беком у татарских повстанцев? Летописи приводят имя еще и другого приглашенного от ногаев «царя» — Ахполбей (Львовская 1914, с. 568; Патриаршая 1904, с. 265). А.Г.Бахтин считает его Чингисидом, поскольку это «царевич» (скорее всего астраханский, но ни в коем случае не ногайский); именно Ахполбей стал соратником Мамыш-Берди, и именно он был убит им в начале 1556 г. (Бахтин 1998, с. 149, 150, 189). Я.Пеленский отступился от этой проблемы, отметив лишь, что отношения Мамыш-Берди с Али б. Юсуфом и его династическая политика неясны из-за ссылок в русских источниках еще и на Ахполбея (Pelensky 1974, p. 49).

Мы уже убедились выше, что обозначения «царь» и «царевич» не обязательно отражали действительный статус. В конце концов Ахполбей мог быть столь же фиктивным, выдуманным летописцами «царевичем», как и Али — «царем» (ханом). Раз он был приглашен из Ногайской Орды, то с большей вероятностью можно допустить, что он получил звание мангытского бека. Имя Ахполбея не встречалось мне среди джучидских династов, в том числе и астраханских. Логично предположить, что он как-то связан с прежним мангытским беком Казани — Джан-Мухаммедом (Зейнешем) б. Мусой, о котором после падения Казани нет упоминаний; видимо, он погиб в кровопролитной битве, развернувшейся на городских улицах 2 октября 1552 г.

А может быть, Ахполбей — его сын? На такое предположение наводит протокольная приказная запись от 12 мая 1560 г. В тот день в Москву приехал «нагаискои Акболтаи мирза ***Занешев*** сын ***княжои***». Он удостоился аудиенции у Ивана IV, где просил отпустить его служить в Астрахань. Царь согласился, и 30 июля мирза уехал на юг (НКС, д. 5, л. 162–164). Поскольку среди ногаев никогда не было биев («князей») по имени Зейнеш, то допускаю, что имеется в виду тот самый казанский мангытский бек Джан-Мухаммед. А Ак-Балта (Акболтай, ср. Ахполбей) являлся его сыном.

Что же касается описания в источниках его казни, то это вполне могло оказаться преувеличенными слухами, как и распространенные сплетни о гибели Али б. Юсуфа. Не исключено также, что вся история о ногайско-казанском сотрудничестве была выдумана московскими идеологами для создания эпической картины размаха партизанского

движения и, стало быть, закоснелости завоеванных татар в своей «неверной» религии, в непокорности великому государю. Позднее это пригодилось для оправдания широкой христианизации и русификации Казанского юрта, и прежде всего его бывшей столицы.

На самом деле ногаев довольно мало волновали судьбы поволжских татар, оказавшихся под властью русских. После взятия Казани Иван IV отрядил к Юсуфу гонца «казанскои сеунчь сказати». «Бог нам милосердье учинил, — писал царь. — Казань со всеми людми в наши руки дал». Там же сообщалось о пленении и увозе на Русь хана Ядгар-Мухаммеда (НКС, д. 4, л. 158, 158 об.). Примерно то же было велено передать Исмаилу с добавлением: «А ведомо вам и прежним вашим всем, что Казанскои юрт от начала наш Юрт» (НКС, д. 4, л. 160).

Ногаи приняли «сеунчь» (*сююнч* — весть о победе) внешне достаточно равнодушно, лишь немного обеспокоившись участью полоненного хана. А Касим б. Шейх-Мамай и вовсе изобразил ликование: мы, дескать, «весели учинились. То от нас разронилося и чюжо нам стало. А нам то недруг же был. Слышав есмя его взятье, обрадовалися» (НКС, д. 4, л. 184–184 об.).

Юсуфа же гораздо больше заботила судьба его дочери, казанской ханши Сююмбике, проживавшей с мужем Шах-Али в Касимове. Вероятно, она жаловалась отцу на жизнь, и рассерженный бий задержал у себя русских гонцов. Царь Иван выговаривал в письме его первенцу Юнусу, что Юсуф, мол, поступает так, «слушая женсково ума»; на самом деле Сююмбике живет беспечально, а ее сын Утемиш-Гирей находится при царском дворе и крещен в православие под именем Александр (НКС, д. 4, л. 231 об.). Затем до Сарайчука донесся слух, будто Шах-Али «Сююнбек царицу казнил — носа еи срезал и, поруганье всякое учиня, убил ее до смерти». Царь тут же организовал поездку ногайского посольства в Касимов, дабы оно смогло убедиться, что ханша жива и невредима (НКС, д. 4, л. 240–241).

Вскоре Юсуфу стало уже не до участи дочери. Разгорелась большая смута, в которой ему суждено было погибнуть (см. следующую главу). В декабре 1556 г. его победитель Исмаил просил отправить в Ногайскую Орду «Утегирея царевича» (ныне «царя Александра Сафакиреевича», как звали его на Руси)[19], а до этого неоднократно домогался высылки в степи хана Ядгар-Мухаммеда (крещеного «царя Симеона Касаевича») (НКС, д. 4, л. 197, 198 об., 357 об., 375). Кроме того, заняв бийский трон, новый предводитель Ногайской Орды безуспешно, но регулярно пытался убедить московского царя выплачивать ему ежегодные «мангытские доходы» с Казани, ссылаясь на их

---

[19] Видимо, в промежутке между посольствами Юсуфа в январе 1554 г. и Исмаила в декабре 1556 г. Сююмбике умерла, иначе Исмаил справлялся бы о ее судьбе или просил отправить «в Нагаи» и ее тоже. Молодой «царь» Утемиш-Александр осиротел, и новый бий хотел вернуть его на родину матери и деда.

традиционность (см., например: НКС, д. 4, л. 259 об., 260, 361 об., 376). Русскую же сторону беспокоил другой вопрос — казанские беженцы в Ногайской Орде. Почти в каждом послании Исмаилу и в наказах послам второй половины 1550-х годов содержалось требование перебить беглых казанцев в присутствии русского посла или же выдать их ему (см., например: НКС, д. 4, л. 357 об.; д. 5, л. 68). Насколько мне известно, подобная экзекуция не состоялась ни разу. Татарские мирзы и беки плели заговоры против русской воеводской администрации в Казани, лелеяли планы возрождения ханства, ссылались по этому поводу с единомышленниками, затаившимися на родине, и с Крымом. Их деятельность была заметна еще в 1570-х годах. Но ногайские власти никогда не принимали близко к сердцу эти реваншистские затеи и не пытались предпринять какие-то радикальные меры против царских наместников на средней Волге.

Астраханские дела. Дом Эдиге к концу 1540-х годов стал постоянным и прочным фактором в жизни Астраханского ханства. С местной династией «Темир Кутлуг улы» мангытская верхушка породнилась. Ак б. Юсуф был женат на дочери хана Ак-Кобека, а хан Дервиш-Али являлся сыном сестры Юсуфа и Исмаила, Ширин-беки (НКС, д. 6, л. 182; Howorth 1965b, p. 354).

Увидев в России гораздо более опасного врага, чем астраханский монарх, бий решил оставить разногласия с ним и заняться подготовкой большого похода на Россию. По разработанной в его ставке диспозиции ногайские войска должны были форсировать Волгу подальше от завоеванной Казани — под Астраханью. Подданным Ямгурчи отводилась роль перевозчиков. Тот согласился и обещал выделить пятьсот своих воинов (НКС, д. 4, л. 190). Но у них ничего не получилось, так как Исмаил начал ссориться с братом и бий вынужден был остаться в Орде. Ивана IV нурадин успокоил, отсоветовав посылать рать к Астрахани, с которой он, Исмаил, обещал разобраться позже. Таким образом, глава ногайской державы стал искать согласия с астраханским властителем и окончательно отказался от прежней идеи посажения на трон Дервиш-Али. Исмаил же продолжал настаивать на этом шаге.

Мы расстались с Дервиш-Али в предыдущей главе, когда в феврале 1549 г. он отъехал «в Нагаи». Перед отбытием он поклялся перед царем в том, что, находясь там, будет дружить с друзьями Ивана Васильевича и вместе с ним выступать против его врагов (Посольские 1995, с. 263). Историю своего пребывания за Волгой он изложил в грамоте, доставленной в Москву в октябре 1551 г. Дервиш-Али уверял, что не забыл свои шертные обязательства, данные накануне отъезда. Однажды к нему явился некий саид и сообщил, будто Юсуф и Исмаил собираются воевать Астрахань, а царевичу лучше остаться у ногаев (напомню, что он неохотно оправился в степи и собирался

вскоре вернуться в Россию). Дервиш-Али так и сделал, не решившись ослушаться рекомендации саида — духовного лица («Толко не послушати ево, ино как бы вере своеи излаять»). Позже Ямгурчи убил саидова сына, и саид уговаривал бия двинуться на Астрахань; на этом тогда настаивал и Исмаил. Однако Юсуф «братства не учинил» и при этом отказывался отпустить Дервиш-Али на Русь. Тот, вконец разочарованный, просил царя дозволить вернуться в его владения (СГГД, ч. 2, с. 47, 48). К просьбе присоединились главный нурадин Исмаил и сторожевой нурадин Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед, который писал, что Дервиш-Али почти три года умолял бия отвоевать для него Астрахань, а бий постоянно отказывался, отчего царевич и мечтает явиться вновь к царю, «в ноги ево пасти, о Юрте своем бити челом». Мирзы гарантировали еще большую его лояльность к Ивану IV (НКС, д. 4, л. 90 об., 91).

В октябре 1551 г. Дервиш-Али наконец приехал в Москву. На тронном приеме он бил челом, чтобы государь «учинил его на Астарахани». *Но царь, посовещавшись с боярами, решил «пожаловати* Дервиша царя городом Звенигородом», куда тот и отбыл в марте 1552 г. (СГГД, ч. 2, с. 48–50). Исмаилу и Белек-Пуладу было послано сообщение, что астраханец ласково принят и пожалован; царь просил отправить в Звенигород семью Дервиш-Али (которая жила у Белек-Пулада) и обещал со временем послать на Астрахань свое войско «в судех, со многими пушками и пищалми» (НКС, д. 4, л. 94 об.–96).

Если Юсуф без восторга отнесся к намерению начать войну России с Астраханским ханством (и неминуемую ссору с Крымом), то для Исмаила план посадить там на престол Дервиш-Али превратился в навязчивую идею. В 1551–1552 гг. он многократно предлагал царю Ивану идти на Ямгурчи, посадить на его место Дервиш-Али (как когда-то Шах-Али в Казани) и обещал свою помощь. Приемы убеждения он придумывал разные: то заверял адресата в нерушимой преданности претендента, своего «сестринича», царю и ногаям; то предлагал держать в Москве сына Дервиш-Али в залог лояльности отца; то приводил в пример кабардинцев[20], которые уже дважды сажали ханов в Астрахани — Ак-Кобека и Ямгурчи.

Иван Васильевич не отказывался и даже поддакивал, напоминая о своей прежней дружбе с Ак-Кобеком, но всякий раз твердо заявлял,

---

[20] О контактах ногаев с народами Северного Кавказа в то время известно не много. В 1551 г. Исмаил собирался воевать своего противника, тюменского шамхала, и просил у Ивана IV две пушки со стрельцами, которые обещал впоследствии вернуть. Нигде не говорится, состоялся ли этот поход. Противостояние разрешилось миром, так как в следующем году Исмаил уже «был в шевкалскои земле и женился тамо пятою женою». Во владениях шамхала его застал гонец Б.Кииков, проживший там в ставке Исмаила пять дней (НКС, д. 4, л. 12, 98).

что на первом месте для него сейчас стоит «казанское дело» (НКС, д. 4, л. 12, 12 об., 37 об., 54, 55, 57 об., 104, 104 об., 108). А вот после взятия Казани Иван IV с готовностью стал выяснять намерения Исмаила и мирз его лагеря. «И что будет твоя мысль о Астарахани и о Дервыше царе, и ты бы свою мысль к нам отписал, — предлагал царь нурадину (как будто за два года переписки тот не объяснял много раз, в чем состоит его „мысль"!). — И мы о том деле астараханском, также помысля крепко, учнем делати, как пригоже» (НКС, д. 4, л. 160 об.–161). Характерно, что бия Юсуфа и его ближайшего сторонника Касима б. Шейх-Мамая царь лишь извещал о казанской победе и предлагал безбоязненно торговать в Казани; никаких рассуждений об Астрахани в посланиях, направленных им, не содержалось.

Таким образом, Исмаил уже расценивался как союзник царя и как полностью независимая фигура в ногайской политике. Русское правительство учитывало его роль в Орде и благодарило за предотвращение антимосковских действий бия. Белек-Пуладу, младшему коллеге Исмаила по управлению правым крылом, был направлен подобный же запрос. У мирзы хотели выяснить конкретные сроки, когда ногаи желали бы начать астраханскую кампанию, «чтобы нам весны не пропустить» (НКС, д. 4, л. 164). Это было естественно, так как Белек-Пулад по должности являлся военачальником крыла. Вероятно, после успеха в Казанской войне Иван IV не хотел откладывать решение астраханского вопроса. Начались активная переписка и обмен посольствами между Москвой и ставкой Исмаила.

Но война все не начиналась. Через год после падения Казани нурадин недоумевал, почему царь держит Дервиш-Али в Звенигороде и ни отпускает его в Ногайскую Орду, ни снаряжает рать на нижнюю Волгу. Исмаил напоминал, что одним ногаям не под силу захватить Астрахань, так как у них нет огнестрельного оружия. Наконец было решено, что русское войско двинется по реке на судах, а ногайская конница — берегом. Если удастся взять город, то царским «воеводам посадити на Астрахань царя Дербыша, а Исмаилю сына или племянника» — видимо, на пост мангытского бека (беклербека) при хане. Сразу после этого нурадин должен начать вооруженную борьбу с Юсуфом. Окончательно эти условия были закреплены на переговорах ногайского посольства в русской столице в октябре 1553 г. (см.: Книга 1850, с. 73–75; Лебедевская 1965, с. 225; Летописец 1895, с. 11; НКС, д. 4, л. 193, 193 об., 197; Патриаршая 1904, с. 235; РС, д. 49, л. 177 об., 178).

Иван IV задумал разрубить астраханский узел. На ближайшую весну он наметил завоевание Юрта. В официальное идеологическое оправдание очередной войны входила и оборона ногайских союзников от набегов хана Ямгурчи (см.: Книга 1913, с. 653; Лызлов 1787, с. 197; РС, д. 49, л. 177 об.).

В феврале 1554 г. к Исмаилу был послан Микула Бровцын. Из наказа ему явствует, что данная миссия была направлена исключительно к Исмаилу, а ознакомление других мирз с содержанием переговоров исключалось. От Бровцына требовалось добиться выполнения союзником октябрьских договоренностей и взять с него шертную запись. Главное же — посол должен был строго конфиденциально («приступяся... блиско, молвить... тихо») изложить план кампании и участия в ней Исмаиловых ногаев. На последних возлагалась задача дождаться войско воеводы Ю.И.Шемякина-Пронского у Переволоки[21]; затем отрядить часть людей на корабли, а остальным идти к Астрахани; по взятии ее назначить туда бека («своего князя доброго, которои бы умел Юрт здержати»), а также выделить необходимую свиту и охрану для нового хана, Дервиш-Али. При хане предусмотрен русский советник, но если Исмаил и Дервиш-Али не увидят в нем необходимости, то пусть отправят его на Русь. Тех астраханцев, что наверняка побегут из города, надлежит успокоить и убедить вернуться. После устроения дел Исмаилу предлагалось послать Ивану IV свои предложения по укреплению нового режима в ханстве, «чтобы на нем Дербыш царь вперед жил неподвижно» (НКС, д. 4, л. 214–217 об.).

Исмаил не возражал против такой программы, и после ледохода войско князя Шемякина-Пронского выступило на юг. Но союзников на условленном месте не оказалось. Исмаил не рискнул принять участие в походе, потому что как раз в это время, летом 1554 г., началась его ожесточенная борьба с Юсуфом. «Сказание» о взятии Астрахани сообщает кратко, мол, он «завоевался» и оттого не явился к Переволоке (РС, д. 49, л. 177 об.). М.Бровцын, все еще сидевший в ставке нурадина, рассказал об этом подробнее. Хотя Исмаил и велел своему писцу скопировать царский план войны, но заявил, что «ему не до Астарахани, [а] до себя». Правда, чувствуя вину перед московским партнером, он послал верховых искать на Волге Дервиш-Али и Шемякина-Пронского, чтобы объяснить ситуацию и, может быть, отговорить их от продвижения к Астрахани, но те уже ушли вперед, не дождавшись ногаев. Тут между Исмаилом и Юсуфом начался открытый конфликт, и внимание нурадина полностью переключилось на внутренние дела (см.: НКС, д. 4, л. 242 об., 243).

2 июля 1554 г. столица ханства была занята русскими без малейшего сопротивления. Ямгурчи бежал в азовские степи. В Юрте воцарился Дервиш-Али, при нем состоял, как и планировалось, советник-протектор — давний знаток татарских и ногайских проблем, искусный дипломат П.Тургенев. Поскольку ногаи не приняли участия в кампании, вопрос о введении должности беклербека-«князя» даже не поднимался. И вообще интересы Ногайской Орды были в целом проигнорированы.

[21] Переволока — место, где Волга более всего сближается с Доном. В 1589 г. там был основан Царицын.

Те сорок тысяч алтын, что когда-то заволжские бии пробовали взимать с Астрахани, Дервиш-Али должен был теперь ежегодно отчислять в Москву вместе с тремя тысячами осетров (Соловьев 1989а, с. 469).

В отношениях российского правительства с ногаями впервые стал проскальзывать покровительственный тон. В сентябре 1554 г. в наказе послу, отправляемому в Польшу, содержалась следующая информация о положении в Поволжье: «Нагаи, видя то дело асторechoханское, все ко государю нашему приложилися». На вопрос короля Сигизмунда-Августа о причинах такой их покладистости надлежало отвечать: «Нагаи кочюют у Волги по берегу, а зимовища у них около Астарахани, и им, не приложась ко государю нашему, как пробыти? И они кочюют врозни, ино одною неделею всех их государя нашего люди поемлют» (ПДПЛ, т. 2, с. 450). Однако на самом деле подчинение нижней Волги власти царя было далеко не закончено. И разумеется, хвастливые заявления о полной покорности Ногайской Орды Ивану IV совершенно не соответствовали истине[22].

Крымские дела. «Нугай кыргыны» (Ногайская бойня) — разгром Али б. Юсуфа у Перекопа зимой 1548/49 г. — полностью расстроил отношения Ногайской Орды с Крымом. С одной стороны, ногаи горели жаждой мести, но с другой — получив сокрушительный отпор, опасались задевать Бахчисарай. Они попробовали было найти поддержку у царя Ивана. Тот изъявлял солидарность, соболезновал потерям и предлагал мирзам повторить поход «сею зимою» (1549/50 г.), обещая направить свое войско будущим летом (Посольские 1995, с. 289, 291, 298–300). Но от повторного риска мирзы отказались, да и сомневались в искренности царских намерений в период разгорающейся Казанской войны. Они были правы: Иван Васильевич вовсе не собирался начинать боевые действия в южных степях накануне решающей борьбы за Казань. Единственное, чем он реально выразил сочувствие, так это арест в Москве крымского посла и призыв к донским казакам совершить набег на крымские владения (Посольские 1995, с. 285, 291).

[22] Н.И.Веселовский так оценивал роль ногаев в астраханской кампании 1554 г.: «Иван Грозный буквально осуществлял политическую программу умного и искреннего своего друга (?! — *В.Т.*) Измаила... Ни собственного почина, ни собственного плана великий князь Московский в этом деле не проявил, он лишь блестящим образом воспользовался чужой указкой» (Веселовский 1910б, с. 11). На самом же деле приведенные нами документы показывают, что Исмаил не принял никакого участия в разработке плана войны. Ее ход от начала до конца был намечен русскими стратегами. Единственное, на что согласилось московское правительство, — это посадить на астраханский трон Дервиш-Али, хотя Иван IV однажды намекнул на присмотренную им другую кандидатуру — служилого царевича Кайбулу, сына астраханского хана Ак-Кобека (см.: НКС, д. 4, л. 108). В заслугу Исмаилу можно поставить разве что его настойчивость, с которой он склонял царя к вмешательству в астраханские дела. Но мы видели, что и в данном случае царь руководствовался только своими планами и приступил к военным действиям в удобное для себя время.

Не следует думать, будто при враждебности правителей контакты между двумя Юртами абсолютно прекратились. От того же, 1549 г. сохранилось известие, что сын аталыка (дядьки-воспитателя) Юсуфа уехал в Крым «грамоте учитися» (Посольские 1995, с. 309); наверняка продолжалась торговля. Но в целом, конечно, связи ослабли.

Кардинальная перемена в ногайско-крымских отношениях наметилась с начала 1551 г. Умершего хана Сахиб-Гирея сменил Девлет-Гирей б. Мубарек-Гирей б. Менгли-Гирей. «Тот недруг от сего прелестного света отшел», — писал о Сахиб-Гирее бий Юсуф и добавлял, что его преемник «мирен с нами»; «крымсково первово царя не стало, а на его место инои царь учинился, и тот царь с нами в дружбе и в братстве учинился, и послы наши меж нас ходили» (НКС, д. 4, л. 9 об., 75–75 об.). Вскоре Девлет-Гирей сделал широкий жест примирения, освободив из тюрем и отпустив домой воинов Али-мирзы, плененных в Ногайской бойне (НКС, д. 4, л. 2).

Миролюбие хана преследовало глобальные политические цели, о чем свидетельствовало его посольство в Сарайчук, в которое входил и представитель султана. Выше мы рассказывали об этом посольстве. Новый владелец бахчисарайского дворца желал союза с мусульманскими Юртами против России. Крымцы привезли Юсуфу и Исмаилу богатые дары, рассыпались перед ними в похвалах и предложили идею антимосковской коалиции: «Мы... отселе поидем (на Русь. — *В.Т.*), а вы бы оттоле пошли» (НКС, д. 4, л. 36, 75 об.). Опытные политики, бий и нурадин крепко задумались, молодые же мирзы с энтузиазмом подхватили затею общего похода (см.: НКС, д. 4, л. 33, 34 об.). Их привлекала в первую очередь не исламская солидарность, а шанс пограбить «украйны». Исмаил, как нам уже известно, решил взять сторону России. Юсуф колебался: его прельщали внимание и личное обращение султана, но и беспокоила смутная перспектива смены давнего политического партнера, русского царя, на владыку ненавистного Крыма. «В пословицах говорят, — делился он сомнениями с Иваном IV, — хотя деи у ково будет тысяча другов, и... их за одново имеи, а одново деи недруга за тысячю имеи» (НКС, д. 4, л. 75 об.).

Через год Девлет-Гирей обратился к бию с тем же предложением, но тот все не мог решиться на выбор (см.: НКС, д. 4, л. 134). Исмаил уже давно сотрудничал и переписывался с Москвой, а Касим б. Шейх-Мамай, видимо не доверяя разительным переменам в отношении крымцев к ногаям, по-прежнему продолжал считать их врагами (см.: НКС, д. 4, л. 155). Именно в то время османский падишах Сулейман отказался вмешиваться в татарские дела и перепоручил их Девлет-Гирею. Последний, как видим, развернул бурную деятельность. Он не только уговаривал ногайские власти, но снабдил артиллерией астраханского хана Ямгурчи, успешно разворачивая его политику против

России. Следовательно, главным организатором антимосковского союза мусульманских государств выступил вовсе не султан, а новый крымский хан[23]. Летом 1552 г. крымское войско обрушилось на русские границы, осадило Тулу, но ногаи так и не сдвинулись с места. Полноценной коалиции не получилось.

Посланцы из Бахчисарая побывали в Сарайчуке и в 1553 г. (НКС, д. 4, л. 182). Наконец Юсуф — теперь уже напуганный и озлобленный падением Казани — решился было на выступление против России. Но пошел на попятную, столкнувшись с противодействием Исмаила. Исмаил же рьяно подталкивал царя на продолжение экспансии. Он пытался убедить Ивана IV кроме наступления на Астрахань начать войну с Девлет-Гиреем. Царь не отказывался и не соглашался (на первом месте для него теперь стоял Астраханский юрт), но лишь вежливо интересовался деталями: как, по мнению нурадина, «нам над крымским промышляти и как иных себе прибытков (т.е. территориальных приращений. — *В.Т.*) искати» (НКС, д. 4, л. 176).

Московские политики посчитали, что раз у мирзы такое воинственное настроение, то пусть он сам и бьется с Гиреем. В феврале 1554 г. Исмаилу было предложено дождаться, когда хан отправится воевать на Кавказ («к Шамахе»), и напасть на него по дороге или же, пока он отсутствует, непосредственно на Крым. Нурадину пытались расписать все выгоды этой авантюры: он разживется, дескать, большим полоном — женщинами и детьми, оставшимися в ханстве, а за ними следом в улусы Исмаила потянется множество народа, отцы и мужья полоненных; таким-то вот путем Крым обезлюдеет, «а царю против тебя стояти будет нелзе» (НКС, д. 4, л. 222).

Исмаил, разумеется, отверг перспективу воевать с Девлет-Гиреем в одиночку. Осторожность русских в проектах наступления на Крым побудила его изменить тактику по отношению к «Тахтамышеву цареву юрту». Он не просто решил подружиться с ханом, но и предложил ему направить друг к другу на проживание своих сыновей в залог дружбы («детми промеж себя менятца») (НКС, д. 4, л. 243 об.). Однако начавшаяся Смута надолго отвлекла Исмаила от этих мирных планов.

Казацкие и восточные дела. С середины XVI в. в истории Восточной Европы становится заметным казачество. Казачьи общины и поселения, не говоря уже о бродячих ватагах казаков-изгоев, существовали и раньше — как среди тюрок, так и среди славян (см., например: Хорошкевич 2001, с. 308–312). Но в качестве активной, деятельной и организованной силы они фиксируются впервые в конце 1540-х годов, и именно в ногайско-русской переписке.

---

[23] Эта точка зрения была уже высказана, независимо друг от друга, С.Х.Алишевым и А.Беннигсеном с Ш.Лемерсье-Келькеже (см.: Алишев 1995б, с. 119; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 228). Я полностью согласен с ней.

Самое первое упоминание о казаках на Дону содержится, очевидно, в Продолжении Хронографа 1512 г. под 1548 годом, когда путивльцы и севрюки под руководством Михаила Черкашенина и Истомы Извольского основали на Переволоке «острогу» и разбили там отряд азовцев (Мининков 1998, с. 78, 341, 342).

В следующий раз тамошние казаки фигурируют, очевидно, в памяти послу к Шейх-Мамаю И.Б.Федцову в феврале 1549 г. После проведения всех протокольных мероприятий, переговоров и раздачи поминков ему надлежало попросить у бия тайной аудиенции и сообщить кроме прочего, что Иван IV из союзнического долга («для вашие дружбы») «велел казаком своим путимльским и донским крымские улусы воевати» (Посольские 1995, с. 285). Эта мера планировалась царем в знак солидарности с Ногайской Ордой после страшной бойни зимы 1548/49 г., когда Али б. Юсуф был разгромлен Сахиб-Гиреем. Казацкий вопрос для ногайской верхушки оказался очень актуальным. Федцов не застал Шейх-Мамая в живых, и в переписку с Москвой по этому поводу вступил новый бий, Юсуф. На протяжении 1549–1551 гг. он не раз жаловался на бесчинства «казаков и севрюков, которые на Дону сидят», считая их царскими подданными. Те грабили и громили ногайские посольства на Русь и торговые караваны. Казаки базировались в «городах», которые они «на Дону в трех и в четырех местех... поделали». Возглавлял их некий Сары Азман (татарин или ногай, судя по имени). Иван Васильевич оправдывался, что донцы не подчиняются ему, это беглые люди, поселившиеся в степи без его ведома. Он обещал бию казнить разбойников, если удастся их изловить, и предлагал ему поступать так же (см.: НКС, д. 4, л. 9 об.; Посольские 1995, с. 295, 307, 308, 327).

Исследователи, насколько мне известно, тоже пока не смогли обнаружить более ранних сведений о донском казачестве и единодушно признали приведенные выше данные первым упоминанием о нем, причем в литературе отмечалась неискренность царя: на самом деле в его распоряжении имелись средства повлиять на донцов (в этом мы убедимся в дальнейшем). Уже в 1550 г. они участвовали в отражении ногайского набега на Рязанщину и вместе с царскими войсками разбили мирз (см.: Пронштейн 1967, с. 169).

В начале 1550-х годов в документах начинают фигурировать и волжские казаки. По донесению П.Тургенева, весной 1551 г. турецкий посол, перечисляя беды, обрушившиеся на ногаев в последнее время, назвал и казачью экспансию: они-де «у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отнели, и ваши улусы воюют» (НКС, д. 4, л. 39 об.). Вольные волжане тоже посягали на ногайские посольства и караваны, и Иван IV пробовал унять их. В январе 1553 г. он сообщал бию, что повелел «свести» их с Волги, а через год Исмаилу было передано, что в присутствии его послов в Москве казнили пойманных казаков.

«А которые казаки ныне от нас бегают и хоронятца на Волге», тех царь обещал истребить во время астраханского похода (НКС, д. 4, л. 159, 209 об.). Последующие события показали, что волжская вольница еще долго отравляла жизнь кочевникам, а русские власти не могли с ней справиться.

На другом краю Дешт-и Кипчака, в Казахстане, Сибири и Средней Азии воцарился мир. Ногайская Орда продолжала оставаться гегемоном региона. В источниках не сохранились сведения о тогдашних отношениях ее с казахами (но из предыдущего изложения мы знаем, что ими правил ногайский ставленник Хакк-Назар), с Сибирским юртом (утвердившиеся там Тайбугиды боялись ногаев и старались держаться от них на почтительном расстоянии). Через степи, как в золотоордынские времена, пролег безопасный путь от Мавераннахра до Волги. По этому маршруту ехали гонцы и торговцы. Исмаил и Касим б. Шейх-Мамай сосватали дочерей за хорезмского и бухарского ханов. С Бухарой активно торговал Юсуф (см.: НКС, д. 4, л. 11 об., 12, 142, 185, 191; Посольские 1995, с. 308). В то же время столица Хорезма, Ургенч, служила приютом для ногайских беженцев, как ранее для изгнанного бия Саид-Ахмеда и его сыновей. Трое братьев Касима обосновались там и угрожали владениям Юсуфа (см.: НКС, д. 4, л. 191 об.).

В правление Юсуфа Ногайская Орда по-прежнему оставалась сильной и влиятельной. Поражение от Крыма не нанесло ей значительного урона, хотя послужило жестоким уроком для мирз. Не в ханстве Гиреев заключалась главная опасность для кочевой империи ногаев. С запада надвигалась могучая Россия. Завоевание ею Казанского юрта нарушило баланс политических сил, сложившийся в Восточной Европе после падения Большой Орды. Астраханское государство все более утрачивало самостоятельность и подпадало под влияние соседей, в 1554 г. там воцарился Дервиш-Али, московская марионетка. Система позднеджучидских Юртов рухнула. Ни в казанской, ни в астраханской кампаниях ногаи не приняли участия, история начинала вершиться без них. Причиной этого послужила не только нерешительность бия Юсуфа, но и сильная оппозиция, которая сформировалась в правом крыле. Нурадин Исмаил, глава крыла, в своей политике стал ориентироваться на Москву и сумел увлечь за собой поволжских мирз — многочисленную и авторитетную группировку мангытской знати. Власть уплывала из рук Юсуфа. Иностранные правители стали сноситься с Исмаилом через голову бия. Казалось, он уже становится первым лицом в степной державе. Это противоречие не имело мирного решения. В середине 1550-х годов в Ногайской Орде разразилась очередная Смута.

Глава 7

Вторая Смута. Правление Исмаила

Посланное на Астрахань московское войско князя Ю.И.Шемякина-Пронского в конце июня 1554 г. подошло к Переволоке и не обнаружило там ни отрядов своего союзника Исмаила, ни гонцов с вестями от него. Не дождавшись ногайской конницы, русские продолжали поход самостоятельно. Что происходило в это время в Ногайской Орде, известно из донесения от посла М.Бровцына, которое было доставлено в столицу 2 июня. Бровцын отбыл к Исмаилу в феврале и благополучно добрался до ставки нурадина, а вот там начались неурядицы. Вопреки ожиданиям Исмаил встретил его враждебно. Посол был ограблен и прождал аудиенции три недели. Исмаил явно охладел к идее совместной с русскими кампании против Астраханского ханства. Теперь его занимали внутренние проблемы.

Начало и причины Смуты. К тому времени отношения Исмаила со старшим братом, Юсуфом, обострились до предела. Тот не мог простить ему постоянных препон в антимосковских акциях. Дважды срывал Исмаил большие военные экспедиции бия. В среде мирз нарастало возмущение слишком тесной связью второго лица державы с «неверными», завоевателями Казани; это возмущение разделяли и некоторые соратники Исмаила по правому крылу, в том числе второй нурадин, Белек-Пулад.

Когда до Сарайчука донеслась весть, что Исмаил собирается принять участие в завоевании русскими астраханского татарского Юрта, бий не выдержал. Собранные им войска двинулись к Волге. К ним присоединились Белек-Пулад и мирза Атай — старейшина потомков Саид-Ахмед-бия, вернувшихся из Хорезма. Навстречу с отрядами нескольких преданных мирз выступил Исмаил. Хотя Бровцын характеризует эти события как «брань великую», до кровопролития тогда дело не дошло. Войска двух сыновей Мусы стояли напротив друг друга три недели в полной боевой готовности («на конех»). Наконец Юсуф и державший его сторону Касим б. Шейх-Мамай вступили в переговоры. Некие «князья» (видимо, беки племенных элей) уговорили

Исмаила явиться к бию. Тот согласился — хотя бы для того, чтобы узнать, чем вызвана такая стремительная и яростная реакция верховного правителя, желая «меж себя виноватого обыскати» (НКС, д. 4, л. 242 об., 243).

Состоялась ли их встреча и чем закончилась, Бровцын не знал; не знаем этого сейчас и мы. Известно лишь, что в конце 1554 г. стычка все же произошла и Юсуф в ней погиб. Уже в грамоте мирзы Арслана б. Хаджи-Мухаммеда, доставленной в Москву 25 января 1555 г., говорилось: «Дядя мои Исмаил князем учинился... А мы... Юсуфа князя убили, а Исмаила князем учинили» (НКС, д. 4, л. 263 об.). Причем на сей раз Исмаила поддерживал уже Касим б. Шейх-Мамай — это, думаю, и решило исход конфликта (есть сведения, что Юсуф рассорился также с Касимом[1]). Первое же посольство к царю от нового бия проинформировало о смене власти и перераспределении высших должностей: «Исмаил и иные мурзы... Исупа князя убили и многих мурз побили. И Исмаил князем в Нагаех учинился, и Касай теховатом, а Орослан нурадымом. А Исуфовых досталных детей и племянников всех выгнали» (Летописец 1895, с. 29, 30; Патриаршая 1904, с. 249). Одновременно с этим посольством 1 февраля 1555 г. вернулся из-за Волги гонец С.Тулусупов и рассказал некоторые подробности. Оказывается, Исмаил и Арслан повели конницу на Юсуфа и сражались много дней. «Сперва побивал Юсуф Смаиля и улусы его поимал». Но Исмаил, объединившись с Касимом и прочими мирзами, одолел. Бия и его окружение убили, остальных изгнали. Сеча, видимо, была жестокой: «А людеи нагаиских на обе стороны многое множество побито; как и стала Орда Нагайская, такой падежи над ними не бывало» (Летописец 1895, с. 30; Патриаршая 1904, с. 249)[2].

Так в Орде разразилась вторая Смута, которая представляла резкий контраст относительно мирным трем предыдущим десятилетиям, когда у власти находились Саид-Ахмед, Шейх-Мамай и Юсуф. И в те времена случались конфликты, но не было всеобъемлющей распри. Теперь же начался многолетний период вооруженной борьбы. Первый толчок ей, судя по документам, дал Юсуф. Именно он весной–летом 1554 г. выступил против брата, хотя и не решился тогда на сражение.

---

[1] Сам Касим позже вспоминал: «Здесь дядя наш Юсуф князь возненавидел тово, что яз с тобою (Иваном IV. — *В.Т.*) в братстве учинился, и оба нас (Касим и Исмаил. — *В.Т.*) с ним заратилися есмя, и [Юсуф] пришел на меня воиною... Дядя наш Исмаил молвил: мне деи его (Юсуфа. — *В.Т.*) воевати. И за то есмя с ним завоевались» (НКС, д. 4, л. 260 об.–261).

[2] Вероятно, свидетельства именно этого источника побудили А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже датировать гибель Юсуфа февралем 1555 г. (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 231). С.Х.Алишев и М.Г.Сафаргалиев относят ее к январю 1555 г. (Алишев 1995а, с. 240; Сафаргалиев 1949а, с. 48). Первое известие о «вокняжении» Исмаила поступило 25 января. Учитывая путь «из Нагай» на Русь в один-три месяца, следует отнести смерть бия к октябрю–декабрю 1554 г.

Очевидно, собранные войска не были распущены после этого, и следующий удар нанес уже Исмаил в конце 1554 г. В любом случае начало Смуты нужно датировать 1554 годом. Это следует и из свидетельств ее участников: Исмаил в 1557 г. отмечал, что «многое волненье воинское» продолжается уже «годы три и четыре»; его сын Мухаммед полуторами годами раньше (летом 1556 г.) писал: «Третеи год, как на нас и на подворья наши приходила рать» (НКС, д. 4, л. 363–363 об.). И в том и в другом случае отсчет ведется от 1554 г.

Противостояние различных группировок клана Эдиге в середине XVI в. привело в итоге к расколу державы ногаев. События с такими глобальными последствиями, конечно, привлекали внимание исследователей, сопровождались объяснениями и размышлениями. Первопричину Смуты авторы называли неоднократно, я тоже упоминал ее на этих страницах и согласен с ней. Речь идет об усилении гегемонии Московского царства и одном из проявлений этого процесса — завоевании Казани. Подобная же участь, наметившаяся для Астрахани, означала в перспективе переход всей Волги под власть русских, рассечение степного мусульманского Дешт-и Кипчака надвое, утрату Ногайской Ордой привольных пастбищ Крымской стороны (которую ногаи не теряли надежды когда-нибудь оспорить у Гиреев) (см., например: Иванов 1935, с. 28; Новосельский 1948а, с. 13). Кроме того, в историографии отмечался роковой разнобой в экономической и, как следствие, политической ориентации мирз.

Активизацию пророссийской «партии» можно проследить с середины 1540-х годов, когда из Башкирии в Поволжье прибыл на нурадинство Исмаил. Ордой тогда фактически управлял Шейх-Мамай. Уже при этом грозном ногайском владыке, т.е. еще до «вокняжения» Юсуфа, Исмаил начал вызывать недовольство своими явными политическими предпочтениями в пользу России. В 1587 г. его внук Саид-Ахмед вспоминал: «Дед мои Исмаиль князь, ***от Ших Мамая мирзы*** и от Юсуфа князя ***отстав***, пристал ко отцу твоему», т.е. к Ивану Васильевичу (НКС, 1587 г., д. 2, л. 26). Сам Исмаил, уже в период своего бийства, подчеркивал, что союз с царем стоил ему разрыва с родичами и единоверными соседями: «А брат мои старшеи взбранил на меня про то, што яз с тобою (Иваном IV. — *В.Т.*) поусловился»; «Ото всех людеи тебя для есми отстал. Изначалные наши четырех царев дети и нашего отечества дети (т.е. потомки Мусы. — *В.Т.*), братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не отстал» и т.п. (НКС, д. 4, л. 258 об.; д. 5, л. 128 об.). Аналогичные суждения приводились и высшими мирзами, оказавшимися в лагере Исмаила, — Касимом и Арсланом (см.: НКС, д. 4, л. 260 об., 263).

Выше назывался и в литературе неоднократно анализировался экономический фактор возникновения оппозиции Юсуфу (хотя открытые враждебные действия начал сам бий) — хозяйственная ориен-

тация на российский рынок. Разумеется, какой-либо целостной программы наподобие манифеста или декларации в ногайской среде не могло быть составлено. Однако внешнеполитическая концепция промосковской «партии» четко, пусть и утрированно, изложена в «Казанском летописце». В фантастической сцене отвергания союза с султаном собрание мирз якобы отвечает османским послам на предложение коалиции: «Ты, великий царю салтане... живеши далече от нас, за морем, богат еси и силен и всем еси изобилен, никова же нужа от житейских потреб не обдержит тебе; нам же убогим и скудным — всем (т.е. во всем нуждаемся. — *В.Т.*). И аще не бы наполнял потребою нашю землю московский царь, то не бы могли жити и ни единаго дни. И за его добро подобает нам всячески помогати ему на казанцев, за их пред ним великие лукавство и неправду» (Сказание 1959, с. 98)[3].

Таким образом, причины Смуты лежали также в экономической плоскости, в привязке части мирз (правого крыла) к российскому рынку. Однако при этом нельзя отрицать и причастность Москвы к сознательному раздуванию распри между Исмаилом и Юсуфом. Выше упоминалось, что при ногайско-русских переговорах о совместных действиях против Астрахани летом 1554 г. разработанный в Москве план предусматривал выступление Исмаила против бия сразу по захвате города. Пребывание М.Бровцына в ставке нурадина показало, что тот не намеревался придерживаться этой диспозиции. Возможно, Исмаил не ожидал, что его все более частые перепалки с братом подтолкнул русских к столь жестокому предложению — мятежу против него. Но тут Юсуф сам двинулся к Волге. Исмаил выступил навстречу и начал переговоры. Русские войска тем временем занимали Астрахань, и на первый взгляд события шли по московскому плану, хотя и в несколько измененном силою обстоятельств виде. Бровцын, вернувшись в столицу, поведал, что первым открытое противостояние начал Юсуф (см. выше).

В летописных же редакциях рассматриваемых событий, тоже со ссылкой на Бровцына, начало конфликта предстает как инициатива Исмаила (и, стало быть, успешный результат дипломатических усилий русского посла): «По цареву и великого князя приказу пошел Исмаил

---

[3] Судя по фразеологии и по тем доводам, которые в нем приведены и которые не использовались ногаями, данный текст был придуман и написан в русской среде. Спорным выглядит утверждение Е.Н.Кушевой, будто в середине XVI в. «турецко-крымский натиск привел к тому, что значительные группировки ногайских мурз приняли московскую ориентацию» (Кушева 1950, с. 241; Кушева 1963, с. 186). На формирование промосковской ориентации у части мирз Крым и Турция воздействовали, кажется, меньше всего. Мы уже не раз убеждались, что османское влияние на ногайскую политику было минимальным. Другое дело, что, опасаясь турецких и крымских интриг за Волгой, Москва плела собственные интриги для раскола ногаев. Эта точка зрения тоже имеет место в историографии (см., например: Кузеев, Юлдашбаев 1957, с. 52) и, очевидно, находится ближе к истине.

на брата своего Есупа князя» (Книга 1850, с. 73–75, 77; Лебедевская 1965, с. 229; Летописец 1895, с. 18; Патриаршая 1904, с. 235). Эта версия о том, что не бий выступил в поход на зарвавшегося брата, а, наоборот, последний «по указу великого государя, по своему договору, з братом своим Исупом князем завоевался», четко отложилась и в официальных документах Посольского приказа (см., например: РС, д. 49, л. 177 об.).

Точно такая же трактовка утвердилась и в описании решающей схватки конца 1554 г. И русские гонцы, и ногайские послы, и мирзы в своих грамотах уверяли Ивана IV, будто Юсуфа убили по царскому приказу, ревностно исполненному Исмаилом (см.: Книга 1850 с. 85; Летописец 1895, с. 29, 150; НКС, д. 4, л. 263 об.; Патриаршая 1904, с. 249). В это уверовал и сам царь Иван. В 1581 г. он напоминал бию Урусу б. Исмаилу, что «Исмаил князь то учинил, чего нигде не ведетца: отстав от родного брата своего от Исупа князя, ***а нас для***, и его убил, ***а нам способствуя***» (НКС, д. 10, л. 20 об.). Следовательно, хотя Иван IV и не брал на себя ответственность за разработку заговора, но признавал его выгодность для своей политики.

Касим б. Шейх-Мамай в уже цитированном послании, доставленном в январе 1555 г., прямо указывал, что роковую для себя свару начал сам бий, вознегодовавший на Касима из-за его связей с Москвой. Шихмамаевичи «заратились» с Юсуфом, который отправился на них в поход (НКС, д. 4, л. 260 об., 261). Судя по данной версии, Юсуф направил конницу на восток. Глава потомства Шейх-Мамая сумел быстро договориться с Исмаилом, и с двух сторон они нанесли решающий удар по противнику. Такая интерпретация кажется предпочтительной. Во-первых, потому, что логично описывает течение событий с лета 1554 г. (когда Юсуф мобилизовал подвластные эли и приготовился к боям с Исмаилом) до зимы, когда эти собранные им силы были разгромлены мятежными мирзами. Во-вторых, влияние и авторитет Ивана IV среди мангытской аристократии все же не были настолько велики, чтобы поднять ее на бунт; если это и можно было бы предположить в отношении Исмаила, то гордый и своенравный Касим наверняка руководствовался собственными политическими интересами, а не инструкциями Москвы, с которой он до того часто враждовал.

Тем не менее результат противостояния отвечал самым заветным желаниям русского правительства. Объективно государственный переворот несомненно сыграл ему на руку: Юсуф был устранен. В ноябре 1555 г. царь направил новым бию, нурадину[4] и кековату свое наградное жалованье — «за то, что Юсуфа князя побили» (Лебедевская 1965, с. 238; Летописец 1895, с. 30; Патриаршая 1904, с. 249). Он благода-

---

[4] Главным нурадином после победы Исмаила и Касима стал их соратник Арслан б. Хаджи-Мухаммед. Пост нурадина-военачальника первоначально сохранял старший брат последнего, Белек-Пулад, который не принял активного участия в перевороте.

рил их за создание выгодной для Москвы новой внутренней ситуации в Ногайской Орде, так как Россия теперь избавилась от угрозы кочевого нашествия, к которому то и дело готовился прежний бий. Степнякам стало не до нападений на Русь: в случае окончательной победы Исмаила в Сарайчуке утвердился бы союзник царя; в случае борьбы сторонников Юсуфа и Исмаила Орда оказывалась охваченной междоусобицами, что тоже позволило бы России беспрепятственно осуществлять экспансию в Поволжье[5].

Убийство бия вызвало гнев и негодование у многих мирз, и в первую очередь у его детей. Автоматически вступили в действие законы кровной мести. Перед Исмаилом теперь оказывался не задумчивый, склонный к уговорам и внушению Юсуф, а его озлобленные сыновья. Вместо одного политического оппонента новый бий нажил себе множество злейших врагов. Русский царь с его геополитическими замыслами отодвинулся для Юсуфовичей на задний план, главной задачей стало отмщение. «Прошла кровь у них, Исмаиль отца у них убил», — сообщал Ивану IV старший сын Юсуфа, Юнус, в период самой напряженной борьбы в степях (Книга 1850, с. 114; Лебедевская 1965, с. 258; Патриаршая 1904, с. 285; см. также: Жирмунский 1974, с. 466; НКС, д. 5, л. 21). Когда начались сражения и взаимное истребление, число кровников в противоборствующих лагерях возросло, охватывая постепенно все большее количество отпрысков клана Эдиге. И теперь экономическая первооснова вражды уже подкреплялась мощным стимулом к борьбе из-за взаимных претензий, ненависти, жажды возмездия за погибших близких.

«Заворошня»[6]. Круг соратников бия-братоубийцы выявился сразу же после переворота. В конце января 1555 г. в Москву один за другим прибыли два посольства — одно от Исмаила, его старшего сына, Мухаммеда, и сыновей Шейх-Мамая Касима и Бия, другое от Кошумовичей — Арслана, Хасанака, Торгая и Дин-Али. Они известили Ивана IV о смене власти в Орде, предложили установить дружественные отношения и просили ногайским купцам «дати торг поволнои на Москве и в Казани, и в Асторохани» (Книга 1850, с. 85, 92, 93; Летописец 1895, с. 29, 46; НКС, д. 4, л. 255 об., 256; Патриаршая 1904, с. 249). С каж-

[5] Может быть, расчетом на щедрое жалованье и вызывались утверждения мирз, будто Юсуф был убит по воле царя. На самом деле, как видим, дело обстояло сложнее. А.Каппелер прав, когда избегает однозначного приписывания Москве этой интриги («*Возможно*, Москва организовала свержение Юсуфа его братом Исмаилом» — Kappeler 1992, p. 94). В любом случае, даже если Иван IV и не был непосредственно причастен к заговору, его подстрекательство к сепаратистским действиям и последующее вознаграждение за мятеж демонстрируют стратегию на раскол и ослабление ногаев — и не обязательно с непременным созданием прорусской «партии» в Ногайской Орде (ср.: Словцов 1886, с. 12).

[6] Так назвал ногайскую Смуту русский посол к Юнусу б. Юсуфу летом 1557 г. (НКС, д. 5, л. 22 об.).

дым из новых иерархов — бием Исмаилом, нурадином Арсланом и кековатом Касимом — правительство намеревалось заключить отдельные шертные соглашения о сотрудничестве, в частности о совместных действиях против Крыма (НКС, д. 4, л. 268, 271 об.). Посланный с этой целью на восток в марте 1555 г. И.Т.Загрязский добрался до главной кочевой летней ставки в мае и был с почетом принят Исмаилом.

Новые властители ногаев стремились на деле доказать свою заинтересованность в сотрудничестве с царем. Едва получив весть о повторном выступлении русского войска на Астрахань, бий и кековат послали на подмогу свои отряды. Для рассмотрения текста шарт-наме, привезенного Загрязским, Исмаил распорядился созвать мирз и «лучших людей», а главное — Касима и Арслана. Но совет не состоялся. 7 июля поступило известие о разорении сыновьями Юсуфа Сарайчука и их наступлении на бия.

Лагерь сторонников Исмаила был, как видим, слишком разнороден, чтобы его сплочение можно было объяснить только экономической ориентацией на Россию. Если бы это было так, то теоретически дети Шейх-Мамая, кочевавшие на крайнем востоке Ногайской Орды, должны были бы выступить против промосковски настроенного победителя. А произошло как раз наоборот. Мирзы же правого крыла далеко не все последовали за своим вождем, некоторые оказались в оппозиции к нему. И это опять объясняется не торговыми интересами, а логикой политической борьбы и психологическим фактором — возмущением вероломством Исмаила по отношению к Юсуфу.

Из дипломатических документов начала 1555 г. известно, что из-под власти Исмаила «выбежали» потомки не только Юсуфа, но и Шейх-Мухаммеда и часть Кошумовичей во главе с Белек-Пуладом. Вместе с покинувшим Астрахань в преддверии русского наступления Ямгурчи-ханом они «пристали к крымскому царю», перебравшись на правый берег Волги. Возглавляли это движение восемь Юсуфовичей: Юнус (старший), Ибрагим, Эль, Ак (т.е. Ахмед), Баран, Джан, Али и Махмуд[7].

В Бахчисарае не ожидали такого мощного пополнения и тут же принялись строить планы похода к занятой русскими Астрахани, возвращения тамошнего трона Ямгурчи. Для этого уже был выделен отряд пищальников-тюфенкчи, но столь радикальные меры не понадобились. Во-первых, Ямгурчи до смерти боялся русских и противился как мог, а во-вторых — и это главное, — на Крым постепенно стал переориентироваться хан Дервиш-Али, русско-ногайский ставленник в Астрахани. Среди прочих дружественных по отношению к Девлет-Гирею действий он оказал помощь тем ногайским мирзам, что нашли у него приют и изготовились к борьбе с Исмаилом.

---

[7] Подробнее о сыновьях Юсуфа и их судьбе см.: Трепавлов 1997в, с. 55 и сл.

Придя в себя и собрав рассеянных по степи после разгрома Юсуфа улусников, они с помощью астраханского хана переправились обратно на Ногайскую сторону. Приставленный контролировать Дервиш-Али Петр Тургенев тщетно старался отговорить своего подопечного от вмешательства в распрю. Уговоры не действовали, и тогда для сохранения своего влияния в Астрахани, а также для контроля над «перевозами» через Волгу Иван IV послал в низовья отряд Григория Кафтырева (НКС, д. 4, л. 250 об.–251 об.) (именно на помощь этому отряду и прислали свою конницу Исмаил с Касимом). Но было поздно. Противники бия уже вторглись в левобережные кочевья.

Позднее Юнус б. Юсуф объяснял эти и последующие действия тем, что «мы, ходя, отца своего юрта искали» (НКС, д. 4, л. 377 об.). Следовательно, отныне Юсуфовичи и их соратники считались утратившими родной Юрт и таким образом приобретали статус «казаков». Измена Дервиш-Али так и обозначалась: «...мирз казаков на тебя (Исмаила. — *В.Т.*) перевез» через Волгу, в то время как те «казакуют, ротою и шертью уверився (между собой. — *В.Т.*), другом учинився, живут» (НКС, д. 4, л. 352, 355, 377 об.). Очевидно, сконцентрировавшись к западу от Волги, противники Исмаила собрались на совет и поклялись расправиться с убийцей Юсуфа.

Их тогдашнее положение образно и верно описал П.Г.Бутков: «Ногайские мурзы, отлученные от своих владений, принуждены были жить по примеру козаков: в неусыпном бдении, в непрерывной осторожности и в беспрестанных по степям разъездах» (Бутков 1822, с. 198). Первые их «разъезды» — набеги на заволжских ногаев начались уже летом 1555 г. с нападения на столицу Орды. Центром, тылом этой борьбы стал улус мирзы Гази б. Урака б. Алчагира — представителя ветви «Эдигу уругу мангытов», оттесненной от власти еще в 1530-х годах. Не добившись заметных успехов, постов и достатка под началом биев Саид-Ахмеда, Шейх-Мамая и Юсуфа, Гази со своими «улусными людьми» перебрался в Прикубанье и разорвал все отношения с Сарайчуком. Теперь он решил вмешаться в раздоры и свергнуть своего двоюродного деда Исмаила. Позднее Гази вместе с Юнусом возглавил войско мирз-«казаков».

Итак, 7 июня 1555 г. Игнатий Загрязский узнал от Исмаилова гонца, что курултай для обсуждения шерти не состоится, потому что сыновья Юсуфа захватили ногайскую столицу. Ныне бий спешно собирает войска, а государеву посланцу советует спасаться самостоятельно. «Жив в руки недругом не даваися, — напутствовал он Загрязского через нарочного, — чтоб таиное слово государя твоего... явно не было». Впрочем, заботу о госте Исмаил поручил еще и своим пятерым женам, наказав им между прочим, его «беречи от своих людеи» — от поползновений на грабеж со стороны придворных. Судя по всему, правитель Орды находился в тот момент на значительном отдалении

от семейного стойбища, и наверняка не в окрестностях занятого неприятелем Сарайчука. Дело происходило, думается, в северной части Волго-Яицкого междуречья, на обычных летних пастбищах Исмаила.

Через два дня Юсуфовичи и Гази б. Урак обрушились на кочевье семьи Исмаила, в их руках оказалось все имущество и стада. Очутился в плену и весь гарем. Жены исхитрились передать Загрязскому совет быстрее уносить ноги, как и рекомендовал ему их супруг.

Посол с горсткой служилых татар бросился в степь и укрылся в урочище Кровавый Овраг. Где-то на востоке огромного, охваченного кровавой смутой пространства Ногайской Орды затерялся его земляк и сотрудник — Мясоед Вислый, посланный одновременно с Загрязским приводить к шерти кековата Касима. Игнатий поручил одному из своих татар разыскать Вислого, передать продукты (было известно, что тот подчистую ограблен) и вообще убедиться, жив ли он. Татарин Туган пропадал два дня и снова появился в Кровавом Овраге с впечатляющим рассказом. До Мясоеда он не добрался, потому что попал в плен к воинам Гази б. Урака. Из разговоров с ними он узнал, что «Касаи мирзу (Касима б. Шейх-Мамая. — *В.Т.*) взяли жива, а вперед (Касиму. — *В.Т.*) живу не быти». Мясоед Вислый тоже, оказывается, полонен. Касательно Исмаила одни «казаки» хвастались, что, «взяв (в плен. — *В.Т.*), голову ему срезали», а другие уверяли, будто он «утек... с немногими людми». После этих новостей Загрязский не захотел более сидеть в Кровавом Овраге и осторожно двинулся в сторону Руси. Отъехав на некоторое расстояние, он опять выслал татарина посмотреть, что делается в округе. Тот проездил три дня и никого не встретил. Все ногаи откочевали или разбежались неведомо куда. 19 июня посол прибыл в Свияжск (НКС, д. 4, л. 296–298).

Мясоед Вислый тоже умудрился выбраться невредимым. В летописях представлена итоговая, сводная редакция их отчетов: «Пришли на Исмаиля Исуфовы дети да Казый мурза Ураков сын, да Исмаиля согнали, а Касая мурзу убили» (Летописец 1895, с. 37; Львовская 1914, с. 560; Патриаршая 1904, с. 26) (значит, Касим все-таки был казнен в плену — об этом наверняка рассказал в Москве Вислый).

То, что выглядело из русской столицы как поражение Исмаила, оказалось скорее его тактическим отступлением. Уже в августе до кремлевского двора донеслись сведения, что бий вместе с детьми и племянниками разгромил Юсуфовичей и «сам ся опять учинил князем на всех Нагаех» (Книга 1850, с. 89, 90; Летописец 1895, с. 41; Патриаршая 1904, с. 258, 259; см. также: ПДПЛ, т. 2, с. 479). Под племянниками в данном случае опять подразумеваются Шихмамаевичи и нурадин Арслан. Дети Шейх-Мамая отныне поддерживали Исмаила не только в силу политических соображений, но и из ненависти к Юсуфовичам. После убийства Касима между двумя семьями началась кровная вражда. Во главе этого клана стал следующий по стар-

шинству брат Касима, Бий (НКС, д. 4, л. 306 об.). Часть улусов и ополчения левого крыла, ранее охранявшего восточные ногайские рубежи от ойратов («калмаков»), под командованием Ака (Ахмеда) б. Шейх-Мамая по приказу бия перешла на Волгу для обороны от вылазок разбитых мирз-«казаков». Те сразу принялись изводить набегами пришельцев из-за Яика (НКС, д. 4, л. 306 об., 364 об., 371 об.). На протяжении второго полугодия 1555 и всего 1556 года союзные родичи в грамотах царю заявляли о своей покорности Исмаилу, о своих совещаниях с ним по различным вопросам и о готовности вместе с ним воевать против «недругов» Ивана IV.

Когда после первого поражения зимой 1554/55 г. сыновья Юсуфа отъехали на Крымскую сторону, целью Исмаила было не пустить их обратно в Заволжье. Своих сил ему не хватало (все Шихмамаевичи тогда еще кочевали далеко на востоке), и он обратился в Москву с просьбой об охране переправ. В Москве это расценили как «челобитье», и царь отреагировал благосклонно. К тому же срочно требовалось усилить русское присутствие в Астрахани, где Дервиш-Али неожиданно стал склоняться на сторону Девлет-Гирея. Упоминавшийся выше отряд Григория Кафтырева был послан в волжские низовья кроме прочего и с задачей «беречи на Волге перевозов от Исуфовых детеи», дабы на нового бия «рать не пропустити» (Книга 1850, с. 87; Летописец 1895, с. 37; НКС, д. 4, л. 251). Но астраханский хан, как мы знаем, успел переправить мирз на Ногайскую сторону, и Исмаилу понадобилось уже не просто охранять свои границы, а непосредственно сражаться с противником. Решающий перевес он получил бы, обладая огнестрельным оружием. Поэтому в мае он попросил у Ивана IV «дватцать пищалников да три пушечки и стрелцы, хто стреляет из них». Судя по июньскому ответу царя, и здесь бию пошли навстречу: в ставку Исмаила было командировано пятьдесят стрельцов[8]; ему дозволялось держать их у себя, доколе в этом будет необходимость (НКС, д. 4, л. 248, 253 об.).

Какие-либо подробности пребывания русского отряда при бие не сохранились. Можно полагать, что он благополучно добрался до цели и находился «в Нагаях» в период драматических коллизий лета 1555 г. Вполне возможно, что после изгнания Исмаилом врагов за Волгу пищальники вернулись на Русь или в Астрахань, так как осенью он опять умолял предоставить ему стрельцов — уже двести (да еще нурадин Арслан просил сотню) (НКС, д. 4, л. 304, 305 об.). Из февральского наказа послу А.Т.Тишкову выясняется, что и на сей раз к бию были направлены стрельцы (не говорится, сколько) с разрешением держать их «у себя в Сараичике год или где тебе надобе» (НКС, д. 4, л. 313). Судьба этого отряда так же неизвестна из доку-

---

[8] В другой грамоте (НКС, д. 4, л. 251 об.) количество стрельцов исчисляется тридцатью.

ментов, как и то, добрался ли он до далекого Сарайчука вообще. Тем не менее готовность Ивана IV предоставлять своему союзнику вооруженную подмогу существенно охладила пыл «казаков». Они обосновались на Крымской стороне и решались теперь лишь на эпизодические рейды за реку.

Несмотря на то что опасность открытого столкновения несколько уменьшилась, перед бием встала новая существенная проблема. Множество ногаев не желало подчиняться победителю-братоубийце. Все больше караванов, кибиток и стад скапливалось на переправах через Волгу. Жители Ногайской Орды перебирались на правый берег и уходили на запад — к мирзам-«казакам», Гази б. Ураку или в Крымский юрт.

С конца 1555 г. Исмаил начинает забрасывать Москву прошениями поставить на главных «перевозах» русские заставы или крепости, чтобы не попускать ногаев через реку ни в ту, ни в другую сторону. Такие места, по его словам, находились на Переволоке, на Самарском устье, «на Иргизе» (т.е. в устье реки Большой Иргиз, правого притока Волги) и «на Астараханскои земле».

Царь, как обычно, не отказывал и даже уведомлял о своем приказе насчет основания крепостей в районах Переволоки и Самары (НКС, д. 4, л. 303, 303 об., 352 об.), но в данном случае намерение так и осталось на бумаге. С практическими действиями Иван Васильевич не спешил. Анализировавший эту ситуацию Г.И.Перетяткович решил, будто «в план русской политики относительно степных обитателей Поволжья не входило помогать им в сооружении крепостей, которые при случае могли быть употреблены против самой России» (Перетяткович 1877, с. 279). Это резонный довод с точки зрения как общей логики событий, так и курса на восточную экспансию, которого придерживалось тогда правительство Избранной рады. Можно добавить, что Иван IV, зная о могущественном лагере противников Исмаила (к тому же союзных Крыму), не был уверен в долговременном правлении узурпатора и не желал связывать себя обширными программами поддержки его, в частности строительством крепостей на ногайских границах. В тот период подобные укрепления однозначно послужили бы на пользу Исмаилу, однако сама Россия в них не испытывала нужды. При этом все же заметим, что, вопреки рассуждениям Г.И.Перетятковича, бий настаивал на возведении именно русских заграждений на переправах, но пока не заводил речь об организации каких-то ногайских городков.

Зато в отношении мер, сулящих какие-то выгоды русской стороне, царь бывал легок на подъем. Когда первое же посольство бия Исмаила и его мирз попросило позволения на свободную торговлю в Москве, Казани и Астрахани, разрешение было дано без проволочек, причем с поистине царской щедростью. На три года торговцы из земель, под-

властных Исмаилу, освобождались от всяких пошлин (Летописец 1895, с. 29; НГ, д. 11, л. 1; Патриаршая 1904, с. 249).

На собирание сил для возобновления борьбы Юсуфовичи потратили год. Они вместе с прочими «казаками» жили в приволжских степях, а из-за Волги к ним все шли и шли беженцы. Вроде бы можно было снова воевать с бием. Но за его спиной маячила фигура грозного московского союзника, в ставке у него расположился стрелецкий отряд. К тому же зимой 1555/56 г. мирзы-«казаки» сумели вступить в конфликт с российским представителем в Астрахани. Состоявший при хане Леонтий Мансуров (ненадолго сменивший Тургенева), исполняя государев приказ, отказался пропустить мирз на Ногайскую сторону «отца своего юрт искати» (НКС, д. 4, л. 377 об., 380). В условиях нищего и бродячего «казакования» они не рисковали ссориться с Москвой. Положение для них складывалось безвыходное. На севере и юге теперь располагались русские владения, путь в Ногайскую Орду был прегражден Мансуровым, Исмаил казался неуязвимым за стрелецкими пушками и пищалями.

«Казаки» во главе с Юнусом решили разрядить ситуацию. Сначала они «дали правду» царскому резиденту в Астрахани и пообещали «у Астрахани кочевать, а лиха никакова не учинить». Поверив мирзам, Мансуров открыл переправу и дал им суда для переезда через реку. Чтобы доказать искренность своего миролюбия, Юнус напал на местного хана Дервиш-Али, уже окончательно превратившегося в прокрымского политика, отнял у него присланные Девлет-Гиреем пушки и передал русским властям (Книга 1850, с. 105, 106; Патриаршая 1904, с. 277).

Следующим шагом стало примирение с Исмаилом после завоевания царем Астрахани. 23 сентября 1556 г. в Посольский приказ поступил рапорт астраханских воевод Ивана Черемисинова и Михаила Колупаева со следующей информацией: «Смаил князь с Ысуфовыми детьми помирился, а Шихмамаевых детей отослал; и Ярослан мурза подвел был на Исуфовых детей Шихмамаевых. Исуфовы дети Ярослана убили, и промеж собою (сыновья Юсуфа и Арслан. — *В.Т.*) бились три дни и на обе стороны многих мурз и татар побили» (Книга 1850, с. 102; Летописец 1895, с. 62; Патриаршая 1904, с. 274–275). Понимать это следует, видимо, так, что Исмаил достиг договоренности с Юсуфовичами и «отослал» обратно из Поволжья на восток, в кочевья левого крыла, улусы Ака б. Шейх-Мамая и его братьев. Последние возмутились очередным политическим кульбитом бия, который пошел на мировую с их кровниками, убийцами Касима. Шихмамаевичи вместе с наместником Поволжья, нурадином Арсланом, ринулись в бой с «казаками». Произошло кровопролитное трехдневное сражение со множеством жертв (хотя сведения о гибели Арслана оказались ложными). Одолели «казаки», их противники были

вынуждены отступить. Исмаил писал через год после этих событий, что некоторые его племянники передались казахскому хану; ниже он сообщает конкретно о потомках Шейх-Мамая, которые ему не подчиняются; он готов, дескать, принять их под свою власть, если они попросят об этом, и воевать против них, если откажутся (НКС, д. 5, л. 32 об.–33 об.).

Подробности соглашения противоборствующих лагерей мангытской знати мы узнаем из посланий Исмаила, Белек-Пулада и Айсы б. Ураз-Али конца 1556 и середины 1557 г. Бывшие мстители «з дядею своим с Ысмаилем князем добро поговорив... все... Исмаилю князю повинны учинилися. Дядю своего Исмаиля князя как Идигея князя князем учинили»; «все есмя поводы узд своих дали князю да Юнус мирзе». Юнус и Белек-Пулад получили оба нурадинских поста и соответственно правое, поволжское крыло Ногайской Орды (НКС, д. 4, л. 381–383; д. 5, л. 33) (вот почему, думаю, бий попросил Шихмамаевичей покинуть волжские кочевья). Бывший нурадин, Арслан, занял пост кековата, отобранный у клана Шейх-Мамая (Книга 1850, с. 107; Летописец 1895, с. 68; Патриаршая 1904, с. 279).

До середины 1557 г. неестественное сосуществование злейших врагов сохраняло видимость единства. В Москву приезжали совместные посольства от Исмаила, Юнуса, Белек-Пулада, Арслана и Али б. Юсуфа; вместе эти деятели шертовали перед московскими послами и астраханскими воеводами, пытались схлестнуться с Девлет-Гиреем (Книга 1850, с. 109, 114; НКС, д. 4, л. 373; д. 5, л. 25 об.–27; Патриаршая 1904, с. 285). Не особенно вникая во взаимные претензии мирз, российское правительство стремилось охватить максимальное их количество шертными обязательствами о ненападении и подмоге против Крыма. Эти договоры заключались с бием и с главами отдельных патронимий, чтобы иметь гарантии их лояльности к России на случай возобновления усобиц. Если расчет делался на недолговечность союза группировок, то интуиция русских не подвела.

Осенью 1557 г. начали поступать вести об очередной схватке в Орде. Из различных донесений и грамот складывается следующая картина. Исмаил позарился на улусы кековата Арслана и разграбил их. Обиженный кековат уговорил Юнуса напасть на жадного бия. 23 июня того «согнали с Юрта» — Исмаил бежал, не приняв боя, но его и не преследовали. Брошенные им в очередной раз двор и гарем поделили между собой сыновья Юсуфа и Хаджи-Мухаммеда. Сразу были возвращены Шихмамаевичам их подданные, которые, оказывается, оставались под властью Исмаила, когда он внезапно и вероломно изгнал Ака б. Шейх-Мамая из Поволжья. Спешно созванный съезд провозгласил бием Юнуса. Судя по последовательности имен после «Юнуса князя» в посланиях, нурадином стал его младший брат, Али, кековатом и вторым нурадином остались соответственно Арслан и Белек-Пулад.

Мирзы сразу поспешили обезопасить себя от царского гнева и отмести подозрения, будто Исмаила свергли из-за его «русофильства». Трем московским послам, которые обретались тогда в Ногайской Орде, внушали, что победители сохраняют верность недавним шертным клятвам, а переворот объясняется сугубо внутренними ногайскими делами: «прошла кровь у них, Исмаил отца у них убил». А чтобы Иван Васильевич все-таки не стремился помочь своему незадачливому союзнику, был пущен и вовсе нелепый слух, будто бывший бий добровольно «княженье здал Юнус мирзе», а сам отправился в паломничество «к Меке» (Книга 1850, с. 114; НКС, д. 5, л. 17 об., 18–18 об., 20 об., 23 об., 24, 34; Патриаршая 1904, с. 285).

Исмаил же тем временем не стал метаться по степи, как во время предыдущего свержения. Он сразу направился к Астрахани и потребовал у воевод подкрепления. Многие его подданные перебежали к Юнусу, и теперь он рассчитывал в основном лишь на русское войско. Из этого, кстати, следует, что после примирения с Юнусом и его соратниками Исмаил отпустил состоявших при нем стрельцов в Астрахань и остался один на один с многочисленными врагами. Весьма вероятно, что те только и ждали, пока страшная охрана «с вогненым боем» уберется из степи. Едва она ушла, как бий подвергся нападению, а его конфликт с Арсланом послужил лишь поводом. До Москвы еще не успели дойти объяснения и извинения Юнуса, а изгнанный им правитель развернул бурную подготовку реванша. Воеводы не смели ослушаться государева указа и вновь отрядили пищальников. К тому же царь в адресованной им августовской грамоте подтвердил свое расположение к свергнутому интригану и готовность поддерживать его.

Против неприятелей Исмаил теперь ходил не сам, а посылал своих сыновей, которые с этого времени, с лета 1557 г., начинают активно действовать в политике. Они также стояли под Астраханью, «крепки царя и великого князя людьми и Исмаилю тож надежа». Сперва Дин-Ахмед б. Исмаил напал на личные владения Юнуса и угнал табун, но тут же попал в плен (вскоре сбежал). 12 июля совершил набег к Яику другой сын, Урус, и уже более успешно. Ему удалось захватить нурадина Али, которого он недолго думая тут же и зарезал. Погоня во главе с разъяренным Юнусом не смогла схватить молодого мирзу. Но не эти стычки, а угроза стрелецкого похода из Астрахани вызывала смятение у Юсуфовичей и Кошумовичей. «А толко деи государь царь... Исмаилю даст пищалников, ино деи нагаи все пропали», — делились они в унынии с послом Елизаром Мальцовым.

В этой обстановке кековат Арслан б. Хаджи-Мухаммед в очередной раз переметнулся в стан противника (еще при «вокняжении» Юнуса он, готовя почву для возможной измены ему, говорил русскому собеседнику, будто живет с новым бием «оманкою» — обманом).

Лагерь Исмаила неожиданно усилился и прикочевкой к нему под Астрахань девяти сыновей Ураз-Али со всеми улусами. Эти мирзы пытались было прибиться к Крыму, но хан напал на них, и они в страхе бросились обратно к Волге, где и застали Исмаила при подготовке похода на восток (об этих событиях см.: Книга 1850, с. 109, 114; Летописец 1895, с. 79; НКС, д. 5, л. 18, 20 об., 24, 39–39 об., 52, 53 об.; Патриаршая 1904, с. 285, 286).

В конце октября на Москве объявилось его посольство с «сеунчем» (вестью о победе). «Отеческово юрта Бог дал», — сообщал Исмаил. Его противники вновь удалились на Крымскую сторону, и поэтому высказывалась просьба к царю «не велеть» перевозить их обратно на левый берег, а также повторное предложение установить заставы на переправах. Если же от старших сыновей Юсуфа — Юнуса и Ибрагима явятся послы и купцы, писал Исмаил, то у них надлежит отнять все имущество и выслать в Сарайчук, поскольку «те животы — наши» (НКС, д. 5, л. 43–43 об., 45 об.). На этот раз он утвердился у власти окончательно. После продолжительных метаний к нему присоединились дети Ураз-Али во главе с Айсой и дети Хаджи-Мухаммеда во главе с Арсланом и Белек-Пуладом. Шихмамаевичи не могли простить бию предательства и сговора с Юнусом, поэтому пока не желали подчиняться. Вот почему Исмаил считал тогда подвластной себе территорией только междуречье Яика и Волги (см.: НКС, д. 5, л. 41 об., 42, 47, 52 об., 53 об., 98 об.–99 об.).

Междоусобицы и конфликты случались в Ногайской Орде и раньше. После умиротворения (победы одной из враждующих группировок мирз) спокойная жизнь восстанавливалась, и ногаи возрождали могущество своей державы. Однако кризис середины XVI в. имел более болезненные последствия. Ногайская Орда вышла из него не только с уменьшившимися населением и территорией, но и экономически ослабленной. Война Исмаила с сыновьями Юсуфа сопровождалась взаимным разорением, ломкой традиционных кочевых маршрутов и стихийными бедствиями. Во второй половине 1550-х годов у ногаев начался великий голод.

Великий голод. Первые признаки разорения народа отмечены в 1555 г., сразу по «вокняжении» Исмаила. Уже в первых своих посольствах к Ивану IV бий просил денежных выплат и торговых льгот, потому что его подданные «истомны и голодны», а «дом мои вывоеван лихо велми» (НГ, д. 11, л. 1; НКС, д. 4, л. 304). Возможно, в то время он сгущал краски, излишне драматизируя последствия своего полугодового противостояния с Юсуфом. Но в 1557 г. стало ясно, что в Ногайской Орде действительно разразился самый настоящий экономический кризис.

О нем известно прежде всего из документов, исходящих из ставки Исмаила. Бий отвоевал свои улусы у Юсуфовичей и обнаружил, что

у населения не осталось ни скота, ни зерна, ни продовольственных запасов — война вымела все. Сначала победитель лишь лаконично отметил: «А на наши улусы голод пришел» — как основание возложить на русскую сторону содержание трехсот пищальников, выпрашиваемых у царя. Тогда же впервые Исмаил предложил Ивану IV направить в Астрахань «много хлеба» для ногаев. Кроме того, ситуация, когда «конеи и запасу у нас нет, оголодали есмя», служила для него оправданием неучастия в опасных военных акциях, задуманных русскими против Крыма (НКС, д. 5, л. 29 об., 32 об.).

Но к середине 1557 г. положение с пропитанием стало настолько критическим, что посыпавшиеся в Москву просьбы предоставить семена и зерно для спасения от голодной смерти уже не были отговорками от излишних расходов. Положение осложнилось наводнением в районе ногайской столицы (разливом Яика?), затоплением скудных посевов местных жителей: «А пашню сараичиковскую вода взяла. А улусы наши животиною обмерли, и голодны есмя»; «Улусы наши [без] животов остали и оголодали... годы уже и три и четыре в воине пребывая, животов у нас не осталося»; «Сами есмя истомны голодом, и улусы наши голодни. Сево году ни животов, ни лошадеи, ни одежи у нас не осталось... Наши улусы оголодали и озлыдали... Голод у нас» и т.п. (НКС, д. 5, л. 33 об., 43, 43 об., 46 об.–47 об.). Та же ситуация сохранялась и в следующих, 1558 и 1559 гг. На бия теперь легла обязанность содержать огромное количество разорившихся соотечественников, которые утратили весь свой скот, не могли кочевать и остались без всяких средств к существованию: «А животов и кун (т.е. денег. — *В.Т.*) у меня нет, и есть нечево... А людеи некочевных у нас много» (НКС, д. 5, л. 78 об., 90 об., 91 об., 99 об., 132 об.).

Все эти отчаянные сетования не были лишь средством выпросить дополнительные поставки из России. Елизар Мальцов застал переход власти от Юнуса к Исмаилу летом 1557 г. и описал обстановку, в которой совершался очередной переворот: «А нагаи, государь, изводятца, людеи у них мало добрых (т.е. зажиточных. — *В.Т.*), да голодни, государь, необычно нагаи и пеши. Много з голоду людеи мрет... Земля, государь, их пропала, друг друга грабит... Взяла их нужа великая, в Нагаех люди голодни» (НКС, д. 5, л. 21, 23). Вдобавок к этим несчастьям в степях разразилась эпидемия чумы.

Именно в то время, в 1558 г., через Астрахань проезжал английский путешественник Э.Дженкинсон, который имел возможность наблюдать состояние ногаев и расспрашивать очевидцев. По свидетельству англичанина, множество кочевников было истреблено «гражданскими усобицами, сопровождаемыми голодом, чумою и всякими моровыми поветриями», отчего погибло более ста тысяч человек. «Такого мора, — заметил он, — никогда не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами, теперь же они пусты».

Дженкинсон видел, как множество обнищавших степняков хлынуло к Астрахани в надежде на помощь русского правительства и воевод. «Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; их мертвые тела кучами валялись по всему острову (на Волге под Астраханью. — *В.Т.*), непогребенные, подобно зверям» (Дженкинсон 1937, с. 169, 171–172).

В России о великом голоде прекрасно знали, но не сочувствовали. Взаимное истребление и массовое вымирание «бусурман» воспринималось, в частности высшей знатью, как возмездие за прежние беспокойства, причиненные Руси, и в целом как Божья кара им. В наиболее концентрированном виде такой подход сформулирован в «Истории о великом князе Московском» А.М.Курбского[9]: «Потом (т.е. после занятия русскими войсками Астрахани в 1554 г. — *В.Т.*) в тех же летех мор пущен был от Бога на Нагаискую Орду, сиречь на заволских татар, и сице (т.е. вот что. — *В.Т.*) наведе на них: пустил на них так зиму зело люте студеную, же и весь скот их помер, яко стада конские, так и других скотов, а на лето сами (ногаи. — *В.Т.*) исчезоша, так бо они живятся млеком точию от стад различных скотов своих, а хлеб тамо и не именуется. Видевше же остатные, иже явственне на них гнев Божии, поидоша пропитания ради, до Перекопские Орды. Господь же и тамо поражаше их так: от горения солнечного наведе сухоту и безводие; идеже реки текли, там не токмо вода обретесь, но и, копавши три сажени в землю, едва негде мало что обреташеся. И так того народу Измаильтескаго мало за Волгою осталося, едва пять тысячеи военных, его же было число подобно песку морскому» (Курбский 1914, с. 238).

Жестокие лишения, обрушившиеся на Ногайскую Орду, отразились в сказаниях ее подданных-башкир. Одно из них гласит, что «выпал великий снег, и сряду три года стояла жестокая зима. На овец и скот напал падеж, и хлеб не родился»; это вызвало массовую откочевку ногаев из Башкирии в южные степи (Соколов 1898, с. 51). Вскользь упоминает о разорении Мангытского юрта в середине XVI в. и Абу-л-Гази (см.: Aboul-Ghazi 1871, p. 212, 213).

Совокупность данных из многих независимых друг от друга источников не позволяет разделить скептицизм В.М.Жирмунского относительно фантастичности мрачной картины, нарисованной Дженкинсоном (Жирмунский 1974, с. 473). Голод и эпидемия действительно привели к высокой смертности и массовому бегству народа из Орды. Но только ли жестокие зимы, засухи и наводнения вызвали бедствие? Сам Дженкинсон видел первопричину в междоусобных войнах, и это в самом деле можно рассматривать как один из основных факторов

---

[9] «История» была написана князем Курбским в 1573 г. В начале 1690-х годов А.И.Лызлов включил оттуда отрывок о разорении Ногайской Орды в свою «Скифскую историю» (см.: Лызлов 1787, с. 53, 54).

разорения ногаев. А.Н.Усманов считал, что роковое воздействие на ногайскую экономику оказало нарушение связей с казанским рынком после русского завоевания 1552 г. (Усманов А. 1982, с. 122). Вероятно, такое нарушение действительно произошло, так как в первом же посольстве бия Исмаила в Москву (начало 1555 г.) поднимался вопрос о налаживании режима ногайской торговли в Казани.

Однако временная утрата одного из торговых путей не могла иметь столь фатальных для кочевого общества последствий, как массовая потеря скота. Вымирание стад, отар и табунов, наряду с взаимными угонами их в период распрей, лишило множество ногаев главного источника существования. Те кочевники, которые сумели сохранить скот, тоже попали в тяжелое положение, потому что из-за усобиц традиционные маршруты сезонных передвижений оказались отрезанными или занятыми другими хозяевами. Примером подобной коллизии может служить ситуация в левобережном Нижнем Поволжье. До Смуты там кочевали улусы нурадинов Исмаила и Белек-Пулада; Юсуф же с сыновьями кочевал на Яике. После бегства Юсуфовичей на Крымскую сторону Исмаил по рангу бия занял яицкие степи, а в Поволжье перевел часть населения левого крыла во главе с Аком б. Шейх-Мамаем. После перемирия 1557 г. Шихмамаевичи были отправлены обратно на восток, а пастбища правого крыла получили нурадины Юнус и Белек-Пулад. Распределение угодий снова кардинально поменялось после окончательной победы Исмаила и изгнания его противников из Орды.

Во время таких изменений, когда степные эли метались по заволжским пространствам, не успевая разведать на новых местах пути кочевания и водопои, зимние укрытия и летние выпасы, рухнула устоявшаяся за столетие хозяйственная система. Дополнительную сложность внесло и завоевание русскими Астрахани в 1556 г., когда главная волжская переправа подпала под контроль воевод. В сочетании с голодом, чумой, вражескими набегами все это создавало невыносимые для жизни в степях условия. П.П.Иванов удачно назвал ситуацию в Ногайской Орде в середине XVI в. хозяйственно-политической катастрофой (Иванов 1935, с. 29).

Из сообщений Дженкинсона явствует, что новые астраханские власти отнеслись равнодушно, если не сказать злорадно, к разорению и вымиранию ногаев. «Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали...» (Дженкинсон 1937, с. 172). Однако нельзя сказать, что Московия хладнокровно наблюдала за заволжской трагедией. В ответ на отчаянные просьбы Исмаила русские посольства везли с собой обозы с зерном и крупой. Правда, крупные поставки происходили только с 1557 г., так как до того положение бия было шатким и существовала опасность его свержения (отчего жалование попало бы в чужие руки) или разграбления припасов по пути мирза-

ми-«казаками». Самую значительную партию «запаса» доставил за Волгу осенью 1557 г. Елизар Мальцов — по 50 четвертей крупы, ржаной муки и толокна, 30 четвертей пшеницы на семена, 50 пудов меду (НКС, д. 5, л. 37). Но этого оказалось слишком мало. Исмаил пенял царю, что просил «хлеба много», а привезенного Елизаром «не достало» для голодных улусов; очередной запрос бий исчислял уже не в пудах и четвертях, а в целых кораблях (каждый — 5 пудов хлеба) (НКС, д. 5, л. 90 об., 91 об.).

К концу 1550-х годов экономика развалилась полностью, деморализованные и растерянные ногаи утратили собственные средства пропитания. По словам Исмаила, Орде приходится жить тем, что посылает царь (НКС, д. 5, л. 120 об.), а тот посылал, как мы видели, мизерное количество продовольствия. Тем не менее, не желая портить отношения с жестоким и воинственным соседом, ногайская верхушка всячески превозносила его подачки, и в конце концов Иван Васильевич поверил в свою роль спасителя кочевой державы. Вспоминая те времена, он писал бию Урусу б. Исмаилу в 1581 г.: «А как почал быть мор и голод в Нагаискои Орде, и осталося было немного людеи, и наше какое было жалованье и прокормленье и одежею, и запасы к отцу вашему Исмаилю князю... и к вам ко всем — то всем вам ведомо, как отца вашего (в тексте: нашего. — *В.Т.*) жалованья Нагаиская Орда оправилася и исполнена стала всем» (НКС, д. 10, л. 20 об.). Представление о главной роли царя в избавлении ногаев от голода господствовало среди московской бюрократии, и еще в начале XVII в. приказные чиновники не упускали случая напомнить мирзам, как «при Смаиле князе в голодное время блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич прокормил их хлебными запасы» (Акты 1915, с. 26).

Другой разновидностью русской помощи, о которой молил Исмаил, была охрана переправ, чтобы обезопаситься от набегов «казаков» и остановить бегство подданных на запад. В 1557–1558 гг. царь распорядился учредить заставы на главных «перевозах» и послал в ставку бия стрелецкий отряд. Но уже в 1559 г. войска ушли из Сарайчука и с переправ. Во-первых, в Москве решили, что бий достаточно овладел ситуацией и способен править самостоятельно; во-вторых, у Москвы появились новые заботы: в 1558 г. началась Ливонская война.

Видя, как скупо и неохотно московский государь выделяет помощь, глава ногаев пытался искать другие источники снабжения. Есть данные от апреля 1558 г. о контактах заволжских ногаев с правителями Северного Кавказа[10]. «Есмя оголодали и излюбивели[11], — писал Исмаил, — потому есмя ходили были, чтоб из гор купити нам хлеба

---

[10] Краткую сводку отношений ногаев с народами этого региона до середины XVI в. см.: Ахметзянов Р. 1997.

[11] Либивый — тощий, истощенный, слабый (Словарь 1981, с. 231).

и рыбы, и потому есмя по леду реки Терки и Волги перелезли, что голод изымал» (НКС, д. 5, л. 78 об.). Едва ли они могли приобрести (выменять) в горах такое количество хлеба и рыбы, чтобы насытить все население Орды. В данном случае речь шла о прокормлении семьи и двора бия.

Окончание Смуты. Правление Исмаила. К рубежу 1550–1560-х годов «заворошня» утихла. И дело заключалось не только в том, что разоренные ногаи обессилели или пресытились набегами. В последние годы правления Исмаила практически все его противники выехали за пределы Ногайской Орды. Это сыграло ему на руку и позволило наконец стабилизировать обстановку в своих владениях. Но изначально он стремился сохранить в подвластных степях как можно больше народу. Русские заставы на переправах, в том числе на главной — астраханской, исправно старались перекрыть ногаям пути через Волгу. Е.Мальцов, досконально изучивший положение, предрекал: «Да толко твоего к Исмаилю береженья не будет, ино, государь, улусом их разоитися», а позже доносил слова Исмаила: «Улусы деи наши мешаютца, в Крым хотят» (НКС, д. 5, л. 85 об., 124).

Исход населения начался, как только царь и астраханские воеводы сняли охрану с переправ. Множество мирз хлынули на правобережье. Ясно, что уходили те, кто находился в оппозиции к бию; меньшая, вероятно, часть прорывалась сквозь улусы сыновей Шейх-Мамая в Казахское ханство (см.: НКС, д. 5, л. 32 об.). Те и другие ненавидели Исмаила и клялись когда-нибудь свергнуть узурпатора-интригана. Тот оказался со всех сторон окруженным врагами и надеялся найти поддержку лишь у соседних монархов. Был шанс добиться расположения султана, но в соответствии с принципами османской северной политики для этого было необходимо мириться с Бахчисараем, куда стекались мирзы-беженцы. Исмаил справедливо опасался, что многочисленные и озлобленные враги замышляют недоброе и вот-вот «на нас приведут царя» Девлет-Гирея (НКС, д. 5, л. 84 об.–85 об.).

Виновниками сосредоточения врагов в Крымском ханстве бий считал русских. Едва переправы лишились стрелецких заслонов, «многие люди и отошли в Крым», — негодовал он, приписывая оголение «перевозов» небрежению астраханского воеводы Ивана Выродкова (НКС, д. 5, л. 99 об.). Ушли в Крым Кошумовичи, пытались это сделать и девять сыновей Ураз-Али. Но и те и другие были ограблены крымцами и оказались в голой степи (Уразлыевы потом вернулись за Волгу).

Однако самым тяжким потрясением для Исмаила оказался отъезд двух его сыновей, Динбая и Кутлугбая (Кулбая), вместе с улусами. Он объяснял это «оманкою» (т.е. ложными уговорами и посулами) их «улусных людей». Кроме того, оба мирзы, возможно, надеялись на родственный прием со стороны хана Девлет-Гирея, которому доводи-

лись двоюродными внучатыми племянниками по матери. Если так, то они жестоко просчитались. Динбай и Кутлугбай подверглись разграблению и едва унесли ноги из таврических степей. Последний по пути попал в плен к донским казакам. В конце концов оба вернулись к отцу, приведя с собой из своих многочисленных подданных найманского эля только пятнадцать человек (Летописец 1895, с. 113; НКС, д. 5, л. 84, 102, 119, 128 об.).

Весной 1558 г. случилось очередное обострение отношений с сыновьями Юсуфа. Войска Исмаила «Юнус мирзу с братьею розгоняли и улусы их поимали, и юнусовы братья ездят в казацех» (НКС, д. 5, л. 71). Сам Юнус явился в Астрахань, выразив желание поступить на службу к царю Ивану. Тот согласился, и 5 июня 1558 г. мирза прибыл в Москву. Иван Васильевич милостиво принял его, повелев разместить «в Новом городе у Зачатья, на Левонтьеве дворе Сакулина» (НКС, д. 5, л. 71 об.–76). Вслед за тем пришла депеша от Исмаила, в которой тот умолял царя удерживать Юнуса у себя (НКС, д. 5, л. 79 об., 80). Бий, оказывается, испытывал настоящий ужас перед племянником. Е.Мальцов передавал, что он «боитца... ево необычно и з детми», так как «улусные... люди все Юнуса любят и жадают (т.е. ожидают. — *В.Т.*), видать ли деи Юнуса на Юрте, еще бы деи нагаи собрались отовселе к Юнусу. А опричь деи Юнуса Юрта держати некому, а Смаил деи не юртнои человек[12], хочет один быть, да и тот деи при старости. То... улусных людеи слово» (НКС, д. 5, л. 126).

Зная о страхе и ненависти бия к Юнусу, Посольский приказ заготовил для очередного посла в Ногайскую Орду наказ с ответом на возможное, еще не поступавшее предложение Исмаила казнить врага: «Государь наш, господине, без вины никакова человека не убьет, а Юнусовы вины перед ним нет»; заодно Исмаилу адресовалась просьба отпустить из Сарайчука в Москву жен и детей Юнуса (НКС, д. 5, л. 107 об.).

Старший сын Юсуфа не только удостоился благосклонной аудиенции, но и получил высокий ранг. Иван IV «учинил его на государстве, ***на княжении нагайском, на отца его юрте и на его*** (Юнуса. — *В.Т.*) по старине» (Летописец 1895, с. 95; Патриаршая 1904, с. 299). Следовательно, при живом, преданном, зависимом от царя и весьма беспомощном бие Исмаиле, верном союзнике российского монарха, Иван пошел на инвеституру еще одного ногайского правителя (по всей вероятности, в соответствии с привычной практикой посажения вассальных ханов). Правда, Исмаил не подавал заметных поводов Москве для своей замены ни до, ни после этого. А Юнус 10 мая 1561 г. скончался в Москве и был увезен на погребение в Сарайчук. Похоронная процессия была снаряжена с подобающей пышностью за

---

[12] П.А.Садиков объясняет выражение «не юртной» как «непригодный к тому, чтобы управлять всем Ногайским „юртом“» (Садиков 1947, с. 133).

счет казны (Летописец 1895, с. 95; Патриаршая 1906, с. 332). С мнением А.Каппелера, будто Юнус не пользовался в русской столице особым почетом из-за хороших отношений царя с его дядей и противником Исмаилом (Kappeler 1992, p. 98), едва ли можно согласиться. В Москве остались служить его дети Бий-Мухаммед и Ак-Мухаммед; последний позже уехал в Малую Ногайскую Орду[13] (НКС, 1601 г., д. 1, л. 21, 204).

Братья Юнуса продолжали борьбу в степях. На протяжении 1560–1563 гг. царские дипломаты пытались уговорить их, особенно старших — Ибрагима и Эля, прекратить разбойное «казачество» и помириться с бием или же переселиться в российские владения. Наконец, примерно в августе–сентябре 1563 г. двое этих мирз решили вернуться в Ногайскую Орду. Но примирения с убийцей их отца не состоялось. Уже через несколько недель братья снялись с места и двинулись за Волгу, к Малым Ногаям. Исмаил послал за ними войско во главе с сыном Динбаем. После короткой стычки Ибрагим и Эль попали в плен. Продержав их у себя около года, бий передал мирз русскому послу М.Колупаеву, отбывавшему на родину. 24 октября 1564 г. посольство с обоими ногаями прибыло в Москву (НКС, д. 5, л. 127; Патриаршая 1906, с. 371).

Встречу им устроили такую же, как и Юнусу пять лет назад. «Царь... и великий князь пожаловал их свыше иных мурз, потому что они собою дородны и к ратному делу досужи» (НКС, д. 6, л. 202–204; Патриаршая 1906, с. 371). Кажется, Иван IV решил превратить Ибрагима в «резервного» бия, как когда-то Юнуса. Во всяком случае, в наказе послу в Турцию в декабре 1569 г. среди татарских служилых владетелей назван «нагаиской Ибреим *князь*... И за нагаиским Ибреимом *князем*, Юсоповым княжим сыном, и за нагаискими мурзами город Романов» (ТД, д. 2, л. 23)[14].

К началу 1560-х годов Исмаил избавился от главных противников и смог заняться налаживанием жизни в разоренной державе. Хотя в Москве узнали о приходе его к власти вскоре после убийства Юсуфа (в начале 1555 г.), но сам Исмаил мог считать себя полноценным правителем Ногайской Орды только после соответствующего вердикта съезда знати. Такое собрание состоялось в августе или сентябре того же, 1555 г., и лишь после него новый бий с облегчением отписал Ивану IV: «А с племянники и з детми есми уговорился: племянником

---

[13] Малой Ногайской Ордой, Малыми Ногаями, Казыевым улусом стали называть основанное мирзой Гази б. Ураком объединение ногаев, сформировавшееся в Приазовье и на Северо-Западном Кавказе во второй половине XVI в.

[14] Опускаю тему ногайских владений (пожалований) в Московском царстве. О времени и обстоятельствах появления ногайского Романовского удела, а также о дальнейшей судьбе потомства Юсуфа (князей Юсуповых) в России XVI–XVII вв. см.: Гурлянд 1906; Демкин 1986; Теляковский 1991; Трепавлов 1997в.

и детем моим из моево слова не выступить... ***Дотоля есми мирза был, а ныне князем учинился есми***» (НКС, д. 4, л. 303 об.–304). Естественно, имелись в виду только лояльные племянники — в тот момент три сына Шейх-Мамая и Арслан б. Хаджи-Мухаммед, так как потомство Юсуфа, Шейх-Мухаммеда и Хасана почти в полном составе сразу перешло в жесткую оппозицию к Исмаилу.

В самом начале его правления вновь промелькнула фигура таинственного «царя»-хана, подобная той, что вскользь упоминалась в эпоху Юсуфа. «Как меня смотришь, так бы еси Ибишея царя смотрил», — обращался Исмаил к московскому государю в начале 1555 г. (НКС, д. 4, л. 262). Кто это такой, неизвестно, и нигде больше Ибишей не упоминается. Видимо, он представлял собой сугубо декоративную персону подставного монарха, от имени которого осуществлялись административные полномочия очередного ногайского бия[15].

Эти полномочия сводились во внутриордынских делах главным образом к налаживанию отношений с множеством мирз, взбудораженных Смутой. Те из них, что решили в конце концов подчиниться Исмаилу, вели себя уже не так покорно и дружелюбно, как при предыдущих властителях. Мы приводили высказывания о надеждах ногаев на «вокняжение» Юнуса б. Юсуфа, а ведь эти стремления имели место как раз на землях, подконтрольных Исмаилу. Последний характеризуется земляками как человек «не юртной», который «с людми не сможет», которого даже «дети... не слушают». К 1560-м годам под его началом оставалось неизмеримо меньше подданных, «улусных людей», чем прежде у Юсуфа или Шейх-Мамая. Кроме членов собственной семьи и ее личных улусов Исмаил распоряжался некоторыми Кошумовичами и Кутумовичами (см.: НКС, д. 5, л. 123 об.–126). Да и тех удерживала за Волгой скорее не привязанность к бию, а необходимость жить и кочевать на родине, невозможность обрести свободные, безопасные пастбища на Крымской стороне или у казахов. Кроме того, как верно отметил Х.Ховорс, способность время от времени выпрашивать у московского царя деньги, продовольственный «запас» и стрелецкие отряды обеспечивала Исмаилу определенный вес среди малоуправляемых мангытских аристократов (Howorth 1965b, p. 1038).

В таких условиях высшие посты нурадина, кековата и наместника Башкирии он мог доверить только ближайшим лицам или вновь привлеченным сторонникам. В конце 1550-х годов нурадином стал первенец Исмаила, Мухаммед; управлять башкирами был назначен Динбай б. Исмаил, вернувшийся после неудачной попытки отъезда в Крым. Должность военачальника левого крыла, кековата, бий в качестве жеста доброй воли предоставил Баю б. Шейх-Мамаю (НКС, д. 5, л. 126 об., 130 об.; Трепавлов 1997в, с. 9, 24, 25). Правой рукой Исмаила естест-

[15] Выбор марионеточного династа был вызван, очевидно, охлаждением отношений ногаев с прежним формальным их государем — казахским Хакк-Назаром (см. ниже).

венным образом стал его старший сын. Бий явно готовил его в преемники и просил Ивана IV чтить сына так же, как и его самого, а «не будет меня, и ты б сына моего Магметя как меня ж зрил» (НКС, д. 5, л. 43, 130 об., 131, 193). Новый нурадин проявил себя довольно активным деятелем. Он ездил шертовать в Астрахань, просил у царя уступить ногаям Казань или хотя бы дозволить им жить там (на случай, если придется бежать от вражеских мирз-«казаков») (НКС, д. 4, л. 362 об., 363). Но в 1562 г. он умер.

Мухаммед был единственным нурадином в правом крыле, без напарника. Можно полагать, что в целях укрепления внутренней стабильности и ограничения сепаратизма мирз Исмаил решил поставить над западными кочевьями одного наместника, причем сына, что являлось гарантией его преданности бию. К тому же ногайский предводитель счел уместным торжественно обставить акт введения нового нурадина в должность в присутствии царского посланника, дабы подчеркнуть значимость события. Однако просто отбросить волевым решением привычный порядок, по которому на западе Орды должны править двое мирз, Исмаил не мог. Поэтому такое нововведение расценивалось тогда, вероятно, как временное. После смерти Мухаммеда Исмаил передал правое крыло («нурадынством пожаловал») другому своему сыну, Дин-Ахмеду, а через год был вынужден восстановить двойное управление в Поволжье. В то время отпрыски Хаджи-Мухаммеда подумывали о возвращении с Крымской стороны домой, за Волгу, и один из них, Дин-Али, был провозглашен главным нурадином. Его соратником по правому крылу стал Урус б. Исмаил. Дин-Ахмед пока оказался не у дел (Трепавлов 1993б, с. 52).

Бий со своими улусами кочевал между Яиком (зимуя на его западной стороне) и Волгой. Маршруты своих передвижений он объяснял тем, что опасается бегства подданных на Крымскую сторону по зимнему волжскому льду. Впрочем, в его глазах берега и Волги, и Яика одинаково годились для проживания, так как обе реки являлись юртами предков Исмаила (см.: НКС, д. 5, л. 99 об., 120, 129, 129 об.). Благодаря различным ухищрениям и изворотливости ему удавалось понемногу увеличивать численность «улусных людей»; многие мирзы, устав от Смуты, потянулись в Волго-Яицкое междуречье. Вскоре бий мог с достаточным основанием заявлять, что мирзы и рядовые кочевники, «которых ещо отец мои собрал, правыя и левыя стороны, около... меня, вблизе моево двора ставятца» (НКС, д. 4, л. 376 об.).

В последние годы правления и жизни Исмаил был одержим идеей учредить новую столицу. После всех коллизий Смуты ему хотелось обрести дополнительное укрытие, помимо Сарайчука. Для обороны, закрепления побед и контроля над степями требовалось возвести новую крепость. Но ногаи «не имели ворот», как выражались они сами (Кочекаев 1988, с. 91). Другими словами, у них не было ни городов,

за единственным исключением, ни — главное — специалистов по их сооружению.

Впервые этот замысел прозвучал, видимо, на съезде мирз в августе–сентябре 1557 г., вслед за последним изгнанием Юнуса: «Приговорили есмя на усть Волги город поставити», и для этого города просили на Руси «запасу», денег, судов, триста пищальников, восемь пушек, а также строительные материалы и строителей («мастеров и лесу сосновово хоромы ставити»); для заселения города предлагалось передать в руки Исмаила весь полон, захваченный русскими после занятия Астрахани в 1556 г. («нам то будет подспорье Юрта строити», потому что «наши люди городовово дела не знают»). Крепость намеревались заложить в местности Кунгулуй, или Урунгуль, на протоке Бузан, в полудне пути на восток от Астрахани (НКС, д. 5, л. 48, 78–80, 84 об., 434, 448).

Царь отнесся к данной затее с недоумением и ничего не дал для строительства, хотя, правда, пообещал прислать полсотни стрельцов в новый город, если ногаи умудрятся-таки его соорудить (НКС, д. 5, л. 96 об.).

Не дождавшись помощи, Исмаил распорядился начинать работы самостоятельно. Под руководством некоего человека, привезенного из Сарайчука, ногаи принялись, как умели, возводить простейшие укрепления по периметру будущего поселения — «плести... два плетеня, да межи того земля сыпать» (НКС, д. 5, л. 84 об.). Очевидно, сооружалась так называемая городня, широко распространенная в средние века, в том числе и на Руси. Однако вскоре выяснилось, что градостроительство — дорогостоящее занятие и бию не по карману. «Городским людем денег надобе много, — делился он открытием с Иваном IV, — и ты б денег много прислал». А чтобы смягчить впечатление от огромной суммы запрашиваемых средств, добавлял дипломатичную, как ему казалось, фразу: «А которои город мы поставим, то твои же город. И тебе в свои город денег не прислать ли?!» (НКС, д. 5, л. 93 об.–94).

Адресат не поддался на столь нехитрый маневр и совершенно не был расположен во время войны в Прибалтике тратить огромные средства на обустройство крепости в далекой, чужой, голой степи. Царь предлагал Исмаилу, если уж так тяжело жить в кочевых стойбищах, поселиться в Астрахани. «И тебе инои город на што? — взывал он к рассудительности бия. — Астрахань... што твои же город, да ещо и лутчи: что тебе надобе, и государевы воеводы все тебе дают» (НКС, д. 5, л. 108 об.–109). Так Исмаил и не смог поставить новую столицу. Засыпанные землей плетни бросили недостроенными.

Но ему уже стало не до городского строительства. Требовали внимания как интриги «казаков» и Гази б. Урака, так и устроение возвращающихся на родину ногаев. Когда кончились засуха и мор, эли потя-

нулись обратно за Волгу (см.: НКС, д. 5, л. 166, 170). Их требовалось разместить, наметить им пути кочевания, оделить подарками их предводителей — мангытских мирз и племенных беков. Ежегодного двухсотрублевого царского жалованья уже не хватало для раздачи. Исмаил просил увеличить сумму до трехсот рублей и присылать побольше шуб: все это раздается племянникам, «и мне самому не останетца» (НКС, д. 5, л. 191 об.). В 1563 г. в связи с наплывом подданных последовало прошение поднять «годовое» уже до пятисот рублей (НКС, д. 5, л. 217 об.).

Постепенно Исмаил стал пользоваться все большей поддержкой знати. Это заметно по составу его посольств. С 1558 и до конца 1560 г. они состояли из представителей самого бия и его сыновей; с весны 1561 г. к ним присоединяются люди Хайдара б. Хасан-бия (см.: НКС, д. 5, л. 214 об.). Исмаил очень ценил переход на его сторону клана Хасана б. Ваккаса. Его старейшине Хайдару он даровал пост даруги (наместника) Сарайчука, где стали кормиться и пятеро Хайдаровых братьев (см.: НКС, д. 5, л. 192 об.; д. 6, л. 60, 215). На протяжении 1561–1562 гг. в Ногайской Орде вновь размещались многолюдные улусы нескольких влиятельных мирз. «Асановы княжие дети да Мамаи мирзины дети, и Кошум мирзины дети, и Агышовы княжие дети — все у меня», — хвастался Исмаил (НКС, д. 5, л. 216 об.). Шестерых Кошумовичей возглавлял Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед, которому срочно была предоставлена должность старшего нурадина. Прибыл за Волгу, покончив с «казачеством», и Тохтар-Али б. Кутум со своей воинственной родней.

Даже некоторые Юсуфовичи решились повиниться перед дядей, и в августе 1562 г. тот сообщил, что при нем проживают Ак и Махмуд, сыновья Юсуфа. Их старшие братья постепенно лишались соратников и разъезжались — кто в Россию, кто к Гази б. Ураку. Последнее нападение их на владения Исмаила произошло, вероятно, в августе того же, 1562 г. и было успешно отбито мирзой Дин-Ахмедом, новым «престолонаследником» после смерти Мухаммеда б. Исмаила (Жирмунский 1974, с. 478; НКС, д. 6, л. 50 об., 61 об.).

Что касается внешнеполитической обстановки, то к концу жизни Исмаил оказался в полном одиночестве. Единственным союзником его оставался царь московский. Тем острее бий воспринимал признаки невнимания или охлаждения к нему Ивана IV. Он неоднократно напоминал о жертвах, на которые вынужден был пойти во имя союза с Россией: «Ото всех людеи тебя для есми отстал. Изначалные наших четырех царев дети и нашего отечества (т.е. Мусы. — *В.Т.*) дети, братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не отстал»; «От племянников и от детеи своих отстал есми, потому что была мне рота и правда с тобою»; «Отец и брат мне был стареишеи Юсуф князь, и от тово (т.е. от Юсуфа. — *В.Т.*) тебя для отстал есми, и от племени

есми отстал тебя же для, и от сынов своих отстал тебя ж для. А молвили мне: ты деи будешь русин! — да потому от меня отстали. Учинил еси меня в укоре недругом моим» (НКС, д. 5, л. 89 об.–90, 91 об., 128 об.).

В последней цитате содержится ясное указание на причину изоляции Исмаила. Это его пророссийская ориентация и политика. Оказывается, в моменты перепалок родственники обвиняли его в превращении в неверного, «русина». Интересно, что сын и преемник Исмаила бий Дин-Ахмед в 1566 г. сообщал крымскому хану (через посла), будто «Исмаил был в дружбе с московским государем и хотел... на себя крест положити» (КК, д. 12, л. 343 об.). Если Исмаил когда-нибудь и задумывался о переходе в православие, то наверняка лишь в моменты депрессии, во времена великого голода или поражений от Юсуфовичей. Вся обширная ногайско-русская переписка 1550-х — начала 1560-х годов не содержит ни единого намека на подобные его намерения.

Репутация московского союзника и чуть ли не приспешника, коварного братоубийцы и гонителя племянников иногда сопутствует образу Исмаила в историографии и абсолютно господствует в тюркском фольклоре[16]. В сказаниях ногайцев, поволжских татар, астраханских юртовцев он предстает как воплощение злобы и лицемерия, предатель великой славы и могущества ногаев, как главный виновник распада их державы (см., например: Ананьев 1900, с. 24, 27; Ананьев 1909а, с. 13; Ахметзянов М. 1991а, с. 84; Головинский 1878, с. 314; Небольсин 1852, с. 55; Сикалиев 1994, с. 166). Эмоциональная оценка столь же понятна, сколь и незаслуженна. Мне гораздо более импонирует характеристика, данная этому историческому деятелю В.М.Жирмунским: «Исмаил был... дальновидным и расчетливым политиком... сумел захватить власть и ценой кровавых междоусобиц удержать ее за собой и за своими потомками, ориентируясь на союз с Москвой» (Жирмунский 1974, с. 450–451).

Скончался престарелый Исмаил приблизительно в сентябре 1563 г. 26 октября в Москву прибыл его посол Кельдераз, а 22 декабря к нему присоединились посланцы нового бия, Дин-Ахмеда, привезшие известие о смене власти. Опечаленный Кельдераз сообщил, что когда он покидал Ногайскую Орду, прежний правитель был еще жив (НКС, д. 6, л. 205 об., 206, 232).

В начале 1560-х годов Исмаилу удалось преодолеть всеобщий кризис. Понемногу восстанавливались пути кочеваний, вновь двинулись через Сарайчук торговые караваны, установленная в 1530-х годах

[16] Например: «Убийца родного брата и победитель племянников... московский маклер по ликвидации Астраханского ханства», «местный маклер [Ивана IV] из ногайских князей» (Фирсов 1919, с. 104). Характеристику фольклорного образа Исмаила см.: Жирмунский 1974, с. 410, 493; Сикалиев 1994, с. 72.

система администрации пошатнулась, но уцелела; и главное — рассеянные во время Смуты ногаи возвращались на прежние места, и привычный образ жизни восстанавливался. Стало казаться, что катастрофа осталась в прошлом, и кочевая держава готова вернуть себе положение гегемона Дешт-и Кипчака. «Были нагаи полны и мирны при отце моем здоровье», — вспоминал об этом времени Динбай б. Исмаил (НКС, д. 7, л. 61). До европейских наблюдателей тоже доносились слухи об укреплении Ногайской Орды при Исмаиле, который «приобрел большое состояние». Сначала все шло удачно, а настоящее разорение ногаев началось, дескать, только после его смерти (Таубе, Крузе 1922, с. 58). Напомним, что примерно так же оценивал состояние степных соседей и Иван IV, когда указывал, что «Нагаиская Орда оправилася и исполнена стала всем» (правда, приписывая это лишь своей помощи).

Астраханские дела. Новый астраханский хан, Дервиш-Али, посаженный царскими воеводами, первое время честно пытался соблюдать лояльность к старшим государям — Ивану IV и Исмаилу. Последнему он доводился племянником по матери, а с недавних пор еще и зятем, мужем дочери (Жирмунский 1974, с. 463; НКС, д. 4, л. 257 об., 258). В переписке с царем бий высказывал полное удовлетворение и предлагал дальнейшее сотрудничество по укреплению власти Дервиш-Али и русско-ногайского союза. В частности, до Ивана Васильевича доводилась мысль о необходимости охраны астраханцами волжских переправ, «чтобы воденым путем не пришли к Астрахани» враги, а сам Исмаил обязался «полем рати не пустити» (НКС, д. 4, л. 248). Рать ожидалась и со стороны Крыма, и от свергнутого Ямгурчи-хана.

Однако союзнические настроения у русского и ногайского ставленника Дервиш-Али вскоре поутихли. Недолго пожив под унизительным присмотром царских посланцев и под постоянной угрозой крымского вторжения, он решил сменить патрона и демонстративно стал налаживать связи с Бахчисараем. Тем более что к этому его подталкивала коалиционная политика Девлет-Гирея. В противовес Исмаилу Дервиш-Али задумал поддержать «казачествующих» сирот бия Юсуфа, которые к тому времени уже успели убедить Девлет-Гирея предоставить им помощь против убийцы их отца. При крымском дворе находился и Ямгурчи. Хан однажды уже направлял своих пищальников в составе совместного войска Юсуфовичей и Ямгурчи на свержение Дервиш-Али и изгнание русских из Астрахани (НКС, д. 4, л. 271). Хотя они и были отбиты от города, Дервиш-Али решил более не озлоблять многочисленных и агрессивных крымцев.

Из Бахчисарая он пригласил к себе в наследники-калги царевича Хаспулад-Гирея, а Юсуфовичам обещал помогать против Исмаила.

Обрадованные «казаки» прогнали от себя Ямгурчи[17], с астраханским же правителем заключили шертное соглашение о союзе против бия. Дервиш-Али помог им переправиться через Волгу с Крымской стороны на Ногайскую (Книга 1850, с. 92; Лебедевская 1965, с. 242; Летописец 1895, с. 46; НКС, д. 4, л. 250 об., 316, 352, 355). Соответственно у него произошел полный разрыв с П.Тургеневым, который пытался отговорить своего подопечного от рискованной политической переориентации. По одним сведениям, Тургенев сам выехал из Астрахани, превращавшейся во враждебное России государство, по другим — был изгнан Дервиш-Али (НКС, д. 4, л. 250 об., 251, 295). В любом случае астраханский хан был поставлен волею обстоятельств в положение противника Москвы. Он избежал войны с Крымом, но подвергся новому нашествию с севера.

Пропустив Юсуфовичей на левый берег Волги, он дал им возможность начать новый виток борьбы за власть у ногаев. Именно в то время ими был убит глава Шихмамаевичей Касим, и этот клан стал злейшим врагом изменнику-астраханцу. Против него был настроен и нурадин Арслан, правитель ногайских поволжских кочевий (см.: НКС, д. 4, л. 263, 306 об., 307).

Между Посольским приказом и ставками высших мирз засновали гонцы. Кочевники и Москва разрабатывали очередной план усмирения Астраханского ханства. Правда, опыт сотрудничества с ногаями во время предыдущего занятия Астрахани (1554 г.) не позволял Ивану IV рассчитывать на активную помощь из степи; к тому же Исмаил по вине Дервиш-Али вынужден был теперь сражаться с прорвавшимися за Волгу племянниками. Поэтому на сей раз от бия требовались не войска, а всего пять-шесть лазутчиков, которые осели бы в городе после предстоящего занятия его воеводами и сообщали бию обо всех тамошних делах. Кроме того, в случае поражения в династических схватках Исмаилу предлагалось не искать себе иного убежища, кроме Астрахани. Воеводам же будет дан приказ «в Астарахани всем покоити» бия и «промышляти заодин» против его недругов. Если Астрахань царю взять не удастся, то для поселения главы Ногайской Орды предназначалась Казань (НКС, д. 4, л. 316, 318 об., 319, 366 об., 367).

Исмаил, со своей стороны, настаивал на радикальном решении астраханского вопроса. Он призывал направить в волжские низовья большое войско и уничтожить город со всем населением («одново б дыму не оставил еси»). А коли Иван Васильевич решит, будто после

[17] Неудачный ногайско-крымский приступ к Астрахани состоялся осенью 1554 г. После этого Ямгурчи исчез из виду, и лишь почти через год появились известия о его гибели. Российское дипломатическое ведомство хвастливо приписало себе инициативу убийства хана (см.: ПДПЛ, т. 2, с. 479). Однако посольские донесения в Москву гласят, что «Ямгурчея царя Гази мирза убил» (НКС, д. 4, л. 295), и, следовательно, московские интриги здесь скорее всего ни при чем: в то время Гази б. Урак не имел никаких контактов с русскими властями.

этого «бес царя (хана. — *В.Т.*) и бес татар быти нелзе», то пусть посадит на трон служилого царевича Кайбулу, сына одного из астраханских ханов, Ак-Кобека; «а похочешь татар — ино татар мы добудем» (НКС, д. 4, л. 352, 352 об., 361 об., 362) (т.е., видимо, планировал заселить завоеванный Юрт ногаями).

Мы не станем излагать подробности окончательного подчинения Астраханского ханства, многократно описанные в литературе. 25 сентября 1556 г. русская армия без единого выстрела и каких-либо препятствий заняла его опустевшую столицу. Хан и жители бежали, спасаясь от вражеского наступления[18]. Место династии Чингисидов заняли царские воеводы Иван Черемисинов и Михаил Колупаев.

Ордынский Хаджи-Тархан стоял на западном берегу Волги и после присоединения к России подвергался опасности крымского нападения. В 1558 г. началось возведение новой Астрахани на противоположной стороне, на которой обитали дружественные ногаи (Штылько 1898, с. 3). Возвращение прежнего тюркского населения, оставившего город в сентябре 1556 г., стало теперь еще более проблематичным. Часть беженцев полонили донцы и ногаи[19], часть удалилась во владения Гиреев и Гази б. Урака, и лишь некоторые вернулись назад. В целом повторного заселения Астрахани на новом месте не произошло. Возможно, в истории ее тюркского населения возникла пауза («интерстадиал», по В.М.Викторину), которая была прервана в первой трети XVII в. массовой миграцией на нижнюю Волгу жителей распадавшейся ногайской державы (см.: Викторин 1991а, с. 48, 49).

Итак, Исмаил опять ничем не проявил себя во время захвата ханства. Означало ли это незаинтересованность мангытской знати в судьбе Астраханского юрта и его вакантного престола, как иногда утверждается в исследованиях?[20] Ничего подобного! Наоборот, претензии и притязания, в частности бия Исмаила, были настолько велики, как

---

[18] Во время перемирия Исмаила с Юсуфовичами летом 1556 г. последние решили загладить свою вину перед Москвой — участие в крымском походе на Астрахань осенью 1554 г. и опора на ренегата Дервиш-Али. Бежавший астраханский хан был разгромлен ими. Пушки, присланные ему Девлет-Гиреем, мирзы отобрали и привезли воеводам в Астрахань. А «Дербыш побежал в Азов, а оттоле к Меки» (Книга 1850, с. 105, 106).

[19] В наказе Мокею Лачинову, направлявшемуся к Али б. Юсуфу в феврале 1557 г., содержится просьба Ивана IV освободить астраханских «черных людей», что попали в руки Юсуфовичей при разгроме ими Дервиш-Али, и отпустить их обратно в Астрахань (если они того пожелают) (НКС, д. 5, л. 4 об.). Осенью 1557 г. Исмаил просил царя выдать ему весь астраханский полон, который отобьет у донских казаков русская рать. Бий рассчитывал, что приток новых подданных станет ему подспорьем, чтобы «Юрта строити» (НКС, д. 5, л. 44).

[20] См., например, у С.Х.Алишева: «Престол пустовал, и никто не требовал, чтобы кого-то посадить ханом в Астрахани. Кочевым ногайцам город был не нужен. Они просили только позволять им кочевать под Астраханью, ловить рыбу и приходить на торг» (Алишев 1995б, с. 156).

будто это он обеспечил присоединение Нижнего Поволжья к России. Десятилетия спустя его потомки именно так и думали: «Прадед наш Исмаил князь вместе с государевыми людми Астарахань взял» (НКС, 1635 г., д. 4, л. 55), не имея для этого никаких оснований. Царь Иван вынужден был терпеливо разбирать бесконечные обращения бия. Шло выяснение отношений по следующим вопросам: участие ногаев в управлении Юртом; взимание в их пользу определенных платежей; судьба астраханских тумаков; строительство нового ногайского города.

Из послания бия от 9 сентября 1558 г. явствует, что перед решающим походом русских на Астрахань в 1556 г. между ним и царем существовала договоренность о разделе собственности и власти: «Взяв Астарахань, животы (т.е. имущество. — *В.Т.*) было имати тебе себе, — пишет Исмаил Ивану, — а голову (т.е. главенство. — *В.Т.*) отдати было тебе мне» (НКС, д. 5, л. 90). Но Иван IV забрал все управление покоренным «царством» в свои руки. Впрочем, в сохранившихся документах, написанных накануне похода, нет данных о подобных условиях и соглашениях. Да и годом раньше Исмаил предлагал на место астраханского хана не себя, а служилого царевича Тохтамыша б. Шейх-Аулиара, который, дескать, был бы любезен местным жителям и полезен для борьбы с Крымом. Царь и на этот раз оставил идею о вассальном монархе без внимания (Вельяминов-Зернов 1863, с. 427). Столь же безуспешно пытался добиться от него «Темир Кутлуева царева» престола Али б. Юсуф в 1557 г. (НКС, д. 5, л. 8). Но проекты возведения ханов были единичными. Гораздо более настойчиво бий обсуждал финансовые вопросы.

Уже цитировались его высказывания о причитающихся ему выплатах, которые шли в пользу ногаев в прежние времена, «в Астарахани коли царь был и царевичи». Исмаил называл то точную сумму (сорок тысяч алтын), то две трети тамги (торговой пошлины) (НКС, д. 5, л. 23, 44, 48, 48 об., 90, 198). «И яз жидал астарахансково взятия, — делился он чаяниями с Иваном IV, — тово для: яз был надеялся всю Астарахань себе. И ныне изо всее тамги не дал ничево» (НКС, д. 5, л. 48 об.). В то, что намерен поживиться доходами, он посвятил воеводу И.Черемисинова, но получил отпор. «Не дам тебе ни пула без государева ведома! — жестко отрезал тот. — Пошли... о том ко государю» (НКС, д. 5, л. 23). Государь же сперва недоумевал («А что будто мы тебе хотели Азторохань дати, и то в слове не бывало; также и о тамге слово не бывало» — НКС, д. 6, л. 111 об.), а затем принимался объяснять, почему удовлетворение запросов Исмаила невозможно. Во-первых, торговля в завоеванных областях пока не развернулась — «в Асторохани ещо тамги мало, торг не бывал...». Во-вторых, все те скудные сборы, что удается получить, тратятся на жалованье служилым людям, и после этого не остается и десятой части доходов, а не то

что одной или двух третей. В общем, «и ныне тебе тамги давати нечего. А нечто вперед учнет у людского жалованья тамги оставатися, — пробовали подсластить отказ царские посланцы, — и государь тогда тебе велит давати что ся учнет оставати» (НКС, д. 5, л. 64 об., 108, 108 об.; д. 6, л. 26).

Так же тверды были правительство и воеводы в вопросе о территориях. Исмаил пытался убедить их, будто отдельные местности и острова волжской дельты являлись местом кочевания его предков, проживавших некогда в астраханских пределах; кроме того, он просил передать в его владение оба берега волжской протоки Бузан, подчеркивая при этом минимальность своих пожеланий («не токмо что Бузан — яз надеялся тово, что ты мне дашь все устья волжьские»). Русские требовали доказательств, а их не было. Из Москвы веско отвечали: «Про те есмя места сыскати (сведений. — *В.Т.*) не могли. И то есмя не слыхали, чтоб нагаиские мурзы были в Азторохани»; «А о Бузане есмя сыскивали, ино сказывают: изстари по Бузану был рубеж астороханскои при прежних царех... И ты б с своеи (т.е. восточной. — *В.Т.*) стороны по Бузану людем своим велел кочевати, а за Бузан бы не перелазили»; «Бузан изстари астороханских людеи пашни... и Исмаил бы в Бузан не вступался» (НКС, д. 5, л. 48 об.; д. 6, л. 45, 45 об., 49–50, 56 об., 57, 80 об.–81 об., 111 об., 112, 115, 133 об.).

Несколько большую сговорчивость Москва проявила в вопросе о тумаках — оседлых переселенцах из Ногайской Орды (подробнее о них см. очерк 3). Видимо, в годы Смуты и великого голода их скопилось в Астраханском юрте значительное количество. И вот теперь бий предлагал передать ему все права на управление тумаками, а для удобства поселить их в одном месте — на Бузане. Царь не возражал против ногайского подданства этой категории оседлых (мы-де их не держим — «люди они волные»), но противился их размещению на Бузане из-за опасения постоянных ссор их с местным населением: ведь «Бузан у астараханских людеи — весь корм». Иван Васильевич рекомендовал Исмаилу расселить подданных по Яику, в глубине ногайских владений. Очевидно, тот внял совету, так как в 1562 г. сообщал о своих тумаках, которые «живут по Яику... и приходят на Волгу холстов покупать» (НКС, д. 5, л. 220 об.; д. 6, л. 12 об., 13, 26 об., 35–36, 56 об.).

Ко всем эти проблемам добавлялась мечта Исмаила о собственном городе, о чем уже рассказывалось, — городе в окрестностях Астрахани — и взимании всех доходов от него в бийскую казну (вместо астраханской тамги). Русская сторона постоянно взывала к рассудительности знатного собеседника и пыталась его отговорить: «У города другои город как ставити?»; «А города блиско Асторохани ставить непригож» и т.п. (НКС, д. 5, л. 64 об., 65; д. 6, л. 26, 26 об.).

Как видим, почти все домогательства главы ногаев получить доступ к управлению или финансам бывшего Астраханского ханства закончились неудачей. Следует, наверное, согласиться с мнением Е.Н.Кушевой: неуступчивость московских инстанций объясняется шатким положением Исмаила в Ногайской Орде (Кушева 1950, с. 246; Кушева 1963, с. 193). Хотя формально он и остался победителем, сохранив высший пост, все-таки врагов среди сородичей у него оказалось больше, чем у любого его предшественника-бия.

Главной же головой болью ногайских лидеров с 1556 г. стали отношения с астраханскими властями. При учреждении воеводского управления нижневолжским наместникам предписывалось жить с кочевыми соседями в дружбе, и «торг бы добр давали ногаям» (НКС, д. 5, л. V). При междоусобных конфликтах на востоке следовало отряжать в помощь Исмаилу стрельцов, а в случае его поражения предоставлять ему приют в городе (НКС, д. 5, л. 39, 39 об., 51, 52). Уверенные в этих гарантиях, ногаи сначала доверчиво «и кочевали, и зимовали... под Астраханью, торговали и зимовали во всю зиму в Астрахани поволно и полюбовно» (Книга 1850, с. 109). Но вскоре начались неурядицы. Воевода И.Черемисинов начал грабить и захватывать в плен тех кочевников, которые пытались перебраться на Крымскую сторону через подведомственную ему переправу. Исмаил изображал это в своих грамотах как разбой.

Однако невозможно представить, чтобы царский наместник, даже оказавшись на огромном расстоянии от столицы, рискнул пойти на конфликт с ослабленной, но еще могущественной Ногайской Ордой ради наживы. Полагаю, основная цель его действий сводилась к заселению пустого города и его окрестностей, увеличению количества податных людей. Ведь и Исмаил в одном из писем сетовал, что воевода переманивает к себе «наших людеи татар, а оманывает их: яз деи вас стану кормити». Позже от описания «бесчинств» Черемисинова бий перешел к просьбам о его замене (НКС, д. 5, л. 33, 47, 51 об., 48 об.).

Иван Черемисинов был заменен Иваном Выродковым. Но у нового воеводы отношения с ногаями складывались еще драматичнее. В отличие от своего предшественника он позволял переселенцам из Орды переправляться на правобережье. Многие оседали в Астрахани, и воевода отказывался высылать их обратно в степи. Те ногаи, что селились в пределах действия его власти, начинали платить ясак хлебом и рыбой, естественно, в городскую казну, а не в ставку бия. Все это удвоило возмущение Исмаила. Он просил царя выговорить наместнику «с лаею» и перестать действовать против его, Исмаила, выгоды (НКС, д. 5, л. 67, 68, 132 об., 133). Среди прочих в Астрахани обосновались некоторые сыновья Юсуфа, что тоже выводило бия из себя. Но наиболее вопиющими ему казались грабительские вылазки астрахан-

ских стрельцов в ногайские кочевья. Эти вояки доходили вплоть до Эмбы, «повоевали окрестности Сарайчука» (НКС, д. 5, л. 166 об., 167, 186 об., 187, 192).

Подобные инциденты осложняли и без того непростое положение Исмаила среди мангытской аристократии. «И от которых от своего рода отстал есми тебя для — и яз тем учинился в просмех, и все они мне смеютца, видя воину Ивана Выродкова» (НКС, д. 5, л. 189 об.). Не выдержав нападений русских и нападок ногаев, бий уже начал подумывать о союзе с Бахчисараем. И хотя Выродков не пропустил его посольство к Девлет-Гирею (НКС, д. 5, л. 200 об., 201), в Москве поняли, что на нижней Волге зреет тяжелый конфликт, и в очередной раз постановили сменить наместника в Астрахани. Летом 1561 г. на воеводу была наложена опала, и его, арестованного, увезли ко двору. Астраханские дела возложили на Игнатия Заболоцкого и Григория Злобина (НКС, д. 5, л. 175 об., 203 об., 204, 207 об., 210, 210 об.). Через несколько месяцев Ивану IV была доставлена грамота Исмаила, в которой он обвинял новых воевод в организации угона горожанами ногайских лошадей (см.: НКС, д. 6, л. 8). Таким образом, отношения между Ногайской Ордой и русской администрацией новоприсоединенного «царства» почти сразу были отмечены спорами и скандалами.

Крымские дела. Владыка Тавриды не принял заметного участия во второй ногайской Смуте[21]. В основном его роль выражалась в предоставлении кочевий для жителей Ногайской Орды, бежавших от голода и усобиц. Хан был рад пополнению из рядовых степняков, «улусных людей», но очень ревниво и избирательно относился к мирзам[22]. Некоторых он грабил и изгонял из своего Юрта. В целом же Девлет-Гирей и Исмаил смотрели друг на друга как на противников. Ногаи расценивались в Крыму как «давние неприятели» (Книга 1843, с. 202), а их бий в каждой своей шерти царю клялся или воевать с ханом, или хотя бы «быти не в миру» и поддерживать любые антикрымские акции Москвы (НГ, д. 14, л. 1; д. 16, л. 1; РС, д. 591, л. 783).

В то время как Девлет-Гирей предоставлял пушки Юсуфовичам и Ямгурчи, направляя мирз на Астрахань, Исмаил тоже не оставался

---

[21] Еще менее активным оказалось вмешательство Порты, которое ограничилось неоднократными (если верить Исмаилу) призывами султана к солидарности с Девлет-Гиреем (НКС, д. 5, л. 85).

[22] Сыновей Исмаила, Динбая и Кутлугбая, потомков Саид-Ахмед-бия, девятерых «Уразлыевых детей» хан принял сначала доброжелательно. Из крымцев и пришлых ногаев в 1559 г. была сформирована стотысячная армия для похода на Русь. Однако, разведав сильную оборону на границах и готовность царя и воевод отразить нашествие, Девлет-Гирей раздумал воевать. Мирзы были выдворены за пределы Крымского юрта и сочли за лучшее, вернувшись на родину, подчиниться Исмаилу (Книга 1850, с. 137, 143, 144; Летописец 1895, с. 79; НКС, д. 5, л. 22 об., 32 об.; Патриаршая 1904, с. 286, 314, 315).

в долгу. Ногайская Орда при нем продолжала принимать татарскую оппозицию, недовольную режимом в Крыму. В разное время за Волгу бежали ширинский мирза Мамашай б. Агиш, царевич Тохтамыш б. Шейх-Аулиар, замышлявший убийство хана, и др. (Книга 1850, с. 105; Сыроечковский 1940, с. 48). Бий полагал, что против Девлет-Гирея настроены многие аристократы, и писал Ивану IV, что если тот выдаст ногаям казанского Утемиш-Гирея (Александра Сафакиреевича), то они нападут на Крым «и крымские карачеи и князи к нам передадутца, чаем» и посадят в Бахчисарае Утемиша (НКС, д. 4, л. 375).

В конце 1550-х годов активизировались военные действия России против Крыма. В степь на татар не раз выступали отряды князя Д.И.Вишневецкого (Соловьев 1989а, с. 478–481). Кремль понемногу разворачивал экспансию на юг и пытался привлечь в помощники ногайского бия[23]. Включиться в эту кампанию тот смог, лишь утвердившись у власти, только с конца 1550-х годов.

Уже в 1559 г. он послал на Крым своего сына Динбая и племянника Белек-Пулада. Они успешно воевали с татарами, разбили во встречном бою калгу Мухаммед-Гирея и увели за Волгу многочисленные ногайские эли, некогда бежавшие от Смуты (Книга 1850, с. 148; Летописец 1895, с. 134, 137; Патриаршая 1904, с. 322, 324, 326). Вскоре после этого, зимой 1559/60 г., совершили набег «Уразлыевы дети», но мало преуспели: крымцы заперлись за Перекопом, а кочевья крымских ногаев оказались в ту пору «все забиты за Днепр, на Литовскую сторону (Днепра. — *В.Т.*)» (Летописец 1895, с. 137, 138; Патриаршая 1904, с. 326). Оба похода прошли на удивление бескровно для ногаев. С Крымской стороны Волги безнаказанно пригоняли огромные трофейные табуны и полон. Аппетит у Исмаила разыгрался, он стал выказывать намерение «и зиме, и лете на Крым... воиною посылати» (НКС, д. 5, л. 130). Летом 1560 г. он отправил своего сына Уруса с двухтысячным войском в новый набег. Но тот вернулся с полпути, потому что был вовремя обнаружен противником и уже не мог рассчитывать на обычную для ногаев внезапность (НКС, д. 5, л. 181, 185, 186 об., 195 об., 196, 198 об.).

Эта неудача не охладила бы бия, если бы не произошли изменения в российской внешней политике. Во-первых, Иван IV начал в 1558 г. Ливонскую войну, продолжитеную и разорительную, и надолго отошел от крымских дел; во-вторых, ужесточились конфликты ногаев с астраханскими воеводами. Неожиданно оставшись без активной помощи своего главного союзника, Исмаил начал нащупывать почву для замирения с Бахчисараем. Кремлевский двор тут же заверил его

---

[23] Особой настойчивости не проявлялось, так как в Москве знали о сложном положении Исмаила и заверяли, что в случае его очередного «волненья с племянники» русские справятся с крымцами и без него, а он бы занимался своими внутренними делами (НКС, д. 5, л. 64).

в своем расположении, неугодный мирзам воевода И.Выродков был смещен (см. выше) — и Исмаил отказался от своих планов: в конце жизни, в 1563 г., он по-прежнему считал Девлет-Гирея одним из двух своих главных врагов (наряду с Гази б. Ураком) и просил для борьбы с ним пороху, пушек и пушкарей (НКС, д. 5, л. 169, 169 об.; д. 6, л. 235).

Смута вызвала массовый исход ногаев на запад. Сохранилась информация о перекочевке в причерноморские степи целых элей. Исмаил неоднократно сетовал, что его народ «утекает» во владения крымского хана, обвиняя в этом астраханских воевод, которые небрежно охраняют переправы (НКС, д. 5, л. 87 об., 88, 91). Однако на территории Юрта Гиреев пришельцам не удавалось обосноваться немедленно. Многие из них пытались пробиться еще дальше — на польские земли. В.Е.Сыроечковский объяснял это тем, что «они не могли сразу найти места» для поселения и кочевания (Сыроечковский 1940, с. 61).

Однако из источников явствует, что на Крым обрушились те же засуха и голод, которые потрясли экономику Ногайской Орды. Уже Исмаил пытался отговаривать недовольных соотечественников от ухода в Крым ссылками на неурожай в Крыму и, стало быть, невозможность прокормиться там (Жирмунский 1974, с. 474, 475). Та же причина названа в наказе русскому послу к королю Сигизмунду-Августу в апреле 1560 г. На сообщение польской стороны о том, будто «нагаи многие ныне пришли из Крыма служити королю», следовало реагировать следующим образом: «Ведаем, что голодные люди немногие пришли на вашу землю от нужи, царь (крымский. — *В.Т.*) их пограбил, и они из Крыму розошлися по многим землям» (ПДПЛ, т. 2, с. 616)[24].

Со временем выходцы из-за Волги освоились в Причерноморье и разместились на территории Дикого поля. Население Крымского ханства резко увеличилось за счет них. Уже в конце 1559 г. польский монарх называл ногаев подданными Девлет-Гирея, наряду с крымцами и белгородцами (Книга 1843, с. 169). Предводителем их на новом месте жительства стал вельможа из крымских мангытов Дивей б. Хасан из клана Мансур-улы. Он пользовался значительным влиянием при дворе, имел кочевья на севере Юрта и был весьма воинственным и агрессивным. Не раз он возглавлял набеги на русские «украйны» (см., например: КК, д. 10, л. 126; д. 11, л. 299; Патриаршая 1906, с. 321). Именно к улусам мангытского мирзы Дивея присоединялись едино-

[24] В 1559 г. некоторые ногайские улусы пересекли польско-крымскую границу и стали кочевать по Орелу. Король направил распоряжение местным властям (старостам Черкасскому и Каневскому, Браславскому и Винницкому), чтобы они оградили пришельцев от нападок местного славянского населения и выяснили их намерения. Если ногаи попросят, то принять их «в оборону и в свои господаръства», а молодым воинам из их числа пообещать жалованье за участие в войнах на стороне короля (Книга 1843, с. 180–182).

племенные с ним ногаи. Вероятно, как раз их приток и увеличил его авторитет в ханстве. Приблизительно в мае 1563 г. Девлет-Гирей назначил Дивея мангытским карачи-беком, а за его сына Арсланая выдал свою дочь (КК, д. 11, л. 299 об.). С тех пор Дивей-бек надолго стал еще и формальным, а не только фактическим главой крымских мангытов и постоянно вливающихся в их среду заволжских ногаев.

Казацкие и кавказские дела. Заселение ногаями приволжских пространств Крымской стороны неминуемо приводило к активизации их контактов с донским казачеством. В конце 1550-х — начале 1560-х годов эти контакты были, очевидно, по большей части мирными, так как жалоб мирз на донцов в эти годы не отмечено. Основные экономические и военные устремления казаков были направлены на Азов и Крым; нищие кочевые переселенцы не представляли для них интереса. Наоборот, иногда они объединялись для нападения на крымские владения и борьбы с Гази б. Ураком (НКС, д. 5, л. 210; Лызлов 1787, с. 60).

Гораздо большее беспокойство в то время доставляли заволжским кочевникам казаки волжские, что селились в укромных местах Самарской Луки, низовьев Самары и Большого Иргиза (История 1987, с. 35). Упоминание о разбоях казачьих ватаг на Волге содержится в наказе послу к Исмаилу — М.Бровцыну (февраль 1554 г.). Царь извещает бия, что казаков, которые грабили ногайских торговцев, велено казнить в присутствии Исмаиловых послов; так же он обещает поступать и впредь; оставшихся на Волге разбойников Иван Васильевич намерен истребить, «как лед проидет» (чтобы выслать против них рать на судах) (НКС, д. 4, л. 209 об.).

Хотя в более ранних документах нет прямых указаний на существование казачьих волжских общин, косвенные данные о них отыскать можно. Мирза Кель-Мухаммед б. Алчагир в 1538 г. жаловался царю, что за последние годы казаки трижды грабили его улусников. Иван IV отвечал: «И вам гораздо ведомо: лихих где нет? На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними ж смешався, ходят. И те люди как вам тати, так нам тати и розбоиники. И на лихо их нихто не учит, а учинив которое лихо, розъезжаются по своим землям» (Посольские 1995, с. 230, 231). Здесь названы обитатели разных регионов Дешт-и Кипчака, но только не волжане. Однако кочевья Кель-Мухаммеда, мирзы правого крыла, находились в Поволжье, и можно догадываться, что они подвергались атакам как раз тех казаков, которые орудовали на берегах Волги (но пока не селились постоянно, судя по словам Ивана IV).

Ко времени завоевания Астраханского ханства волжские казаки представляли собой уже достаточно организованную силу, которую стремилось использовать русское правительство. Им поручали нападать на Юсуфовичей, при этом советуя Исмаилу отвести свои улусы

подальше, чтобы не провоцировать лихих молодцов на разорение их. Атаман Ляпун Филимонов участвовал со своими бойцами в сентябрьском походе воевод на Хаджи-Тархан в 1556 г. (НКС, д. 4, л. 70, 70 об.; Соловьев 1989а, с. 472). В следующем году он был поставлен стеречь Переволоку, «чтоб казаки не воровали и на нагайские улусы не приходили», но вскоре был убит теми, от кого охранял переправу (НКС, д. 5, л. 4, 4 об.; Патриаршая 1904, с. 283). Однако чаще волжане служили источником раздражения и беспокойства для кочевников. Тот же Ляпун уводил в полон «улусных людей» (НКС, д. 4, л. 380; д. 5, л. 33). Царь грозил расправиться с налетчиками, но до практических действий руки у него пока не доходили (НКС, д. 5, л. 37 об.).

Непросто выстраивались отношения Ногайской Орды с народами и государственными образованиями Кавказа. Связи не прекращались; даже в разгар Смуты «из многих мест с ними (ногаями. — *В.Т.*) ссылались: из Шевкал и из Шамахи, из Дерчни[25]...» (Книга 1850, с. 109). Такие ссылки диктовались прежде всего хозяйственными потребностями, обменом. Функционирование торговых маршрутов было особенно актуальным в период великого голода в Орде, и сам бий был вынужден отправляться в дальний путь, чтобы в горах к югу от Терека «купити... хлеба и рыбы» (НКС, д. 5, л. 78 об.).

Политические связи, в отличие от экономических, складывались более драматично. У шамхала Тюменского нашел пристанище один из сыновей Юсуф-бия, на Куме закрепились мирзы-«казаки» Айса б. Ураз-Али и Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед (НКС, д. 5, л. 84, 166 об.). Разумеется, Исмаил тут же причислил шамхала к сонму своих врагов[26].

Контакты противоположного свойства завязались между бием и могущественным кабардинским князем Темрюком Идаровым. Хотя некоторые авторы и приписывали возникновение этого союза 1562 г. инициативе Москвы (см., например: Белокуров 1888, с. LVII; Смирнов Н. 1958, с. 28), у каждого из двух владетелей находились веские основания для сотрудничества и без русской подсказки. Темрюк вел тяжелую борьбу с другими черкесскими владетелями и был заинтересован в подключении к этой борьбе все еще многочисленной ногайской конницы. Ему удалось договориться с правителем ногаев о совместных боевых действиях и политических акциях. Союз был скреплен сперва браком Дин-Ахмеда б. Исмаила с дочерью Темрюка, Малхуруб, а затем формальным соглашением «заодин быти на недру-

---

[25] Ниже в аналогичном перечне значится «из Дервени» (Книга 1850, с. 113), т.е. из Дербента.

[26] Враждебные отношения между тюменским шамхалом и Исмаилом (тогда еще мирзой-нурадином) сложились еще до начала Смуты. В 1551 г. Исмаил просил у царя пушек и стрельцов, чтобы с их помощью «повоевать» Тюменский юрт, потому что «тюменской шавкал нам недруг» (НКС, д. 4, л. 12).

гов и з други дружитися заодин же» (НКС, д. 6, л. 91). Исмаила поддержка горцев интересовала главным образом в его противостоянии с Гази б. Ураком, которое усиливалось с каждым годом. Тем более что Гази принял сторону одного из противников Темрюка, князя Шигапсука (НКС, д. 6, л. 235 об.).

Кабардинские князья стали соседями и первыми покровителями Малых Ногаев. За годы Смуты население Казыева улуса многократно увеличилось. К началу 1560-х годов улус превратился из малолюдного сообщества изгоев-«казаков» в сильное и агрессивное образование. Вскоре Гази завязал дружественные контакты также и с Девлет-Гиреем и стал давать убежище тем мирзам, которые вели борьбу с Исмаилом. Летом 1560 г. крымский хан, Гази и мирзы заключили «уверенье» о совместных действиях против заволжского бия (с этого времени начинаются жалобы Исмаила на набеги казыевских ногаев), а в 1563 г. Гази подтвердил это в шертных обязательствах перед Бахчисараем.

С этих пор его улус стал предметом постоянной тревоги для властей Ногайской Орды, препятствием для их походов на Крым. Исмаил не раз просил Ивана IV выбить Гази с территории «Черкас», так как тот угрожает ударом в тыл, если войско ногаев двинется на Причерноморье (НКС, д. 5, л. 166, 166 об., 187 об.–188 об., 190 об., 191, 193 об., 216 об., 217; д. 6, л. 7 об., 11–12, 49, 49 об., 56). Постепенно вождь Малых Ногаев стал главным недругом бия. Москва на словах не отказывалась применить военную силу к казыевцам, но не применяла, а пыталась воздействовать на Гази, утихомирить его, в частности через его сестру, жену служилого татарского царевича Бек-Пулада б. Шейх-Аулиара (НКС, д. 6, л. 111, 114, 114 об.).

Восточные дела. Отношения биев Юсуфа и поначалу Исмаила с казахским государем Хакк-Назаром складывались мирно. До второй половины 1550-х годов тот по-прежнему сохранял лояльность к правителям могущественных мангытов. Когда же ногайские мирзы предались внутренним распрям, Хакк-Назар предпринял первые попытки самостоятельной внешней политики, в частности вступил в конфликт с ханом Моголистана Абд ал-Керимом. Потерпев несколько поражений, глава казахов обосновался севернее, подальше от моголистанских пределов.

Недосягаемый для сильного противника и забытый ногаями, Хакк-Назар начал понемногу восстанавливать ханское полновластие, каким оно было во времена его отца Касима и деда Джанибека (Исин 1988, с. 21; Касымбаев, Исин 1991, с. 41). Стали создаваться предпосылки будущего конфликта с Ногайской Ордой за передел гегемонии в восточном Дешт-и Кипчаке. В 1557 г. (датировка А.И.Исина) казахские войска перешли Яик. Удар был настолько внезапным, что мирзы не успели собрать ополчение, наспех организовали оборону и воззвали

к астраханским воеводам. В 1611 г. послу П.Вражскому было велено напомнить об этом при переговорах с бием Иштереком: «Приходил на их Нагаискую Орду Казачьи Орды Акназар царь, и они сели от него в осаде, окопався землею у Волги. Из Асторохани государевы люди, пришед, их оборонили и Казачьи Орды Акназара царя побили» (Акты 1915, с. 26).

Назреванию ссоры способствовала перекочевка некоторых противников Исмаила во владения Хакк-Назара. «Да племянники ж мои от нас отстали ныне за Яиком, а приложились х казацкому царю, со мною завоевалися ж, надо мною времени ищут», — сообщил бий царю Ивану Васильевичу (НКС, д. 5, л. 32 об.). Под племянниками имелось в виду в первую очередь потомство Шейх-Мамая, хотя основные надежды в борьбе с Исмаилом им возлагались на связи не с ногайским ставленником Хакк-Назаром, а со среднеазиатскими ханствами. Мавераннахр оставался одним из желанных мест переселения для тех ногаев, что не собирались участвовать в жестокой схватке за власть между Исмаилом и детьми Юсуфа или умирать от голода в разоренной Орде. Московские послы и астраханские воеводы доносили о популярных в среде кочевников планах откочевки «в Бухары и в Ургенчи» (НКС, д. 5, л. 85, 120). В 1540-х годах, как нам уже известно, там скрылся бий Саид-Ахмед с семьей, а в период второй Смуты в Хорезм (Ургенч), спасаясь от интриг Исмаила, бежали, по рассказу татарского шеджере, его братья Калау и Сары (Ахметзянов М. 1991а, с. 84)[27].

С Хорезмским ханством у Исмаила дружбы не получалось. Хотя об открытых столкновениях сведений нет, он постоянно вынужден был держать наготове войска на восточных рубежах — в том числе и против хорезмийцев (НКС, д. 6, л. 5 об., 59). Тем более что в начале 1560-х годов в Средней Азии обосновались трое сыновей Шейх-Мамая, т.е. как раз те мирзы, которые ранее занимались охраной границы Орды там. Зимой 1562/63 г. они вместе с войском ташкентского правителя Бабы б. Барака ограбили ногайские кочевья. Динбай б. Исмаил нагнал нападавших, отбил добычу и пленил некоторых предводителей набега (НКС, д. 6, л. 210 об., 225 об., 226). Но при всей остроте ситуации связи Ногайской Орды с узбекскими ханствами не ограничивались стычками. Продолжалась старая традиция династических браков с чингисидскими монархами Мавераннахра. Исмаил выдал двух дочерей за ургенчского хана Суфияна б. Аминека и за его сына Юнуса, мирза Арслан б. Хаджи-Мухаммед тоже стал тестем одного из тамошних правителей, Барака б. Сююнч-Ходжи (Мунис 1969, с. 444; НКС, д. 4, л. 11 об., 12, 305 об.; д. 6, л. 5 об.; Aboul-Chazi 1871, p. 203).

---

[27] В других источниках братья Исмаила, т.е. сыновья Мусы, с такими именами не встречаются. Прозвище «Сары» (Желтый) иногда сопутствует Юсуфу и Мамаю.

Постепенно стало налаживаться сотрудничество с Тайбугидами Сибирского юрта. В конце 1550-х годов у Исмаила и тайбугидского бия Ядгара б. Гази нашлись общие интересы. Исмаил был известен в Деште как союзник русского царя, и Ядгар, также искавший царской поддержки против Шибанидов, упросил ногайского правителя посредничать в установлении контактов между Сибирью и Москвой (НКС, д. 6, л. 215 об., 216; Патриаршая 1906, с. 370). Это сотрудничество с ногаями было подкреплено взаимным курсированием посольств и торговых караванов. Ногайскую верхушку с северо-восточными соседями связывали родственные узы: сестра Исмаила в свое время стала одной из жен отца Ядгара, ее дочь и сестра Ядгара, Султан-беки, являлась племянницей бия ногаев (НКС, д. 6, л. 178; д. 7, л. 61; д. 8, л. 11 об.).

Однако мангытская знать не оставляла традиционную линию на поддержку Шибанидов, в частности внука Ибака Кучума б. Муртазы. Выше указывалось, что, по преданиям сибирских татар, до двенадцати лет Кучум воспитывался у своего тестя «Шегея» (Шейх-Мамая). На рубеже 1550–1560-х годов узбекский царевич начал борьбу с Тайбугидами за восстановление своей династии на сибирском престоле.

Вторая Смута жестоко потрясла Ногайскую Орду. Разногласия мирз по поводу экономической и политической ориентации вылились в долгую междоусобную войну, к которой во второй половине 1550-х годов добавился великий голод. Победителем из этой войны вышел бий Исмаил. Но его победа была воистину пирровой: множество подданных его старших братьев, предыдущих биев, ушло из Орды в соседние Юрты, огромное число ногаев полегло в сражениях, вымерло от голода и чумы. Хотя к концу правления Исмаила конфликты несколько утихли, он смог передать наследникам уже не сильную кочевую империю, а лишь ее уменьшившееся подобие — Орду так называемых Больших Ногаев. Все более независимо вели себя отпрыски Шейх-Мамая. На Северо-Западном Кавказе формировалась еще одна Ногайская Орда — Малая. По степям бродили отряды ногаев-«казаков», не желавших присоединяться ни к одному Юрту; некоторых из них впоследствии занесло в Россию и в польские владения. Осколки ослабленной ногайской державы оказались перед перспективой новых испытаний. Описывая ту эпоху, С.М.Соловьев констатировал: «Так дорезывали кочевники друг друга в приволжских степях, приготовляя окончательное торжество Московскому государству» (Соловьев 1989а, с. 470).

Глава 8

Большие Ногаи

С 1560-х годов распространенным обозначением Ногайской Орды стало словосочетание «Большие Ногаи». Вплоть до конца XVIII в. это понятие применялось к многочисленной группе ногайских элей и со временем оказалось в одном ряду с названиями прочих «орд» (Малые Ногаи, Едисан, Буджак, Джембойлук и др.). Сначала под Большими Ногаями подразумевалась основная часть ногайской державы. «То бо бе преже земля болгарець малых за Камою промеж великие реки Волги и Белыя Волжки до ***Великия Орды Нагайския***», — говорится в «Казанском летописце», памятнике середины 1560-х годов (История 1903, с. 12; Казанская 1954, с. 48; Сказание 1959, с. 27). «Великая» в данном случае является не художественным эпитетом Орды (как у Волги в той же фразе), а компонентом официальной терминологии (ср. употреблявшееся в те же времена равнозначное выражение «Большие Орды нагаи заволжские»; см., например: ПДПЛ, т. 4, с. 151).

Следовательно, «великий» и «большой» (*улуг, улу*) обозначали заволжскую территорию ногайских кочевий, обитатели которых обзавелись названиями «большие ногаи» и «заволжские ногаи» (см., например: Мазуринский 1968, с. 140; НКС, 1586 г., д. 1, л. 25, 26). В государственных документах конца XVI — первой четверти XVII в. держава ногаев именовалась Большой Ногайской Ордой (см., например: НКС, 1613 г., д. 3, л. 15; 1614 г., д. 2, л. 23; д. 3, л. 6, 58). Самоназванием ее жителей служила композита *улу ногай* (см., например: НКС, 1615 г., д. 4, л. 9, 18; 1631 г., д. 1, л. 69; 1644 г., д. 2, л. 16, 19).

Терминологическое оформление названия Большой Ногайской Орды традиционно связывается в литературе с политическим расколом ногайского общества во время второй Смуты. Появилась, дескать, Малая Орда Гази б. Урака и соответственно Большая Орда Исмаила и его преемников. Да и сами мангытские мирзы в XVII в. связывали образование последней с бием-узурпатором: «А от Исмаиля князя пошли Болшово Нагаю мурзы» (НГ, д. 32, л. 24). Однако мы располагаем данными о гораздо более раннем употреблении интересующего нас понятия. 23 ноября 1537 г. из Крыма в Москву доставили донесение посла Б.Квашнина, в котором, в частности, говорилось:

«А *Болшая... Нагаиская Орда* вся кочюет по тои стороне Волги на Ординскои стороне» (КК, д. 8, л. 413). Стало быть, выражение появилось задолго до откочевки мирзы Гази и никак не связано с Малыми Ногаями. Полагаю, что и в документе 1537 г. и позднее под «Большой Ордой» понимались территория и население, находившиеся под властью верховного правителя-бия, в сфере его «великого княжения» (*улу бийлик*). Государь заволжских степей воспринимался как обладатель наиболее авторитетного ранга; такое убеждение промелькнуло в летописном известии о смерти 10 мая 1561 г. в Москве Юнуса б. Юсуфа, который в свое время «на нагайском на ***княженье*** на ***болшом*** был» (Летописец 1895, с. 147).

Это «большое княженье» после смерти Исмаила закрепилось за его семьей. Бий имел многочисленное и в общем дружное потомство. В народной памяти остались прежде всего два сына Исмаила, Урус и Ураз-Мухаммед (Урмамет), с которыми связаны драматические события начала распада Ногайской Орды (Ахметзянов М. 1991а, с. 84)[1]. Ногайский родословец 1638 г. приводит следующие имена: Мамбет (Мухаммед), Тина[хмат] (Дин-Ахмед), Урус, Тинбай (Динбай), Кутлубай, Канбай (Ханбай) и Янбай (Джанбай) (НГ, д. 32, л. 24). После кончины в 1562 г. старшего сына, нурадина и предполагавшегося «престолонаследника» Мухаммеда, и сам Исмаил, и его семья исчисляли мужское потомство в шесть человек «болших», «старых» (старших), «кои в саадацех ездим» (т.е. возмужали) (НКС, д. 6, л. 207, 216 об., 232 об.): второй сын — Дин-Ахмед, затем по старшинству — Урус, Динбай, Кутлугбай, Ханбай и Джанбай. Кроме того, имелись дочери и несколько малолетних сыновей. Известно, что в последний год жизни Исмаила в семье родились Ибрагим, Курбан-Али и Бий-Кутлуг (Бикулый) (НКС, д. 6, л. 216, 219 об.). Как говорилось в предыдущей главе, со смертью Мухаммеда первым в очереди на «большое княженье» оказался мирза Дин-Ахмед.

На «большом княженье» — Дин-Ахмед. Преемник Исмаила не удостоился ни единого упоминания в преданиях или сказаниях ногайцев и соседних народов. Его правление выдалось относительно спокойным, и Дин-Ахмед выглядел менее ярко по сравнению с его авантюрным отцом и отважным, вспыльчивым братом Урусом, будущим бием. Неброский политический облик Дин-Ахмеда породил единодушные уничижительные оценки его в литературе. Историки считали его человеком слабым, бесхарактерным, неавторитетным, невлиятельным, неэнергичным и непредприимчивым; Г.И.Перетяткович и П.Х.Хлебников уподобляли его Юсуфу, почему-то считая и того столь же блеклой личностью (Перетяткович 1877, с. 291, 299; Садиков 1947, с. 134; Хлебников 1907, с. 71; Ischboldin 1973, p. 143).

---

[1] Вместе с ними в шеджере назван еще и Жамбат, т.е. Джанбай б. Исмаил.

В самом деле, Дин-Ахмед не отличался воинственностью и склонностью к хитроумным политическим комбинациям. Но едва ли это можно ставить ему в упрек и считать недостатком. Разоренная усобицами и стихийными бедствиями, Ногайская Орда нуждалась как раз в стабильности, в спокойном и выдержанном правителе. Как после первой Смуты Саид-Ахмед, Шейх-Мамай и Юсуф смогли восстановить мощь державы, так и в 1560–1570-х годах глава ногаев сумел обеспечить своим соотечественникам относительно мирную и сытую жизнь. При Дин-Ахмеде была заложена основа позднейшего военного и политического усиления Ногайской Орды под началом Уруса.

Тесная зависимость ногаев от русских властей в XVII в. порой побуждает исследователей искать царскую гегемонию в заволжских кочевьях еще в третьей четверти предшествовавшего столетия. Уже с первым своим посольством Дин-Ахмед передавал Ивану Грозному предсмертную волю отца, который завещал будущему бию соблюдать верность договорам («правде») с Россией и якобы просил, чтобы царь простил проступки мирз, «учинил их тебе (Ивану IV. — *В.Т.*) холопством, кому на котором улусе велишь быть, то положился на тебе. И о всем о том велел им (сыновьям. — *В.Т.*) смотрити на тебя и слушати во всем»; кроме того, умирая, Исмаил просил Москву беречь ногаев от всяческих недругов (НКС, д. 6, л. 207, 207 об.).

Однако в письмах нового бия и в речах его посланников вовсе не заметно стремления к столь всеобъемлющему «холопству»; тем более ни разу не заходил разговор о том, чтобы передоверить московскому государю распределение улусов — принципиальнейшую функцию кочевого владыки. На деле Дин-Ахмед держался довольно независимо уже с самого начала.

Этому способствовало и переплетение семейных уз. Дин-Ахмед взял в жены кабардинку Малхуруб, дочь князя Темрюка и сестру московской царицы Марии (Гошаней). В определенной мере породнение помогло смягчить образ далекого и беспощадного (началась опричнина!) «Белого падишаха» в глазах ногаев. Тем более что Мария Темрюковна являлась его единственной супругой, а Малхуруб — только одной из четырех насельниц бийского гарема (старшей женой считалась Хандаза, дочь бия Саид-Ахмеда б. Мусы, за ней по рангу шла некая Хантай — НКС, д. 7, л. 40). Хотя Дин-Ахмед рассматривал родство жен как «пособство... неотступлению нашему», но одновременно видел в нем и взаимное «племянство» (НКС, д. 6, л. 233 об.; д. 7, л. 35), как бы ставя себя вровень с Иваном IV.

Соответственно глава Орды стремился поднять и свой статус в глазах русского «коллеги». Он просил чтить его, бия, «свыше отца моего», поскольку «слуг у меня много, потому что отца моего слуги осталися у меня, и Магмет мирзины (Мухаммеда б. Исмаила. — *В.Т.*) слуги у меня же, и мои (собственные. — *В.Т.*) слуги у меня же» (НКС,

д. 7, л. 35 об.). В Кремле и Александровской слободе не видели причин отличать преемника Исмаила каким-то особым образом и продолжали направлять миссии в Сарайчук в соответствии с установившимися к тому времени нормами отношений. Игнорирование статусных притязаний бия натолкнулось на его жесткую реакцию. Уже летом 1565 г. он требовал от царского посла М.Сунбулова «задалеко сойти с коня», а сам слушал речь от имени государя, оставаясь в седле; в степной ставке был избит служилый татарин из сунбуловской свиты, а у самого посла Дин-Ахмед отнял шатер. Другой посол, В.Вышеславцев, тогда же лишился шатра по произволу «княгини» Малхуруб (НКС, д. 7, л. 130 об.).

Как видим, настрой Дин-Ахмеда был далек от слепой покорности Москве (и, стало быть, от буквального выполнения отцовского завета), и бий проявлял весьма твердые намерения утвердить себя как самостоятельного сюзерена, в том числе в отношениях с самым могучим и грозным соседом. Конечно, о каком-то конфликте с русскими он не помышлял, но и находиться в тени православного монарха не собирался. Притязания на равенство с царем оставались в его сознании до конца его правления, и в 1577 г. выразились в предложении направить ему огромное жалованье — в пятнадцать тысяч алтын, т.е. около четырехсот пятидесяти рублей (НКС, д. 8, л. 40 об.), причем если сам бий обосновывал этот запрос необходимостью пресечь вражеские сплетни об охлаждении Ивана Васильевича к нему, то прямой и резкий Урус в синхронной грамоте требовал уже сорок тысяч алтын, называя в качестве причины не посрамление врагов, а данническую традицию: столько же, дескать, платили в старину золотоордынский хан Тимур-Кутлуг Нур ад-Дину и казанский хан Исмаилу (НКС, д. 7, л. 51). Ясно, что русское правительство не обратило внимания на подобные аппетиты мангытской верхушки, но стремление к возрождению былого величия и мощи Ногайской Орды при Дин-Ахмеде просматривается явно.

В период правления Дин-Ахмеда (1563–1578) нурадином был Урус б. Исмаил; кековатами являлись Хасанак б. Хаджи-Мухаммед, затем Ак б. Шейх-Мамай; наместничество над Башкирией продолжал осуществлять Динбай б. Исмаил[2].

Правой рукой и преданным соратником бия на протяжении почти всех пятнадцати лет был Урус. Он не единожды подчеркивал свою лояльность к старшему брату и готовность подчиняться ему («слово и душа у нас одна»). Прочная солидарность бия и нурадина, несомненно, служила дополнительным средством сплочения аристократии.

---

[2] После второй Смуты ногаи уже не имели прежней системы улусов на территории Башкирии, хотя некоторые их эли продолжали там кочевать. Пост наместника сохранялся в «номенклатуре» Орды, но теперь наместники должны были снаряжать военные экспедиции для сбора ясака с башкир (см.: Трепавлов 1997в, с. 13, 24–26).

Однако полного единства знати и «улусных людей» она не смогла обеспечить. Кочевники Урусовых улусов осмеливались совершать набеги на российские владения без ведома своего патрона (НКС, д. 8, л. 5). Да и Дин-Ахмед ревниво следил за ростом влияния брата и иногда укорял Ивана IV в «сверстании» (уравнении) двух главных ногайских иерархов, в более щедром оделении детей Уруса по сравнению с Динахмедовыми (НКС, д. 8, л. 5).

Одним из главных достижений внутренней дипломатии наследников Исмаила было примирение их с Шихмамаевичами, которые, столкнувшись с угрозой казахских и калмыцких набегов, решили вернуться в подданство улубию, и в 1577 г. последний писал, что «Шихмамаевых княжих детеи четырнадцать сынов (т.е. потомков. — *В.Т.*) в службу поспели... А они все... мне прямят» (НКС, д. 8, л. 38 об.–39). Старший из живших в то время сыновей Шейх-Мамая, Ак, просил царя уравнять его в размере жалованья и ранге послов с Дин-Ахмедом и Урусом (НКС, д. 8, л. 56). К концу бийства иерархия выстроилась так: Дин-Ахмед, Урус, Ак, Бек б. Шейх-Мамай, Динбай, Ханбай б. Исмаил, Саид-Ахмед б. Мухаммед б. Исмаил, его младший брат, Кучук, старший сын Дин-Ахмеда, Ураз-Мухаммед, старший сын Уруса, Хан (НКС, д. 8, л. 31 об.). Большое потомство Исмаила уже начинало ветвиться, и бий то и дело уточнял (по поводу размеров царского жалованья), какой мирза какому «сверстен». Так, в 1576 г. башкирский наместник Динбай был объявлен равным по рангу бию и нурадину, первенец бия Ураз-Мухаммед — нурадину Урусу, второй сын бия, Дин-Мухаммед, — Хану б. Урусу (БГК, д. 137, л. 356, 358 об., 359). Не все, конечно, оказывались довольными своим местом в этой пирамиде. Ханбай б. Исмаил, к примеру, считал себя обойденным братом Динбаем и племянником Ураз-Мухаммедом и делился с царем своей досадой (НКС, д. 8, л. 13).

Дин-Ахмед, похоже, в самом деле не обладал дарованиями выдающегося политика и дипломата, и подчинение ему мирз основывалось, во-первых, на традиции — уважении к посту бия и признании авторитета потомства Исмаила; во-вторых, на том обстоятельстве, что Дин-Ахмед оказался правителем наиболее многолюдных элей. Выше цитировались слова Дин-Ахмеда о сосредоточении под его властью собственных кочевых общин, а также бывших подданных его отца и покойного старшего брата. Собирание улусов, рассеянных в ходе Смуты, было политикой, унаследованной от предыдущего «княжения». Свою задачу Дин-Ахмед видел в постепенной концентрации мирз–потомков Мусы вокруг своей ставки. «Отца своего родства братью свою зберу, и нас будет много, — раскрывал он свои планы Ивану IV, прося при этом отправить „в Нагаи“ мирз, обретавшихся на Руси. — И то не тебе ли лутчи? Друзей своих умножает, и то тебе же лутчи» (НКС, д. 7, л. 37–38). Одним из стимулов сплачиваться вокруг бия

было его умение сохранять добрососедские отношения с Россией и выгораживать тех родичей, которые, не сдержавшись, решались нападать на «украйны» или бесчестить послов[3].

Примирительная политика наталкивалась на самостоятельные интересы и амбиции отдельных аристократов. Единства не ощущалось даже среди сыновей Исмаила. Помимо Динбая и Ураз-Мухаммеда чувствовали себя стесненными и обойденными Ханбай и Хан. Первый, отказываясь участвовать в совместных внешних мероприятиях под руководством бия и нурадина, сообщал в Москву об их намерениях; второй, обладатель собственного двадцатитысячного улусного ополчения, строил свои военные планы в обход старших правителей и заявлял: «А мне до отца своего до Уруса дела нет, и до дяди своего до князя (Дин-Ахмеда. — *В.Т.*) дела нет» (НКС, д. 8, л. 61, 61 об., 74). Все говорит о том, что солидарность Больших Ногаев была довольно зыбкой. Многие мирзы прибивались к соседним владениям или «казаковали» в степях, не желая возвращаться за Волгу. К этому располагала и внутренняя обстановка в Орде. Клан Исмаила крепко держался за власть, стремясь устранить любые возможности посягательств на нее со стороны сонма родичей. Собственно, из-за этих противоречий и потерпела крах попытка Дин-Ахмеда консолидировать мирз. К прежним противникам правящей семьи — кровникам-Юсуфовичам — прибавились отпрыски Хаджи-Мухаммеда.

Сначала Кошумовичи жили в согласии, «в единачестве» друг с другом и с главой державы (см.: НКС, д. 7, л. 3 об., 123 об.). Хотя Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед по «вокняжении» Дин-Ахмеда сразу был смещен с поста нурадина (Трепавлов 1993б, с. 53), на его брата Хасанака было возложено командование левым крылом. Еще в 1577 г. оба они состояли под началом Дин-Ахмеда (НКС, д. 8, л. 53). Однако из предыдущего десятилетия тянулась череда взаимных обид и претензий. Старейшина рода Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед вернулся из Тюменского улуса в восточный Дешт. Но его сын Зор-Мухаммед остался на нижнем Тереке и плел там заговоры против предводителя Больших Ногаев, переманивая улусы. Кошумовичи долгое время не выказывали явной оппозиции бию и нурадину, довольствуясь кековатским постом и управлением подданными элями.

Однако для замирения с Шихмамаевичами Дин-Ахмед через некоторое время передал командование войсками левого крыла мирзе Аку. Очевидно, это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения детей Хаджи-Мухаммеда, ныне полностью оттесненных от власти. Назревал конфликт, и в конце правления Дин-Ахмеда этот клан оказался уже за пределами Большой Ногайской Орды. Судя по мимо-

[3] Например, в 1575–1576 гг. Иван IV отказал в расположении Динбаю и Ураз-Мухаммеду. Бий и нурадин уговорили царя простить мирз, «чтоб тем всеи Нагаискои Орде роздору и порухи не было» (БГК, д. 137, л. 338а, 338б, 346 об.–347 об.).

летному замечанию бия, Кошумовичи стали налаживать сепаратные связи с крымским ханом (НКС, д. 8, л. 35), чего он потерпеть не мог: всякое общение с Бахчисараем возбудило бы в Москве подозрение в антироссийских интригах. Кошумовичи вместе с остатками семьи Юсуфа были изгнаны из Орды. «Брат наш Тенехмат князь, — вспоминал в 1581 г. Урус, — для твоеи (Ивана IV. — *В.Т.*) дружбы и для тебя дяди своего Кошумовых детеи и Исуповых княжих детеи от себя выгнал, а Бек Булат мирзу[4] в головах и с племянники его и з детми выгнал от себя на поле» (НКС, д. 10, л. 4). Те с частью улусов выехали в «ничейную степь» на правобережье Волги и присоединились к давним скитальцам Шихимовичам, превратившись в угрозу для кочевий нурадина Уруса (НКС, д. 8, л. 45).

Союз с семьей Хаджи-Мухаммеда был принесен в жертву миру с воинственными сыновьями и внуками Шейх-Мамая. Во время Смуты, потеряв своего вожака Касима, большинство их откочевало в Мавераннахр. Там, «в Бухарех» и «в Ташкени», уже существовало старое гнездо оппозиции из обделенных отпрысков Саид-Ахмед-бия. Дин-Ахмед приложил все усилия, чтобы убедить двоюродных братьев, и прежде всего Ака и Бека, в своем расположении, в желании справедливого правления. В 1577 г. восточные ногайские улусы тринадцати «Шихмамаевых детей»[5] вновь заняли свои законные пастбища за Эмбой (БГК, д. 137, л. 356 об.; НКС, д. 8, л. 10 об.). Обрадованный долгожданным пополнением, бий признал полномочия Ака по безраздельному руководству его родичами. На съезде мирз Ак получил должность кековата, а сами Шихмамаевичи избрали своего старейшину «на перевозе мирзою», т.е. контролером переправы через Яик (НКС, д. 8, л. 38 об.). Тот выглядел удовлетворенным, и Дин-Ахмед писал царю, что новый кековат «тебе и мне прямит», просил направлять за Эмбу послов со степенью не ниже боярских сыновей, жаловать восточных мирз так же, как изгнанных им вскоре Кошумовичей (БГК, д. 137, л. 356 об.; НКС, д. 8, л. 38 об., 39, 53 об.).

Семья Шейх-Мамая принимала эти знаки внимания, но в особо тесные контакты с Дин-Ахмедом и Урусом не вступала. Ак и Бек кочевали далеко от главных большеногайских предводителей, и московские посланцы в конце 1570-х годов не могли разузнать о них ничего определенного (см.: НКС, д. 8, л. 12 об.).

---

[4] «Бек Булат» — явная описка, имеется в виду Белек-Пулад. В ответе Ивана IV Урусу в протокольном пересказе цитируемой грамоты последнего та же фраза повторяется с верным написанием: «а Белек Булат мирзу в головах» (НКС, д. 10, л. 16 об.).

[5] При изложении этих событий в документах говорится о тринадцати или четырнадцати мирзах, но приводятся имена только двенадцати: сыновья Шейх-Мамая — Ак и Бек; сыновья Бая б. Шейх-Мамая — Хан-Мухаммед, Джанай, Хакк-Назар, Мансур, Джани; сыновья Касима б. Шейх-Мамая — Аманлы (или Аманлык), Ак-Мухаммед, Шейх-Мухаммед (Шаим); а также мирзы Ак и Канай без указания родства (см.: БГК, д. 137, л. 356 об.; НКС, д. 8, л. 39).

Со времен нурадинства Исмаила его клан пытался опираться на поволжскую группировку мирз. В период правления Дин-Ахмеда вдоль левого берега кочевал Урус, Кошумовичи и дети Мухаммеда б. Исмаила, Саид-Ахмед с Кучуком. При возведении Дин-Ахмеда на бийство съезд знати постановил: Саид-Ахмеду находиться «в сторожех» (НКС, д. 7, л. 129), т.е. возглавлять оборону западных границ Ногайской Орды, занимая вторую по значимости должность в правом крыле после нурадина. В ту пору мирза, наверное, был еще подростком, и пост принадлежил ему формально, а держал оборону Урус. Об этом свидетельствует приведенная выше информация бия о том, что улусы Мухаммеда б. Исмаила достались ему, Дин-Ахмеду. Это было возможно только при неспособности детей покойного Мухаммеда самостоятельно управлять унаследованными подданными.

Но со временем Саид-Ахмед и Кучук возмужали, и Дин-Ахмеду пришлось вернуть им отцовские эли. Братья Мухаммедовичи имели под началом двадцатитысячную конницу и честно стояли «зиме и лете на Волге на караулстве», перемещаясь по сезонным пастбищам от низовьев Волги до окрестностей Казани (НКС, д. 8, л. 64 об., 65 об., 66, 68 об.). Многочисленность подданных улусников позволяла им почувствовать свою силу и значимость. «И о кою пору мы были молоды, — сообщал Кучук царю Ивану, — и те люди были у Тинехмата и у Уруса, а ныне те люди все у нас» в полном распоряжении; и если, дескать, царь захочет воевать Литву, немцев, Малых Ногаев или Крым, то может полагаться на помощь братьев: «И яз, государь, з дватцатью тысячью людми готов» (НКС, д. 8, л. 68–68 об.; то же см. в грамоте Саид-Ахмеда: НКС, д. 8, л. 64 об.). «Жалованье» из Москвы они просили себе такое же, как и нурадину Урусу, считая себя не менее могущественными и полезными для России, чем он (НКС, д. 8, л. 66). Едва окрепнув, они стали обещать Ивану IV не допускать набегов на Русь не только самовольных рядовых вояк, но и собственных правителей («И будет Тинехмата князя и Урус мирзы... поидут на государеву украину, и им (Саид-Ахмеду и Кучуку. — *В.Т.*) их через Волгу не перепущати и ***их побивати***» — НКС, д. 8, л. 17, 64 об.).

Ни миролюбивый Дин-Ахмед, ни тем более вспыльчивый Урус не желали терпеть на стратегически важном направлении подобные ростки сепаратизма. В 1575 или 1576 г. произошел разрыв между бием и нурадином, с одной стороны, и их двумя племянниками — с другой. Мухаммедовичи перебрались за Волгу, решив подчиниться крымскому хану. Западные рубежи Больших Ногаев оголились. В условиях, когда по приволжским просторам рыскали отряды мирз-«казаков», которые только и ждали ослабления береговой обороны, это было смертельно опасным. Дин-Ахмед срочно отправился в стойбище Саид-Ахмеда. Удалось заключить шарт-наме о том, что отношение бия к мирзе «в сторожех» будет соответствовать роли последнего

в военной структуре Орды: бий будет просить русского царя направлять к Саид-Ахмеду и Урусу одинаковое «жалованье» и послов одинакового ранга[6]; оказывать почести Саид-Ахмеду бий обязался «свыше детеи своих». Мирзы вернулись на левый берег, но пригрозили, что в случае нарушения этого шертного договора они все-таки отъедут в Крым (БГК, д. 137, л. 356, 356 об.).

Тут уже возмутился Урус. Грозный нурадин не мог вынести присутствия автономных правителей во вверенном ему правом крыле. Под его предводительством пребывало и без того достаточно улусов, главы которых были преданы лично ему и не хотели подчиняться вышестоящему Дин-Ахмеду (см., например: НКС, д. 8, л. 3, 3 об.). Тот закрывал на это глаза, доверившись способности брата держать в узде мирз-Едигеевичей и предводителей племенных общин. Огромная власть и послушная конница давали Урусу возможность для проведения сепаратной политики, но явных расхождений с Дин-Ахмедом до конца 1570-х годов у него не наблюдалось. Еще в 1576 г. ногайские послы утверждали в Москве, будто «государи их, Тинехмат князь и Урус мирза, ото всех цареи отстали, а пристали ко государю (московскому. — *В.Т.*) и неотступны будут и до своего живота» (БГК, д. 137, л. 349 об.).

Тем не менее в конце жизни Дин-Ахмеда в отношениях его с нурадином появилась трещина. В августе 1578 г. послы уже нового бия, Уруса, рассказывали боярам: «...как... Тинехмат князь жив был, и была... у Тинехмата князя с Урус мирзою рознь, что ево Тинехмат князь не пущал кочевати к Волге», Яику и Эмбе. Урус, обидевшись, уже подумывал о ссылках с крымским ханом и с султаном, но тут бий заболел и, чувствуя приближение смертного часа, помирился с братом (НКС, д. 8, л. 226 об., 227). В известных мне источниках не содержится иного повода для ссоры, кроме незаслуженно высокого статуса Саид-Ахмеда и Кучука. Обнаружив в своем правом крыле двух богатых и самодовольных мирз, объявивших себя равными Урусу, нурадин вознегодовал и, очевидно, решил демонстративно откочевать на восток, за Яик. Дин-Ахмед не позволил, потому что восточные степи были закреплены за другими мирзами. Тогда Урус и принялся налаживать связи с Бахчисараем и Стамбулом, но тут умирающий бий призвал его к себе.

На «большом княженье» — Урус. Дин-Ахмед скончался в начале мая 1578 г. («за неделю до Николина дня вешнего», по донесению гонца — НКС, д. 8, л. 210 об.). На съезде мирз бием был провозгла-

[6] Дин-Ахмед в самом деле попросил Ивана IV «ровно смотрити» Саид-Ахмеда с Урусом, но царь не внял этим просьбам. Когда же сам Саид-Ахмед потребовал себе таких же подношений, что и нурадину, то ему резонно ответили из Посольского приказа: «С Урусом тебе в равенстве быти не пригоже. Урус тебе дядя, а... в Нагаискои Орде нурадын» (НКС, д. 8, л. 153 об.).

шен Урус. В определенном смысле его право на «большое княженье» было небесспорным. Исмаил намеревался передать бийство сыну Мухаммеду; тот умер, оставив старшего сына — амбициозного Саид-Ахмеда. После Исмаила высший ранг достался следующему по старшинству брату Мухаммеда, Дин-Ахмеду. Тот был дружен со следующим братом, Урусом, которого сделал нурадином, и умер, оставив старшего сына, Ураз-Мухаммеда. И вот, минуя череду претендентов, Урус в 1578 г. сумел встать во главе Больших Ногаев.

Эту свою удачу он оценивал очень высоко и постоянно стремился подчеркнуть значимость своего положения. Правда, в отличие, например, от Юсуфа, он обычно не прибегал к вычурной титулатуре, но зато твердо настаивал на статусе независимого сюзерена: как и при Дин-Ахмеде, в источниках не содержится ни единого намека на существование какого-нибудь марионеточного хана в Сарайчуке. Уже в первом своем послании Ивану IV в качестве бия он рекомендуется как «мангытцкий государь» (НКС, д. 8, л. 230 об.). Урус считал себя владыкой всех пространств Дешт-и Кипчака, собранных в Мангытский юрт его предками: «А которые улусы отец мои и брат собрали, и те в моих руках. А отца моего юрт Волга и Я[ик], и Емъ в моих же руках» (НКС, д. 9, л. 25).

На нурадинство назначили Динбая б. Исмаила; около 1584 г. его заменил Саид-Ахмед, который до того унаследовал от Динбая наместничество над башкирами. Кековатом остался Ак б. Шейх-Мамай, а с 1581 г. этот пост занял его брат Бек. Приблизительно с 1584 г. у ногаев появилась новая административная должность — тайбуги, ее занял Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед (см. ниже).

Еще при жизни Дин-Ахмеда в Большой Ногайской Орде сложилась четкая иерархия сильнейших мирз, достойных, в глазах русских политиков, особого почета и внимания. В марте 1578 г. Иван IV написал Беку б. Шейх-Мамаю, что, в отличие от прежних времен, когда «в Нагаи» направлялись только два посла — сына боярских — к бию и к нурадину (к прочим мирзам — служилые татары-гонцы), теперь ездят восемь боярских детей: к бию Дин-Ахмеду, нурадину Урусу, Аку и Беку Шихмамаевым, Динбаю и Ханбаю Исмаиловым, Саид-Ахмеду и Кучуку Мухаммедовым, Ураз-Мухаммеду б. Дин-Ахмеду и Хану б. Урусу (НКС, д. 8, л. 127 об.) (Шихмамаевичи и Мухаммедовичи принимали по одному царскому послу на всех мирз своей патронимии).

Такая же иерархическая последовательность сохранялась в начале правления Уруса. В ноябре того же года он просил жаловать подарками и деньгами свою «братью» (Динбая и Ханбая), пятнадцать «Шихмамаевых детей» во главе с Аком и Беком, Саид-Ахмеда, Ураз-Мухаммеда, своего сына Хана и, кроме того, Дин-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда, Байтерека б. Дин-Ахмеда и Саидахмедова брата Кучука

(НКС, д. 8, л. 232 об., 233, 367–368). Русские четко осознавали иерархию, и грамоты последовательно направлялись мирзам именно в этом порядке. Сами мирзы тоже знали свои места и при перечислении родичей придерживались той же последовательности имен (см., например: НКС, д. 8, л. 243). Кроме того, Урусу были близки («они как мои дети») «Шигимовы княжие дети» Ай и Ак, что берегли кочевья бия от вражеских набегов с юго-запада (НКС, д. 8, л. 234).

Потомки Исмаила были пока слишком тесно связаны между собой, чтобы решиться на какие-то открытые столкновения друг с другом. После смерти Дин-Ахмеда четверо его детей, включая будущих биев Дин-Мухаммеда и Иштерека (но исключая взрослого к тому времени Ураз-Мухаммеда), перешли в семью своего дяди Динбая и воспитывались там вместе с его собственными восемью сыновьями и десятью дочерьми (НКС, д. 9, л. 92 об.). Преданный Урусу Ханбай б. Исмаил клялся, что он и Динбаю так же «правды делает» (НКС, д. 9, л. 38, 97). Тем не менее зерна очередного раздора и династической смуты уже вызревали.

О внутренней истории Больших Ногаев времени правления Уруса сохранились чрезвычайно лаконичные сведения. Одно из них относится к октябрю 1579 г. В ответ на расспросы дьяка А.Я.Щелкалова в Посольском приказе, по какой причине бий задерживает у себя русское посольство, представители Уруса отвечали, что он-де дожидается своего посольства из Москвы[7] и вдобавок «се меж его улуса смута была и рознь» (НКС, д. 9, л. 90 об.). Что это за «смута и рознь», больше нигде не уточняется. Однако по некоторым данным более поздних документов можно полагать, что она была связана со старшим сыном покойного Дин-Ахмеда, Ураз-Мухаммедом.

Урус и большинство мирз в то время начали ужесточать политику по отношению к России, боясь окончательного закабаления ногаев царем. В русле этой стратегии предпринимались дипломатические демарши вроде задержки посольств. Ураз-Мухаммед не разделял антимосковских настроений. В частности, в 1579 г. он «дяди (Уруса. — *В.Т.*) и братьи не послушал да сына боярского твоего (Ивана IV. — *В.Т.*) отпустил... Дяди и братьи не послушал, тебя почтил» (НКС, д. 9, л. 41–41 об.).

Видимо, этот эпизод и привел к напряженности и «розни» в ногайских улусах. Выходило, что из высших мирз один Ураз-Мухаммед согласился соблюдать прежние шерти и лояльность к царю, который высоко оценил такой шаг, пообещав отличить его соответствующим

---

[7] Ногайское посольство во главе с Джанбахты в назначенный срок не вернулось в Сарайчук. Урус заподозрил царя в пленении послов и сам задержал у себя приехавших москвичей. На самом же деле Джанбахты напросился участвовать вместе с русской ратью в военных действиях против литовцев, не известив бия (НКС, д. 9, л. 26 об., 52).

жалованьем (НКС, д. 9, л. 62 об., 63). Когда недоразумение с задержкой московских послов выяснилось и дипломатические контакты восстановились, Ураз-Мухаммед, как облеченный особым расположением русского монарха, поднялся на несколько иерархических ступеней выше. В перечнях мирз 1581 г. в письмах Ивана Васильевича Урусу и в боярском приговоре о росписи «жалованья» он помещен сразу после Уруса; причем следом за ним поименован его младший брат, Дин-Мухаммед, и лишь затем названы нурадин Динбай, Ханбай, Хан, Саид-Ахмед, Кучук, Бек б. Шейх-Мамай и др. (НКС, д. 10, л. 31 об., 156–159). В одном из посланий царь отзывается о своей переписке как об обращениях «к Урусу князю и к Урмагмед мирзе, и к иным мирзам» (НКС, д. 10, л. 45 об.), возводя Ураз-Мухаммеда, таким образом, на вторую ступень после бия и перед нурадином Динбаем.

Так постепенно стала назревать конфликтная ситуация. При могущественном и авторитетном Урусе появился богатый и поддерживаемый Россией мирза, оттеснивший нурадина и явно претендовавший на исключительное место в Орде. Опасность для единства ногайской державы заключалась не в амбициях Ураз-Мухаммеда, а в перспективе очередного раскола мирз на противоборствующие группировки. В той обстановке лидерами таких группировок логично становились Урус и Ураз-Мухаммед.

О своей приверженности бию заявил Ханбай б. Исмаил; в 1581 г. вместе с Урусом кочевали также братья Мухаммедовичи (НКС, д. 8, л. 244; д. 10, л. 50). Они уже давно жили на волжских берегах, и Саид-Ахмед надеялся когда-нибудь заполучить нурадинский пост (он откровенно признавался: «И толко Тинбаи мирза на Волге не будет, и яз в нурадыно место стою на Волге, а от Волги не иду» — НКС, д. 8, л. 251).

Положение Динбая было непрочным. Большим авторитетом он, очевидно, не пользовался и удерживал вокруг себя сторонников лишь выплатами из тех средств, что доставались ему в соответствии с должностью. «А которые братья мои кочюют по Волге со мною, — делился он с царем, — яз их держу твоим жалованьем, и толко твое жалованье не будет, и они от меня хотят отоити в Крым» (НКС, д. 9, л. 93–93 об.).

Сразу после «вокняжения» Уруса Ураз-Мухаммед сообщил царю, что все дети Дин-Ахмеда, «болшие и малые, будем в твоеи воли и в холопстве» (НКС, д. 8, л. 379). Искренность этих намерений вскоре подверглась проверке во время инцидента с задержанием русских послов Урусом и Динбаем. Ураз-Мухаммед не только с честью принял и с честью же отпустил восвояси побывавшего у него боярского сына, но и объявил о своем несогласии с политикой бия: «Яз... не в Уруса — от государя (Ивана IV. — *В.Т.*) и до смерти отстати не хочю» (НКС, д. 9, л. 158 об.).

В ту пору подобный шаг мог расцениваться как акт личного мужества, ведь мирза оказывался в оппозиции не только законному и властному бию, но в его лице всей официальной политике Ногайской Орды — и значит, всей Орде. Взбешенный загадочным исчезновением своего посольства на Руси, Урус собрался было поднять в поход всех Больших Ногаев, и практически все мирзы были готовы подчиниться. «И мне... одному как против Орды стояти?!» — риторически вопрошал Ураз-Мухаммед, обращаясь к царю (НКС, д. 9, л. 159).

Тем не менее его риск оказался оправданным, и плоды промосковской ориентации начали сказываться довольно быстро. Летом 1580 г. вернулся из России один из «пропавших» послов, Джан-Тимур, который попытался убедить Уруса в отсутствии враждебных намерений у русской стороны. Не преуспев в этом, Джан-Тимур со своей семьей и улусом откочевал в удел Ураз-Мухаммеда: «Ныне правде Урмагмет мирзе учну служити, [потому] что он от государя неотступен» (НКС, д. 9, л. 161, 161 об.). Начался постепенный приток ногаев, стремившихся к сытой и спокойной жизни, в поволжские кочевья.

Ураз-Мухаммед уже не противостоял всей Орде в одиночку. Осенью 1580 г. он смог обещать царю Ивану если не отговорить мирз от намеченного похода на «украйны», то хотя бы сдержать их до зимы (НКС, д. 9, л. 155 об., 156, 167, 167 об.). Данное решение тоже выглядело мужественным и рискованным, потому что вердикт о нападении на Русь был вынесен совместно бием, нурадином и кековатом на общем съезде (Ураз-Мухаммед единственный из верховных мирз не участвовал в нем). Мирза начал сепаратный обмен посольствами с Россией, чем вновь вызвал раздражение ногайской верхушки. Москва, пользуясь назревающим расколом, подстрекала лояльного аристократа действовать независимо от бия Уруса и нурадина Динбая, в частности самостоятельно шертовать, посылать свое ополчение на помощь русским в Ливонской войне; «жалованье» ему обещали «без оскуденья, мимо братьи твоеи и дядь твоих» (НКС, д. 10, л. 9 об., 119 об., 210, 210 об.).

Излишне говорить, что бия такой поворот событий возмутил. Ты «учал меншому моему брату (строго говоря, племяннику. — *В.Т.*) присылати свыше моего, а ныне учал присылати [мне еще] менше того, — взывал он к царю. — И мне то стало досадно пуще смерти» (НКС, д. 10, л. 144–144 об.).

Обида и ревность Уруса становятся тем более понятными, если учесть его темперамент, а также стремление к полновластному правлению. Бий мнил себя наследником «хакимов Дешт-и Кипчака» первой половины XVI столетия и старался держаться на политической арене соответственно. Но все больше мирз понимало, что после роковой второй Смуты могущество Орды стало угасать, и насущной задачей становилось не возрождение политических реалий полувеко-

вой давности, а поиск надежного патрона и своего места в новых обстоятельствах. Этим объясняется быстрый рост числа знатных сторонников Ураз-Мухаммеда — и следовательно, «улусных людей» под его началом — и, таким образом, его личного могущества и влияния.

В начале 1580-х годов уже существовал целый лагерь его сторонников. К данной группировке принадлежали прежде всего Тинехматовичи, младшие братья мирзы — Дин-Мухаммед, Байтерек, Шайтерек, Кучук, Хусейн и Бектерек; вместе с ним кочевали и такие старые и почитаемые у ногаев лица, как последний из оставшихся в живых сыновей Мусы, Афай, бывший нурадин Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед, герой сражений Ливонской войны Тохтар-Али б. Кутум, глава клана потомков Агиш-бия Каракул-мирза (НКС, д. 8, л. 249 об.; д. 9, л. 166, 166 об.; д. 10, л. 50 об.). Ураз-Мухаммед чувствовал себя вполне правомочным владыкой в своих западных кочевьях и даже изымал у приезжавших к нему русских послов подарки для родичей и союзников с целью раздать их самому, из своих рук, как от сюзерена подданным (НКС, д. 10, л. 151 об., 152).

Притязания старшего Тинехматовича на исключительное место среди Больших Ногаев проявились еще в 1578 г., во время смены бия. Ураз-Мухаммед поспешил тогда известить Ивана IV, будто «Урус мирза князем учинился, и Яик ему достался. А мне Волга досталася, и ныне зиме и летом на Волге будем» (НКС, д. 8, л. 248). По традиционной разверстке территорий, волжская половина (правое крыло) Ногайской Орды предназначалось нурадину, и в цитированной грамоте можно видеть надежды мирзы на второй иерархический ранг. Как уже говорилось, знать предпочла видеть на этом месте Динбая. Ураз-Мухаммед остался без должности и, надо думать, был весьма раздражен этим. В обстоятельствах, когда к нему начинало стекаться все больше кочевников, от правителей ногаев требовалось, во-первых, обеспечить его лояльность к бию и нурадину, во-вторых, наделить его формальным административным постом. Но кековатство тоже было занято — Аком б. Шейх-Мамаем, и отобрать его означало рассориться с многочисленными и воинственными Шихмамаевичами, защитниками восточных рубежей. Но тут, в начале 1580-х годов, к северо-востоку от Больших Ногаев произошли события, позволившие найти выход.

26 октября 1582 г. хан Кучум б. Муртаза был разбит Ермаком, и начался стремительный распад сибирско-татарского государства. Часть его населения — жители ханского домена (Тайбугина юрта) — откочевала в ногайские степи. Приток новых подданных заставил мангытских предводителей заняться их размещением и обустройством. На совещании мирз было решено выделить им наместника и обложить ясачной податью. Это была удобная возможность утолить властолюбивые амбиции Ураз-Мухаммеда.

Весной или летом 1584 г.[8] он писал царю Федору Ивановичу: «А нас... на Мангытцком юрте третьим государем учинили и удел мне дали Таибугинскои жеребеи». «Учинение третьим государем» по торжественности формулировки демонстрирует, пожалуй, новизну ситуации — принятие под начало новых подданных и включение их в среду ногаев.

Удел «Тайбугинского жеребья» (т.е. наследия Тайбуги — полулегендарного основателя сибирской династии беков) разместили где-то в северо-восточных пределах Большой Ногайской Орды. Ураз-Мухаммед в депеше, доставленной в Москву 30 августа 1586 г., упоминает о нем следующим образом: «[А бу]дет... с нами завоюежся и из Волги и из Яика воды не дашь, а почаешь себе то, что ***мы отдалели в таибугинскую страну***, и наша шерть порушитца, и любовь наша до конца урветца» (НКС, 1586 г., д. 9, л. 18). Ясно, что упомянутая страна (в оригинале, вероятно, «юрт») находилась к востоку от Яика, на максимальном отдалении от Европейской России — может быть, в верховьях Тобола и Ишима, поскольку еще восточнее кочевали калмыки и Кучум, южнее — потомки Шейх-Мамая, а севернее располагалось завоеванное казаками Сибирское ханство.

По точной аналогии с нурадином и кековатом новому наместнику над переселенцами из Сибири придумали титул по имени первого владельца их улуса — Тайбуги. Отныне Ураз-Мухаммед не только обладал сильной группировкой единомышленников и их улусов на Волге, но и обзавелся собственной должностью и вдобавок многочисленным ополчением из сибиряков. Предоставление ему ранга тайбуги было тем более уместно, что он был женат на дочери Кучума (НКС, д. 9, л. 160)[9]. Полагаю, что наделение новым постом могло показаться бию и нурадину верным средством оторвать оппозиционного племянника от его поволжской базы и отправить далеко на восток в новом почетном ранге.

Ураз-Мухаммед недаром рекомендовался ныне «третьим государем» Мангытского юрта после бия и нурадина. Кековат Ак возглавлял полунезависимое левое крыло и уже почти не участвовал в повседневной политической жизни ногаев. По реальному раскладу должностей Ураз-Мухаммед оказался действительно на третьем месте. Опись архива Посольского приказа 1614 г. называет начало 1580-х годов периодом, «как был на Нагайской Орде Урус князь и Тинбай ***и Курмагмет мурзы***» (Опись 1977, с. 225). Авторитет и сила ново-

---

[8] В цитируемом ниже послании мирза поздравляет адресата с воцарением и соболезнует о кончине его отца, Ивана Васильевича, случившейся 18 марта 1584 г. На следующий день Федор был венчан на царство, так что грамоту можно датировать весной–летом 1584 г.

[9] Подробнее о возникновении, объеме полномочий должности тайбуги и составе лиц, ее занимавших, см.: Трепавлов 1997д.

явленного тайбуги возросли неимоверно. Он обоснованно считал себя самым влиятельным вельможей: «Осми моих братов и семи сынов и всех моих улусов и дву дядь моих, Уруса князя да Сеит Ахмет мирзы (нурадина приблизительно с 1584 г. — *В.Т.*), узды их повод у меня в руках, — бахвалился он перед царем Федором. — Куды их ни поворочю — на мир или на воину, то в моеи воле; так бы еси ведал!» (НКС, 1586 г., д. 9, л. 15).

Обретя подобающие ранг и вес, Ураз-Мухаммед несколько изменил тон в общении с царем (да и царь на Руси, конечно, был теперь не чета своему грозному отцу). Рассуждая о гипотетической возможности охлаждения Москвы к ногаям, он — как бы без угрозы, для сведения — ронял фразы о том, что «мангытцких людей» наберется сорок тем, а вместе с казыевцами и крымцами — и все сто; «С такою со многою ратью учнем искати. Кому што Бог даст, то и будет» (НКС, 1586 г., д. 9, л. 18). Вместе с тем он не помышлял о разрыве с Россией, исправно шертовал от лица своего, младших братьев и сыновей (см.: НКС, 1585 г., д. 1, л. 2; 1586 г., д. 11, л. 3; 1587 г., д. 5, л. 23), которые чем дальше, тем больше сплачивались вокруг своего удачливого вождя.

В 1584 г. иерархия в Большой Ногайской Орде, судя по росписи «жалованья», выстроилась следующим образом: бий Урус; нурадин Саид-Ахмед с братом Кучуком; тайбуга Ураз-Мухаммед; Хан б. Урус; второй сын Уруса, (Джан-)Арслан; младшие братья Ураз-Мухаммеда; его старший сын — Назар-Мухаммед и младшие — Кель-Мухаммед по прозвищу «Кара» (Черный), Султан-Мухаммед, Али, Касим, Арслан (НКС, 1584 г., д. 1, л. 1–3). Подобное ранжирование прослеживается в документах до 1587 г. включительно (см., например: НКС, 1586 г., д. 10, л. 1, 2, 8, 9; 1587 г., д. 5, л. 36–39). Но в то же время размежевание мирз по политической ориентации уже стало настолько явным, что его не мог скрывать и сам бий. В январе 1587 г. Урус заключал шарт-наме перед послом И.Хлоповым от лица своей семьи, а также Ханбая б. Исмаила, Бека б. Шейх-Мамая, Зор-Мухаммеда б. Белек-Пулада, сыновей покойного нурадина Динбая — «те... мурзы... живут у меня в моеи воле».

В ответ же на просьбу Хлопова призвать к себе для шертования прочих сородичей, и прежде всего нурадина Саид-Ахмеда с братом Кучуком, а также Ураз-Мухаммеда и Дин-Мухаммеда, последовал отказ. Урус признал, что они сносятся с царем самостоятельно, «а мне... по них посылати нечево для» (НКС, 1586 г., д. 8, л. 6, 7).

К тому времени мирзы и подданные клана Шейх-Мамая уже давно держались особняком от основной массы Больших Ногаев. Урус видел в них защиту от нового врага — калмыков (НКС, д. 8, л. 236; д. 9, л. 31). Шихмамаевичи соглашались стоять на защите восточных границ, но предпочитали не вмешиваться в разногласия двоюродных

и троюродных братьев, разгоравшиеся к западу от Яика. При этом старейшины потомков Шейх-Мамая, Ак и Бек, постоянно подчеркивали свое уважение к Урусу и солидарность с ним (см., например: НКС, д. 8, л. 250, 250 об.; 1587 г., д. 7, л. 1).

Совсем в другом положении оказались сыновья Мухаммеда б. Исмаила. Их кочевья и улусы располагались на нижней Волге, и поэтому, с одной стороны, находились в эпицентре политического взаимодействия Больших Ногаев с западными соседями (Крымом, Малыми Ногаями, Россией), а с другой — придерживались пророссийской экономической и политической ориентации — традиционной для мирз правого крыла. Именно Саид-Ахмеду б. Мухаммеду удалось отговорить Уруса от большого похода на Русь предельно откровенным аргументом: «Мы... все свет видим государьским жалованьем, одены и обуты, и от государя есмя никоторые обиды не видели» (НКС, д. 9, л. 156).

Московское правительство, естественно, было в курсе таких настроений поволжских мирз и поддерживало с ними дипломатические отношения помимо бия и Ураз-Мухаммеда. При этом Саид-Ахмед с Кучуком вовсе не собирались рвать с Урусом, они исправно выполняли сложнейшую функцию обороны западной границы, что и позволило съезду знати доверить Саид-Ахмеду нурадинство вместо престарелого Динбая. Но оба мирзы по-прежнему не одобряли дерзкие выходки бия по отношению к России и, наверное, осознавали запоздалость, утопичность его помыслов о полной независимости Больших Ногаев.

В 1587 г. новый нурадин наконец открыто заявил о своем несогласии с политикой Уруса. Ссылаясь на давний прецедент разрыва Исмаила с Юсуфом, он писал царю: «Яз, от дяди своево от Уруса князя отстав, хочю пристати к тебе»; в знак искренности своих слов Саид-Ахмед перехватил крымское посольство, направлявшееся к Урусу, и силой доставил его в Астрахань (НКС, 1587 г., д. 2, л. 26). Более того, он предлагал ввести в Московском царстве должность нурадина и предлагал царю в качестве такового себя. Федор Иванович реагировал благосклонно и даже запросил дополнительные сведения о нурадинстве, но дальше переговоров дело не пошло (НКС, 1587 г., д. 2, л. 28, 35).

В конце 1580-х годов обстановка не располагала к долгосрочному прогнозированию событий, поэтому в Кремле осторожничали не зря. И не зря Саид-Ахмед подумывал об отъезде в Россию. В Ногайской Орде начинался очередной кризис. Уже лежал в развалинах разгромленный казаками Сарайчук (см. ниже). Антироссийские планы Уруса терпели крах, русские власти поставили крепости на главных ногайских переправах через Волгу и демонстративно учредили воеводскую ставку в Уфе — центре бывшей Ногайской Башкирии. Расчеты бия

на крымскую и османскую помощь не оправдывались. Он терял влияние и, следовательно, власть. В этих условиях нурадин решил перебраться в Малую Ногайскую Орду, которая к тому времени стала достаточно сильной и пользовалась покровительством султана и крымского хана. Однако исконные взаимные неприязнь и соперничество двух Орд уже слишком укоренились. Казыевские мирзы убедили своего бия Якшисаата напасть на улусы Саид-Ахмеда и убить его. Произошло это в конце 1587 г.[10].

Убийство нурадина было лишь одним звеном в надвигавшейся смуте, и Саид-Ахмед оказался не единственным, кто, нарушив обязательства перед бием, удалился в другой Юрт. Еще в 1581 г. русские наблюдатели стали замечать ослабление и оскудение собственно Большой Ногайской Орды, т.е. улусов, сконцентрированных вокруг бия. Все больше кочевников перебиралось на Крымскую сторону, поближе к Гиреям и казыевцам. В условиях начавшегося казачьего террора на Яике Урус никак не мог остановить подданных. «А улусов их всех болшая половина кочюют на Крымскои стороне... А потому и ратных людеи Урус князь не послал (на литовский фронт, по просьбе Ивана IV. — *В.Т.*), потому что ему послать некого: многие люди на Крымскои стороне кочюют»; «А улусных людеи при Урусе (в тексте: Улусе. — *В.Т.*) князе мало, толко старые да малые; многие... Урусовы улусы зимовали на Крымскои стороне»; «А се у них улусные люди самоволны, мало их (Уруса и мирз. — *В.Т.*) слушают» и т.п. (НКС, д. 10, л. 127 об., 142, 142 об., 149)[11].

При невозможности собрать воедино всех сородичей-мирз и опереться на них бий был вынужден подыскивать иную опору. В ногайской истории начинает возрастать социальная роль немангытской племенной знати, лидеров элей. Главенствующий статус мирз никем не оспаривался, но с конца 1570-х годов при бийском дворе все большее влияние начинают приобретать незнатные «функционеры». Они с благословения Уруса водили ополчения своих элей в походы, возглавляли его посольства. Как писал вернувшийся из степи С.Зубатов, «ходят они в головах у нагаиских людеи, а все они у князя лутчие люди» (НКС, д. 8, л. 340). Кроме того, племенные немангытские общины пытаются играть самостоятельную роль. Так, бий разрешил было русским дипломатам покупать в его владениях лошадей, но эль найманов не допустил к московитянам продавцов из других элей и угнал к себе

---

[10] О гибели Саид-Ахмеда гонец в Крыму И.Мишуринов узнал в конце января 1588 г.; в 1594 г. в наказ послу в Стамбул Д.И.Исленееву была включена информация о вражде заволжских ногаев с казыевцами из-за того, в частности, что «тому лет с семь» Якшисаат убил Саид-Ахмеда (КК, д. 17, л. 299; ТД, д. 3, л. 322 об.).

[11] Главную причину перемещения Больших Ногаев к западу я вижу именно в спасении от бесчинствовавших в Волго-Яицком междуречье казаков, а не в стремлении создать более удобные условия для нападений на Русь в союзе с крымцами и казыевцами, как думал Г.И.Перетяткович (Перетяткович 1877, с. 307, 308).

коней, уже купленных теми у «конкурентов». Урус в этот конфликт не вмешался (НКС, д. 8, л. 342). Но рост значения иноплеменных вельмож и элей пока только намечался как тенденция; род Эдиге продолжал незыблемо стоять во главе ногаев, и его первенство было несомненно.

Бий и царь: зигзаги взаимоотношений. Наиболее актуальными для Больших Ногаев оставались отношения с Московским царством, которое усиливалось и продвигалось все дальше на восток. Урус пытался установить какое-то иерархическое соответствие между собой и русским царем, иногда прибегая к натяжкам и фальсификациям.

Примером подобной идеологической конструкции могут служить его ссылки на почитание его правителями Мавераннахра. В 1581 г. бий предложил Ивану IV: «Как отца моего Исмаила князя и брата моего Тинехмата князя смотрил, а меня б еси того свыше смотрил. Потому что ты свыше отца своего учинился, что за отцом твоим Казань и Астарахань не бывала, а те оба Юрты бывали за великими цари. А яз отца своего и брата свыше учинился, потому что отец мои и брат з бухарсково и с тошкенсково дани не имывали, а ко мне ныне Абдулла царь бухарскои присылает по сту тысеч бухарских денег. Чтоб еси отца моего и брата моего ко мне свое жалованье свыше прислал!» (НКС, д. 10, л. 87 об.–88). В данном случае расчет был явно на неосведомленность русской стороны в ногайско-бухарских отношениях и в среднеазиатских делах. Большая Ногайская Орда являлась одним из центров сосредоточения бухарских беженцев, противников хана Абдуллы, и выплачивать дань Урусу могущественный государь узбеков не имел никаких оснований (подробнее см. ниже).

Однако и ссылки на экзотичный для московитов пример бухарского «царя» не помогли бию добиться увеличения денежных выплат. Русское правительство ориентировалось на реальный расклад сил «в Нагаях» и на отношения между мирзами. Подобным же образом были проигнорированы притязания Уруса на получение с Руси сорока тысяч алтын, что некогда давал казанский хан Сафа-Гирей Исмаилу. «Прежние дела на нынешние не сустоят, — веско отвечал бию Посольский приказ. — Мы того образца переимати не хотим» — и выдали его посольству сумму, эквивалентную лишь пяти тысячам алтын (НКС, д. 8, л. 114 об.). Посольские дьяки давно и хорошо знали Уруса, его воинственность и вспыльчивость и ясно осознавали, что он не будет столь же внимательно прислушиваться к политическим рекомендациям из Москвы, как два его предшественника. Тратить огромные средства из разоренной Ливонской войной казны на непредсказуемого «князя» сочли расточительным и преждевременным. Со своей стороны и Урус был далек от пресмыкательства перед царем Иваном. С конца 1570-х годов в отношениях между двумя странами наметилось охлаждение.

При Дин-Ахмеде сложился и обычно соблюдался порядок, по которому ногайский адресат царского послания обязан был вставать, выслушивая государевы вопросы о здоровье и решение о жалованье, а после этого бить челом перед послом в знак благодарности. При переговорах с русскими послами в июле 1578 г. этим протоколом пренебрегли почти все ногайские сановники — Урус, Динбай, Бек, Ханбай, Саид-Ахмед и Кучук (правда, Саид-Ахмед обещал сообщать в Москву о внутриногайских делах, чем сгладил там негативное впечатление о себе). Лишь Ураз-Мухаммед и Ак б. Шейх-Мамай исправно вставали и кланялись на встречах с послами; впрочем, Ак затем ограбил одного из них (НКС, д. 8, л. 344 об. и сл.).

Пример нового отношения к России показал сам бий. Он принял Семена Зубатова, сидя «у себя перед избою», не встал «против государева жалованного слова и поклону» и на поминки «не бил челом». На недоуменные вопросы посла «ничего не отказал». Вскоре посольство подверглось грабежу при явном попустительстве Уруса. Лишь на прощальной аудиенции Зубатова бий снизошел до объяснения, процедив: «Как... будешь у своего государя, и ты скажи: не учнет деи государь твои ко мне поминков посылати, как к отцу моему Исмаилю и к брату моему Тинехмату, и государь б твои ко мне и послов своих не посылал — то у меня с ним последнее слово». Такое же недовольство размерами «жалованья» высказали и мирзы (НКС, д. 8, л. 338 об., 339).

Русское правительство оказалось в непростом положении: с одной стороны, нельзя было рвать отношения с ногаями, которые продолжали владеть огромным заволжским пространством и обладали сильной конницей (в то время царь постоянно старался привлекать ее к сражениям с литовцами); с другой стороны, невозможно было пойти на поводу державных настроений Уруса, удовлетворяя его неожиданные запросы. Да и не таков был царь Иван Васильевич, покоритель Казани и завоеватель Астрахани, гроза разномастных «немцев», чтобы сносить подобное обращение со стороны степного «князя». Посольские связи тогда не прервались, но русские предприняли демонстративную акцию.

В 1579 г. следующий посол в ставке Уруса обратился к бию, не спешившись. Бий обомлел: «Тот сын боярский мне, сидя на коне, хотел посольство править!!! И коли он меня обезчестил — и он кобы (т.е. как бы. — *В.Т.*) тебя (царя. — *В.Т.*) обезчестил!» (НКС, д. 9, л. 25). Московский посланник объяснил, что сам «государь нашь велел мне к тебе ехать челом ударить на коне» (НКС, д. 10, л. 5). Естественно, Урус отказался от переговоров. То же повторилось в 1581 г. Бий устроил аудиенцию прибывшему из Москвы В.Перепелицыну, восседая в седле. Перепелицын тоже отказался спешиться и был стащен с коня «силно», отчего решил не передавать царское послание и

поминки. Разъяренный Урус приказал изъять все содержимое посольского обоза; татарскую свиту Перепелицына продали в рабство в Мавераннахр (НКС, д. 10, л. 139 об., 140). Дважды русские послы были насильно задержаны в главной ногайской ставке — зимой 1579/80 и зимой 1585/86 г., фактически оказавшись в заложниках (в первый раз из-за подозрения в задержке делегации Уруса в Москве, во второй — в отместку и в ожидании объяснений по поводу разрушения казаками Сарайчука, а также из-за строительства русских крепостей на Волге и в Башкирии).

Убедившись в нежелании Ивана IV видеть в нем равноправного партнера, Урус решился на свертывание отношений с Россией и нагнетание враждебности. Он не посмел применить карательные меры против промосковски настроенных мирз (впрочем, он и не располагал средствами для этого), но пробовал расколоть их группировку, переманив от них подданных и союзников. «Урус князь и Тинбаи мирза хотят братью мою меншую и детеи моих оманом от меня... отвести», — тут же донес Ураз-Мухаммед (НКС, д. 9, л. 166). В вестях от него в 1580 г. сообщалось также, будто бий и нурадин начали налаживать связи с Крымом с целью совместных действий против Московского царства (НКС, д. 9, л. 159, 167). Уже летом 1580 г. ногайские отряды вместе с Малыми Ногаями и крымскими ногаями (дивеевцами) совершили ряд нападений на «украйны» (НКС, д. 9, л. 170)[12]. Интриги Уруса распространялись и на Среднее Поволжье, где он в 1580 г. безуспешно пытался поднять на царя черемисов (см.: Зимин 1986, с. 84; НКС, д. 9, л. 153; Новосельский 1948а, с. 243).

Такой резкий поворот в политике Уруса вызывал и резкое противодействие русских, в том числе в отношении к ногайским посольствам. Их стали откровенно бесчестить, а одно «мало не побили насмерть» (ТД, д. 2, л. 405), что еще больше выводило из себя Уруса. Увещевания мирз — приверженцев союза с царем тонули в хоре голосов сторонников Уруса. Выше приводились данные о том, что доводы Саид-Ахмеда насчет важности государева «жалованья» для Орды остановили бия от набега на Алатырь и Темников. «Улусные лучшие люди» (незнатные богатые ногаи) доверительно делились с заезжими дипломатами своим ви́дением опасности из-за конфликта с Иваном IV: «А толко государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отняти, и нам... всем от казаков пропасти — улусы наши и жон, и детеи поемлют, и нам... где ся дети?» (НКС, д. 9, л. 157–157 об.).

---

[12] По информации английского дипломата К.Борроу, в одной из этих кампаний участвовали два царевича-Гирея (Howorth 1965b, p. 1039), т.е. координация действий между давно враждовавшими Юртами выглядела осуществленной и одобренной на «правительственном» уровне высшими властями Крымского ханства и Большой Ногайской Орды. На самом же деле эти царевичи, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей, бежали из Крыма в степи. Их отряды были набраны главным образом из Больших Ногаев и ногаев-«казаков» (см.: НКС, д. 10, л. 64–65).

Русское правительство не шло на формальный разрыв с Большими Ногаями, но и оставлять безнаказанными набеги и бесчестье послов не собиралось. В феврале 1581 г. в инструкциях очередному послу к Урусу содержалось требование вернуть награбленное имущество и вызволить из рабства служилых татар; в противном случае «государеву послу никак не бывать у Уруса вперед» (НКС, д. 9, л. 200 об.). В мае пришла весть о нападении ногайско-крымских войск на пограничье.

Иван IV, царевич Иван Иванович, бояре и думные дворяне постановили: во-первых, обязать астраханских воевод и волжских казаков встать на путях и переправах, чтобы отбить русский полон у возвращавшихся с Руси отрядов; во-вторых, беглый «из Нагай» полон принимать у себя и назад в улусы не возвращать ни под каким видом; в-третьих, уже отправленное к бию посольство И.Милославского не поворачивать домой с полдороги, но подготовку следующего посольства прекратить; в-четвертых, пригрозить бию и мирзам казачьими рейдами и налетами; в-пятых, потребовать от правителя Больших Ногаев немедленных объяснений. Если таковых не последует, «то будет государю и знатно: Урус князь и все мирзы государю недруги стали и правду во всем порушили. А государю вперед к ним ни послов не посылывать, ни у них послов не имывать — что кому Бог даст». Но при всем том в боярском приговоре содержался призыв к астраханцам и казакам воздерживаться от нападений на кочевников (НКС, д. 10, л. 58 об.–60 об., 66).

Ждать объяснений от Уруса было делом напрасным. Бий не снизошел до них. Царская немилость распространилась на него и на солидарных с ним мирз.

Степная политика России в тех условиях сфокусировалась на трех принципиальных факторах — строительстве крепостей на востоке, использовании крымского царевича Мурад-Гирея и привлечении военной силы казаков.

Еще Исмаил в середине 1550-х годов просил преградить заставами и крепостями основные ногайские переправы через Волгу (на Переволоке, устьях Самары и Большого Иргиза), чтобы воспрепятствовать бегству народа из Орды и нападениям «казаков»-Юсуфовичей. В ту пору русское правительство предпочло выжидать. Иван Васильевич не отказывался помочь своему союзнику, но и не спешил с практическими действиями. Ситуация, как мы помним, была сложная: Исмаила несколько раз изгоняли из Сарайчука, окончательно он закрепился у власти только к 1559 г., но тут уже царю стало не до охраны ногайских границ, так как началась Ливонская война.

К идее контроля над переправами вернулись во второй половине 1580-х годов, когда начались ногайские набеги. Подданные Уруса шли в походы, форсируя Волгу на тех самых трех «перевозах». Именно там

было наконец решено возвести города. В Самарском музее краеведения хранится фотокопия отрывка недатированной грамоты времени Федора Ивановича. В ней некое столичное ведомство (приказ?) требовало сведений, «сколь далече ногаи кочуют от [реки] Самары от того места, в котором месте ныне город станет, и впредь теми людьми мочно ли в городе сидеть (в осаде. — *В.Т.*)», а также запрашивало роспись (проект) укреплений будущего города (Гурьянов 1986, с. 173).

Осенью 1585 г. князь Г.О.Засекин получил указание возвести крепость в устье Самары. Город был основан в 1586 г. В 1589 г. этот же воевода заложил Царицын на Переволоке — в месте, где ногайские и крымские отряды имели наилучшую возможность соединения для набегов (Перетяткович 1877, с. 284). В 1590 г. возник Саратов — в районе устья Большого Иргиза, или, как иногда говорили ногаи, «на Увеке», т.е. в окрестностях развалин золотоордынского города Укек.

Все три укрепленных пункта строились, очевидно, одинаково. Зимой в лесах между Нижним Новгородом и Казанью заготовлялся строевой лес и санным путем свозился на берег Волги. С началом половодья плоты и струги с работниками и будущими гарнизонами спускались по реке к месту закладки города. Основные сооружения (детинец, стены острога, административные здания и часть жилых) строились очень быстро, за полтора-два месяца. Как правило, к середине лета или началу осени городки уже стояли (Дубман 1995, с. 51).

Ногайские переправы оказались надежно запертыми. Урус поначалу был вне себя от ярости. Кроме строительства в Поволжье его возмущало возведение крепостей на Белой Волжке (Уфа) и на нижнем Яике. Именно появление русских и казачьих поселений на исконно ногайских землях (Яик), в башкирском наместничестве и на волжском рубеже заставило его задержать у себя одно из московских посольств (НКС, 1586 г., д. 1, л. 31). Проекты широкого крепостного строительства бий воспринимал как «досадные слова» и задавал царю Федору Ивановичу резонный вопрос: «А теми местами твои отцы и деды владели ли?!» (НКС, 1586 г., д. 8, л. 8). Впоследствии, уже вознамерившись помириться с Россией, он продолжал настаивать на ликвидации новых городов, кроме самого первого из них — Самары.

Конечно, московское правительство не собиралось отступать от планов постепенной восточной экспансии, да и не видело уже в предводителе Больших Ногаев деятеля, с мнением которого следовало считаться в этом вопросе. Однако просто проигнорировать негодование бия тоже не годилось. В переписке с ним и с мирзами посольские дьяки объясняли, что Самара, Уфа и прочие города поставлены как раз в интересах ногаев, дабы беречь их от казачьих нападений; кочевники, дескать, нисколько не будут стеснены таким соседством, они

могут беспрепятственно перемещаться со стадами по степям и приходить торговать в эти крепости (НКС, 1586 г., д. 10, л. 12; 1587 г., д. 4, л. 11, 12). Власти Орды были вынуждены смириться и с такой трактовкой, и с самим фактом появления русских форпостов в Дешт-и Кипчаке. Ни решимости, ни сил противостоять этому у мирз не нашлось.

Еще одним средством нажима на Больших Ногаев было отправление в Астрахань Мурад-Гирея б. Мухаммед-Гирея. Изгнанный из Крыма вместе с братьями Саадет-Гиреем и Сафа-Гиреем их дядей, ханом Ислам-Гиреем II, он обратился под покровительство московского царя. Царевичам дозволили поселиться на нижней Волге: Саадету и Сафе в ногайских улусах под Астраханью, а Мураду в самом городе (Соловьев 1989б, с. 250, 251). Целью отправления трех султанов на юг было сдерживание воинственного пыла Ислам-Гирей-хана и содействие восстановлению дружественных отношений России с Большими Ногаями (Зимин 1986, с. 141). Последние, обеспокоенные неожиданным соседством татарских династов, наводили справки, и из Москвы мирзам объясняли, что эти Гиреи призваны защищать заволжские кочевья от крымских и османских (?!) вторжений (НКС, 1586 г., д. 10, л. 56).

Мурад-Гирей отбыл из Москвы 8 сентября 1586 г. Он плыл по Волге на судне, и сопровождавшие его дети боярские выказывали ему всяческое почтение. Едва завидев на берегах группы кочевников, они демонстративно принимались салютовать из корабельных пушек в честь крымского аристократа. Астраханский воевода Ф.И.Лобанов-Ростовский тоже расстарался и в честь гостя «велел по набатом и по накром (т.е. в колокола и барабаны. — *В.Т.*) бити и в сурны играти для царевичева приезду... и для иноземцев велел стреляти ис тритцати из однои пушки». Польщенный царевич не скрывал удивления и радости от столь торжественного приема. «Приезд... вы мои учинили честен перед иноземцы, — восторженно восклицал он, обращаясь к воеводе. — И та слава поидет во все Орды, что вы из пушек и из оружья велели стреляти!» (НКС, 1586 г., д. 13, л. 25, 28–30, 33, 34).

Главным же смыслом всех этих мероприятий было то, чтобы о встрече Мурад-Гирея узнали в Большой Ногайской Орде. Цель, поставленная перед ним, ясно сформулирована в царской грамоте князю Лобанову-Ростовскому: «Чтобы он (Мурад-Гирей. — *В.Т.*) со своими братьями Саадетом и Сафои, князем (Малых Ногаев. — *В.Т.*) Якшисаатом, ***князем Урусом, мирзами*** Казыева улуса и ***заволжских нагаи*** на наших недругов стоял заодин» (НКС, 1587 г., д. 1, л. 3). Более детально эта установка расшифровывалась в переписке Посольского приказа с промосковскими мирзами. От Мурад-Гирея требовалось убедить Больших Ногаев «от крымсково отстати», а также от Малых Ногаев, если те начнут воевать Россию; вместо этого направить кон-

ницу в помощь русским на польскую границу; находиться в поле зрения царевича и астраханских властей и для этого «от Волги прочь не кочевати» (НКС, 1586 г., д. 13, л. 2, 3; 1587 г., д. 2, л. 24).

Перечисленные довольно сложные дипломатические директивы несколько облегчались родственными узами Мурад-Гирея с домом Эдиге: он был женат на дочери нурадина Саид-Ахмеда б. Мухаммеда (НКС, 1587 г., д. 5, л. 28). Царевичу активно помогали астраханские воеводы.

Уже при Исмаиле и Дин-Ахмеде наместники завоеванного нижневолжского Юрта показали себя как грозная и не всегда дружелюбная по отношению к ногаям сила. Воеводы обложили ясаком кочевников, живших по Бузану, чем вызвали возмущение Дин-Ахмеда, считавшего тех своими подданными, а сам Бузан — своим наследственным владением (НКС, д. 7, л. 14, 14 об., 41 об., 42). Его жалобы чаще оказывались бесполезными. Воеводы чувствовали себя вправе распоряжаться на всей территории бывшего Астраханского ханства, включая его размытое пограничье. Стрельцы угоняли у ногаев коней, запрещали самовольно охотиться и ловить рыбу в пределах воеводства (НКС, д. 7, л. 11 об., 12, 79).

Актуальность отношений с местными русскими властями была для ногаев тем более велика, что и Дин-Ахмед, и Урус устраивали порой в окрестностях Астрахани свои зимовки (НКС, д. 8, л. 41 об., 365 об.; д. 10, л. 88; 1587 г., д. 1, л. 2, 3), не надеясь на защиту собственных улусников в глухих степях под Сарайчуком. Уже в силу своего географического положения Астрахань становилась средоточием ногайско-русских отношений. Правда, в XVI в. ее власти еще не имели той монополии на связи со степью, которую обрели в следующем столетии. Но уже Дин-Ахмеду царь советовал сотрудничать в первую очередь с астраханскими воеводами в борьбе с мирзами-сепаратистами и беглецами в Крым (НКС, д. 8, л. 86 об.).

На тех же воевод стали возлагаться функции контроля над нижневолжскими кочевыми переправами и передачи мирзам царского «жалованья»[13]. В период размолвки царя с бием им вменялись в обязанность сбор сведений о ногаях и максимальное умиротворение Уруса. Воеводы должны были добиваться от Уруса объяснений по поводу недружественных выпадов против России — «и будет Урус князь к вам отпишет *гладко*, и вы б одноличнo с Урусом князем и со всеми мирзами жили тихо, и задоров бы им никаких от наших людеи одноличнo не было», да еще и послать «зимний запас» (шубы) бию и выс-

[13] Первый случай посредничества астраханских воевод в передаче мирзам царских выплат фиксируется по документам в 1577 г. Ханбай б. Исмаил в 1579 г. жаловался, что в течение двух последних лет ему из Астрахани не поступают «жалованье» и «корм», как бывало «наперед сего» (НКС, д. 8, л. 39 об.). До того расчеты с ногаями осуществлялись исключительно через Посольский приказ.

шим мирзам. Вместе с тем следовало усилить контроль над переправами. В период наиболее напряженного противостояния и фактического разрыва ногайско-русских отношений на воевод фактически возлагалась функция дипломатических отношений с Ордой (НКС, д. 10, л. 58 об.–60 об., 246 об., 247).

Провинциальные власти не всегда оказывались на высоте порученных им задач. Урус пенял Ивану IV, что астраханские приказные люди его, бия, не чтят, и просил наложить опалу на непочтительных управленцев; «и толко на них опалу не положишь, и яз от тебя отстану», грозил он (НКС, д. 10, л. 89 об., 90). Не добившись должного, как ему представлялось, уважения к себе, он уже начал помышлять о нападении на Астрахань в союзе с Малыми Ногаями. В январе 1586 г. он хвастался перед служилым татарином, что казыевцы готовы к такому походу, «а мы ведаем, как нам Астарахань взяти, и о какову пору в Астарахани людеи живет мало. И мы о такову пору к Астарахани и придем. А в осень у вас в Астарахани живет толко тысеча человек стрелцов да тысеча человек казаков, а болши того в Астрахани людеи не живет» (ТД, д. 2, л. 406).

Однако военной авантюре препятствовала не только перспектива жестокого возмездия со стороны русских, но и настрой рядовых кочевников. По словам некоего ногая Ахмеда, одного из таких простолюдинов, среди народа крепнет убеждение, что до зимы (1586/87 г.) бию необходимо помириться с воеводами, чтобы открыть переправы для перегона скота на правобережные пастбища. В противном случае придется уходить в Мавераннахр или в Малую Ногайскую Орду, «а так де нам не прожить» (НКС, 1586 г., д. 1, л. 33).

Многостороннее давление со стороны России и неудача союза с Крымом и Стамбулом (о котором детальный разговор впереди) заставили Уруса пойти на попятную. Мурад-Гирей рьяно взялся за дело. Основные усилия его пропаганды обратились на заносчивого и буйного Урусова сына Джан-Арслана и лишь затем на самого бия. Мирзу удалось убедить в полезности мира с Москвой. Джан-Арслан изъявил желание подчиняться указаниям государя и получать за это наградное жалованье (НКС, 1586 г., д. 10, л. 61, 62, 86). Главным же достижением стало снятие напряженности между Ордой и Москвой. Мурад-Гирей выступил как умелый посредник в привлечении Уруса к переговорам, а впоследствии и к шертованию его в пользу царя.

2 ноября 1586 г. в Астрахань явилось посольство от бия. Привезенные им грамоты содержали ставшее уже обычным требование о недопустимости строительства крепостей в степи и встретили столь же традиционный ответ воевод: «Поставил... государь те городы, берегаючи Уруса князя и мирз, для казачьего воровства» и «чтоб вперед того дела о городах не всчинали».

К этому вопросу стороны вернулись на торжественном пире в честь ногайской миссии. Мурад-Гирей неожиданно заявил, что города поставлены царем по его просьбе и находятся ныне, вместе с Волгой, Яиком и Тереком, под его, царевича, надзором («в моеи воле»). А просил он, мол, государя основать города только для того, чтобы уберечь ногайские кочевья и улусы от разбойных набегов казаков. Крымчанин напирал на то, что ему прекрасно известны все дипломатические хитрости ногаев и истинное положение дел в их владениях: «Я... сам мусулманскои государь, да и чин ведаю и обычеи, — втолковывал он послам бия. — Он (Урус. — *В.Т.*) хвалитца Крымом или турским, или бухарским, и я... ведаю: там де Урус князь не добре похвален» (т.е. не вызывает большого одобрения). Куда лучше будет для него, продолжал Мурад-Гирей, оставить ложную гордыню и вновь помириться с московским властителем. А чтобы стремление Уруса к миру выглядело доказательно, пусть-ка он отправит на постоянное жительство в Астрахань своего сына Джан-Арслана (НКС, 1586 г., д. 1, л. 12–14).

Послы внимательно выслушали эту речь и точно передали своему патрону. Тот уже и сам искал выход из политического тупика. Ощущая надвигающиеся кризис и крах своей державы, он решил восстановить мир с наиболее могучим соседом. В конце 1586 г. перед царским послом шертовали, обещая не воевать с Россией и не присоединяться к ее недругам, дети Уруса, Хан и Джан-Арслан, который остался в «закладе» (НКС, 1585 г., д. 1, л. 1; 1586 г., д. 1, л. 65), а вскоре и сам глава Орды прикочевал с мирзами к Астрахани и объявил воеводам и царевичу Мурад-Гирею о намерении «быти в... твоеи государевои воле... где ты, государь, велишь мирзам с нагаискими людми на недруга итти, и им ходити». Чтобы русские поверили им, ногаи передали Мурад-Гирею и воеводам двух крымских послов и заявили о готовности ближайшим летом двинуться на Крым, а также послать рать на «литовского короля» (НКС, 1586 г., д. 1, л. 25–26; Статейный 1891, с. 58, 59).

В примирительном послании царю Федору Ивановичу Урус поведал о своем шертовании, о разрыве с Крымом и еще просил «свести» с Яика казаков и не строить после Самары новых городов на Волге. Он обещал разорвать отношения с султаном и крымским ханом, а с последним даже «воеватца», и еще посылать своих ополченцев по царским запросам в литовские походы (НКС, 1587 г., д. 1, л. 11; д. 2, л. 8, 9; д. 5, л. 15, 16). Царь выразил полное удовлетворение таким поворотом дел и обещал бию такое же «жалованье», какое направлялось в свое время Исмаилу (НКС, 1587 г., д. 5, л. 10). Уже в начале 1587 г. воевода Ф.И.Лобанов-Ростовский рапортовал Посольскому приказу, что бий с мирзами смирно кочует у Астрахани (НКС, 1587 г., д. 1, л. 2, 3).

Мурад-Гирей блестяще выполнил свое дипломатическое предназначение и оказался более не нужен царю и Посольскому приказу. В 1587 г. он внезапно скончался: по одним сведениям, отравленный русскими, по другим — крымцами (Соловьев 1989б, с. 254; Татищев 1966, с. 284).

Казацкие дела. Разрушение Сарайчука. Одной из причин усмирения воинственных настроений ногайского предводителя была резкая активизация волжских казаков в степях. Отношения Больших Ногаев с вольным казачеством постоянно ухудшались. Казачьи общины и ватаги на Волге становились все многолюднее и агрессивнее. Казаки угоняли из улусов лошадей и грабили население. Мирзы жаловались на волжан в Москву, считая их царскими подданными. Посольский приказ от имени государя отписывал «в Нагаи» о мерах, предпринимаемых против грабителей, и заверял, что эти разбойники никому, в том числе и царю, не подчиняются (см., например: БГК, д. 137, л. 366 об.; НКС, д. 8, л. 384 об., 390 об., 391).

Вместе с тем вскоре, в начале 1580-х годов, выяснилось, что правительство все-таки способно воздействовать на казаков. На них возлагалась задача стоять на переправах и помогать послам и гонцам с востока (прежде всего из Большой Ногайской Орды) перебираться на правый берег и обратно. На этот счет атаманам была послана грамота Ивана IV от 5 марта 1581 г. (НКС, д. 9, л. 330 об.–331 об.). Я не располагаю точными сведениями, собиралась ли Москва как-нибудь вознаграждать казаков за эту службу, но некоторые караваны действительно пересекали Волгу при их помощи и на их судах.

Однако нередко перевозчики не гнушались грабежом посольств или не защищали их от грабителей, налетавших из степи. Ногаи возмущались, правительство, как всегда, обещало разобраться и «свести с Волги» виновных, но до поры до времени воздерживалось от массовых карательных мероприятий: непричастных к разбою казаков «за што сводить?» К тому же у русской стороны находились встречные претензии: волжане перевозят ногаев на противоположный берег «как своих», а те, очутившись на Крымской стороне, объединяются с азовцами и крымцами и нападают на «украйны» (см.: НКС, д. 9, л. 167 об., 173, 196 об., 266, 267 об.–268 об.; д. 10, л. 127 об., 128, 141 об., 142).

Как бы то ни было, из источников явствует, что вольница соглашалась следовать царским указаниям лишь в тех случаях, когда они сулили выгоду, обогащение. А раз так, то ясно, что запрет нападать на кочевые улусы не встречал поддержки (пока не учитываю двойную дипломатию Москвы и ее заинтересованность в военном ослаблении Больших Ногаев по время размолвки Уруса с царем). Грабежи продолжались, и в 1580–1581 гг. в них участвовал знаменитый впоследствии Ермак (НКС, д. 10, л. 110 об., 111; Преображенский 1984, с. 110). Обстановка, осложненная антироссийской политикой бия, накалялась.

Кульминацией казацко-ногайского противостояния стал разгром стольного Сарайчука.

Известие о первом набеге на Сарайчук содержится в донесении из Крыма гонца И.Мясоедова от 24 марта 1576 г. В начале 1574 г. («в великие говейна лета 7082») ногайские послы явились в Бахчисарай и доложили хану: «Воевали... нас московские люди, Сарачик взяли и улусы воевали» (КК, д. 14, л. 256). 8 апреля 1576 г. Мухаммед-Гирею II доставили письмо от главы Малых Ногаев Гази б. Урака, где тот сообщал, будто бий Дин-Ахмед известил его о нападении на Ногайскую Орду казахского Хакк-Назар-хана, который «Сарачик взял и их (Больших Ногаев. — *В.Т.*) побил, и они сь Юрту збежали» (КК, д. 15, л. 32 об.). Как и в 1574 г., бий просил крымского правителя о помощи; но Гази добавлял от себя, будто эту свою грамоту Дин-Ахмед «писал, оманываючи царя» Мухаммед-Гирея. Видимо, эти же события подразумевались в словах Дин-Ахмеда, сказанных русскому послу в июле 1577 г.: «Преже тово приходили государские люди в Сарачик и над отцом моим мертвым изругалися» (НКС, д. 8, л. 4 об.).

Как видим, налет на столицу Большие Ногаи однозначно приписывали московским, или «государским», людям, т.е. русским. Упоминание в письме Гази казахского «Акназар царя» кажется результатом непонимания информации: в вестях от Дин-Ахмеда слово «казаки» канцеляристами Малой Ногайской Орды было воспринято как казахи, предводительствуемые Хакк-Назаром. Думаю, все же первому разорению в 1573 г. Сарайчук и близлежащие улусы подверглись от казаков, а не от казахов[14]. Судя по некоторым сведениям, это были служилые казаки астраханского гарнизона, посланные на Яик в отместку за участие ногайской конницы в нашествиях Девлет-Гирея на Москву 1571 и 1572 гг. Ногаи обозначили нападавших как «государевых людей», однозначно возлагая ответственность на русские власти. «В прошлых летех... приходили козаки из Астарахани и Сарачик разорили», — утверждал Урус (НКС, д. 10, л. 140 об.)[15].

---

[14] Послание Больших Ногаев хану Девлет-Гирею в пересказе И.Мясоедова гласило, что они поверили, будто Москва взята ханом и поддались на его уговоры принять участие в походе на Русь (т.е. во втором нашествии Девлет-Гирея, состоявшемся в 1572 г.). За это «у нас... у самих жены и дети московскои царь поимал в полон и юрты наши пожег» (КК, д. 14, л. 256). Следовательно, разорение Орды состоялось вскоре после похода 1572 г. Даты, предлагаемые В.Н.Дариенко, Н.И.Никитиным и Е.П.Савельевым, — 1570, 1571, 1572 гг. (История 1995, с. 22; Савельев Е. 1904, с. 49) — кажутся слишком ранними. Необоснованно и распространенное в историографии мнение, будто казаки разорили Сарайчук в 1577 г. В цитированном высказывании Дин-Ахмеда в июле 1577 г. об этом происшествии явно подразумевается инцидент, имевший место «преже тово», т.е. до событий, о которых бий говорил перед этим, — нападении ногаев на алатырские и темниковские места в 7085 (1576/77) г.

[15] Первые набеги русских астраханцев на район Сарайчука отмечены в 1560 г. Подробнее см. очерк 6.

На зимнюю ставку мангытских правителей давно зарились и вольные волжские казаки. Именно они окончательно уничтожили город. В августе 1581 г. в Москву приехал служилый татарин Б.Томеев, спутник посла В.Перепелицына, отбывшего к Урусу весной. Томеев поведал о грубом приеме бием русской делегации и привел слова бия: «Приходили... государевы козаки *сего лета* и Сарачик воевали и сожгли. Не токмо что людеи живых секли — и мертвых из земли вымали и гробы их розоряли. И нам то стало за великую досаду» (НКС, д. 10, л. 140 об.). В привезенной тут же грамоте Уруса говорилось, что казаки «ныне, *сего лета* пришед, Сарачик сожгли и разорили» (НКС, д. 10, л. 145).

«Сие лето» в устах Уруса в данном случае означает 989 год по хиджре, длившийся с 5 февраля по 27 декабря 1581 г., или год Змеи (октябрь 1580 — сентябрь 1581 г.). Перепелицын предстал на аудиенции перед бием приблизительно в середине июня[16], следовательно, интересующие нас события произошли весной 1581 г.[17] (из слов Уруса можно понять, что столица была сожжена не только что, да и посол по пути в кочевую ставку не отметил следов казачьих набегов).

«Сарачик разорили люди ваши, и мы хотим делати (т.е. отстраивать город)», — писал царю нурадин Динбай в 1581 г. (НКС, д. 10, л. 134 об.). «А ныне, сего лета, Сарачик сожгли и разорили», — вторил Урус в цитированной выше грамоте, подразумевая, что нападение 1581 г. было совершено астраханскими казаками. Может быть, он в самом деле считал, что злодеи явились из Астрахани. Однако тамошние наместники не решились бы на столь вопиющий шаг без санкции государя, и нет абсолютно никаких данных об их причастности к событиям 1581 г.

Присоединяясь к мнению большинства историков, я склонен приписать нападение на степную столицу в 1581 г. вольным казакам, которые были вытеснены с Волги карательной экспедицией стольника И.Мурашкина в 1577 г. Иван Грозный повелел выбить разбойников с волжских берегов, и те стали расходиться по окраинам или в глубь степей. Один из маршрутов переселения пролегал в сторону Яика — основных, домениальных ногайских кочевий. Возможно, эти-то яицкие новоселы и разгромили Сарайчук (см. также: Алекторов 1883, с. 9; Левшин 1823, с. 9, 10)[18].

---

[16] Посланный одновременно с Перепелицыным к Беку б. Шейх-Мамаю Н.Аксаков был принят мирзой за десять дней до Петрова дня (НКС, д. 10, л. 149 об.), т.е. 19 июня 1581 г.

[17] А.А.Преображенский убедительно датировал тем же сроком (весна — начало лета 1581 г.) угон Ермаком табуна у мирзы Ураз-Мухаммеда (Преображенский 1984, с. 113). Очевидно, набег Ермака произошел в ходе общего наступления казаков на Больших Ногаев.

[18] Нет никаких документальных оснований приписывать набег 1581 г. донским казакам (см., например: Мининков 1998, с. 82; Попов А. 1816, с. 4; Рычков 1896, с. 34;

Московское правительство, с одной стороны, не слишком старалось разубеждать степняков в подчиненности казаков царю, но с другой — отказывалось брать на себя ответственность[19]. Боярский приговор в сентябре 1581 г. определенно формулировал: «А мы к Сарачику и на Волгу не посылывали; сами козаки своровали» (НКС, д. 10, л. 155). Та же версия содержалась и в рекомендациях царя астраханскому воеводе В.Ф.Бахтеярову-Ростовскому, который на возможные вопросы Уруса должен был отвечать: «Наши козаки на Сараичик не хаживали, а воровали будет на Сараичик приходили беглые козаки, которые, бегая от нас, живут на Терке, на море, на Еике» (НКС, д. 10, л. 247 об.). Предпринимались попытки приписать набег и пришлым с Днепра «литовским» казакам (НКС, д. 10, л. 29, 37 об., 120).

Однако как ни старался Кремль использовать новую ситуацию для усмирения ногаев, факт самовольной агрессии волжан был настолько дерзок и грозил столь серьезным обострением отношений со степью, что Иван IV решил все-таки покарать казаков. Было велено послать войска из Казани и из Астрахани на Волгу и Дон, разыскивать и казнить «воров», освобождать полоненных ногаев, возвращать в улусы угнанный казаками скот (НКС, д. 10, л. 29, 38, 271). Царь выразил недовольство пермскими купцами Строгановыми, которые приютили в своих лесных владениях тех атаманов и казаков, что «ссорили нас с Нагайскою Ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинили» (Акты 1891, с. 2; ДАИ, т. 1, с. 184).

Урусу предлагалось также направлять свои отряды для истребления разбойников на Волге и Яике. Бий с готовностью соглашался, и в заготовленной для него шертной записи 1581 г. содержались взаимные обязательства русской и ногайской сторон «тех воров, сыскивая, казнити... над теми воры... промышляти заодин» (НГ, д. 18, л. 2; НКС, д. 10, л. 207, 271).

Карательные меры воевод заставили волжан умерить воинственный пыл, но грабежи и разбои против караванов и посольств продол-

---

Савельев Е. 1904, с. 49). Столь же необоснованно утверждение Ф.Лэнгворта, будто Сарайчук был разграблен соратником Ермака Иваном Кольцом (Langworth 1969, p. 53). Иван Кольцов (Кольцо) упоминается в посольском донесении Василия Перепелицына. Летом 1581 г. этот казак служил на волжской переправе у Соснового острова и перевозил посла вместе с миссией Уруса на правый берег (НКС, д. 10, л. 141 об.). О причастности Кольцова (Кольца) к взятию Сарайчука мне неизвестно. Боярский приговор в сентябре 1581 г. предусматривал сыскать «воров» Ивана Кольцова со товарищи и доставить их в Мещеру, но вовсе не за разгром города, а в наказание за грабеж ногайского посольства на той самой переправе (НКС, д. 10, л. 153, 153 об.).

[19] В решении царя и Боярской Думы в мае 1581 г. упоминались события 1573 г.: «А как с крымским царем нагаиские многие люди были у Москвы, и государевы люди немногие астараханские казаки без государева веленья побывали у Сарачика...» (НКС, д. 10, л. 59 об.–60).

жались. На смену «сбитым» с Волги казакам приходили новые беженцы из Руси, разоренной опричниной и Ливонской войной, и все новые ватаги выходили «шалить» в степь и на переправы.

По-прежнему считая их московскими подданными, власти Большой Ногайской Орды расценивали это как целенаправленную политику западного соседа. Ногайские послы жаловались крымскому хану в начале 1586 г.: «И московскои... ныне с нами завоевался, и от московского нам учинилась теснота великая. Ныне московскои учинил на Волге казаков многих, а улусы нагаиские погромили многие, и от Волги их (улусы. — *В.Т.*) отбили всех... А ныне ходили воиною казаки на нагаи за Бузан реку и за Еиком днища с три воевали по реку по Емь (Эмбу. — *В.Т.*). И им (ногаям. — *В.Т.*) от московских людеи вперед прожить немочно» (ТД, д. 2, л. 404 об.; то же см.: КК, д. 16, л. 11). Пленных кочевников продавали в Астрахани среднеазиатским купцам, которые переправляли их «в Бухары». Среди налетчиков, как сообщал Урус послу И.Хлопову, якобы находился и брат астраханского воеводы, убитый ногаями в стычке (НКС, 1586 г., д. 8, л. 4, 5).

Данный конфликт вызвал очередное раздражение бия и нурадина и приостановку дипломатических отношений с Москвой, которая по-прежнему отказывалась признать свою связь с волжскими казаками: «Каз[аки] воры то делают без нашего ведома, как ваших [неразборчиво] бьют, так и наших судовых людеи бьют» (НКС, 1586 г., д. 4, л. 6). Именно под предлогом защиты от буйных грабителей русская сторона убеждала ногайскую в целесообразности возведения новых городов на Волге, прежде всего Самары. Как и в начале 1580-х годов, бию и нурадину предлагалось объединить усилия в борьбе против волжской вольницы и совместным ударом расправиться с ней (НГ, д. 19, л. 1, 2; д. 20, л. 2; НКС, 1586 г., д. 10, л. 28).

Можно ли обнаружить какие-либо следы участия московской дипломатии в разгроме Сарайчука? Выше приводились примеры противоречивости объяснений российских властей по этому поводу. И все же неоднократные попытки Ивана IV полностью дистанцироваться от набега 1581 г. не выглядят убедительными в свете отдельных оговорок в некоторых документах. Правительство иногда признавало казаков своими подданными, но действующими без его ведома (см., например: НКС, д. 10, л. 59 об., 60, 65, 65 об.), и это выглядело странно в условиях деспотичного послеопричного режима! При этом царь угрожал, что если Урус не прекратит нападения на «украйны», то «***повелим вас самих воевать*** и ваши улусы ***козаком*** астараханским и ***волским, и донским,*** и казанским, и мещерским — и над вами над самими досаду и не такову (как над Сарайчуком. — *В.Т.*) учинят»; «на Волгу и на Яик ***многих*** стрелцов и ***казаков пришлем***, болшую свою

рать с вогненным боем». Но тут же, противореча себе, Иван отстранялся от казачьих бесчинств: «И нам уже нынеча казаков своих уняти немочно», т.е. повторялась идея о самостоятельной инициативе волжан в разрушении столицы Орды (НКС, д. 10, л. 36 об., 46 об., 65 об., 271 об.).

В историографии в целом утвердилось убеждение в причастности российского правительства к заволжским событиям конца 1570-х — начала 1580-х годов. Казаки оказывались, по выражению Р.Г.Скрынникова, «разменной монетой в дипломатической игре». Их антиногайские акции получали высочайшее одобрение, но как только Большая Ногайская Орда стала вновь обращаться к союзу с Россией, развернутый против кочевников террор был объявлен преступным, и Москва всячески старалась прекратить его (Скрынников 1982, с. 78–81; см. также: Преображенский 1984, с. 113, 114; Сергеев В. 1976а, с. 33, 34).

Казаки действительно послужили мощным орудием Москвы в замирении ногаев, что также давно замечено историками (см., например: Скрынников 1982, с. 81; Howorth 1965b, p. 1039). Во-первых, основные улусы во главе с бием отошли за Яик, так как «у Волги боятца жити от волских козаков воины» (НКС, д. 10, л. 127–127 об., 265 об., 266),— и тем самым уменьшилась опасность их набегов на русские территории. Во-вторых, обнаружив у себя под боком беспощадного и неутомимого врага, который если и прислушивался к чьим-то указаниям, то только к московским, высшие мирзы склонились к мысли о восстановления союза с Москвой, чтобы обезопасить себя от грабительских вторжений. Выше приводилась знаменательная фраза, услышанная от «улусных людей» послом Т.Аристовым в 1580 г.: «А толко государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отняти, и нам... всем от казаков пропасти — улусы наши и жон и детеи поемлют, и нам... где ся дети?» (НКС, д. 9, л. 157–157 об.). Такие же улусники через год говорили другому послу, В.Глебову: «На Волге... и на Еике многие козаки, теснота нам от них великая самим и животине. И толко... вперед на Волге и на Еику будут козаки, и нам... от них будет добре тесно» (НКС, д. 10, л. 265 об.). Как нам уже известно, к концу 1580-х годов Урус и его ближайшие соратники восстановили добрососедские отношения с Россией. Но казачья проблема оставалась. В конце XVI в. головной болью для Больших Ногаев стали поселения казаков на Яике.

Можно считать утвердившейся в науке точку зрения на волжское происхождение яицких казаков (см., например: Алекторов 1883, с. 9; Бекмаханова 1993, с. 86; Карамзин 1989, т. 10, с. 42; Левшин 1823, с. 9; Рябинин 1866а, с. 4; Савельев Е. 1918, с. 108; Соловьев 1989б, с. 262). По наиболее распространенному мнению, начальной датой их расселения является 1577 год, когда вольные общины на Волге были

разгромлены Иваном Мурашкиным[20]. В пользу такой трактовки генезиса уральского казачества можно отыскать некоторые подтверждения в источниках. В 1586 г. бий Урус и нурадин Саид-Ахмед задержали у себя русских послов потому, в частности, что яицкие казаки совершают набеги на улусы. В наказе послу, снаряжавшемуся после этого в Ногайскую Орду, содержалось разъяснение: «Беглые казаки, ***которые жили на Волге*** и наших людеи судовых били и грабили, и мы их велели переимать и переказнить. И они, ***збежав от нашеи рати на Яик***, да Урусовы улусы погромили» (НКС, 1586 г., д. 10, л. 31). Фольклорные данные о заселении Яика донцами (см.: Георги 1799б, с. 223; Небольсин 1855, с. 203, 204; Попов А. 1816, с. 4; Рычков 1896, с. 34; Рябинин 1866б, с. 65) расходятся с подобными сведениями и отражают скорее всего один из позднейших этапов формирования казачества на Южном Урале.

Легенды называют различную численность пришельцев — от сорока человек до шести-восьми сотен (Карамзин 1989, т. 10, с. 42; Попов А. 1816, с. 4; Рычков 1896, с. 34; Рябинин 1866а, с. 7). Последняя цифра приведена в грамоте Уруса царю Федору Ивановичу от 1586 г., где сообщается о приходе на Яик шестисот-семисот казаков (НКС, 1586 г., д. 8, л. 9, 10).

Организация жизни казаков в географическом центре Ногайской Орды едва ли сильно отличалась от их социальной структуры на берегах оставленной ими Волги. Основным занятием продолжали оставаться набеги на ближних и дальних соседей, а в мирное время поселенцы охотились и ловили рыбу. Новым видом военного промысла стали морские походы вдоль северного берега Каспия, а базой морских рейдов — остров Сара (Материалы 1835, с. 59). Скудное и суровое существование в предельно враждебном окружении озлобленных кочевников заставляло вести истинно спартанский образ жизни. По преданиям, предпринимались даже попытки регулировать численность общин: детей, рожденных от разноязычных пленниц, первое время убивали, «дабы через них не быть открытыми и не иметь также ни в чем затруднительной помехи» (Георги 1799б, с. 223)[21]. Возглавлялись общины атаманами, которых в конце 1580-х годов насчитывалось одиннадцать (Карпов А. 1911, с. 82). Они водили отряды в набеги и походы. Очевидно, в то время казачество еще не составляло

[20] В.Ф.Мамонов, напротив, считает, что рейд Мурашкина здесь ни при чем и заселение берегов Яика было частью постепенной казачьей экспансии (Мамонов 1995, с. 178). Сами уральские казаки почти ничего не знали о своей ранней истории. В середине XIX в. их войсковая канцелярия отмечала в донесении Военному министерству, что «начальное водворение казаков по реке Уралу положительно не известно, но достоверно только то, что казаки поселились здесь тогда, когда земли эти принадлежали не Российскому государству, а диким ординцам» (Казачьи войска 2000, с. 153).

[21] По мнению В.Н.Дариенко, семья у яицких казаков появляется только в первой половине XVII в. (Дариенко 1976, с. 54).

организованной иерархической структуры. Только в самом конце XVI в. началось и в первой половине XVII в. завершилось объединение разрозненных групп яицких казаков в единое Войско (Дариенко 1976, с. 49).

Общины концентрировались вокруг укрепленных поселений-городков. В 1586 г. Урус известил царя, что пришельцы поставили на Яике «город болшои и ис того города много лиха починили» (НКС, д. 8, л. 9, 10). Астраханский воевода Ф.И.Лобанов-Ростовский в том же году докладывал, будто «поставлено... у казаков на Яике три городки» (НКС, 1586 г., д. 1, л. 19). Наконец, в статейном списке посла в Турцию Б.Благого приводятся слова ногайских послов на их переговорах в Бахчисарае в январе 1586 г.: «На Волге и на Еике, и на реке Еми [казаки] поизставили городки многие» (ТД, д. 2, л. 404). В одних исторических преданиях уральцев в качестве места первого поселения фигурирует урочище Орешное в устье реки, притока Яика, со знаменательным названием — Рубежная, примерно в сорока верстах от позднейшего Уральска. Там казаки проводили зиму, а летом спускались к морю для разбоев (Алекторов 1883, с. 9; Левшин 1823, с. 10, 11; Рычков 1896, с. 34). По другим легендам, они сначала выбрали для жительства местность Кош-Яик на острове при впадении Илека в Яик и основали там Голубой городок. Другой ранний населенный пункт был в урочище Коловоротном в шестидесяти верстах ниже Уральска (Белый 1988, с. 3; Бородин 1891, с. 1, 2; Карпов А. 1911, с. 42; Очерки 1955б, с. 271).

Это беспокойное соседство вызывало у бия и мирз страх и тревогу. В Москву сыпались просьбы удалить новоселов с Яика. Царь обещал (см., например: НКС, 1586 г., д. 10, л. 24; 1587 г., д. 4, л. 10; д. 5, л. 16), но предпринять ничего не мог: слишком далеко находились уральские степи от Руси, да и принадлежали они формально в то время все же Большим Ногаям. И тогда последние вознамерились взяться за решение вопроса самостоятельно.

Непосредственной причиной конфликта были налет казаков в 1586 г. на улусы в районе руин Сарайчука, массовые убийства людей и угон скота; при нападении погибли два духовных иерарха — саида и угодила в плен сестра Уруса (НКС, 1585 г., д. б/№, л. 3; 1586 г., д. 5, л. 2). Бий объявил о мобилизации всего ногайского ополчения, чтобы с максимальными силами обрушиться на врагов («станем вместе промышлять над казаки!»). Нурадин Саид-Ахмед, безотлагательно подчинившись, с войсками правого крыла двинулся к Кош-Яику с запада. С другой стороны планировался подход армии Уруса. До исхода кампании тот и другой задержали у себя московские посольства. В случае победы ногаи собирались освободить послов и идти кочевать к Астрахани, под надзор тамошних воевод. Если же степных воинов постигнет поражение, то послов намеревались продать в рабство и откоче-

вать к Сырдарье. Целью похода были не только разгром и уничтожение казаков, но и разрушение Голубого городка.

Нурадин пришел к Яику гораздо раньше Уруса. Вместе с сыновьями бия, Ханом и Джан-Арсланом, он восемь дней вступал в стычки с казаками и, не дождавшись ополчения левого крыла, ушел обратно. Через некоторое время к Кош-Яику подошел сам бий с большим войском. Городок был окружен, но его обитатели не собирались сдаваться («а около их вода и суды, и лошади, и животина у них есть», так что голод им не грозил). Кош-яикцы успешно отбивались пальбой из деревянных, наскоро сделанных пушек, заряжая их камнями, костями и пр. Казачьи предания добавляют, что по ночам ногаи пытались подобраться к островному городку на лодках. Поняв, что взять крепостцу измором не удастся, Урус распорядился городить «примет», при помощи которого собирался зажечь деревянные стены. Но хлынул ливень, и с этой затеей пришлось расстаться. Под дождем стало не до боя. Ногаи «омокли да почали были сушиться». В этот момент казаки сделали вылазку, «разделяся на шестеро», полностью разбили войско бия да еще и отогнали в степь его табуны (Карпов А. 1911, с. 42; НКС, 1586 г., д. 1, л. 21, 22, 32; д. 5, л. 2, 3).

Вопреки первоначальным проектам Урус не пошел к Сырдарье. Унизительный и полный разгром полностью перечеркнул его планы. Он отпустил послов и двинулся шертовать к Астрахани.

Другим важным следствием было, как ни странно, потепление отношений между ногаями и казаками. Первые поняли, что уже не располагают достаточной силой, чтобы вернуть себе Яик, вторые нуждались в экономическом сотрудничестве с кочевниками, давно освоившими эти степные пространства. Объективно к мирному сосуществованию подвигало и то обстоятельство, что хозяйственные уклады тех и других почти не пересекались, и это способствовало отсутствию вражды из-за угодий и создавало почву для взаимовыгодного обмена (Дариенко 1976, с. 51). Старинная уральская казачья песня напоминает о тех временах: «На острове Камынине... Живут старцы старые Там по девяносту лет, В ладу старцы старые С ордою покоренною, С Золотой Ордой» (цит. по: Попов С. 1971, с. 165).

Возможно, казаки стали выплачивать мирзам какое-то подобие ясака за пользование их исконными землями (сведения о «дани», «откупе» сохранились в казачьих преданиях — см.: Карпов А. 1911, с. 194). Во всяком случае, к концу XVI в. в этих местах установилась довольно мирная обстановка, что позволило правительству принять решение об основании на Яике воеводства и строительстве мощной крепости.

Поздней осенью 1594 или 1595 г.[22] воевода Ж.Владимиров и стрелецкий голова С.Образцов повели морем из Астрахани караван судов

---

[22] Мирза Канай б. Динбай в 1617 г. вспоминал об этих событиях, относя их к царствованию Бориса Годунова, т.е. к 1598–1605 гг. Но тут же отмечал, что «на нагаиском

со строительным материалом и стрельцами. Время было выбрано неудачно. Надвигалась зима, в устье Яика суда вмерзли в лед. Тогдашний бий Больших Ногаев, Ураз-Мухаммед, задумал расправиться с беспомощными русскими: «То... искони вечная земля наша, и дедов наших старые кочевья. А руским... людем хто тое землю дал?!» Большинство мангытских аристократов его поддержало, но против выступил влиятельный мирза Канай б. Динбай. Он не только отговорил съезд знати от нападения на караван, но и взялся помочь русским. В течение трех месяцев, «тысючю верблюдов своих впрягши в телеги», он перевозил людей, имущество, бревна для крепостных стен на берег (НКС, 1619 г., д. 2, л. 99–101, 115, 116). С приходом весны воевода взялся за дело, и Яицкий городок (будущий Уральск) поднялся в бывшей ногайской степи. Недовольный Ураз-Мухаммед в 1596 г. делился с крымским ханом: «Жить... мне от московского немочно. Поставил... на Яике город и кладбища... наши у нас отнял» (КК, д. 21, л. 670).

Другой центр сосредоточения казачества — Тихий Дон — в XVI в. пока не доставлял Большой Ногайской Орде существенных хлопот из-за удаленности. Тем не менее по мере проникновения заволжских кочевников на Крымскую сторону они стали входить во все более тесный контакт с донцами. Что же касается Малых Ногаев, то им, конечно, пришлось столкнуться с казаками Дона раньше. Еще в апреле 1561 г. Иван IV писал Исмаилу, что в ответ на его жалобы насчет казыевских набегов «мы велели з Дону казаком своим над ним (Гази б. Ураком. — *В.Т.*) промышлять, как уместно» (НКС, д. 5, л. 21 об.).

Следующее по времени упоминание донцов в Ногайских делах относится к 1581 г., когда была составлена шертная запись для Уруса. В ней содержались взаимные обязательства царя и бия «воров волжских и донских казаков, сыскивая, казнити» (НГ, д. 18, л. 2). То же положение содержалось в шертях Уруса, нурадина Саид-Ахмеда и мирз от 1586 г. (НГ, д. 19, л. 1, 2; д. 20, л. 2; НКС, 1586 г., д. 8, л. 15). Однако рассмотренные выше сведения показывают, что основными участниками антиногайского террора за Волгой были казаки волжские, а не донские (последние практически не упоминаются в ногайско-русской переписке по поводу грабежей и разорения Сарайчука).

кочевье в те поры был Урмамет князь, а нурадин — Тинмамет мирза» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 115). В таком случае речь шла о 1590–1598 гг. Кроме того, по Разрядам, стрелецкий голова С.Ф.Образцов был послан с воеводой ставить город на Яике в 7103 (1594/95) г. (Местнический 1910, с. 33). Уже в мае 1596 г. Ураз-Мухаммед сообщил крымскому хану, что новый город на Яике русскими построен (КК, д. 21, л. 670). Таким образом, рассматриваемый исторический эпизод мог произойти зимой 1594/95 или 1595/96 г.

В то время Большие Ногаи общались с населением Дона все же чаще по поводу вражды с Ногаями Малыми. Донцы нападали на казыевцев как самостоятельно, так и в союзе с заволжскими всадниками. По царским рекомендациям, Больших Ногаев они должны были перевозить через Дон, а Малым преграждать дорогу при их набегах на Русь или мстить за такие набеги (Акты 1891, с. 4; Материалы 1864а, с. 3, 10; СГГД, ч. 2, с. 126). В конце XVI в. на Дону уже скопились значительные людские ресурсы. Там стоял тридцать один городок; еще у казаков было четыре укрепленных поселения на Хопре и три на Медведице (Мининков, Рябов 1984, с. 28).

В целом характер ногайско-казацких отношений колебался между открытой враждебностью и вынужденным нейтралитетом. Как бы ни складывались контакты с отдельными общинами, степняки воспринимали казаков как чуждую силу, обосновавшуюся на их исконных землях. В шертное соглашение, составленное мирзой Ханом б. Урусом в 1590 г. (кажется, последнее, в котором имеется такой пункт), занесено требование к московскому царю «с Волги и с Еика, и с Дону казаков всех свести, чтоб нашим улусам никоторого убытка от них не учинилося» (НГ, д. 21, л. 4–4 об.). Однако подобное было неосуществимо, да и неприемлемо для Москвы.

Крымские, османские, малоногайские и кавказские дела. Отношения Большой Ногайской Орды с мусульманскими государствами к западу от Волги определялись не только представлениями «Эдигу уругу мангытов» о выгоде связей с ними, но и планами соседей воспрепятствовать усилению России в Дешт-и Кипчаке. В 1560-х годах Крымское ханство и османский двор были обеспокоены неожиданным и прочным утверждением русских властей на Волге, особенно после присоединения Астраханского юрта. Несмотря на существенное ослабление Больших Ногаев после Смуты в середине столетия, во всех окрестных государствах их еще воспринимали как грозную и могучую силу, обладателей стремительной и многочисленной конницы. И русские, и крымские, и турецкие дипломаты стремились заполучить бия Дин-Ахмеда с мирзами в союзники. В разной степени всем им удавалось это. Больший успех был обеспечен московским политикам в силу их давних и прочных связей с Ордой. Туркам мешали распространять свое влияние удаленность и малая осведомленность о положении в заволжских кочевьях. Ногайско-крымские отношения были омрачены грузом старинных обид.

Тем не менее, когда в конце 1560-х годов в Стамбуле и Бахчисарае начали разрабатывать планы похода на Астрахань, там учитывали возможность помощи и со стороны ногаев. К этому располагали союзнические настроения некоторых мирз. Последние были в курсе крымских и османских военных приготовлений и не желали оставаться в стороне от решающих событий.

Сведения о событиях в преддверии похода 1569 г. исходят в основном из донесений посла в Турцию И.П.Новосильцева. Он старательно собрал различные вести и слухи о реваншистских проектах «бусурман» и добросовестно пересказал их в своем статейном списке. Так, на обратном пути из-за моря на Русь от одного азовского жителя Новосильцев узнал, что «нагайские мурзы присылали из Нагаи послов х Казы-мирзе (Гази б. Ураку, главе Малых Ногаев. — *В.Т.*) да х крымскому, чтоб они пошли к Асторохани в осень, как лед станет, и мы деи ваших воинских людей прокормим и Астрахань возьмем». Ближайшей осенью хан и Гази готовы, дескать, двинуться к Волге, «а с ними нагаи». Для России же распространяется дезинформация об уходе крымской армии «на литовского» (Записки 1988, с. 218; Путешествия 1954, с. 97, 98).

О том же ногайском посольстве в Бахчисарай рассказывал Новосильцеву русский полоняник в Крыму: «Нагаи присылали х крымскому, чтоб деи он пошел под Асторохань, как лед станет, и приказывали... к нему: мы деи тебя и твоих людей прокормим и Асторохань возмем». Девлет-Гирей согласился и направил своих послов «в Нагаи», причем главным адресатом ногайских предложений были не крымцы, а османы в лице кафинского санджакбея Касима. Именно в Кафу от них «была кличь крымским татаром, чтоб лошеди кормили и готовы были на службу в осень, как лед станет» (ТД, д. 2, л. 47 об.–48 об.). Один из подчиненных санджакбея подтвердил, что «присылал... х Касиму из нагаи ***Урус мирза да азтороханцы*** и велели (?! — *В.Т.*) ему идти к Азторохани, и Азторохань деи возмем... А за кем деи будет Азторохань, и мы (Большие Ногаи. — *В.Т.*) того ж будем» (Записки 1988, с. 207; Путешествия 1954, с. 85; ТД, д. 2, л. 108).

Таким образом, становится ясно, кто был инициатором военной авантюры с ногайской стороны — нурадин Урус и астраханские ногаи, что жили в полуоседлых становищах вблизи города. Паша Касим ухватился за негаданное пособничество. Он как глава султанской армии, снаряжавшейся в Нижнее Поволжье, послал союзникам жалованье и приказал им приходить под Астрахань со скотом, когда крымско-османская конница приблизится к ней (Бурдей 1962, с. 21).

Российское правительство находилось в курсе замыслов нурадина и загодя приняло превентивные меры. Весной 1568 г. у Уруса побывал посол С.Мальцов с заверениями дружелюбия и благосклонности государя к Большим Ногаям. Подчеркивалось, что политика Москвы по отношению к Крыму и к Малым Ногаям преследует в том числе и их интересы. Осенью 1568 г. была оказана военная помощь против казахского хана Хакк-Назара. При этом на всякий случай были возведены дополнительные укрепления в Астрахани (Бурдей 1962, с. 30). В целом русское правительство могло полагаться на верность бия Дин-Ахмеда шертным договорам. Поэтому в наказе Новосильцеву,

составленном перед его отъездом к султану, был заготовлен ответ на возможное утверждение турок, будто «Тинехмат князь и иные мурзы к [Касим-]паше и х крымскому царю присылали послов своих, а государю царю и великому князю учинились непослушны»: «То слово ложное. Тинехмату князю и иным мурзам толко от государя нашего... отстати, и Нагаискои Орде всеи быти от государя нашего разоренои» (ТД, д. 2, л. 25). И в самом деле, участие Дин-Ахмеда в подготовке астраханской кампании незаметно, чего нельзя сказать о его брате Урусе.

Как известно, поход на Астрахань в 1569 г. закончился бесславно. Турки и крымцы не решились штурмовать город и, постояв лагерем под его стенами, отправились обратно. Во время этой быстротечной авантюры ногаи и приастраханские кочевники, выполняя уговор, «присылали с кормы. А толко б... к туркам они корму не присылали, — рассуждал Иван Новосильцев, — и многим было з голоду у Азторохани померети и не отоити прочь» (Записки 1988, с. 207; Путешествия 1954, с. 85; ТД, д. 2, л. 108 об.). Помощь продовольствием явно шла от нурадина. Дин-Ахмед не только не присоединился к Касим-паше, но и послал своих людей добывать языков. «Тинехматовы татарове» захватили пятерых турок и доставили их воеводам, «дружачи царю московскому». Пленных удалось вернуть лишь после того, как османский военачальник отписал об этом Урусу и тот «у астороханцев тех турок выбаял» (Записки 1988, с. 207; Путешествия 1954, с. 85; ТД, д. 2, л. 108 об.). Но никакого участия в военных действиях Урус не принял, оставив себе функции интенданта армии вторжения.

Впоследствии это позволило ногаям поставить пассивность ему в заслугу: «В прошлых годех, коли з Девлет Киреем царем Касым князь приходил, — писал в 1578 г. Ивану IV мирза Кучук б. Мухаммед, — и яз и дяди мои, болшои Тинехмат князь и Урус князь, оба к ним не пристали, а пошли от них прочь» (НКС, д. 8, л. 253). По прошествии длительного времени, когда в народной памяти перемешались и имена правителей, и детали событий, потомки ногайских лидеров уже приписывали им избавление Астрахани от нашествия (см. письмо КЕКОВАТА Джан-Мухаммеда б. Дин-Мухаммеда царю Михаилу Федоровичу 1635 г.: «И как услышел то турскои царь, что Астарахань взял крестьянскои царь, и он прислал под Астарахань рати своеи со сто тысяч. И крымскои Магмет Киреи царь с своими ратми с ними ж вместе пришел под Астарахань. И отец мои Тинахмат князь, сложась с астараханскими воеводы и з государевыми людми, тех турсково и крымсково рати прогнали и побили» — НКС, 1635 г., д. 4, л. 55–56). Готовность с оружием в руках отстаивать русских воевод в Астрахани можно предполагать лишь у главы пророссийской «партии» того времени Ураз-Мухаммеда, который (по его позднейшему

признанию) с десятитысячным ополчением своих улусников стоял в степи, ожидая воеводских команд (НКС, д. 8, л. 21, 71 об.).

Бий же практически не проявил себя осенью 1569 г. Здесь сказалась не только верность шертям, но и особенности ногайско-крымских отношений. 29 ноября 1569 г. послу в Бахчисарае А.Нагому русские гонцы, побывавшие в Астрахани как раз во время похода Касим-паши, рассказали, что Дин-Ахмед имел свои расчеты на случай взятия ее мусульманами. Глава Большой Ногайской Орды намеревался «датца на душю турскому» — и только ему. О какой-либо подчиненности Девлет-Гирею не могло быть и речи: «А крымскому... царю верить немочно, потому что многие нагаиские мурзы побиты от крымских цареи, а крымские цари и царевичи побиты от нагаиских князеи и мурз». Когда в турецко-крымский походный стан пришла весть о том, будто к Волге явился союзник Касима Урус, а следом якобы ожидается Дин-Ахмед, в шатре у Девлет-Гирея собрался совет. Беки, шейхи и мирзы Крымского юрта тоже не испытывали нежных чувств к ногаям и припомнили, «каким обычаем под Астороханью нагаиские мурзы убили Магмет Гирея царя и сына его Богатырь салтана и иных царевичев (в 1523 г. — *В.Т.*); и против... тебе (Девлет-Гирея. — *В.Т.*) стоит Тинехмат князь и все мурзы нагаиские. А за хрептом у тебя Казы мурза з братьею (т.е. Малые Ногаи). А ты... у них побил руду (роду? народу? — *В.Т.*) неколко. И ты... их себе ставишь доброхоты ли?!» (КК, д. 13, л. 263 об.–264 об.).

Очевидно, верно мнение П.А.Садикова о том, что ногаи, может быть, и согласились бы на зависимость от султана, но только не от крымского хана. Даже если и считать приведенный выше рассказ сильно приукрашенным информаторами Нагого, все равно он ярко рисует взаимоотношения ногаев и крымцев во время похода 1569 г. (Садиков 1947, с. 149).

В начале своего правления Дин-Ахмед предпринял попытки сблизиться с Крымом. Вскоре после «вокняжения» он направил в Бахчисарай посольство, которое впервые и огласило авантюрную идею захвата Астрахани. По сообщению А.Нагого, осенью 1565 г. прибывшие ногаи предложили хану дружить не с Иваном IV, а с Дин-Ахмедом. В качестве материального воплощения дружбы последний предлагал следующее: «Пошел бы царь к Асторохани с своеи стороны, а он (Дин-Ахмед. — *В.Т.*) ... к Астрахани поидет с своеи стороны. И мне (Дин-Ахмеду. — *В.Т.*) ... в Асторохани поверят и в город меня пустят, и яз... тебе (хану. — *В.Т.*) Асторохань однолично возму». Другой информатор рассказал Нагому, что Девлет-Гирею предлагалось воевать не только Астрахань, но и Казань. Хан взял с собой ногайских послов в набег на «украйны», а по возвращении отпустил домой в сопровождении своего представителя (КК, д. 12, л. 60, 60 об., 71).

Через год, в сентябре 1566 г., последний вернулся от бия с другим его посольством. Оно заявило о готовности Дин-Ахмеда и мирз быть в распоряжении крымского властителя, «где нам велишь служити», а самое главное — объяснило причины столь внезапной активности ногайской внешней политики на крымском направлении: «Преж сего отец их (Дин-Ахмеда с братьями. — *В.Т.*) был в дружбе с московским государем и хотел... на себя крест положити. А мы... от бусурманские веры отступати не хотим и хотим... служити тебе. И ты б... нас жаловал по тому ж, как жалуешь брата нашего Казыя мурзу» (КК, д. 12, л. 343 об.).

Более четкого объяснения нельзя было придумать. Как мы видели в главе 7, Исмаил в конце жизни фактически разорвал отношения или рассорился почти со всеми тюркскими государями. Его политическая изоляция компенсировалась российским покровительством и щедрым жалованьем из Москвы. Наследников Исмаила не удовлетворяло положение изгоев в мусульманском мире. Поэтому они и принялись налаживать контакты с наиболее могущественным татарским правителем, предлагая ему заманчивую, с их точки зрения, идею «реконкисты» в Поволжье.

Кроме того, зависимость Больших Ногаев от России объяснялась опустошением их державы в период Смуты. Распри, голод и мор фатально ослабили кочевников и заставили их безропотно принять помощь и зависимость от богатого Московского царства. Но к концу 1560-х годов Орда значительно окрепла и сплотилась, и ее предводители стали тяготиться экономической и политической зависимостью от царя. Делегация мятежных черемисов в Бахчисарае в марте 1567 г. откровенно, от имени Дин-Ахмеда, разъяснила это хану: «Дотолева есмя были наги и бесконны, и мы дружили царю и великому князю. А ныне... есмя конны и одены», и как доказательство восстановления своей мощи ногаи предлагали крымцам поддержать антироссийский заговор в Казанской земле, отправить туда войско и рассчитывать на помощь из-за Волги (КК, д. 13, л. 28 об., 29).

В то время Девлет-Гирей, очевидно, еще не собирался идти на Астрахань, отвоевывать же Казанский юрт у него и в мыслях не было. Поэтому авантюрные инициативы Дин-Ахмеда он обходил молчанием. Тогда тот заявил о своей готовности участвовать в набегах крымских отрядов на русское пограничье, а также предложил скрепить союз браком своей дочери с ханским сыном Алп-Гиреем (КК, д. 13, л. 7, 166).

Правитель Бахчисарая сначала вовсе не намеревался раскрывать объятия степному бию. В фактическом подчинении у хана находилась конница Малых Ногаев, и он считал ее достаточной для решения своих внешних задач. Что же до назойливых предложений из Сарайчука о дружбе и о всяческих военных аферах, то истинная реакция

проступает в его предложении турецкому наместнику Кафы (со слов местного толмача А.Нагому): «А нагаиских бы... мурз, Тинехмата князя з братьею, нам, к себе приманив, побити. А на Нагаех бы учинити на болшом княженье Казыя мурзу, [потому] что он нам верен» (КК, д. 13, л. 168 об.).

Не чувствуя ответного стремления к сотрудничеству, Дин-Ахмед расстался со своими надеждами на хана. Вот в этой-то обстановке и произошли осенние события 1569 г., когда ни ногаи, ни крымцы не проявили желания объединиться друг с другом для общей цели. Вскоре после отхода крымско-турецкого войска от Астрахани бий прислал Девлет-Гирею отказ выдать дочь за царевича Алп-Гирея, «потому что... прежних наших дочери за крымскими цари и царевичи были безчестны, держите их за кума место». Бросив этот несправедливый упрек («цариц» ногайского происхождения никогда не держали в черном теле!), он раздраженно выдвинул еще и следующие претензии: «Да ты же... к нам пишешь ерлыки новым обрасцом, а печать... свою прикладываешь на лице. И ты бы... вперед то отставил!» (КК, д. 14, л. 7–7 об.). Не совсем ясен смысл этого неудовольствия, но понятно, что глава ногаев усмотрел в ханских обращениях недостаток должного уважения к себе.

На короткий срок обе стороны обиженно замолчали. И вдруг в 1571 г. Девлет-Гирей как будто очнулся. В Сарайчук поехали его послы с повторным предложением династического брака и — главное — «Тенехмата князя и мурз подымати на государя московского» (ТД, д. 2, л. 213 об., 214). Эта активность была связана с разработанным в Крыму и в Турции планом большого нашествия на Россию. Шел поиск союзников, и хан решил, оставив прежние размолвки, обратиться к заволжским степнякам. Их предполагалось привлечь в состав коалиционного войска для нападения на Москву, а также предложить им самостоятельно захватить Астрахань.

Дин-Ахмед все-таки согласился на брак дочери с Алп-Гиреем (не вспомнив на сей раз о «бесчестьи» ее предшественниц в Крыму)[23], но теперь ставил непременное условие своего участия в походах: «Толко... турскои и крымскои царь дадут нам жалованья болши московского государя, и мы... с турским и с крымским царем на московского государя заодин станем промышляти; а взяв Асторохань, отдадим турскому. А толко... дадут нам жалованья менши московского государя, и мы... с ними на московского государя не станем. Про

[23] Из этого в очередной раз ничего не получилось, и безрезультатные переговоры тянулись еще несколько лет. В 1577 г. Дин-Ахмед вспоминал, что некогда «хотел с крымским царем в сватовстве учиниться». Иван IV в ответе ему пересказывал по обычаю грамоту бия (несохранившуюся): «Ежегод крымскои царь к тебе посла присылает, чтоб вам с ним в сватовстве и в братстве быти и нас бы воевати. И без нашие думы [ты] с ним в сватовстве не будешь, чтоб нам то ведомо было» (БГД, д. 137, л. 355–355 об.; НКС, д. 8, л. 34).

што... нам у себя жалованья потерять?!» Ногаев тут же заверили, что им дадут «жалованья перед московским государем вдвое» (ТД, д. 2, л. 214–215).

Судя по известиям о походах татар на Москву 1571 и 1572 гг., бия удалось уговорить. В армии Девлет-Гирея были ногаи и крымские, и Малые, и Большие (Мазуринский 1968, с. 140). Г.Штаден свидетельствует, что под Москвой в 1571 г. было тридцать тысяч всадников-ногаев (Штаден 1925, с. 61, 62, 116). Это число совпадает с данными Посольского приказа: пятнадцать тысяч из улусов нурадина Уруса и столько же от Ураз-Мухаммеда и других мирз (НКС, д. 10, л. 64, 64 об.). За сожжением Москвы в 1571 г. последовал повторный поход хана в 1572 г., завершившийся страшной сечей на Молодях и отступлением крымской армии.

Итоги двухлетней кампании оставили Больших Ногаев крайне неудовлетворенными. Тот же Штаден пишет, что «нагаи, которые были в войске (крымского. — *В.Т.*) царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь Москву» (Штаден 1925, с. 112). Триумфальное для хана завершение первого похода 1571 г. побудило бия направить на Русь уже свои собственные отряды. Когда они, побитые под Москвой, разбрелись по улусам, астраханские служилые казаки разгромили Сарайчук.

В Бахчисарай срочно полетела депеша с призывом о помощи. Но, расстроенный крахом своих и султановых замыслов одоления России, Девлет-Гирей не желал более иметь дела с ногаями. «Ногаи... меня оманывают», — заявил он бекам на совете (КК, д. 14, л. 256). Не получив подмоги, бий разразился горькими упреками: «Ты к Москве ходил, и ты... лише полону жаден. А у нас... у самих жены и дети в полон поимал московскои царь и юрты наши пожег. А нынече... нам пристанища нигде нет. А ведь... ты тем нас подбаел на Московское царство, что ты сказывал: Москву взял, а едешь на Москву на царство. И мы... за то с тобою и ходили» (КК, д. 14, л. 256–256 об.).

С тех пор Дин-Ахмед надолго разочаровался в союзе с крымцами и не желал участвовать в их военных предприятиях. Осенью 1575 г. Девлет-Гирей попытался привлечь его к походу в польско-литовские владения, «и мы де вашу правду тут увидим», т.е. если бий пришлет свои войска (КК, д. 14, д. 274). Бий не прислал. Преемник Девлет-Гирея, Мухаммед-Гирей II, неоднократно направлял за Волгу посольства и пытался возобновить переговоры о сватовстве; Дин-Ахмед оставлял эти обращения без ответа (БГК, д. 137, л. 355; НКС, д. 8, л. 34)[24]. Наконец, когда хан уже успел разочароваться в перспективе

---

[24] При этом следует учесть, что некоторые мирзы не разделяли настроения бия и самостоятельно участвовали в крымских набегах на «украйны» в 1572–1578 гг. В этом Иван IV упрекал Уруса, вспоминая 70-е годы (НКС, д. 10, л. 61 об., 62). Посол Б.Доможиров докладывал, что в ответ на ханское посольство Дин-Ахмед послал вес-

налаживания добрососедства с Большими Ногаями, Дин-Ахмед, подавленный усилением казачьего террора, сам заговорил о дружбе. В марте 1578 г. его послы предложили Мухаммед-Гирею вместе с ногаями воевать «украйны» и обменяться в знак союза сыновьями «в заклад». Хан злобно отрезал: «Нагаем... верити нечему: что они ни говорят — то лжют!» (КК, д. 15, л. 168 об., 169).

Новый бий, Урус (с 1578 г.), подвергся усиленному пропагандистскому нажиму со стороны Бахчисарая. Крымцам давно была известна отвага и воинственность бывшего нурадина, его готовность к сражениям и прохладное отношение к всестороннему русскому покровительству его родине. Тем не менее и Урус не оправдал надежд крымцев. С годами он успокоился, и прежнее юношеское стремление к подвигам уступило место трезвому расчету. Бий чувствовал угрозу со стороны казаков, которые уже начали селиться на Яике, и поначалу считал единственным средством противодействия им хотя бы видимость дружбы с царем. Поэтому в первых же своих посланиях в Москву он заявил о верности шертным договоренностям, «докуды от тебя лиха не увижу», и о несогласии с многочисленными предложениями крымского монарха воевать с Москвой (НКС, д. 8, л. 230об.–231 об.). Хотя, по правде сказать, Гиреев в конце 1570-х годов больше волновали не стычки с русскими, а неудачная война с Ираном. И именно к совместным сражениям с кызылбашами[25] безуспешно пытались они склонить Больших Ногаев (НКС, д. 9, л. 86; Новосельский 1948а, с. 31).

Утверждение «крымский мне недруг» можно расценивать как официальную внешнеполитическую линию ногаев до середины 1580-х годов. В ее русле вели себя и многие мирзы, ориентируясь на своего предводителя. «Брат мои Урус князь к недругу твоему, х крымскому царю, посла не посылает, а я ж *потому* с крымским царем не говорю», — писал Ивану IV в 1579 г. Ак б. Шейх-Мамай (НКС, д. 9, л. 36 об.).

Вместе с тем истинная картина оказывалась более сложной. Уже в 1578 г., в начале правления Уруса, сами ногаи говорили русским, будто «Урус князь и Тинбаи мурза и все нагаиские мурзы со государем не прямо живут, а сего деи лета в Крыме было нагаиских людеи от двух третеи ото князя и ото всех мирз» (НКС, д. 8, л. 347 об.). В Москве, конечно, знали об антироссийских настроениях бия и об участии Больших Ногаев в набегах. Урус опасался пока разрыва с царем и оправдывался то самовольными действиями мирз, то разбоями

ной 1577 г. в набег трех мирз со многими людьми (НКС, д. 8, л. 8). Думаю, однако, учитывая тональность крымско-ногайских отношений в то время, что и эти мирзы двинулись в поход своевольно, хотя, возможно, и без возражений со стороны бия.

[25] Кызылбаши (тюрк. «красноголовые») — в русских текстах XVI–XVII вв. название подданных Сефевидского государства в Иране.

тех ногаев, что мигрировали на Крымскую сторону (НКС, д. 10, л. 5, 5 об., 144 об., 145).

Однако отношения с Россией ухудшались, и в начале 1585 г. Урус и нурадин Динбай прислали гонцов к хану Ислам-Гирею с предложениями о дружбе и ссылке «по-прежнему», а также о совместных походах на Россию и Речь Посполиту. Не смущаясь отсутствием логики, они тут же просили хана обратиться к Ивану IV с просьбой утихомирить казаков и повелеть им убраться с Волги и Яика. Хан был рад возобновлению контактов с Ордой и воспринял все эти предложения благосклонно (КК, д. 16, л. 11; ТД, д. 2, л. 404, 405 об.). Через год обе державы скрепили союз женитьбой Ислам-Гирея на дочери Уруса и выплатой последнему богатого калыма (НКС, 1586 г., д. 10, л. 17). Уже велись переговоры об ударе с двух сторон по казыевцам (НКС, 1586 г., д. 1, л. 7, 8), но вскоре верхушке Крымского юрта стало не до ногаев: там разразился очередной династический кризис.

Теряющий свое влияние и территории Урус был вынужден восстановить сотрудничество с Москвой, как мы описывали выше. Он прикочевал для шертования к Астрахани и выдал воеводам и царевичу Мурад-Гирею двух обретавшихся у него посланцев Ислам-Гирея. Этот шаг, с его точки зрения, должен был продемонстрировать царю его решимость к союзу: «А такое дело искони не бывало, что послов выдавати. И то дело яз для тебя зделал. Такова дела ни отец мои Исмаил князь, ни брат мои Тинахамат князь не делывали» (НКС, 1587 г., д. 5, л. 20). После заключения шерти Урус выразил готовность не только не общаться более с Бахчисараем, но и воевать с ним (при этом учредить заставы на Тереке, не пропуская крымскую армию к иранским владениям на Кавказе) (Белокуров 1888, с. 565, 566; НКС, 1586 г., д. 1, л. 10; 1587 г., д. 4, л. 9; ПДП, т. 1, с. 137, 138). Сыновья бия действительно стали совершать набеги в причерноморские степи; хан Гази-Гирей в ответ посылал войска на улусы Больших Ногаев на Крымской стороне, да еще поднимал на них Ногаев Малых. В этих стычках погибли сын Уруса, Саты, и сам бий Урус (КК, д. 17, л. 299; ПДП, т. 1, с. 260).

Со стоящим за спиною Гиреев османским падишахом Большие Ногаи общались мало. Есть единичная информация, что Урус еще во время своего нурадинства «ссылался с турским» (НКС, д. 8, л. 227); речь скорее всего шла лишь о попытках контакта, без ответной реакции Стамбула. Редкой возможностью привлечь внимание и заслужить милость главы мусульманского мира участием в войне с шахом в конце 1570-х годов заволжские ногаи не воспользовались, не желая ввязываться в кровопролитную схватку за чуждые интересы. Более того, мирзы собирались информировать Москву о продвижении крымской и османской армий, а самим убраться подальше от них — к Эмбе (НКС, д. 8, л. 351 об.; д. 9, л. 91 об., 92).

Урус решил обратиться напрямую к султану за помощью в пору наиболее острого противостояния с Россией в середине 1580-х годов. Для посредничества он выбрал не турецких наместников Кафы или Азова, а крымского хана, которому Порта поручила курировать все вопросы Дешт-и Кипчака. В январе 1586 г. послы Уруса и Динбая явились в Бахчисарай и попросили Ислам-Гирея отписать султану, что бий просит у того жалованья, милостивого расположения и предлагает снарядить османское войско под Астрахань, «а они (ногаи. — *В.Т.*) с турскими людми готовы все» (КК, д. 16, л. 11; ТД, д. 2, л. 405 об.).

Сведения о данном эпизоде изложены в двух статейных списках — гонца в Крым И.Судакова и посла в Турцию Б.Благого. По первой из этих двух версий, ногаи просили хана пропустить их в имперскую столицу, и тот согласился. По второй, «Урусова княжого посла во Царьгород не отпустил, а велел ему ехати в Нагаи, и грамоты у нево, что к турскому от Уруса, взяли». Судаков далее докладывает, что через полтора года Урусов гонец вместе с турецким пашой вернулся из-за моря в Крым (КК, д. 16, л. 135 об.), т.е. крымцев все же удалось убедить допустить его к султану. Но даже если Благой что-то и напутал с ханским запретом, то его версия четко накладывается на общий контекст крымской политики в Деште. Во-первых, Бахчисарай держал и не желал терять дарованную Портой монополию на посредничество в общении султанского двора с тюркскими Юртами; во-вторых, не видел в Большой Ногайской Орде равноправного участника внешнеполитических контактов.

Мы уже говорили о недовольстве Дин-Ахмеда из-за неподобающего оформления крымцами переписки с ним. Ничего не изменилось и при Урусе. При обязательных пышных титулах и он, и нурадин, не говоря уже об остальных мирзах, воспринимались как слуги (карачи) Гиреев: «во улусе болшои князь ***карачеи наш доброи*** Урус князь»; «...с ***нашим болшим карачеем*** с Урусом князем...»; «...во князех чеснеишему, ***избраннеишему карачею нашему*** Тинбаи мирзе» (НКС, д. 9, л. 95; 1586 г., д. 5, л. 5, 8) и т.п. Поэтому налаживать прямые связи Больших Ногаев с Портой крымцы не собирались и предлагали тем действовать только через свое посредничество: «А которое будет ваше хотенье и прошенье у великого государя, у государя нашего у хондикярова величества, и мы то ваше жалованье у великого государя упросим и по вашему хотенью учиним» (НКС, 1586 г., д. 5, л. 9).

В то же самое время, когда бий и нурадин пытались пробиться к стамбульскому двору, промосковский лагерь мирз во главе с Ураз-Мухаммедом усмотрел в этом явный антироссийский шаг и, не умея противодействовать дипломатическим шагам, демонстрировал свою неприязнь к османам. Ураз-Мухаммед ограбил явившегося к нему турецкого посла и обещал царю воевать с турками, если они опять нападут на Астрахань (НКС, 1586 г., д. 9, л. 17, 35).

Идея Уруса о повторной попытке захвата Астрахани была подхвачена османами, которые получили возможность привлечь наконец к антииранской коалиции не только бухарского хана Абдуллу (по некоторым малодостоверным сведениям, тоже мечтавшего изгнать «неверных» из Астрахани — см. ниже), но и Ногайскую Орду. «Урус-бею, мирзе страны Больших Ногаев», султан направил посла с письмом, в котором предлагал ближайшей же весной (1588 г.) начать войну; был назначен и турецкий главнокомандующий. Однако поход не состоялся: крымцы схватились с запорожцами, Большие Ногаи — с Малыми, бухарские Шейбаниды — с иранцами-Сефевидами — всем стало не до Астрахани (см.: Статейный 1891, с. 66, 67; Bennigsen 1967, p. 445; Bennigsen, Berindei 1980, p. 83–89; Carrère d'Encausse 1970, p. 413).

Неверие в успех союза с далеким Стамбулом кроме прочих факторов тоже побудило Уруса шертовать царю и Мурад-Гирею[26]. Требование последнего дать ему заложников возмутило степняков. Это было для них делом невиданным и унизительным. «От неволи заплакав», многие мирзы с улусами перешли на волжское правобережье. Среди них были нурадин Саид-Ахмед с неразлучным братом Кучуком, дети Уруса, Саты, Хан и Джан-Арслан. Пользуясь тем, что у них в то время находился турецкий посол Сулейман-чавуш, они решили послать вместе с ним делегацию к султану во главе с Саты б. Урусом — просить подданства и пожалования им для жительства места у города Болы-Сарай на реке Кальмиус, причем заранее шертовать перед Сулейман-чавушем мирзы отказались: «Как нас [султан] пожалует, устроит — тогда и шерть дадим». При этом ногаи просили, «чтобы турскои салтан на Уруса князя и на всех мурз не пенял, что учинилися в государя московского воли. Чья будет Асторохань и Волга, и Еик — тово будут вся Нагаиская Орда» (Новосельский 1948а, с. 36, 37; Статейный 1891, с. 62–63, 70, 71). Мы уже знаем, что эти переговоры закончились безрезультатно. Малые Ногаи обрушились на переселенцев. Были убиты Саты и Саид-Ахмед, остальные бросились обратно на восток.

Новый бий, преемник и племянник Уруса, Ураз-Мухаммед, в условиях нарастания очередной Смуты не мог определить четкую политику по отношению к Крыму и Порте. Сначала, в 1590 г., он прислал к хану Гази-Гирею заверение в готовности своей и всех мирз отправляться воевать любого недруга хана, «куда нас пошлешь» (КК, д. 19, л. 107; 1591 г., д. 4, л. 64). Гази-Гирей действительно послал бию предложение вместе напасть на «украйны», однако встретил отказ (КК, д. 21, л. 667 об.). Но уже через два года урмаметевцы угнали у крымских ногаев сорок тысяч лошадей (наверное, чуть ли не все

[26] Это обстоятельство также расстроило османские военные планы (см.: Kortepeter 1966, p. 146).

поголовье), да еще и зарубили нескольких высокородных мирз (КК, д. 21, л. 171 об.). В 1596 г. Ураз-Мухаммед решил помириться с ханом, не видя иного выхода («Жить де мне от московского немочно» — КК, д. 21, л. 670).

До середины 1550-х годов миграции из Ногайской Орды в Крымский юрт были весьма редкими и немноголюдными. Во время же второй Смуты и после нее откочевки на запад стали частыми и обычными. При бийском дворе они трактовались как измена, поскольку Крым считался если и не врагом, то явно недоброжелательным соседом. Это были чисто межъюртовские отношения, поэтому московская посольская документация — основной наш источник — фиксировала далеко не все такие передвижения. Российских политиков они интересовали лишь постольку, поскольку усиливали военный потенциал Гиреев, и считалось желательным, чтобы правители Больших Ногаев добивались возвращения откочевавших подданных на родину. При зачаточном управленческом механизме и нарастании кризиса ногайские верховные власти располагали ограниченным набором средств воздействия. Тактика Исмаила, просившего царя перекрыть своими войсками переправы, была ныне отвергнута: на «перевозах» появились казаки, затем поднялись крепости. Это выглядело (и являлось в действительности) как русская экспансия в глубь степей, и поощрять ее кочевники не собирались.

В арсенале мер оставались убеждения, контроль над маршрутами кочеваний и деньги. Используя свой авторитет главы Мангытского дома, бии установили «крепкую заповедь» мирзам правого крыла — не перебираться на Крымскую сторону самим и не пропускать других земляков (НКС, д. 10, л. 5, 5 об.). Более надежным, но не всегда осуществимым средством выглядела откочевка подальше от Волги: «Ож даст Бог, сее зимы... на Яике мне (Дин-Ахмеду. — *В.Т.*) зимовати — того для, чтоб ни один человек к крымскому царю не пошел» (НКС, д. 8, л. 36). Но увести к Яику всех ногаев правого крыла и оставить кочевья безлюдными было немыслимо.

Наконец, все большее значение приобретал материальный аспект. Если глава Орды умел добиться выплат от московского государя мирзам, то они группировались вокруг него, если нет — были готовы уйти к Гиреям: «А которые братья мои (Дин-Ахмеда. — *В.Т.*) кочюют по Волге со мною — яз их держу твоим (Ивана IV. — *В.Т.*) жалованьем. И толко твое жалованье не будет, и они от меня хотят отоити в Крым» (НКС, д. 9, л. 93–93 об.).

Нельзя сказать, что Дин-Ахмед и Урус преуспели в создании препон для ухода народа из Орды. На Крымской стороне ногаев становилось все больше. К тому же правобережные степи в конце XVI в. постепенно осваивались улусами правого крыла как сезонные пастбища. Урус и мирзы, наверное, были искренними, когда снимали с себя

ответственность за действия соотечественников, живших к западу от Волги (НКС, д. 10, л. 9 об., 144 об.).

В Москве чувствовали эти перемены, но не признавали подобных отговорок. В ответ на заявление Ханбая б. Исмаила, будто он «прямее» (более предан) царю, чем Урус, Иван Васильевич ядовито замечал: «И то правда твоя велика! У себя никого в улусех не оставя, всех людеи на Крымскои стороне с сыном з Баем оставил еси. И сее весны ваши люди нагаиские с крымскими царевичи и с Казыевым улусом на наши украины приходили, и болши дватцати тысеч. И то правда твоя великая, что делаешь?!» (НКС, д. 10, л. 172–172 об.).

В поисках сытого и безопасного существования подальше от буйных волжских и яицких казаков, в возможности грабить «украйны» в составе мощной крымской армии заключались основные мотивы ухода мирз и улусников из Большой Ногайской Орды. Угрозы и одаривание не могли прекратить переселений, так как не устраняли их причин[27].

Пришлые кочевники размещались, как правило, на территории Ногайского улуса Крымского ханства. Этот улус в 1560-х годах находился под началом Дивея б. Хасана. Он в свое время явился в Крым после столь длительного проживания в Ногайской Орде, что бахчисарайские вельможи уже воспринимали его как «человека иного Юрта» (КК, д. 14, л. 306 об.). Сам Дивей вспоминал, что после возвращения «из Нагай» начал набеги на русское пограничье и в то время между ним и ханом была «недружба». Однако в 1563 г. отношения потеплели, и Девлет-Гирей пожаловал его «княженьем» — рангом мангытского карачи-бека[28]. Примирение было скреплено браком ханской дочери с Арсланаем б. Дивеем (КК, д. 11, л. 299, 299 об.).

Уже в новом качестве «Дивии князь мангицкои» согласился на предложение Ивана IV воевать поляков, но затребовал из Москвы такие же поминки, как в старину присылались его деду, Тимуру. Посол Афанасий Нагой, превосходно знавший татарскую историю, возразил, что прежние государи слали Тимуру большие поминки, «потому что был на своем юрте сам государь, [а] ты ныне служишь... у крымского

[27] Бывали и обратные переходы — из Крымского юрта в Ногайскую Орду. Это происходило в случае ссор крымских ногаев с властями ханства, различных распрей и раздоров или же соблазна щедрым жалованьем из Москвы. Перекочевки же за Волгу целых улусов были событием экстраординарным и вызывались голодом и стихийными бедствиями (например, зимой 1574/75 г., но и тогда хан с царевичами силой вернули ногаев в Юрт — см.: КК, д. 14, л. 260–261 об.). Замечу, однако, что и во времена засухи и мора крымские ногаи пытались перебраться прежде всего не в заволжскую Орду, а под покровительство турецкого наместника Азова.

[28] Описываемые события происходили в мае 1563 г. Посол А.Нагой сообщает, что «пожаловал... царь Дивия на свои празник княженьем». Под праздником подразумевается ураза-байрам, когда у хана происходили торжественный сбор знати и раздача должностей (см. донесение Нагого от 1570 г. — КК, д. 13, л. 271 об.).

царя». Но если-де ты станешь служить московскому государю, то он тебя пожалует «свыше иных крымских князеи». Бек не унимался: «А я... здесь не добре ж худ: здесь... меня царь Девлет Киреи, [как] деда моего и отца моего, княженьем пожаловал», так что и русскому царю бы, мол, жаловать так же, как предков. Сначала нужно показать службу, упирался Нагой. На том и расстались, не договорившись (КК, д. 11, л. 230–231).

Дивей участвовал в крымских нашествиях на Русь в 1571 и 1572 гг. в качестве одного из верховных военачальников. Летом 1572 г., после рокового для крымцев боя на Молодях, он попал в плен к русским (Буганов 1962, с. 271)[29]. С одной стороны, хан не испытывал глубокой печали по поводу захвата высокомерного и могущественного вождя мангытов. Но с другой стороны, никто, кроме Дивея, не мог держать в узде многочисленных крымских ногаев, заполнивших все пространство к северу от Тавриды.

Забота о стабильности в государстве заставила Девлет-Гирея начать переписку с царем-победителем об освобождении бека. Правда, эти просьбы были обставлены оговорками, охранявшими ханский престиж. Во-первых, русскому посольству было заявлено, будто предложение об освобождении исходит не от хана, а по инициативе снизу («мне... о нем били челом его дети и нагаиские князи» — КК, д. 15, л. 2 об.). Во-вторых, бывший полоняник Истома, явившийся в Москву и допрошенный в Посольском приказе в мае 1576 г., поведал об обстановке в Крыму: «А землею (т.е. среди народа. — *В.Т.*) в Крыме говорят: нам деи ни царь, ни царевичи не дорого, толко б деи нам в Крыме Дивеи был, потому [что] которые нагаиские люди в Крыме живут, и те деи нагаиские люди были Дивеем верны. А ныне деи без Дивея поизменилося...» Истома уверял, что хану и его сыновьям нельзя верить в этом вопросе, так как «Девея просит царь з боиством (т.е. гонором. — *В.Т.*), будто не хотя просить. А всем (в тексте: всех. — *В.Т.*) им Дивеи нужен для нагаиских людеи» (КК, д. 14, л. 298 об.–299 об.).

И в самом деле, через пять месяцев в русской столице объявились послы из Бахчисарая с грамотой. «Да что мы Дивея у тебя просили, о том бы еси на мысли не держал, что у нас такова доброго человека нет, опричненно того (т.е. Дивея. — *В.Т.*), — втолковывал хан Ивану Грозному. — А у нас ныне Дивеевых три сыны — как Дивеи же; и таких добрых несколко есть». И объяснял мотивы своей просьбы: «И он нам служил, души своеи за нас не щадил и за нас саблю доводил, и службы его к нам было много. А которые у нас, опричь его,

---

[29] Тогда же был убит предводитель крымского авангарда «ногайский большой мурза», «ногайский большой воевода» Тягриберди, глава кипчакского эля Ногайского улуса в Крымском ханстве, давным-давно обосновавшийся во владениях Гиреев (Буганов 1962, с. 270, 271, 273, 274; Разрядная 1975, с. 199, 201; Разрядная 1982, с. 311).

верою и правдою служат, и те молвят: видишь ли де, как царь (т.е. хан. — *В.Т.*) его (Дивея. — *В.Т.*) службу помнит и об нем радеет. И тем будет за честь, и они таково ж станут за меня душу свою класти и мне верою служити. Яз его того для прошу» (КК, д. 14, л. 306 об.–307), т.е. в качестве примера заботы о верных подданных, а не из-за каких-то редких качеств пленника. Все эти дипломатические ухищрения оказались бесполезными, так как Дивей вскоре умер в заточении.

Его старший сын, Есеней (Хасан?), должен был возглавить Ногайский улус и крымских мангытов, но его «вокняжению» помешала династическая распря. Прибывший из Турции Ислам-Гирей б. Девлет-Гирей в 1584 г. сменил свергнутого родичами хана Мухаммед-Гирея б. Девлет-Гирея, но был изгнан сыном последнего, Саадет-Гиреем, на сторону которого перешли ногайские ополчения (КК, д. 16, л. 2). При помощи войск великого везира Порты и наместника Кафы Ислам-Гирей вернул себе трон, а Саадет-Гирей с братьями Мурад-Гиреем и Сафа-Гиреем вынужден был бежать в Большую Ногайскую Орду и затем в русские владения. Там он умер после восьми лет скитаний (Смирнов В. 1887, с. 442). Вместе с этими беглецами отправился на чужбину и сын Дивея, Арсланай (Есеней пропал из поля зрения). Ему, как и Мурад-Гирею (по челобитью последнего), Иван IV дозволил поселиться и кочевать у Астрахани (НКС, 1586 г., д. 10, л. 56; Статейный 1891, с. 70). Лишь при воцарении Гази-Гирея (1588 г.) Арсланай смог вернуться в родной Юрт. В 1590 и 1591 гг. он уже рекомендовался в письмах подобающим образом: «Мангытцкои Дивеев княжои сын Арысланаи князь много много челом бьет»; «яз... Арыслана князь, у всех мирз началнои» (КК, д. 19, л. 44; 1590 г., д. 2, л. 89). В крымских грамотах появляется устойчивый термин «Арасланаев улус Дивеева». Зимой 1594/95 г. Арсланай был убит венграми при возвращении крымского войска из «Можарского (т.е. Мадьярского) похода». Мангытским беком Гази-Гирей назначил его сына Мухаммеда (КК, д. 21, л. 448 об., 458 об.)[30].

Крымские ногаи продолжали расселяться к северу от Перекопского перешейка (отчего они иногда звались заперекопскими — КК, д. 14, л. 5 об.), «на Овечьих водах и в верхех Самарских и по Калмиюсу», «в верхех Самарских и по Миюсу, и на Овечьих водах» (КК, д. 15, л. 168 об., 171; СГГД, ч. 2, с. 126). Ногайский улус считался особой

[30] В донесении гонца А.Окинфова эта информация подается так: «...Арасланая... князя Дивеева не стало... конюшего, и в его... место царь пожаловал конюшеством Маметя князя» (КК, д. 21, л. 458 об.). Термин «конюший» ни до, ни после этого не применялся к мангытским бекам. В данном случае просматривается явная аналогия конюшему боярину Б.Ф.Годунову — фактическому соправителю тогдашнего царя Федора Ивановича. Приписывание главе крымских мангытов и ногаев этого высшего придворного ранга отражает наличие у него рудиментов статуса беклербека.

частью ханства, что отражалось в официальной документации (см., например, шертную запись посла Ахмед-паши-бека Сулешева на посольском съезде в Ливнах 9 ноября 1593 г.: обязательства даются «за государя своего Казы Гирея царя и калгу Фети Гирея царевича, и за все царевичи, ***и за весь Крым, и за Арасланаев улус Дивеева***» — Лашков 1891, с. 35)[31]. Для обозначения населения этого улуса стало употребляться словосочетание «бесчисленные (*сансыз*) ногаи» (Лашков 1891, с. 47), которое в следующем столетии вошло в ханский титул (см., например: КК, 1629 г., д. 14, л. 16).

Родо-племенной состав крымских ногаев неизвестен; нет сведений, что во второй половине XVI в. у них сохранялось деление на эли (за единственным исключением упомянутых выше кипчаков Тягриберди). Сам способ обозначения их улуса именем верховного бека говорит об угасании такого деления и о выдвижении на первый план родоначальника определенной ветви мирз. О том же свидетельствует информация Саид-Мухаммеда Ризы о составе девяти ногайских «племен, происходящих от Идику», которые поддерживали в 1580-х годах Саадет-Гирея, — мансур, урак, мамай, касай, ор-мамбет, токуз, едиджек улы, джамболук, едисан (Смирнов В. 1887, с. 443; Précis 1833, р. 380)[32].

Данные о численности крымских ногаев можно получить из сведений о размерах их ополчения. При подготовке похода на Астрахань в 1569 г. султан приказал Девлет-Гирею собрать всю его восьмидесятитысячную армию и добавить к ней тридцать тысяч ногаев. Г.Д.Бурдей резонно предположил, что подразумевались те ногаи, которые проживали в государстве Девлет-Гирея или зависели от него (Бурдей 1962, с. 7), т.е. не Большие Ногаи. Авангард мирзы Тягриберди на Молодях в 1572 г. насчитывал двадцать тысяч всадников (Разрядная 1975, с. 199), и при этом неизвестно, скольких вел с собою Дивей. Во время борьбы Саадет-Гирея с Ислам-Гиреем бек Есеней б. Дивей предводительствовал пятнадцатью тысячами своих воинов (КК, д. 16, л. 2). После стабилизации обстановки в ханстве при хане Гази-Гирее гонцы в 1591 г. рассказывали, что «Арасланаевых улусов збираетца до семинатцати тысеч» (КК, д. 19, л. 107 об.). Таким образом, численность ногайского ополчения колебалась от пятнадцати

---

[31] Со временем имя Арсланая ушло из обозначения улуса, уступив место имени его отца. В аналогичных шертях 1594, 1614, 1629 гг. и др. ногайская часть Крымского юрта именовалась «Дивеева улусу нагаями», «Дивеева родства мурзами и нагайскими людьми» (см.: Лашков 1891, с. 37, 41, 52).

[32] *В данном случае нам важно отметить принцип именования «племен».* Конкретный же их список у Саид-Мухаммеда Ризы явно анахроничен. Большинство приведенных названий появилось только в XVII в. Например, ор-мамбет-улы, т.е. потомки Ормамбета (Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда), в 1580-х годах не составляли какой-то отдельной общности, так как Ураз-Мухаммед был еще жив и пока даже не вступил в «большое княженье» над Большими Ногаями.

до тридцати тысяч воинов, т.е. от семидесяти пяти до ста пятидесяти тысяч человек населения в целом.

Во второй половине XVI в. ногайские улусы Крыма пополнялись главным образом выходцами из-за Волги. Новоселы несли с собой традиционные недоверие и враждебность к Гиреям. К концу столетия такие настроения, случалось, преобладали среди жителей заперекопских степей. Из Юрта доходили вести, что «нагаиские люди царю и царевичем не верят, а царь и царевичи нагаем не верят» (1576 г.); «нагаи царя не добре слушают» (1578 г.) (КК, д. 14, л. 299; д. 15, л. 168 об.). В своих стойбищах они нелицеприятно обсуждали политику Бахчисарая и планы замены ханов-неудачников (к примеру, Гази-Гирей «промышлять не умел, только многих людей потерял и рать всю погубил» — цит. по: Загоровский 1991, с. 214).

Гиреи платили кочевникам той же монетой. Они опасались степняков, хотя и полагались на них в военных предприятиях. В 1570 г. из владений Дин-Ахмеда выехали «в Крым на царево имя» около тысячи улусников. «И царь... им не поверил, а велел их роздати за Перекопью по всем улусом по крымским и по нагаиским» (КК, д. 14, л. 7 об.). В целом кочевники имели основания для недовольства правящим режимом: ногаев всегда снаряжали в авангардные бои, чреватые наиболее крупными потерями, для государственных нужд у них то и дело реквизировали подводы и скот, ограничивали в передвижениях и, случалось, отнимали пастбища (Новосельский 1948а, с. 28). Возмущение ногаев нарастало пропорционально их численности.

Отношения Больших Ногаев с Малыми претерпели непростую эволюцию. Пока был жив основатель Малой Орды Гази б. Урак, правители обоих Юртов видели друг в друге непримиримых врагов. И лишь после гибели Гази в 1576 г. наметилось некоторое потепление. Москва и здесь попробовала захватить инициативу и выступила с идеей сближения ногайских Орд. Иван IV предложил Дин-Ахмеду сослаться с братьями покойного Гази и Юсуфовичами, обретавшимися на Северо-Западном Кавказе, «чтоб с вами были вместе, чтоб ваша Орда людми полнилась, чтоб нашим недрузем и вашим было страшнее» (БГК, д. 137, л. 366 об., 367).

Сближение действительно произошло, но позднее и не под русским, а скорее под крымско-турецким патронажем и на антироссийской основе. В первой половине 1580-х годов, когда бий Урус был настроен резко против России, Большие и Малые Ногаи нередко ходили в походы вместе друг с другом и с крымцами. О тех временах на Руси вспоминали, что врагами были «турской салтан и крымской царь, и ***Большие Орды нагаи заволжские, и Казыев улус***, и кабардинские черкасы, и горские кумыцкие люди, ***сложась заодин***, безпрестани на государеву землю приходили войною и к городам (приступали), и царского величества рати все были против их» (ПДПЛ, т. 4, с. 151).

В литературе уже давно бытует мнение о складывании коалиции двух Орд, действовавшей против Московского государства (см., например: Очерки 1955б, с. 476). То время отмечено неоднократными совместными вторжениями большеногайских и малоногайских мирз на русское порубежье.

Но отношение биев Дин-Ахмеда и Уруса к казыевцам было все же далеко от приязни и искренней солидарности. Дело в том, что Малая Орда служила одним из основных пунктов откочевки. Недовольные своими биями, мирзы Большой Орды уходили не только в Крым, но и к Малым Ногаям, и там, следовательно, концентрировалась оппозиция биям. Урус ничего не имел против того, чтобы его сородичи вместе с братьями и сыновьями Гази нападали на Русь. Но его не устраивал уход к ним его подданных. Поэтому между Ордами случались и военные столкновения. В одном из них попал в плен малоногайский бий Якшисаат (Московский 1978, с. 233), в другом был убит сам Урус. Несколько лет после этого прошли в сражениях: заволжская знать мстила за своего государя (хотя некоторые заволжские мирзы попрежнему присоединялись к казыевцам в набегах).

Лишь в 1596 г. пришли вести, что «Болшие Ногаи с Казыевым улусом помирились» на той же привычной основе: «Хотят идти на весну на государеву украину» (КК, 1596 г., д. 1, л. 2). А в 1598 или 1599 (7107) г. нурадин Иштерек нанес визит главе Малой Орды Баран-Гази б. Саид-Ахмеду и убеждал его шертовать московскому царю (Акты 1918, с. 123; НКС, 1604 г., д. 3, л. 136).

Связи Больших Ногаев с княжествами горцев Северного Кавказа были давними, но не особенно тесными. Из-за значительной удаленности они до 1580-х годов не поддерживали постоянных контактов между собой. Стороны обычно ограничивались общепринятыми знаками дружбы наподобие женитьбы детей. Дочь кабардинского князя Малхуруб вышла за Дин-Ахмеда, дочь шамхала Тавлу-бегим — за Уруса (НКС, д. 8, л. 233). В Тюменском владении находили приют мирзы-оппозиционеры со времен Смуты середины XVI в. В Сарайчуке не забывали этого, и еще в 1577 г. нурадин Урус собирался воевать княжество на нижнем Тереке и громить осевших там противников. Сражения с «тюменью шевкальской» происходили в конце 1570-х годов (НКС, д. 8, л. 35, 53 об., 54, 253, 253 об.).

На протяжении следующего десятилетия продолжалось постепенное освоение заволжскими кочевниками Крымской стороны. В поисках пастбищ ногаи распространяли маршруты своих сезонных передвижений до Северо-Восточного Кавказа. Будущая Ногайская степь в Дагестане тогда, очевидно, впервые была включена в ежегодный кочевой цикл. «А наши улусы конец зимует на реке на Куме, а другои конец зимует на реке на Сыре (Сырдарье. — *В.Т.*), а меж ими три месяцы дороги. А те люди все Урусу князю приклонны (т.е. входят

в Большую Ногайскую Орду. — *В.Т.*)», — писал царю Федору Ивановичу мирза Хан б. Урус — кстати, сын шамхальской дочери Тавлубегим[33]. В дальнейшем Большие Ногаи сотрудничали с владетелями Северного Кавказа в борьбе против Казыева улуса или воевали с ними по приказанию из Москвы в составе русской армии (см.: НКС, 1586 г., д. 13, л. 2, 3; ПДП, т. 1, с. 267).

Восточные дела. Связи Большой Ногайской Орды с восточными соседями (казахами, калмыками, сибирскими татарами, узбеками) развивались в соответствии с прогрессирующим ее ослаблением и тенденцией к распаду. Наиболее активной группировкой мирз на востоке Орды были потомки Шейх-Мамая, которые издавна кочевали по Эмбе и за Эмбой, в левом крыле ногайской державы. Однако в конце XVI в. они редко и неохотно общались с Москвой, поэтому у нас мало сведений о политике ногаев в той части Дешт-и Кипчака. Интересы биев сосредоточивались главным образом на западе, и русская дипломатическая документация очень лаконична в вопросах тогдашних контактов ногаев с населением Казахстана, Западной Сибири и Средней Азии. Между тем на востоке ощущали угасание могущества «бесчисленных ногаев». И одним из неоспоримых доказательств этого угасания была утрата ими контроля над Башкирией.

Основная масса ногаев оставила ее в 1570-х годах, когда в бывшее башкирское наместничество Ногайской Орды вошли стрельцы, а в центре удела Имэн-кале (отныне — Уфе) демонстративно утвердился русский воевода с гарнизоном[34]. Однако пост наместника Башкирии оставался в номенклатуре Орды. До 1578 г., до того как заступил на нурадинство, его занимал Динбай б. Исмаил, затем его племянник Саид-Ахмед б. Мухаммед. Когда и он стал нурадином, его место занял, очевидно, Канай б. Динбай (см.: НКС, д. 9, л. 46; д. 10, л. 131 об.; Трепавлов 1997в, с. 26). Ставка наместника теперь располагалась где-то на Эмбе (НКС, д. 10, л. 131 об.), подальше от стрелецкого гарнизона Уфы, и ногаи были вынуждены «ежегод» снаряжать военные экспедиции на север для сбора традиционного ясака.

Башкирия неизбежно становилась ареной столкновения двух держав. Но интересно, что это столкновение оказалось практически бескровным. Русские в данном случае не пошли по «казанско-сибирскому» пути, не стали на путь прямого завоевания. Вооруженная сила

---

[33] Может быть, следует принять точку зрения Я.А.Федорова, согласно которой во второй половине XVI в. в степях Северо-Западного Прикаспия была заложена основа будущих караногайцев. Однако процитированные слова Хан б. Уруса не позволяют согласиться с другим утверждением этого автора, будто ногайские роды, пришедшие туда, о т к о л о л и с ь от «Большого Ногая» (Федоров 1983, с. 118).

[34] Абсолютное большинство историков связывает (вслед за башкирскими народными преданиями) исход ногаев из Башкирии с падением Казанского ханства, относя его к 1550-м годам. Такая интерпретация событий едва ли правомерна. Анализ этого вопроса см.: Трепавлов 1996; Трепавлов 1997в.

применялась воеводами лишь по отношению к ногайским «данщикам». Здесь российские власти действовали быстро и жестко, хотя в принципе не возражали против того, чтобы ногаи продолжали кочевать на Южном Урале. Сборщиков ясака хватали, вязали и бросали в тюрьмы. Доводы, что, мол, башкиры платили его «от Идигия князя», не убеждали русскую администрацию (НКС, д. 8, л. 46, 234, 234 об., 275; 1586 г., д. 1, л. 31; д. 8, л. 9; 1587 г., д. 5, л. 22). Наивысшего напряжения русско-ногайские контакты по башкирскому вопросу достигли после основания Уфы, о чем говорит упоминавшаяся выше переписка Уруса с царем Федором.

За развитием событий на Южном Урале внимательно наблюдали казахи. Их отношения с Большой Ногайской Ордой в 1570–1580-х годах можно, пожалуй, однозначно определить как непримиримо враждебные. А.И.Исин сводит конфликтные вопросы к территориальным притязаниям усилившегося хана Хакк-Назара к ногаям и Сибирскому юрту, в частности по поводу обладания башкирскими улусами и кочевьями по Яику (Исин 1988, с. 22). Территориальными спорами объясняет казахско-ногайские противоречия и Б.-А.Б.Кочекаев (Кочекаев 1988, с. 103). Я не располагаю материалами относительно желания Хакк-Назара завладеть Башкирией (кроме путаных свидетельств некоторых башкирских сказаний — подробнее см.: Трепавлов 1997в, с. 19, 21), но его нападения на яицкие места действительно отмечены в источниках.

Во время правления Дин-Ахмеда и Уруса от былой привязанности ногайского воспитанника Хакк-Назара к своей второй родине, Ногайской Орде, не осталось и следа. Обе стороны не только видели друг в друге лютых врагов, но и обосновывали это противостояние чуть ли не заветами предков (Урус: «С Акназаровым царевым отцом (т.е. предком. — *В.Т.*) с Орусом (золотоордынским ханом Урусом б. Чимтаем. — *В.Т.*), с нашим прадеды Идигием князем недрузи головные» — НКС, д. 9, л. 28 об.).

В январе 1569 г. в память гонцу к польско-литовскому королю Сигизмунду-Августу, Ф.И.Мясоедову, был внесен ответ на ожидавшийся вопрос о положении ногаев: «А сее осени приходили на нагайские люди Казатцкие Орды царь» (ПДПЛ, т. 3, с. 591), т.е. речь об осени 1568 г. Что это за царь и кто с ним был еще, выясняется из донесения посла в Крыму А.Нагого. Со слов плененного ногаями по дороге на Русь и привезенного в Крым С.Мальцова он сообщил, что посланцы бия Дин-Ахмеда и нурадина Уруса в сентябре 1569 г. вспоминали в беседе с турецким пашой, будто «Казатцкие Орды Акназар царь да Шигаи царевич, да Челым царевич со многими царевичи... безвестно на нас пришел». Сам Мальцов рассказывал Нагому про то, как в свое время отписывал в Посольский приказ «про Акназара царя и Шигая царевича, и Челыма царевича, а с ними дватцать царевичев. Приход

их был на нагаи, и бои их писал» (КК, д. 13, л. 286 об., 293)[35]. Стало быть, в набеге участвовали хан Хакк-Назар, султаны Шигай б. Джадик б. Джанибек, Джалим неизвестного происхождения (Султанов 1982, с. 118, 119) и еще два десятка султанов.

Набег был отбит с помощью астраханских стрельцов, которых по царскому приказу воеводы послали на помощь Дин-Ахмеду. Казахов разгромили, в бою погибли один или несколько султанов (Записки 1988, с. 194; ПДПЛ, т. 3, с. 591, 592, 597, 629; Путешествия 1954, с. 70; ТД, д. 2, л. 24 об., 77 об., 186 об., 186)[36]. Астраханцы и ногаи «заодин стояли и билися против казатцкого Акназара царя», вспоминал позже Иван IV (НКС, д. 10, л. 22).

Поражение не охладило Хакк-Назара. Уже в августе 1570 г. А.Нагой, многие годы безвыездно сидевший в Крыму, узнал от приехавшего из Азова ногая, что «Казатцкие Орды Акназар царь нагаиских мурз Шихмамаевых детеи побил» (КК, д. 13, л. 286 об.).

Что же заставляло правителя восточных степей ввязываться в конфликты с Мангытским юртом? Прежде всего усиление и укрепление Казахского ханства и одновременное ослабление Больших Ногаев. Стремясь расширить подвластные владения, Хакк-Назар присоединял к своему ханству пространства Дешт-и Кипчака, пока не подошел к району реки Эмбы, где кочевали и стояли на страже потомки Шейх-Мамая. Именно им пришлось отражать удары многочисленной неприятельской конницы. Судя по именам и количеству царевичей (даже если число 20 — преувеличение), в поход на Орду отправились основные силы казахов. Видимо, в 1568 г. оборона Шихмамаевичей была сметена, и казахи двинулись к Яику; и лишь своевременная помощь из Астрахани позволила остановить их. В 1570 г. «Шихмамаевы дети» вновь потерпели поражение, но в тот раз Хакк-Назар, очевидно, уже не рискнул идти дальше на запад. В 1570-х годах его государство раскинулось от Сырдарьи на юге до Южной Башкирии на севере и от Иртыша до Эмбы (Исин 1988, с. 22; История 1993, с. 153).

К концу 1570-х годов напряжение в отношениях между Большими Ногаями и Казахским ханством достигло апогея. Хан открыто высказывал намерение «по Яику и по Волге не дать кочевати» своим противникам, а Дин-Ахмед возмущенно писал в Крым, будто Хакк-Назар «называет юрт наш Сарачик своим» (КК, д. 15, л. 30 об.–31; НКС, д. 8, л. 9 об.) — явная реминисценция событий конца 1530-х годов,

---

[35] С.Мальцов был отпущен домой из ставки Уруса 14 марта 1569 г. (КК, д. 13, л. 288), что не противоречит нашей датировке казахского набега осенью 1568 г.

[36] В одних документах говорится, будто «царевича у них убили», в других — «царевича не одново убили». В памятях по польско-литовским делам 1569–1570 гг. сказано, что астраханские воеводы дали ногаям своих людей для обороны. Сам Иван IV в письме Урусу от 30 апреля 1581 г. напомнил: «...посла нашего Семена Малцова с астраханскими стрелцы пособь вам была» (НКС, д. 10, л. 22). К сожалению, рапортов Мальцова и воевод по этому поводу не сохранилось.

когда Хакк-Назар стал номинальным главой Ногайской Орды, «ханом казахов и ногаев». Конница с востока нападала на кочевья Шейх-Мамаевых отпрысков, угоняла табуны, полоняла улусников. Весной 1577 г. казахи захватили пятерых «улусных людей», которых позже отправили назад к бию с посланием: «Царь наш Акак Назар с царем и великим князем в миру и с та[ш]кенцы и с юргенцы в миру же, а нашему Акак Назару вас воевати» (НКС, д. 8, л. 9–9 об.). Бий и до того знал, что владыка казахов «хочет Юрт наш взять нагаиской». Поэтому его больно задевала молва о возможных контактах врага с крымцами и русскими. До Дин-Ахмеда доходили смутные слухи о тайных связях Хакк-Назара с Бахчисараем и Москвой; самой страшной перспективой ему казалось формирование казахско-крымско-русской коалиции. Большие Ногаи оказались бы в геополитической ловушке, в окружении объединившихся сильных соседей.

Имелись ли основания у бия для боязни соглашения ханов? В сентябре 1569 г. ногайские послы сказали турецкому паше, будто *Хакк-Назар с царевичами напал на их Орду «по крымского царя думе»* (КК, д. 13, л. 293). Откуда возникло такое мнение, неизвестно. Я не встречал сведений о каких-то антиногайских переговорах Бахчисарая с казахами. Однако эта версия заставила ногайский двор повысить дипломатическую активность. Во-первых, Дин-Ахмед сообщил в Крым, что Хакк-Назар, который, между прочим, «добре силен... стрелцы и всякими людми», после взятия Сарайчука «хочет... и на Крым приходити» (КК, д. 15, л. 31). Поэтому хан Мухаммед-Гирей должен помочь ногаям, чтобы тем самым обезопасить и свои владения. Но ведь раньше ногаям помогли выстоять против Хакк-Назара русские! У хана мог возникнуть вопрос, отчего на этот раз мирзы не обращаются в Москву и Астрахань. На сей счет предусмотрительный Дин-Ахмед написал: «Дотудова... нам пособлял московскои царь от Казатцкие Орды, а нынече... нам прожить немочно» (из-за нападений казаков, направляемых царем). Гази б. Урак интерпретировал эти утверждения как ложь (КК, д. 15, л. 32 об.).

Одновременно велась переписка с Посольским приказом, в которой предводители Ногайской Орды пытались зарекомендовать себя как преданных сторонников Ивана IV и противников Гиреев. Главная задача оставалась той же — не допустить сближения западных и восточных порубежных соседей друг с другом. «А с Акназаром царем и сь его отцом (предком. — *В.Т.*) с Урусом царем наш прадед Идиги князь от тех мест и по ся места в недружбе великои бывали, — писал Урус Ивану Васильевичу сразу по своем „вокняжении“. — Таковы они недруги наши. А ты, с таким Акназаром царем в дружбе учинився, кои год послы... посылаешь з бохарским царевым послом и с Азимовым царевым послом вместе... Толко другом будучи, и так быти не пригоже... Хотя со мною одное веры, и яз з Девлет Гиреем царем не

говорил, а Акназар царь с тобою розные веры, и тому делу быть не пригож» (НКС, д. 8, л. 231 об.–232)[37]. Подобная же логика (мы не сносились с твоим врагом крымским ханом, и ты не сносись с нашим недругом — ханом казахским) присутствует и в других посланиях 1577–1579 гг. (НКС, д. 8, л. 41 об.; д. 9, л. 28 об., 36 об.).

Из Москвы разъясняли, что постоянных контактов с Хакк-Назаром нет. Он лишь однажды присылал своих послов с попутным бухарским караваном, и к нему были направлены в качестве гонцов служилые татары. Но «вперед посылати не учнем, — заверял Иван Васильевич. — Коли вам Акназар царь недруг, тогды и нам Акназар в дружбе не будет николи» (НКС, д. 9, л. 273 об., 274).

В самом деле, заметных русско-казахских связей после этого долго не наблюдается. Но объясняется это скорее не действенностью ногайской дипломатии, а неактуальностью для Москвы расширения восточных контактов в то время. Вместе с тем российское правительство было намного лучше информировано в степных делах, чем полагали в ставках бия и нурадина, и не принимало на веру лживые утверждения об отсутствии связей ногаев с Гиреями.

Хакк-Назар погиб в сражении с ташкентскими войсками приблизительно в мае 1580 г. (Султанов 1982, с. 112, 118). Это сразу изменило баланс сил в Дешт-и Кипчаке. Урус послал армию левого крыла во главе с кековатом Беком б. Шейх-Мамаем на разгром казахских улусов. «Тех улусов осталось немного», — сообщал о казахах бий в 1581 г. (НКС, д. 10, л. 88 об.). «А в Казатцкои Орде ныне меж себя рознь. А государя на Казатцкои Орде нет, а есть у них царевичь, да ещо не посажен», — вторил посол к Урусу В.Перепелицын (НКС, д. 10, л. 143).

Неожиданная гибель могущественного государя породила в Казахском ханстве хаос, а в Большой Ногайской Орде взрыв военной активности и, может быть, надежды на частичное восстановление былого могущества. Мирзы отказывались посылать своих ополченцев на Ливонскую войну, готовясь к большому нашествию на восток. Но оно не состоялось — вероятно, по двум причинам.

Во-первых, в тылу оставались казаки и Астрахань, и ногаи не могли рисковать вторично, уводя боеспособные войска в поход, как в начале 1570-х годов (когда впервые был разорен Сарайчук). Василий Перепелицын прямо указывает на это препятствие военным планам Уруса: «А хотел... Урус князь и все мирзы ити воиною в Казатцкую

---

[37] Цитируемая грамота относится к 1578 г. В ответном послании Иван IV сообщает, что обмен посольствами с Хакк-Назаром произошел, когда «нагаиские мирзы от нашего жалованья поотстали были и, сложась с крымским царем, воевать приходили на нашю землю» (НКС, д. 8, л. 273 об.). А.И.Исин резонно полагает, что речь идет о крымских нашествиях 1571 и 1572 гг. (Исин 1988, с. 23). Бухарский царь — здесь хан Искандер б. Джанибек, «Азим царь» — хорезмский хан Хаджи-Мухаммед б. Агатай.

Орду, да заблюлся государевых людеи от казаков воины» (НКС, д. 10, л. 143).

Во-вторых, цель предполагаемого похода — увеличение числа улусников — оказалась в значительной степени достигнутой и без войны. После гибели Хакк-Назара, по словам того же Перепелицына, «многие из Казатцкие Орды люди ***розошлися*** по иным землям — ***в Нагаи***, и в Бухары» (НКС, д. 10, л. 143). Сам Урус, ныне летовавший на Илеке, удовлетворенно поделился с царем новостью, что в этом (1581) году к нему привели двадцать тысяч новых подданных-казахов; остальные во главе с новым «головой»-царевичем отступили на Иртыш — туда-то бий, видимо, и собирался в поход (НКС, д. 10, л. 151). Уже после самых первых вторжений Шихмамаевичей в казахские владения число «улусных людей» Большой Ногайской Орды пополнилось девятью (если верить Урусу) или десятью (если верить кековату Беку б. Шейх-Мамаю) тысячами человек (НКС, д. 10, л. 91; 1586 г., д. 10, л. 97).

Вспышка военной активности мангытской знати оказалась кратковременной. Случилось так, что основные военные интересы и оборонительные усилия казахов оказались направленными на их крайние восточные рубежи, против усилившихся ойратов, а интересы и усилия Больших Ногаев, наоборот, — на западные рубежи, в связи с начинавшейся Смутой и конфликтами с Малой Ордой. От середины 1590-х годов сохранилась запись беседы в Москве посла казахского хана Таваккула б. Шигая с казахским же султаном Ураз-Мухаммедом б. Онданом, который обретался при царском дворе. В этой беседе посол Кул-Мухаммед затронул и интересующий нас вопрос: «Дядя твои Тевкел царь... с ногаи сь шти браты (т.е. с „шестью братьями" — потомством Шейх-Мамая. — *В.Т.*) в миру, а с Тинехматовыми детми да с Урусовыми ни так ни сяк», т.е. нет ни конфликтов, ни особой дружбы (ККД, 1594 г., д. 1, л. 8; Материалы 1932, с. 291).

Вскоре из-за мощного продвижения калмыков в сторону Волги отношения Казахского ханства и Ногайской Орды практически сошли на нет: между ними стали кочевать пришельцы из Западной Монголии. Кроме того, казахи испытывали некоторое давление со стороны башкир с севера и очень сильное — со стороны могулистанских Чагатаидов и узбеков-Шейбанидов с юга. Основная масса казахов к началу XVII в. была оттеснена в Семиречье (Абусеитова 1985, с. 73). Может быть, в то время ногаи смогли вновь продвинуться на восток и занять территорию не только Западного, но и Центрального Казахстана (Абусеитова 1985, с. 59, 60) (вспомним, что в 1580-х годах один из «концов» их ежегодного кочевого цикла упирался в Сырдарью).

С калмыками ногаи в XVI столетии сталкивались эпизодически. Те изредка появлялись в пределах их кочевий, получали отпор и откатывались назад. До поры до времени улусы левого крыла успешно

отбивали их набеги. «А которые наши полки были от калмаков, — писал Ак б. Шейх-Мамай Ивану IV в 1556 г., — и тем у нас быти от Волги» (НКС, д. 4, л. 364 об.), т.е. калмыцкая опасность исчезла, и восточные войска ногаев идут к Волге, дабы двинуться на Астраханское ханство и Крым.

Через четыре года «калматцких людеи многих» встретили и пленили астраханские стрельцы в районе Сарайчука (НКС, д. 5, л. 192). И опять это был случайный эпизод; в течение долгих лет после этого об ойратах нет упоминаний. В 1578 г. на «коронационном» съезде Урус торжественно подтвердил обычную задачу детям Шейх-Мамая: «стояти против колмаков» (НКС, д. 8, л. 236). Воевать последних (неизвестно, почему — возможно, из-за их постепенного переселения в Казахстан) собирался в 1587 г. тайбуга Ураз-Мухаммед (НКС, 1587 г., д. 5, л. 22). Его удел («таибугинская страна») находился как раз по соседству с иртышскими и тобольскими кочевьями калмыцких предводителей-тайшей. Это, пожалуй, первое и единственное свидетельство для второй половины XVI в. о конфликте с калмыками по инициативе ногайской стороны.

Казахский хан Хакк-Назар умудрился поссориться со всеми соседями. Сильнейшим его противником был бухарский хан Абдулла б. Искандер из узбекской ветви династии Шибанидов. Этот государь (в 1551–1583 гг. он правил от имени своего отца) стремился распространить гегемонию Бухары на все бывшие владения дома Шибана. Данное стремление проявилось, в частности, в поддержке сибирской линии Шибанидов, представленной Кучумом б. Муртазой. В конце 1550-х годов тот при поддержке узбекского монарха начал борьбу за возвращение сибирского трона, отнятого у его деда Ибрагима-Ибака Тайбугидами в 1495 г.

Тайбугидские беки Ядгар б. Гази и его брат Бек-Пулад не чувствовали себя в силах противостоять ударам с юга и обратились за помощью в Москву. Быть посредниками они упросили ногаев. Сибирский юрт согласился выплачивать ясак царю. Ядгаров посол в 1563 г. привез в русскую столицу урочную дань, но был задержан, так как с востока пришли вести, что «сибирские люди... дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича» Кучума. Ядгар был Кучумом убит (Патриаршая 1906, с. 370). Реставрацию власти Шибанидов поддерживали и мангытские аристократы (Бояршинова, Степанов 1964, с. 502).

Кучум принял титул хана сибирского и тюменского, но в отличие от своих предков не стал «царем ногайским». Этому препятствовали, во-первых, угасание практики подобной инвеституры в Ногайской Орде, во-вторых, вассальное подчинение Кучума хану Абдулле II. Сибирско-ногайские отношения установились на редкость стабильные. Документы отмечают «ссылки меж ими для своиства, чтоб меж ими

воины не было» (НКС, д. 7, л. 39, 39 об.; д. 9, л. 86 об.; 1587 г., д. 5, л. 22). Стычки на границах возникали только по недоразумению и быстро гасились. По меньшей мере четверо высокородных ногайских мирз женились на дочерях Кучума, а сам он взял за себя ногайскую «княжну». Некоторые мирзы (например, Каракул б. Агиш, Чин б. Эль б. Юсуф) переселились в Сибирский юрт. Наиболее тесные отношения у сибирского правителя сложились с Ураз-Мухаммедом б. Дин-Ахмедом, которому он дал в жены свою дочь Карамыш и ссудил пять тысяч алтын (НКС, д. 9, л. 160, 165 об.; д. 10, л.109 об.). Через ногайские степи пролегал безопасный для сибирских паломников путь хаджжа в Мекку (АИ, т. 2, с. 5; БГК, д. 137, л. 357; НКС, д. 8, л. 11 об., 14 об., 43 об., 73 об., 74, 91, 92; д. 9, л. 86 об., 160, 165 об., 168; д. 10, л. 109 об., 110, 151).

В основе такого тесного сотрудничества лежало не только отсутствие взаимных политических претензий, но и коалиционное партнерство. Кучум, Абдулла II и ногайские бии Дин-Ахмед, затем Урус *объединили усилия в борьбе против Хакк-Назара. Вплоть до гибели* последнего в 1580 г. коалиция была прочной и действенной. Следующий хан казахов, Шигай б. Джадик, был ставленником и вассалом Бухары и не давал повода для вражды.

Как известно, в результате рейда Ермака и последующей экспансии царских войск Сибирский юрт распался. Разгромленный Кучум пытался закрепиться в южных и восточных районах своих бывших владений, опираясь при этом на ногаев. Их поддержка выражалась, в частности, в шпионаже ногайских торговцев и лазутчиков в новых русских городах за Уралом; в просьбах Ураз-Мухаммеда к московскому правительству «Кочуму царю Сибирь... назад отдати» с заверениями в аккуратной выплате ханом в таком случае ясака России; сам Кучум заявлял тарскому воеводе: «А с нагаи есмя в соединенье» (Материалы 1932, с. 298, 299; Миллер Г. 1941, с. 150; НКС, 1587 г., д. 5, л. 22; РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 8; СГГД, ч. 2, с. 130). Но на деле «соединенье» сводилось лишь к готовности Больших Ногаев принять хана в своих владениях, и бий Урус, похоже, искренне отрицал свою причастность к его военным предприятиям против русских (КК, 1586 г., д. 1, л. 14; НКС, 1586 г., д. 8, л. 9).

Более того, ногаи воспользовались крахом Юрта, сформировав у себя из беженцев-сибиряков особый удел и учредив для него должность наместника-тайбуги. Первым тайбугой, как уже говорилось, стал зять Кучума, Ураз-Мухаммед.

Поскольку Кучум в 1563 г. сверг и изгнал Тайбугидов, их подданные были вынуждены подчиниться ему. По терминологии позднего Дешта, эти подданные считались юртом или улусом (уделом) Тайбуги. После разгрома хана казаками осенью 1582 г. они вновь должны были подыскивать себе сюзерена. Собственно, выбор оказывался неболь-

шим: Россия, Ногайская Орда, казахи или калмыки. Первая и последние не принадлежали к миру ислама; казахский хан Шигай, как и Кучум, был бухарским вассалом. Но хан Абдулла не оказал поддержки Кучуму в самый тяжелый момент, чем фактически разорвал союз. Следовательно, тайбугинские улусники должны были или начинать самостоятельные переговоры с далекой Бухарой о перекочевке на юг, прочь от Ермака, или искать покровителя поближе.

Выбор, сделанный «Тайбугиным юртом», отражен в послании царя Федора Ивановича Кучуму около 1597 г.: «А которые нагаиские улусы Таибугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали — на которых людеи тебе была болшая надежа» (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1597 г., д. 1, л. 20; СГГД, ч. 2, с. 134). Эта походя брошенная фраза при дефиците сведений привлекает внимание. Я трактую слова о кочевании вместе с Кучумом как бывшее пребывание «юрта» в центре ханства, в домене, который до 1563 г. являлся сердцевиной тайбугидских владений. Когда Ермак занял Искер и прииртышские городки, хан ушел в южные степи, а его подданные со среднего Иртыша откочевали к Большим Ногаям. Вот почему в царском письме они предстают как «нагайские улусы».

Среди соратников Кучума находились мангытские мирзы Чин б. Эль и Али (его происхождение неясно). Вместе с ними хан нападал на русские поселения, пытался собирать ясак с татарских улусов. Воеводы неоднократно разбивали его отряды. Стремясь закрепиться подальше от них, хан основал ставку на территории левого крыла Ногайской Орды, во владениях рода Шейх-Мамая. Фактически он захватил часть ногайской территории, что вызвало недовольство мирз левого крыла. Не желая ввязываться в вооруженный конфликт с озлобленным ханом, они известили об этом бухарского Абдуллу.

Тот обратился к Кучуму с увещеванием: «Слышали есмя, что вы взяли землю Авлия мирзину (Аулии б. Ака б. Шейх-Мамая. — *В.Т.*)... А годное было то, чтоб вам, помиряся, да у кафыреи („неверных", т.е. русских. — *В.Т.*) землю свою поимати. А толко по тому не станете делать, и кафыри вас осилеют и обезчествуют. А толко нас похотети себе братственно имети, и вы б с ним (Аулией. — *В.Т.*) помиряся, и землю ему отдал, и потом бы так не делати» (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 1, л. 3). В другом письме Абдулла объяснял свое неучастие в вооруженной борьбе сибиряков («А что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в воине, для того и не послали...» — РГАДА, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 1), но на самом деле он давно уже разочаровался в вассале-неудачнике и не видел пользы в помощи ему[38]. Воевать с далекой

[38] Первая из цитируемых грамот Абдуллы подклеена к столбцам 1598 г., вторая — к столбцам 1596 г. Однако на последней стоит пометка: «Выписано из бухарского столпца 1595 года» (РГАДА, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 2), поэтому переписку Абдуллы и Кучума следует отнести к середине 1590-х годов.

Россией не входило в планы Абдуллы, поэтому Кучум остался один на один с царскими войсками.

В августе 1598 г. в сражении с воеводами на Оби хан в очередной раз потерпел поражение и спасся бегством. Сначала он явился во владения, по одним сведениям, калмыков, по другим — казахов. А затем решил искать убежище у Больших Ногаев. Там уже обосновались его сыновья — Али, женатый на дочери Дин-Ахмеда, и Канай, зять Уруса. Однако мирзы не пожелали содержать у себя человека со столь громкой репутацией воителя с русскими и во избежание недовольства Москвы убили его[39].

Своеобразным посредничеством бухарского монарха в примирении Кучума с мирзами не ограничивались связи Большой Ногайской Орды с узбекскими владениями. В Бухарское ханство и Хорезм с давних пор откочевывали мангытские аристократы, недовольные положением дел на родине, политикой очередного бия. В 1560–1580-х годах уводили на юг свои улусы Ак б. Шейх-Мамай с родичами, два сына Исмаила и прочие (БГК, д. 137, л. 356 об.; НКС, д. 8, л. 10 об., 371 об.). Эмигрантские настроения воцарялись в среде кочевников всякий раз, когда возникала угроза внешнего вторжения. Тогда они собирались уходить в Мавераннахр или к казыевцам — «а так де нам не прожить» (НКС, 1586 г., д. 1, л. 21). По некоторым сведениям, после уничтожения казаками Сарайчука в 1581 г. его жители переселились в Хорезм («Хиву») (О развалинах 1867, с. 4). Иногда символом исхода в Среднюю Азию служило выражение «к Сыру» (Сырдарье), «за Сыр». Эта река обозначала рубеж одного из кочевых циклов (см. выше), и ее берега еще со времен Мусы были освоены ногаями.

Распространенным способом поддержки межгосударственных и междинастических связей были браки. За Абдуллу и бухарских царевичей выдавали дочерей и сестер Исмаил, Урус, Ак б. Шейх-Мамай, Мухаммед б. Исмаил, его сын Саид-Ахмед, Ураз-Мухаммед

---

[39] Х.Атласи сомневался, что Кучум выбрал в качестве приюта Мангытский юрт, так как он не мог служить спокойным убежищем от русских (Атласи 1992, с. 134, 135). Это так, но у хана уже, видимо, не оставалось выбора. Обстоятельства загнали его в ловушку. Ногаи в самом деле не желали неприятностей с Москвой. По версии Основной и Лихачевской редакций Есиповской летописи, они заявили Кучуму: «Яко русскии вои уведают, яко ты зде пребываеши, да и нам такожде сотворят, яко ж и тебе» (Есиповская 1987, с. 69, 127). То же говорится и в Сибирском летописном своде (Сибирский 1987, с. 187, 255). Таким образом, мотивом убийства Кучума здесь представлен страх перед местью русского царя. Забелинская редакция Есиповской летописи вкладывает в уста ногаев опасение, что хан поведет себя у них в Орде так же, как Ермак в Сибири («Ты зде, царю, хош да и нам тако ж, как Ермак з дружиною своею, сотворити, яко ж тебе» — Есиповская 1987, с. 116). Возможно, он действительно подавал повод для таких опасений: ведь отнял же он кочевья у мирзы Аулии б. Ака! Г.Ф.Миллер не оспаривал и информацию Ремезовской летописи об убийстве Кучума в отместку за давние притеснения ногаев его отцом Муртазой (Миллер Г. 1937, с. 244, 245). Однако мне о таких притеснениях ничего не известно.

б. Дин-Ахмед; за хорезмских правителей — Саид-Ахмед и Ураз-Мухаммед, а также нурадины Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед и Динбай б. Исмаил (НКС, д. 7, л. 127, 128; д. 8, л. 52 об., 54, 56, 66 об., 238, 366 об., 373 об.; д. 9, л. 47, 86 об.; д. 10, л. 11 об., 133 об.; 1586 г., д. 1, л. 81; 1587 г., д. 2, л. 29).

В иерархии династий и элей мангыты имели прерогативу отправки жен Шейбанидам (т.е. узбекским Шибанидам). Женитьба же потомков Эдиге на среднеазиатских избранницах почти не практиковалась. В источниках второй половины XVI в. отмечен лишь один подобный случай, когда мирза Кучук б. Мухаммед в 1578 г. был удостоен руки дочери хана Абдуллы (НКС, д. 8, л. 253 об.). Брать жен из Ногайской Орды было в обычае у тюркских государей, они даже получили особое название: «Всех своих жен, взятых из мангытских принцесс, правители называют бийим (биким, бегим, бике)» (Абу-л-Гази 1906, с. 188; Aboul-Ghazi 1871, p. 213).

Раздоры то и дело вспыхивали в узбекских ханствах и уделах династии Шейбанидов. Крупные города завоевывались разными ханами и царевичами, переходили из рук в руки. На протяжении второй половины XVI в. постепенно все больше стала доминировать Бухара. В 1557 г. ее занял Абдулла. В 1561 г. он провозгласил ханом своего отца Искандера б. Джанибека и до его смерти (1583 г.) управлял государством от его имени. Затем он сам сел на бухарский престол, на котором оставался до 1598 г. В те же годы хорезмская ветвь Шейбанидов пыталась сплотить под своей властью окрестные области, включая туркмен Мангышлака. Ногаи старались поддерживать дружественные контакты с обоими ханствами. В семьи бухарского Абдуллы и хорезмского (затем ташкентского) Бабы б. Барака сосватали мангыток.

Эти монархи до поры до времени тоже не видели причин ссориться с северными кочевниками и рассматривали их скорее как потенциально союзную силу. Расположение ханов проявилось, в частности, в готовности предоставить ногаям уделы в своих землях. В 1579 г. об этом упомянул Ураз-Мухаммед: «Что был бохарскои царь для отца моего Тенехмата князя правды пожаловал был, дал ему город. После отца моего и ныне меня тем городом пожаловал. Которои город отцу моему ташкинскои царь Бобасалтан сулил, и тем городом ныне меня пожаловал» (НКС, д. 9, л. 41 об.–42). В отношении узбекско-ногайских связей среднеазиатские источники очень немногословны, и об этих пожалованиях сведений в них нет. Тем не менее некоторые основания для получения уделов ногаями могли найтись. В начале XV в. Хорезмом владел Эдиге, а затем его сыновья; в середине того же столетия Узгенд на Сырдарье был отдан ханом Абу-л-Хайром в управление бию Ваккасу б. Нур ад-Дину; мангыты, мигрировавшие вместе с Мухаммедом Шейбани в начале XVI в., закрепились в районе города Карши.

Контакты Большой Ногайской Орды с Ташкентом и Хорезмом (с начала XVII в. — Хивинским ханством) оказались эпизодическими, хотя в целом и дружелюбными. Они сводились к обмену благожелательными посольствами, редким бракам, торговле. Основные же интересы ногаев в регионе были связаны с Бухарой. Традиционная торговля с ней и посредничество их в ее торговле с Россией вызывали существенную зависимость ногайской экономики от среднеазиатской экономической конъюнктуры и политических коллизий. Стоило хану Абдулле в 1586 г. запретить отправку караванов в Дешт-и Кипчак, как сразу «нагаи... стали наги» (т.е. прекратился подвоз текстиля) (НКС, 1586 г., д. 1, л. 21).

В переписке мирз и биев с Москвой просматривается явное преувеличение их статуса по сравнению с повелителем Мавераннахра. Сам Абдулла оценивал ранг ногайских предводителей не слишком высоко. В цитированном выше письме Кучуму одним из условий «братства» (равенства) с сибирским ханом он выдвигал требование признания адресатом мирзы Аулии б. Ака «себе за меншово брата место»; а Аулие бухарский государь направил особую депешу, «ярлык свои с наукою» как к младшему и подчиненному (РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1598 г., д. 1, л. 4, 5). В ногайских же посланиях на имя московского царя отношения с Мавераннахром предстают в совершенно ином, искаженном свете. «Яз... з бухарским царем в братстве учинился», — писал в 1579 г. нурадин Динбай (НКС, д. 9, л. 94).

Урус пошел еще дальше. Надеясь на слабую информированность русской стороны о деталях международных отношений в Деште, он осмелился представить Абдуллу как своего данника. «А яз отца своего и брата своего свыше учинился, потому что отец мои и брат з бухарсково и с тошкенсково дани не имывали, а ко мне ныне Абдулла царь бухарскои присылает по сту тысеч бухарских денег»[40], — хвастался бий перед Иваном IV в 1581 г. И добавлял, разоблачая мотивы своего блефа: «Чтоб еси отца моего и брата моего свое жалованье свыше прислал» (НКС, д. 10, л. 87 об.–88).

В начале 1580-х годов разразились финальные сражения между старыми оппонентами — Абдуллой и Бабой б. Бараком. Ногаи оказались замешанными в этой борьбе и чуть было не нажили себе врага в лице бухарского хана. В мае 1582 г. Баба бежал к ним в поисках убежища. Войско, посланное Абдуллой в погоню, не смогло его настичь. О том, что произошло в Большой Орде, рассказывает Хафиз-и

[40] Одна бухарская деньга равнялась двум русским алтынам (Преображенский 1951, с. 275). Б.Ишболдин воспринял бахвальство Уруса всерьез и решил, что тот «был достаточно силен, чтобы получать регулярную (?! — *В.Т.*) дань от бухарского хана» (Ischboldin 1973, p. 144). На самом же деле в 1581 г. Большая Ногайская Орда переживала закат своего политического влияния и, конечно, не могла обложить данью могущественного и воинственного Абдуллу б. Ибрагима.

Таныш. Мангытские правители приняли беглеца гостеприимно, устроив ему торжественный прием. Вскоре один из родичей и спутников Бабы стал склонять его к заговору: предложил пригласить всю ногайскую верхушку на пир, там перебить, мол, «и за несколько дней овладеем этими странами». Об этих намерениях тут же стало известно через доносчиков ногайским предводителям — «султану» (видимо, бию Урусу) и «тöрä — начальнику войск» (видимо, нурадину Динбаю). На спешно созванном съезде было решено срочно переманить в свои улусы тех воинов Бабы, что имели родственников в Ногайской Орде, а затем схватить интригана и вместе с его злокозненными советниками выдать Абдулле. Ногаи разбрелись по узбекскому лагерю, разыскивая родичей[41]. От одного из них Баба узнал о решении съезда и, придя в ужас, бросился прочь из стойбища. После скитаний по Дешту он погиб в августе 1582 г. в бою с казахским ханом Таваккулом, союзником Абдуллы (Хафиз-и Таныш 1969, с. 276, 282, 283, 299, 306, 307, 310; Хафиз-и Таныш 1989, с. 225).

Хотя обстоятельства не позволили Большим Ногаям оказаться в лагере противников бухарского хана, особой теплоты в отношениях между ними в 1580–1590-х годах не заметно, союзниками они тоже не стали. Усилия Порты сколотить антииранскую коалицию, включающую Абдуллу и Уруса, оказались тщетными[42]. Ни тот ни другой не проявили тяготения к взаимной координации политики. Более того, власти Большой Ногайской Орды пытались не допустить развития отношений между Бухарой и Москвой. Для этого ими была избрана тактика, уже примененная к Гиреям, когда ногаи уверили их, будто союз Крыма с казахами опасен из-за планов Хакк-Назара в будущем напасть на Крымское ханство. До заволжских улусов могли дойти и

---

[41] Это решение съезда мирз и его выполнение показывают масштабы тесной и давней связи ногаев с населением Средней Азии.

[42] Дипломатических сношений Большой Ногайской Орды с Ираном во второй половине XVI в. не зафиксировано. Мне известен единственный эпизод, в котором фигурируют иранцы. В декабре 1598 г. ногайские мирзы во главе с Иштереком б. Дин-Ахмедом сожгли бусу (корабль) гилянских купцов, который вмерз в лед у каспийского берега, а товары разграбили. Астраханские воеводы пытались пристыдить ногаев, но те отвечали, что пограбили гилянцев, так как «кызылбашской шах Абас Урмаметю князю и нам недруг» (ПДП, т. 1, с. 421–423). Трудно сказать, на чем основывалось убеждение мирз во враждебности Аббаса к ним и к Ураз-Мухаммеду. Н.И.Сугорский (псевдоним Э.Э.Успенского) считал, что Иран был не способен воспрепятствовать бухарским набегам на ногаев, зависимых от русского царя. Поэтому Москва не видела пользы в развитии отношений с ним в конце XVI в. (Сугорский 1890, с. 120). П.П.Бушев возразил: линию поведения России в отношении Ирана определяла не борьба Ирана с Бухарой, а его отношения с Османской империей, и потому московское правительство рассчитывало на союз с иранцами (Бушев 1976, с. 237). Добавлю, что, несмотря на разнообразные коллизии в ногайско-бухарских отношениях, среднеазиатские войска, насколько мне известно, никогда не вторгались во владения Больших Ногаев, и у Москвы не могло возникнуть претензий к Бухаре по этому поводу.

какие-то искаженные слухи о якобы готовящемся антиногайском союзе русских и узбеков. Около 1584 г. мирза Кучук б. Мухаммед известил царя Федора Ивановича, что ему известно о посольствах бухарского хана в Москву и о его советах царю изгнать с Волги Исмаиловых детей. На самом же деле, уверял Кучук, Абдулла сам хочет завладеть Волгой и Яиком «и Янибеков царев юрт Сараичик взяти, и мусулманство прославить. А после тово хотят и твои юрт взять... А как завладев Волгои и Яиком... хотят стол твои Москву взять и веру свою прославити» (НКС, 1585 г., д. б/№, л. 13–15).

Разумеется, хан Абдулла был далек от мысли захватить русскую столицу, ему хватало проблем и на родине. По-прежнему главными врагами его оставались государи Хорезма. Гибель Бабы-султана не упростила ситуацию, потому что уцелели его родичи, которые продолжили противостояние с Бухарой. То, что ногаи не оказали помощи бежавшему противнику, нимало не растрогало хана. Во-первых, сначала-то они все же приютили его; во-вторых, требовалась их действенная помощь для доказательства лояльности. В 1586 г. Абдулла приказал бию Урусу и мирзам выступить в поход на Хорезм и на подчиненных Хорезму туркмен: «...а не станете де вое[вать], и мне де вас воевать» (НКС, 1586 г., д. 1, л. 22). Но Урус не захотел затевать войну с южным соседом, и Бухара начала ее без участия Больших Ногаев.

К середине 1590-х годов ургенчский хан Хаджи-Мухаммед б. Агатай был разгромлен. Его сын Мухаммед-Кул бежал к Кучуку б. Мухаммеду[43], на сестре которого был женат (Aboul-Ghazi 1871, p. 270). Под власть Бухары перешли туркменские кочевья между Аралом и Каспием, прежде подчинявшиеся Ургенчу. Границы сферы гегемонии Абдуллы приблизились к Мангытскому юрту. Ногаи забеспокоились. Соседство сильного и подозрительного деспота сулило им немало волнений.

И, очевидно, не напрасных: у хана имелись какие-то виды на их территорию. В январе 1595 г. казахский посол говорил своему земляку в Москве, что прибыл с целью обратить внимание московского правительства на восточные дела, дабы «государь... на бухарсково царя не оплашивался, а ногаем бы не верил. Бухарскои царь ныне юргенсково Азима царя (Хаджима, т.е. Хаджи-Мухаммеда. — *В.Т.*) со Юрта согнал, Юргенчь взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставить в Сараичике город. Как в Сараичике город поставит, толды будет и [над] Астороханью промышлять» (ККД, 1594 г., д. 1, л. 8–9; Материалы 1932, с. 292).

---

[43] У Абу-л-Гази это «один из главных мирз, Куджек-мирза». С Кучуком б. Мухаммедом его впервые отождествил Х.Ховорс (Howorth 1965b, p. 1040). В свете родственных связей с ургенчским двором становится понятной антибухарская акция Кучука, его уверения во враждебности Бухары Москве.

Не думаю, однако, чтобы целью владыки Мавераннахра и Хорезма была агрессия против России. Следующим шагом его продвижения в Дешт должно было стать установление контроля над степями Центрального и Северного Казахстана, и согласие с ногаями позволило бы охватить этот регион полукольцом для последующего завоевания[44]. Но мирзы, в особенности ориентированные на Россию, вовсе не собирались становиться орудием этих захватнических проектов. Чувствуя реальную угрозу узбекского наступления и все более сильный дипломатический и политический нажим с юга («им от бухарского Абдуллы царя теснота великая»), они попросили астраханскую администрацию поставить в районе Сарайчука («их тут кладбища татарские») укрепленный городок. Просьба была выполнена, на Яике воеводы возвели крепостцу[45]. Но уже вскоре (около 1598 г.) мирзы сообщили, что «они з бухарским управились», и выразили желание это укрепление уничтожить (Белокуров 1888, с. 279).

Опасность миновала, когда умер хан Абдулла и осмелевшие после этого казахи напали на среднеазиатские провинции. В последние годы XVI в. они вторглись в бухарские владения, захватили Ташкент и Туркестан. Абдулла так и не успел обустроить и защитить свою обширную державу.

В восточных контактах Ногайской Орды несколько особняком стояли туркмены. Их северо-западные группы занимали плато Устюрт и полуостров Мангышлак; некоторые из них кочевали между Яиком и Эмбой вперемежку с ногаями и составляли особый эль в домениальном улусе бия (Агаджанов 1993, с. 36, 37). Мангышлакские туркмены во второй половине XVI в. подчинялись хорезмским ханам, и именно против них прежде всего были направлены удары Абдуллы и его приказ Урусу о походе на туркмен. И если воевать непосредственно с Хаджи-Мухаммед-ханом ургенчским бий не захотел, то против мангышлакцев боевые действия им велись довольно активно. В 1586 г. астраханский воевода докладывал, что Хан б. Урус весной «ходил... на туркменцы, и бои у него с туркменцы был» (НКС, 1586 г., д. 1, л. 21). Результатом ногайских походов стало вытеснение с Мангышлака в конце XVI в. туркменских племен эрсари и эмрели (Аджигалиев 1994, с. 30; Каррыев и др. 1954, с. 177, 208, 219; Кононов 1958, с. 89).

Ногайская Орда в то время становилась все более рыхлой и раздробленной. Не все мирзы поддерживали линию биев Уруса и Ураз-

---

[44] В Москве было известно, что Абдулла намерен «отвести нагаи заволжских» (Белокуров 1888, с. 279; Зияев 1968, с. 7), т.е., вероятно, переселить куда-то восточнее.

[45] Построить город на Яике просил бий Ураз-Мухаммед (об этом строительстве см.: Дариенко 1976, с. 190). В послании в Крым он же представлял это как следствие русского произвола: «Жить... мне от московского немочно: поставил... на Яике город и кладбища... наши у нас отнял» (КК, д. 21, л. 670).

Мухаммеда на дистанцирование от Бухары. Восточные улусы были больше привязаны к ней экономически, ближе расположены территориально, поэтому активно контактировали с Мавераннахром. Об этой ситуации говорил бий Иштерек астраханским воеводам в 1604 г.: «А Казыев улус изначала и по ся места царскому величеству непослушны, а пристали... оне х турскому и х крымскому. А Шихмамаево родство от турсково и от крымсково далеки были, и оне... пристали к бухарскому и к юргенскому» (НКС, 1604 г., д. 3, л. 162–163).

В целом, несмотря на военную активность казахов и угрозу бухарской экспансии, Большие Ногаи сумели устоять перед натиском соседей с востока. Среди столбцов 1586 г. сохранился отрывок документа без начала и конца. Очевидно, это фрагмент послания Уруса в Москву, от которого осталось всего шесть строк. Но именно они подводят итог восточной политики бия. Приведем эти строки: «И просил есми Бога правдою, что мне был недруг Баба. А с ним было пятнатцать тысячь. Да недруг же мне был Урусов царев сын казацкои (т.е. казахский хан. — *В.Т.*), а с ним было людеи девять тысячь. И тех мне Бог выдал же. И тюркмени были недруги, и тех мне Бог выдал же» (НКС, 1586 г., д. 10, л. 97). Успешная внешняя политика в Дешт-и Кипчаке была одним из последних проявлений международной значимости Большой Ногайской Орды.

Относительная стабилизация в эпоху правления Дин-Ахмеда и начала «княжения» Уруса породила надежды на возрождение былой мощи и авторитета «хакимов Дешт-и Кипчака». Бии сплотили вокруг себя многих мирз, пытались придерживаться независимой политики. Но не рассчитали силы. В отличие от конца XV и первой половины XVI в., когда Мангытский юрт был окружен врагами, боровшимися с ногаями не на жизнь, а на смерть, теперь для его обитателей появилась возможность откочевки в поисках более сытого и безопасного места существования. Сначала это были Малая Ногайская Орда и узбекские ханства, затем к ним добавились Россия и Крым. Народ стал расходиться из заволжских степей. В конце столетия в борьбе за власть над уменьшающимся числом подданных схватились наследники нескольких биев. Началась третья и последняя ногайская Смута.

Глава 9

Третья Смута. Агония Орды

После убийства Уруса Малыми Ногаями в 1590 г. потомство бия Дин-Ахмеда оказалось наиболее сплоченным и подготовленным для борьбы за «большое княженье». По старшинству его сыновья и внуки следовали примерно в таком порядке: Ураз-Мухаммед, Дин-Мухаммед, Байтерек, Иштерек, Кучук, Шайтерек, Яштерек, Шейх-Хусейн, Бектерек, Чаштерек, Назар-Мухаммед; иногда встречается еще несколько имен (НГ, д. 32, л. 25; НКС, д. 7, л. 41 об.; д. 8, л. 39 об., 40, 375 об.; д. 9, л. 33 об.; д. 10, л. 110, 111 об.).

Первые двое оказались на вершине власти у Больших Ногаев после Уруса. 15 мая 1590 г. А.И.Звенигородский отъехал послом в Исфахан. В наказе ему содержался ответ на возможный вопрос шаха Аббаса о состоянии Ногайской Орды, в котором, в частности, говорилось: «Ныне Урмагмет князь и нурадын Тинмагмет мирза, и все мирзы заволские со всею Нагайскою Ордою во всей государеве воле». Точно такая же фраза была вставлена в наказ другому посольству в Иран, отправлявшемуся из Москвы в мае 1598 г. (ПДП, т. 1, с. 267, 363). Очевидно, эти даты — май 1590 г. и май 1598 г. можно считать опорными при определении времени правления Ураз-Мухаммеда[1]. Этот период отмечен не многими общеногайскими предприятиями, например «шевкальским» походом в Дагестан бия и нурадина с мирзами в составе русской рати (одновременно Урусовы обрушились на крымские владения) (ПДП, т. 1, с. 267).

Обстоятельства «вокняжения» Ураз-Мухаммеда неизвестны. Лишь одна фраза из наказа Звенигородскому позволяет предположить, что не обошлось без московской протекции: «А на княженье... в Нагайской Орде в заволских Нагаех князи из государя нашего рук садятца» (ПДП, т. 1, с. 267). Поскольку провозглашение бием Уруса в 1578 г. происходило явно без русского вмешательства, то речь идет, надо

[1] А.А.Новосельский считал первой достоверной датой пребывания Ураз-Мухаммеда в ранге бия январь 1591 г., когда в Бахчисарай явился посол от него (КК, д. 19, л. 107; 1591 г., д. 4, л. 64; Новосельский 1948а, с. 37).

полагать, только об Ураз-Мухаммеде. Видимо, пророссийская ориентация его во время самого напряженного противостояния Уруса с Москвой не была забыта. Может быть, обретение Ураз-Мухаммедом бийского ранга произошло еще при жизни его дяди и предшественника, когда тот ушел на Крымскую сторону Волги. Во всяком случае, в декабре 1590 г. русские послы в Грузии (выехали из Москвы 23 апреля 1589 г.) упоминали вместе князя Уруса и князя Урмамета (Белокуров 1888, с. 184).

Последнего около 1598 г. формально сменил его младший брат, нурадин Дин-Мухаммед, уступив свой пост Байтереку (Трепавлов 1993б, с. 54). О бие Дин-Мухаммеде его потомки тоже вспоминали как о ставленнике московского государя: «Отец мои Тинмаметь князь служил тебе, государю, и чести дослужился — пожалован был от вас княжеством» (НКС, 1644 г., д. 2, л. 4, 11). Единственное более-менее значительное событие периода бийства Дин-Мухаммеда — отражение с помощью русских войск набега Шихмамаевичей (Алтыулов) (Акты 1915, с. 26). А в общем он возглавлял остатки Больших Ногаев не более двух лет и не оставил заметного следа. В начале XVII в. астраханские воеводы, приводя в пример очередному бию его предков, даже не считали нужным упомянуть этого правителя (СГГД, ч. 2, с. 326), деятельность которого пришлась на разгар третьей Смуты.

Третья Смута. Ее причины были многообразны и назревали на протяжении четырех предшествующих десятилетий. Непосредственным поводом для междоусобия стала кровная месть. Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед около 1619 г. писал так: «Как отца моего Урмаметя князя у[били] недруги, и я... ту о[тца] моего кровь отмстил вскоре» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 295). Шли годы, но взаимная ненависть кланов не утихала. «И по се время, — объяснял причину вражды тот же мирза через семь лет, — с Тинбаевым и с Урусовым родством слово наше и мысль соединена не бывала, и учинилися есми в розне. И отец мои Урмамет князь от Урусовых детеи умер; за то и Тин Махаммет князь умер; за то ж и Баитерек мурза от тех же недрузеи за то ж умер» (НКС, 1626 г., д. 2, л. 183).

Наблюдавшие за распрей из Астрахани русские наместники были в курсе ее подоплеки и считали, что все сводилось к возмездию за погибших родичей. «То нам ведомо, — говорили воеводы, пересказывая свою беседу с Джан-Арсланом б. Урусом, — за что у него с Ыштереком князем (бий с 1600 г., после Дин-Мухаммеда. — *В.Т.*) з братьею и с племянники великие недружбы учинились, и кровь проливалась. А проливалась кровь за Урмаметя князя, за Тинмагметя князя, за Баитерек мурзу Тинехматовых да за Урмаметева сына Салтамамета мурзу. А сь его, Янарасланову, сторону кровь лилась за брата его за Сатыя мурзу» (Акты 1918, с. 109; НКС, 1604 г., д. 3, л. 76). Последнее утверждение странно, потому что по другим источникам Саты б. Урус

погиб в бою не с большеногайскими мирзами, а с бием Малых Ногаев Якшисаатом (Акты 1918, с. 99; КК, д. 17, л. 299).

Впрочем, в документах приводится и другая, более существенная причина выступления Джан-Арслана — борьба за «болшое княженье». В той же отписке астраханских воевод 1604 г. повествование о причинах Смуты заканчивается так: «Да и за то у него с Ыштереком князем великая рознь была, что хотел он, Ян Араслан, мимо царского величества повеленья после Тинмагметя князя быть на нагаиском княженье» (Акты 1918, с. 109, 110; НКС, 1604 г., д. 3, л. 76, 77). Им вторил бий Иштерек, рассказывая, что после убийства соперниками Дин-Мухаммеда он, Иштерек, просил государя утвердить его бием. Царь направил соответствующее повеленье в Астрахань, и воеводы провозгласили мирзу новым главой Ногайской Орды. Джан-Арслан же без ведома Бориса Годунова «хотел себя учинити на нагаиском княженье», отчего и «пролил многую кровь».

Таким образом, династический спор в передаче воевод и бия представал как результат действий Джан-Арслана, направленных против московского монарха. Отход этого мирзы от сотрудничества с Россией подчеркивался Иштереком неоднократно и обрастал отягчающими, с его точки зрения, подробностями: противник, дескать, не только «от царского величества милости отступен был», но и «учал приставать к Шихмамаевым детем... и х Казыеву улусу», которые не желали подчиняться указаниям из Москвы (Акты 1918, с. 96, 97; НКС, 1604 г., д. 3, л. 42, 43).

Сам же Джан-Арслан объяснял впоследствии, что против царя и воевод он ничего не имел, а боролся за справедливое, по его мнению, наследование власти: «Вь их Нагаи[скои Орд]е ведетца, что живет (т.е. бывает. — *В.Т.*) сперва болш[ого бра]та болшои сын на княженье, а после того живет другого брата сын на княженье; и толко по их нагаискому обычею и доведетца быть нынеча на княженье ему, Ян Араслану. А преж сего меж их с Ыштереком князем з братьею за нагаиское княженье многая кровь пролилася» (Акты 1918, с. 88; НКС, 1604 г., д. 3, л. 16).

Старший сын Уруса, Хан, в боях с казыевцами растерял улусы и погиб еще при Ураз-Мухаммеде (КК, д. 17, л. 299). После него наследников Уруса возглавил Джан-Арслан, считавший себя более достойным бийского ранга, чем его племянники Урмаметевы. Эта «нелюбовь», по словам Иштерека, и недовольство порядком перехода бийства начались у мирзы уже после смерти Уруса (да и сам Урус испытывал похожие чувства к Урмаметевым, видя в них препятствие для «вокняжения» своих сыновей) (Акты 1914, с. 176; Акты 1918, с. 131; НКС, 1604 г., д. 3, л. 159, 160). Спор о старшинстве и очередности мирз при занятии высшего поста признается в литературе основным фактором Смуты конца XVI в. (см., например: Новосельский 1948а, с. 38, 39; Kortepeter 1966, p. 150).

Однако была еще одна причина, которая слабо отражена в Ногайских делах, но откровенно формулируется в сочинениях, созданных в России, далеко от Больших Ногаев, — сознательное провоцирование раздоров русской стороной. Летописи приписывают истоки Смуты царю Б.Ф.Годунову. Зная о многочисленности и относительной сплоченности ногаев при Урусе и отчасти при Ураз-Мухаммеде, он стал опасаться, что «Астрахани от них быти в тесноте и приходу на Московское государство начая войны»; поэтому приказал астраханским воеводам ссорить заволжских мирз между собой (Новый 1853, с. 51, 52; Патриаршая 1910, с. 52; Соловьев 1989б, с. 363; Татищев 1966, с. 288).

Об этих событиях слышал политический деятель и писатель первой трети XVII в. Авраамий Палицын и записал уже через много лет, будто при царе Борисе астраханцами был взят в плен («ят») главный ногайский князь Урус, который «лукавствуя и обещавался служить» государю (Палицын 1955, с. 109). О полонении Уруса, как и его трех преемников-биев, ничего не известно по другим источникам. Во всяком случае, он погиб в 1590 г., за восемь лет до воцарения Годунова, и у Авраамия подразумевался, очевидно, один из главных персонажей третьей Смуты, Джан-Арслан б. Урус, неоднократно сидевший в астраханской «крепи». Бий Иштерек тоже объяснял свою победу в Смуте русской помощью: «Толко бы де царь Борис ему, Иштереку князю, не дал света видеть, и ево бы де, Иштерека князя, давно не было» (Акты 1914, с. 176).

Теперь обратимся к составу противостоящих лагерей мангытской знати и для этого уточним, какое потомство оставили три последних ногайских бия XVI столетия.

Урус б. Исмаил в 1577–1578 гг. писал, будто является отцом девяти (в 1581 г. — десяти) сыновей. В документах 1570–1580-х годов приводятся перечни детей Уруса, далеко не во всем совпадающие друг с другом (см.: НКС, д. 8, л. 52, 52 об., 235 об.; д. 10, л. 5 об., 6). Во всех значатся Хан (старший), Джан-Арслан и Саты; в двух — Исенкелди, Арслан, Айса и Балта-Барак. Остальные имена приведены по одному разу: Ак, Сакал (или Аксакал), Каплан, Кул-Мухаммед, Бере и Назар-Мухаммед. Татарско-ногайское шеджере упоминает помимо Ян Арыслана и Ак-мирзы также Ир Иштыряка, Ирчубана, Яман Иштыряка, Карисары и Тимеркулата (Ахметзянов М. 1991а, с. 84).

Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед в 1581 г. сообщил, что имеет семерых сыновей (хотя привел только шесть имен). В подобных перечнях 1570–1580-х годов зафиксированы следующие: Назар-Мухаммед (старший, погиб до «вокняжения» отца), Кара Кель-Мухаммед; дважды упомянуты Али, Арслан, Бий(-Мухаммед), Мамай, Саид-Ахмед; по одному разу — Ак-Мухаммед, Джан-Мухаммед, Кул-Мухаммед, Касим (Касай), Султан-Мухаммед, Хан и мирза со странным именем

Гаипзамач (НКС, д. 8, л. 376 об., 378 об.; д. 9, л. 166; д. 10, л. 110; 1587 г., д. 5, л. 24; 1627 г., д. 4, л. 2).

Дети Дин-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда, имена которых совпадают по двум родословцам первой половины XVII в., таковы: Джан-Мухаммед, Урак, Карагёз-Мамай, Юсуф, Юнус, Джаббар-Мухаммед, Султанай (Султанаш); по одному разу поименованы там Арслан, Ак, Муса, Ямгурчи, Джанибек и Джан (НКС, 1586 г., д. 3, л. 1; 1627 г., д. 4, л. 2). Единожды назван и Аксак Кель-Мухаммед, который стал впоследствии широко известен, фактически возглавив клан Тинмаметевых.

Кроме Урусовых и Тинехматовых в Смуту втянулись отпрыски Динбая б. Исмаила: Тиникей, Канай, Рахманкул и др.

В передаче ее участников разграничение противоборствующих сторон выглядело следующим образом. Поскольку почти вся информация исходит из астраханской воеводской канцелярии и промосковски настроенных мирз, то виновником Смуты повсеместно в документах выступает семья Уруса и лично Джан-Арслан. Он «побил до смерти» Ураз-Мухаммеда, Дин-Мухаммеда и Байтерека (Акты 1918, с. 131; НКС, 1604 г., д. 3, л. 159, 160). К личному соперничеству этого мирзы с бием Ураз-Мухаммедом сводит распрю и шеджере (Ахметзянов М. 1995, с. 52). Иштерек тоже вспоминал те годы как время, когда «их промеж Урусова сына Ярослана и... Тинехматова сына, ево, Иштерека князя... сабля ходила и кровопролитье было» (Акты 1914, с. 176).

В других материалах Смута представлена шире, чем персональная борьба. Чаще речь ведется о схватке целых кланов: «Урусовы и Тинбаевы... Тинмаметя князя убили и улусы их (Тинехматовых. — *В.Т.*) воевали»; «Урусовы и Тинбаевы дети убили Урмаметя князя и Тинмаметя князя»; «с Тинбаевым и с Урусовым родством слово наше (Урмаметевых и Тинмаметевых. — *В.Т.*) и мысль соединена не бывала, а учинилися есми в розне» и т.п. (НКС, 1626 г., д. 2, л. 183; 1628 г., д. 2, л. 91, 246). К клану Дин-Ахмеда и лично к Иштереку примкнули оставшиеся в Больших Ногаях внуки бия Юсуфа (Акты 1918, с. 105; НКС, 1604 г., д. 3, л. 73); к Урусовым и Тинбаевым — «алтаулские мурзы Шихмомаева родства Бек мурза да Акназар мурза з братьею и з детми и с племянники» (Акты 1918, с. 105; НКС, 1604 г., д. 3, л. 74; см. также: Акты 1914, с. 187; ПДП, т. 1, с. 50). Во время правления своего отца Урусовичи смогли собрать у себя многочисленные улусы. Джан-Арслан в конце 1580-х годов был в состоянии самостоятельно снаряжать походы на Крым и Речь Посполиту и в тот период пользовался расположением Москвы (НКС, 1586 г., д. 10, л. 61; 1587 г., д. 1, л. 14); Саты был «людми силен... Исмаиля аталыки и имелдеши (т.е. двор. — *В.Т.*) все у нево в улусах собрались» (НКС, 1587 г., д. 5, л. 19). Помимо степных кочевников Урусовым подчинялись юртовцы — жители полуоседлых ногайских поселений под Астраханью (Новосельский 1948а, с. 56).

Несогласие среди «Эдигу уругу мангытов» началось, очевидно, еще при Урусе, задолго до убийства бия Дин-Мухаммеда — апогея Смуты. В 1613 г. Иштерек вспоминал время, когда «одново отца Исмаиля дети с Урусом князем и с Тинмагметевыми княжими детми... была ссора и воина» (НКС, 1613 г., д. 4, л. 20). Ранее он же писал о розни между Урусом и Дин-Ахмедом (Акты 1914, с. 176).

Определенно говорить о начале открытого столкновения можно только после гибели Ураз-Мухаммеда и в результате ее, так как этот правитель еще номинально держал под своей властью сонм ближних и дальних сородичей. Но и он уже был вынужден признаваться на съезде мирз в 1594 или 1595 г.: «Мы все не в одном совете меж собою стали» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 100). Однако формально единство Большой Ногайской Орды сохранялось, и мирза Канай б. Динбай, повествуя о том времени, отмечал: «И в те... поры мы все з Болшими Нагаи были в соединенье в одном месте» (НКС, 1619, д. 2, л. 115). В сознании народа, в эпических сказаниях (см. ниже) распад и крушение Ногайской Орды произошли после того, как скончался Ураз-Мухаммед.

«Бысть между ими война велия, воста улус на улус, и друг друга убиваху... и все нагайцы оскудеша, яко отцы тогда детей своих продавали в Астарахани», — живописуют Смуту летописцы конца XVI в. (Новый 1853, с. 52; Патриаршая 1910, с. 52). Хроника конфликтов изложена в царской грамоте, зачитанной 23 ноября 1604 г. в астраханской Съезжей избе (воеводской канцелярии) окольничим С.С.Годуновым Иштереку, Джан-Арслану и др.[2]:

«А не в давном времени меж вас рознь учала быти, и недружба учинилась, и крови меж вас прошли многие на обе стороны.

Урусовы княжие дети неодинова вас (Тинехматовых. — *В.Т.*) побивали и улусы ваши имали, и Урмаметя и Тинмагметя князя убили, и Казыев улус на вас привели.

А вы побивали Урусовых княжих детеи, а последнее убили Ян Арасланова брата Саты мурзу.

А казаки яицкие и волжские приходили на Ян Араслан мурзины з братьею улусы и их поимали и разорили, а Ян Араслан мурзу к нашему царскому величеству... да с Романгул мурзою Тинбаевым да з детми его... привели» (Акты 1918, с. 99; НКС, 1604 г., д. 3, л. 50).

Скудные источники позволяют судить об очень немногих событиях третьей Смуты. Одно из них — сражение между Урусовыми и их противниками, с которого, вероятно, и началась открытая кровавая рознь. Об этом эпизоде в наказе послам в Иран от сентября 1600 г. сказано глухо: «Учинилась была рознь в Нагаех меж Тенехматовых и Урусовых детей, и Алтыулских мурз о улусех, и меж их бой был, и Урмагметя и Тинмагметя князя убили» (ПДП, т. 1, с. 50). Несколько

---

[2] Ниже для разграничения этапов Смуты текст разбит мною на абзацы.

более пространно рассказывает шеджере: после Урыс-хана правил Урмамбет, который вступил в распрю с сыном Урыса Яр Арысланом; ногайский народ раскололся на две части — одни стали за хана, другие — за Яр Арыслана; последний начал войну; на берегу реки Сакмары произошло кровопролитное побоище, где «Урмамбет хана убили» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84; Ахметзянов М. 1995, с. 52). Через некоторое время Урусовы вместе с Тинбаевыми прикончили и бия Дин-Мухаммеда, разграбив и полонив улусы его семьи (НКС, 1628 г., д. 2, л. 91).

Раскол и взаимное истребление некогда могущественных Больших Ногаев не могли оставить безучастными окрестных государей. Известно, например, что хан Абдулла направил из Бухары грамоту сибирскому хану Кучуму, бию Ураз-Мухаммеду («Нур Магмет князю») и мирзе Джан-Арслану. Этот документ упомянут в Переписной книге (перечне дипломатических актов) 1614 г. (Уляницкий 1889, с. 59) и составлен явно не позднее 1598 г., когда погибли и Кучум, и Ураз-Мухаммед. Бухарский хан пытался посредничать в нараставшем конфликте, поскольку обращался к главному антагонисту бия, Джан-Арслану, а не ко второму лицу Орды, нурадину Дин-Мухаммеду. Вспомним, что в то же время он пытался помирить Кучума с Шихмамаевичами. Может быть, участие последних в Смуте тоже было в какой-то степени спровоцировано Бухарой.

Однако более существенным оказалось русское вмешательство. Из-за Яика на волжские кочевья Больших Ногаев обрушилась конница Алтыулов — союзников Джан-Арслана. В этих условиях родня только что погибшего Дин-Мухаммеда срочно обратилась за помощью в Астрахань и Москву. Царь приказал воеводам послать рать с огненным боем против Урусовых, Тинбаевых и Шихмамаевых, «и Иштереку з братьей велел их посмирить» (Акты 1915, с. 26). В 1611 г. Иштереку напоминали, что во времена Смуты «от Алтаулцов вашу Нагаискую Орду оборонили московские... государи» (ПДП, т. 1, с. 50). Подключение к конфликту русских войск сразу изменило соотношение сил. Мирзы и улусы лагеря Урусовых спешно отступили на восток. Тюменский воевода в 1601 г. докладывал, что Джан-Арслан вместе с алтыулским мирзой Шаимом (Шейх-Мухаммедом б. Касимом б. Шейх-Мамаем) собираются разместить свои семьи и улусников на реке Исети (Средний Урал), «а сами будут назад в Нагаи на бой»; после чего хотят кочевать между Исетью и Миассом, т.е. в Северной Башкирии (Миллер Г. 1941, с. 169 — приложение). Тинбаевы тоже отошли в Алтыульские степи (НКС, 1619 г., д. 2, л. 117). Джан-Арслан отправился в набег, но попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву.

Неоднократно цитированное шеджере, которое было опубликовано М.И.Ахметзяновым, сообщает, что после разгрома Ураз-Мухаммеда

«ногайцы рассредоточились, разошлись в разные стороны» (Ахметзянов М. 1991а, с. 84; Ахметзянов М. 1995, с. 52). Абсолютно аналогичная трактовка распада Ногайской Орды приводится в зачине эпического сказания «Ормамбет-бий», бытующего у ногайцев, казахов, каракалпаков и др.: «Когда умер Ормамбет-бий... Были разорены десять санов ногаев...» (Валиханов 1986, с. 29, 346; Сикалиев 1994, с. 70, 84; Толстова 1971, с. 193; Толстова 1977, с. 161; Толстова, Утемисов 1963а, с. 43; Шакарим 1990, с. 44). У поволжских татар эта фраза об Ормамбет-бие стала нарицательной для обозначения древней общенациональной катастрофы и даже превратилась в пословицу (Гарипова 1980, с. 148).

Нурадин Иштерек неожиданно оказался победителем на развалинах ногайской державы. Но досталась ему уже не степная империя, а совокупность раздробленных кочевых улусов на относительно небольшой территории Волго-Яицкого междуречья. Как справедливо полагают А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже, после братоубийственной войны Ногайская Орда окончательно утратила роль почти непобедимой военной силы, которую играла в XV–XVI вв. (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1973, p. 477). Большие Ногаи вступили в последнюю стадию своего политического существования — стадию разложения и распада. На протяжении последних четырех десятилетий XVI в. эти явления неуклонно нарастали. Различные кланы и группировки мирз выходили из подчинения верховному бию и становились самостоятельными.

После третьей Смуты наиболее многочисленные улусы сохранились у потомков Ураз-Мухаммеда и Дин-Мухаммеда. Начавшиеся впоследствии распри между этими двумя ответвлениями огромного рода Эдиге, по верному замечанию А.А.Новосельского, и составляли основное содержание ногайской истории того времени (Новосельский 1948а, с. 57)[3]. И те и другие принадлежали, в свою очередь, к линии отпрысков бия Дин-Ахмеда, именно с их активностью связано завершение Смуты на рубеже столетий.

Окончание Смуты. Бийство Иштерека. Победители, Урмаметевы и Тинмаметевы, направили Борису Годунову прошение о пожаловании Иштерека рангом бия, а его брата Кучука — нурадина. Оставшиеся без вождя (плененного Джан-Арслана), Урусовы и Тинбаевы были вынуждены смириться. В 1600 г. в Астрахани состоялась церемония возведения на «княжение». Приехавший из столицы боярин зачитал собравшимся мирзам государеву волю и предложил нового бия «поднять на епанче», т.е. совершить акт самого настоящего воца-

[3] Основные события эпохи, с пересказом наиболее существенных фрагментов архивных столбцов, изложены в фундаментальном исследовании А.А.Новосельского. Поэтому я ограничиваюсь лишь кратким изложением истории Большой Ногайской Орды 1600–1630-х годов.

рения. Подобный обряд практиковался при провозглашении монарха в тюркских ханствах. У ногаев, возглавляемых биями, а не ханами, он никогда не применялся. Мирзы задумались: «А того де они не ведали, что ево, Иштерек мурзу, на княженье поднять на епанче... И из давных де лет николи того не бывало». Однако, просовещавшись целый день, решились, и Иштерек был поднят на белом войлоке, а Кучук объявлен нурадином (НКС, 1641 г., д. 5, л. 30–34).

Персона Иштерека как предводителя Орды в историографии оценивается критически. Исследователи, не отказывая ему в уме и ловкости, не считали его человеком, способным предотвратить ее распад (см., например: Калмыков и др. 1983, с. 27; Новосельский 1948а, с. 57; Ischboldin 1973, p. 144). Впрочем, это едва ли было уже возможно, учитывая необратимые дезинтеграционные процессы и раскольническую политику Москвы. Современники тоже отмечали изворотливость бия (как недостаток): «Живет лукавством и переметчиком, а никому правды не совершит»; «Иштерек непостоянен, на все стороны манит, а владеют им добрые улусные люди и слушают ево мало» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 10, 57). В лавировании между могущественными соседними правителями и собственными соотечественниками — мирзами и богатыми улусниками прошло все «княжение» Иштерека.

Рассмотрение высшей иерархии Орды Больших Ногаев показывает, насколько сузился состав правящего клана и соответственно насколько уменьшилось население кочевий. Пост нурадина при Иштереке занимали его братья Кучук (1600–1604) и Шайтерек (1604–1619); кековата — Яштерек б. Дин-Ахмед (1600 — ок. 1620) и Тимур б. Махмуд б. Юсуф (1608); тайбуги — Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед (ок. 1604–1622); одновременно Кара Кель-Мухаммеду фактически достались полномочия по управлению не существующим уже наместничеством в Башкирии. Высшими мирзами кроме перечисленных считались сыновья Ураз-Мухаммеда — Али, Арслан и Бий(-Мухаммед), Дин-Мухаммеда — Аксак Кель-Мухаммед, Урак, Карагёз-Мамай и Юсуф, Байтерека б. Дин-Ахмеда — Гази, Али и Ак, а также Канай б. Динбай и дети Иштерека. Именно в таком порядке эти родственные линии приводятся в росписях царского жалованья, очередности шертования и прочих материалах 1601–1618 гг. (НКС, 1601 г., д. 1, л. 1–12, 27–37; 1613 г., д. 4, л. 85–87; д. 5, л. 1, 2, 213; 1615 г., д. 2, л. 6 и сл.; 1617 г., д. 1, л. 79; д. 2, л. 26; д. 3, л. 28–37).

Летом 1604 г. российское правительство решило, что Большие Ногаи достаточно ослаблены и покорны, чтобы начать кампанию по примирению враждующих мирз. В Астрахань был послан брат царя С.С.Годунов вместе с боярином-воеводой М.Б.Сабуровым и пленным, содержавшимся в Москве, Джан-Арсланом б. Урусом (Масса 1937, с. 74; Опись 1977, с. 283). По прибытии их на место в степь был отправлен гонец звать бия на переговоры. Тот начал отговариваться:

ногаи, мол, боятся идти к Волге, так как опасаются казаков и казыевцев; «мне де улусные люди все не велят ехать в царьство Асторохань», а советуют послать вместо себя нурадина Шайтерека. И наконец, выложил главную причину отказа: «Для чево прислан в Астарахань Янараслан мурза и которые для меры? Яз деи тово страшусь ехать в Асторохань — ведомо: мне недруг Ярослан... [далее оборвано]» (НКС, 1604, д. 1, л. 3). Глава Орды, видимо, боялся перемены отношения к себе со стороны русских властей. Мирзы и улусники действительно не желали отпускать бия к воеводам до выяснения их истинных намерений. Кара Кель-Мухаммед даже пригрозил увести все улусы к Яику, если Иштерек откликнется на приглашение. Ногайская знать вынесла решение на съезде («всею землею»), что из-за присутствия в Астрахани Джан-Арслана — ее общего кровного врага — «никоторыми делы в гор[од ехать] нелзе» (Акты 1918, с. 85; НКС, 1604 г., д. 3, л. 4, 5). Туда отправился было нурадин, но Годунов и Сабуров отказались говорить с ним, требуя бия.

В конце концов последний решился поехать. 21 ноября 1604 г. в сопровождении полутора десятков знатнейших мирз, четырех саидов и сотни придворных он явился в Астрахань. Через два дня состоялась аудиенция на подворье у Семена Годунова. Туда же привели и Джан-Арслана. Ногаям объявили, что царь решил помирить давних противников через предоставление им равного положения — «быти на нагаиском княженье болшому князю тебе, Иштереку, а ***под тобою в других*** быти Ян Араслану». Неясно, почему возникла подобная странная идея у московских политиков — учредить в Ногайской Орде двойное бийство. Если это было не следствием некомпетентности (ногаи имели по нескольку биев только во время смут), то средством дальнейшего раскола кочевников. Иштерек согласился, раз на то была государева воля, но ядовито заметил, что «то... самое царского величества дела, что велел случати овцы с волком и поити их из однои пролуби». Годунов огласил прощение Джан-Арслану прежних вин, но пригрозил, что в случае неповиновения мирзу «Божеи огненои мечь убьет, и царскои милости вперед... не будет» (Акты 1918, с. 96, 97; НКС, 1604 г., д. 3, л. 42, 43).

В тот же день в Съезжей избе состоялись переговоры Годунова и воевод с Иштереком и Джан-Арсланом. Последнего как другого бия встречали с теми же почестями, что и бия настоящего. Но внешний почет не произвел на него должного впечатления. Сын Уруса «учал о том быти в великом сумнение и учал быти добре невесел, что ему сказано быти под Иштереком князем в других». Тем не менее внешне он выказал готовность помириться с главой Орды, а тот и подавно не уставал повторять о своей покорности монаршим повелениям. Примирение было закреплено торжественным намазом, вручением Иштереку и Джан-Арслану в дар от царя сабель как символа

грозящей кары за нарушение мира, «и Иштерек князь и Ян Араслан, сшодчись, меж себя корошевались и обнялись, поцеловалися» (Акты 1918, с. 100, 101; НКС, 1604 г., д. 3, л. 54–61).

И тем не менее после этого Джан-Арслан оставался угрюмым, «не говорил ничего, а сидел невесел, повеся голову». Немного погодя он попросил у воевод разрешения кочевать отдельно от Иштерека, который тут же возразил, что все распри у ногаев происходили якобы именно из-за раздельного размещения улусов. Воеводы поддержали его, и Джан-Арслану ничего не оставалось, как дать обещание кочевать вместе с бием (Акты 1918, с. 102, 103; НКС, 1604 г., д. 3, л. 64–68). Немедленно все эти условия закрепили особой шертью. Джан-Арслан так и не смог скрыть своего разочарования и раздражения. Он проиграл полностью и высказал наконец недоумение своим новым статусом: «Ему, Ян Араслану, ***в других*** как слыть? Называть ему себя князем? А на нагаиском де княженье живет (т.е. бывает. — *В.Т.*) один князь, а другои князь не живет... И у них в Нагаех в обычае ведетца: толко кому быти под князем ***в других***, и тому уж быти в нурадынех. И он Иштерека князя сам старее и в нурадынех ему у Иштерека князя быти непригож»». Единственное, чем могли утешить его Годунов и Сабуров, — это обещание, что со временем государь может пожаловать его «князем ***в первых***», а не «в других». Джан-Арслану пришлось согласиться: «постояв, говорил кабы нехотя», будто рад служить царю и станет соблюдать верность шертной записи (Акты 1918, с. 109, 111; НКС, 1604 г., д. 3, л. 75).

Конечно, застарелое взаимное неприятие мирз не могло исчезнуть посредством подобных искусственных церемоний. Едва оставшись наедине с воеводами, Иштерек принялся обвинять старшего Урусова в симпатии к Малым Ногаям (враждебным тогда как к России, так и к заволжским мирзам) (Акты 1918, с. 132; НКС, 1604 г., д. 3, л. 163, 164). Перед отъездом бия в степь русские наместники уговорили его снарядить конницу на Казыев улус, Крым или Польшу — на помощь царским войскам. Иштерек не отказывался, но просил для мобилизации прислать стрелецкий отряд, поскольку «мурзы и улусные люди у них волные и его мало слушают» (Акты 1918, с. 138; НКС, 1604 г., д. 3, л. 186, 187). Бий вернулся к своим «вольным» подданным и продолжил перекочевки между Волгой и Яиком. Джан-Арслан, деморализованный и сломленный, почти прекратил участвовать в политике и с тех пор практически не упоминается на страницах документов. Никаким бием «в других» он, разумеется, не стал[4].

Русская Смута поначалу не сказывалась на владениях Больших Ногаев. Свержение династии Годуновых, воцарение и гибель «Расстриги»

[4] Вскоре по настоянию Иштерека его заточили в астраханскую тюрьму, а в 1614 г. отправили подальше от Орды, в Казань, где мирза и умер (НКС, 1615 г., д. 1, л. 1, 2, 9; ПДП, т. 3, с. 14, 15; Трепавлов 1997в, с. 52).

в первое время никак не отразились на внутреннем положении Орды и ее отношениях с астраханскими властями. Поэтому после восшествия на московский трон В.И.Шуйского в мае 1606 г. правительство было уверено в лояльности степняков. В памяти послу в Польшу от того же года и месяца указывается, что Иштерек и мирзы послали в Москву поздравление с воцарением и подтверждением своей преданности (ПДПЛ, т. 4, с. 275).

Но отстраненность Больших Ногаев от внутрироссийских дел продолжалась лишь до тех пор, пока была лояльна или нейтральна к царскому престолу Астрахань. В июне 1606 г. тамошний воевода князь И.Д.Хворостинин, приняв сторону Лжедмитрия II, поднял мятеж против Василия Шуйского. Приверженцы Шуйского бежали из города. Среди них был и переводчик Прокофий Вражский. Он добрался до походной ставки сохранявшего верность царю князя Ф.И.Шереметева. Оттуда осенью и зимой 1606 г. он не раз отправлялся на восток и убеждал ногайских лидеров присягать царю Василию. В декабре шертовал Иштерек (Акты 1915, с. 203–205).

Тем временем оживились противники бия. Используя московское нестроенье, Джан-Арслан вместе с примкнувшим к нему на недолгое время Канаем б. Динбаем разослали «мимо князя и мурз» известие, «будто Ростригa жив и их велел посадить на Нагаискои Орде на княженье». Некоторые высокородные мангыты поверили этой новости. До бия дошла информация, что по меньшей мере двенадцать человек в его ставке являются агентами заговорщиков (Акты 1915, с. 168, 169). Однако воспрепятствовать надвигающемуся мятежу он не мог, хотя и добился от астраханских властей заточения Джан-Арслана.

Причины своей скованности он объяснил в декабре 1607 г. Вражскому. Дело в том, что назревал конфликт Иштерека с его племянниками и давними соратниками Урмаметевыми. В свое время многолюдный эль найманов числился за Ураз-Мухаммедом, а теперь находился под управлением Иштерека. Наследники Ураз-Мухаммеда, недовольные этим, начинают выказывать неповиновение — «сложась з Байтерек мурзиными детьми, побивают тех, хто с ним, Иштереком князем, единомышлены». И теперь он «того и ждет, с ча[са] на час, борзо ли промеж ево, Иштерека князя, и Урмаметевых детей станет сабля ходить», и одна надежда ему остается на царскую милость (Акты 1915, с. 176).

Вместе с тем Иштерек находил любые поводы, чтобы не участвовать в столкновениях русских противоборствующих сторон, мотивируя свою пассивность то «худым льдом» на Волге, то слухами о замирении московского правительства с «ворами», то боязнью нападения мятежных астраханцев. С последними он тоже предпочитал не вступать в тесный контакт, выжидая, кто одержит верх в схватке за власть в России. Царь и тушинские военачальники, сражаясь между собой,

пытались привлечь к себе в союзники и Больших Ногаев. Но за Волгой разгорались противоречия среди мирз, и русская Смута отступала для них на второй план.

Бий и племянники. Большие Ногаи в 1608–1619 гг. К 1608 г. в Большой Ногайской Орде назрело несколько конфликтных вопросов, которые разбирались на специальном съезде мирз. Об этом курултае воеводскому гонцу Прокофию Вражскому рассказал в ноябре того же года бий Иштерек.

Во-первых, мирзы и улусные богачи (которые становились заметной социальной силой, альтернативной мирзам) договорились, что «владеть ему, князю, мурзами, а мурзам владети своими улусными людьми, и где велит быти улусным людем он, князь, и мурзы, и им туда ходити, а самим улусным людем без его, княжевой, и без мурзиной ведоме никуды не ходити»; у нарушителей данного вердикта решено «избы и животы грабити и из улусов их выбивати».

Во-вторых, была рассмотрена жалоба Кара Кель-Мухаммеда. По решениям предыдущих съездов он должен был занимать пост тайбуги, а кековатство досталось Яштереку б. Дин-Ахмеду. Но последний уступил свою должность внуку бия Юсуфа, Тимуру б. Махмуду, а сам начал собирать тайбугинские пошлины. Мирзы приговорили: Кара Кель-Мухаммеду быть по-прежнему тайбугой, а Яштереку — кековатом.

В-третьих, во время последней Смуты перемешались и переместились эли: найманы Кара Кель-Мухаммеда оказались у Яштерека[5], азы Иштерека — у его, бия, сына Мухаммеда; его же, Иштерековы, кунграты — у Кара Кель-Мухаммеда; «кипчатцкое родство» Джан-Мухаммеда б. Дин-Мухаммеда — у нурадина Шайтерека. Курултай восстановил прежних владельцев в их правах, наказав вернуть им соответствующие племенные общины. Эти решения вызвали недовольство не только у узурпатора тайбугинства Яштерека, но и у зажиточных и даже рядовых улусников. Кунграты, например, не захотели возвращаться к бию и остались под началом Кара Кель-Мухаммеда (Акты 1914, с. 167, 184).

Итоги съезда оставили неудовлетворенными очень многих влиятельных лиц Орды. Высшие мирзы вынуждены были поступиться постами или улусами. Виновником несправедливого их распределения посчитали Иштерека. Летом 1608 г. огромные массы ногаев переправились на Крымскую сторону. В западные степи ушли нурадин с кековатом, кланы Урмаметевых и Тинмаметевых с улусами. На Яике с бием Иштереком остались только Юсуфовичи, которым он обещал предоставить кековатство. Собственные его владения оказались очень малолюдными. Иштерек остался в ставке под Царицыном «лише

---

[5] Возможно, в тексте воеводского донесения описка: по данным от 1607 г., найманами управлял не Яштерек, а Иштерек (см. выше).

с своею избою», «с невеликими улусными людми», «всево дворов с пять» (Акты 1914, с. 187, 196; Акты 1915, с. 8, 27; НКС, 1608 г., д. 1, л. 89). Особняком держался обиженный на всех после съезда кековат Яштерек.

Хотя мирзы пока заявляли о верности бию, а уход на правобережье объясняли поиском «животинного корму на сю зиму», на самом деле посторонние наблюдатели замечали, что они своего предводителя «о государеве деле не слушают и о своем деле они ни в чем ево не слушают» (Акты 1914, с. 214; Акты 1915, с. 20). Единственное, чем мог пригрозить им Иштерек за непокорность, — это его откочевка «казаком» из Орды и призыв на помощь русских войск (Акты 1915, с. 21). Однако последнее намерение выглядело в то время уже не устрашающим, а двусмысленным. Царские войска охваченной Смутой России не способны были оказать какую-либо поддержку заволжскому властителю. Более того, рядом с Большими Ногаями находилась Астрахань, в которой укрепился мятежный князь Хворостинин.

Именно с ним и решили завязать отношения мирзы Крымской стороны. На совете у нурадина было решено «шертовать вору, который называетца царевичем Дмитрием», т.е. Лжедмитрию II, а после этого идти кочевать под Астрахань (Акты 1914, с. 197; Акты 1915, с. 9)[6]. Иштерек поначалу соблюдал шерти, принесенные Василию Шуйскому, и отвергал призывы Хворостинина присягнуть «государю Дмитрию Ивановичу». К царицынским воеводам он даже доставил (правда, после серьезных колебаний) хворостининских гонцов (Акты 1914, с. 192–194; ДС, д. 61, л. 1–3). Однако не получая никакой реальной помощи от русской стороны, он охладел к сотрудничеству с Москвой. Зная о польской интервенции, бий подумывал о налаживании контактов с королем. В июле 1611 г. он, поддержанный придворными, отказался встать и обнажить голову при оглашении царской грамоты («правда де у него, Иштерека, к... государю в серце, а не в шапке»), а после сведения Шуйского с престола принял у себя польского посла и направил в Варшаву своего. Впоследствии мирзы ставили Иштереку в вину заключение шарт-наме с Сигизмундом (Акты 1915, с. 12, 13; НКС, 1613 г., д. 4, л.19; д. 5, л. 224). Некоторые виды

---

[6] Комментируя эти события, А.И.Копанев и А.Г.Маньков решили, что значительная часть Ногайской Орды перешла на сторону «Тушинского вора» и его лагеря и лишь небольшая часть, предводительствуемая Иштереком, намеревалась поддерживать царя Василия Шуйского (Восстание 1959, с. 404). Действительно, желание шертовать Лжедмитрию II выразили семьи Урмаметевых во главе с Кара Кель-Мухаммедом и Тинмаметевых во главе с Джан-Мухаммедом, весьма многочисленные группировки мирз и улусов. Однако это не означало поддержку ими одной из противоборствующих сторон в русской Смуте. Ногаев беспокоила безопасность кочевий, и шертовали они тому государю, представители которого сидели в Астрахани, — в данном случае «Вору».

на Больших Ногаев имел и королевич Владислав, приглашенный боярами в августе 1610 г. на московский трон (Podhorodecki 1987, p. 131).

В этих условиях Иштерек не видел (да и не имел) возможности удерживать улусников и немногих подчинявшихся ему мирз от набегов на русские владения. В 1611–1612 гг. окраины Московского царства подверглись атакам ногайской конницы. Степняки приходили под Тулу и Самару, сожгли Саратов; семитысячное (по другим данным, двенадцатитысячное) войско во главе с Сарыке-агой направил на Рязанщину нурадин Шайтерек (Акты 1915, с. 28, 29, 38–41; Леопольдов 1860, с. 15; СГГД, ч. 2, с. 565, 566; Сказание 1896, с. 403), причем когда русские требовали объяснений, ногаи оправдывались, будто разоряют только «воровские» города. Однажды русский посол привел неопровержимые доказательства неразборчивости мирз при грабеже «украин». На это «Иштерек князь, рассмеявся и оглянувся на своих имилдешев и карачеев, говорил им, что де он против тово слова ответу дать не ведает, говорите деи вы, карачеи, имилдеши. И карачеи, имилдеши принишкнули ж», не сумев опровергнуть очевидные факты (Акты 1915, с. 19). Одновременно бий пытался вступить в контакт со Стамбулом и Исфаханом, замириться с Малой Ногайской Ордой, но без заметного успеха.

Конец Смуты в центре России оказался для заволжских степняков довольно неожиданным. В марте 1613 г. бояре от имени Земского собора известили Иштерека об избрании на царство М.Ф.Романова (НКС, 1613 г., д. 3, л. 15–29). Узнав теперь наверняка, что новый государь действительно воцарился в своей столице (первые вести об этом он получил раньше от кабардинцев), бий направил туда посольство с поздравлением, извинениями за отступничество от шертей, с заверениями в своей непричастности к ногайским набегам, с обещаниями впредь «служити и прямити» по примеру прежних биев (Акты 1836б, с. 26, 27; Новый 1853, с. 166; Патриаршая 1910, с. 134).

Но обстоятельства сложились так, что ему не пришлось доказывать искренность своих слов. Во-первых, из-за калмыцких ударов с востока Иштерек летом 1613 г. был вынужден перекочевать на Крымскую сторону (НКС, 1613 г., д. 4, л. 15). Во-вторых, тогда же в Астрахань прибыл мятежный атаман И.М.Заруцкий, один из вождей первого Ополчения, разгромленный царскими воеводами под Воронежем.

В борьбе с московским правительством Заруцкий пытался опереться на астраханские низы, казаков и Больших Ногаев (Бернадский 1939, с. 100). Что касается последних, его привлекала главным образом их многочисленная и подвижная конница. Атаман выслал в степь четырехтысячный отряд и вынудил бия прикочевать с Терека к Астрахани. В марте 1614 г. Иштерек шертовал Заруцкому вместе с Байтерековыми и частью Тинмаметевых, дав в заложники (аманаты) своего сына

Ахмеда и племянника Урака б. Дин-Мухаммеда. Заруцкий нашел надежные средства привлечь к себе предводителя Большой Орды. Он выпустил из тюрьмы Джан-Арслана б. Уруса, и по степи сразу пошли слухи о скорой смене бия. Впрочем, когда в Астрахань прибыли аманаты, мирзу снова заточили. Мятежный казачий предводитель налаживал и дружеские связи с кочевниками, не гнушаясь ездить пировать в ставку Иштерека (об этих событиях см.: АИ, т. 2, с. 421; Бернадский 1939, с. 101–103; Железнов 1888, с. 229, 230; Завьялов 1853, с. 19–21; НКС, 1613 г., д. 5, л. 122, 123, 141, 142, 213; Новосельский 1948а, с. 89; Шепелев 1967, с. 86).

Позже Иштерек путано оправдывал свой союз с «ворами» их ложью. Сначала он писал царю, что Заруцкий уверял, будто он пожалован Астраханью от государя, и для дружбы с ним необходимо дать заложников, — «и мы того не ведали, что Заруцкои вор, проведали после»; затем бий рассказывал, что узнал от Заруцкого, будто «Московским государством завладела всеми городами Литва... и мы де поидем очищать Москву». В 1617 г. Иштерек объяснял все уже по-иному: когда атаман явился в Астрахань, местные жители убедили ногаев, что это, дескать, и есть новый русский государь, и бий с мирзами послали к нему сыновей на аудиенцию, а тот — «вор, необрезаник, свинья Заруцкои» — этих парламентеров «посадил... в оманаты» (НКС, 1613 г., д. 5, л. 156; 1615 г., д. 4, л. 4; 1617 г., д. 2, л. 17). Нурадин Шайтерек приводил еще одну причину шертования бия мятежникам: «теснота» от калмыков в заволжских степях (НКС, 1613 г., д. 5, л. 241; 1614 г., д. 1, л. 3). По сведениям, полученным от астраханцев, союз планировалось скрепить браком Марины Мнишек с кековатом Яштереком б. Дин-Ахмедом (АИ, т. 3, с. 411, 432, 444).

На самом же деле глава Больших Ногаев вел собственную игру, пытаясь привлечь к ситуации в Нижнем Поволжье внимание Порты и не отказываясь предоставлять Заруцкому свои ополчения для налетов на русские города. Правда, из двадцати тысяч конников, посланных им к Алатырю, до цели набега добралось едва пять сотен, остальные по дороге разбрелись (АИ, т. 3, с. 12; НКС, 1613 г., д. 5, л. 233, 234).

Однако обстановка для ногайско-«воровского» сотрудничества складывалась неблагоприятно. Во-первых, астраханских сторонников Заруцкого раздражала его дружба с ногаями, в которых не видели надежных союзников и воспринимали скорее как враждебную стихию (Смирнов Ю. 1988, с. 71; Шепелев 1967, с. 93). Во-вторых, становилось все более очевидным, что решающий перевес на этой последней стадии русской Смуты принадлежит царским войскам, а не мятежникам. Хотя Иштерек и был связан заложничеством сына и племянника и запятнан участием в набегах, он считал слишком рискованным продолжать контакты с Заруцким. С севера неумолимо надвигалась

военная сила Москвы, грозившая раздавить последнее бунтарское гнездо на Волге.

Кроме того, Россия могла привлечь к борьбе против ногаев и Донское войско. Посол к Иштереку И.Кондырев советовал царю Михаилу направить такое предложение донцам, и те «нагаиских людеи не токмо за море — и в море втопчют». Причем Кондырев считал, что в тех условиях на Больших Ногаев можно воздействовать только силой: «А поминкам... и жалованьем их государю однолично не удобрять, толко их воиною не смирить... А таковы... страшны нагаицы от государевых людеи и казаков, что зреть на них не смеют» (НКС, 1613 г., д. 5, л. 240, 241).

Поэтому едва только в мае 1614 г. донеслась весть, что против Заруцкого из Саратова двинулись воеводы, Иштерек разорвал с ним все отношения и вновь склонился к союзу с Москвой. Заруцкий бежал к Яику, был там настигнут и разгромлен. Захваченные им с собою аманаты разбежались по степи, но были переловлены стрельцами, возвращены в Астрахань и снова посажены на Закладном дворе (об этих событиях см.: АИ, т. 2, с. 25, 26; Белокуров 1888, с. 547, 548; Завьялов 1853, с. 33–35; НКС, 1615 г., д. 3, л. 3, 4, 12; ПДПЛ, т. 5, с. 589; Шепелев 1967, с. 97). Оказавшись один на один с грозной Россией, Иштерек не преминул возобновить шертные обязательства. В конце 1614 г. и затем в начале 1615 г. он вместе с несколькими ближайшими мирзами своего лагеря обязался «вперед быти неотступным в прямом холопстве навеки» и отправляться в любые походы по государеву указу (НКС, 1615 г., д. 1, л. 24; ПДПЛ, т. 5, с. 589).

Далеко не все мирзы поддерживали атамана-авантюриста. Нурадин Шайтерек предпочел дождаться надежной информации из Москвы о выборе нового монарха и сразу объявил о своей лояльности М.Ф.Романову. Призывы бия выделить улусные ополчения в помощь Ивану Заруцкому он отверг наотрез, при этом «облаяв» Иштерекова посланца (АИ, т. 3, с. 22; НКС, 1613 г., д. 5, л. 197, 198, 202, 203, 223–225). Вокруг нурадина сосредоточились улусы его брата кековата Яштерека, а также Аксак Кель-Мухаммеда и Карагёз-Мамая Тинмаметевых, Али и Бия Урмаметевых.

Русские дипломаты, побывавшие в кочевьях, доносили, что «те мирзы... силнее улусы и людми и сами дороднее тех, которые с Ыштереком князем. А силны... в их во всех Урмаметевы княжие дети — собою дородны, и люди у них добры, и слушает их Шаитерек мурза во всем» (НКС, 1613 г., д. 5, л. 200). Именно отпрыски Ураз-Мухаммеда предостерегали нурадина от губительного сепаратизма, когда тот стал подумывать, опираясь на расположение Москвы, сесть «в Болших Нагаех... болшим князем на брата его на Иштереково место». Доводы Урмаметевых были убедительны: смуты ослабляют степняков, уменьшают их силы, «а московские люди тому будут и ради: мы сами меж

себя иссечемся, а досталных... нас московские люди посекут» (НКС, 1613 г., д. 5, л. 243, 244).

Подобные соображения до поры до времени предотвращали окончательный раскол и распад Ногайской Орды. Около полутора лет (в 1615–1616 гг.) улусы бия, нурадина и их подданных мирз кочевали рядом друг с другом в Предкавказье, «под черкаскими под Пяти горами», сообща совершая набеги на соседних горцев (НКС, 1615 г., д. 10, л. 3; 1616 г., д. 2, л. 1; д. 3, л. 39).

Но настоящего единства уже не было. Шайтерек, прослышав о контактах старшего брата с Бухарой и планах его откочевки обратно на Ногайскую сторону, отказался участвовать в них, опасаясь интриг с его стороны и боясь оказаться в далеких степях Заволжья наедине с коварным бием, да еще под угрозой калмыцких нападений. Уже в конце 1616 г. стало известно, будто мирзы «нурадыновы половины» «с Ыштереком князем в соединенье быти не хотят, и меж ими рознь» (НКС, 1617 г., д. 1, л. 30, 31, 103).

Наиболее непримиримо держался тайбуга Кара Кель-Мухаммед, «в нурадымове стороне промышленик во всем». В конце 1617 г. его гонец говорил терскому воеводе, что если царь прикажет Кара Кель-Мухаммеду воевать бия, то мирза с готовностью пойдет на это, так как «в прежних... годех он, Келмамет мурза, ему, Иштереку, терпел за старость и покаместа он, Иштерек князь, был силен улусными людми. А ныне... болшие улусные люди все у нево, Келмаметя, и стал... ему, Иштереку князю, своими улусными людми силен и терпети ему ни в чем не хочет» (Акты 1915, с. 36; НКС, 1617 г., д. 1, л. 48).

Но показная готовность к выполнению воли государя не обманула Посольский приказ. Пребывание Больших Ногаев на Крымской стороне создавало угрозу соединения их с казыевцами и, что более серьезно, с крымцами. Шайтерек, Кара Кель-Мухаммед и их соратники уже начинали переговоры с Малой Ордой о совместных военных действиях против Астрахани (НКС, 1617 г., д. 1, л. 104, 105). Поэтому главной целью дипломатии астраханских и терских воевод было убедить кочевников перебраться обратно на восточный берег Волги, заверив их, что они будут защищены от калмыков, а коли убедить не удастся, то Шайтерека с Иштереком «всякими меры... ссорить и учин[ять] меж ими рознь», дабы ослабить в случае их присоединения к Казыеву улусу или Крымскому ханству (НКС, 1617 г., д. 1, л. 67, 91).

В 1616 г. некоторые мирзы и влиятельные улусники «Иштерековой половины» совершили набег на «украйны». В Москве были уверены, что это произошло по наущению польского короля. Бий отпирался («некто вам на нас извещает ложно»), но царю были известны и имена мирз, и число их воинов (НКС, 1616 г., д. 1, л. 22, 46, 50). Впрочем, у правителя Орды находились поводы для недовольства российской

политикой. В Астрахани по-прежнему сидел в аманатах мирза Урак б. Дин-Мухаммед, что свидетельствовало о недоверии русских к бию.

И как раз в общении с астраханскими воеводами Иштерек держался — не в пример общению с государем — дерзко и вызывающе. Воеводскому гонцу он заявил, что если Урак не будет выпущен, то он со всем войском, «пришод к Астарахани, вызжет учюги и юрты и дурно всякое учинит» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 54). Он упорно отказывался приехать в город на переговоры и после очередного такого предложения вспылил: «Что... за то воеводы и упрямили и пытаютца... надо мною, что над глупым! Хоти б... было и попытатца, ино было одинова — а то... об одном деле приглашают многижда» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 134). А на угрозу астраханцев применить силу бахвалился, явно блефуя: «Да вы ж меня хочете воевати! И вы как меня повоюете?!» — дескать, о союзе с ним заявили казахский и бухарский ханы, о покровительстве ему — крымский хан и турецкий султан, о подчинении ему во время войны — Малые Ногаи, о готовности участвовать в боях на его стороне — кумыки (НКС, 1616 г., д. 2, л. 2, 3).

Конечно, реальной помощи разваливающаяся Ногайская Орда ни от кого не ожидала, и в конце концов перед перспективой совместного удара мирз — союзников Москвы и астраханских стрельцов Иштерек оказался вынужденным в очередной раз объявить о своей преданности царю. 4 октября 1616 г. перед послом А.С.Нормацким он шертовал на условиях неотступного прямого холопства, перекочевки на Ногайскую сторону, обещая не воевать ни с кем без царской санкции, не нападать на «украйны» и т.д. Вскоре такой же договор с русскими властями заключили кековат Яштерек и глава Тинмаметевых Джан-Мухаммед (НКС, 1616 г, д. 1, л. 140, 141; д. 4, л. 2, 3).

Уже летом 1617 г. ногайско-русские отношения выстраивались на первый взгляд по привычной схеме: в столицу пошли посольства с «конским базаром», а бий просил оттуда стрельцов с пищалями для обороны «со все четыре стороны» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 99; д. 2, л. 2, 3) (здесь-то и выявилась лживость его уверений в повсеместной поддержке его соседними мусульманскими владыками).

Разделение мирз на политические группировки в то время изложено в наказе И.Хлопову, послу к бухарскому хану Имамкули, в июне 1622 г.: «Меж Болших Нагай учинилась рознь ещо при Иштереке князе и при нурадыне Шайтереке мурзе (и того и другого к 1622 г. уже не было в живых. — *В.Т.*): Иштерек князь с детми и с племянники с Тинмагметевыми детми стоял на нурадына Шайтерека, мурзу, а Шайтерек мурза с детми да с племянники с Урмагметевыми княжими детми стоял на Иштерека князя» (Сборник 1879, с. 436). Кроме того, о своей приверженности бию заявляли шестнадцать мирз — потомков нурадина Байтерека б. Дин-Ахмеда, которые обычно кочевали вдалеке от Иштерека, но считали себя обязанными служить ему

«по своеи смерти нерозлучно» (НКС, 1617 г., д. 3, л. 24; 1618 г., д. 3, л. 52–54).

С начала XVII в. в окрестностях Астрахани предпочитали кочевать Урусовы и Тинбаевы. Дети Хана, Джан-Арслана, Саты Урусовых и старшие сыновья Динбая, Канай и Рахманкул, не вмешивались в распри бия и нурадина и фактически отделились от Большой Ногайской Орды. Незаметно их участие и в событиях, связанных с Заруцким (хотя в 1619 г. Канай и пытался убедить царя, будто именно он выбил атамана из Астрахани, «и Асторохань тебе, государю, очистили» — НКС, 1619 г., д. 2, л. 107). Двусмысленное положение, в котором оказались враждующие группировки мирз, и вынужденная зависимость от местных воевод толкали Тинбаевых к попыткам выпросить себе для кочевания степь в устье Волги (в качестве «отцовского юрта»). Для стимулирования русских властей выдвигалась идея переманивания в этот новый улус людей из «Иштерековой половины». Царь земель мирзам не давал, но щедро снабжал деньгами и подарками. Во время отступления бия от шертей в 1616 г. Тинбаевым предписывалось напасть на его стойбища, с чем те охотно согласились (НКС, 1616 г., д. 1, л. 2, 4, 30, 96, 97).

Ни воеводы, ни правительство не видели необходимости в единстве Больших Ногаев, поскольку появление сильной кочевой державы на южных российских рубежах могло воспрепятствовать политическим планам Москвы на Кавказе и в Дешт-и Кипчаке. Постепенно ставка на углубление распрей среди мирз становилась доминирующей. Воеводы и послы старались поссорить бия с Тинмаметевыми, нурадина — с Урмаметевыми, а комментируя просьбы доверчивого Иштерека стать посредниками в примирении вконец озлобленных мангытов, откровенно отписывали в Посольский приказ: «В миру их твоему государеву делу никоторые прибыли не чаем. А чаем тово толко: они тое свою недружбу меж себя замирят и вперед от них, от нагаи, твоим государевым украинам без воины не быть» (НКС, 1619 г., д. 1, л. 2, 11, 12).

Таким образом, к концу 1610-х годов образовались три основные группировки мирз. Соотношение их влияния и мощи описано послом Иштерека в беседе с думным дьяком П.Третьяковым в июне 1617 г.: «А те... мурзы, кочюют под Теркою — нурадын Шаитерек мурза и Урмаметевы княжие дети — улусы своими тех мурз, которые государю шертовали, а кочюют у Астарахани (т.е. Урусовых и Тинбаевых. — *В.Т.*), — силнее. А которые кочюют на Крымскои стороне у Волги — улусами своими силнее Иштерековых улусов, потому что с Ыштереком многие мурзы кочюют безулусные» (НКС, 1617 г., д. 1, л. 113). То есть Урмаметевы во главе с нурадином оказались сильнее Урусовых с Тинбаевыми, а те, в свою очередь, сильнее улусов бия. Под властью Иштерека осталась наиболее слабая и малолюдная часть

Большой Ногайской Орды. Правда, ему удалось наконец вызволить из заклада Урака Тинмаметева, заменив его в аманатах на собственного сына Ураз-Али, но это не добавило прочности его положению. Сыновья и внуки Дин-Мухаммеда тяготились бием-неудачником и все более явственно переставали считаться с ним (НКС, 1619 г., д. 1, л. 9).

Весной 1619 г. почти одновременно умерли бий Иштерек (от болезни) и нурадин Шайтерек (разбившись при падении с коня) (КК, 1619 г., д. 1, л. 21; НКС, 1619 г., д. 1, л. 11, 12; Опись 1977, с. 340). Освободились оба верховных поста. Для раздробленной Ногайской Орды это означало вступление в период полного распада.

Безвластие. «Вокняжение» Каная. В конце 1619 г. астраханские воеводы донесли, что Большие Ногаи опять разделились на две «половины», или «стороны», — Яштерекову и Каракелмаметеву, — которые соответственно обозначались также как Тинмаметева и Урмаметева. В первой, возглавляемой рековатом Яштереком б. Дин-Мухаммедом и более сильной и многолюдной, состояли дети покойного бия Иштерека и мирзы Тинмаметевы со своими улусами. Во второй, во главе с тайбугой Кара Кель-Мухаммедом б. Ураз-Мухаммедом, — дети нурадина Шайтерека и мирзы Урмаметевы с улусами (НКС, 1620 г., д. 1, л. 15–17; 1625 г., д. 3, л. 8).

Оказавшись без формальных предводителей, мирзы решили военной силой, без съездов, отнять друг у друга и переделить пастбища (обе группировки располагались в то время на Ногайской стороне Волги). После смерти бия и нурадина информаторы докладывали, что «у них на обеих сторонах (Урмаметевой и Тинмаметевой. — *В.Т.*) люди стоят в зборе наготове и меж себя друг над другом ищут» (НКС, 1619 г., д. 1, л. 29). Первыми нанесли удар улусники Яштерека. В мае 1619 г. конница Тинмаметевых и Иштерековых двинулась на стойбища своих противников, но была полностью разгромлена Кара Кель-Мухаммедом. В стычке от руки Карагёз-Мамая б. Дин-Мухаммеда погиб брат тайбуги Мамай. Вражда двух кланов с этого момента перешла в новое качество: между ними «всчалась кровь» — Урмаметевы превратились в кровников для своих обидчиков (НКС, 1619 г., д. 1, л. 31, 40, 111, 112, 119; 1620 г., д. 1, л. 13). В степях началась череда взаимных набегов, убийств и разорений.

Русское правительство и местные власти на Волге злорадно наблюдали за всеохватным истреблением и стремились раздувать ненависть мирз друг к другу. Об этом откровенно рапортовали на имя государя воеводы Астрахани А.А.Хованский и А.М.Львов. Узнав об убийстве Мамай-мирзы, они просили Посольский приказ не мешать ногаям «тое недружбу свою и до конца совершить». Хованский и Львов, «видя к тои их ссоре и недружбе хотенье, наговаривали их и тое их недружбу подкрепляли... и на воину им меж себя поводили».

«И мы... видя у них такую многую недружбу, — отписывали они в Москву, — меж их на обе стороны [с]сорили порознь, таясь от них друг от друга, чтоб та наша ссора была неявна. И недружбу... им подкрепляем всякими обычаи и приводим... х тому, чтоб ту их рознь и воину привести к конечному их разоренью» (НКС, 1619 г., д. 1, л. 29; 1620 г., д. 1, л. 13).

Для разжигания распри к931 кековату и тайбуге посылались стрелецкие отряды якобы в помощь против их врагов. Каждая «половина», думая, что расположение царских наместников находится на ее стороне, вела сражения с удвоенной энергией. Однако стрельцы никогда не вмешивались в эти бои, получив приказ лишь демонстрировать видимость военного присутствия, «маня ногаем помочью на обе стороны... чтоб они, видя... государевых людеи, болши к бою ссорилися, и на то (т.е. на помощь стрельцов. — *В.Т.*) обнадежась, многую кровь всчали». Конечной целью замысла было максимальное ослабление кочевников и обращение их, обессиленных, в полное подданство царю (НКС, 1619 г., д. 1, л. 13; 1620 г., д. 1, л. 13, 20).

В Москве полностью разделяли такую тактику воевод, предписывая им и впредь стравливать «половины» с перспективой приведения их «под высокую руку» Михаила Федоровича. Кроме того, предписывалось внушать мирзам не избирать без царского повеления бия и нурадина (НКС, 1619 г., д. 1, л. 37, 39).

Вопрос о кандидатурах на высшие должности Большой Ногайской Орды постоянно присутствовал в дипломатической переписке и в переговорах. У обеих «половин» имелись лидеры, о которых сторонники собирались ходатайствовать перед царем для посажения на «большое княженье», — Яштерек и Кара Кель-Мухаммед. Последнего астраханские воеводы (главные «эксперты» в ногайском вопросе) считали одно время более приемлемым, учитывая его прошлую рознь с Иштереком, когда тот порвал с Москвой (НКС, 1620 г., д. 1, л. 17–19).

К тому же у этого мирзы оказалась неожиданная протекция. Крымский хан Джанибек-Гирей, узнав о вакантности верховных постов, начал кампанию за возведение на бийство Кара Кель-Мухаммеда. «Он учинил себе Каракелмамет мурзу болшим бояриным и добрым к себе другом и... учинил его в Ногаех князем, и грамоту о том к нему послал». Аналогичная грамота была направлена из Бахчисарая к Канаю б. Динбаю, которого хан, видимо, прочил на нурадинство. Правда, крымский монарх не чувствовал себя полномочным назначать ногаям правителя, его жест в отношении Кара Кель-Мухаммеда являлся скорее рекомендацией и потому был продублирован просьбой к астраханским воеводам убедить царя доверить бийство ханскому протеже. В столице Крымского юрта русским дипломатам тоже внушалась мысль об этой кандидатуре как наилучшей (в частности, в случае посажения Кара Кель-Мухаммеда к нему якобы сразу же перейдут подданные Тинмаметевых).

Наконец, о том же хан советовался с Михаилом Федоровичем. Московский государь отвечал уклончиво, объясняя, что «княженье» достанется тому из мирз, «хто нам будет вернее, и о ком нагаиские люди учнут бити челом» (КК, 1620 г., д. 7, л. 19; НКС, 1619 г., д. 1, л. 162–167; д. 2, л. 238, 239).

Воевод настораживала такая активность со стороны крымцев, да и ситуация в Орде не позволяла согласиться на предложение Джанибек-Гирея. Ведь тайбуга являлся кровным врагом Тинмаметевых, и в случае его «вокняжения» вполне вероятна была откочевка их далеко на восток, за Эмбу, во владения рода Шейх-Мамая (Алтыулов) или вообще к хивинскому хану, что лишало Россию перспективы когда-нибудь обратить эти многолюдные улусы в царских подданных (НКС, 1620 г., д. 1, л. 73; д. 2, л. 353, 354). Среди сонма «Эдигу уругу мангытов» более привлекательным для астраханской администрации в конце концов оказался Канай.

Во время междоусобиц 1619–1620 гг. этот мирза с пятью тысячами улусников обосновался в окрестностях Астрахани, заявив о верности государю (Новосельский 1948а, с. 142). Он уже давно не скрывал своей приверженности Москве и не был замечен в антироссийских интригах. Сын Каная Гази крестился, получив имя Михаил, и отлично зарекомендовал себя в годы борьбы с польскими интервентами. Уже в 1620 г. воеводы писали, что Канай окажется самым удобным для Москвы в должности бия. Во-первых, он по пересчету родственных линий старше прочих мирз; во-вторых, у него налажены дружеские связи с Алтыулами, и, следовательно, существует шанс привлечь их под русское покровительство; в-третьих, он является наиболее последовательным сторонником ориентации на Россию; в-четвертых, его клан Тинбаевых не связан кровной враждой ни с одной из «половин» Больших Ногаев и потому относительно нейтрален и равноудален от них.

В отношении кандидатуры на пост нурадина астраханцы колебались, но в конце концов остановились на Кара Кель-Мухаммеде. Тем более что и он, и Канай, как выяснилось, после смерти Иштерека заключили соглашение именно о таком распределении высших постов (НКС, 1619 г., д. 2, л. 355–357; 1620, д. 1, л. 74–76; 1622 г., д. 1, л. 4; 1625 г., д. 3, л. 2).

Понемногу мнение большинства ногаев тоже склонялось к избранию Каная. Он сообщал в Москву о подобных просьбах со стороны своих улусников, но добавлял, что не смеет принять решения без царской санкции (НКС, 1619 г., д. 2, л. 310). Кара Кель-Мухаммед же никак не реагировал на крымскую инициативу и пока довольствовался своим статусом тайбуги.

К весне 1622 г. улусы Урмаметевых, Урусовых и Тинбаевых кочевали неподалеку друг от друга и находились между собой в согласии.

Вероятно, зная о настроениях и намерениях русской стороны относительно претендентов на бийство и нурадинство, мирзы этой группировки решили положить конец безвластию. В апреле 1622 г. в Москву явилось посольство от нового бия — Каная, нового нурадина — Кара Кель-Мухаммеда и их родичей с целью «то... великому государю объявити» (НКС, 1622 г., д. 2, л. 2). Правительство не стало возражать и решило подкрепить избрание высших иерархов Орды царской инвеститурой. К тому времени уже была заготовлена шерть с пробелами в местах имен будущего бия и нурадина, которая вместе с жалованными грамотами, подарками и приказом воеводам об устройстве торжественной церемонии была отправлена в Астрахань (НКС, 1622 г., д. 2, л. 19, 20, 49–55). 10 ноября 1622 г. в тамошнюю Съезжую избу прибыли двести ногайских аристократов. Им была объявлена государева воля о назначении Каная бием и Кара Кель-Мухаммеда нурадином. После намаза Канай, как и Иштерек в 1600 г., был «поднят на полсти». За этим последовал пир у первого воеводы, на следующий день — у второго, на третий день мирзы шертовали на Коране в верности царю. В церемонии участвовали главы Тинмаметевых, Иштерековых, Байтерековых, Урмаметевых, Урусовых и Тинбаевых, т.е. всех основных группировок (НКС, 1623 г., д. 1, л. 98–108, 110–112, 146).

Перед Большими Ногаями открывалась перспектива восстановления единства и, может быть, возрождения их державы. Впервые за долгие годы отпрыски различных ветвей потомства Исмаила объединились и фактически признали свое подчинение единому правителю. Под впечатлением такой перспективы Канай имел основания поделиться с царем: «И с которыми своими родимцы ото многих лет не видалися, ныне... с ними кочюем вместе и любим их за то душею и серцом...». Но тут же добавлял: «А тово, государь, не ведаю, что они меня любят или нет» (НКС, 1623 г., д. 3, л. 14).

Оказалось, что любили далеко не все. Еще до вступления в нурадинскую должность Кара Кель-Мухаммед сообщал, что его улусы враждуют с улусами Каная, и просил воевод определить им места кочевания раздельно и подальше друг от друга; или вообще «Канаи мурзе быть в городе (Астрахани. — *В.Т.*), а мне кочевать на степи» (НКС, 1622 г., д. 3, л. 29, 30, 34). Незнатные ногаи, разбогатевшие «улусные люди» совсем не считались с показным примирением знати. Улусники Каная постоянно задирали кочевников, подчинявшихся нурадину, Тинмаметевым и Иштерековым, угоняли скот, во время набегов грабили становища. Кочевники пострадавшей стороны тут же снаряжались «Канаю князю мстить свои прежние недружбы» (НКС, 1623 г., д. 1, л. 171, 172). Утихшая было распря разгоралась с новой силой.

Но теперь московские и астраханские политики стремились, в отличие от предыдущих лет, предотвращать усобицы в среде шертовавших мирз, чтобы не допустить их откочевки в дальние страны и удержать

под присмотром воевод. Стрелецкие отряды предлагалось выделять мирзам не для провоцирования столкновений, а для реальной демонстрации военной поддержки со стороны России (НКС, 1623 г., д. 1, л. 152–159, 178).

Распад Большой Ногайской Орды. Только 20 октября 1625 г. в астраханской Съезжей избе состоялось провозглашение новых кековата и тайбуги. Ими стали глава клана Тинмаметевых Джан-Мухаммед и один из вождей Алтыулов, Султанай (НКС, 1625 г., д. 1, л. 36; 1626 г., д. 1, л. 432). В то время разделение улусов и мирз выглядело уже как Канаева и нурадинова «половины». К первой принадлежали Урусовы и Тинбаевы, ко второй — Урмаметевы, Тинмаметевы, Иштерековы, Байтерековы, Яштерековы и некоторые алтыульские мирзы (НКС, 1626 г., д. 1, л. 438 и сл.). Лидеры сильных кланов Тинмаметевых и Алтыулов получили высшие посты в Орде и тем самым номинальный доступ к власти[7].

Однако в действительности сами по себе эти посты уже мало что давали их носителям. Нурадины, кековаты и тайбуги давно управляли улусами, не положенными им по статусу, а унаследованными, захваченными или переманенными от других мирз.

В первой трети XVII в., в условиях, когда мирзы — держатели улусов часто менялись, на первый план все заметнее стала выходить немангытская верхушка, «лучшие люди». Эли найманов у Кара Кель-Мухаммеда, кипчаков у Байтерековых и прочие в лице своих предводителей все более настойчиво навязывали мирзам линию политического поведения или даже проводили полностью самостоятельную политику. То и дело в документах тех лет появляются сведения о резко возросшей роли не-Едигеевичей («улусных черных людеи болшие родства мурзам непослушны»; «те улусные люди позабогатели и мурз не слушают, делают и ходят по своеи воле, как хотят»; «улусные люди мурз не слушают и ставят их ни во что»; «а силны мурзам улусные чорные богатые мужики, и мурз они не слушают» и т.п.) (НКС, 1625 г., д. 1, л. 58–61, 85, 86). Доходило до того, что они отказывались сражаться за держателей своих улусов: «Чем де им, улусным людем, меж себя воеватца, ино бы де Канаи князь и нурадын Келмамет мурза, и Мамаи мурза сошлися сами без них, улусных людеи, и меж себя в своих недружбах переведались есми» (НКС, 1628 г., д. 1, л. 177).

Подобные раздоры становились обычными: мирзы грабили друг друга, угоняли скот, жгли кибитки. Разумеется, не обходилось без

[7] Позднее тайбуга Султанай разочаровался в сотрудничестве с Большими Ногаями и с воеводами и в марте 1627 г. уехал к своим сородичам за Яик (НКС, 1627 г., д. 1, л. 132). Кековат Джан-Мухаммед, напротив, сохранил влияние подданных и в обстановке разложения Орды казался настолько значительным деятелем, что бывшая Канаева «половина» в 1631 г., еще при живом бие Канае, стала называться кековатской (НКС, 1631 г., д. 1, л. 217, 219).

жертв, что еще больше распаляло взаимную ненависть и оправдывало кровную месть. Наиболее жестокие схватки начались в 1626 г., когда во время неожиданного набега Урусовых был убит старейшина клана Иштерековых мирза Мухаммед. Рассорились и бий с нурадином. Личные улусы бия Каная тоже страдали от хаоса и войн. В конце 1620-х годов он неоднократно жаловался, что в них царят голод и нищета, а народ разбредается в разные стороны. Попытки бия отойти от Волги и Астрахани в глубь степей, подальше от враждебных мирз, не удались из-за ударов с востока калмыков и Алтыулов (НКС, 1628 г., д. 2, л. 86, 87; 1629 г., д. 1, л. 122, 124, 137).

Несмотря на эпизодические инициативы примирения отдельных ногайских вельмож и все усиливавшееся давление калмыков, достичь единства Большие Ногаи были уже, похоже, не способны. В 1629 г. бий, нурадин и кековат, чувствуя приближение катастрофы, обратились через воевод к царю с прошением взять на себя управление Ногайской Ордой — «розправлять своим царским милостивым указом и виноватым чинити наказание, смотря по винам — так же, как и русским людем»; в противном случае мирзам «досталь меж себя розоритца, и улусные люди от них розбредутца». Но правительство отвечало равнодушным молчанием на призыв погибающей Орды. В его планы не входил разбор запутанных конфликтов среди кочевников (НКС, 1629 г., д. 1, л. 137, 138; Новосельский 1948а, с. 149). Конфликты продолжались и нарастали.

Нурадину Кара Кель-Мухаммеду тоже пришлось метаться по Ногайской и Крымской сторонам Волги. Случалось, он терял все улусы и спасался бегством под защиту русских стрельцов; иногда пробовал сблизиться с бием, а его улусники вдруг принимались настаивать, чтобы он сам занял высший пост. В 1631 г. Кара Кель-Мухаммед погиб в бою с Иштерековыми.

Тем временем из-за Яика продолжали наступать калмыки. Несколько раз они громили приволжские улусы, отходя затем восвояси. Большие Ногаи надеялись теперь только на помощь воевод и старались держаться ближе к Астрахани или уйти на правобережье. Набеги калмыков становились все более жестокими. В сентябре 1633 г. они обрушились на кочевья кековата. Джан-Мухаммед во главе всех своих подданных перебрался на западный берег Волги. В январе 1634 г. произошло нападение калмыков на оставшихся ногаев Каная. Едва отбившись от войск тайшей[8], они тоже потянулись на Крымскую сторону (НКС, 1633 г., д. 2, л. 368, 369). Государственная территория оказалась ногаями утрачена. Абсолютное их большинство очутилось теперь по правую сторону реки (левую, бывшую Ногайскую, они сами отныне стали называть Калмыцкой — см.: Трепавлов 1997а, с. 105).

---

[8] Тайши (кит.) — титул монгольской аристократии.

Впоследствии калмыцкое нашествие фигурировало в ряде документов как единственная причина ухода ногаев на запад. Об этом писали и мирзы, и «улусные люди» («от калмыцких воинских людеи», «от калмыцких частых приходов», «от воины калмыцких людеи» и т.п.) (см., например: НКС, 1634 г., д. 3, л. 210, 211; д. 6, л. 39; 1635 г., д. 1, л. 35). В ногайских исторических песнях XIX–XX вв. исход тоже связывался с экспансией тайшей (см., например: Антология 1980, с. 302, 303). Эта же причина приводилась и в официальных государственных документах Посольского приказа (см., например: Наказ 1851, с. 43, 44), что неудивительно: информация о ногаях поступала от астраханских наместников, а те были заинтересованы в подчеркивании калмыцкой первопричины ногайской миграции. Такое же представление о ногайском исходе 1634 г. укоренилось и в литературе (см., например: Иванов 1935, с. 31; Новосельский 1948а, с. 222–227; Очерки 1955б, с. 476; Сухоруков 1903, с. 164; Khodarkovsky 1992, p. 81).

Однако существовала и другая, не менее серьезная причина — притеснения со стороны астраханцев. Русские и ногаи часто ссорились из-за мест рыбной ловли, стрельцы и посадские люди отбирали у кочевников лошадей и полон, который добывался ими в набегах на Казыев улус. Мирзы жаловались воеводам; привлечь внимание наместников к этим бесчинствам пытался и Посольский приказ («От асторохански людеи чинятца многие обиды и насилства, лошади у них (ногаев. — *В.Т.*) крадут и насилством отнимают, и робят и жон, и девок крадут, а у вас сыску и управы нет!» — НКС, 1626 г., д. 1, л. 377–380; 1628 г., д. 4, л. 50–53), но без видимого успеха. Именно с двадцатилетними унижениями и оскорблениями от русских соседей и были во многом связаны как переселение ногаев, так и их упорные отказы вернуться на левый берег («Мы... отошли от обиды, и от неправды воевоцкие пошли мы, заплакав» — НКС, 1634 г., д. 3, л. 175; 1635 г., д. 2, л. 159, 160).

Претензии были и к стрелецким головам, и к боярским детям, и к служилым людям. Одни вместе с калмыками отгоняли лошадей, резали овец и коров, другие избивали плетьми мирз («чего николи не бывало — с ыных и кожу збили»), третьи захватывали женщин и девушек и «держали их на постеле». По улусам прокатился слух, будто в Астрахань привезена царская грамота с приказом взять в аманаты сто пятьдесят знатнейших мирз, а остальных «худых татар» увезти в стругах на север, на Русь (НКС, 1634 г., д. 1, л. 1–6; д. 6, л. 4; 1635 г., д. 4, л. 41, 56 и сл.).

Особое возмущение вызывало поведение воеводы князя А.Н.Трубецкого и его потворство злодеяниям. «Яз... родился и состарился на Волге... и таковаго... бою над мурзами и над черными улусными людми ни при коих воеводах не видал, как при нынешнем воеводе, князе Алексее Трубецком!» — говорил послу Т.Желябужскому кековат

Джан-Мухаммед (НКС, 1634 г., д. 3, л. 165–166). Мало того что Трубецкой поощрял бесчинства своих подчиненных, но еще и сам хвастался: «Пашут... хлеб казанские татаровя, и яз... зделаю вас, мурз и черных людеи, так жа, что казанские татаровя, — станете и вы хлеб пахать». А указывая на урочище Кровавый Овраг, названное так по одной жестокой битве древности, грозил мирзам: «Опять... тот [о]враг вашею кровью нальетца!» (НКС, 1634 г., д. 3, л. 166).

К концу 1633 г. терпение кочевников иссякло. Не получив никакой помощи против калмыцкого нашествия, они повели улусы на запад. Разразился скандал. Царский гнев обрушился и на стрелецких начальников, которых побросали в тюрьмы, и на воевод с дьяками, смещенных и вызванных в столицу для объяснений. Во время следствия предписывалось виновных «сыскивать жестоким обычаем, чтоб нагаем тот сыск был ведом» (НКС, 1634 г., д. 1, л. 40; д. 6, л. 4; 1635 г., д. 2, л. 113–116; д. 4, л. 10, 11). Однако было уже поздно. Озлобленные и напуганные степняки в большинстве своем, не веря очередным уверениям и гарантиям государевой защиты, не желали возвращаться назад.

Канай, оставшийся на правобережных кочевьях с ничтожным числом улусников, был, очевидно, полностью раздавлен новыми обстоятельствами. Подданные ушли, русские власти не только не защитили от калмыков, но и выступили чуть ли не заодно с ними, фактически вытеснив ногаев на Крымскую сторону. Бий еще пытался убедить князя Трубецкого наладить оборону от тайшей и затем уговорить соплеменников вернуться, не то те окончательно переберутся в Крым. Но воевода не прислушался к его словам. Тем временем калмыки продолжали набеги, убили брата Каная Хан-мирзу (НКС, 1635 г., д. 6, л. 67, 68). Канай продолжал отчаянные переговоры с астраханскими властями и... оказался в астраханской тюрьме.

В административной переписке причиной этого странного поворота в его судьбе называются ссылки с калмыками. Первые намеки на них появились в 1633 г. До Астрахани дошли вести, будто тайши готовят нападение на нее, сговорившись с неким Канабей-мирзой, который якобы сидит в городе в аманатах. Среди заложников человека с таким именем не обнаружили, а вызванные в Съезжую избу мирзы, жившие по соседству, сказали, что Канабей-мирза им неизвестен, но имя его похоже на «Канай». В тот раз воеводы И.И.Салтыков с Г.В.Житовым твердо заявили: «А Канаи князь такова лихово дела не учинит — то дело несхожее» (Миллер Г. 1941, с. 399 — приложение; НКС, 1633 г., д. 1, л. 72); Трубецкой же, похоже, поверил.

Сам бий в челобитных на государево имя недоумевал, не понимая, за что заточен, и клялся, что сидит безвинно, оговоренный изменниками — теми, что «пошли прочь» на Крымскую сторону и давно замыслили «Каная известь» (НКС, 1637 г., д. 1, л. 43, 45). Думаю,

имелся в виду кековат Джан-Мухаммед. Именно он в октябре 1635 г. писал Михаилу Федоровичу, будто Канай, сговорившись с Трубецким, заманил улусы кековатовой «половины» к Астрахани да и «калмыкам выдал повоевать. Канаи князь с калмыки... ссылался и сам к ним хотел отъехать, и про то он сам мне сказал, и хотел меня со всеми людми выдать калмыком» (НКС, 1635 г., д. 4, л. 58). Нелепость навета и нагромождение лжи очевидны. Невозможно представить князя Трубецкого в заговоре с бием, да еще в пользу калмыцких тайшей; нельзя представить, чтобы Канай «выдал повоевать» кековата калмыкам и ему же доверил планы своего отъезда к ним.

Удивлялись и Урмаметевы: «Каная князя в тюрму посадили! И чьему слову поверя, его посадили?! Недругом нашим — калмыком поверя, посадили! Недруг добра не молыт» (НКС, 1636 г., д. 1, л. 92).

Сам Канай объяснял свое заточение озлоблением воеводы из-за того, что все вышло по словам бия: и калмыки напали, и тридцать мирз во главе с кековатом удалились с улусами за Волгу (НКС, 1635 г., д. 6, л. 67–71).

Так или иначе, но уже в 1634 г. глава Большой Ногайской Орды находился под стражей «в калмыцком деле, что он ссылался с калмыки» (НГ, д. 30, л. 2; НКС, 1635 г., д. 1, л. 17). Наверное, в Москве понимали несообразность обвинений против него, однако освобождать не спешили, приказывая беречь его «накрепко», никому не отдавать и ни на кого не обменивать (НКС, 1635 г., д. 1, л. 36).

Разумеется, никакого авторитета среди соотечественников у Каная не стало. С 1634 г. мирзы Большой Орды шертовали и клялись в верности царю, даже не упоминая имени бия. Одна группа аристократов пыталась провозгласить правителем Больших Ногаев Курмаша б. Хана б. Уруса, другая призывала Михаила Федоровича провозгласить бием казыевского лидера Касима (НГ, д. 30, л. 9–13; НКС, 1634 г., д. 1, л. 2; д. 3, л. 166; 1638 г., д. 2, л. 118–126).

Прошло несколько лет. Не зная за собой никакой вины, Канай умолял отпустить его на свободу: «А ныне на старость безвинного меня не вели убить, чтоб на старость мне в дурнои славе не умереть» (НКС, 1637 г., д. 1, л. 43, 46). Эта челобитная поступила в воеводскую канцелярию Астрахани 7 января 1637 г., в марте ее уже читали в Посольском приказе. Реакция воевод и дьяков неизвестна. Можно догадываться, что и это прошение оставили без внимания. Имя Каная надолго исчезает из документов. В начале 1639 г. мирзы сообщили царю, что «судом... Божиим тово князь Коная в Асторохани не стало» (НКС, 1639 г., д. 2, л. 6). Кончина бия впервые упоминается в челобитной мирз Урусовых и Тинбаевых, поданной на имя астраханских наместников Ю.Сицкого и Л.Волконского 21 января 1639 г.: поскольку Канай умер, они просили передать «княженье» его брату Абдулле. Перевод челобитной гласит, в частности: «В прошлом... во

146 (1637/38. — *В.Т.*) [году] тот князь Конаи Тинбаев судом Божиим в Асторохани преставился» (НКС, 1639 г., д. 2, л. 1, 8), т.е. это произошло до 1 сентября 1638 г. Вероятно, смерть настигла последнего правителя Больших Ногаев в середине 1638 г.

Абдулла б. Динбай не стал бием. Русские центральные и местные власти уже не видели смысла помогать ногаям восстанавливать их управленческую структуру. Улусы бывшей Большой Ногайской Орды рассеялись на огромном пространстве — от Сырдарьи до Дуная. Одна их часть подчинилась Крыму, другая — султану, третья влилась в Малую Орду, четвертая примкнула к калмыкам, пятая — к казахам и т.д. Кого бы в этих условиях ни провозгласили бием или нурадином, у него недостало бы средств и сил управиться с этой безвластной, хаотичной массой кочевников. Сохранял свой чисто номинальный пост кековат Джан-Мухаммед; большим авторитетом пользовался его племянник Султан-Ахмед б. Аксак Кель-Мухаммед Тинмаметев, но и они уже были не в состоянии возглавить остатки ногайской державы.

Калмыцкие дела. Одним из решающих факторов утраты ногаями *своих исконных территорий явилась экспансия калмыков. Поскольку* появление этого народа за Волгой в первой половине XVII в. было начальным этапом его пребывания на будущей территории России, данный отрезок его истории привлекал внимание исследователей. Однако отношения пришельцев с Большой Ногайской Ордой служили для них чаще лишь фоном собственно калмыцкой истории. Среди историков, видимо, лишь М.Ходарковский уделил калмыцко-ногайским отношениям особое внимание (правда, ограничившись периодом 1620–1630-х годов) (Khodarkovsky 1992, p. 79–84).

Как уже говорилось, на протяжении XVI столетия контакты калмыков и ногаев оказывались эпизодическими, что объяснялось значительными расстояниями и занятостью западных ойратов (будущих калмыков) центральноазиатскими делами. С начала XVII в. наблюдается постепенное продвижение ойратских племен в сторону Волги. Произошло неизбежное соприкосновение их с ногаями. Воинственные тайши, стремившиеся расширить свои кочевья, видели в них прежде всего объект агрессии. Началось долгое противостояние, которое обострялось, как правило, в зимнее время, когда реки можно было быстро пересекать по льду (НКС, 1633 г., д. 1, л. 101; Олеарий 1906, с. 403; Стрейс 1935, с. 196).

Основной областью расселения западных ойратов к началу XVII в. стал Западный и Центральный Казахстан. На западе ее границей было озеро Зайсан; некоторые улусы продвинулись на территорию Семипалатинской, Восточно-Казахстанской и Алма-Атинской областей (Бембеев 1980, с. 8; Конкашпаев 1969а, с. 249). Пришельцы то углублялись в бывшие ногайские владения, то отходили назад. Такой «пульсирующий» характер миграций объяснялся и нежеланием отда-

ляться от родных монгольских степей, и успехами или неудачами в междоусобной борьбе тайшей, и сочетанием природных условий, необходимых для скотоводства (Златкин 1983, с. 85).

К 1620-м годам ойраты разделились на две группировки — северо-западную во главе с тайшой Хо-Урлюком, предводителем племени торгоутов, и Далаем, вождем дэрбэтов (на реке Омь и в районе города Тара), и юго-западную во главе с хошоутским Байбагасом и чоросским Хара-Хулой (в верховьях Иртыша). Именно подданные Хо-Урлюка стали постепенно занимать ногайские степи в поисках новых пастбищ (Златкин 1983, с. 82, 83).

Земли Больших Ногаев в то время начинались западнее Эмбы. На этой реке ногаи впервые столкнулись с мигрантами с востока весной 1607 г., когда разгромленные астраханскими мятежниками улусники бия Иштерека «пошли коче[вать] на Еик и сведали на Енбе... калмыков» (Акты 1914, с. 162; НКС, 1608 г., д. 1, л. 12)[9]. Но то были еще первые шаги экспансии. Тайши тогда имели сложные проблемы в отношениях с восточными монголами (халха) и казахами (см.: Акты 1914, с. 196; Богоявленский 1936, с. 56; Пузанов 1994, с. 74, 75) и пока не решались, открыв тыл, направить маршруты улусных перекочевок за Эмбу. Однако усиливавшийся напор со стороны враждебных соседей заставлял искать наиболее слабого противника, чтобы занять его земли. Южное и восточное направления исключались из-за казахов и халха-монголов; на севере, в Сибири, уже стояли русские крепости с небольшими, но сильными гарнизонами. Оставалось идти на запад.

В 1610-х годах огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежелетне и ежеосенне становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногаями. Последние, напуганные таким напором, отхлынули к Каспию и Астрахани. Большая часть их территории опустела (Златкин 1983, с. 83). «А от тех мы калмыков стали разорены и от тебя, государь, отогнаны», — делился с царем Иштерек в 1617 г. (НКС, 1617 г., д. 2, л. 19).

Впервые враги-мигранты были встречены подданными этого бия в Волго-Яицком междуречье, очевидно, в 1614 г., когда ногаи, идя вверх вдоль Волги «за зверем», внезапно наткнулись на множество калмыков, кочевавших на их бывших летовьях (Гераклитов 1923а, с. 212). Дважды, в 1613 и 1619 гг., отряды Хо-Урлюка наносили Большой Ногайской Орде сокрушительные поражения (Богоявленский 1936, с. 60; НКС, 1613 г., д. 3, л. 40; д. 5, л. 241, 242; 1614 г., д. 2, л. 2; 1619 г., д. 1, л. 192). Пустынность громадной территории и слабость ее защитников вдохновили Хо-Урлюка на планомерную агрессию. В 1618 г. он разослал окрест разведчиков, которые обнару-

[9] С.К.Богоявленский датировал это событие 1608 годом, Н.И.Веселовский — 1609 годом (Богоявленский 1936, с. 56; Веселовский 1888, с. 111). В.Ш.Бембеев считает, что основная масса калмыков вышла к Эмбе только в 1616 г. (Бембеев 1980, с. 9).

жили никем не занятые земли в Северном Прикаспии (Батмаев 1993, с. 35; История 1969, с. 51). Туда и намечался основной поход. Но мирзы вовсе не собирались безропотно бросать родину — ядро Мангытского юрта. Они пытались наладить антикалмыцкий союз и с Бухарой (НКС, 1617 г., д. 1, л. 31), и с Москвой, но без заметного результата. Если астраханские воеводы и выделяли стрельцов, то те, как указывалось выше, служили скорее для разжигания внутриногайских распрей. Правда, русское правительство отказывало и тайшам в военной помощи против ногаев (НКС, 1614 г., д. 2, л. 10, 11; 1617 г., д. 2, л. 56, 57).

В следующем десятилетии владения за Яиком и на Яике были полностью утрачены Большими Ногаями. Последние улусы (Тинмаметевых) потянулись оттуда к Волге (КК, 1622 г., д. 7, л. 18; НКС, 1626 г., д. 1, л. 29–32, 96; 1631 г., д. 1, л. 76). К концу 1620-х годов положение ойратских улусов на востоке ухудшилось. Тайши стали терпеть поражения в междоусобной борьбе и от халха-монголов с казахами. Это вызвало новый приток калмыков в западноказахстанские степи, на Яик и Эмбу (Борисенко 1985, с. 27; Миллер Г. 1941, с. 301, 302, 313 — приложение; НКС, 1626 г., д. 1, л. 29; 1628 г., д. 1, л. 156, 157).

К этому же времени относится и окончательное отделение улусов Хо-Урлюка (т.е. будущих собственно калмыков) и его переход в междуречье Волги и Яика, на разведанные в 1618 г. места, подальше от прибывавших с востока разгромленных ойратов. В 1628 г. он форсировал Яик и обрушился на Большую Ногайскую Орду. Сорок тысяч ее жителей оказались в его власти (Батмаев 1993, с. 34; Златкин 1983, с. 96; История 1969, с. 51, 52; Ку-м 1824, с. 301).

Бий Канай пытался срочно наладить мирные отношения с тайшами. Его посланцы отправлялись к ним с предложениями о «дружбе и совете», взаимной торговле и ненападении (Богоявленский 1936, с. 61–63; НКС, 1625 г., д. 1, л. 47–51, 79–81)[10]. Тайши тоже были не прочь уладить территориальные споры миром, соглашаясь на добрососедство. Но непрестанно прибывавшим из-за Эмбы калмыкам требовались новые земли, и дружественные связи установить не удавалось. Вместо дружбы и торговли продолжались стычки и набеги.

Восточные источники (Абу-л-Гази, Габан Шараб, анонимный автор «Истории калмыцких ханов») называют 1628 или 1630 г. временем покорения «мангатов» Хо-Урлюком либо его сыном Лоузаном во главе пятидесяти тысяч кибиток и выхода их к Волге. Та же трактовка событий встречается и в историографии (Батмаев 1993, с. 33; Бембеев 1980, с. 10; Веселовский 1888, с. 369; История 1969, с. 52, 157; Кононов 1958, с. 44, 45; Описание 1939, с. 194). Действительно,

---

[10] Информация Тинмаметевых о сговоре Каная с тайшами насчет совместных военных действий оказалась клеветой и при воеводском разбирательстве в 1625–1626 гг. не подтвердилась (НКС, 1626 г., д. 2, л. 21–36).

эти годы отмечены в Ногайских делах как время сильных ударов по Большой Орде: десятитысячное войско калмыков, сопровождаемое алтыульскими мирзами, угнало двадцать одну тысячу лошадей у бия Каная, который тут же перебрался на Крымскую сторону; в боях получил рану и потерял тысячу улусников нурадин Кара Кель-Мухаммед. Но это был лишь очередной набег, после которого калмыки вновь отошли к Яику (НКС, 1631 г., д. 1, л. 2–11, 25, 69, 76; д. 2, л. 45, 51).

В 1632 г. ставка Хо-Урлюка была учреждена на Волге (Борисенко 1985, с. 29). К тому времени его подданные обладали уже неоспоримым перевесом над прежними обитателями Заволжья. Массовый уход Больших Ногаев на волжское правобережье в конце 1633 и в начале 1634 г. породил распространенную точку зрения о тогдашнем решающем разгроме их калмыками[11]. Однако мирзы позднее объясняли свою миграцию не единовременным катастрофическим поражением, а многолетними ударами с востока (Миллер Г., 1941, с. 408, 409 — приложение; НКС, 1934, д. 6, л. 10, 39), да еще, как мы уже выяснили, насилием со стороны русских астраханцев. Н.И.Бичурин справедливо отмечал, что события 1633 г. не имели существенных последствий для истории калмыков, так как их основные кочевья продолжали оставаться на Яике (Бичурин 1833, с. 289).

Тайши регулярно угрожали ногаям полным разорением и истреблением, но бий Канай продолжал попытки договориться с новыми соседями и одновременно просил у русских военной помощи. Помощь ограничилась посылкой в Волго-Яицкую степь небольшого отряда стрельцов, который отбил у калмыков полон, и опросом сибирских воевод о местоположении калмыцких кочевий с приказом им при необходимости ударить в тыл Хо-Урлюку (Бичурин 1833, с. 290, 291; Богоявленский 1936, с. 69–71; Дополнения 1883, с. 815; НКС, 1633 г., д. 1, л. 91, 92, 95–97).

В 1630-х годах сформировался кочевой цикл калмыков на новоприобретенных землях. Летовья находились восточнее Яика, на Эмбе, Илеке и Иргизе; к зиме стада перегоняли через Яик к Большому и Малому Узеням, в верховья Самары, а иногда заходили и на Крымскую сторону (Бембеев 1980, с. 10). Воеводы в 1635 г. докладывали, что «колмацких людеи умножилось, и учали кочевать по Нагаиской стороне от Астарахани в ближних местех по Яику и от Яика к Белужью, от Астарахани днищах в трех и менши» (НКС, 1635 г., д. 1, л. 27).

Нет оснований полагать, будто полное вытеснение ногаев являлось целью Хо-Урлюка и прочих калмыцких вельмож. Им нужны были пространство для кочевания и покорные подданные. Первое они получили, количество вторых мечтали увеличить, различными посулами

[11] Очевидно, это мнение впервые было сформулировано А.А.Гераклитовым (Гераклитов 1923а, с. 212).

и угрозами привлекая беженцев обратно на Ногайскую сторону. Мирзы возвращаться отказывались, боясь полного истребления или закабаления. Редкие же и робкие попытки их наладить через Астрахань переговоры с Хо-Урлюком и его сыном Дайчином наталкивались на резкую отповедь воевод: «Миритца им, нагаиским людем, с калмыки не для чего. Ведают они, нагаицы, и сами, что калмыцкие люди им, нагаицом, искони вечные недруги, и миру у них с калмыки не соидетца». Единственный шанс на мир и спокойствие, по словам воевод, давала государева защита (НКС, 1636 г., д. 1, л. 9). Таким образом, русские власти не допускали самостоятельного, за их спиной, примирения кочевников. Впрочем, тайшам периодически направлялись запреты нападать на ногаев.

Не все ногаи захотели или успели уйти за Волгу. Союзниками тайшей оказались улусы потомков Шейх-Мамая — Алтыулов, которые кочевали по соседству или вперемежку с калмыками. Некоторые улусы Большой Орды тоже подпали под власть Хо-Урлюка и его сыновей (История 1969, с. 54–56; Нефедьев 1834, с. 18). Однако большинство их не пожелало стать зависимыми от новых владык. Чтобы заселить опустевшие степи, тайши в 1635 г. напали на Мангышлак. Часть тамошних туркмен была насильно переселена на север (Паньков 1960, с. 4).

Калмыцкое нашествие имело роковые последствия для исторических судеб Большой Ногайской Орды. Народная память связала ее окончательное крушение именно с калмыками (см., например, каракалпакские исторические песни — Сагитов 1962, с. 16, 34). Деморализованные полным разгромом ногаи, лишившись привычной территории кочевий, рассеялись по причерноморским степям.

Восточные дела. Калмыки постепенно закрыли Большим Ногаям путь на восток. Но в первые десятилетия XVII в. отношения с Сибирью, казахами и Средней Азией еще сохранялись. Впрочем, территория бывшего Сибирского юрта располагалась уже далеко от основных ногайских кочевий. В политической истории той эпохи значимыми оказались лишь связи некоторых алтыульских мирз с Кучумовичами (об этом см.: Миллер Г. 1941, с. 28–32 — текст, 150, 151, 179, 197 — приложение).

Контакты с казахами стали редкими. Основное население Казахского ханства, отбиваясь от наступавших ойратов, держалось в районе Семиречья, иногда радуя Больших Ногаев вестями о своих победах над переселенцами из Монголии (см., например: Акты 1914, с. 196). Бий Иштерек причислял казахского государя к своим союзникам (НКС, 1616 г., д. 2, л. 2). В 1621 г. коалиция халха-монголов, казахов и ногаев нанесла тайшам ощутимое поражение (Миллер Г. 1941, с. 272 — приложение; НКС, 1616 г., д. 2, л. 9, 10). Но это сотрудничество оказалось кратким и не помогло Большой Ногайской Орде в дальнейшем противостоянии с калмыками.

В 1610-х годах они вытеснили ногаев с Мангышлака (Каррыев и др. 1954, с. 219), чем практически прервали и ногайско-туркменские связи. Еще в 1611 г. нурадин Шайтерек зимовал «за Енбою на Карабулуне пот тюрхменцы» (Акты 1915, с. 27). Позднее лишь отдельные отчаянные головы, как мирза Арслан Хозятаев в 1622 г., решались тайно проникать «за Ембу под караганские и трухменские улусы» для угона лошадей или отправлять своих послов. Таковых повстречали в 1628 г. «в Трукмени» астраханские стрельцы, плененные Алтыулами. Имя посла и цель миссии остались им неведомы; они признались, что «толко ево в рожю и знают», а к туркменам его отрядил нурадин Кара Кель-Мухаммед (НКС, 1623 г., д. 1, л. 164; 1628 г., д. 2, л. 341, 342). По мере отступления ногаев кочевья туркмен продвигались к северо-западу, чему способствовали усилия калмыков подчинить их себе, а также истребительная по отношению к туркменам политика хивинских ханов в первой половине XVII в. (Агаджанов 1993, с. 41; Курбанов 1991, с. 7).

Что касается Хивы и Бухары, то отношения с ними на закате Большой Ногайской Орды более заметны. То и дело в документах первой трети XVII в. мелькают упоминания о посольствах в Мавераннахр и оттуда к биям и мирзам: 1614, 1616 (тогда посол Иштерека был по неизвестной причине казнен в Хиве), 1624, 1627 гг. (АИ, т. 2, с. 421; Акты 1914, с. 193; НКС, 1616 г., д. 1, л. 56; 1617 г., д. 1, л. 40; 1624 г., д. 1, л. 1, 2; 1627 г., д. 1, л. 437, 438; ПДП, т. 2, с. 170). Такая относительная активность объяснялась давними культурными и политическими связями Мангытского юрта с узбекскими ханствами. В 1643 г. бухарский хан Надир-Мухаммед просил московского государя разыскать в своих владениях ногайский полон и отослать в его, хана, распоряжение, так как «мы мусюльмани и они, нагайцы, мусюльманы ж, а мурзы нагайские кочевали поблиску предков наших, и меж ими дружба и любовь была» (Материалы 1932, с. 179). Как и ранее, кочевники из Ногайской Орды направлялись в Среднюю Азию. Там спасались от разгрома некоторые мирзы Тинбаевы во время третьей Смуты; туда собирались уходить Тинмаметевы в случае поражения от Урмаметевых и т.д. (НКС, 1615 г., д. 1, л. 9; 1616 г., д. 1, л. 89; 1619 г., д. 2, л. 354; 1620 г., д. 1, л. 73; 1626 г., д. 2, л. 185). Вероятно, очередной наплыв переселенцев произошел в 1620-х годах, после калмыцкого вторжения за Яик (Bregel 1982, p. 389). Впрочем, многие из них позднее вернулись на родину. Поскитавшись на чужбине, они делились впечатлениями: «Наперед де сево они... и под Бухары, и под Юргенчем были, и у них толко животы их роздели и учинили их без животов» (НКС, 1628 г., д. 2, л. 235).

Необходимость ногайско-узбекских контактов диктовалась также торговлей (в частности, продажей русского полона в Хиву и Бухару), совместными действиями против калмыков и участием мирз в междо-

усобицах Шейбанидов и Аштарханидов. Бухарцы в 1616 г. пытались договориться об ударе с двух сторон по тайшам, а после разгрома Большой Ногайской Орды — с московским царем о посылке русской и ногайской конницы на калмыков (НКС, 1616 г., д. 2, л. 2; 1617 г., д. 1, л. 31; 1633 г., д. 1, л. 58, 59, 90). Занятие калмыками земель по Яику привело к тому, что наиболее активные отношения узбеки поддерживали с восточным анклавом ногаев — Алтыулами. Мирза Шейх-Мухаммед б. Касим, внук Шейх-Мамая, принимал в своих кочевьях не только отдельных аристократов, но и множество хорезмийцев, которые спасались от притеснений хана Исфендиара в 1620–1630-х годах (Ахмедов 1985, с. 72, 124; Мунис 1969, с. 449, 450; НКС, 1626 г., д. 1, л. 16–21, 223–225; 1627 г., д. 1, л. 55, 56, 121, 122; Aboul-Ghazi 1871, р. 275, 290).

Крымские и османские дела. Ногаи в Крыму. Крымские государи первой трети XVII в. Саламат-Гирей и Джанибек-Гирей не смогли преодолеть традиционного предубеждения и подозрительности по отношению к Большим Ногаям. Заволжские кочевники тоже не изменили давней неприязни к крымцам. Однако обстоятельства порой складывались так, что двум Юртам приходилось завязывать тесные контакты, диктуемые политической обстановкой, которая становилась все более критической для ногаев. Вооруженных конфликтов между ними почти не было, но и союза не получалось, хотя бий Иштерек в 1613 г. выдал дочь за Джанибек-Гирея. Лишь изредка улусные ополчения присоединялись к ханским войскам ради добычи в походах на Украину или на горцев.

Когда Иштерек решил разорвать свои шертные обязательства перед Москвой, он предпочел искать покровительства у султана, чем вызвал резкое недовольство бахчисарайского двора — посредника Порты в делах Дешт-и Кипчака. Хан гневался, что принятием от падишаха знамени-санджака (символа власти) бий его «кабы поставил ни во что». Иштерек же в ответ на это возмущение и угрозы войны заявлял: «Турскои царь великои, и (бий. — *В.Т.*) под его рукою быть хочет... А крымскои царь мои ж брат и на Крыме посажен от турсково» (КК, 1614 г., д. 3, л. 64, 65). Крымские отряды начали набеги на правобережные кочевья ногаев. Это послужило одной из причин возвращения Иштерека под покровительство России (НКС, 1616 г., д. 1, л. 10, 11, 126; Новосельский 1948а, с. 94). Посольскому приказу было известно о напряженности в отношениях между Крымом и Большими Ногаями, и на него не производил впечатления наивный шантаж бия, заявлявшего о якобы готовности Джанибек-Гирея защищать его от внешних вторжений, о его намерении дать бию город Гёзлев, «чтоб мне с ним (ханом. — *В.Т.*) быти» (НКС, 1616 г., д. 2, л. 2, 3, 9, 10; 1617 г., д. 2, л. 20, 21). Конечно, тот не собирался уступать заволжскому правителю крупнейшую крепость

Юрта, но внимание к положению в Ногайской Орде проявлял постоянно.

Одним из знаков такого внимания была попытка утвердить Кара Кель-Мухаммеда на вакантный после 1619 г. бийский пост, о чем говорилось выше. Верховные иерархи ногаев не желали ни в малейшей степени зависеть от Гиреев и, чувствуя за собой поддержку царя и воевод, осмеливались на вооруженные вторжения в Причерноморье, доходя иногда до Перекопа (КК, 1623 г., д. 7, л. 136, 149, 150). Некоторые мирзы включились в династическую интригу, развязанную царевичем Шахин-Гиреем (НКС, 1620 г., д. 1, л. 76, 152, 156, 157–166; ПДП, т. 3, с. 530). Но большинство их в 1620-х годах уже начало автономное существование, и их политическая ориентация все более зависела не от общих интересов Орды, а от групповых устремлений враждующих кланов Урмаметевых, Тинмаметевых и др. Они переходили на Крымскую сторону Волги и вливались там в число ханских подданных. Уже в 1628 г. Джанибек-Гирей имел основания утверждать, что взял под покровительство ногайский народ (Материалы 1864б, с. 39). Наверное, самое массовое переселение произошло осенью 1636 г., когда многотысячные улусы Урмаметевых, ведомые калгой Хусам-Гиреем, двинулись на запад через Дон (Новосельский 1948а, с. 241).

Переселенцам из-за Волги предоставлялось обычное для крымских ногаев пастбищное пространство днепровских степей с гарантией «жить и по своеи воле, и по бусурманскои бы есте вере намазы пели и гауров (т.е. неверных, русских и украинцев. — *В.Т.*) бы есте воевали», а хан де будет обеспечивать защиту (НКС, 1633 г., д. 1, л. 135–137). Подданство оформлялось стандартными шертными договорами и выдачей мирз-аманатов (НКС, 1635 г., д. 1, л. 24, 25; 1637 г., д. 3, л. 154). Но на практике ногаи оказывались в стесненном, зависимом и унизительном положении. Заложников, случалось, содержали, как узников — в цепях; крымцы у новых соотечественников «жон и дочереи на постелю имал[и], лошади и коровы, и овцы резал[и] и лутчие люди и пансыри, и всякое оружие у них поотымали. Такое им насилство и позор чинили, чего они... николи над собою не видали» (НКС, 1635 г., д. 3, л. 12–13). Изъятие оружия диктовалось опасением мятежа озлобленных кочевников. Тем не менее беззащитность и оторванность от родины не слишком убавляли боевой пыл мирз и улусников. Им приходилось противостоять и ханским ополченцам, и донским казакам. Мощной поддержкой служило им старое ногайское население Крымского юрта.

А оно, опираясь на пришлых Больших Ногаев, выросло в ведущую политическую силу государства. Формула о «бесчисленных ногаях» прочно укоренилась в ханском титуле (см., например: Акты 1918, с. 179, 181; КК, 1629 г., д. 14, л. 12, 16; Лашков 1891, с. 73; Материалы 1864б,

с. 19; Фарфоровский 1914, с. 78). Но в действительности различие между крымскими мангытами (жителями ханства с XV в.), крымскими ногаями (Дивеевым улусом) и ногаями — поздними эмигрантами сохранялось. В документах то и дело перечисляются как понятия одного порядка «всего Крымского юрта люди наши (в том числе и мангыты-Мансуровы. — *В.Т.*) и Дивеева родства улусные люди... и все нагаиские люди», «нагаиские мурзы Мансурова родства и улусные люди, и Болших Нагаи, которые от Астарахани откочевали, мурзы и улусные люди... и всякие наши крымские и нагаиские люди», «Дивеевы и Мангытцкие князья и мурзы» и т.п. (КК, 1630 г., д. 17, л. 40; 1633 г., д. 24, л. 400–401; Лашков 1891, с. 82). Причем заволжские мирзы не испытывали иллюзий относительно легкой ассимиляции среди кочевников ханства и не воспринимали их как гостеприимных хозяев: «А... Мансуровы дети... коли нам друзья бывали? — риторически вопрошал в 1639 г. Джаббар-Мухаммед б. Дин-Мухаммед своих сыновей, ушедших к Гиреям. — От семи наших отцов крововые наши недруги. А ныне им с нами как в дружбе быть?» (НКС, 1639 г., д. 1, л. 97).

Может быть, наличием этих разных категорий ногаев объясняется разноголосица в сведениях об их численности, потому что иногда приводится количество только одной из них, а иногда — всего ногайского населения Юрта. Например, Жан де Люк, говоря о ханстве середины 1620-х годов, уверял, будто местные ногаи могут выставить пятьдесят тысяч всадников; но ниже оценивал число ногаев, кочующих между Черным, Азовским морями и Днепром, только в двенадцать тысяч (плюс две тысячи подчиненных султану аккерманцев и неназванное количество буджакцев) (Люк 1879, с. 485, 488). Крымский нурадин Мубарек-Гирей в 1633 г. угрожал царю Михаилу Федоровичу «государство ваше конскими копытами стоптати» силами ста тысяч татар и сорока тысяч ногаев (КК, 1633 г., д. 24, л. 26 об.). А астраханский воевода Ю.П.Буйносов в 1627 г. считал, что общее число мирз и улусных людей Мансуровых — всего около двух тысяч (НКС, 1627 г., д. 1, л. 221).

Размещенные в степях кочевники должны были ежегодно отправлять в Бахчисарай ясак, а их предводители являться на тронный прием для демонстрации своей лояльности (Броневский 1867, с. 357). Вместе с аманатством и конфискацией оружия такой режим подданства призван был гарантировать закрепление их в Юрте. Кроме того, пришлых кочевников старались рассредоточить по Причерноморью — во-первых, во избежание опасной концентрации в одном месте, во-вторых, для облегчения их прокормления. И все же мигрантов было столько, что скудные ресурсы степной зоны ханства оказывались не в состоянии обеспечить их пропитанием. В конце 1630-х годов «учела быть от тех нагаицов в Крыме хлеба болшая дороговь, [про?]пажа стала чинитца (т.е. массовое воровство хлеба? — *В.Т.*)», отчего крымцы

в очередной раз «тех... нагаицов всех прогнали на степь», подальше от Перекопа (КК, 1638 г., д. 1, л. 1).

Наличие фактически трех мангыто-ногайских улусов привело к появлению сразу и нескольких беков. В конце XVI — начале XVII в. потомки Дивея б. Хасана сохраняли прежний порядок: старший в их семье становился мангытским карачи-беком (Арсланай б. Дивей, Касим б. Дивей, Сулюм б. Арсланай, Арслан-Шах б. Есеней б. Дивей — см.: Лашков 1897, с. 55). В 1610–1620-х годах в источниках появляются одновременно «князья» Азамат, Али и Бахадур, затем Али, Хантимур (Кантемир) и Гулим (КК, д. 17, л. 40, 42; Савелов 1906, с. 83). Хотя все они доводились друг другу братьями, титулы у них были разными. Мангытскими верховными беками (карачи) были Азамат, затем Али; беками Дивеева улуса — Бахадур, затем Али, за ним Хантимур. Огромная конница позволила потомкам Эдиге превратиться в «жандармов», «делателей королей» Крыма (по выражению А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже — Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1972, p. 332), что в определенной мере выглядело как восстановление древней мангытской привилегии.

В 1621 г. крымско-османское войско потерпело поражение в войне с Венгрией. Хантимур, правивший ногайским улусом в Ак-Кермане (Белгородской Ордой), счел это удобным поводом для перехода в турецкое подданство, за что получил титул паши и полномочия по обороне имперских границ в Юго-Восточной Европе. Данная политическая комбинация резко упрочила положение Хантимура и соответственно роль ногаев в Крымском государстве. Трон окружили родичи и соратники Хантимура. После многолетних интриг и сражений к концу 1630-х годов Гиреям удалось разгромить ногайскую группировку. Хан Бахадур-Гирей учинил массовые казни мансуровских мирз (об этих событиях см.: д'Асколи 1902, с. 107, 113; Новосельский 1948а, с. 100, 101, 186, 187, 248, 249, 283).

В крымско-ногайских отношениях всегда незримо присутствовала третья сторона — Порта. Давние противоречия с Гиреями делали для Больших Ногаев более приемлемым покровительство султана. В 1613 г. Иштерек изъявил готовность перейти под власть Стамбула, отправил туда в аманаты своего сына Джана и получил от османского государя «пророка нашего саблю[12] и знамя да триста платеи золотных, а мелкои казны что прислал... и счету не было». Ближайшей целью бия было добиться военной помощи для захвата Астрахани, а по возможности и других волжских городов. Однако своевременное снаряжение в Стамбул посольств из Москвы с изложением истории русской Смуты и вестями о ее завершении предотвратило участие турок в авантюрах

[12] Символическая сабля Пророка служила знаком готовности борьбы с неверными. Опоясывание ею входило в ритуал коронации султана в стамбульской мечети Эбу Эдджуб (Фодор 1996, с. 30).

Иштерека. Отметим при этом, что на словах султан Ахмед II не отказывался от сотрудничества с ногаями против России — при обязательном условии быть «в соединенье» с Крымом и казыевцами. Такая коалиция бию была не нужна, но свои антирусские акции он совершал, прикрываясь фиктивным османским подданством и ссылаясь на волю своего нового повелителя (позднее имперское правительство с негодованием отвергало свою причастность к ногайским набегам и приписывало их самовольству кочевников) (КК, 1613 г., д. 3, л. 64, 65; НКС, 1613 г., д. 5, л. 157, 158, 205, 206, 224, 235; 1614 г., д. 3, л. 65; 1615 г., д. 1, л. 67–69).

Как мы уже знаем, глава Большой Ногайской Орды решил в конце концов вновь примкнуть к Москве и прикочевал к Астрахани. Письма из Стамбула были им переданы царским дьякам, а свои бесчинства и набеги он объяснял то непослушанием мирз, то интригами турок и крымцев. И тех и других привел в ярость этот очередной политический кульбит. «Он, Иштерек князь, своеи мусулманскои веры от турского царя гнев и кручину на себя навел и от него отстал, и крымского *царя писма к себе ни о чем не слушал»*, — *пересказывали воеводы* Иштерековы речи в 1616 г., в которых провал его неумелой и безуспешной дипломатической тактики преподносился как доказательство изначальной преданности русскому государю. Следующий посол Больших Ногаев в Турцию был казнен по приказу султана (НКС, 1616 г., д. 1, л. 56, 126). Дальнейшие попытки заволжских кочевников добиться расположения Порты предпринимались в то время, когда они уже жили главным образом на Крымской стороне и фактически влились в состав населения Крымского ханства или Малых Ногаев.

Кавказские дела. Постоянное продвижение Больших Ногаев к западу неизбежно приводило к более тесному их соприкосновению с народами Северного Кавказа. В степном Предкавказье появлялось все больше улусов, и эта зона постепенно стала рассматриваться как часть Большой Ногайской Орды. В ноябре 1604 г. Иштерек обязался в шерти кочевать у Астрахани и «к Терку»; пространство между Волгой и Тереком он теперь трактовал как свои, бийские земли (Акты 1918, с. 107). В начале 1610-х годов, спасаясь от калмыков, бий перебрался на волжское правобережье и разместил своих подданных на пространстве от Кумы и Терека до Кубани. Ставка его, совместная с нурадином Шайтереком, находилась в Пятигорье (НКС, 1613 г., д. 4, л. 14; 1614 г., д. 3, л. 56; 1615 г., д. 10, л. 3; 1616 г., д. 1, л. 44). Во время примирения с Россией он приближался к Астрахани, но правое крыло Орды во главе с нурадином так и оставалось на Северном Кавказе. «И по Терку... ногаиские люди вызнали броды и перевозы, и ездят ногаиские люди в Кумыки и в Кизылбашскую землю (Азербайджан и Иран. — *В.Т.*), а кумытцкие люди провожают ногайских многих торговых людеи в Кумыки и из Кумык» (НКС, 1619 г., д. 1, л. 144).

Для контактов с русскими властями эти западные Большие Ногаи пытались использовать крепость Терки, стремясь уговорить тамошних воевод принимать у них шертные обязательства и аманатов. Воеводы отказывались, ссылаясь на государев приказ вести ногайские дела их астраханским коллегам. Но в 1616 г., чтобы не отвратить окончательно Шайтерека с его улусами от русских, терцы получили указание взять у него шертную запись (НКС, 1616 г., д. 3, л. 25, 26, 38–44, 71, 72). После наплыва кочевников из-за Волги в 1630-х годах Закубанье и левобережье Кубани тоже превратились в ногайские пастбища (Очерки 1967, с. 145).

По-разному воспринимали появление по соседству масс ногаев кавказские владетели — кабардинские князья и дагестанские шамхалы. Давние исторические связи и боязнь настроить мирз против себя заставляли их искать пути к мирному сожительству с пришельцами. Иштерек в 1608 г. сватал за своего старшего сына, Мухаммеда, дочь кабардинского Гази Пшеапшокова, с которым позднее поддерживал дружеские контакты и именно от него впервые узнал о воцарении в Москве М.Ф.Романова (Акты 1914, с. 176, 177; НКС, 1613 г., д. 4, л. 13, 14). Избегал лишних конфликтов и заброшенный судьбой на Северный Кавказ нурадин Шайтерек. После перемещения большинства улусов в 1630-х годах на Крымскую сторону шамхал Султан-Мухаммед убеждал кековата Джан-Мухаммеда и мирз его группировки «блиско быти к горам и к нам», чтобы вместе противостоять врагам; тем более что «от отца (предка. — *В.Т.*) вашего Исмаиля мы были други и братья» (НКС, 1635 г., д. 1, л. 74, 76, 77).

Но случались и столкновения; в силу своей политической значимости они подробно отражены в источниках. Ногаи принимали участие в борьбе кабардинских правителей друг с другом и в походах русских воевод на «изменивших» князей. Не оставались в долгу и горцы, которые громили степные стойбища (АИ, т. 2, с. 424; Ахмадов 1988, с. 75; Исаева 1981, с. 18; История 1988, с. 336, 337; Кабардино-русские 1957, с. 90, 406; КК, 1615 г., д. 3, л. 193; Кушева 1963, с. 86; Мальбахов, Дзамихов 1996, с. 141–147; Мальбахов, Эльмесов 1994, с. 122–131; НКС, 1613 г., д. 5, л. 238; 1616 г., д. 1, л. 46, 47, 58, 65, 66; д. 2, л. 1; Шмелев 1992, с. 49).

Через Дагестан проходили маршруты, связывавшие Большую Ногайскую Орду с Ираном. Держава Сефевидов всегда находилась на периферии политических интересов народов Дешт-и Кипчака. Тем не менее именно в первой трети XVII в. контакты с Ираном стали заметнее, чем в прошлом столетии. Шах Аббас представлялся Иштереку одним из монархов, под чью опеку можно было перейти после разрыва с Москвой в 1610-х годах. Стороны обменивались посольствами, шли переговоры о браке дочери бия с Аббасом, славшим в степь щедрые подарки. Терские воеводы пристально и настороженно следили

за этими связями, но не решались препятствовать и лишь аккуратно доносили о них в Посольский приказ (КК, 1617 г., д. 4, л. 9; НКС, 1615 г., д. 4, л. 4; 1617 г., д. 1, л. 8; д. 2, л. 18; 1619 г., д. 1, л. 53; ПД, д. 6, л. 242, 244, 352, 443 об.–445; ПДП, т. 3, с. 644–646). Интерес иранского правительства к ногаям может быть объяснен вековым противостоянием с османами, стремлением запереть крымским и турецким войскам проход к иранским владениям в Закавказье через Дагестан и для этого завязать отношения с Кабардой и ногаями (Кушева 1943, с. 65, 66)[13].

Казацкие дела. Яик был утрачен Большими Ногаями в результате не только калмыцкого нашествия, но и постепенной казачьей экспансии, начавшейся в последней четверти XVI в. Казаки первое время избегали подчиняться Москве или провинциальным воеводам и держались самостоятельно. Летом 1614 г. они приютили бежавшего из Астрахани И.Заруцкого с ногайскими аманатами и не подчинились требованиям астраханских властей выдать бунтовщиков. В итоге стрелецкие отряды двинулись к Яику, «казаков многих побили и городок их взяли, и до основанья розорили, и знамена и зелье, и селитру поимали» (НКС, 1614 г., д. 3, л. 3, 4, 12). С этого времени яицкие жители не решались конфликтовать с Россией, к тому же в обстановке хаоса, вызванного наступлением калмыков и отходом ногаев, казаки закрепили за собой полосу земли вдоль правого и левого берегов реки по десять верст шириной; пастбища в устьях притоков Яика — Сакмары, Илека, Чагана оказались в совместном пользовании казаков, ногаев, калмыков, башкир и позднее казахов (Бекмаханова 1993, с. 86).

Общины волжских казаков в XVII в. были уже малолюдны, но оставались весьма агрессивными. Их обитатели обрушивались на разоренные ногайские улусы, причем передвигались в стругах, неся небольшой урон из-за неумения кочевников отражать атаки с реки (в этом признавался бий Иштерек). Как и десятилетия назад, воеводы уверяли, будто это «воры», не подчиняющиеся государю, и предлагали мирзам истреблять их вместе с русскими стрельцами. Беззащитные кочевники, рассеявшиеся по степям и берегам проток нижней Волги, представляли собой легкую добычу, поэтому волжские казаки не желали переселяться в Донское Войско и считали более прибыльным жить независимо, на Больших Ногаев «приходить и их громить — тем... будучи на Волге, хотят кормитца» (Акты 1918, с. 139, 140; НКС, 1604 г., д. 3, л. 189–192; 1619 г., д. 1, л. 30).

---

[13] Интерпретация событий Е.Н.Кушевой находится в полном соответствии с логикой всей предшествующей истории ирано-турецких отношений и борьбы двух держав друг с другом (в частности, за Закавказье). Мнение П.П.Бушева, будто шах Аббас опасался захвата турками Астрахани во время русской Смуты (Бушев 1987, с. 103), выглядит менее убедительным, так как исфаханский двор слабо ориентировался в восточноевропейских делах.

Растекаясь по южнорусским степям, степняки чаще общались теперь с донцами. На Дону к 1630-м годам произошла централизация управления, образовалось Войско. До начала царствования Михаила Романова казаки Дона были независимы от России, и отношения с ними до второй половины 1610-х годов носили в целом нерегулярный характер (Мининков 1994, с. 112, 113). С 1629 г. вся официальная переписка Москвы с ними велась через Посольский приказ на имя Войска Донского и его атаманов (Михайлова 1956, с. 144, 145). Признание его в качестве самостоятельной военно-административной структуры зафиксировано, очевидно, в царской грамоте от 22 октября 1625 г. (Пирко 1988, с. 13, 14).

Воинская доблесть и относительная дисциплинированность обитателей донских берегов, их географическая близость к Крыму побуждали правительство искать пути для привлечения их на свою сторону и для своих целей — на «службу». Последняя заключалась, помимо прочего, в сборе сведений о деятельности турок в Азове, крымцев и прочих народов на пространстве от Каспия до Днепра.

Что касается ногаев, то их предписывалось убеждать переходить под покровительство государя, а над несогласными «промышлять и поиск чинить», а также отбивать у них русский полон (для подобных акций из России казакам шли боеприпасы). Дипломатические функции казачества заключались в розыске по пастбищам мирз и передаче им царских грамот, охране и сопровождении через степи восточных, в том числе ногайских, посольств [в 1615 г. за аккуратное выполнение этой задачи донцам была дарована «повольная» (беспошлинная) торговля в пограничных городах] (Кобяков 1955, с. 63, 64; Материалы 1864а, с. 23; Михайлова 1956, с. 152; СГГД, ч. 3, с. 370, 428, 429; Смирнов Н. 1946, с. 5, 6; Соловьев 1990, с. 61; Тхоржевский 1923, с. 23; Щелкунов 1915, с. 125, 126).

Донцы без особой охоты принимали на себя обязанности проводников и курьеров. С бóльшим удовольствием они готовы были громить степные стойбища. Российское правительство и воеводы не раз были вынуждены отговаривать их, убеждая в нецелесообразности набегов (см., например: НКС, 1614 г., д. 2, л. 36; 1623 г., д. 1, л. 23–26). Впрочем, самым вожделенным объектом нападения в глазах казаков все же были не бедные кибитки скотоводов, а турецкая крепость Азов. Единственная добыча, которой могли привлечь их ногаи, — это полон, за который можно было получить выкуп. Примером подобной операции служит вызволение внука казыевского бия; за него донцы затребовали пять тысяч алтын и сошлись на четырехстах лошадях и трехстах быках (НКС, 1627 г., д. 1, л. 262, 263; 1628 г., д. 1, л. 19, 20).

Неудивительно, что мирзы то и дело просили «свести» беспокойных соседей с Дона. Московское правительство всякий раз отказыва-

ло, ссылаясь то на неподконтрольность ему донцов, то на их верную службу и отсутствие причин для выселения («А толко перед царским величеством вашего исправленья не будет, и царское величество велит на Дон атаманов и казаков ещо прибавить») (НКС, 1615 г., д. 6, л. 6, 52; д. 7, л. 23, 28, 56; 1617 г., д. 4, л. 14).

Иногда общение принимало и абсолютно бесконфликтные формы. Мирзы и улусники ходили вместе с казаками на крымцев, казыевцев и азовцев. Из станиц в улусы везли мед, неводы, лодки и железные котлы — в обмен на продукцию скотоводов (Алексеева 1991, с. 70).

Главным же показателем взаимодействия ногаев и донцов стало их смешанное проживание. В 1620-х годах появляются сведения о «донских татарах». Османский сановник Ибрагим-паша в 1624 г. просил царя запретить им нападать на крымские владения, но через два года они вместе с казаками вновь совершили набег (Янчевский 1930, с. 142). В ноябре 1627 г. русские послы в Бахчисарае говорили местным придворным, что на Дону живут «и ни одни руские люди — и татаровя, и черкасы, и литва; многие не столко казаков, сколко черкас и литвы, и тотар» (КК, 1628 г., д. 23, л. 101). Именно последние посредничали в общении донцов с Большими и Малыми Ногаями, когда «по... государевым грамотам посылали многижды... от Воиска своих донских тотар» для переговоров (ДД, 1638 г., д. 4, л. 6).

Со временем донские татары образовали одну из административных единиц Войска Донского и заселили особую Татарскую станицу, где имелась мечеть (Черницын 1990, с. 74; Черницын 1992, с. 108–110). Они несли службу наравне с прочими казаками и управлялись по принципу казачьего круга. Предположение С.В.Черницына о том, что в составе этой группы казачества преобладали выходцы из Ногайской Орды, подтверждается встреченным мною упоминанием о племенной (элевой) ее принадлежности: «донские татары кенегежского родства», т.е. ногайского эля кенегес (НКС, 1639 г., д. 1, л. 14). Эти татары формировались из военнопленных и добровольных переселенцев — одиночек или целых улусов (особенно в конце 1630-х годов) (Черницын 1987, с. 39, 40).

Казачья легенда связывает начало массовой ногайской миграции на Дон с романтической историей. Ногайский князь Иштерек, что кочевал в Прикумье, задумал излечить больную дочь в целебных ключах у Дона. Там княжну увидел и влюбился в нее казачий атаман Сары-Азман. Ночью девушка сбежала к нему. Иштерек бросился было в погоню, но упал с коня и разбился насмерть. Большинство ногаев, его подданных, после этого ушли к Сары-Азману и стали вольными казаками (Скрипов 1973, с. 38). Впрочем, бывали и случаи ухода казаков в Орду, о чем свидетельствуют «поручные записи», дававшиеся казаками при зачислении на государеву службу. Они содержали кроме прочего обязательство не отъезжать «в Нагаи» (АМГ, т. 1, с. 181, 298).

В первой трети XVII столетия закончила свое существование Большая Ногайская Орда. Однако ногаи не исчезли с лица земли. Напротив, они расселились на огромных пространствах Восточной Европы и Центральной Азии, влившись в состав различных народов и государств. Кроме того, они образовали еще два улусных объединения — Малую Ногайскую Орду и владение Алтыулов[14].

[14] Глава о Малой Ногайской Орде и Алтыульском улусе была написана, но не вошла в окончательный вариант книги.

Глава 10

Между Сырдарьей и Дунаем

Ногайские улусы в середине XVII в. В мае 1640 г. мирза Султанаш (Султан-Ахмед) б. Аксак Кель-Мухаммед Тинмаметев сказал послу Н.И.Белосельскому, что в Ногайской Орде было четыре высших поста — бий, нурадин, тайбуга и кековат, «а ныне де те чины извелись, и Нагай изсяк» (НКС, 1639 г., д. 12, л. 361, 362). Последняя фраза как нельзя более точно передает состояние бывшей Орды, хаос и рассеяние ее улусов. А.А.Новосельский, досконально изучивший ситуацию в степях того периода, отметил, что самой многочисленной являлась группировка улусов, разместившихся между Астраханью и Тереком. Но и она была раздробленной. Влиятельнейшим из тамошних мирз русские власти считали именно Султанаша Тинмаметева, хотя кроме него были мирзы и старшего поколения.

В частности, был еще жив кековат Джан-Мухаммед, дядя Султанаша, — в тот период уже «личность довольно незаметная», по наблюдению А.А.Новосельского (Новосельский 1948а, с. 362). Так что утверждение о вакантности всех верховных ногайских должностей оказалось неточным[1]. Последнее замеченное мною упоминание о живом ковате Джан-Мухаммеде содержится в отписке астраханских воевод от октября 1648 г.; 13 июня того же года в Астрахань была доставлена его челобитная с жалобой на бесчинства и набеги мирзы Чобана б. Ураз-Али Иштерекова (НКС, 1648 г., д. 1, л. 406, 407, 448).

Астраханско-терская группировка состояла из подданных тридцати мирз Тинмаметевых во главе с кековатом (1700 человек) и тринадцати мирз Иштерековых во главе с Бием б. Иштереком (4185 человек) (НКС, 1640 г., д. 11, л. 75 об., 76, 219). Что же касается Урмаметевых, то основная их масса ушла с улусами в Крымский юрт.

Идея консолидации не угасла среди ногаев. Изредка предпринимались попытки обзавестись бием. Султанаш Тинмаметев рассказывал князю Белосельскому, что кековат Джан-Мухаммед «пожалован был

[1] Впрочем, возможно, что оказался свободен и пост тайбуги, так как последний тайбуга, Султанай Шихмамаев, действительно не упоминается после 1640 г.

в Крыму княженьем», поэтому является неприемлемой кандидатурой для утверждения в качестве верховного правителя, и советовал московским политикам подыскать другую (явно намекая на себя) (НКС, 1639 г., д. 12, л. 363). Русские дипломаты, как и Султанаш, не считали жековата подходящей фигурой для лидерства над рассеянными ногаями. Поэтому когда в 1641 г. Джан-Мухаммед обратился к царю с просьбой посадить его на «большое княженье» (поскольку он «в нагаиских мурзах... старее всех»), ответ ему дали уклончивый и в конце концов оставили без последствий.

Впрочем, на всякий случай Посольский приказ приготовил сводку истории ногайско-русских отношений и обряда провозглашения бия в Ногайской Орде в XVII в. (НКС, 1640 г., д. 11, л. 3; 1641 г., д. 5, л. 25–29).

Следующую попытку мирзы предприняли в 1651 г., предложив пожаловать «княжеским» званием Али б. Саты Урусова (Новосельский 1994, с. 54). На сей раз в Москве серьезно занялись этим вопросом, детально расписав последовательность торжественного ритуала «коронации» в Астрахани (вплоть до показной массовости на улицах — «стрелецким и посадским и всяким жилецким людям велеть ходить по площади и по улицам, чтоб было людно»). Для будущего бия «имярек» (оставалось вписать имя) была заготовлена шертная запись с обязательствами кочевать под Астраханью на Ногайской стороне, воевать с царскими «непослушниками» и подчиняться местным воеводам (СГГД, ч. 3, с. 465–471). Но опять правительство раздумало назначать ногаям единого предводителя.

Время от времени в разных улусных группировках появлялись свои лидеры, которым удавалось консолидировать вокруг себя некоторое число подданных. Так, «Касаеву половину» Малых Ногаев в 1640-х годах возглавили сыновья казыевского бия Касима, Султан и Науруз, вождем «Ураковой половины» являлся Али б. Хорошай Ураков (НКС, 1643 г., д. 1, л. 320 и сл.; д. 4, л. 219 и сл.; 1646 г., д. 1, л. 60).

Ногаи расселились по всему степному Предкавказью — от Аграханского залива до Азова. Они в большом количестве проникли в Черкесию (из-за недостатка места заняв даже пещеры), заполнили отарами и табунами кубанские степи, оттеснив бесленеевцев (Алексеева 1957, с. 40; Алексеева 1971, с. 203; Кушева 1963, с. 141, 142; Оразмамбетова 1993, с. 126; Федоров 1983, с. 118; Эвлия Челеби 1979, с. 52, 53, 75, 90, 91). Наплыв ногаев на Северный Кавказ вызвал их активное взаимодействие с местными владетелями и народами. Мирзы распределились между противоборствующими горскими правителями. В июле 1641 г. на реке Малке в Кабарде состоялось сражение между войсками шамхала Айдемира и кабардинского князя Кельмамета Куденетова с одной стороны и кабардинских же князей Алегука и Ходокжука — с другой. В обоих войсках состояли ногайские

отряды. Шамхал и Кельмамет потерпели поражение (Гашимов 1970, с. 11; История 1988, с. 303; Кабардино-русские 1957, с. 208, 209). Боевое сотрудничество помогло ногаям и черкесам отразить калмыцкое нашествие в 1644 г. (Эвлия Челеби 1979, с. 87, 88, 229, 230).

Неудивительно, что кочевые улусы, оказавшись в окружении местных оседлых жителей, постепенно меняли свой скотоводческий уклад, начинали обзаводиться стационарными поселками и иногда переходили в подчинение к черкесским князьям или шамхалу. Впрочем, вспышки политической самостоятельности случались и в эту пору рассеяния; порой ногайские предводители пытались активно действовать по отношению к окрестным правителям. Особенно заметной в середине XVII в. была военная и дипломатическая роль мирзы Чобана б. Ураз-Али, главы клана Иштерековых (см.: Материалы 1835, с. 58; Статейный 1970, с. 259; Стрейс 1935, с. 368, 369). В 1660-х годах он «был избран... главой всего ногайского народа» (Эвлия Челеби 1979, с. 52) — народа, конечно, лишь подвластного ему и кочевавшего в Черкесии.

Вслед за основной массой кочевников из бывшей Ногайской Орды на правобережье Волги стали переселяться калмыки. В 1642 г. они появились в сальских степях и завязали дружественные контакты с донцами (Бембеев 1980, с. 10). Целью этой миграции было не только расширение кочевого пространства, но и погоня за ногайскими улусами, которых тайши стремились убедить или заставить перейти в подчинение себе. В Заволжье к 1640-м годам калмыки стали преобладающей политической силой (за исключением, естественно, русских). Их политика по отношению к местным кочевникам была довольно жесткой, и те ногаи, что успели откочевать от тайшей, не желали давать им каких-то обязательств; а те, что оказались завоеваны ими, не решались или не могли уйти из-под власти новых правителей (Бичурин 1833, с. 82; Эвлия Челеби 1961, с. 193, 194, 264, 265; Howorth 1965a, p. 562, 563; Le khanate 1978, p. 185). Попытки покорить мирз Крымской стороны не увенчались успехом. Большой поход тайши Хо-Урлюка в Кабарду в 1644 г. закончился полным разгромом его рати. Сам Хо-Урлюк и три его сына погибли в сражении (Кабардино-русские 1957, с. 244; Эвлия Челеби 1979, с. 87–91).

Калмыцкие предводители включили в число своих подданных части заволжских и заяицких объединений ногаев Едисан и Джембойлук. Улусники этих объединений кочевали вместе с калмыками и участвовали вместе с ними в различных военных предприятиях. Ставка главного тайши располагалась в бывшем центре Мангытского юрта на Яике (АМГ, т. 2, с. 196; Материалы 1932, с. 313, 314, 30; Миллер Г. 1941, с. 496 — приложение). Эвлия Челеби, описывая владения разных тайшей в 1660-х годах, отмечал, что у двух сыновей Хо-Урлюка состоит под началом пятьдесят тысяч ногаев, а у другого «тайша-шаха» имелось-де

войско «два раза по сто тысяч» на Яике и «шесть раз по сто тысяч» некалмыцких воинов в Заволжье (Эвлия Челеби 1979, с. 165, 173, 174).

Сами тайши рассматривали заволжские кочевья как военную добычу, отбитую у Ногайской Орды. В 1649 г. сын Хо-Урлюка, Дайчин, парировал упрек посла И.И.Онучина в несанкционированном заселении калмыками Волго-Яицкого междуречья: «Земля... и воды — Божьи, а преж... сево та земля, на которых мы и ногаицы ныне кочюем, была ногаиская... И мы... на те места пришед, и ногаицов с тово места збили. И ногаицы... после тово кочевали под Астараханью. А мы... калмыки, после ногаицов кочюем по тои земле по се число. А как... мы под Астараханью ногаиских, едисанских иембулуцких мурз и улусных их татар саблею взяли, и мы... по тем рекам и по урочищам с теми ногаицы по сю пору и кочюем вместе по прежнему, потому что они, ногаицы, ныне стали наши холопи. А наперед сего по тем местам кочевали они. И нам... в тех местех и ныне за что не кочевать?» (КД, 1649 г., д. 5, л. 23). Оттесненные на запад, ногаи пытались найти опору против врагов не только среди горцев, но и у крымцев, и у украинцев («мы... вам поможем на ляхов, а вы... черкасы, нам помогите на калмыков») (АМГ, т. 2, с. 313).

Мигрируя в Причерноморье, Большие и Малые Ногаи поневоле сталкивались с проблемой отношений с Гиреями, с вопросом о подданстве им. Расселялись они главным образом на обширной территории Дивеева улуса между Доном и Днепром (часть уходила дальше на запад, в Бессарабию). Но даже это степное пространство для огромных стад, которые все прибывали из-за Волги, оказывалось тесным. Ханы видели в пришельцах дополнительную военную силу для своего Юрта, хотя и не особенно доверяли им по причине частых устремлений мирз вступить в контакты с русскими и османами за спиной Бахчисарая (Новосельский 1994, с. 94; Санин 1987, с. 57, 58). Дополнительным раздражающим фактором были сепаратные связи ногаев с Богданом Хмельницким (Санин 1987, с. 58, 59).

Идеологически подчинение ногайских улусов Крыму было давно подготовлено. В 1640-х годах, как и в предыдущие десятилетия, крымские правители продолжали рассматривать их как своих «рабов и слуг» (*куллар ва карачилер*) (Материалы 1864б, с. 397, 398, 401, 408).

Улусы сохраняли свою внутреннюю структуру и мирз, но получали из Бахчисарая наместников: сераскера — как правило, члена правящей династии, а также каймакама, находившегося на ханском жалованье (Черенков 1989, с. 46). Во второй половине XVII в., по информации турецких источников, ногаи Крымского юрта делились на четыре отдела, или разряда: Большие Ногаи (*Улу Ногай*) — главным образом подданные Урмаметевых; Мансур-улы, т.е. крымские мангыты, изначально проживавшие в ханстве; Шайдак-тамгасы — часть Малых Ногаев, мирзы которых происходили от Саид-Ахмеда

б. Мухаммеда б. Исмаила (другое название этой группировки — Касаевы); Малые Ногаи (*Киши Ногай*) — улусы мирз Ураковых и Мамаевых из бывшего Казыева улуса (Смирнов В. 1887, с. 334).

По-прежнему оставалось четкое различие между крымскими мангытами-Мансуровыми и собственно ногаями. Потомки Мансура б. Эдиге, в отличие от заволжских мирз, уже прочно внедрились в высшую аристократию Крыма и в XVIII в. сравнялись в ранге с ведущим татарским родом Ширин (Иналджык 1995, с. 76; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 178, л. 128). Эвлия Челеби называл их «хозяевами на Крымском острове» (Эвлия Челеби 1979, с. 37). Только Ширины и Мансуры имели в своих кланах собственных калгу и нурадина, по аналогии с ханской семьей (Вельяминов-Зернов 1864, с. 416).

Значительная часть выходцев из Большой Ногайской Орды обосновалась под Астраханью в так называемых юртах — полукочевых поселениях. Первые известия о заселении оседающими заволжскими кочевниками юртов относятся, видимо, к 1580-м годам (Арсланов, Викторин 1995, с. 341, 354; Исхаков 1992, с. 14, 15). В литературе высказано мнение о своеобразном перерыве (интерстадиале) в этническом развитии тюрок Нижнего Поволжья, когда население Астраханского ханства в преддверии русского завоевания оставило родину, а его место заняли ногаи (Викторин 1991а; Викторин 1995, с. 8). По известным мне источникам я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть тезис об «интерстадиале». Однако В.М.Викторин совершенно прав, отождествляя астраханских татар конца XVI–XVII в. с ногаями. Это его суждение полностью согласуется с данными документов того времени. Например, в 1633 г. крымцы выдвинули русской стороне претензии: «***астраханские татаровя*** воюют и многие стада отгоняют» у ханских подданных. Московские гонцы отвечали на это: «А которые ***нагаиские татаровя*** учинились под... царского величества высокою рукою в холопстве, и те... вашему Крымскому юрту никакова зла не учинят; то слово говорите затеиное» (т.е. умышленно искаженное) (КК, д. 24, л. 291, 294 об.–295). То есть под «астраханскими татаровями» подразумевались те «нагайские татаровя», что «учинились» в русском подданстве.

Другим их обозначением было «юртовские татары». В начале 1620-х годов астраханские воеводы сообщали Посольскому приказу, что «толко пожалует государь — укажет, кому быти из нагаиских или из юртовских мурз на княженье, — тот и будет нагаиским людем люб» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 353). Следовательно, юртовские мирзы являлись одновременно и ногайскими, поскольку из их среды мог быть избран бий Большой Ногайской Орды. Происхождение юртовцев от Больших Ногаев[2] выводится и из прямого указания в статейном списке послан-

[2] Существенным аргументом в пользу такого происхождения служит кипчакско-ногайский субстрат языка астраханских юртовцев (см.: Арсланов 1976, с. 4 и сл.).

ников в Крым С.Извольского и С.Зверева 1638 г.: «А по Донцу... кочюют астараханские татаровя Болшого улусу» (т.е. Большой Ногайской Орды. — *В.Т.*) (КК, 1637 г., д. 31, л. 7). Однако в глазах тюркского населения Восточной Европы астраханские тюрки уже не были собственно ногаями в силу проживания их в пределах Московского царства. Это видно из послания хана Джанибек-Гирея царю Михаилу Федоровичу 1628 г., где адресант сетует на тщетность своих надежд по поводу прекращения набегов астраханских татар *и* ногаев (в оригинале: *Хаджи Тархан татар ва ногай*) (КК, 1629 г., д. 14, л. 12, 17).

Внутренний состав юртовцев должен был бы повторять племенную структуру Ногайской Орды. Однако указание на принадлежность человека к определенному элю мне удалось встретить лишь однажды: «юртовские татаровя трукменцы Итак да Янкуват с товарыщи» (НКС, 1626 г., д. 2, л. 5). В остальных многочисленных случаях перечислений жителей юртов их племенная атрибуция не приводилась. Юртовцы делились на табуны (видимо, от монгольского *табан* — «пять») во главе с табунными старшинами, над которыми стояли мирзы Урусовы или Тинбаевы.

Особое место в ногаеведении занимает каракалпакская проблема. Утвердилось мнение, что каракалпаки являются выходцами из Ногайской Орды; иногда уточняют: из Алтыульского улуса (см., например: Иванов 1935, с. 30; Сафаргалиев 1938, с. 163; Сафаргалиев 1949а, с. 54)[3]. Но никаких отчетливых следов истории этого народа до конца XVI в. не обнаружено. Поэтому при реконструкции ее ранних этапов пока приходится опираться на фольклор, и первые этапы этнического развития каракалпаков остаются весьма дискуссионными. Неясна также связь каракалпаков с ногаями. Исследование осложняется еще и тем, что последние представляли собой этнический конгломерат с не выясненным до конца составом. Характерно, что, появившись на исторической арене, каракалпаки никогда не отождествлялись у соседних народов с ногаями (Иванов 1935, с. 32, 41). Но появление на Сырдарье[4] уже сформировавшегося племенного объединения (этноса?) может привести к заключению о складывании общности каракалпаков в пределах Ногайской Орды (см., например: Толстова 1977, с. 143). Кроме того, остается неизученным вопрос об участии в их этногенезе близкородственных им и ногаям узбеков-мангытов, проживавших,

[3] М.Г.Сафаргалиев утверждал, что в 1626 г. каракалпаки принадлежали к числу алтыульских улусников. Однако, во-первых, каракалпаки с конца XVI в., проживая на Сырдарье и общаясь с узбеками, никем из современников не воспринимались как часть ногаев; во-вторых, самарский воевода Д.И.Пожарский в апреле 1614 г. перечислял Алтыулов и каракалпаков как самостоятельные владения: «Казачья... Орда и Коракол-паки, и Алтаулы меж себя ныне в совете... А с юргенским... с Арап ханом Казачья Орда, Кораколпаки и Алтаулы ныне в миру же» (АИ, т. 2, с. 421).

[4] Период XVI–XVIII вв. в истории каракалпаков носит название сырдарьинского (Жданко 1971, с. 165).

в частности, в Бухарском ханстве (см.: Жданко 1950, с. 124; История 1974, с. 94).

Каракалпакские предания сохранили память о пребывании предков народа в Ногайской Орде. Часто события героического эпоса развертываются в стране Ногайлы (Айтмуратов 1986, с. 13; Давкараев 1959, с. 68). О берегах Волги (Едиль) и Яика вспоминали как о благодатной родине, которую пришлось покинуть (Айтмуратов 1986, с. 13; Очерки 1964, с. 124; Толстова 1977, с. 159, 161; Толстова, Утемисов 1963а, с. 43). Существуют прямые свидетельства былой общности: услышанные в 1863 г. А.Вамбери предания о том, что «султаны ногаев» в прежнее время были из каракалпаков; почитание каракалпаками Эдиге как покровителя лошадей; строки народного поэта XIX в. Отеша Алшынбай-улы: «Ногаи суть каракалпаки, Жизнь которых прошла в смутах» (*Ол ногайды kараkалпаk демишлер, Булгиншилик пенен журген дуньяда*) (Айтмуратов 1986, с. 12, 13; Иванов 1935, с. 24; Камалов 1993, с. 132).

Кроме того, существуют и косвенные доказательства: в каракалпакском фольклоре присутствует значительный «пласт», связанный с именами мангыто-ногайских правителей (Эдиге, Урус, Ураз-Мухаммед и др.); наблюдаются совпадения в этническом составе каракалпаков и ногайцев; близость языков (История 1974, с. 94); для калмыков и те и другие были «черными мангытами» (*хара мангад*) (Садур 1983, с. 16).

Сами каракалпакские сказители объясняли приход их пращуров в Среднюю Азию с северо-востока притеснениями со стороны казахского хана Жаныбека или же нашествием калмыков (Жданко 1950, с. 46, 127–129; Сагитов 1962, с. 31). Толгау (историческая песня, предание) «Ормамбет-бий» связывает это с распадом общности ногаев после смерти бия Ураз-Мухаммеда. Предком нескольких родов считался бий Урус (Жданко 1950, с. 42, 43; Толстова 1977, с. 161). Если под Жаныбеком подразумевался казахский Джанибек б. Барак, то речь шла о событиях середины — второй половины XV в. Урус же и Ураз-Мухаммед жили во второй половине XVI в., Ураз-Мухаммед погиб в 1598 г. И именно с этого времени каракалпаки фиксируются на Сырдарье.

Легенды гласят, что двинулись они туда «по решению Совета стариков», когда сорок представителей родов обратились к казахскому хану Таваккулу б. Шигаю с просьбой выделить народу кочевья в местности Улутау. Хан согласился, но прислал в правители своего сына. Через несколько лет каракалпаки свергли этого наместника, и Таваккул отобрал у них Улутау. После этого каракалпаки завладели бассейном Сырдарьи и Ташкентом, вытеснили казахов из Центрального Казахстана (Абусеитова 1979б, с. 73; Абусеитова 1983, с. 171, 172; Абусеитова 1985, с. 61).

Эта эпоха отражена Мухаммед-Яром б. Араб-Катаганом в сочинении «Мусаххир ал-билад» (Покорение стран) начала XVII в. Он пишет, что каракалпаки (в одном из списков обозначаемые как «большая группа людей из племени мангытов») овладели городами Ташкент, Сайрам, Ахсикент и Андижан; казахские войска были ими разгромлены в двенадцатидневной битве. Предводителем своим они выбрали некоего человека, имевшего сходство с одним из местных династов, Абд ал-Гаффаром. После победы он учредил столицу в Ташкенте. Мухаммед-Яр пишет, что все это случилось после ханствования бухарских Абдуллы б. Ибрагима и Абд ал-Мумина б. Абдуллы и в начале правления в Бухаре Баки-Мухаммеда б. Джана, т.е. в 1598 г. (Абусеитова 1979а, с. 7).

Итак, более надежными свидетельствами следует признать те, что фиксируют появление каракалпаков в Средней Азии самым концом XVI в., но не раньше[5]. Отметим, что в Мавераннахре и юго-восточном Дешт-и Кипчаке каракалпаками была возрождена старая мангытская традиция посажения ханов. Следовательно, они принесли с собой одну из принципиальных характеристик политического строя Мангытского юрта.

Названия Орд «Большая» и «Малая» сохранялись в обиходе, но применялись все чаще как абстракция, обозначая совокупность улусных группировок, сплоченных авторитетом очередного предводителя или именем предка. В 1660-х годах, по Эвлие Челеби, существовали ногайские «племена» Адиля, Урмамета, Шейдяка, Урака, Арслана, Чобана, Кёр-Юсуфа, Новруза, Деви (Эвлия Челеби 1961, с. 64, 98, 194, 227; Эвлия Челеби 1979, с. 29, 52, 75). Все это ответвления тех кланов, что сформировались в Большой Ногайской Орде и у казыевцев, — Шейдяковых (Шейдяк-улы и Новруз-улы), Ураковых (Урак-улы и Деви-улы), Иштерековых (Чобан-улы) и др. Дольше других избегать раскола удавалось Урмаметевым, которые раньше приняли крымское подданство и в царстве Гиреев сохранили свое родовое наименование (*Ур Мухаммед оглу* — см.: Материалы 1864б, с. 397, 401, 408).

Кроме того, улусы, главным образом Больших Ногаев, объединились в структуры, которые в историографии тоже принято называть Ордами. Некоторые из них оказались недолговечными и слабыми — Кубанская и Азовская; другие были более стабильными, поскольку складывались еще в эпоху существования ногайской державы, — Орды Едисан, Едишкуль и Джембойлук.

Едисан. Этимология этого понятия проста и сложна одновременно. *Еди* — несомненно, «семь»; стало быть, «семь санов». А вот что

[5] Следом пребывания каракалпаков в Дешт-и Кипчаке в XVI (и XV?) в. служит занесение их в перечень девяноста двух узбекских племен-«илатийа» в некоторых списках «Маджму ат-таварих» Ахсикенти (см.: Султанов 1982, с. 33, 40, 43). Но среди элей Ногайской Орды каракалпаки не отмечены (см. ниже, очерк 2, табл.).

такое *сан*, понимается по-разному: «счет», «тысяча», «десять тысяч», «миллион» (т.е. соответственно «семисчетная орда», «семь тысяч луков» (бойцов), «семь десятков тысяч», «семимиллионный народ» — см.: Баскаков 1940, с. 137; Бутков 1869, с. 170; Пашин 1912, с. 39; Тунманн 1991, с. 49; Эварницкий 1892, с. 391). В Записке, представленной в Кабинет Ее Императорского Величества секретарем В.Бакуниным в 1736 г., говорится: «Джетысан, т.е. семь десятотысячни» (НГ, 1552 г., л. 1). Кроме того, в литературе давно бытует трактовка этого словосочетания как «семь родов» (Бентковский 1883, с. 5; Щеглов 1910, с. 73).

Иногда появляются экзотические домыслы, основанные только на догадках и случайных созвучиях; например, «семь озер» — от казахского *сан/чан*, «озеро» (Щеглов 1910, с. 73); «едисанцы» — испорченное «индостанцы», т.е. выходцы из Индии (точка зрения старого ногайского знатока устной истории Ельгайттара, начало XX в. — см.: Пашин 1912, с. 39); семь административных округов неких западных ногайцев, будто бы изначально живших между Доном и Волгой и позднее включенных в Ногайскую Орду (восточные же ногайцы составляли якобы десять санов) (Сикалиев 1994, с. 36). Крымские ногайцы в XIX в. рассказывали, что предком ногайского народа был Улус; у его сына Байраса было три жены, от второй из них, по имени Тута-Ары, родилось семь сыновей, и она дала им общее имя Еди-Сан (Смирнов В. 1887, с. 77).

Сами средневековые ногаи писали *йети сан*, а едисаны рекомендовались как *йети сан халкы* — «едисанские люди» в тогдашнем русском переводе (НКС, 1633 г., д. 1, л. 430; 1644 г., д. 1, л. 101, 125).

Вероятно, значение «семь родов» ближе к истине. Именно так понятие «едисан» переводилось в русских документах XVI в. («семь родов», «семиродцы» — см., например: АИ, т. 3, с. 444; ПДК, т. 1, с. 513) и объяснялось ставропольскими ногайцами в начале XX в. (Щеглов 1910, с. 73). В целом же я склонен согласиться с мнением Н.Г.Волковой о том, что Едисан — это имя территориальной группы, ставшее этническим самоназванием (Волкова 1973, с. 84).

Едисаны оказались в фокусе внимания русских властей с начала XVII в., когда они поселились под Астраханью. Стало быть, они составили часть нижневолжских тюрок, астраханских татар. Учитывая вероятность «интерстадиала», т.е. исхода из Астраханского юрта прежнего населения и занятия его места новоселами-ногаями (В.М.Викторин), можно полагать, что именно едисаны и явились одним из основных этнических компонентов в формировании астраханских татар. Они присоединились к своим предшественникам-юртовцам, выходцам из Ногайской Орды более раннего периода. Вот почему в отписках воевод Астрахани и Самары фигурируют то «астороханские татаровя едисаны», то «астороханские татаровя *и* едисаны» (т.е. первые не

всегда совпадают с последними) (см., например: НКС, 1615 г., д. 9, л. 7; 1617 г., д. 1, л. 105; д. 3, л. 4). Едисанов никогда не смешивали и с юртовцами, когда те удостаивались специального внимания — в источниках четко значатся «едисаны *и* юртовские татаровя» (НКС, 1615 г., д. 12, л. 29; 1617 г., д. 1, л. 112), которые вместе и составили в первой трети XVII в. этническую основу астраханских татар[6].

Иногда подобное разграничение присутствовало и при перечислениях едисанов и ногаев, когда различались «татары нагайские, едисанские, енбулутские», «нагайские и едисанские, и юртовские мурзы», «едисанские Канаи князь Тинбаев (бий Большой Ногайской Орды! — *В.Т.*) з братьею... и нагаиские Урмаметевы дети»; царские грамоты направлялись отдельно едисанским и ногайским мирзам (ДАИ, т. 3, с. 533; Материалы 1864а, с. 53; НКС, 1633 г., д. 1, л. 103; д. 3, л. 122 и сл.). Историки, следуя сообщениям источников, порой тоже соблюдают такое различение (см., например: Богоявленский 1936, с. 60; Новосельский 1948а, с. 54).

Едисаны, без сомнения, являлись по происхождению ногаями. Во-первых, «едисанский» бий Канай был главой Ногайской Орды, и в 1651 г. ногайские, едисанские и юртовские мирзы вместе тщетно просили царя Алексея Михайловича назначить очередного общеногайского правителя. Во-вторых, в ряде контекстов едисаны равнозначны ногаям, и в обращениях на имя государя одни и те же лица могли представляться то едисанскими, то ногайскими мирзами (НКС, 1631 г., д. 1, л. 287, 289). По некоторым материалам представляется, что интересующее нас выражение обозначало улусных людей рода Урусовых — «Янарaслановы братья и дети, и их люди етисаны»; в 1615 г. Борис (Ондан б. Хан) Урусов напал на Иштерековы кочевья вместе «с ыными мурзами и [своими] улусными людми сь едисаны и сь юртовскими татары»; Джан-Арслан б. Урус в своем завещании адресовался к «братьям моим... да детем моим... и всем моим улусным и служилым людем едисаном» (НКС, 1614 г., д. 3, л. 56; 1615 г., д. 1, л. 3, 8).

Семисоставные родо-племенные объединения встречаются у многих этнических образований Дешт-и Кипчака. Они зафиксированы у туркмен племени салор (жети урук), киргизов племени сарыбагыш (еди уруг, джеты уругу, жети урук), башкир (ете ырыу), каракалпаков (ети уруг), казахов (жети ру). Названия слагающих их родовых подразделений не совпадали у разных народов, но некоторые из них сохранили дештские этнонимы XV в.: кердери, телеу, рамазан, табын, тама и кереит у казахских «семиродцев», катай — у башкирских, йабу — у узбекских (см.: Ахмедов 1986, с. 27; Башкирское 1987, с. 107; Бекмаханова 1980, с. 255; Военно-статистическое 1848, с. 12,

[6] Столь же четкое различие проводилось между едисанами и Алтыулами (см., например: Материалы 1932, с. 330).

86; Кузеев 1974, с. 116; Султанов 1982, с. 29–33, 40–44; Халикова 1987, с. 134).

Столь широкое распространение однотипной структуры могло быть результатом независимого этнического развития. Однако напрашивается предположение о каком-то первоисточнике ее в среде населения Дешта, хотя чрезвычайная скудость источников вынуждает ограничиться лишь догадками о кипчакской праоснове. Самыми ранними «семиродцами» можно, наверное, считать домонгольское объединение половцев-етебичей (в транскрипции русской летописи), если принять объяснение С.М.Ахинжановым данного этнонима как *йети/жети оба* (семь родов). Он же предложил сопоставить этих кипчаков с казахами–жеты ру в Младшем жузе и Букеевской Орде (Ахинжанов 1989, с. 263, 264).

В самом деле, состав и даже порядок перечисления составных элементов жеты ру, по сочинениям XIX в., разительно совпадают с этнонимами восточных кипчаков позднего средневековья (так называемых кочевых узбеков) и их расположением в списках узбекских племен-илатийа XV–XVII вв. Но жеты ру — все-таки не едисан, и у самих казахов в этногонических легендах о происхождении жеты ру ногаи никак не фигурируют; там действуют персонифицированные первопредки Каракашым (или Карт Казан) и Тулказ-Алчин (Военно-статистическое 1848, с. 74), не имеющие аналогов в ногайском фольклоре. Поэтому явных точек соприкосновения едисанов с их «тезками» у соседей обнаружить пока не удается.

Те компоненты едисанского объединения, что названы в источниках, не совпадают с казахскими, но тоже имеют соответствия с перечнями илатийа[7]. В составе едисанов упоминаются эли мангыт, маджар, келечи, кенегес, тогай, кишлик, кильбеин[8], а также, возможно, канглы (в грамоте значится «манглыцкое родство» — явная описка, должно быть «мангыцкое» или «канглыцкое») (Материалы 1932, с. 198; НКС, 1627 г., д. 1, л. 262; 1628 г., д. 1, л. 5, 106). Теоретически эти семь (или восемь) названий можно было бы рассматривать в качестве семи элементов едисанского объединения. Его члены сохраняли память о своей племенной принадлежности, но во время их поселения у Астрахани эта принадлежность, похоже, начала терять значимость.

---

[7] Иногда в русскоязычных документах встречается выражение «едисанское родство» наряду с «родствами» Урусовых и Тинбаевых или с племенными элями (Акты 1914, с. 176; Акты 1915, с. 14; НГ, 1552 г., л. 1; НКС, 1615 г., д. 4. л. 12; 1617 г., д. 2, л. 19; 1626 г., д. 1, л. 23). Но из редких сохранившихся арабописьменных оригиналов ногайских грамот явствует, что тюркские писцы употребляли этнонимы, названия элей и т.п. без уточняющих дополнений, и понятие «родство» всегда являлось добавлением от русских переводчиков, служа как бы объяснением этих экзотических терминов (чтобы читателю было понятно, что такое найман, китай, едисан и пр.).

[8] «Кильбеинское родство» не имеет соответствий среди известных мне этнонимов Дешт-и Кипчака. Сходное арабское написание мог иметь эль келечи.

В 1620-х годах «родство» (эль) едисанских улусников при шертовании не указывалось; считалось достаточным назвать имя мирзы — держателя улуса (см., например: НКС, 1623 г., д. 1, л. 113, 114).

В 1617 г. появляются данные о распределении едисанов по табунам («пятеркам») — так же как и у юртовцев. Есть упоминания о «едисанах Шепаева табуна», т.е. находящихся под управлением табунного головы Шепая (НКС, 1617 г., д. 1, л. 109). Полагаю, деление на табуны произошло по инициативе астраханских властей, убедившихся на примере юртовских ногаев в эффективности его для надзора за кочевниками. Так, в 1617 г. юртовцы и едисаны угнали у ногаев Крымской стороны лошадей. Воеводы послали было двадцать служилых людей подкараулить их на обратном пути, но налетчики «иматись не дали». Тогда воеводы вызвали к себе в Съезжую избу табунных голов, послав за ними в юрты боярских детей. На встрече в Астрахани от голов потребовали собрать угнанных коней и привести в город (НКС, 1617 г., д. 1, л. 107).

При описаниях Орды Едисан второй половины XVII — XVIII в. табунное деление не упоминается, но есть сведения о ее членении в 1770-х годах на правое и левое «поколения» (т.е. крылья) (Щербина 1910, с. 364), что свидетельствует об обретении ею политической самостоятельности, по крайней мере накануне окончательного вхождения в состав Российской империи.

Некоторое несовпадение едисанов с собственно ногаями, аналогии «семиродцам» у других тюркских народов и у домонгольских кипчаков позволяют предположить, что они как-то выделялись из общей массы кочевников Ногайской Орды. К подобному заключению подводит и ряд других факторов. Во-первых, в 1622 г. нурадин Кара Кель-Мухаммед сообщал царю, что «Тинбаи мурзиных детеи улусы — едисаны, да онсол словет» (т.е. «и так называемый онсол») (НКС, 1622 г., д. 3, л. 29). Похоже, едисаны стояли особняком от ногайской двухкрыльной структуры онсол. Во-вторых, в облике части современных ногайцев Ачикулакского района Ставропольского края, сохранивших самоназвание «едисан», отчетливо проступают «длинноголовые европеоидные элементы» (Трофимова 1949, с. 108). Ачикулакские едисаны заметно отличаются от остальных ногайцев, и их «смягченная» монголоидность может быть следствием не только поздних контактов с черкесами и ставропольскими туркменами, но и происхождения от домонгольских кипчаков. Ведь объединение Едисан сложилось довольно рано.

Оно постоянно отмечается в документах с начала XVII в., но редкие упоминания о нем встречаются гораздо раньше, и оно ни в коем случае не может считаться этническим образованием позднего средневековья. В 1615 г. бий Иштерек отозвался о едисанах как о своих и его мирз-соратников вековых недругах (НКС, 1615 г., д. 1, л. 22). Сами еди-

саны в XIX в. называли своим предком «князя Исмаила Мусабиева» (РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 30 об.), т.е. бия Исмаила б. Мусу. В Записке В.Бакунина 1736 г., цитированной выше, говорится, будто при Исмаиле ногаи составляли аулы хатай, хабчак, малебаш и джетысан (НГ, 1552 г., л. 1). Таким образом, в народной памяти отложилось существование едисанов уже во времена Исмаила (1554–1563). Кроме того, есть свидетельства о них, относящиеся и к более ранней эпохе. В 1493 г. казанский хан Мухаммед-Амин, описывая Ивану III кочевья ногаев, указал, в частности: «Апаса князь на Урухе горе... а Едисан со князем Опасом вместе» (Посольская 1984, с. 46). А сам Иван III делился с крымским Менгли-Гиреем информацией о событиях в южных степях: «Нагаи, Емгурчей мурза и пять мурз, и *семь родов* перелезли на сю сторону Волги и однова пойдут к нашим украинам» (ПДК, т. 1, с. 513). Как видим, с одной стороны, едисаны уже по крайней мере в конце XV в. составляли особую родо-племенную общность или территориальную группу внутри Ногайской Орды; с другой — они, как правило, пребывали под управлением верховного бия ногаев (до третьей Смуты). При этом названия едисанских элей (особенно «мангыт») не позволяют считать их чем-то чужеродным по отношению с остальному населению Орды. Объяснение видится в следующем.

«Семь родов» являлись трофеем Мусы, Ямгурчи и Аббаса во второй половине XV в., когда те вели борьбу за узбекское наследство. К Мангытскому юрту присоединялись общины восточных кипчаков, обитавшие к востоку от основных мангытских (собственно ногайских) кочевий в междуречье Волги–Яика–Эмбы. В главе 1 приводились данные о том, что и часть мангытов кочевала в Центральном Казахстане, вне пределов Юрта потомков Эдиге. Может быть, там, в глубине степей, сохранялись этнические реликты домонгольских европеоидных кипчаков, вошедшие в состав этих семи элей. Вожди последних, похоже, заключили шарт-наме с тогдашними ногайскими предводителями о полном подчинении, превратившись в подданных непосредственно этих предводителей, за рамками первоначальной двухкрыльной структуры Юрта.

После завершения третьей ногайской Смуты источники фиксируют едисанов под Астраханью, т.е. под надзором русских воевод. В 1643 г. рековат Джан-Мухаммед писал о них, что «были они у вас, государя, в холопстве с сорок лет» (НКС, 1643 г., д. 1, л. 2), т.е. с самого начала XVII в. Расселялись они «от Асторохани далече, верст по пять, з десять, з дватцать», иногда вперемежку с юртовцами (НКС, 1617 г., д. 1, л. 109–110). Некоторые бросали привычную кочевую жизнь и перебирались в город, нанимаясь в работники к купцам (НКС, 1626 г., д. 1, л. 390, 391). Кроме скотоводства «семиродцы» занимались рыбными промыслами на Ахтубе, освоив ловлю «тремя неводы» (ДАИ, т. 2, с. 150, 151).

В первые десятилетия XVII в. четко фиксируются две миграционные волны едисанов, продвигавшихся с востока на запад, к Волге. В поле зрения воевод оказались едисаны «старого и нового выезда», которые, кроме того, подразделялись еще на «старых» и «новых». «Старые» едисаны в конце XIV в. «бывали в улусе в Ногаех у Канаи мурзы Тинбаева» (НКС, 1619 г., д. 1, л. 115), т.е. кочевали на землях семьи Динбая между Яиком и Эмбой. Но они прикочевали к Астрахани позже «новых», в мае–июне 1619 г., и потому именовались в отписках «нововъезжими едисанами» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 264). Следовательно, «старые едисаны» оказывались одновременно «едисанами нового выезда». Возможно, «семиродцы» динбаевских улусов за Яиком были потомками того самого Едисана, который проживал в тех местах еще в XV в. А «новые» едисаны — это те, что в разное время разместились западнее Яика, за пределами изначальных едисанских кочевий. В конце XVI в. под началом Каная б. Динбая оказались те и другие, и разницу между ними современники чувствовали: «Присылали... в Асторохань из Ногаи Иштерековых детеи улусов ***едисаны, которые наперед сего в Нагаех были у Канаи мурзы Тинбаева***», с просьбой принять их под царскую руку и позволить им «служить в Асторохани в юртех с Канаи мурзою и с ***старыми едисаны***» (НКС, 1620 г., д. 1, л. 13). В конце 1619 — начале 1620 г., во время борьбы Урмаметевых с Тинмаметевыми, к Канаю съехались служить из улусов Мухаммеда б. Иштерека около пяти тысяч едисанов, с Крымской стороны — около одной тысячи во главе с мирзой Али Урусовым. Так и сформировались «едисаны... Канаевых улусов старого выезду» и «новые, что ныне выехали из Ногаи... служить... с ним (Канаем. — *В.Т.*) вместе» (НКС, 1620 г., д. 1, л. 19, 102, 103, 359).

Хотя все эти миграции подавались в воеводских отписках как результат стремления служить государю, на самом деле переселенцы терпели верховенство царских наместников лишь постольку, поскольку это делали ведущие мирзы приастраханских ногаев. Какого-либо пиетета перед местными русскими властями кочевники обоих «выездов» не испытывали и неохотно подчинялись их требованиям возвращать полон, воздерживаться от набегов и пр. (см., например: НКС, 1617 г., д. 1, л. 107, 112; 1619 г., д. 1, л. 4).

Правительство было готово терпеть такую непокладистость едисанов, так как они служили мощным сдерживающим фактором для бия Иштерека в середине 1610-х годов, когда тот эпизодически пытался разорвать союзнические отношения с Москвой. Уже говорилось, что Иштерек воспринимал их как своих извечных врагов; он пристально следил за их передвижениями по степям, подозревая враждебные намерения («хотят... тушман всчинять»). Дабы вернуть бия под свою власть, Михаил Федорович время от времени советовал воеводам утихомиривать едисанов, а с Иштереком мириться тайно от них, чтоб

этой акцией «едисанов и алтаулских мурз от нашего жалованья не отогнати». Иштерек и его сыновья с радостью откликнулись на призыв воевод отпустить свои улусы едисанов к Канаю, потому что знали: те только и ждут, чтобы ударить бию в спину в случае набега на него донцов или юртовцев (НКС, 1615 г., д. 1, л. 22, 27; 1616 г., д. 1, л. 8, 9, 57; 1620 г., д. 1, л. 13, 14, 19, 102, 103).

Основной состав улусников определил и название их предводителей: ногайские аристократы, возглавлявшие едисанов, стали именоваться мирзами едисанскими. В начале 1640-х годов таковых насчитывалось тридцать человек (НКС, 1643 г., д. 1, л. 2). Как мы только что убедились, объединение едисанов разделялось на две части — «новые», жившие к западу от Яика, и «старые», казахстанские. Первые прежде пребывали под началом клана Уруса, вторые — Динбая б. Исмаила[9]. Западные, «новые», активно участвовали в событиях русской Смуты и ногайской третьей Смуты, предводительствуемые своим вождем Джан-Арсланом б. Урусом («Янарaслановы татаровя едисанское родство») (Акты 1915, с. 14). Даже после переселения к Канаю, под присмотр воевод, они продолжали рассматриваться как «едисанское родство ***Урусов род***» (НКС, 1615 г., д. 4, л. 12). Старейшина Урусовых Курмаш б. Хан б. Урус в начале 1620-х годов считался из «едисанских мурз старее всех» (НКС, 1623 г., д. 1, л. 109).

В тот же период признанным лидером едисанов считали также Каная. Некоторые его родственники, мирзы-Тинбаевы, а также Урусовы стали обозначаться как едисанские мирзы. «А Тинбаева родства с мурзами и сь ***едисанскими мурзами — Тинбаева же они родства*** — кочевати нам вместе дурно», — сетовал в 1622 г. нурадин Кара Кель-Мухаммед (НКС, 1622 г., д. 3, л. 25). Очевидно, из отпрысков Динбая едисанами стали только те, кто имел под началом степняков, переселившихся к Астрахани (какая-то часть Тинбаевых оставалась тогда у Яика). Именно представитель этого ответвления Мангытской династии Сююнч б. Абдулла б. Теникей б. Динбай в середине 1650-х годов воспринимался как главный едисан (ДАИ, т. 3, с. 538).

Смешение «старых» и «новых», восточных и западных «семиродцев» вызвало и терминологическое уравнение Урусовых с Тинбаевыми: и те и другие довольно скоро стали едисанскими мирзами. В документах 1623 г. этим общим наименованием обозначались Али б. Динбай, его брат Рахманкул и племянник Абдулла б. Теникей, а также Курмаш б. Хан; в 1631 г. подали челобитную царю «холопи твои едисанские мурзы Яньмаметка Тинбаев да Батыршка Урусов»; в 1635 г. едисанами рекомендовались бий Канай, его братья

[9] Поверхностное знакомство с источниками привело Б.Ишболдина к неверному заключению, будто Ордой Едисан называлась та часть ногаев, которая в начале XVII в. управлялась сыновьями Уруса (Ischboldin 1973, р. 145).

и племянники, а также внуки Уруса (ДАИ, т. 2, с. 150, 151; НКС, 1623 г., д. 1, л. 136; 1631 г., д. 1, л. 289).

По мере концентрации разных ногайских улусов под Астраханью и консолидации управлявших ими мангытских вельмож начала формироваться самостоятельная потестарная структура, Орда Едисан, которая все больше утрачивала связь с прочими улусами бывшей Ногайской Орды. После смерти бия Каная в 1638 г. новая Орда уже не имела ни формального предводителя, ни формальных отношений с прочими объединениями ногаев. Едисаны начали практически независимое существование.

В обстановке всеобъемлющего хаоса в ногайских улусах после крушения мангытской кочевой империи части будущей Орды Едисан постепенно оказались в разных местах восточноевропейских степей. Еще в 1683 г. едисаны отмечены у Астрахани «на взморье». Они продолжали состоять в улусах потомков кековата Джан-Мухаммеда Тинмаметева наряду с собственно ногайскими элями (Материалы 1932, с. 289, 313). Восточные «семиродцы» в первой трети XVII в. были покорены калмыками, которые привлекали их к своим походам за Волгу против Больших Ногаев и кавказских горцев (История 1969, с. 51; Кабардино-русские 1957, с. 244).

Связи между разными подразделениями едисанов существовали, о чем говорит судьба русских пленных в 1645 г.: их полонили «едисанские татаровя Ян Маметь мурзина улусу» (т.е. жившие на волжском правобережье), привезли «в едисанские улусы х калмыком» (т.е. в Волго-Яицкое междуречье), где продали другим едисанам, которые увезли пленных на продажу в Хиву (Материалы 1932, с. 313). Таким образом, на едисанских изначальных, заяицких кочевьях сохранялась и третья группа, связанная с Хорезмом, или Хивинским ханством. Среднеазиатские контакты ногаев, кочевавших восточнее Яика, были традиционно активными. В западноказахстанских степях, «около Енбы близ калмыков», едисаны держались до начала XVIII в., пока калмыцкий хан Аюка около 1715 г. не разбил и не вытеснил их на запад (Георги 1799а, с. 38).

Крупная группировка едисанов обосновалась в Бессарабии. Некоторые авторы утверждают, будто они основали там так называемую Белгородскую (Аккерманскую) Орду на рубеже XV–XVI вв. (Калмыков и др. 1983, с. 28; Щеглов 1910, с. 77). Но еще в 1625 г. монах-путешественник Жан де Люк при описании населения Крымского юрта и Бессарабии называл очаковских, буджакских, перекопских татар, но ни словом не обмолвился о едисанах (Люк 1879, с. 485). Знаток крымской истории С.Тунманн в 1777 г. отметил, что «название Едисан не старо в этой местности» (между Бугом и Днестром), и появилось оно лишь после того, как в 1715 г. крымский наместник-сераскер Прикубанья увел едисанов из калмыцких владений на Кубань, а затем

их переселили в западные степи (Тунманн 1991, с. 49). (Отметим совпадение дат разгрома едисанов Аюкой и переселений их внутри Крымского ханства.) Следовательно, появление основной массы данного объединения ногайцев (Орды) в Бессарабии можно отнести к началу XVIII в. Впрочем, уже во второй половине XVII в. какая-то часть едисанов кочевала в Очаковской округе (Новосельский 1994, с. 219), но она была пока не настолько многолюдной, чтобы составить там особую Орду.

Едишкуль. Орда Едишкуль тесно связана с Едисанской. В XVIII–XIX вв. они проживали рядом, едишкульцы тоже считали своим предком бия Исмаила (РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 30 об.), а по легендарной генеалогии, «Едишкэ-оглу» было общим именем семерых сыновей Ток-Сабы, старшей жены Байраса б. Улуса (Еди-Сан, напомню, — другие семь сыновей от второй жены) (Смирнов В. 1887, с. 77). Принятое в литературе написание *Едишкуль/Джетышкул/Йетишкул* следует устной ногайской передаче: *Йетишкюл ел* (страна Йетишкул) и *йетишкюл халк* (народ йетишкул) (Баскаков 1940, с. 142, 230). В арабописьменных документах мне встретилось это понятие только один раз. Письмо крымского сановника Халил-аги кизлярскому коменданту генералу Ф.И.Фабрициану от 4 июля 1781 г. содержит упоминание об *итичк.л (йетичкул)* — «Едишкульской Орде» в русском переводе грамоты (РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 235, л. 11г, 13 об.).

Этимология данного слова в историографии не выяснена. Встречаются объяснения, исходящие из произвольных созвучий: *йети/джети* + *уш* + *кюл* (семь, три, угол), т.е. «семь треугольников» (Баскаков 1940, с. 136); другое объяснение — джетыкульцы, т.е. жители берегов озера Джеты-куль, что к востоку от города Орск, или Джеды-Куль к югу от Илецкой защиты (Щеглов 1910, с. 73). В среде самих ногаев бытовала народно-этимологическая версия трактовки «едишкуль» как *Едиш/Джетыс* + *кул* (рабы некоего Едиша или Джетыса) (Бентковский 1883, с. 5; Пашин 1912, с. 39). В литературе встречается и вариант *Джетышке* + *улу*, т.е. потомки некоего Джетышке (К.Д.Э. 1834, с. 170).

Думается, во всех этих гипотезах есть доля истины, а именно признание составного характера понятия «едишкуль». По аналогии с ногаями-едисанами попробуем определить первый элемент как *еди* (семь); по аналогии с ногаями-Алтыулами — последний элемент — как *улы* (сыновья, потомки); получается: *еди* + *ишк* + *улы*. Отголосок как раз такой схемы дает крымско-ногайская легенда в пересказе В.Д.Смирнова: Едишкэ-оглу — семь сыновей.

Остается определить, что такое *-ишк-*. Здесь, возможно, поспособствуют арабо-тюркское написание *итичк.л* (см. выше) и русский перевод грамоты хана Крым-Гирея запорожскому кошевому атаману 1759 г., в которой упоминаются «наши ногайцы, имянуемые Едичкул

аули» (РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1165, л. 3, 6). Средний элемент восстанавливается как *ичк(и)*. Этот термин, происходящий от общетюркского *ич* (внутренний), встречается как в придворной номенклатуре османов, крымцев и, возможно, Золотой Орды (*ички беглери* — внутренние, дворцовые, служилые беки — Tarih 1973, p. 284), так и в качестве этнонима: в Зауралье известна ичкинская группа казанских татар (*әцкеннәр*), проживавшая в деревне Ичкино (в XVIII в. — Ичкин). Она сформировалась в конце XVI — начале XVII в. (Исхаков 1993б, с. 47–50). Среди кочевых узбеков ханства Абу-л-Хайра имелись племена ички и ички-мангыт(!) (Султанов 1982, с. 10, 11).

Таким образом, можно предположительно восстановить первоначальное название ногайского объединения как *еди ички*[10]. Оно, как и «едисан», могло иметь древнекипчакские корни, так как имя легендарной праматери едишкульцев Ток-Саба удивительно совпадает с названием кипчакского племени XII–XIII вв. токсоба, «токсобичи» русской летописи (Ипатьевская 1962, с. 455; СМИЗО, 1884 с. 541) (токуз оба — «восьмиродцы», ср.: кипчаки йети оба — «семиродцы»).

П.Г.Бутков высказал странное на первый взгляд суждение о том, что «Большой Ногай вообще именовался Джетышкеулу» (Бутков 1869, с. 170; то же см.: К.Д.Э. 1834). Контекст, где упоминаются некоторые интересующие нас словосочетания, в самом деле может привести к подобному выводу. В 1616 г. бий Большой Ногайской Орды Иштерек, говоря о «моих улусных людях едички», хвастался: «Нас, ногаиских людеи едичков, сорок санов воинских людеи...» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 50; д. 2, л. 1). Однако мы не можем буквально воспринимать его слова о том, что в Ногайскую Орду входили только едички. Во-первых, ниже он поясняет: «Сорок санов воинских людеи: два Келмаметя мурзы (т.е. Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед и Аксак Кель-Мухаммед б. Дин-Мухаммед. — *В.Т.*) в головах, ото всех мирз от [Тин] Ахметева родства, а ними все мурзы, да я с своими детми... и со всеми улусными людми...» (НКС, 1616 г., д. 2, л. 1). То есть за пределами власти Иштерека оказывались мирзы Урусовы и Тинбаевы (западные и восточные едисаны), не говоря уже об Алтыулах. Во-вторых, ногайцы позднейшего времени осознавали различие между едишкульцами и собственно ногаями, о чем говорит пословица: «Кара-ногайцев (орда) — мать народа, едишкульцев (орда) — мать красноречия» (*кара ногай ел анасы, йетишкюл ел сёз анасы*) (Баскаков 1940, с. 230).

[10] Именно такая форма приводится в русском переводе грамоты нурадина Кара Кель-Мухаммеда Михаилу Федоровичу 1622 г.: «Тинбаи мирзиных детеи улусы — едисаны... и с нами вместе ***едичкину*** родству кочевати нелзе... А ***едичкинское*** родство — Урмаметевых княжих детеи» (НКС, 1622 г., д. 3, л. 29). То же в отписке астраханских воевод: «ногаиские люди ***едички***», «***едичкицкие*** тотары» (НКС, 1622 г., д. 2, л. 198).

При отсутствии подробной исторической информации можно предположить, что едички (еди ички) являлись потомками первоначального населения Мангытского юрта рубежа XIV–XV вв. (едисаны, напомню, это потомки кипчаков Центрального Казахстана, влившихся в Юрт лишь во второй половине XV в.).

Едички представляли собой довольно замкнутую этнотерриториальную общность, выделявшуюся в ряду племенных общин-элей. Как равноправные субъекты державы перечислялись «ногаиских мурз улусные люди едички и кипчаки, и китаи» (НКС, 1625 г., д. 1, л. 58). В этом отношении едишкульцы XVIII–XIX вв. уже мало напоминали своих предков едички, так как в состав объединения Едишкуль входили тогда родо-племенные объединения-кубы, или «поколения», мин, кипчак и бурлак; иногда к ним добавляли китай, мангыт и келечи (Бутков 1869, с. 170; К.Д.Э. 1834; РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 329, л. 20, 20 об.; Фарфоровский 1909, с. 6). То есть едишкульцы смешались с главными ногайскими элями, в том числе с мангытами.

Столь принципиальное изменение этноплеменного состава не могло не сказаться на статусе и наименовании бывших едичков. Они стали называться потомками, «сыновьями» едичков: *едички улы* > *едичкул* > *едишкуль*. Но, в отличие от едисан, они едва ли могут восприниматься как «территориальная группа, принявшая характер этнического самоназвания» (Волкова 1973, с. 84). В данном случае дело обстояло, может быть, как раз наоборот: из какой-то этнической (родо-племенной, элевой) общности образовалось территориальное объединение едишкульцев. Но это лишь догадка, не подкрепленная никакими сведениями источников.

Самое раннее упоминание едичков замечено мною в цитированном выше обращении Иштерека к воеводам в 1616 г., в котором бий просит вернуть ему из Астрахани аманатов, иначе «мои улусные люди едички вас боятся и к вам блиско не будут» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 49, 50). Но едичками считались улусники главным образом не бия (напомним, что улусы Мухаммеда б. Иштерека были населены едисанами), а Кара Кель-Мухаммеда Урмаметева и его родни. Как Урусовы и Тинбаевы стали к 1620-м годам расцениваться в качестве едисанских мирз, так появились и «едичкова родства мурзы — Урмаметевы княжие дети... А едичкинское родство — Урмаметевых княжих детеи, Каракелмамет мурзы с братьею улусы» (НКС, 1622 г., д. 3, л. 25, 29). Кара Кель-Мухаммед сообщал, что его едички с Тинбаевскими едисанами находятся во враждебных отношениях, и просил царя помочь в разграничении кочевий между ними (НКС, 1622 г., д. 3, л. 29, 30). Едичковские улусные люди выступали как заметная политическая сила. Они стали инициаторами перехода на Крымскую сторону даже вопреки воле своего вождя Кара Кель-Мухаммеда, и тот вновь апеллировал к государю, упрашивая его поссорить «ногайских людей

едичков» с крымцами, дабы заставить их вернуться на левый берег Волги (НКС, 1625 г., д. 1, л. 58, 59; 1626 г., д. 2, л. 161, 198).

Потомки едичков, смешавшиеся с прочими ногайскими элями, т.е. едишкульцы, в XVIII–XIX вв. расселялись от Бессарабии до Северного Кавказа, подчиняясь Гиреям, и затем вошли в состав России. Смешавшись еще и с Малыми Ногаями, «Джетиш-Куловы» в середине XIX в. считались одной из «важнейших фамилий», или «поколений», среди ногайцев-наврузовцев в Закубанье (РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1165, л. 36; Сталь 1900, с. 78; Фарфоровский 1909, с. 6).

Джембойлук. Происхождение этого слова понятно и практически общепризнано в науке. *Джембойлук/Йембойлык* означает «живущие по реке Эмбе» (см., например: Баскаков 1940, с. 136; Калмыков и др. 1983, с. 26; Юдин 1992, с. 53). Такое же объяснение давали и ногайцы в начале XX в. (Пашин 1912, с. 39). Впрочем, иногда встречаются и более экзотические трактовки: например, от имени города Джамбалек на карте каталанского атласа 1375 г. на правом берегу нижней Волги (а город-де, в свою очередь, назван так по имени соборной мечети Джам) (Брун 1872, с. 11, 16)[11].

Столь раннее существование, еще в золотоордынскую эпоху, особой общности на Эмбе сомнительно. Некоторые намеки на существование джембойлуков появляются в XV в., когда заезжие европейцы Иоанн де Галонифонтибус и Иоганн Шильтбергер в своих описаниях Дешт-и Кипчака упомянули похожие понятия: «Северными соседями (Великой Татарии) являются Россия и йахабри» (Галонифонтибус 1980, с. 13); «Между золотыми татарами есть три поколения: кайтаки, джемболуки и монголы. Их страна имеет протяжение в три месяца ходьбы, представляя собой равнину, в которой нет ни леса, ни камней, и есть только трава и камыш» (Шильтбергер 1984, с. 45–46). В старонемецком тексте И.Шильтбергера на месте предложенных переводчиком Ф.К.Бруном «джемболуков» стоит *йабу* (см.: Галонифонтибус 1980, с. 32 — примеч. Л.Тарди). П.Пельо тоже увидел в *йахабри* Галонифонтибуса *ихабу/йабу* (Галонифонтибус 1980, с. 32). Если это отождествление верно, то река Эмба здесь ни при чем, и оба средневековых автора писали о тюрко-кипчакском (узбекском) племени йабу (древнетюрк. ябгу/йабагу, отмеченное еще Махмудом Каш-

---

[11] Эта теория Ф.К.Бруна сплошь основана на недоразумениях. Джамбалек — это, конечно, юаньская столица Ханбалык, ошибочно помещенная картографом на Волге. Более того, Ф.К.Брун считал, что к «Джамбойлукской орде», якобы располагавшейся в тех местах, принадлежал татарин Джамбо, который служил проводником бургундского рыцаря Жильбера де Ланнуа по причерноморским степям в 1421 г. (Брун 1872, с. 16). Но тот Джамбо жил на Днепре под властью литовского господаря Витовта и никак не был связан ни с ногаями, ни с Эмбой, ни с джембойлуками (Ланнуа 1852, с. 8). В качестве курьеза укажем также на мнение А.Скальковского о связи польского глагола *чамбуловать* (наезжать) с названием «джембойлук» (Скальковский 1843, с. 110).

гари в XI в.). Однако неизвестно, расселялся ли этот эль именно на Эмбе[12].

В литературе можно встретить мнение, что джембойлуки обособились раньше Малых Ногаев и Алтыулов (Калмыков и др. 1983, с. 26; Новосельский 1948а, с. 15), что они ушли из Большой Ногайской Орды «за междоусобною ссорою» (Бутков 1869, с. 170). В известных мне источниках ни тот ни другой тезис не находит подтверждения. Весной 1560 г. Исмаил сообщил Ивану IV: «А отца моего юрт был по трем рекам: по Волге да по Яику, да по Емь реке (Эмбе. — *В.Т.*). И которые люди на реке на Еме, тех людеи астараханские (русские. — *В.Т.*) люди воюют. А которые люди улусные в моем имени, и тех воюют — то как меня воюют» (НКС, д. 5, л. 167–167 об.). Следовательно, эмбинских ногаев бий считал своими улусниками, заступаясь за них перед царем.

Принципиально важно, что в тех же местах располагались кочевья Шихмамаевичей-Алтыулов, которые уже начали обособляться. Исмаил никогда не заявлял о потомках Шейх-Мамая как о своих верных подданных, поэтому эмбинцы в грамоте 1560 г. не могут отождествляться с Алтыулами. Однако по мнению А.Каппелера, Б.-А.Б.Кочекаева, А.А.Новосельского и В.П.Юдина, Алтыулы и джембойлукцы — это одно и то же (Кочекаев 1988, с. 102, 103; Новосельский 1948а, с. 15; Юдин 1992, с. 40; Kappeler 1992, p. 90)[13]. Хотя эти авторы специально не исследовали историю джембойлуков, но для первой половины XVII в. их утверждение, пожалуй, можно признать правильным, принимая во внимание следующее.

Первое упоминание рассматриваемого понятия относится к событиям конца 1620-х годов. Калмыцкий хронист начала XIX в. Батур-Убуши-Тюмен рассказывает, что тайши торгоутов Хо-Урлюк, спасаясь от усобиц среди ойратов, двинулся на запад, «напав на цжумбулаков, тюркменов и татар (мангат), пропитал своих подвластных их скотом» (Батур-Убуши-Тюмен 1969, с. 36–37). Анонимная «История калмыцких ханов» гласит, что Хо-Урлюк, «не доходя до реки Урала (Зай)... покорил Ембулуковских (Цзимбулук) татар, кочевавших при реке Ембе», а за Яиком — народы «Ногай, Хатай-хибчак, Чжитесен» (т.е. едисан) (История 1969, с. 51; см. также: НГ, 1552 г., л. 1, 1 об.).

С учетом всей рассмотренной выше ногайской истории мы можем выяснить, кто же были эти жертвы калмыцкого завоевания на

[12] Племенной состав джембойлуков неизвестен. В предыдущей главе отмечалось, что в составе эмбинских ногаев по одному разу упомянуты лишь эли канглы и месит. Близость джембойлуков к Мангышлаку и прочим кочевым территориям туркмен позволяет признать вероятной гипотезу С.Г.Агаджанова об интегрировании компактной туркменской группы в состав джембойлуков (Агаджанов 1993, с. 37).

[13] А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже бездоказательно приписывают основание «Энбулакской Орды» детям бия Саид-Ахмеда б. Мусы, Сююндюку и Эвгашу (т.е. Джевгосты) (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 206, 209).

Эмбе. Здесь могут помочь некоторые оговорки в материалах калмыцко-русских отношений середины XVII в. В ноябре 1649 г. Дайчин-тайши говорил посланнику И.И.Онучину: «А как мы под Астараханью ногаиских, едисанских и ембулуцких мурз и улусных их татар за саблею взяли, и мы... с теми ногаицы по сю пору и кочюем вместе» (КД, 1649 г., д. 5, л. 23). В феврале 1655 г. калмыцкие послы клялись по шертной записи, в которой, в частности, содержалось обязательство тайшей не чинить насилий в отношении «государевых изменников, нагайских и едисанских, и енбулуцких мурз и татар, которые в прошлых годех, изменя государю, из-под Астарахани отошли к тайшам... в калмыцкие улусы» (Полное 1830, с. 357).

Получается, что джембойлуки «изменили» и ушли от Астрахани (или были завоеваны, в трактовке Дайчина) до 1649 г., когда состоялась процитированная выше беседа Дайчина с Онучиным. Заметная миграция из Нижнего Поволжья на Яик случилась весной 1627 г. Султанай Шихмамаев, едва выйдя из астраханской тюрьмы, устремился со своими улусами на восток, к своим сородичам Алтыулам, возглавляемым Шейх-Мухаммедом. Оба мирзы стали кочевать по Эмбе, где их и настигло нашествие Хо-Урлюка (НСК, 1627 г., д. 1, л. 117, 118, 132, 133; 1628 г., д. 1, л. 59–61, 143, 158–160). Следовательно, «джембойлуки» в документах, связанных с калмыками, — это то же самое, что Алтыулы воеводских отписок первой половины XVII в. Через полтора десятка лет эмбинские ногаи были, по словам Дайчин-тайши, «нашими холопями», с которыми калмыки кочевали по их бывшим рекам и урочищам (КД, 1649 г., д. 5, л. 23). Новые правители использовали джембойлуков как военную силу в своих походах и посылали в самостоятельные набеги за ясырем (Кабардино-русские 1957, с. 244; Материалы 1932, с. 330). В течение нескольких последующих десятилетий те вместе с частью едисанов кочевали в Западном Казахстане, пока тех и других не погромил хан Аюка и не прогнал на Куму и Кубань (по другим сведениям, их сманили на Кубань крымцы и турецкий наместник) (Георги 1799б, с. 38; Тунманн 1992, с. 46).

Пребывание джембойлуков под калмыцким владычеством, отказ их от борьбы с тайшами, участие в набегах на ногаев настроили последних против эмбинцев. Озлобление это ярко выражено в поэме «Джембойлук» ногайского поэта XVII в. Каз-Тугана Сююнч-улы: «Эти, называемые джембойлуками, Предают отцов до шестого поколения. Когда на страну нагрянуло бедствие, Когда мои героические ногайцы, Истекая кровью, Сражаются и гибнут, Мои джембойлукские сородичи, Словно холощеные верблюды, Отвернувшись от всех, отлеживаются» (Сикалиев 1994, с. 49–50). Историческая песня «Казтувган» приписывает им пренебрежение устоями мусульманской веры (Антология 1980, с. 300). Хотя в дальнейшем это враждебное отношение угасло, джембойлуки выделялись в общеногайском сознании как

особая группа (ембойлуклар), отличная от остальных ногайцев (Керейтов 1995, с. 35).

Буджак. Буджак (тюрк. «угол») — название южной части Пруто-Днестровского междуречья. Степной ландшафт издавна привлекал туда кочевников. В позднем средневековье там появились ногаи. Пространство их обитания в Юго-Восточной Европе было несколько шире, чем непосредственно Буджак. По материалам XVII в., оно охватывало территорию «между Днестром и Дунаем и берегами Черного моря» и равнялось пяти дневным переходам с запада на восток (Люк 1879, с. 488; Эвлия Челеби 1961, с. 40)[14]. По наблюдениям И.В.Дрона, кочевья и поселения буджакцев не распространялись севернее современных Леовского и Хынчештского районов Молдавии (Дрон 1993, с. 93).

Буджакская Орда — условное наименование. В восточных источниках она именуется просто Буджаком, а в русских источниках и вслед за ними в некоторых исследованиях — Белгородской или Аккерманской Ордой (белгородскими татарами). Историки уже давно пришли к верному заключению о тождестве обеих Орд (см., например: Жирмунский 1974, с. 488; Кочекаев 1988, с. 107; Howorth 1965b, p. 1026). К тому же Жан де Люк прямо писал, что у буджакцев «главный город... Белгород, иначе Аккерман» (Люк 1879, с. 488); Эвлия Челеби рассказал о намерении крымского хана вывести в Крым «***буджакских татар*** и татар ногайца Адиля ***из-под Аккермана***» (Эвлия Челеби 1961, с. 191)[15]. Правда, Ак-Керман или какой-нибудь другой город не может считаться «столицей» Буджака (см., например: Люк 1879, с. 488; Тунманн 1991, с. 56; Howorth 1965b, p. 1026), поскольку обитатели области проводили жизнь в разрозненных кочевых улусах, не имея, как правило, общего предводителя и соответственно единого центрального управления.

Кочевые тюрки, в том числе кипчаки, появились в Северо-Западном Причерноморье задолго до монгольского нашествия. Во второй половине XIII в. данный регион входил в улус беклербека Ногая, что ввело в заблуждение некоторых авторов, приведя их к выводу о непрерывности «ногайских» поселений в Буджаке. Другим неверным выводом является возведение племенного состава буджакцев к улусникам Ногая или даже к домонгольским кипчакам (ногаи в таком

---

[14] Г.Боплан, описывая украинские и бессарабские степи 1630–1640-х годов, повествует о «Буджацкой степи на протяжении 12 миль в длину и 5 или 6 в ширину» (Боплан 1896, с. 324). Однако под таковой он подразумевает лишь местность между городами Ак-Керман и Килия, тогда как исторический Буджак на самом деле был гораздо обширнее.

[15] «Татары ногайца Адиля» — это часть Малых Ногаев, не составлявшая самостоятельного улусного объединения, или «Орды», так что слова турецкого путешественника следует понимать так, что под Ак-Керманом жили и буджакские, и адилевские «татары».

случае становятся «аборигенами молдавских степей») (см., например: Баскаков 1964, с. 50; Яйленко 1991, с. 21; İnalcık 1980b, p. 78). Действительно, население Золотой Орды и Ногайской Орды в большинстве своем состояло из кипчаков. Но кипчаки и ногаи — не синонимы. Золотоордынские кочевники, остававшиеся в Буджаке после распада Джучидского государства, тоже были, очевидно, кипчакоязычными, но не являлись ногаями. Ведь ногаями стали называться только восточные кипчаки Мангытского юрта, и только со второй половины XV в. Поэтому вести речь о ногайском заселении Буджака можно никак не ранее этого периода.

Оно началось задолго до образования там Орды (Трепавлов 1998а), хотя эти два события часто считают одновременными. В начале XVI в. в Буджаке появляются первые «аккерманские казаки» — разрозненные татары из улусов Большой Орды, разгромленной Менгли-Гиреем (Жирмунский 1974, с. 488; Кочекаев 1988, с. 108; Berindei 1972, p. 340; Howorth 1965b, p. 1026). То, что они позже стали восприниматься всеми как ногаи, свидетельствует о том, что Менгли-Гирей перевел в Бессарабию часть подданных большеордынского мангытского беклербека Тимура б. Мансура. Хан желал отдалить их от соплеменников — заволжских ногаев, во главе которых находился тогда племянник Тимура, Муса б. Ваккас. Тюркской миграции в Бессарабию способствовал и добровольный переход некоторых улусов Большой Орды в крымское подданство. Менгли-Гирей считал себя вправе заселять Буджак новыми жителями своего Юрта, поскольку эта местность была пожалована ему как лен султаном Баязидом II в награду за помощь при завоевании Килии и Ак-Кермана (Киртоагэ 1988, с. 82; Эвлия Челеби 1961, с. 287 — примеч. А.Д.Желтякова). В первой половине XVI в. хан Сахиб-Гирей, стремясь «приручить» население своего бессарабского лена, построил там несколько мечетей (Смирнов В. 1887, с. 413).

Новоселы Пруто-Днестровского междуречья оказались истинными «казаками» — буйным, неуправляемым сообществом степняков, докучавших соседям, особенно молдавскому господарю, набегами и разбоями. Они не желали подчиняться бахчисарайским властям, предпочитая числиться подданными Порты. Но та долгое время не желала брать на себя ответственность за бесчинства кочевников.

Таким образом, «буджакские (аккерманские) татары» в начале XVI в. являлись бывшими подданными Большой Орды и новыми подданными Крымского юрта, которые находились в ведомстве мангытских карачи-беков Мансур-улы. Никакой связи с Ногайской Ордой, кроме этнического родства, у них не было.

Буджакцы имели основания надеяться на патронаж Стамбула, так как завоеванная турками Бессарабия вошла в состав Османской империи. Сначала, в конце XV в., там были образованы округа-райи во

главе с пашами; в XVI в. регион поделили на Аккерманский и Бендерский санджаки, входившие в Очаковское бейлербейство, а с конца столетия — в Очаковский (Силистрийский) эялет (Бачинский, Добролюбский 1988, с. 86; Киртоагэ 1988, с. 73, 77). Последний территориально охватывал Буджак, но ногаи подчинялись еще и крымскому чиновнику, прибрежному аге (*ялы агасы*), резиденция которого располагалась в большом селении Ханкышла к западу от Ак-Кермана (ныне — село Удобное Одесской области). Турецкий наместник (*вали*) Очаковского эялета тоже мог считать буджакцев подвластными себе, потому что обязательный налог с мусульман — десятину (*ушр*) они платили как прибрежному аге, так и ему, обладая, следовательно, как бы двойным подданством — османским и крымским (Бачинский, Добролюбский 1988, с. 90; Эвлия Челеби 1961, с. 32, 33, 40, 190). Общую схему этих своеобразных отношений отразил Мартин Броневский: «Очаковские и аккерманские татары... следуют ***с ханом*** на войну ***по приказанию турецкого султана***» (Броневский 1867, с. 364).

Второй приток ногайских переселенцев в Северо-Западное Причерноморье пришелся на середину XVI в., когда из-за Волги хлынули кочевники, спасавшиеся от междоусобных распрей второй Смуты, голода и эпидемий. В крымских владениях они оказались распределенными между улусами крымских ногаев Дивеева улуса и крымских мангытов. Господство последних распространялось и на Буджак (Новосельский 1948а, с. 101). Обеспокоенный наплывом нищих толп, бейлербей Очакова докладывал в Стамбул, что пришельцы бедны, безлошадны и безоружны, не имеют над собой знатных предводителей (мирзы пока остались воевать на востоке). Султан Сулейман I дозволил ногаям поселиться на новых местах, хотя и выговаривал своим наместникам за несанкционированный допуск их в имперские владения. В посланиях местным властям 1560–1564 гг. правительство требовало переписать всех ногаев, выяснить, есть ли среди них земледельцы, и — главное — запретить им самовольные набеги на соседние владения. Но удерживать их от походов удавалось не всегда.

Лидером буджакцев стал некий Иса-Ходжа — вероятно, улусник-немангыт, так как в документах он никогда не титулуется мирзой. В 1564 г. он обозначался как «ага аккерманских казаков» (Berindei 1972, p. 340–343; Lemercier-Quelquejay 1969, p. 271). Таким образом, массовые миграции на рубеже 1550–1560-х годов вызвали существенное увеличение ногайского населения в Буджаке. Но о формировании там Орды говорить еще рано.

Окончательное ее складывание произошло в 1620–1630-х годах, когда ногайские улусы Северо-Западного Причерноморья пополнились выходцами из Большой и Малой Ногайской Орды, отступившими под ударами калмыцкого нашествия. Сначала они желали разместиться в перекопских степях, но хан Мухаммед-Гирей III заявил, что не

сможет обеспечить им безопасность от калмыков. Тогда ногаи двинулись за Днестр (Бачинский, Добролюбский 1988, с. 88; Киртоагэ 1988, с. 83; РГВИА, ф. 482, д. 192, л. 177; Эвлия Челеби 1961, с. 194). Вновь начались их самовольные набеги на окрестные христианские владения, что внушало беспокойство Бахчисараю и Стамбулу. К тому времени в Буджаке уже имелось помимо крымского прибрежного аги десять начальников с титулом «ага буджакских татар». Ялы агасы по-прежнему собирал подати для крымского хана (Смирнов В. 1887, с. 574; Эвлия Челеби 1961, с. 194). Ногаи платили, но более тесных отношений с Гиреями не хотели. К тому же давняя принадлежность к уделу беков мангытов-Мансуровых заставила их включиться в гражданскую войну в Юрте в первой трети XVII в.

Главный антагонист правящей династии, мангытский карачи-бек Хантимур превратил Буджак в базу для своей борьбы с ханами, фактически обособившись от Крымского государства. Вот эти-то события и могут считаться началом существования Буджакской Орды. Хантимур в 1621 г. перешел в османское подданство, участвовал в походе султана Османа II на Хотин (Польша), где проявил себя с наилучшей стороны. В награду за отвагу ему было пожаловано звание бейлербея Öзю (Очакова); в начале 1630-х годов он обзавелся рангом бейлербея Бендерского (Бачинский, Добролюбский 1988, с. 88; Le khanate 1978, p. 152, 154). Попытки Гиреев вернуть мятежников под свою власть поначалу терпели неудачу, но в середине XVII в. буджакцы вновь оказались под двойным османско-крымским сюзеренитетом, в подчинении турецкого бейлербея и татарского ялы агасы. Для привлечения их к своим военным акциям Порта по-прежнему пользовалась посредничеством хана (Эвлия Челеби 1961, с. 29, 191–193; Le khanate 1978, p. 168). Бессарабские кочевники оказались вынуждены подчиниться этому порядку (он был восстановлен по инициативе султана), но иногда высказывались против крымского владычества. В XVIII в. Буджак был уже прочно инкорпорирован в государственную систему Юрта. Здешние мирзы направляли своих представителей для обсуждения государственных вопросов при дворе в Бахчисарае и ежегодного празднования ураза-байрама (Тунманн 1991, с. 46, 56).

Численность тюркского населения южного Пруто-Днестровского междуречья в литературе оценивается от тридцати тысяч во второй половине XVI в. до сорока пяти тысяч к середине следующего столетия (Киртоагэ 1988, с. 83). Источники по этому поводу сохранились лишь за XVII и XVIII вв. Ж. де Люк (1625 г.) писал, что буджакцы «могут выставить в поле пятнадцать тысяч человек» (Люк 1879, с. 488), т.е. имели общую численность от сорока пяти до шестидесяти тысяч. Г.Боплан называет то четыре-пять, то восемь-десять тысяч ногаев в целом (Боплан 1896, с. 324, 338). Эвлия Челеби сообщает, будто в поход на Венгрию летом 1657 г. с прибрежным агой отправилось

«сорок семь тысяч отборных, преданных, шумливых, храбрых буджакских татар» (Эвлия Челеби 1961, с. 47). По его информации, в 1665 г. с армией Мухаммед-Гирея IV сразились сорок-пятьдесят тысяч воинов-буджакцев (правда, вместе с ними в бою участвовали недавно прибывшие в Буджак Малые Ногаи) (Эвлия Челеби 1961, с. 192). Наконец, Тунманн привел цифру от тридцати до сорока тысяч воинов в середине XVIII в. (Тунманн 1991, с. 56). Если верить Тунманну и Эвлие, то общее количество жителей Орды должно было составлять от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти тысяч человек, что вполне вероятно: известно, что Буджакская степь была заселена довольно плотно.

Представители классического кочевого мира, пришлые ногаи, не оставили привычных занятий и на новой родине. Они передвигались от пастбища к пастбищу в двухколесных кибитках во время сезона травостоя, а на зиму собирались в селения (*кышла*), где заранее заготовлялись сено и топливо. Кочевание велось родовыми общинами–*казанами* во главе с мирзами (Бачинский, Добролюбский 1988, с. 88; Боплан 1896, с. 324). На местах зимовок существовало земледельческое хозяйство, причем в сравнительно развитых формах: Тунманн отмечал, что буджакцы его «ведут лучше, чем остальные ногайцы» (Тунманн 1991, с. 56). Подобных земледельческо-скотоводческих поселений Боплан насчитывал восемьдесят-девяносто, Эвлия Челеби — двести (возможно, последняя цифра охватывала полукочевые зимние стойбища, которые не казались французскому фортификатору достойными для причисления их к поселкам). Крупнейшим из них была ставка ялы агасы Ханкышла с пятью сотнями дворов, караван-сараем, мечетью и баней (Боплан 1896, с. 324; Эвлия Челеби 1961, с. 40).

Буджакцы участвовали в международной торговле, предлагая к продаже продукцию скотоводства; особенно ценились масло и мед, экспортируемые в Стамбул (Эвлия Челеби 1961, с. 40). Важной статьей экономики («важным средством для пропитания», по Тунманну) были грабительские набеги на Молдавию и Украину. Все иностранные наблюдатели отмечали чрезвычайную военную активность ногайских отрядов: «Белгороцкие... кочевые ногайцы без добычи на одном месте сидеть не могут»; «живут они исключительно добычею, подобно хищным птицам» и т.п. (Боплан 1896, с. 324; Статейный 1896, с. 25; Тунманн 1991, с. 56).

Относительно племенного состава Буджакской Орды в историографии нет ясности. Можно встретить утверждения, что она являлась частью «Малого Ногая» (Алексеева 1957, с. 39), или что буджакцы принадлежали к «крымскому племени мансур» (Дрон 1985, с. 10) либо к едисанам (Кочекаев 1988, с. 107)[16]. Исследователи заметили,

---

[16] Б.-А.Б.Кочекаеву принадлежит приоритет в принципиальной и абсолютно верной формулировке: термин «буджакцы» является чисто географическим обозначением, и никакой особой буджакской народности не существовало (Кочекаев 1988, с. 107).

что основную часть бессарабских ногаев составляли подразделения Урак-улы и Урмамбет-улы, но почему-то сочли эти подразделения двумя ветвями мансуров (крымских мангытов) или же принимали данные названия за имена двух братьев (Дрон 1985, с. 10; Киртоагэ 1988, с. 83) (Тунманн обозначал их как «два наиболее значительных рода» — Тунманн 1991, с. 56). На самом же деле Урак-улы — это не что иное, как Ураковы, т.е. казыевские мирзы — потомки Урака б. Алчагира, а Урмамбет-улы — хорошо знакомые нам Урмаметевы из Больших Ногаев. Следовательно, в Буджаке собрались остатки обеих ногайских Орд после их распада. Улусы Ураковых и Урмаметевых состояли из тех же тюрко-кипчакских элей, которые находились в их среде на протяжении XVI — первой половины XVII в. Множество этнонимических соответствий с кавказскими ногайцами и каракалпаками (см.: Баскаков 1964, с. 50; Дрон 1985, с. 15) подтверждает этническую близость буджакцев с прочими выходцами из развалившейся ногайской державы.

Осколки Больших и Малых Ногаев на протяжении XVII в. рассеялись на огромном пространстве евразийской степи. Лишившиеся единого центра, кочевники образовали улусные потестарные структуры — Орды. Крупнейшими и наиболее долговечными из них оказались Едисан, Едишкуль и Орда в Буджаке; из кочевников Ногайской Орды сформировался этнос каракалпаков. Все они сохранили память о прежнем пребывании в заволжской кочевой империи или в Казыевом улусе. Но в ходе хаотичных миграций былое деление ногаев на эли, крылья и улусы мирз уступило место новым политическим реалиям. Российскому, османскому, польскому и другим правительствам с середины XVII в. пришлось иметь дело с разрозненными объединениями ногайцев.

Раздел II

Nogaica

Очерк 1

Территория

Проблематика и историография. Территория Ногайской Орды и расселения ногаев определялась скотоводческим характером экономики и, следовательно, возможностями сезонных передвижений народа с его стадами. А эти передвижения, в свою очередь, ограничивались пределами степной ландшафтной зоны и крупнейшими реками. Степь сменялась лесом в верховьях Дона, выше волжской Самарской Луки, в верховьях Яика и низовьях Тобола. Южнее перечисленных рубежей лежало редконаселенное пространство, на котором в XVI в. кочевали татары, ногаи, башкиры и казахи. Поскольку цикличность ежегодных миграций вынуждала летовать на севере Дешт-и Кипчака, а зимовать на юге, то значительную часть года северная окраина степи оказывалась практически безлюдной.

Некоторые авторы используют это обстоятельство как довод в пользу незаселенности и «бесхозности» территории и, стало быть, правомерности российской колонизации, экспансии в степи (см., например: Гераклитов 1923а, с. 81; Осипов 1976, с. 14, 59, 60). Русские первопоселенцы в самом деле обнаружили обширные «пустые» земли, о которых рассказывали в песнях: «Далеко ты, моя степь, протянулася, Протянулася моя степь до Камышина, Из Камышина вплоть до Саратова, Ничево та во степе не уродилася. Как по етой по степе никто не прохаживал, Ни ясен та сокол не пролетывал. Пролегала здесь дороженька. Никто по ней не прохаживал, Никто следу не прокладывал» (Волга 1937, с. 128). Тем не менее «дороженьки» там все-таки существовали! По ним чабаны-улусники гнали стада с юга на летние пастбища ногаев (в песне описывается степь под Саратовом).

В условиях чрезвычайной распыленности населения категория его подданства, принадлежности к Орде определялась не столько проживанием в определенной местности, сколько подчиненностью улуса какому-нибудь мирзе, т.е. выплатой ему податей (Алишев 1995б, с. 23). В пограничных зонах иногда присутствовало «двоеданство» — например, сбор ясака в пользу казанско-татарских и ногайских властей одновременно (Исхаков 1985, с. 45, 46; Трепавлов 1997в, с. 14, 15). Как правило, там простиралась уже лесостепь, используемая не только

кочевниками, но и оседлыми местными жителями. Часто кочевые владения «обрамлялись» нейтральными территориями, поскольку земледельцы стремились селиться подальше от опасных степных соседей (Егоров 1985, с. 31).

В принципе вопрос о границах Ногайской Орды может быть поставлен, хотя пределы кочевых владений оказывались более условными по сравнению с рубежами оседлых государств. Историки уже давно пытались наметить географические очертания державы ногаев, иногда чрезмерно расширяя их. Так, А.И.-М.Сикалиев убежден, что все степи от Днепра до Иртыша в XIV–XVI вв. были населены ногаями (правда, по его мнению, лишь «восточные ногайцы» оказались объединенными в собственную Орду) (Сикалиев 1980, с. 3, 4; Сикалиев 1994, с. 78). Но хотя в позднейшие времена ногайцы и утверждали в эпических сказаниях: «земля наша простиралась до реки Манан (Дунай. — *В.Т.*), до горы Балкан» (цит. по: Сикалиев 1994, с. 70, 84), здесь отразилось расселение их по восточноевропейским степям в XVII–XVIII вв., уже после падения Ногайской Орды. А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже, не ссылаясь на источники, писали, что Ногайская Орда в середине XVI в. делилась на три части: юрт Шейх-Мамая — от Яика до Сырдарьи и до границ Сибирского и Казахского ханств, юрт бия Хасана — от нижней Волги до Кумы в Северном Дагестане — и собственно Большая Ногайская Орда во главе с Юсуфом в четырехугольнике Волга–Кама–Яик–Каспий (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 209).

Наиболее сомнительна в этих версиях принадлежность ногаям территории к западу от Волги в XVI столетии. К данному вопросу мы еще вернемся, а пока заметим, что распределение кочевых пространств между Юртами было обусловлено, очевидно, не только географическими, но и историко-политическими факторами. Ю.Е.Варваровский высказал интересную точку зрения — будто контуры татарских государств и Ногайской Орды были «запрограммированы» еще в ходе золотоордынских смут 1360–1370-х годов, когда сформировались пять крупных образований, каждое со своей замкнутой хозяйственной системой: Мамаева Орда, Хорезм, владения Шибанидов, Кок-Орда и Поволжье (Варваровский 1994, с. 20, 22). Правда, ареал расселения позднейших ногаев не вписывается ни в одну из этих зон, занимая часть Кок-Орды и шибанидских земель. Тем не менее Мангытский юрт на Яике действительно можно рассматривать как реликт правого крыла Кок-Орды.

Встречаются авторы-«агностики», считающие, что в принципе невозможно определить очертания Мангытского юрта XV — начала XVI в., так как кочевья ногаев располагались вперемежку с узбекскими и большеордынскими (Иванов 1935, с. 25; Сыроечковский 1932, с. 203). Другие исследователи ограничиваются указанием на крайние,

по их мнению, пределы Юрта — то ли между Яиком и Сырдарьей, то ли между Яиком и Волгой (Егоров 1993, с. 30; История 1993, с. 113; Устюгов 1974, с. 224). Т.И.Султанов считает, что в конце 1420-х годов Мангытский юрт и улус Шибанида Джумадук-хана разграничивала Эмба (Кляшторный, Султанов 1992, с. 217). Как бы то ни было, установить административно-территориальное деление Дешт-и Кипчака в то время весьма затруднительно. Гораздо больше определенности в историографии относительно контуров Ногайской Орды позднейшего периода.

Разброс мнений о ее границах сводится в литературе к следующим позициям.

Западная граница: Азовское море, долина Кубани, Кабарда (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 204; Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49); Волга от Астрахани до впадения в нее Камы (Жирмунский 1974, с. 416; Кузеев, Моисеева 1987, с. 101) или Самары (Кочекаев 1975, с. 120; Кочекаев 1988, с. 29; Очерки 1953, с. 440; Сафаргалиев 1949а, с. 34); *кроме того, порой уточняют, что между Ногайской* Ордой и Астраханским ханством лежали рукава нижней Волги — Бузан или Ахтуба (Очерки 1953, с. 440; Сафаргалиев 1952, с. 35, 36; Сафаргалиев 1960, с. 267).

Северная граница: условная линия от Камы или Самары с ее притоком Кинелью до реки Белой (Кочекаев 1988, с. 28; Самарская 1993, с. 40; Сафаргалиев 1949а, с. 34; Сафаргалиев 1960, с. 224, 230; Худяков 1991, с. 19); абстрактная «граница великого леса» (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 204; Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49); кроме того, отмечают, что после начала активной российской экспансии северные рубежи ногайских кочеваний смещались на юг по мере продвижения русских укрепленных линий все дальше в степь (Белокуров 1888, с. XXX, XXXI; Устюгов 1961, с. 6).

Восточная граница: условная линия от реки Эмбы до Аральского моря (Калмыков и др. 1983, с. 23) или просто Арал (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 204; Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49); река Сары-су (Howorth, 1965a, p. 18); верховья Иртыша (Жирмунский 1974, с. 416; Сафаргалиев 1949а, с. 34) или вообще Иртыш (Кузеев, Моисеева 1987, с. 101); горы Алатау (Кочекаев 1988, с. 28); условная линия от Ногайской степи, к юго-востоку от Тюмени, до нижней Сырдарьи (История 1993, с. 113).

Южная граница: условные линии от низовьев Сырдарьи до низовьев Яика и Волги (Жирмунский 1974, с. 416; История 1993, с. 113; Калмыков и др. 1983, с. 23; Кочекаев 1975, с. 120; Кочекаев 1988, с. 28; Сафаргалиев 1949а, с. 34; Сафаргалиев 1960, с. 230) или до устья Терека (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 204; Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49). А.И.Исин уточняет: Балханы и Мангышлак не принадлежали Ногайской Орде (Исин 1985а, с. 40).

Учитывая эти наблюдения наших предшественников и коллег, обратимся к источникам, чтобы выработать более-менее четкое представление о расположении ногайских кочевий.

Территория Мангытского юрта в XV в. Ногайский след в топонимике Дешт-и Кипчака. В главах 1 и 2 эта тема уже затрагивалась. Напомню, что стержневыми координатами собственных владений беклербека Эдиге в конце XIV — начале XV в. считались Эмба, Яик и Волга. О «юрте отца (предка. — *В.Т.*) моего» на этих трех реках упоминали в переписке с Москвой в 1550–1570-х годах бии Исмаил и Урус (НКС, д. 5, л. 167, 167 об.; д. 9, л. 25), а Исмаил однажды уточнил, что был «отец мои, князь велики (Эдиге. — *В.Т.*) на Яике, а другои отец же мне, Нурадын мирза, — на Волге» (НКС, д. 5, л. 129). Овладение Волго-Яицким междуречьем заняло у мангытов больше столетия — от договора между Эдиге и Тохтамышем об отарханивании левобережья (см. главу 2) до заселения этого края заволжскими кочевниками в эпоху бия Мусы (конец XV — начало XVI в.). «Казанский летописец» повествует, что при Иване III (1462–1505) Большая Орда окончательно рухнула, а ее территория «при нем от... мангит до конца запусте... и вселишася в Болшои Орде наг(а)и (и) мангиты, из-за Яика пришедше, иже до ныне в тех улусех качюют» (История 1903, с. 14; Сказание 1959, с. 28). Соответствуют этой приблизительной датировке и сведения одного из вариантов дастана о Мусе: «Муса-хан» решил переселить часть «ногайлинцев», недовольных своими кочевьями, в местность Нарын, которую П.И.Небольсин и вслед за ним В.М.Жирмунский корректно отождествили с пустыней Нарын, или Рын-песками, к северу от каспийского берега (Небольсин 1852, с. 46; Жирмунский 1974, с. 398). Владычество же Мусы целиком совпадало по времени с княжением Ивана III в Москве. Таким образом, только в первые годы XVI в. западная граница Мангытского юрта окончательно утвердилась на нижней Волге.

Восточная граница просматривается менее отчетливо. Если в цитированных выше грамотах крайним топонимом на востоке служит Эмба, то фольклорные произведения упоминают и местности за Эмбой. В каракалпакском варианте Нураддин б. Эдиге говорит о пропавшем жеребце: «Он из-за Волги и Яика, С черных песков Нура[1], Из местности народа ногайского». Нурадин в татарском «Идегее» передает отцу привет от «нашего дорогого родимого края», включающего «Идиль (Волгу. — *В.Т.*), Яик, Булгар, Сарай, Черные пески Нуры, Уел (река Уил. — *В.Т.*), Кыял, Илек, Каргалы» (Идегей 1990, с. 121)[2].

---

[1] Вероятно, следует читать «Нуры» (ср. следующую цитату). Нура — река в Центральном Казахстане.

[2] Присутствие в данном перечне Сарая и Булгара объясняется, во-первых, поволжско-татарской модификацией этого основного дастана ногайского эпического цикла; во-вторых, тем, что эпос «Эдиге» описывает события, происходившие еще в Золотой Орде, в которую входило все население Среднего и Нижнего Поволжья. Кыял — это, возможно, левый приток Яика — Киялы-Буртя. О «Карагале Илеке» см. примеч. 15 к главе 1.

Казахская версия дастана «Урак и Мамай» гласит, будто во время голода и джута почти все ногаи откочевали в ***Каракумы*** (Беляев 1917, с. 28; Жирмунский 1974, с. 201; Идегей 1990, с. 14). Полагаю, что речь может идти о песках Каракум (букв. «черный песок»), что расположены на северо-восточном побережье Арала и примыкают с севера к низовьям Сырдарьи[3]. Судя по хроникам Бинаи и Кухистани, после смерти Эдиге ядро Мангытского юрта располагалось в районе Яика, Эмбы, Илека — в общем, в Западном и отчасти Центральном Казахстане (где течет река Нура) до Приаралья. Приблизительно тот же регион — от Волги до Сырдарьи — обрисован сакральной топографией каракалпаков в исторической песне-толгау «Ормамбет-бий»: после смерти бия Ураз-Мухаммеда («Ормамбета») «десятисанные ногаи» были вынуждены покинуть *Едил үйдиң есиги* (Волгу — дверь юрты), *Жайык үйдиң жапсары* (Яик — боковую сторону юрты) и *Туркестан үйдиң төри* (Туркестан — переднюю, почетную сторону юрты) (Толстова 1977, с. 161; Толстова, Утемисов 1963а, с. 43). Именно эта территория являлась доменом ногаев, откуда началось возрастание их гегемонии во второй половине XV в.

Северная граница раннего Мангытского юрта по источникам не прослеживается абсолютно. Неясно также, смыкался ли он с Сибирским юртом на северо-востоке.

Иллюстрацией к карте расселения ногаев может служить топонимика Дешт-и Кипчака, в том числе речных берегов-«сторон». Степная зона из-за редкой населенности, миграций и различных исторических коллизий имеет довольно неустойчивую систему географических названий. От средневековья до современности уцелели обозначения разве что самых крупных рек. Более мелкие объекты с XVI в. могли по нескольку раз менять наименования (Конкашпаев 1969б, с. 308, 309); это продолжается и в наши дни.

Множество русскоязычных источников XVI — начала XVII в. называют «стороны» средней Волги Горной и Луговой, нижней Волги — Крымской и Ногайской[4]. Границей между Горной и Крымской с одной стороны и Луговой и Ногайской — с другой служила

---

[3] Впрочем, возможно, что имелись в виду и те «Черные пески», что находятся на северо-восточном побережье Каспия, между устьем Эмбы и сором Мертвый Култук. Вообще изначально слово *каракум* являлось не собственным названием, а ландшафтным термином, обозначавшим любую песчаную пустыню с разнообразной растительностью, служащей кормом для верблюдов и мелкого рогатого скота (Мурзаев 1996, с. 147, 148). Но, во всяком случае, не вижу оснований относить данный топоним к степи севернее Терека (см.: Жирмунский 1974, с. 501).

[4] Изредка проскальзывают иные обозначения: «Нагаиская Орда вся кочюет по тои (восточной. — *В.Т.*) стороне Волги, ***на Ординскои стороне***» (1537 г.; КК, д. 8, л. 413). Первый случай употребления понятия «Ногайская сторона» замечен мною в донесении посла А.Нагого из Крыма от 17 февраля 1564 г.: «А за Волгу де возитись им (турецко-крымским войскам. — *В.Т.*) против Черепажского устья на Нагаискую сторону» (КК, д. 10, л. 322).

Переволока. Соответственно безлесное пространство восточнее Волги до Яика именовалось Ногайской степью (западнее — Крымской степью) (см.: Бушев 1987, с. 31; НКС, 1631 г., д. 1, л. 66). Нетрудно догадаться, что названия разных берегов давались по державам-гегемонам.

Смена гегемонов влекла и изменения в топонимике. С конца первой четверти XVII в., когда начались массовые переселения ногаев на волжское правобережье, в русских источниках встречаются иные названия бывшей Ногайской стороны: Астраханская (1621 г.) и Луговая (1631 г.) — так же как и область к северу от Переволоки (НКС, 1632 г., д. 1, л. 303, 304; ПД, д. 6, л. 444 об.; ПДП, т. 3, с. 530). Сами ногаи стали именовать ее Калмакской (от *калмак* — тюркское название калмыков) (НКС, 1631 г., д. 1, л. 69; д. 2, л. 46). Русские же власти не расценивали эпизодические в ту пору набеги калмыков как глобальное явление для присвоения «стороне» их этнонима. «Крымская сторона» сохранялась в речи по-прежнему, так как Крымское ханство продолжало существовать.

По крайней мере с середины XVI в. и до 1620-х годов Астраханскую и Ногайскую (или Карадуванскую) стороны имела волжская протока Бузан (НКС, д. 7, л. 21 об., 79; 1629 г., д. 1, л. 210).

По мере освоения ногаями в XVII в. пастбищ к западу от Волги связанная с ними этническая номинация распространилась на местные реки — прежде всего Дон, у которого с 1630-х годов тоже фиксируются Крымская и Ногайская стороны и соответственно Крымская и Ногайская степи (Книга 1950, с. 77, 78, 81–87; Материалы 1912, с. 65, 66; НКС, 1636 г., д. 2, л. 29). Впрочем, полагаю, что приписывать данное изменение только наплыву восточных мигрантов неверно. Не меньше оснований считать себя эпонимами Ногайских сторон имели ногаи Крымского юрта, насельники степного Причерноморья.

Историки резонно объясняли соответствующие наименования составом улусов, кочующих по «сторонам»: по Ногайской, естественно, передвигались ногаи; как выразился о. Евгений (Болховитинов), «на одной стороне бегала орда крымских татар, а на другой — ногайских» (Евгений 1800, с. 33; Кобяков 1955, с. 59). К середине XVIII в. ногайцев в Подонье почти не осталось, они подались ближе к Крыму, в Бессарабию и на Северный Кавказ. Поэтому присутствие их этнонима в донской топонимике стало столь же неуместным, как и на нижней Волге за столетие до того. При том что Крымская сторона Дона название не изменила, противоположная превратилась в Кубанскую (см., например: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1165, л. 16; ф. 846, оп. 16, д. 75, ч. 2, л. 84, 286).

В 1515 г. отмечены Крымская и Ногайская стороны реки Северский Донец (ПДК, т. 2, с. 141). В XVII в. такими же сторонами и

одноименными «степями» «обзаводятся» также многие другие реки региона: Воронеж, Ворскла, Липовый Донец, Оскол, Сосна, Усмань и др. (см.: Багалей 1890, с. 6, 7, 43; Воронежский 1976, с. 148; Евгений 1800, с. 14; Загоровский 1992, с. 160; Книга 1950, с. 69 и сл.; Материалы 1891, с. 48, 50, 74, 100, 130, 189; ПЮН, 1977, с. 11–13, 16, 20–24, 26, 27, 30, 32, 35, 70, 82, 84).

Территория Крымского юрта севернее Перекопа и Азовского моря, западнее Днепра и восточнее Конских и Овечьих вод в XVI–XVII вв. носила название Ногайской степи; позднее черкесы так же называли пространство между Азовом и Доном (Булгарова 1999, с. 14; Любавский 1996, с. 258, 310, 343, 544).

Кубань, одна из основных водных артерий Малой Ногайской Орды, не приобрела названия по этнониму для своего северного берега, где в основном и обитали казыевцы. Та сторона оставалась Азовской (см., например: НКС, 1635 г., д. 1, л. 71; д. 3, л. 169) (название противоположной стороны мне не встречалось).

Ногайские стороны имелись у реки Белой в районе Уфы (Филоненко 1915, с. 29; Шишонко 1881, с. 97) и у нижнего Иртыша; другая сторона последнего была Сибирской. К западу от Иртыша простиралась Ногайская степь (Материалы 1932, с. 297; Миллер Г. 1787, с. 33, 34; Миллер Г. 1937, с. 191; НКС, 1626 г., д. 1, л. 22).

По логике подобных наименований обе стороны Яика, центра Орды ногаев, должны были стать Ногайскими. Однако информация об этом отсутствует. Сохранились данные лишь от XVII в., когда прежние обитатели уже были вытеснены оттуда. Местные казаки обозначали стороны реки по ближайшим «стольным» городам — Самарская и Бухарская (Ким 1995, с. 11), но едва ли это являлось реликтом доказачьей географической номенклатуры.

Еще один след ногайская эпоха оставила в виде имен мангытских аристократов, увековеченных в топонимике Дешт-и Кипчака. К таковым относятся: гора *Идигетау*, одна из вершин хребта Улутау в Центральном Казахстане; *Уракова гора* (*Ураков бугор*, *Ураков караул*) на правом берегу Волги неподалеку от Камышина, названная так якобы по имени некоего татарского князя, который погиб в этих местах в бою с казаками; речки Русская и Немецкая *Ураковки*, соединяющиеся у самой Волги и впадающие в нее у подножия Ураковой горы; *Ураковский перекат* между Казанью и Чебоксарами; *Мамаевы городища* и *Мамаевы мары* — древние могильники и руины, приписывавшиеся в XIX в. Мамаю; древний *канал Мамая*, впадавший в Сахарное озеро близ Царева городища под Волгоградом (Валиханов 1904а, с. 224; Валиханов 1961д, с. 121; Валиханов 1968, с. 491, 492; Гарипова 1980, с. 138, 139; Зайковский 1914; Минх 1900, с. 550; Минх 1901, с. 606, 1063, 1064). Наконец, в тех же местах, в районе

Переволокской переправы, находится известный всем *Мамаев курган*[5].

В степях Юго-Западного Казахстана и Приаралья, насколько мне известно, подобных обозначений не сохранилось. Пока же по топонимическим свидетельствам мы можем очертить ареал расселения ногаев эпохи Орды территорией, ограниченной на западе Волгой (позднее Доном и Воронежем), на севере — Белой, на востоке — Иртышом. Попытаемся теперь уточнить этот вывод материалами других источников.

Граница на востоке и юге. В.И.Сергеев проанализировал жалованную грамоту царя Ивана Васильевича купцам Строгановым 1574 г., где, в частности, упоминаются земли «меж Сибири и Нагаи — Тагчеи и Тобол река с реками (притоками. — *Примеч. В.И.Сергеева*) и с озеры до вершин». Они отнесены к государевой «вотчине за Югорским камнем, в Сибирской украине». Таким образом, четко разделены «Сибирская украина» — вся территория Сибири и «Сибирь» как юрт хана Кучума (Миллер Г. 1937, с. 389; Сергеев В. 1976б, с. 14). Между «Сибирью»-ханством и «Нагаями» находятся Тобол и неидентифицируемый Тагчей. Следовательно, если Ногайская Орда в то время и примыкала к Тоболу, то, во всяком случае, не по всему его течению. Очевидно, в царской грамоте 1574 г. речь идет о среднем течении Тобола (на территории современной Курганской области), поскольку низовья (Тюменская область) находились в Сибирском ханстве, а верховья (Кустанайская область Казахстана) — в кочевой степи. Северная граница этой степи тянулась по землям нынешних Кокшетауской и Астанинской областей Казахстана, подходя к Иртышу в пределах Павлодарской области[6]. Севернее начинался Сибирский юрт.

Ч.Валиханов предполагал, что ногаи расселились очень далеко к востоку, основываясь на том, что казахи все древние развалины и могильники в его время (середина XIX в.) приписывали ногаям. Восточным пределом кочевания последних Валиханов считал горы

---

[5] Мамая, имя которого сохранили все эти географические объекты, обычно идентифицируют со знаменитым золотоордынским беклербеком 1370-х годов. Думаю, реальнее было бы усматривать прототип в могущественном ногайском правителе Поволжья Мамае б. Мусе, дяде Урака, кочевавшем в этих местах в 1520–1530-х годах. Интересно, что уже в середине XVI в., после смерти Мамая, его имя вошло в топонимику Дешта. *В октябре 1552 г. русский гонец сообщил в Москву, что мирзе* Белек-Пуладу в этом году доведется «зимовати... на сеи (западной. — *В.Т.*) стороне Волги на ***Мамаеве кочевище***» (НКС, д. 4, л. 149 об.).

[6] Помимо названия иртышского берега «Ногайская сторона» есть и другие данные о проживании ногаев на Иртыше. В хронике «Хасса айн» они, наряду с народами хотан и кара-кипчак, названы «имеющими кочевье» вдоль этой реки (Катанов 1903, с. 136, 143, 150). Однако Иртыш находился так далеко от изначального Мангытского юрта, что под «ногаями» здесь, как нам кажется, скрываются не подданные мангытских биев, а будущие сибирские татары — может быть, те, что с 1580-х годов составили удел ногайского тайбуги.

Алатау в Юго-Восточном Казахстане (Валиханов 1986, с. 256). Как весьма примечательные расценивал казахский ученый киргизские предания о Манасе, в которых ногаи (ногои) кочевали по рекам Таласу и Чу в Семиречье, во владениях позднейшего Старшего жуза (Валиханов 1961в, с. 358, 369). Если эти свидетельства и связаны каким-то образом с жителями Ногайской Орды, то лишь с их далекими предками; сказания могут являться отголоском их пребывания там до второй половины XIV в. (см. главу 1).

Иртыш, Тобол и тем более далекий Талас не упоминаются в документах, вышедших из среды самих ногаев, а вот Сырдарья фигурирует неоднократно, причем в качестве крайнего юго-восточного пункта кочевания. В недатированной грамоте 1580-х годов мирза Хан б. Урус информировал царя: «А наши улусы конец зимует на реке на Куме, а другои на реке на Сыре» (НКС, 1586 г., д. 4, л. 1). То же сообщал бий Иштерек воеводам осенью 1614 г.: «А ныне наши улусы по Куме реке и по Сыр реке» (НКС, 1614 г., д. 3, л. 56). Выражение «за Сыр», «к Сыру» служило обозначением бегства или откочевки из Ногайской Орды в Среднюю Азию. Полагаю, что имелись в виду низовья реки, где расположены те самые эпические Черные пески — Приаральские Каракумы. Ногайские кочевья располагались, вероятнее всего, лишь на северной стороне реки, от ее устья приблизительно до современного города Кзыл-Орда. Южный берег занимали узбеки, далее на восток жили казахи[7].

Сведений о пространстве между Аральским и Каспийским морями почти нет. В середине XVI в. эту местность описывал А.Дженкинсон: «Страна... вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря до земли татар, называемых туркменами, носит название Мангат или ногаев». Ниже он оговаривает, что «великая пустынная земля татар, называемых туркменами», простирается к востоку от Каспия, ногаев — к северу от него. При этом английский путешественник описывает полуостров Мангышлак и его правителя, некоего Тимур-султана, без всякой связи с ногаями (Дженкинсон 1937, с. 169, 175, 187)[8].

Мангышлакские туркмены в первой четверти XVI в. являлись подданными-райятами узбекских ханов (см.: Мунис 1969, с. 439, 440), и нет данных о проникновении туда ногаев до конца столетия, когда те на непродолжительное время все же вытеснили туркмен с полуостро-

---

[7] Очевидно, отголосками каких-то более поздних миграций являются топонимы Ногайкурган и Ногайтепе в Ташкентском оазисе в бассейне средней Сырдарьи (Средняя 1999, с. 79–81). В.В.Бартольд связывал первый из них с поволжскими татарами, называемыми в тех местах ногаями (Бартольд 1963а, с. 278).

[8] Не вижу оснований согласиться с С.И.Аджигалиевым, который считает, будто на Мангышлаке в XVI в. обитали «потомки воинственных тюрок», входившие в Ногайскую Орду (Аджигалиев 1994, с. 30). Текст Дженкинсона, привлекаемый данным автором в качестве аргумента, никак не подтверждает такой вывод.

ва (см. главу 8)[9]. Тем не менее и этот конфликт, и факт проживания ногаев на пространстве от Эмбы до Сырдарьи показывают, что Орда соседствовала с туркменами. В 1610-х годах бий и нурадин уходили на зимовье «за Яик к Енбе на Карабулун», проводя холодный сезон «за Енбою на Карабулуне пот тюрхменцы» (Акты 1915, с. 9, 27). Что такое Карабулун, мне выяснить не удалось, но несомненно, что он находился где-то южнее эмбинского устья.

Сопоставив этот факт с прямой информацией Дженкинсона о принадлежности Северо-Восточного Прикаспия ногаям и с косвенной — о том, что Мангышлак им не принадлежал, — получаем основание наметить южную границу Орды между Аральским и Каспийским морями по условной линии: залив Мертвый Култук (Комсомолец) — пески Сам (стык Атырауской и Актюбинской областей Казахстана и Каракалпакии) — западный берег Аральского моря в том районе, где к нему подходит северный край плато Устюрт.

Данная местность ныне расположена в Западном Казахстане, который в природном и экономическом отношении значительно выделяется среди других районов страны засушливым климатом, преобладанием пустынного ландшафта, малым числом городов, небольшой плотностью населения (втрое меньшей, чем в среднем по Казахстану). При этом своеобразии «обособленность запада от остального Казахстана четко прослеживается на протяжении последних трех тысяч лет» (Масанов 1995б, с. 126).

В этом регионе в конце XVII – XIX в. располагался Младший жуз. Учитывая вековое своеобразие западноказахстанских степей, можно предположить, что находившиеся там жуз и Ногайская Орда приблизительно совпадали территориально. Восточные и южные границы Младшего жуза известны гораздо определеннее: устье реки Урал — северо-восточный берег Каспия — Тюк-Караганский мыс на Мангышлаке — мангышлакские хребты Ак-Тау и Кара-Тау — поперек Устюрта — аральский залив Кичи-Кулмагир — северо-западный, северный и северо-восточный берега Аральского моря — устье Сырдарьи (полуостров Унадым) — вверх по реке до кокандской крепости Кош-Курган — река Сары-су — горы Улутау — верховья Тургаев — Большой Тургай — река Убаган — часть Тобола (Военно-статистическое 1848, с. 3, 4, 73, 74). Таким образом, очертания казахского Младшего жуза на юге и востоке приблизительно совпадали с гипотетически обрисованными нами рубежами ногайской державы. Из этой схемы выбиваются лишь данные о ногаях на Иртыше: эта река находится довольно далеко от гор и рек, разграничивавших Младший и Средний жузы. Думаю, реальнее было бы видеть восточное пограничье ногаев на Нуре, Сары-су и среднем Тоболе.

---

[9] В туркменских сказаниях сохранилась память о тогдашнем кочевании ногаев на полуострове (см.: А.К. 1873, с. 10).

Граница на севере и западе. Наиболее четко определяется разделение между Мангытским и Астраханским юртами по Бузану. В документах 1560-х годов, когда регулировались территориальные претензии между ногаями и Иваном IV, недавно завоевавшим Нижнее Поволжье, оно отражено ясно. Среди местного населения бытовало убеждение, будто «изстари по Бузан[у] был рубеж Астороханской при прежних царех». Эту границу было велено соблюдать и астраханским воеводам (НКС, д. 6, л. 41 об., 45, 45 об., 111 об., 112, 133 об.; д. 7, л. 11 об., 14, 14 об., 79). К тому же, как указывалось выше, берега Бузана носили наименования Ногайской и Астраханской сторон, что явно свидетельствует о пограничности протоки.

Правое крыло Ногайской Орды располагалось в Поволжье. В дипломатической переписке в качестве общеизвестных координат, в рамках которых осуществлялись перекочевки, выступают обычно крупнейшие татарские города (Казань, Астрахань, руины Укека), реки Кама и Самара, а также Самарская Лука. При этом маршруты сезонных передвижений проходили, как правило, по Ногайской стороне — левому берегу Волги в нижнем течении. Переходы на правый берег случались, но вопрос об отнесении западных степей к Ногайской Орде требует особого рассмотрения (см. ниже). А пока отметим, что Волга во многих источниках предстает как граница ногайских владений. Об этом говорят следующие факты.

Во-первых, Бий Исмаил во второй половине 1550-х годов просил Ивана IV поставить заслоны на главных волжских переправах, чтобы не допускать вторжений казыевцев и Юсуфовичей с Крымской стороны, а сам держался поближе к Яику, поскольку боялся, что его подданные, оказавшись у Волги, по ее «леду перелезут да в Крым поидут» (НКС, д. 4, л. 103, 103 об.; д. 5, л. 120, 120 об.; 1587 г., д. 4, л. 11; Перетяткович 1877, с. 285).

Во-вторых, обязанностью ополчения правого крыла во главе с нурадином было стоять «в заставе от Крыму» именно на своей стороне Волги, в готовности отразить вражеское нападение с противоположного берега (Посольские 1995, с. 128, 133, 137).

В-третьих, данный рубеж упомянут в самых первых летописных сообщениях о ногаях: в 1481 г. сибирско-ногайская армия погромила большеордынского хана Ахмеда «и полон весь ***за Волгу*** перевезе ***в Ногаи***» (Вологодско-Пермская 1959, с. 274; Холмогорский 1977, с. 124).

В-четвертых, независимые друг от друга европейские наблюдатели описывали контуры России и окрестных владений, называя Волгу рубежом, отделяющим ногаев. Дж.Флетчер упоминал о «татарах нагайских, владеющих всем краем ***на восток от Волги*** к Каспийскому морю»; Э.Крузе и И.Таубе: «Границы (распространения)... татар, называемых нагайцами, начинаются в пятистах милях от Москвы

за большой рекой Волгой и по ту сторону Казани»; Б.Маржерет: «***За Волгой*** обитают татары, зовущиеся нагаями»; Хуан Персидский: «***На берегу этой реки*** (Волги. — *В.Т.*) ... ***с правой стороны*** (здесь — восточной, так как автор плыл вверх по Волге. — *В.Т.*) обитает татарское племя. Это племя называется Ногаи» (Флетчер 1905, с. 6; Таубе, Крузе 1922, с. 57; Маржерет 1982, с. 144; Хуан 1899, с. 7).

В текстах фигурируют разные пункты, обозначающие точку поворота ногайской границы от Волги на восток. Один из них — низовья Самары и образующийся там изгиб Волги (Самарская Лука). В 1570–1580-х годах там летовали мирзы правого крыла (НКС, д. 8, л. 377; 1587 г., д. 1, л. 14). «На Самарском устье» мирзы встречали иногда русских послов, въезжающих в ногайские земли; а к западу от Самары, после основания в 1586 г. одноименной крепости, начинались земли, подвластные русским воеводам (Материалы 1932, с. 102; НКС, д. 9, л. 157). В качестве границы — правда, не ногайско-русской, а ногайско-башкирской — Самара названа в одном из башкирских преданий: после конфликта хана башкир Кусема б. Туры с ханом из Сарайчика Бураком их владения разделила Самара; северная ее сторона досталась Кусему («его подданные были башкиры»), южная — Бураку («его подданные были ногайцы») (Башкирские 1960, с. 80).

В течение же первой половины XVI в. и до конца 1570-х годов крайним северным пределом считалась местность, лежащая еще выше по Волге, чем Самарская Лука. «Ныне, по лету кочюючи, до Казани докочевали... занеже то известное наше кочевище Казань» (1536 г.); «на Каме за 60 верст от Казани, а Исмаил тут летовал» (1548 г.); «летом кочюем близко Казани» (1577 г.) (НКС, д. 8, л. 47 об.; Посольские 1995, с. 186, 238) — эти и другие подобные оговорки в грамотах показывают, что ногайские улусы подступали вплотную к Казанскому юрту или даже занимали его территорию[10]. Но упоминание Казани служит лишь ближайшим крупным ориентиром, понятным для русских адресатов. Едва ли в Москве могли сразу определить местонахождение улусов, если в грамоте значилось: «А летовище наше, где нам летовати, — близко же Камы, на Еликопсере» или: «близко Камы под лесом», т.е. на ландшафтной границе леса и степи выше Луки (НКС, д. 4, л. 47 об., 135).

При этом Кама также порой изображается в документах как ногайская граница. После разгрома русскими войсками хана Сафа-Гирея летом 1529 г. под Казанью он бежал в Крым, а тридцать тысяч ногаев

---

[10] О четкой границе между областями расселения казанских татар и ногаев говорится у П.Петрея де Ерлезунды (1620-е годы). Шведский автор сообщает, что Волга впадает в реку Rescinda и что она отделяет «казанских татар от ногайских, астраханских от крымских» (Петрей 1867, с. 78). Очевидно, здесь какое-то недоразумение. Географически невозможно представить рубеж, разграничивавший одновременно крымцев, астраханцев, казанцев и ногаев.

во главе с мирзой Али б. Мамаем «побежаша *за Каму*» (Татищев 1966, с. 128) — стало быть, из казанских владений в свои. Такой же поворот границы по Волге–Каме отображен у С.Герберштейна. В его «Записках о московитских делах» говорится, что правитель самого западного удела Ногайской Орды Коссум (Хаджи-Мухаммед) владел «всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра» (т.е. Волгой) (Герберштейн 1988, с. 179). Четко это обозначено и у Э.Дженкинсона: «Страна ***по левую сторону Волги от Камы*** до Астрахани и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря... носит название Мангат или ногаев» (Дженкинсон 1937, с. 169).

Таким образом, улусы мангытских мирз кочевали по Ногайской стороне до впадения Камы (с 1580-х годов — Самары) в Волгу. Далее к востоку начиналась область расселения башкир, подчиненных Ногайской Орде. Первые данные о пребывании в Башкирии мирз относятся к августу 1489 г., когда Ямгурчи б. Ваккас сообщил Ивану III, что его «кочев на Белой Волжке был», т.е. на реке Белой (Агидель), левом притоке Камы (Посольская 1984, с. 19; СГГД, ч. 5, с. 7). Для того чтобы отправиться в набег на недавно присоединенную к России Вятскую землю (Нукрат), ногаям требовалось пересечь Белую. «Прошлые зимы Белую Вольшку, перелезши, сын мои Хан мырза твою землю Нократ воевал», — писал в 1535 г. Ивану IV Шейх-Мамай (Посольские 1995, с. 166)[11].

Вместе с тем нельзя считать эту реку пограничной на всем протяжении. Ведь после массового исхода ногаев из Башкирии, как гласит шеджере тамошнего племени карагай-кыпсак, местные аборигены «взяли себе земли бежавших ногайцев ***с обеих сторон*** реки Белой» (Башкирские 1960, с. 117). Значит, Белая лишь в своих низовьях отделяла Ногайскую Башкирию от казанских (затем от российских) владений.

Пространство к югу от Камы, от ее впадения в Волгу до устья Белой, представлено в «Казанском летописце» как территория Казанского ханства: «То бо бе преже земля Болгарец малых за Камою промеж великия реки Волги и Белыя Воложки, до Великия орды Нагайския» (История 1903, с. 12). Надо полагать, что между летовьями ногаев под Казанью и Ногайской Башкирией сохранялся «выступ» с казанским подчинением, населенный башкирами[12]. Западной границей Ногайской

---

[11] Вятская земля до конца XV в. выплачивала дань в Казань (Послание 1997, с. 32). В то время за Вятской землей казанские владения заканчивались и начинались ногайские (Колло 1996, с. 62).

[12] Вместе с тем в 1552 г. Исмаил летовал «на Ике реке от Камы днищ с пять» (НКС, д. 4, л. 137 об.), т.е. шел он на Ик все-таки от Камы. Кроме того, есть данные фольклора башкир-юрматы о прежнем проживании ногаев на реках Зай и Шешма — в междуречье Волги и Белой (Исхаков 1985, с. 45). Представляется, что предположение Д.М.Исхакова о двойной, ногайско-казанской подчиненности этого края (Исхаков 1985, с. 45) полностью объясняет противоречия в источниках.

Башкирии, несомненно, являлась река Ик. По полевым записям Р.Г.Кузеева, она не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов обстреливали друг друга из луков (Кузеев 1974, с. 318), т.е. находились во враждебных отношениях, и юрмийцы не могут считаться ногайскими подданными. По татарскому шеджере потомков ногайца Гирает-бия, эти потомки долго проживали к востоку от Ика и только в конце XVII в. перешли на его «татарский» берег (Личный архив Н.М.Мириханова).

Р.Г.Кузеев определил сферу ногайского господства западнее Уральского хребта до низовьев Белой, а восточнее — до верховьев Яика и Ая (Кузеев 1974, с. 484). Это мнение полностью согласуется с данными источников начала XVII в. В 1601 г. уфимский воевода М.А.Нагой сообщал своему тюменскому коллеге Л.А.Щербатову, что, по донесениям ясачных татар, сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати «в Уфинском уезде с ясашных волостей с устья Белы Воложки до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости» (Миллер Г. 1941, с. 165). Упоминание последнего топонима позволяет расширить область ногайской гегемонии дальше на восток. Тем более что в 1623 г. калмыцкий тайши заявил жителям именно Катайской волости: «Наперед вы сего давывали ясак нагайцом, а ныне де дадите ясак (мне. — *В.Т.*), и я... к вам пришлю для ясаку послов своих» (Миллер Г. 1941, с. 292).

Таким образом, резонно заключить, что северо-восточной границей служил восточный рубеж Катайской волости будущей Сибирской даруги Башкирии — приблизительная меридиональная линия по южноуральским озерам Иткуль (или, может быть, Щелкун), Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргази. Далее границу возможно провести по верхнему течению Уя (может быть, до впадения в него Увельки), по обеим сторонам которого некогда также обитали «роды ногаев, господствовавших над башкирами — восточно- и западноуральскими» (Словцов 1886, с. 12)[13].

Отдельные упоминания о появлении ногаев далее к северо-западу и к северо-востоку от очерченных пределов оказывались скорее всего следствием их набегов или миграций за пределы своей Орды (см., например, строительство городков Строгановыми на Каме для береженья от ногайских вторжений в 1550-х годах или кочевание Джан-Арслана б. Уруса с Алтыулами в 1601 г. на реке Исети (Средний Урал), где они спрятали свои семьи, готовясь к войне с Большой Ногайской Ордой, — Миллер Г. 1941, с. 169; Соловьев 1989а, с. 666).

---

[13] При таком определении северной границы река Самара оказывается в глубине ногайских владений. Э.Дженкинсон тоже отметил, что она вытекает из Пермской страны, «течет *через* ногайскую землю и впадает в Волгу» (Дженкинсон 1937, с. 170). Следовательно, мы возвращаемся к выводу о том, что до 1580-х годов северные рубежи Ногайской Орды примыкали к Каме.

Вопрос о волжском правобережье в историографии и источниках. Вопрос о том, распространялась ли территория Ногайской Орды на степи к западу от Волги, не решен в литературе. Опираясь на немногие высказывания источников, авторы приходят к разноречивым выводам. А.И.-М.Сикалиев полагает, будто «после разгрома Большой Орды (в 1502 г. — *В.Т.*) степи Северного Кавказа, Приазовья и Северного Причерноморья до реки Дунай слились с Ногайской Ордой с центром в городе Сарайчук». «Западные ногайцы», по мнению этого исследователя, «после включения в Ногайскую Орду составили семь санов (етисан)». Такие же «саны», возможно, были образованы на Кубани, в Предкавказье и Буджаке (Сикалиев 1994, с. 33, 36, 37).

Другие историки более осторожны в оценке пределов Ногайской Орды на западе, но тоже связывают ее расширение в том направлении с ослаблением Большой Орды (см., например: Арсланов, Викторин 1995, с. 338; Некрасов 1990, с. 28). В.М.Жирмунский, не указывая конкретных дат, считал, что после распада Золотой Орды ногаи стали переселяться на правый берег Волги и уже в 1530-х годах оба берега превратились в район обычных ногайских кочевий (Жирмунский 1974, с. 416; такого же мнения вслед за ним придерживались Ф.Г.Гарипова и Д.С.Кидырниязов: Гарипова 1980, с. 138; Кидырниязов 1991а, с. 111). В.Е.Сыроечковский связывал наплыв ногаев на причерноморские равнины с их победой над Мухаммед-Гиреем I в 1523 г. (Сыроечковский 1940, с. 61). Особняком стоят суждения А.Беннигсена и Ш.Лемерсье-Келькеже, заключивших, что в середине XVI в. держава ногаев разделилась на три независимых друг от друга Юрта, одним из которых стало владение Хасана б. Ваккаса от Кумы до низовьев Волги (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 209).

Встречаются довольно ранние датировки заселения ногаями Подонья. Например, Н.Л.Янчевский считал их «постоянными обитателями Дона» в XVI в., «доходившими даже до Крыма». «Именно ногайцев, — пишет этот автор, — можно считать коренными жителями Дона», ведь они упоминаются в его окрестностях еще в 1481 г. (при разгроме ими Ахмед-хана) и регулярно — с середины XVI в. до 1630-х годов (Янчевский 1930, с. 101, 102). Как «основную территорию обитания ногайцев в XVI–XVII вв.» трактовала Волго-Донской водораздел и Е.П.Алексеева, а отдельные их улусы, по ее мнению, селились в Пятигорье и прикрымских областях (Алексеева 1957, с. 16, 37, 39). Начатое еще в конце XV в. освоение ногаями пастбищ между Волгой и Хопром, пишет А.А.Шенников, было завершено, вероятно, к середине следующего столетия (о чем якобы свидетельствуют жалобы бия Юсуфа на донского атамана Сары-Азмана в 1549 г.) (Шенников 1987, с. 99). Окончание безраздельного владычества там кочевников связывается коллективом авторов монографии «Казачий Дон» (А.В.Кочегаров, А.П.Скорик, Р.Г.Тикиджьян, В.П.Трут) с пополнением

вольного казачества из русских в 1560–1570-х годах, когда турки и крымцы оказались, дескать, оттеснены к Азову и Перекопу, а ногаи — за Волгу (Казачий 1995, с. 73, 74).

В самом деле, трудно отрицать, что ногайское население на Дону в XVI в. существовало. В 1565 г. Рафаэль Барберини замечал, что река «местами... разливается по полям ногайских татар» (Сказания 1843, с. 13). И можно согласиться, пожалуй, с тезисом В.А.Пирко о пребывании азовского побережья в XVI — первой половине XVII в. в основном под влиянием ногаев, поскольку поселения крымских татар до середины XVI в. не выходили за пределы Конских вод и Берды и крымцы использовали пастбища Приазовья для выпаса скота лишь в засушливые годы (Пирко 1988, с. 14). Но ведь здесь речь идет о ногайских подданных Крымского юрта! И исследователи заблуждаются, отождествляя их с жителями Ногайской Орды. Тем более что родственные заволжским кочевникам кипчакские эли проживали также в Большой Орде и в основной своей массе перешли затем под владычество Гиреев.

Следовательно, под этнонимом «ногай» в некоторых источниках объединялись степные тюрки Мангытского юрта, Крымского ханства и Большой Орды, и это слово имело гораздо более широкое применение, обозначая не только население Ногайской Орды. Распространение же ее собственных границ на запад от Волги весьма проблематично.

Приведенные выше высказывания принадлежат главным образом историкам, для которых ногайская тематика являлась побочной, или вовсе не историкам. Те же исследователи, что напрямую занимались и детально изучали ногаев или ход заселения степей, не видели оснований включать волго-донское пространство в Ногайскую Орду. М.Г.Сафаргалиев полагал, что жители ее, за редким исключением, не переходили на западную сторону Волги, а отдельные перекочевки носили случайный характер и до середины XVI в. ногаи там вообще не жили (Сафаргалиев 1938, с. 43; Сафаргалиев 1949а, с. 34; см. также: Кушева 1950, с. 242; Кушева 1963, с. 188). Сходного мнения придерживался А.З.В.Тоган (см.: İnalcık 1948, p. 357)[14]. Наконец, В.П.Загоровский убежден, будто в XVI в. к югу от русского пограничья простирались практически безлюдные степи, «ничья земля», где после крушения Большой Орды наступил политический вакуум (Загоровский 1987, с. 4; Загоровский 1989, с. 7).

Учитывая такое многообразие трактовок, обратимся к свидетельствам источников о проникновении улусов из Ногайской Орды на запад

[14] Х.Иналджык принял это суждение А.З.В.Тогана с осторожностью, противопоставив ему информацию многих источников о сотрудничестве хана Мухаммед-Гирея I и ногайского мирзы Мамая б. Мусы и последующем разрыве их отношений: хан был убит ногаями, жившими на Волге (İnalcık 1948, p. 357). Это так, но ведь Мамай командовал правым крылом Ногайской Орды, основные кочевья которого располагались вдоль левого, восточного берега Волги.

от Волги. Это будет сделать тем более легко, что из предыдущих глав нам известна история этой державы и каждое появление ногаев на Крымской стороне может быть объяснено уже изученными историческими обстоятельствами.

Во время скитаний по западному Дешт-и Кипчаку в XIV в. будущие основатели Мангытского юрта на некоторое время останавливались на Северном Кавказе (см. главу 1). С тех пор ногаи воспринимали тот регион как одну из своих «прародин». Временный политический хаос, вызванный крахом Большой Орды, охватил ее бывшую территорию. Сразу нашлись желающие занять этот край — прежде всего крымцы (победители Орды) и ногаи (ближайшие ее соседи). Отряды и улусы биев Ямгурчи и Хасана переправлялись на правобережье для летовья и поиска добычи, грабежа караванов и посольств. У сторонних наблюдателей иногда складывалось впечатление, будто половина всех ногаев находится на западном берегу Волги. К середине 1510-х годов некоторые мирзы стали перебираться туда и на зимовку (Малиновский *1863*, с. *165*, *190*; Посольская *1984*, с. *73*; ПДК, т. 1, с. 474; ПДК, т. 2, с. 64, 80, 150; Сыроечковский 1932, с. 214; Pułaski 1881, p. 434). В.Е.Сыроечковский даже решил, что по Молочным водам или Миусу в те годы стала намечаться крымско-ногайская граница (Сыроечковский 1940, с. 6).

Государь Крыма Менгли-Гирей считал эти земли своими и пытался уговорить мирз и прибившихся к ним Ахматовичей кочевать «на своей стороне», уйти с Дона и Хопра, находящихся «на сей стороне Волги, ***на моей*** (хана. — *В.Т.*) ***стороне***» (ПДК, т. 1, с. 478). Воззвания не помогали, и войска Гиреев неоднократно снаряжались в поход против незаконных, с их точки зрения, переселенцев, дабы выбить их за Волгу (ПДК, т. 2, с. 150; Pułaski 1881, p. 374, 474). Лишь в начале 1520-х годов, когда те массами хлынули на запад, спасаясь от нашествия казахов, Бахчисарай согласился предоставить им кочевья в пределах Юрта. Однако во время антиказахской «реконкисты» подавляющая часть ногаев вернулась восвояси (см. главу 4).

В 1520–1530-х годах по Волге кочевал Мамай б. Муса, иногда переходя на правый берег. В 1524 г. он появлялся на нижнем Тереке (ТД, д. 1, л. 269 об.), что, впрочем, выглядит как единичный эпизод, поскольку постоянным местопребыванием мирзы служило Поволжье. Этот своевольный и воинственный вельможа формально состоял в подчинении бию, но действовал самостоятельно. Тем не менее в 1534 г. от лица тогдашнего бия Саид-Ахмеда ногайский посол в Москве обещал, что «вперед от них (ногаев. — *В.Т.*) великого князя людям на поле (т.е. в глубине степей. — *В.Т.*) и на Волге, ***и на Дону*** лиха никакова не будет» (НГ, д. 3, л. 2). Улусники Мамая были замечены «на сей стороне Волги реки» в 1537 г., а через два года там же стали кочевать мирзы Хаджи-Мухаммед, Урак и Кель-Мухаммед

(КК, д. 8, л. 412 об.; Посольские 1995, с. 133). В конце 1545 г. до Бахчисарая донесся слух о том, что ногаи «пришли к Волге и хотят... лести по синему леду на сю сторону» (КК, д. 9, л. 27 об.–29). Клишированная фраза о ненападении на русских послов на Дону повторялась в ногайских шертях 1537 и 1549 гг. (НГ, д. 3, л. 7; Посольские 1995, с. 171, 265, 266).

Однако в 1520–1540-х годах заволжские ногаи появлялись на Крымской стороне все же довольно редко, и это отмечалось каждый раз как экстраординарный случай. Постоянные кочевья появились там лишь в начале 1550-х годов, когда между реками Хопер и Медведица разместил свои улусы Арслан б. Хаджи-Мухаммед (но и он имел главную ставку на Самаре) (НКС, д. 4, л. 3, 6 об., 13, 13 об.). Лишь с этого времени присутствие ногаев там можно рассматривать как более-менее постоянное.

Мы уже отмечали в главе 1, что отдельные группы восточных кипчаков, предков ногаев, могли откалываться от основного массива и уходить на север, в том числе в Мордовию, о чем свидетельствуют некоторые моменты в тамошнем фольклоре. В эрзянских поселениях примыкающие с юга степи расценивались как ногайские. По одной из местных легенд, старики-эрзяне купили у ногаев землю, где построили село и стали сеять хлеб. Ногаи же «хотя и продали земли, но дорогу в старые владения не забыли, наведывались, как волки», угоняя скот и пленных. Так продолжалось до тех пор, пока эрзянский богатырь не разбил налетчиков (Мифы 1996, с. 310, 311; см. также: Устнопоэтическое 1982, с. 86 и сл.). По другому преданию, в эрзянском селении на реке Кададе, притоке Суры, «бывали базары, где собирались эрзяне и ногайские купцы» (Мифы 1996, с. 301), т.е. оно стояло в районе ногайско-эрзянской границы.

Хотя основная масса ногаев пребывала на заволжских территориях, воспоминания об их былых миграциях сохранялись. Помнили не только о кавказском, но и о причерноморском (днепровском) этапе странствований мангытского эля. В 1546 г. мирзы заявили крымскому хану: «Буди тебе ведомо: Днепр... нашь коч, твои татаровы по Непру не кочевали» (КК, д. 9, л. 53). В этой фразе могло отразиться не только кочевание их предков по Днепру в конце XIV в. (см. главу 1), но и проживание на днепровских берегах их соплеменников — большеордынских мангытов в конце XV в. (возможно, те надеялись на пожалование им этого края польским королем — Некрасов 1990, с. 64).

Однако в середине XVI в., как справедливо заметила Е.Н.Кушева, такие утверждения не соответствовали реальной ситуации в южных степях, так как большая часть ногаев концентрировалась тогда вокруг Яика (Кушева 1950, с. 242; Кушева 1963, с. 188). К этому их вынуждало не только традиционное расположение сезонных кочевых маршрутов, но и опасное усиление волжского казачества, которое хищно

следило за переправами. В 1551 г. османский султан даже отметил в грамоте тогдашнему нурадину Исмаилу, что казаки «у вас Волги оба береги отняли и волю у вас отняли» (НКС, д. 4, л. 39 об.). Поэтому в Москву то и дело поступали донесения, что Орда тяготеет к Яику, «а на сеи стороне Волги нагаиских людеи нет» (КК, д. 8, л. 413; НКС, д. 4, л. 98 об.).

В 1552 г. появилась информация о смещении одного из кочевых циклов на правобережье: Айса б. Ураз-Али объявил Дон своим зимовищем (НКС, д. 4, л. 124 об.–125 об.)[15]. На Крымской стороне начал появляться со своими стадами и улусами и нурадин Исмаил. При этом отмечалось, что севернее реки Медведицы ногаи никогда не заходят (НКС, д. 4, л. 125, 149 об., 187 об.).

Настоящий наплыв ногаев на западный берег произошел во время второй Смуты, в середине — второй половине 1550-х годов. На пространстве к югу от Медведицы обосновались мирзы-«казаки», которые не желали подчиняться ни новому бию, Исмаилу, ни какому-либо иному государю (см., например: Книга 1850, с. 113; Летописец 1895, с. 75, 137, 138; Патриаршая 1904, с. 284, 320). Именно событиями 1550-х годов А.И.Лызлов в «Скифской истории» (1692 г.) датирует эту массовую миграцию: «В тех бо летех преже пущен бысть от Бога мор на Орду на нагайских татар, иже бяше за Волгою, последи же сего прейдоша ю, начаша кочевати меж Волги и Дона близко Астрахани» (Лызлов 1787, с. 53). Память об этом расселении сохранялась в 1570-х годах, когда в Симбирском уезде служилым людям раздавались участки степи, на которых прежде были «ногайские станы» (Перетяткович 1882, с. 17, 18, 68, 69).

В целом же при биях Дин-Ахмеде и Урусе Ногайская Орда все-таки еще не распространяла свою «государственную» территорию на Крымскую сторону. Русское правительство требовало, чтобы улусы не переправлялись туда, и сами бии и мирзы обещали и старались следить за этим — своим людям «на Крымскои стороне летовати воли не давати» (БГК, д. 137, л. 366; НГ, д. 18, л. 1; д. 20, л. 2; НКС, д. 8, л. 49 об., 50; 1586 г., д. 3, л. 2). Однако прогрессирующее ослабление державы сопровождалось выходом из-под контроля центральной власти все большего числа мирз и улусов и соответственно все более активной откочевкой их на запад, в крымские и казыевские владения.

Во времена второй Смуты выходцы из Ногайской Орды появились и на Северо-Восточном Кавказе. Мирзы-«казаки» основывали свои ставки в том числе на реке Куме, т.е. в Северном Дагестане, Восточном и Южном Ставрополье (Пятигорье) (НКС, д. 5, л. 84). Сами же

---

[15] Очевидно, в источник вкралась ошибка. Летовьем Айсы служили берега Волги, а осенним пастбищем — Илека, далекого восточного притока Яика. Ежегодно перемещаться со стадами оттуда на Дон было бы невозможно.

бии Больших Ногаев выходили на Крымскую сторону только при чрезвычайных обстоятельствах. Когда в степях разразились голод и мор, Исмаил отправился закупать продовольствие у горцев, но после этого возвратился за Волгу (НКС, д. 5, л. 78 об.). Лишь с нарастанием раздоров в среде Больших Ногаев все больше мангытских аристократов, не порывая с верховным бием, переселялось на предкавказские пастбища, и в 1580-х годах берега Кумы были включены в один из общеордынских кочевых циклов — там располагались зимовья некоторых мирз правого крыла (НКС, 1586 г., д. 4, л. 1).

Каковы были размеры Ногайской Орды в XVI в.? Ответить на этот вопрос может помочь определение относительных расстояний по числу дневных переходов. Конечно, эти единицы условны, так как «днищами» отмеряли путь и послы, и купцы-караванщики, и кочевники во время своих сезонных передвижений. Естественно, все они двигались с разной скоростью. В 1552 г. Исмаил летовал «на Ике реке от Камы днищ с пять», а до Самары шел затем оттуда семь дней (НКС, д. 4, л. 137 об.). В этом случае посчитать протяженность пути невозможно, потому что Ик довольно длинный, его истоки находятся неподалеку от реки Самары, а впадает он в Каму. Другие подобные указания столь же неконкретны (см., например: НКС, д. 4, л. 131; 1616 г., д. 1, л. 44).

Но иногда все-таки можно попытаться определить расстояния. Так, в 1618 г. мирзы Тинмаметевы с улусами занимали Рын-пески в междуречье нижней Волги и нижнего Яика, находясь от Астрахани в семи «днищах» (НКС, 1615 г., д. 9, л. 5); в современном же исчислении между Астраханью и указанной полупустыней приблизительно двести километров. Получается, что дневной переход покрывал около тридцати километров.

Данный вопрос был специально исследован А.М.Асановым и Е.А.Поноженко. По их расчетам, перекочевки с летовьев на зимовья действительно проходили с темпом по тридцать верст в день; обратные же передвижения с зимних пастбищ с ослабленным и отощавшим скотом — по десять-двенадцать верст в день (Поноженко, Асанов 1993, с. 122, 124). Стало быть, средняя скорость движения составляла около двадцати верст, или двадцати двух километров (исходя из величины путевой версты в то время в 1080 м).

С учетом этих выводов мы можем оценить протяженность ногайской державы с запада на восток при бие Урусе в 1580-х годах. Мирза Хан б. Урус обмолвился в одном из своих посланий: «наши улусы конец зимует на реке на Куме, а другои на реке на Сыре, а меж ими три месяцы дороги. А те люди все Урусу князю приклонны» (НКС, 1586 г., д. 4, л. 1). Три месяца пути для кочевников означало преодоление примерно двух тысяч километров (90 дней × 22 км средней дневной скорости).

Расселение улусов Ногайской Орды в конце XVI — первой трети XVII в. Постепенное продвижение калмыков из Центральной Азии и оседание казаков на Яике заставляли ногаев держаться ближе к Волге и постепенно осваивать ее правый берег. К концу 1570-х годов все больше улусов стало периодически переходить туда. В 1604 г. бий Иштерек напоминал астраханским воеводам, что при его ближайших предшественниках «они... летом на Нагаискои стороне ловили рыбу в Волге... а зимою на Крымскои стороне ловили рыбу на низ по Волге» (НКС, 1604 г., д. 3, л. 201). В самом деле, в 1581 г. у русского посла создалось впечатление, будто «улусов их болшая половина кочюют по Крымскои стороне» (НКС, д. 10, л. 142–142 об.).

Но пока это по-прежнему касалось лишь мирз правого крыла. Большинство же кочевников во главе с бием оставалось в Волго-Яицком междуречье, да еще за Яиком автономно существовали Шихмамаевичи (см., например: НКС, д. 8, л. 243; д. 10, л. 265 об., 266). В июне 1582 г. бухарский хан Абдулла послал войско в погоню за своим противником Бабой б. Бараком, бежавшим к мангытам (ногаям). Ханские отряды шли несколько дней, никого не встречая — ни казахов, ни ногаев. Лишь у озера Ак-Куль в Центральном Казахстане они увидели какую-то группу соратников Бабы. После этого бухарцы повернули назад. Баба же тем временем благополучно добрался до ногайских улусов, которые, следовательно, располагались дальше к северо-западу (Хафиз-и Таныш 1969, с. 299–308)[16].

В 1591 г. московский посол рассказывал иранскому шаху, что «кочюют... *всею* Нагаискою Ордою по реке по Волге меж поволских городов» (ПДП, т. 1, с. 267). В 1595 г. переводчик В.Зернов, проезжая по пути из Казани в Бухару через верховья Яика и реку Иргиз (западнее Эмбы), нигде не повстречал Больших Ногаев или Алтыулов (Казахско-русские 1961, с. 13). Первые к тому времени все чаще покидали яицкое побережье, на котором уже уверенно обосновывались башкиры и казаки; вторые старались не удаляться от низовьев Эмбы и Яицко-Эмбинского междуречья. Но зимою казахстанские степи пока еще заполнялись ногаями (вспомним информацию от биев и мирз о зимовках на Сырдарье).

---

[16] Убедительный историко-географический комментарий к данному конфликту предложен М.Х.Абусеитовой. Она пишет о незаселенности степей Центрального Казахстана того времени в летнюю пору, отмечая при этом, что пространство вплоть до Иртыша все же считалось принадлежащим ногаям (Абусеитова 1979б, с. 73; Абусеитова 1983, с. 170, 171; Абусеитова 1985, с. 59, 60, 73). Любопытен тезис Г.Е.Катанаева (тоже на основе изучения «улутауского похода» бухарцев 1582 г.) о том, что «страна мангытов» располагалась в верховьях Ишима и Тобола (Катанаев 1893, с. 47). Действительно, именно в этом регионе находился «Тайбугин юрт» — улусы переселенцев из Сибирского ханства, над которыми ногаи учредили наместническую должность тайбуги (см. главу 8). Но Баба б. Барак добрался до в е р х о в н ы х правителей мангытов, т.е. все же до западных областей Орды.

Огромное пространство расселения ногаев начало неудержимо сжиматься со времени третьей Смуты конца XVI в. Рассеяние народа после смерти бия Ураз-Мухаммеда (1598 г.) фиксируется не только сказанием «Ормамбет-бий», но и неоднократно цитировавшимся татарско-ногайским шеджере, опубликованным М.И.Ахметзяновым. По шеджере, после решающего сражения мирз на реке Сакмаре волго-яицкие степи опустели (Ахметзянов М. 1991а, с. 84). Конечно, такое утверждение является преувеличением, но исход жителей распадавшейся Орды действительно начался, и ногайское население в Дешт-и Кипчаке существенно поредело.

Тем не менее стойкая традиция продолжала обозначать заволжские степи как принадлежащие ногаям, что отразилось в русских географических сводах второй половины XVII в. «Книга Большому Чертежу» изображает «кочевье все Больших Ногаев» от реки Бузувлук, левого (южного) притока Самары, до «Синего моря», оцениваемое в 1350 верст (Книга 1846, с. 151; Книга 1950, с. 140). Такое расстояние сопоставимо с протяженностью не до ближайшего моря — Каспийского, а до Арала, хотя на самом деле от верховьев Бузувлука до Аральского моря 800 верст (Макшеев 1880, с. 33). Анонимная «Козмография» 1670 г. тоже помещает «Нагайскую Орду за Волгою, между Филимским (Хвалынским, т.е. Каспийским. — *В.Т.*) морем да Яик рекою» (Книга 1881, с. 345), тогда как ногаев в то время там практически уже не осталось.

В XVII в. улусы Большой Ногайской Орды уже не заходили восточнее Яика, и это даже оформлялось официально. Бий Иштерек неоднократно обещал в шертях «за Яиком и по реке по Еми, и за Емью, и по Сырту (т.е. Сырдарье. — *В.Т.*) ... не кочевати» (Акты 1918, с. 107; НГ, д. 25, л. 8). Он мог предполагать свою откочевку туда в качестве «казака» (т.е. человека, порвавшего с собственным Юртом), если «которои грех станетца над Московским государьством», и некоторые мирзы действительно уходили на восток, подвергшись нападению астраханских ратников, но потом вновь возвращались на Волгу (Акты 1915, с. 20; НКС, 1586 г., д. 3, л. 3).

В степи Центрального Казахстана иногда прикочевывали немногочисленные Алтыулы. В 1628 г. астраханский отряд разгромил их главных мирз в урочище Караузек «от Енбы днищ с пять» и затем преследовал «до Наимансково озера день да ночь» — видимо, еще дальше к востоку (НКС, 1628 г., д. 1, л. 104, 107). Но в целом регион оставался пока необитаемым. Персидские и хивинские купцы зимой 1613/14 г. провели караваны от Хорезма до Самары, не увидев чьих-либо улусов — ни ногайских, ни калмыцких, ни казахских (Златкин 1983, с. 82, 83; ПДП, т. 2, с. 169). А когда в 1620-х годах на Эмбе поселились калмыки, Большая Ногайская Орда и подавно отодвинулась к западу. В 1628 г. из калмыцкого плена бежал арзамасский крестьянин, кото-

рый рассказал, что он вместе со своими хозяевами переместился с Иртыша на Эмбу для зимовья, «и сь Ембы... от калмыков он... ушол в Ногаи, а из Ногаи пришол в Астарахань» (НКС, 1626 г., д. 1, л. 29–30), т.е. «Ногаи» и эмбинские степи уже географически не совпадали.

Восточный рубеж расселения большеногайских улусов в начале XVII в. постепенно установился на Яике. В документах 1607–1614 гг. то и дело фигурирует «Юрт меж Волги и Яика», подчиненный бию Иштереку (см., например: Акты 1914, с. 178; Акты 1915, с. 33; НКС, 1614 г., д. 3, л. 56). Даже при окончательном распаде ногайской державы, в обстановке калмыцкого нашествия, в начале 1630-х годов еще оставались «крайные улусы, которые сидят в степи к Яику в дальних местех» (Дополнения 1883, с. 815). В целом можно, вероятно, согласиться с утверждением Р.Г.Букановой, что государственная граница России в начале XVII в. в тех местах шла от Каспия на северо-восток к низовьям рек Большой и Малый Узень и далее по среднему течению Яика, его притоку Илеку и верховьям реки Ори к верховьям Тобола (Буканова 1981, с. 10).

Несмотря на самоуверенные декларации о протяженности своих владений от Сырдарьи до Кумы, Большие Ногаи все теснее концентрировались вокруг Астрахани. В грамотах биев и мирз, в воеводских отписках на смену прежнему оперированию широкими пространствами, в десятки «днищ», при описании кочевий в 1620-х годах пришло скрупулезное расписывание урочищ и проток близ южной русской крепости. Наиболее удобными для зимовья оказались Мочаки — болотистая и заросшая камышами местность на волжском правобережье «от Астарахани верст с шесть» (Акты 1918, с. 140; Небольсин 1852, с. 53; НКС, 1604 г., д. 3, л. 191; 1617 г., д. 1, л. 106; 1631 г., д. 2, л. 140).

При этом активно заселялось пространство к западу от Волги, в том числе предкавказские степи[17], чему немало способствовало существование там Казыева улуса. Русское правительство обычно возражало против перехода ногаев через Волгу, но те все больше боялись калмыков, и в 1630-х годах ему пришлось согласиться с такими перекочевками (см., например: НКС, 1631 г., д. 1, л. 85). Размах миграций был таков, что зимовья самого бия и нурадина в 1600–1610-х годах установились на Куме и Маныче, в Пятигорье, «где преже сего кочевывал Казыев улус»; иногда улусы нурадина Шайтерека заходили за Терек (Акты 1914, с. 210, 212; НКС, 1615 г., д. 10, л. 3; 1617 г., д. 1, л. 71, 72).

[17] В 1617 г. Большие Ногаи делились на три улусные группировки: подданные непосредственно бия Иштерека кочевали на Ногайской стороне, Тинмаметевы и Байтерековы — на Крымской стороне напротив Астрахани, Урмаметевы — по северному берегу Терека; в 1618 г. Иштерек и Урмаметевы находились на Ногайской стороне, занимая пастбища от Самары до Астрахани, Тинмаметевы — у Терского городка (НКС, 1617 г., д. 2, л. 11–13; 1618 г., д. 2, л. 1–35).

Нижний Дон в те же годы служил зимовьем для казыевцев, которые старались держаться поближе к турецкому Азову. Современники отмечали, что «этот замок удерживает in officio на одной стороне Дона оссовских (т.е. азовских. — *В.Т.*) татар, на другой — нагайских, соседей пятигорским татарам» (Немоевский 1907, с. 169). Некоторые улусы Малых Ногаев в середине столетия доходили до Полтавы (АМГ, т. 2, с. 312).

После массового исхода ногаев на Крымскую сторону в первой половине 1630-х годов заволжские степи были ими практически утрачены. Большая часть улусов расселилась по крымскому Причерноморью и, спасаясь от калмыков, стремилась все дальше на запад и поближе к османским форпостам. «А... Болшои... Нагаи, — докладывали в 1636 г. русские послы из Крыма, — кочюет за Кубаном на Азовскои стороне» (КК, 1636 г., д. 1, л. 71). Постепенно территория между Волгой и Доном обезлюдела (Родоная 1955, с. 12): ногаи ушли на Северный Кавказ, в Крымский юрт и за Днепр, к северу находились поселения Донского Войска, на бывшей Ногайской стороне воцарились калмыки. В 1650-х годах о ногаях писали уже как о «народе, живущем между Волгою и рекою Сур» (т.е. Сурой, правым притоком средней Волги) (Письмо 1871, с. 111, 309). О расселении их в районе Суры свидетельствуют и мордовские предания (см.: Устно-поэтическое 1982, с. 86 и сл.).

Средневековая картография ногаев и Ногайской Орды. Картографический материал в нашем исследовании представлен в основном западноевропейскими документами (за исключением русского Большого Чертежа XVII в.). Большинство зарубежных наблюдателей не фиксировали подробно изгибы и даже направление течения рек, местоположение городов, островов, горных хребтов. Как правило, карты составлялись со слов путешественников, хотя в первооснове могли лежать схемы, начерченные самими путешественниками. В Ногайской Орде европейцы практически не бывали и узнавали о ней от своих русских или татарских собеседников. Неверно понятая информация да и периодические миграции заволжских кочевников могли искажать картографический облик Орды. «Нельзя, разумеется, ожидать от иностранца точности и определенности в показаниях о расселении этих бродячих племен, чему мешал самый образ жизни последних», — писал В.О.Ключевский, подразумевая ногаев и калмыков (Ключевский 1991, с. 22–23). Тем не менее карты XVI–XVII вв. служат ценным источником как для локализации ногаев, так и для изучения представлений о них в позднесредневековой Европе. Ниже представлена сводка изображений ногайской державы, созданных в Англии, Германии, Голландии и других странах[18].

---

[18] Разумеется, приводятся данные не обо всех картах. Целью данной части очерка является показ характерных изменений в представлениях европейцев о географии Ногайской Орды.

Карта мира М.Вальдзеемюллера (1516 г.) показывает *NAGAI* на Переволоке, при сближении Ра с Танаисом, т.е. Волги с Доном (Bagrow 1975, p. 50; Tardy 1982, p. 194). Может быть, это первая в западной картографии фиксация ногаев. По крайней мере для самого Вальдзеемюллера данные о них были новостью, потому что в аналогичной карте, составленной им девятью годами ранее (1507 г.), междуречье Волги и Дона значилось в составе анахроничной Азиатской Сарматии (Sarmatia Asiatica) (Bagrow 1975, p. 49).

В 1523 г. нюрнбергский картограф И.Шенер нанес на глобус надпись *Nagai* выше Гирканского (Каспийского) моря (Bagrow 1975, p. 129, fig. 40; Nordenskiöld 1961, table XL).

В 1525 г. в Ватикан к папе римскому Клименту VII прибыл посол Василия III Д.Д.Герасимов. По результатам расспросов его любознательными итальянцами Б.Агнезе составил «Карту Московии», на которой *nogai tartari* помещены к северу от верхнего течения Камы; южнее их, по левому берегу Волги, — sciabani tartari; еще южнее пространство до волжского устья обозначено как Tartaria. Надписи «шибаны» (т.е. сибирские татары и кочевые узбеки) и «ногаи» сопровождаются изображениями шатров, что обозначало кочевой образ жизни (Багров 1912, с. 30, 33, рис. 19; Старков 1994, с. 10, 11).

Эти первые упоминания предмета нашего интереса в целом верно отразили расположение обитателей Мангытского юрта: под влиянием распрей и под напором казахской экспансии они отошли на правый берег Волги, а часть их отодвинулась севернее, в башкирские пределы.

«Записки о Московии» С.Герберштейна долгое время служили на Западе основным источником знаний о России и ее восточных соседях. Познавательное значение труда имперского дипломата подкреплялось картами, выгравированными А.Хиршфогелем (для первого издания 1549 г.) и Дж.Гастальдо (для издания 1550 г.). На первой из них *NAGAYSKI TARTARÆ* локализованы ниже Переволоки, причем эти два слова написаны на двух берегах Волги (Герберштейн 1988, с. 135; Nordenskiöld 1961, p. 113, 121). На второй *INAGAISKI TARTARI* расположены на правой стороне нижней Волги, т.е. там же, где и у Хиршфогеля, но кроме того *NOGAI TARTARI* есть и южнее Камы, а в ее среднем течении показаны четыре шатра с подписью *ORDA* (Герберштейн 1988, с. 142; Кордт 1899, карты XV, XVI; Bagrow 1975, p. 117). Такое же дублирование было повторено на картах И.Магина 1596 г. и М.Квада 1600 г. (Кордт 1899, карты XXV, XXVII). Интересно, что при первом своем опыте изображения России (1548 г.) Гастальдо изобразил ногаев только на Каме (Кордт 1899, карты IV, V) и лишь позже (ознакомившись, очевидно, с трудом Герберштейна) сделал еще одну соответствующую надпись на Крымской стороне нижней Волги. Герберштейн и иллюстрировавшие его картографы отобразили период

ногайской антиказахской «реконкисты» и завершения первой Смуты в Орде — возвращение ногаев в Заволжье и занятие ими области Дешт-и Кипчака между Волгой, Камой, Яиком и Каспием. Впрочем, из текста «Записок о Московии» следует, что власть ногайского мирзы Шейх-Мамая распространилась и далее на восток, но на картах это не отразилось.

Следующий этап истории ногаев и развития представлений о них — 1530–1540-е годы — отражен анонимными «Картой мира» (около 1540 г.) и «Новой картой морей» (1546 г.), где *Nagai*, *Nogai* занимают огромное пространство между Russia и Mongal, Каспийским морем и Северным океаном и являются, с точки зрения авторов, единственным достойным фиксации топонимом-политонимом того региона (Nordenskiöld 1961, table XL, XLV).

В дальнейшем географы уяснили, что центр Ногайской Орды следует размещать на Яике. *Nagaia* по обе стороны этой реки приведена на карте Г.Меркатора 1554 г. (Кордт 1899, карта VI). Главным источником, наряду с трудом Герберштейна, стало описание России Э.Дженкинсона. Изданное им в 1562 г. изображение Московского царства (по мнению Б.А.Рыбакова, на основе русского чертежа конца XV в.) содержит не только надпись *Nagaia* на берегах Яика, но и показывает границу Орды. На юге обозначающий ее пунктир проходит за рекой Yem (Эмбой), не включая полуостров Mangusla (Мангышлак), и тянется к длинной реке, называемой на юге Sur (Сырдарья), но на севере впадающей в Kitaya laces (Китайское озеро) и оттого отождествляемой также с Иртышом. Северный предел не очерчен, но сразу за рекой Kama стоит надпись Tumen (Тюмень), т.е. он шел по Каме. Западный рубеж, несомненно, Волга — от устья реки Samar на юге до реки Ouruslane (Еруслан). Далее линия границы поворачивает от Волги на восток, огибая в низовьях государство Astracan и упираясь в Каспийское море (Кордт 1899, карта XIX; Рыбаков 1974, с. 25; Ortelius 1968, p. 104–105).

Дислокация ногаев на картах конца XVI в. в основном соответствовала данным, сообщаемым письменными источниками. В атласе Г. и К. де Йоде (первое издание 1578 г.) *Nagaia* — по обе стороны реки Samar (History 1969, p. 127); в атласе Г.Меркатора 1580-х годов на карте «Европа» *Nagai Tartari* — между средним Яиком и средней Волгой, у южной оконечности Уральских гор, а на карте «Азия» — на двух берегах Яика (Mercator 1589, table B, D).

То же наблюдалось и в первые десятилетия XVII в., когда европейцы уже неплохо разобрались в геополитическом положении России и ее соседей. Карта мира П. ван дер Кеере 1607 г. помещает *Nagaia* в верховьях Яика и Эмбы (History 1969, p. 110); на картах Азии В.Блау 1617 и 1635 гг. *Nagaiahorda* — по обе стороны среднего Яика (Blaue's 1990, p. 190, 198–199); то же на картах Азии Х.Хондиуса 1630 и

1636 гг. (Mercator e.a. 1968, p. 401–402)[19]. Дж.Спид на картах Азии и «Тартарии» 1626 г. более точно отобразил местоположение ногайских улусов, отступивших к западу под давлением калмыков. В первом случае *Nagaia horda* занимает междуречье нижней Волги и нижнего Яика, немного заходя на восток от последнего; во втором случае присутствуют два обозначения: *Nagaia Tartaro.Horda* между нижней Волгой (район Переволоки) и верхним Яиком и *Nagaia Tartarorum Horda* на левой стороне нижнего Яика. То же наблюдается на его картах в атласе 1636 г. (Speed 1966, p. 3–4, 39–40, 413–414).

П. ван дер Кеере, видимо, впервые после Э.Дженкинсона очертил границы Орды: от каспийского побережья и Волго-Яицкого междуречья на север до истока Камы, затем вдоль большой сибирской реки (наверное, Обь и Иртыш вместе), от которой граница, обозначенная зеленой чертой, через область Turchestan подходит вновь к Каспию между устьями безымянной реки восточнее Яика (скорее всего Эмбы) и Jarsus (т.е. Яксарта — Сырдарьи) (History 1969, p. 110).

К этому периоду относится также одна из немногих карт, составленных человеком, лично побывавшим в России. В 1633 г. И.Масса изобразил Российское государство. *Nagaiski* Масса поместил на южном берегу Дона, ниже Переволоки, а *Nagaia horda* — на левом берегу верхнего Яика; на основных же ногайских кочевьях между нижней Волгой и нижним Яиком голландский автор почему-то разместил Iurmen (Кордт 1899, карта XXIX), хотя туркмены в тот период никакими источниками не фиксируются там. А.Олеарий проехал российское Поволжье и на своей карте 1647 г. допустил анахронизм, поместив *Nagaia* на каспийском побережье между Яиком и Волгой, но он же впервые отразил заселение ногаями Ногайской степи в современном Дагестане, написав в том месте карты: Decertum Nagaicum (Ногайская пустыня) (Багров 1912, с. 24).

В картографических произведениях конца XVII столетия смешивались представления об изначальном и позднейшем расселении народа. Например, Н.Сансон д'Аббевиль на карте Европы 1683 г. поместил *Nagaia Horda* между левым берегом среднего Яика и истоком Эмбы; к северу, по левому берегу верхнего Яика, — Cosaski (казаки), к югу, на обоих берегах нижнего Яика, — Kolmacki (калмыки); в то же время *Nagaiski* вписано в пространство от впадения Северского Донца в Дон по южной стороне последнего — до волжской дельты и захватывает каспийский берег, а с юга от *Nagaiski* помещена река Tura (очевидно, Кума) (Sanson d'Abbeville 1683, p. 14, 17).

---

[19] На более ранней карте (1613 г.) Х.Хондиус нанес надпись *Nagaia H.* на левой стороне нижнего Яика (History 1969, table D). Примерно там же помещена *Nagaia* у Ф.Экебрехта (History 1969, p. 253).

Очерк 2

Население

Ситуация в историографии и источниках. Выяснение происхождения ногаев и этнического (родо-племенного) состава их державы — одна из ключевых тем ногаеведения. Здесь еще много неясного. Однако важные наблюдения различных авторов по поводу формирования населения позднесредневековых тюркских Юртов могут помочь при исследовании этого вопроса [Д.М.Исхаков, например, писал об «институциональности» мангыто-ногайских миграций из Юрта в Юрт, т.е. об опоре таких переселений на мангытские племенные общины в разных ханствах (Исхаков 1995, с. 106, 107); Е.А.Поноженко справедливо рассматривал принадлежность степняков к определенному «родству» как своеобразную «крепость», опору в условиях кочевого социума (Поноженко 1977а, с. 13); и т.д.].

В литературе утвердилось мнение, что Ногайская Орда состояла из улусных общин, но трактуемых неодинаково. Для К.П.Калиновской и Г.Е.Маркова это «племена-улусы», т.е. улусы, объединяющие представителей одного племени (Калиновская, Марков 1991, с. 61); для Е.П.Алексеевой, наоборот, «улусы представляли собой уже не родовые объединения, а феодальные образования» во главе с наследственными «феодалами-мурзами» (Очерки 1967, с. 143; Очерки 1986, с. 117).

Однако применение понятия «улус» при описании этнической (не социальной!) структуры не бесспорно. Дело в том, что слово «улус» в сохранившихся арабописьменных оригиналах ногайских документов не встречается (за исключением названия Малой Ногайской Орды — *Гази улус*). Оно вставлялось в тексты московскими и астраханскими переводчиками для пояснения этнонимов или социальных терминов (скажем, русское «улусные люди» соответствовало ногайскому *халк* или *иль халкы* (народ)[1].

Строго говоря, речь следует вести не об улусах, а об э л я х, т.е. о совокупности кланов одного племени. Эти кланы имели различный таксономический масштаб и обладали собственной иерархией.

---

[1] Подробнее см. примеч. 4 к очерку 4.

О подобном внутреннем делении упомянул вскользь Утемиш-Хаджи для более ранней эпохи: «(А уйгур) был *эль* с многочисленными и сильными ***родами*** и ***племенами***», где «роды» передано через *кавми* (ед.ч. *каум*), «племена» — через *кабиле* (Утемиш-Хаджи 1992, с. 103, 130, XXII). Османский автор Вефик-паша отмечал деление *улусов* на *или*, илей — на *уймаки*, последних, в свою очередь, на *бои*, а их — на *уруки* (Бартольд 1964в, с. 394; подробнее об этом см.: Кляшторный, Султанов 2000, с. 204–206). Ногайские грамоты не содержат сведений о подобном делении. Племенные эли обычно фигурируют в них как относительно монолитные структуры, и только в первой половине XVII в. начинает просматриваться их внутренняя неоднородность как один из признаков распада Орды.

Названия элей в русских переводах часто сопровождаются словом «родство». Оно явно добавлялось для пояснения экзотических тюрко-кипчакских этнонимов. Сами ногаи писали свои этнонимы чаще всего без дополнительных определений (ср. «томинское родство», «кипчатцкое родство», «китаиское родство», «кереицкое родство» в русских переводах и «тама», «кипчак», «китай», «кереит» в ногайских оригиналах — см., например: НКС, 1629 г., д. 1, л. 321; 1632 г., д. 1, л. 132). Лишь изредка переводчики применяли уточняющие категории, дабы подчеркнуть принадлежность мелкого этнического подразделения к какому-либо элю. Так, в грамоте казыевского мирзы Бия Мамаева 1632 г. русская фраза «Шеидяковы ***улусные люди иланлы*** трукменского ***родства***» соответствует ногайской «Шидак мирзанынг ***нукер илан*** туркман ***таифа***» (НКС, 1632 г., д. 1, л. 169, 172), т.е. Шейдяк-мирзины ***слуги (из рода) илан (из) племени*** туркмен.

Кроме того, наименования некоторых элей сопровождались словом *улы/оглы* (дети, потомки). Русские переводчики в таких случаях путались: байулы у них передавалось как «баиулуцкое родство» и в то же время тогунчи-улы и Юсуф-улы — соответственно как «тогунчицкое родство» и «Юсупово родство», т.е. *улы* иногда удостаивалось специального перевода (НКС, 1629 г., д. 1, л. 321; 1632 г., д. 1, л. 167).

При указанных особенностях передачи ногайской терминологии едва ли можно однозначно увязывать улусную систему ногаев с их родо-племенной структурой. Встречающееся в русскоязычных документах выражение «улусы такого-то родства» (см., например: Акты 1914, с. 167; НКС, д. 11, л. 3 об. и сл.; 1587 г., д. 2, л. 37; 1628 г., д. 2, л. 133) является результатом добросовестного заблуждения приказных переводчиков, домышленным ими терминологическим оформлением тюркских текстов, потому что в последних слово *улус* в подобном контексте, очевидно, вообще не употреблялось.

В ком только не видели ученые предков ногаев — в древних тюрках и огузах, печенегах и монголах... Сводка мнений по этому поводу составлена Б.-А.Б.Кочекаевым (Кочекаев 1988, с. 23, 24). Доминирует

же ныне в науке точка зрения о ногаях (и позднейших ногайцах) как народе в первую очередь кипчакского происхождения[2]. Главным и, бесспорно, наиболее веским аргументом в пользу этого служит ногайский язык, который (может быть, наряду с казахским) в наибольшей чистоте сохранил кипчакскую архаику (см.: Баскаков 1940, с. 237, 250). Кипчакской версии придерживаются многие современные историки и языковеды (см., например: Калиновская, Марков 1990, с. 15; Калмыков и др. 1983, с. 12; Кузеев 1978, с. 196; Трофимова 1949, с. 50; Усманов А. 1982, с. 59), иногда справедливо уточняя: в большей степени восточные кипчаки сформировали население Ногайской Орды (Викторин 1991б, с. 11).

Вместе с тем стоит прислушаться к мнению Л.Н.Гумилева: рассматриваем ли мы ногаев, поволжских татар или казахов, «ни один из этих этносов не является прямым потомком половцев (т.е. кипчаков. — *В.Т.*), но в каждом из них есть половецкий субстрат» (Гумилев 1976, с. 37). При этом сам Л.Н.Гумилев позже отказал ногаям в кипчакской первооснове, предполагая их основную генетическую связь с огузами. Единственным его аргументом в пользу этого оказалось домонгольское заселение яицких степей огузскими племенами и вражда ногаев с татарами — истинными, по «позднему» Л.Н.Гумилеву, потомками кипчаков (Гумилев 1989, с. 673; Гумилев 1992, с. 178).

В самом деле, участие огузов в этногенезе ногаев вполне допустимо; оно выводится и из наличия огузских эпических традиций в ногайских дастанах (см.: Сикалиев 1994, с. 174), и из самого факта долгого кочевания огузов севернее Каспия в раннем средневековье. Однако их политическое господство завершилось там в середине XI в. (Кригер 1986, с. 117), и ближе к истине, видимо, те исследователи, которые рассматривают огузское население края в XII и последующих столетиях как один из составных элементов кипчакского мира (Ахметзянов М. 1991а, с. 82; Ахметзянов М. 1994, с. 40; История 1974, с. 98, 99).

Крайне запутан вопрос о соотношении ногаев и татар. Воззрения авторов разнятся от противопоставления их (Л.Н.Гумилев, см. выше) до отождествления (см., например: Арсланов, Викторин 1995, с. 339; Ахметзянов М. 1993, с. 157; Ахметзянов М. 1994, с. 32; Ахметзянов М. 1995, с. 51; Шенников 1987, с. 86, 87). Такая широкая амплитуда суждений объясняется многозначностью понятия «татары» в XIII–XVII вв.

Но больше всего затуманил проблему этногенеза ногаев этноним «мангыт», который историки однозначно связали с монголами-мангутами и вывели отсюда тезис о монгольском компоненте в ногайском этносе. Общая схема рассуждений такова: мангуты переселились в Дешт-и Кипчак, отюречились (некоторые утверждают, будто это

---

[2] Сам же Б.-А.Б.Кочекаев убежден в монголо-кипчакском происхождении своего народа (Кочекаев 1988, с. 24).

произошло в улусе беклербека Ногая в конце XIII в.), затем сплотили вокруг себя кипчакские племена и вместе с ними стали называться ногаями, образовав одноименную Орду (см., например: Бачинский, Добролюбский 1988, с. 87; Гарданов 1960, с. 77; Керейтов 1996, с. 14; Очерки 1967, с. 142; Черенков 1989, с. 45). На самом же деле ни малейшего следа присутствия монголов среди предков ногаев не зафиксировано какими-либо источниками. В главе 1 я писал, что какая-то часть мангутов получила пастбища в восточном Деште при Чингисхане или вскоре после него, но она была численно ничтожна по сравнению с массой аборигенов-кипчаков; и мангыты — это те кипчаки, которые оказались на землях, выделенных мангутам, а вовсе не сами мангуты или их тюркизировавшиеся потомки.

В любом случае истоки этнической истории населения Ногайской Орды следует искать в эпохе Золотой Орды. В XIII–XIV вв. степи между Волгой и Эмбой являлись, во-первых, местом периодических миграций различных групп кипчаков, в том числе мангытов (Иванов, Кригер 1988, с. 58, 59; Кузеев 1992, с. 75; см. также главу 1 настоящей книги); во-вторых, давним юртом восточных кипчаков. Последние сохраняли свои особенности и в золотоордынский период. Позже на этой территории возник Мангытский юрт, который со временем раздвинул свои рубежи к юго-востоку, на традиционно огузские кочевья (см.: Костюков 1995, с. 41–43; Федоров-Давыдов 1973, с. 61, 62).

С XIII в. отсчитывают этническую историю ногаев и те историки, которые пытаются составить ее периодизацию. Самая детальная схема предложена, видимо, Е.П.Алексеевой. По ее мнению, кипчаки *и* мангыты (каковые, стало быть, с ее точки зрения, не являются кипчаками) в недрах распадавшейся Золотой Орды к середине XV в. консолидировались в народность; эта народность обладала единым языком и этнонимом, некоторой общностью материальной и духовной культуры, улусной системой — уже феодальной, а не родо-племенной. Данный этап Е.П.Алексеева обозначила как генезис «древней ногайской народности», которая и населяла-де Ногайскую Орду (Алексеева 1971, с. 20; Очерки 1967, с. 141–143; Очерки 1986, с. 117).

А.И.-М.Сикалиев, считая эпонимом ногаев Джучида Ногая (подобно множеству других историков), полагает, что начальным этапом становления ногайского этноса было пребывание «разных племен» в его улусе на западе Золотой Орды. Подданные Ногая стали, дескать, ногайцами (ногайлы) и распространили это понятие на кочевников, обитавших как к западу, так и к востоку от Волги. К концу XIV в. первый этап этногенеза закончился и начался второй, связанный с именем Эдиге. Во второй половине XIV в. усилились «восточные ногайцы», и на следующей стадии этнической истории они вышли из состава Золотой Орды в 1391 г., основав собственную державу (Сикалиев 1994, с. 30, 33, 34).

Обе эти теоретические конструкции не подкреплены исследованием средневековых документов. При дефиците сведений ученые (в том числе и автор этих строк) вынуждены базироваться или на умозрительных выводах, или на поздних (XIX–XX вв.) записях ногайского фольклора. Но в начале книги мы уже видели, какими лаконичными и туманными оказались представления самих ногайцев о начале своей истории. По преданиям, они явились в Дешт из Бухары (Страны узбеков) или из Индии (Бентковский 1883, с. 3; Корнис 1836, с. 5; Пашин 1912, с. 39; РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 30). Тем не менее родство ногаев именно с узбеками ханства Абу-л-Хайра обнаруживается в номенклатуре элей (см. ниже), а родство с казахами — в казахских и уральско-казацких сказаниях (см.: Железнов 1888, с. 261; Шакарим 1990, с. 109). Вместе с тем в тюркском фольклоре есть и свидетельства (прямые и косвенные) о происхождении ногаев от кипчаков. Крымские ногаи рассказывали о своей праматери по имени Ток-Саба (Смирнов В. 1887, с. 77), омонимичному названию домонгольского кипчакского племени токсоба; в башкирском шеджере повествуется, будто раньше «все ногайцы жили в стране Кипчак» и являлись потомками Ямгурчы-бия (ямгурчы-кипчаками) (Башкирские 1960, с. 95).

Что же касается информации письменных памятников, то она совершенно ничтожна. Лишь изредка встречаются намеки на судьбу будущих элей Ногайской Орды в XIII–XIV вв. Например, Махмуд б. Эмир-Вали сообщал, что Бату выделил в подчинение своему брату Туга-Тимуру в награду за героизм племена минг, тархан, ушун и ойрат (Кляшторный, Султанов 1992, с. 188). Но и эти этнонимы не являлись монополией ногаев, поскольку были распространены у многих этносов Дешт-и Кипчака, от Сибири до Крыма.

В последнее время в казахстанской историографии предпринята любопытная попытка связать термин «ногай» не с беклербеком конца XIII в. Ногаем, а с ханом восточной части левого крыла в середине XIV в. Тугатимуридом Кара-Ногаем. Его подданные стали называться *ногайлы* (т.е. ногаевцы — именно этот вариант этнонима закрепился в каракалпакском и отчасти казахском фольклоре). После возвышения в Улусе Джучи Эдиге и его соратников-мангытов — выходцев из бывшего ханства Кара-Ногая — слово «ногай» постепенно превратилось в самоназвание жителей Мангытского юрта, Казахского и Сибирского ханств, а также всех кипчаков — от Иртыша до Черного моря (Кузембайулы, Абиль 2000, с. 129). Данная гипотетическая реконструкция выглядит весьма логичной и явно более предпочтительной, чем возведение имени народа к беклербеку Ногаю. Однако по известным мне материалам я не могу ни подтвердить ее, ни опровергнуть.

Некоторые авторы не ограничивались рассуждениями об истоках этногенеза населения Ногайской Орды, но пытались детально опреде-

лить ее родо-племенной состав. Полнота составленных ими перечней элей зависела от источников, которыми располагали исследователи. Так, М.П.Вяткин приводил названия алач, алчин, аргын, канглы, кипчак, китай, конрат, мангыт, найман и тама (Вяткин 1941а, с. 43). П.Г.Бутков писал, что в Ногайской Орде имелось не менее тридцати восьми племен, из которых он упомянул, правда, лишь одних канглы (Бутков 1824, с. 291), поэтому неясно, из каких этнонимов известный кавказовед составил это число.

В работах историков XIX — начала XX в. позднейшее деление ногайцев, когда те расселялись по Северному Кавказу и Причерноморью, часто экстраполируется на родо-племенной состав Ногайской Орды. Хотя сто-двести лет назад еще сохранялось осознание принадлежности к определенным элям, но на практике ногайцы объединялись в девять улусных группировок, различавшихся по времени возникновения и персональным эпонимам: Мансур, Урак, Мамай, Касай, Ор-мамбет, Токуз, Едисан, Едишкул, Джембойлук (см., например: Аристов 1896, с. 402; Смирнов В. 1887, с. 443). Выше уже неоднократно высказывалась мысль о позднем происхождении этих образований — смешавшихся остатков Большой Ногайской Орды и Казыева улуса (то же мнение см.: Трофимова 1949, с. 51). В литературе сейчас наиболее распространена «калькуляция» М.Г.Сафаргалиева, содержащая восемнадцать племен: алчин, ас, байгур, боргасм (борган? борлак? — *В.Т.*), гублак (? — *В.Т.*), канглы, кенегес, керей, кипчак, китай, кият, колгин, кунграт, мангыт, найман, тайджут, тангучин, туркмен (Сафаргалиев 1938, с. 35; Сафаргалиев 1960, с. 230)[3].

Этническому составу Ногайской Орды посвящен ряд сочинений Р.Х.Керейтова — ногайского историка и этнолога, сохранившего в своей фамилии название одного из самых многочисленных элей Орды (кереит). Этот автор пытается определить этнические истоки племен и выделяет в составе Ногайской Орды племена ас, бай, канглы, катаган, кереит, кипчак, конгур, конгырат, кытай, мажар, мангыт, найман, тама, сильджигут, уйсун (Керейтов 1993а, с. 21 и сл.)[4].

Эли Ногайской Орды. Ставропольские ногайцы в XIX в., рассказывая о своем легендарном исходе из «Бухарии», среди первых своих изначальных «многих родов» называли эли мангыт, кипчак и найман (Бентковский 1883, с. 3). Кроме того, в памяти населения Дешт-и Кипчака отложилось пребывание эля кият «на сеи (западной. — *В.Т.*) стороне Волги» еще до прихода «Чингиза царя» (РГБ, ф. 256, д. 349,

---

[3] В своей неопубликованной диссертации 1938 г. М.Г.Сафаргалиев при аналогичном перечислении не упомянул кенегесов, но включил мингов (Сафаргалиев 1938, с. 38–41).

[4] В новой монографии Р.Х.Керейтова — «Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев)» (Керейтов 1999) содержится много ценных наблюдений и сведений относительно этнического состава ногайского народа, особенно почерпнутых автором из полевых исследований.

л. 280). Караногайский дастан «Эдиге» называет среди подданных хана Тохтамыша (конец XIV в.) эли буйрабас, исун, канлы, кенегес, конырат, купшак, мангыт, мин, найман, хырюв, шырын и юз (Ногайдынъ 1991, с. 24–26). Эти эпизодические, случайные, отрывочные сведения ни в коей мере не могут создать исчерпывающую картину родо-племенного состава средневекового ногайского общества. Для более полного описания следует учесть все упоминания об элях в переписке ногаев и астраханских воевод с Посольским приказом, что и проделано нами. Результаты этой работы сведены в таблицу с пояснениями (см. таблицу).

Выясняется, что в составе Ногайской Орды прямо упомянуты шестьдесят шесть элей и наличие еще по крайней мере четырех (кулачи, телеу, уйгур, чимбай) восстанавливается по косвенным данным. Вместе с их подразделениями для XVI–XVII вв. насчитывается сто тридцать девять наименований. Сами ногаи в XVII столетии называли себя народом ста сорока улусов, т.е. элей (НКС, 1630 г., д. 3, л. 3); Эвлия Челеби, говоря о временах, предшествовавших приходу в Поволжье калмыков, т.е. о XVI в., тоже упоминал «сто сорок племен ногайского народа» (Эвлия Челеби 1979, с. 162). Вероятно, таковым и было количество родо-племенных подразделений Орды, хотя уже в начале XVII в. под началом большеногайского бия пребывало только четырнадцать элей (борлак, кипчак, китай, кунграт, минг, найман, туркмен — и еще семь не названы в источнике) (Акты 1914, с. 179).

В первой половине XIII в. кипчакские кланы оказались под властью монгольских завоевателей, став основным человеческим ресурсом для строительства джучидской и чагатайской улусной системы (прочие тюрки-кочевники — огузы, карлуки, уйгуры, народы Алтая — были немногочисленны по сравнению с ними). Дешт-и Кипчак был поделен Чингисидами на нутаги (монг.), или юрты (тюрк.), — обширные зоны пастбищных угодий, предоставленные монгольским племенам. Считалось, что некоторая (едва ли значительная) часть степи, не охваченная этой разверсткой, по-прежнему принадлежала покоренным монголами кипчакам, предкам будущего ногайского эля кипчак.

Неизвестно, сколько именно монгольских семей переселилось на казахстанские и поволжские просторы. Во всяком случае, средневековые источники оперируют совершенно мизерным числом по сравнению с туземными кипчаками — даже не десятками, а единицами тысяч. Естественно, кочевники-пришельцы в течение первых полутора столетий существования Золотой Орды и Чагатайского улуса ассимилировались в огромной массе местных жителей. Однако кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах (юртах) которых им довелось оказаться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, в зоне хонкиратов — кунгратами, найманов —

найманами, кереитов — кереитами, или кереями. Относительно мирная и безопасная жизнь в империи Джучидов на протяжении второй половины XIII — первой половины XIV в. имела благоприятные демографические последствия. Старые эли множились, делились и ветвились; появлялись патронимии, различавшиеся по именам патриархов (темир-ходжа, тогунчи-улы и т.п.) или по тамгам[5].

В таком положении оказалось население Дешт-и Кипчака, когда случилась смута в Чагатайском улусе первой половины XIV в., золотоордынская смута второй половины столетия, а также распад Золотой Орды в XV в., когда был составлен первый вариант списка девяноста двух «узбекских» племен. Мангыты среди них не выделялись вначале ни знатностью, ни престижем. Но исторические обстоятельства привели мангытского лидера Эдиге к подножию джучидского трона. После многолетней эпопеи стычек и миграций Едигеев эль получил (оттеснив кунгратов) приоритет в Деште. Между Волгой и Эмбой образовался Мангытский юрт. В него вошли полностью или частично кипчакские эли, подчинявшиеся «Эдигу уругу мангытам».

Для XV в. незаметны проявления власти мангытских биев над другими элями. Скорее всего тогда Мангытский юрт представлял собой федерацию племенных общин, в каждой из которых имелась собственная правящая элита[6]. Ведь формально мангыты, как и прочие племена, являлись подданными джучидских ханов левого крыла. Однако в конце XV — начале XVI в. «хаким Дешт-и Кипчака» Муса сперва фактически, а затем и формально избавился от сюзеренитета вышестоящих государей, став самостоятельным правителем. Мангытская знать начала открыто претендовать на управление всеми кочевниками. Источники молчат об этой коллизии, но ясно, что аристократы-немангыты без восторга воспринимали подобные поползновения.

Думается, что и этим также объясняется легкость завоевания казахским ханом Касимом Ногайской Орды на рубеже 1510–1520-х годов, когда большинство собственно мангытских улусов было вынуждено уйти на запад, за Волгу. После «реконкисты» и разгрома мангытами Казахского ханства они взяли в свои руки управление всеми элями. Верхушка этих элей оказалась окончательно оттеснена от власти (но едва ли истреблена: иногда в источниках первой половины XVI в. попадаются бии киятов, найманов и др.).

Во главе всех племенных улусов встали отныне мирзы из правящего эля мангыт. Поэтому ногаи и звались мангытами почти повсеместно на Востоке. Кипчакские кочевники с общим именем «ногаи»

---

[5] Археологические исследования А.О.Добролюбского показали, что сходные процессы были характерны также для кочевого населения Золотой Орды в северо-западном Причерноморье (Добролюбский 1986, с. 65–79).

[6] О существовании в Золотой Орде немонгольской кочевой аристократии (*ильбеков*, «князей людских») см.: Березин 1864, с. 435.

несколько десятилетий пребывали под предводительством победителей-мангытов, сохраняя прежнюю структуру элей.

Ослабление Орды вызвало не только распри в лидирующем клане, но и возрождение роли немангытской знати. С конца XVI в., а особенно в 1620–1630-х годах источники фиксируют, во-первых, резкое возрастание общественной роли «улусных людей», среди которых были предводители элей; во-вторых, прогрессирующее ветвление самих элей. В обстановке междоусобиц улусы одного и того же племени могли оказываться под началом разных мирз и даже в разных концах Дешта.

Из таблицы явствует, что самыми разветвленными в первой трети XVII в. у ногаев были родо-племенные объединения аз, борлак, кипчак, минг, найман и уйшун. В то время уже произошли существенные изменения, которые демонстрировали ослабление стройной эль-улусной структуры ногайской кочевой империи. Эли стали сливаться и перемешиваться, часть какого-то одного эля могла оказаться в составе другого и т.д. Так появились у позднейших ногайцев образования канглы-борлак, алчин-мин, канглы-мин, буйрабас-мин, сарай-мин, ябы-тама, канглы-юз.

Наиболее ранним из встреченных мною свидетельств такого смешения стало объединение китаев и кипчаков. Впервые их пребывание в одних и тех же улусах отмечено по документам конца XVI в., а калмыки уже воспринимали их как один народ (кстати, отличный от собственно ногаев) (Батмаев 1993, с. 34; НКС, 1586 г., д. 3, л. 1; 1627 г., д. 1, л. 303). С течением времени, в ходе многократных передвижений по южным степям, ногайцы еще больше смешали исконные подразделения. Найманы стали иметь общую тамгу с частью буркутов, часть канглы — с мангытами, а другая часть — с некоторыми родами буркутов и т.д. (см.: Яхтанигов 1993, с. 179–185). Некоторые подразделения переместились из одного эля в другой. С XVI–XVII вв. до этнографической современности сохранились лишь единицы таких подразделений: кара-кипчак, буйрабас в составе мингов, возможно, багалы-уйсун.

Монополизирование мангытскими мирзами управления всеми элями в начале 1520-х годов стало, очевидно, последним шагом в формировании этноинтегрирующего сознания у жителей Ногайской Орды, превращения слова «ногай» из политонима в этноним. До того «Ногаи» являлось прежде всего географическим и политическим понятием, обозначением Орды. Правда, мы не имеем документальных подтверждений подобной трансформации, поскольку в нашем основном источнике — дипломатической переписке — задействованы, как правило, бии и мирзы, именовавшие себя и своих подданных мангытами — по названию собственного эля.

Косвенным подтверждением этнической сплоченности ногаев могут служить образы эпических героев дастанов. Богатыри считают себя ногаями, хотя и не забывают о своей принадлежности к отдель-

ным ногайским племенам (см., например: Сикалиев 1980, с. 15, 16; Сикалиев 1994, с. 34, 91).

Жители же соседних стран тем более воспринимали заволжских кочевников как единый народ. Показательны уговоры астраханскими воеводами бия Каная и нурадина Кара Кель-Мухаммеда Урмаметева воздержаться от похода на врагов-Тинмаметевых: «Нурадыновы и братьи ево и детеи улусные люди тех мурз (Тинмаметевых. — *В.Т.*) — одни люди, и меж себя в племяни, и ему (бию. — *В.Т.*) и тово надобно опасатца» (НКС, 1628 г., д. 2, л. 108). В оригинале «одни люди», вероятно, передано как *бир халк* (один народ). Урмаметевы и Тинмаметевы владели разными элями, которые в то же время являлись в глазах русских одним народом, «меж себя в племяни». Да и сами эти эли в сношениях с соседями выступали под общими именами «ногай» и «мангыт».

Численность населения. Немало историков пыталось определить приблизительное количество жителей Ногайской Орды. Встречаются произвольные оценки — от 450 тысяч до 1 миллиона человек (Арсланов, Викторин 1988, с. 11; Галлямов 1994, с. 175). Но чаще авторы прибегают к определенным методологическим обоснованиям подсчетов. Таких обоснований в литературе используется два: соотношение общего числа населения с количеством ополченцев и экологические возможности степного и лесостепного ландшафта восточного Дешт-и Кипчака прокормить определенный контингент кочевников.

М.Г.Сафаргалиев в диссертации 1938 г. рассудил так: по Матвею Меховскому, Большая Орда в конце XV в. выставляла шестидесятитысячную рать из своего сташестидесятитысячного населения, т.е. почти одну треть; а у бия Юсуфа и главных мирз Исмаила и Касима б. Шейх-Мамая находилось под началом 200 тысяч воинов; если допустить, что последние тоже составляли треть народа, то население Ногайской Орды насчитывало... нет, не 600 тысяч (как получилось бы по арифметическому подсчету), а почему-то около 400–500 тысяч (Сафаргалиев 1938, с. 45). В дальнейшем М.Г.Сафаргалиев пересмотрел пропорцию и решил, что войско составляло 60 процентов населения. Тогда, следуя тем же самым сведениям источников, выходило, что число ногаев было 300–350 тысяч (Сафаргалиев 1949а, с. 34, 35; Сафаргалиев 1960, с. 230). Эта цифра и доныне повторяется различными авторами (см., например: Кочекаев 1988, с. 33, 34; Самарская 1993, с. 36).

У Р.Г.Кузеева нашлись сходные основания для расчетов. Эдиге командовал своей двухсоттысячной конницей (Клавихо), у ногаев второй половины XVI в. кавалерия тоже была двухсот-трехсоттысячной (Г.И.Перетяткович). Кочевое общество выставляет в ополчение на время войны примерно четверть народа; половина его приходится на женщин, пятая часть — на мальчиков до пятнадцати-шестнадцати лет

и дряхлых старцев, прочие — лица, остающиеся для поддержания скотоводческого хозяйства. В таком случае в Ногайской Орде проживало от 800 тысяч до 1 миллиона 200 тысяч человек (Кузеев 1968б, с. 337; Кузеев 1978, с. 245).

А.И.-М.Сикалиев использует то же соотношение и приводит следующие основания. По Ибн Арабшаху, у Эдиге было двадцать сыновей; по «Казанскому летописцу», под началом младшего из них находилось 10 тысяч воинов; отсюда допускаем, что каждый из прочих сыновей обладал таким же войском. По Клавихо, у самого Эдиге была рать в 200 тысяч. Складывая численность армий отца и сыновей, получаем 400 (у А.И.-М.Сикалиева почему-то 600) тысяч, а умножая на 4 — соотношение между войском и народом у кочевников, — выводим цифру 1 миллион 600 тысяч (у А.И.-М.Сикалиева соответственно 2 миллиона). По этой же логике получается, что бий Исмаил после второй Смуты, командуя двухсоттысячным войском, правил миллионом (?!) подданных (Сикалиев 1994, с. 42, 43)[7].

Экологические подсчеты еще более приблизительны. Поверим тем авторам, которые определяют золотоордынское население между Волгой и Яиком в 100–150 тысяч, в том числе в Рын-песках — лишь 4 тысячи (такова численность народа, необходимого для пастьбы того количества скота, которое могло бы освоить экологическую емкость данной территории) (Иванов, Васильев 1995, с. 57, 60)[8]. Тогда умозрительно умножим 100–150 тысяч на 2 или на 3, т.е. охватим всю территорию Ногайской Орды, которая была в разные времена вдвое, а то и втрое обширнее Волго-Яицкого междуречья. Получается 300–450 тысяч человек.

Если же использовать любопытную формулу расчета кочевого населения, предложенную А.А.Тортикой, В.К.Михеевым и Р.И.Кортиевым (Тортика и др. 1994, с. 53 и сл.), то получается следующее. В период апогея своего могущества Ногайская Орда от Волги до верховьев Ишима и от Камы до нижней Сырдарьи вмещала более 1700 тысяч жителей. На основной же ее территории — между Волгой, Эмбой, Камой и Сырдарьей — могло проживать 750 тысяч. На последнем этапе своей истории держава, сузившаяся до Волго-Яицкого междуречья и прибрежных пастбищ Крымской стороны, была населена примерно 120 тысячами ногаев[9]. Но все это скорее идеальные схемы, демонст-

---

[7] Произведя эти подсчеты, А.И.-М.Сикалиев обращается и к исчислению неких «западных ногайцев». Умозрительно заключив, будто они немногим уступали по количеству «восточным», автор приходит к выводу о численности «всех ногайцев в начале XV в. ... не меньше 4 миллионов человек» (Сикалиев 1994, с. 42).

[8] На протяжении XIII–XV вв., считают И.Б.Васильев и И.В.Иванов, в Рын-песках проживало 3–5 тысяч человек (Иванов, Васильев 1995, с. 175).

[9] Формула трех авторов такова: Кс • У • Пзим / К • Д, где К — суточная потребность одного животного в килограммах сухой массы (в среднем 300 кг); У — урожай в килограммах сухой массы на 1 га; Д — продолжительность использования пастбища

рирующие не действительную численность ногаев, а возможности Дешт-и Кипчака вместить и прокормить такое число населения.

Обратимся к источникам. Распространенным эпитетом ногаев было тюркское слово *сансыз* (бесчисленные) (см.: Ахметзянов Р. 1977, с. 45; Башкирские 1960, с. 33; КК, д. 14, л. 16; Лашков 1891, с. 35; Толстова 1977, с. 161). На Руси и в Европе сложилось устойчивое мнение об огромном количестве жителей Ногайской Орды, самой многолюдной среди прочих Юртов: «...их же (ногаев. — *В.Т.*) число подобно морскому песку было» (Виженер 1890, с. 87; Курбский 1914, с. 238; Лызлов 1787, с. 54). «Подобен морю был наш народ», — вторили сами ногаи устами поэта Шал-Кийиза Тиленши-улы (Сикалиев 1994, с. 48). Довольно популярной дефиницией собственной численности у них было и другое выражение: «Нас, ногаиских людеи едичков,— ***сорок санов воинских людеи***» (Иштерек-бий астраханским воеводам, 1616 г.); «Желаю, чтобы... ***сорок санов нагаи (а в сане по десять тысячь)...*** были под твоею царскою высокою рукою» (нурадин Кара Кель-Мухаммед царю Михаилу, 1630 г.); «Я... имел ***сорок санов ногаиских людеи*** под твоею высокою государьскою рукою» (мирза Саид-Ахмед Урмаметев царю Михаилу, 1630 г.) (НКС, 1616 г., д. 2, л. 1; 1630 г., д. 1, л. 21; д. 3, л. 3).

Пояснение значения слова *сан* в одной из цитат могло оказаться вставкой русского переводчика (оригинал грамсты не сохранился), поскольку так оно понималось при переложении ногайских посланий: *сан* — тьма (десять тысяч). Так, слова мирзы Бия Урмаметева в послании воеводам перевели следующим образом: «Если попросите, чтобы ***сорок тем нагаи...*** у государя в холопстве были — о том я... у Бога просил»; в арабописьменном же оригинале выделенный фрагмент приведен как *кырк сан ногай* (1636 г., д. 1, л. 81, 98).

По-видимому, словосочетание *кырк сан* служило обозначением абстрактного множества, так как над этим числом подданных якобы властвовали, — каждый порознь — если верить им, и бий, и нурадин, и отдельный мирза. Казахский эпос «Эр-Таргын» называет главного героя выходцем из киргизов, бежавших к народу *кырк сан крым* (Молдобаев 1995, с. 60). Впрочем, сами ногаи не включали крымцев

в днях; **Пзим** — площадь зимнего пастбища, что составляет 30–50% от площади, пригодной для хозяйственного использования (**Пхоз**), которая, в свою очередь, равняется 60–70% *всей территории* (**Птер**), *принадлежащей кочевому обществу*; **Кс** — коэффициент поправки на социальное расслоение (0,0202). Для нашего подсчета принимались средние величины **Пзим** — 45% и **Пхоз** — 45%. **У** и **Д** брались из казахского материала XIX в., *поскольку он характеризует ту же самую территорию, на которой ранее* кочевали ногаи. По Н.Э.Масанову, производительность травостоя в полупустынной зоне Казахстана составляет 2–3,5 ц/га, в степной и лесостепной зоне — 3,5–12 ц/га (Масанов 1995а, с. 54). *Мы установили среднюю величину в 700 кг.* **Д** *зимняя* у казахов — 2–3 месяца, летняя — 6–9 (Масанов 1995а, с. 88, 102), из чего выводим среднюю величину в 5 месяцев (150 дней). Подсчеты площади велись по масштабам соответствующих карт.

в свои сорок санов: «А нас, мангытцких людеи, с Шихмамаевыми детми ***сорок тем*** (это перевод „сорока санов“, как мы только что убедились. — *В.Т.*), — писал в 1586 г. мирза Ураз-Мухаммед в Москву. — И свестясь с крымскими людми, соединачився, все вместе будем, и нас будет ***сто тем*** людеи» (НКС, 1586 г., д. 9, л. 18), т.е. сто санов.

Можно предположить, что данная словесная формула тоже была распространена в Дешт-и Кипчаке как устойчивый эпитет ногаев наряду с *сансыз*.

Что касается более точного определения численности населения, то данные весьма скудны. Т.И.Султанов оценивает ее в Узбекском ханстве Абу-л-Хайра (куда входил Мангытский юрт) до массового исхода сторонников Мухаммеда Шейбани в Мавераннахр (начало XVI в.) в 1 миллион 240 тысяч — 1 миллион 360 тысяч человек. Это заключение петербургский ориенталист сделал на основании данных Мухаммед-Хайдара о том, что под началом казахского хана Касима находился 1 миллион кочевников; а войско Шейбани Т.И.Султанов счел сорока-шестидесятитысячным. Принимая пропорцию войска ко всему народу как 1 : 6, получаем 240 тысяч (40 тысяч × 6) или 360 тысяч (60 тысяч × 6), каковые и прибавляем к миллиону подданных Касима (Султанов 1982, с. 20, 21).

Думается, эти рассуждения Т.И.Султанова можно продолжить. Мухаммед-Хайдар приводит слова казахской ханши Султан-Нигар-ханым, обращенные к Тахиру б. Адику, племяннику и преемнику Касима: «В стране узбеков у тебя не ладятся дела из-за мангытов, и (ты не можешь) противопоставить им войско, которого у тебя (прежде) было десять лаков (т.е. миллион. — *В.Т.*), а теперь дошло до четырех лаков (400 тысяч. — *В.Т.*), и у тебя не осталось достаточно сил, чтобы сопротивляться им» (Haidar 1895, p. 228). Этот разговор состоялся приблизительно в 1523 г. Напомню, что в 1521 г. скончался Касим б. Джанибек, оккупировавший Мангытский юрт и значительно увеличивший число своих подданных и ополченцев. Ясно, что эту массу народа унаследовал Тахир, взойдя на трон. Правда, Мухаммед-Хайдар пишет о миллионном войске, а не народе, и, следуя методике Т.И.Султанова, получается, что казахские ханы властвовали над шестью миллионами кочевников. Однако это немыслимая цифра для кочевого общества, поэтому будем считать, что Султан-Нигар-ханым вела речь именно об общем количестве жителей Казахского (бывшего Узбекского) ханства.

Вскоре после смерти Касима ногаи двинулись громить казахов и оттеснили их далеко на восток. Мангытский юрт, естественно, обрел самостоятельность. В результате этих событий число подданных Тахира уменьшилось с 1 миллиона до 400 тысяч. Стало быть, 600 тысяч пришлось на отколовшуюся часть, и мы вправе предположить, что

таково было население Мангытского юрта и областей, присоединенных ногаями в ходе «реконкисты».

Следующие конкретные цифры встречаются в начале 1550-х годов, во время обострения отношений между Иваном IV и Юсуфом. В 1551 г. бий хвастался: «А у меня триста тысяч рати моеи писмянои. А восмь у меня сынов моих, а по десяти тысяч своих людеи у них есть» (НКС, д. 4, л. 75). «Письменная рать» (т.е. ополчение, занесенное в какие-то податные или мобилизационные реестры) могла составлять, по разным методикам подсчета, $^1/_4$, $^1/_5$ или $^1/_6$ от общего количества народа.

Выберем самый осторожный подсчет и допустим, что восьмидесятитысячное войско сыновей Юсуфа тоже включалось в «письменную рать». Тогда получается, что в Ногайской Орде было по меньшей мере 1 миллион 200 тысяч жителей (300 тысяч × 4).

Однако реально Юсуф мог поднять по своему приказу лишь «стотысячную рать мангитскую», о чем он сам и известил царя в 1552 г. (НКС, д. 4, л. 112 об.). А через год русский гонец донес, что, готовясь к походу на Русь, бий «людеи своих смечал... и сметил всех людеи своих сто тысяч да дватцать» (НКС, д. 4, л. 190). Повторив подсчет, получаем 480 тысяч населения (120 тысяч × 4). При этом заметим, что в данной акции не принимали участия отряды мирз правого крыла — нурадина Исмаила, Арслана б. Хаджи-Мухаммеда и др. Тот и другой были могущественными правителями на западе Орды, т.е. господствовали как минимум над третью и как максимум над половиной ногаев.

Тогда получается, что в правом крыле кочевало от 240 тысяч до 480 тысяч, а всего в Ногайской Орде (правое крыло + яицкий центр + левое крыло) проживало тогда от 720 (240 + 480) тысяч до 960 (480 + 480) тысяч человек. 300 же тысяч «письменной рати» уже остались к тому времени в прошлом, потому что из Орды ушли в Мавераннахр улусы бия Саид-Ахмеда и его детей, да еще ударились в разбойное «казачество» потомки Шейх-Мухаммеда и Алчагира.

Вторая Смута радикально подкосила демографический потенциал кочевой державы: «И так того народу Измаильтескаго мало за Волгою осталося, едва пять тысяч военных людеи» (Курбский 1914, с. 238). Источники 1580–1590-х годов приводят уже гораздо меньшие цифры по сравнению с первой половиной столетия. В июне 1589 г. имперскому послу сообщили в Посольском приказе, что Россия готова направить против иранского шаха, наряду с прочими силами, стотысячное ногайское войско (Бушев 1976, с. 68, 69). Но это число включало, видимо, и конницу Малых Ногаев, потому что в 1592 г. в наказ о встрече польско-литовского посла была вставлена фраза: «А нагайских ратных людей ***Большие Заволжские Орды и Казыева улуса***

сядет на конь (по царскому повеленью) отборново *люду до ста тысячь*» (Анпилогов 1967, с. 40).

Немногим более точные числа приведены в статейном списке 1600 г. посла в Англию Г.И.Микулина: «Воинских людей в Заволжских Нагаех болши осмидесят тысячь. А... Барангазы князь (казыевский. — *В.Т.*) з братьею и з детми, и с племянники — восьмдесят мурз, а у них воинских людей пятьдесят тысяч... А Заволжских Нагай и Казыева улуса (воинских людей. — *В.Т.*) болши ста тритцати тысяч» (Путешествия 1954, с. 174, 191)[10].

Значит, после второй и третьей смут Большая Ногайская Орда обладала 320-тысячным населением (80 тысяч × 4).

Чем более она слабела, тем меньше улусников оставалось под властью бия. В 1604 г. Иштерек говорил воеводам, что может собрать для войны «людеи... с шездесят тысеч» (Акты 1918, с. 136; НКС, 1604 г., д. 3, л. 178), что соответствовало примерно 240 тысячам жителей. Мирзы один за другим то отказывались от своего верховного правителя, то решались вновь воссоединиться с ним. В 1608 г. «улусных людей» у Иштерека, по словам его послов, насчитывалось всего 40 тысяч; большинство же мирз кочевало тогда на Крымской стороне (Акты 1914, с. 213, 214).

В переписке первых десятилетий XVII в. то и дело мелькают как реальные исчисления улусников и ополченцев, так и полагающиеся Орде по формальной совокупности улусов («письменная рать»). В 1615 г. братья Тинмаметевы, Джан-Мухаммед и Аксак Кель-Мухаммед, отписали государю, будто «нас, Болших Нагаи, с четыреста тысячь» (НКС, 1615 г., д. 4, л. 18). Через два года бий Иштерек называл и вовсе несообразную цифру «*ратных людеи*... с триста тысячь» (НКС, 1617 г., д. 2, л. 21), т.е. около 1 миллиона 200 тысяч населения. На самом же деле число подданных оставалось куда более скромным, и посол Иштерека в том же, 1617 г. заверял посольского дьяка, что его патрон готов по первому же государеву приказу выставить войско «хоти 20 000» (НКС, 1617 г., д. 2, л. 8), что соответствует 80 тысячам населения.

В 1620-х годах численность обитателей Большой Ногайской Орды несколько стабилизировалась. Нурадин Кара Кель-Мухаммед уже не оперировал сотнями тысяч, а откровенно делился с царем: «И толко похвалою молыть, и нас и людеи наших... будет с сорок тысяч, а и не похвалою молыть, нас... будет с тритцать тысяч» (НКС, 1626 г., д. 2, л. 160). То же количество улусного населения называли тогда и астраханские воеводы («тысяч с тритцать и с сорок») (НКС, 1626 г., д. 2, л. 198). Расклад оказывался таким: под властью бия Каная находилось

[10] Численность населения Малой Ногайской Орды в конце XVI — первой трети XVII в. оценивается нами в диапазоне от 200 до 300 тысяч человек.

10 тысяч человек, а остальные 20 или 30 тысяч — у нурадина (НКС, 1626 г., д. 1, л. 23; д. 2, л. 27). В это число не входили улусники Тинмаметевых, а также те ногаи, что оставались на востоке и оказались под владычеством калмыков (считается, что таковых было до 40 тысяч — см.: Ку-м 1824, с. 301). Тинмаметевы же в 1630 г. имели в своих улусах 30 тысяч человек (НКС, 1630 г., д. 3, л. 3).

Таким образом, в конце 1620-х годов Больших Ногаев насчитывалось от 80 тысяч до 120 тысяч человек (если включать калмыцких подданных). А.А.Новосельский оценивал их на 1630 г. в 100 тысяч (Новосельский 1948б, с. 214).

В дальнейшем остатки Большой Ногайской Орды охватил хаос. В августе 1642 г. под Астраханью находилось всего 4862 жителя бывшей мангытской кочевой империи (НКС, д. 11, л. 75 об., 76, 219). Через семь лет там сконцентрировалось около 15 тысяч их (Гераклитов 1923а, с. 211, 212). Разрозненные улусы скитались по степям, то сбиваясь в группировки, то расходясь в разные стороны. В поле зрения информаторов попадали объединения разной величины, но основная масса ногаев тогда ушла на Кавказ, в Буджак и к Гиреям.

Ногайские родо-племенные объединения

№ п/п	Эли Ногайской Орды и их подразделения	Названия элей в русских документах XVI–XVII вв.[1]	Арабское написание в оригиналах ногайских грамот[2]	Узбекские эли в списках «илатийа» XV–XVII вв.[3]	Племена Ногайской Орды по сводке 1803 г.[4]
1	2	3	4	5	6
1	**АЗ**[5] куланабай аз токузбай аз тортулы аз кулар аз (кулараш?)	азское, асское, аское р.[6] куланебеяское р. токузбаиаское р. тортлуаское р. кулараццкое р.		 куралаш	
2	АКСЮРЮТ[7]	аксюрютцкое р.			аксюрюв
3	АЛЧИН	алчин; алчинское р.		алчин	
4	**БАДАЙ**	бадаиское р.		бадай, бадан	
5	**БАЙИС**	баиское р.			
6	**БАЙУЛЫ**	баиулунское, баиулутцкое, баиулуцкое р.	бай оглы (بای اوغلی)	бай оглы	байулу, байоглу
7	**БАТАР**[8]	ботарскои род			
8	БАЯУТ	баюаутцкое р.		байаут	
9	**БОДРАК**[9] бодрак-иргак(лы)[10]	 будратыргатцкое р.			

1	2	3	4	5	6
10	**БОРЛАК** атаулы-борлак алчин-борлак бичулы-борлак казаяк-борлак канглы-борлак куртлу-борлак чал-борлак яни(?)-борлак	борлак; барлатцкое, борлатцкое, бурлатцкое, бурлатское р. атаулборлатцкое р. алчинборлатцкое р. бичюлыбурлатцкое р. казаякбарлатцкое р. канлыборлатцкое р. куртлубурлатцкое р. чалборлатцкое р. новоборлатцкое р.		бурлан (алчин)[11] (канглы)	борлак
11	БУЛАЧИ	булачинское р.			
12	**БУРКУТ**	боркуцкое, буркуцкое, буркутское р.		буркут	
13	БУТАС	бутацкое р.		батас, баташ	
14	ДЖАЛАИР, ЯЛАИР	елаирское, ялыирское р., челаирскои род		джалаир	
15	ДЖУЮТ	чюютцкое р.		джуйут, джыйыт	
16	ДУВАН	дуванское р.			
17	**ДУРМЕН**	дурменское р.		дурман	
18	**КАЗАК**	казацкое р.		казак	
19	**КАНГЛЫ** канглы-киштек курук-канглы	канлы; канклыцкои род; канклыцкое, канлытское, канлыцкое, ханлыцкое р. канглыкиштеково р. курукканлыцкое р.		канглы	канли
20	КАРА-КИТАЙ	каракитаево р.			
21	КАТ	кадское, катское, кацкое р.		кеит	
22	**КАТАГАН**	катаганское р.			
23	КЕЛЕЧИ	келечи улус; келичи; келеичиское, келелитское, келечиское, келечинское р.		килечи	келечи; келечи-булак
24	**КЕНЕГЕС**	кенегес; кенегескои род; кенегезское,			

1	2	3	4	5	6
		кенегеское, кенегетцкое р.			
25	КЕНЕКЕЙ	кенекеискои род			
26	КЕНИТЕРК	кенитеркское р.			
27	**КЕРЕИТ, КЕРЕЙ**	кереити; кереитцкое, кереицкое р.	кереит (كريت)	кереит, керей	киреиты
	бузлук-кереит	бузлуккереитское р.			
28	КИГИТ	кигитцкое р.		кохат	
29	**КИПЧАК**	кибчак, кипчак, купчак, кыпчак, кыпчяк; кипчаскои род; кыпчатскои улус; капчатское, кипчатское, кипчатцкое р.	кибчак (قبچاق)	кибчак	кибчак
	айталы-кипчак	аиталыкипчатцкое р.			
	аталыулы-кипчак	аталыулукипчатцкое р.			
	борган-кипчак	бургапъкипчатцкое р.			
	егилтай-кипчак	егилтаикипчатцкое р.			
	кара-кипчак	каракибчак; каракипчатцкое, каракыпчатцкое р.			
	карагаш-кипчак	карагашкипчатцкое р.			
	кулубай-кипчак	кулубаикипчатцкое, кулюбаикипчатцкое р.			
	куртлу-кипчак	куртлукипчатцкое р.			
	сары-кипчак	сарыкипчатцкое р.			
	туде-кипчак	тюдекипчатцкое р.			
30	**КИРГИЗ**	киргиз, коркыз; род кыргъз; кыргъзское р.		киргиз	
31	КИРГИН	киргитцкое р.		киргин	
32	**КИРК**	кирк, кырк; крык улус; крыкское, крытцкое р.	кирк (قرق)	кирк	крыкское р.
33	**КИТАЙ**	китаи, кытаи; катаискои род; китаиское, кытайское, хитаиское, хытаиское р.	китай (قتاى ، قطاى)	хитай	
	ай-тамгалы-китай[12]	аитамгалыкитаиское р.			

1	2	3	4	5	6
	тогулча-китай **шибыш[13]-китай**	тогулчакитаиское р. шибышкитаиское р.			
34	**КИШЛИК**	кашлыцкое, кишлытцкое, кишълытцкое р.		кышлык	
35	**КИЯТ[14]**	кият, кыят; киядское, киятское, киятцкое р.		кийат	
36	КУЛА-АЯН	кулааянское р.			
37	**КУНГРАТ[15]**	коврат, коурат; коунратцкое, коурацкое, кунратское, конратцкое, кунратцкое р.		кунгурат	курат, коврат
38	**МАДЖАР**	можарское р.			
39	**МАНГЫТ[16]** бешулы-мангыт исабий-мангыт кара-мангыт шигасан-мангыт	мангит; мангицкои род; мангыцкое р. бешулумангытцкое р. эсебеймангытское р. карамангыт; карамангытцкое р. шигасанмангытцкое р.		мангут	
40	**МАШКИР**	машкирское р.			
41	**МЕРКИТ**	меркытцкое р.		меркит	
42	**МЕСИТ**	меситцкое, мешинское р.		мамасит, месит	
43	**МИНГ** алан-минг алчин-минг арган (аргын?) минг[17] ***буйрабас-минг[18]*** джурджут-минг евлан-минг казаяклы-минг канглы-минг карпода-минг коянсы-минг куланчи-минг сарай-минг сарас-минг	мин улус; минскои род; минское, мынское р. аланмынское р. алчинмынское р. арганмынское р. *бирибашминское,* быробашмынское р. юрьчутминское р. евланмынское р. казаяклымынское р. канлыминское р. карподамынское р. коянсыминское р. куланчомынское р. сараиминское р. сарасмынское р.	минг (منک)	минг (алчин) (аргун?) (джарджут) (сарай)	

1	2	3	4	5	6
	сары-минг телеу-минг тогай-минг(?) шахманчи-минг ябы-минг	сарыминское р. телевминское, телимынское, тлеумынское р. тогомы(н?)ское р. шахманчимынское р. обамынское р.		 (тилау)	
44	**НАЙМАН** **акбут-найман**[19] **кара-найман** кигачлы-найман **кушу-найман** **тараклы-найман** урман-найман	наиман, наиманы; наиман улус; наиманскои род; наиманское р. акбутнаиманское р. каранаиманское р. кигачлы-наиманское р. кушунаиманское р. тараклынаиманское р. урманнаиманское р.		**найман**	**найман**
45	**НУКУС**	нюкус улус; нокуское р.			нюкус
46	**ОНГУТ**	унгуцкое р.		онгут	
47	**САРАЙ(ЧИК)**	сарычикское р.		сарай	
48	**СИДЖИУТ**	сизютцкое р.			
49	СОЛУТ(?)	солутцкое р.			
50	**ТАМА**[20] костамгалы-тама ябы-тама	тама, тома; томанское, томинское р. коштамгалы тама ябы тама улус	тама (تما) коштамгалы тама (قوش تمقالی تما)	тама (йабу)	тама ябатама
51	**ТЕМИР-ХОДЖА**[21]	темирхозинское р.			
52	ТОГАЙ	тогаиское р.			
53	**ТОГУНЧИ**	тугунчеискои род; тогунчиское, тогунчинское, тогунчицкое р.	тогунчи оглы (توقونچی اوغلی) (توغونچی اوغلی)		
54	ТОЙТЮБЕ(?)	тоитебеское, тоитибинское р.			
55	**ТУРКМЕН**[22]	туркмены, тюркменцы; тюркмен улус, тюркменскои улус; трукменское, трухменское, трюкменское, турутименское р.	туркмен (تورکمان) илан-туркмен (یالن تورکمان)	туркмен	

1	2	3	4	5	6
	илан-туркмен найдар улы-туркмен	иланлытрукменское р. наидарулутрукменское р.			
56	ТУРЧАК (ТУРГАК?)	турчатцкое р.		тургак	
57	УЗБЕК[23]	татары озюбеки			
58	**УЙМАУТ**	оймаутское, уиматцкое, ульмаутцкое р.		оймаут	
59	**УЙШУН** арыш-уйшун ашамай-уйшун **багалы-уйшун** караул-уйшун шаклы-уйшун	уишун, уишюн; арышуишунское р. ачамаиушунское р. багалыушунское р. караулюшунское р. шаклыюшунское р.		уйшун	уншюн, уйшюн
60	**ЧАЛДЖИУТ**	чалджиутцкое р.		джилджиут, чалчиут	
61	ЧАТ	четское р.			
62	**ЧУБАЛАЧИ**[24]	чабалачинское, чобалачинское, чуболачицкое, чубулацкое р.	чубулатчи (چوبولاتچی)	джубалуджи	
63	ЧУМИЦЛЫ[25]	чумишлитцкое р.			
64	ШАКМАНЧИ	шакманчи улус			шакманчи
65	ШЕМЕРДЕН	шемерденское р.			
66	ЮЗ беш юз[26] канглы юз	юзское, юское р. бешьюское р. канлыюское р.	йуз (یوز)	йуз (канглы)	
67	КУЛАЧИ[27]	куланчинское р.		куладжи	
68	**ТЕЛЕУ**	тлев, тюлю		тилау	
69	**УЙГУР**	югурское р.		уйгур	
70	**ЧИМБАЙ**			чимбай	

Примечания к таблице

[1] В колонке 3 использованы следующие материалы: АИ, т. 4, с. 3 (примечания); Акты 1914, с. 165–167, 175–177, 179, 184; Акты 1915, с. 8, 11, 16, 24, 29, 31, 33; Акты 1918, с. 114; Летописец 1895, с. 132; Материалы 1932, с. 198; НГ, д. 30, л. 4, 6; НКС, д. 4, л. 11 об., 16 об., 32, 35, 149, 258, 259, 379; д. 5, л. 84, 87 об., 134 об., 167 об., 192 об., 198 об., 199, 210, 220, 220 об.; д. 6, л. 8, 78, 84–85, 214, 215, 219 об., 239; д. 7, л. 11 об., 39 об., 40 об., 45 об.; д. 8, л. 48 об., 54 об., 65 об., 233, 234, 340, 341, 341 об.; д. 9, л. 26, 30, 153; д. 10, л. 7 об., 10 об., 87, 91; д. 11, л. 3–14 об., 16 об., 19, 20 об., 39, 41, 42, 48 об., 51, 53 об., 55, 66, 66 об., 67 об., 68, 69 об., 70, 75, 79, 87, 87 об., 95, 99, 100, 103 об., 106, 110, 114, 116 об., 128, 146, 157 об., 161 об., 166 об., 169, 172 об., 176, 182 об., 192, 200, 204, 207, 212, 214, 218; д. 12, л. 2 об.–9 об.; 1586 г., д. 8, л. 16; д. 10, л. 19; 1587 г., д. 2, л. 37; 1604 г., д. 1, л. 3; д. 3, л. 90–97; 1608 г., д. 3, л. 25, 26, 31; 1614 г., д. 2, л. 18, 21, 22; 1615 г., д. 1, л. 25; д. 6, л. 9; д. 11, л. 5; д. 12, л. 7; 1617 г., д. 2,

л. 13, 29; д. 3, л. 14; 1618 г., д. 3, л. 56; 1623 г., д. 1, л. 112–115, 147, 211; 1625 г., д. 1, л. 58, 81; 1626 г., д. 1, л. 51, 86, 89, 259, 374; 1627 г., д. 1, л. 50, 262; д. 2, л. 120; 1628 г., д. 1, л. 5, 132, 373, 380; д. 2, л. 133, 353; д. 2, л. 2, 4, 7–12, 15, 16, 19–28, 32–41; 1629 г., д. 1, л. 29, 321–323; 1630 г., д. 3, л. 3; 1631 г., д. 2, л. 52, 164, 166; 1632 г., д. 1, л. 167, 172, 321–325; 1633 г., д. 1, л. 82, 85, 88, 132; д. 2, л. 2, 285–287; 1635 г., д. 1, л. 20–23; д. 4, л. 65; 1636 г., д. 1, л. 153; 1641 г., д. 4, л. 73; 1644 г., д. 1, л. 268, 269; 1647 г., д. 1, л. 110; Патриаршая 1906, с. 323; ПДП, т. 2, с. 164; Посольская 1984, с. 39; Посольские 1995, с. 159, 162, 200, 204, 205, 246, 248, 250, 251, 295, 296; Статейный 1891, с. 70.

[2] В колонке 4 использованы следующие материалы: НКС, 1629 г., д. 1, л. 3, 21; 1632 г., д. 1, л. 164, 169; 1633 г., д. 1, л. 130; 164 г., д. 1, л. 267.

[3] Списки племен-«илатийа» (т.е. кочевых элей Дешт-и Кипчака) обобщены по мусульманским источникам Т.И.Султановым. Сводные таблицы из его исследования (Султанов 1982, с. 29–33) использованы при заполнении колонки 5.

[4] Сводка этнических образований средневековых ногаев помещена в «Материалах об образе жизни, обычаях и нравах народов, живущих за Кубанью» (РГВИА, ф. 414, д. 434, л. 278). В этом источнике названы также родо-племенные образования, не фиксируемые по документам XVI–XVII вв.: базборган (батирген), барым (барын?), буларык (это, возможно, борлак), курплан, такчи.

[5] Прописными буквами в колонке 2 обозначены эли, строчными — подразделения элей. Жирным шрифтом выделены этнонимы, фиксирующиеся у ногайцев XIX–XX вв. (см.: Бушаков 1993; Гимбатова 1998, с. 20; Керейтов 1993а; 1993б; 1994; 1999; Яхтанигов 1993, с. 179–185).

[6] Р. — родство.

[7] В XIX в. род аксюру-конрат отмечен у крымских ногайцев (Керейтов 1993а, с. 24).

[8] Полагаю, это искаженное «байдар».

[9] В караногайской версии дастана «Эдиге», записанной Г.Ананьевым, главный герой — бек Эдиге — назван бодраком (Ананьев 1900, с. 12). Это свидетельство может указывать не на истинную племенную принадлежность родоначальника ногайских мирз, а лишь на присутствие эля бодрак в среде ногаев. Ф.Г.Гарипова считает бодырах/бодырак чисто ногайским этнонимом, распространившимся от ногаев к узбекам, казахам и башкирам (Гарипова 1980, с. 141, 142). Любопытные наблюдения И.В.Зайцева над употреблением в источниках слова «бодрак» позволяют предположить, что оно являлось в том числе и общим обозначением крымских татар (Зайцев 2000б, с. 90, 91). Тогда ногайский эль бодрак мог объединять выходцев (беженцев?) из Крымского юрта.

[10] Иргаклы (от *иргак* — крючок), а также, возможно, ашамайлы, айтамгалы и т.п. произведены от названий тамг соответствующих элевых подразделений.

[11] В скобки заключены этнонимы, встречающиеся в списках «илатийа» и соответствующие элементам названий ногайских элей.

[12] Это подразделение эля китай оказалось довольно долговечным. В середине XVIII в. под началом кубанского сераскера (крымского наместника) находились «его аулные татары, называемые ***китаи аит тамгалы кондровцами*** и кипчаками» (РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1165, л. 80).

[13] Шибыш — здесь, очевидно, *шёмиш* (тамга «ковш»). Род шёмиш-кытай есть у современных ногайцев (Керейтов 1999, с. 70).

[14] Соотношу этот эль с родом «кыя» прикаспийских ногайцев.

[15] Кунграты в Улусе Джучи являлись одним из самых могущественных кипчакских элей. С появлением на исторической арене массы мангытов они оказались оттесненными на второй план (см. главу 2). Ю.Э.Брегель считает, что соперничество этих этноплеменных группировок началось еще в XIII в., а кунграты влились в Мангытский юрт в начале XV в., после разгрома Эдиге кунгратской династии Суфи в Хорезме (Bregel 1982, p. 386).

[16] У рода мангыт кундровских татар (ногайского происхождения) в XIX в. зафиксированы подразделения мангыт, кучусс, эргенекли, алтояк, байгунда, темир-ходжа

(Небольсин 1851, с. 6); у узбеков-мангытов — ак-мангыт, тюк-мангыт и кара-мангыт (Дониёров 1968, с. 90); у каракалпаков-мангытов — ак-мангыт, кара-мангыт, учтай, чуйит, яманча (Документы 1967, с. 306, 536). По другим сведениям, каракалпаки-мангыты делились на ак-мангыт, кара-мангыт и тай-мангыт (Жданко 1950, с. 50).

[17] Д.М.Исхаков предположил, что аргыны могли быть частью найманского эля Ногайской Орды, поскольку владения крымских аргынов носили название Аргын-Найман (Исхаков 1995, с. 107; Лашков 1889, с. 104). Думаю, однако, что клан Аргын являлся слишком самостоятельной и могущественной силой в Крымском юрте, чтобы сливаться с ногайскими мигрантами. Последние предпочитали селиться на территории соплеменников — крымских мангытов-Мансуров.

[18] Подразделение буйрабас названо в ногайском дастане «Эдиге» в качестве самостоятельного эля золотоордынского времени среди подданных хана Тохтамыша (Ногайдынъ 1991, с. 25).

[19] Акбут-найман и названное ниже кушу-найман могут соответствовать подразделениям современных прикаспийских ногайцев окмет(-найман) и кучук-найман.

[20] Ногайский эпический герой Копланлы происходил из племени тама (Сикалиев 1980, с. 15).

[21] В XIX в. темир-ходжа являлись одним из шести подразделений кундровских мангытов (см. выше, примеч. 16).

[22] Туркмены оказались вовлечены в движение племен Дешт-и Кипчака в эпоху монгольского нашествия, когда они продвинулись на север, в том числе в Волго-Яицкое междуречье (там ранее обитали родственные им огузы). На пространстве от Яика до Сырдарьи туркменские эли в составе Золотой Орды кипчакизировались (Кузеев 1974, с. 183, 184). Есть сведения, что в первой половине XVII в. к югу от Эмбы кочевали туркмены из рода Красного Верблюда (Ulan temane) (Howorth 1965a, p. 562). Это были северо-западные группы общетуркменского массива, заселившие Устюрт, Мангышлак и яицко-эмбинские степи. С.Г.Агаджанов выделяет две группы туркмен Ногайской Орды — эмбинско-уральскую и приаральско-мангышлакскую. Часть их во время распада Орды ушла к Астрахани, а затем на Ставрополье (Агаджанов 1993).

[23] В 1626 г. в Москву поступило известие, что к алтыульским мирзам явились «из Юргенчь (т.е. Хивинского ханства. — *В.Т.*) тотар озюбеков тысеч с шесть с улусы, которые ***наперед сего кочевали в Ногаиской Орде за Урусом***» (НКС, 1626 г., д. 1, л. 259).

[24] Род шобалчы ныне входит в состав ногайцев-найманов. В топонимии Буджака фиксируются следы пребывания рода чобалакчи/чебалакчи (см.: Дрон 1993, с. 95).

[25] Очевидно, от тамги *шёмиш* — см. примеч. 13.

[26] Подразделение бешюз имелось также у буджакских ногаев (Дрон 1985, с. 15).

[27] Упоминания об элях Ногайской Орды кулачи и уйгур в средневековых документах мною не встречены; они перечислены среди ногайских («татарских») племен в сводке сведений из «старинных грамот», хранящихся в архиве Астраханского губернского правления (АИ, т. 4, с. 3 — примеч.). «Тлев», «тюлю» встречается в составе личных имен (Обзор 1990, с. 168).

Очерк 3

Экономика

Ногаи были кочевыми скотоводами. Вся их экономика строилась на сезонных передвижениях населения и скота по Дешт-и Кипчаку. Иноземные наблюдатели видели в ногаях скитальцев, чуть ли не непрерывно мигрирующих с пастбища на пастбище (см., например: д'Асколи 1902, с. 130; Какаш, Тектандер 1896, с. 26; Книга 1881, с. 13, 14; Люк 1879, с. 486; Олеарий 1906, с. 403; Статейный 1896, с. 252; Стрейс 1935, с. 191, 196). В самом деле, одним из обозначений понятия «родина» у жителей Ногайской Орды служило словосочетание *яйлав-кыслав ери* (Сикалиев 1994, с. 91) — «земля летовья-зимовья», т.е. пределы Орды описывались крайними рубежами самых протяженных перекочевок[1].

Даже то, что было известно о ногаях без монографического изучения, приводило исследователей к убежденности в типичности их экономики для кочевого мира. С.А.Плетнева полагает, что жители Ногайской Орды, наряду с казахами, монголами XII в. и др., находились на «второй стадии кочевания», которая характеризуется ограничением его территории для каждой орды или рода; фиксацией постоянных летовок и зимовок; аильным передвижением по степи; образованием «союзов орд» как зародыша государственности во главе с сильными правителями; началом формирования единой культуры, мировоззрения (религии), языка и т.д. (Плетнева 1982, с. 36–40, 71).

Не все из этих схематичных параметров применимы к Ногайской Орде в полной мере, поскольку ее общество было во многом «вторичным», т.е. унаследовало цивилизацию кочевников домонгольского Дешт-и Кипчака и Золотой Орды. Поэтому ногаям не пришлось начинать социальное и экономическое строительство с родо-племенного

[1] Этими же показателями мы пользовались в очерке 1 для определения границ Ногайской Орды. В XV — первой трети XVII в. кочевой цикл предусматривал четыре главные вехи: кочевья зимнее (*кыслав, кишлау*), весеннее (*коклеу*), летнее (*яйлав, яйлаг*) и осеннее (*кузлеу*) (Кочекаев 1988, с. 30). Позднее на Северном Кавказе, когда площадь передвижений неизмеримо уменьшилась по сравнению с заволжским Дештом, остались три стадии — зимняя, весенне-летняя (*яйлав*) и осенняя (Калоев 1993, с. 120).

«нуля». Но уподобление их казахам и предимперским монголам представляется корректным. Э.Кинан тоже видит в ногаях типичных кочевников — не имевших и не желавших иметь городов; видевших в своей степи не только среду обитания, но и средоточие и источник политического и военного могущества; контактировавших с оседлыми соседями прежде всего с целью приобретения земледельческой и ремесленной продукции (Keenan 1967, p. 552).

Подобное выделение скотоводческого сегмента экономики в целом оправданно. Ногайская Орда действительно являлась кочевой империей. Однако в ней, как в любом сложном социальном организме, существовали и другие хозяйственные отрасли и уклады. Кроме того, экономика не сводилась к выпасу скота и обмену с соседями. Экономическая система предполагала и организацию распределения продукции. Рассмотрим все эти пункты по порядку.

Кочевое скотоводство. Ногайская Орда располагалась в степной зоне Нижнего Поволжья, Волго-Яицкого междуречья, Западного и отчасти Центрального Казахстана. В этих краях произрастали травы и травяные кустарники, лесов же было немного. Древесные заросли встречались главным образом в поймах крупных рек. Как выразился М.Г.Худяков, «Ногайское государство — страна липовых лесов Южного Приуралья и приволжских степей» (Худяков 1991, с. 234)[2]. Овцеводство, главная отрасль кочевого хозяйства, довольно беспощадно к степному ландшафту, так как отары вытаптывают пастбища, превращая их в конце концов в полупустыню. Но в XVI в. этот так называемый скотосбой еще не обнаруживался (Кириков 1983, с. 4, 5, 70, 71) и ногаи беспрепятственно могли выбирать в заволжском Деште удобные маршруты и водопои, перемещать свои улусы в места наилучшего травостоя[3].

---

[2] Впрочем, лесной покров в Дешт-и Кипчаке в то время был, кажется, более обширным. С.Герберштейн слышал о ногайских кочевых просторах явно преувеличенное мнение, будто «эти страны целиком покрыты лесом, за исключением той, которая простирается вокруг Сарайчика: она степная» (Герберштейн 1988, с. 179).

[3] Е.И.Крупнов высказал идею о нерациональности ногайского скотоводства, из-за которой на Северном Кавказе уже в XV в. был уничтожен растительный покров, вскрылись пески и стали развеиваться по окрестностям. Действительно, поедание и сбой растений, уплотнение и чрезмерное унавоживание почвы сопутствуют выпасу животных. Однако кочевники проживали в Деште тысячи лет и катастрофического урона от их хозяйства не наблюдалось! За ногаев заступились В.Б.Виноградов, В.А.Мялковский и В.А.Петренко: во-первых, ногайское скотоводство не было бессистемным и позволяло пастбищам «отдыхать» после сезонных выпасов; во-вторых, оно было практически аналогичным кипчакскому (до XIII в.), когда в северокавказских степях кочевники «благоденствовали»; в-третьих, опустынивание в самом деле имело место, но его причины коренились в стабильной засушливости климата в течение нескольких последних столетий (Виноградов и др. 1979, с. 56; Крупнов 1956, с. 56). Характеристику природных условий на бывшей территории Ногайской Орды см. (Гвоздецкий, Михайлов 1978, с. 7–112; Иванов, Васильев 1995, с. 175).

Ногайское стадо имело обычный для средневековых степных скотоводов набор видов: «кони и верблюды, овцы и животину» (т.е. крупный рогатый скот) (ПДК, т. 2, с. 70). Эвлия Челеби добавляет к ним еще и ослов (Эвлия Челеби 1979, с. 54). Превосходную характеристику дал А.Олеарий: «Их скот велик ростом и силен... У овец... имеются большие толстые хвосты из чистого сала, весящие иногда от двадцати до тридцати фунтов... Лошади их невзрачны, но сильны и очень выносливы. У них имеются и верблюды, но редко с одним, а обыкновенно с двумя горбами на спине» (Олеарий 1906, с. 405). Коровы славились размерами и удоями и позднее составили основу пород Ставрополья (Калоев 1993, с. 60). Лошадей, как правило, держали косяками из десяти маток и одного породистого производителя; косяки объединялись в табуны по 100–150 голов (Калоев 1993, с. 77, 78).

Обычным соотношением видов скота у рядовых кочевников было 1 лошадь : 1 корова : 6–7 овец (Тортика и др. 1994, с. 60). Мирзы, конечно, могли позволить себе больший процент лошадей и коров. Достаточным для скудного существования считалось иметь стадо из 50 голов; 500 голов делали человека зажиточным, а тысяча и более — богатым (Георги 1799а, с. 42). Богатые ногаи обладали несметными стадами. Ж. де Люку один мирза крымских ногаев говорил, что владеет четырехсоттысячным поголовьем (Люк 1879, с. 486). Именно скот являлся главным богатством и показателем зажиточности, «а опроче... лошадеи и животины, иных никаких животов (т.е. имущества. — *В.Т.*) у них нет» (НКС, 1628 г., д. 1, л. 39).

Сравнительно немногочисленные верблюды использовались в основном как тягловая сила для перевозки колесных кибиток (Исфахани 1976, с. 94, 145; Какаш, Тектандер 1896, с. 26)[4] и иногда при пахоте (Эвлия Челеби 1979, с. 54). Вообще же вся транспортная система сводилась к верховым перемещениям, и техническая изощренность требовалась порою лишь при переправах через глубокие реки. Тогда ногаи сооружали «нечто вроде плотов» или натягивали над водой подобие желоба из толстой просмоленной ткани для перевода мелкого скота, а крупный пускали вплавь (Перетяткович 1877, с. 283; Хуан 1899, с. 7, 8). Возможно, один из этих способов был заимствован донцами. Казаки складывали седло, оружие и одежду на камышовую вязанку, пускали в воду коня, цеплялись за его гриву и тянули вязанку за собой (Рябов 1992, с. 158); ср. аналогичные данные о золотоордынцах (Барбаро 1971, с. 150, 151) и о крымских татарах (Ищенко 1989, с. 142). Когда на Волге встали русские крепости, местные стрельцы и служилые люди по поручению воевод перевозили животных и людей с одного берега на другой на судах.

---

[4] По замечанию Е.П.Алексеевой, эти повозки ногаи выменивали у других народов, а юрты делали сами (Алексеева 1957, с. 68).

Маршруты кочевий и пастбища закреплялись за определенными элями, их отдельными общинами (улусами) и соответственно мирзами, которым эти эли и улусы вверялись в управление. Наблюдатели начала XIX в., описывая ногайцев Таврии и Бессарабии, доносили, что у них «земля... общая, почему и полагается разделить ее по числу аулов или селений на равные части, с соблюдением, сколько можно, уравнения и в самых выгодах». При этом хотя орды Едисан и Буджак обладали относительно фиксированной территорией, разделенной между аулами, но семьи, населявшие эти аулы, свободно перемещались по пространству орд в поисках сочных трав, не имея в распоряжении «вовсе... определенной земли» (РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 49, 49 об.; De Gouroff 1816, p. 21).

Однако ногайское общество XVII — второй половины XIX в. представляло собой уже трансформированную и в значительной мере деградировавшую модификацию социума Ногайской Орды, а в последней еще сохранялись традиционные ценности развитой кочевой цивилизации. В литературе давно утвердился верный тезис о четкой системе распределения кочевий на совещаниях знати. Бии и мирзы регулярно (ежегодно?) перераспределяли эли и улусы между собой, что автоматически влекло и перераспределение пастбищ (см., например: Жирмунский 1974, с. 417; Калмыков и др. 1983, с. 34; Кочекаев 1988, с. 43; Поноженко 1977а, с. 8; Поноженко, Асанов 1993, с. 119). Эта операция не обходилась без взаимных неудовольствий и служила, вероятно, одной из существенных причин неурядиц — в частности, всех трех ногайских Смут. Когда держава слабела, ее высшая элита пыталась обрести арбитра за пределами степей, предлагая функцию раздачи кочевий крымским и русским властям (в последнем случае — всегда безуспешно) (см., например: НКС, д. 7, л. 206, 206 об.; 1628 г., д. 2, л. 117; Трепавлов 1997 г, с. 153).

В течение XV–XVI вв. в Ногайской Орде оформились два больших кочевых цикла, или две системы кочевания: арало-уральская (термин предложен Р.Г.Кузеевым — Кузеев 1974, с. 206) и поволжская. Кроме того, своя, относительно замкнутая система существовала в наместничестве Ногайской Башкирии (Трепавлов 1997в, с. 7, 8).

Арало-уральский цикл включал зимовку в низовьях Сырдарьи и летовку на Яике. Учитывая значительную массу ногайского населения левого (восточного) крыла, мы вправе предположить, что яйлав и кыслав занимали довольно большие площади. Источники называют в качестве кыслав не только степи «по Сыр реке», но и территорию «за Енбою на Карабулуне пот тюрхменцы» (Акты 1915, с. 27; НКС, 1614 г., д. 3, л. 56), т.е. Юго-Западный Казахстан. Иногда рубежи цикла несколько смещались. Например, после казахского завоевания Мангытского юрта в первой четверти XVI в. не ногаи, а победители-казахи перемещались между Сырдарьей и нижней Волгой (Исфахани

1976, с. 94, 145, 146). Однако само направление ежегодной миграции народа и стад с юго-востока на северо-запад заволжского Дешта и обратно сохранялось даже в первых десятилетиях XVII в., когда Ногайская Орда разваливалась, а поволжская система кочевания исчезла (НКС, 1614 г., д. 3, л. 56).

Каждую весну множество ногаев, оседлав коней и разместившись в кибитках, отправлялось к Яику. Сырдарьинские пастбища пустели. В 1555 г. османский адмирал Саиди Али, который в силу обстоятельств оказался в Хорезме, решил вернуться на родину через Дешт-и Кипчак. Хорезмский государь советовал ему пересечь территорию Орды летом, чтобы не встретить враждебных ногаев, поскольку «весной мангыты уходят на свои летние стойбища. Тогда дороги через пустыню становятся свободными» (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, р. 234). В такой же безопасности чувствовали себя и жители северных окрестностей ногайского яйлав до наступления лета. Русский посол к казахам в 1595 г. делился путевыми впечатлениями о проезде через верховья Яика: «А ногайцев о ту пору (начало мая. — *В.Т.*) не начяетца блиско кочевать, потому что в реках вода велика, и корм конской не подоспел на поле (т.е. в степи. — *В.Т.*), и слуху про ногаи нет» (Материалы 1932, с. 293).

Устойчивость арало-уральской системы объяснялась ее традиционностью, давней приспособленностью к нуждам кочевого скотоводства. Ведь возникла она еще в середине I тысячелетия н.э., а полностью оформилась в IX–XI вв. (Кузеев 1968а, с. 266–268; Кузеев 1974, с. 206; Кузеев 1978, с. 41–44). В течение этих и, видимо, двух последующих столетий по данному маршруту регулярно перемещались жители Дешт-и Кипчака, в первую очередь сами кипчаки (Ахинжанов 1989, с. 242). Ногаи, таким образом, унаследовали кипчакский кочевой цикл и, очевидно, завершили его историю, поскольку сменившие их казахи пользовались уже несколько иными, более «спрямленными» меридионально путями сезонных миграций (впрочем, некоторые из них тоже повторяли кипчакские) (см.: Ахинжанов 1989, с. 243, 283, 284; Исин 1988, с. 14; Маргулан 1950, с. 74, 75; Масанов 1995а, с. 61).

Поволжская система включала зимовья в волжских низовьях, переходы по левому берегу Волги и летовья на Самаре и Каме. Она превосходно, очень подробно описана А.М.Асановым и Е.А.Поноженко в специальной работе (Поноженко, Асанов 1993, с. 120–124), к которой я и отсылаю читателя. Добавлю лишь, что перемещение народа вдоль Волги происходило «в розни», что в глазах противников ослабляло ногаев (ПДПЛ, т. 2, с. 450) и подтверждает трактовку С.А.Плетневой кочевания ногаев как аильного (см. также: Ракушин 1994, с. 150). Эти места чрезвычайно ценились кочевниками. Волжские степи пользовались у них особой любовью и даже почитанием. Недаром именно в Ногайской Орде развился культ Волги-матушки (Трепавлов 1997а),

а каракалпаки — выходцы из Ногайской Орды вспоминали в своих песнях: «Там были просторные земли для выпаса скота, Там было вдоволь земли и воды, Я лишился тебя, мой Едиль» (т.е. Волга. — *В.Т.*) (цит. по: Толстова 1971, с. 193).

Как и арало-уральская система, поволжский цикл являлся традиционным для Дешт-и Кипчака. Во второй половине XIII — XIV в. вдоль Волги пролегали ежегодные пути передвижения джучидских ханов и их домениальных улусов (Контарини 1971, с. 223; Ракушин 1993, с. 165–167; Ракушин 1994, с. 150). С ослаблением ногайской державы размах перекочевок уменьшился. В XVII в. вверх по Волге уже не поднимались выше Царицына. Но в целом поволжский цикл удержался в народной памяти и в XIX в. был частично возобновлен казахами Букеевской Орды (Военно-статистическое 1848, с. 12).

Третья Смута радикально подорвала силы и благосостояние ногаев. Они стали держаться ближе к Астрахани, к заступничеству тамошних воевод. К тому же из-за Яика надвигались калмыки, и уходить разрозненными улусами далеко на север кочевники уже не осмеливались. *Постепенно меридиональный поволжский цикл стал сменяться широтным*, нижневолжским. Зимовья оставались, естественно, под Астраханью. А на лето, если не было опасности от калмыков и казаков, улусы иногда уходили теперь на восток, к Яику, так как «под Астараханью кормы конские и животинные на весне вода поимает» (НКС, 1628 г., д. 2, л. 4). В преданиях юртовцев осталась память об этом времени, когда «ногаи, предки юртовских татар, стали кочевать в летнее время по реке Уралу... Берега рек Урала и иногда Эмбы были летним кочевьем... на зиму же они подкочевывали к Волге» (Небольсин 1852, с. 56).

Полный новый цикл включал переходы на Крымскую сторону. Мирза Саин Иштереков, вспоминая в 1638 г. организацию перекочевок, рассказывал посольскому дьяку, будто еще при бие Дин-Ахмеде начал складываться порядок, по которому улусы проводили лето на Яике, «а как на Волге лед станет, и они... Волгу... переходили на Крымскую сторону и кочевали, и зимовали у моря в Мочаках, ниже Астрахани по озерам и по речкам, от Астарахани в днище и в полуднище... потому что те Мочаки места теплые, около озер камыши болшие» (НКС, 1638 г., д. 2, л. 39–40). Угодья в местности Мочаки со временем стали казаться кочевникам привычным и удобным районом кыслав. Там, «в заимищах, в теплых местех», скот получал достаточно камышового корма. В 1620-х годах туда перебирались с Ногайской стороны «по первому леду» — осеннему, а «по последнему леду» — весной ногаи шли обратно в Волго-Яицкое междуречье.

Поэтому мирзы болезненно воспринимали требования правительства и воевод держаться исключительно на левом берегу Волги. Ведь каждый год они оказывались в ситуации, когда «летом... на Нагаиской

стороне конские и животинные кормы вытравили, а... им в зимнее время лошедеи и животины на Нагаискои стороне прокормити негде», «в зимнее время на Нагаискои стороне лошеди и животину з голоду поморить» (НКС, 1626 г., д. 1, л. 46, 47, 61; 1628, д. 1, л. 34–35).

Еще большую путаницу и убытки вносили неутихавшие распри среди «Эдигу уругу мангытов». То и дело разные отрезки поволжской кочевой системы оказывались под контролем враждовавших группировок мирз, каждая из которых должна была налаживать новые комбинации летовок и зимовок. Например, в 1608 г. нурадин Шайтерек вместе с Урмаметевыми и Тинмаметевыми занял все пастбища на Крымской стороне. Бию Иштереку пришлось зимовать под Царицыном. Документы Посольского приказа донесли недовольство его этими переменами: «Ему де, Иштереку, блиско Царицына кочевать негде, потому что де тут место не зимовное и не угоже; преж де того они кочевали в Мочеках» (Акты 1914, с. 172, 213, 214). А послу П.Вражскому в подтверждение этого бий сообщил, что «нужу великую принимает... и [царицынское] летнее кочевье стало им зимнее, и преже де они искони... в тех местех зимним кочевьем не кочевывали» (Акты 1914, с. 180). Главная проблема заключалась в обильном снежном покрове, скрывавшем подножный корм, и Иштерек боялся того, что «токо укинут снеги великие, и они (ногаи. — *В.Т.*) ... опадут животиною» (Акты 1914, с. 180).

Перебираясь на правобережье, кочевники заново открывали для себя возможности предкавказских степей. Уже в 1580-х годах они сообщили царю Федору Ивановичу, что «наши улусы конец зимует на реке на Куме, а другои конец зимует на реке на Сыре». В 1614 г. то же повторил в послании к астраханским воеводам Иштерек (НКС, 1586 г., д. 4, л. 1; 1614 г., д. 3, л. 56). На территории между Кумой и Мочаками в первых десятилетиях XVII в., в периоды примирения мирз с бием, располагался кыслав Больших Ногаев (Акты 1914, с. 210, 212).

Зимовища по Куме тоже можно считать традиционными для Дешт-и Кипчака, так как еще в конце XV в. на ее берегах были поля татар Большой Орды (ПДК, т. 1, с. 149), а поля у кочевников находились, как правило, в местах зимнего пребывания. В XIX в. астраханские татары-кундровцы (ногайского происхождения) помнили, что еще в XVIII столетии, когда в тех местах прочно утвердились калмыки, оказавшиеся под их властью остатки ногаев зимовали на Куме и в урочище Машак[5], а летовали «нераздельно с калмыками по Ахтубе и частию в Рын-песках» (Небольсин 1851, с. 3). Правда, очутившись на Северо-Восточном Кавказе, пришельцы из-за Волги вынуждены были соотносить свои потребности в выпасе отар и табунов с интересами

---

[5] Машак — здесь Мочаки (о них см. выше) или местность Машаик (с одноименным поселком) в окрестностях Астрахани.

местных народов. В XIX в. практиковалась аренда ногайцами площадей под зимние пастбища у терских казаков (Калоев 1993, с. 61).

Самым тяжелым и убыточным сезоном для скотоводов была, конечно, зима. Холодное время в восточном Деште (Казахстане) продолжается в среднем шесть месяцев. Стужа и бураны могли нанести сокрушительный урон поголовью скота, а следовательно, и благосостоянию хозяев. «Белекбулат мирзин улус на весну истомен вышел» (НКС, д. 4, л. 169 об.) — подобные характеристики ослабления ногаев после зимовья часто встречаются в источниках. Если же морозы оказывались сильнее обычных или снега выпадало больше, да еще бушевали эпидемии и междоусобицы, то ногаи терпели настоящую катастрофу. В середине 1550-х годов погиб их скот, вспоминал А.М.Курбский, «яко стада конские, так и других скотов, а на лето и сами (ногаи. — *В.Т.*) изчезоша, так бо они живятся млеком точию от стад различных скотов своих» (Курбский 1914, с. 238). Уже к концу зимы дополнительный урон наносили февральские и мартовские оттепели, когда могли вновь ударить холода, сковав льдом и настом подснежную траву. Ногаи издавна боялись наступления марта, у их дагестанских потомков даже бытовала пословица: «Прошел март — прошло горе» (Рудановский 1863, № 50, с. 314).

Впоследствии организация кочевой экономики определенно деградировала. В начале XIX в. крымские ногайцы оставляли свои стада в зимней степи практически без ухода, полагаясь на выживаемость сильнейших животных (РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 46, 46 об.). Но в эпоху Ногайской Орды существовала система охраны скота от стихии. Да и ногайцы Северного Кавказа, дольше сохранявшие традиции Дешт-и Кипчака, старались обустроить свои кыслав. Скопища овец и лошадей ограждали плетнями из бурьяна и камыша для защиты от метелей (вот почему так ценны были камышистые Мочаки под Астраханью). Для корма рубили тот же камыш, ветки и стволы молодых деревьев и карагача (Кириков 1983, с. 109; Фарфоровский 1909, с. 13, 14).

Ставкой ногайского бия служил город Сарайчук на Яике. Вероятно, от Г.И.Перетятковича в литературе стало распространяться убеждение, будто это было зимовье мангытского государя (Перетяткович 1877, с. 139). Может быть, это и так, но мне встретилось упоминание о намерении бия Исмаила «годовати», т.е. провести не только зимнее время, в своей столице (1562 г.) (НКС, д. 6, л. 59). Поэтому вопрос о функциях Сарайчука в кочевой экономике требует дополнительных изысканий.

Одним из постоянных следствий разорения кочевников в результате экономических и политических неурядиц (и утраты скота) оказывалась седентаризация, оседание. Сезонные миграции при отсутствии животных утрачивали смысл. В Ногайской Орде это особенно про-

явилось после второй Смуты, когда Исмаил слал в Москву бесконечные жалобы, мол, «кочевати нам мочи нет» и вынашивал планы возведения городов в Орде. И это не было лишь плодом амбиций бия-победителя. Ему нужно было где-то размещать массы подданных, утративших скот и вынужденных перейти к оседлому образу жизни.

У ногаев не заметно сознательной политики по седентаризации (в отличие от Крыма, где хан Сахиб-Гирей в 1530-х годах, дабы держать под контролем ногайских иммигрантов, повелел разорить их дорожные повозки, наделил их землями для стационарных поселков и возвел там мечети — см. главу 5). Ногаи оседали, лишь очутившись в безвыходном положении, и престиж кочевничества у них никогда не снижался. При этом и оседлые бедняки, и удачливые скотоводы не ограничивались только скотоводческими занятиями. В кочевой империи мангытов имелись и другие отрасли хозяйства.

Нескотоводческие занятия. Важным подспорьем для кочевого хозяйства всегда были охота и рыболовство. В Дешт-и Кипчаке издавна практиковалось три вида охоты: облавная (на антилоп-сайгаков), зверование (на мелких животных) и соколиная. Все они фиксируются у средневековых ногаев.

Загон сайгаков был любимым развлечением зимующих кочевников. Оставив в кыслав женщин, детей, стариков и бедняков, мужчины, случалось, на несколько месяцев уходили выслеживать добычу. Едва на Волге становился лед, охотники шли на Крымскую сторону, в Подонье, где, очевидно, сохранялись значительные популяции сайгаков. Любопытствующим русским ногаи подробно расписывали свое зимнее времяпрепровождение, когда «люди неуимчивы, ходят для саигачьи ловли многими людми в степь мало не всю зиму, а в улусах у них в те поры безлюдно». Мирзы тоже не отказывали себе в удовольствии отправиться на поиски сайгаков. Помимо потехи и военной тренировки массовые облавы приносили и существенную прибавку к пропитанию («тем... они в зимнее время кормятца») (НКС, 1628 г., д. 1, л. 26, 33–34; 1629 г., д. 1, л. 192–194; 1639 г., д. 1, л. 20).

«Зверовать» ходили немноголюдными ватагами. Зверовые угодья Больших Ногаев располагались в окрестностях Астрахани (в 4–5 «днищах»), а у казыевцев — на Маныче (ДАИ, т. 2, с. 149; НКС, 1634 г., д. 3, л. 163). По берегам Яика стреляли белок, которых вывозили в Россию (Костомаров 1862, с. 9).

Соколиная охота считалась уделом аристократов: ловчие птицы ценились и стоили очень дорого. У юрты каждого мирзы стояли насесты для соколов, с которыми охотились на диких гусей. Ногаи ловили «молодых птиц балабанов» по волжским берегам и затем дрессировали (НКС, 1629 г., д. 1, л. 79; Олеарий 1906, с. 405, 413).

По мере концентрации жителей Ногайской Орды в астраханской округе все более важной становилась рыбная ловля. Для разоренных

в смутах улусов она зачастую оказывалась единственным способом выжить в зимние месяцы (если падеж или угон лошадей не позволял отправиться на охоту). Есть сведения, что истолченную в муку сушеную рыбу употребляли как хлеб (Очерки 1986, с. 43). Мирзы же видели в доступе к волжским «ловищам» средство удержать подле себя оголодавших подданных (Акты 1918, с. 143; НКС, 1604 г., д. 3, л. 207; 1619 г., д. 2, л. 207; 1626 г., д. 1, л. 23). В качестве рыболовных угодий в источниках фигурируют реки северокаспийского бассейна: «Летом на Нагаискои стороне ловили рыбу в Волге и в Яике, в волских в болших протоках — в Бузане и в Кара-Бузане, и в Ахтубе, и в Емансуге, и в Емане, и в Бозузеке; а зимою на Крымскои стороне ловили рыбу на низ по Волге, по всем протокам и по илменем и до моря. И тем улусные люди кормились» (Акты 1918, с. 143; ДАИ, т. 2, с. 151; НКС, 1604 г., д. 3, л. 27).

Однако использовать волжские омуты и затоны столь же свободно и беспрепятственно, как родные степи, ногаи уже не могли. В Астрахани существовала конкуренция им в лице все увеличивавшегося русского населения. Окруженный бесплодными равнинами и солончаками, город мог получать доходы только от международной торговли да от волжской рыбы. Поэтому и воеводы, и центральные власти тщательно следили, чтобы промысел кочевников не наносил ущерба казне. Оборотистые астраханцы, случалось, брали на откуп рыбные угодья, выплачивая за них колоссальные суммы. Тогда степняков не подпускали к реке (или же требовали платы), а воеводы пытались втолковать мирзам, что иначе «нашеи казне будет убыль великая: астороханским росходы иными (средствами. — *В.Т.*) не поднятца» (НКС, 1626 г., д. 1, л. 22; 1627 г., д. 1, л. 303, 304, 307, 308). Во время распада Орды кочевники разведали места для рыбалки западнее и били челом в Москву, прося дозволить им «кочевать возле Дону и жить з донскими казаками в миру для рыбнои ловли» (НКС, 1635 г., д. 2, л. 188).

Самым привлекательным уловом на Волге и Яике считалась крупная рыба. В волжских низовьях на лососей и осетров, идущих вверх на нерест, издавна устанавливали учуги (забойки, юры) — деревянные перегородки по ломаной (чтоб вода не сносила) линии поперек реки. Русские астраханцы были убеждены в старом, «татарском» происхождении этого устройства (Марков 1966, с. 186; Минх 1900, с. 313, 314). Рыба, сталкиваясь с преградой, скапливалась вдоль учугов, а рыбаки с лодок могли из кишащего сонма отобрать самых крупных и ценных особей.

Славянские новоселы переняли этот способ ловли у местных тюрок и в начале XVII в. монополизировали его. В ответ на жалобы мирз правительство распоряжалось «очюги во рыбнои ловле отказати (ногаям — *В.Т.*), что им учюги быти нелзе, а государево жалованье и

опричь очюга к ним будет» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 207, 219). Сначала улусники пользовались учугами за определенную плату воеводской казне (НКС, 1635 г., д. 2, л. 168). Но затем в низовьях утвердились русские откупщики. Они ставили стражу на берегах Волги и протоков, и кочевникам не оставалось ничего иного, как орудовать «неводом и сетью, и удою» — индивидуальными приспособлениями, которые уже не обеспечивали массовой добычи рыбы.

Но и оставшиеся у ногаев рыбацкие места привлекали алчные взоры рыбопромышленников, и воеводская канцелярия с Посольским приказом то и дело разбирались с претензиями. Стоило береговой охране заметить на берегу степняка с сетью или даже с удочкой, как тот подвергался грабежу и «насилству». Не привыкшие к столь хищническому отношению к угодьям, кочевники недоумевали: и так маршруты прохода ценной рыбы уже отобраны астраханцами, а что осталось — «и в тех... водах болшои рыбы — белуг и осетров, и шедрин, опроче мелкие рыбы, — николи не бывает» (Акты 1918, с. 143; ДАИ, т. 2, с. 151; НКС, 1604 г., д. 3, л. 207; 1626 г., д. 1, л. 23; 1631 г., д. 2, л. 52; д. 3, л. 20).

В историографии встречается мнение о том, что ногаи почти не занимались ремеслом. Объясняют это как непритязательными потребностями кочевой экономики, так и отсутствием городов — обычных центров развития ремесленного производства. Решающим доводом в пользу таких утверждений служат беспрестанные просьбы биев и мирз прислать в Орду ремесленные изделия (краски, бумагу, металл, в том числе сотни тысяч гвоздей, и т.п.). В самом деле, в условиях кочевого быта не было возможности для развития, например, плавильного и кузнечного дела. Ногаи, видимо, абсолютно не знали металлургии. В 1576 г. два русских корабля-бусы стояли на рейде у волжского устья. Ногаи подобрались к ним «и те бусы изпортили и изпросекли, и ***гвоздье и скобы повыдергали***» (БГК, д. 137, л. 367 об.). Данная акция диктовалась, несомненно, не вандализмом нападавших, а нуждой в железных изделиях. Вместе с тем минимальные потребности в утвари кочевники обеспечивали себе самостоятельно. Например, освоившись на Крымской стороне, они выбирали для становищ лесистые местности Пятигорья, так как «к тем местам подошли леса, и делают... оне (ногаи. — *В.Т.*) избы (т.е. кибитки. — *В.Т.*) и телеги. И как... оне избы и телеги поделают и ***всяким изделъем лесным наполнятца***, и оне... покочуют к Астарахани» (НКС, 1631 г., д. 1, л. 137). В целом мне близка трактовка этого вопроса М.Г.Сафаргалиевым: ремесло в Ногайской Орде все-таки развивалось, но очень медленно и находилось «в зачаточном виде, оставаясь на положении домашнего ремесла» (Сафаргалиев 1938, с. 52, 53; Сафаргалиев 1949а, с. 37; см. также: Алексеева 1957, с. 68; Батраков 1958, с. 11; Очерки 1967, с. 165).

Русские и западноевропейские современники Ногайской Орды по-разному оценивали наличие в ней земледелия. Князь Андрей Курбский писал, что ее обитатели «живятся точию млеком от стад различных скотов своих, а хлеб тамо не именуется» (Курбский 1914, с. 238). С.Какаш и Г.Тектандер сперва уверенно отметили, будто ногаям «хлеб совсем неизвестен», но затем вдруг оговорились, что «сеянием хлеба и разведением иных плодов там занимаются мало» (Какаш, Тектандер 1896, с. 24, 26), т.е. все-таки занимаются.

Как бы то ни было, дефицит хлеба в заволжском Деште существовал, особенно усиливаясь при падежах скота, когда население лишалось скотоводческой продовольственной базы. Для спасения улусов от голода во время второй Смуты Исмаил многократно заклинал московского царя прислать «хлебного запасу», крупы, толокна, сухарей, ржаной муки (НКС, д. 5, л. 29 об., 37, 79, 91 об., 99 об., 131 об. и др.). В последующие десятилетия подобные просьбы иногда повторялись. Только в одном 1557 г. российское правительство послало за Волгу 340 четвертей (т.е. 680 пудов, или почти 11 тонн) хлеба разных сортов. По масштабам зернового импорта ногайская держава являлась (по крайней мере в середине XVI в.) основным потребителем русских хлебных товаров (Фехнер 1956, с. 64).

Но была в этих просьбах деталь, не позволяющая безоговорочно считать Ногайскую Орду незнакомой с земледелием. Исмаил просил хлеба еще и на семена: то 50 четвертей (т.е. 100 пудов — более полутора тонн!), то целое судно или два, а то и «семена на многих судех хлеба» (НКС, д. 5, л. 33 об., 37, 79, 90 об., 93 об.). Причем один из таких запросов мотивировался тем, что «*пашню* Сараичиковскую вода взяла» (НКС, д. 5, л. 33 об.). Исследователи, конечно, обратили внимание на эти нюансы, и вопрос о степени развития аграрного хозяйства в Орде оживленно обсуждался. Мнение И.Х.Калмыкова резко отличается от точки зрения прочих авторов. Он видит в этих известиях свидетельство довольно значительного развития земледелия в Деште. Из информации о затоплении сарайчиковской пашни он заключает, что ногаи занимались хлебопашеством вдали от пригородных земель, и поэтому современники-чужестранцы не видели их полей. (Возражу, что лишь отдельные иноземные дипломаты посещали Сарайчук, большинство же наносило визиты как раз в степные ставки биев и мирз.) «Масштабы земледелия позволяли не только в какой-то степени удовлетворять потребности в зерне, но и засыпать часть урожая на семена до следующего года», — пишет И.Х.Калмыков. И далее: «Просьба Измаила выслать целое судно семян свидетельствует о значительных размерах посевных площадей, обрабатываемых ногайцами в тот период» (Калмыков и др. 1983, с. 32).

Другие историки, напротив, видят в приведенных данных признаки неразвитости земледелия. Г.И.Перетяткович был убежден, что ногаи

обладали только его «начатками» и лишь жители Сарайчука сеяли пшеницу (Перетяткович 1877, с. 137). О «стадии зарождения» рассуждал и М.Г.Сафаргалиев. Он предположил, будто в оригинале грамоты Исмаила о сарайчуковской пашне словом «пашня» перевели тюркское *кыр*, означающее не только пахотное поле, но и степь-пастбище; т.е. речь в послании могла идти не о затоплении посевов, а просто об убытке от наводнения. Если же *кыр* здесь все-таки «пашня», то и в этом случае запрошенное бием судно семян можно было высеять на незначительной площади. «Известные нам факты говорят только о зачаточном характере земледелия у ногайцев, носившего характер кочевого земледелия», — заключает М.Г.Сафаргалиев. Подразумевались скорее всего семена проса (обычного для кочевников), а не пшеницы (Сафаргалиев 1938, с. 50–51; Сафаргалиев 1949а, с. 36). Позднее такую трактовку информации источников полностью поддержал Б.-А.Б.Кочекаев (Кочекаев 1988, с. 46).

Немногим отличается и подход к этому вопросу А.М.Асанова и Е.А.Поноженко, которые расценивают ногайское земледелие как второстепенную отрасль экономики, примитивную и незначительную по масштабам, заключавшуюся в распашке под просо небольших участков окрест зимовий и не требовавшую особого ухода. Ногаи бросали семена в почву весной и удалялись на яйлав, а урожай убирали по возвращении на зимовку (Поноженко, Асанов 1993, с. 121). То есть поля обрабатывались ногаями «наездом», как сформулировал Ю.Н.Смирнов (История 1987, с. 28)[6].

Некоторые сведения есть о ногайских пашенных угодьях на Северном Кавказе. Редкие известия по этому поводу связаны с Малой Ордой. Ее бий Касим в 1627 г. «в Пяти горах пашню... пахал и у Семи озер хотел же... пашню завесть». Но терцы угнали у Касима лошадей, и его планы по расширению посевных площадей рухнули: «И я тут пашню пахать не умел» (НКС, 1627 г., д. 1, л. 159). Примечательно, что раньше в тех же местах, в Пятигорье, имелась пашня Большой (не ногайской, а джучидской) Орды. Поля казыевцев располагались и неподалеку от Азова. В следующем году Касим и мирзы отказались ехать на шертование в Астрахань под предлогом, что «у них под Азовом на реке Челбаше посеены проса. И как проса поспеют... и мирзы... покочуют на Куму к Можарскому городищу» (НКС, 1628 г., д. 2, л. 63).

---

[6] Иногда в качестве иллюстрации развития земледелия у ногаев приводят информацию о подготовке бия Юсуфа к походу на Русь в 1552 г., когда он велел каждому воину запастись количеством крупы, «как мочно человеку подняти», из чего якобы следует, что крупы было очень много, и можно предполагать наличие пашен в местах, не упомянутых в источниках. На самом же деле в публикацию Посольской книги Н.И.Новиковым в «Продолжении древней русской вивлиофики» вкралась опечатка (см.: Продолжение 1793а, с. 102). В оригинале стоит «да кру*ту* (т.е. сушеного сыра. — *В.Т.*) на всякую голову, как мочно человеку подняти» (НКС, д. 4, л. 190 об.). На эту погрешность издателя указал еще Н.И.Веселовский (Веселовский 1910б, с. 7).

Столь же лаконична информация о технологии обработки земли и урожая. Матвей Меховский имел представление о деталях полевых работ: «Некоторые из них распахивают и засевают просом одну-две или три полосы длиною в три-четыре югера и больше» (Меховский 1936, с. 93). Распашку осуществляли, применяя тягловую силу верблюдов (Эвлия Челеби 1979, с. 54). У А.Олеария читаем, что ногаи, жившие в миле от Астрахани, для молочения сжатого зерна использовали скот: «В разных местах мы видели, как бегали в круге привязанные к столбу волы и лошади, которые должны были молотить и выбивать просо» (Олеарий 1906, с. 413). Высокой квалификацией в земледельческих занятиях исконные кочевники, конечно, не обладали. Даже в первой половине XIX в. пахота ногайцев оставляла у заезжих наблюдателей странное впечатление: «Выехав в степь для пахания земли, они начинали орать (пахать. — *В.Т.*) один в одном месте, другой в другом и так далее. Оттого загоны их бывали неровные, ни с чем не сообразные» (Менкеев 1852, с. 186)[7].

Помимо проса в Ногайской Орде выращивались, очевидно, бахчевые культуры. Единственное упоминание о них встречается в каракалпакском толгау «Едил кайда, ел кайда» в ряду воспоминаний о жизни народа на берегах Яика в XVI в.: «В летние дни молока, В осенние дни — ***дынь И собранных тыкв***, В зимние дни рыбы — Мой народ лишился» (Толстова 1971, с. 193; Толстова 1977, с. 159).

Таким образом, земледелие, причем в разных ипостасях, у средневековых ногаев, несомненно, практиковалось. Культивирование проса и бахчевых было знакомо их экономике. Однако решение вопроса о степени развития и распространенности этого занятия следует поставить в зависимость от состояния кочевого хозяйства. Нетрудно заметить, что своеобразный всплеск внимания властей Орды к хлебопашеству наблюдается в пору самого жестокого кризиса, когда кочевой сектор экономики в ходе второй Смуты полностью деградировал. В то время земледелие приобрело чрезвычайное и в целом несвойственное ногаям значение для их обеспечения. Когда же ситуация в начале 1560-х годов стабилизировалась, просьбы о поставках зерна из России вновь стали очень редкими, поскольку Орда смогла вернуться к кочевому скотоводству. Население обратилось к привычному (и престижному) выпасу стад, и «начатки земледелия» (по Г.И.Перетятковичу) закономерно заглохли. Что же касается Казыева улуса, то в нем едва ли не постоянно с конца XVI в. происходила хаотичная борьба мирз и

---

[7] Ногаи Крымского юрта еще с 1530-х годов периодически подвергались насильственной седентаризации. Поэтому у них навыки земледелия прогрессировали быстрее. В 1620-х годах Ж. де Люк писал, что то немногое просо, что имеется у них, выменивается на скот у черкесов (Люк 1879, с. 486). А в 1777 г. просо и ячмень уже находились в ряду «главных предметов сбыта» крымских ногайцев в Стамбул (Тунманн 1991, с. 48).

улусных группировок, и в такой обстановке появление гарантии от голода в виде просяных полей в Пятигорье оказывалось уместным и необходимым.

Вместе с тем в ногайской державе существовал целый слой оседлого сельского населения — *тумаки.* Мы встречались с ними в главе 7, когда Исмаил просил у царя разрешения переместить их, своих извечных подданных, с Волги, с территории только что завоеванного русскими Астраханского ханства[8], на Яик; позднее тумаки упоминаются уже на Яике (НКС, д. 6, л. 56 об.). Однако они продолжали селиться и в дельте: например, в 1607 г. там проживали тумаки из улуса Джан-Арслана б. Уруса (Акты 1914, с. 174).

Для М.Г.Сафаргалиева «нет сомнения, что это была одна из категорий зависимых людей, скорее всего потомки военнопленных, смешавшиеся с ногайцами». Само слово *тумак* он возводил к *тугмак* (плести [сети]), или *тутулмак* (захватывать в плен), или *тутмак* (задолжать) (Сафаргалиев 1938, с. 73, 74). Подчиненной бию «феодально зависимой категорией населения», жившей оседло и занимавшейся примитивным хлебопашеством и рыболовством, считает тумаков Е.А.Поноженко (Поноженко 1977а, с. 15). Из последних работ отметим доклад В.М.Викторина (1998 г.), посвященный специально тумакам. Этот автор сопоставляет их название с понятиями *тума, тумак, тумат*, обозначающими на Северном Кавказе, в Крыму и у донских казаков «сына чужеродки, невольницы; неполноценного». В ногайских тумаках В.М.Викторин видит оседлых земледельцев, что проживали на границе Ногайской Орды и Астраханского ханства, обеспечивая выращиваемым ими просом основную массу кочевников (Викторин 1998, с. 24, 25). В целом подобный подход подтверждается документами XVI и XVII столетий.

В 1629 г. бий Канай извещал астраханских воевод, что «ево улусные люди бедные, тумаки, зимовали у неводов в Белужье и в Теудаках, и в ыных розных местех», угоняя лошадей у кочующих ногаев (НКС, 1629 г., д. 1, л. 205–206). Следовательно, они занимались еще и рыбным промыслом, а с кочевниками находились, оказывается, в сложных отношениях.

Кажется, наиболее существенным смысловым оттенком слова *тумак* является их подчиненность патрону (не обязательно бию). В 1630 г. ногайский саид Сайф ад-Дин жаловался царю Михаилу Федоровичу, что воеводы его «юртовских татар написали *тумою* сорок

---

[8] Память о присутствии там тумаков сохранилась в местной топонимике. В 32 км южнее Астрахани, на левом берегу старого русла Волги, расположен холм под названием Тумак-Тюбе (Шнайдштейн 1989, с. 24). Возможно, какое-то влияние эти «астраханизированные» ногаи-тумаки оказали впоследствии на этнический состав донских казаков, среди которых в XVII в. существовала метисная тюрко-славянская прослойка *тума* (другое название — *болдырь*) (см.: Черницын 1995, с. 52).

дворов людеи в твою государеву службу; а они все люди не служивые». И выше об этих же людях: «А у меня было что от отца моего осталось старинных сорок человек» (НКС, 1630 г., д. 3, л. 17, 37). Следовательно, тумак — это осуществляющий *тума*, какой-то вид (наследственных?) обязанностей по отношению к сеньору. Сорок улусников Сайф ад-Дина были незаконно, с точки зрения саида, поверстаны воеводами в государеву туму (государевы тумаки?)[9].

Наконец, еще одним побочным хозяйственным занятием можно считать добычу соли — наверное, единственную отрасль по разработке недр. Соль брали не только из знаменитых озер Заволжья («В Астрахани находится много соляных колодцев, и вся Московия снабжается отсюда солью» — Олеарий 1906, с. 26), но и из минеральных месторождений. Еще на карте Фра Мауро 1475 г. выше «императорской усыпальницы» на Яике, т.е. района города Сарайчука, кружком обозначен пункт, рядом с которым нарисована гора с подписью: «Здесь добывают много соли» (Чекалин 1890, с. 250). Это, без сомнения, Туз-тюбэ («Соляная гора») — залежи каменной соли на Илеке, притоке Яика. «Книга Большому чертежу» знает их как Тустеби («ломают в ней соль»). После вхождения этого региона в состав России добыча соли была обложена государственной пошлиной (Зверинский 1871, с. XXI). До того времени Туз-тюбэ находилась в самом центре Ногайской Орды, и ногаи (с башкирами?) использовали соль из горы для своих нужд и, может быть, для экспорта. Впрочем, вовсе не соль служила для них основным предметом вывоза и торговли.

Торговля. При господстве кочевой скотоводческой экономики Ногайская Орда жизненно нуждалась в получении продукции земледелия и ремесла от оседлых соседей. Будучи окруженной в основном сильными державами, она не могла рассчитывать на обогащение от постоянных набегов и тем более на завоевание их, поэтому необходимые изделия и материалы приобретала чаще путем обмена. Торговые караваны ногаев отправлялись во все окрестные страны — как правило, вместе с посольствами биев и мирз (у Н.И.Веселовского даже создалось впечатление о злоупотреблении дипломатическими связями в торговых интересах: слишком частыми и многолюдными оказывались степные миссии, в частности на Русь, — Веселовский 1911, с. 7). Развитию коммерции способствовало и расселение улусов восточного Дешта вдоль старых караванных маршрутов. Наезженными дорогами ногаи пользовались не только для собственного обмена, но и для сбора пошлин с транзитных торговцев.

---

[9] Может быть, постоянное пребывание около Астрахани, местной торговой «столицы», позволяло тумакам исполнять службу не только посредством земледелия и рыбной ловли, но и участием в коммерческих операциях. В «Росписи иноземным купцам, живущим в Астрахани» 1632 г. в ряду бухарцев, юргенцев, индейцев, кизылбашцев и др. названы «нагаиские тумы» (НКС, 1632 г., д. 1, л. 73).

С точки зрения завсегдатаев европейских рынков, этот обмен выглядел весьма скудным по ассортименту и простым в организации. Не случайно в историографии встречаются мнения о «первичной стадии обмена продуктами», не доросшей до денежной формы, о слабом развитии торговых отношений, обусловленным особенностями экономики и т.п. (см., например: Кочекаев 1988, с. 32, 33; Сафаргалиев 1938, с. 59). Вместе с тем это не означает, что торговля ногаев ограничивалась примитивным пограничным обменом. В их Орде существовали районы с различной экономической ориентацией и соответственно с различным набором ввозимых-вывозимых товаров (вспомним упреки Исмаила бию Юсуфу в 1553 г.: «Твои... люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве...» — НКС, д. 4, л. 191).

Была налажена и организация торговых операций, их своеобразная инфраструктура. В середине XVI в., пока еще были живы золотоордынские традиции, пошлины с приезжих и проезжих купцов взимались «девятками»: три части имущества из девяти шли в пользу бия, одна — в пользу его служителей-карачи (Поноженко 1977б, с. 94). После русского завоевания Астрахани Исмаил просил Ивана IV две трети от всех пошлин с торговцев отдавать ему, бию, а оставшуюся долю вверять царскому воеводе (правда, царь не согласился) (НКС, д. 5, л. 44). Позднее таможенная пошлина собиралась бием (или с его дозволения мирзами), очевидно, в виде определенного процента с количества товара. В начале XVII в. со своих соотечественников, гонявших отары на продажу «в Бухары», брали 500 овец, а с бухарских купцов — тысячу «азямских кафтанов» (НКС, 1618 г., д. 2, л. 206).

Когда ногаи отправлялись торговать за пределы Орды, они обязаны были получить от бия «ерлык» — разрешение типа лицензии; не имевшие его были вынуждены действовать контрабандным способом («украдом по лесу», т.е. вдалеке от оживленных базаров, чтобы не попасться) (НКС, 1618 г., д. 1, л. 32, 33).

Пока трудно сказать определенно, являлся ли единственный (?) город Орды Сарайчук торговым центром. Г.И.Перетяткович думал именно так (Перетяткович 1877, с. 137), но Э.Дженкинсон прямо пишет, что там «не производится никакой торговли, так как здешний народ не употребляет денег» (Дженкинсон 1937, с. 173). Впрочем, английский путешественник, судя по последней фразе, подразумевал под торговлей привычную для себя операцию «деньги за товар», а не натуральный обмен. Да и плыл он вниз по Волге, накапливая впечатления, в тот период, когда мангытская империя была полностью разорена Смутой.

Исследователи справедливо отмечали наличие в Орде особой прослойки специалистов-коммерсантов (гостей); В.М.Жирмунский даже определил по текстам некую корпоративность, объединение в «гостины аргыши», партнерские товарищества (Жирмунский 1974, с. 421;

Алексеева 1957, с. 79; Посольские 1995, с. 108). Убедительную характеристику данного сословия дал М.Г.Сафаргалиев. Гости, происходившие из простонародья, ездили в Москву продавать коней. Они зависели от бия и мирз, не допускались на совещания знати. Кроме них были еще ордобазарцы, или «базарные (базарские) люди», — привилегированная социальная группировка. Они постоянно состояли при бие; полномочия на управление ими переходили к его преемнику. Ордобазарцы обслуживали товарами самого правителя и высших мирз, продавали товары от бия в Москве (Сафаргалиев 1938, с. 68, 69; см. также: Поноженко 1977б, с. 95, 96).

Все эти положения полностью основаны на документальном материале. В самом деле, «базарские люди» трактовались бием как «опричённая казна моя» и даже расценивались русскими наблюдателями в качестве особого «бозарского родства» (НКС, д. 6, л. 84 об.; 1631 г., д. 2, л. 52), т.е. действительно специфической, замкнутой общности, сопоставимой с элем («родством»). Из среды ордобазарцев выделялись ордобазарские головы — предводители караванов и ответственные за заграничные торговые операции (НКС, 1618 г., д. 3, л. 48, 55, 56). Подобное сословие, под тем же названием («базаряне») и столь же тесно зависимое от казны, существовало в Крымском ханстве (см.: Сыроечковский 1940, с. 17).

Караваны и стада на продажу двигались по Дешт-и Кипчаку, как говорилось, по наезженным путям. Через западные районы ногайской державы пролегали торговые маршруты, некогда (в XIII–XIV вв.) тянувшиеся из Азака, Маджара или стольных джучидских Сараев через Хаджи-Тархан к Сарайчуку. Этот более чем трехсоткилометровый отрезок почти не изучен археологически, там не выявлено постоянных поселений золотоордынской эпохи (Егоров 1985, с. 124, 125; Иванов, Васильев 1995, с. 175). Ногайская столица долгое время стояла на единственной большой переправе через Яик. Еще в 1830-х годах А.И.Левшин отмечал, что на всем пространстве между русской Сарайчиковской крепостью и Оренбургом нет на реке Урал пункта, за исключением этого древнего перевоза, через который отправлялись бы на восток купеческие экспедиции, «кроме необычайных случаев» (Левшин 1832, ч. 1, с. 182).

Дальнейший участок пути в течение еще долгого времени после исчезновения Ногайской Орды носил название Ногайской или Староногайской дороги (хотя функционировал уже с X–XI вв. — Бижанов, Лоховиц 1969, с. 52). Сами ногаи, вероятно, именовали его Бухарской или Ургенчской дорогой: эти выражения фигурируют в грамоте саида Сайф ад-Дина 1630 г. (НКС, 1630 г., д. 3, л. 38). Дорога шла от Сарайчука до реки Сагиз (134 версты), оттуда до реки Эмбы (82), от нее до плато Устюрт (130), далее до озера Айбугир, или Айбогур (384), и до города Ургенч в Хорезме (94) — всего 816 верст (Макшеев 1880,

с. 16). Существовало и иное направление Ногайской дороги — от Сарайчука до Ургенча длиною в 1237 верст (Галкин М. 1868, с. 310–312; см. также: Бижанов, Лоховиц 1969, с. 53; Григорьев 1908, с. 108–116, 185–192; Левшин 1832, ч. 1, с. 180–182).

Ногайская дорога была неплохо обустроена — конечно, усилиями еще властей Золотой Орды, а вовсе не ногаев. До сих пор в степях от Сагиза до Ургенча заметны остатки полутора десятков караван-сараев — стандартных прямоугольных кирпичных или ракушечниковых построек размерами 24 × 30 или 40 × 40 кв. м, с обязательными колодцами, внутренним двором, комнатками по периметру стен. Стоят они приблизительно через каждые 30 км. Возможно, такие же заведения существовали к западу от Яика (Егоров 1985, с. 125; Иванов, Васильев 1995, с. 175).

Археологический материал (характер строительства, монеты) свидетельствует о том, что, скорее всего, данная цепь караван-сараев возникла при золотоордынском хане Узбеке и джучидском наместнике Хорезма Кутлуг-Тимуре (вторая четверть — середина XIV в.) и перестала действовать из-за походов Тимура в конце того же столетия (Манылов 1982, с. 112). Во времена до Узбека и после Тимура путешественники были вынуждены идти от колодца к колодцу, которые тоже издавна существовали вдоль маршрута (Юлдашев 1964, с. 66).

Ибн Баттута отмечал, что вода в этих засушливых местах попадается лишь на расстоянии двух-трех дневных переходов (Ibn Batoutah 1874, p. 2). Э.Дженкинсон более чем через двести лет писал, со слов мусульманских купцов, уже о многих пресных колодцах, встречавшихся ежедневно, но он ничего не слышал о караван-сараях («На этом... пути нет ни жилищ, ни домов, поэтому путешественники живут в собственных палатках и везут с собой различные припасы для еды») (Дженкинсон 1937, с. 190).

Путь от Сарайчука до Ургенча и, стало быть, в целом до культурной области Хорезма и Мавераннахра обычно занимал, по разным сведениям, 20–30 дней, т.е. дневных караванных переходов; от Астрахани до Сарайчука — 10–15 дней (Галкин М. 1868, с. 312; Дженкинсон 1937, с. 189, 190; Левшин 1832, ч. 1, с. 181; ПДП, т. 2, с. 172, 250; Ibn Batoutah 1874, p. 2; Pegolotti 1936, p. 21).

Помимо Ногайской дороги в восточном Дешт-и Кипчаке функционировали и иные направления торговых связей — Казанская, Самарская, Хивинская дороги и пр. Некоторые из них фиксируются с конца XVI в., в том числе морские — через Каспий[10]. Причем одно — от Сарайчука на реки Ишим и Тобол, южнее озера Зайсан и далее в Монголию — в первой половине XIX в. трактовалось как ответвление именно Ногайской дороги (Иванин 1875, с. 199). Однако на самом

[10] Впрочем, морское сообщение между Сарайчуком и Сараем через волжские и яицкое устья упомянул в 1342 г. христианский миссионер Пасхалис (Брун 1880, с. 279).

деле трудно с уверенностью определить, действовали ли эти степные тракты в ногайскую эпоху (подробнее о них см.: Абусеитова 1985, с. 82; Байкова 1964, с. 2, 23; Левшин 1832, ч. 1, с. 180–191; Фехнер 1956, с. 39; Чулошников 1932, с. 67, 68, 78; Юлдашев 1964, с. 63 и сл.).

В первой половине XVI в. ногайско-русские мирные контакты осуществлялись главным образом посредством двух путей: 1) Самара – Казань – Нижний Новгород – Владимир – Москва; 2) Переволока – вдоль Дона – устье Воронежа – Ряжск – Рязань – Москва. Во второй половине столетия товарный скот стали гнать из Астрахани на север — через Царицын на Саратов (НКС, д. 6, л. 186, 187; Фехнер 1956, с. 18, 19; Bennigsen, Veinstein 1980, p. 50).

Основной была первая, так называемая Казанская дорога. Уже в начале дипломатических отношений с Ногайской Ордой московское правительство настаивало, чтобы степные послы и купцы шли только «на Каз[а]нь, а ис Казани на [Нижний] Новгород; а иными дорогами к нам своих людеи не посылали» (Посольская 1984, с. 22). Ногаи не возражали: ведь с Казанью они торговали, приходя тоже по привычной Ногайской дороге (не путать с одноименным яицко-ургенчским путем!), соединявшей столицу средневолжского ханства с Сарайчуком (Худяков 1991, с. 234, 258). Ею же ордобазарцы пользовались и после захвата Иваном IV Казани в 1552 г., упросив его «поволить нам дорогу Казанскую» (НКС, д. 4, л. 260). Одна из причин настойчивости Ивана III в требовании следовать через Нижний (а не через Мордовскую землю) заключалась в неукоснительной выплате приезжими с Востока коммерсантами «нижегородского мыта». Вообще этот город стал важнейшим узлом транзитной торговли Руси со степью, центром волжского судоходства и перевалочной базой при переправе огромных ногайских табунов с восточного берега на западный (Богородницкий 1912, с. 3, 4; Фехнер 1956, с. 45).

Второй основной маршрут, от Переволоки, — так называемая Ордобазарская дорога — использовался менее активно. В XVII в. от него ответвилась Большая Саратовская дорога: через степь на Пензу–Тамбов–Шацк–Рязань–Москву (Осипов 1976, с. 53).

Развитию ногайско-русской торговли способствовали объективные условия, и прежде всего близкое взаимное расположение стран. Правое крыло Орды базировалось в левобережном Поволжье, и мирзы правого крыла ежегодно летовали у казанских (с 1552 г. соответственно российских) пределов. Кроме того, неоднократные экономические и политические катаклизмы заставляли мангытские власти обращаться к могучему северо-западному соседу за помощью — причем, случалось, не за подачками в виде жалованья, а ради продажи. Именно «торгу для» молил царя глава разоренной державы прислать деньги и «торговых людеи со всякими товары» в 1557–1558 гг. (НКС, д. 5, л. 46 об., 60 об., 61).

Хотя обмен товарами начался уже с конца XV в., наиболее интенсивно этот процесс развернулся, видимо, с 1520-х годов. А.И.Исин объясняет это ослаблением экономической роли Астрахани после разгрома ее крымцами в 1522–1523 гг. и труднодоступностью среднеазиатских рынков из-за тогдашних конфликтов ногаев с казахами — следовательно, активизацией Ногайской Орды на российском направлении (Исин 1988, с. 15). А.Беннигсен и Ж.Вайнштейн видят причину в другом. До 1515 г. Крым был союзником Москвы и поставлял ей лошадей, но с воцарением Мухаммед-Гирея I начал враждовать с «неверными». Русь стала искать новых поставщиков коней, а крымские табуны приглянулись туркам. Сами же турки утратили былой интерес к экономическим связям с ногаями из-за отдаленности и опасного для коммерсантов усиления донцов и абхазских пиратов с начала XVI в. (Bennigsen, Veinstein 1980, p. 57, 58). То есть и ногаи, и русские обрели друг в друге торговых партнеров после своего разрыва с прежними партнерами.

Несомненной вехой в их сотрудничестве стало завоевание Россией Поволжья, когда границы двух держав сомкнулись. Пиком оживленности в торговле следует считать, наверное, вторую половину 1560-х годов. Россия была сильна и богата, ее потенциал находился в безраздельном распоряжении царя, только что учредившего опричнину. А ногаи уже оправились от последствий второй Смуты. В наказы московским гонцам в Крым с марта 1566 по декабрь 1570 г. вставлялась клишированная фраза: «И послы и гости (ногайские. — *В.Т.*) ко государю нашему ежедень ходят. А государя нашего гости и всякие люди из Нагаи не выходят, в Нагаи живут» (КК, д. 12, л. 178 об.; д. 13, л. 386) (последняя фраза, может быть, отразила наличие каких-то русских факторий в Дешт-и Кипчаке).

Как правило, ногайские караваны шли в Россию после получения царских грамот с формальным приглашением. На Руси они торговали в Москве, Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, а также в сибирских городах. Эти пункты можно считать специализировавшимися на торговле с ними.

Самым привлекательным ногайским товаром для русских были лошади. Степные кони, по русским источникам, подразделялись на аргамаков, иноходцев, коней отрядных и кобыл[11]. Все они славились силой и выносливостью. Настоящий гимн ногайскому коню сложил в конце XVI в. Ж.Маржерет, удивленный его превосходными качествами (см.: Маржерет 1982, с. 178, 179). Сами ногаи подразделяли своих скакунов на *тулпаров* (богатырских), *бедеу* (княжеских), *аргымаков*

---

[11] Кроме того, для покупателей были важны возрастные характеристики, в соответствии с которыми кони подразделялись на срослых, четвертаков, третьяков и лоншаков, а в зависимости от физического состояния — на добрых, середних, рядовых и худых («болных и хромых, и всяких увечных») (НКС, д. 8, л. 24 об., 222).

(породистых скаковых), *юйрик ат* (скаковых), *ебе* и *аласа* (ординарных) (Сикалиев 1994, с. 116). Признанными авторитетами считались знатоки лошадей — *сынши*, умевшие распознавать качества особи с жеребячьего возраста (Сикалиев 1994, с. 113).

Русский рынок кавалерии формировался еще во времена Золотой Орды. Лошади в ней были чрезвычайно дешевы. Ибн Баттута покупал их по 4 динара, тогда как в других восточных странах цены начинались со 100 динаров, а стоимость породистых скакунов достигала полутысячи (Шарапова 1975, с. 76). Ордынцы гоняли табуны на продажу в русские княжества и Иран (в европейские страны меньше, так как туда шел аналогичный товар в основном из Венгрии и отчасти из Северной Африки — Шарапова 1975, с. 77). Ввоз коней в Россию в 1470–1480-х годах продолжала и Большая Орда (Карамзин 1989, кн. 2, с. 58; Московский 1949, с. 302, 308, 309; Trakhaniot 1990, p. 64). С 1520-х годов главными импортерами стали ногаи.

За два столетия они поставили в Россию огромное количество лошадей. Масштабы конского импорта из-за Волги в XV–XVI вв. были столь значительны, что создается впечатление, будто тогда словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы (см.: Денисова 1948, с. 40; Маржерет 1982, с. 178). Из Дешт-и Кипчака поступал племенной фонд породистых лошадей (Маньков 1951, с. 48). Не будет преувеличением утверждать, что дворянская конница формировалась в основном из него. «Именно ногайские лошади послужили инструментом преобразования прежней феодальной московской пешей армии в современную, соответствующую эре огнестрельного оружия... — пишет Ш.Лемерсье-Келькеже. — Без кавалерии русские никогда не смогли бы завоевать мусульманские территории» (North 1992, p. 22).

Табуны гнали в Россию начиная с середины весны, дождавшись, «как конскои болшои корм поспеет». Излишняя спешка, слишком ранние или поздние снегопады и заморозки в степи приводили к истощению животных, потере их потребительских качеств и удешевлению. Так произошло, например, в 1539 г., когда «были лошади дешевы, едва и живы пришли (в Москву. — *В.Т.*), а иных много помроша, понеже снег пал рано, безъкормиа ради» (Михалон 1994, с. 75; НКС, 1617 г., д. 1. л. 100; Патриаршая 1904, с. 130). Поэтому цены колебались в зависимости не только от породы коней, но и от физического состояния их.

По наблюдениям В.Д.Назарова, минимальная стоимость степной лошади на русских рынках в первой половине XVI в. составляла 1,5–2 рубля (Назаров 1998, с. 61). Н.И.Костомаров определил по материалам исков о кражах, что при Иване IV за угнанного ногайского коня с конокрада взыскивали 5 рублей, за ногайскую кобылу — 3 рубля (за русскую — 6 рублей), за ногайского жеребенка — 2 рубля; при Михаиле Федоровиче — соответственно по 8; 6 и 1,5 рубля за ногай-

ских коня, кобылу и жеребенка (Костомаров 1862, с. 272). Таможенные книги эпохи первого царя Романова фиксируют диапазон цен на ногайских жеребцов в 3–8 рублей, на ногайских кобыл — в 1,5–5 рублей (ПЮН, 1982, с. 94, 98, 116, 118, 122, 126, 137, 144, 151, 174, 176, 178). Но стоимость отдельных отборных аргамаков и кобыл могла достигать 10 (в XVI в. — 20) рублей (см.: Карамзин 1989, кн. 3, с. 145; ПДП, т. 2, с. 151; ПЮН, 1993, с. 38). Двукратное превышение цены степных лошадей над местными было узаконено в «Соборном Уложении» 1649 г. (глава 24, статья 3): ногайский конь стоил 8 рублей, кобыла — 6, жеребенок — 3, русские — соответственно 4; 3; 1,5 (Тихомиров, Епифанов 1961, с. 294). По замечанию Н.И.Костомарова, в «народной торговле» лошади были дороже, и при Алексее Михайловиче посредственные ногайские лошади оценивались от 5 до 15 рублей (Костомаров 1862, с. 272). В целом же цены на скот, в том числе на ногайских лошадей, в Русском государстве только за XVI в. возросли в 2–2,5 раза (Маньков 1951, с. 46).

Во второй половине XVII в. ногаи сочли более выгодным сбывать табуны в Крым и Азов. Их место на русском рынке заняли калмыки (Костомаров 1862, с. 9; Khodarkovsky 1992, p. 28). К тому же дворяне, скопив денег, старались купить товар южного и западного происхождения: установилась мода на молдавских («волошских»), турецких и немецких лошадей. Стоили они в конце XVII в. 100–110 рублей (Подградская 1991, с. 152–154). Покупатели победнее выбирали коней калмыцких — гораздо более дешевых.

Торговля ногаев на рынках Восточной Европы и Евразии не ограничивалась лошадьми. На втором месте по значению в степном экспорте стояли, очевидно, коровы и овцы. Как правило, «животинный базар» устраивался в поволжских городах (см., например: Акты 1914, с. 200; НКС, д. 8, л. 369; д. 10, л. 111, 111 об.; 1618 г., д. 3, л. 48, 53; Соловьев 1989б, с. 49). Славились также могучие, тучные быки, которые паслись на лугах левобережья (Олеарий 1906, с. 414).

Другие предлагаемые ногаями товары тоже являлись обычно продуктами скотоводства или охоты и рыболовства. В 1635 г. мирзы перечисляли (по поводу чрезмерных таможенных поборов) то, что они привозили на астраханские базары: «Как... продадим лошадь или корову, или овцу, или ведро молока, или масла кринку, или рыбу, и у нас... денги все возмут...» (НКС, 1635 г., д. 2, л. 168). Через два столетия у ногайцев, что жили в крымских владениях, главными статьями сбыта оказались «ячмень, просо, масло, мед, воск, шерсть, шкуры, ягнята и т.д.» (Тунманн 1991, с. 48), т.е. произошло явное увеличение доли оседло-земледельческого сектора экономики.

Из продукции промыслов следует выделить, во-первых, «войлоки, выделываемые из самой белой шерсти». Москвичи охотно их раскупали (Письмо 1871, с. 111, 309). Во-вторых, «кожи телятинные».

Правда, я не встречал сведений о том, привозили ли их степняки на городские базары, но русские послы «в Нагаях» не упускали случая приобрести их (НКС, д. 8, л. 342). В-третьих, топленое сливочное масло, которое пользовалось повсеместной известностью. Его «весьма много» изготовляли и продавали в Поволжье, на Тамани и в Азове (Люк 1879, с. 487; Новосельский 1948б, с. 214; Эвлия Челеби 1979, с. 162). В-четвертых, звериные шкуры. Хотя есть сведения о добыче белок на Яике (Костомаров 1862, с. 9), все же едва ли «зверование» имело в Ногайской Орде такой размах, чтобы стать целой отраслью торговли. Вероятнее всего, ногаи выменивали меха и шкуры у таежных соседей на скот и молочные продукты, причем этот обмен был довольно эффективным, поскольку Ж. де Люку показалось, будто лесной фауны «очень много водится у них... диких лошадей, волков, медведей, лисиц, оленей... и лосей. Ногайцы их бьют и продают шкуры, составляющие... самый обыкновенный их товар» (Люк 1879, с. 487).

Продукция ногайского рукоделия, т.е. собственно изделия, а не сырье для них, была скудна по ассортименту, но широко известна. Прежде всего стоит сказать о тулупах, которые раскупались по всему периметру Дешт-и Кипчака — и в турецком Азове, и в сырдарьинских городах, и в Москве (НКС, д. 8, л. 6 об., 24 об.; д. 10, л. 89; Новосельский 1948б, с. 214). Фазлаллах б. Рузбихан Исфахани с восхищением пишет о привозимых в Сыгнак в начале XVI в. «со стороны Дешта» шуб из «меха киша и типа», т.е. соболя и белки (Исфахани 1976, с. 116, 117, 273). Этот же источник упоминает поставку в узбекские ханства «тугих луков и стрел из белой березы» (Исфахани 1976, с. 117, 273).

Кроме того, с севера в Среднюю Азию караванщики везли шелковые ткани (Исфахани 1976, с. 117, 273). Разумеется, они служили предметом реэкспорта заграничных товаров ногаями. Перепродажа текстиля была характерна для их коммерческих операций. Упоминаются полотенца толстые и тонкие и полсти колпачные (НКС, д. 8, л. 24 об., 213). Впрочем, последние могли делаться из войлока и в таком случае оказывались продуктом собственного ногайского производства.

Исходя из нашей источниковой базы, более всего сведений мы имеем об организации торговли ногаев на Руси. Одним из самых ранних рынков был посад Холопий в окрестностях Углича, при впадении Шексны в Волгу,— оживленное круглогодичное торжище, куда съезжались и европейские и восточные гости (Герберштейн 1988, с. 153; Штаден 1925, с. 66). Традиционно привлекательной была Казань, где до русского завоевания устраивались регулярные ярмарки на Гостином острове. Сразу после присоединения ханства к России торг там заглох, но в самом городе базары продолжали работать, и почти вслед за утверждением русской администрации ногаи и Москва стали договариваться о налаживании коммерции в бывшей столице Юрта

(НКС, д. 4, л. 159, 231, 231 об., 273 об.). Торговля восточными товарами сосредоточилась на Тезицком дворе в центре казанского посада, на Спасской площади. Неподалеку, у церкви Петра и Павла, за Гостиным двором, расположилась особая конская площадка для ногайских табунов (Свердлова 1991, с. 8; Фехнер 1956, с. 45).

Основание в 1586 г. города Самары преподносилось русскими властями мирзам и как учреждение еще одного удобного торгового пункта (НКС, 1586 г., д. 10, л. 11). Действительно, вскоре в новую крепость двинулись ногайские и бухарские караваны (Материалы 1932, с. 102). С начала XVII в. главным центром ногайско-русской торговли стала Астрахань. Там открылся Ногайский (или Татарский) базар, действовавший три дня в неделю (АИ, т. 3, с. 215; Акты 1918, с. 134; НКС, 1604 г., д. 3, л. 173; Стрейс 1935, с. 191). Ногайский базар имелся в Уфе, куда из степи пригоняли «продажных лошадей» и привозили кафтаны (КД, 1620 г., д. 1, л. 5; НКС, 1618 г., д. 1, л. 34). Ордобазарцы проникали и дальше на север — в Тару, Тюмень, Тобольск (Батраков 1958, с. 16; Чулошников 1932, с. 70, 108)[12]. Кроме того, мелкие торжки возникали в казачьих станицах на Дону, в мордовских деревнях и т.д. (Мифы 1996, с. 301; Очерки 1955б, с. 47).

При вступлении послов и купцов на русскую территорию правительство обеспечивало их охраной, бесплатными подводами, вьючными животными и, если требовалось, брало на себя расходы по их содержанию. Правда, иногда делегации были столь велики, что эти льготы приходилось ограничивать: на бесплатный корм для коней могли рассчитывать только послы биев и мирз, а купцы (которые шли в Россию, как правило, в составе посольств) должны были покупать его (Веселовский 1911, с. 7; Фехнер 1956, с. 108, 109). При этом русская администрация аккуратно взимала сборы с купцов[13].

---

[12] Но торговля ногаев с русскими сибиряками, по заключению В.С.Батракова, шла очень нелегко. В новых русских посадах и селениях за Уралом ремесло и хлебопашество еще только налаживались и пока не достигли размаха, обеспечившего экспорт в степь. Поэтому ногаи сравнительно мало и редко направляли гурты скота на продажу в зауральские воеводства. Чтобы стимулировать интерес «базарных людей» Ногайской Орды, российское правительство установило для них (в отличие от бухарцев) льготный таможенный режим (Батраков 1958, с. 17, 18).

[13] Пограничные таможни стояли в Нижнем Новгороде и Муроме (Худяков 1991, с. 222). Иногда ногаи выражали недовольство обилием сборов, и царю приходилось пускаться в объяснения: «Тамги тем обычаем ведутся изстари, что зде на Москве на вас тамгу емлют. А коли поидут на Резань и на Коломну, и они емлют на коломенского намесника тамгу ж. Ино то твоим (бия Исмаила. — *В.Т.*) людем кабы две тамги кажютца. А коли поидут на Володимер, и тогды тамгу другую емлют — на володимерского наместника. Да на Володимер же коли ходят твои послы, тогды им лучитца идти на Городок (т.е. Касимов, центр вассального ханства. — *В.Т.*). А у нас исстари живут на Городке цари и царевичи — ино на царя и на царевича идет пошлина ж, да на болшего князя на Ширинского (в Касимовском ханстве. — *В.Т.*) идет пошлина ж... И потому твоим людем кажетца: емлют на них кабы четыре пошлины. А те пошлины емлют на них старые, а новых пошлин не прибавили есмя ничего» (НКС, д. 6, л. 186–187).

Выплата пошлин осуществлялась обычно лошадьми. Н.М.Карамзин считал, что «отдавали царю на выбор десятую долю табунов своих» (Карамзин 1989, кн. 3, с. 145). Это суждение основано, видимо, на сообщении Г.Штадена о «каждой десятой лошади в виде таможенной пошлины», забираемой царем (Штаден 1925, с. 116). Мне встречались такие цифры: 4 головы с сотни или в виде льготы 2 головы с сотни (НКС, д. 8. л. 222, 222 об., 230, 230 об.). Увод же таможенниками большего количества или «лутчих конеи» по своему усмотрению расценивался ордобазарцами как злоупотребление и часто вызывал жалобы на имя государя (см., например: НКС, д. 6, л. 52, 53, 187). Другое утверждение Н.М.Карамзина — о денежном сборе «в казну пять со ста» (рублей?) (Карамзин 1989, кн. 3, с. 145) — не подтверждается известными мне документами. Пошлина в денежной форме действительно взималась с ордобазарцев в XVII в., когда кочевники уже прочно освоили русский рынок. Но размер ее был 8 денег с лошади, а также какой-то сбор с каждой коровы, овцы, ведра молока, кринки масла и рыбы (НКС, 1623 г., д. 3, л. 12; 1635 г., д. 2, л. 168).

В добавление к московской, владимирской, коломенской, касимовской и пограничным таможенным службам в 1553 г. была учреждена еще одна. Иван IV даровал Троице-Сергиеву монастырю, основанному в только что завоеванной Казани, право на сбор пятна и писчего, т.е. пошлин при клеймении лошадей смоляной печатью на ногу и отметке об этом в особом реестре. Если в столице за данные операции отвечали подьячие Посольского приказа, то в Казани ногайскими конями занимались монастырские слуги, «по тому же, как на Москве» (АИ, т. 1, с. 360; Акты 1836а, с. 239; НКС, 1623 г., д. 3, л. 12; Свердлова 1991, с. 8).

Освобождение от пошлин было актом чрезвычайным, требовавшим всякий раз специального царского указа. Ногаи постоянно обращались в Кремль с прошениями о дозволении беспошлинного торга. Резоны приводились самые разные: истощение Орды от голода и войн, необходимость проявления дружелюбия со стороны царя, а в 1554 г. мирза Юнус убедил Ивана Васильевича не облагать податями его караван, так как следом идет еще больший караван его, Юнуса, отца — бия Юсуфа, на котором государь-де и наверстает убыток (Акты 1918, с. 104; НГ, д. 11, л. 1; НКС, д. 4, л. 231, 231 об.; д. 5, л. 178; 1604 г., д. 3, л. 71)[14]. Правительство иногда шло навстречу этим мольбам, прекращая взимание платежей на один год или даже больше. Диктовалось это прежде всего политическими соображениями. Льготы получали ордобазарцы тех мирз, которые держались пророссийской ориентации, особенно в периоды разлада ногайско-русских отношений; или во имя

[14] Кстати, этот эпизод опровергает распространенное убеждение в однозначной ориентации Юсуфа на торговлю с Мавераннахром в противовес российской экономической ориентации Исмаила.

укрепления связей с биями, подумывавшими о разрыве с Москвой; или для убеждения их послать отряды в помощь русским войскам (см., например: НКС, д. 4, л. 15 об., 19 об.; д. 9, л. 51 об., 55 об., 59; д. 10, л. 111, 111 об.); или для стимулирования торгового оборота на новоприсоединенных территориях (см. примеч. 12).

При продвижении караванов и табунов по русской территории к месту торга купцам запрещалось совершать сделки с населением, а местным воеводам вменялось в обязанность выведывать ассортимент товаров и заблаговременно извещать о самых ценных государя. По пути ордобазарцы сами должны были следить за сохранностью своих тюков и животных. Местные власти и правительство снимали с себя ответственность при нарушении режима следования, и в случаях, если что-нибудь из товара пропадет, торговцам заранее заученно заявляли, что «то им от себя (т.е. по собственной вине. — *В.Т.*) станетца, а платежу (т.е. компенсации. — *В.Т.*) им на Москве... не будет».

По прибытии в Москву огромный табор размещался на кошеном лугу: во избежание потравы запрещалось ставить ногаев на травостойных угодьях. В принципе власти следили, чтобы между пришлыми коммерсантами и местными жителями не возникало конфликтов. А если они все же случались, то к разрешению их привлекались высокие чины из Посольского приказа. Но ногаям строго-настрого велели сидеть в своих «корованах» в окружении стрелецкой стражи «от татбы», «чтоб не ходили и не ездили куды торговати, кто их позовет... а торговали б на базаре. Зане ж государство великое (т.е. большое, обширное. — *В.Т.*) — ино лихово где нет?». Пренебрегавшие этими рекомендациями «базарные люди» принимались разъезжать по «непригожим местам» и, случалось, бесследно исчезали в лабиринтах московских закоулков.

Особое внимание уделялось предотвращению их контактов с московскими соплеменниками и единоверцами, выезжими и новокрещеными ногаями и татарами: правительство справедливо опасалось действия крымской и османской агентуры (Трепавлов 1998б, с. 104, 105). В сибирских городах в конце XVI в. к этим требованиям добавилось еще и недопущение осмотра торговцами городских укреплений, поскольку существовала вероятность их шпионажа в пользу Кучума и Кучумовичей (Материалы 1932, с. 298, 299).

Находясь в окружении русской охраны, купцы не смели начинать торговлю до тех пор, пока государь не «даст базара», т.е. не позволит приступить к продаже лошадей и прочего. Основной смысл ограничения заключался в том, чтобы за два-три дня до «базара» ясельничие выбрали лучших скакунов для царской конюшни (перед этим дворяне, встречавшие караваны в предместьях, подробно описывали монарху привезенный товар). Обычно туда отбиралось до четверти поголовья, за которую расплачивалась казна. В эти же несколько дней производилась выплата пошлин и шел подсчет лошадей. Для ускорения этого

процесса сооружались так называемые прогоны — клети, вмещающие по сто голов. Такое количество загонялось туда со стороны «корована» и выпускалось с противоположной стороны — там, где будет торг. Русские чиновники бдительно следили, чтобы пересчитанные кони не смешивались с еще не учтенными.

Не менее строгими оказывались требования и к москвичам. Под страхом следствия с пытками и конфискации неправедно выторгованного имущества запрещалось предлагать кочевникам заповедные товары[15], а перекупщикам пушнины можно было являться в «корованы» только после того, как распродавались кони. «Великая опала и казнь» грозили тем присланным туда для надзора дворянам и служилым людям, которые покупали что-нибудь до официального открытия «базара» или пытались утаить хороших коней от царевых ясельничих.

Лошади при продаже записывались в специальные книги и клеймились. Особое внимание уделялось особям, взятым в качестве пошлины. Для их оценки привлекались опытные барышники, которые помогали придворным «функционерам» отобрать жеребцов и кобыл и зарегистрировать их в соответствии с мастью, возрастом и особыми признаками («в шерсть и в лета, и в приметы»).

Для надзора за соблюдением всех этих многочисленных регламентаций из московских дворян выделялись приставы, или «воеводы на базаре». Именно они вместе с помощниками размещали табуны на лугах, а купцов — на Ногайском дворе, выставляли караулы и следили за тем, как их несут, организовывали таможенные мероприятия, подыскивали барышников, наблюдали за ходом торговли, отлавливали тех, кто норовил увести купленного коня без записи (т.е. без уплаты налога на покупку), улаживали споры из-за обид и обманов, разнимали дерущихся русских и ногаев и т.д.[16]. Тут же работали устные пере-

---

[15] К заповедным (запрещенным к экспорту) товарам относились оружие и доспехи и вообще ремесленные изделия из металла, вещества для изготовления пороха, печеный хлеб (АИ, т. 3, с. 212, 214, 215; НКС, 1618 г., д. 3, л. 59–61). Впрочем, ногаи находили выход. Они либо выпрашивали такие товары у правительства в виде исключения (жалованья), либо выменивали их у сибирских татар и остяков, для которых те тоже были заповедными, но поступали от пермских контрабандистов (Миллер Г. 1941, с. 228 — приложение).

[16] Конфликты с местным населением нередко сопровождались всякого рода махинациями и злоупотреблениями со стороны как русских властей, так и торговцев. Они были вызваны в первую очередь жесткой монополией казны на торговлю лошадьми. Во-первых, наживались барышники, которые скупали у ногаев ослабленных долгой дорогой коней, откармливали их и затем, по отъезде ордобазарцев, продавали втридорога (Костомаров 1862, с. 271). Во-вторых, ограничение контингента покупателей только сословием служилых чрезвычайно сужало рынок сбыта (лишь изредка, в виде исключения, ногаям дозволялось торговать лошадьми с «мужиками» — НКС, д. 10, л. 111, 111 об.). Это не могло не вызвать расцвет контрабанды. Присланные на службу в Астрахань бояре, воеводы и дьяки засылали в улусы и пригородные юрты своих толмачей для отбора лучших аргамаков, которых затем тайно отправляли на север, в свои вотчины и поместья. А бояре, дворяне и купцы из «верховых» городов, в том числе из Москвы, направляли тайно же, без официальных проезжих грамот, своих слуг на юг —

водчики-толмачи, как правило из живущих на Москве татар. Им предписывалось не вступать с ордобазарцами в посторонние разговоры. Правительство столь жестко следило за предотвращением утечки нежелательной информации за рубеж, что списки толмачей составлялись в Посольском приказе и приставам строго запрещалось привлекать кого-либо помимо этих списков.

Последнему контролю купцы подвергались на обратном пути, когда попутные воеводы были обязаны проверять, не везут ли они в свою Орду «заповедново товару и лишнева полону, и в полону место руских людеи». При обнаружении чего-либо запрещенного воеводам предписывалось изымать все это в пользу казны[17].

Предмет для подобной проверки находился всегда, потому что ногаи шли восвояси, нагруженные товарами, приобретенными на Руси. Набор вывозимых в степь товаров был, конечно, намного больше ввозимых. Данная тема хорошо представлена в источниках и обобщена в литературе. А.Беннигсен и Ж.Вайнштейн подразделяют импорт в Ногайскую Орду на предметы повседневной необходимости, «предметы цивилизации» (ремесленного производства) и предметы роскоши (Bennigsen, Veinstein 1980, p. 53). С XVI в. приток товаров из Московского царства стал необходимым элементом экономики ногаев, подорванной второй Смутой и последующими распрями. Автор «Казанского летописца» вложил в уста мирз утрированную формулировку этой ситуации: «Нам же, убогим и скудным всем, и аще бы не наполнял потребою нашу землю московский царь, то не бы могли жити и ни единого дне» (История 1903, с. 84–85; Сказание 1959, с. 98). Эта «потреба» детально проанализирована в исследовании М.В.Фехнер: помимо заповедных статей (главным образом металла) в Дешт отправляли кожевенные изделия (сбрую, обувь), деревянные ларцы и «коробьи», русские и западноевропейские ткани[18], бумагу, седла, стре-

---

тоже для приобретения у ногаев коней за низкую цену и беспошлинно. Царь неистовствовал: «Когда ногаи приходят в Москву, то пригоняют в табунах клячи самые худые и жеребята малые, которых ужь в Астарахани за худобою никто не купит, и из тех лошадей на государеву конюшню выбрать не из чего!» От воевод требовали пресекать контрабандные операции, а если им самим доведется покупать коней для государевой службы, то лишь по два «или для самые нужи» по три на человека, и эти покупки регистрировать в таможенных книгах (АИ, т. 3, с. 215, 216).

[17] Очерк организации ногайской торговли в России составлен мною в виде обобщения следующих материалов: НКС, д. 4, л. 5, 24 об., 25, 42, 42 об.; д. 8, л. 27 об.–31, 182–183, 213–215, 216 об., 222, 222 об., 223 об., 230, 230 об., 236 об., 237; 1618 г., д. 1, л. 44, 45; д. 3, л. 59–61; Осипов 1976, с. 53; Фехнер 1956, с. 48; Хлебников 1907, с. 89–91; Чулошников 1932, с. 70, 71, 108.

[18] В знаменитом возражении бию Юсуфу в 1553 г. Исмаил, говоря о своей экономической привязанности к Москве, назвал прежде всего заинтересованность в тканях: «И толко мне (с Россией. — *В.Т.*) завоеватца, и мне самому ходити нагу, а которые люди учнут мерети, и тем и саванов не будет» (НКС, д. 4, л. 191), т.е. ткани были необходимы для одежды и для саванов, обязательных при мусульманском погребальном обряде.

мена, рукомойники, стекло, ртуть, краски, ловчих птиц, моржовую кость, а также хлебные товары (Фехнер 1956, с. 53–56, 64–66, 83, 84, 97; см. также: Хлебников 1907, с. 89–91).

Особого разговора заслуживает торговля людьми. Она встречалась в среде самих ногаев. Еще Эдиге в начале XV в. пытался запретить золотоордынцам продажу собственных детей (СМИЗО, т. 1, с. 474). В эпоху правления его детей и внуков о подобном явлении уже не слышно. Но в Ногайской Орде конца XVI — первых десятилетий XVII в. оно ожило. Кочевники разорялись и вынуждены были продавать в неволю родственников. Родители продавали детей, мужья — жен, старшие братья — младших братьев и сестер (см., например: НКС, 1628 г., д. 1, л. 375, 378, 388, 389). С.Какаш и Г.Тектандер вынесли о ногаях устойчивое впечатление: «У них один продает другого... и за небольшую, к тому еще, цену. В Астрахани во время нашего пребывания можно было, по причине господствовавшего голода, купить татарина за 4–5 флоринов, а то и дешевле» (Какаш, Тектандер 1896, с. 26–27)[19]. Случалось и воровство ногайских детей на продажу, отчего родители в младенчестве наносили им на лица несмываемые отметины для облегчения поисков (Олеарий 1906, с. 526).

Однако гораздо более существенным источником дохода мирз и улусников был полон. Поступал он в основном из набегов на русские «украйны». Иногда ногаям удавалось захватить проезжих купцов либо послов или же обратить в рабство и продать послов тех государей, с которыми у Орды портились отношения. В 1560–1570-х годах московское правительство торговало с ордобазарцами «литовским» или «немецким» полоном — европейскими воинами, угодившими в руки воевод на фронтах Ливонской войны. Продажа пленников велась по спискам, и каждому мирзе полагалось не больше заранее оговоренного количества их (см., например: НКС, д. 6, л. 87; д. 9, л. 84–85). С этим и была связана обязанность пограничных воевод сверять списки с наличным составом вывозимого в степи «немецкого полона».

Но все же в большинстве своем в ногайскую неволю попадали именно русские. Это были самые беззащитные перед набегами кочевников жители приграничных селений. В источниках отмечено, что полон у ногаев — только деревенский, нет ни одного горожанина (Сборник 1879, с. 404).

Когда набег удавался, русские пленники шли с рук в Большой Ногайской Орде «дешевою ценою: человека золотых в десеть и в пятнат-

---

[19] Мальчики стоили более 8 рублей, девочки — 1,5 рубля, девушки — 3 рубля (НКС, 1628 г., д. 1, л. 375, 378, 388). В «Истории Российской» В.Н.Татищева приводится цена при продаже ногайских детей русским «по рублю и меньше» (Татищев 1966, с. 288). Пленный мирза Узбек б. Аксак Кель-Мухаммед Тинмаметев в 1628 г. был выкуплен казыевским бием Касимом у черкесов за 60 быков (НКС, 1628 г., д. 1, л. 288).

цать, а доброго и молодого в дватцать золотых» (КК, 1614 г., д. 3, л. 66). Если же добыча оказывалась слишком многочисленной, то «имали... за руского молодого человека по чаше проса, а старых руских людеи били (т.е. убивали. — *В.Т.*), для того что было их купить некому» (Материалы 1864а, с. 52; НКС, 1633 г., д. 2, л. 1–2)[20]. Едва ли можно вслед за И.П.Петрушевским расценивать охоту за рабами как пережиток еще золотоордынского рабовладельческого уклада и как поиск дармовой рабочей силы для скотоводческого хозяйства (Петрушевский 1952, с. 233, 234). Экономика Ногайской Орды была сугубо натуральной и почти не испытывала нужды в таковой — в отличие от Золотой Орды, где множество рабов требовалось для городского и ирригационного строительства.

Главным предназначением полона у ногаев была его перепродажа на азиатских рынках. Активный сбыт шел в турецкие владения и в Крым. Центрами торговли людьми считались Кафа и Стамбул (Бережков 1888, с. 356; Шмидт 1961б, с. 31). Впрочем, крымцы, которые тоже совершали нападения на «украйны», сами приводили «ясырь» и старались отправить его поскорее за море, поскольку на таврических полях и виноградниках не находилось применения большому числу рабов, а вместе с ногайскими трофеями полуостров оказался бы заполненным невольниками-славянами. Османы же охотно брали живой товар, используя его на своем огромном гребном галерном флоте (Бережков 1888, с. 355, 356; İnalcık 1979, p. 38, 39). Иногда ногаи перепродавали полон через посредников — казыевцев или азовских турок (ТД, д. 2, л. 46; Эвлия Челеби 1979, с. 138). Русские люди надолго оказывались в ужасающих условиях каторги. От 1627 г. сохранился рассказ некоего Юшки Петрова. В десятилетнем возрасте он был увезен кочевыми воинами из родной деревни, продан в Стамбул и провел в неволе четырнадцать лет (Акты 1884, с. 188).

Торговое партнерство Османской империи и Ногайской Орды установилось с 1470–1480-х годов, когда турки утвердились в Бессарабии, Крыму и Приазовье. В то время составлялись своды установлений (*канун-наме*), определявшие цены на ногайских овец (6 аспр за каждую) и лошадей (8 аспр). Эти расценки перестали включаться в своды начиная с 1520-х годов, потому что, как говорилось выше, экономические связи с ногаями утратили для османов актуальность и стали минимальными (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 205; Bennigsen, Veinstein 1980, p. 54, 57, 58; North 1992, p. 22). Но при этом Азов, Стамбул и Кафа оставались ближайшими рынками работорговли. А в первой четверти XVII в. и прочие коммерческие контакты стали оживать: ногаи поставляли в султанскую столицу кроме поло-

---

[20] В эрзянских (мордовских) исторических песнях рассказывается о жизни пленных в ногайских кочевьях. Мужчины в основном занимались выпасом скота, а женщин ногаи брали в жены (см.: Устно-поэтическое творчество 1982, с. 86–105).

няников шкуры и масло, а там закупали ткани и металлические изделия (Люк 1879, с. 487).

Другим важным направлением сбыта рабов для Большой Ногайской Орды и позднее Алтыулов была Средняя Азия («Туркмен», «Юргенч», «Бухары»). Именно туда везли вероломно захваченных русских послов, гонцов, толмачей, служилых людей, направлявшихся для переговоров к биям и мирзам (см., например: Акты 1914, с. 178; Материалы 1932, с. 330; НКС, д. 10, л. 127; 1623 г., д. 1, л. 82; 1628 г., д. 1, л. 127, 128). Порой в узбекские ханства вели вереницы невольников, взятых в набегах. Особенно много было их в 1608–1612 гг., когда бий Иштерек фактически начал войну с раздираемым Смутой Московским государством (Новосельский 1948а, с. 65, 79, 80). Из Мавераннахра и Каракумов добраться до родины русским людям оказывалось неизмеримо труднее, чем из Крыма или Анатолии[21].

Как и в случае с Османской державой, экономические связи ногаев со Средней Азией не ограничивались приводом ясыря. Узбеков, подобно всем соседям Ногайской Орды, интересовал ее скот. Кроме того, ценились ногайские луки, стрелы, меха и реэкспортируемые драгоценные европейские ткани (Исфахани 1976, с. 116, 117, 273; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 205). Кочевникам же в первую очередь требовался дешевый (для массового, всенародного потребления) среднеазиатский текстиль, который выделывался из хлопка узбекскими и таджикскими ткачами специально для вывоза в Дешт-и Кипчак (Батраков 1958, с. 18). Что же касается поставок оружия и металлических изделий, то хивинские и бухарские ханы не всегда охотно позволяли вывозить этот стратегический товар в степи, вводя по этому поводу порой еще более жесткие ограничения, чем Россия (Посольские 1995, с. 146).

Но радикальных жестких мер, грозящих полным разрывом отношений, правительства узбекских государств не предпринимали никогда, так как через Ногайскую Орду шла одноименная дорога — караванный маршрут, которым восточные торговцы попадали в Казань, на Русь и в Европу. Множество ногайских посольств являлось в Москву в сопровождении «тезиков» (таджиков), как обобщенно называли среднеазиатских гостей. Они считались членами делегаций от биев и мирз и поэтому торговали в том же жестком режиме, что был установлен для собственно ногаев.

Наконец, определенное место в международном обмене занимал Кавказ. Мирзы носили шапки «из куньего меха, который доставляют им из страны черкесов»; табуны водили на продажу в Дербент и Шемаху. Постоянные торговые связи существовали у ногаев с кумыками (Кабардино-русские 1957, с. 59; Люк 1879, с. 486, 487; НКС, 1618 г.,

---

[21] О судьбе русских полоняников в узбекских ханствах см.: Статейный 1995, с. 48 и сл.

д. 1, л. 6). Но в целом контакты с горскими и азербайджанскими партнерами занимали, очевидно, незначительное место в ногайской экономике, по крайней мере до 1620-х годов, как можно судить по источникам.

Финансы и налоги. По отношению к ногаям сама постановка такой темы выглядит на первый взгляд странной. Дело в том, что практически все хронисты и путешественники единогласно уверяли, будто в Ногайской Орде не было денежного обращения. Объясняли это по большей части ненужностью его в кочевой среде, потребностью степняков в натуральном обмене, даже нежеланием ногаев отдавать продукцию своего хозяйства и полон за золото и серебро (Виженер 1890, с. 87; Герберштейн 1988, с. 153; Дженкинсон 1937, с. 173; Какаш, Тектандер 1896, с. 26; Люк 1879, с. 487; Меховский 1936, с. 93, 171; Штаден 1925, с. 170). Эвлия Челеби видел причину неразвитости финансовой системы в отсутствии серебряных рудников в Дешт-и Кипчаке (Эвлия Челеби 1979, с. 162)[22]. Важным показателем пренебрежения кочевников к деньгам казалось использование ногайскими женщинами монет в качестве украшений (Какаш, Тектандер 1896, с. 26; Стрейс 1935, с. 191).

Неудивительно, что подобное единодушие средневековых авторов приводило историков к отрицанию оборота финансов в Ногайской Орде. Тем не менее лишь М.Г.Сафаргалиев однозначно отвергал возможность его действия, поскольку обменная практика ногаев, дескать, «не доросла до денежной формы, составляющей более высокую форму торговли» (Сафаргалиев 1938, с. 59). Другие исследователи подходили к данному вопросу осторожнее, ведя речь о периодическом использовании иностранной валюты кочевниками — для приобретения товаров в русских городах за русские деньги (см., например: Алексеева 1957, с. 79; Жирмунский 1974, с. 420, 421). Такие оговорки уместны, поскольку в материалах ногайско-русских отношений в самом деле неоднократно упоминается интерес биев и мирз к *кунам* (деньгам).

Экономические кризисы заставляли мангытских аристократов теснее контактировать с русским рынком, а в случаях массового падежа или угона скота они могли отправляться на рынки только с деньгами, выпрошенными, как правило, в Москве. Именно голодом и обнищанием подданных обосновывал в 1557 г. Исмаил просьбу прислать «многие куны... да и запасу... торгу для... Сево году ни животов, ни лошадеи, ни одежи у нас не осталось» (НКС, д. 5, л. 46 об.).

---

[22] По преданиям уральских казаков, Кузнечная гора на правом берегу реки Донгус, что в сорока верстах южнее Оренбурга, имела еще название Серебряной, потому что в старину на ней был устроен монетный двор ногайских ханов, там чеканились серебряные монеты (Кастанье 1910, с. 43). Очевидно, это отголоски каких-то воспоминаний об эпохе Золотой Орды.

Позднее, хотя экономическая ситуация немного выправилась, бий продолжал настаивать на денежной форме царского вспомоществования. Сперва ему посылалось 200 рублей, затем 300, а в 1561 г. он запросил 400, и интересовали его уже не гвозди, бумага, сукно, как раньше, а деньги, и только деньги: «Одных таки денег надобет мне однолично, таки о денгах накрепко бью челом» (НКС, д. 6, л. 5 об., 9 об.). Близость к Астрахани требовала больших расходов, которые не могло обеспечить хозяйство ногаев, разрушенное второй Смутой. Для покупок на базарах скота не хватало, и мирзы взывали к русскому монарху: «Нам денги надобны, [потому] что живем зиме и лете под Астараханью, без денег нам лихо бывает» (НКС, д. 10, л. 12).

Время от времени в Посольский приказ поступали просьбы оплатить долги. Не совсем понятно, каким образом ногайские правители могли задолжать деньги в условиях натурального хозяйства. Лишь некоторые оговорки позволяют догадываться о контингенте кредиторов и целях займов. «А заимал есми для слуг своих, а мои слуги — твои ж слуги», — писал Динбай б. Исмаил, выпрашивая у царя 100 рублей. Едва вступив в «большое княженье», Урус обратился с аналогичной просьбой («много на мне долгу есть, а кун у меня не осталось»), да еще поручил своему послу просить у царя Ивана дополнительную выплату, «чтоб теми денгами зделати кишеню» усопшему бию Дин-Ахмеду (НКС, д. 8, л. 236 об., 237, 240, 240 об., 366, 366 об.).

Видимо, ногайские власти не могли расплатиться со строителями погребальных усыпальниц-*кешене*, которые возводились над могилами знатных мангытов. Такая же ситуация сложилась после разрушения Сарайчука казаками. По словам Динбая, «Сарачик розорили люди ваши, и мы хотим делати. Наняли есмя мастеров и наимитов двесте человек. И ты б пожаловал, прислал денег, что дати (за работу. — *В.Т.*) мастером и наимитом» (НКС, д. 10, л. 134 об.). Мастера из Мавераннахра, не имея связей с кочевыми улусами, не могли удовлетвориться «гонораром» в виде овец и лошадей. Домой они желали увезти денежный заработок. Какая-то задолженность могла образоваться и при коммерции придворных ордобазарцев с транзитными купцами, которые за свои товары тоже требовали деньги, а не скот.

Еще одним поводом для испрашивания денежного жалованья была посольская оказия, когда послы могли приобрести товары в Москве во время исполнения ими дипломатической миссии (см., например: НКС, д. 6, л. 86 об., 87 об.).

В XVII в. мирзы уже привычно оперировали денежными расчетами, совершая покупки в Астрахани и даже делая значительные накопления (см., например: НКС, 1617 г., д. 3, л. 4; 1628 г., д. 2, л. 293).

Почти все кочевники имели собственный скот и в пределах своей Орды вполне могли удовлетворять повседневные потребности за счет скотоводческого хозяйства. А вот иноземцы, что приезжали к ним,

сталкивались с необходимостью платить за пропитание. В такой ситуации оказались, в частности, казанские беки «крымской партии», эмигрировавшие за Волгу. «Зде место пус[то], ***без кун*** людем ***прожити немочно***», — писал один из них Ивану IV в 1549 г. (Посольские 1995, с. 323). Во избежание подобных трат русские посольства отправлялись в степь, снабженные деньгами или в сопровождении обозов с поминками — в том числе в качестве платы за прокормление и проживание.

Запросы на царское имя о платежах формулировались, естественно, в рублях. Это следует из большинства сохранившихся переведенных грамот. Однако иногда адресанты прибегали к иному исчислению, обнаруживая компетентность во взаимном соотношении валют. В 1535 г. бий Саид-Ахмед направил свое посольство в Казань с 200 тысячами *алтын кун*, Урус в 1581 г. вел речь о присылке ему 10 тысяч алтын, Ураз-Мухаммед тогда же — о 5 тысячах алтын, добавляя: «...а по русскому числу сто пятьдесят рублев» (НКС, д. 8, л. 366; д. 10, л. 109 об.; Посольские 1995, с. 130). То есть в Ногайской Орде употреблялось и идущее от Золотой Орды «число» в алтынах[23].

На Руси алтын тоже имел хождение как общепринятая и обязательная мера денежного счета. Он равнялся 6 московским деньгам и связывался с рублем через копейку, которая была равна 2 деньгам, а алтын — 3 копейкам. Рубль, следовательно, равнялся 100 копейкам, или 200 деньгам (см.: Спасский 1956; Янин 1956). Именно эта пропорция и фигурирует в грамоте Ураз-Мухаммеда. Учитывая, что буквальное значение слова *алтын* — золото, золотой[24], можно предположить, что, когда в 1617 г. едисаны ограбили на волжской переправе мирз Тинмаметевых, отняв у них «пять сот золотых» (НКС, 1617 г., д. 3, л. 4), подразумевались именно эти условные алтыны как удобное исчисление суммы (в данном случае 500 алтын = 1500 копеек = 15 рублей). А приведенные выше цены за русских полоняников в 10, 15 и 20 «золотых» составляли соответственно 30, 45 и 60 копеек.

Однажды встретилось известие о покупке мирзой в Астрахани панциря за «дватцеть золотых ***ярльгамышев***» (НКС, 1628 г., д. 2, л. 293). Денежная единица с таким названием мне неизвестна. *Ярлыгамыш* означает «прощенный, помилованный, пожалованный» (см.: Будагов 1871, с. 323; Радлов 1905, с. 142), и здесь, очевидно, переводчик что-то напутал. Возможно, упоминалась регистрация покупки в таможенной книге, а под «золотыми» скрывались те же алтыны.

---

[23] Алтынная система счета прослеживается на всем протяжении денежного обращения в Золотой Орде XIV–XV вв. Значение алтына (динара) в разное время колебалось и зависело от веса составлявших его единиц-дирхемов (Мухамадиев 1983, с. 60, 85, 102).

[24] Впрочем, это лишь одна из версий объяснения термина *алтын*. О его этимологии см.: Спасский 1956, с. 12; Спасский 1970, с. 105; Янин 1956, с. 30.

Денег у степняков было мало, особенно у простонародья. При организации переправ через Волгу астраханские власти учитывали это и предписывали перевозчикам по возможности брать плату деньгами, «а которым нагайским татаром от перевозу денег дать будет нечего, и... имати перевоз (т.е. пошлину. — *В.Т.*) животиною — лошадми и коровами, и овцами, и всякою рухлядью, сличая в цену» (АИ, т. 3, с. 204).

В данном предписании отражено еще одно интересное явление, характерное именно для кочевой экономики, — соотнесение скота с денежным эквивалентом. Ногаи не испытывали затруднений при переводе цен из одной системы в другую. В 1551 г. русский человек по имени Юрий попал в плен и был продан астраханскому хану Ямгурчи, который, в свою очередь, пожелал перепродать его в Мавераннахр. Юрий умолил нурадина Исмаила выкупить его у хана за 200 рублей. Тот так и сделал, дав за него — не рубли! — двух своих собственных рабов, трех коней, верблюда и кунью шубу (НКС, д. 4, л. 54 об.). Ураз-Мухаммед писал в Москву, что унаследовал от отца долг в 1 тысячу овец и 100 лошадей, и для погашения его просил у Ивана IV 500 рублей (НКС, д. 8, л. 249). В данном случае такие разные по ценности счетные единицы, как овцы и лошади, свободно складывались мирзой для приведения к рублевому эквиваленту.

Наверное, ногаям в силу привычки к кочевому быту даже удобнее было исчислять цены и различные стоимости скотом. Посол Е.Мальцов доносил в 1557 г., что за убитого в стычке с русскими ногая мирзы взяли с него «московским товаром семь сот овец платьем и рухлядью», т.е. имущество стоимостью в 700 овец. Понимая, что адресатам счет по овцам не знаком, Мальцов поясняет: «А на Москве... того товару куплено на тритцать рублев» (НКС, д. 5, л. 20). (Следовательно, одна овца приравнивалась ногаями к сумме, чуть большей 4 копеек, или около 1,5 алтына)

Все эти факты свидетельствуют, что денежное обращение было хорошо знакомо жителям Ногайской Орды, но чаще суммы выражались в стоимости скота. Неразвитость финансовой системы кочевой империи вызывалась не столько отсталостью ее экономики, сколько ориентированностью этой экономики на безденежные операции. Когда дело доходило до денежных расчетов, ногаи оказывались расчетливыми и умелыми финансистами.

Денежного обращения была полностью лишена податная система, так как она функционировала исключительно внутри ногайской державы. Вопрос о налогах у ногаев не раз поднимался в литературе (см., например: Кочекаев 1988, с. 38; Сафаргалиев 1938, с. 95) и наиболее детально разобран Е.А.Поноженко. По его заключению, кочевники платили *ясак* ($^1/_{10}$ часть скота и продукции скотоводства), общемусульманский *зякат* и «добровольные приношения» мирзам — держа-

телям улусов (Поноженко 1977а, с. 15; Поноженко 1977б, с. 96). Названный автор внимательно изучил экономику и социальную структуру Орды, и я не нахожу оснований не доверять его выводам.

Вместе с тем я не встречал в источниках XVI–XVII вв. понятий *зякат* и «добровольные приношения». Ясак — да, упоминается, как и «ясачные люди», подчиненные непосредственно бию (см., например: НКС, д. 8, л. 241 об.; 1630 г., д. 3, л. 19). Кроме того, однажды попалось сообщение о подати под названием «пошлина взимок караснап», которую некогда пожаловал золотоордынский хан Тимур-Кутлуг Нур ад-Дину б. Эдиге (НКС, д. 5, л. 198, 198 об.). Добавим к этому информацию башкирского предания о «тяжелой подати», собираемой ногайским наместником («ханом») с местных жителей за переправу через реку Белую (Филоненко 1915, с. 29). Платежи при переправах были хорошо знакомы ногаям, поскольку во второй половине XVI — XVII в. они регулярно форсировали Волгу, рассчитываясь за это с русскими властями.

В упомянутом башкирском фольклорном рассказе пошлина принимается в виде лисицы, бобра и куницы с человека. Куницы, выдры и мед называют в качестве ясака ногаям башкирские шеджере (Кузеев 1957а, с. 11; Рычков 1949, с. 185; подробнее см.: Трепавлов 1997в, с. 13, 14). Но все эти данные относятся к северной периферии Орды и к южноуральским аборигенам. Как был организован сбор ясака с собственно ногаев, источники молчат — если не считать единственной оговорки С.Какаша и Г.Тектандера: «Они (ногайские татары) поочередно снабжают своих мурз и князей всем необходимым» (Какаш, Тектандер 1896, с. 27). Так что приходится домысливать ситуацию, как и поступил М.Г.Сафаргалиев, предположив, что мирзы собирали ясак скотом и именно этот скот составлял огромные «продажные» табуны и отары, пригоняемые в Москву и Казань (Сафаргалиев 1938, с. 95).

О размерах ясака мне попалось только одно указание (не считая башкирского фольклора). В 1627 г. алтыульский Шейх-Мухаммед-мирза решил изъявить преданность русскому государю, подтвердив это выплатой ясака. Схему выплаты он предложил следующую: «Государь указал бы взять ясаку со всякие избы по лисице, а изб у них (Алтыулов. — *В.Т.*) всех с тысечю» (НКС, 1627 г., д. 1, л. 440). Надо полагать, мирза предлагал сохранить привычную для его улусников систему отношений, и, следовательно, ясачное обложение в Ногайской Орде было подворным, а не подушным, как следует из преданий, и не пообщинным, как думал А.Н.Усманов (Усманов А. 1982, с. 50). При этом понятно, что предметом ясака в Россию должна была стать ценная пушнина, а не обычный для степного налогообложения скот.

Организация ясачного сбора допускала два варианта. Один заключался в привозе продукции в ставки мирз и бия. Об этом говорят

С.Какаш с Г.Тектандером («они... доставляют им (биям и мирзам. — *В.Т.*) все в изобилии») и шеджере башкирского племени мин («ясак сами отвозили для уплаты») (Какаш, Тектандер 1896, с. 27; Кузеев 1957а, с. 8). Второй сводился к посылке за ясаком особых «даньщиков». Это происходило накануне распада Орды и зафиксировано лишь в отношении Башкирии, которая к 1580-м годам была уже в целом оставлена ногаями (Миллер Г. 1941, с. 165; НКС, д. 8, л. 46, 234, 234 об., 274 об., 275, 367, 391; 1586 г., д. 8, л. 9; подробнее см.: Трепавлов 1997в, с. 13, 24).

Занимался податными делами в масштабах всей державы, по мнению Б.-А.Б.Кочекаева, особый чиновник-*дуван*, а с точки зрения М.Г.Сафаргалиева, — казначей, которому подчинялись «даньщики» (даруги); позднее, с ослаблением власти бия, казначеи появились в ставках отдельных мирз (Кочекаев 1988, с. 42; Сафаргалиев 1938, с. 96). Не могу прокомментировать эти суждения, так как объем информации по данному поводу представляется слишком ничтожным, чтобы судить о существовании какого-то централизованного налогового ведомства в Ногайской Орде.

Стройные умозаключения исследователей по указанным вопросам во многом являются результатом экстраполяции социально-экономического положения ногайцев в XIX в. В то время у них в самом деле практиковался зякат (выплата духовенству одной овцы из 100, одного теленка из 30, десятой части урожая); сохранялись регулярные выплаты мирзам (с трех домов по 2 воза сена, 2 меры проса и муки, 1 арбе сена и дров или кизяка для топлива, а также доля мяса при забое скота). Кроме того, предусматривались специальные подношения по случаю рождения наследника, женитьбы (на калым), кончины члена семьи мирзы и т.п. (Бентковский 1883, с. 80, 81; Кочекаев 1969б, с. 43, 45; РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 31 об., 32).

Но эти отдаленные потомки средневековых ногаев вели уже почти целиком оседлую жизнь и подчинялись России, а незадолго до того Крыму. Принципиальное изменение образа жизни в составе Крымского ханства и Российской империи неизбежно налагало отпечаток на податную систему. Поэтому рискованно проецировать отношения в среде оседлых ногайцев XIX в. на Ногайскую Орду XVI — начала XVII в.

Очерк 4

Государственность

Западноевропейские средневековые авторы, говоря о внутриордынских отношениях ногаев, порой рисовали картину патриархальной первобытности: «Орда их, несмотря на всю свою обширность, не имеет никакого императора, но... управляется значительным благоразумием старцев и доблестью храбрецов»; «ими управляют лучшие, опытные и мудрые мужи»; «между ними нет бедных. Если кому-нибудь нечего есть, то идет туда, где едят, не стесняясь и ничего не говоря, садится, [ест,] затем поднимается и без всякой благодарности уходит» и т.п. (Иовий 1908, с. 258; Люк 1879, с. 486; Фоскарино 1913, с. 17, 41).

Разумеется, реальная ситуация была далека от этих примитивных представлений. Материалы Посольского приказа да отчасти и сочинения тех же европейцев донесли гораздо более сложную структуру общественных отношений и сословий в Ногайской Орде. Общая схема иерархии ногаев в передаче русского посла выглядела следующим образом: после смерти бия Дин-Ахмеда в 1578 г. на провозглашение его преемника Уруса «съезжались все мирзы изо всех улусов и кочевные, и черные люди. И излюбили всею землею на княженье Урус мирзу» (НКС, д. 8, л. 211). Взаимоотношения мирз, рядовых общинников и неполноправного простонародья и образовывали общественный строй державы ногаев, основу ее государственного устройства.

Историографическая ситуация. Общественный строй Ногайской Орды удостаивался дефиниций только в советской историографии; западные же авторы обращали внимание в основном на степень ее политического развития. А поскольку исследования советских историков велись в русле марксистской формационной схемы, то и набор определений оказывался небольшим, сводясь к выбору между родовым строем и феодализмом. «Патриархально-родовой» считали социальную систему средневековых ногаев С.А.Токарев и М.И.Чемерисская (Токарев 1958, с. 308; Чемерисская 1995, с. 183).

Абсолютное большинство прочих исследователей находили в ногайской кочевой империи феодализм с различными его градациями и вариантами: ранний феодализм, т.е. с пережитками патриархальных

отношений (Алексеева 1971, с. 201, 254; История 1979, с. 193; Калмыков и др. 1983, с. 35), кочевой феодализм (Жирмунский 1974, с. 418; Сафаргалиев 1938, с. 62), классический феодализм (Алексеева 1957, с. 106; Златкин 1983, с. 84; Кочекаев 1988, с. 36, 37; Очерки 1967, с. 211; Сикалиев 1980, с. 4; Сикалиев 1994, с. 38, 219). Единственный историк, монографически изучивший проблему, — Е.А.Пономенко тоже расценил рассматриваемый социум как раннефеодальный (Поноженко 1977а, с. 17).

Между тем картина социальных отношений в средневековом Деште (как в целом и в любом обществе) оказывалась гораздо богаче формационных конструкций. Подлинно диалектическое рассмотрение вопроса стало возможным лишь с конца 1980-х годов, после крушения монополии марксизма-ленинизма в российской науке. Пионерами выступили К.П.Калиновская и Г.Е.Марков, которые абсолютно верно, на мой взгляд, увидели в Ногайской Орде комбинацию различных общественных страт с присущими каждой из них политическими и экономическими особенностями. Эти авторы предложили рассматривать раздельно оседло-земледельческое население Орды (вокруг Сарайчука), которое сочетало «патриархальный» и «патриархально-феодальный» уклады, и кочевой мир, где превалировал «патриархально-общинный» уклад. Последний занимал у ногаев в целом ведущее положение, так как в большинстве своем они являлись кочевниками (Калиновская, Марков 1991, с. 61–63). Не соглашаясь с К.П.Калиновской и Г.Е.Марковым в некоторых частностях, я считаю верным и продуктивным их подход к ногайскому обществу как к сложной, многоуровневой структуре, включавшей разные уклады, элементы разных общественных систем.

Приведенная выше цитата об участии в «вокняжении» бия Уруса мирз, рядовых кочевников и «черных» простолюдинов очерчивает основные социальные слои[1]. Едва ли можно согласиться с мнением М.Г.Сафаргалиева о четкой поляризации ногаев, о противостоянии «лучших людей» (биев, мирз, карачи и т.д.) и «черных людей» (Сафаргалиев 1938, с. 63). Однако такое искусственное, «классовое» противопоставление, очевидно, все же ближе к реальной картине, чем проецирование ногайских сословий XIX в. на Мангытский юрт XV–XVI вв. И.М.Аджиевым и Е.П.Алексеевой (Народы 1957, с. 130).

В той же цитате совокупность жителей Орды названа «всею землею». Как можно догадаться из контекста, это понятие охватывало и элиту, и низшие слои (ср.: «И нагаиские... мурзы и улусные все люди

---

[1] В исследовании Е.А.Поноженко выделены также слои населения, которые находились вне традиционной структуры социума. Это *казаки* (обособленные группы вольных степных воинов, утративших связь с общинами), *саудегеры* (мелкие торговцы, происходившие из «черных людей») и *кулы* (патриархальные рабы) (Поноженко 1977а, с. 16).

нынече о том все советуют (т.е. держат совет. — *В.Т.*) и выбирают *всею землею*... кому быть на нагаиском княженье» (Акты 1918, с. 110; НКС, 1604 г., д. 3, л. 77)). Знать была иерархически организована и возглавлялась бием и главой правого крыла — нурадином: «В Нагаиской Орде князь да нурадын началные люди во всех мирзах» (БГК, д. 137, л. 372). Ниже стояли наместники-военачальники — кековат и тайбуга; еще один мирза получал в наместническое управление Башкирию. На следующей ступени располагались десятки мирз–потомков Эдиге. Вместе с придворными «функционерами» и немангытскими предводителями некоторых элей (племенных общин) они составляли правящий слой державы. Формально эта иерархическая пирамида была пронизана отношениями старшинства–подчинения, и в соответствии с рангом аристократов их кочевые владения тоже обладали разным иерархическим статусом. Именно этот номинальный аспект исследовал Е.А.Поноженко, когда попытался систематизировать порядок пастбищных пожалований бия мирзам на условиях «службы и вассальной верности» (чрезмерно уподобляя эти отношения европейскому феодализму) (Поноженко 1977а, с. 10; Поноженко 1977б, с. 94; Поноженко 1987, с. 34).

Фактически же поземельная и иерархическая организация была далека от законченной упорядоченности, и многие авторы отказывают ногаям в сильной централизованной власти, бию — в монархических и сеньориальных полномочиях, мирзам — в готовности служить ему за пожалование пастбищ (Кочекаев 1988, с. 43; Усманов А. 1982, с. 62; Шмидт 1954, с. 212). Такая зыбкость взаимной соподчиненности заставляет исследователей скептически относиться к тезису о существовании у ногаев государственности.

Тем не менее в литературе встречается определение Ногайской Орды как государства — чаще походя, как само собой разумеющееся, без аргументов (см., например: История 1979, с. 193; Кузеев 1992, с. 68); Р.Г.Кузеев даже назвал ее деспотией (Кузеев 1974, с. 504). Некоторые историки пытаются доказать это положение. А.М.Асанов и Е.А.Поноженко видят «важнейшие функции феодального государства Ногайской Орды» в регулировании перекочевок и сроков использования пастбищ (Поноженко, Асанов 1993, с. 116). При этом Е.А.Поноженко считает факторами консолидации «раннефеодальной монархии» правящие институты — пирамиду власти, «феодальные съезды», полномочия бия (Поноженко 1977а, с. 17). Н.Л.Янчевский полагал, будто «у ногайцев были все формальные признаки государства... территория, население и суверенная власть» (Янчевский 1930, с. 103).

Другие историки после внимательного изучения документов приходят к более осторожным выводам. Так, В.М.Жирмунский считал, что «Ногайская Орда представляла собой нечто среднее между кочевым феодальным государством и конгломератом родственных и союзных

племен», которые вступали в более или менее тесные связи в зависимости от исторической обстановки (Жирмунский 1974, с. 422). В представлении Д.Девиза, «Ногайская Орда... предстает как особая, хотя и расплывчатая, конфедерация с вождествами и племенными группами, свободно сносившимися с соседними государствами и союзами» (DeWeese 1994, p. 347). А.Бериндей усматривает там военную демократию при отсутствии аристократии и всякой субординации (?), А.Беннигсен и Ж.Вайнштейн — «большую конфедерацию племен», которая к концу XV в. сформировалась в могущественное государство с верховным правителем, аристократией и бюрократией (Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49; Berindei 1972, p. 340).

К.П.Калиновская и Г.Е.Марков полагают, что «Ногайскую Орду правомерно определить как социально-политическое образование типа „параполитейного", предклассового, с догосударственной структурой» (Калиновская, Марков 1991, с. 63). При этом подавляющая часть авторов анализирует общественный и политический строй ногаев вне связи с их предыдущим развитием в эпоху Улуса Джучи. Ссылки на «монгольские», золотоордынские традиции удалось встретить лишь у А.Беннигсена и Ж.Вайнштейна, В.Л.Егорова, В.П.Юдина (Bennigsen, Veinstein 1980, p. 49; Егоров 1993, с. 34; Юдин 1992, с. 56). А между тем преемственность от империи Джучидов неизбежно наложила отпечаток на устройство ногайского общества. Отталкиваясь от факта этой преемственности, предлагаю свое понимание проблемы[2].

Тип государственности. Мир средневековых кочевников оказывается, как правило, в стороне от исследований типологии социально-политической организации доиндустриальных обществ. Основное внимание историков приковано к потестарным и политическим структурам оседлых народов Старого и Нового Света. При этом, исходя из обычной логики научного поиска, ученые конструируют социологические схемы, разрабатывают критерии и градацию различных категорий вождеств и государств. Подразумевается (но оставляется за скобками для «чистоты эксперимента»), что любой социум является чрезвычайно сложной системой, в которой в качестве зачатков, элементов или рудиментов присутствуют параметры различных стадий общественного развития.

В русской научной терминологии феномены подобного рода именуются обычно укладами (понятие, прижившееся в социально-экономических исследованиях). Диастадиальные формы социально-политического ряда не имеют столь же общепринятого обозначения. Поэтому пока приходится пользоваться синонимичными характери-

---

[2] В настоящей монографии излагается общая схема социального развития ногаев в XV–XVII вв. Детальное рассмотрение общественной и административной структуры читатель найдет в работах Е.А.Поноженко и некоторых моих статьях, к которым я его и отсылаю (Поноженко 1977а; 1977б; 1987; Трепавлов 1991а; 1993б; 1997д; 2000).

стиками общего порядка (например: в каждом составном вождестве присутствуют черты, признаки, элементы, компоненты и т.п. простого вождества).

Эти схоластические на первый взгляд замечания имеют принципиальное значение для номадистики в целом и для нашей темы в частности. Общеизвестно, что кочевая экономика была нестабильной, зависела от природных изменений и политических катаклизмов. Соответственно скотоводческим социумам была присуща и стадиальная изменчивость. Существует много однотипных примеров перерастания кочевых улусов в могущественные степные державы, впоследствии распавшиеся и возвратившиеся к исходной стадии кочевого улуса. Уже a priori, до конкретного рассмотрения развития каждого из таких образований, можно предположить, что в организации улуса содержался потенциал для превращения его в кочевую империю. Такой потенциал пребывал в «летаргии», в ожидании подходящих условий.

Данное утверждение, очевидно, верно не только для кочевого общества. Но именно для него наличие черт, признаков, элементов, компонентов и т.п. (см. выше) различных стадий развития было гораздо более актуальным, чем для оседлых цивилизаций. Когда совокупность земледельческих общин достигает уровня государственности, то черты предыдущих уровней развития начинают постепенно отмирать за ненадобностью. Общество все жестче конституирует себя на новой стадии и совершенствует свое новое состояние. Следы предшествующей социальной истории понемногу хиреют и исчезают как пережитки.

У кочевников же все по-иному. Проживая, например, в раннем государстве, они не допускают отмирания признаков вождества, поскольку первая же пандемия чумы или вражеская агрессия способна уничтожить их нестабильную (по определению) государственную структуру и им придется возвращаться на один из предыдущих этапов развития. Дело здесь, конечно, отнюдь не в предусмотрительности степняков, а в объективной подготовленности всей их общественной организации к подобным перипетиям. Не востребованные до поры до времени схемы социального жизнеустройства откладываются в исторической памяти, обычном праве, героическом эпосе и др. (подробно см.: Трепавлов 1993а, с. 31–44).

История ногаев являет, на мой взгляд, наглядный пример отмирания, последующей реанимации и повторного отмирания государственного потенциала. Магистральной же линией их политического развития мне представляется постепенное угасание кипчакско-золотоордынской государственности.

В XIII–XIV вв. предки ногаев сначала жили, очевидно, в Чагатайском улусе, затем переместились в пределы Золотой Орды (Улуса Джучи). К середине XIV в. держава Джучидов представляла собой

вполне сформировавшееся государство, хотя и достаточно своеобразное. На ее территории располагалось несколько регионов, резко различавшихся и по этническому составу населения, и по уровню его общественного развития, и по характеру основных занятий и экономики. Центр Золотой Орды (Поволжье) и южная периферия (Молдавия, Крым, Хорезм, сырдарьинские оазисы) являлись земледельческими областями со старой городской культурой; Дешт-и Кипчак продолжал оставаться обиталищем кочевников; племена Сибири, Урала и Приуралья вели жизнь лесных охотников. Несмотря на эти отличия, перечисленные владения в целом были объединены унифицированной системой управления и налогообложения, общими идеологией (ислам), денежным обращением, улусно-провинциальным делением.

Тенденция к усложнению государственной организации Золотой Орды нарастала до середины XIV в., но проявлялась неравномерно. Территория государства делилась по Яику на два крыла. В правом (западном) крыле все более преобладал оседлый элемент культуры, в левом (восточном) в основном продолжали господствовать традиционные, кочевнические нормы общественной жизни. Соответственно и социальные отношения в восточных степях были более архаичными по сравнению с Поволжьем (Федоров-Давыдов 1973, с. 138–141). Тем не менее кочевники левого крыла были полностью инкорпорированы в государственную структуру Джучидов и являлись ее неотъемлемым элементом.

Во второй половине XIV в. золотоордынская государственность вступила в тяжелый и необратимый кризис. В ходе борьбы различных группировок за сарайский (столичный) трон устоявшаяся система отношений между центром и провинциями расстроилась. Это проявилось, во-первых, в успешных притязаниях ханов левого крыла (Кок-Орды) на главный джучидский престол, чего ранее не допускалось; во-вторых, в фактическом обособлении заяицких кочевий от западной «метрополии». Например, кок-ордынский хан Урус был могущественным государем в Сыгнаке, но уже не имел такого многочисленного войска и авторитета в мусульманском мире, как сарайские ханы первой половины XIV в. Выход на политическую арену кочевого населения Дешт-и Кипчака стал решающим фактором изменения социального облика Улуса Джучи, особенно Кок-Орды. В ходе смут нарушилось деление страны на четыре провинции-улусбекства, захирела денежная система, отделились Молдавия и Хорезм. Походы Тимура 1391 и 1395 гг. практически разрушили городскую цивилизацию Золотой Орды.

Последние два обстоятельства автоматически привели к свертыванию чиновничьего аппарата: в условиях наступавшего господства кочевой экономики административные институты, учрежденные некогда ханами Берке, Менгу-Тимуром, Тохтой и Узбеком, оказались ненуж-

ными. Для управления массой кочевых подданных не требовалось содержать профессиональную бюрократию.

Кроме того, кипчакские племена восточного Дешта фактически составляли моноэтническую общность с общими языком, культурой, традициями.

Можно утверждать, что реликтовое ханство Кок-Орды в конце XIV в. приобрело черты типичного раннего государства. Важным признаком регресса государственности стало появление в позднеордынских ханствах соправительства — совместного сюзеренитета хана-Чингисида и главного военачальника-беклербека.

В конце XIV в. на западной окраине Кок-Орды, в междуречье Яика и Эмбы, обосновался кипчакский эль мангытов. Его предводитель Эдиге занимал пост беклербека при джучидских ханах; некоторые из них являлись его креатурой (см. главу 2). Ранг беклербека был прочно связан с ордынской государственной традицией, а Мангытский юрт входил в структуру типичного раннего государства Кок-Орды.

Дальнейшая история левого крыла Джучидов уже не была тесно связана с землями к западу от Яика. На пространстве от Яика до Иртыша образовалось так называемое ханство кочевых узбеков — держава Абу-л-Хайра. Она явила яркий пример возрождения традиционных кочевых управленческих институтов. Абу-л-Хайр одолел соперников, опираясь на силу не столько своей немногочисленной личной дружины, сколько поддерживавших его элей. Главы этих элей, беки и эмиры, и провозгласили его верховным ханом в 1428 г. В совете с ними хан должен был решать все важнейшие вопросы. Таким образом, институт племени был реанимирован.

Естественно, племена-эли существовали в Дешт-и Кипчаке и в эпоху Золотой Орды. Но осознание племенной принадлежности оказывалось актуальным, пожалуй, лишь на уровне межсемейных связей. В целом же кочевое население было тогда разверстано по десятичным подразделениям, которые находились под управлением многочисленных членов царствующей династии. Племенная знать пребывала на задворках административной номенклатуры и практически не принимала участия в управлении государством (за исключением удачливых временщиков — кията Мамая, кунграта Исы, мангыта Эдиге и др.). В ханстве Абу-л-Хайра полного возрождения родо-племенной организации, вероятно, не произошло. Территория включала не только юрты элей, но и личные улусы приверженцев хана — уже разноплеменных, а не принадлежащих к одному правящему клану.

Абу-л-Хайр еще менее, чем ханы Кок-Орды, может быть уподоблен сарайским самодержцам эпохи расцвета Золотой Орды. Внутренней жизнью кочевых узбеков ведала администрация ханской ставки, типичная для любой номадной структуры; земледельческая периферия (крепости на Сырдарье) была слишком мала и слаба, чтобы составить

экономическую базу кочевой империи. К тому же этот район стал местом частых конфликтов узбеков с Тимуридами.

Главное же отличие власти Абу-л-Хайра от его предшественников-Джучидов заключалось в отсутствии у него эффективных средств принуждения по отношению к непокорным подданным. Недовольные его политикой эмиры и беки могли безнаказанно увести свои улусы на другие земли (как Джанибек и Гирей, будущие основатели Казахского ханства) или обособиться от хана, даже не трогаясь с места (как мангыты в конце 1440-х годов — см. главу 3). Единственным способом для хана привлечь к себе эли и их лидеров были частые и желательно победоносные войны с соседями. Абу-л-Хайр на протяжении всего своего правления воевал с моголами, Тимуридами, ойратами. Такой военной активности не могли себе позволить — да и не нуждались в ней — золотоордынские падишахи, существовавшие в условиях государственной стабильности.

Итак, с почти полной утратой земледельческой подпитки экономики своего ханства, с утратой государственных властных рычагов Абу-л-Хайр оказался во главе образования, которое едва ли можно считать государством. Тем не менее довольно сложная иерархия почти сотни элей и их предводителей, надплеменное территориальное деление, пережитки золотоордынской городской цивилизации (ислам, забота о караванных коммуникациях, старая урбанизированная культурная область на юге) не позволяют видеть во владениях Абу-л-Хайра также и составное вождество. Полагаю, что будет уместным применить к ханству кочевых узбеков обозначение *зачаточного государства* как промежуточной ступени между типичным ранним государством и составным чифдомом[3].

Обособление Мангытского юрта не привело к войне с Абу-л-Хайром. Его обитатели продолжали состоять в структуре ханства левого крыла, и номинально хан все еще считался их верховным сюзереном. Подлинную самостоятельность Юрт начал обретать после смерти Абу-л-Хайра в 1468 г. Глава мангытов Муса б. Ваккас сумел воспользоваться сумятицей, начавшейся в стране кочевых узбеков. Среди прочих беков именно Муса смог выделиться как предводитель наиболее многолюдного и богатого (по кочевническим критериям) владения. Принадлежность к элю мангытов или к ассоциированным с ним элям,

---

[3] В нескольких своих работах (Трепавлов 1995; 2000) я попытался охарактеризовать общества кочевых узбеков и ногаев как суперсложные вождества [термин предложен Н.Н.Крадиным — Крадин 1992, с. 152; разработку общей теории вождества см.: Service 1971, p. 132–169; о вождествах у кочевников см.: Крадин 1992, с. 148–152; Khazanov 1984, p. 164–169]; но впоследствии решил, что созданная Х.Классеном и П.Скальником градация разновидностей ранних государств: зачаточное (inchoate), типичное (typical), переходное (transition) (см.: Early 1978, p. 22, 589, 641) — достаточно полно описывает изучаемые социумы и не нуждается в дополнительных искусственных звеньях.

как и проживание в районе их кочевых передвижений, приобретала особое значение в борьбе за гегемонию в восточном Деште, в отстаивании преимуществ своего эля перед другими элями. Произошла явная трайбализация той части мангытов, что оказалась между Яиком и Эмбой. Другие осколки «протоплемени» мангытов, рассеянные в степях от Крыма до Мавераннахра, не вошли в этот новообразованный племенной эль, хотя и считались единокровными с ним.

Ханство Абу-л-Хайра, зачаточное государство, распалось в результате междоусобиц. Главными фигурами в борьбе за узбекское наследство выступили, с одной стороны, Муса со своим братом Ямгурчи и воинственными сыновьями, с другой — казахские ханы, с третьей — внук Абу-л-Хайра, Мухаммед Шейбани. Все они собирали под свои знамена приверженцев из разных племен. Удача в этой борьбе была на стороне то мангытов, то казахов, то Шейбани. Муса смог не только привлечь к себе беков элей, но и заставить считаться с собой государей России, Крыма, Казани и др. Недаром в мусульманской хронике мангытский лидер назван *хакимом* (правителем) Дешт-и Кипчака (Бинаи 1969, с. 105).

Но под властью Мусы уже не было даже столь незначительной земледельческой области, какая имелась у Абу-л-Хайра. Вся власть Мусы держалась на успешной внешней политике и его ранге беклербека (бия), который он вытребовал у марионеточного хана Ядгара. Бий управлял своим Юртом, созывая на совещания племенную знать и ближайших родичей. Конгломерат буйных вождей требовал согласия в важнейших вопросах; в противном случае часть соратников Мусы могла перейти в лагерь противников-казахов. И все же авторитет мангытского правителя был достаточно высок, чтобы сторонники-немангыты признавали его первенство над собой.

К 1480-м годам сформировался относительно устойчивый контингент жителей разросшегося Мангытского юрта, «дозревший» до надплеменного определения. Таким определением оказалось слово «ногай». Ногаями стали называть всех подчинявшихся мангытскому бию кочевников, безотносительно к их элевой принадлежности. Следовательно, первоначально данный термин служил в качестве политонима, лишенного явной этнической окраски.

Трайбализированное общество Мангытского юрта эпохи Мусы вполне можно отнести к категории составных вождеств. На контролируемой бием обширной территории кочевали общины различных ногайских элей, у каждого из которых имелись собственные военно-административные институты. При управлении ими Муса не мог опираться ни на сакральность своей власти, ни на прочную экономическую базу, ни на аппарат принуждения — всего этого не было в его Юрте. Судьба ногайского объединения зависела от удачных политических комбинаций в борьбе за гегемонию в Дешт-и Кипчаке.

Относительно стабильное положение во владениях ногаев сохранялось до начала XVI в. (Муса умер приблизительно в начале 1500-х годов). К тому времени чрезвычайно окрепли и усилились казахи. На рубеже 1510–1520-х годов в результате их экспансии предводители ногаев откочевали за Волгу. Все пространство от Волги до Иртыша оказалось под властью могущественного хана Касима б. Джанибека. Племена, ассоциированные с мангытами, во избежание разгрома и лишения пастбищ перешли под начало нового сюзерена. Подчинилась Касиму и часть мангытов, не пожелавших (или не успевших?) оставить родные кочевья. Мангытский юрт, судя по всему, стал полностью соответствовать своему названию, т.е. остался населенным только мангытами.

Это образование имело предельно простую организацию. Претенденты на бийство не обладали большой властью; мирзы, потомки Эдиге, руководили перекочевками своих немногочисленных подданных и, будучи деморализованы казахским нашествием, не создавали каких-либо сложных политических надстроек. Очевидно, остатки Мангытского юрта в тот период представляли собой обычные разрозненные улусы[4]. Это были простые вождества — наиболее примитивные структуры, достаточные для управления в кочевой степи.

---

[4] В очерке 2 уже говорилось, что понятие «улус» постоянно встречается в русских переводах грамот, в воеводских отписках и посольских донесениях. Однако сличение с арабописьменными оригиналами ногайских посланий свидетельствует, что оно, пожалуй, не употреблялось в Ногайской Орде для обозначения кочевых общин. Переводчики применяли его по традиции, в силу привычки, оперируя терминами золотоордынской эпохи, и, может быть, по аналогии с татарскими ханствами. Поэтому следует весьма осторожно относиться к наработкам тех исследователей, которые экстраполировали улусную систему на Ногайскую Орду. Сравним переводы с оригиналами. 1) УЛУС в переводе — ХАЛК (народ) в оригинале: «Алея мурзы ***улусной ево человек*** томинского родства Келеи» / «Али мирзанынг ***халкы*** тама Келей» (т.е. таминец Келей ***(из) народа*** Али-мирзы); «***Улусы наши*** калмыки взяли» / «***Халкымызны*** калмак алды» (т.е. ***наш народ*** калмыки взяли); «Каная князя ***улусы***» / «Канай бий ***халкы***» (т.е. ***народ*** бия Каная) (НКС, 1633 г., д. 1, л. 125, 126, 128, 130–132); 2) УЛУС в переводе — КАРА ХАЛК(Ы ИЛЬ) в оригинале: «***улусные люди***» / «***кара халк***» (т.е. черный народ); «***улусные черные*** кочевные ***люди***» / «***кара халкы иль***» (т.е. эль черного народа) (НКС, 1637 г., д. 1, л. 18, 23; 1644 г., д. 1, л. 254, 261); 3) УЛУС в переводе — ИЛЬ (ХАЛКЫ) в оригинале: «У нас животов нет, и лошадеи нет, ***и улусов нет***» / «Бизимде малда йок, якиде йок, ***ильде йок***» (т.е. у нас нет ни скота, ни лошадей, ***ни элей)***; «***безулусные*** мирзы» / «***ильсиз калкан*** мирзалар» (т.е. мирзы, ***оставшиеся без элей***); «***улусные*** люди» / «***иль*** халкы» (т.е. народ эля) (НКС, 1613 г., д. 3, л. 15, 31; 1632 г., д. 1, л. 102 об., 173, 174; 1642 г., д. 5, л. 19); 4) УЛУСЫ в переводе — КИШИ (человек, люди) в оригинале: «жены мои и улусы» / «кишимиз» (т.е. мои люди) (НКС, 1641 г., д. 8, л. 3, 5); 5) УЛУСНЫЕ ЛЮДИ в переводе — НУКЕР (слуга) в оригинале: «Шеидяковы ***улусные люди***» / «Шидак мирзанынг ***нукар***» (т.е. ***слуги*** Шейдяк-мирзы) (НКС, 1632 г., д. 1, л. 172). Таким образом, я использую понятие «улус» условно, также следуя научной традиции и понимая под ним кочевые общины, образованные у ногаев, как правило, из представителей одного эля.

В 1521 г. скончался хан Касим, и среди его наследников начались распри. Вожди мангытов сумели восстановить свою былую мощь, значительно расширив пределы Юрта. Под начало бия вновь попали различные племена, объединенные политонимом «ногай».

На данной стадии организация Мангытского юрта принципиально не отличалась от организации в эпоху Мусы. Ногайские правители — сыновья Мусы, Алчагир и Шейх-Мухаммед, и внуки, Агиш, Мамай и Урак, — не обладали политическими талантами своего знаменитого предшественника. Все они искали правителей-Чингисидов, которые согласились бы объявить их биями. Шейх-Мухаммед нашел такого правителя среди большеордынских Джучидов, бежавших в Тюмень на Тереке, Мамай — в Астрахани, Алчагир пытался прибиться ко двору крымского хана Мухаммед-Гирея I. Отвлекаясь от событийной конкретики, изложенной в главе 4, следует признать, что многоплеменное общество ногаев во второй четверти XVI в. вернулось к этапу составного вождества, на котором оно уже пребывало до агрессии казахов. Находившееся под их властью объединение в русских и крымских источниках получает название «Ногаи»; во второй половине XVI в. в российских документах часто употреблялось также словосочетание «Ногайская Орда».

Окрестные правители не считали ногайских биев равными себе государями: все-таки бий (бек) в традиционной тюрко-монгольской номенклатуре не являлся титулом самостоятельного сюзерена. Тем не менее многие черты Ногайской Орды второй трети — конца XVI в. позволяют видеть в ней независимое политическое образование.

Окончательное оформление ее управленческого механизма произошло в 1530–1540-х годах и было связано с именами биев Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая, сыновей Мусы. Впервые в истории ногаев их кочевья были разделены на два крыла — надэтнические территориальные единицы с границей по Яику. Во главе крыльев встали наместники-военачальники с чисто ногайскими, не имеющими аналогов титулами — «нурадин» и «кековат». Саид-Ахмед попытался было объявить себя ханом, но безуспешно (см. главу 5). Он не принадлежал к династии Чингисидов, поэтому ни крымский хан, ни московский великий князь, ни османский султан не признали за ним этого ранга.

Следовательно, потомки Эдиге и Мусы не могли воспользоваться обычным для послеордынских ханов оправданием власти через возведение своих корней к Чингисхану. Однако выход был найден. В придворной среде составили фантастическую версию происхождения рода Эдиге от халифа Абу Бекра, тестя Пророка (см. главу 2 и очерк 5). В мусульманском обществе, каковым оно было уже в то время у ногаев, такое обоснование легитимности «княжения» оказалось приемлемым и достаточным.

Территория крыльев, в свою очередь, делилась на юрты кипчакских элей. Эти юрты представляли собой, как правило, пожалования-улусы мирз. После 1520-х годов племенная знать, помимо мангытской, в источниках почти не фиксируется. Можно предположить, что в ходе ногайской антиказахской «реконкисты» главы племен, сотрудничавшие с Касимом, были изгнаны или истреблены — во всяком случае, полностью оттеснены от власти, и мангыты взяли в свои руки управление ногаями из всех племен.

Как бы то ни было, налицо явная детрайбализация, утрата элями собственной административной структуры и превращение их в базу ногайской улусной системы. Ныне элями-улусами управляли члены правящего клана, потомки Мусы. Распределение улусов среди ближайших родственников послужило довольно действенным средством против распада Ногайской Орды после смерти очередного бия. До середины 1550-х годов мирзы в целом лояльно относились к своему правителю и не проявляли заметного сепаратизма.

В экономике Ногайской Орды полностью господствовало кочевое скотоводство. Ни одного района с традиционным, развитым земледелием под властью бия не было. Поэтому регулировать отношения между правительством и подданными было нетрудно с помощью типично кочевнического аппарата управления. Собственно, этот «аппарат» был идентичен как при дворе бия, так и в стойбищах мирз: казначеи, стражники, писцы позволяли бию и мирзам руководить ногаями на огромных дештских пространствах.

Итак, Ногайская Орда имела отдельные черты раннего государства, как то: 1) надэтничное деление территории (крылья и улусы)[5];

[5] Административного деления Ногайской Орды исследователи почти не касались, если не считать предположения А.И.-М.Сикалиева о существовании в ней десяти областей-санов (Сикалиев 1994, с. 36, 37, 70) и буквального понимания некоторыми исследователями информации С.Герберштейна о трех «областях» во главе с Саид-Ахмедом, Хаджи-Мухаммедом и Шейх-Мамаем в 1520-х годах (Герберштейн 1988, с. 179; Жирмунский 1974, с. 441, 442; Перетяткович 1877, с. 135; Kappeler 1992,,p. 89). В одной из своих работ я постарался показать, что в соответствии с кочевой государственной традицией территория и народ ногаев делились на правое и левое крыло (Трепавлов 1993б). В.М.Викторин отчего-то посчитал, что крыльями являлись Большие и Малые Ногаи (Викторин 1991б). Сами жители Ногайской Орды называли эту структуру *он сол (халкы)* (народ правой и левой руки). «Прадеда нашего Едигея князя карачеи, а словут онсол, и многово улуса люди» (НКС, д. 8, л. 240) включали отнюдь не всех ногаев, а лишь мангытов и первоначально (до середины XV в.) ассоциированные с ними эли — так называемые *еди ички* (см. главу 10). Как правило, они служили самой верной опорой биям в противостоянии с мятежными мирзами. В 1556 г. Исмаил именовал «правой и левой стороной около меня вблизи» тех, кого «ещо отец (т.е. предок. — *В.Т.*) мои было собрал» (НКС, д. 4, л. 376 об.). При этом подданные, включенные в Мангытский юрт позднее середины XV в., — *едисаны* — не считались народом онсол (НКС, 1622 г., д. 3, л. 29), и по отношению к ним ногаи из исторического ядра Орды порой не рекомендовали себя по названиям своих элей, а отмечали именно принадлежность к онсол (НКС, д. 8, л. 347). Но структура Орды требовала распростра-

2) государственную идеологию (ислам и легенда о предке Абу Бекре); 3) терминологическое оформление государственной территории и надплеменную самоидентификацию населения (Ногайская Орда, ногаи); 4) весьма широкое применение письменности, что объяснялось наличием значительной прослойки духовенства и широких связей с Крымом и Мавераннахром (см. очерк 5).

Но в Орде не меньше было признаков и составного чифдома: 1) отсутствие особого механизма насилия, подавления; 2) «немонархичность» бия, его номинальная должность вождя, главного военачальника. Очевидно, бий мангытов не смог преодолеть границы, отделявшей вождя от царя. Провозглашение каждого ногайского предводителя уже не воспринималось как просто смена очередного родового старейшины, но не обрело и престижа, присущего коронации; 3) полная экономическая автономия улусных правителей-мирз, не перераставшая в политическую до тех пор, пока родственные связи были актуальными, а политические цели общими; 4) наличие четко ограниченного сословия аристократии — мирз. Вновь, как и в случае с ханством кочевых узбеков Абу-л-Хайра, мы сталкиваемся с промежуточной стадией — между составным вождеством и типичным ранним государством. И опять нам придется привлечь понятие з а ч а т о ч н о г о г о с у д а р с т в а, каковым и являлась, по моему мнению, Ногайская Орда[6].

Обобщим наши наблюдения. До конца XIV в. мангыты являлись подданными государства Улуса Джучи. После его распада они оказались в пределах Кок-Орды, которая представляла собой типичное раннее государство. На ее территории кочевые узбеки во главе с Абу-л-Хайром создали зачаточное государство, куда и вошли мангыты. Отделившись от ханства Абу-л-Хайра, мангыты-ногаи в 1470–1510-х годах образовали собственный Юрт, характеризуемый как составное вождество. В первой четверти XVI в. под ударами казахов ногайские предводители лишились большей части подданных и территорий и возглавили остатки Юрта уже в качестве простого вождества. Восстановив гегемонию, ногаи вновь превратили свое владение в составное

нения крыльевой системы на все владения, поэтому управляемые мангытами степи позднее, в 1530-х годах, были тоже разбиты на крылья — возможно, как признак подчиненности их именно элю мангытов, тоже имеющему два крыла. Поэтому Большие Ногаи и утверждали, будто «вместе с нами Казыева улуса [и] Шихмамаева роду онсол словет» (Акты 1914, с. 213).

[6] Источники (в частности, русские и ногайские) четко разграничивают сформировавшиеся государства и кочевые Орды: «У государя нашего так ведетца: в которое *царство или в Орду* послов своих пошлет... а послов на послы (т.е. одних послов вдогонку за другими. — *В.Т.*) не посылает»; «Государство Московское... сияет светло посреди паче всех иных *государств и орд*, аки в небе Солнце» и т.п. (Воинские 1949, с. 68; НКС, д. 9, л. 152 об.–153). В ногайском фольклоре тоже четко разграничиваются государства-царства (*падшалык, ханлык*) и политическое образование ногаев как «орда» (Сикалиев 1980, с. 7; Сикалиев 1994, с. 80).

вождество, а бии Саид-Ахмед и Шейх-Мамай завершили строительство Ногайской Орды — зачаточного государства. Две последующие Смуты и распад Орды во второй половине XVI — начале XVII в. сопровождались угасанием элементов государственности. Большая Ногайская Орда и Казыев улус вернулись к этапу составного вождества, а во второй трети XVII столетия распались на чифдомы — мелкие автономные улусные группировки.

Таким «зигзагом» видится линия социально-политического развития мангытов и ногаев на протяжении XIV–XVII вв.: от государства к простому вождеству, затем к зачаточному государству и опять к простому вождеству.

Очерк 5

Культура

Культуру ногаев средневековые документы осветили очень скудно. Лишь немногие путешественники XVII в. описали их образ жизни и быт — как правило, уже после крушения Ногайской Орды. А в предшествовавшем столетии только военное искусство кочевников удостаивалось некоторого внимания дипломатов и администраторов. Сверхлаконична информация о стольном Сарайчуке. Немного больше данных о религиозной организации степной державы. А ее интеллектуальная жизнь остается абсолютно неизвестной. В этом очерке я попытаюсь осветить разные стороны культурного бытия Ногайской Орды.

Повседневная жизнь. Семья. Жилищем ногаям служили юрты — сферические конструкции 4–5 м в диаметре из деревянного решетчатого каркаса, скрепленного ремнями и покрытого войлоком. Прутья, составлявшие крышу, сплетались таким образом, что образовывали дымовое отверстие. Иногда оно снабжалось войлочным регулятором дымохода: в холода отверстие закрывали особым клапаном, чтобы сохранить внутри тепло. Некоторые юрты обтягивались поверх войлока еще и хлопчатобумажными полотенцами, отчего кочевая стоянка являла собой живописное зрелище. У крымских ногаев первой четверти XVII в. одна семья имела две юрты — большую для детей и поменьше для главы семьи и его жен; слуги жили под открытым небом в любую погоду (Какаш, Тектандер 1896, с. 27; Люк 1879, с. 487, 488; Олеарий 1906, с. 403; Стрейс 1935, с. 194; Эвлия Челеби 1979, с. 53, 54).

Юрта ногаев не имела принципиальных отличий от юрт, известных в степном мире; Эвлия Челеби нашел, что она напоминает туркменскую (Эвлия Челеби 1979, с. 53). Кроме того, у этих потомков кипчаков издревле сохранялись передвижные жилища: на двухколесных повозках устанавливался деревянный остов, тоже покрываемый войлоком или камышовыми циновками. На подобные же повозки, запряженные верблюдами или, реже, волами, порой водружались и небольшие неразборные юрты. Э.Дженкинсон видел кочующую группу ногаев с тысячей таких походных домов, «казавшихся издали городом» (Дженкинсон 1937, с. 170, 171; д'Асколи 1902, с. 130; Какаш,

Тектандер 1896, с. 27; Олеарий 1906, с. 403; Стрейс 1935, с. 196; Эвлия Челеби 1979, с. 54; см. также: Гаджиева 1976, с. 45–59). Сборно-разборная юрта в ногайском языке называется *терме*, переносная — *отав*.

Позднее внуки и правнуки жителей Ногайской Орды в Причерноморье и на Северном Кавказе начали оседать, переселяясь в саманные и тростниковые хижины, окруженные заборами и загонами для скота, и даже в срубные дома (Мухаметшин 1992, с. 63; Тунманн 1991, с. 48; Эвлия Челеби 1979, с. 205). Те, кто продолжал придерживаться кочевого образа жизни, устраивали свои стоянки по калмыцким (т.е. монгольским) канонам и жили в калмыцких юртах-*гэрах* (Потоцкий 1936, с. 215). С.Ш.Гаджиева полагает, что расселение мелкими аулами, состоявшими из нескольких семей, было характерно для конца XVII — XIX в., а в период Ногайской Орды практиковались сезонные миграции большими «ордами» (*орун*). Правда, С.Ш.Гаджиева объясняет это «тревожностью» эпохи, т.е., очевидно, постоянной готовностью к обороне (Гаджиева 1976, с. 21, 22). Мне же представляется, что причина скопления больших организованных мигрирующих масс народа кроется в функционировании двух больших общеногайских кочевых циклов — поволжского (затем кавказско-волго-яицкого) и арало-яицкого (см. очерк 3).

Огромные пастбища Орды обеспечивали всем элям прокорм и размещение, чего нельзя было ждать от сравнительно небольших регионов расселения ногайцев нового времени. Кроме того, и в XVI в. практиковалось размещение кочующего населения «в розни» — отдельными улусными стойбищами (может быть, более многолюдными, чем аулы последующих столетий).

Любознательные путешественники обращали внимание и на одежду ногаев. У мужчин она состояла из длинных суконных кафтанов голубого, красного или серого цвета, надеваемых поверх суконных же или овчинных штанов и хлопчатобумажных рубах. На женщинах можно было видеть такие же кафтаны, и лишь некоторые щеголяли в белых полотняных одеяниях и в разноцветных шелковых халатах, подпоясанных кушаками из шелка. И мужчины, и женщины носили овечьи шубы, которые в зависимости от сезона надевались то наружу мехом, то внутрь. Головными уборами у мужчин служили остроконечные *буреки* из шкур ягнят или лис, а у богатых мирз — куньи шапки, вымененные у черкесов; женские круглые складчатые головные уборы часто обшивались русскими монетами. Обувью служили желтые кожаные сапоги (Алексеева 1957, с. 88; Какаш, Тектандер 1896, с. 27; Люк 1879, с. 487; Олеарий 1906, с. 404, 405; Стрейс 1935, с. 196; Тунманн 1991, с. 47; Эвлия Челеби 1979, с. 54, 55).

Самой распространенной пищей были молоко и мясо домашних животных. Как и прочие кочевники, ногаи достигли большого искус-

ства в вялении и сушке мяса, приготовлении всевозможных молочных продуктов. Помимо обычного печенного на огне мяса и натурального молока в источниках упоминаются *крут* (сыр), суп-*чорба*, простокваша, а из напитков — мед и хмельные *кумыс*, *айран* и *буза*. Кроме того, из просяной и изредка рисовой муки пекли лепешки на растительном масле или меде (впрочем, хлебопечение появилось в ногайской среде, очевидно, сравнительно поздно). Охота и рыболовство позволяли разнообразить рацион мясом дичи и рыбой, которую вялили на солнце или сушили и толкли в муку (Веселовский 1910б, с. 7; д'Асколи 1902, с. 130; Дженкинсон 1937, с. 170; Какаш, Тектандер 1896, с. 27; Люк 1879, с. 485, 486; Олеарий 1906, с. 405; Стрейс 1935, с. 191; Тунманн 1991, с. 46, 47; Хуан 1899, с. 8; Эвлия Челеби 1979, с. 55, 165; см. также: Гаджиева 1976, с. 194–215).

Гораздо меньше данных о внутренней организации повседневной жизни ногайского общества. Она регулировалась нормами обычного права, упоминания о которых иногда встречаются в источниках[1]. Кровная месть (которая сделала столь ожесточенными вторую и третью ногайские Смуты) среди самих ногаев продолжала существовать, но в отношении убийц-иноземцев применялся выкуп. К смерти они приговаривались лишь в исключительных случаях. Подобным же образом каралось воровство; неплатежеспособных воров продавали в рабство (Люк 1879, с. 486, 487; НКС, д. 5, л. 19 об., 20; см. также: Гаджиева 1976, с. 131).

Изредка в документах мелькают подробности брачных обычаев и межсемейных внутрикланововых отношений. Непременным условием женитьбы у средневековых ногаев и позднейших ногайцев был выкуп за невесту — *калым*, *сюек сатув* (выкуп за кость), который в XIX в. был эквивалентен 40 коровам. Бедняки оставались холостыми до тридцати пяти — сорока лет (Гаджиева 1979, с. 62–65; Люк 1879, с. 487).

Терминология брака и родства у ногайцев нового времени исследована Е.С.Айбазовой и Р.Х.Керейтовым. В сравнительно недавнем прошлом у этого народа практиковались левират и сорорат (соответственно *кайынларына барув* — букв. «выдать замуж за родных мужа» и *балдызына уйленюв* — букв. «жениться на свояченице») (Керейтов 1984, с. 393). При этом близкими родственниками считались потомки до третьего колена. Все представители первых трех поколений именовались *бир казан улесип шыкканлар* (вышедшие, разделив один котел). Кровными родичами (*кардаш тукым*) были люди, имеющие общего седьмого предка; между теми, кто обладал более далеким родством, уже допускались браки. Терминология родства существовала до шестого колена: *ул* (сын), *немере* или *йиен/жиен* (внук), *тёбере* или *йиеншер/жиеншер* (правнук), *шёбере* или *тувенсер* (праправнук), *шёпшеке* или *туваят* (прапраправнук), *тувдык* (прапрапраправнук)

---

[1] Некоторые наблюдения по ногайскому обычному праву см.: Викторин 1999; Поноженко 1976.

(Айбазова 1981, с. 63, 64; Керейтов 1982, с. 195). В самом деле, в поэме «Джембойлук» ногайского поэта XVII в. Каз-Тугана Сююнчулы символом родства является шестиколенный счет: «Эти, называемые джембойлуками, Предают отцов до шестого поколения (*алты атасын сатады*)» (Сикалиев 1994, с. 49).

Хотя Ж. де Люк свидетельствовал, будто ногаи (крымские) «женятся на своих родственницах, за исключением родной сестры и тетки» (Люк 1879, с. 487), документальный материал демонстрирует более сложный подход к родственным бракам. Левират действительно наблюдался в Ногайской Орде: на вдовах близких родственников женились во имя сохранения выморочного хозяйства, воспитания осиротевших детей, во избежание повторной выплаты калыма (Муканова, Кочекаев 1985, с. 50). К примеру, после смерти бия Исмаила одну из его жен, Хантай-ханым, взял за себя Дин-Ахмед б. Исмаил, а другую — племянник Исмаила, Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед. После смерти Дин-Ахмеда Хантай-ханым и вдова Мухаммеда б. Исмаила стали женами Уруса, младшего брата Мухаммеда и Дин-Ахмеда. При этом дети, родившиеся у этих женщин в браках с Мухаммедом и Дин-Ахмедом, вошли в семью Уруса и до возмужания числились его детьми. Другая вдова Дин-Ахмеда перешла по обычаю левирата к Динбаю б. Исмаилу (НКС, д. 7, л. 64 об.; д. 8, л. 233, 235, 235 об.; д. 9, л. 27, 92 об.; д. 10, л. 12 об.).

Критерии дальности родства, позволявшие вступать в брак, истово соблюдались, очевидно, в среде простонародья. В источниках многократно упоминается сватовство между людьми разных элей — экзогамных образований в рамках единого ногайского социума. А вот клан «Эдигу уругу мангытов», будучи замкнутой аристократической корпорацией, допускал браки между более близкими, чем это дозволялось общепринятой традицией, родичами. Вообще все мирзы одного поколения считались братьями и относились друг к другу как *ага* и *ини* — старшие и младшие братья (Гаджиева 1979, с. 17). За пределами данного поколения уже было возможным установление семейных союзов. Например, Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед б. Исмаил б. Муса женился на дочери Тохтара б. Ураз-Али б. Шейх-Мухаммеда б. Мусы, т.е. на своей четвероюродной племяннице; Аулия б. Ак б. Шейх-Мамай б. Муса — на дочери Уруса б. Исмаила б. Мусы, т.е. на своей троюродной сестре; Ак б. Байтерек б. Дин-Ахмед — на дочери Кара Кель-Мухаммеда б. Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда, т.е. на своей троюродной племяннице, и т.п. (НКС, д. 9, л. 269 об.; д. 10, л. 88 об.; 1631 г., д. 2, л. 46). Таким образом, мирзы практиковали породнение через брак, не дожидаясь, пока минуют шесть обязательных поколений от общего предка. Здесь сказывались, возможно, не одни только политические соображения, но и необязательность столь длительного возведения кровного родства с точки зрения шариата. Ведь браки

в Ногайской Орде скрепляли муллы, которые обладали значительным весом в обществе.

Религия. Ногайская Орда принадлежала к миру ислама и входила в систему мусульманских политических образований как ее полноправный и полноценный компонент. Это было очевидным как для соседей[2], так и для самих ногаев: «А в нашеи вере в ыных государьствах в мусулманских все мусулманские государи нам... верят, потому что в нас ложь не бывает» (НКС, 1617 г., д. 2, л. 20; 1630 г., д. 3, л. 38). Источники столь же единодушны в том, что жители ногайской державы «держатся закона Магомета», и иногда уточняют: «последуют магометанскому закону суниского (т.е. суннитского. — *В.Т.*) толкования», «исполняют обряды не персов, а турок», т.е. суннитские, а не шиитские[3] (Георги 1799а, с. 30; Дженкинсон 1937, с. 169; Олеарий 1906, с. 405). Что касается степени религиозности, то, пожалуй, лишь Эвлия Челеби посчитал ногаев «очень послушными газиями» (Эвлия Челеби 1961, с. 40). Прочие же авторы XVI–XVII вв. видели в них «развратных и дурных мусульман», «в высшей степени невежественных в делах религии», не соблюдающих «правила своей религии», и т.п. (Игнатьев 1883, с. 334; Люк 1879, с. 485; Хуан 1899, с. 8; см. об этом также: Ярлыкапов 1998б, с. 90). Доверившись подобным утверждениям источников, А.Беннигсен с Ш.Лемерсье-Келькеже расценили жителей Ногайской Орды как «поверхностных» (superficiels) мусульман (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1973, p. 460).

Однако тексты, происходящие из ногайской среды той эпохи, демонстрируют, пожалуй, довольно прочную укорененность ислама. Неоднократное уподобление (а не противопоставление) его христианству в переписке биев и мирз с кремлевским двором свидетельствует об отсутствии религиозного фанатизма, характерного для неофитов. Многие грамоты содержат пассажи типа «нас, мусулманов, Бог сотворил, а вас, христьян, Бог же сотворил»; «а с тобою (Иваном IV. — *В.Т.*) у нас Бог один, а вера не одна»; «ты и мы Божьи холопи, хотя вера наша и розна»; и т.п. (НКС, д. 8, л. 248, 248 об.; д. 9, л. 44 об.; 1605 г., д. 6, л. 1; Посольские 1995, с. 247).

---

[2] В 1613 г. османский султан прислал бию Иштереку «Пророка нашего саблю». Авторитет султана как главы мусульманского мира был в Ногайской Орде чрезвычайно высок. В начале 1550-х годов Исмаил прислал в Стамбул просьбу о разрешении провозглашать *хутбу* с именем османского падишаха (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 219). Чья персона фигурировала в молитвенном славословии до этого, неизвестно.

[3] Фраза Эвлии Челеби о ногаях как «единобожцах толка Шафи» (Эвлия Челеби 1979, с. 75), вероятно, основана на его кавказских наблюдениях. Ногаи изначально придерживались ханафитского мазхаба и меняли его лишь при поселении рядом с чеченцами — как правило, шафиитами (см.: Ярлыкапов 1998б, с. 94, 95; Ярлыкапов 1998в, с. 146). Казахские предания сохранили память об обращении мангышлакских ногаев именно в ханифитский ислам последователями суфийского вероучителя Ходжа-Ахмеда Ясави (см.: А.К. 1873, с. 10–15).

Впрочем, богословские отступления в целом нехарактерны для ногайско-русской корреспонденции, за исключением периода правления Юсуфа. При нем послания из Сарайчука часто снабжались отвлеченными рассуждениями. Например: «Сесь свет прелестныи ови придет, а один отоидет. Наши книжники так сказывают, что от смерти никому не избыть. Писано в нашем куране. А и в вашем евангилье есть. Ваши книжники во евангилье то видят, что есть на том свете животного — тому всему померети. И сам ты гораздо уразумеешь: не умрет и не минетца на сем свете слава добрая» (Посольские 1995, с. 306–307).

Вместе с тем мы не можем игнорировать солидарность независимых друг от друга источников, говорящих о невсеобъемлющем господстве ислама в мировоззрении кочевников. У ногаев сохранялись весьма значительные пережитки домусульманских верований. На эту особенность мировоззрения ногайцев обращали внимание авторы конца XVII — XVIII в. Реликты язычества были еще более сильными в предшествовавшие три столетия. Отмечались обряды жертвоприношений по неисламским канонам[4], поклонение домашнему очагу, использование лошадиных черепов как амулетов (Георги 1799а, с. 30; Лызлов 1787, с. 2; Тунманн 1991, с. 48; см. также: Ярлыкапов 1998б, с. 90, 91). Ногайскому языку и фольклору знакомы древние обозначения верховного божества — Кудай и Тенгри (см., например: Ногайдынъ 1991, с. 37; Сикалиев 1994, с. 182, 208; DeWeese 1994, p. 42).

У ногайцев практически до этнографической современности бытовали заговоры (*арбау*), заклинания (*шуклау*), ритуальные проклятия (*каргыс*), благопожелания (*алгыс*). Ими занимались колдуны (*яды*), чародеи (*саварши*), волшебники (*сыхырши*), прорицатели (*сынши*), знахари (*кагымши*), своего рода гипнотизеры (*кёзбайлауши*), шаманы (*камлауши*), ритуальные музыканты (*баксы*), благопожелатели (*тилекши, алгысши*), проклинатели (*каргауши*), ворожеи (*балши*) — все это люди, по народным поверьям, исключительные, обладавшие сверхъестественными свойствами (Сикалиев 1994, с. 181).

Впрочем, чудодейственные способности могли приписать и «неспециалисту». Так, в 1636 г. политические противники обвинили мирзу Адиля б. Арслана Урмаметева в колдовстве, которое привело к установлению сильных морозов (НКС, 1636 г., д. 2, л. 11). За четыре года до того казыевский Али б. Хорошай Ураков попытался было приписать неожиданное похолодание в середине марта магическим козням русских гонцов, но те логично парировали, что «в православнои (так. — *В.Т.*) крестьянскои вере такова дурна не бывает. Делаетца то все Божиею волею, а не от них». Приближенные советовали мирзе

---

[4] Впрочем, иногда под «жертвой» могло скрываться обозначение и мусульманского ритуала. В сентябре 1613 г., узнав о воцарении после Смуты нового русского государя, бий Иштерек повелел, чтобы ногаи «по своеи вере бы молились и ***жертву приносили со всякого двора***» (НКС, 1613 г., д. 3, л. 14).

подвергнуть подозреваемых истязаниям, чтобы добиться признания в чародействе, но все обошлось (НКС, 1632 г., д. 1, л. 142, 143).

Ислам стал широко распространяться среди кочевников Дешт-и Кипчака в первой половине XIV в., в эпоху золотоордынского хана Узбека б. Тогрула (1312–1341). В конце XIV — начале XV в. мусульманизация Улуса Джучи развернулась под эгидой Эдиге, который проводил активную конфессиональную политику, стяжав репутацию праведника и благочестивого мудреца (Ибн Арабшах 1887, с. 63; Клавихо 1990, с. 144; Утемиш-Хаджи 1992, с. 99). Очевидно, память об одном из этих этапов распространения новой для ордынцев религии отразилась в словах кековата Джан-Мухаммеда о том, что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы... мы своево родственнова стариннова корени не покинули и матки своеи Волги, где ***наша изначала вера зачалась***» (НКС, 1635 г., д. 2, л. 170) (как Узбек, так отчасти и Эдиге имели свои политические центры в Нижнем Поволжье).

Кроме Поволжья в качестве исходных пунктов появления мусульманства у ногаев в различных источниках фигурируют также Булгар, Багдад и Туркестан (Вельяминов-Зернов 1859, с. 263, 268; Игнатьев 1883, с. 334; Игнатьев, Гурвич 1883, с. II), но чаще упоминается Бухара.

По хронике Сад Ваккаса б. Раджаба и Кашигафа б. Абу Саида, основатель ордена накшбанди Багау-л-Хакк-ва-д-Дин направил из Бухары 366 конных шейхов в помощь Мухаммеду Шейбани (конец XV — начало XVI в.) для обращения к учению Пророка жителей Прииртышья, в том числе и народа ногай (Катанов 1903, с. 136, 137, 143, 150, 151). К ногаям Башкирии — «очень развратным и дурным мусульманам», по местным преданиям, отрядил для проповеди своего ученика знаменитый бухарский суфий Ходжа-Ахмед Ясави, и тот преуспел в миссионерском служении (Игнатьев 1869; Игнатьев 1883, с. 334). Ногайцы же XVIII–XIX вв. передавали сказание об исходе их предков из «Бухарии», где тех, изначальных язычников, обратил в ислам святой Ходжа-Ахмед Баба-Туклес (Бентковский 1883, с. 3; РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 30, 30 об.; Фарфоровский 1909, с. 3; см. также главу 1 настоящей книги). И надо отметить, что бухарские, мавераннахрские корни мусульманства в самом деле проявлялись в Ногайской Орде, в том числе в составе ее духовенства (см. ниже).

Несмотря на относительно позднее внедрение ислама и сохранение элементов язычества, ряд признаков позволяет видеть в ногаях уже мусульманское общество. Скажем, непререкаем был авторитет Корана, которым скрепляли международные договоры. В ногайско-русских отношениях и в соглашениях между мирзами обычной была шерть «на куране». Причем призвание в свидетели священной книги заключалось не просто в присутствии ее на церемонии, а в использовании в качестве инструмента присягания: «в куран поцеловать, положа руку на куран», «на куране шертовал и целовал в куран», «поцеловал книгу

при Енмамет мурзе» и т.п. (НКС, 1585 г., д. 1, л. 10; 1615 г., д. 11, л. 14, 15; 1636 г., д. 2, л. 11). Из материалов Крымских дел известно, что в таких случаях раскрывалась определенная сура, к которой и прикладывались губами мусульмане–участники переговоров (КК, д. 10, л. 297)[5]. Порой ссылки на священный текст сквозят в повседневной речи мангытских вельмож: «У них де ис предков тово не повелось... и в их бусорманских законах не ведетца, что послов выдавати» (Акты 1914, с. 193).

Кроме того, в источниках есть сведения об исполнении ногаями религиозных обрядов.

Во-первых, молитвенный ритуал — *намаз*. Хотя данные о пятикратном ежедневном молении отсутствуют, но русские наблюдатели передавали, что мирзы со свитой «в шатре пели намаз» по случаю шертования, «разослав епанчю и сметав башмаки, учали намаз молити»; торжественный молебен устраивался и в честь новоизбранного бия (НКС, 1616 г., д. 1, л. 140; д. 4, л. 3, 4; 1641 г., д. 5, л. 33).

Во-вторых, ежегодный пост — *рамазан*. Он знаменовался праздничными молебнами и снижением дипломатической активности мирз (НКС, 1628 г., д. 2, л. 55, 56; Эвлия Челеби 1961, с. 51).

В-третьих, паломничество в святые города Аравии — *хаджж*. Нет сведений о том, ходили ли в Мекку и Медину мангытские высокопоставленные аристократы. Ни один из биев там, видимо, не побывал. Хотя их жены и матери начиная со времен Эдиге (Аскалани 1884, с. 451, 454; Макризи 1884, с. 428, 442) предпринимали это далекое странствие. Длительное отсутствие в Орде правителя таило опасность нестабильности в покинутых владениях. Беклербек Большой Орды Тимур б. Мансур б. Эдиге в середине XV в. вознамерился было совершить хаджж, но был остановлен своим придворным стихотворцем Шал-Кийизом Тиленши-улы, дабы не давать повода для междоусобной распри. Лучше облегчить участь обездоленных и униженных, говорил поэт: «Таким путем ты, и сидя дома, освободишься от грехов» (цит. по: Сикалиев 1994, с. 51).

Маршрут ногайского хаджжа известен из расспросных речей астраханского юртовца, который ходил «по их мусулманскои вере к Меке для молбы» (1628 г.). Из Астрахани паломники направлялись в Казыев улус, а оттуда в Крым, где иногда до двух месяцев ожидали набора достаточной группы верующих. Из Крыма эта группа двигалась к турецким крепостям Подунавья (Ак-Керман, Джан-Керман, Измаил, Килия) и затем в Стамбул. Там в течение некоторого времени вновь ждали подхода паломников «с турских розных городов». Из османской столицы за шесть недель пешком преодолевали расстояние до «города Шамшарифа», от которого следовали уже до священной аравийской области Хиджаз «скорою ездою днем и ночью на верблюдах

---

[5] Благодарю А.М.Некрасова за указание на этот факт.

шесть недель [и] три дни, потому что... то место безводное». После месячного пребывания у святынь таким же путем возвращались в Стамбул и оттуда на родину (НКС, 1628 г., д. 1, л. 299, 300).

Астраханским воеводам еще с 1570-х годов вменялось в обязанность перевозить через Волгу пилигримов с востока (НКС, д. 8, л. 65 об.). Но некоторые из них после переправы поворачивали не в Малую Ногайскую Орду и далее в Крым, а в Москву, чтобы выпросить у тамошнего правительства «в дорогу денег на харчь», и лишь затем через степи двигались к Бахчисараю или Ак-Керману (НКС, 1619 г., д. 2, л. 288, 289).

В-четвертых, время от времени ногаи налагали на себя различные обеты, которые внешне носили религиозный характер, но на деле могли использоваться в политических целях. Мусульманское благочестие и приверженность к кочевому образу жизни причудливо переплелись в ситуации, когда бий Иштерек в середине 1610-х годов «дал... завет по своеи вере... что ему нигде ни в которые городы не ездити», причем подчеркивалось, что особенно неприемлем для него визит в «каменои белои город» Астрахань (т.е. в новопостроенную крепость на противоположном берегу от прежнего Хаджи-Тархана). Данным обетом Иштерек мотивировал свои отказы от бесконечных приглашений воевод прибыть к ним на переговоры. Но при этом он не раз заявлял, что «завет переставит», если из аманатов будут освобождены его сын и племянник, плененные после разгрома Заруцкого на Яике в 1614 г. (НКС, 1615 г., д. 1, л. 24; д. 2, л. 5, 17; д. 12, л. 10). Значит, этот обет служил скорее средством давления на российское правительство и воевод, чем проявлением мусульманского рвения. В 1642 г. стало известно о таком же поведении мирзы Султан-Ахмеда б. Аксак Кель-Мухаммеда Тинмаметева, подданные которого «кочевали... по степи, потому что по своеи вере господу Богу обет... на себя положили, что... в город не ездить» (НКС, 1642 г., д. 5, л. 16, 21).

Дипломатической уловкой выглядел и Иштереков «обет Богу, что шапки с себя не снимать». Ногаи выдвинули этот довод в 1615 г., не желая показать свою зависимость от России во время оглашения царской грамоты. Лишь когда посланец царя в Астрахани отказался начинать переговоры, бий, «стоя многое время и говоря таино с сеитом своим Ибреимом, шапку с себя снял». Надуманность «обета» проявилась сразу, поскольку присутствовавший тут же мирза Аксак Кель-Мухаммед не пожелал обнажить голову не из-за клятвы перед Аллахом, а «потому, что у него голова болит» (НКС, 1615 г., д. 2, л. 7, 8)[6].

---

[6] Аксак Кель-Мухаммед был настойчив в поиске причин для отговорок. Позднее в аналогичной ситуации мирза заявил: «Руские люди без шапок стояти привыкли, а они, мусулманя, без шапок стояти не привыкли, и ему, Оксаккелмаметю мурзе, шапки не снимать; ***а сеи студено — уши зябнут***, да и голова у него болит» (НКС, 1618 г., д. 4, л. 21).

Еще один своеобразный обряд зафиксировали А.Олеарий и вслед за ним Я.Стрейс: ребенка-первенца, случалось, посвящали Богу или какому-нибудь святому, в знак чего дочери в правую ноздрю, а мальчику в мочку уха вдевали перстень (серьгу?) с драгоценным камнем (Олеарий 1906, с. 405; Стрейс 1935, с. 196). Во второй половине XVIII в. ношение подобных перстней отмечено уже среди прочих женских украшений без какой-либо связи с посвящением (Георги 1799а, с. 41), а еще через столетие наблюдается исчезновение неканонических религиозных церемоний, связанных с рождением сына или дочери (Ананьев 1909б, с. 10). Современные ногайцы с указанным обычаем, насколько мне известно, не знакомы.

Не много данных и о погребальной обрядности в Ногайской Орде. Собственно, эта мусульманская держава придерживалась порядка захоронения и поминания, присущего в целом миру ислама, и Ж. де Люк уверял, будто погребение устраивается у ногаев так же, как у крымских татар,— в присутствии муллы, в деревянном гробу, в могиле с двумя камнями; девушкам в ноги и изголовье кладут яркие ленты или цветы; единственное заметное отличие — насыпали курган, «чтобы помешать зверям разрыть трупы» (Люк 1879, с. 482, 483, 487). Последнее действие объяснялось, наверное, не только заботой о сохранности могилы, но и давней кипчакской традицией, несомненным реликтом язычества.

Позднее сооружение курганов прекратилось, а ногайцы XIX–XX вв. стали хоронить по обычным мусульманским ритуалам (Гаджиева 1979, с. 128). Более консервативными оказались поминальные обряды на сороковой и сотый день и через год после смерти. Мусульманским там было лишь чтение отрывка из Корана. Практически весь остальной церемониал остался доисламским (Муканова, Кочекаев 1985, с. 63, 64). Во время поминок устраивались молебен, обильное угощение, раздача подарков и денег (НКС, д. 7, л. 37, 45, 45 об.). Некрополь знатных мангытов располагался в районе Сарайчука на Яике, но о каких-либо церемониях там источники не упоминают. Есть данные и о другом кладбище — «вь Юргече у астана», «где лежат их родители на астан»; может быть, это был могильник многочисленных выходцев из Ногайской Орды на территории Хивинского ханства (в Хорезме?) (НКС, 1639 г., д. 6, л. 1; д. 11, л. 26)[7].

В восточном Дешт-и Кипчаке сохранилось много отдельно стоящих в степи мавзолеев из обожженного кирпича или грубо обработанного

---

[7] В Казахстане, Средней Азии и Иране есть несколько пунктов с названием «Астана». Однако не думаю, что такой же пункт обязательно был «в Юргече», так как персидское слово *астана* (усыпальница святого) в различных тюркских языках использовалось в сходных нарицательных значениях — «мавзолей», «строение, возведенное над могилой» (см.: Будагов 1869, с. 40; Радлов 1893, с. 550). То есть речь в цитируемых документах могла идти о гробницах предков, без упоминания конкретного города или селения Астана.

камня. Датируются они XIV и последующими веками, т.е. периодом активной исламизации региона. Это семейные и одиночные усыпальницы кочевой аристократии на территории их кочевий (Егоров 1985, с. 124; Кастанье 1910). Г.И.Перетяткович считал заботу о монументальном увековечении предков особенностью именно ногаев (Перетяткович 1877, с. 138). Подобные памятники различного вида назывались *мазар* или *кешене*. Судя по дипломатической переписке, они устанавливались над могилами биев, мирз и иногда их приближенных. Возле них и устраивались поминальные тризны. В ногайские послания в Москву то и дело включалась просьба прислать деньги или материалы для постройки «кешеней» (Кобеко 1889, с. 269, 270; НКС, д. 4, л. 67, 308, 308 об.; д. 7, л. 37, 45, 45 об.; д. 8, л. 236 об., 237, 276). Но во время распада Ногайской Орды, в первой трети XVII в., таких запросов уже не стало из-за того, что основная масса ногаев отдалилась от своих старых родовых могильников в Западном Казахстане. Сооружение мавзолеев прекратилось.

Представляется, что аналогичный путь — расцвет и отмирание — был присущ и строительству мечетей. Археологические и фольклорные данные говорят о существовании многих мечетей в Ногайской Башкирии последней четверти XV в. (Фаизов Г. 1995, с. 37), что соответствовало и массовому строительству там кешене. Редкая информация позволяет предположить наличие мечетей и на основной территории Орды. В 1553 г. мирза Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед просил у царя строительные материалы для возводимого «Божиего дома мизгити», а в 1564 г. Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед поведал о своем желании получить сторублевое жалованье, чтобы «тем бы мне поставити в Сараичике мечит» (НКС, д. 4, л. 187; д. 7, л. 65).

Постепенно отходя с казахстанских пастбищ к западу, ногаи концентрировались у Астрахани и сосредоточивали в ней свою религиозную жизнь. Уже в 1586 г. существовала мечеть, в которую крымский царевич Мурад-Гирей ездил молиться, «а мечеть от города менши полуверсты» (КК, 1586 г., д. 1, л. 27). В 1620 г. затеял строительство новой мечети в самой Астрахани ногайский саид Сайф ад-Дин, о чем известил царя Михаила Федоровича — «чтобы, приходя, всякие люди про твое государево многолетнее здоровье Бога молили» (НКС, 1619 г., д. 2, л. 288).

Те ногаи, что рассеивались по южным степям Восточной Европы, отрывались от родственных элей и в целом утрачивали обычай возведения молитвенных зданий (как и в случае с кешене). Правда, известно, что хан Сахиб-Гирей в 1530-х годах повелел поставить несколько таковых в Буджаке, чтобы привлечь туда переселенцев из-за Волги (Риза 1832, с. 106). Но эта мера сопровождалась насильственной седентаризацией и находилась в русле крымской, а не ногайской культурно-религиозной и экономической политики. Ногайцы Крымского

юрта в XVIII в. в своих поселках имели каменные мечети с черепичными крышами и без минаретов (Тунманн 1991, с. 48). Позднее некоторые локальные группы кавказских ногайцев вообще не имели собственных стационарных мечетей. В XVIII в. у них еще сохранялись какие-то кочевые молельни (Скальковский 1843, с. 111), а в следующем столетии молились уже под открытым небом или, если стояли морозы, в своих жилищах (Павлов 1842, с. 23, 24)[8].

Информация о мусульманском духовенстве Ногайской Орды крайне фрагментарна. Старый торговый и административный центр Дешта Сарайчук в принципе имел потенциал для привлечения туда священнослужителей[9], но у ногаев обычно они обретались в кочевых улусах, при степных ставках биев и мирз. В ногайском героическом эпосе приводятся следующие ранги служителей культа: *ныфты* (*муфтий*), *шейх*, *кади*, *суфий*, *эфенди*, *мулла* (Сикалиев 1994, с. 82). Сказания отразили, разумеется, поздние реалии, а по документам, связанным с Ногайской Ордой, подобный перечень составляется по-иному.

В конце XV — первой трети XVII в. там существовали такие категории духовенства:

1) *саиды* — целая прослойка населения, восходящая происхождением к Пророку и удостоившаяся в ногайско-русской переписке такого комментария относительно своего статуса: «Божия посланника Магамметева корени» (НКС, 1622 г., д. 3, л. 25). В мусульманском мире они считались главными представителями религиозных идей; обладая правом безнаказанно говорить монарху правду и даже обличать его в неправедном поведении, они при этом не подлежали смертной казни (Кляшторный, Султанов 2000, с. 267). При дворе бия состояло, как правило, несколько саидов, один из которых считался старшим (при Иштереке таковыми являлись его тесть Ибрагим б. Калеват и затем Сайф ад-Дин б. Калеват); кроме того, был главный саид Сарайчука (Акты 1918, с. 101; НКС, 1604 г., д. 3, л. 58; 1615 г., д. 2, л. 7; 1617 г., д. 2, л. 21, 26; д. 3, л. 31; 1622 г., д. 3, л. 25; 1623 г., д. 1, л. 112);

2) *муллы* — служители культа. Какая-либо градация их не прослеживается, разве что известны муллы, служившие при бие (см., например: НКС, д. 7, л. 53; 1617 г., д. 2, л. 22). По-видимому, ногайские муллы состояли не при определенных мечетях (как полагалось бы по нормам веры), а при ставках знати;

3) *ходжи* — потомки четырех праведных халифов[10]. В документах они называются, как правило, вместе с саидами в качестве их

[8] Эвлия Челеби передает, что ногайцы Черкесии второй половины XVII в. использовали для *михраба* дупло огромного засохшего дерева, возле которого они собирались на молитву вместе с мусульманами-горцами (Эвлия Челеби 1979, с. 70).

[9] Еще Ибн Баттута в 1333 г. посетил в этом городе келью-завию некоего дервиша, «праведного старца из тюрок» (Ibn Batoutah 1874, p. 1, 2).

[10] Существование особой категории потомков первых халифов обнаруживает искусственность и надуманность генеалогической легенды, возводящей клан Эдиге к преем-

«братьев» (см., например: НКС, д. 8, л. 252; 1630 г., д. 3, л. 38). Ж. де Люк воспринимал ходжей у крымских ногаев первой четверти XVII в. как синоним мулл (Люк 1879, с. 485);

4) *садры* — это или отпрыски бухарской династии первосвященников, или держатели вакуфных («церковных») владений в Ногайской Орде; оба значения происходят из Мавераннахра. Собственно, садр в известных мне источниках встречается лишь однажды: «богомолец... Иштереков княжеи садыр Хадзи Джеилев» (НКС, 1617 г., д. 2, л. 40);

5) *шейхи* — богословы; также представлены в источниках единственным бесспорным упоминанием: сын шейха Малум-Ходжи женился на дочери бия Мусы (НКС, д. 8, л. 238);

6) *хафизы* — знатоки священных текстов и преданий; являлись, вероятно, категорией духовенства, наиболее приближенной к простонародью и к светской политике. Они участвовали в военных походах, вели делопроизводство в кочевых ставках и т.д.;

7) *суфии* — члены аскетического «ордена», распространившегося от Магриба до Кашгара. Единичные лапидарные упоминания о них (Посольские 1995, с. 30, 31, 131–133, 322) пока не позволяют комментировать их роль в Ногайской Орде[11].

Социальная значимость духовенства в Ногайской Орде определялась не только религиозной функцией, но и грамотностью этой части подданных. Впрочем, эпос приводит комичные ситуации, когда священнослужители оказываются на поверку неграмотными, не способными к чтению (см.: Сикалиев 1994, с. 82). Именно в руках мулл находилась дипломатическая переписка бийского двора, а сотрудники Посольского приказа видели в них своих коллег, оговаривая: «молла — по руски дияк» (НКС, 1616 г., д. 4, л. 15; 1617 г., д. 3, л. 31). К тому же иногда муллы, подобно саидам и хафизам, входили в состав посольств или даже возглавляли их (см., например: НКС, 1584 г., д. 1, л. 4).

Главной же дипломатической ролью духовенства были сопровождение своих патронов во время различных внешних миссий и выработка рекомендаций. Уже приводился пример из событий 1614 г., когда бий Иштерек согласился шертовать с обнаженной головой лишь после совещания со своим саидом Ибрагимом. За десять лет до того на церемонию примирения Иштерека и Джан-Арслана б. Уруса, организованную астраханскими властями, приехали «для тое всее правды» и четыре саида. Непосредственной обязанностью их было «перед их (Иштерека и Джан-Арслана. — *В.Т.*) шертью велеть по их (мусульман-

---

нику Пророка Абу Бекру. Ведь в таком случае все мангытские мирзы обрели бы статус ходжей. Но возможно, что под ходжами подразумевались и приверженцы среднеазиатского духовного ордена накшбанди.

[11] Д.М.Исхаков полагает, что среди ногаев были также дервиши (Исхаков 1997, с. 79). Но бесспорных свидетельств на этот счет мне в средневековых материалах не встретилось.

скому. — *В.Т.*) закону проговорить молитву». Но участие духовенства расценивалось шире: если договаривающиеся стороны впредь нарушат шерть, то «сеиты у них, по их бусурманскои вере, думам их будут свидетели». То же обещали воеводам и сами саиды. Церемония примирения свелась к тому, что «Иштерек князь и Янараслан сеитом велели по своеи по бусурманскои вере молитвы говорить, а сами в ту пору Иштерек князь и Янараслан стояли, зажав руки. И как сеиты по своему бусурманскому закону молитвы проговорили, и Иштерек князь и Янараслан, сшодчись, меж себя корошевались и обнялись, и поцеловалися» (Акты 1918, с. 100, 101; НКС, 1604 г., д. 3, л. 57–60).

Однажды встретилось сообщение о намерении саида Сайф ад-Дина «всяких нищих людеи поить и кормить» при основанной им в Астрахани мечети (НКС, 1619 г., д. 2, л. 288), т.е. на духовенство, видимо, возлагалась и функция благотворительности. Кроме того, грамотность теоретически позволяла ему вести какие-то записи преданий и исторических событий. Подобное известно из жизни башкир и татар (Кузеев 1974, с. 36), но не упоминается в источниках касательно ногаев[12].

Еще одна важная сторона деятельности ногайского духовенства — это такая форма политической активности, как шпионаж. Имеются сведения о нем лишь в пользу России. В 1581 г. мулле Джанкерди было послано царского жалованья 5 рублей с наказом послу «отдати таино» с заверением, что «государю служба его (муллы. — *В.Т.*) ведома, и он бы государю вперед служил по тому ж, как преж того служил, а государево жалованье к нему вперед будет без оскуденья» (НКС, д. 10, л. 54 об., 55).

В чем заключалась служба муллы, из данного наказа неясно, но полная ее картина предстает из переписки упоминавшегося выше садра Хаджи б. Джамиля с Посольским приказом в 1617 г.: «Как присылал турскои Ахмет салтан з грамотою к Иштереку и Божия пророка с Магаметевым писмом, с саблею и з знаменем, с своим жалованьем — со многим платьем, и Иштереку князю в те поры я тебе, великому государю, радел и Иштерека князя от турского Ахмет салтана, и от крымского Джанбек Гирея царя отвел; а навадил на то, чтоб ему быть под твоею царскою высокою рукою; и грамоты их, турского Ахмет салтана и крымского Джанбек Гирееву цареву, к тебе, великому государю, [я] послал. И ныне, государь, толко какая весть к нам ис Царягорода объявитца, и я так же тебе, великому государю, учну служить. И за то, государь, мое раденье и службу твое царское жалованье мне не дано ничево» — и далее просит денег. В другой грамоте садр

---

[12] Несомненно участие духовенства в выработке династической идеологии Ногайской Орды, в частности легенды о возведении рода Эдиге через святого проповедника Баба-Туклеса к халифу Абу Бекру. Об этой идеологии см.: Абилеев А., Абилеев Е. 1991, с. 10; Юдин 1992, с. 54; Vasary 1995, с. 740–746, и особенно DeWeese 1994, index: *Noghay*.

напоминает, что письмо султана он передал воеводам в Астрахань, и заверяет вновь: «А я государю и вперед хочю служити головою своею. И откуды будут к Иштереку князю послы и грамоты — от турскова Ахмет салтана или от крымскова, или от бухарскова — и про то про все я государю учну объявляти» (НКС, 1617 г., д. 2, л. 40, 41). Приближенность к бию, несомненно, превращала таких мусульманских иерархов в своеобразную московскую резидентуру.

Жалованье, просимое ими, являлось вознаграждением за информацию. Но вовсе не на денежных подачках из Москвы базировалось их благосостояние. Некоторая часть многочисленной духовной прослойки — в частности, семьи саидов (в конце 1610-х годов только в Астрахани их насчитывалось двенадцать — НКС, 1619 г., д. 2, л. 209) — обитала зачастую в кочевой среде, вела типичный для кочевников образ жизни и так же передвигалась по сезонным маршрутам. Сайф ад-Дин б. Калеват, главный саид Иштерека, писал, что «исстари... отцы наши и деды кочевали по Волге реке и по Еику. А после отцов своих и я... живучи на тех же отца своего юртех в кочевьях... Бога молю» (впрочем, около 1615 г. он перебрался на жительство в Астрахань) (НКС, 1619 г., д. 2, л. 209, 288–289). И не только Сайф ад-Дин, но на начало XVII в. «на поле... у них (т.е. в степи среди ногаев. — *В.Т.*), по их бусулманскому закону, по всякои правде, меж их те ж сеиты живут» (Акты 1918, с. 100; НКС, 1604 г., д. 3, л. 58).

При этом, насколько можно понять из слов Сайф ад-Дина, в Мангытском юрте у саидов сформировалось уже наследственное пользование кочевьями и владение «улусными людьми». Тот же саид упоминал находившиеся под его началом десять семей, «которые при отце моем и при деде отцу моему и деду [служи?]ли». В 1633 г. они перечислены подробнее в росписи населения астраханских юртов: дворовых людей 10 и захребетник (неимущий; может быть, слуга) 1; улусников — «прожиточных» 18, их «братьи» 3, детей 6, захребетник 1; «прожитком середних» 12, их «братьи» 2, детей 30, захребетник 1; «бедных людей» 40, их «братьи» 6, детей 5 (НКС, 1619 г., д. 2, л. 290; 1633 г., д. 1, л. 33).

О владениях других категорий духовенства почти ничего не известно, но, наверное, они тоже обладали каким-то имущественным достоянием, о чем можно судить по фактам угона лошадей из табунов, принадлежавших муллам (см., например: НКС, 1619 г., д. 2, л. 180, 180 об.). Изредка в документах проскальзывают упоминания о наследственной подчиненности главе Ногайской Орды четырех улусов — Сеит, Хоза, Базар, Сарайчук (НКС, 1627 г., д. 3, л. 15). Улусы Сеит и Хоза — это владения саидов и ходжей, возможно, какой-то аналог вакуфного земельного фонда. В 1585 г. казаки совершили набег на «Хозины улусы на богомолцовы — на Кара хозин и на Бабе хозин, и на Кара Асман хозин, и улусы погромили». Это случилось где-то

поблизости от Яика. Глава ходжей Кара-Осман-ходжа бежал, а его жена, сестра бия Уруса, попала в плен (НКС, 1585 г., д. б/№, л. 3; 1586 г., д. 5, л. 2).

Впрочем, профессиональные служители культа в Ногайской Орде едва ли были многочисленны и имели возможность и желание обзаводиться стадами. Ж. де Люк прямо указывал, что «мусульманские богословы не живут между ними, так как не могут привыкнуть к их образу жизни» (Люк 1879, с. 485).

У ногайцев XVIII–XIX вв. при оседании сохранялся заметный слой духовных лиц, которые пользовались узаконенными платежами с населения (см. очерк 3). Оставались и почитаемые саиды, с ними считали за честь породниться мирзы (Бентковский 1883, с. 80, 81; РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3076, л. 33 об., 34).

Литература и письменность. Кочевые ногаи обладали литературой, в основном в устной ипостаси. Именно им тюркские народы обязаны эпическим циклом о сорока богатырях. Формирование цикла началось, очевидно, еще в XIV в. (Сикалиев 1994, с. 60). Какие бы разночтения ни вносились в национальные версии дастанов, все-таки сюжетная канва последних закладывалась в Ногайской Орде. Своим широким распространением сказания о мангытских и прочих героях обязаны сезонным перемещениям огромных масс кочевников по Дешт-и Кипчаку (Мажитов, Султанова 1994, с. 352). При этом происходило не только внедрение ногайского фольклора к соседним народам, но и его обогащение от них.

Как и в любом степном обществе, хранителями устной истории выступали старики. К их авторитету и эрудиции не раз апеллировали участники ногайско-русской дипломатической переписки. Например, в 1538 г. Хаджи-Мухаммед б. Муса обращался к Ивану IV: «А вспросишь своих старых старцов: Нурадын мирзины пошлины не ведают ли с Астархани? И ныне бы ту пошлину мне дали» (Посольские 1995, с. 208). Адресант, конечно, знал, что на Руси прошлое отображалось в письменных документах; тем не менее мирза взывал к рассказам старцев как к привычному и более весомому для него источнику знаний. Подобный же подход использовался и царем Иваном Васильевичем, который тоже был в курсе особенностей хранения истории у ногаев. В 1578 г. в послании Беку б. Шейх-Мамаю он излагал обычный порядок и состав посольств к мангытским мирзам, ссылаясь на весомый для кочевника авторитет: «О том, старого обычея розведав и роспрося (у пожилых людей, как следует из контекста. — *В.Т.*), уведаете» (НКС, д. 8, л. 127 об.).

Время от времени из среды кочевников выходили талантливые стихотворцы. Как правило, они состояли при дворах биев и ханов. Современные исследователи порой причисляют Шез-Баяна Балашикулы, Кет-Бугу Найманлы, Сыбра Шопбаслы, Парыздака Шабан-улы,

Куба Кипчака, Кара-Баиса Канглы, Узын-Айдара Кунграта, Слу-Мамбета Ширина, Манки Мангыта и прочих то к ногаям, то к казахам. Однако поскольку их творчество отражало реалии XIV в., то ни один современный народ не может претендовать на этническую принадлежность перечисленных лиц к нему. Ногаев и казахов еще не существовало в то время; в Дешт-и Кипчаке жили их общие предки — кипчаки Улуса Джучи, и именно из их среды происходили эти поэты[13]. Разве что Шал-Кийиз Тиленши-улы, близкий ко двору беклербека Тимура б. Мансура, может быть предположительно отнесен к мангытам, хотя он жил не в Мангытском юрте, а в Большой Орде, Ногайская же Орда тогда еще не сформировалась; к тому же Шал-Кийиз воспринимал Мангытский юрт и его главу Ваккаса как враждебную силу.

Первым истинно ногайским поэтом можно, видимо, считать Асан-Кайгы, жившего в XVI в. (о поэтах см.: Сикалиев 1970, с. 135; Сикалиев 1994, с. 46–53, 186, 199; Хусаинов 1996, с. 59–65). Однако и в отношении него существует неопределенность, поскольку, по киргизским преданиям, поэт с таким именем подвизался при дворе древнего хана Азиз-Джанибека (Кыдырбаева 1980, с. 181), сопоставимого в том числе и с казахским Джанибеком б. Бараком XV в.

При всей важности устных форм письменная культура тоже присутствовала у ногаев, и отрицание этого современниками (см., например: Люк 1879, с. 487) было вызвано пренебрежением к ним или малой осведомленностью. Правители Орды и отдельные мирзы вели обширную переписку с окрестными монархами. В столбцах Ногайских и Крымских дел сохранились десятки оригиналов арабописьменных грамот. Нет ни малейшего следа употребления ногаями уйгурского или «уйгуро-найманского» (?) письма, если только утверждающий это А.И.-М.Сикалиев не счел ногайскими ярлыки золотоордынских ханов конца XIV — начала XV в. с несколькими типично кипчакскими лексемами (Сикалиев 1970, с. 133; Сикалиев 1994, с. 45; Радлов 1888, с. 39, 40). Столь же спорен тезис Е.П.Алексеевой об употреблении ногаями русского письма в переписке с Россией и арабского в переписке с восточными странами (Алексеева 1957, с. 110; История 1988, с. 491; Очерки 1967, с. 180, 181). Данный тезис встретил правомерное опровержение со стороны А.Х.Курмансеитовой (Курмансеитова 1990, с. 171) и расходится с материалами источников.

В наиболее важных случаях (например, персональных росписях денежного жалованья) ногаи просили московское правительство составлять документы «татарским письмом» для полного их понимания (см., например: НКС, 1617 г., д. 2, л. 21). Лишь в период полного,

[13] Наиболее взвешенным представляется подход Г.Б.Хусаинова, предлагающего считать творения перечисленных сказителей общим духовным наследием ногайцев, башкир, казахов, каракалпаков и др. (Хусаинов 1996, с. 52).

необратимого развала ногайской державы некоторые (не все!) челобитные на государево имя подавались мирзами через астраханскую канцелярию сразу в русскоязычном варианте; при этом стиль челобитных ясно показывает, что сочинялись они по просьбе мирз русскими писцами.

Б.-А.Б.Кочекаев справедливо отметил, что язык оригиналов арабописьменных грамот «весьма отдаленно напоминает язык ногайцев» (Кочекаев 1988, с. 22). В самом деле, эти бумаги составлены на среднеазиатском (чагатайском) тюрки́, который в XIV в. окончательно отделился от тюрки́ Урало-Поволжья (Халикова 1980, с. 54, 55). Причем ногайские писцы достигали в использовании «мусылман элиппе» — мусульманской азбуки (Курмансеитова 1990, с. 167) несомненных литературных высот, особенно в первой половине 1550-х годов, в эпоху расцвета своей кочевой империи. В настоящей работе уже неоднократно приводились выдержки из цветистых текстов от лица бия Юсуфа. Н.М.Карамзин отмечал такую же особенность для посланий Мамая б. Мусы в 1530-х годах (Карамзин 1989, кн. 2, с. 15).

С востока, прежде всего из Мавераннахра, пришла в Дешт-и Кипчак не только собственно письменность, но и литература. В золотоордынских слоях Сарайчука в XIX в. был найден кувшин с цитатой из поэмы «Кута́дгу билиг» Юсуфа Баласагуни XI в. (Самойлович 1912). Из несомненно литературного источника происходит и притча-предание о персидском «Нуширване-царе», рассказанная бием Иштереком астраханским воеводам в 1604 г. (см.: Акты 1918, с. 131; НКС, 1604 г., д. 3, л. 161, 162).

Интерес ногаев к мусульманской литературе ярко проявился в истории с книгой «Аджаиб ал-махлукат». В 1549 г. казанские беки направили к султану Сулейману I посольство с приглашением к себе на трон царевича Девлет-Гирея. Это посольство везло в дар книгу — «писана персунским языком, а имя еи ***Язяиб елмалукъкат***, а по руски ***Всего мира мудрость***, по их бусурманскои ереси». Русская застава, перехватив послов, изъяла у них «ерлыки» (письма) и книгу и доставила в Москву (РС, д. 591, л. 786 об., 787)[14]. В Сарайчуке об этом узнали, и в 1564 г. бий Дин-Ахмед обратился к Ивану IV: «Да есть у тебя в казне книга ***Азяибюл махлукат***, и яз о неи добре бью челом, чтобы еси тою книгою пожаловал однолично, не запамятовал». Однако царь не собирался выпускать из рук ценный трофей, одно из украшений своей знаменитой Либерии, и очередному послу «в Нагаи»

[14] Если верить сборнику XVII в., в котором описаны эти события, то они произошли в апреле 7087 (1577) г. Такая дата никак не сообразуется с названными в тексте именами и с дальнейшими известиями о книге. И.Ю.Крачковский резонно изменил датировку на 7057 (1549) г. (Крачковский 1957, с. 362). Послание казанцев дважды публиковалось частично (см.: Седельников 1934, с. 166, 167; Тихомиров 1962, с. 489, 490) и дважды полностью, с комментариями (см.: Зайцев 2000б; Трепавлов 1999а, с. 35, 36).

было велено известить Дин-Ахмеда, будто «государь наш тое книги в казнех своих искати велел, и доискати ее не могли» (НКС, д. 7, л. 40, 86 об.).

«Аджаиб ал-махлукат» (Чудеса творений) — название нескольких известных сочинений: во-первых, анонимного «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-масмуат» (Чудеса творений и диковины молвы), составленного для сельджукского султана Тогрула б. Арслана в последней четверти XII в.; во-вторых, «Аджаиб ал-махлукат» Ахмеда Туси (около 1180 г.) — первой космографии на персидском языке; в-третьих, «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат» (Чудеса творений и диковины сущего) знаменитого арабского географа XIII в. Закарии б. Мухаммеда ал-Казвини (Крачковский 1957, с. 323, 324, 360, 361; Стори 1972, с. 1117). Вслед за И.Ю.Крачковским (Крачковский 1957, с. 362, 363) полагаю, что изложенные выше перипетии связаны с последним трудом. Красочное, захватывающее описание Казвини стран и народов было очень любимо на Востоке, многократно переписывалось и переводилось на фарси; его сочинения пользовались популярностью в Средней Азии еще в 1920-х годах.

Ногаев тоже могли привлечь «Чудеса творений», раскрывающие место человека во Вселенной, его материальную связь с тремя царствами природы — минералами, растениями и животными и духовную связь — с небесами. Книга Казвини развивала традицию арабской литературы адаба, сочетающей нравственные поучения с популяризацией научных знаний (Гаибов 1991, с. 233).

Что же касается собственных книг у ногаев, то, за исключением неясных слухов о существовании в прошлом каких-то исторических сочинений (Корнис 1836, с. 4; Сикалиев 1994, с. 46), достоверных подтверждений этому нет. Впрочем, косвенным свидетельством изготовления книг в Ногайской Орде может служить, по резонному предположению И.В.Зайцева, ассортимент товаров, запрашиваемых биями из Москвы: краски, шафран, т ы с я ч и листов бумаги (Зайцев 2000а, с. 80).

Тем не менее культурная жизнь кочевой державы кажется довольно насыщенной. О ней можно догадываться из перечня предметов, регулярно поставлявшихся из России: писчая бумага, музыкальные инструменты «трубу да сурну, да накры» (т.е. барабан); однажды толмач в русской столице отнял у Иштерекова посла шахматы стоимостью в 10 алтын, о чем тот бил челом на обидчика (Акты 1914, с. 217; НКС, д. 4, л. 21, 142 об., 249, 260, 362; д. 6, л. 57 об.). Учитывая тесные духовные и интеллектуальные контакты ногаев с Мавераннахром, можно догадываться, что взаимодействие мусульманских культур оказалось гораздо более активным, чем связь с христианской Россией. Но данные на сей счет практически отсутствуют; косвенным подтверждением служат лишь откочевки мирз с элями в узбекские ханства да

религиозная ориентация на Бухару. Кроме того, в одной из грамот 1549 г. промелькнуло сообщение, что сын Юсуфова воспитателя-аталыка «в Крым ходил грамоте учитися» (Посольские 1995, с. 309).

Военное дело[15]**.** Ногаи интересовали соседей прежде всего как торговые партнеры и политическая сила, обладатели военной мощи, огромной кавалерии. Однако, как ни странно, данных о вооружении и организации ополчения у ногаев в чужеземных описаниях мы почти не найдем. И основная информация черпается опять же из случайных оговорок в грамотах да из героических сказаний. Специалист по военному искусству и вооружению кочевников М.В.Горелик определяет изучаемую нами эпоху как шестой этап развития евразийского кочевого военного дела, как «период распада единства военного дела кочевников, усиления влияния на них оседло-земледельческих центров, особенно в вооружении: Турции и России — на крымчаков (подразумеваются, конечно, крымские татары. — *В.Т.*) и ногайцев» (Горелик 1986, с. 23).

Едва ли будет преувеличением утверждение об эталонности, образцовости ногаев в качестве конных воинов, типично кочевых бойцов в глазах оседлых соседей. Дж.Флетчер слышал в Московском царстве второй половины XVI в., будто они «почитаются лучшими воинами из всех татар, но еще более других дики и свирепы» (Флетчер 1905, с. 83; см. также: Russia 1630, p. 345). Через полтора столетия аналогичное мнение высказывал российский фельдмаршал Б.К.Миних (Тунманн 1991, с. 47). «Распад единства военного дела» степного мира Евразии, отмеченный М.В.Гореликом, позволяет предположить наличие специфических, именно ногайских черт в этой отрасли культуры. Однако по доступным нам источникам такая специфика практически незаметна. Вместе с тем доминирование кипчакского этнического элемента в Ногайской Орде делало вероятным и сохранение мощной традиции боевого искусства Дешт-и Кипчака доногайского и домонгольского периодов.

Большие походы ногайской конницы вовсе не являлись хаотичным движением грабительских ватаг (так можно охарактеризовать лишь мелкие нападения кочевых удальцов на «украйны»)[16]. Крупной кампании предшествовала соответствующая подготовка. Снаряжая ополчение против России в сентябре 1553 г., бий Юсуф выяснял у плененного московского гонца С.Тулусупова, «мочно ли ему (бию. — *В.Т.*) Оку перелезчи, под Москвою прокормитца». Тулусупов, желая разубедить ногайского владыку, рассказал, что ничего не получится, потому что по осени «хлебы все свозят в городы, а сена пожгут» при подходе

---

[15] Приоритет в постановке этой проблемы принадлежит, очевидно, А.А.Ялбулганову (Ялбулганов 1998).

[16] Такая же градация военных предприятий — боевые походы и набеги (*беш-баш*) — наблюдалась у крымских татар XVI–XVIII вв. (Ищенко 1989, с. 140).

вражеских сил. Тогда Юсуф распорядился, чтобы воины «запасу с собою имали всякои человек по 3 овцы старых, да крупу (надо: *круту* — сухого сыра. — *В.Т.*) на всякую голову, как мочно человеку подняти» (НКС, д. 4, л. 190 об.).

Во время похода весь быт неприхотливых кочевников подчинялся военной цели. Даже ночуя в степи, ногаи втыкали в землю копья, к которым привязывали коней, а сами спали рядом, упираясь головой в эти копья, для того, пишет Ж. де Люк, «чтобы в случае нападения быстрее вспрыгнуть на коня» (Люк 1879, с. 486). Как правило, каждый участник похода имел при себе заводную лошадь (Эвлия Челеби 1979, с. 54). Если война случалась зимой, то ополченцы были обязаны привести к месту сбора по два-три верблюда (бедняки — по одному верблюду на двоих) — «тово для, что голод терпят и перед конми дорогу топчют» в снегу (НКС, д. 4, л. 190 об.).

Жители Ногайской Орды не имели навыков судовождения, и отсутствие у них кораблей не раз служило мирзам предлогом для отказа от участия в совместных с русскими предприятиях (см., например: НКС, д. 4, л. 37 об., 197 об.). Но со временем какие-то плавучие средства для переправ у них появились, и Эвлия Челеби, описывая форсирование буджакцами Днестра в 1657 г., свидетельствует, что те плыли «на судах, плотах, бурдюках, надутых воздухом, с молниеносной быстротой» (в бурдюки складывали оружие и снаряжение) (Эвлия Челеби 1961, с. 52). В целом же кочевники старались обходиться без кораблей, особенно при внезапных набегах; способы переправ описаны выше, в очерке об экономике.

Отряды состояли обычно из членов одного эля. Если же мирзы на съездах решали охранять границу силами всей Орды, то некоторые из них во главе своих элей назначались в охранное войско — *караул*, а в случае ожидания атаки противника образовывали еще и авангардное войско — *чардаул* (*яртаул*). «В сеи земле караул и чардаул, — писал о себе Айса б. Ураз-Али в 1553 г., повествуя о борьбе с казаками на Волге. — В сеи земле в день есмя в караулех, а ночи в чардаулех» (НКС, д. 4, л. 187 об.). Фраза в грамоте мирз Иштерековых астраханским воеводам 1645 г. «и мы хотели с ними (казыевцами. — *В.Т.*) быти в дружбе и для того от их стороны караулщиков не ставили» в арабописьменном оригинале содержит для русского «караулщиков» эквивалент *каравыл джардавыл*, т.е. те же караул и чардаул (НКС, 1644 г., д. 1, л. 267, 268).

Военные отряды делились на сотни (упоминаются сотники — см., например: НКС, 1644 г., д. 1, л. 308) и, вероятно, десятки во главе с десятниками; юртовские татары под Астраханью разбивались на пятерки-табуны (от монг. *табан* — «пять»).

Знаком участия в походе служило знамя. В 1632 г. русские военачальники, посланные на войну с поляками, рапортовали государю, что

мирзы «урядяся полком... пришли к нам... в передовои полк под знамя *с своими знамены*» (НКС, 1632 г., д. 1. л. 197). Их носили особые «знаменщики» (*байракчи*? *тугчи*?) (Акты 1915, с. 20). Судя по эпосу, ногайские стяги были белого и желтого цветов (Сикалиев 1994, с. 125). У крымских ногайцев XVIII в. на них изображался знак «первенствующей фамилии орды» (Фелицын 1886, с. 13), т.е., видимо, семейная тамга старшего мирзы. В виде особого расположения свое имперское знамя-санджак изредка присылали за Волгу османские султаны (НКС, 1617 г., д. 2, л. 40; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 218)[17].

Комплекс вооружения у ногаев не отличался оригинальностью по сравнению с прочими кочевниками средневековья. Путешественники фиксировали обычный набор оружия: «Носят (при себе) мечи, колчаны, нагайки... ездят на лошадях, прицепив к поясу колчан и меч»; вооружены мечами, копьями, луками и стрелами (Бэнистер, Дэкет 1937, с. 250; Эвлия Челеби 1979, с. 54). С.Ш.Гаджиева, отмечая, что этнографические сведения по данному поводу очень скудны и относятся к недавнему времени (конец XIX – начало XX в.), пишет, что в фольклоре фигурируют те же колчан, стрелы и большой кедровый лук (Гаджиева 1976, с. 162). Основным нашим источником и в этом случае являются лаконичные упоминания в грамотах и отписках.

Исчерпывающее обобщение эпического вооружения ногайских богатырей предпринял А.И.-М.Сикалиев. По его данным, батыры пользовались широкими луками (*кен ай*) и булатными стрелами (*булат ок*); стрелы содержались в колчанах (*калшан*, *кандавыр*, *корамсак*), луки — в специальных футлярах (*садак*). Для каждого вида стрел полагались свои луки (Сикалиев 1994, с. 123, 124). В Ногайских делах фигурируют такие категории последних, как крымский и ядринский («лук крымскои, писан золотом», «в саадаке лук ядриньскои и тритцать стрел», «лук ядринскои — кости буиволовы черны, кибить писана золотом») (НКС, 1616 г., д. 2, л. 4; 1628 г., д. 3, л. 68; 1641 г., д. 4, л. 121).

Интересным источником служат описи имущества, конфискованного в 1628 г. в московских теремах князей Василия Араслановича Урмаметева и Петра Канмурзича Урусова, обвиненных в намерении отъехать в Крым (подробнее см.: Трепавлов 1997в, с. 43, 53). Среди прочих предметов названы «палаш — огниво серебряно, а досталная оправа снята»; «саблишка людцкая»; «сабля оправная, полоса булатная»; 27 стрел — «перье орловое» (НКС, 1628 г., д. 3, л. 68, 75, 76).

Эпические клинки подразделяются на кривую саблю (*кайкы кылыш*), острый меч (*откир алдаспан*), острый нож (*откир пышак*), кинжал (*кынжал*) и *балдак* — какая-то разновидность холодного оружия; все

---

[17] Ногайские способы передвижения в походе и ведения боя почти не отражены в источниках. Думаю, они принципиально не отличались от тактики крымских татар (о ней см.: Ищенко 1989, с. 140–142).

они хранились в ножнах (*кын*). В эпосе фигурируют стальная пика (*болат сюнги*[18]), «копье, достающее облако» (*булытка еткен найза*), шест с крючком для стаскивания вражеского всадника с седла (*сапалдас*); на острия пик и копий надевались предохранительные колпачки (Сикалиев 1994, с. 123, 124). Практиковалось и другое оружие ближнего боя — чеканы, укрюки и «топорки» (НКС, 1634 г., д. 1, л. 2, 3). Сказания упоминают месяцевидный топор с золотой ручкой (*алтын саплы ай балта*) и булаву (*сойыл*) (Сикалиев 1994, с. 123, 124). По воспоминаниям ногайских стариков, в старину в большом ходу были тот же месяцевидный топор и еще кривой меч (Гаджиева 1976, с. 164).

Защитные доспехи легендарных батыров, по А.И.-М.Сикалиеву, следующие: шлемы (*тувылга*); разного рода кольчуги с металлическими рукавами (*темир кон*, *кюбе*, *аймавыт*, *берен*, *савыт*) и без рукавов (*енсиз*); наплечники (*куявке*); щиты (*калкан*); войлочные рубахи, надеваемые под кольчуги (*тегелей*, *тегелей кебенек*). Металлические доспехи изготовлялись из стали, реже из железа (Сикалиев 1994, с. 123, 124).

К этому перечню следует добавить панцири, которые, разумеется, были доступны только очень богатым мирзам. Среди конфискованного у Урмаметева и Урусова значились «пансырь черкаской да пансырь людцкои», «латишки попорчены», два шлема-шишака (НКС, 1628 г., д. 3, л. 68, 75). Бию Ураз-Мухаммеду принадлежал и передавался в его роду по наследству «пансырь, ***июбатом*** зовут», а его племянник Карагёз-Мамай б. Дин-Мухаммед использовал в качестве посула в переговорах с казыевцами «пансыл свои дорог, словет у них ***борле***» (НКС, 1628 г., д. 1, л. 90; 1630 г., д. 3, л. 7)[19]. Аристократы обладали и прочими воинскими атрибутами, отличавшими их от простонародья. Так, «щит булатнои» мирзы Ака б. Байтерека был «в ысподи товолга плетена с шолком, подложен бархатом черным» (НКС, 1641 г., д. 4, л. 121).

Из предметов повседневного кочевого обихода в военном деле использовались «шестиобхватный волосяной аркан» (*алты кулаш кыл аркан*), кожаные веревки для связывания ясыря и нагайка (*камши*) (Сикалиев 1994, с. 123; Тунманн 1991, с. 47; о нагайке см. также: Валиханов 1961б, с. 464).

Доспехи и оружие наравне с боевым конем считались у эпических богатырей самым дорогим достоянием, иногда получаемым по наследству от отца. Хорошее оружие ценилось высоко: за лук могли дать коня, за колчан с добротными стрелами — жеребенка. Почти никогда

---

[18] Термином *сунгу* С.Тунманн обозначил «очень длинный дротик» у крымских ногайцев (Тунманн 1991, с. 47).

[19] Что означают в данном контексте слова *июбат* и *борле*, достоверно выяснить не удалось.

бойцы не занимались изготовлением амуниции сами, предпочитая покупать ее у специалистов — в частности, у изготовителей луков (*яйши*) и стрел (*окши*) (Сикалиев 1994, с. 110, 124).

Огнестрельное оружие было мало знакомо ногаям. В XVI в. бии и мирзы неоднократно просили у османских султанов и московских царей пушек и пищалей вместе со стрельцами (НКС, д. 4, л. 197 об., 248, 248 об., 251 об., 253 об., 304, 305 об.; д. 5, л. 29 об., 30 об., 43, 91, 169, 169 об.; д. 6, л. 55 об., 56; Посольские 1995, с. 137, 239, 287; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 218). Едва ли можно лишь Русскому государству приписывать знакомство ногаев с «вогненным боем» (см., например: Фехнер 1956, с. 54). Еще до начала активной помощи Москвы Исмаилу под его началом находились «немногие пищалники» (НКС, д. 5, л. 20 об.), прибывшие, очевидно, из мусульманских стран. Среди таковых можно предполагать как Турцию, так и Мавераннахр или Иран. В Алтыульских улусах 1620-х годов были десятки человек, вооруженных пищалями (НКС, 1627 г., д. 1, л. 125; 1628 г., д. 1, л. 106), что можно объяснить активными связями Алтыулов с узбекскими ханствами. Но основная масса воинов принадлежала, конечно, к «людям лучного бою». Столь же незначительно было распространено огнестрельное оружие и у ногайцев в XVIII в. (Тунманн 1991, с. 47).

Ясно, что с подобным комплексом вооружения ногайская армия триумфально сражалась в степных баталиях, но бессильно останавливалась перед крепостными стенами. На это злорадно указал автор «Казанского летописца», описывая приход к Казани Сахиб-Гирея в сопровождении союзных ногайских войск в 1546 г.: «Токмо землю повоева и поплени, нимало не имущи у себя стенобитного наряду. Кто может таков град взяти единою стрелою, без пушек, аще не господь предаст?!» (История 1903, с. 50; Сказание 1959, с. 78). Ногаи, конечно, понимали это, и в 1551 г., в ответ на предложения Ивана IV участвовать в войнах с Астраханью, Исмаил откровенно отвечал: «Нам ее взяти немочно: пушек и пищалеи у нас нет, ни судов нет же» (НКС, д. 4, л. 37 об.).

Тем не менее, когда необходимость заставляла, степные стратеги находили выход. В 1554 г. «татаровя ногаи пришли к Астарахани все и повели гору поленну, и как ветр потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и город зажгли». Народ побежал из города «от дыму» (Разрядная 1975, с. 36). Так что какие-то способы осады практиковались в Дешт-и Кипчаке, но специальных осадных приспособлений, не говоря уже о большом количестве пушек, видимо, действительно не было. Определенные фортификационные ухищрения применялись и в чисто кочевых войнах, когда одна из сторон ввиду превосходящего противника окружала свои позиции «городком тележным» — замкнутым кольцом из составленных впритык кибиток

(так, например, поступили алтыульские мирзы в 1628 г., узнав о приближении к ним калмыцкой конницы) (НКС, 1628 г., д. 1, л. 153; см. также: Мининков 1998, с. 330).

При определенных недостатках и объективной ограниченности комплекса вооружения и доспехов ногаи в XV–XVI вв. на общемировом фоне развития военного дела выглядели в целом достойно. Их мобильная конница, состоявшая из непревзойденных лучников, копейщиков и сабельных бойцов, представляла собой грозную силу. С ней считались и пытались ее использовать все окрестные правители. Яркий пример — настойчивые уговоры ногаев русским правительством принять участие в войнах с поляками и немцами (см.: Трепавлов 1998б, с. 106, 112).

Сарайчук. Отсутствие в Ногайской Орде городов неоднократно отмечалось в средневековых документах (см., например: Какаш, Тектандер 1896, с. 19, 26; Олеарий 1906, с. 403; ПДПЛ, т. 2, с. 542). В самом деле, ее население — это «убежденные» кочевники. В очерке об экономике мы видели, что лишь чрезвычайные обстоятельства (обнищание) вынуждали их к оседлости. С номадной ментальностью были связаны и своеобразные обеты биев и мирз не посещать «каменные города». Однако отрицание городской жизни справедливо лишь для конца XVI в. А до той поры существование по крайней мере одного ногайского города несомненно.

Сарайчук располагался на правом берегу Яика, в 48 км к северу от современного города Атырау, в урочище, ограниченном с востока рекой Яик, с запада — ее протокой Сарачинкой. Ныне эта местность относится к Махамбетовскому району Атырауской области Казахстана; там находится село Сарайчик. Окрестности представляют собой характерный для Западного Казахстана ландшафт — засушливую пустынную степь[20].

До золотоордынских времен о городе нет упоминаний. Но по отдельным признакам можно судить, что какое-то поселение в этом месте существовало еще до монгольского нашествия. Рекогносцировочные работы археологической экспедиции в 1950 г. во главе с С.П.Толстовым выявили наличие домонгольского культурного слоя в городище[21]. Характер этого слоя, по заключению С.П.Толстова,

---

[20] Запад издавна представлял собой наименее урбанизированный регион республики. Там находятся всего три города с численностью населения более 100 тысяч человек в каждом (Актюбинск, Уральск и Атырау, бывший Гурьев), и все они расположены в пограничной с Россией полосе. Плотность населения здесь втрое меньше, чем в среднем по Казахстану (Масанов 1995б, с. 126).

[21] Московский археолог Л.Л.Галкин, также проводивший разведочные изыскания на Сарайчиковском городище, в личной беседе с автором отрицал наличие домонгольских слоев (см. также: Афанасьев и др. 1976, с. 514; Галкин Л. 1987, с. 566). Вообще же оценку мощности, этническую атрибуцию и периодизацию культурного слоя можно получить только после широкого исследования памятника. Закладывание шурфов не

существенно не отличается от хорезмских памятников XI в., отчего была выдвинута гипотеза об основании города в X–XI вв. хорезмскими колонистами на торговом пути в Нижнее Поволжье и об идентичности его с Саксином, известным по письменным источникам (Толстов 1953, с. 304). Ни подтвердить, ни опровергнуть это невозможно до широких раскопок.

Раннесредневековая история региона затронута в хронике «Джахан-наме» османского автора XVII в. Хаджи-Халифы (Кятиб Челеби). Он пишет, что у устья реки Яик (Джанку) есть город С.ван.дж (или С.ваи.х), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногаями, чьи «ханы» ныне живут там (DeWeese 1994, p. 197, 198). Д.Девиз полагает, что Сарайчук являлся доисламским культурным центром Дешт-и Кипчака (DeWeese 1994, p. 199). Исследователи, изучавшие историю кипчаков IX–XII вв., считали, что поселение на Яике служило центром правого крыла Дешта (центром левого был Сыгнак на Сырдарье) (История 1993, с. 76; Кумеков 1994, с. 34).

В то же время есть некоторые данные о принадлежности края к зоне расселения древнебашкирских племен. Эта зона достигала бассейнов рек Большого и Малого Узеней, Чаган, Чижинских разливов (Кузеев 1992, с. 256), т.е. широты Сарайчука. В 1866 г. А.Рябинин опубликовал недатированную грамоту Ивана IV башкирам на вотчинное владение яицкими кочевьями. По этому «межеванию», случившемуся якобы через три года после завоевания Казани (т.е. около 1555 г.), земли четырех башкирских родов очерчивались на юге «по Яику в урочище Сарайчук» (Рябинин 1866а, с. 4).

Но пока в историографии безраздельно господствует мнение об основании Сарайчука в золотоордынскую эпоху. Информация по этому поводу ничтожна, и время появления города фактически обосновывается домыслами: его относят ко второй половине XIII в. и приписывают то Бату (ссылаясь на Абу-л-Гази), то его братьям Берке или Шибану, то сыну Шибана, Бахадуру (Ахмедов 1965, с. 35; Ахмедов 1985, с. 196; Егоров 1985, с. 124; Левшин 1824, с. 185; Сафаргалиев 1938, с. 51, 52; Утемиш-Хаджи 1992, с. 154 (примеч. М.Х.Абусеитовой); Юматов 1961б, с. 249; Aboul-Ghazi 1871, p. 172, 173; DeWeese 1994, p. 199; Howorth 1965b, p. 360). Г.А.Федоров-Давыдов считает, что город был заложен на пустом месте, наподобие многих других городов Золотой Орды (Федоров-Давыдов 1973, с. 167). А.И.Левшин полагал, будто Абу-л-Гази подразумевал под Сарайчуком Сарай,

---

может дать полной картины. Например, в 1956 г. Г.И.Пацевич писал, что мощность слоя составляет более 3 м, а Н.Арзютов в 1937 г. определил ее только в 1 м (Пацевич 1956, с. 221; Арзютов 1949, с. 129); Л.Л.Галкин вывел величину наибольшей мощности в 3–4 м, причем верхний горизонт (1–1,5 м) образован развалинами сырцовых и кирпичных погребальных сооружений XV в., а нижний (2–2,5 м) является культурным слоем городища XIII–XIV вв. (Галкин Л. 1978, с. 282).

а торговый центр на Яике при Бату (который умер в 1255 г.) еще не существовал, поскольку о нем ни словом не обмолвились П.Карпини и Г.Рубрук, переправлявшиеся через Яик в середине XIII в. Этот же автор отчего-то (из-за схожести названий?) решил, что Сарайчук построен в подражание Сараю (Левшин 1824, с. 181–184).

Восточные источники впервые упоминают о Сарайчуке в начале правления Берке (вторая половина 1250-х годов). По Абу-л-Гази, он обратился там в ислам; а по Утемиш-Хаджи, Берке проезжал через город по пути из Ургенча на свою коронацию в волжский Сарай ал-Махруса (Утемиш-Хаджи 1992, с. 97; Aboul-Ghazi 1871, p. 172). В 1333 г. город посетил Ибн Баттута, описавший большой понтонный мост через реку и жилище почитаемого дервиша (Ibn Batoutah 1874, p. 1, 2). Пять лет спустя через эти места следовал в Хорезм очередной католический миссионер (Веселовский 1877, с. 79). В последнем тридцатилетии XIV в. Сарайчук переходил от Шибанидов к потомкам Орду-Ичена и Туга-Тимура и от них вновь к Шибанидам (см.: Ахмедов 1965, с. 34; Григорьев А. 1985, с. 171; Кляшторный, Султанов 1992, с. 196; Федоров-Давыдов 1973, с. 135, 154). Ибн Арабшах приводит его в перечне городов, разрушенных Тимуром во время одного из нашествий на Улус Джучи (Ибн Арабшах 1887, с. 59). Однако Йазди сообщает, что грозный гурган, опасаясь засад на крупных переправах (а сарайчуковская, без сомнения, считалась крупнейшей), форсировал Яик в его верховьях (Йазди 1972, с. 447), не тронув, таким образом, Сарайчук. Наверное, В.Л.Егоров прав, причисляя последний к немногим городам, не разоренным Тимуром (Егоров 1985, с. 124).

Вскоре после ухода чагатайских войск из Дешта Сарайчук оказался в центре Мангытского юрта Эдиге. Там чеканились монеты одной из Едигеевых марионеток, хана Дервиша (Сафаргалиев 1960, с. 192), в окрестностях города Эдиге потерпел и свое последнее поражение в 1419 г. (Ибн Арабшах 1887, с. 63). Один из его сыновей и преемников, Гази, унаследовал Сарайчук. Вместе со своим патроном, ханом Кучук-Мухаммедом, он даровал некоему кипчаку Айиас-беку пост даруги Сарайчука в награду за помощь в уничтожении кок-ордынского хана Барака (Кырыми 1924, с. 94; Schamiloglu 1986, p. 195) (подробнее см. главу 3). Однако, несмотря на подчиненность мангытам, единственный крупный город центрального Дешта продолжал формально считаться достоянием Джучидов левого крыла. В первых главах исследования я постарался показать, как казахские ханы-Джучиды стремились завладеть городом. В нем находились ставки Джанибека, Бурундука и Касима, а затем и усыпальницы первого и последнего из них. Сын Касима и внук Джанибека, хан Хакк-Назар, в 1550-х годах называл Сарайчук своим юртом, да и сами ногайские мирзы расценивали его как «Янибеков царев юрт» (КК, д. 15, л. 31; НКС, 1585 г., д. 1, л. 14).

Сарайчук золотоордынской эпохи современные авторы характеризуют по-разному: от третьего по величине после двух Сараев города Улуса Джучи до заштатной торговой фактории. Столь же различны трактовки его и применительно к ногайскому периоду. Историки обычно видят в Сарайчуке зимнюю ставку ногайского бия. Городская жизнь в ней единодушно признается примитивной, сводящейся к незначительной торговле, функционированию некоторых административных учреждений, тюрьмы и кладбища (см., например: Жирмунский 1974, с. 415; Маргулан 1950, с. 86; Перетяткович 1877, с. 137–139; Самарская 1993, с. 36; Сафаргалиев 1938, с. 51, 52; Сафаргалиев 1949а, с. 37). Некоторые считают Сарайчук XV–XVI вв. захудалым и полуразрушенным или вовсе лежащим в руинах (после Тимура?) (Сафаргалиев 1960, с. 231; Федоров-Давыдов 1973, с. 167). Но Абдулла Ризван, описывая в XVII в. Дешт-и Кипчак, ставил Сарайчук в один ряд с такими столицами, как Бахчисарай, Казань и Хаджи-Тархан (Zajączkowsky 1966, p. 28, 79).

По убеждению местного русского казачьего населения, городская жизнь в Сарайчуке в древности была связана исключительно с «ордой татарской». Легенды гласят, что здесь находилась золотоордынская столица, в которой жил, дескать, «набольший хан Америк» (Железнов 1888, с. 247, 256). Окрестные тюркские народы тоже сохранили память о проживании тут древних владык — легендарного хана Бурака (Берке? Барака?), по башкирскому шеджере, или «Муса-хана», обитавшего в «Малом Сарае», по шеджере татарскому (Ахметзянов М. 1991а, с. 84; Башкирские 1960, с. 80). Бий Исмаил воспринимал яицкое поселение как «отца моего юрт» (НКС, д. 6, л. 83, 215) (здесь «отец» может быть понято не как предок, а буквально, т.е. отец Исмаила, Муса). Ближайшие преемники Мусы были оттеснены с Яика казахами, и следующие сведения о принадлежности Сарайчука ногаям относятся к периоду сразу после «реконкисты». С.Герберштейн рассказывает о центральной области Ногайской Орды, включающей этот город и находящейся под управлением «Шидака» — Саид-Ахмеда б. Мусы (Герберштейн 1988, с. 179). Действительно, грамота этого бия от марта 1535 г. заканчивается так: «Писан в Счастливом Сарае» (Посольские 1995, с. 131).

Следовательно, верховные ногайские государи в самом деле базировались в Сарайчуке. Но относится ли это только к зимнему времени, неясно. Первое известие о зимовке там бия датируется маем 1551 г., когда русские гонцы по возвращении из Дешта доложили, что прошлой зимой «Юсуф князь зимовал за Яиком в Сараичике» (НКС, д. 4, л. 2). Если учесть, что город расположен в северной части арало-уральской территории кочевок (см. очерк 3), то получается, что он мог служить скорее бийским летовьем. А.И.Левшин слышал местные предания о ежегодном, трех-четырехмесячном летовании в Сарайчуке

«ханов кипчатских» в старину (Левшин 1824, с. 184). Возможно, двор бия пребывал в столице постоянно, а сам бий появлялся там по мере необходимости, независимо от режима кочевания.

В том же, 1551 г. съезд знати назначил двух сыновей бия «в Сараичик ратью стоять, а с ними... тысячь с десять» для обороны от свергнутого Саид-Ахмеда, обосновавшегося в Мавераннахре (НКС, д. 4, л. 38). Город располагался не на границе Орды, но играл очень важную роль, поэтому мирзы и постановили разместить в нем особый гарнизон. После второй Смуты он уже считался подвластным следующему бию, Исмаилу, который поставил «Сараичика... беречи» своего родича и близкого соратника Хайдара б. Хасана (Дженкинсон 1937, с. 173; НКС, д. 6, л. 83, 215). Сначала Исмаил проводил в столице только зиму, но в конце жизни обосновался там постоянно — стал «годовати», т.е. жить круглый год, для чего затеял строительство дворца («сарая») (НКС, д. 6, л. 57 об., 59, 89 об.)[22]. Последняя информация о зимовке бия в Сарайчуке датируется, видимо, 1580 г. Кстати, тогда же, в октябре, Урус не отпустил домой московское посольство и велел ему дожидаться весны на нижнем Яике (НКС, д. 9, л. 51 об.). К сожалению, никаких впечатлений о столице мангытов русские дипломаты в своем статейном списке не оставили.

Область города входила в своеобразный домен правителя Орды, являлась его юртом. В 1623 г. последний ногайский бий, Канай, пенял царю, что наделение его, Каная, бийским рангом по воле государя оказалось неполным («княжим чином сполна не пожаловал»), поскольку не сопровождалось передачей новому «князю» «людей четырех улусов» — это Сеит, Хоза, Базар, Сарайчук (НКС, 1623 г., д. 3, л. 15), хотя город к тому времени уже давно был разрушен. Относительно «улуса Сарачик» известно лишь, что в числе его обитателей был эль кенегес: в столбцах упоминается «Канаева княжева улуса Сарачик кенегежского родства Ураз Абыз» (НКС, 1627 г., д. 1, л. 437).

Как в любом городе золотоордынского и послеордынского времени, в Сарайчуке функционировали особые органы управления. О командующем гарнизоном уже упоминалось. Кроме того, имелся даруга — градоначальник, или скорее наместник всей округи[23]. В конце 1420-х годов таковым оказался кипчак Айиас-бек, при Исмаиле — зять бия Кара-ходжа (НКС, д. 5, л. 79, 84 об., 92, 97). Встретился в Ногайских делах и «на Сарачике болшои сеит Икисаат сеит» (НКС, 1617 г., д. 2, л. 26) — наверное, высший духовный чин столицы и Орды. Что касается внутренней застройки, то есть данные о намере-

---

[22] Именно просьбы Исмаила к Ивану IV о присылке строительных материалов для будущего «сарая» привели Г.А.Федорова-Давыдова к заключению, будто Сарайчук в ногайскую эпоху лежал в развалинах (Федоров-Давыдов 1973, с. 167).

[23] В золотоордынских городах даруги являлись ханскими наместниками с главной, вероятно, функцией — сбора податей (Федоров-Давыдов 1973, с. 92, 93; Федоров-Давыдов 1994, с. 17).

нии возвести там бийский дворец в 1562 г. (см. выше) и мечеть в 1564 г. (НКС, д. 7, л. 65). Была там и тюрьма, в которой в 1515 г. оказался Шейх-Мухаммед б. Муса, заточенный соперником Алчагиром (ПДК, т. 2, с. 144).

Расположение на старинном торговом пути неизбежно придавало ногайской столице роль важнейшего транзитного звена в международном обмене. Даже во время жестокой второй Смуты гости из Сарайчука приезжали в Астрахань и торговали там с купцами из Шемахи, Дербента и Ургенча (Книга 1850, с. 113)[24]. Купцы, ремесленники и хлебопашцы составляли постоянное население города — Сарайчуковского улуса (Маргулан 1950, с. 88; РГВИА, ф. 414, д. 414, л. 274 об.). Они являлись ясачными плательщиками бия (НКС, 1630 г., д. 3, л. 19), и в этом заключались их функция и предназначение в Ногайской Орде. В ополчение их, по всей видимости, не привлекали, оставляя заниматься хозяйством. Во всяком случае, в 1577 г. бий Дин-Ахмед уверял Ивана IV, что «сараичиковские люди — не воинские» (НКС, д. 8, л. 38). Военный потенциал горожан на практике оказывался действительно невысоким: в мае 1536 г., едва узнав о приближении вражеского войска астраханцев и мирз-Агишевичей, все жители Сарайчука кинулись в степь, не приняв боя (Посольские 1995, с. 146). Этот факт показателен и в другом отношении. Во-первых, подтверждается, что там существовало стационарное оседлое население, не уходившее на летовки вместе с биями; во-вторых, оно, очевидно, было довольно немногочисленным, раз стал возможен поголовный исход. Наличие в Сарайчуке постоянных обитателей подтверждается также назначением наместников-даруг и деятельностью городского мусульманского духовенства.

Каким образом формировался контингент оседлых жителей в единственном городе мангытской державы, никаких данных нет. Можно лишь догадываться, что какая-то часть горожан принадлежала к старожилам Сарайчука и заселяла его еще с золотоордынских времен; здесь могли осесть и какие-то разорившиеся кочевники. Из всех изученных мною источников только в одном башкирском шеджере утверждается, будто в город на Яике переселились жители разоренного Тимуром Булгара (Родословная 1997, с. 53)[25].

---

[24] Тем более странным и не заслуживающим доверия выглядит сообщение Э.Дженкинсона, будто в 1558 г. в Сарайчуке «не́ производится никакой торговли, так как здешний народ не употребляет денег» (Дженкинсон 1937, с. 173).

[25] Как обычно, в источниках подобного рода наслаиваются анахронизмы. Во время своих нашествий на Золотую Орду в конце XIV в. Тимур действительно разрушил много городов, но до Булгара все-таки не добрался. Тем не менее бывшая столица Волжской Булгарии примерно в тот же период и в первой трети XV в. неоднократно разорялась русскими войсками (см. об этом, например: Фахрутдинов 1987, с. 24, 25). Не исключено, что в результате в самом деле произошел исход булгарцев, как говорится в том же шеджере: одних — на Яик, других — «к киргизам», третьих — «в Новую Казань в устье Казань-реки» (Родословная 1997, с. 53).

Распри и конфликты между дештскими Юртами не раз задевали ногайскую столицу. Но роковыми для нее стали 1570-е годы. На протяжении этого десятилетия город несколько раз захватывали и разоряли казаки. Сокрушительному и окончательному разгрому он подвергся от них же в 1581 г. (см. главу 8). Хотя в литературе встречается также мнение, что свое значение столицы Сарайчук терял постепенно, угасая в ходе кризиса Ногайской Орды (Маргулан 1950, с. 86, 87).

Еще одной принципиально важной функцией Сарайчука было обслуживание династических некрополей. Известно об устройстве там ханских усыпальниц с золотоордынских времен. Правда, конкретных фактов не много. От Абу-л-Гази узнаем, что там были погребены ханы Тохта и Джанибек б. Узбек (Aboul-Ghazi 1871, p. 174) (если только не имелись в виду волжские Сараи). В начале XVI в. там поднялись изящные мавзолеи казахских государей Джанибека б. Барака и Касима (История 1993, с. 164). Скопление гробниц под названием Trestago или Trestargo между устьем Волги и Мангышлаком, с пояснением «Залив мертвых», или «Залив памятников», с изображением крепостной стены и двух башен, мечети и знамени с полумесяцем и джучидской тамгой, фиксируется на картах Ф. и Д. Пицигани 1367 г. и в каталанском атласе 1375 г. Кроме того, братья Пицигани нанесли условное обозначение мавзолея приблизительно в районе Ахтубы с подписью «Торкал, т.е. усыпальница императоров, которые умерли в окрестностях реки Сара» (Сарачинки?) (Брун 1872, с. 32, 33; Брун 1880, приложение; Егоров 1985, с. 117). На карте Фра Мауро 1459 г. правый берег реки Laicho (Яик) украшен изображением мавзолея, сопровождаемым словами Sepulchura Imperial (имперская усыпальница) (Багров 1912, *рис. 16*; *Варваровский, Евстигнеев 1998*, с. 175; *Чекалин 1890*, с. 249).

Историки давно отмечали выдающуюся сакральную роль Сарайчука для рода Джучидов как *курука* — средоточия их фамильных гробниц (см., например: Бартольд 1966, с. 395; Бартольд 1968а, с. 143; Кляшторный, Султанов 1992, с. 275, 276; Самойлович 1912, с. 47). Там восходили на престол Золотой Орды Джанибек, Бердибек и, может быть, Узбек. Да и само название местности — «Малый Дворец» — вызывает в памяти обычай возведения дворцеобразной постройки над могилой правителя. Так, Ибн Фадлан (X в.) писал о «подобии юрты», описывая огузов; П.Карпини и Г.Рубрук рассказывали о «палатке», «остроконечных домиках» сверху могилы у монголов и кипчаков XIII в. (Ибн Фадлан 1939, с. 161; Путешествия 1957, с. 33, 102; DeWeese 1994, p. 193–199). Следовательно, Сарайчук, с учетом его вероятного — еще домонгольского и доисламского — культового статуса, имел большую символическую значимость в государственности и культуре Улуса Джучи.

Не менее значимой оказалась традиционная священная погребальная местность и для ногаев, которые преклонялись перед ханскими мавзолеями (см.: Османов 1883, с. 47). Об использовании ее ими для захоронения представителей своей аристократии встречаются многочисленные упоминания: «...их (ногаев. — *В.Т.*) тут кладбища татарские»; «...на Яике... кладбища... наши»; «...на Яике у яицкова устья на Сараичике на кладбище, где родители наши кладутца» и т.п. (КК, д. 21, л. 670; НКС, 1630 г., д. 3, л. 37; ПДП, т. 1, с. 366). Известно, что некрополь подвергался разорению и осквернению казаками в 1570-х годах при взятиях ими Сарайчука. «Приходили государские люди в Сарачик и над отцом над моим над мертвым изругалися», — писал Дин-Ахмед-бий (НКС, д. 8, л. 4 об.). В источниках отразились факты и слухи о погребении там Эдиге, его сына Нур ад-Дина, Али и Юнуса — сыновей бия Юсуфа, Джан-Арслана б. Уруса и др. (Ибн Арабшах 1887, с. 63; Летописец 1895, с. 147; НКС, д. 4, л. 101; 1615 г., д. 1. л. 2; DeWeese 1994, p. 194, 447).

Ясно, что подобное ритуальное значение Сарайчука, как и его положение стольного города Орды, побуждало ногаев лелеять планы его возрождения после 1581 г. «Сарачик розорили люди ваши, и мы хотим делати, — делился замыслами с Иваном IV нурадин Динбай в 1581 г. — Наняли есмя мастеров и наимитов двесте человек. И ты б пожаловал, прислал денег, что дати (за работу. — *В.Т.*) мастером и наимитом» (НКС, д. 10, л. 134 об.). Насколько можно судить по Ногайским делам, царь не стал финансировать строительство города на Яике. А сами кочевники едва ли могли освоить это грандиозное предприятие.

Но как бы то ни было, формально сарайчуковская округа продолжала считаться административным и сакральным центром Мангытской империи, и там оставалось постоянное население — те самые «люди не воинские», что платили биям ясак. Около 1586 г. они вновь подверглись нападению казаков, которые «воевали на Еике... зараичиковские улусы, а побили... и в полон поимали многих людеи, а̑ убили... двух сеитов лутчих людеи» (НКС, 1585 г., д. 1, л. 3). Вообще саиды существовали там довольно долго; еще в 1617 г. упоминается сарайчиковский главный саид Ибрагим (НКС, 1617 г., д. 2, л. 26). Без подданных и без паствы его пребывание на Яике было бы бессмысленным. А в 1630 г. бий Канай вспоминал, что его предки «с Сараичика имывали доход ясак» и до сих пор-де «на Сарачике живут ясачные люди», которых он просил у царя «заворотить» в его, Каная, подчинение (НКС, 1630 г., д. 3, л. 19). Такая просьба была актуальной для главы Больших Ногаев, потому что к тому времени его власть над бывшим доменом оказалась полностью утраченной. В западноказахстанских степях происходило хаотичное передвижение кочевых общин,

вызванное миграцией калмыков и уходом ногаев, а места вокруг Сарайчука становились пастбищами то Алтыулов, то калмыцких тайшей. Причем приходы последних, случалось, сопровождались погромами местных оседлых тумаков (КД, 1636 г., д. 1, л. 8, 46; НКС, 1622 г., д. 1, л. 11, 12; 1630 г., д. 3, л. 37, 38; 1635 г., д 1, л. 9, 10). После этих набегов «агломерация» уже окончательно запустела. Предания яицких казаков рассказывают, будто ее жители переселились в Хиву (О развалинах, 1867, с. 4; Рычков 1896, с. 34, 59). Мне не встретились подтверждения этому в других источниках. Но интерес к Сарайчуку у хорезмского (хивинского) соседа и соперника — Бухары существовал несомненно.

В начале 1580-х годов отношения между бухарским ханом Абдуллой и Большими Ногаями складывались непросто. В главе 8 мы видели, что при мангытском дворе пытался найти пристанище Баба-султан, изгнанный Абдуллой из Мавераннахра. Хотя из-за интриг и коварства Бабы антибухарской коалиции с ногаями у него не сложилось, хан-победитель имел основания причислять последних к лагерю своих противников. В Бухаре, видимо, вынашивались планы большого похода на северо-запад. Уже в 1584 г. мирза Кучук б. Мухаммед известил Москву, что Абдулла хочет «Сараичик взяти и мусулманство прославити» (НКС, 1585 г., д. 1, л. 14). Угроза была серьезной: хан набирал силу, его владения после завоевания Хорезма выдвинулись в степь. В панике ногаи забрасывали царя Федора Ивановича просьбами прислать на Яик войско и поставить крепость для отражения узбекского нашествия. Наконец русское правительство вняло мольбам, и, очевидно, в первой половине 1590-х годов туда был прислан воевода. Стрельцы основали Казачий городок, зафиксированный в «Книге Большому Чертежу» (Макшеев 1880, с. 12–14). Внешне это выглядело как защита ногаев, их «сарайчиковских улусов» и тумаков, потому что «им от бухарского Абдулы царя теснота великая» (ПДП, т. 1, с. 366).

На самом же деле, как следует из памяти послам в Грузию 1596 г., укрепление заволжских подступов объяснялось вестями о намерениях бухарского хана «отвести от государя нашего нагаи заволжских» (Белокуров 1888, с. 279). И действительно, в последнем десятилетии XVI в. повелитель Бухары решил сменить политику по отношению к мангытским мирзам (мы видели, что он убеждал своего вассала-неудачника Кучума жить в мире с ними). Но одновременно он продолжал разрабатывать планы экспансии в Северный Прикаспий.

Эта трансформация неожиданно совпала с нарастанием антироссийских настроений среди Больших Ногаев. В 1598 г. тот самый бий Ураз-Мухаммед, что несколькими годами ранее заклинал царя Федора прислать на Яик рать, жаловался крымскому хану: «Жить... мне от мо-

сковского немочно: поставил... на Яике город и кладбища наши у нас отнял, и называет... нас себе холопи» (КК, д. 21, л. 670–670 об.). Москву удалось убедить в отсутствии опасности («они з бухарским управились»), и Казачий городок был снесен; русское войско ушло восвояси (ПДП, т. 1, с. 366). Явно наметился бухарско-ногайский союз. Он уже начал приобретать зримые формы: Абдулла пообещал отстроить Сарайчук.

Перспектива оказаться зажатыми между двумя врагами привела в смятение казахов. В январе 1595 г. посол казахского хана Таваккула б. Шигая втолковывал своему земляку, султану Ураз-Мухаммеду, жившему в Москве, чтобы тот довел до сведения русского правительства следующее: «А государь бы на бухарсково царя не оплашивался, а ногаем бы не верил. Бухарскои царь ныне юргенсково царя Азима со Юрта согнал, Юргенчь взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставить в Сараичике город. Как в Сараичике город поставит, толды будет [над] Астороханью промышляти» (думаю, последняя фраза была вставлена послом для стимулирования правительства к решительным мерам, но не отражала реальных намерений Бухары). Ураз-Мухаммед должен был убедить Федора Ивановича прислать казахам «огненного бою» (ККД, 1594 г., д. 1, л. 8–9).

Опасения казахов оказались напрасными. В Большой Ногайской Орде началась третья Смута, хан Абдулла вскоре умер. Но еще долго «призрак» Сарайчука присутствовал в русско-бухарских отношениях. В XVII в. ханы Бухары видели в новопостроенном Яицком городке (Гурьеве) потенциальную угрозу для себя со стороны России, хотя при этом оборот товаров между двумя государствами все увеличивался. И бывший Сарайчук виделся узбекским политикам как удобный пункт для сосредоточения торговли с русскими (Дариенко 1973, с. 190; Преображенский 1951, с. 276).

Место ногайской столицы и джучидско-мангытский некрополь продолжали почитаться у местных тюркских кочевников и в дальнейшем. Один из склепов молва нарекла «Ханской могилой» (О развалинах 1867, с. 5). Казахи (и башкиры?) съезжались на развалины для молитв и жертвоприношений, выбрав для поклонения мавзолей, который, по словам А.И.Левшина, считали «могилою какого-то угодника магометанского» (Левшин 1824, с. 189, 190). Но помимо этой гробницы развалины Сарайчука содержали и иные сооружения.

Их неоднократно описывали на протяжении последних двух столетий как составители общих исторических очерков западноказахстанского края и Башкирии (А.Б.Карпов, А.И.Левшин, П.И.Рычков и др.), так и местные любители старины, в особенности активисты Оренбургской ученой архивной комиссии [председатель Комиссии в начале

XX в. — А.В.Попов[26], заведующий Уральской войсковой чертежной — штабс-капитан А.Е. (в некоторых публикациях: А.А.) Алексеев, священник сарайчиковской Покровской церкви — Лоскутов и др.][27]. Почти все они ограничивались внешней характеристикой городища и сбором подъемного материала. Лишь А.Е.Алексеев в 1861 г. расчистил проходы и проник внутрь некоторых склепов. В 1937 г. в течение 15 дней вел раскопки Н.Арзютов, но к каким-либо определенным выводам о происхождении и хронологии городища не пришел (Арзютов 1949, с. 127, 128).

В 1950 г. там велись разведочные работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции во главе с С.П.Толстовым, а также раскопки небольшой Западно-Казахстанской археологической экспедиции во главе с А.Х.Маргуланом. Последней удалось открыть гончарную печь золотоордынского времени (Пацевич 1956; Пацевич 1957). Позднее на городище проводили изыскания Гурьевский отряд Средневолжской экспедиции (Афанасьев и др. 1976; Галкин Л. 1987) и астраханский археолог В.В.Плахов. С 1997 г. планомерные раскопки Сарайчука ведутся Западно-Казахстанской археологической экспедицией (руководитель З.С.Самашев) при участии исследователей из Астрахани и Москвы. В сентябре 1999 г. на городище был открыт историко-культурный комплекс, включающий мавзолей «Хан-Орда», археологический музей и мечеть (Джуманов 2000, с. 10).

Как уже указывалось, Сарайчук располагался в треугольнике, образуемом главным руслом Яика и его протокой Сарачинкой, которые давали ему естественную защиту соответственно с востока и запада. С юга и севера его защищали крепостные стены, со временем приобретшие вид земляного вала. У некоторых наблюдателей сложилось впечатление, будто фортификационные сооружения окольцовывали город полностью.

Краеведы оценивали протяженность каждой из стен в 1 версту (около 1070 м), а общую их (или вала) окружность — в 5 верст, 2 версты или 3 версты 250 сажен (соответственно около 5330, 2134, 3733 м). Последняя цифра принадлежит чертежнику Алексееву, который проводил замеры профессионально, и им можно доверять. По его данным, городище занимало в длину 1 версту 100 сажен (1280 м), в ширину — 1 версту 50 сажен (1173 м). Участники Западно-Казахстанской экспедиции А.Х.Маргулан и Г.И.Пацевич отметили, что оно тянется вдоль берега реки Урал приблизительно на полтора километра (Карпов А. 1911, с. 37; Маргулан 1950, с. 87; О развалинах 1867, с. 5; Пацевич 1956, с. 221; Протокол 1906а, с. 272).

---

[26] Оренбургская ученая архивная комиссия действовала в 1887–1919 гг. А.В.Попов возглавлял ее в 1903–1918 гг. (Хасанов 1998).

[27] Сводку сообщений и публикаций о развалинах Сарайчука в провинциальных российских изданиях XIX в. см.: Кастанье 1910, с. 95–97.

Остатки внешних укреплений сохранялись до 1850–1860-х годов. В 1824 г. А.И.Левшин еще мог видеть главный въезд в крепость, отмеченный двумя треугольными бастионами. В целом городище имело почти правильную прямоугольную форму, за исключением стороны, примыкающей к извилистой Сарачинке (Левшин 1824, с. 188; Маргулан 1950, с. 87; Протокол 1906а, с. 272, 273). Его территория была покрыта битым кирпичом, кусками мрамора, изразцов, слюды. В центральной части крепости, ближе к западу (к Сарачинке), находился холм-цитадель — вероятно, обычный для мусульманских городов «кремль»-*арк*. По подсчетам А.Е.Алексеева, неправильных очертаний цитадель имела длину 200 и ширину 100 сажен (соответственно 467 и 213 м). Она была опоясана внутренней стеной, видимо более высокой, чем городская. Старые казаки в начале XX в. помнили, что на южной стороне этого «кремля» некогда стояла башня из обожженного кирпича, от которой позднее не осталось и следа (Протокол 1906а, с. 272, 273). Руины прочих зданий представляли собой стены и фундаменты из того же материала; в некоторых сохранялись следы печей и обогревателей-канов (Арзютов 1949, с. 129; Карпов А. 1911, с. 37; Левшин 1824, с. 189; Маргулан 1950, с. 87; О развалинах 1867, с. 5; Протокол 1906а, с. 272).

И в «кремле», и на остальной территории города, и за его пределами располагались мусульманские кладбища и мавзолеи. Как отмечалось, они считались священными (*аулие*) у местных жителей, которые молились здесь об исцелении. А.Е.Алексеев, пробравшись в одну из гробниц, выяснил по тамошним надписям, что она возведена над захоронениями туркменских ходжей. Он заметил, что склепы сложены из камня, не встречающегося в окрестностях (О развалинах 1867, с. 3–6).

Ценными датирующими находками являются монеты. Все найденные до сегодняшнего дня в Сарайчуке относятся к золотоордынской эпохе.

Половодья, колебания русла Урала в XVII–XX вв. неумолимо разрушали остатки ногайской столицы. Не меньший ущерб нанесла хозяйственная деятельность казаков, которые начиная с XVIII в. принялись разбирать древние сооружения, используя большие, прочные старые кирпичи в собственных постройках[28]. В отдельных казацких домах полы выстилались именно этим материалом. Огромное количество кирпича было вывезено для строительства Гурьевской крепости (Катанов 1907, с. 249; Протокол 1906а, с. 273; Протокол 1906б, с. 56; Рычков 1949, с. 79).

[28] Славянские жители берегов нижнего Урала не испытывали никакого пиетета перед сарайчуковскими реликтами. А.Е.Алексеев писал, что название реки Сарачинки и села Сарайчик многие из них не связывали с древним городом, развалины которого они почему-то именовали «Можары» (О развалинах 1867, с. 3).

Лишь в 1907 г. председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А.В.Попов на ее заседании поставил вопрос о «необходимости принятия мер к охране развалин города Сарайчика от уничтожения». Комиссия постановила ходатайствовать об этом перед Императорской археологической комиссией (Оренбургская 1909, с. 27). Но никаких последствий это обращение, насколько мне известно, не возымело. Городище продолжало растаскиваться, разрушаться и обваливаться в воды Урала. Сегодня уцелела лишь незначительная его часть.

Существовали ли в Ногайской Орде другие города? Историки отвечают на этот вопрос однозначно отрицательно. Э.Кинан считает, что ногаи как стопроцентные кочевники городов не имели и не желали иметь (Keenan 1967, p. 552; см. также: Сафаргалиев 1949а, с. 37). Б.-А.Б.Кочекаев тоже полагает, будто на территории их державы не имелось «ни городов, ни крепостей, ни определенных административных центров, овладением которыми более счастливый соперник мог бы закрепить свои победы» (Кочекаев 1988, с. 91). «Кто боится, тот и строит башни!» — было сказано Иосафату Барбаро одним степным «татарином» (Барбаро 1971, с. 148).

Интересную идею выдвинул А.Н.Усманов: своих монументальных построек и крепостей ногаи не сооружали, но пользовались ранее существовавшими сооружениями (в частности, в Башкирии) (Усманов А. 1982, с. 66). Эта мысль представляется чрезвычайно продуктивной для разрешения противоречий в информации из различных источников. С одной стороны, в них звучат единодушные уверения в отсутствии ногайских городов, за исключением унаследованного от Золотой Орды Сарайчука; с другой — археологические, фольклорные и краеведческие материалы позволяют ставить вопрос об их существовании[29].

Аристократы в ногайском эпосе проживают, как правило, в крепостях и в укрепленных ставках (ордах), под охраной внутренней и внешней стражи (Сикалиев 1980, с. 10; Сикалиев 1994, с. 83). В дастанах упоминаются города — места, где действуют персонажи: Сарай, Маджар, Сарайшик, Кумлы-кала и Сырлы-кала. Первые два — известные золотоордынские поселения, исчезнувшие к XVI в.

Кумлы-кала сопоставима с Кумкентом (перевод одинаковый: Песчаная крепость), который якобы принадлежал эпическому отцу Эдиге, Кутлу-Кая, и, видимо, считался сердцевиной его наследственных владений. Нурадин б. Идегей говорит отцу в татарском варианте эпоса: «Посылает тебе привет... Город Кум-Кент и вся страна, Что тебе на-

[29] В известной мне литературе лишь А.Б.Булатов утверждает, что ногаи владели еще городами Орду-Базар и Корныш (Булатов 1974, с. 186). Очевидно, здесь недоразумение. *Орду-базар* — это караваны купцов, сопровождавшие ставку кочующего государя, или иногда обозначение самой этой ставки; *корныш* у ногаев — аудиенция, съезд, встреча.

всегда верна». Сам Кутлу-Кая обвинял в (окончательном?) разорении города хана Тохтамыша (Идегей 1990, с. 14, 121). По родословной князей Юсуповых, Кутлу-Кая «взял взятьем Кумкент и учинился в Кумкенте государем» (Юс., д. 1, л. 1). Очевидно, имеется в виду городище Кумкент, расположенное в окрестностях районного центра Чулаккурган Шимкентской области Казахстана. Стоявший на старом торговом пути, этот город функционировал на протяжении X–XIV вв. и захирел приблизительно в XV в. Местные казахи считали, будто Кумкент в прошлом был населен «калмаками» (см. о нем: Кастанье 1910, с. 185, 186; Колосовский 1901, с. 89–92; Маргулан 1950, с. 52, 54, 55)[30].

Сырлы-кала надежно не идентифицируется. Однако можно предположить, что имеется в виду городище Сырлы-Там в окрестностях современной Кзыл-Орды. Кроме развалин крепости в XIX в. там был мавзолей с надписью о постройке его в 1279 г. (Кастанье 1910, с. 214, 215). Поскольку степное население почитало старые мусульманские усыпальницы, а к «светским» руинам было равнодушно, то вполне вероятно, что со временем казахи заменили слово «кала» (крепость) на «там» (могила) — по уцелевшему мавзолею.

На собственно же ногайской территории, в частности на Яике, просматриваются следы существования каких-то населенных пунктов. Эвлия Челеби, описывая в 1666 г. свои впечатления о странствовании по этой реке, рассказывает, что Яик «проходит мимо сотен городов и многих тысяч крепостей и, наконец, впадает в Каспийское море под городом... ». (Название города опущено.) Но приводит он названия только двух из них — Салуб-керман и Суруна-керман, да еще «великий город» с каменным кремлем (наверняка Гурьев) (Эвлия Челеби 1979, с. 154, 155, 157). Ясно, что даже при обычном восточном преувеличении на порядок числа поселений турецким автором уральские казаки не могли успеть построить множество крепостей. Их поселки тогда были немногочисленны. Значит, турецкий путешественник должен был видеть безлюдные развалины. К таковым принадлежала сарайчукская «агломерация».

Археологически этот край изучен очень слабо. А.Е.Алексеев слышал от местных жителей об остатках поселений без крепостных валов в 20 верстах западнее Сарайчука, на реке Солянке, и о Темировом городище в 14 верстах южнее, у озера Карабау (О развалинах 1867, с. 6). На берегу Урала расположено и старинное укрепление Кырык-Арба

---

[30] Д.Девиз считает город из ногайской родословной тем Кумкентом, который существовал в XV–XVI вв. в Хорезме, в окрестностях города Вазира (DeWeese 1994, p. 390, 391). Однако Хорезм никогда не фигурировал в ранней истории мангытов. С.Ф.Фаизов предполагает, что эпический Кумкент — это развалины золотоордынского Укека (Фаизов С. 1999, с. 15, 16). Какие-либо основания для подобного отождествления в источниках мне не встречались.

(Сорок повозок), название которого указывает на основание его кочевниками (Маргулан 1950, с. 15). В тех же местах, у поселка Тендык в 10–12 км от Атырау, находится Тендыкское городище со следами медеплавильного производства. На средневековых картах к югу и западу от Сарайчука также нанесены изображения городов и мавзолеев (см.: Багров 1912, рис. 16, 23, с. 82, 86; Брун 1872, с. 33; Кушаев *1993, с. 134, 135; Рыбаков 1974, с. 25; Чекалин 1889, с. 20, 21; Чека*лин 1890, с. 248–250; DeWeese 1994, p. 197, 198), что может трактоваться как отголоски более раннего и более плотного, чем в XVI в., заселения яицких берегов[31].

Но без тщательного изучения и раскопок ответить на вопрос о времени и степени урбанизации региона невозможно. То же относится и к предполагаемым ногайским поселениям в Поволжье, Башкирии и Казахстане (см., например: Багров 1912, рис. 16, 23, 51, с. 81; Брун 1872, с. 32–34; Брун 1880, приложение; Витевский 1891, с. 439; Егоров 1985, с. 106, 108, 133, 134, карта; Игнатьев 1883, с. 333–339; История 1937, с. 123; Левшин 1832, ч. 1, с. 181, 182; Лоссиевский 1881; Мажитов, Султанова 1994, с. 321; Маргулан 1950, с. 91, 92; Миллер Г. 1937, с. 260, 261; Небольсин 1852, с. 56–58; Рычков 1896, с. 69; Рычков 1949, с. 79; Трепавлов 1997в, с. 9, 10), хотя казахи приписывали ногаям все старые постройки в степи (Валиханов 1961а, с. 388; Валиханов 1964, с. 36; Валиханов 1986, с. 256, 260; Левшин 1832, ч. 1, с. 203).

При всем том мы не можем отрицать очевидного факта: у жителей Ногайской Орды совершенно отсутствовали навыки градостроения. Сарайчук, как и почти все известные золотоордынские города, был построен в традициях среднеазиатской мусульманской архитектуры. Эти традиции были ногаями утрачены. Чужеземцы «наймиты», что строили для них дворцы и мавзолеи, были приверженцами строительных канонов Мавераннахра. Когда же мирзы намеревались строить города сами, то просили не каменщиков из Ургенча, а «топорников», «мастеров и лесу соснового хоромы ставити» из России, желая возводить не глинобитные крепостные стены, а частоколы, не мраморные дворцы, а бревенчатые терема (НКС, д. 5, л. 4; Посольские 1995, с. 227). Не дождавшись поставок, пытались городить укрепления по своему разумению — «плести... два плетеня, да межи того земля сыпать» (НКС, д. 5, л. 84 об.). Бий Исмаил откровенно признавался царю, что «наши люди нагаиские городового дела не знают» (НКС, д. 5, л. 48).

Ненамного усовершенствовались познания в «городовом деле» и в последующую эпоху. Ногайцы Северного Кавказа второй половины

---

[31] Казачья легенда гласит, будто первоначально Сарайчук стоял у самого моря (Иванин 1847, с. 271, 272).

XVII в. возводили деревянные укрепления, копали глубокие рвы, но внутри таких городищ было пустое пространство и лишь изредка ставилась мечеть. Население спасалось там от врагов и собиралось на время зимовья (Эвлия Челеби 1979, с. 53, 54). Строительная квалификация развивалась у позднейших ногайцев главным образом при обустройстве не городских, а сельских поселений, полуоседлых аулов.

Очерк 6

Отношения с Россией

Историографическая ситуация. За более чем двухсотлетний период своего существования российская историческая наука много раз обращалась к рассмотрению отношений Русского государства с Ногайской Ордой. Большинству суждений по этому поводу был свойствен налет *идеологической заданности*, а проще говоря — русоцентризм. Имеется в виду, во-первых, взгляд на эти отношения только с позиции русской стороны, во-вторых, рассмотрение ногаев лишь как субъекта внешней политики России, а не равноценного и самостоятельного партнера. При этом заволжские кочевники зачастую воспринимались как сила, враждебная России, и потому связи с ними сводились к категории «борьбы»[1].

Подобная трактовка событий сохраняется и в новейшей литературе. «Большие Ногаи в Заволжье, — пишет В.А.Осипов, — оставались для России пережитком золотоордынского наследия, с которым приходилось бороться дипломатическими и другими средствами в течение длительного времени» (Очерки 1993, с. 29).

В 1920-х годах ненадолго появилась еще одна, противоположная точка зрения — о колониальной экспансии «торгового капитала Московского государства», который руками казаков «почти истребил ногайцев, замыкавших путь по Дону, Волге и Яику», уничтожил туземное степное население: «Методы колониальной политики Москвы ничем не отличались от методов западноевропейских государств в Америке и Африке» (Янчевский 1930, с. 3, 11–14).

Существует также мнение о ногаях как орудии московской дипломатии, ее подспорье в политических комбинациях с Крымом, поволжскими Юртами, османами (см., например: Смирнов Н. 1958, с. 14; Усманов А. 1982, с. 117). При этом подчеркивается усиление ногайского фактора в летние месяцы, когда Орда размещалась на летовьях

---

[1] Характерна итоговая оценка К.В.Базилевичем монографии А.А.Новосельского 1948 г.: «Вполне доказан основной тезис автора, что *во враждебной России политике* Крымского ханства и Ногайской Орды направляющей силой являлась феодальная знать» (Базилевич 1950, с. 133).

в Поволжье (Шмидт 1954, с. 212)[2]. Ш.Лемерсье-Келькеже уверена, будто «без помощи или хотя бы нейтралитета ногаев не были бы возможны ни завоевание Астраханского ханства в 1556 г., ни покорение Сибири в 1580-х годах, ни русское продвижение к Кавказу» (North 1992, p. 22). Ногаи при любом из этих подходов предстают как пассивный материал для политического воздействия, для достижения дружелюбия, нейтралитета или, напротив, вытеснения их из занимаемых ими степей.

Оценки методов, при помощи которых Москва достигала этих целей, тоже неоднозначны и порой противоположны. «Используя внутренние противоречия среди ногайцев, русские всегда старались натравить мурз против бека (т.е. общеногайского бия. — *В.Т.*). Иногда давали мурзам оружие, пушки и даже войска, чтобы мурзы воевали против беков», — читаем у Г.Газиза (Газиз 1994, с. 93; то же см.: Kappeler 1992, p. 91). Е.П.Алексеева и И.М.Аджиев, напротив, считают, что «русское правительство в своих собственных интересах пыталось прекратить в ногайских Ордах внутренние феодальные междоусобицы и часто достигало успеха» (Народы 1957, с. 124).

Наконец, распространенным является мнение, будто ногаи завязывали контакты с Московским государством, руководствуясь единственно меркантильными интересами. Впервые его сформулировал, очевидно, М.М.Щербатов, заявив, что «вся верность и дружба сих народов к России основана была на одной корысти» (Щербатов 1903б, с. 782). Действительно, поминки и затем жалованье служили существенным компонентом ногайско-русских отношений, да и сами ногаи понимали, что «мурзам от... государеи подарки бывали, чтоб... мурзы на... государевы украины воиною не ходили» (НКС, 1632 г., д. 1, л. 142 — слова мирзы Али Уракова).

Но все же нельзя целиком свести эту страницу дипломатической истории к «корысти» и выпрашиванию поминков. Ведь Россия являлась для кочевников не только источником подачек, но прежде всего рынком. Соседство огромного русского рынка определяло и политическую ориентированность значительной части мангытских аристократов на Россию (см., например: Златкин 1983, с. 83, 84; Кидырниязов 1991а, с. 113). Правда, Е.Н.Кушева и С.О.Шмидт увидели причину появления «промосковской» партии также и в «грубом физическом (?! — *В.Т.*) нажиме турецко-крымских агентов в Ногайской Орде», приведшем к поискам противодействия ему в лице русского царя (Кушева 1950, с. 241; Кушева 1963, с. 186; Очерки 1955а, с. 366)[3].

---

[2] Как бы в развитие этого положения С.О.Шмидта Ю.Н.Смирнов замечает, что русские специально ежегодно выясняли расположение кочевых улусов и направляли самые богатые подарки тем мирзам, которым доставались летние пастбища вдоль Волги, вблизи русских границ (История 1987, с. 31).

[3] С.О.Шмидт проводил аналогию между ногайскими «русофилами» и крымскими беками-*амиятами* (букв. «приятелями»), т.е. наследственными представителями рос-

Работы некоторых исследователей отличаются попытками встроить ногайско-русские отношения в контекст более обширный, нежели политическая конъюнктура середины XVI — начала XVII в. Так, Р.Г.Буканова наметила интересные отличия между связями России с Ногайской Ордой и России с Крымом: непосредственное соприкосновение кочевий с русскими владениями; населенность юго-восточных окраин Московского царства неславянскими народами; более скромные, чем на крымском пограничье, масштабы строительства крепостей в Диком поле и заселения их военно-служилым людом (Буканова 1981, с. 12, 13). А.Беннигсен и Ж.Вайнштейн полагают, что у русских и ногаев имелось общее идеологическое наследие — доставшиеся от Золотой Орды чингисидские традиции (*адат-и чингизийе*), вследствие чего ногаи чувствовали себя ближе к русским, чем, допустим, к османам (Bennigsen, Veinstein 1980, p. 58).

Весьма любопытные наблюдения содержатся в работе А.Каппелера. Немецкий историк включает ногайско-русские контакты в общую историю контактов Руси и Степи и выделяет их как особый этап этой истории. По его мнению, сохранялись традиционные элементы отношений, сложившиеся еще во времена Киевской Руси: набеги и грабежи со стороны кочевников и противостояние им славян (но при этом привычный способ противостояния — укрепление границы — был дополнен использованием против ногаев касимовцев, донцов и волжских казаков); интенсивные дипломатические сношения и их большая роль в информировании славян о степном мире; оживленная торговля; участие степняков-наемников в войнах на стороне русских и переход кочевых аристократов на службу в Россию (Kappeler 1992, p. 90, 91, 100). Новым же, нетрадиционным явлением стало наступление Руси на Степь, на Поволжье, ее территориальная экспансия в XVI в. В целом ногайско-русские отношения, по заключению А.Каппелера, в XVI столетии прошли две главные фазы. Первая характеризуется тесными политическими и экономическими узами, принципиальным признанием кочевников равными партнерами, хотя и превосходящими русских в степях в военном отношении и не признающими оседлое государство равным себе. Вторая фаза, начинающаяся с завоевания Казани и Астрахани, характеризуется медленным, но систематическим продолжением собирания Москвой бывших золотоордынских

сийских интересов в Бахчисарае и организаторами российской политики Крымского юрта (Шмидт 1961а, с. 369). В самом деле, некоторое подобие амиятству у Больших Ногаев можно усмотреть во второй половине XVI в., когда в семье бия Исмаила из поколения в поколение передавался его завет дружить с Москвой. Но все-таки полной аналогии не было. Во-первых, бии и мирзы, случалось, изменяли пророссийской ориентации; во-вторых, главы «русофильских» партий (Исмаил, Дин-Ахмед, Ураз-Мухаммед, Дин-Мухаммед, Иштерек, Канай) при поддержке русских становились биями, и для правительства не было необходимости насаждать в Орде амиятскую агентуру, поскольку его сторонники оказывались во главе всей ногайской державы.

территорий и нарушением экономического, политического и военного равновесия в пользу России (Kappeler 1992, p. 100, 105).

Ногайские сакмы. Как бы мы ни подчеркивали дипломатические и торговые аспекты межгосударственного взаимодействия в Восточной Европе, военное соперничество тоже являлось, конечно, важной его частью. Ногайские отряды нередко вторгались на российские окраины, а в союзе с крымцами иногда прорывались и во внутренние области страны. Пути вторжений татар и ногаев на Русь сами русские называли тюркским словом *сакма*. Оно означает след на земле, оставшийся после прохождения конницы, а в широком смысле — маршрут похода кочевников. По наблюдениям В.П.Загоровского, пути вторжений степняков проходили главным образом по возвышенностям, сухим водоразделам рек; татары и ногаи стремились избегать переправ через реки и заболоченные места, обходили густые леса (Загоровский 1969, с. 52).

Ногайская дорога, или Ногайский шлях, начавшись на Переволоке (царицынской переправе через Волгу) восточнее Дона, шла через верховья его левого притока Битюга. На территории современных Тамбовской, Воронежской и Липецкой областей сакма тянулась по водоразделу между Матырой и Липовицей — притоками Воронежа и Цны, пересекала реку Воронеж на Торбеевском броде (у будущего города Козлова) и далее шла по степной полосе междуречий Польного Воронежа и Челновой, Воронежа и Цны, Польного и Лесного Воронежа. Этот путь считался постоянным и наиболее кратким маршрутом ногайских набегов. В России конца XVII в. считали, будто именно этой сакмой в свое время «и Батый на Русь войной шол». Далее к северу единый Ногайский шлях разветвлялся на несколько дорог, ведущих в места мордовские, рязанские, шацкие (Голомбиовский 1892, с. 49; Загоровский 1992, с. 159, 160; Мизис 1990, с. 18, 19; Новосельский 1948а, с. 79; Панова 1981, с. 8, 9; Платонов 1898, с. 90; Платонов 1937, с. 65, 66; Modern 1981, p. 42, 43).

Недалеко от впадения Воронежа в Дон, в урочище Казар, где опасно сближались Ногайская дорога и Кальмиусский шлях, в 1586 г. был поставлен город Воронеж. По государеву указу в 1623 г. в этих местах была образована 956-верстная засечная черта. В течение 1630–1650-х годов здесь появилась цепь крепостей: Козлов, Усмань, Коротояк, Острогожск. На пространстве между крепостями расположились десятки сторож. Вся система укреплений получила название Белгородской черты. До XVIII в. в речи населения Воронежского края бытовали выражения «Ногайская дорога», «Ногайская сторона» Дона (АМГ, т. 1, с. 60, 61; Голомбиовский 1892, с. 49, 50; Грамоты 1852, с. 168; Загоровский 1969; Кошелев 1958, с. 204; Очерки 1961, с. 44; Платонов 1898, с. 90).

На других направлениях ногайских вторжений были поставлены крепости Ряжск, Симбирск, Шацк и др. (Любавский 1996, с. 296, 304).

Для защиты юго-восточного рубежа правительство должно было постоянно держать здесь десятки (до 60) тысяч ратников (Каргалов 1974, с. 154; Тьеполо 1940, с. 340; Ченслер 1937, с. 59). Хотя оборона от ногаев требовала гораздо меньше сил, чем борьба с крымскими набегами[4], в течение второй половины XVI — XVII в. там возникла мощная система укреплений из рязанских городков-крепостей, Закамской оборонительной черты (в нее входил древесно-земляной Ногайский вал) и засек — Шацкой и трех Ряжских (Заинская 1994, с. 179; Платонов 1898, с. 83; Яковлев 1916, с. 23–25)[5].

Источники отмечают, что Ногайским шляхом пользовались по большей части Малые Ногаи, перед которыми не стояла проблема форсирования Волги. Заволжские же ногаи были отрезаны великой рекой от внутренних российских областей и для набегов использовали удобные «перевозы» через нее. Очутившись на правом берегу, они устремлялись на север по тому же Ногайскому шляху. Основными были переправы на Переволоке, у устьев Самары и Большого Иргиза, а также у Черного Яра, причем М.К.Любавский подметил, что самарской и иргизской переправами пользовались для перехода с Ногайской стороны на Крымскую, а переволокской — наоборот, с Крымской на Ногайскую (Любавский 1996, с. 270).

Начиная с середины XVI в. места «перевозов» постепенно стали оснащаться русскими заставами и крепостями. В 1557 г. был основан Лаишев на правом берегу Камы, около 1571 г. — Тетюшев на правом берегу Волги, ниже Казани, в 1586 г. — Самара, в 1589 г. — Царицын, в 1590 г. — Саратов. В литературе строительство их давно и справедливо расценивается как преграда на путях ногайских вторжений из-за Волги; приоритет в постановке и подробной разработке этого вопроса принадлежит Г.И.Перетятковичу (Перетяткович 1877, с. 240, 241, 284, 313–319, 328; см. также: Любавский 1996, с. 266; Новосельский 1948а, с. 34; Осипов 1976, с. 5; Очерки 1993, с. 5).

Установление русского контроля над переправами уменьшило интенсивность набегов, но не устранило их угрозу полностью. Во-первых, ногаи переправлялись на Крымскую сторону под видом мирных скотоводов при помощи русских перевозчиков, а затем вместо выпаса овец и лошадей отправлялись грабить «украйны» (см., например: НКС, д. 9, л. 196, 196 об.). Во-вторых, с 1570-х годов Большие и тем более Малые Ногаи все чаще объединялись в антироссийских военных акциях с крымцами и все чаще двигались по крымским сакмам,

---

[4] В XVI в. для обороны от крымцев войска стояли на страже на трех южных шляхах — Муравском, Изюмском и Кальмиусском, в то время как на юго-востоке приходилось оборонять только один, Ногайский шлях (Яковлев 1916, с. 4).

[5] Подробные карты засек, сторожевых станиц и сторожей, а также «татарских шляхов», в том числе Ногайской дороги, конца XVI — XVII в. см. в картах, приложенных к работам *С.Л.Марголина и А.И.Яковлева (Марголин 1948; Яковлев 1916;* см. также: Каргалов 1974, с. 173).

особенно по Кальмиусскому шляху, самому близкому к Ногайской дороге (Акты 1836б, с. 410; АМГ, т. 1, с. 57, 393; Наказ 1897, с. 151).

После перекочевки основной массы Больших Ногаев на западную сторону Волги в первой половине 1630-х годов набеги стали, как правило, совместными, и в отчетах южных воевод «крымские и нагайские люди» превращаются в двуединое понятие. К тому же с окончательным распадом Большой Ногайской Орды произошло смешение ее улусов с малоногайскими. Все они вместе с ногаями Крымского ханства (ближними соседями русских «украйн») и составили к середине XVII в. главную военную угрозу для воронежского, царицынского и прочих южных воеводств.

Посольские связи. Русские послы и гонцы[6] направлялись «в Нагаи», как правило, весной, чтобы застать биев и мирз на близких к России летних пастбищах. В зимнее же время было «послу ити истомно», «итти им в Нагаи невозможно» (НКС, д. 9, л. 102 об., 108; Посольские 1995, с. 316). Периодичность русских миссий зависела от характера текущих отношений с Ордой, но и в пору дружбы и союза к верховному бию снаряжалось обыкновенно не более одного посольства в год. Чаще послы ездили лишь в чрезвычайных случаях — при переговорах о коалициях или с просьбами о присылке конницы на подмогу царской армии. В 1578 г. бий Дин-Ахмед пенял Ивану IV, что тот присылает послов только раз в два года, на что получил ответ: «И мы к тебе, другу своему, послов посылаем по прежнему, как к отцу твоему к Исмаилю князю, — ежегод, а не в два году» (НКС, д. 8, л. 84 об.–85)[7].

Помимо непосредственного ведения переговоров государевыми посланцами они еще привозили в кочевые ставки грамоты, адресованные мангытской знати. Посольский приказ составлял их по-русски, но самые важные документы приказные переводчики иногда дублировали на тюркском. Это диктовалось нежелательностью разночтений и приветствовалось ногайской стороной. «А что нам ни пошлешь, — писал Исмаил Ивану Васильевичу в 1557 г., — и ты то все в своеи грамоте... вели описывать татарским писмом. Толко так не учинишь — что к нам ни посылаешь, то до меня не доходит» (НКС, д. 5,

[6] Гонец в XVI в. — дипломатический агент, по званию ниже посла и посланника, низший посольский чин, доверенное лицо, направленное к правительству другого государства, княжества с дипломатическим заданием, поручением (Сергеев Ф. 1971, с. 84).

[7] А.Каппелер считает, что посольские связи Москвы с ногаями оказывались столь же интенсивными, как с Крымом (дважды в год), и более активными, чем с западными соседями — Польшей, Литвой, Швецией (по одному посольству ежегодно) (Kappeler 1992, p. 92). Как правило, большое посольство к ногайскому бию было все же одно. Но если учесть, что зачастую к самым влиятельным мирзам одновременно отправлялись царские эмиссары, которые также обладали рангом послов, то в самом деле получится, что русско-ногайские дипломатические отношения были наиболее оживленными (по количеству посольств).

л. 31). Сами ногаи сочиняли свои послания по-тюркски. Русское же правительство не испытывало подобных трудностей, поскольку содержало в своей столице штат переводчиков и толмачей[8].

Очевидно, еще с золотоордынских времен сложился определенный порядок приема и размещения московских визитеров в степных Юртах[9]: «У них искони веку ведетца: которые приезжают от государя с Москвы послы, и те послы... ставливались... у имилдешев, у дворников», т.е. в шатрах, предоставленных придворными служителями бия или мирзы (Акты 1915, с. 11). Посольству выделялся «корм» и специальный человек для препровождения на аудиенцию. В Посольском приказе составлялся наказ, где оговаривалась реакция на возможные «бесчестные» для посла и соответственно для государя церемонии — не давать служителям ставки подарков сверх положенного (невзирая на вымогательства); не платить «посошную пошлину»: перед входом в шатер бия стражники иногда бросали посох («батог»), и за то, чтобы переступить через него, следовало заплатить. В соответствии с наказами русские отказывались давать деньги, и плату, случалось, отбирали силой.

Аудиенция (*корныш, корнюш*) в XVI в. происходила в главных ставках биев, «а они сиживали в шатрех» (НКС, 1586 г., д. 10, л. 25). Лишь Урус во время разрыва отношений с Россией в 1580-х годах решался вести себя с представителями православного монарха вызывающе и выслушивал грамоты, сидя верхом, «а преже того николи не бывало» (НКС, 1586 г., д. 10, л. 25). В подобных случаях послам полагалось вообще не приступать к переговорам. В XVII столетии протокол упростился в связи с ослаблением Большой Ногайской Орды и установлением вассалитета бия от царя. Глава ногаев мог разместить послов у себя лично как гостей, а царские грамоты выслушивал теперь стоя, обнажив голову.

В Москве приемом приезжих иноземцев ведали казначеи. Их привлечение к контактам со Степью было резонным, так как одним из основных вопросов отношений с ногаями и Бахчисараем были поминки, т.е. расходная статья казны. В ведомстве казначеев — кремлевском Казенном дворе — происходил и прием послов в случае отсутствия государя в городе (Белокуров 1906, с. 16; Рогожин 1994, с. 14). Для повседневного общения с прибывшими кочевниками, как и для

---

[8] На переводчиков возлагалось переложение на русский язык иноязычных документов, на толмачей — устный перевод в разговоре с иностранцами (Сергеев Ф. 1971, с. 118, 119).

[9] Дипломатический протокол в отношениях ногаев с Россией во многом совпадал с порядками русско-крымских отношений, о которых сохранилось гораздо больше материалов (об этих порядках см.: Хорошкевич 2001, с. 196–208; Croskey 1987, p. 117–120, 299, 300). Некоторые наблюдения над протоколом при приеме в Москве ногаев в конце XV — XVI в. см.: Юзефович 1988, с. 63, 67, 72–75, 82, 86, 90, 92, 93, 104, 117, 120, 121, 149.

обслуживания русских посольств, направляемых за Волгу, в XVI в. использовали, как правило, служилых татар. Этот выбор был естественным: татарское население занимало промежуточное положение в контактах России с мусульманским миром, бóльшая часть его была знакома с языками и обычаями восточных народов; татары имели с ними общее вероисповедание. Кроме того, татарский язык был традиционным в отношениях Руси с Востоком (Губайдуллин 1926, с. 51, 52; Миннуллин 1991, с. 151)[10].

Служилые татары не состояли в постоянном штате. Для исполнения дипломатических поручений они объединялись в «станицы» по 5–10 человек, и только тогда им выплачивалось казенное жалованье (Акты 1914, с. 378). Впрочем, и среди русских дипломатов намечалась специализация. П.А.Садиков заметил, что в середине — второй половине XVI в. семья Мальцовых, «можно сказать, специализировалась по части сношений с ногайскими татарами»: ее представители то и дело назначались послами и гонцами в заволжские улусы (Садиков 1947, с. 132, 133).

*При въезде в российские пределы ногайские послы и обычно со*провождавшие их торговцы двигались к Москве вместе с подьячими, высланными для встречи их из столицы, или со спутниками, выделенными владимирскими, нижегородскими, позднее казанскими воеводами. По пути им полагался «корм» от местного населения («по розчету бараны с сох» — НКС, д. 8, л. 216 об., 216), за исключением монастырских крестьян; расчет за продовольствие производился тут же.

По прибытии в Москву послов со свитой селили на особом Ногайском дворе, первое упоминание о котором фиксируется в 1535 г. (сводку упоминаний см.: Белокуров 1906, с. 79, 80). Точное местоположение его неизвестно. А.Маслов, ссылаясь на не названный им «один сравнительно недавно опубликованный документ», полагает, что «Ногайский луг располагался против Крутиц» (Маслов 1992, с. 38). Можно догадаться, что табуны, пригнанные на продажу, помещались неподалеку от резиденции послов. В 1541 г. ногаев поселили «за рекою Москвою на Нагайском дворе, а базару быти против двора их» (Патриаршая 1906, с. 438).

При этом Ногайский двор был не единственным местом, где останавливались приезжие из Степи. В 1552 г. девятерых гонцов по царскому указу разместили на этом дворе, а явившееся следом большое посольство из трехсот человек — под селом Паншином. Спустя три года 15 человек со 150 лошадьми от мирзы Касима б. Шейх-Мамая обосновались на Ногайском дворе, а прибывшее через две недели

---

[10] В XVII в., когда ногаи уже перестали восприниматься как равноправные дипломатические партнеры, для связей с ними привлекали русских воеводских порученцев или казаков.

посольство бия Исмаила (50 человек, 300 лошадей) — снова под Паншином. Когда Ногайский двор оказывался уже занят одной ногайской делегацией, других селили под Красным селом, или у Симонова монастыря, или на Астраханском дворе (Летописец 1965, с. 36; НКС, д. 4, л. 246 об.; 1586 г., д. 9, л. 1; Посольские 1995, с. 183, 244, 313). Изредка фигурируют и другие пункты, и все они, как и перечисленные выше, включая Ногайский двор, находились в Замоскворечье. Обилие топографических названий в посольских документах объясняется прежде всего огромными размерами ногайских посольств, а также многотысячным поголовьем их «продажных лошадей». Видимо, Ногайский двор не мог вместить такую массу народа, да еще с табунами[11].

Приезжие ногаи, выносливые и неприхотливые, никогда не высказывали претензий по поводу своего расселения в Москве, как и спокойно воспринимали они присутствие приставленных к ним русских соглядатаев. Но не упускали случая попрекнуть этим привередливых царских посланцев, принимая их у себя: «Наши послы у государя на Москве и по которым городам нибудь стоят не по своеи воле, а стоят, где государь велит, да еще... у них живут приставы и кораулщики» (Акты 1915, с. 24). Лишь однажды прозвучало недовольство недостаточностью содержания послов в русской столице — «по 2 денги на день», в то время как в Астрахани (тогда еще татарской) они получают-де «по волу на день корму, опричь конского корму» (Посольские 1995, с. 208).

Аудиенция у великого князя или царя назначалась через какое-то время после размещения послов. Ногайская сторона настаивала на уменьшении этого срока, потому что промедление наносило удар по престижу Орды, «и то нам от другов и от недругов наших недобро», пояснял бий Исмаил (НКС, д. 6, л. 204 об.–205). Русский монарх выслушивал от послов речи, которые обычно соответствовали содержанию вручавшихся тут же грамот, и в случае своего расположения к адресанту «карашевался»[12] с послами, т.е. совершал восточный приветственный обряд, сочетавший объятие и рукопожатие. При «отпуске» послов перед отбытием на родину для них устраивался прощальный прием с вручением ответных посланий[13]. Часто случалось, что от лица

---

[11] В 1570 г. Иван IV повелел поселить возвращенное им в Москву из ссылки шведское посольство на Ногайском дворе. Л.А.Юзефович полагает, что размещение шведов в такой сравнительно бедной и непрестижной резиденции свидетельствовало о сознательном унижении царем шведских дипломатов, насмешке над ними (Юзефович 1988, с. 74, 75).

[12] В.Д.Смирнов возвел глагол *карашеваться* к тюркскому *гёрюшмек* (видеться), Н.И.Веселовский — к *карышмак* (находиться напротив) (Смирнов В. 1887, с. 363; Веселовский 1889, с. 178).

[13] Описание приема ногайских послов в конце XV — начале XVI в. см.: Croskey 1987, p. 128.

своих патронов их представители заключали с царем шертные соглашения и затем везли с собой «клятвенные грамоты», чтобы бий и мирзы подтвердили шарт-наме перед русским посланцем.

Существенным элементом ногайско-русских отношений были поминки — выплаты и подарки кочевым правителям. «Ногайские и крымские послы привозили в Россию лишь аргамаков, — справедливо замечает Н.М.Рогожин. — Возвращались они с целыми обозами, в которых везли меха, шубы, сукно, оружие, моржовую кость, изделия ремесленников» (Рогожин 1994, с. 97). Однако сводить интересы ногаев только к выклянчиванию подарков (см., например: Соловьев 1989а, с. 466) было бы неправильно. Впервые русские поминки ногаям отмечены в грамоте Ивана III бию Ямгурчи в октябре 1504 г. (Посольская 1984, с. 52, 53). Вероятно, их можно расценивать как трансформацию дани, наследие связей Руси с Золотой Ордой (Рогожин 1994, с. 97), и функция их уже совершенно изменилась по сравнению с ордынскими временами: с помощью даров появлялась возможность склонять мирз на свою сторону, раскалывать антимосковские группировки, предотвращать грабительские набеги.

Особую статью представляли собой так называемые девятные поминки. В золотоордынскую эпоху вассальные владетели и их представители при ханском дворе делали подношения деньгами и ценностями в количествах, кратных девяти. Хотя в наказах московским послам строго-настрого предписывалось не раскошеливаться на них, все-таки иногда этого избежать не удавалось. С конца XVI в. упоминания о подобных выплатах исчезают со страниц документов (Рогожин 1994, с. 97), но еще в 1611 г. придворные напомнили своему бию Иштереку об исконном порядке, когда русские «давывали вдеветером» (Акты 1915, с. 11). Размер и ассортимент поминок часто становились предметом споров между русской и ногайской сторонами. В период дружественных контактов царь обычно удовлетворял запросы мангытской знати, высылая им требуемое. Однако жесткую реакцию всегда встречали жалобы на недостаточность даров или на их качество: «Да того николи не бывало, чтоб государю указывать, как ему, государю, к ним свое государево жалованье присылати!»; «...а мы дружбы и службы не выкупаем ни у кого!» (НКС, д. 8, л. 143 об.; 1618 г., д. 2, л. 68).

Столь же щепетильно следили из-за Волги за рангом царских посланцев. Ранг посла показывал оценку статуса мирзы в глазах Москвы и соответственно в глазах сородичей и в целом ногайской аристократии. На ревнивое отношение наверняка влиял и разный размер поминков, привозимых детьми боярскими и рядовыми гонцами. Как правило, в Ногайскую Орду направлялось по одному или по два боярских сына — к бию и к нурадину. В 1580-х годах для раскола антироссийского лагеря вокруг бия Уруса на восток снаряжали до восьми послов

такого ранга (НКС, д. 8, л. 127 об.; д. 10, л. 62 об.). С начала XVII в. столь высокопоставленных посланцев в раздробленные улусы Москва уже почти не направляла.

Периодические охлаждения в отношениях ногайской верхушки к России выражались в оскорблениях и ограблениях московских послов и гонцов в степях — иногда с ведома или даже по приказу бия. В этих случаях правительство прекращало посылать своих представителей в Орду, а если в Москве оказывались в это время ногайские визитеры, то им сокращали «корм», отказывали в аудиенции и отправляли восвояси без даров, с укоризненными грамотами. Могли и посадить под стражу, если русское посольство силой удерживалось «в Нагаях».

Ногайско-русские отношения до середины XVI в. Ногаи возводили историю этих отношений к эпохе предка их биев и мирз, Эдиге. «От началных днеи, от прадеда нашего Идигея князя и от твоего прадеда Василья князя дружба и братство... Как нам с вами ссылки почались быти, наши прадеды с твоими прадеды как в дружбе и в братстве учинилися, тому близко двою сот лет есть», — писал Ивану IV бий Юсуф в 1549 г., отсчитывая историю контактов чуть ли не с середины XIV в. (Посольские 1995, с. 306–308).

В этих словах можно было бы видеть, вслед за П.Г.Бутковым, реминисценции поездки великого князя московского в 1390 г. за Яик, после чего «мангиты входили в связь с государями российскими» (Бутков 1824, с. 6, 7)[14]. Можно было бы также, подобно А.И.Божедомову, усматривать начало «экономических и других связей русских земель с ногайцами» в посольстве Эдиге к великому князю тверскому Ивану Михайловичу в 1409 г. (Божедомов 1964, с. 169).

Однако рассмотрение истории ногаев в предыдущих главах нашей книги не позволяет столь удревнять события. Этнополитическая общность ногаев сформировалась не ранее второй половины XV в., при правнуке Едигея Мусе. Контакты мангытских аристократов с русскими владетелями до той поры не могут считаться ногайско-русскими отношениями. Лишь когда Муса и Ямгурчи направили послов в Москву осенью 1489 г., между двумя державами начался полноценный дипломатический диалог.

Заволжские кочевники впервые привлекли внимание русской стороны в 1481 г., когда ими был разгромлен и убит хан Большой Орды Ахмед б. Кучук-Мухаммед. Одоление Ахмеда, давнего противника Ивана III, пробудило у русских не только интерес, но и уважение к далеким степнякам. Правда, владения ногаев тогда не расценивались как могучий Юрт, равноценный и равносильный Крыму или Большой Орде.

---

[14] А.А.Горский справедливо полагает, что летописные сведения о поездке за Яик вероятнее относятся к нижегородскому князю Василию Дмитриевичу — полному тезке тогдашнего московского государя (Горский 2000, с. 116, 117).

Это сказывалось и на уровне дипломатического протокола. Н.М.Карамзин подметил, что в то время великий князь общался с ногайскими послами «единственно через второстепенных сановников, казначеев и дьяков» (Карамзин 1989, кн. 2, с. 118–119). Формы корреспонденции также были более простыми и менее устоявшимися по сравнению с Крымскими делами (Croskey 1987, p. 59). Сами московиты в переговорах с Бахчисараем в 1515 г. указывали на незначительность ногайского направления их внешней политики: обмен посольствами, дескать, происходит только по поводу торговли, а «в Нагаи» ездят от государя лишь «люди молодые» (не вельможные) — и то не напрямую, а через Астраханское ханство; иногда дипломатическим путем разбираются «обидные дела», т.е. события, повлекшие убыток для купцов или бесчестье для послов (ПДК, т. 2, с. 209, 210, 222).

В действительности же, как мы могли убедиться в главе 3, поводы для контактов находились тогда и более существенные.

Во-первых, Россия вместе с Крымом составила коалицию против Ахмеда и затем его потомков, и приведенные выше объяснения от 1515 г., данные хану Мухаммед-Гирею I, были призваны успокоить его, убедить в слабом развитии русских связей с враждебной ему Ногайской Ордой. Это было тем более актуально, что король Сигизмунд I извещал хана о частых ссылках московитов с Заволжьем и об антикрымской подоплеке этих ссылок: «К тобе, брату нашому, послов своих з своими несправедливыми словы и з присягою частокрот [Иван Московский] посылает и мирится, а з другое стороны нагайцов на тебе, брата нашого, направляет» (Pułaski 1881, p. 432). Сигизмунд был прав: ногайско-русские контакты ширились. В ноябре 1501 г. посольство Мусы и Ямгурчи в Москве заключило первый договор (шарт-наме) с Россией о взаимопомощи (Посольская 1984, с. 52, 57, 64, 67).

Во-вторых, ногаи имели свои интересы в Казанском юрте, и в 1496 г. даже посадили там своего хана. Но более прочным на средней Волге было влияние русских — после установления их протектората над Казанью в 1487 г. Потерпев неудачу в попытках распространить свою гегемонию там в конце 1480-х — начале 1490-х годов, верховный бий мангытов Аббас и мирза Ямгурчи были вынуждены признать в Иване III главного патрона Казани (а бий Муса никогда и не подвергал это сомнению). Главные свои политические шаги в отношении ханства в начале XVI в. они согласовывали с великим князем.

В 1520–1530-х годах ногаи уже реально переместились на периферию внешнеполитических интересов правительства России. Раздираемые усобицами первой Смуты, затем династическими неурядицами, они были больше заняты своими проблемами и противостоянием с Крымом. Интенсивность посольских и торговых контактов их с Москвой резко снизилась. Разве что Урак б. Алчагир и Мамай б. Муса, кочевавшие вдоль Волги, изредка напоминали о себе. Для того периода известно

одно крупное посольство от бия — победителя в Смуте Саид-Ахмеда и семидесяти мирз с 50 тысячами лошадей на продажу в 1534 г. (Патриаршая 1906, с. 420). Неуправляемые, временно утратившие верховную власть, кочевники становились опасными, агрессивными соседями. 1530-е и 1540-е годы отмечены вторжениями ногаев в русские пределы. К этому их побуждал и антимосковский настрой тогдашних казанских ханов из династии Гиреев.

Особым вопросом, по которому приходилось общаться и сталкиваться ногаям и русским, оставался казанский. Чтобы не повторять изложенное в главе 5, напомню только, что бий Юсуф первое время принимал сторону хана Сафа-Гирея, мужа своей дочери Сююмбике. После смерти Сафа-Гирея она оказалась в России в качестве своего рода заложницы. Это существенно охладило воинственность ее отца. Младший брат бия, нурадин Исмаил, с конца 1540-х годов стал приверженцем ориентации на союз и сотрудничество с царем. Жесткая линия Исмаила не раз расстраивала военные приготовления бия и мирз против России. Именно Исмаилу Иван IV обязан тем, что во время его решающего похода на Казань в 1552 г. из-за Волги не двинулась громадная ногайская конница (одновременно с войском крымского Девлет-Гирея с юга). Завоевание Казани усилило политическую поляризацию мангытской знати. Промосковский лагерь Исмаила рос и креп, а в конце 1554 г. Юсуф был свергнут и убит. Приверженцы Исмаила провозгласили своего вождя бием Ногайской Орды.

Шерти бия Исмаила. В 1655 г., в связи с планами возрождения правящей «номенклатуры» Ногайской Орды (впоследствии отброшенными), в Посольском приказе было составлено описание обряда посажения биев. «Смаиль князь» в этом описании назван первым, кто правил «в Нагаех» в прошлом (СГГД, ч. 3, с. 465). Ясно, что имелось в виду не начало бийской власти в Орде, так как Исмаилу предшествовала плеяда ярких лидеров, его братьев и предков. Д.Ф.Кобеко рассудил, что в данном случае подразумевалось первое шертование русскому царю (Кобеко 1886, с. 13). Хотя шертные соглашения заключались и до Исмаила, именно с ним связывают зарождение практики шертования как присяги на верность Москве.

Важнейшей вехой в этом отношении в историографии считается шарт-наме 1557 г. Оно заключалось в очень сложной для бия политической обстановке в условиях его борьбы с Юсуфовичами и казыевцами. Стоял вопрос не только о власти, но и о жизни Исмаила — узурпатора-братоубийцы. При этом выбор союзника и патрона мог быть единственным. Личные кочевья Исмаила со времен его нурадинства располагались по левому берегу Волги, в непосредственном соседстве с бывшими татарскими Юртами Казани и Астрахани, завоеванными царем Иваном. Постоянная связь с русскими в пору противостояния с Юсуфом обернулась для Исмаила ловушкой. Ему пришлось

и в дальнейшем все теснее сближаться с Москвой, чтобы сохранить за собой «большое княженье».

Такие отношения едва ли можно считать результатом сознательного стремления бия к подчинению своей державы «неверным». А.А.Новосельский и А.Н.Усманов, очевидно, абсолютно правы, утверждая, что шертные обязательства Исмаила были вынужденными и не означали полного и бесповоротного перехода ногаев под влияние России; при первом же удобном случае Орда была готова восстановить полностью свое независимое существование (Новосельский 1948а, с. 14, 15; Усманов А. 1982, с. 126). Удачно охарактеризовали положение ногайского предводителя А.Беннигсен и Ш.Лемерсье-Келькеже: «Исмаил-мирза, основной союзник русских и в значительной степени созидатель московской победы (в Поволжье. — *В.Т.*), ***стал и одной из первых жертв ее***, не получив никаких материальных выгод и территориальных приращений из новых русских „царств“» (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 235).

Москва тоже была заинтересована в согласии с Исмаилом и, естественно, использовала его в своих интригах, вовсе не желая поступаться собственными интересами и не собираясь буквально следовать всем своим соглашениям с ним. Все-таки, думаю, претензии и обиды бия на нарушения Иваном IV уговоров о дележе власти над татарскими ханствами и территорий их (см. главу 7) не были продиктованы фантазией бия, но опирались на какие-то гарантии, данные царем.

Первая шерть была заключена Исмаилом еще в должности нурадина перед московским послом М.Бровцыным, который отъехал из столицы в январе 1554 г. Правитель правого крыла Орды по плану русского правительства должен был обеспечить поддержку своей конницей царского похода на Астрахань. Е.Н.Кушева и вслед за ней некоторые авторы считают миссию Бровцына неудачной, поскольку тот натолкнулся на отказ ногаев от участия в походе (Кушева 1950, с. 247, 248; Кушева 1963, с. 195, 196, 198). Действительно, Исмаил не пожелал заключать договор на условиях, продиктованных Бровцыным, но объяснялось это вовсе не страхом перед русской мощью после разгрома Казани, как думала Е.Н.Кушева. Ведь другим важным пунктом переговоров было выступление нурадина против бия Юсуфа; как раз этот пункт не встретил особых возражений, и Исмаил отказался идти на Астрахань именно из-за необходимости мобилизации своих улусов против бия. Настойчивость московского посла, убеждавшего Исмаила развязать династическую распрю в Орде, оказалась решающей.

Хотя шерть и не была заключена в полном, запланированном царем объеме, все-таки пророссийски настроенные мирзы начали действовать в унисон российской политике. Поэтому Б.-А.Б.Кочекаев прав, сомневаясь в корректности вывода о неудаче бровцынской миссии. Правда, в качестве контраргумента он приводит лишь указание

выписки 1732 г. о том, что посол «привел к присяге» ногаев (Кочекаев 1969а, с. 58).

Но имеется другой документ, более авторитетный, — «память» послу к польскому королю, составленная в сентябре 1554 г., где содержится утверждение о том, что «нагаи... ныне все ко государю нашему приложилися, и ***шерть дали на том, что им во всяких делах слушаться государя нашего***, на кого им велит ити, и им на того ходити без всякого ослушанья» (ПДПЛ, т. 2, с. 450). Здесь, конечно, содержались обычные преувеличения (далеко не все ногаи соглашались действовать заодно с царем), но факт заключения шарт-наме в данной «памяти» просматривается четко.

На первый взгляд М.Бровцын в самом деле не во многом преуспел. Нурадин обошелся с ним довольно грубо, и посол вернулся домой без какого-либо договора. Но «в Нагаях» он оставил служилых татар из своей свиты во главе с Девлет-Ходжой Хусейновым. Вот им-то в конце концов и удалось убедить мирзу согласиться на шерть. Хусейнов возвратился в Москву в ноябре 1554 г. вместе с ногайским посольством, привезя обещание Исмаила «куды их царь и великий князь ни пошлет, туды им всюду ходити, другу им царя и великого князя другом быти, а недругу недругом, и на всех недружей быти заодин» (Книга 1850, с. 77; Лебедевская 1965, с. 242; НКС, д. 4, л. 35; Патриаршая 1904, с. 262–263). Вероятно, спешно доставленная гонцами информация об успехе Хусейнова в Орде и послужила основой для хвастливых заявлений царя в сентябрьском наказе послу в Краков.

В марте 1555 г. Посольский приказ снарядил за Волгу И.Загрязского. Он должен был заключить шерть в новых обстоятельствах — с Исмаилом уже как главой ногайской державы. Обязательства по предыдущей шерти были выполнены: «шертные слова... исправилися, и то дело тогды вскоре учинилося» (НКС, д. 4, л. 268), т.е. Юсуф был свергнут, а в Астрахани посадили русско-ногайскую креатуру Дервиш-Али.

По новому шарт-наме, Исмаил вместе с новыми нурадином, Касимом б. Шейх-Мамаем, и кековатом Арсланом б. Хаджи-Мухаммедом должен был подтвердить союз с Москвой, которая, со своей стороны, обязалась «казнить» мирз — противников Исмаила и не чинить препон ногайским купцам в Казани. Кроме того, бию с мирзами надлежало дать обещание «не приставати» к крымцам (НКС, д. 4, л. 272 об.–273 об.). Из-за очередного набега Юсуфовичей переговоры не состоялись, отчего поездку Загрязского можно считать безуспешной (Кушева 1950, с. 248; Кушева 1963, с. 198; НКС, д. 4, л. 312).

Посланный тогда же персонально к кековату Арслану Девлет-Ходжа Хусейнов успел-таки взять с того шертную запись на перечисленных условиях, но «не сполна, скорым же делом» (НКС, д. 4, л. 312). В феврале 1556 г. была сделана еще одна попытка заключения дого-

вора, предпринятая послом А.Тишковым, — и опять безрезультатно из-за Смуты (НКС, д. 4, л. 319, 320). Поэтому ровно через год за Волгу стал собираться П.Совин.

Ему предписывалось обеспечить совместное шертование Исмаила и его главных оппонентов, Юсуфовых сыновей Юнуса и Али. Если бий начнет упираться и говорить, будто уже шертовал перед Девлет-Ходжой Хусейновым два года назад, то надлежало объяснить, что та «шерть была учинена не перед сыном боярским» и оттого не имеет полной силы (НКС, д. 5, л. V). Правительство усмотрело шанс заключить союз с сильнейшими ногайскими иерархами, потому что знало об отсутствии антироссийских настроений в обеих противостоящих группировках ногайской знати: в начале 1557 г. к астраханским воеводам приезжали порознь сыновья Исмаила, посланные им, и Юнус б. Юсуф, и все они «дали правду» о намерении «прямити во всем» царю (Книга 1850, с. 109; Лебедевская 1965, с. 255; Патриаршая 1904, с. 281). Требовалось убедить их всех согласиться на официальный, желательно совместный договор с Россией.

Совин добился полного дипломатического триумфа. В июле 1557 г. он вернулся в столицу с шертной грамотой, подписанной бием, его союзниками, а также Юсуфовичами. Прием в степных ставках ему был оказан такой, какого до тех пор «никакому послу московскому не бывало в Нагаех». Правда, привезенный им в Орду текст оказался настолько запутанным (или неграмотно переведенным на тюркй), что ногаи в нем ничего не поняли: «по тому списку в разум им не доидет». Исмаил и мирзы составили новый текст, который, впрочем, полностью удовлетворил русскую сторону (Книга 1850, с. 114; Лебедевская 1965, с. 257, 258; Летописец 1895, с. 77; НКС, д. 5, л. 25 об., 37; Патриаршая 1904, с. 285).

Сохранилось несколько переводов шерти 1557 г. Два из них проанализированы в специальной статье Д.Ф.Кобеко. На основании приведенного там года хиджры (964 / 3 ноября 1556 — 10 октября 1557 г.), упоминания Петра (т.е. Совина), перечня имен мирз в начале документа и политических событий того лета в Ногайской Орде он впервые датировал документ маем 1557 г. (Кобеко 1886, с. 12–14). Договор сводился к следующим пунктам: 1) быть в «любви» с Белым царем и воевать с его врагами; 2) не заводить дружественных отношений с Крымом; 3) запретить своим подданным воевать друг с другом и против России (НГ, д. 14, л. 1; НКС, д. 5, л. 26, 26 об.; РС, д. 591, л. 782 об.–783 об.).

Никакой зависимости от Московского царства из данного договора не проистекало. Однако позиции России оказывались явно усиленными: в отличие от шарт-наме 1554 г. Москва теперь не брала на себя никаких обязательств; свои обязательства перечисляли только ногаи, т.е. они начали расцениваться как младший партнер в отношениях

с Русским государством. Этот нюанс был, конечно, сознательно разработан Посольским приказом, и в феврале 1558 г. в очередном наказе послу в Польшу уже с полным основанием было повторено утверждение о полной лояльности кочевников (ПДПЛ, т. 2, с. 542, 543), впервые прозвучавшее в 1554 г. (см. выше). Но если тогда причина их покладистости заключалась в «астраханском деле» (посажение Дервиш-Али), то теперь — в безвыходности и полной зависимости от государя в условиях голода и мора.

Договор от мая 1557 г. утратил силу очень скоро. Уже в июне подписавшие его с ногайской стороны лица перессорились между собой; Юнус лишился поста нурадина. Вновь потребовалось перезаключение шерти. Теперь русские решили выжидать, чем завершится ногайская Смута. Исмаил окончательно утвердился на «большом княженье» в 1559 г., и уже в 1560 г. тот же П.Совин отправился на восток. В мае или июне 1560 г. он добился от старшего сына и наследника бия, нурадина Мухаммеда, обязательства не только не дружить с Крымом, но и сохранять верность Москве после возможной смерти престарелого Исмаила, а еще принципиального заявления: «А о котором ми своем деле царь и великии князь прикажет, и мне то дело делати в правду и без хитрости» (НГ, д. 16, л. 1; НКС, д. 5, л. 153 об., 154).

В самом деле, в главе 7 мы видели, что для какой-то «хитрости» по отношению к Ивану IV у правителей Ногайской Орды не находилось ни решимости, ни сил, поскольку Исмаил оказался в политической изоляции. Огромное число сородичей, не говоря уже о соседних мусульманских правителях, отвернулось от него. «И ныне, опричь тебя, у меня друга нет», — писал он Ивану Васильевичу в 1557 г. (НКС, д. 5, л. 46 об.). Как друга расценивал его и сам царь, подчеркивая в 1562 г., что «мы ныне по твоеи шерти боле верим тебе, другу своему, и всякие твои дела положили есмя на свою душу» (НКС, д. 6, л. 33 об.). О дружбе бия и царя доносили и европейские наблюдатели того времени (Дженкинсон 1937, с. 171, 173). «Правда во всем» Исмаила в отношениях с Россией проявлялась в полном прекращении ногайских набегов на «украйны», что в условиях Ливонской войны оказалось наиболее ценным для Москвы.

Но все это не означало слепой покорности бия. Начавшиеся в конце 1550-х годов налеты астраханских русских служилых людей на его улусы заставляли Исмаила угрожать разрывом шертных соглашений, если царь не уймет воевод (НКС, д. 5, л. 189, 189 об.). Впрочем, эти угрозы остались неосуществленными. Напротив, сотрудничество обрело новые, более тесные формы: ногайские войска стали присоединяться к русским в походах на Ливонию и Литву (см.: Трепавлов 1998б). На Руси стали селиться мирзы-эмигранты.

Большие Ногаи и Россия в последней трети XVI в. Большая Ногайская Орда претерпела огромные лишения и разорение в годы

второй Смуты и лишь к концу правления Исмаила стала оправляться от последствий конфликтов, эпидемий и великого голода. Дин-Ахмед б. Исмаил унаследовал ослабленную кочевую империю. По справедливому замечанию Э.Л.Дубмана и Ю.Н.Смирнова, нового бия заботили, главным образом, восстановление хоть в какой-то степени ее могущества и избегание ссор с грозным западным соседом (Самарская 1993, с. 37).

В России прекрасно представляли себе катастрофичность положения заволжских ногаев и не собирались упускать возможность усилить влияние на них. Из России в степь везли хлеб и ткани, помогая ее обитателям выжить в голодные времена. Тем более что теперь, когда степи к востоку от Яика попали в руки казахов и полуавтономных Шихмамаевичей, стратегическую важность для Больших Ногаев получило Волго-Яицкое междуречье, а тот, кто владел Волгой, становился гегемоном для них.

Волга принадлежала Московскому царству, и Иван IV имел все основания хвастаться, будто ему достаточно одной тысячи стрельцов для победы над кочевниками. По данному поводу русскому послу в Стамбуле предписывалось откровенно заявить султану (наказ от марта 1571 г.): «А как Тинехмату князю и иным нагаиским мирзам от государя нашего отступити? Государь наш... жалует их своим жалованьем, кормит и одевает их, и от недругов их ото всех обороняет. А толко от государя нашего отстати им, и Нагаискои Орде всеи быти от государя нашего разаренои потому: толко государь наш пошлет хоти одну тысячу стрелцов с пищалми, а велит, их (ногаев. — *В.Т.*) отбив от Волги, вперед по Волге не кочевати, и нагаиские люди все в один час перемрут» (ТД, д. 2, л. 174–174 об.).

Сам царь Иван после смерти Дин-Ахмеда оценивал его правление в целом благосклонно («к нам... Тинехмат князь прямил и до своеи смерти не отступил» — НКС, д. 8. л. 190 об.), но помнил, что преемник Исмаила вовсе не стремился стать московской марионеткой и старался держаться более самостоятельно, нежели его покойный отец. «Были естя перед нами не во все годы прямы, — писал царь в 1578 г. Урусу б. Исмаилу. — А в ынои год людеи своих с нашим недругом на наши украины пошлете, а в ынои год с Казыем (Гази б. Ураком, главой Малых Ногаев. — *В.Т.*) и з братьев с его с азовскими людми на наши украины люди ваши придут. А в ынои год и вы прямо живете. А при отце вашем при Исмаиле князе во все годы ровна была правда его перед нами» (НКС, д. 8, л. 113).

Иван Васильевич имел основания для таких упреков. Дин-Ахмед начинал свое правление с заверений в дружелюбии. К этому, дескать, его обязывали, во-первых, отцовские заветы, во-вторых, «племянство» с царем — женитьба Ивана IV и бия на родных сестрах-черкешенках.

Однако вскоре наметилось явное изменение внешнеполитических ориентиров Больших Ногаев. В течение 1567 г. в Бахчисарай неоднократно прибывали посланцы их главы с предложениями антимосковского союза и планами совместных действий против России. Дин-Ахмед обосновывал это стремлением к сотрудничеству с мусульманскими государями, а не с христианским, а также откровенно объяснял меркантильные причины своей былой приверженности царю Ивану: «Дотолева есмя были наги и бесконны, и мы дружили царю и великому князю. А ныне... есмя конны и одены» (КК, д. 12, л. 343 об.; д. 13, л. 28 об., 57). Заволжская конница стала предпринимать набеги на русское пограничье и участвовала в нашествиях Девлет-Гирея на Москву в 1571 и 1572 гг.

В критической обстановке войны на три фронта (литовский, крымский, ногайский) Иван IV не собирался разворачивать долгую дипломатическую кампанию по умиротворению кочевников. При явном потворстве московского правительства волжские казаки начали настоящий террор против них.

Крымский хан тоже не склонен был считаться со своими новыми союзниками, которые интересовали его лишь во время походов. Каких-либо заметных трофеев и политических выгод от участия в крымско-русских конфликтах Дин-Ахмед не получил. Между ним и Девлет-Гиреем наступило охлаждение. Оставшись один на один с Иваном Грозным, бий вынужден был возобновить дружеские отношения с ним. «Вспамятовав отца своего Исмаилеву княжую с нами дружбу и правду, во всем том перед нами исправился» — так прокомментировал тот поворот Иван IV (НКС, д. 10, л. 21). Перед смертью больной бий, так же как и его отец в свое время, завещал сыновьям и — главное — младшему брату и наследнику, нурадину Урусу, быть неотступными от русского государя. Нурадин в присутствии мирз поклялся исполнить его волю (НКС, д. 8, л. 210 об., 211).

Заняв престол в 1578 г., Урус сначала воздерживался от набегов сам и пытался удерживать мирз, не поддаваясь на уговоры крымцев. В шертной записи, составленной в 1581 г., он обещал соблюдать мирные отношения, не причинять вреда русским послам и купцам. Впервые после Исмаила русская сторона вновь брала на себя обязательства — на этот раз касательно совместной с ногаями борьбы против «воровских казаков» (НГ, д. 18, л. 1, 2).

Однако на Руси уже не оставалось иллюзий насчет миролюбия степняков. Несмотря на все успокоительные заявления Уруса, в нем видели потенциального противника. В январе 1580 г. церковный собор в своем приговоре причислил ногаев вместе с турками, крымцами, шведами и прочими к врагам, которые, «как дикие звери, надмились гордостно и хотят истребить православие» (цит. по: Соловьев 1989б, с. 86, 87). Духовенство и бояре имели причины для столь рез-

ких оценок. Русский полоняник говорил московскому послу в Ногайской Орде летом 1580 г., что «хочет Урус князь выманити государеву казну с Москвы, что к нему государь посылает своего жалованья. А воевод бы астороханских опошлити (т.е. ввести в заблуждение. — *В.Т.*), что будто се он, Урус князь, государю прямит по старому» (НКС, д. 9, л. 157). Таким образом, лояльность бия получала объяснение как желание заполучить побольше от царя.

Для последнего, конечно, не было тайной подобное двуличие ногайского правителя. Главным же доводом в пользу неискренности Уруса стала его нараставшая год от года агрессивность. Уже в 1581 г. Иван IV упрекал его в ежегодном «кроворазлитье», производимом ногайскими отрядами вместе с крымцами и азовцами на Руси. «К нам пришлют Урус князь и все мирзы послов своих о добром деле о дружбе, а люди ваши в те поры... приходили воевать на наши украины, — укорял царь в грамоте мирзу Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда. — И то которая правда — послав к нам послов своих о добром деле и о любви, после того, сложась с нашим недругом, воевать наши украины?!» (НКС, д. 10, л. 35 об.). Общее отношение правительства к ногаям выразил в 1577 г. гонец в Крым Е.Ржевский: «Где нагаи ни живут, туто лжут» (КК, д. 15, л. 24).

Позднее, в начале XVII в., бий Иштерек, вспоминая те времена, отмечал, что Урус «от турсково и от крымсково ни на один час не отставал», а сын Уруса, Джан-Арслан, и один из соратников, будущий нурадин Саид-Ахмед б. Мухаммед, постоянно обретались в Крыму, подговаривая хана и султана к походу на Астрахань; тех же мирз, что были настроены промосковски (детей Дин-Ахмеда), «Урус князь не любил, а хотел их побить» (Акты 1918, с. 131; НКС, 1604 г., д. 3, л. 159). Впрочем, Иштерек, похоже, сгущал краски, так как заметного стремления к коалиции с Большими Ногаями ни у османов, ни у Гиреев в 1580-х годах не наблюдалось. Урус во многом действовал против Москвы на свой страх и риск (см.: Новосельский 1948а, с. 33, 35).

Было бы неправильно, односторонне и неполно, приписывать фактический разрыв между Большими Ногаями и Россией только вероломству бия. Ногайская сторона объясняла свое отступничество коварством русских — подозрительностью и злокозненностью нового царя, Федора Ивановича, отказом астраханских воевод выдать ногаям литовских полоняников, которые ухитрились сбежать из улусов под защиту русских властей, недостаточным дипломатическим почетом (низким рангом послов из Москвы и малым размером жалованья) и т.п. (НКС, д. 10, л. 135 об.; 1586 г., д. 8, л. 8, 27, 28).

В распоряжении Москвы был широкий арсенал средств, чтобы отбить у кочевников охоту к набегам. На ногайские земли снова обрушились казаки. Буйная волжская вольница дотла разорила Сарайчук, громила по степи ногайские стойбища, не позволяя им сконцентриро-

ваться для отпора. Но это было, пожалуй, единственной (да и то косвенной) формой вооруженного противостояния с Большой Ногайской Ордой со стороны России. Царь воздерживался от карательных экспедиций за Волгу, хотя постоянно напоминал Урусу и мирзам о казачьей угрозе, о предыдущих разгромах их столицы, о непрестанных челобитьях «украинных» людей, просивших унять бия. В Астрахань был направлен бежавший из Крыма в Россию царевич Мурад-Гирей, одной из задач которого было склонить Уруса к возобновлению союза с Россией. Щедрое жалованье шло тем мангытским аристократам, что продолжали придерживаться ориентации на Москву.

Одной из радикальных мер по усмирению ногаев стало возведение городов на Волге. Вопрос о целях основания Саратова, Самары и Царицына в историографии обсуждался долго.

А.А.Гераклитов и П.Г.Любомиров считали, что они построены в целях защиты ногаев от «воровских казаков» (Гераклитов 1923а, с. 134–136; Гераклитов 1923б, с. 13; Любомиров 1939, с. 9). Эта трактовка основана на объяснениях царя в переписке с Урусом. Ныне к этой точке зрения присоединяется Н.Н.Студенцов (Студенцов 1988, с. 46, 47, 73).

Г.И.Перетятковичу принадлежит заслуга обоснования антиногайского характера этой меры. Три крепости встали на главных ногайских переправах (Перетяткович 1877, с. 240, 241, 284, 313–319, 328). Такого же видения событий придерживался П.П.Пекарский, а позднее эту точку зрения разделили Э.Л.Дубман, В.А.Осипов, Ю.Н.Смирнов, М.Н.Тихомиров, автор этих строк (Пекарский 1872, с. 258–260; Дубман 1993, с. 45–47; Смирнов, Дубман 1995, с. 27; Осипов 1976, с. 16, 17; Тихомиров 1962, с. 513–515; Трепавлов 1997б, с. 111)[15].

Разъяренный Урус задерживал у себя в заложниках московские посольства и требовал снести новые города (вместе с только что построенной Уфой). Но ни решимости, ни сил настаивать на этом у него не нашлось. Потерпев неудачу в налаживании коалиционных связей с Бахчисараем и Стамбулом, проиграв многолетнюю кампанию против казаков (решающий разгром ими Больших Ногаев произошел в 1586 г. на Яике), он был вынужден возвратиться под «высокую руку». После переговоров с Мурад-Гиреем Урус согласился выслать в Астрахань аманатов-заложников — впервые в истории ногайско-русских отношений. Русских послов он вновь заверял в своей неотступности от государя, лишь бы тот «меня держал, как отец его (т.е. Иван IV. — *В.Т.*) отца моего Исмаиля князя держал» (НКС, 1586 г., д. 8, л. 12). В 1587 г. был заключен шертный договор, в основных чертах повторявший условия договора 1581 г. (НГ, д. 20, л. 2).

---

[15] Есть некоторые основания полагать, что на месте города Самары издавна существовали русские поселения — зимовья торговцев (см.: Гурьянов 1981, с. 186–190; Гурьянов 1986, с. 172–178).

В конце 1590 г. русские дипломаты сообщили придворным грузинского царя, что «*нагаиские болшие князи и мирзы всех обеих Нагай* (т.е. Большой и Малой Орд. — *В.Т.*) *искони вечные холопи государя нашего; а ныне и крепче старого учинились под государя нашего рукою Урус и Урмамет князи*» (Белокуров 1888, с. 184). Вынужденность примирения Больших Ногаев как нельзя лучше отражена в оправдании бия перед султаном, чтобы тот не корил его: «От неволи учинились мы в московского воле: чья будет Асторохань и Волга, и Еик, и Самар, тово будем и мы» (Статейный 1891, с. 66–67).

Подобные настроения были давно присущи значительной и влиятельной части мирз — тогдашнему промосковскому лагерю во главе с Ураз-Мухаммедом. На протяжении 1580-х годов на съездах знати то и дело звучал их голос: «Мы... все свет видим государьским жалованьем, одены и обуты, и от государя никоторые обиды не видали... А тольке... со государем воеватца, и их (ногаев. — *В.Т.*) земле будет во всем убыток»; «и толко... государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отняти, и нам... всем... пропасти» и т.п. (НКС, д. 9, л. 156, 157, 160).

Именно эта «партия» возглавила Больших Ногаев после гибели Уруса в 1590 г. Ослабленная кочевая империя в обстановке начинавшейся третьей Смуты была вынуждена все более полагаться на экономическую помощь и политическую поддержку могучего западного соседа. Зависимость от российских ресурсов создавала впечатление полной покорности ногайской верхушки, и, предвосхищая «вокняжение» Иштерека в 1600 г., русский посол в Исфахане еще в 1591 г. заявил шаху, будто «на княженье в Нагайской Орде в Заволских Нагаех князи из государя нашего царских рук садятца» (ПДП, т. 1, с. 267–268). *Многие мирзы мечтали сменить опасное и скудное прозябание в улусах* на сытую и безопасную государеву службу или хотя бы на жительство в полукочевых «юртах» под Астраханью, под защитой воевод. На астраханском Закладном дворе теперь постоянно пребывали и менялись аманаты. «Да хоти б и закладов их не было, — рассуждали московские послы в Грузии, — и нагаем от государевых людей где ся дети?» (Белокуров 1888, с. 185).

И все же полной покорности не наблюдалось. Бий Ураз-Мухаммед болезненно воспринимал ослабление своей Орды, вовсе не желая превращаться в царскую марионетку. В 1596 г. крымский хан Гази-Гирей получил от него письмо с жалобами, что «жить... мне от московского немочно: поставил... на Яике город и кладбища... наши у нас отнял, и называет... нас себе холопи» (КК, д. 21, л. 670–670 об.). Русское правительство, разумеется, знало о недовольстве кочевников, и хотя те в целом не представляли существенной военной угрозы, царь Б.Ф.Годунов велел астраханским воеводам вносить смуту и раздоры в их среду, «дабы Астрахани не отъяли и не поднесли бы войны

против него» (Новый 1853, с. 51, 52; см. также: Патриаршая 1910, с. 52; Соловьев 1989б, с. 363; Татищев 1966, с. 288). Эти интриги в значительной степени способствовали очередной кровавой распре в Большой Ногайской Орде, когда ее жителям и подавно стало не до противостояния с Россией.

Большие Ногаи и Россия в первой трети XVII в. История остатков Большой Ногайской Орды очень тесно связана с Россией, и мы уже осветили многие аспекты их взаимоотношений в главе 9. Кроме того, данная эпоха детально исследована А.А.Новосельским. Поэтому здесь ограничимся кратким напоминанием основных этапов.

Нурадин Иштерек в 1600 г. был провозглашен бием по пожалованью Бориса Годунова. Эта поддержка диктовалась и наличием тогда в Орде другого авторитетного лидера — антимосковски настроенного Джан-Арслана б. Уруса. После свержения Годунова Иштерек не порвал с Россией, присягнув Лжедмитрию I. Лишь в 1607 г. начались ногайские вторжения на Русь. Формальный разрыв произошел, когда бий объявил о своем переходе под покровительство султана. Вскоре его войска сожгли Саратов, угрожали Самаре и, возможно, участвовали в разорении Царицына (Гераклитов 1923а, с. 197; Леопольдов 1860, с. 15, 16). Для русской внешней политики в 1608–1613 гг. Большая Ногайская Орда фактически стала недоступной (Новосельский 1948а, с. 65).

Но русская Смута начала утихать. На Москве воцарился избранный Собором монарх, которому изъявила повиновение Русская земля, и вновь замаячила перспектива возрождения сильной и жесткой царской власти. Иштерек вынужден был пойти на попятную. Уже в августе 1613 г., едва узнав об избрании Михаила Федоровича, он прислал ему поздравление и покаяние в прежних «винах», с просьбой «с любовью в холопство нас приняти» (НКС, 1613 г., д. 4, л. 20; Патриаршая 1910, с. 134). Правда, вначале он сотрудничал с мятежным атаманом И.Заруцким и дал ему аманатов, но после окончательного разгрома Заруцкого царскими войсками прикочевал к Астрахани. В январе 1615 г. он принес шертную клятву перед воеводами, обязавшись от своего имени и от лица «своего, Тинехматова, и Исупова родства» сохранять верность царю, жить только в окрестностях Астрахани, не воевать «украйны», информировать Москву о любых проявлениях внутренней розни в Орде и т.д. (НГ, д. 25, л. 5–9; НКС, 1615 г., д. 5, л. 12).

До своей смерти в 1619 г. он в целом соблюдал эти условия и в конце жизни считал себя вправе заявить воеводам: «Вашему государю никто таков друг не был, как я!» (НКС, 1616 г., д. 2, л. 3). Следовать этой политике он завещал детям и племянникам (НКС, 1619 г., д. 1, л. 16).

Примирение было довольно условным. Во-первых, Иштерек не без колебаний расставался с надеждой обрести полную независимость для

Орды; во-вторых, многие эли ему уже не подчинялись или подчинялись лишь номинально, признавая старшинство бия над остальными мирзами. В марте 1617 г. боярин Ф.И.Шереметев отговаривал английского посла от поездки Волгой в Иран, поскольку «по Волге проезд страшен — кочуют Большие Ногаи» (Соловьев 1990, с. 85).

В руках у русских властей явно не было средств, чтобы бесповоротно смирить кочевников и заставить их подчиниться. Из двух вариантов — сплотить ногаев под главенством послушного бия или расколоть и максимально ослабить их — правительство все чаще склонялось к последнему. Последовательная политика на раздувание распрей началась, как мы видели, еще в конце XVI в. Б.Ф.Годунов наставлял воевод именно в этом духе. Н.М.Карамзин отмечал, что, «вопреки летописцу, государственные бумаги представляют Бориса миротворцем ногаев, по крайней мере, главного их улуса — Волжского» (Карамзин 1989, кн. 3, с. 49). Однако учет всего комплекса документов заставляет считать магистральной линией русской политики в Большой Ногайской Орде именно провоцирование раздоров. В главе 9 неоднократно приводились откровенные высказывания воевод о желательности внутриногайских усобиц — во избежание угрозы набегов. Мирзам же при этом внушалось, будто «великому государю ссора их ногаиская не годна, а годна... великому государю то, чтоб они были, нагаи, все... в соединенье и в покое» (НКС, 1620 г., д. 1, л. 13). Но в просьбах доверчивых мирз или бия помирить враждующие лагеря неизменно отказывали и всячески разжигали ссоры, «смотря по мере».

К 1630-м годам Большие Ногаи утратили последние остатки своего политического престижа, Орда разваливалась на конфликтующие улусы. Последний бий, Канай, уже не раздумывал, подчиняться царю или нет, но просил лишь хотя бы не унижать его повседневным вмешательством в дела управления, мелочной опекой, поскольку «отец мои мелких служеб не служивал, и вам бы, государю, меня пожаловать — от мелких служеб велеть отставить. И как будет твоя государева болшая служба, и я против твоих государевых недругов на болшую службу готов» (НКС, 1630 г., д. 2, л. 20).

Контакты московского правительства с ногаями осуществлялись через Посольский приказ, а с 1580-х годов еще и при посредничестве воеводской канцелярии Астрахани. Русские дела ее находились в компетенции приказа Казанского дворца, ногайские — по-прежнему в ведении Посольского приказа (см., например: НКС, 1608 г., д. 1, л. 4; НКС, 1627 г., д. 3, л. 89).

Ногаи и астраханские власти. Уже в самом начале владычества русских в бывшем Астраханском ханстве обнаружились противоречия в их ногайской политике. Чем бы ни прельщал царь бия Исмаила, склоняя его к поддержке русского завоевания Нижнего Поволжья, интересы степных соседей учитывались Москвой в наименьшей степени.

Уже в сентябре 1556 г. первые воеводы новоприсоединенного «царства» И.Черемисинов и М.Колупаев рапортовали, что «укрепились в городе», дабы «безстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрелцов розставили, и ***отняли всю волю у Нагай*** и у астараханцов рыбные ловли и перевозы все» (Патриаршая 1904, с. 274). Исмаил, отбивавшийся тогда от враждебных мирз, не имел ни сил, ни времени, ни резона отстаивать какие-то свои полномочия в Астрахани перед грозным покровителем. В мае 1557 г. он прислал к воеводам сыновей для торжественного объявления «правды» от лица бия и всех мирз его лагеря. Мухаммед б. Исмаил с братьями обещали «прямить во всем» государю и даже побратались с Иваном Черемисиновым. Следующую зиму Исмаил провел возле города; его улусы «торговали и зимовали... поволно и полюбовно» (Книга 1850, с. 109; Летописец 1895, с. 71; Патриаршая 1904, с. 281).

Но идиллии в отношениях кочевников с царскими наместниками не получалось. Астраханское воеводство пока являлось в сущности российским анклавом. Оказавшись в далекой степи, в окружении чуждого кочевого мира, воеводы стремились сразу поставить себя как мощную силу, грозную для жителей соседних Юртов. Не прошло и года после учреждения русской администрации в Астрахани, как Черемисинов ногайские «улусы воевал и в полон поимал». Следующий воевода, И.Выродков, в 1560 г. тоже «в Сараичюк посылал людеи воиною... да поимали полон». Пленных ногаев держали в городе, некоторых продавали «во многие земли».

Не только ради выгоды от работорговли совершали набеги на восток астраханцы. После бегства татарского населения из Юрта требовалось заселить бывшую столицу ханства и ее окрестности, чтобы русский гарнизон мог получать содержание и пропитание от местных жителей, не полагаясь во всем на поставки из «верховых» городов. Уже в результате привода полона из первых походов, очевидно, начало формироваться население приастраханских «юртов».

Эта инициатива исходила от воевод, в столице о ней ничего не знали. Иван IV рассвирепел, когда выяснил из писем мирз, что множество ногаев находится в астраханском плену. В 1564 г. воеводам было приказано освободить всех (НКС, д. 7, л. 14 об., 21). Однако массового возвращения их в Орду, видимо, не произошло, и ногаи расселились в «юртах» под городом.

Тюркское население складывалось не только путем насильственного привода. Как сообщал Исмаил, И.Черемисинов в 1557 г. переманивал ногаев: «А оманывает их: яз деи вас стану кормити» (НКС, д. 5, л. 47) (в то время в Орде как раз разразился голод). Исмаил жаловался, что «Иван Черемисинов день и ночь нас воюет» и дает приют врагам-Юсуфовичам (НКС, д. 5, л. 33, 167 об., 189, 189 об., 192).

Впоследствии неоднократно случались мелкие стычки между ногаями и русскими астраханцами из-за рыбной ловли, охотничьих угодий и проч. Со временем претензии к царским наместникам накапливались. В Астрахань бежали из Орды русские, литовские и немецкие полоняники; воеводы отказывались выдавать обратно не только их самих, но даже лошадей, на которых совершались побеги, не возвращали мирзам. Э.Дженкинсон заметил, что в крайнем случае воеводы могли пойти лишь на выдачу нерусских беглецов; русских же освобождали и брали под свою защиту. Для увеличения славянского населения подвластных владений И.Черемисинов склонил к побегу всех русских из владений Исмаила (Дженкинсон 1937, с. 267; НКС, д. 5, л. 47; 1586 г., д. 8, л. 4). Свою кавалерию царская администрация Нижнего Поволжья пополняла путем регулярных угонов ногайских табунов, что тоже вызывало недоумение и протесты кочевых правителей. Не гнушались служилые и грабежом стойбищ (НКС, д. 5, л. 166 об., 169; д. 6, л. 8; д. 7, л. 11 об.).

Недовольство ногайской стороны, как правило, не распространялось дальше жалоб в Москву. Ссориться с воеводами кочевникам было и опасно, и невыгодно, хотя изредка они добивались опалы особо бесцеремонных наместников (см. главу 7)[16]. Через Астрахань поступали к ним хлебные и прочие припасы от царя, а с 1580-х годов и денежное жалованье для биев и мирз.

Важнейшей функцией российских властей был контроль над переправами через нижнюю Волгу, в первую очередь над астраханской. Эта переправа действовала с незапамятных времен (может быть, с эпохи Великого Шелкового пути), и торговые караваны еще в Золотой Орде «возились» с берега на берег в окрестностях Хаджи-Тархана. Воеводы должны были следить за тем, чтобы противники Больших Ногаев не проникли на левобережье, а также за обеспечением проезда ногайских посольств и улусов, часть года кочевавших на Крымской стороне. Для этого выделялись специальные суда, охрана и перевозчики.

За несколько десятилетий сложилась четкая система осуществления и оплаты переправы, отразившаяся в наказах воеводам. На волжские протоки высылались стрелецкие дозоры, дабы никто не смог форсировать реку в обход заставы и таможенного поста. Устанавливались пошлины за перевоз с пешеходов (1 деньга), с каждой лошади и коровы (по 2 деньги), а также с телят, овец, возов с поклажей. При отсутствии у проезжих денег допускалось взимание платы скотом

---

[16] П.Х.Хлебников сомневался в результативности ногайских жалоб. Он считал, что И.Черемисинов был отозван «на Русь» в 1558 г. по истечении положенного двухлетнего срока воеводства, а не в результате опалы, так как уже в 1560 г. тот возглавлял войско, отправленное на Кавказ. Отстранение же И.Выродкова в 1561 г. произошло по просьбе Исмаила, но сам воевода, как считал П.Х.Хлебников, был мало причастен к грабежам ногайских улусов. Здесь скорее сказались интриги астраханской татарской знати (Хлебников 1907, с. 58–60, 152).

«и всякою рухлядью». Обязательным условием было предъявление перевозчикам «проезжей астраханской грамоты с царской печатью Царства Астраханского», без которой переправа не разрешалась. Лишь бий Большой Ногайской Орды или его послы могли перемещаться с берега на берег беспрепятственно и бесплатно (АИ, т. 3, с. 203, 204; ДАИ, т. 2, с. 87, 88). Все ограничения касались и русских, и ногаев-кочевников, и полуоседлых жителей астраханской округи, которых становилось все больше за счет мигрантов из Орды.

Спасаясь от голода и разорения во время второй Смуты, ее жители в конце 1550-х годов собирались под защиту русской администрации. Существенной помощи от воевод они тогда не получили (Дженкинсон 1937, с. 171, 172), но возможность пользоваться заступничеством стрельцов, торговлей на богатом городском рынке, полями и рыбной ловлей привлекала массы обнищавших степняков. Волжские низовья традиционно служили зимовьем для улусов правого крыла, и ежегодно на несколько месяцев подданные ногайского нурадина подходили к Астрахани. Воеводы никогда не возражали против этого, а, кажется, напротив, видели в сезонном приближении к ним кочевников шанс увеличить число обитателей воеводства, переманить их в «юрты». «А вы и ваши люди приходят к нашеи вотчине к Асторохани, кабы к своему городу, кочюют и зимуют, — писал Иван IV мирзе Ураз-Мухаммеду в 1581 г. — А наши воеводы по нашему (в тексте «вашему». — *В.Т.*) крепкому заказу нигде ничем не крянут их» (т.е. не препятствуют им. — *В.Т.*) (НКС, д. 9, л. 268 об.).

Первые упоминания о «юртах» отмечены в начале 1580-х годов. Клерк английской торговой компании К.Бэрроу описал пожар, случившийся в феврале 1580 г. «в поселении ногайских татар в $^3/_4$ мили от астраханской крепости, называемом юртом». По словам англичанина, тамошние ногаи в количестве 7 тысяч человек являются «вассалами русского царя» (Бэрроу 1937, с. 266). Можно предположить, что именно в то время определилась правительственная политика по организации «юртов» (дотоле это было самодеятельностью воевод).

Весной 1582 г. в Астрахань из Москвы была прислана группа татар во главе с неким Токой Илевым. Местные власти были обязаны разместить их с комфортом и почетом. В задачу Илева со товарищи входила вербовка кочевников в служилые татары — «они б себе из нагаиских улусов товарыщев прибавливали и на нашу службу вперед прибирали». Никого из новонабранных ногаев не следовало отпускать в столицу. Они должны были жить тут же, под присмотром воевод, в качестве «юртовских людей», из которых замышлялось сформировать целую служилую прослойку: «...людем бы юртовским держали береженье великое; а нам (царю. — *В.Т.*) они к службе добре добры, чтоб их поболши строити (т.е. лучше организовать. — *В.Т.*), а на службе их было болши того» (НКС, д. 10, л. 248 об., 249).

Юртовцы делились на пятерки-*табуны* во главе с табунными головами. В город они допускались без оружия, небольшими группами и в сопровождении приставов — и только в послеобеденное время, когда прекращали работу базары. Во избежание каких-либо конфликтов с властями «юрты» запрещалось обносить укреплениями (лишь во второй половине XVII в. из-за калмыцких набегов их разрешили окружить изгородью). Вооружение юртовцам выдавалось только на зимнее время, когда ожидался приход калмыков; к лету оно изымалось. По мере распада Большой Ногайской Орды под Астраханью стали селиться не только рядовые улусники, но и мирзы, получая название астраханских. Сначала они имели право вершить суд над юртовцами, но со временем функция судебной «расправы» перешла к воеводам. От этих мирз в город выделялись заложники-аманаты (НКС, 1619 г., д. 2, л. 286; Новосельский 1994, с. 44, 45, 138; Олеарий 1906, с. 403, 404; Стрейс 1935, с. 194, 196).

Институт и вся система заложничества были заимствованы русскими из тюрко-ордынской государственности, которая, в свою очередь, унаследовала их из старой мусульманской практики отношений с кочевниками[17]. Первые аманаты были даны бием Урусом и мирзами крымскому царевичу Мурад-Гирею, присланному Иваном IV в Астрахань летом 1586 г. для налаживания расстроенных отношений с Большими Ногаями. Урус, в то время решивший замириться с Россией, согласился послать заложников именно царевичу-Гирею. Вряд ли он отправил бы родичей непосредственно к воеводам. Но на практике ногайскими аманатами стали распоряжаться именно они.

Определенные в аманатство по жребию и уговорам родственников, мирзы добровольно соглашались селиться на Закладном дворе на определенный срок (чаще всего на год), до замены другим мирзой, «а неволею... послать в Астарахань в заклады им не уметь» (НКС, 1623 г., д. 1, л. 44). Отправляться в аманаты на долгое время вызывались лишь безулусные аристократы. Тем же, под началом у которых находилось скотоводческое население, грозил распад удела. Джан-Мухаммед б. Дин-Мухаммед сетовал, что обретался в закладе более пяти лет, и за это время «улусных... моих людеи на поле без меня недруги мои от меня отзывали» (НКС, 1586 г., д. 3, л. 12).

По мере ослабления ногаев в системе аманатства все более стал проявляться воеводский произвол. В заложники могли попасть малолетние мирзы, чего ранее не допускалось (двух детей или подростков воеводы уравнивали с одним взрослым); Закладной двор все чаще становился местом заточения для обвиненных или заподозренных в «измене государю»; порой там содержались жены и дети «отступ-

---

[17] Арабские халифы содержали в качестве заложников представителей знатных кочевых родов. Они проживали при дворе определенное время, по истечении которого заменялись другими (Заходер 1944, с. 80).

ников». Если для оберегания от калмыков или от враждебных мирз в улусы посылался стрелецкий отряд, то гарантией его безопасности в степи служили дополнительные аманаты.

На протяжении второй половины XVI в. порядок отношений астраханских властей с ногаями складывался во многом стихийно по причине близкого соседства их. С начала XVII в. наблюдается постепенное и официальное делегирование воеводам полномочий Посольского приказа по связям с биями и мирзами. По указу Б.Ф.Годунова от декабря 1602 г., воеводы отныне должны были представлять монарха в сношениях с Большой Ногайской Ордой, для чего в переписке с ее предводителями не просто рекомендоваться князьями и воеводами, а использовать малый царский титул: «Божиею милостию великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца и многих государств государя и обладателя, его царского величества от боярина и воеводы Астороханского» (Акты 1914, с. 223).

Бию Иштереку и мирзам сообщили, что теперь по всем своим делам им надлежит обращаться не в Москву, а в Астрахань, а уже воеводы станут извещать государя, который через них же будет объявлять свои решения (Акты 1918, с. 99; НКС, 1604 г., д. 3, л. 52). С 1616 г. через наместников стало поставляться и жалованье. Ногаи забеспокоились: «И тово неведомо, сполна к ним то государево жалованье астараханские воеводы присылают или не сполна». Иштерековым послам по этому поводу было жестко заявлено, что былая практика поставок через специальные посольства к бию и мирзам «ныне не образец... А ныне то ещо и лутче, что по царского величества жалованье самим приезжати в Астарахань... — и с воеводами учнут видатца, и они сами с воеводами о всяких делех учнут говорити и... все сами воеводам подлинно роскажют, и воеводы о том им по царского величества указу и [свой] указ учинят» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 127; 1617 г., д. 3, л. 6–8).

Общий объем компетенции и обязанностей воевод стал очерчиваться в наказах им, выдаваемых в Москве при назначении. Предписывалось привлекать в сферу своего надзора улусы Больших Ногаев, разбредавшиеся по степям, пресекать грабежи и бесчинства стрельцов и «жилецких людей» по отношению к кочевникам, разбирать внутриногайские конфликты, исправно содержать и переменять аманатов и т.д. (АИ, т. 3, с. 211–215, 254–258). Именно астраханским воеводам было доверено введение в должность последних ногайских биев, нурадинов, кековатов и тайбуг.

Взаимный статус Ногайской Орды и Московского царства. Одна из основных проблем ногаеведения — степень зависимости Ногайской Орды от Московского царства: существовали ли вассалитет, протекторат или подданство? В литературе высказывалось много суждений на сей счет, и к числу основных аргументов в дискуссии относится такой формальный аспект, как взаимное восприятие ногай-

скими и русскими лидерами рангов друг друга. Мы рассмотрим историю этого восприятия, перед тем как попытаться определить характер взаимоотношений ногайской державы и России.

Праотец биев и мирз, первый мангытский беклербек — Эдиге являлся главой золотоордынской знати, по должности выше всех татарских и вассальных владетелей. Поэтому и к главе Русского улуса Василию Дмитриевичу, великому князю московскому, он обращался, ставя свое имя впереди и без титулатуры, что характерно для ханских посланий того времени: «От Едигея поклон ко Василью, да и много поклон» (Григорьев А. 1988, с. 66; СГГД, ч. 2, с. 16).

Относительно той эпохи сохранились и более яркие свидетельства иерархического старшинства могущественного бека. В 1508 г. Алчагир б. Муса так написал об этом Василию III: «С твоим дедом (т.е. предком. — *В.Т.*), с великим князем, наш дед князь великии (т.е. предок беклербек. — *В.Т.*), ***отчьство и сыновство меж ими бывало***» (Посольская 1984, с. 80). Через тридцать лет сын Алчагира, Урак, как бы вторил отцу, обращаясь к Ивану IV: «Отец наш князь велики Идиги князь с твоим отцем (здесь: предком. — *В.Т.*) с великим князем Иваном (следует: Василием. — *В.Т.*), ***один был как отец наш, а другой был как сын***» (Посольские 1995, с. 203). Действительно, Эдиге иногда «зовыися ***отцомь*** Васильеви» Дмитриевича (Симеоновская 1913, с. 157).

Мне известен единственный текст, в котором явлены подобные отношения. В послании к московскому государю Эдиге взывал: «Аз, яко ***сына своего***, люблю тебе и того ради готов есмь ратовати на Витофта» (Книга 1913, с. 450). Ответных посланий, где Василий I адресовался бы к ордынскому вельможе как к отцу, мне не встречалось.

Переписка ближайших потомков Эдиге с московитянами не сохранилась. Посольские книги отразили обмен посланиями с Иваном III уже правнуков Едигея — ногайских, крымских и большеордынских беклербеков-биев. В.Е.Сыроечковский был, пожалуй, прав, утверждая, будто крымские Мангыты смотрели на московских правителей как на таких же, как они, улусников хана и поэтому считались с ними старшинством.

Беклербек Большой Орды и Крымского юрта Тимур б. Мансур называл Ивана Васильевича сыном, а тот его — отцом; для беклербека Джанкуввата б. Дин-Суфи Иван III был братом (старшим или младшим — оставлялось уточнить на будущее, до выяснения возрастов обоих); для беклербека Таваккула б. Тимура — дядей (ПДК, т. 1, с. 180, 518, 549; т. 2, с. 252; Сыроечковский 1940, с. 32)[18]. Ногайский

[18] В грамотах конца XV — начала XVI в. крымский хан Менгли-Гирей называл Ивана III своим братом. Если подчиненный последнему бек Таваккул тоже осмелился бы адресоваться в Москву к «брату» из-за «отцовства» своего отца Тимура, то поставил бы себя на одну ступень с ханом.

беклербек Муса б. Ваккас сначала держался скромно, оставляя на усмотрение русского адресата, как он должен его называть, «сыном или братом меня учинишь — как пожалуешь», а до пожалованья обращался к нему как к старшему: «Великого князя жалованья от Мусы мурзы поклон» (Посольская 1984, с. 18, 28)[19]. Лишь со смертью главы Мангытского юрта Аббаса б. Ваккаса около 1497 г. и заступления на его место Мусы в грамотах последнего появились признаки более высокого статуса (то же см.: Григорьев А. 1988, с. 66). В марте 1497 г. он предложил русскому великому князю быть друг с другом «вперед в *братстве*» (Посольская 1984, с. 49, 50).

Ранг мангытских правителей в то время еще не сформировался. Избавившись от вышестоящих ханов, они, похоже, нечетко представляли себе, в каком качестве они вправе выступать в сношениях с окрестными владетелями. Так, преемник Мусы, его брат Ямгурчи, в одной и той же грамоте 1504 г. объявляет себя и племянником, и другом, и братом, и сыном Ивана III («***Дяде нашему*** великому князю Ивану от Ямгурчея от князя поклон... ***В дружбе и братстве*** будучи, ***сыном*** мы ся учинили, а ***отцем*** ты ся учинил») (Посольская 1984, с. 52).

До 1552 г., по наблюдению А.Каппелера, между Москвой и Ногайской Ордой складывались доброжелательные отношения равноправного партнерства, со взаимной помощью и поддержкой против общих врагов (Kappeler 1992, p. 102). Это в целом верно, но отнюдь не означает безоблачного сотрудничества. Равноправие установилось не благодаря доброй воле сторон, а вопреки постоянным притязаниям ногайской стороны на старшинство.

Это стало заметным при бие Саид-Ахмеде в 1530-х годах. Он то и дело порывался добиться от малолетнего великого князя Ивана IV признания себя то о т ц о м, то б р а т о м, а то́ и г о с у д а р е м, пытаясь убедить того соблюдать идентичный церемониал приема послов в Кремле и Сарайчуке, претендуя на такие же поминки, что и крымский хан. И всякий раз получал отповедь на свои «неподобные речи»: «Нам государь един Бог, а братья нам турскои салтан и иные цари»; «и тобе было так писати непригоже — чюжих поминков просити» (Посольские 1995, с. 94, 159, 193, 194, 205, 214).

Соответственно и мирзы пытались держаться столь же высокомерно. В конце 1540-х годов на б р а т с т в о с царем Иваном претендовали нурадин Исмаил, старшие мирзы Юнус б. Юсуф и Касим б. Шейх-Мамай. Посол последнего даже считал, будто обедать у царева брата, князя Юрия Васильевича, ему «невместно», и передавал тому требование обращаться к Касиму как к с т а р ш е м у б р а т у

---

[19] Номинальный государь ногаев того времени — сибирский хан Ибрагим (Ибак) б. Хаджи-Мухаммед обращался в Москву по-хански: «От Бреима царя великому князю, брату моему, поклон» (Посольская 1984, с. 18). Подданный Ибрагима Муса в этих условиях не мог, разумеется, аттестовать себя как брата Ивана III.

(Посольские 1995, с. 238, 243, 282, 288, 310). Бий Юсуф и подавно мнил себя ровней (братом) русскому властителю (Посольские 1995, с. 247, 309).

Вместе с тем с начала 1550-х годов в общении мангытских иерархов с царем появляется новый оттенок. Военная мощь его державы, распоряжение судьбами еще независимых, но уже запуганных им поволжских ханств поневоле принуждали степняков признавать больший политический вес и статус Ивана IV в системе послеордынских Юртов.

Поскольку в тюрко-монгольской государственной традиции того времени легитимный правитель Юрта мог происходить только из рода Чингисхана, Иван Васильевич (как и мангытские бии) не имел доступа к ханскому трону. Однако под воздействием новых политических реалий некоторые мирзы закрыли глаза на династическое несоответствие и льстиво стали называть его Чингисидом. В основном это были мирзы правого, поволжского крыла, ориентированного на торговлю с Казанью и Россией. Они как бы подсказывали царю путь к узаконению своего ранга среди тюркских ханств.

Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед, 1551 г.: «Белек Булат мирза христьянскому государю Белому царю много много поклон... В тои земле ***он*** („Белый царь“. — *В.Т.*) ***сказываетца Чингисовым прямым сыном*** (т.е. потомком. — *В.Т.*) и прямым государем царем называетца. А в сеи земле яз Идигеевым сыном зовуся... Брат мои Дервиш царь к ***Чингимову сыну Белому царю***, православному государю и жалостливому государю Белому князю в ноги ево пасти идем».

Арслан б. Хаджи-Мухаммед, 1552 г.: «***Ты Чинников сын*** (т.е. Чингисов потомок. — *В.Т.*), а я Кошумов сын, и ныне б нам меж себя не дружбу оставити» (НКС, д. 4, л. 90 об.–91, 126).

Престиж Ивана IV неизмеримо вырос после завоевания им Казани и Астрахани. Ногаи прямо утверждали, что всегда «те оба Юрты бывали за великими цари», и, стало быть, присоединив их, став «царем Казанским, царем Астраханским», московский государь «свыше отца своего учинился» — превратился в истинно великого монарха. Теперь с еще большим основанием его могли причислять к наследникам и преемникам Чингисхана: «***Великого Цингиз царев прямои род*** счастливои государь еси... Похошь пожаловати — пожалуешь, а не похошь пожаловати — не пожалуешь» (НКС, д. 6, л. 224; д. 10, л. 87 об.), что означало признание абсолютной легитимности его управления бывшей поволжской территорией Золотой Орды[20].

С конца 1540-х годов на второе место по влиянию, могуществу и должности после бия Юсуфа в Ногайской Орде выдвинулся нурадин

---

[20] Подробнее о развитии статуса московского монарха в соотношении с восточными соседями см.: Трепавлов 1993в; Трепавлов 1994.

Исмаил[21]. Он чувствовал себя настолько влиятельным и авторитетным, что весной 1553 г. обратился к недавнему покорителю Казани как «к ***брату моему*** Белому царю», уравнивая того с собой (НКС, д. 4, л. 167). Затем, поразмыслив, решил еще больше возвысить себя. «Яз тебе леты старее, а ты сына моего моложе, — рассуждал Исмаил в грамоте, привезенной в Москву в октябре того же года. — ***И ты мне буди сын.*** Как будет годно ***отечеству и сыновству***, учнем и делати» (НКС, д. 4, л. 198). Такого же взгляда он придерживался и после своего «вокняжения» в конце 1554 г., несмотря на то что Россия в его интригах выступала как тыл и, может быть, инициатор. Послания, адресованные «***сыну моему*** Белому царю», шли в русскую столицу на протяжении 1555 и 1556 гг. Убежденные в превосходстве своего предводителя, сыновья и племянники Исмаила трактовали себя как братья царя Ивана (НКС, д. 4, л. 247 об., 303, 306, 307, 307 об., 353, 361, 362 об.).

Подобные притязания на старшинство встречали в Москве с раздражением и недоумением. Иван Васильевич не желал видеть в Исмаиле ни отца, ни брата, потому что не считал того ровней себе. Гонцам и послам за Волгу предписывалось не заключать никаких соглашений, если ногайская сторона будет настаивать на категориях отцовства (для себя), сыновства (для царя) или даже хотя бы братства. Бию же втолковывали, что то «слова невежливые... нашему государству бесчестны и к дружбе не пристоят... И ты б вперед безделных слов не писал» (НКС, д. 4, л. 219, 278, 325, 367, 367 об.).

Как видим, русское правительство не находило в данном формальном аспекте оснований для ссоры и разрыва отношений, пытаясь лишь убедить Исмаила в смирении амбиций. Более других преуспел в этом посол Е.Мальцов, отъехавший в Ногайскую Орду в апреле 1558 г. Он уговорил бия обращаться к Ивану IV государь. Мальцова поддержали ногайские послы, вернувшиеся с ним из Москвы: «Не соромся... князь Смаил, пиши *государем*. Немцы... посилнее тебя, да все... у них государь городы поимал» (в начавшейся недавно Ливонской кампании). Исмаил согласился, о чем Мальцов удовлетворенно доложил в сентябре (НКС, д. 5, л. 86).

Но до конца жизни (1563 г.) бий, отказавшись от своего отечества по отношению к царю, все-таки продолжал писаться братом и другом. Царь уже не обращал на это внимания. Подхватили подобное обращение и мирзы-племянники. Лишь воинственный и заносчивый Урус б. Исмаил продолжал называть Исмаила в грамотах царевым отцом, а себя — младшим братом Ивана IV (НКС, д. 5, л. 122, 129, 129 об., 165 об., 171, 190; д. 6, л. 16 об.).

---

[21] Общую сводку изменений взаимного статуса Ивана IV и нурадина, затем бия Исмаила в 1550–1560-х годах см.: Жирмунский 1974, с. 480, 481; Kappeler 1992, p. 102.

Случалось именовать царя братом и следующему бию, Дин-Ахмеду б. Исмаилу. Царь по-прежнему не возражал и даже подчеркивал свое родство с бием («племянство»): они женились на родных сестрах. Вместе с тем Дин-Ахмед, понимая свою неравнозначность сильному христианскому монарху, считал для себя более уместным пребывать в братстве не с ним, а с царевичем Иваном Ивановичем: «***Брату моему*** Ивану царевичу от Тинахмата князя поклон. Отцу твоему великому князю Белому царю в версту был отец мои [Исмаил] князь, а ты был мне в версту» (НКС, д. 6, л. 61 об., 74 об.; д. 7, л. 47 об.).

При бие Урусе ослабевшая Орда уже не могла претендовать на признание какого-либо равноправия со стороны Москвы. В переписке с мирзами все чаще появляется понятие холоп по отношению к ногаям. Посольский приказ не стеснялся адресоваться так и к бию Ураз-Мухаммеду. Тот с трудом переносил это унижение, тем более что крымский хан называл его, в соответствии со статусом, своим другом и слугой (*карачи*). «Жить... мне от московского немочно... — делился бий с Гази-Гиреем в 1596 г. — Называет... нас себе ***холопом***. И нам... по прежнему с тобою (ханом. — *В.Т.*) быть ***в дружбе***» (КК, д. 21, л. 670–670 об.).

При Иштереке, посаженном на «княженье» по воле Бориса Годунова, таких претензий уже почти не возникало. Правительство считало, что раз новый бий стал таковым на основании царского указа, то и чтить его высоко, как независимого правителя, не следует. Астраханским воеводам предписывалось устраивать ему встречу не по высшему разряду, «и тем бы в нем вперед во всяких государевых делех высокие меры не учинить» (Акты 1918, с. 93; НКС, 1604 г., д. 3, л. 29). Иштерек подчинился воеводам, не настаивая на повышении статуса.

Разорвав с Москвой во время русской Смуты, он попытался было обрести самостоятельность, но затем вернулся «под высокую руку». После этого он лишь однажды осмелился заявить царским наместникам: «Вашему государю никто таков ***друг*** не был, как я», на что получил от них жесткий отпор: «***Холоп*** николи государю ***другом*** не пишетца — всегда ***холопом***!.. Ты, Иштерек князь, з братьею и з детми, и с племянники шертовали государю нашему... что вам быти под государевою царскою высокою рукою в прямом ***холопстве***... А на княженье тебя... на Нагаискую Орду пожаловал... государь наш... Борис Федорович... и ты б, Иштерек князь, вперед так не писал» (НКС, 1616 г., д. 2, л. 6–7). И Иштерек в самом деле не писал, но рекомендовался в посланиях (уже челобитных!) к царю как «***холоп*** твой и ***карачей***» (НКС, 1615 г., д. 4, л. 25; 1617 г., д. 2, л. 14).

Таким образом, на протяжении XV — начала XVII в. происходило постепенное снижение статуса ногайских правителей по отношению к русским монархам: от отца к брату и другу и далее

к холопу, т.е. от старшинства к равноправию и далее меньшинству. Этот регресс служит необходимой иллюстрацией при разборе вопроса о степени и характере зависимости Ногайской Орды от России.

Проблема подчиненности Ногайской Орды России. Историографическое состояние данного вопроса весьма запутанно. В литературе царит разноголосица по поводу сроков, терминологии и обстоятельств установления зависимости ногаев от Русского государства. Несомненным достижением историков следует признать разработку объективных факторов этого процесса. По мнению А.Н.Усманова, после падения Казани и Астрахани, а также экономической катастрофы и смуты середины XVI в. у Ногайской Орды не осталось условий для самостоятельного существования, возникла неумолимая необходимость выбора между турецко-крымской и российской ориентацией; бий Исмаил остановился на последней (Усманов А. 1982, с. 124, 125). Такой выбор, считают Р.Г.Кузеев и Б.Х.Юлдашбаев, проистекал не столько из усилий искусной московской дипломатии, сколько из возросшей мощи России, «столкновение с вооруженными силами которой ничего хорошего не сулило» ногаям (Кузеев, Юлдашбаев 1957, с. 52, 53).

Ш.Лемерсье-Келькеже расценивает «привлечение» (cooptation) ногаев на свою сторону как решающий успех Москвы. Оно «явилось результатом редкой комбинации экономической и брачной стратегии, уникального, предельно удачного случая в мусульманской политике России» (перемещение рынка основного сбыта заволжских лошадей из Стамбула в Москву; привязка Орды к обширному русскому импорту; женитьба Ивана IV и бия Дин-Ахмеда на кабардинках, сестрах-Темрюковнах) (North 1992, p. 22, 23).

Большую помощь при исследовании вопроса о степени зависимости Ногайской Орды от Московского царства оказывают разработки критериев подданства, определенные, в частности, А.А.Преображенским и Б.-А.Б.Кочекаевым.

А.А.Преображенский анализировал эту проблему на материалах истории Северо-Западной Сибири, Обдорского и Кондинского княжеств XVI–XVII вв. По его заключению, русские государи считали территории подвластными себе, если, во-первых, те упоминались в большом царском титуле; во-вторых, их население выплачивало дань, определенную царской грамотой; в-третьих, исполняло «службу», т.е. отправлялось на войну по приказу из Москвы (Преображенский 1972, с. 45).

Б.-А.Б.Кочекаев определял меру зависимости Ногайской Орды по ряду аналогичных и иных параметров: Иван IV (и, добавим, никакой другой российский монарх) никогда не титуловался ногайским царем или князем; ногаи никогда не платили дань ему — напротив, из Москвы мирзам шли поминки, затем жалованье; связи с ними осу-

ществлялись через Посольский приказ, из Большой Ногайской Орды в русскую столицу направлялись официальные посольства (Кочекаев 1969а, с. 58, 59; Кочекаев 1988, с. 97, 98).

Автор этих строк также посвятил определению формальных признаков подданства небольшую работу, предложив в качестве основных критериев следующие: включенность территории (народа) в высшую государственную символику — большой царский титул, большой государственный герб, конституцию; налогообложение в пользу единого государства; распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства. По моему мнению, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она обзаводится хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев (Трепавлов 1999б, с. 116, 117).

Состояние источниковой базы и в определенной мере национальная принадлежность большинства исследователей породили русоцентристский подход к интересующей нас теме, т.е. оценка степени зависимости ногаев производилась исключительно с позиций русской стороны. Лишь Р.Хелли в 1990 г. впервые поставил (но не решил) задачу анализа ее в интерпретации самих кочевников. По замечанию Р.Хелли, до 1556 г. они видели в Московской Руси своего вассала, а затем союзника. В число же российских подданных ногаи не входили до 1730–1790-х годов (Hellie 1990, p. 103).

Общую схему решения проблемы предложил А.Каппелер (1992 г.): «С точки зрения степняков, подчинение было ни к чему не обязывающим, временным ограничением, сделкой с соответствующим государем (не только русским! — *В.Т.*). С точки зрения Москвы, напротив, как видно из сообщений летописей и наказов послам, уже шерть 1557 г. и тем более последующие соглашения рассматривались как легитимные договоры и первые шаги к установлению московского господства над Ногайской Ордой». При этом немецкий историк справедливо считает, что при исследовании вопроса об установлении российского господства над ногаями (принадлежащего к запутанной теме присоединения земель к России) следует больше доверять дипломатическим документам, нежели официальным хроникам, искаженным политическими пристрастиями (Kappeler 1992, p. 101, 103).

Для начала рассмотрим спектр суждений о характере зависимости и сроках ее установления. В литературе распространено убеждение о вступлении Больших Ногаев в п о д д а н с т в о русскому царю (Кидырниязов 1991а, с. 115; Рычков 1774, с. 51; Самарская 1993, с. 37; Санин 1987, с. 57; Фирсов 1866, с. 85; Podhorodecki 1987, p. 105). К нему примыкает концепция о п р и с о е д и н е н и и Большой Ногай-

ской Орды к России (вхождение в состав) (Дьякова, Чепелкин 1995, с. 57, 78, 80; Кичиков 1969, с. 60). Это наиболее жесткая оценка степени зависимости. Ее сторонники считают, что Ногайская Орда полностью утратила самостоятельность.

Подавляющее же большинство исследователей не видят в ногайско-русских отношениях признаков окончательного подчинения кочевников Москвой, поэтому ведут речь о московском протекторате (Буканова 1981, с. 13; История 1979, с. 291; Кычанов, Литвинский 1979, с. 193; Савельев Е. 1918, с. 92) или о разного рода зависимости — вассальной (Жирмунский 1974, с. 480; Кореняко 1996, с. 32; История 1997, с. 418; Назаров 1998, с. 48, 62; Очерки 1967, с. 233; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 231), даннической (Чагин 1995, с. 25), односторонней экономической (Kappeler 1992, p. 104), слабой (Смирнов Н. 1948, с. 27; Смирнов Н. 1958, с. 48) или, наоборот, полной (Моисеева 1956, с. 186).

Иногда встречаются мнения о существовании между двумя державами союза, т.е. равноправного партнерства, в том числе и во второй половине XVI — начале XVII в. (Горсей 1990, с. 192 — примеч. А.А.Севастьяновой; Трепавлов 1997 г, с. 154).

Ряд историков, которые не занимались специально изучением Ногайской Орды, но касались ее по ходу исследования других тем, разумно обходили вопрос о подданстве или союзе, ограничиваясь нейтральными формулировками: нахождение ногаев под верховной властью русских (Бартольд 1968б, с. 591); сохранение остатков политической самостоятельности при зависимости от Москвы (Бернадский 1939, с. 101); подчинение или подчиненное положение ногаев по отношению к царю (Очерки 1955а, с. 368; Шмидт 1964, с. 56); постепенное приведение в зависимость от Москвы «благодаря умелой и ловкой политике московского правительства при Грозном и Федоре Ивановиче» (Любавский 1996, с. 273).

Историографическая ситуация осложняется еще и тем, что некоторые ученые со временем меняют свои подходы и трактовки. Скажем, Е.П.Алексеева долго была убеждена в присоединении Больших Ногаев к Русскому государству, принятии русского подданства (Народы 1957, с. 123; Очерки 1967, с. 128, 129), но в конце концов пришла к выводу о политическом союзе между ними (Алексеева 1991, с. 68, 69). М.Г.Сафаргалиев видел в этих отношениях сначала вассалитет ногаев (Сафаргалиев 1938, с. 152; Сафаргалиев 1949а, с. 50), а затем вхождение в состав России (Сафаргалиев 1952, с. 44).

Подобный разнобой в оценках не всегда происходит от переосмысления авторами материала источников или пересмотра доказательной базы своих концепций. Нередко это является результатом нечеткости, неразработанности критериев подданства / протектората / вассалитета / союза и т.п. Отсюда даже в одном и том же сочинении могут

встречаться различные термины. В статье Б.-А.Б.Кочекаева, специально посвященной этому вопросу, можно прочесть и о «российском протекторате с элементами вассалитета», и о том, что «Ногайская Орда стала вассалом России» (Кочекаев 1969а, с. 58–60). А.А.Новосельский писал как о вассальной зависимости, так и о полном подданстве ногаев царю, установлении его полного сюзеренитета над Ордой при Исмаиле (Новосельский 1948а, с. 14, 27, 40, 55 и сл.); А.Н.Усманов — о вассальной зависимости и присоединении к России (Усманов А. 1982, с. 98, 124, 125).

Впрочем, ясности по данной проблеме не было и у наблюдателей XVI–XVII вв. Иностранные источники по-разному описывают ногайско-русские отношения. В начале XVII в. Дж.Горсей полагал, что ногаи в свое время были завоеваны Иваном IV; С.Какаш и Г.Тектандер — что «ногайцев... московиты ***отчасти подчинили*** себе»; П.Петрей считал русского государя «царем-покровителем» ногаев (Горсей 1990, с. 90, 91; Какаш, Тектандер 1896, с. 19; Петрей 1867, с. 66).

Относительно исходных события и даты установления зависимости оформилось доминирующее мнение — это шерть бия Исмаила 1557 г. (или — шире — его шерти 1554–1557 гг.) (см., например: Кидырниязов 1991а, с. 115; Кочекаев 1988, с. 95, 96; Лунин 1956, с. 6; Народы 1957, с. 123; Новосельский 1948а, с. 14; Очерки 1986, с. 128; Самарская 1993, с. 37; Усманов А. 1982, с. 126; Podhorodecki 1987, р. 105). М.Г.Сафаргалиев попытался максимально уточнить срок «вхождения ногаев в состав Московского государства»: не ранее 1556 г., когда Исмаил еще общался с Иваном IV как равный с равным, и не позднее 1557 г., когда он назвал себя холопом царя (Сафаргалиев 1938, с. 152).

Выше мы убедились в условности холопства Исмаила в 1557 г., поскольку впоследствии он все же смог поставить себя в глазах Ивана IV как его друга и брата (т.е. равноправного государя). Исследователей подстерегает ловушка — летописная и официальная московская версия событий: по ней «присяга 1557 г. описана, разумеется, в выражениях, которые убеждали в подчинении (ногаев. — *В.Т.*). Они приводятся Сафаргалиевым и Кочекаевым как собственные слова Исмаила в качестве доказательства вассальных отношений. Но на самом деле это были косвенные высказывания, переданные речами московских дипломатов» (Kappeler 1992, р. 102).

Причина «подчинения» ногаев в 1550-х годах столь же популярна в историографии — это русское завоевание Казани и Астрахани, занятие российскими войсками татарских ханств и овладение тамошними рынками (см., например: Кичиков 1969, с. 60; Кочекаев 1988, с. 89; Кычанов, Литвинский 1979, с. 193; Очерки 1955а, с. 368; Санин 1987, с. 57; Фирсов 1866, с. 85; Шмидт 1964, с. 56; Bennigsen, Lemercier-

Quelquejay 1976, p. 231)[22]. Кроме того, некоторые авторы указывают на внутриордынские факторы того периода — великий голод и поиск бием поддержки в борьбе против Юсуфовичей (Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976, p. 231, 232; Kappeler 1992, p. 104).

Естественным продолжением таких рассуждений является вывод о превращении союзнических отношений, дружбы Ногайской Орды и Московского царства в вассально-сеньориальные (Жирмунский 1974, с. 480; Кочекаев 1988, с. 96). Но реальная мощь ногайской державы и традиции мангытского самовластия в Дешт-и Кипчаке не позволяли потомкам Эдиге в одночасье отказаться от суверенитета. Лишь Р.Хелли справедливо указал, что «фактически до 1556 г. именно ногаи расценивали Московию как своего вассала, а после того — как союзника»: начальные отец и сын были заменены на брат и друг (Hellie 1990, p. 103), исключая единственный эпизод 1557 г., когда деморализованный неудачами Исмаил неосмотрительно назвал себя холопом.

Через семьдесят лет после этих событий нурадин Кара Кель-Мухаммед писал царю Михаилу Федоровичу: «При дяде нашем Исмаиле князе... ево послы и торговые люди бывали при прежних государех... на Москве, а в то время к московским государем прихаживали литовские и немецкие, и Казыева улуса, и крымские послы. И великие государи Белые цари тем всем... послом [с]казывали и росказывали... что у государя нагаиские татаровя ***холопи*** есть. А я ныне твои государев такои же ***холоп*** есть» (НКС, 1626 г., д. 2, л. 161–162). Эти слова полностью согласуются с идеей А.Каппелера о московской идеологизированной трактовке ногайского холопства-вассалитета. Ведь Кара Кель-Мухаммед ссылается не на шерти, не на детали дипломатических отношений, а лишь на именование его предков холопами при «прежних государях». Более ранние свидетельства из ногайских, русских и европейских документов демонстрируют меньшую степень зависимости: Исмаил «государю ***служил и прямил правдою***, как государь Асторохань взял»; «Исмаил ***был в дружбе*** (а не в холопстве! — *В.Т.*) с московским государем» и т.п. (Акты 1915, с. 81; Дженкинсон 1937, с. 173; КК, д. 12, л. 343 об.; Мазуринский 1968, с. 134; НКС, д. 5, л. 152, 152 об.).

Изредка появляются мнения о более раннем или позднем исходном рубеже зависимости ногаев от Москвы. П.И.Рычков и А.А.Севастьянова сочли таким рубежом 1540-е годы, когда мирзы попросили Ивана Васильевича оборонить их от астраханского хана Ямгурчи (Горсей 1990, с. 192; Рычков 1774, с. 51); Г.Н.Чагин — почему-то 1563 г. (смерть Исмаила и «вокняжение» Дин-Ахмеда?) (Чагин 1995, с. 25);

---

[22] Шведский дипломат П.Петрей де Ерлезунда в 1620 г. тоже считал, что московский государь сделался для ногаев «царем-покровителем с тех пор, как овладел Казанью и Астраханью» (Петрей 1867, с. 66).

А.Каппелер — шертование Уруса после замирения с Москвой в 1587 г. (Kappeler 1992, p. 102).

Я солидарен с мнениями тех ученых, которые, даже приписывая Большой Ногайской Орде полную подчиненность российским монархам, рассматривают этот процесс как протяженный во времени и противоречивый. Так, Е.П.Алексеева указывала, что после «присоединения к Русскому государству» при Исмаиле Ногайская Орда не раз «ускользала из русского подданства, но потом снова присягала на верность» (Очерки 1986, с. 129). О своеобразном откате во взаимоотношениях при Дин-Ахмеде и особенно Урусе писали многие авторы. А.А.Новосельский и И.И.Смирнов, отметив этот откат и возвращение Уруса «в московского волю», посчитали формальным началом подчинения ногаев провозглашение Иштерека бием по указу Бориса Годунова 1600 г. (Новосельский 1948а, с. 15, 28, 40, 56; Очерки 1955а, с. 481). А.Каппелер расценил события 1587 г. только как кратковременное признание Урусом своей покорности Москве, а реальный вассалитет видится ему тоже с 1600 г. (Kappeler 1992, p. 103). Р.Г.Буканова еще более осторожна в суждениях и пишет, что в первой половине XVII в. у русского правительства существовало только «стремление к установлению протектората над экономически и политически слабыми соседями», в том числе над ногаями (Буканова 1981, с. 13).

Таким образом, в исторической литературе наблюдается широкий разброс мнений, и общий подход по поводу характера и сроков установления зависимости Ногайской Орды от России пока не выработан. Попытаемся рассмотреть особенности ногайско-русских отношений по принципу приближения к категории подданства (т.е. полного подчинения) в соответствии с перечисленными выше критериями.

Ногайская Орда или ногаи никогда не включались в большой царский титул. Это может служить показателем того, что Москва не расценивала их как часть подвластного царства в отличие от бывших казанских владений, территорий астраханских и сибирских татар, перечисленных в титуле. Данный формальный аспект отмечали Б.-А.Б.Кочекаев и М.Г.Сафаргалиев (Кочекаев 1988, с. 97; Сафаргалиев 1949а, с. 49).

Мнение Е.Н.Кушевой о том, будто в середине XVI в. царь «стал официально называться государем кабардинских горских черкасских князей, ***ногайских***, абазинских и иных народов» (Очерки 1967, с. 233), основано, вероятно, на недоразумении. Мне неизвестен вариант титула с упоминанием ногаев. Единственный случай причисления их к государевым подданным относится к концу 1580-х годов, к перечню «новоприбылых» в 1587–1589 гг. государств: царь юргенчский и царевич хивинский, князь Шевкальский и земля Иверская, государство Тюменское (на нижнем Тереке), Окотцкая и Черкасская земли (т.е. Чечня и Кабарда), «кабардинские, абазинские и ногайские орды за

Волгою и меж Волги великие и Дону» (Белокуров 1888, с. CXVI). Данный список грешит явным преувеличением, поскольку Хивинское ханство (Хорезм) и большинство перечисленных здесь кавказских владений не входили и не могли в XVI столетии входить в состав России; отсюда ясна некорректность причисления к «новоприбылым» и Ногайской Орды.

Ногаи не платили государственных налогов (тягла) и ясака. П.Петрей описал систему отношений таким образом: Иван IV сделался их царем-покровителем, «однако же не на том уговоре, чтобы они платили ему дань, а на том, что, если он пришлет к ним гонца, их начальник должен быть готов явиться к нему с известным числом вооруженных и служить ему без жалованья, впрочем, получая в свою пользу добычу и награбленное имущество, сколько добудет» (Петрей 1867, с. 66).

Эти утверждения согласуются с протокольным образом ногаев в наказах московским послам в Речь Посполиту во второй половине XVI в. Стандартная формулировка такова: они «государю послушны, все во государской воле государю служат, куды им государь велит, и они на государеву службу ходят». Относительно астраханских татар дается аналогичный текст, но с принципиальным добавлением: «...государю послушны ***и ясаки государю платят***, и на государеву службу ходят, где им государь велит» (ПДПЛ, т. 3, с. 154, 165, 179, 194). Обитатели «юртов» у Астрахани под надзором воевод являлись подданными царя, что подтверждалось именно фактом ясачных выплат. Но на ногаев эта норма не распространялась. Они действительно с удовольствием ходили на «службу» — воевать на западных границах Руси (см.: Трепавлов 1998б), но не считали это следствием включенности в состав Московского царства.

Лишь с середины XVII в., когда множество разоренных улусов стало оседать в окрестностях русских крепостей, появились сведения о регулярных платежах. Итальянец-аноним в 1657 г. записал, что «великий хан ногаев... платит дань лошадьми и войлоками, выделываемыми из самой белой шерсти». Причем речь здесь не об астраханских ногаях-юртовцах, а о степных, так как тут же сказано, что порою они «восстают против великого князя» и совершают набеги на Россию (Письмо 1871, с. 309). Правда, никакого «великого хана» у ногаев ни тогда, ни раньше не существовало.

До конца истории Ногайской Орды ее предводители общались с правительством России через Посольский приказ. Наиболее нагляден данный критерий относительно первых десятилетий XVII в., когда, по логике многих исследователей, Большие Ногаи уже давно входили в состав Московского государства. В 1613/1614 (7123) г. от имени царя Михаила Федоровича в Казань была прислана грамота, предписывавшая воеводам

сообщать в Казанский дворец и в Посольский приказ («и в ыные ни в которые приказы... писать не велено») о приезде и занятиях иноземцев — турок, бухарцев, хивинцев, черкасов, ногаев «и иных государств послы и посланники, и гонцы, и купчины, и тезики (гости-караванщики. — *В.Т.*)» (ПДП, т. 3, с. 639). Следовательно, наряду с османами и прочими ногаи считались на Руси иностранцами, и занималось ими внешнеполитическое ведомство.

В штате и делопроизводстве последнего ногайское направление деятельности было обычным: при Годунове содержалась группа служилых татар «для турские и крымские, и нагайские, и иных в мусульманские государства посылок», а в расходных книгах Посольского приказа 1610-х годов траты на содержание посольств из Большой Ногайской Орды расписаны наряду с тратами на обслуживание дипломатов из Крыма, Дании, Англии и т.д. (см.: Акты 1914, с. 378; Кологривов 1911, с. 45–48). Примечательно, что даже те мирзы, что клялись в своей неотступности и «прямом холопстве навеки», общались с государем посредством официальных послов, которых просили отпускать из Москвы без задержек (см., например: НКС, 1586 г., д. 3, л. 2).

Ограничение внешнеполитической самостоятельности является ведущим признаком протектората, равно как и присутствие в протежируемом государстве резидента-советника при местном правителе (Национальные 1998, с. 375 и сл.). В ногайско-русских отношениях второй признак незаметен совершенно, а вот первый то и дело проявлялся.

Опираясь на шерти Исмаила, московское правительство считало себя вправе требовать от биев подконтрольности их внешних сношений. Но после смерти Исмаила заключенные им соглашения утратили силу, и русские власти были вынуждены ссылаться не на их пункты, а на пример и волю бия. В 1581 г. Урусу отписали: «А приказ отца вашего Исмаиля князя к вам был, что вам мимо нас ни с кем в дружбе не быти» (НКС, д. 9, л. 196 об.). Однако Урус, как известно, не внял этим доводам и в 1580-х годах самостоятельно сносился с иноземными правителями.

Иштереку, получившему инвеституру от царя, пришлось пойти на добровольное ограничение своих внешнеполитических полномочий. Пространное шарт-наме от 23 ноября 1604 г. гласило: «...не приставать и не ссылатись... ни о каком умышленье» с султаном, шахом, узбекскими, казахским и крымским ханами, шамхалом, кабардинскими князьями; послов и грамоты от них отправлять к воеводам в Астрахань «или в ыные городы к... воеводам, в которые ближе» (НКС, 1604 г., д. 1, л. 4–5).

В пору своего разрыва с Москвой Иштерек пытался налаживать суверенные связи с соседями. Но по возвращении «под высокую руку»

в январе 1615 г. вновь принял на себя те же обязательства, что и в 1604 г. (НГ, д. 25, л. 6). Правда, при этом он продолжал попытки самостоятельных контактов с иранцами и калмыками, требуя, чтобы жалованье из Москвы посылалось ему непосредственно, а не через воевод. Поэтому в шерти 1615 г. предусматривалось информирование о посольствах к бию не только астраханских воевод, но и государя (НГ, д. 25, л. 6; Новосельский 1948а, с. 139). Правительство выполнило эти его условия, и Иштерек тоже старался соблюдать договор. Когда в Стамбул двинулись русские посланцы, бий сообщил, что и он, «смотря на то ж, с турским сослался. А будет тебе, государю, то негодно, и я с турским ссылатца не стану» (НКС, 1615 г., д. 4, л. 5).

Следовательно, данный параметр протектората наблюдался в политическом режиме, установившемся в Большой Ногайской Орде начала XVII в., и российского монарха, видимо, можно расценивать как протектора ногаев.

При этом не следует абсолютизировать, осовременивать значение шертных договоренностей XVI–XVII вв., принимать их за непременные обязательства для сторон, по аналогии с международными пактами нового времени. Шерть действовала, во-первых, официально — пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически — пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение. Историки замечали, что сами по себе шертные договоры не были прочными и не вели к какому-то подчинению ногаев Русскому государству. Мирзы зачастую использовали их для получения жалованья от правительства и при этом много раз нарушали обязательства (Михайлова 1956, с. 153; Перетяткович 1882, с. 131). Русская же сторона в XVII в. постоянно настаивала на холопстве, подданстве — на основе именно шертных соглашений.

Характерный пример такой коллизии содержится в наказе послу в Иран 1616 г. На вопрос о ногаях и черкесах следовало отвечать, что те и другие служат государю. Если же шах станет недоумевать, отчего же тогда Большие Ногаи воюют с кабардинцами, «и толко б государю служили ногаи, и они б государевых холопей не воевали», то нужно было парировать: «Учинилась меж их ссора улусными людми... А то не диво, что они меж себя ссорились. И в деревне на суседстве меж собою обычной черной человек с суседом по ссоре бьютца, и мертвые бывают. А то (ногаи и кабардинцы. — *В.Т.*) царского величества подданные, а в своих землях владетели; ссора сталась, и они и повоевались» (ПДП, т. 3, с. 225). Между тем дело заключалось не во внутригосударственных «суседских» конфликтах народов. При складывании соответствующей конъюнктуры горцы и ногаи готовы были признавать верховенство царя над собой, но при изменении обстоятельств с такой же легкостью переходили в столь же

призрачное «подданство» к османскому султану или крымскому хану[23].

На Ногайскую Орду никогда не распространялось российское законодательство — положения Судебников, царских указов, боярских и соборных приговоров. Правительство и не стремилось к этому, признавая за заволжскими правителями суверенитет. В посольской памяти 1571 г. содержалось следующее объяснение в ответ на возможный вопрос крымского хана о том, почему русские допускают отъезд ногаев из Большой Орды в Малую: «А то нам ведомо, что многие нагаиские люди х Казыю отъехали. А Нагаиская Орда — великая, а люди в неи волные, где хотят, там и служат» (КК, д. 13, л. 440 об.–441).

Вместе с тем с ногайской стороны иногда выдвигались рискованные инициативы, осуществление которых вело бы к полному подчинению Орды Москве. Посол бия Дин-Ахмеда в 1564 г. сообщил Ивану IV, что Исмаил в свое время завещал детям передоверить распределение кочевых улусов царю: «...кому на котором улусе велишь быти, то положилися на тебя» (НКС, д. 6, л. 207–207 об.).

В период разложения и распада степной державы, в 1620-х годах, кековат Джан-Мухаммед в недатированной грамоте тоже просил царя Михаила Федоровича «указати, где кочевати» Тинмаметевым и Иштерековым мирзам с улусами, т.е. взять на себя главнейшую функцию кочевого сюзерена (НКС, 1586 г., д. 3, л. 4).

А в декабре 1628 г. высокородная делегация явилась к астраханским воеводам с небывалым в истории ногайско-русских отношений предложением. Она обратилась с идеей «в своих ссорах, что будет у них и улусных их людеи вперед учинятца, по прежним своим бусурманским обычаем самим (ногаям. — *В.Т.*) не управливаться ни в чем, а хотят... они, Канаи князь и мурзы, и все их улусные люди, вперед быти оборонены твоим царским праведным судом и обороною — так же, как и русские люди; а не так, как бывало наперед сево: во всяких своих недружбах ведалися и управливалися они меж себя сами... И тебе, великому государю, пожаловать их... розправлять своим царским милостивым указом и виноватым чинити наказанье, смотря по винам — так же, как и руским людем».

Причиной сенсационной затеи объявлялась неспособность удержать Орду от развала с помощью кочевых традиций: «А толко... тое твоее государевы милости не будет, и ведатца им в своих обидах и управливатца меж себя самим по прежним их обычаем — и им...

[23] Впоследствии посольские приказные дьяки решили, что аналогия с деревенской дракой прозвучит для сефевидского двора неубедительно, и в наказ была вставлена фраза о том, будто столкновение Больших Ногаев с горцами произошло «еще до тех мест, покаместа Иштерек князь и... мурзы царскому величеству не шертовали» (ПДП, т. 3, с. 350).

досталь (т.е. окончательно. — *В.Т.*) меж себя разоритца, и улусные люди от них розбредутца» (НКС, 1629 г., д. 1, л. 137–138).

Принимать под непосредственное управление многочисленных, растекавшихся по степям кочевников правительство не собиралось, не желая, как пишет А.А.Новосельский, вступать на новый, непривычный для него путь (Новосельский 1948а, с. 149) (хотя Астраханское ханство и Юго-Западная Сибирь, населенные в значительной мере кочевниками, были беспрепятственно включены в территорию государства!). Большие Ногаи традиционно воспринимались как иноземцы, соседи России, не принадлежащие к ее населению. Поэтому воеводы, ссылаясь на полученные из столицы инструкции, ответили бию и мирзам, что царь «их поволности отнимати у них не велел», но указал, «чтоб им... жити в поволности и в покое по их обычаем, как повелось исстари. А неволити их... государь от их прежних обычаев ничем не велел» (НКС, 1629 г., д. 1, л. 142).

К 1640-м годам Ногайская Орда окончательно рухнула, так и не сумев добиться своего включения в сферу действия российских законодательных и административных норм.

Ногайская Орда никогда не входила в российские воеводства и разряды, не делилась на уезды. Если трактовать статус ее как завоеванной русскими и вошедшей в состав Московского государства, то логично предположить, что и территория ногайских кочевий должна была считаться с тех пор государевой. Так и рассуждал в конце XVI — начале XVII в. Дж.Горсей: «Царь Иван Васильевич... завоевал... многочисленные народы ногайских и черкесских татар, населявшие пространства в две тысячи миль по обе стороны... реки Волги и даже на юг до Каспийского моря» (Горсей 1990, с. 90–91).

Подобная точка зрения встречается и в современных сочинениях. Так, Р.В.Овчинников решил, что после присоединения Казани, Астрахани и Башкирии «царское правительство стало рассматривать земли по Яику как неотъемлемую часть страны», а яицкие казаки уже в то время (1550-е годы!) защищали Русь от кочевников, «от попыток отторгнуть Яик от России» (Овчинников 1970, с. 188).

Такой подход не сообразуется с реальностью XVI столетия. Ногайская столица на Яике стояла до 1581 г., мирза Канай вывозил в свои стойбища замерзавших в устье реки служилых людей в середине 1590-х годов (см. главу 8). Правда, анонимная «История калмыцких ханов», написанная не ранее начала XVIII в., представляет ногайские яицкие кочевья как царское достояние. В 1630 г., по сообщению этой «Истории», торгоутский тайши Хо-Урлюк подчинил ногаев в междуречье Волги и Яика. «Хотя эта страна и принадлежала Цаган Хану (т.е. „Белому царю“. — *В.Т.*), но Хо-Орлек, несмотря на дружественные сношения, овладел этой страной» (История 1969, с. 52, 53).

Ко времени составления хроники указанной территорией давно владела Россия, и калмыки свыклись с этим. Но их предки в предыдущем столетии смотрели на проблему иначе. В ноябре 1649 г. сын Хо-Урлюка, Дайчин-тайши, говорил посланнику И.И.Онучину в ответ на упрек, что нынешние пастбища калмыков никогда им не принадлежали: «Земля... и воды Божьи, а преж... сево та земля, на которых (так в тексте. — *В.Т.*) мы и ногаицы ныне кочюем, была ***нагаиская, а не государева***... И мы... на те места пришед, и нагаицов с тово места збили... А на тои... земле и по тем рекам государевых городов нет» (КД, 1649 г., д. 5, л. 23).

Следовательно, в первой половине XVII и тем более в XVI в. ногайские кочевья не воспринимались как российская территория. Если и усматривать какие-то притязания правительства на обладание ими, то все равно настоящего административного освоения региона не происходило и даже считалось нежелательным, потому что Москва на протяжении десятков лет, как мы видели выше, отказывалась брать на себя распределение улусов и маршрутов передвижения стад.

Учитывая такую разноречивость между декларативным статусом и действительным положением дел, обратимся к еще одному весомому аргументу сторонников подданства Больших Ногаев царю — категории их холопства.

Конечно, ногайские бии и мирзы, т.е. мангытская аристократия, не имели ничего общего с русскими холопами — зависимым населением, принадлежавшим к социальным низам. Холопство в документах ногайско-русской переписки означало подданство государю. Но понималось оно обеими сторонами в разное время по-разному. Если оставить в стороне кратковременный эпизод холопства Исмаила во второй половине 1550-х годов, то в грамотах это понятие прочно утверждается с начала XVII в. Царская инвеститура бия Иштерека и массовое переселение мирз Урусовых и Тинбаевых в Астрахань под защиту воевод породили в Москве убеждение в их полном подданстве, холопьем статусе. В 1643 г. холопству тридцати едисанских мирз воеводы насчитывали сорок лет (НКС, 1643 г., д. 1, л. 2).

В этих условиях уже немыслимым было обращение царя к бию как к равному владыке, и Михаил Федорович писал так: «Иштереку князю... наше царское повеленье, милостивое слово» (НКС, 1613 г., д. 5, л. 147). Если же тот осмеливался возвращаться к прежним нормам отношений и аттестовать государя как друга, то получал жесткую отповедь (см. выше). Не вмешиваясь во внутренние дела Большой Ногайской Орды, российское правительство тем не менее не прочь было присвоить себе функцию арбитра в конфликтах между мирзами. По поводу одного такого конфликта в сентябре 1628 г. Посольский приказ отписал самарскому воеводе: «Великии государь, его царское величество, богоизбранныи, премудрыи и благородн[ы]и, непамято-

злобивыи и ко всем своим подданным равно милость свою кажет и винным вины отдает, и к тому вины их не поминает. То им (мирзам. — *В.Т.*) и самим ведомо» (НКС, 1628 г., д. 4, л. 4). Таким образом, московское правительство с начала XVII в. стало все более склоняться к признанию своего сюзеренитета над ногаями (но стихийно складывавшегося, а не планомерно устанавливаемого!).

То, что Исмаил именовал себя холопом, вовсе не означало вхождения бия в число российских подданных, как считали Е.П.Алексеева, М.Г.Сафаргалиев и многие другие. Внук Исмаила, Канай б. Динбай, полностью зависимый от русской администрации, тоже уверял, будто дед «учинился в прямом холопстве» (НКС, 1616 г., д. 1, л. 95, 96). Но для сохранения своих улусов и для поддержки воевод Канай был готов признать все что угодно, лишь бы убедить их в своей наследственной преданной службе. Он не гнушался заявлять, что и бийский ранг достался Исмаилу по воле царя Ивана Васильевича (НКС, 1619 г., д. 2, л. 307). Правительство разделяло эти ложные суждения, внушая бию Иштереку, будто его отец Дин-Ахмед и дед Исмаил «писались холопами» (НКС, 1616 г., д. 2, л. 6).

На самом же деле впервые после 1557 г. готовность пребывать «в твоеи воли и в холопстве» выразили в 1578 г. дети Дин-Ахмеда, Ураз-Мухаммед и Дин-Мухаммед (НКС, д. 8, л. 379), которые только что похоронили отца и собирали силы для борьбы с новым бием, Урусом. Однако само по себе холопство (*куллук*[24]) не означало принятия каких-то обязательств. Ведь еще в 1508 г. мирза Мамай б. Муса предлагал военный союз Ивану III на условии, что тот будет рассматривать его как своего холопа и брата (Посольская 1984, с. 82). Ясно, что в первые годы XVI в. набирающая силы мангытская держава не помышляла о подданстве «неверному» московитянину. О сближении русской и ногайской трактовок холопства можно говорить, очевидно, лишь с начала 1630-х годов, когда в грамотах степных вельмож появились характерные для русских подданных уничижительные формы имен: «мурзишка», «князь Канайка» и т.п. (см., например: НКС, 1630 г., д. 3, л. 42; 1631 г., д. 1, л. 69).

После распада Ногайской Орды о шертях, когда-то заключенных ее прошлыми правителями, ногаи уже и не вспоминали. Всякий раз вопрос о подданстве России поднимался словно впервые. Показательна в этом отношении реакция мирз, кочевавших в Причерноморье, на Переяславскую раду 1654 г. Узнав об условиях присоединения Украины к России, они уже через месяц после Рады обратились к царю через Богдана Хмельницкого: «Пожаловал... ты, государь, велел... черкас (т.е. украинцев. — *В.Т.*) ... под свою государеву высокую руку

---

[24] Например, *куллукумуз* в арабописьменном оригинале грамоты казыевского мирзы Али б. Хорошая Уракова 1629 г. переведено в Посольском приказе «наше холопство» (НКС, 1629 г., д. 1, л. 311, 312).

принять, и крест... тебе, государю, они, черкасы, целовали. И они... мирзы, с своими улусами тако ж хотят быть под твоею государевою высокою рукою в холопстве» (АМГ, т. 2, с. 365). Алексею Михайловичу было тогда не до ногаев, и очередного холопства не получилось. Но ясно, что ни царь, ни мирзы не считали остатки Ногайской Орды входящими в состав Московского государства.

Отличало ногаев от россиян и взятие заложников, что не практиковалось в отношениях с населением внутри страны. Правительство не желало отказываться от аманатства, т.е. не желало признавать кочевников россиянами. Это понимал кековат Джан-Мухаммед, когда настаивал: «И будет, государь, пожалуешь меня, ***холопа своего***, назовешь ***прямым холопом*** (т.е. своим законным подданным. — *В.Т.*), и тебе бы, государь, пожаловать нас — в омонаты из нас в Астарахань имати не велеть» (НКС, 1586 г., д. 3, л. 2). Но царь не «пожаловал», и взятие аманатов продолжалось. Ведь это было одним из немногих средств воздействия на ногаев.

Из-за неподсудности российским законам и неподчиненности воеводам правительство не могло применять к ногаям те средства насильственного воздействия, которые оно использовало против непокорных русских подданных. Помимо взятия заложников в Астрахань и Терский городок правительство могло грозить биям и мирзам лишением жалованья и небесными карами («Божий огненный меч убьет»), «наводить» на них волжских и донских казаков, задерживать в Москве ногайских послов и уменьшать им содержание. Лишь в XVII в. астраханские воеводы изредка сажали в свою тюрьму некоторых степных сановников, но обычно они содержались на Закладном дворе и в общем контексте ногайско-русских отношений рассматривались все-таки как аманаты, а не как преступники против монарха.

Вопрос о степени зависимости Ногайской Орды от Московского царства решается, видимо, следующим образом. До конца XVI в. обе стороны являлись союзницами, хотя начиная с середины 1550-х годов ногайская сторона стала расцениваться как младший партнер. С 1600 г. наступает несомненная вассальная зависимость бия Больших Ногаев от царя, поскольку глава Орды становился таковым по царскому указу и по разработанному русскими властями церемониалу. Более того, Иштерек и мирзы шертовали кроме прочего на том, что и «вперед князьям нагаиским садитись на княженье, и кому быти нурадынством — по государеву... жалованью и повеленью в царского величества отчине Асторохани. А мимо царского величества жалованья и повеленья самим нам по своеи воле на княженье и на нурадынство не выбирати и не сажати» (Акты 1914, с. 108; НКС, 1604 г., д. 1, л. 11).

Вместе с тем было бы неверно распространять эти нормы отношений на всю Ногайскую Орду (многие ее улусы тогда уже не подчинялись бию) и на весь последующий период. Со смертью каждого бия и

царя шарт-наме требовали обновления, не говоря уже о периодических случаях нарушения и разрыва договоров. Но даже присутствие в подобных соглашениях явных признаков вассалитета и протектората (ограничение внешних сношений) не позволяет считать ногаев жителями Российского государства: с собственными воеводами и наместниками цари договоров не заключали.

Нарастание признаков зависимости на протяжении первой трети XVII в. и приближение смысла понятия х о л о п с т в о к общерусскому стандарту подданства позволяют заключить, что в конце истории Ногайской Орды между нею и Москвой установились отношения **вассалитета с элементами протектората**[25]. В целом же в течение второй половины XVI — первых десятилетий XVII в. намечалась тенденция к постепенному вхождению Орды Больших Ногаев в состав России, но крах ногайской державы не позволил завершиться этому процессу.

В заключение нашего очерка отметим, что долгие и тесные связи с ногаями не могли не порождать и личные, человеческие контакты. Единственным своим другом называл царя Ивана бий Исмаил; а тот, в свою очередь, по мнению В.М.Жирмунского, лично заботился о бие и его семье (Жирмунский 1974, с. 482). Неформальные нотки начинали звучать, когда приходили вести о кончине верховных правителей. Мирза Мамай б. Муса утешал малолетнего Ивана IV после смерти Василия Ивановича: «Смерть ни от тебя, ни от меня сстала, от праотца нашего Адама и от праматери нашие Евги так ся сстала. Отци умирают, а дети ся на юртех оставают. И ныне мы брата своего, великого князя, отшествие оплакуем» (Посольские 1995, с. 97)[26]. После смерти Дин-Ахмеда царь направил посольство к его женам и детям «в их печали утешити», а старшему сыну покойного, Ураз-Мухаммеду, написал: «То судом Божьим ссталось, и вы б, по себе розсудя, конечно не скорблялись. Смерть не от Бога не живет» (т.е. не бывает без Божией воли). Тронутый таким участием, мирза отвечал Ивану Васильевичу: «И толко ты здоров будешь, ино у нас, у девяти его (Дин-Ахмеда. — *В.Т.*) сынов, отец наш кабы и не умирал» (НКС, д. 8, л. 190, 202 об., 247 об., 248).

---

[25] Б.-А.Б.Кочекаев предлагает словосочетание с обратным порядком элементов: российский «протекторат с элементами вассалитета» (Кочекаев 1969а, с. 59).

[26] Грамота Мамая так умилила чиновников Штаба по управлению военно-учебными заведениями, что в 1836 г. они включили ее в хрестоматию для воспитанников подведомственных школ (см.: Примечательная 1836).

Ногайский компонент в истории и цивилизации Евразии
(вместо Заключения)

В истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. В качестве научного термина это понятие фигурирует в историографии башкир и каракалпаков; фольклорные памятники казахов и киргизов также связывают «героический век» с эпохой господства ногаев (*ногайлы*). Данное терминологическое явление служит отголоском событий XV–XVII вв., когда средневековый народ ногаев и его политическое образование Ногайская Орда занимали территорию степного пояса Восточной Европы и Казахстана. С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и киргизов, татар казанских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также многих народов Северного Кавказа. Влияние ногаев на соседей можно свести к трем аспектам — политическому, этническому и культурному.

Политическое влияние. Ногайская держава доминировала и являлась одним из безусловных гегемонов Восточной Евразии сравнительно непродолжительный срок — в конце XV и первой половине XVI в. Однако ее политическое воздействие на соседей началось раньше и продолжалось после этого периода. Влияние ощущалось прежде всего в татарских ханствах — таких же, как Ногайская Орда, наследниках и «осколках» Золотой Орды. «Эдигу уругу мангыты», правящий клан ногаев, занимали ведущее положение среди золотоордынской нечингисидской знати в XV в. Поэтому, когда государство Джучидов распалось, потомки мангытского беклербека Эдиге тоже заняли посты беклербеков в наследных Юртах. Правда, в Крыму и Казани эта должность существовала лишь формально, но в Большой Орде и иногда в Астрахани мангытский беклербек являлся действительным соправителем монарха (см. главы 3, 4, 5).

После разгрома крымцами Большой Орды в начале XVI в. бóльшая часть живших там мангытов переселилась в крымские владения, заняв кочевья между Перекопом и Днепром (см. главу 4). Основная же

масса мангытов и ассоциированных с ними племен-элей (т.е. ногаи) сконцентрировалась в междуречье Волги–Яика–Эмбы и образовала Ногайскую Орду. Отношения новой державы с крымскими ханами-Гиреями складывались непростые, часто враждебные. Тем не менее нередки были переходы ногайских улусов из-за Волги на Крымскую сторону. Эти миграции увеличивали число ногаев в государстве Гиреев. К середине XVI в. клан Мангыт (Мансур-улы) стал одним из четырех знатнейших и наиболее влиятельных в Крыму; в конце того же столетия конница ханства состояла уже в основном из ногаев. В 1570-х годах там была учреждена заимствованная из Ногайской Орды должность нурадина — второго после калги наследника престола (в крымской интерпретации).

Близкое соседство позволяло ногаям влиять на внутреннее положение Казанского, Астраханского и Сибирского юртов, сажать на троны своих ставленников. По некоторым источникам, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена — подданные мангытских биев.

Восточными соседями Ногайской Орды были Казахское ханство и ханства Средней Азии. Отношения ногаев с казахскими династами тоже развивались сложно, между ними случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но во второй четверти произошла ногайская «реконкиста», и Казахское ханство превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили главным образом приютом для беженцев из ногайской державы — биев и мирз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе.

Политическое влияние ногаев на Россию было ограниченным как из-за религиозного (ислам) и экономического (кочевое скотоводство) барьеров, так и по причине отдаленности. Лишь со второй половины XVI в. в Московское царство стали переселяться мирзы; некоторые из них положили начало княжеским фамилиям (Кутумовы, Урусовы, Юсуповы и др.). Ногайские отряды нередко действовали в составе русских армий в Ливонской войне и позже, в кампаниях против поляков, немцев и шведов.

Этническое влияние. В результате драматических событий XVI–XVII вв. группы жителей Ногайской Орды расселились широко за пределами своей степной державы и вступили в активное этническое взаимодействие с окрестными народами[1]. В фольклоре каракалпаков — народа, некогда вышедшего из Ногайской Орды, — сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногай-

---

[1] Историческая память о бывшей прародине выразилась в том, что еще в XVIII в. все подразделения ногайцев — от Бессарабии до Казахстана — считались в глазах крымцев и османов единым народом (см.: Кафави 1933, с. 38).

лы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родо-племенных подразделений (см. главу 10). Народ ногой фигурирует в героическом эпосе киргизов «Манас» как дружественный киргизам, составляющий с ними единое владение, улус (см. главу 1); именно из ногоев происходил сам богатырь Манас.

В результате двух больших волн переселений в XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Особенно заметно было его присутствие на западе Казахстана, где до начала XX в. сохранялись группы ногай и мангытай. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что казахский Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Еще более были распространены группы с названием «ногай» среди башкир, особенно юго-восточных. Есть свидетельства о проживании ногаев на землях Сибирского юрта (см. главу 1)[2].

Инфильтрация ногаев повсеместно влекла за собой увеличение монголоидности в облике населения, количества кипчакских элементов в языке, кочевых черт в культуре. Таким образом, носители этнонима «ногай» проникли в состав почти всех окрестных народов. Не случайно соседи расценивали ногаев как полиэтническую общность, а этим этнонимом называли представителей разных этносов. Ногаями именовали северную группу крымских татар, населявшую степи вне полуострова; для казахов *нугай* — это башкиры и поволжские татары; для башкир и казахов в прошлом *ногай* — сибирские татары;

---

[2] Некоторые аспекты миграций и межэтнического взаимодействия отражены в этой книге. О ногайском компоненте в этногенезе и этнической истории казанских татар см.: Арсланов 1993; Ахметзянов М. 1991б, с. 51; Ахметзянов М. 1993, с. 146, 153, 155; Ахметзянов М. 1994, с. 39; Бурганова 1985, с. 15, 16; Галлямов 1994, с. 175, 176; Исхаков 1993а; Махмутова 1978, с. 15; Уразманова, Шарифуллина 1991; астраханских татар — см.: Арсланов, Викторин 1988, с. 13; Викторин 1991а, с. 48, 49; Викторин 1992, с. 182; Ижбердеев 1994, с. 38; Исхаков 1992, с. 6–10, 27, 28; Мухаметшин 1992, с. 63; Садур 1983, с. 11; сибирских татар — см.: Валеев, Томилов 1996, с. 25, 30, 31; Катанаев 1893, с. 31; Кузеев, Моисеева 1987, с. 101; Кулешова 1995, с. 43; Селезнев 1994, с. 78–80; Томилов 1995, с. 31–34; Фролов 1995, с. 120; крымских татар — см.: Георги 1799а, с. 36; Изиддинова 1980, с. 246; казахов — см.: Аджигалиев 1994, с. 30, 31, 96; Аманжолов 1959, с. 9; Аргынбаев 1991, с. 76, 79; Аристов 1896, с. 376, 380; Валиханов 1986, с. 233; Военно-статистическое 1848, с. 12; Востров, Муканов 1968, с. 98, 107, 108, 238, 246; Вяткин 1941а, с. 43, 51, 52; Ерофеева 1999, с. 215; История 1979, с. 250; Керейтов 1993а, с. 23; Логутов 1929, с. 48; Масанов 1993, с. 108; башкир — см.: Башкирские 1960, с. 174, 187; Кузеев 1974, с. 109, 111; Кузеев 1978, с. 180 (карта), 196; Кузеев 1991; Кузеев 1992, с. 130 (карта); Рахматуллин 1988, с. 178; Трепавлов 1997в, с. 5, 10–12; калмыков — см.: Авляев 1984, с. 381; Цюрюмов 1991, с. 34, 35; узбеков — см.: Аристов 1896, с. 422; каракалпаков — см. библиографические ссылки в главе 10 настоящей книги; донских и уральских казаков — см.: Авляев 1984, с. 382; Бекмаханова 1993, с. 86; Милых 1940, с. 35; Черницын 1995, с. 51, 52. Сводку распространения этнонима «ногай» у тюркских народов и библиографию см.: Лезина, Суперанская 1994, с. 311.

для калмыков *иштиг мангад* (т.е. иштяки-мангыты) — башкиры, а *уулун мангад* (горные мангыты) — балкарцы и карачаевцы и т.п. (см., например: Авляев 1984, с. 381, 382; Андреев 1998, с. 32; Аполлова 1976, с. 21, 22; Садур 1983, с. 16).

Культурное влияние. Весьма существенным оказалось воздействие ногаев на материальную и духовную культуру сопредельных стран. Уже в XVI в. жители Ногайской Орды стали для земледельческих народов своеобразным эталоном степных кочевников, скотоводов и конных воинов. Именно оттуда получала основной фонд своей конницы, в частности, Россия: почти ежегодно огромные табуны пригонялись с юго-востока в Москву и Казань. Не будет преувеличением утверждать, что русская дворянская кавалерия в XVI–XVII вв. в большинстве своем формировалась из ногайских лошадей (Денисова 1948, с. 40; Маньков 1951, с. 48; Трепавлов 1997б, с. 110; Kappeler 1992, p. 95; North 1992, p. 22). Соответственно и амуниция всадника (седло, стремена, аркан, саадак, плеть-нагайка[3], боевой нож) заимствовалась из того же источника.

Ногаи прививали навыки обращения не только с лошадьми, но и с другим скотом, а также культуру разведения его в Ставрополье и Дагестане (волы ногайской породы), Осетии и Черкесии (верблюды), на Ярославщине (овцы) (Калоев 1993, с. 60, 87; Очерки 1955б, с. 47; Трепавлов 1997б, с. 112). Ногайские традиции сказывались и на повседневном быте. Например, в России и Турции славились ногайские тулупы-полушубки; астраханские татары при выпекании хлеба пользовались ногайской печью (*нугай пиче*), а на праздниках боролись «по-ногайски» (*нугайга*) — когда соперники охватывали друг друга за поясницы полотенцами; барабинские татары имели обыкновение кочевать «по-ногайски в телегах» и т.д. (Мухаметшин 1992, с. 68, 160; Новосельский 1948б, с. 214; Очерки 1953, с. 463; Уразманова 1992, с. 91).

В ходе своих миграций ногаи несли и некоторые элементы духовной культуры. Литературный язык тюркú Дешт-и Кипчака воспринимался османами как ногайский; калмыки использовали арабское («ногайское», как формулировали в Посольском приказе) письмо в сношениях с Москвой, пока там не обзавелись переводчиками, способными читать «мунгальские» грамоты (НКС, 1642 г., д. 1, л. 112; Эвлия Челеби 1961, с. 101)[4]. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героиче-

---

[3] Описание нагайки (*камши*) у ногайцев и казахов см.: Валиханов 1961б, с. 463, 464; Сикалиев 1994, с. 120.

[4] В ногайских столбцах содержится автограф калмыцкого Лоузан-тайши — каллиграфически выполненное обращение к царю Алексею Михайловичу, написанное монгольским алфавитом. Грамота сопровождается пометкой сотрудника Посольского приказа, что специалиста, способного ее прочитать, не нашлось.

ского эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника мангытских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей (Валиханов 1964, с. 36; Валиханов 1968, с. 491, 492; Камалов 1993, с. 132).

Рассмотрение различных форм влияния ногаев на народы Евразии показывает, что самым ранним было политическое воздействие. Оно достигло кульминации в XV–XVI вв., в эпоху существования Ногайской Орды. Вторым по значимости в тот период было влияние культурное. После распада ногайской державы в первой трети XVII в., когда ногаи расселились по всем направлениям от своего изначального Мангытского юрта, их политическая роль резко снизилась. Но это расселение привело к значительному усилению ногайского этнического влияния и влияния ногайской культуры на соседей[5]. Исторические и этнографические материалы свидетельствуют, что на протяжении последних пяти столетий ногайский народ внес значительный вклад в историю и цивилизацию Евразии.

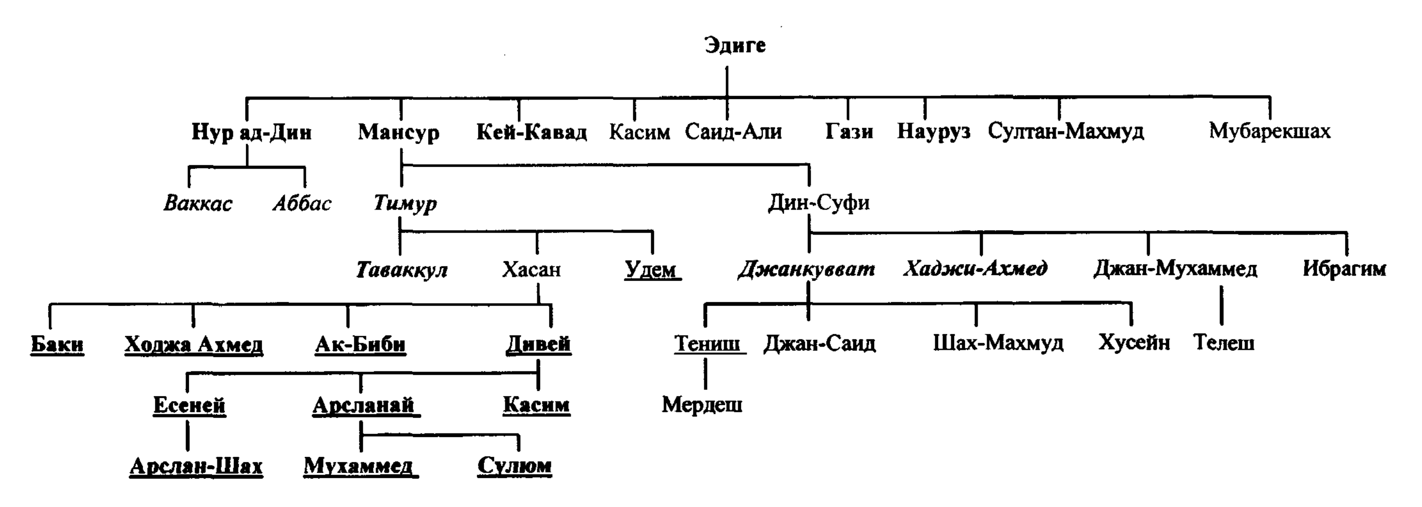
---

[5] Современный этнолог-ногаец Р.Х.Керейтов пришел к выводу, что этнокультурные контакты ногайцев с окружающими народами происходили в первую очередь на экономической основе, а затем следовало уже собственно культурное общение (Керейтов 1992, с. 97).

Приложения

Схема I

Мангытские беки в Золотой и Большой Орде, Крымском, Астраханском и Узбекском ханствах*

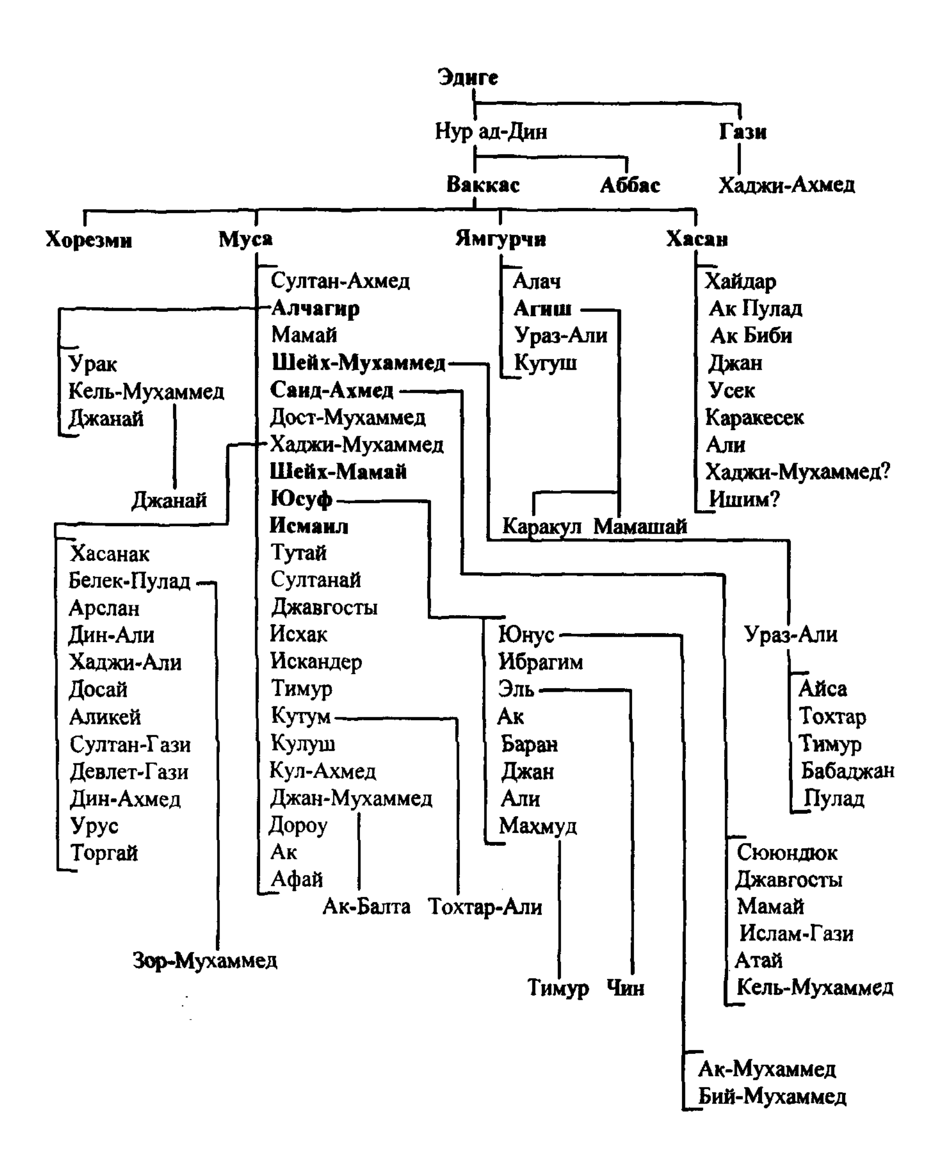
Нур ад-Дин — беклербеки Золотой Орды
Тимур — беклербеки Большой Орды
Ваккас — беклербеки Узбекского ханства
<u>Тениш</u> — астраханские беклербеки
<u>Баки</u> — карачи-беки крымских мангытов (до начала XVII в.)

---

* В генеалогических схемах указаны только лица, упомянутые в тексте книги.

Схема II

Правящий род Мангытского юрта (Ногайской Орды)

Юсуф — мангытские бии

Схема II (продолжение)

Потомство бия Исмаила

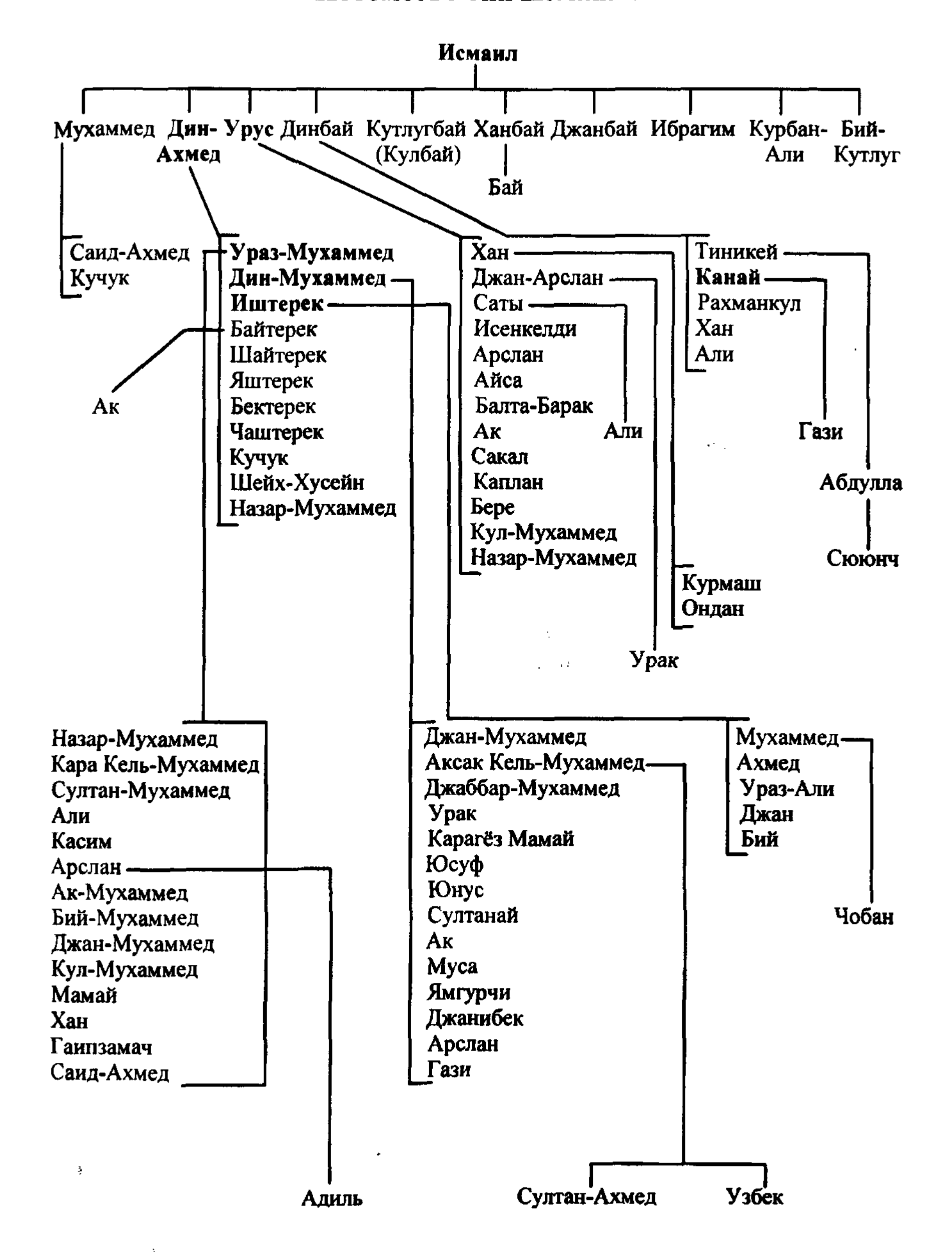

Схема II (продолжение)

Потомство бия Шейх-Мамая (Алтыулы)

Схема III

Бии и мирзы Малой Ногайской Орды

- Муса
  - Алчагир
    - Урак
      - *Хорошай*
        - *Али*
        - *Азамат*
          - *Аллакувват*
      - ***Гази***
        - *Хан*
  - Саид-Ахмед
    - *Мамай*
      - ***Якшисаат***
        - *Хан*
      - *Саин*
      - *Мухаммед*
        - *Айса*
      - *Ахмед*
        - *Бий*
    - *Ислам-Гази*
  - Исмаил
    - Мухаммед
      - Саид-Ахмед
        - ***Баран-Гази***
          - *Кармыш*
        - *Ислам*
          - ***Касим***
            - *Хан-Мухаммед*
            - *Хаспулад*
            - *Науруз*
            - *Султан*
        - *Басай*
        - *Бай*
        - *Али*
        - *Сулеш*
        - *Ваккас*

Гази — малоногайские бии
Саин — малоногайские мирзы

Сокращения

АДД — Автореферат докторской диссертации.
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Подгот. к изд. И.Григорович. Т. 1: 1340–1506. СПб., 1846; т. 2: 1506–1544. СПб., 1848.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. Гл. ред. И.Григорович. СПб., 1841; т. 2: 1598–1613. Гл. ред. И.Григорович. СПб., 1841; т. 3: 1613–1645. Ред. С.Строев, М.Коркунов. СПб., 1841; т. 4: 1645–1676. Гл. ред. И.Григорович. СПб., 1842.
АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
АМГ — Акты Московского государства. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. Ред. Н.А.Попов. СПб., 1890; т. 2: Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. Ред. Н.А.Попов. СПб., 1894.
АПМГ — Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1937.
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа.
БГК — Боярские и городовые книги (РГАДА, ф. 137, оп. 1).
ВМОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. Ред. М.Коркунов. СПб., 1846; т. 2. Ред. М.Коркунов. СПб., 1846; т. 3. Ред. М.Коркунов. СПб., 1848.
ДД — Донские дела (РГАДА, ф. 111, оп. 1).
ДС — Дела о самозванцах (РГАДА, ф. 149, оп. 1).
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЖС — Живая старина. СПб.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИГАРНО — Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Ред. С.Г.Агаджанов и др. Махачкала, 1993.
ИЖ — Исторический журнал. М.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИИИСАА — Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.
ИТаУАК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии.

ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КГ — Крымские грамоты (РГАДА, ф. 123, оп. 2).
КД — Калмыцкие дела (РГАДА, ф. 119, оп. 1).
КИЛП — Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Сост. А.В.Бадмаев. Элиста, 1969.
КК — Крымские книги (РГАДА, ф. 123, оп. 1).
ККД — Киргиз-кайсацкие дела (РГАДА, ф. 122, оп. 1).
КТД — Кумыцкие и тарковские дела (РГАДА, ф. 121, оп. 1).
МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Отв. ред. Б.Сулейменов. А.-А., 1969.
МИТН — Материалы по истории татарского народа. Отв. ред. С.Х.Алишев. Казань, 1995.
МТД — Материалы по татарской диалектологии. Ред. М.З.Закиев, Л.Т.Махмутова. Казань, 1974.
МЮР — Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев.
НГ — Ногайские грамоты (РГАДА, ф. 127, оп. 2).
НКС — Ногайские книги и столбцы (РГАДА, ф. 127, оп. 1).
ОАИГРНО — Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Отв. ред. С.Г.Агаджанов. М.; Терекли-Мектеб, 1991.
ПД — Персидские дела (РГАДА, ф. 77, оп. 1).
ПДК — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. Ред. Г.Ф.Карпов. СПб., 1884 (Сборник Русского исторического общества. Т. 41); т. 2. Ред. Г.Ф.Карпов и др. СПб., 1895 (Сборник Русского исторического общества. Т. 95).
ПДП — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Ред. Н.И.Веселовский. Т. 1. СПб., 1890; т. 2. СПб., 1892; т. 3. СПб., 1898.
ПДПЛ — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1: 1487–1533 гг. Ред. Г.Ф.Карпов. СПб., 1882 (Сборник Русского исторического общества. Т. 35); т. 2: 1533–1560 гг. Ред. Г.Ф.Карпов. СПб., 1887 (Сборник Русского исторического общества. Т. 59); т. 3: 1560–1571 гг. Ред. Г.Ф.Карпов. СПб., 1892 (Сборник Русского исторического общества. Т. 71); т. 4: 1598–1608 гг. Ред. С.А.Белокуров. СПб., 1912 (Сборник Русского исторического общества. Т. 137); т. 5: 1609–1615 гг. Ред. С.А.Белокуров. СПб., 1913 (Сборник Русского исторического общества. Т. 142).
ПЛ — Половецкая луна. Черкесск.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
ПЮН — Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. Изд. подгот. С.И.Котков, Н.С.Коткова. М., 1977; Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги. Изд. подгот. С.И.Котков, Н.С.Коткова. М., 1982; Памятники южновеликорусского наречия: Конец XVI — начало XVII в. Изд. подгот. С.И.Котков, Н.С.Коткова. М., 1990; Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи. Изд. подгот. С.И.Котков и др. М., 1993.

РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов.
РГБ	—	Российская государственная библиотека.
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив.
РиВ	—	Россия и Восток: Проблемы взаимодействия.
РС	—	Рукописное собрание библиотеки Московского городского архива МИД (РГАДА, ф. 181, оп. 1).
СА	—	Советская археология. М.
САр	—	Северный архив. СПб.
СГГД	—	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. Сост. А.Ф.Малиновский. М., 1819; ч. 3. Сост. А.Ф.Малиновский. М., 1822; ч. 5. Сост. Ф.Бюлер. М., 1894.
СМИЗО	—	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941.
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТаД	—	Татарские дела (РГАДА, ф. 131, оп. 1).
ТВОРАО	—	Труды Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ТГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. М.
ТД	—	Турецкие дела (РГАДА, ф. 89, оп. 1).
ТОУАК	—	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
ТС	—	Тюркологический сборник. М.; Л.
ТСУАК	—	Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
УЗ	—	Ученые записки.
ЧОИДР	—	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
Юс.	—	Юсуповы (РГАДА, ф. 1290, оп. 1).
AEMAe	—	Archivum Eurasiae medii aevi. Wiesbaden.
CMRS	—	Cahiers du monde russe et soviétique. P.
HUS	—	Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, Mass.
SEES	—	Slavonic and East European Studies. L.
RH	—	Russian History / Histoire russe. Irvine, Calif.

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов

Ф. 27. Приказ тайных дел
Ф. 77. Сношения России с Персией — см. Сокращения: ПД
Ф. 89. Сношения России с Турцией — см. Сокращения: ТД
Ф. 109. Сношения России с Бухарой
Ф. 111. Донские дела — см. Сокращения: ДД
Ф. 112. Дела едисанских, ембулуцких, едишкульских и буджацких татар
Ф. 119. Калмыцкие дела — см. Сокращения: КД
Ф. 121. Кумыцкие и тарковские дела — см. Сокращения: КТД
Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела — см. Сокращения: ККД
Ф. 123. Сношения России с Крымом — см. Сокращения: КГ и КК
Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами — см. Сокращения: НГ и НКС
Ф. 131. Татарские дела — см. Сокращения: ТаД
Ф. 134. Сношения России с Хивой
Ф. 137. Боярские и городовые книги — см. Сокращения: БГК
Ф. 141. Приказные дела старых лет
Ф. 149. Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия I — см. Сокращения: ДС
Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки Московского городского архива МИД - см. Сокращения: РС
Ф. 210. Разрядный приказ
Ф. 1290. Юсуповы — см. Сокращения: Юс.

Российский государственный военно-исторический архив

Ф. 1. Канцелярия Военного министерства
Ф. 20. Воинская экспедиция Военной коллегии
Ф. 52. Г.А.Потемкин-Таврический
Ф. 400. Главный штаб
Ф. 405. Департамент военных поселений
Ф. 414. Статистические сведения о Российской империи
Ф. 482. Кавказские войны
Ф. 846. Каталог военно-учетного архива и описи фондов

Российская государственная библиотека

Ф. 256. Собрание Н.П.Румянцева

Научная библиотека Казанского государственного университета

Отдел рукописей. Ед. хр. 40.

Личный архив Н.М.Мириханова

Опубликованные источники и литература

Абилеев А., Абилеев Е. 1991 — *Абилеев А.К., Абилеев Е.А.* Политическая история Ногайской Орды в XV–XVII вв. // ОАИГРНО. С. 9–10.

Абу-л-Гази 1906 — Родословное древо тюрков: Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань, 1906. 352 с.

Абусеитова 1979а — *Абусеитова М.Х.* «Мусаххир ал-билад» Мухаммад-Йар бен Араб Катагана как источник по истории Казахстана XVI века // Письменные памятники Востока: История. Филология. Ред. Л.В.Горяева и др. М., 1979. С. 3–12.

Абусеитова 1979б — *Абусеитова М.Х.* Некоторые вопросы политической истории казахских ханств во второй половине XVI в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 14-я годичная научная сессия. Отв. ред. Ю.А.Петросян. М., 1979. С. 72–75.

Абусеитова 1983 — *Абусеитова М.Х.* Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Отв. ред. Б.А.Тулепбаев. А.-А., 1983. С. 165–177.

Абусеитова 1985 — *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI в. А.-А., 1985. 103 с.

Авляев 1984 — *Авляев Г.О.* О монголо-тюркских этнических связях и взаимодействиях в XIII–XIV вв. и некоторых аспектах проблемы этногенеза ойратов и калмыков // Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всес. тюркол. конф. Отв. ред. Х.З.Зияев, М.К.Кошчанов. Таш., 1984. С. 378–383.

Агаджанов 1993 — *Агаджанов С.Г.* Ногайцы и туркмены: исторические и этнокультурные связи // ИГАРНО. С. 36–42.

Аджигалиев 1994 — *Аджигалиев С.И.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы, 1994. 260 с.

Айбазова 1981 — *Айбазова Е.С.* Термины родства в ногайском языке // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Отв. ред. М.А.Хабичев. Ставрополь, 1981. С. 56–68.

Айни 1884 — *Бадр ад-Дин Махмуд ибн Ахмад ал-Айни.* Акд ал-джаман // СМИЗО. Т. 1. С. 475–534.

Айтмуратов 1986 — *Айтмуратов Д.* Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. Нукус, 1986. 236 с.

А.К. 1873 — *А.К.* Предания адаевцев о святых секты ханафие, живших и умерших на Мангышлаке // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Приложение. Тифлис, 1873. С. 1–17.

Акиев 1991 — *Акиев У.* Ногайской орде — 600 лет // Время. 1991. № 25 (10 485). Минеральные воды. С. 2.

Акимушкин 1969 — *Акимушкин О.Ф.* [Вступительная статья к «Фатх-наме» Моллы Шади] // МИКХ. С. 44–53.

Акты 1836а — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1: 1294–1598. Гл. ред. П.А.Ширинский-Шихматов. СПб., 1836. 546 с.

Акты 1836б — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 3: 1613–1645. Гл. ред. П.А.Ширинский-Шихматов. СПб., 1836. 521 с.

Акты 1884 — Акты о выездах в Россию иноземцев // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 8. Ред. А.И.Тимофеев, Ф.И.Успенский. СПб., 1884. С. 83–328.

Акты 1891 — Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А.Лишиным. Ред. А.А.Карасев, Х.И.Попов. Т. 1. Новочеркасск, 1891. 369 с.

Акты 1914 — Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. — 17 июля 1610 г.). Собр. и ред. А.М.Гневушев. М., 1914. 421 с.

Акты 1915 — Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). Ред. С.К.Богоявленский, И.С.Рябинин. М., 1915. 240 с.

Акты 1918 — Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). Ред. Н.В.Рождественский. М., 1918. 328 с.

Александро-Невская 1965 — Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. Ред. М.Н.Тихомиров. М., 1965. С. 117–223.

Алексеев 1855 — Топографическое описание реки Эмбы, составленное корпуса топографов подпоручиком Алексеевым в 1853 году // Вестник Русского географического общества. СПб., 1855. Ч. 15. Отд. V. С. 18–25.

Алексеев Ю. 1989 — *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. 219 с.

Алексеева 1957 — *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. 148 с.

Алексеева 1971 — *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971. 354 с.

Алексеева 1991 — *Алексеева Е.П.* Истоки дружбы народов Северного Кавказа с русским народом (IX–XVII вв.) // Вопросы истории и археологии Карачаево-Черкесии. Отв. ред. Е.П.Алексеева. Черкесск, 1991. С. 64–79.

Алекторов 1883 — *Алекторов А.Е.* История Оренбургской губернии. 2-е изд. Оренбург, 1883. 130 с.

Алишев 1995а — *Алишев С.Х.* Завоевание татар Русским государством // МИТН. С. 224–242.

Алишев 1995б — *Алишев С.Х.* Москва и Казань: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с.

Аманжолов 1959 — *Аманжолов С.А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. А.-А., 1959. 452 с.

Ананьев 1900 — *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 1–38 (отд. паг.).

Ананьев 1909а — *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ред. Г.Н.Подозрителев. Ставрополь, 1909. С. 1–29 (отд. паг.).

Ананьев 1909б — *Ананьев Г.* Караногайцы, их быт и образ жизни // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ред. Г.Н.Подозрителев. Ставрополь, 1909. С. 1–22 (отд. паг.).

Андреев 1998 — *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.

Анпилогов 1967 — *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. 542 с.

Антология 1980 — Антология дагестанской поэзии. Т. 1: Песни народов Дагестана. Сост. К.И.Абуков и др. Махачкала, 1980. 368 с.

Антонов 1994 — *Антонов А.В.* Из истории Палаты родословных дел // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 80–106.

Антонов 1996 — *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. 414 с.

Аполлова 1976 — *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. 372 с.

Аргынбаев 1991 — *Аргынбаев Х.* Образование казахских жузов и их дальнейшая этнополитическая судьба // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Отв. ред. Б.А.Литвинский, Т.А.Жданко. Вып. 3: Этнография. М., 1991. С. 74–82.

Арзютов 1949 — *Арзютов Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика // Изв. Академии наук Казахской ССР. Сер. археологическая. 1949. Вып. 2. А.-А. С. 126–134.

Аристов 1896 — *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС. 1896. Вып. 3–4. С. 277–456.

Арсланов 1976 — *Арсланов Л.Ш.* Язык юртовских татар // МТД. С. 3–71.

Арсланов 1993 — *Арсланов Л.Ш.* О ногайско-татарском языковом взаимодействии // ИГАРНО. С. 89–93.

Арсланов, Викторин 1988 — *Арсланов Л.Ш., Викторин В.М.* Кто такие астраханские ногайцы // Политическая агитация. 1988. № 20. С. 11–15.

Арсланов, Викторин 1995 — *Арсланов Л.Ш., Викторин В.М.* Астраханские татары: История и этнический состав населения Астраханской области // МИТН. С. 335–366.

Архангелогородский 1782 — Архангелогородский летописец. М., 1782. 273 с.

Архипов 1855 — *Архипов А.П.* Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах // Кавказ. 1855. № 29. Тифлис. С. 119–120.

Аскалани 1884 — *Шихаб ад-Дин Абу-л-Фазл Ахмад ал-Аскалани.* Китаб анба ал-гамр биабна ал-амр // СМИЗО. Т. 1. С. 449–454.

д'Асколи 1902 — *д'Асколи Э.Д.* Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 89–180.

Атласи 1992 — *Атласи Һ.М.* Себер тарихы. Сөен-бикә. Казан ханлыгы (тарихы әсәрләр). Казан, 1992. 448 с.

Афанасьев и др. 1976 — *Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л.* Работы в Западном Казахстане // Археологические открытия 1975 года. Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1976. С. 513–514.
Ахинжанов 1989 — *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. А.-А., 1989. 293 с.
Ахмадов 1988 — *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. 176 с.
Ахмедов 1965 — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. 195 с.
Ахмедов 1985 — *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Таш., 1985. 264 с.
Ахмедов 1986 — *Ахмедов Б.А.* Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Отв. ред. В.П.Алексеев. Таш., 1986. С. 14–30.
Ахметзянов М. 1985 — *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Отв. ред. Ф.С.Хакимзянов. Казань, 1985. С. 58–75.
Ахметзянов М. 1991а — *Ахметзянов М.И.* Между Волгой и Уралом // Идель. Казань, 1991. № 10–11. С. 82–84.
Ахметзянов М. 1991б — *Ахметзянов М.И.* Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991. 158 с.
Ахметзянов М. 1993 — *Әхмәтҗанов М.И.* Нугай урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Из истории Золотой Орды. Отв. ред. Г.Ф.Валеева-Сулейманова. Казань, 1993. С. 142–160.
Ахметзянов М. 1994 — *Ахметзянов М.И.* Ногайская Орда и ее роль в этнической истории татар // Идель. Казань, 1994. № 3–4. С. 32–40.
Ахметзянов М. 1995 — *Ахметзянов М.И.* Уральские татары: кто они? // Идель. Казань, 1995. № 11–12. С. 48–53.
Ахметзянов Р. 1977 — *Әхмәтҗанов Р.Г.* «Җәмигъ-әт-тәварих»нын оригиналь өлешендәге этносоциаль терминнар турында // Татар теле һәм әдәбияты. 6-чы китап. Ред. А.Г.Ахмадуллин, Н.Б.Бурганова, А.М.Шарипов. Казан, 1977. С. 44–50.
Ахметзянов Р. 1997 — *Ахметзянов Р.* К вопросу об адыго-ногайских связях в XVI в. // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Отв. ред. Б.Б.Овчинникова, В.И.Симиненко. Екатеринбург, 1997. С. 105–107.
Ахсикенти 1960 — «Собрание историй»: Маджму ат-таварих. Фотографич. репродукция отрывков рукописн. текста, введ., указ. Подгот. к изд. А.Т.Тагирджанов. Л., 1960. 204 с.
Бабур 1993 — Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.Салье. 2-е изд., дораб. Таш., 1993. 464 с.
Багалей 1887 — *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. 630 с.
Багалей 1890 — *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI–XVII ст. Т. 2. Харьков, 1890. 452 с.
Багров 1912 — *Багров Л.С.* Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912. 112 с.

Базилевич 1950 — *Базилевич К.В.* [Рец. на:] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948 // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 129–133.

Базилевич 1952 — *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. 543 с.

Базоркин 1961 — *Базоркин М.М.* Борганы в Присунженской долине // Изв. Чечено-Ингушского респ. краеведческого музея. Вып. 10. Грозный, 1961. С. 130–143.

Байкова 1964 — *Байкова Н.Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI — вторая половина XVIII в.). Таш., 1964. 192 с.

Байпаков 1977 — *Байпаков К.М.* О локализации позднесредневековых городов Казахстана // СА. 1977. № 2. С. 201–209.

Барбаро 1971 — *Барбаро И.* Путешествие в Тану и Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971. С. 113–161.

Бартольд 1963а — *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 167–433.

Бартольд 1963б — *Бартольд В.В.* Отец Едигея // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 797–804.

Бартольд 1964а — *Бартольд В.В.* О погребении Тимура // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 423–454.

Бартольд 1964б — *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 23–196.

Бартольд 1964в — *Бартольд В.В.* Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII в. // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 388–399.

Бартольд 1965 — *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. // Соч. Т. 3. М., 1965. С. 13–94.

Бартольд 1966 — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. Т. 4. М., 1966. С. 377–396.

Бартольд 1968а — *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 17–192.

Бартольд 1968б — *Бартольд В.В.* Тюрки (историко-этнографический обзор) // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 576–595.

Бартольд 1973 — *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан // Соч. Т. 8. М., 1973. С. 119–210.

Бартольд 1977 — *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч. Т. 9. М., 1977. С. 197–482.

Басин 1971 — *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). А.-А., 1971. 276 с.

Баскаков 1940 — *Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты: Грамматика, тексты и словарь. М.; Л., 1940. 272 с.

Баскаков 1964 — *Баскаков Н.А.* Родоплеменные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии // Топонимика Востока: Новые исследования. Ред. Г.П.Бондарук и др. М., 1964. С. 46–51.

Батмаев 1993 — *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: События, люди, быт. Элиста, 1993. 381 с.

Батраков 1958 — *Батраков В.С.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII в.). Таш., 1958. 104 с.

Батур-Убуши-Тюмен 1969 — *Батур-Убуши-Тюмен.* Сказание о дербен-ойратах // КИЛП. С. 13–48.
Бахтин 1998 — *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. 191 с.
Бачинский, Добролюбский 1988 — *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Буджакская Орда в XVI–XVIII вв. (историко-археологический очерк) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Отв. ред. П.В.Советов. Кишинев, 1988. С. 82–94.
Башкирские 1960 — Башкирские шежере. Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г.Кузеева. Уфа, 1960. 304 с.
Башкирские 1985 — Башкирские предания и легенды. Сост., вступ. ст., коммент. Ф.А.Надршиной. Уфа, 1985. 288 с.
Башкирское 1987 — Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды. Сост., вступ. ст., коммент. Ф.А.Надршиной. Уфа, 1987. 576 с.
Бекмаханова 1980 — *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII — 60-е гг. XIX в. М., 1980. 280 с.
Бекмаханова 1993 — *Бекмаханова Н.Е.* К вопросу об этническом составе и политической истории Ногайской Орды и Казахстана в XVI–XVII вв. // ИГАРНО. С. 81–88.
Белокуров 1888 — *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского Гл. архива МИД. Вып. 1 (1578–1613 гг.) // ЧОИДР. 1888. Кн. 3 (146). С. I–CXXIX, 1–584.
Белокуров 1906 — *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. 172 с.
Белый 1988 — *Белый А.* На краю Руси // На Яике городок, на Урале — город: Историко-краеведческие материалы. Уральск, 1988. С. 3–23.
Беляев 1917 — *Беляев И.А.* Сказание об Едигее и Тохтамыше: Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Асхабад, 1917. С. 1–39 (отд. паг.).
Бембеев 1980 — *Бембеев В.Ш.* Расселение и общественный строй калмыков с конца XVI — 60-е гг. XVII в. АКД. Элиста; М., 1980. 17 с.
Бентковский 1883 — *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1: Ногайцы. Ставрополь, 1883. 134 с.
Бережков 1888 — *Бережков М.Н.* Русские пленники и невольники в Крыму // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. 2. Одесса, 1888. С. 342–372.
Бережков 1897 — *Бережков М.Н.* Нур-Салтан царица крымская // ИТУАК. 1897. № 27. С. 1–17 (отд. паг.).
Березин 1849 — *Березин И.Н.* Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849. 342 с.
Березин 1864 — *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства Джучиева улуса // ТВОРАО. 1864. Ч. 8. С. 385–494.
Бернадский 1939 — *Бернадский В.Н.* Конец Заруцкого // УЗ Ленингр. гос. пед. инст. им. А.И.Герцена. Т. 19. Кафедра истории СССР. Л., 1939. С. 83–130.
Бижанов, Лоховиц 1969 — *Бижанов Е., Лоховиц В.* Устюртский торговый путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1969. № 2 (36). Нукус. С. 52–59.

Бинаи 1969 — *Камал ад-Дин Шир-Али Бинаи.* Шайбани-наме // МИКХ. Пер. С.К.Ибрагимова, К.А.Пищулиной. С. 96–127.

Бичурин 1833 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение волжских калмыков // ЖМВД. 1833. Ч. 9. № 7. С. 279–325.

Бичурин 1991 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. 128 с.

Блюмин 1995 — *Блюмин Г.З.* История в миниатюрах о знаменитом княжеском роде Юсуповых за четырнадцать веков (VI–XX). М., 1995. 312 с.

Богородицкий 1912 — *Богородицкий Д.* Очерк торговли Нижнего Новгорода за XVI и XVII вв. // Университ. известия. 1912. № 7. Киев. С. 1–23.

Богоявленский 1936 — *Богоявленский С.К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // ИЗ. 1936. Т. 5. С. 48–101.

Божедомов 1964 — *Божедомов А.И.* К вопросу об освещении истории ногайского народа // Изв. Чечено-Ингушского НИИ ист., яз. и лит. Т. 5. Вып. 1: История. Грозный, 1964. С. 167–173.

Боплан 1896 — Описание Украины Боплана: 1630–1648. Пер. К.Мельник // МЮР. Вып. 2 (1 половина XVII ст.). Ред. В.Антонович. Киев, 1896. С. 289–388.

Борисенко 1985 — *Борисенко И.В.* Расселение калмыков в процессе их добровольного вхождения в состав России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: Исторические корни и значение. Отв. ред. У.Э.Эрдниев. Элиста, 1985. С. 23–31.

Бородин 1891 — *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско: Статистическое описание в 2-х томах. Т. 1. Уральск, 1891. 956 с.

Бояршинова 1960 — *Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск, 1960. 152 с.

Бояршинова, Степанов 1964 — *Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н.* Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Древняя Сибирь (макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964. С. 475–503.

Броневский 1867 — *Броневский М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 333–367.

Брун 1872 — *Брун Ф.К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса, 1872. 34 с.

Брун 1880 — *Брун Ф.К.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 2. Одесса, 1880. 408 с.

Буганов 1962 — *Буганов В.И.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник. 1961. Ред. М.Н.Тихомиров. М., 1962. С. 259–275.

Будагов 1869 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869. 829 с.

Будагов 1871 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871. 416 с.

Буканова 1981 — *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII в. АКД. Воронеж, 1981. 22 с.

Булатов 1974 — *Булатов А.Б.* Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // МТД. С. 186–190.

Булгарова 1999 — *Булгарова М.А.* Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999. 320 с.

Бурганова 1985 — *Бурганова Н.Б.* О формировании татарских говоров Заказанья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Отв. ред. Ф.С.Хакимзянов. Казань, 1985. С. 3–31.

Бурдей 1953 — *Бурдей Г.Д.* Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI в. (50–70 гг.). АКД. Саратов, 1953. 20 с.

Бурдей 1956 — *Бурдей Г.Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х годах XVI в. // УЗ Саратовского гос. ун-та. Т. 47. Вып. исторический. 1956. С. 183–205.

Бурдей 1962 — *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962. 50 с.

Буссов 1961 — *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. 400 с.

Бутков 1822 — *Бутков П.Г.* О имени козак // Вестник Европы, составляемый Михаилом Каченовским. М., 1822. № 21. Ноябрь. С. 182–204.

Бутков 1824 — *Бутков П.Г.* О Ногае и всех прочих монгольских ханах Дашт-Кипчака // САр. 1824. Ч. 10. № 12. С. 279–298; ч. 11. № 13–14. С. 1–22.

Бутков 1869 — *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1869. 545 с.

Бушаков 1993 — *Бушаков В.А.* Чингисхановы нойоны Бадай и Кишлык и ногайские этнонимы бадай и кишлык // ПЛ. 1993. № 1–2/5–6. С. 97–100.

Бушев 1976 — *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. 478 с.

Бушев 1987 — *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. 280 с.

Бэнистер, Дэкет 1937 — *Бэнистер Т., Дэкет Дж.* Пятое путешествие в Персию // АПМГ. С. 250–261.

Бэрроу 1937 — *Бэрроу Х.* Уведомления и донесения о шестом путешествии в страны Персии и Мидии // АПМГ. С. 263–285.

Валеев, Томилов 1996 — *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: История и культура. Новосибирск, 1996. 224 с.

Валиханов 1904а — *Валиханов Ч.Ч.* Идиге (джир) // Соч. СПб., 1904. С. 222–264.

Валиханов 1904б — *Валиханов Ч.Ч.* Эдигей // Соч. СПб., 1904. С. 265–273.

Валиханов 1961а — *Валиханов Ч.Ч.* Заметки по истории южносибирских племен // Собр. соч. Т. 1. А.-А., 1961. С. 380–391.

Валиханов 1961б — *Валиханов Ч.Ч.* Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч. Т. 1. А.-А., 1961. С. 463–468.

Валиханов 1961в — *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Собр. соч. Т. 1. А.-А., 1961. С. 301–379.

Валиханов 1961г — *Валиханов Ч.Ч.* Извлечения из «Джами ат-таварих» // Собр. соч. Т. 1. А.-А., 1961. С. 142–168.

Валиханов 1961д — *Валиханов Ч.Ч.* Письмо профессору И.Н.Березину // Собр. соч. Т. 1. А.-А., 1961. С. 121–130.

Валиханов 1964 — *Валиханов Ч.Ч.* Географический очерк Заилийского края // Собр. соч. Т. 3. А.-А., 1964. С. 9–38.

Валиханов 1968 — *Валиханов Ч.Ч.* Отрывки из киргизского сказания о Идыге (из записей Ч.Валиханова) // Собр. соч. Т. 4. А.-А., 1968. С. 490–493.

Валиханов 1986 — *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. М., 1986. 414 с.

Вамбери 1873 — *Вамбери Г.* История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т. 2. СПб., 1873. 228 с.

Варваровский 1994 — *Варваровский Ю.Е.* Распад Улуса Джучи в 60–70-е годы XIV в. (по данным письменных источников и нумизматики). АКД. Казань, 1994. 22 с.

Варваровский, Евстигнеев 1998 — *Варваровский Ю.Е., Евстигнеев И.В.* О тождественности передачи Ф.Ф.Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Сост., науч. ред. В.И.Мамонтов. Волгоград, 1998. С. 174–181.

Вельяминов-Зернов 1859 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // ТВОРАО. 1859. Ч. 4. С. 262–279.

Вельяминов-Зернов 1863 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. 574 с.

Вельяминов-Зернов 1864 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. 498 с.

Веселовский 1877 — *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. 371 с.

Веселовский 1888 — *Веселовский Н.И.* Передовые калмыки на пути к Волге // ЗВОРАО. 1888. Т. 3. Вып. 3. С. 365–370.

Веселовский 1889 — *Веселовский Н.И.* [Рец. на:] В.Д.Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887 // ЖМНП. 1889. Ч. 261. Январь. С. 168–203.

Веселовский 1910а — *Веселовский Н.И.* Миньят. СПб., 1910. 12 с.

Веселовский 1910б — *Веселовский Н.И.* Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. СПб., 1910. 45 с. (отд. отт. из: ЖС. 1909. Вып. 2–3; 1910. Вып. 1).

Веселовский 1911 — *Веселовский Н.И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. 19 с.

Вивлиофика 1755 — Древняя российская вивлиофика. Изд. Н.И.Новиков. Ч. 5. М., 1755. 432 с.

Виженер 1890 — Извлечение из записок Блеза де Виженер (1573). Пер. К.Мельник // МЮР. Вып. 1 (XVI ст.). Киев, 1890. С. 59–88.

Викторин 1991а — *Викторин В.М.* Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству) // Материалы IV краеведческой конференции. Ч. 1. Отв. ред. Е.В.Шнайдштейн. Астрахань, 1991. С. 46–50.

Викторин 1991б — *Викторин В.М.* Правое и левое крыло Ногайской Орды в истории взаимодействия западных и восточных групп ногайцев // ОАИГРНО. С. 11–12.

Викторин 1994 — *Викторин В.М.* [Рец. на:] Астраханские татары. Казань, 1992 // ЭО. 1994. № 5. С. 181–183.

Викторин 1995 — *Викторин В.М.* Этнополитический интерстадиал XVI–XVII вв. и его носители (от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству) // Проблемы взаимодействия национальных культур. Ч. 1. Ред. Е.М.Пигарев. Астрахань, 1995. С. 7–8.

Викторин 1998 — *Викторин В.М.* Этносоциальные группы «тумаков» и «эмеков» во взаимоотношениях ногайских Орд с Российским государством (середина

XVI — начало XVIII в.) // Славяне и кочевой мир. Средние века и раннее Новое время. Отв. ред. Л.В.Заборовский. М., 1998. С. 24–26.
Викторин 1999 — *Викторин В.М.* Обычное право в истории кочевой жизни ногайцев // Обычное право в России: Проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С. 94–111.
Викторова 1980 — *Викторова Л.Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 224 с.
Виноградов 1980 — *Виноградов В.Б.* Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Отв. ред. В.П.Кобычев. Черкесск, 1980. С. 6–13.
Виноградов и др. 1979 — *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н.э. — XVIII в. н.э. (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Отв. ред. В.Б.Виноградов. Грозный, 1979. С. 45–58.
Виноградов; Нарожный 1991 — *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Дискуссионные проблемы ранней истории ногайцев // ОАИГРНО. С. 15–18.
Витевский 1891 — *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 3. Казань, 1891. С. I–XXIV, 369–616.
Витевский 1895 — *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 4. Казань, 1895. С. I–XXI, 617–962.
Владимирский 1965 — Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. Ред. М.Н.Тихомиров. М., 1965. С. 7–148.
Военно-статистическое 1848 — Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14: Земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства. Сост. И.Ф.Бларамберг. СПб., 1848. 195 с.
Воинские 1949 — Воинские повести Древней Руси. Ред. В.П.Адрианова-Перетц. М.; Л., 1949. 358 с.
Волга 1937 — Волга в песнях и сказаниях. Сост. К.И.Дворецкова. Саратов, 1937. 172 с.
Волкова 1973 — *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. 208 с.
Волкова 1974 — *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974. 274 с.
Вологодско-Пермская 1959 — Вологодско-Пермская летопись. Ред. М.Н.Тихомиров. М.; Л., 1959 (ПСРЛ. Т. 26). 412 с.
Воронежский 1976 — Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в.: Документы и материалы по истории края. Сост. В.П.Загоровский. Воронеж, 1976. 192 с.
Воскресенская 1859 — Воскресенская летопись (продолжение летописи по Воскресенскому списку). Подгот. к изд. А.Ф.Бычков. СПб., 1859 (ПСРЛ. Т. 8). 310 с.
Восстание 1959 — Восстание И.Болотникова: Документы и материалы. Сост. А.И.Копанев, А.Г.Маньков. М., 1959. 456 с.
Востров, Муканов 1968 — *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). А.-А., 1968. 256 с.
Вяткин 1941а — *Вяткин М.П.* К вопросу об образовании казахского государства // Большевик Казахстана. 1941. № 2. С. 42–52.

Вяткин 1941б — *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. М.; Л., 1941. 368 с.
Габан-Шараб 1969 — *Габан-Шараб.* Сказание об ойратах // КИЛП. С. 140–158.
Гаджиева 1976 — *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. 228 с.
Гаджиева 1979 — *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX — начало XX в. М., 1979. 176 с.
Газиз 1994 — *Газиз Г.* История татар. Сост., пер. с татарск. С.Г. и А.Х.Губайдуллиных. М., 1994. 198 с.
Гаибов 1991 — *Гаибов С.* Человек в описаниях ал-Казвини и ал-Димашки // Восток: Прошлое и будущее народов. 4-я конф. востоковедов. Т. 2. Гл. ред. Л.Б.Алаев. М., 1991. С. 232–234.
Галкин Л. 1978 — *Галкин Л.Л.* Двухсторонняя литейная форма XIV в. из Сарайчика // СА. 1978. № 2. С. 282–286.
Галкин Л. 1987 — *Галкин Л.Л.* Изыскания в северо-восточном Прикаспии // Археологические открытия. 1985 г. Отв. ред. В.П.Шилов. М., 1987. С. 566–567.
Галкин М. 1868 — *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. 342 с.
Галлямов 1994 — *Галлямов Р.Ф.* Казан арты тарихында нугайлар // Казан утлары. 1994. № 9. С. 175–176.
Галонифонтибус 1980 — *Галонифонтибус И.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.) (из сочинения «Книга познания мира»). Пер. З.М.Буниятова. Баку, 1980. 42 с.
Гарданов 1960 — *Гарданов Б.А.* Исторический очерк // Народы Кавказа. Т. 1. Ред. С.П.Толстов. М., 1960. С. 63–137.
Гарипова 1980 — *Гарипова Ф.Г.* Некоторые источники для раскрытия ногайского (кыпчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии. Ред. М.К.Мухарямов и др. Казань, 1980. С. 136–149.
Гарипова 1982 — *Гарипова Ф.Г.* Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Отв.ред. Р.Г.Ахметьянов. Казань, 1982. С. 123–128.
Гашимов 1970 — *Гашимов Ч.М.* Из истории взаимоотношений народов Дагестана с народами Северного Кавказа во второй половине XVI — XVIII в. АКД. Махачкала, 1970. 20 с.
Гвоздецкий, Михайлов 1978 — *Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И.* Физическая география СССР: Азиатская часть. 3-е изд., испр. и доп. М., 1978. 512 с.
Георги 1799а — *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799. 180 с.
Георги 1799б — *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб., 1799. 387 с.
Гераклитов 1923а — *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. 374 с.
Гераклитов 1923б — *Гераклитов А.А.* Саратов: Краткий исторический очерк. Саратов, 1923. 40 с.
Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. Пер. А.И.Малеина, А.В.Назаренко. М., 1988. 430 с.
Гийас ад-Дин 1958 — *Гийасаддин Али.* Дневник похода Тимура в Индию. Пер. с перс., предисл. и примеч. А.А.Семенова. М., 1958. 208 с.

Гимбатова 1998 — *Гимбатова М.Б.* Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса. АКД. Махачкала, 1998. 25 с.
Головинский 1878 — *Головинский П.А.* Кумыкские ногаи // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Ред. Н.Благовещенский. Владикавказ, 1878. С. 314–315.
Голомбиовский 1892 — *Голомбиовский А.А.* Выписка в Разряде о построении новых городов и черты // ИТаУАК. Вып. 33. 1892. С. 49–56.
Голохвастов 1847а — *Голохвастов Д.П.* Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // ЧОИДР. Год 3-й. 1847/48. № 3. С. 49–87.
Голохвастов 1847б — *Голохвастов Д.П.* Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // ЧОИДР. Год 3-й. 1847/48. № 4. С. 79–118.
Горелик 1986 — *Горелик М.В.* Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в древности и средневековье // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (Тез. докл. 29-й сессии Постоянной междунар. алтаист. конф.). Гл. ред В.М.Солнцев. М., 1986. С. 22–23.
Горсей 1990 — *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. Пер. и сост. А.А.Севастьяновой. М., 1990. 288 с.
Горский 2000 — *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. 214 с.
Грамоты 1852 — Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и Азова. Кн. 2. Собр. и изд. Н.Второвым, Н.Александровым-Дольником. Воронеж, 1852. 320 с.
Греков 1963 — *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. 374 с.
Греков 1975 — *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. 519 с.
Греков, Якубовский 1950 — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 473 с.
Григорьев А. 1983 — *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // ИИИСАА. 1983. Вып. 7. С. 9–54.
Григорьев А. 1985 — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // УЗ ЛГУ. № 417. Сер. востоковед. наук. Вып. 27. Востоковедение. Вып. 11: Филологические исследования. 1985. С. 160–182.
Григорьев А. 1988 — *Григорьев А.П.* «Ярлык Едигея»: Анализ текста и реконструкция содержания // ИИИСАА. 1988. Вып. 11. С. 55–93.
Григорьев В. 1850 — *Григорьев В.В.* Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. Т. 2. СПб., 1850. С. 1–63.
Григорьев В. 1908 — *Григорьев В.В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // ТОУАК. 1908. Вып. 19. С. 183–193.
Губайдуллин 1926 — *Губайдуллин Г.* Из истории торгового класса приволжских татар // Изв. Вост. фак-та Азерб. гос. ун-та им. В.И.Ленина. Востоковедение. Т. 1. Баку, 1926. С. 49–74.
Гумилев 1976 — *Гумилев Л.Н.* Половцы и их соседи // Всес. тюркол. конф. Секция 3: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Ред. А.П.Нусупбеков. А.-А., 1976. С. 35–37.
Гумилев 1989 — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. 764 с.
Гумилев 1992 — *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992. 336 с.

Гурлянд 1906 — *Гурлянд И.Я.* Романовские мурзы и их служилые татары // Тр. II Областного Тверского археологического съезда 1903 года. Отд. II. Тверь, 1906. С. 5–16.

Гурьянов 1981 — *Гурьянов Е.* Сколько лет Самаре? // Волга. 1981. № 3. С. 186–190.

Гурьянов 1986 — *Гурьянов Е.* Самара и волжская вольница // Волга. 1986. № 12. С. 172–178.

Давкараев 1959 — *Давкараев Н.* Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Таш., 1959. 222 с.

Дариенко 1973 — *Дариенко В.Н.* Основание города Гурьева // Вопросы истории. А.-А., 1973. Вып. 5. С. 189–197.

Дариенко 1976 — *Дариенко В.Н.* Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6: Проблемы истории русской общины. Ред. П.А.Колесников. Вологда, 1976. С. 47–58.

Девлет-и алиййе 1881 — Девлет-и алиййе иле Русйа девлети, Кырым хаккында баз малумат мюхимме ве тахрират расмийени хави маджмуа: Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Изд. В.Д.Смирнов. СПб., 1881. 345 с.

Демкин 1986 — *Демкин А.В.* Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй в феодальной России: XV — начало XVIII в. Ред. А.А.Преображенский, А.В.Демкин. М., 1986. С. 99–120.

Денисова 1948 — *Денисова М.М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Тр. Гос. истор. музея. Вып. 20. М., 1948. С. 29–46.

Дженнаби 1884 — *Абу Мухаммед Мустафа ибн Хасан ал-Дженнаби.* Тухфат ал-ариб ва хидайат ал-адиб // СМИЗО. Т. 1. С. 535–538.

Дженкинсон 1937 — *Дженкинсон А.* Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г. // АПМГ. С. 67–80, 167–215.

Джуманов 2000 — *Джуманов Р.У.* Сарайчик — известный и неизвестный // Миг. 2000. № 5. 19 января. Астрахань. С. 9–10.

Диваев 1896 — *Диваев А.А.* Этнографические материалы. Вып. 5. Таш., 1896. 96 с.

Добролюбский 1986 — *Добролюбский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986. 140 с.

Довнар-Запольский 1898 — *Довнар-Запольский М.В.* Литовские упоминки татарским ордам: Скарбовая книга Метрики литовской 1502–1509 гг. Симферополь, 1898. 91 с.

Документы 1967 — Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. Подбор докум., введ., пер., примеч. и указ. Ю.Э.Брегеля. М., 1967. 540 с.

Долгоруков 1855 — *Долгоруков П.Д.* Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. 327 с.

Дониёров 1968 — *Дониёров Х.* Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент, 1968. 98 с.

Дополнения 1882 — Дополнения к Дворцовым разрядам... собранные из книг и столбцов прежде бывших Дворцовых приказов Архива Оружейной палаты. Публ. И.Е.Забелина. Ч. 1. М., 1882. 912 с.

Дополнения 1883 — Дополнения к Дворцовым разрядам. Публ. И.Е. Забелина // ЧОИДР. 1883. Кн. 4. С. 801–911.

Дрон 1985 — *Дрон И.В.* Гагаузские этнотопонимы и этногидронимы ногайского происхождения // Советская тюркология. 1985. № 3. Баку. С. 8–19.

Дрон 1993 — *Дрон И.В.* К этимологии ряда топонимов ногайского происхождения (территория Республики Молдова) // ПЛ. 1993. № 1–2/5–6. С. 92–97.

Дубман 1993 — *Дубман Э.Л.* К вопросу о возникновении и начальной истории городов-крепостей территории Приказа Казанского дворца (Самара, Царицын, Саратов) // Историческое краеведение. Ред. С.О.Шмидт. Пенза, 1993. С. 45–52.

Дубман 1995 — *Дубман Э.Л.* Князь Г.О.Засекин — полководец и градостроитель // Краеведческие записки. Вып. 7. Ред. П.С.Кабытов. Самара, 1995. С. 48–61.

Дунаев 1916 — *Дунаев Б.И.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. 92 с.

Дьякова, Чепелкин 1995 — *Дьякова Н.А., Чепелкин М.А.* Границы России в XVII–XX вв. М., 1995. 236 с.

Евгений 1800 — *Евгений (Болховитинов).* Историческое, географическое и економическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. 228 с.

Евстигнеев 1995 — *Евстигнеев Ю.В.* Ногай и ногайцы // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Отв. ред. В.П.Курылев. СПб., 1995. С. 77–82.

Егоров 1980 — *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Отв. ред. В.И.Буганов. М., 1980. С. 174–213.

Егоров 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 246 с.

Егоров 1993 — *Егоров В.Л.* Начальный период истории Ногайской Орды // ИГАРНО. С. 29–35.

Ерофеева 1999 — *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. 336 с.

Есиповская 1987 — Есиповская летопись // ПСРЛ. Т. 36. Отв. ред. А.П.Окладников, Б.А.Рыбаков. М., 1987. С. 42–137.

Жданко 1950 — *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков: Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX в. М.; Л., 1950. 172 с.

Жданко 1971 — *Жданко Т.А.* О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // АЭБ. Т. 4. Отв. ред. Ю.В.Бромлей, Р.Г.Кузеев. 1971. С. 161–173.

Железнов 1888 — *Железнов И.И.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков. Т. 2. СПб., 1888. 442 с.

Жирмунский 1974 — *Жирмунский В.М.* Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л., 1974. 727 с.

Завьялов 1853 — *Завьялов В.* Заруцкий в Астрахани и на Урале. Уфа, 1853. 36 с.

Загоровский 1969 — *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. 304 с.

Загоровский 1973 — *Загоровский В.П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973. 136 с.

Загоровский 1987 — *Загоровский В.П.* Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI — начало XVIII в.) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Отв. ред. В.П.Загоровский. Воронеж, 1987. С. 3–23.

Загоровский 1989 — *Загоровский В.П.* Исследования и заметки по исторической географии Центрального Черноземья XVI в. // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Отв. ред. В.П.Загоровский. Воронеж, 1989. С. 5–29.

Загоровский 1991 — *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. 272 с.

Загоровский 1992 — *Загоровский В.П.* Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992. 251 с.

Заинская 1994 — Заинская энциклопедия. Ред. В.С.Малахов. Казань, 1994. 268 с.

Зайковский 1914 — *Зайковский Б.Я.* Сахарное озеро (татарская легенда, записанная на развалинах Сарая) // ТСУАК. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 73–75.

Зайончковский 1969 — *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» (Таварих-и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Ред. А.С.Тверитинова. Т. 2. М., 1969. С. 10–28.

Зайцев 2000а — *Зайцев И.В.* К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный архив. М. 2000. № 4–5. С. 77–82.

Зайцев 2000б — *Зайцев И.В.* Посольства из Казани в Крым 1549 года // Orientalistica Juvenile: Сб. работ молодых сотрудников и аспирантов. Вып. 1. Отв. ред. Д.Д.Васильев. М., 2000. С. 84–98.

Записки 1988 — Записки русских путешественников XVI–XVII вв. Сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Прокофьева, Л.И.Алехиной. М., 1988. 528 с.

Заринский 1884 — *Заринский П.Г.* Топография города Казани в 1552 г., во время осады его русскими войсками // Тр. IV Археологического съезда. Т. 1. Ред. С.М.Шпилевский, Д.А.Корсаков, В.В. Радлов. Казань, 1884. С. 59–98.

Заходер 1944 — *Заходер Б.Н.* История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. 152 с.

Зверинский 1871 — *Зверинский В.В.* Оренбургская губерния: Список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871. 202 с.

Зимин 1972 — *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.

Зимин 1986 — *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. 333 с.

Зияев 1968 — *Зияев Х.З.* Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Таш., 1968. 74 с.

Златкин 1983 — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства: 1635–1758. 2-е изд. М., 1983. 332 с.

Ибн Арабшах 1887 — *Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах.* Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур. Каир, 1305/1887-88. 252 с.

Ибн Фадлан 1939 — *Ахмад ибн Аббас ибн Фадлан.* Извлечения из «Записки» Ибн Фадлана. Пер. под ред. И.Ю.Крачковского // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. Ред. С.Л.Волин и др. М.; Л., 1939. С. 155–165.

Ибрагимов 1956 — *Ибрагимов С.К.* Некоторые данные к истории казахов XV–XVI вв. // Изв. АН Казахской ССР. Сер. истории, экономики, философии, права. А.-А., 1956. Вып. 3. С. 107–113.

Ибрагимов 1959 — *Ибрагимов С.К.* «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в. // Тр. Сектора востоковедения АН Казахской ССР. А.-А., 1959. Т. 1. С. 190–207.

Ибрагимов 1960а — *Ибрагимов С.К.* «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV–XVI вв. // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. А.-А., 1960. Т. 8. С. 141–157.
Ибрагимов 1960б — *Ибрагимов С.К.* Новые материалы по истории Казахстана XV–XVI вв. // История СССР. 1960. № 4. М. С. 152–158.
Ибрагимов 1960в — *Ибрагимов С.К.* «Фатухат-наме» Бинои как источник по истории Казахстана второй половины XV в. М., 1960 (25-й Междунар. конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР). 10 с.
Ибрагимов 1961 — *Ибрагимов С.К.* К истории Казахстана в XV в. // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. Ред. И.А.Орбели. М., 1961. С. 172–181.
Иванин 1847 — *Иванин М.И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г. // Зап. Русского географического общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 267–305.
Иванин 1875 — *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875. 264 с.
Иванов 1935 — *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. Ред. А.Н.Самойлович. М.; Л., 1935. С. 9–89.
Иванов 1958 — *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958. 248 с.
Иванов, Васильев 1995 — *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. 264 с.
Иванов, Кригер 1988 — *Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988. 92 с.
Игнатьев 1868 — *Игнатьев Р.Г.* Чортово городище в окрестностях г. Уфы // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. С. 19–28.
Игнатьев 1869 — *Игнатьев Р.Г.* Хусейн Бека (ногайского имама) гробница // Тр. Московского археологического общества. М., 1869. Т. 2. С. 54–56.
Игнатьев 1883 — *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 328–355.
Игнатьев, Гурвич 1883 — *Игнатьев Р.Г., Гурвич Н.А.* Хроника достопамятных событий Уфимской губернии и Оренбургского края с самых отдаленных времен до настоящего // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. I–XXVII (отд. паг.).
Идегей 1990 — Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С.Липкина. Казань, 1990. 256 с.
Ижбердеев 1994 — *Ижбердеев Р.И.* Существуют ли «астраханские татары»? // Краеведческие чтения: Докл. и сообщ. IV–VI чтений. Ред. Е.К.Максимова. Саратов, 1994. С. 38–40.
Изиддинова 1980 — *Изиддинова С.Р.* Место крымско-татарского языка среди тюркских языков Причерноморья // Языкознание. Ред. А.Н.Кононов. Таш., 1980. С. 246–247.
Измайлов 1992 — *Измайлов И.Л.* Идегей: Жизнь, ставшая легендой // Татарстан. 1992. № 1, 2. Казань. С. 52–59, 63–71.
Иналджык 1995 — *Инальчик Х.* Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб-Гирея // Панорама-Форум. Казань., 1995. № 3. С. 73–94.

Иоасафовская 1957 — Иоасафовская летопись. Подгот. текста А.А.Зимина, С.А.Левиной. Ред. А.А.Зимин. М., 1957. 240 с.
Иовий 1908 — *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве // *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. Введ., пер., примеч. А.И.Малеина. СПб., 1908. С. 251–275.
Ипатьевская 1962 — Ипатьевская летопись. Подгот. к изд. А.А.Шахматов, М.Н.Тихомиров. М., 1962 (ПСРЛ. Т. 2) (воспроизв. с изд.: СПб., 1908). 1045 с.
Исаева 1981 — *Исаева Т.А.* Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI — первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981. С. 9–23.
Исин 1985а — *Исин А.И.* Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI в. // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. А.-А., 1985. С. 37–49.
Исин 1985б — *Исин А.И.* Новые источники по истории Казахстана первой четверти XVI в. // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 3. С. 45–49.
Исин 1988 — *Исин А.И.* Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой в XVI в. АКД. А.-А., 1988. 25 с.
Исмагулов 1970 — *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). А.-А., 1970. 240 с.
История 1903 — История о Казанском царстве (Казанский летописец). Изд. Г.З.Кунцевич. СПб., 1903 (ПСРЛ. Т. 19). 460 с.
История 1937 — История Татарии в материалах и документах. Сост. К.Н.Гаврилкин. М., 1937. 503 с.
История 1957 — История Казахской ССР. Т. 1. Ред. М.О.Ауэзов и др. А.-А., 1957. 610 с.
История 1967 — История Дагестана. Т. 1. Гл. ред. Г.Д.Даниялов, В.Г.Гаджиев. М., 1967. 431 с.
История 1968 — История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Ред. З.И.Гильманов и др. Казань, 1968. 720 с.
История 1969 — История калмыцких ханов // КИЛП. С. 49–79.
История 1974 — История Каракалпакской АССР. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ред. С.К.Камалов и др. Таш., 1974. 330 с.
История 1979 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Ред. С.Г.Агаджанов и др. А.-А., 1979. 424 с.
История 1984 — История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. Т. 1: С древнейших времен до середины XIX в. Ред. В.М.Плоских. Фрунзе, 1984. 800 с.
История 1987 — История Самарского края: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ред. П.С.Кабытов, Л.В.Храмков. Саратов, 1987. 188 с.
История 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Отв. ред. Б.Б.Пиотровский. М., 1988. 544 с.
История 1991 — История Башкортостана. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. 349 с.
История 1993 — История Казахстана: Очерк. Ред. М.К.Козыбаев и др. Алматы, 1993. 416 с.

История 1995 — История казачества Азиатской России. Т. 1: XVI — первая половина XIX в. Ред. Н.А.Миненко и др. Екатеринбург, 1995. 318 с.
История 1996 — История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Отв. ред. Х.Ф.Усманов. Уфа, 1996. 520 с.
История 1997 — История России с древнейших времен до конца XVII в. Отв. ред. А.Н.Сахаров, А.П.Новосельцев. М., 1997. 576 с.
Исфахани 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер. с перс., предисл., примеч. Р.П.Джалиловой. М., 1976. 536 с.
Исхаков 1985 — *Исхаков Д.М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XIX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Отв. ред. Р.Г. Магомедова. Казань, 1985. С. 36–65.
Исхаков 1992 — *Исхаков Д.М.* Астраханские татары: Этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII — начале XX в. // Астраханские татары. Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1992. С. 5–33.
Исхаков 1993а — *Исхаков Д.М.* О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. Отв. ред. Г.Ф.Валеева-Сулейменова. Казань, 1993. С. 134–142.
Исхаков 1993б — *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993. 173 с.
Исхаков 1995 — *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — сер. XVI в.) // Панорама-Форум. Казань, 1995. № 3. С. 95–107.
Исхаков 1997 — *Исхаков Д.М.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах // Tatarica. Казань, 1997/98. № 1. С. 42–95.
Исхаков 1998 — *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. 276 с.
Ищенко 1989 — *Ищенко С.А.* Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону, 1989. С. 136–145.
Йазди 1972 — *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Подгот. к печ., предисл., примеч., указ. А.Урунбаева. Таш., 1972. 1240 с.
Кабардино-русские 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1: XVI–XVII вв. Сост. Н.Ф.Демидова, Е.Н Кушева, А.М.Персов. М., 1957. 494 с.
Кадыр Али-бек 1854 — Сборник летописей. Казань, 1854 (Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н.Березиным. Т. 2. Ч. 1). 178 с.
Казакова 1979 — *Казакова Н.А.* «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Ред. Д.С.Лихачев. Л., 1979. С. 253–256.
Казанская 1954 — Казанская история. Подгот. текста, вступ. ст., примеч. Г.Н.Моисеевой. М.; Л., 1954. 194 с.
Казахско-русские 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (сборник документов и материалов). Сост. Ф.Н.Киреев и др. А.-А., 1961. 742 с.
Казачий 1995 — Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 1995. 192 с.

Казачьи войска 2000 — Казачьи войска Азиатской России в XVIII — начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. документов. Сост. Н.Е.Бекмаханова. М., 2000. 431 с.

Какаш, Тектандер 1896 — *Какаш С., Тектандер Г.* Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. Пер. с нем. А.Станкевича. М., 1896. 62 с.

Калиновская, Марков 1990 — *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Ногайцы — проблемы национальных отношений и культура // СЭ. 1990. № 2. С. 15–22.

Калиновская, Марков 1991 — *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Ногайцы: Этнокультурные проблемы и межнациональные отношения // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1991. № 4. С. 59–70.

Калмыков и др. 1983 — *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1983. 232 с.

Калоев 1993 — *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1993. 231 с.

Камалов 1993 — *Камалов С.К.* О географических названиях в эпосе «Едиге» // ИГАРНО. С. 132–134.

Карамзин 1989 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 5-е изд. М., 1989 (воспроизв. с изд.: СПб., 1842–1843). Кн. 2. Т. 5–8. 1340 с. Кн. 3. Т. 9–12. 1351 с.

Каргалов 1974 — *Каргалов В.В.* На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. 182 с.

Карнович 1896 — *Карнович Е.П.* Покорение царства Астраханского // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Ред. П.О.Зубович. Астрахань, 1896. С. 1–18.

Карпов А. 1911 — *Карпов А.Б.* Уральцы: Исторический очерк. Ч. 1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911. 1010 с.

Карпов Г. 1865 — *Карпов Г.Ф.* Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1517 годах. М., 1865. 32 с. (отд. отт. из: Моск. универс. изв. 1865. № 4).

Карпов Г. 1867 — *Карпов Г.Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским: 1462–1508 гг. М., 1867. 296 с.

Каррыев и др. 1954 — *Каррыев А., Мошкова В.Г., Насонов А.Н., Якубовский А.Ю.* Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. Аш., 1954. 406 с.

Кастанье 1910 — *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. 350 с.

Касымбаев, Исин 1991 — *Касымбаев Ж.К., Исин А.И.* Политическое положение Ногайской Орды и ногайско-казахские отношения в 50–60-х годах XVI в. // ОАИГРНО. С. 40–41.

Катанаев 1893 — *Катанаев Г.Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Зап. Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1893. Кн. XIV. Вып. 1. Омск. С. 1–72.

Катанов 1896 — *Катанов Н.Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. Тобольск, 1896. 13 с.

Катанов 1903 — *Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // УЗ Казанского университета. 1903. Вып. 12. С. 133–158.

Катанов 1907 — *Катанов Н.Ф.* Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа // Изв. Общества истории и этнографии при Казанском университете. 1907. Т. 23. Вып. 3. С. 238–244.

Кафави 1933 — *Ибрахим ибн Али Кафави.* Таварих-и татар хан ва Тагистан ва Моску ва Дашт-и Кипчак. Изд. Дж.Кырымлы. Пазырджик, 1933. 74 с.

К.Д.Э. 1834 — *К.Д.Э.* О нагайском племени татар // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 96.

Керейтов 1973 — *Керейтов Р.Х.* Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем. АКД. М., 1973. 23 с.

Керейтов 1982 — *Керейтов Р.Х.* Терминология родства у ногайцев // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура). Отв. ред. Е.П.Алексеева. Черкесск, 1982. С. 191–212.

Керейтов 1984 — *Керейтов Р.Х.* Этнические связи ногайцев по данным этнографических исследований // Фольклор, литература и история Востока. Отв. ред. Х.З.Зияев, М.К.Кошчанов. Таш., 1984. С. 391–394.

Керейтов 1992 — *Керейтов Р.Х.* Этнокультурные контакты ногайцев и их влияние на этнические традиции // Традиционное и новое в культуре народов России. Отв. ред. А.И.Сухарев. Саранск, 1992. С. 97–98.

Керейтов 1993а — *Керейтов Р.Х.* Ногайская Орда и вопросы ее этнического состава // ИГАРНО. С. 19–28.

Керейтов 1993б — *Керейтов Р.Х.* Этноним «кыпшак» у ногайцев // ПЛ. 1993. № 1–2/5–6. С. 101–116.

Керейтов 1994 — *Керейтов Р.Х.* К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994. 44 с.

Керейтов 1995 — *Керейтов Р.Х.* Ногайский этнос и его соседи в условиях широкого пространственного расселения (северо-кавказские и нижнеповолжские группы) // Проблемы взаимодействия национальных культур. Ч. 1. Ред. Е.М.Пигарев. Астрахань, 1995. С. 34–35.

Керейтов 1996 — *Керейтов Р.Х.* Орда пашню пахала на Куме (очерки из истории и этнографии кумских ногайцев). Минеральные Воды, 1996. 70 с.

Керейтов 1999 — *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999. 176 с.

Кидырниязов 1991а — *Кидырниязов Д.С.* Материалы «Продолжения древней российской вивлиофики» о русско-ногайских отношениях в XVI в. // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: Принципы и методы изучения, оценки и использования. Ред. В.Г.Гаджиев и др. Махачкала, 1991. С. 111–115.

Кидырниязов 1991б — *Кидырниязов Д.С.* Ногайцы в русско-турецких отношениях в XVI в. // Восток: Прошлое и будущее народов. Т. 2. Ред. Л.Б.Алаев. М., 1991. С. 124–127.

Кидырниязов 1993 — *Кидырниязов Д.С.* Из истории русско-ногайских отношений в XV–XVI вв. // ИГАРНО. С. 62–67.

Ким 1995 — *Ким Г.П.* Традиционные рыбные промыслы уральских (яицких) казаков. АКД. СПб., 1995. 27 с.

Кипчакхан 1969 — *Ходжамкули-бек Кипчакхан.* Тарих-и Кипчаки. Пер. В.П.Юдина // МИКХ. С. 389–397.

Кириков 1983 — *Кириков С.В.* Человек и природа степной зоны: Конец X — середина XIX в. (Европейская часть СССР). М., 1983. 128 с.

Киртоагэ 1988 — *Киртоагэ И.Г.* Административно-территориальное деление юга Днестровско-Прутского междуречья под турецким владычеством в XVI — первой половине XVII в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Отв. ред. П.В.Советов. Кишинев, 1988. С. 72–82.

Кичиков 1969 — *Кичиков М.Л.* Об исторических корнях дружбы народов юго-востока России // УЗ Калмыцкого НИИ яз., лит. и ист. Вып. 8. Сер. истории. Элиста, 1969. С. 57–64.

Клавихо 1990 — *Клавихо Р.Г.* Дневник путешествия ко двору Тимура (1403–1406 гг.). Пер. со староисп., предисл., коммент. И.С.Мироковой. М., 1990. 211 с.

Ключевский 1991 — *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. 334 с.

Кляшторный, Султанов 1992 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992. 376 с.

Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000. 320 с.

Книга 1843 — Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского. Изд. М.Оболенским, И.Даниловичем. Т. 1. М., 1843. 502 с.

Книга 1846 — Книга, глаголѐмая Большой Чертеж. Изд. Г.И. Спасским. М., 1846. 354 с.

Книга 1850 — Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // ВМОИДР. 1850. Кн. 5. С. 19–148.

Книга 1881 — Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1881. 601 с.

Книга 1913 — Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. 2-я половина. Ред. С.П.Розанов. СПб., 1913. С. 343–708.

Книга 1950 — Книга Большому Чертежу. Подгот. к печ. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950. 228 с.

Кобеко 1886 — *Кобеко Д.Ф.* О шертной грамоте ногайского князя Измаила // Зап. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1886. Т. 1. С. 12–15.

Кобеко 1889 — *Кобеко Д.Ф.* К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды // ЗВОРАО. 1889. Т. 4. Вып. 1–2. С. 267–277.

Кобланды 1958 — Кобланды-батыр. Пер. С.Липкина // Казахский эпос. Ред. И.Сельвинский. А.-А., 1958. С. 25–212.

Кобяков 1955 — *Кобяков С.Г.* Заселение Дона в XVI–XVII вв. // УЗ Ленинградского гос. пед. ин-та. Т. 10. Географический факультет. 1955. Вып. 3. С. 58–74.

Колло 1996 — Итальянец о России XVI в.: Франческо да Колло. «Доношение о Московии». Подгот. текста, пер., коммент. О.Симчич. М., 1996. 85 с.

Кологривов 1911 — *Кологривов С.Н.* Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. // Вестник археологии и истории. Вып. 20. СПб., 1911. С. 1–160 (отд. паг.).

Колосовский 1901 — *Колосовский В.* В Каратавских горах Чимкентского уезда (археологическая заметка) // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 6-й. Таш., 1901. Приложение к протоколу № 3. С. 89–97.

Конкашпаев 1969а — *Конкашпаев Г.К.* Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана в XVI–XVIII вв. //

УЗ Калмыцкого НИИ яз., лит. и ист. Вып. 8. Сер. истории. Элиста, 1969. С. 247–252.

Конкашпаев 1969б — *Конкашпаев Г.К.* Малоустойчивость местных топонимов в Казахстане // Материалы XXII науч. конф. профессорско-преподавательского состава Казахского гос. пед. ин-та им. Абая. Отв. ред. Ц.Л.Фридман. А.-А., 1969. С. 307–309.

Кононов 1958 — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. 288 с.

Кононов 1976 — *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975. Ред. А.Н.Кононов. М., 1976. С. 159–179.

Контарини 1971 — *Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971. С. 188–235.

Кордт 1899 — *Кордт В.А.* Материалы по историч русской картографии. Сер. I. Вып. 1. Киев, 1899. 30 с., 26 карт.

Кордт 1906 — *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Сер. II. Вып. 1. Киев, 1906. 20 с., 32 карты.

Кореняко 1996 — *Кореняко В.А.* Ногайцы: Степь и народ // Евразия: Народы. Культуры. Религии. М., 1996. № 1(4). С. 29–36.

Корнис 1836 — *Корнис В.* Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. М., 1836. Ч. 33. С. 3–23, 210–230, 269–297.

Коротин 1999 — *Коротин Е.И.* Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков (антология). Ч. 2. Самара, 1999. 224 с.

Костомаров 1862 — *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. 299 с.

Костюков 1995 — *Костюков В.П.* Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // РиВ. Ч. 5. Кн. 2. Ред. Г.Б.Зданович и др. Челябинск, 1995. С. 40–43.

Костюков 1997 — *Костюков В.П.* Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана). АКД. Уфа, 1997. 19 с.

Кочекаев 1969а — *Кочекаев Б.-А.Б.* К вопросу присоединения Ногайской Орды к России // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 6. С. 54–60.

Кочекаев 1969б — *Кочекаев Б.-А.Б.* Классовая структура ногайского общества в XIX — начале XX в. А.-А., 1969. 60 с.

Кочекаев 1973 — *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX — начале XX в. А.-А., 1973. 186 с.

Кочекаев 1975 — *Кочекаев Б.-А.Б.* Ч.Ч.Валиханов о древненогайской народности // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1. Отв. ред. В.П.Невская. Ставрополь, 1975. С. 116–128.

Кочекаев 1988 — *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988. 272 с.

Кошелев 1958 — *Кошелев В.И.* Возникновение г. Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства // Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 26: Историко-филологический факультет. С. 199–250.

Крадин 1992 — *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. 240 с.

Крадин 2000 — *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. Ред. Н.Н.Крадин и др. М., 2000. С. 314–336.

Крачковский 1957 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. 4. М.; Л., 1957. С. 15–919.

Кригер 1986 — *Кригер В.А.* Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Отв. ред. А.С.Скрипкин. Саратов, 1986. С. 114–131.

Криштопа 1979 — *Криштопа А.Е.* Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Отв. ред. В.Б.Виноградов. Грозный, 1979. С. 135–145.

Крупнов 1956 — *Крупнов Е.И.* К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа // Изв. Грозненского обл. краеведч. музея. Вып. 7–8. Грозный, 1956. С. 46–56.

Кужелева 1960 — *Кужелева Л.Н.* Ногайцы // Народы Кавказа. Т. 1. Отв. ред. С.П.Толстов. М., 1960. С. 391–402.

Кужелева 1964 — *Кужелева Л.Н.* Ногайцы (из истории ногайцев XVIII — нач. XX в.) // УЗ Института ист., яз. и лит. им. Г.Цадасы. Т. 13. Сер. историч. Махачкала, 1964. С. 194–229.

Кузеев 1957а — *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // СЭ. 1957. № 4. С. 3–12.

Кузеев 1957б — *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1: Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. Уфа, 1957. 184 с.

Кузеев 1968а — *Кузеев Р.Г.* Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. Т. 3. Отв. ред. Р.Г Кузеев. 1968. С. 261–321.

Кузеев 1968б — *Кузеев Р.Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // АЭБ. Т. 3. Отв. ред. Р.Г.Кузеев. 1968. С. 327–370.

Кузеев 1974 — *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. 572 с.

Кузеев 1978 — *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. 264 с.

Кузеев 1991 — *Кузеев Р.Г.* Башкиры и ногайцы: Этнические взаимосвязи // ОАИГРНО. С. 38–40.

Кузеев 1992 — *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 347 с.

Кузеев, Моисеева 1987 — *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н.* Об этнических связях тюркских народов севера евразийских степей в эпоху средневековья и в новое время по данным родо-племенной этнонимии // Башкирская этнонимия. Отв. ред. З.Г.Ураксин. Уфа, 1987. С. 98–109.

Кузеев, Юлдашбаев 1957 — *Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х.* 400 лет вместе с русским народом: Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957. 114 с.

Кузембайулы, Абиль 2000 — *Кузембайулы А., Абиль Е.А.* История Республики Казахстан. 5-е изд., перераб. и доп. Астана, 2000. 400 с.

Кузнецов 1986 — *Кузнецов А.Б.* Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Минск, 1986. 135 с.

Кулешова 1995 — *Кулешова Н.В.* О чем рассказывают генеалогии барабинских татар // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. Отв. ред. Н.А.Томилов. Томск, 1995. С. 36–45.

Ку-м 1824 — *Ку-м А.К.* Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле Войска Донского // САр. 1824. Ч. 9. С. 297–316.

Кумеков 1994 — *Кумеков Б.Е.* Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII — нач. XIII в. АДД. СПб., 1994. 40 с.

Курбанов 1991 — *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены (история формирования и особенности культуры). АКД. СПб., 1991. 20 с.

Курбский 1914 — Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. Ред. Г.З.Кунцевич. СПб., 1914. 646 с.

Курмансеитова 1990 — *Курмансеитова А.Х.* Бытование арабописьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып. 3. Отв. ред. Д.А.Напсо. Черкесск, 1990. С. 161–180.

Курмансеитова 1993 — *Курмансеитова А.Х.* Ярлык Тохтамыш-хана к польскому королю Ягайле и Эдиге // ИГАРНО. С. 94–97.

Кухистани 1969 — *Масуд ибн Усман Кухистани.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани. Пер. С.К.Ибрагимова // МИКХ. С. 140–171.

Кушаев 1993 — *Кушаев Г.А.* Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993. 172 с.

Кушева 1943 — *Кушева Е.Н.* Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (обзор материалов русских архивов) // ИЖ. 1943. № 1. С. 60–68.

Кушева 1949 — *Кушева Е.Н.* [Рец. на:] А.А.Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948 // Советская книга. 1949. № 5. С. 81–86.

Кушева 1950 — *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // ИЗ. 1950. Вып. 34. С. 236–287.

Кушева 1963 — *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963. 372 с.

Кыдырбаева 1980 — *Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980. 280 с.

Кырыми 1924 — *ал-Хадждж Абд ал-Гаффар Кырыми.* Умдат ат-таварих. Истанбул, 1343/1924-25. 230 с.

Кычанов, Литвинский 1979 — *Кычанов Е.И., Литвинский Б.А.* [Рец. на:] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Алма-Ата, 1979 // Народы Азии и Африки. М. 1979. № 6. С. 188–194.

Ланнуа 1852 — *Ланнуа Ж.* Путешествие Гильбера де Ланнуа по Южной России в 1421 г. Пер. Ф.К.Бруна. Одесса, 1852. 33 с.

Лашков 1889 — *Лашков Ф.Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Тр. VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г. Т. 4. Одесса, 1889. С. 96–110.

Лашков 1891 — *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. 215 с.

Лашков 1897 — *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897. 326 с.

Лебедевская 1965 — Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М., 1965. С. 224–314.

Левшин 1823 — *Левшин А.И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. 84 с.
Левшин 1824 — *Левшин А.И.* Известия о древнем татарском городе Сарайчике // САр. 1824. Ч. 9. № 4. С. 179–190.
Левшин 1832 — *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсакских, орд и степей. Ч. 1–2. СПб., 1832.
Лезина, Суперанская 1994 — *Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Ономастика: Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. Ч. 2. М., 1994. 466 с.
Леопольдов 1860 — *Леопольдов А.Ф.* Исторические заметки о Самарском крае. СПб., 1860. 128 с.
Летописец 1819 — Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года, то есть по кончину царя и великого князя Феодора Иоанновича. М., 1819. 230 с.
Летописец 1853 — Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534 лета, который служит продолжением Несторову Летописцу. 2-е изд. М., 1853. 273 с.
Летописец 1895 — Летописец русский. Публ. А.Н.Лебедева // ЧОИДР. 1895. Кн. 3. С. I–IV, 1–190 (отд. паг.).
Летописец 1965 — Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М., 1965. С. 9–116.
Летописный 1963а — Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М.; Л., 1963. С. 13–163.
Летописный 1963б — Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М.; Л., 1963. С. 167–357.
Логутов 1929 — *Логутов Н.А.* Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Зап. Семипалатинск. отдела Общества изучения Казахстана. 1929. Т. 1. Вып. 18. С. 34–48.
Лоссиевский 1881 — *Лоссиевский М.В.* Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края (историко-археологический этюд) // Оренбургский листок. 1881. № 8. 22 февраля.
Лубсан 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П.Шастиной. М., 1973. 440 с.
Лунин 1956 — *Лунин Б.В.* Боевое содружество донских и запорожских казаков в борьбе против турецко-татарской агрессии в первой половине XVII в. // Из истории Дона (XVII–XX вв.). Отв. ред. К.А.Хмелевский. Ростов-на-Дону, 1956. С. 3–26.
Лурье 1994 — *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. 240 с.
Лызлов 1787 — *Лызлов А.* Скифская история. 2-е изд. М., 1787. 632 с.
Львовская 1910 — Львовская летопись. Ред. С.А.Адрианов. СПб., 1910 (ПСРЛ. Т. 20. 1-я половина). С. I–IV, 1–418.
Львовская 1914 — Львовская летопись. Ред. С.А.Адрианов. СПб., 1914 (ПСРЛ. Т. 20. 2-я половина). С. 419–686.
Любавский 1996 — *Любавский М.К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. 688 с.
Любомиров 1939 — *Любомиров П.Г.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. 342 с.

Люк 1879 — Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 473–493.

Магомедов 1990 — *Магомедов А.Р.* Народности Дагестана (этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация). Махачкала, 1990. 68 с.

Мажитов, Султанова 1994 — *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. 360 с.

Мазуринский 1968 — Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. Ред. В.И.Буганов, Б.А.Рыбаков. М., 1968. С. 11–179.

Макризи 1884 — *Абу-л-Аббас Ахмад Таки ад-Дин ал-Макризи.* Китаб ас-сулук ли-марифат дувал ал-мулук // СМИЗО. Т. 1. С. 417–442.

Макшеев 1880 — *Макшеев А.И.* Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае // Зап. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. 6. С. 1–41.

Малиновский 1863 — *Малиновский А.Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 178–419.

Мальбахов, Дзамихов 1996 — *Мальбахов Б.Х., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI — конец XVIII в.). Нальчик, 1996. 350 с.

Мальбахов, Эльмесов 1994 — *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда (внутренние и внешние аспекты истории). Нальчик, 1994. 348 с.

Мамонов 1995 — *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. 236 с.

Манылов 1982 — *Манылов Ю.П.* Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Отв. ред. С.К.Камалов. Таш., 1982. С. 93–122.

Маньков 1951 — *Маньков А.Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. 274 с.

Марголин 1948 — *Марголин С.Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI в. // Тр. Гос. истор. музея. М., 1948. Вып. 20. С. 3–28.

Маргулан 1940 — *Маргулан А.Х.* «Едыге» и «Орак-Мамай» // Литература и искусство Казахстана. А.-А., 1940. № 2. С. 92–97.

Маргулан 1950 — *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. А.-А., 1950. 122 с.

Марджани 1884 — *Марджани Шихабуддин.* Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Тр. IV Археологического съезда. Т. 1. Ред. С.М.Шпилевский и др. Казань, 1884. С. 40–58.

Марджани 1989 — *Марҗани Шиһабуддин.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан, 1989. 415 с.

Маржерет 1982 — Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. Сост. Ю.А.Лимонов, пер. Т.И.Шаскольской. М., 1982. 256 с.

Марков 1966 — *Марков А.* Были Астраханского края // Волга. 1966. № 12. Саратов. С. 182–188.

Масанов 1993 — *Масанов Н.Э.* Казахи в XX столетии: Этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. М., 1993. Вып. 22. С. 98–117.
Масанов 1995а — *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы; М., 1995. 320 с.
Масанов 1995б — *Масанов Н.Э.* Национально-государственное строительство в Казахстане: Анализ и прогноз // Вестник Евразии. М., 1995. № 1. С. 117–128.
Маслов 1992 — *Маслов А.* Крымский двор // Московский журнал. 1992. № 11–12. С. 36–44.
Масса 1937 — *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. Пер., примеч. и вводн. ст. А.А.Морозова. М., 1937. 208 с.
Материалы 1835 — Материалы для истории Астраханского края в XVII столетии, хранящиеся в архиве Астраханского губернского правления // ЖМНП. 1835. Ч. 7. № 7. С. 53–75.
Материалы 1864а — Материалы для истории Войска Донского. Сост. И.П.Прянишников. Новочеркасск, 1864. 332 с.
Материалы 1864б — Материалы для истории Крымского ханства. Изд. В.В.Вельяминов-Зернов. СПб., 1864. 950 с.
Материалы 1891 — Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Ред. Л.Вейнберг, А.Полторацкий. Т. 2: Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. 298 с.
Материалы 1912 — Материалы для истории Саратовского Поволжья: Столбцы Московского архива Министерства юстиции. Публ. А.А.Гераклитов // ТСУАК. 1912. Вып. 29. С. 62–87.
Материалы 1932 — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Ред. А.Н.Самойлович. Л., 1932. 506 с.
Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. Отв. ред. В.А.Ромодин. М., 1973. 280 с.
Махмуд ибн Вали 1969 — *Махмуд ибн Эмир-Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Пер. К.А.Пищулиной // МИКХ. С. 329–368.
Махмутова 1978 — *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект татарского языка. М., 1978. 268 с.
Мейер 1996 — *Мейер М.С.* Основные этапы истории русско-турецких отношений // Османская империя: Проблемы внешней политики и отношений с Россией. Отв. ред. С.Ф.Орешкова. М., 1996. С. 47–116.
Менкеев 1852 — *Менкеев А.* Рассказ о том, как ногайцы прежде занимались и как теперь занимаются хозяйством // Земледельческая газета. 1852. № 24. СПб. С. 185–188.
Местнический 1910 — Местнический справочник XVII в. Изд. Ю.В.Татищевым. Вильна, 1910. 114 с.
Месхидзе 1998 — *Месхидзе Дж.И.* Борга-Каш // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. Сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. М., 1998. С. 19–20.
Меховский 1936 — *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С.А.Аннинского. М.; Л., 1936. 288 с.
Мизис 1990 — *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII вв. Тамбов, 1990. 106 с.

Миллер А. 1942 — *Миллер А.* Международное положение Казахстана во второй половине XVI в. // ИЖ. 1942. Кн. 8 (108). С. 51–55.
Миллер Г. 1787 — *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала... по сии времена. СПб., 1787. 406 с.
Миллер Г. 1937 — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. 614 с. (то же: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. 2-е изд., доп. М., 1999. 630 с.).
Миллер Г. 1941 — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. 638 с. (то же: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. 2-е изд., доп. М., 2000. 795 с.).
Милых 1940 — *Милых М.К.* О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском // УЗ Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та. Фак-т яз. и лит. Т. 2. 1940. С. 35–55.
Мининков 1994 — *Мининков Н.А.* Россия и Дон: Отношения сюзеренитета–вассалитета в XVII в. // Исторический опыт русского народа и современность (Мавродинские чтения). СПб., 1994. С. 111–115.
Мининков 1998 — *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. 512 с.
Мининков, Рябов 1984 — *Мининков Н.А., Рябов С.И.* О заселении донской земли в XVI–XVII вв. // Изв. Северо-Кавк. науч. центра высшей школы. Сер. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1984. № 3 (47). С. 25–28.
Миннуллин 1991 — *Миннуллин З.С.* О некоторых вопросах кадровой политики царизма в сношениях с восточными странами (XVII–XIX вв.) // Восток: Прошлое и будущее народов. Отв. ред. Л.Б.Алаев. Т. 2. М., 1991. С. 151–152.
Минх 1900 — *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 2. Саратов, 1900. С. 279–555.
Минх 1901 — *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 3. Саратов, 1901. С. 557–1091.
Мифы 1996 — Мифы древней Волги: Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших на берегах великой реки с древнейших времен до наших дней. Сост. В.И.Вардугин. Саратов, 1996. 688 с.
Михайлова 1956 — *Михайлова А.И.* Служба донских казаков по охране границ Русского государства в XVII в. // Вестник МГУ. 1956. № 2. С. 141–156.
Михалон 1994 — *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. Пер. В.И.Матузовой. М., 1994. 151 с.
Моисеева 1956 — *Моисеева Г.Н.* Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории» // Тр. Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 174–187.
Молдобаев 1995 — *Молдобаев И.Б.* Вопросы этнической истории кыргызов XIII–XVII вв. // Кыргызы: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Ред. А.Асанкаев. Бишкек, 1995. С. 58–60.
Московский 1949 — Московский летописный свод конца XV в. Ред. М.Н.Тихомиров. М.; Л., 1949 (ПСРЛ. Т. 25). 464 с.
Московский 1978 — Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. Ред. В.И.Буганов и др. М., 1978. С. 221–237.
Муканова, Кочекаев 1985 — *Муканова Т.А., Кочекаев Б.-А.Б.* Этюды по этнографии казахов и ногайцев. Караганда, 1985. Деп. в ИНИОН РАН, № 23657/86. 118 с.
Мунис 1969 — *Шир-Мухаммед ибн Авиз-бий мираб Мунис.* Фирдаус ал-икбал. Пер. Н.Н.Мингулова // МИКХ. С. 435–475.

Мурзаев 1996 — *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. 254 с.
Мутенин 1948 — *Мутенин И.Т.* Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область // Изв. Грозненского обл. ин-та и Музея краеведения. Вып. 1. Грозный, 1948. С. 129–135.
Мухамадиев 1983 — *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. 166 с.
Мухаметшин 1992 — *Мухаметшин Ю.Г.* Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1992. С. 48–73.
Назаров 1998 — *Назаров В.Д.* Российско-ногайская торговля (первая половина XVI в.) // Восток. М., 1998. № 1. С. 48–64.
Наказ 1851 — Наказ, данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении послами в Царьград // ВМОИДР. 1851. Кн. 9. С. 1–102 (отд. паг.).
Наказ 1897 — Наказ ясельничему и воеводам Ивану Биркину и Михайлу Спешневу о построении города между Воронежским и Цненских верхов на Урланове городище, или где лучше // ИТаУАК. 1897. Вып. 41. С. 151–158.
Нарбут 1994 — *Нарбут А.Н.* Родословные росписи. Вып. 2: Князья Урусовы. М., 1994. 56 с.
Народы 1957 — Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки). Ред. П.И.Балтин, М.М.Сикиев. Ставрополь, 1957. 154 с.
Нарожный 1988 — *Нарожный Е.И.* Л.П.Семенов и изучение ранней истории ногайцев // Научное наследие Л.П.Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа. Отв. ред. М.А.Тахо-Годи. Орджоникидзе, 1988. С. 125–133.
Нарожный 2000 — *Нарожный Е.И.* Черные клобуки на Северном Кавказе: О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской степи. Вып. 14. Отв. ред. А.Д.Пряхин. Воронеж, 2000. С. 138–150.
Насраллахи 1969 — *Абдаллах ибн Мухаммед ибн Али Насраллахи.* Зубдат ал-асар. Пер. Н.Н.Мингулова // МИКХ. С. 133–134.
Натанзи 1957 — *Муин ад-Дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar). Publiés par J.Aubin). Техран, 1336/1957. 505 с.
Национальные 1998 — Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. Отв. ред. С.Г.Агаджанов, В.В.Трепавлов. М., 1998. 416 с.
Небольсин 1851 — *Небольсин П.И.* Инородцы Астраханской губернии: Заметки о кундровских татарах // Вестник Русского географического общества. СПб., 1851. Ч. 2. Отд. V. С. 1–30.
Небольсин 1852 — *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. 197 с.
Небольсин 1855 — *Небольсин П.И.* Несколько замечаний об уральских казаках // Вестник Русского географического общества за 1854 год. СПб., 1855. Кн. 6. С. 199–228.
Негри 1844 — *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 379–392.
Некрасов 1990 — *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Северо-Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.). М., 1990. 128 с.

Немоевский 1907 — Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Изд. А.Гиршберг // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А.Вахрамееву. Вып. 6. М., 1907. С. 1–309 (отд. паг.).
Нестеров 1900 — *Нестеров А.* Прошлое приаральских степей в преданиях Казалинского уезда // ЗВОРАО. 1900. Т. 12. С. 95–105.
Нестеров 1988 — *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: Археология и история. АКД. М., 1988. 20 с.
Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н.Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834. 294 с.
Никольский 1919 — *Никольский Н.В.* Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919. 480 с.
Новосельский 1948а — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. 447 с.
Новосельский 1948б — *Новосельский А.А.* Из истории донской торговли в XVII в. // ИЗ. 1948. Т. 26. С. 198–216.
Новосельский 1994 — *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994. 223 с.
Новый 1853 — Новый Летописец. Публ. К.М.Оболенского // ВМОИДР. 1853. Кн. 17. С. 1–212 (отд. паг.).
Ногайдынъ 1991 — Ногайдынъ кырк бьатири: Ногай халк дестанлары. Дестанларды йыйган, баспага аьзирлеген, йыйынтыкты тъузген, кирис соьзин эм соьзлигин язган А.Сикалиев. Махачкала, 1991. 158 с.
О развалинах 1867 — О развалинах татарского города Сараиль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. 1867. № 30. С. 2–7.
Обзор 1990 — Обзор посольских книг из фондов, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). Сост. и автор вступ. ст. Н.М.Рогожин. М., 1990. 240 с.
Овчинников 1970 — *Овчинников Р.В.* Гурьевская крепость // История СССР. 1970. № 1. С. 188–193.
Олеарий 1906 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введ., пер., примеч. и указ. А.М.Ловягина. СПб., 1906. 610 с.
Описание 1939 — Описание истории калмыцкого народа, сочиненное В.Бакуниным. Публ. В.Разумовской // Красный Архив. М., 1939. Т. 3 (94). С. 188–254.
Описи 1960 — Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Ред. С.О.Шмидт. М., 1960. 194 с.
Опись 1977 — Опись архива Посольского приказа 1626 г. Подгот. к печ. В.И.Гальцов. М., 1977. 416 с.
Оразмамбетова 1993 — *Оразмамбетова З.А.* Расселение ногайцев в XV–XVIII вв. // ИГАРНО. С. 125–131.
Оренбургская 1909 — Оренбургская ученая архивная комиссия. Протоколы заседаний за 1901–1907 гг. и отчет за 1907 год. Оренбург, 1909. 81 с.
Освецим 1882 — Дневник Станислава Освецима (в извлечении): 1643–1651 гг. // Киевская старина. 1882. № 1. С. 126–151.
Осипов 1976 — *Осипов В.А.* Очерки по истории Саратовского края: Конец XVI и XVII в. Саратов, 1976. 104 с.
Османов 1883 — *Османов Н.* Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883. 174 с.

Османская 1984 — Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. Ред. И.Б.Греков. М., 1984. 302 с.
Очерки 1953 — Очерки истории СССР: Период феодализма. IX–XV вв. Ч. 2: XIV–XV вв. Ред. Б.Д.Греков и др. М., 1953. 811 с.
Очерки 1955а — Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Ред. А.Н.Насонов и др. М., 1955. 960 с.
Очерки 1955б — Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. Ред. А.А.Новосельский, Н.В.Устюгов. М., 1955. 1032 с.
Очерки 1961 — Очерки истории Воронежского края. Ред. Е.Г.Жуляковский. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1961. 522 с.
Очерки 1964 — Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. Ред С.П.Толстов и др. Таш., 1964. 432 с.
Очерки 1967 — Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ред. В.П.Невская и др. Ставрополь, 1967. 600 с.
Очерки 1974 — Очерки по истории Волгоградского края. Ред. И.С.Шепелев и др. Волгоград, 1974. 296 с.
Очерки 1986 — Очерки истории Ставропольского края. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. Ред. П.А.Шацкий, В.П.Невская. Ставрополь, 1986. 462 с.
Очерки 1993 — Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Ред. И.В.Порох. Саратов, 1993. 272 с.
Павленко 1975 — *Павленко Н.И.* О научном наследии А.А.Новосельского // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. Отв. ред. Н.И.Павленко. М., 1975. С. 3–16.
Павлов 1842 — *Павлов А.М.* О нагайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. 47 с.
Палицын 1955 — Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста, коммент. О.А.Державиной, Е.В.Колосовой. М.; Л., 1955. 346 с.
Панова 1981 — *Панова В.И.* История заселения русских земель Донского левобережья (бассейнов Битюга и Икорца) в XVI–XVII вв. АКД. Воронеж, 1981. 23 с.
Паньков 1960 — *Паньков И.П.* Из истории ставропольских туркмен и калмыков в 17–18 вв. (новые материалы). Чарджоу, 1960. 16 с.
Патриаршая 1885 — Патриаршая или Никоновская летопись. Подгот. к изд. А.Ф.Бычков. СПб., 1885 (ПСРЛ. Т. 10). 246 с.
Патриаршая 1897 — Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. СПб., 1897 (ПСРЛ. Т. 11). 254 с.
Патриаршая 1901 — Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. СПб., 1901 (ПСРЛ. Т. 12). 266 с.
Патриаршая 1904 — Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. СПб., 1904 (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1). 302 с.
Патриаршая 1906 — Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. СПб., 1906 (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2). С. I–VIII, 303–532.
Патриаршая 1910 — Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов, П.Г.Васенок. СПб., 1910 (ПСРЛ. Т. 14. 1-я половина). 154 с.
Пацевич 1956 — *Пацевич Г.И.* Гончарная печь на городище Сарайчик // Тр. Института ист., археол. и этногр. Т. 1: Археология. А.-А., 1956. С. 221–224.

Пацевич 1957 — *Пацевич Г.И.* Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // Кр. сообщ. Института истории материальной культуры. Вып. 69. М., 1957. С. 111–114.

Пашин 1912 — *Пашин П.* Из поездки к ногайцам с антропологическою целью // Русский антропологический журнал. 1912. № 1. СПб. С. 38–42.

Пекарский 1872 — *Пекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара: Историческое разыскание // Записки имп. Академии наук. СПб., 1872. Т. 21. Кн. 2. С. 232–260.

Перетяткович 1877 — *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI вв. (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.

Перетяткович 1882 — *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII в. (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. 404 с.

Першиц 1986 — *Першиц А.И.* Данничество // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Ред. А.И.Першиц, Д.Трайде. М., 1986. С. 45–46.

Петрей 1867 — *Петрей де Ерлезунда П.* История о Великом княжестве Московском. Пер. с нем. А.Н.Шемякина. М., 1867. 590 с.

Петрушевский 1952 — *Петрушевский И.П.* [Рец. на:] А.А.Новосельский. Борьба *Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948* // УЗ ЛГУ. № 128. Сер. востоковедч. наук. Вып. 3: История и филология стран Востока. Л., 1952. С. 229–236.

Пирко 1988 — *Пирко В.А.* Северное Приазовье в XVI–XVIII вв. Киев, 1988. 136 с.

Письмо 1871 — Письмо с сведениями господина NN к господину NN в Болонье с подробным описанием Великого княжества Московии (1657) // Бумаги флорентинского центрального архива, касающиеся до России: Итальянские и латинские подлинники с рус. пер. М.Д.Бутурлина. М., 1871. С. 303–317.

Пищулина 1981 — *Пищулина К.А.* Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и Шайбанидами в последней трети XV в. // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Отв. ред. А.Х.Маргулан. А.-А., 1981. С. 96–123.

Платонов 1898 — *Платонов С.Ф.* К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. // ЖМНП. 1898. Ч. 316. С. 81–104.

Платонов 1937 — *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. 504 с.

Плетнева 1982 — *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982. 188 с.

Подградская 1991 — *Подградская Е.М.* Экономические связи Молдовы со странами Центральной и Восточной Европы в XVI–XVII вв. Кишинев, 1991. 312 с.

Полное 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1. СПб., 1830. 1074 с.

Поляков 1980 — *Поляков С.П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980. 168 с.

Поноженко 1976 — *Поноженко Е.А.* Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII–XIX вв. // Вестник МГУ. Сер. 12: Право. 1976. № 3. С. 70–77.

Поноженко 1977а — *Поноженко Е.А.* Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV — середине XVII в. АКД. М., 1977. 24 с.

Поноженко 1977б — *Поноженко Е.А.* Общественный строй ногайцев в XV — середине XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1977. № 4. С. 92–96.
Поноженко 1987 — *Поноженко Е.А.* Политический строй ногайцев в XV — середине XVII в. // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. Аш., 1987. № 6. С. 33–41.
Поноженко, Асанов 1993 — *Поноженко Е.А., Асанов А.М.* Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // ПЛ. 1993. № 1–2/5–6. С. 116–125.
Попко 1880 — *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен: Исторический очерк. Вып. 1: Гребенское войско. СПб., 1880. 552 с.
Попов А. 1814 — *Попов А.* История о Донском войске. Ч. 1. Харьков, 1814. 196 с.
Попов А. 1816 — *Попов А.* История о Донском войске. Ч. 2. Харьков, 1816. 322 с.
Попов С. 1971 — *Попов С.А.* Тайны пятимаров: Очерки по древней и средневековой истории оренбургских степей. Челябинск, 1971. 193 с.
Послание 1997 — Послание царя Казанского. Публ. Д.Мустафиной // Гасырлар авызы = Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 26–38.
Посольская 1984 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. М., 1984. 99 с.
Посольские 1995 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. Подгот. текста Н.М.Рогожина. Махачкала, 1995. 356 с.
Посольство 1887 — Посольство дьяка Федора Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640 гг.). Публ. С.А. Белокурова // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. С. 259–376.
Посольство 1928 — Посольство князя Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в Кахетию: 1640–1643 гг. Изд. и введ. М.Полиевктова. Тифлис, 1928. 208 с.
Потанин 1897 — *Потанин Г.Н.* Тюркская сказка о Идыге // ЖС. 1897. Вып. 3–4. С. 294–350.
Потоцкий 1936 — Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. // Исторические путешествия: Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сост. А.Н.Алексеев. Сталинград, 1936. С. 195–217.
Преображенский 1951 — *Преображенский А.А.* Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (два посольства торгового человека Анисима Грибова) // ИЗ. 1951. Т. 36. С. 268–286.
Преображенский 1972 — *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. 392 с.
Преображенский 1984 — *Преображенский А.А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р.Г.Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. М., 1984. № 1. С. 101–118.
Примечательная 1836 — Примечательная грамота нагайского хана Мамая к царю Ивану IV с проявлением сожаления о кончине его родителя // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1836. Т. 3. № 9. С. 104.
Приселков 1950 — *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. 514 с.
Продолжение 1793а — Продолжение древней российской вивлиофики. Изд. Н.И.Новиков. Ч. 8. СПб., 1793. 336 с.

Продолжение 1793б — Продолжение древней российской вивлиофики. Изд. Н.И.Новиков. Ч. 9. СПб., 1793. 315 с.

Пронштейн 1967 — *Пронштейн А.П.* К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н.Тихомирова. Ред. В.А.Александров и др. М., 1967. С. 158–173.

Протокол 1906а — Протокол № 9. Очередное заседание [Оренбургской ученой архивной комиссии] 23 сентября 1905 г. // ТОУАК. Оренбург, 1906. Вып. 16. С. 271–274.

Протокол 1906б — Протокол № 14. Очередное заседание [Оренбургской ученой архивной комиссии] 17 декабря 1904 г. // ТОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 49–57.

Прошлое 1935 — Прошлое Казакстана в источниках и материалах. Сб. 1 (V в. до н.э. — XVIII в. н.э.). Ред. С.Д.Асфендияров, П.А.Кунте. А.-А.; М., 1935. 297 с.

Пугаченкова 1996 — *Пугаченкова Г.А.* Среднеазиатские миниатюры XVI–XVIII вв. в избранных образцах. Таш., 1996. 47 с.

Пузанов 1994 — *Пузанов В.Д.* Зауралье в XVII веке: Русские и кочевники // Земля Курганская: Прошлое и настоящее. Курган, 1994 (Краеведческий сб. Вып. 7). С. 73–78.

Путешествия 1954 — Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. Подгот. текстов Я.С.Лурье, Р.Б.Мюллер. Отв. ред. Д.С.Лихачев. М.; Л., 1954. 490 с.

Путешествия 1957 — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957. 270 с.

Радлов 1888 — *Радлов В.В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. 1888. Т. 3. Вып. 1–2. С. 1–40 (отд. паг.).

Радлов 1893 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1893. 986 с.

Радлов 1905 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб., 1905. 1260 с.

Разрядная 1966 — Разрядная книга 1475–1598 гг. Подгот. текста, вводн. ст., ред. В.И.Буганова. М., 1966. 614 с.

Разрядная 1975 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Сост. Л.Ф.Кузьмина. Кн. 1. М., 1975. 430 с.

Разрядная 1978 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Сост. Н.Г.Савич. Т. 1. Ч. 1–3. М., 1977–1978. 610 с.

Разрядная 1982 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Сост. Н.Г.Савич. Т. 2. Ч. 1–3. М., 1981–1982. 666 с.

Разрядная 1989 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Сост. Н.Г.Савич. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. 228 с.

Ракушин 1993 — *Ракушин А.И.* К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: Актуальные проблемы. Отв. ред. И.Д.Парфенов. Саратов, 1993. С. 161–170.

Ракушин 1994 — *Ракушин А.И.* К вопросу о сезонных пастбищах в Улусе Джучи // Краеведческие чтения. Докл. и сообщ. IV–VI чтений. Ред. Е.К.Максимова. Саратов, 1994. С. 149–151.

Рахматуллин 1988 — *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. 188 с.

Рашид ад-Дин 1952а — *Рашид ад-Дин Фазлаллах ибн Абу-л-Хайр Хамадани.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова. М.; Л., 1952. 225 с.

Рашид ад-Дин 1952б — *Рашид ад-Дин Фазлаллах ибн Абу-л-Хайр Хамадани.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой. М.; Л., 1952. 315 с.

Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин Фазлаллах ибн Абу-л-Хайр Хамадани.* Сборник летописей. Т. 2. Пер. с перс. Ю.П.Верховского. М.; Л., 1960. 248 с.

Риза 1832 — *Саид Мухаммед-Риза.* Ассеб ос-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Изд. М.Казембек. Казань, 1832. 378 с.

Рогожин 1994 — *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1994. 224 с.

Родоная 1955 — *Родоная С.Э.* Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII в. и его взаимоотношения с Грузией. АКД. Тб., 1955. 19 с.

Родословная 1787 — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Изд. Н.И.Новиков. М., 1787. 455 с.

Родословная 1851 — Родословная книга Великого Российского государства великих князей... // ВМОИДР. 1851. Кн. 10. С. 1–130 (отд. паг.).

Родословная 1997 — Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами. Отв. ред. Р.Г.Кузеев. Уфа, 1997. 88 с.

Рудановский 1863 — *Рудановский А.О.* О Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. Тифлис, 1863. № 48. С. 301–302; № 50. С. 313–314.

Русско-монгольские 1996 — Русско-монгольские отношения: 1654–1685 гг. Сб. документов. Сост. Г.И.Слесарчук. М., 1996. 560 с.

Рыбаков 1974 — *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974. 111 с.

Рычков 1774 — *Рычков П.И.* Введение к Астраханской топографии. М., 1774. 76 с.

Рычков 1896 — *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. 97 с.

Рычков 1949 — *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсманна, С.С.Неустроева. Ред., вступ. ст., коммент. Ф.Н.Мелькова. М., 1949. С. 43–204.

Рябинин 1866а — *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. 1. СПб., 1866. 424 с.

Рябинин 1866б — *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб., 1866. 108 с.

Рябов 1992 — *Рябов С.И.* Донская земля в XVII в. Волгоград, 1992. 224 с.

Сабирзянов 1995 — *Сабирзянов Г.С.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала в панораме веков (синхронистические очерки по истории этнокультурного и политического взаимодействия с начала новой эры до второй половины XVI в.). Казань, 1995. 104 с.

Савелов 1906 — *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче: Посольство С.И.Тарбеева в Крым, 1626–1628 гг. Симферополь, 1906. 105 с.

Савельев Е. 1904 — *Савельев Е.П.* Кто был Ермак и его сподвижники: Историческое исследование. Новочеркасск, 1904. 64 с.

Савельев Е. 1918 — *Савельев Е.П.* История Дона и донского казачества. Ч. 2: Донская демократическая республика. Новочеркасск, 1918. С. 65–168.

Савельев П. 1858 — *Савельев П.С.* Монеты джучидов, джагатаидов, джелаиридов и других, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858. 326 с.
Сагитов 1962 — *Сагитов И.Т.* Каракалпакский героический эпос. Таш., 1962. 107 с.
Садиков 1947 — *Садиков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // ИЗ. 1947. Т. 22. С. 132–166.
Садур 1983 — *Садур В.Г.* Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР // География и культура этнографических групп татар в СССР. Ред. О.А.Кибальчич. М., 1983. С. 3–18.
Салих 1908 — *Мухаммед Салих.* Шейбани-наме: Джагатайский текст. Подгот. к изд. П.М.Мелиоранский. СПб., 1908. 257 с.
Салмани 1997 — *Тадж ад-Дин ас-Салмани.* Тарих-наме. Пер. З.М.Буниятова. Баку, 1997. 142 с.
Самарканди 1969 — *Абдурраззоқ Самарқандий.* Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн. Пер. на узбекск., предисл., примеч., глоссарий А.Урунбаева. Тошкент, 1969. 464 с.
Самарская 1993 — Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Кн. 1: Самарский край с древнейших времен до середины XIX в. Ред. П.С.Кабытов, Л.В. Храмков. Самара, 1993. 220 с.
Самойлович 1912 — *Самойлович А.Н.* Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика // ЗВОРАО. 1912. Т. 21. Вып. 1. С. 38–47.
Самойлович 1918 — *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Изв. РАН. Пг., 1918. Сер. 6. № 10. С. 1109–1124.
Самойлович 1973 — *Самойлович А.Н.* Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше // ТС. 1972. Ред. А.Н.Кононов. М.; Л., 1973. С. 186–211.
Санин 1987 — *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. 270 с.
Сафаргалиев 1938 — *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дисс. М., 1938. 185 с. (Научная библиотека МГУ, рукопись).
Сафаргалиев 1949а — *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI в. // Сб. науч. работ Мордовского гос. пед. ин-та. Отв. ред. Я.Д.Бетяев. Саранск, 1949. С. 32–56.
Сафаргалиев 1949б — *Сафаргалиев М.Г.* Разгром Большой Орды (к вопросу освобождения Руси от татарского ига) // Зап. НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 11: История и археология. Саранск, 1949. С. 78–96.
Сафаргалиев 1952 — *Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Сб. статей преподавателей пед. ин-та. Ред. М.И.Романов. Саранск, 1952. С. 28–51.
Сафаргалиев 1960 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 276 с.
Сахави 1884 — *Шамс ад-Дин Сахави.* Тарих дувал ал-ислам // СМИЗО. Т. 1. С. 553–554.
Сборник 1866 — Сборник Муханова (Документы по русской истории). 2-е изд., доп. СПб., 1866. 780 с.
Сборник 1879 — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. 627 с.
Свердлова 1991 — *Свердлова Л.М.* На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. 159 с.

Седельников 1934 — *Седельников А.Д.* Две заметки по эпохе Ивана Грозного // Сборник статей к сорокалетию научной деятельности академика А.С.Орлова. Ред. В.Н.Перетц. Л., 1934. С. 165–173.

Селезнев 1994 — *Селезнев А.Г.* Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994. 176 с.

Семенов А. 1954 — *Семенов А.А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // Тр. Института ист., археол. и этногр. АН Таджикской ССР. Т. 12. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 39–83.

Семенов Л. 1928 — *Семенов Л.П.* Мавзолей Борга-Каш // Изв. Ингушского НИИ краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928. С. 217–232.

Семенов Н. 1885 — *Семенов Н.* Яммай: Прозаический перевод ногайской поэмы времен хана Тохтамыша // Кавказ. Тифлис, 1885. № 276.

Семенов Н. 1890 — *Семенов Н.* Кровь за кровь (эпическая поэма о хане Золотой Орды Тохтамыше, мурзе Эдигее и других монгольских героях). Владикавказ, 1890. 99 с.

Семенов Н. 1895 — *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа (рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб., 1895. 506 с.

Сергеев А. 1913 — *Сергеев А.А.* Посольство Амвросия Лодыженского и подъячего Петра Данилова в Крым в 1613 г. Симферополь, 1913. 50 с.

Сергеев В. 1976а — *Сергеев В.И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. Отв. ред. В.Т.Круть. М., 1976. С. 18–57.

Сергеев В. 1976б — *Сергеев В.И.* Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (по восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. Отв. ред. В.Т.Круть. М., 1976. С. 3–17.

Сергеев Ф. 1971 — *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971. 219 с.

Сибирский 1987 — Сибирский летописный свод // ПСРЛ. Т. 36. Отв. ред. А.П.Окладников, Б.А.Рыбаков. М., 1987. С. 138–379.

Сикалиев 1970 — *Сикалиев А.И.-М.* Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // Советская тюркология. Баку, 1970. № 4. С. 131–135.

Сикалиев 1980 — *Сикалиев А.И.-М.* Общество и герой в ногайском героическом эпосе // Традиции и современность (фольклор и литература народов Карачаево-Черкесии). Отв. ред. Н.С.Надьярных. Черкесск, 1980. С. 3–18.

Сикалиев 1994 — *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. 328 с.

Симеоновская 1913 — Симеоновская летопись. Ред. А.Е.Пресняков. СПб., 1913 (ПСРЛ. Т. 18). 320 с.

Сказание 1896 — Сказание о невольниках, освободившихся из турецкой каторги (1643) // МЮР. Вып. 2 (1-я половина XVII ст.). 1896. С. 389–405.

Сказание 1959 — Сказание о царстве Казанском. Вступ. ст., перелож., примеч. Н.В.Водовозова. М., 1959. 526 с.

Сказания 1843 — Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. Пер. В.И.Любича-Романовича. СПб., 1843. 99 с.

Скальковский 1843 — *Скальковский А.* О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии // ЖМНП. 1843. Ч. 40. С. 105–130, 147–190.

Скрипов 1973 — *Скрипов А.Н.* На просторах Дикого поля. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону, 1973. 136 с.

Скрынников 1982 — *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. 254 с.
Словарь 1981 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 (Кряда — ящина). Гл. ред. Ф.П.Филин. М., 1981. 352 с.
Словцов 1886 — *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886. 362 с.
Смирнов В. 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 797 с.
Смирнов И. 1948 — *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // ИЗ. 1948. Т. 27. С. 18–66.
Смирнов Н. 1946 — *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. 174 с.
Смирнов Н. 1948 — *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVII вв. Нальчик, 1948. 119 с.
Смирнов Н. 1958 — *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. 244 с.
Смирнов Ю. 1988 — *Смирнов Ю.Н.* Разгром авантюры И. Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Отв. ред. И.Г.Акманов. Уфа, 1988. С. 71–79.
Смирнов, Дубман 1995 — *Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л.* и др. Самарская Лука в XVI — начале XX в. Самара, 1995. 200 с.
Соколов 1898 — *Соколов Д.Н.* Опыт разбора одной башкирской летописи // ТОУАК. 1898. Вып. 4. С. 45–65.
Сокровенное 1990 — Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Сост., вступ. ст., примеч., пер. на калм. и рус. яз. П.А.Дарваева, пер. на бурят. яз. Г.Г.Чимитова. Элиста, 1990. 280 с.
Соловьев 1989а — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1989. 783 с.
Соловьев 1989б — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV: История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. 752 с.
Соловьев 1990 — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V: История России с древнейших времен. Т. 9–10. М., 1990. 718 с.
Софийская 1851 — Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 5. Изд. под рук. П.А.Ширинского-Шихматова. СПб., 1851. С. 76–275.
Софийская 1853 — Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Изд. П.М.Строев. СПб., 1853. С. 115–276.
Софийская 1994 — Софийская первая летопись по списку И.Н.Царского. Отв. ред. В.И.Буганов, Б.А.Рыбаков. М., 1994 (ПСРЛ. Т. 39). 208 с.
Спасский 1956 — *Спасский И.Г.* Алтын в русских денежных системах // Краткие сообщения Института материальной культуры. Вып. 66. Л., 1956. С. 12–20.
Спасский 1970 — *Спасский И.Г.* Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. Л., 1970. 256 с.
Средняя 1999 — Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. Отв. ред. Г.А.Брыкина. М., 1999. 378 с.
Сталь 1900 — *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 53–173.
Старков 1994 — *Старков В.Ф.* Описание карты 1525 г. // Отечественные архивы. М., 1994. № 4. С. 8–15.

Статейный 1891 — Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. Публ. Ф.Ф.Лашкова // ИТУАК. 1891. № 14. С. 43–80.
Статейный 1892 — Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 г. Публ. Ф.Ф.Лашкова // ИТУАК. 1892. № 15. С. 70–94.
Статейный 1896 — Список с статейного списка подьячего Василия Айтемирова, посыланного в Крым с предложением мирных переговоров (1692–1695). Публ. А.Маркевича // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 1–58 (отд. паг.).
Статейный 1970 — Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650–1652 гг. Подгот. к изд. И.З.Цинцадзе. Тб., 1970. 276 с.
Статейный 1995 — Статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. Подгот. текста Д.С.Кулмаметова и др. М., 1995. 72 с.
Стори 1972 — *Стори Ч.А.* Персидская литература: Био-библиографический обзор. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю.Э.Брегель. Ч. 2. М., 1972. С. 697–1314.
Стрейс 1935 — *Стрейс Я.* Три путешествия. Пер. Э.Бородиной. М., 1935. 415 с.
Студенцов 1988 — *Студенцов Н.Н.* Две загадки Саратова. Саратов, 1988. 78 с.
Сугорский 1890 — *Сугорский И.Н.* Сношения с Персией при Годунове // Русский вестник. СПб. Т. 210. 1890. Октябрь. С. 105–124.
Султанов 1971 — *Султанов Т.И.* Основные вопросы истории казахского народа в XV–XVII вв. по персидско-таджикским и тюркским источникам. АКД. Л., 1971. 19 с.
Султанов 1975 — *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // ТС. 1973. Отв. ред. А.Н.Кононов. М., 1975. С. 53–61, 282–283.
Султанов 1982 — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. 134 с.
Сухоруков 1903 — *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. 445 с.
Сыроечковский 1932 — *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв. АН СССР. 7 сер. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 3. С. 193–237.
Сыроечковский 1940 — *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. Вып. 61: История. 1940. Т. 2. С. 3–71.
Таварих 1967 — Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Иссл., крит. текст, аннот. огл. А.М.Икрамова. Таш., 1967. 475 с.
Тарих 1969 — Тарих-и Кашгар. Пер. В.П.Юдина // МИКХ. С. 411–418.
Татищев 1965 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965. 342 с.
Татищев 1966 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М.; Л., 1966. 438 с.
Таубе, Крузе 1922 — *Таубе И., Крузе Э.* Послание // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 19–59.
Теляковский 1991 — *Теляковский Н.Н.* Старина и святыни города Романова // Старина и святыни города Романова. Сост. А.Л.Беляев, А.Ю.Плотников. Ярославль, 1991. С. 5–78.
Тер-Мкртичян 1985 — *Тер-Мкртичян Л.Х.* Армянские источники о Средней Азии VIII–XVIII вв. М., 1985. 190 с.
Тихомиров 1951 — *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 207–253.
Тихомиров 1962 — *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. 584 с.

Тихомиров, Епифанов 1961 — *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. 444 с.
Токарев 1958 — *Токарев С.А.* Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М., 1958. 615 с.
Толстов 1953 — *Толстов С.П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук 1950 г. // СА. М., 1953. Т. 18. С. 301–325.
Толстова 1971 — *Толстова Л.С.* О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях // АЭБ. Т. 4. Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г.Кузеев. 1971. С. 192–198.
Толстова 1977 — *Толстова Л.С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. Отв. ред. Р.С.Липец. М., 1977. С. 141–164.
Толстова, Утемисов 1963а — *Толстова Л.С., Утемисов А.* Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Нукус, 1963. Вып. 4 (14). С. 42–54.
Толстова, Утемисов 1963б — *Толстова Л.С., Утемисов А.* Уточнение некоторых вопросов этногенеза каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Нукус, 1963. Вып. 2 (12). С. 55–66.
Томилов 1995 — *Томилов Н.А.* Сибирские татары — кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. Отв. ред. Н.А.Томилов. Томск, 1995. С. 23–35.
Тортика и др. 1994 — *Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // ЭО. 1994. № 1. С. 49–62.
Трепавлов 1991а — *Трепавлов В.В.* Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Отв. ред. М.К.Козыбаев. Гурьев, 1991. С. 62–64.
Трепавлов 1991б — *Трепавлов В.В.* Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // AEMAe. 1991. Vol. VII: 1987–1991. С. 249–278.
Трепавлов 1993а — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993. 163 с.
Трепавлов 1993б — *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды // ИГАРНО. С. 43–61.
Трепавлов 1993в — *Трепавлов В.В.* Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. // РиВ. Ред. С.А.Панарин. М., 1993. С. 302–311.
Трепавлов 1994 — *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи: Проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. М., 1994. № 2. С. 49–62.
Трепавлов 1995 — *Трепавлов В.В.* Ногайская альтернатива: От государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток, 1995. С. 199–208.
Трепавлов 1996 — *Трепавлов В.В.* Некоторые проблемы политической истории Башкортостана ногайского периода // Башкортостан в XVI–XVIII вв. Отв. ред. И.М.Акбулатов. Уфа, 1996. С. 3–6.
Трепавлов 1997а — *Трепавлов В.В.* Волга в культурной традиции народов Восточной Европы // ЭО. 1997. № 6. С. 103–108.
Трепавлов 1997б — *Трепавлов В.В.* Конь боевой и романовский полушубок // Родина. М., 1997. № 3/4. С. 109–112.

Трепавлов 1997в — *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. 72 с.
Трепавлов 1997г — *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда и Московское царство: подданство или протекторат? // Астраханский край: История и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Гл. ред. Н.М.Ушаков. Астрахань, 1997. С. 152–154.
Трепавлов 1997д — *Трепавлов В.В.* Тайбуга: «На Мангытском юрте третий государь» // Tatarica. Казань, 1997/1998. № 1. С. 96–107.
Трепавлов 1998а — *Трепавлов В.В.* Ногаи в Юго-Восточной Европе // Славяне и кочевой мир: Средние века и раннее Новое время. Отв. ред. Л.В.Заборовский. М., 1998. С. 134–136.
Трепавлов 1998б — *Трепавлов В.В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. М., 1998. № 1/2. С. 101–114.
Трепавлов 1999а — *Трепавлов В.В.* Приключения «Чудес творений»: Из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного // Гасырлар авызы = Эхо веков. Казань, 1999. № 3/4. С. 35–38.
Трепавлов 1999б — *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI–XX вв.) // Россия в XX в.: Проблемы национальных отношений. Отв. ред. А.Н.Сахаров, В.А.Михайлов. М., 1999. С. 115–120.
Трепавлов 2000 — *Трепавлов В.В.* Бий мангытов, коронованный chief: Вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации. Ред. Н.Н.Крадин и др. М., 2000. С. 356–367.
Трофимова 1949 — *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. 264 с.
Тунманн 1991 — *Тунманн* [С.] Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л.Эрнста и С.Л.Белявской. Примеч., предисл. и прил. Н.Л.Эрнста. Симферополь, 1991. 96 с.
Тхоржевский 1923 — *Тхоржевский С.* Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. № 3. С. 9–28.
Тьеполо 1940 — *Тьеполо Ф.* Рассуждение о делах Московии. Публ., пер. С.А.Анненского // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С.305–388.
Уляницкий 1889 — *Уляницкий В.А.* Сношения России с Средней Азиею и Индиею в XVI–XVII вв. (по документам Московского главного архива МИД) // ЧОИДР. 1889. Кн. 3 (146). С. 1–62 (отд. паг.).
Уразманова 1992 — *Уразманова Р.К.* Праздники и обряды астраханских татар // Астраханские татары. Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1992. С. 89–108.
Уразманова, Шарифуллина 1991 — *Уразманова Р.К., Шарифуллина Ф.Л.* Роль ногайского компонента в этнической истории западных групп татарского народа // ОАИГРНО. С. 45–46.
Урусов 1993 — *Урусов К.С.-Б.* К истории рода Урусовых: Фамильная хроника. М., 1993. 56 с.
Усманов А. 1956 — *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству // Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Ред. А.П.Смирнов и др. Уфа, 1956. С. 56–66.
Усманов А. 1982 — *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. 2-е изд., испр. и доп. Уфа, 1982. 336 с.
Усманов М. 1972 — *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. 223 с.

Усманов М. 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 318 с.

Усманов М. 1990 — *Усманов М.А.* О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С.Липкина. Казань, 1990. С. 247–254.

Устно-поэтическое 1982 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9. Сост., коммент., указ. И.С.Сибиряка (Позяева). Саранск, 1982. 352 с.

Устюгов 1961 — *Устюгов Н.В.* Творческий путь А.А.Новосельского // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А.Новосельского. Отв. ред. Н.В.Устюгов. М., 1961. С. 3–10.

Устюгов 1974 — *Устюгов Н.В.* Научное наследие. М., 1974. 254 с.

Утемиш-Хаджи 1992 — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992. 296 с.

Фаизов Г. 1995 — *Фаизов Г.Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995. 114 с.

Фаизов С. 1999 — *Фаизов С.Ф.* Ислам в Поволжье: VIII–XX вв. Очерк истории. М., 1999. 76 с.

Фалев 1915 — *Фалев П.А.* Арабская новелла в ногайском эпосе. Симферополь, 1915. 17 с.

Фарфоровский 1909 — *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии: Историко-этнографический обзор. Тифлис, 1909. 34 с.

Фарфоровский 1914 — *Фарфоровский С.В.* Ногайцы в русской истории // Русский архив, издаваемый П.Бартеневым. Кн. 2. М., 1914. С. 76–82.

Фахрутдинов 1987 — *Фахрутдинов Р.Г.* Болгар в письменных источниках // Город Болгар: Очерки истории и культуры. Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М., 1987. С. 8–31.

Федоров 1983 — *Федоров Я.А.* Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983. 126 с.

Федоров-Давыдов 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.

Федоров-Давыдов 1994 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 232 с.

Фелицын 1886 — *Фелицын Е.Д.* Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по Пейсонелю: Материалы для истории западно-кавказских горцев. Екатеринодар, 1886. 31 с.

Фехнер 1956 — *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. 122 с.

Филоненко 1915 — *Филоненко В.И.* Башкиры. Уфа, 1915. 75 с.

Фирсов 1866 — *Фирсов Н.А.* Обзор внутренней жизни инородцев пред временем вступления их в состав Московского государства // УЗ Казанского университета по отд. историко-филологических и политико-юридических наук. 1864. Вып. 1. Казань, 1866. С. 69–123.

Фирсов 1919 — *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1919. 160 с.

Фишер 1774 — *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 632 с.

Флетчер 1905 — О государстве Русском: Сочинение Флетчера. Пер. К.М.Оболенского. СПб., 1905. 160 с.

Фодор 1996 — *Фодор П.* Идеологические обоснования османских завоеваний (XIV–XVI вв.) // Османская империя: Проблемы внешней политики и отношений с Россией. Отв. ред. С.Ф.Орешкова. М., 1996. С. 24–34.

Фоскарино 1913 — *Фоскарино М.* Донесение о Московии второй половины XVI в. Пер. с итал., предисл., примеч., прил. В.Огородникова // ЧОИДР. 1913. Кн. 2. С. I–XIX, 1–44 (отд. паг.).

Фролов 1995 — *Фролов Н.К.* Этнонимы тюркского происхождения в русской топонимии Тюменского Зауралья // РиВ. Ч. 4. Отв. ред. Н.Н.Алеврас. Челябинск, 1995. С. 119–123.

Халиков 1989 — *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. 222 с.

Халикова 1980 — *Халикова Р.Х.* Об изучении «тюрки» Урало-Поволжья и «тюрки» Средней Азии // Языкознание. Ред. А.Н.Кононов. Таш., 1980. С. 54–55.

Халикова 1987 — *Халикова Р.Х.* Этнонимы с основой на числительные // Башкирская этнонимия. Отв. ред. З.Г.Ураксин. Уфа, 1987. С. 133–138.

Халим-Гирей 1911 — *Халим-Гирей-султан.* Гюльбюн-и ханан йахут Кырым тарихи. Истанбул, 1327/1911. 232 с.

Хасанов 1998 — *Хасанов Э.Р.* Оренбургская ученая архивная комиссия: Возникновение и развитие научного общества на Южном Урале (конец XIX — начало XX в.). Уфа; Стерлитамак, 1998. 76 с.

Хафиз-и Таныш 1969 — *Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари.* Шараф-нама-йи шахи. Пер. М.А.Салахетдиновой // МИКХ. С. 245–312.

Хафиз-и Таныш 1989 — *Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари.* Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Факсимиле рукописи, пер. с перс., введ., примеч., указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 2. М., 1989. 296 с.

Хинц, Давидович 1970 — *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему * *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. 146 с.

Хлебников 1907 — *Хлебников П.Х.* Астрахань в старые годы. Вып. 1: Вторая половина XVI в. СПб., 1907. 162 с.

Холмогорский 1977 — Холмогорский летописец // ПСРЛ. Т. 33. Ред. В.И.Буганов и др. Л., 1977. С. 10–138.

Хондемир 1954 — *Гийас ад-Дин ибн Хумам ад-Дин Хондемир.* Тарих-и хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар. Т. 4. Техран, 1333/1954. 796 с.

Хорошкевич 1980 — *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. 294 с.

Хорошкевич 2001 — *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. 336 с.

Хроника 1975 — Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. Ред. В.И.Буганов и др. М., 1975. С. 15–127.

Хронограф 1911 — Хронограф редакции 1512 года. Ред. С.П.Розанов. СПб., 1911 (ПСРЛ. Т. 22. 1-я половина). 578 с.

Хуан 1899 — *Хуан Персидский.* Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // ЧОИДР. 1899. Кн. 1 (188). С. 1–19 (отд. паг.).

Худяков 1991 — *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд., испр. и доп. М., 1991. 320 с.
Хусаинов 1996 — *Хусаинов Г.Б.* Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа, 1996. 193 с.
Цюрюмов 1991 — *Цюрюмов А.В.* Калмыцко-ногайские отношения в XVII — 20-е годы XVIII в. // ОАИГРНО. С. 34–36.
Чагин 1995 — *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь, 1995. 364 с.
Чекалин 1889 — *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным // ТСУАК. 1889. Т. 2. Вып. 1. С. 19–25.
Чекалин 1890 — *Чекалин Ф.Ф.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра-Мауро // ТСУАК. 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 247–251.
Чемерисская 1995 — *Чемерисская М.И.* [Рец. на:] Г.Газиз. История татар. М., 1994 // Восток. М., 1995. № 3. С. 181–186.
Ченслер 1937 — *Ченслер Р.* Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г. // АПМГ. С. 47–66.
Черенков 1989 — *Черенков Л.Н.* Таврические ногайцы (последний кочевой народ Причерноморской этноконтактной зоны) // Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). Ред. И.И.Крупник. М., 1989. С. 44–53.
Черницын 1987 — *Черницын С.В.* Казаки тюркского происхождения в Войске Донском XVII в. (пути поселения и вхождения в казачество) // Итоги исследований Азово-Черноморской археологической экспедиции в 1986 г. Ред. В.Е.Максименко. Азов, 1987. С. 39–40.
Черницын 1990 — *Черницын С.В.* Некоторые аспекты этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ред. В.Е.Максименко. Ростов-на-Дону, 1990. С. 72–82.
Черницын 1992 — *Черницын С.В.* Донские татары: Некоторые вопросы этнической истории и расселения // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ред. В.Е.Максименко, В.Н.Королев. Ростов-на-Дону, 1992. С. 106–114.
Черницын 1995 — *Черницын С.В.* Этнокультурные процессы в Войске Донском XVII–XX вв. // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Отв. ред. А.И.Козлов. Ростов-на-Дону, 1995. С. 51–52.
Чернышев 1925 — *Чернышев Е.И.* Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI в. // Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1/2. Казань. С. 16–22.
Чернышев 1971 — *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1971. С. 272–292.
Чулошников 1924 — *Чулошников А.П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. 304 с.
Чулошников 1932 — *Чулошников А.П.* Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Ред. А.Н.Самойлович. Л., 1932. С. 61–88.

Чулошников 1956 — *Чулошников А.П.* Башкирия после распада Золотой Орды // Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Ред. А.П.Смирнов и др. Уфа, 1956. С. 52–55.
Шади 1969 — *Молла Шади.* Фатх-наме. Пер. О.Ф.Акимушкина, В.П.Юдина // МИКХ. С. 44–90.
Шакарим 1990 — *Шакарим Кудайберды-улы.* Родословная тюрков, казахов, киргизов: Династии ханов. Пер. Б.Г.Каирбекова. А.-А., 1990. 120 с.
Шарапова 1975 — *Шарапова З.М.* Торговые связи Золотой Орды в XIV–XV вв. // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. Волгоград, 1975. С. 69–80.
Шенников 1987 — *Шенников А.А.* Червленый Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. 142 с.
Шепелев 1967 — *Шепелев И.С.* Место и характер движения И.М.Заруцкого в период Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1605–1614) // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Ред. И.С.Шепелев. Волгоград, 1967. С. 49–105.
Шильтбергер 1984 — *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. Пер. со старонем. Ф.К.Бруна. Изд., ред., примеч. З.М.Буниятова. Баку, 1984. 86 с.
Шишонко 1881 — *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г. Первый период: 1263–1613. Пермь, 1881. 238 с.
Шмелев 1992 — *Шмелев А.С.* Русско-дагестанский конфликт в начале XVII в. // Славяне и их соседи: Османская империя и народы Юго-Восточной Европы и Кавказа в XIV–XVIII вв. Отв. ред. Н.А.Сотавов. М., 1992. С. 48–50.
Шмидт 1954 — *Шмидт С.О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. Т. 6. М., 1954. С. 187–257.
Шмидт 1961а — *Шмидт С.О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. Ред. А.А.Зимин, В.Т.Пашуто. М., 1961. С. 366–375.
Шмидт 1961б — *Шмидт С.О.* Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А.Новосельского. Отв. ред. Н.В.Устюгов. М., 1961. С. 30–34.
Шмидт 1964 — *Шмидт С.О.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения: Политика. Дипломатия: Сб. статей к 80-летию академика И.М.Майского. Ред.-сост. В.В.Альтман. М., 1964. С. 538–558.
Шмидт 1977 — *Шмидт С.О.* Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и Казанская война // Тр. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1977. Вып. 71. С. 25–62.
Шнайдштейн 1989 — *Шнайдштейн Е.В.* О происхождении астраханских татар // Материалы II краеведческой конференции. Отв. ред. Е.В.Шнайдштейн. Астрахань, 1989. С. 24–32.
Штаден 1925 — *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Пер. и вступ. ст. И.И.Полосина. Л., 1925. 182 с.
Штылько 1898 — *Штылько А.Н.* Астраханская летопись: 1554–1897 гг. Астрахань, 1898. 139 с.
Щеглов 1910 — *Щеглов И.Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910. 531 с.

Щелкунов 1915 — *Щелкунов С.З.* Донские атаманы первой половины XVII в. // Сб. Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск, 1915. С. 114–159.

Щербатов 1903а — *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2, 3. СПб., 1903. 1040 с.

Щербатов 1903б — *Щербатов М.М.* История Росийская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 2, 3, 4. СПб., 1903. 1125 с.

Щербина 1910 — *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1: История края. Екатеринодар, 1910. 732 с.

Эварницкий 1892 — *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков. Т. 1. СПб., 1892. 549 с.

Эвлия Челеби 1961 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. Сост. А.Д.Желтяков. Предисл. А.Д.Желтякова, А.С.Тверитиновой, В.В.Мавродина. М., 1961. 338 с.

Эвлия Челеби 1979 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Сост. и отв. ред. А.Д.Желтяков. Предисл. А.П.Григорьева. Примеч. и коммент. А.П.Григорьева и А.Д.Желтякова. М., 1979. 288 с.

Эпиграфические 1966 — Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1: Надписи X–XVII вв. Тексты, пер., коммент., введ., прил. Л.И.Лаврова. М., 1966. 300 с.

Юдин 1992 — *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент., указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992. С. 14–56.

Юзефович 1988 — *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М., 1988. 216 с.

Юлдашев 1964 — *Юлдашев М.Ю.* К истории посольских и торговых связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Таш., 1964. 124 с.

Юматов 1961а — *Юматов В.С.* Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Сост., предисл., биогр. справки, коммент., библиогр. М.Г.Рахимкулова. Уфа, 1961. С. 250–254.

Юматов 1961б — *Юматов В.С.* О названии башкирцев // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Сост., предисл., биогр. справки, коммент., библиогр. М.Г.Рахимкулова. Уфа, 1961. С. 247–249.

Юсупов 1866 — *Юсупов Н.Б.* О роде князей Юсуповых: Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей. Ч. 1. СПб., 1866. 197 с.

Юсупов 1867 — *Юсупов Н.Б.* О роде князей Юсуповых: Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей. Ч. 2. СПб., 1867. 438 с.

Яйленко 1991 — *Яйленко В.П.* Ногай в Днестро-Дунайском междуречье в XIII–XV вв. // ОАИГРНО. С. 20–21.

Якобсон 1973 — *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. 174 с.

Яковлев 1916 — *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. 322 с.

Ялбулганов 1998 — *Ялбулганов А.А.* Очерки военной истории ногайцев: Научно-популярный очерк. М., 1998. 140 с.

Янин 1956 — *Янин В.Л.* Алтын в русских денежных системах XIV–XV вв. // Краткие сообщения Института материальной культуры. Л., 1956. Вып. 66. С. 21–30.

Янчевский 1930 — *Янчевский Н.Л.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930. 196 с.

Ярлыкапов 1998а — *Ярлыкапов А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала, 1998. 96 с.

Ярлыкапов 1998б — *Ярлыкапов А.А.* Ногайская степь: Этнос и религия сегодня // ЭО. 1998. № 3. С. 89–98.

Ярлыкапов 1998в — *Ярлыкапов А.А.* Религия и этнос в Ногайской степи // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Ред. А.Г.Селезнев, Н.А.Томилов. Омск, 1998. С.145–146.

Яхтанигов 1993 — *Яхтанигов Х.Х.* Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. 202 с.

Aboul-Ghazi 1871 — *Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan.* Histoire des Mogols et des Tatares. Publ. par P.Desmaisons. T. 1: Texte. St.-Pétersbourg, 1871. 239 p.

Bagrow 1966 — *Bagrow L.* History of Cartography. Cambridge, 1966. 312 p.

Bagrow 1975 — *Bagrow L.* A History of Cartography of Russia up to 1600. Wolfe Island, Ontario, 1975. 156 p.

Bennigsen 1967 — *Bennigsen A.* L'expédition turcque contre Astrakhan en 1569 // CMRS. 1967. Vol. 8. № 3. P. 427–446.

Bennigsen, Berindei 1980 — *Bennigsen A., Berindei M.* Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // HUS. 1980. Vol. 3/4. Pt 1. P. 71–91.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1972 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: de la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des archives ottomanes // CMRS. 1972. Vol. 13. № 3. P. 322–337.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1973 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Moscovie, l'empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée // CMRS. 1973. Vol. 14. № 4. P. 453–487.

Bennigsen, Lemercier-Quelquejay 1976 — *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turcques. 1976. T. 8. № 2. Paris; Strasbourg. P. 203–236.

Bennigsen, Veinstein 1980 — *Bennigsen A., Veinstein G.* La Grande Horde Nogay et le commerce des steppes pontiques (fin XVe siècle — 1560) // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071–1920. Ed. by O.Okyar, H.İnalcık. Ankara, 1980. P. 49–63.

Berindei 1972 — *Berindei M.* Le problème des "Cosaques" dans la seconde moitié du XVIe siècle // CMRS. 1972. Vol. 13. № 3. P. 339–367.

Blaue's 1990 — Blaue's the Grand Atlas of the 17th Century World. Introd., captions and selection of maps by J.Goss. L., 1990. 224 p.

Bregel 1982 — *Bregel Yu.* Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis // Asian and African Studies. Haifa, 1982. Vol. 16. P. 357–398.

Carrère d'Encausse 1970 — *Carrère d'Encausse H.* Les routes commerciales de l'Asie Centrale et les traitements de reconquête d'Astrakhan // CMRS. 1970. Vol. 11. № 3. P. 391–422.

Collins 1991 — *Collins L.* On the Alleged "Destruction" of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Leparno: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571. Amsterdam, 1991. P. 361–399.

Croskey 1987 — *Croskey R.M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N. Y.; L., 1987. 340 p.

De Gouroff 1816 — *De Gouroff P.* De la civilisation des tatares-nogays dans le midi de la Russie européenne. Xarkof, 1816. 124 p.

DeWeese 1994 — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994. 656 p.

Dlugosz 1876 — *Dlugosz J.* Joannis Dlugosii seu longini canonici cracoviensis Historiae Poloniae. Cura et impensis A.Przezdziecki. Vol. 12. T. 3. Libri 9, 10. Cracoviae, 1876. 595 s.

Early 1978 — The Early State. Ed. by H.J.M.Claessen, P.Skalnik. The Hague, 1978. 702 p.

Erten-ü 1937 — Erten-ü qad-un ündüsülegsen törü-yosun-u ǰokiyal tobčilan quriyaγsan altan tobči kemekü orošibai. 1 debter. Ulaγanbaγatur, 1937. 165 c.

Firdaws 1999 — Firdaws al-iqbal: History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab *Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Transl. and annot. by* Yu.Bregel. Leiden; Boston; Köln, 1999.

Frank 1994 — *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taibughid Biys of Sibir'. Bloomington, 1994 (Papers on Inner Asia, № 27). 26 p.

Gökbilgin 1970 — *Gökbilgin Ö.* Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray I, khan de Crimée // CMRS. 1970. Vol. 11. № 3. P. 462–469.

Gökbilgin 1973 — *Gökbilgin Ö.* 1532–1577 yılları arasında Kırım hanlığının siyası durumu. Ankara, 1973. 101 s.

Haidar 1895 — The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia. An English version. Ed., commentary, notes by N.Elias; transl. by E.Denison Ross. L.; N. Y., 1895. 687 p.

Hellie 1990 — *Hellie R.* [Рец. на:] B.-A.B.Kochekaev. Nogaisko-russkie otnoshenia v XV–XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1988 // RH. 1990. Vol. 17. № 1. P. 103–104.

Historia 1971 — Historia chana Islam Gereja III. Ed., trad. Z.Abramowicz. Warszawa, 1971. 154 s.

History 1969 — A History of Cartography: 2500 Years of Maps and Mapmakers. Maps chosen and displayed by R.V.Tooley. L., 1969. 276 p.

History 1990 — The History and the Life of Chinggis Khan (The Secret History of the Mongols). Transl. and annot. by Urgunge Onon. Leiden; N. Y.; København; Köln, 1990. 202 p.

Howorth 1965a — *Howorth H.H.* History of the Mongols: From the 9th to the 19th Century. Pt 1. N. Y., 1965. 771 p.

Howorth 1965b — *Howorth H.H.* History of the Mongols: From the 9th to the 19th Century. Pt 2. N. Y., 1965. 1121 p.

Ibn Batoutah 1874 — Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagné d'une traduction par C.Defrémery et B.R.Sanguinetti. T. 3. P., 1874. 502 p.

İnalcık 1948 — *İnalcık H.* Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. Türk Tarih kurumu. Ankara, 1948. Cilt 12. Sayı 46. S. 349–402.

İnalcık 1952 — *İnalcık H.* Kalgay // İslâm ansiklopedisi. Cilt 6. Cüz 56. İstanbul, 1952. S. 131–132.

İnalcık 1979 — *İnalcık H.* Servile Labor in the Ottoman Empire // The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East-European Pattern. Ed. by A.Ascher, T.Halasi-Kun, B.K.Kiraly. Brooklyn; N. Y., 1979. P. 25–52.

İnalcık 1980a — *İnalcık H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // HUS. 1980. Vol. 3/4. P. 445–466.

İnalcık 1980b — *İnalcık H.* The Question of the Emergence of the Ottoman State // International Journal of Turkish Studies. Madison, Wisc. 1980. Vol. 2. P. 71–79.

Ischboldin 1973 — *Ischboldin B.* Essays on Tatar History. 2nd ed. New Delhi, 1973. 184 p.

Ivanics 1994 — *Ivanics M.* A Krimi Kánság a tizenöt éves háborúban. Budapest, 1994. 236 p.

Kappeler 1992 — *Kappeler A.* Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. Bd. 46. Berlin. S. 87–105.

Katalog 1959 — Katalog dokumentow tureckich: Dokumenty do dzejow Polski i krajow osciennych w latach 1455–1672. Ed. Z.Abramowicz. Warszawa, 1959. 361 s.

Keenan 1967 — *Keenan E.L.* Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. Stanford, Calif. 1967. Vol. XXVI. P. 548–558.

Le khanat 1978 — Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı. Prés. par A.Bennigsen e. a. P., 1978. 458 p.

Khazanov 1984 — *Khazanov A.M.* Nomads and Outside World. Cambridge, 1984. 397 p.

Khodarkovsky 1992 — *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; L., 1992. 292 p.

Kortepeter 1966 — *Kortepeter C.M.* Gazi Giray II, Khan of the Crimea, and Ottoman Policy in Eastern Europe and the Caucasus // SEES. 1966. Vol. 44. № 102. P. 139–166.

Kurat 1940 — *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. 214 s.

Kurat 1961 — *Kurat A.N.* The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // SEES. 1961. Vol. 40. № 94. P. 7–23.

Langles 1802 — *Langles L.* Notice chronologique des khans de Crimée // *Forster G.* Voyage du Bengale à Pétersbourg. T. 3. P., 1802. P. 325–482.

Langworth 1969 — *Langworth Ph.* The Cossacs. L., 1969. 409 p.

Lemercier-Quelquejay 1969 — *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere lithuanien du XVIe siècle le prince Dimitrij Višneveckij et l'origine de la Seč Zaporogue d'après les archives ottomanes // CMRS. 1969. Vol. 10. № 2. P. 258–279.

Lemercier-Quelquejay 1971 — *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 // CMRS. 1971. Vol. 12. № 4. P. 480–490.

Manz 1978 — *Manz B.F.* The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // HUS. 1978. Vol. 2. № 3. P. 282–309.

Manz 1989 — *Manz B.F.* The Rise and Rule of Tamerlane. N. Y.; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989. 238 p.

Martin 1986 — *Martin J.* The Tiumen' Khanate's Encounters with Muscovy: 1481–1505 // Passé turco-tatare, présent soviétique: Etudes offertes à Alexandre Bennigsen.

Publ. par Ch.Lemercier-Quelquejay, G.Veinstein, S.E.Wimbush. Louvain; Paris, 1986. P. 79–87.
Mercator 1589 — *Mercator G.* Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricata figura. Duisburg, 1589. 8 f.
Mercator e.a. 1968 — *Mercator G., Hondius H., Janssonius J.* Atlas or a Geographic Description of the World. Vol. 2. Amsterdam, 1968. 36 p.
Modern 1981 — The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Ed. by J.L.Wieczynski. Vol. 25. N. Y., 1981. 246 p.
Nordenskiöld 1961 — *Nordenskiöld A.E.* Facsimile-atlas to the Early History of Cartography. N. Y., 1961. 145 p.
North 1992 — The North Caucasus Barrier: The Russian Advance Towards the Muslim World. Ed. by M.Bennigsen Broxoup. L., 1992. 269 p.
Ortelius 1968 — *Ortelius A.* The Theatre of the Whole World. Introd. by R.A.Skeleton. Amsterdam, 1968. 620 p.
Pegolotti 1936 — *Pegolotti F.B.* La pratica della mercatura. Cambridge, Mass., 1936. 497 p.
Pelensky 1974 — *Pelensky J.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974. 380 p.
Podhorodecki 1987 — *Podhorodecki L.* Chanat krymski i jego stosunki z Polska w XV–XVIII w. Warszawa, 1987. 320 s.
Précis 1833 — Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'Hégire // Nouveau journal asiatique. 1833. T. 12. P. 349–380, 428–458.
Pułaski 1881 — *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Kraków; Warszawa, 1881. 451 s.
Russia 1630 — Russia seu Moscovia, itemque Tartaria commentario topographico atque politico illusratae. Leiden, 1630. 332 s.
Salmani 1956 — Šams al-husn: Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmani. Faxim., übers., komm. H.R.Roemer. Wiesbaden, 1956. 151 S.
Šami 1937 — Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulé Zafarnama par Nizamuddin Šami avec des additions empruntées au Zubdatu-t-Tevarih-i Baisunquri de Hafiz-i Abru. Ed. crit. par F.Touer. T. 1: Texte persan du Zafarnama. Praha, 1937. 295 p.
Sanson d'Abbeville 1683 — *Sanson d'Abbeville N.* L'Europe en plusieurs cartes et en divers Traités de géographie et d'histoire. P., 1683. 4 p.
Service 1971 — *Service E.R.* Primitive Social Organization. 2nd ed. N. Y., 1971. 239 p.
Shamiloglu 1984 — *Shamiloglu U.* The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // AEMAe. 1984. Vol. 4. P. 283–297.
Shamiloglu 1986 — *Shamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia university, 1986. 296 p.
Sokol 1981 — *Sokol E.* Nogai Horde // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Ed. by J.L.Wieczynsky. Vol. 25. N. Y., 1981. P. 38–42.
Speed 1966 — *Speed J.* A Prospect of the Most Famous Parts of the World. Amsterdam, 1966. 162 p.
Tardy 1982 — *Tardy J.* A Contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region // Chuvash Studies. Ed. by A.Róna-Tas. Budapest, 1982. P. 179–236.
Tarih 1973 — Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö.Gökbilgin. Ankara, 1973. 313 s.

Trakhaniot 1990 — George Trakhaniot's Description of Russia in 1486. Transl. and ed. by R.M.Croskey, E.C.Ronquist // RH. 1990. Vol. 17. № 1. P. 55–64.
Trepavlov 2001 — *Trepavlov V.V.* The Formation and Early History of the Manghït Yurt. Bloomington, 2001 (Papers on Inner Asia. № 35). 57 p.
Vasary 1995 — *Vasary I.* Russian and Tatar Genealogical Sources on the Origin of the Iusupov Family // HUS. 1995. T. XIX. P. 732–746.
Vernadsky 1953 — *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953. 473 p.
Zajączkowsky 1966 — *Zajączkowsky A.* La chronique des steppes kiptchak. Ed. crit. avec la trad. française du XVIIIe siècle. Warszawa, 1966. 180 s.

Указатель*

* В Указателе приняты сокращения: г. — город; обл. — область; оз. — озеро; р. — река; сел. — селение; *курсивом* выделены этнонимы.

Summary

The now sparse and divided by administrative borders Noghay people has an ancient and eventful history. The heyday of that history was the time of the Noghay Horde, a powerful nomadic empire that, during the 15th—17th cc., occupied parts of what is now Russia and Kazakhstan. It was one of the leading political entities that all neighboring rulers had to reckon with. It was also an important factor in the foreign policy of medieval Russia.

The book gives, for the first time, a detailed history of the Noghay state. It investigates into the shaping of the steppe state of the Manghït Yurt, the core of the future Noghay Horde. The career of the Golden Horde ruler Edigü (Yedigei), the founder of the Noghay nobility, is being followed. The work also covers the developments that led to the independence of the Noghay Horde and its highest peak of power in the first half of the 16th c. The circumstances of the three major cases of unrest in its history (in the 1510s, 1550s and 1590s) are being looked into, and the Horde's gradual decline and fall, as well as its conflicts with the Cossacks and the Kalmyks are described. Aside from the inner history of the Noghays, the book discusses their contact with neighboring lands, including the Tartar, Central Asian and Kazakh Khanates, Russia, Turkey and the Caucasus.

The sources covering the history of the Noghay Horde are sufficiently numerous and diverse. Records of the 15th—18th cc. originating from different countries and written in a number of languages shed light on all aspects of life of that nomadic empire. As the Noghays had regular contact with Russia, the records of Moscow archives became the principal source of information for the present study. Many of said records are being introduced into the sphere of scholarly analysis for the first time. Besides, Oriental and Western sources—together with Russian chronicles and other documents—are used here as well.

As a result of the effort of several scholarly generations, a sizeable bulk of data was accumulated, which is useful for analyzing the history of the Noghay Horde. However, it was only in a very few works on history that the Noghays figured as the central object of study. They were for the vast majority of authors a mere background detail necessary for their analysis of the main topic—the history of Russia, the Kazan or Crimean Khanates, etc.

Those few books that do treat of the Noghays as such are often based on outdated concepts and very inadequate sources. The situation existing in historiography could, on the whole, be described as follows: the history of the Noghay Horde was known in outline, but remained as yet unwritten. The present book is an attempt to fill this gap.

The first part of the book ("The Emergence and Disintegration of the Noghay State") deals with the political history of the Noghay Horde.

In the early 1390s, after prolonged wanderings, the Qïpchaq tribe (*el*) of the Manghïts, headed by their leader (*bek*) Edigü, settled in the steppes of West Kazakhstan, in the basin of the Yayïq and the Emba. The Manghïts established there a nomadic domain of their own, the Yurt. Given the conditions of the disintegration of the Golden Horde, the main safeguard of the new Yurt's existence was de facto the ruler of the Horde and the leader of the Manghït *el* Edigü.

Their close and regular contact with the monarchs enabled the Manghït aristocrats—Edigü's descendants—to secure the highest governmental post of the *beklerbek* and even to usurp the election of candidates to the khan's throne. A pithy expression of that prerogative can be found in the decision passed by a congress of the Manghït nobility regarding the possible enthronement of one of the Uzbek princes in the 1470s: "From the days of yore to this day, every khan who was pronounced [khan] by the *amirs* of the Manghïts gave the *amirs* of the Manghïts liberty in the land". The acquisition by the Manghït Yurt of political significance in Dasht-i Qïpchaq of the second half of the 15th c. is associated with the name of Edigü's grandson, the *biy* (= head of the Yurt) Musa. The sundry nomadic tribes that were under his rule acquired the common name of the "Noghays".

By the early 16th c., Noghay nomadic areas united to form an entirely independent political entity that had administration, army and territory of its own. Subsequent to Musa's death (ca. 1502), the early phase of the Noghay Horde history, during which the state was regarded as part of the Khanate of the left wing of the Ulus of Jochi, came to an end.

The two opening decades of the 16th c. were the time of a most dangerous upheaval for the Noghay Horde. Having inherited from Musa the influential and powerful Yurt, his brothers and sons came very close to losing their lands and subjects. The conflicts between the Noghay *mirzas* (noblemen), the simultaneous emergence of several *biys* put forward by fighting aristocratic factions, the Crimean and Kazakh invasions were the factors that brought the nomadic state to the brink of destruction. However, historical conditions became eventually more favorable to it. In the East, the Noghays succeeded in taking advantage of the unrest in the Kazakh Khanate that followed after the death of its powerful ruler Qasim. They mustered their forces and launched an offensive against the Eastern Dasht-i Qïpchaq. The Kazakhs were soon driven as far as the Uzbek frontiers, and their former lands were one by one ceded to Noghay *mirzas*. In the West,

after they had—several times and in a degrading manner—to pledge allegiance to the Crimea, Noghay leaders also proved able to change the situation in their favor. Simultaneously with the anti-Kazakh "reconquest", they overthrew the Crimean Yurt (1523) and substantially reduced the power of the Astrakhan Khanate which became subordinate. Noghay political influence became felt more and more in Kazan.

Mirza Mamay came to occupy the most prominent position in the Noghay Horde. However, he was not resolute enough to become a self-proclaimed ultimate ruler, or perhaps was unable to achieve this. He was primarily a military leader, a warlord. It was under his leadership that the Noghays achieved the decisive victories of the 1520s, which enabled them during the following decade to transform their state into a powerful and independent nomadic empire.

The 1530s—40s became the time when the Noghay Horde reached the peak of its power and influence. Having defeated and intimidated their neighbors, Musa's descendants were finally able to make their land safe from foreign threat. Despite the unstable nature of unity within the ruling clan and the overthrow of the *biy* Sayyid Ahmad, the Noghay Horde of that time was still seen by the neighboring peoples as a dreadful and relatively cohesive force. The Noghays were also able to incorporate the Kazakh Khanate into the sphere of their hegemony, to consolidate and regularize their rule in Bashkiria. They competed on equal terms with Crimea for influence in Astrakhan and with Russia—though covertly—in Kazan. It was then that the Horde began to show certain signs of the incipient state machinery: the *mirzas* and the *els* under their administration were subdivided into "wings" (provinces) submitted now to the ultimate control of military governors; the *biy*, as regards his position and authority within the state (but not outside it), approached the status of the sovereign khan. The rule of the *biy* Shaykh Mamay (ca. 1540–49) was the highest peak in the development of Noghay political and social structure.

Under the *biy* Yusuf (1549–54), the Noghay Horde still remained strong and influential. The defeat that was inflicted by the Crimea in 1549 caused little damage to the Horde, though it was a painful lesson for the *mirzas*. It was not in the Khanate of the Girays that the main threat to the Noghay nomadic empire resided. The mighty Russian state pressed from the West. The Russian conquest of the Kazan Yurt (1552) upset the equilibrium of political forces established by that time in Eastern Europe. The state of Astrakhan was increasingly losing its independence coming under the influence of neighboring countries, until a Moscow-controlled puppet was enthroned there in 1554. The system of Late Jöchids' yurts eventually collapsed. Noghays participated neither in the Kazan nor in Astrakhan campaign of the czar's army—they were becoming watchers of history rather than its architects. The irresolution of the *biy* Yusuf was not the only reason for that; the strong right-wing opposition which formed by that time

also contributed to such a state of affairs. The *mirza* Isma'il, the wing's head, started to look to Moscow in his politics. He was able to win over the Volga region *mirzas*, a numerous and authoritative faction of the Manghït nobility. Power was slipping out of Yusuf's hands. Foreign rulers began to deal with Isma'il going over the *biy*'s head. It seemed that Isma'il was now, to all intents and purposes, "number one" in the nomadic state. This situation had no peaceful outcome. The mid-1550s saw the outbreak of the Second Unrest in the Noghay Horde.

These developments were a terrible shock to the Noghay Horde. The argument of the *mirzas* over economic and political orientation resulted in a protracted internal war that was aggravated by the great famine of the late 1550s. The *biy* Isma'il (1554–63) emerged victorious from that war. His victory was, however, a Pyrrhic one indeed: many subjects of the preceding *biys* (his brothers) left the Horde for the adjacent Yurts, enormous numbers of Noghays fell in battle, starved to death or were killed by the plague. Though internal conflict somewhat abated by the end of Isma'il's rule, it was a mere reduced likeness of the former strong Noghay empire—the Horde of the so-called Great Noghays—that he was able to hand down to his successors. The descendants of Shaykh Mamay behaved more and more independently. Another Noghay state—the Little Noghay Horde, or the Qazi Ulus—was shaping in the North-West Caucasus. Bands of the Noghay "qazaqs" roamed the steppes; they had no wish to join any of the Yurts. Some of them eventually settled in Russia and in Polish lands.

The relative stability under the *biy* Din Ahmad (1563–78) continued into the beginning years of the rule of Urus (1578–90), rekindling hope for the return of the Horde's erstwhile power and influence. The *biys* mustered many *mirzas* around them, trying to pursue a policy of independence. However, they overestimated their forces. Unlike the period of the late 15th — early 16th cc., when the Manghït Yurt had been surrounded by enemies engaged in mortal combat with the Noghays, now the Yurt's inhabitants had a real opportunity to emigrate in search of a better, safer life. They first moved to the Little Noghay Horde and the Uzbek Khanates, spreading then in Russia and the Crimea. The people started to leave the trans-Volga steppes. At the close of the century, successors of several biys started fighting for power over their depleting subjects. That was the third and the last Noghay Unrest.

As a result of internal conflict, Kalmyk invasions and other events, the Great Noghay Horde disintegrated during the first decades of the 17th c. The Noghays did not vanish off the face of the earth, though. On the contrary, they settled far and wide, spreading all over Eastern Europe and Central Asia, becoming integrated into various peoples and countries. Having lost their single political center, the nomads started forming Hordes, power structures of the ulus type. Yedisan, Yedishkul and the union at Bujak turned out to be the largest and most long-lived of those states. The

nomads of the Noghay Horde also formed the people of Qaraqalpaqs. All of them preserve historical memories of their former life in the nomadic empire beyond the Volga.

The second part of the book ("Nogaica") is a series of essays concerning the most important subjects: "Territory", "Population", "Economy", "The State", "Culture", "Contacts with Russia".

A number of peoples came into contact with the Noghay Horde and the Noghays originating from it, partly assimilating them. Those were the ancestors of Kazakhs and Kirghizes, of the Kazan, Crimean, Siberian and Astrakhan Tartars, of Bashkirs, Qaraqalpaqs, Turkmenians, Kalmyks, the Don and the Ural Cossacks, as well as of many peoples of the North Caucasus.

Analysis of the influence, in all its forms and varieties, exerted by the Noghays on the peoples of Eurasia shows that its earliest form was political impact. It reached its peak in the 16th—17th cc., in the epoch of the Noghay Horde. Cultural influence comes next, as regards its significance in that time. After the disintegration of the Noghay state, when the Noghays scattered in all directions, leaving their original Manghït Yurt, their political role dramatically lost its significance. On the other hand, their wide scattering resulted in a substantial strengthening of their ethnic and cultural influence on the neighbors. Historical and ethnological evidence shows that, over the last five centuries, the Noghay people made an important contribution into the history and civilization of Eurasia.

The Appendix contains the genealogical trees of the Noghay nobility of the 15th—17th centuries.

Содержание

Раздел II
Nogaica

Приложение